

О. Герера.
ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ

ТОМЪ
II.

Всеобщая

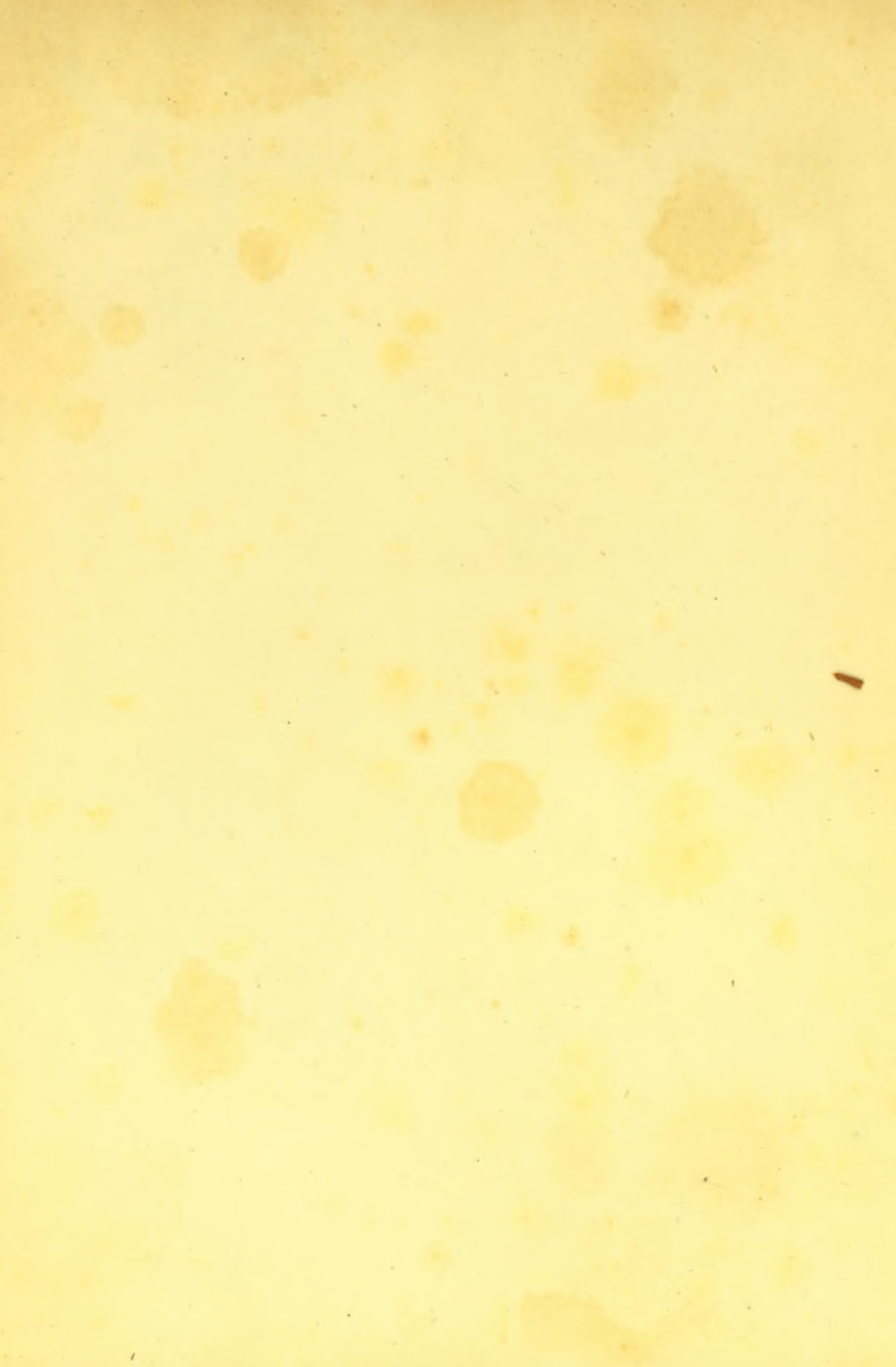
Исторія

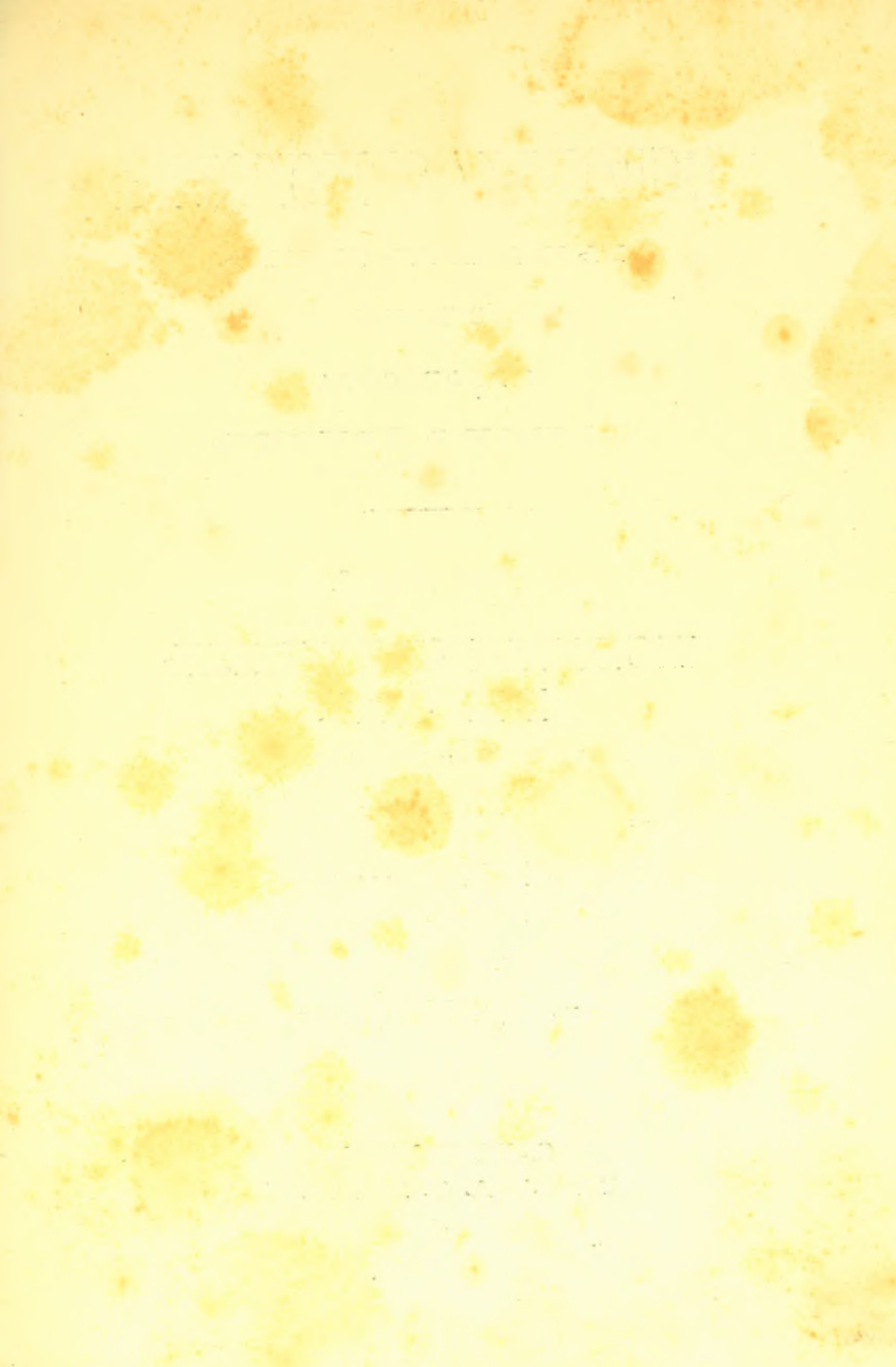
О. Герера

Изд. А. Ф. Маркса С.ПБ.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Йегера.

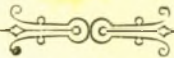
ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ и ДОПОЛНЕНІЯ

подъ редакцію

Л. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

Съ 216 гравюрами въ текстѣ, съ 16 приложеніями, отпечатанными
черною и цвѣтными красками, 3 картами въ текстѣ и 6—въ особомъ
приложеніи.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Ж. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

89235

А-О

Дозволено цензурою, СПБ., 27 іюня 1894 года.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

стр.

КНИГА ПЕРВАЯ. Отъ Одоакра до Карла Великаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Одоакръ въ Италиі.—Взглядъ на бывшее германскихъ народовъ.—Германцы и христіанство	3
ГЛАВА ВТОРАЯ. Остготы и Теодорикъ.—Франки и Хлодвигъ.—Императоръ Юстиніанъ и вторичное завоеваніе Запада.—Лангобарды въ Италиі.—Франкское королевство въ VI и VII столѣтіяхъ	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Исламъ и Калифатъ.—Первыя завоеванія Калифовъ.—Восточно-Римская имперія. — Положеніе дѣлъ на Западѣ: Вестготское царство; Франкскія государства.—Карль Мартель и Арабы.—Бонифаціи и Пипинъ I	44
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Карль Великій	65

КНИГА ВТОРАЯ. Отъ Лудвига Благочестиваго до Крестовыхъ походовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Лудвигъ Благочестивый и домъ Каролинговъ до смерти послѣдняго представителя ихъ нѣмецкой линіи	90
ГЛАВА ВТОРАЯ. Конрадъ I и Генрихъ I:—династія Саксонская. 919—1024. Возстановленіе имперіи	105
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Короли Салическаго дома: Конрадъ II, Генрихъ III, Генрихъ IV.—Королевская власть и княжеская власть; королевская власть и папская власть; Григорій VII.	148
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Европейскія вѣнгерманскія государства до конца одиннадцатаго столѣтія	199

КНИГА ТРЕТЬЯ. Отъ начала Крестовыхъ походовъ до Рудольфа Габсбургскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первые Крестовые походы.—Италія и Германія въ царствованіе Генриха V, Лотарія Саксонскаго и Штауфена Конрада	237
ГЛАВА ВТОРАЯ. Фридрихъ Барбаросса	269
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Окончаніе третьяго Крестоваго похода.—Генрихъ VI.—Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV.—Начало дѣятельности Фридриха II.	297
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Фридрихъ II. — Конрадъ IV	315
ГЛАВА ПЯТАЯ. Вѣнгерманскія государства въ XII и XIII вѣкахъ.—Окончаніе Крестовыхъ походовъ.	342
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Послѣдствія Крестовыхъ походовъ и времена междоусобствія. — Смерть Конрадина	357

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Отъ Рудольфа Габсбургскаго до начала реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Рудольфъ Габсбургскій и его наслѣдники до смерти Генриха VII.—Начало «Вавилонскаго плѣненія» Церкви	390
ГЛАВА ВТОРАЯ. Фамиліи Габсбургъ, Виттельсбахъ, Люксембургъ.—Фридрихъ Красивый и Лудвигъ Баварскій.—Правленіе Лудвига	414
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Германія во второй половинѣ XIV столѣтія: короли изъ Люксембургскаго дома: Карлъ IV, Венцеславъ, Сигизмундъ и великія федераціи. — Городскіе союзы и войны: швабско-рейнскій союзъ—Ганза.—Швейцарскій союзъ.	429
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Внѣ-германскія государства до начала XV столѣтія.—Церковныя отношенія.—Джонъ Виклифъ въ Англии	453
ГЛАВА ПЯТАЯ. Состояніе Церкви.—Великій расколъ и соборное движеніе.—Гусситская война и конецъ Люксембургскаго дома.—Начало Габсбургъ.—Конецъ базельскаго собора.	489
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Эпоха Фридриха III и Максимилиана I	510
Указатель къ Исторіи среднихъ вѣковъ.	603

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ
I и II ТОМЫ
„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ“

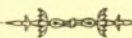
ПРОФЕССОРА

О. ИЕГЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

П. Н. Полевого.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ:

„Древнюю исторію“.

Съ 244 гравюрами въ текстѣ, 18 приложениями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, 1 картою въ текстѣ и 4—въ особомъ приложеніи.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ:

„Исторію среднихъ вѣковъ“.

Съ 216 гравюрами въ текстѣ, съ 16 приложениями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, 3 картами въ текстѣ и 6—въ особомъ приложеніи.

Цѣна каждому тому въ отдѣльной продажѣ 4 р. сер.

Въ переплетѣ 4 р. 75 коп.

За пересылку по 6 фунтовъ за каждый томъ по разстоянію.

Первое упоминание имени Германцев на мраморной триумфальной доске конца VI вѣка до Р. Хр., хранящейся в Наполитійскомъ музеѣ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Одоакръ въ Италіи.—Взглядъ на бывшее германскихъ народовъ.— Германцы и христіанство.

Мы довели первоначальный періодъ исторіи человѣчества, извѣстный подъ общимъ названіемъ «Древней Исторіи», до 476 года христіанской эры, и закончили такъ потому, что именно въ этотъ годъ произошло событіе, хотя само по себѣ и не важное, но послужившее указаніемъ важной перемѣны въ общемъ ходѣ исторической жизни. Въ этотъ годъ, Одоакръ, въ силу притязаній своихъ военныхъ товарищей, роздалъ имъ участки земли въ Италіи,—въ сущности, какъ бы повторяя только то, что уже на глазахъ у всѣхъ происходило еще со временъ Маріа и Суллы. Мало того: назвавшись королемъ германскихъ народовъ въ Италіи и получивъ отъ императора *Зенона* титулъ патриція съ правомъ управления Италіей какъ «провинціею», онъ какъ бы даже вновь восстановилъ единство Римской имперіи Восточной и Западной, тѣмъ болѣе, что нѣсколько не заботился о присвоеніи себѣ какихъ бы то ни было вѣщныхъ признаковъ власти. Тѣмъ не менѣе, однакоже, съ этого событія,—которое, вѣроятно, въ глазахъ современнаго римскаго населенія Италіи не имѣло никакого особеннаго значенія, да ничѣмъ особеннымъ и не бросалось въ глаза,—начинаютъ обыкновенно одинъ изъ трехъ большихъ отдѣловъ, на которые, по издавна-установившемуся обыкновенію, подраздѣ-

Германскія владѣнія на римской территоріи.

*) Приводимъ здѣсь текстъ самой надписи, съ разъясненіемъ ея сокращеній:

M. Claudius M(arci) Filius M(arci) N(e)pos Marcellus An(no) DXXXI
Co(n)s(ul) De Galleis Insubribus Et German
K(alendas) Mart(ii) Isque Spolia Opima Rettulit
(Du)ce Hostium Vir(dum)aro Ad Clastidium (Interfecto)

Вотъ переводъ этой надписи: «М. Клавдій, сынъ Марка, внукъ Марка, Марцелль, въ 531 г., будучи консуломъ, 1 марта побѣдилъ Инсубрійскихъ Галловъ и Германцевъ. При этомъ овладѣлъ большою добычею, ибо предводителя враговъ Вирдумара при Кластидіумѣ убилъ».

ляютъ Всеобщую исторію: отдѣлъ *Средней исторіи* или исторіи *Среднихъ вѣковъ*. Собственно говоря, предѣломъ эпохи, въ данномъ случаѣ, является то, что издавна начавшееся (еще со времени Аріовиста или даже со вторженія Кимбровъ и Тевтоновъ) историческое теченіе событій, въ данную минуту привело къ извѣстнаго рода выводу или заключенію. Выводъ этотъ заключался въ томъ, что господство воинственнаго германскаго племени, давно уже захватившаго все окраины Римскаго государства, установилось теперь уже и въ центрѣ его, въ древнѣйшей резиденціи могущества и силы римскаго народа. И дѣйствительно, въ *Африкѣ*, уже съ 429 года, господствовали *Вандалы*; въ Испаніи и Галліи, до самой Луары, еще съ 419 года, *Вестготы*, оставившіе во власти *Свевовъ* лишь узенькую полосу Пиринейскаго полуострова на прибрежьи Атлантическаго океана; въ долины Роны и до Боденскаго озера—*Бургунды*; Сѣвѣрною Галлію, медленно продвигаясь впередъ, овладѣли *Франки*, и только ограниченное пространство отъ Луары до Соммы оставалось, изъ всей прежней Галліи, римскою провинціею, да и оно было окружено отовсюду германскими народностями—Вестготами, Бургундами, Аллеманами и Франками; наконецъ, *Британія*, давно уже предоставленная на произволь судьбы, съ 449 года была во власти *Англосаксовъ*, которые были сюда призваны въ качествѣ вспомогательнаго или наемнаго войска, а потомъ осѣли здѣсь и овладѣли странюю. И такъ, отнявъ, этимъ германскимъ

Семейство Германцевъ.
Изображеніе на колоннѣ Антонина въ Римѣ.

племенамъ и *принадлежала исторія* въ занятыхъ ими странахъ:—человѣчеству суждено было идти далѣе по пути развитія, въ той мѣрѣ и такимъ именно способомъ, въ какихъ они съумѣли принять, видоизмѣнить или даже развить унаслѣдованныя ими отъ Рима пріобрѣтенія древней культуры. Вотъ почему намъ необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на ихъ исторію до этого времени.

Римляне, подъ общимъ названіемъ *Германцевъ*, разумѣли всѣ тѣ народы, которые жили на востокъ отъ Рейна, между Альпами и Сѣвернымъ моремъ; это названіе, какъ кажется, было дано Галлами ихъ зарейнскимъ врагамъ по тому крику, съ которымъ Германцы устремлялись въ битву, и обозначало на ихъ языкѣ: *кричащіе* или даже *ревущіе* *). Но у самихъ германскихъ народовъ долгое время не было одного общаго наименованія. Страна, которую мы въ данное время называемъ Германіей, была, какъ можно судить по сравнительному изученію германскихъ нарѣчій, заселена постоянно переселявшимися изъ Азіи племенами, которыя, однакоже, едва-ли шли очень сплоченными толпами и, конечно, уже не представляли собою вполне сложившихся племенъ. Всѣ эти переселенцы принадлежали къ тому же самому народу, къ которому принадлежали и праотцы Грековъ и Италійцевъ, то-есть къ *Арійцамъ*, и по тѣмъ даннымъ, которыя мы извлекаемъ изъ древне-греческаго, древне-италійскаго, древне-персидскаго и древне-индійскаго языковъ, мы приблизительно знакомимся съ тѣмъ запасомъ культуры, который былъ принесенъ переселенцами изъ ихъ азіатской прародины,—съ ихъ домашними животными и домашнею утварью, съ ихъ умѣньемъ считать и мыслить, съ ихъ религіозными воззрѣніями. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что при подобныхъ переселеніяхъ народовъ первыми въ путь пускаются не высокоразвитые и богатые, а преимущественно бѣдняки, и что суровая борьба съ пустыней *), конечно, скорѣе служила къ огрубнѣнію ихъ нравовъ, нежели къ смягченію. И дѣйствительно, если вѣрить тому, что римскіе исторички сообщаютъ намъ о Кимврахъ и Тевтонахъ, напримѣръ, о той ярости, съ которою они все разрушали, можно пожалуй прійти къ тому заключенію, что эти первые переселенцы значительно отступили или понизились даже противъ того уровня, которымъ они, судя по даннымъ сравнительнаго языкованія, должны были обладать еще во времена своего пребыванія въ мѣстахъ первоначальныхъ поселеній.

Страшный натискъ этихъ племенъ, закончившійся тяжкимъ пораженіемъ при *Аковъ-Секційи* (102 г. до Р. Хр.) и *Верцеллэ* (101 г.), представлялъ собою не что иное, какъ первое соприкосновеніе германскихъ племенъ съ Римлянами, которымъ, послѣ этихъ пораженій, досталась въ руки многочисленныя толпы рабовъ германскаго происхожденія. Полѣвка спустя, величайшій изъ римскихъ государственныхъ людей, К. Юлій Цесарь, уже озабоченъ тѣмъ, чтобы оградить отъ массовыхъ вторженій германскихъ народовъ страны, лежація на западъ отъ Рейна, и тотъ отчетъ, который онъ оставилъ намъ о переговорахъ съ *Аріовистомъ*, вождемъ Германцевъ, состоявшимъ на службѣ у Секвановъ, доказываетъ намъ, что Цесарю приходилось имѣть дѣло съ инымъ народомъ, не похожимъ на полудикихъ Кимвровъ и Тевтоновъ. Въ рѣчи Аріовиста слышится уже сознаніе собственного достоинства, видны опредѣленные стремленія, ра-

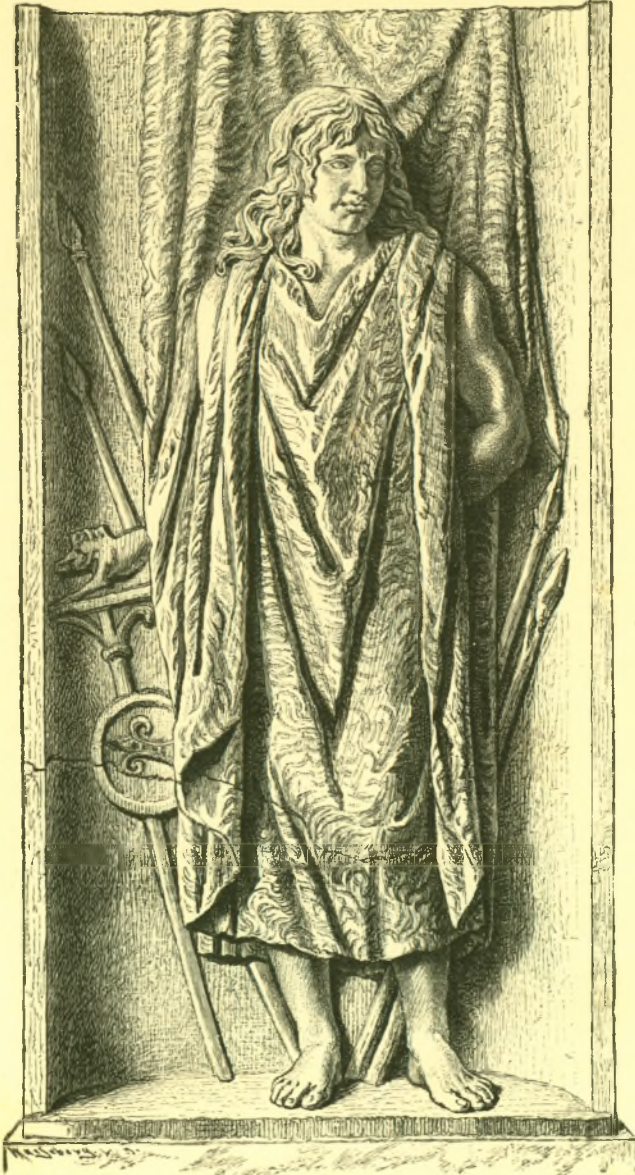
Древнѣйшая
исторія Гер-
манцевъ.

Римское
вланіе.
Цесарь.

*) Этотъ неистовый крикъ испугалъ даже и Римлянъ при ихъ первомъ столкновеніи съ Германцами.

**) Имъ приходилось именно селиться на пустыхъ мѣстахъ, такъ какъ лучшія мѣста тогдашней Средней Европы, вообще суровой и неблагоприятной по климату, уже были заселены Кельтами.

зумное отношеніе къ средствамъ борьбы, и даже знакомство съ общимъ политическимъ положеніемъ. При Везонціо, однакоже, весьма хорошо

При Августѣ.

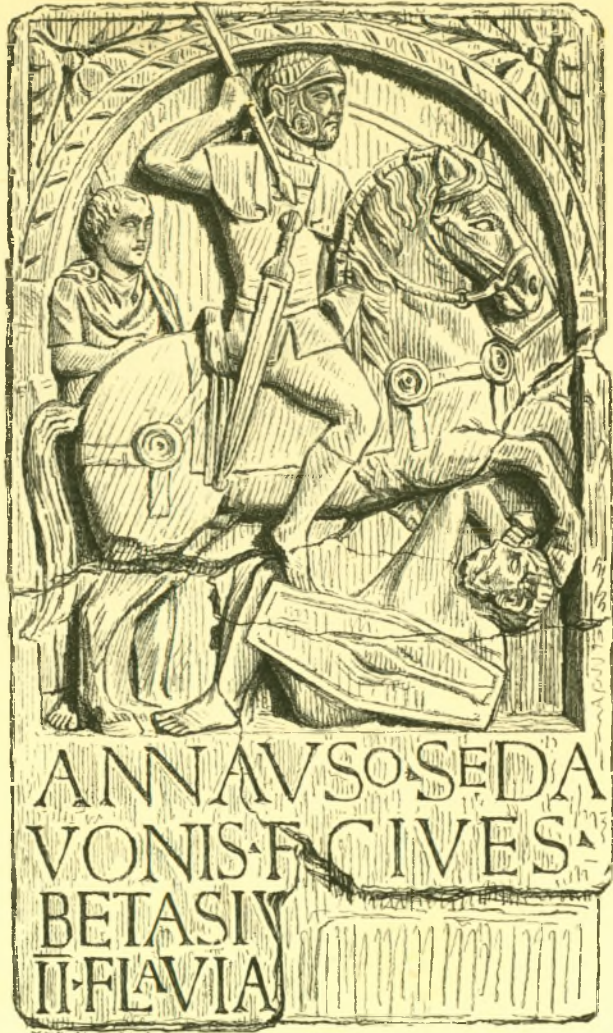
Плѣнный германецъ. Римскій триумфальный барельефъ.
Въ Ватиканскомъ музеѣ.

устроенное германское войско понесло поражение отъ Цесаря и отброшено было за Рейнъ. Послѣ того объ Ариовистѣ уже ничего болѣе не слышимъ; а вскорѣ узнаемъ о новой попыткѣ вторженія германскихъ народовъ (Узипетовъ и Тенктровъ) въ низовья Рейна, которую также удалось римскому проконсулу отклонить, отчасти при помощи коварства, отчасти при помощи кровавой борьбы, и *Рейнъ* удержать границею между римскимъ и германскимъ міромъ.

Страшными ударами разразилась римская мощь надъ варварами, освѣтими въ обширной странѣ на востокъ отъ Рейна, и впечатлѣніе этой мощи, а равно и полного покоренія Галліи, происшедшаго на глазахъ у нихъ, было сильно и вкоренилось прочно.

Началось вдвойнѣ проявившееся вліяніе Римлянъ на Германцевъ. Съ одной стороны — вліяніе мирное, незамѣтное, но сильное, въ области собственно частной жизни. Уже Цесарь принялъ къ себѣ на службу германскій конный отрядъ, и этотъ отрядъ при Алезіи и Фарсалѣ оказалъ ему важныя услуги; Августъ и Тиберій довѣряли охрану своей особы стражѣ тѣлохранителей изъ Германцевъ — и такимъ образомъ, на службѣ въ римскихъ вспомогательныхъ войскахъ немалое число Германцевъ научилось языку Римлянъ, ознакомилось съ римскою жизнью, съ ея потребностями и даже, до извѣстной степени, съ умѣньемъ этимъ потребностямъ удовлетворять. Когда подобное сближеніе произошло въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, то на границахъ, а потомъ даже и значительно далѣе границъ, развились торговыя сношенія, которыя, какъ и всякія сношенія высоко развитаго народа съ полудикимъ, были для Римлянъ преисполнены опасностей, но за то и чрезвычайно выгодны. Опорными пунктами

Римское изображение германскаго навалериста, состоящаго на римской службѣ. Надгробный камень, отысканный въ Майнцѣ; нынѣ въ тамошнемъ музеѣ.

Бородатый всадникъ, съ мечомъ на правомъ боку, съ копьемъ въ поднятой правой рукѣ, собирается приколоть германца, поверженнаго подъ ноги коня. Въ глубинѣ изображенъ рабъ-оруженосецъ, сопровождающій всадника. Надпись гласитъ: «Аннаузо, сынъ Седавона, гражданина изъ Бетаза (всадникъ) II (коннаго) Флавіева отряда».

развитаго народа съ полудикимъ, были для Римлянъ преисполнены опасностей, но за то и чрезвычайно выгодны. Опорными пунктами

этихъ мирныхъ сношеній, главнымъ образомъ, были тѣ города, которые въ періодъ, *послѣдовавшій за смертью Цесаря*, были выстроены на берегахъ Дуная и Рейна: *Vindobona, Augusta Rauracorum, Moguntiacum, Bona, Colonia Agrippinensis*, Вѣна, Базель, Майнцъ, Боннъ, Кѣльнъ; а эти города, въ свою очередь, опирались на быстро возрастающую романизацію областей, лежащихъ на югъ отъ Дуная и на западъ отъ Рейна. Это были все прекрасно-намѣченные стратегическіе пункты, которые въ то же время служили складочными мѣстами возникающей торговли. Тѣмъ же всего произошло слияніе германскаго и римскаго элемента въ *Колоніи* (Кѣльнъ), на мѣстѣ бывшаго здѣсь древняго города Убіевъ (первыхъ, дѣйствительно-умиротворившихся Германцевъ), подобнаго другимъ германскимъ поселеніямъ, какія видимъ въ верховьяхъ Рейна еще и въ до-Цесаревское время; впрочемъ, Германцы съ праваго берега допускались въ *Колонію*, лежащую на лѣвомъ берегу, не иначе, какъ безоружные, и, во время своего пребыванія въ городѣ, подвергались тщательному надзору. Такого рода разнообразныя и постоянныя сношенія, завязавшіяся между Римскимъ и Германскимъ міромъ, хотя отъ времени до времени и прерывались насилиями и войнами — уже по самому существу своему не могли быть окончательно прерваны, и послѣдствія ихъ, день-отъ-дня, выступали все яснѣе и яснѣе. «Мы уже научили ихъ принимать отъ насъ деньги» — очень вѣско замѣчаетъ Корнелій Тацитъ, историкъ, который, полтора столѣтія спустя послѣ Цесаря, съ глубокимъ интересомъ изучалъ «свободныхъ Германцевъ»; онъ могъ бы сказать, что Германцы научились отъ Римлянъ не одному только обращенію съ деньгами, — что они отъ нихъ же научились пить и вино, которое еще во времена Цесаря не дозволялось ввозить къ нимъ, подъ опасеніемъ строгаго взыскаія.

Германскій
народъ.

Соприкосновеніе съ Римлянами вліяло еще и въ другомъ смыслѣ на жизнь *Германскихъ* племенъ — въ смыслѣ пробужденія преимущественно воинственныхъ ихъ наклонностей. Прежде всего, изъ сравненія и противоположенія своего быта съ бытомъ Римскаго народа, Германцы научились сознательно относиться къ своимъ національнымъ особенностямъ. Во времена Цесаря, отдѣльныя племена вели жизнь совершенно независимую и среди этихъ племенъ или собраній различныхъ племенъ, даже, на примѣръ, среди Свевовъ, въ мирное время не видимъ никакой высшей объединяющей власти, — общины вполне самостоятельны; а между тѣмъ они уже вездѣ представляются намъ осѣдлыми или близкими къ тому, чтобы осѣсть на одномъ мѣстѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видимъ даже, что отъ *общиннаго владѣнія* землею племена начинаютъ уже переходить къ распредѣленію ея во владѣніе частныхъ лицъ, какъ *частной собственности*. Но главными занятіями этихъ племенъ все еще были скотоводство и охота, а не земледѣліе, единственное занятіе, способное создать истинную собственность; плодовыхъ деревьевъ въ странѣ, заселенной Германцами, также не было, и состояла она почти исключительно изъ лѣсовъ и пастбищъ, мѣстами пересѣкаемыхъ болотами и пустынями, которыя служили надежнѣйшими границами, отдѣлявшими одно племя отъ другого. Несмотря на это, войны и усобицы между ними почти не прекращались; нравы были воинственны и кровожадны, при чрезвычайной простотѣ: — одеждою слу-

жили шкуры звѣрей; оружіе было еще самое первобытное. Вооруженными являлись Германцы и на совѣщаніи, и на пиришествах; война и охота были главными занятіями мужчинъ, а вся тяжесть домашнихъ и полевыхъ работъ лежала на женщинахъ и на рабахъ. Самымъ торжественнымъ

Совѣщаніе Германцевъ. Съ колонны Антонина въ Римѣ.

днемъ въ жизни юноши былъ тотъ, когда ему, передъ лицомъ всей общины, вручалось оружіе, излюбленное въ его племени (у каждаго племени было свое), и онъ такимъ образомъ становился въ ряды воиновъ. Въ связи съ этимъ воинственнымъ характеромъ древне-германской жизни стояло и довольно определенное демократическое направленіе въ политическомъ смыслѣ, при весьма умѣренномъ вліяніи жрецовъ, которые все не составляли замкнутого сословія, подобно галльскимъ друидамъ. Поселки были разбросаны вразсыпную, смотря по тому, гдѣ кто облюбовалъ себѣ мѣсто, около своего поля, около источника, или въ небольшомъ лѣсточкѣ; были уже деревни, обнесенныя тыномъ, но не было поселеній, въ родѣ городовъ; да и вообще, во времена Цесаря, не существовало у Германцевъ общаго государственнаго строя. Дружинный бытъ, который многіе старались прикрасить на всѣ лады, долгое время прерягивалъ дѣйствительному образованію настоящихъ государствъ; отдѣльные удалцы или вожди, прославленные своими подвигами, подобные Ариовисту, предпринимали на свой страхъ и рискъ военные походы, собирая около себя вольницу изъ своего племени—и племя не могло этому воспрерягивать. И эта вольница слѣдовала за своимъ вождемъ, и его честь становилась ея честью—и наоборотъ; наградою имъ служила общая

добыча, или же, какъ въ странѣ Секвановъ, та территория, которую такою наемной дружиной удавалось оттягать у тѣхъ, къ кому она нанималась на службу. И мало-по-малу изъ этого дружиннаго быта выработался аристократическій элементъ, который окрѣпъ впоследствии, среди постоянной борьбы нарастающихъ нокозвннй.

Возобновле-
ние войнъ.

Теперь именно, когда племена германскія ознакомилась съ могуществомъ и единымъ Римскимъ государствомъ, то положеніе, въ которомъ засталъ ихъ нѣкогда Цесарь, стало быстро измѣняться: проснулось честолюбіе частныхъ вождей, явилась и у самихъ народовъ потребность выйти изъ ихъ разьединенія. Насилія, совершенныя надъ римскими кунцами, послужили поводомъ къ началу войны, которой Августъ очень желалъ бы избѣгнуть, и все же началъ въ 27 г. до Р. Хр. Приемный сынъ императора, Клавдій *Друзъ* Неронъ, принявшій въ 13 г. начальство надъ войсками, стоявшими въ верхне-рейнскихъ и ниже-рейнскихъ провинціяхъ (въ «обѣихъ Германіяхъ»), повелъ эту войну по древне-римскому обычаю, нанося Германцамъ ударъ за ударомъ, и въ 9 г. до Р. Хр. проикъ такимъ образомъ до береговъ Эльбы. Онъ и умеръ, какъ мы упоминали выше, во время этого похода; его братъ и преемникъ, Тиберій (впоследствии императоръ), былъ противникомъ всякихъ завоеваній на правомъ берегу Рейна, и посоветовалъ весьма тонко и остроумно—предоставить германскіе народы ихъ собственнымъ раздорамъ, которые римская политика должна была только поддерживать. Однакоже, это возобновленіе войны Римлянами оказало весьма важное вліяніе на независимыя германскія племена: мы видимъ, что среди нихъ являются первыя попытки къ образованію болѣе прочнаго государственнаго строя. Къ этому времени относится дѣятельность вождя изъ племени Маркоманновъ, *Марбубода*, который, вмѣстѣ со своей дружиной, нанесъ мощный ударъ кельтскому племени *Бойевъ*, и образовавъ большое и сильное войско, широко раздвинулъ предѣлы своего царства; съ Римлянами онъ умѣлъ ладить, а когда они задумали было различными просками ограничить его возрастающее могущество, то онъ подвѣлъ противъ нихъ такое возстаніе въ Панноніи и Далмаціи, что Тиберій былъ радъ-радѣшенекъ поскорѣе заключить миръ съ королемъ Маркоманновъ, какъ съ равнымъ. И въ Сѣверной Германіи необходимость обороны привела тамошнія племена къ попыткамъ установленія болѣе тѣснаго, болѣе сплоченнаго внутренняго строя. Могуществѣннѣйшимъ изъ этихъ племенъ были *Херуски*, которые однакоже жили въ постоянныхъ раздорахъ и усобицахъ. Была у нихъ и римская партія, во главѣ которой, какъ мы видѣли, стоялъ одинъ изъ князей, *Сегестъ*; главою противоположной, національной партіи былъ *Сетимеръ*, который, однако, все-таки пожелалъ, чтобы его сыновья, Арминъ и Флавій, поступили бы въ римскую службу. Арминъ вскорѣ уже вернулся на родину и самъ сталъ во главѣ партіи, которая рѣшилась отстоять независимость германской страны отъ римскаго преобладанія; съ тонкимъ коварствомъ варвара, которому приходится вступать въ борьбу противъ превосходства силъ культуры, Арминъ съумѣлъ превести римскаго наместника *Кв. Вара*, присланнаго въ Германію въ 7 г. и ревностно принявшагося за романизацию страны. Германскіе князьки еще болѣе польстили рим-

дланну мнимымъ усердіемъ своимъ и готовностью подчиниться его близорукой политикѣ; не даромъ одинъ изъ римскихъ историковъ замѣчаетъ, что «пикто себѣ и представить не можетъ, какъ коваренъ этотъ германскій народъ, при всей своей дикости». Такимъ образомъ Армину удалось окончательно отвести глаза римскому наместнику и побудить его къ походу внутрь страны, во время котораго заговоръ и обнаружился роковымъ образомъ. При изложеніи римской исторіи мы уже рассказали, какъ погибли римскіе легіоны въ Тевтобургскомъ лѣсу, окруженные отовсюду врагами и коварными союзниками, обратившимися во враговъ; мы тамъ же упомянули, что изъ трехъ легіоновъ, т. е. почти изъ 27.000 человекъ, успѣла спастись только часть конницы и горсть людей, которая пробилась или пробралась сквозь густыя толпы нападающихъ враговъ; вся остальная масса живоньвъ полегла въ неравномъ бою, и только небольшая часть отдавшихся живыми въ плѣнь подверглась всѣмъ ужасамъ дикой мести Германцевъ, опьяненныхъ трехдневнымъ боемъ и одержанной побѣдой. Они приносили несчастныхъ плѣнниковъ въ жертву своимъ богамъ среди прогалинь ближняго лѣса, они пригвозжали отрубенныя головы убитыхъ къ стволамъ деревьевъ и всячески мучили тѣхъ, которые были пощажены смертью... А о томъ, чтобы воспользоваться плодами своей побѣды или освободить страну изъ-подъ власти Римлянъ—они и не помышляли.

Битва на
Вара съ Германцами.

Одинъ только Арминъ, который былъ главнымъ виновникомъ гибели легіоновъ К. Вара, преслѣдовалъ, повидимому, ясно сознаваемую цѣль. Онъ отпиривалъ голову несчастнаго легата къ Марбоду, дабы тѣмъ и его побудить къ участію въ борьбѣ противъ Римлянъ. Но оказалось, что вождь южныхъ Германцевъ не сочувствовалъ такой политикѣ. Онъ выдалъ Римлянамъ страшный даръ Армина, и Армину пришлось одному выносить на своихъ плечахъ войну, которая теперь стала уже непримиримой. Римляне сохранили за собою свои позиціи, опиравшіяся на искусно расположенную систему укрѣпленій на Рейнѣ, и когда Тиберій, въ 14 г., принялъ бразды правленія, *Германикъ*, сынъ Друза, настойчиво продолжалъ войну противъ Германцевъ. Кое-какія романтическія черты даютъ намъ возможность заглянуть и въ область духовной жизни страны, освобожденной побѣдой Армина изъ-подъ власти Римлянъ; дочь Сегеста, Туснельда, была похищена Арминомъ и стала его супругой; изъ-за этого поднялась усобица въ странѣ Херусковъ между Сегестомъ и Арминомъ и ихъ дружинами, и во время этой усобицы Туснельда попала въ плѣнь къ Римлянамъ. Самъ Тацитъ изображаетъ намъ Армина геросомъ, называемаго его несомнѣннымъ освободителемъ Германціи, и представляетъ намъ, какъ онъ, поспѣвая отъ племени къ племени, побуждаетъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ либо высказаться въ пользу свободы, либо преклониться передъ римскимъ игомъ... И онъ остался, отчасти по влеченію патріотизма, отчасти по личному своему расположенію, вождемъ союза сѣверо-западныхъ племенъ, которыя сплотились около этого вождя, зная ему цѣну. Много еще разъ дѣло доходило до ожесточенныхъ битвъ: Римляне, подъ предводительствомъ Германика, отместили за поражение Вара большую побѣдой, одержанною надъ Германцами при Идизавизо (или Иднставизо), и въ 17 году Германикъ былъ удостоенъ триумфа, при

Арминъ и
Марбодъ.

которомъ Туснельда и рожденный ею въ плѣну сынъ Тумелкъ—шествовали передъ колесницею побѣдителя. Однакоже наступательная война, по принципу Тиберія, принятому въ отношеніи къ германской политикѣ, не продолжалась. Въ томъ же году, какъ мы уже видѣли, Арминъ, во главѣ сѣверныхъ племенъ, пошелъ войною противъ Марбубода, можетъ-быть, съ тою цѣлью, чтобы подчинить своей власти всѣ племена германскія. Марбубодъ былъ разбитъ, спасся бѣгствомъ на римскую границу, и, много лѣтъ спустя, умеръ въ Равеннѣ. Арминъ, послѣ того, видимо, желалъ упрочить свое положеніе, стремясь къ королевской власти, но возбудилъ этимъ зависть среди своихъ приближенныхъ и былъ умерщвленъ въ самомъ расцвѣтѣ силъ, на 37 году жизни (21 г. по Р. Хр.). Такимъ образомъ, попытка прочнаго соединенія воинственныхъ германскихъ племенъ въ государство не удалась ни на Сѣверѣ, ни на Югѣ.

Возстаніе
Цивилиса.

Этотъ выдающійся по своимъ личнымъ достоинствамъ князь Херусковъ, даже и въ скудныхъ современныхъ извѣстіяхъ представляющійся намъ человѣкомъ замѣчательнымъ, добился только одного: Римское государство окончательно приняло политику Тиберія, отказалось отъ широкихъ плановъ наступательной войны и оградило свою границу колоссальною системою укрѣпленій (limes), начатыхъ при Августѣ, законченныхъ при Адрианѣ, затѣмъ дополняемыхъ и совершенствуемыхъ и охватившихъ наконецъ пространство около 500 верстъ, между Дунаемъ и Рейномъ*). Въ противоположность этой оборонительной политикѣ, въ Германцахъ проявляется наклонность къ политикѣ наступательной: это выразилось при *возстаніи Цивилиса* въ столь знаменательный и гибельный для Рима 69 г. по Р. Хр. Это возстаніе, начавшееся среди племени Батавовъ (въ сѣверо-западной части Нидерландовъ), уже ясно выдаетъ намъ то вліяніе, которое оказано было на племена праваго берега Рейна борьбою съ Римлянами. Въ данное время уже не было недостатка въ честолюбивыхъ вождяхъ, въ самомъ Римѣ научившихся римскому военному искусству и усвоившихъ себѣ болѣе широкіе взгляды на политику: среди массъ являютея и выступаютъ отдѣльныя мощныя личности. Лукавый батавіецъ вступилъ въ сношенія съ нѣсколькими честолюбцами изъ галльскихъ вельможъ для осуществленія обширнаго плана, и съумѣлъ при этомъ поставить себя весьма самостоятельно по отношенію къ ихъ мечтамъ о какомъ-то «государствѣ галльскихъ земель» и къ предсказаніямъ ихъ друидовъ, будто бы «власть надъ міромъ должна теперь перейти къ за-альпійскимъ народамъ»; даже въ общемъ способѣ веденія войны замѣтенъ уже нѣкоторый правильно-выработанный планъ; нельзя упустить изъ виду и того, что при этой войнѣ Цивилисъ пользовался прорицательницей въ странѣ Бруктэровъ, какъ орудіемъ своей политики, и что посольство Тенктровъ (въ то время, когда Германцы и Галлы на время вновь овладѣли Колоніей) приветствовало жителей «Колоніи» съ воссоединеніемъ ихъ «къ цѣлому составу и къ имени германскому» (Tac. Hist. IV, 64). Возстаніе, однакоже, ни къ чему не привело: оно закончилось миромъ на весьма снисходительныхъ условіяхъ.

*) О направленіи и составѣ этихъ укрѣпленій мы подробно говорили въ т. I, стр. 511.

Разорение германской деревни Римлянами.
Римский рельеф на Агониновой колонне в Риме.

Въ послѣдовавшей за этимъ 25-ти-лѣтній періодъ явилось въ свѣтъ небольшое сочиненіе Тацита о Германіи. Никогда еще не бывало, до этого времени, ни у Грековъ, ни у Римлянъ, чтобы извѣстный писатель отнесся съ такимъ глубокимъ интересомъ къ изученію быта варварскаго народа; но этого мало:—Тацитъ даже идеализировалъ бытъ германскаго народа во многихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ объясняетъ отсутствіе у нихъ кумировъ высокимъ ихъ представленіемъ о божествахъ, которыхъ будто бы неммыслимо заключить въ тѣсныя стѣны храма или облечь въ человѣческой образъ. Сверхъ того, о порокахъ и недостаткахъ Германцевъ онъ говоритъ вскользь и отзывается весьма снисходительно (объ ихъ страсти къ войнамъ, о наклонности къ ссорамъ за пирами, объ ихъ пристрастіи къ игръ и т. д.), а ихъ добродѣтелямъ отдаетъ полнѣйшую справедливость, восхваляя ихъ священное уваженіе къ домашнему крову, ихъ ненарушимое цѣломудріе, ихъ уваженіе къ женщинамъ (которымъ Германцы приписывали даже нѣкоторое священное значеніе и даръ къ прорицаніямъ), ихъ гостепріимство и страшную суровость, съ которою они наказывали за противуестественныя пороки, за трусость и предательство. Съ видимою преднамѣренностью Тацитъ противопоставляетъ здоровое состояніе этого народнаго быта той испорченности, которая его самого окружала: ни денегъ, ни завѣщаній, ни безнравственныхъ зрѣлищъ; и дружба, и вражда одинаково передаются изъ рода въ родъ, хотя послѣдняя не бываетъ непримиримою... И онъ проникнуть полнѣйшимъ сознаіемъ того, какъ опасны должны быть, въ качествѣ враговъ, эти люди, «которые строеніемъ своего тѣла и всею внѣшностью своею насъ изумляютъ», и нѣсколько разъ возвращается къ этой мысли.

Союзы
народовъ.
Развитіе
ихъ до
IV вѣка.

Однакоже, въ особенности грозными являлись Германцы Римлянамъ не своимъ исполинскимъ ростомъ, не возрастающимъ умѣнемъ въ военномъ ремеслѣ, а поразительнымъ плодородіемъ ихъ браковъ, и вслѣдствіе этого, быстрымъ возрастаніемъ народонаселенія. Для насъ несомнѣннымъ представляется то, что густота народонаселенія, со временъ Цесаря, должна была возрасти чрезвычайно, и это уже само по себѣ должно было вынужденно привести къ выработкѣ государственныхъ формъ и порядковъ, къ извѣстному распредѣленію и организациі народа, хотя у насъ и нѣтъ данныхъ для того, чтобы прослѣдить это движеніе въ подробности. Большую перемѣну замѣчаемъ мы только уже во время войны императора Марка Аврелія съ Маркоманнами, въ послѣдней четверти II вѣка, когда Римлянамъ приходится бороться уже не противъ отдѣльныхъ племенъ или случайнаго соединенія нѣсколькихъ племенъ съ воинскою цѣлю, а противъ настоящихъ федерацій или племенныхъ союзовъ. Начиная съ этой Маркоманнской войны (съ 162 по Р. Хр.), Германцы переходятъ къ наступленію, и мы встрѣчаемся съ тѣми же племенными союзами, которые выступаютъ въ римской исторіи подъ многими новыми для насъ именами Аллемановъ, Франковъ, Готовъ, Саксовъ: возобновленная борьба съ Римомъ повеза, видимо, къ усиленію взаимной связи народовъ, уже подчинившихся болѣе или менѣе твердой королевской власти. По сохранившимся и дошедшимъ до насъ извѣстіямъ почти невозможно прослѣдить въ подробностяхъ дальнѣйшаго развитія германскаго народа въ теченіе ближай-

нихъ столѣтій; видимъ только непрерывно и однообразно-повторяющіеся набѣги съ одной стороны и отраженіе ихъ—съ другой: но вездѣ видимъ только воинственныя дружины и не видимъ жизни земледѣльческой, не видимъ постоянной культурной работы. Рѣшающимъ событіемъ былъ тотъ массовый переходъ Готовъ на почву Римскаго государства, который произошелъ въ 375 г.; затѣмъ уже это, такъ-называемое, «переселеніе народовъ» закончилось ровно сто лѣтъ спустя, событіемъ 476 г., которымъ обычно заканчивается изложеніе Древней Исторіи.

Но, въ теченіе того пятисотлѣтія, которое протекло со времени Цесаря, міръ успѣлъ совсѣмъ преобразиться:—христианство уже успѣло окончательно утвердиться въ предѣлахъ римскаго міра, и уже въ теченіе цѣлаго полувѣка господствовало несомнѣнно. Мало-по-малу проникло оно и къ Германцамъ, сначала заносимое случайными миссіонерами изъ рабовъ и купцовъ, а съ 347 года уже при посредствѣ молодого еще духовнаго *Ульфилы*, который до самой своей смерти, въ 388 г., съ неутомимымъ рвеніемъ распространялъ евангельское ученіе между Готами. Сохранились до нашего времени драгоценныя отрывки его перевода евангельскихъ чтеній и другихъ частей Нового Завѣта, и его почтеннымъ пменемъ, такъ сказать, открывается исторія зарождающагося развитія германской духовной жизни. Отъ Готовъ христианство перешло и къ другимъ германскимъ народамъ, и сто лѣтъ спустя послѣ смерти Ульфилы, христианство было уже господствующею религіею, по крайней мѣрѣ, среди тѣхъ Германцевъ, которые поселились на почвѣ Римской имперіи.

Были попытки доказать, будто многое въ богопочитаніи древнихъ Германцевъ, по нѣкоторому внутреннему средству возрѣній, облегчило внесеніе къ нимъ христианскаго ученія:—воплнѣ несомнѣнно однакоже только то, что германское язычество оказало христианству гораздо менѣе упорное сопротивленіе, что оно было гораздо легче и быстрѣе имъ осилено, чѣмъ язычество греческо-римское. Надо замѣтить, что среди Германцевъ существовало весьма опредѣленное вѣрованіе въ безсмертіе души и, вѣроятно, въ связи съ этимъ, Тацитъ замѣчаетъ, что они гораздо менѣе придають значенія погребальнымъ обрядамъ, нежели Римляне или Греки; кромѣ того, въ ихъ вѣрованіяхъ находимъ странное и внушительное представленіе объ окончательной гибели самихъ боговъ, о разрушеніи всего существующаго міра, который долженъ быть поглощенъ громаднымъ пожаромъ, и вновь долженъ возродиться въ видѣ измѣненномъ и уже неразрушимомъ. На нѣкоторую близость ихъ религіозности и религіозно-

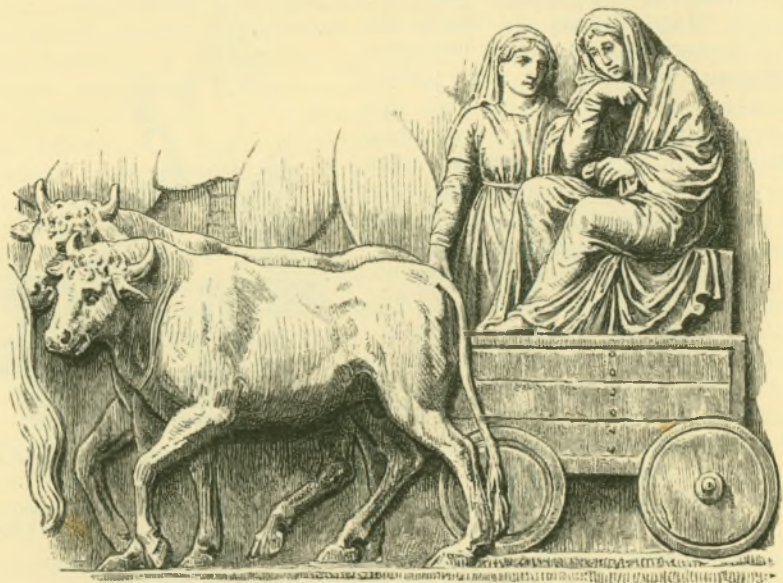
Христианство.

Плѣнный Готь. Изображеніе на побѣдной колоннѣ Феодосія Великаго (391 по Р. Хр.).

Германскія религіозныя возрѣнія.

сти христіанской Тацитъ, повидному, намекаетъ въ своемъ указаніи: «именами боговъ они называютъ тѣ таинственное, которое представляется только очамъ ихъ благочестія». Это, пожалуй, можно выразить реальнѣе слѣдующимъ образомъ: ихъ религіозныя представленія (насколько они намъ извѣстны) были лишены той устойчивости и твердости, которая придавала греко-римскому міру боговъ мифологія, украшенная фантастическими и поэтическими вымыслами, а также и искусство своими чудными образами, а въ позднѣйшее время и философія со своею символикой, не говоря уже о вліятельномъ жреческомъ сословіи. Вѣрованье въ бога небесъ, *Ziu* или *Tiu*, принесли съ собою въ Европу уже первые германскіе переселенцы изъ своей прародины: не особенно обширный кругъ божествъ раз-

Германскія женщины (вѣроятно жрицы), слѣдующія за войскомъ.
Заключительная группа шестви Маркоманновъ, подчинившихся Марку
Аврелію. — Рельефъ съ Антониновой колонны въ Римѣ.

вился впоследствии на основѣ этого одного вѣрованья и существовалъ съ нимъ рядомъ. Такъ на примѣръ такимъ же, какъ *Ziu* или *Tiu*, божествомъ, но подъ другимъ наименованіемъ и при нѣскольکو иномъ воззрѣніи, является *Вуотанъ*, богъ облачнаго неба и солнца, которое не слишкомъ часто проглядывало изъ-за облаковъ въ пасмурной странѣ Германцевъ; у воинственнаго народа понятіе о подобномъ божествѣ легко связалось съ различными представленіями военнаго быта, точно такъ же, какъ атрибуты воинственности были приписаны и многимъ другимъ божествамъ; этому богу войны оказывались посвященными—волкъ, воронъ и коршунъ, какъ животныя, питающіяся на полѣ битвы; ему оружіемъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ готскому тексту епископа Ульфили.

veihnai namo thein. quimai thiudi-
 да святится имя Твое. Да придетъ цар-
 nassus theins. vairthai vilja
 ствiе Твое. Да будетъ воля
 theins. sve in himina jah ana
 Твоя, яко же на небеси и на
 airthai. Hlaif unsarana thana sin-
 земли. Хлѣбъ нашъ насущ-
 teinan gif uns himma daga. Jah
 ный даждь намъ днесь. И
 afiet uns, thatei skulans sijai-
 остави намъ долги наша
 ma. svasve jah veis afietam thaim
 —яко же и мы оставляемъ
 skulam unsaraim. Jah ni brig-
 должникомъ нашимъ. И не вве-
 gais uns in fraistubnjai. ak lau-
 ди насъ во искушение, но из-
 sei uns af thamma ubilin. unte
 бави насъ отъ лукаваго, яко
 theina ist thiudangardi jah mahts
 Твое есть царство и сила,
 jah vulthus in aivins. amen.

и слава во вѣки. Аминь.

md Unte jabai afletith mannam
 Ибо если вы прощаете людямъ
 missadedins ize. afletith jah
 дурныя дѣянiя ихъ, простить также
 izvis atta izvar sa ufar himinam.

v. 15. вамъ Отецъ вашъ Небесный,
 Ith jabai ni afletith mannam mis-
 а если не простите людямъ дурныхъ дѣ-
 sadedins ize ni thau atta iz-
 янiй ихъ, также и Отецъ вашъ

не простить дурныхъ дѣянiй ва-
 m. e. ros: Aththan bithe fastaith ni vair-
 шихъ. А когда вы поститесь, то не будь-
 thaith svasve thai liutans gaurai
 те, какъ лицемеры печальны.

The first part of the paper is devoted to the study of the properties of the function $f(x) = x^2 + 2x + 1$. It is shown that this function is a parabola opening upwards with its vertex at $(-1, 0)$. The roots of the equation $f(x) = 0$ are $x = -1$ and $x = -1$. The function is increasing for $x > -1$ and decreasing for $x < -1$. The range of the function is $[0, \infty)$.

QUESTION 1

The second part of the paper is devoted to the study of the properties of the function $f(x) = x^2 + 2x + 1$. It is shown that this function is a parabola opening upwards with its vertex at $(-1, 0)$. The roots of the equation $f(x) = 0$ are $x = -1$ and $x = -1$. The function is increasing for $x > -1$ and decreasing for $x < -1$. The range of the function is $[0, \infty)$.

The third part of the paper is devoted to the study of the properties of the function $f(x) = x^2 + 2x + 1$. It is shown that this function is a parabola opening upwards with its vertex at $(-1, 0)$. The roots of the equation $f(x) = 0$ are $x = -1$ and $x = -1$. The function is increasing for $x > -1$ and decreasing for $x < -1$. The range of the function is $[0, \infty)$.

The fourth part of the paper is devoted to the study of the properties of the function $f(x) = x^2 + 2x + 1$. It is shown that this function is a parabola opening upwards with its vertex at $(-1, 0)$. The roots of the equation $f(x) = 0$ are $x = -1$ and $x = -1$. The function is increasing for $x > -1$ and decreasing for $x < -1$. The range of the function is $[0, \infty)$.

ΥΕΙΗΝΑΙΝΑΜΕΦΕΙΝ· ΟΙΗΛΙΦΙΝΑΙ
 ΝΑΣΣΗΣΦΕΙΝΣ· ΥΛΙΚΦΑΙΥΙΛΑ
 ΦΕΙΝΣ· ΣΥΕΙΗΗΙΜΙΝΑϸΑΗΑΝΑ
 ΛΙΚΦΑΙ· ΗΛΛΙΕΠΝΣΑΡΚΑΝΑΦΑΝΑΣΙΝ
 ΤΕΙΝΑΝΓΙΕΠΝΣΗΙΜΜΑΔΑΓΑ· ΕΛΗ
 ΡΕΛΕΤΗΝΣΦΑΤΕΙΣΚΗΛΑΝΣΣΙϸΑΗ
 ΗΡ· ΣΥΑΣΥΕϸΑΗΥΕΙΣΑΡΕΛΕΤΑΜΦΑΙ
 ΣΚΗΛΑΜΠΝΣΑΡΚΑΙΜ· ΕΛΗΝΙΒΚΙΓ
 ΓΑΙΣΠΝΣΙΝΕΚΑΙΣΤΗΒΝϸΑΙ· ΑΚΑΛΠ
 ΣΕΙΠΝΣΑΡΕΦΑΜΜΑΠΒΙΛΙΝ· ΠΝΤΕ
 ΦΕΙΝΑΙΣΤΦΙΝΑΝΓΑΚΑΙ· ΕΛΗΜΑΔΣ
 ΕΛΗΥΝΑΦΗΣΙΝΑΙΥΙΝΣ· ΑΜΕΝ·
 ΠΝΤΕϸΑΒΛΙΑΡΕΛΕΤΙΦΜΑΝΝΑΜ
 ΜΙΣΣΑΔΕΑΙΝΣΙΖΕ· ΑΡΕΛΕΤΙΦϸΑΗ
 ΙΖΥΙΣΑΤΤΑΙΖΥΑΡΚΣΑΠΕΑΚΗΙΜΙΝΑ·
 ΙΦϸΑΒΛΙΝΙΑΡΕΛΕΤΙΦΜΑΝΝΑΜΜΙΣ
 ΣΑΔΕΑΙΝΣΙΖΕ· ΝΙΦΑΠΑΤΤΑΙΖ
 ΥΑΡΚΑΡΕΤΙΦΜΙΣΣΑΔΕΑΙΝΣΙΖΥΑ
 ΡΚΣ· ΑΦΦΑΝΒΙΦΕΦΑΣΤΑΙΦΝΙΥΑΙΚ
 ΦΑΙΦΣΥΑΣΥΕΦΑΙΛΙΠΤΑΝΣΓΑΠΚΑ·

Η Δ
 Ζ
 Μ Β

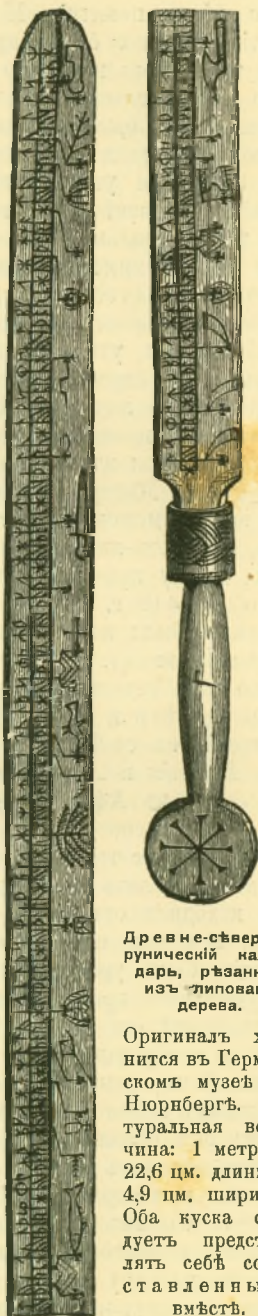

УМЕНЬШЕННЫЙ СНИМОКЪ ОДНОЙ СТРАНИЦЫ ТАНЪ НАЗЫВАЕМАГО „СЕРЕБРЯНОГО
 НОДЕНСА" (CODEX ARGENTEUS), хранящагося въ Упсалѣ.
 Отрывокъ Библии, въ переводѣ епископа Улфила, въ IУ в, по Р. Хр.
 Готскій текстъ заключаетъ въ себѣ часть молитвы Господней и Пагорной
 проповѣди Христа.

служить мѣткій, издали разящій дротикъ; за нимъ толпою несутся души павшихъ героевъ и зычныя клики этого Вуотанова войска слышатся ночью въ завывающихъ вихряхъ; гдѣ военно-плѣнные приносятся въ жертву—тамъ это происходитъ въ честь Вуотана. Другимъ виднымъ божествомъ былъ Донаръ, богъ грозы: молнія, сверкающая въ небѣ, это его молотъ, который онъ мечетъ во враговъ своихъ; вѣроятно о немъ упоминаетъ Цесарь, повѣствуя намъ о какомъ-то богѣ Вулканѣ, которому будто-бы Германцы поклоняются. Но не всѣ боги представлялись Германцамъ въ такихъ ужасающихъ и страшныхъ образахъ: были у нихъ и женскія, благодатныя божества, являвшіяся подъ различными именами Фригги и Нерты. Рядомъ съ богами, довольно значительную роль въ народномъ миѣ играла созданная фантазіею народа средня, богоподобная существа—въ видѣ великановъ и карликовъ. Лѣсную глушь, ущелья горъ и голыя вершины ихъ, по представленію народа, населяли чудовищные великаны; а въ нѣдрахъ земли и въ разсѣлинахъ скалъ жили карлики, которые въ безчисленномъ множествѣ распространялись по землѣ, всюду вносили свою таинственную силу, то зловредную, то благодѣтельную, по ихъ произволу, и проникали даже въ жилища людей, вступая въ близкія сношенія съ ними и съ домашними животными. Богослуженіе было чрезвычайно просто и не составляло тайны, доступной однимъ жрецамъ. Обрядная сторона его болѣе всего служила къ тому, чтобы узнать волю боговъ: прислушивались къ ржанію коней, къ крику птицъ и присматривались къ ихъ полету; а не то гадали по жребіямъ: отъ дерева съ плодами отрѣзали вѣтку, нарѣзали ее на кусочки, на которыхъ нацарапывали особые знаки и затѣмъ разбрасывали ихъ по чистому рядну: собирали ихъ, сопоставляя для гаданья, либо жрецъ, либо вѣдунья, либо глава семьи.

Что такое слабое въ своихъ основахъ, колеблющееся, никакимъ мощнымъ жреческимъ сословіемъ не поддерживаемое религиозное вѣрованье могло быть въ сравнительно-короткое время побѣждено христіанствомъ, — это

Древне-сѣверный
руническій календарь, рѣзанный
изъ липоваго
дерева.

Оригиналъ хранится въ Германскомъ музеѣ въ Нюрнбергѣ. Натуральная величина: 1 метръ и 22,6 см. длины и 4,9 см. ширины. Оба куска слѣдуетъ представлять себѣ сопоставленными вмѣстѣ.

Быстрые
услѣхи хри-
стіанства.
Арианизмъ.

болѣе чѣмъ понятно. И побѣждено оно было именно тѣмъ, что въ христіанствѣ все было опредѣленно, все ясно, все осязательно:—это была вѣра тѣхъ, кого невольно приходилось признать болѣе знающими; даже и то обстоятельство, что эта вѣра была изложена въ видѣ писаной книги, должно было придавать ей въ глазахъ этихъ безхитростныхъ людей такую авторитетность, которая, сама по себѣ, внушала имъ довѣріе. Не безъ основанія утверждали нѣкоторые изслѣдователи, что принятіе христіанства до извѣстной степени было облегчено для Германцевъ тѣмъ, что оно первоначально явилось среди нихъ въ формѣ *арианизма*, да и вообще Германскимъ народамъ пришлось стоять въ сторонѣ отъ тѣхъ нескончаемыхъ богословскихъ споровъ, которые повсемѣстно начались вслѣдъ за вторымъ Константинопольскимъ соборомъ (381 г.).

Догматиче-
скіе споры.

Положенія, утвержденныя на этомъ соборѣ, повели къ цѣлому ряду преній и препирательствъ религіозныхъ, которыя вращались преимущественно около личности Христа и вопроса о соотношеніи въ Немъ божественнаго и человѣческаго начала. Затѣмъ затѣялся споръ между *Несторіемъ*, патриархомъ константинопольскимъ, который отказывался признавать Божию Матерь *Богородицей*, и Кирилломъ Александрійскимъ, который это наименованіе отстаивалъ. Не менѣе споровъ вызвалъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли признавать одно или два естества во Христѣ? Вопросъ этотъ, между прочимъ, вызвалъ странное раздраженіе и борьбу партій на соборѣ 449 г. въ Эфесѣ; наконецъ на *Халкедонскомъ* соборѣ 451 г. отыскана была надлежащая формула для рѣшенія этого вопроса и *монофизитизмъ* (т. е. ученіе о томъ, что во Христѣ можно признавать только одно естество) осужденъ какъ ересь. Одновременно съ этимъ шли споры о грѣхѣ и милосердіи Божіемъ, о свободной волѣ человѣка и соотношеніи ея съ Божіемъ милосердіемъ; споры эти тѣсно связаны съ именами *Пелагія* и *Августина*. Первый былъ британскій монахъ, въ 411 г. пришедшій въ Африку; онъ съ настойчивостью утверждалъ, что свобода воли есть высшее, неотъемлемое благо человѣческой природы: и добро, и зло—суть не что иное, какъ свободныя дѣянія человѣка, и только *возможность* дѣлать добро и зло (безъ которой немислимо и *долженствованіе*) исходитъ отъ Бога, при чемъ однакоже Его личность не создаетъ добро, а только способствуетъ его совершенію. Августинъ, противникъ Пелагія, былъ уроженцемъ г. Тагасты (въ Нумидіи); въ 383 г. видимъ его учителемъ краснорѣчія въ Римѣ, а затѣмъ въ Миланѣ, гдѣ онъ, по собственному его призванію, предавался чувственнымъ наслажденіямъ съ великою необузданностью, а затѣмъ перешелъ въ христіанство послѣ долгой и тяжелой внутренней борьбы, и былъ крещенъ въ 387 г., въ Миланѣ же, тамошнимъ епископомъ Амвросіемъ; онъ самъ полагалъ, что обращеніемъ своимъ онъ обязанъ былъ молитвамъ своей матери Моники. Чрезвычайно рѣзкимъ образомъ счумъль онъ противупоставить грѣховное состояніе души дѣйствию милосердія Божія, въ своей собственной жизни испытать и то, и другое самымъ непреложнымъ образомъ; по его воззрѣнію, уже по совершеніи перваго прегрѣшенія, человѣкъ утрачиваетъ свободу воли и подпадаетъ рабству грѣха; изъ этого—то грѣховнаго человѣчества Божіе милосердіе даетъ возможность нѣкоторому числу людей достигнуть блаженства

и въ этихъ избранникахъ дѣйствуетъ независающимъ отъ ихъ воли образомъ. Съ 395 г. Августинъ былъ епископомъ въ Африкѣ и умеръ во время нашествія Вандаловъ. Среди всѣхъ этихъ препирательствъ и споровъ, христіанскія воззрѣнія мало-по-малу развились въ стройную систему догматовъ, утвержденныхъ вселенскими соборами; и одновременно съ этими догматами развилось ученіе о *каѳолической* Церкви, какъ носительницѣ безусловнаго авторитета въ дѣлахъ вѣры, во всемъ томъ, что необходимо человѣку для достиженія блаженства. Представителями авторитета Церкви явились *епископы*. Они одни имѣли право голоса на соборахъ, на рѣшеніи которыхъ основывалась законодательная власть Церкви; они стояли во главѣ клира въ діоцезахъ и назначали клириковъ на различныя должности; во главѣ епископовъ каждой провинціи стоялъ митрополитъ, въ качествѣ епископа мѣстнаго главнаго города, онъ же и созывалъ духовенство на соборы; выше митрополитовъ стояли патріархи—епископы, правившіе Церковью въ главнѣйшихъ центрахъ государства, въ Римѣ, въ Александріи и Антиохіи, къ которымъ причтенъ былъ на соборѣ 381 г. и Константинополь, «Новый Римъ», занявшій почетное мѣсто тотчасъ вслѣдъ за Римомъ; пятымъ патріархомъ былъ признанъ епископъ іерусалимскій, не пользовавшійся, впрочемъ, особымъ значеніемъ. И, среди всѣхъ этихъ патріарховъ, *римскіе* епископы, называя себя преемниками апостола Петра, уже начинали присваивать себѣ первенство и заявляли о своихъ притязаніяхъ на общій надзоръ надъ всею Христіанскою Церковью. Съ полною ясностью эту идею выражалъ уже и *Левъ I* или Великій (440—461 г.), говорившій, что онъ стоитъ во главѣ Церкви во имя апостола Петра и рѣшаетъ по внушенію Божію и апостольскому. Постепенно развиваясь изъ первоначальной, чисто демократической основы, Церковь дошла уже теперь въ своемъ устройствѣ до весьма сложной іерархіи, и, въ лицѣ римскаго епископа, начинала уже видимо стремиться къ подчиненію этой іерархіи монархическому единовластію высшаго главы Церкви.

Іерархія церковная заботилась о томъ, чтобы богослуженіе всюду совершалось правильно, и чтобы вся жизнь человѣка слагалась на основаніи заповѣдей Божіихъ и завітовъ Церкви. Всякіе языческіе символы, изображенія и празднества—всюду исчезли съ лица земли. Празднества въ честь Юпитера и Вакха были замѣнены поминаніями мучениковъ и великихъ подвижниковъ, и такое направленіе благочестія не могло не оказать благотворнаго вліянія на жизнь и бытъ народа. Къ назиданію толпы не мало служили и тѣ подвижники, которые, на глазахъ у всѣхъ, поднимали на свои плеча тяжелый крестъ самоотреченія и духовныхъ подвиговъ. Необходимымъ и вполне своеобразнымъ дополненіемъ прѣчихъ формъ и средствъ каѳолической Церкви явилось *монашество*. Оно проявилось сначала въ Египтѣ: ревнители вѣры, убѣгая соблазновъ міра, уходили въ ближайшую пустыню и жили тамъ одинокими отшельниками, подобно *Антонію* или *Павлу Оувейскому*, изнуряли свою плоть и боролись съ навѣтами и кознями злого духа. Но этихъ отшельниковъ (*эремитовъ* или *анакхоретовъ*) вскорѣ явилось такъ много, что они уже стали соединяться въ общегитія, подчиненныя общимъ правиламъ. Древнѣйшее изъ та-

Іерархія.
Монаше-
ство.

кихъ общежитій было основано въ 340 г., на одномъ изъ острововъ Нила, *Пахоміемъ*. Первые монахи, явившіеся въ Европѣ, составляли свиту Аванасія Александрійскаго, изгнаннаго изъ Александріи во время великаго раздора, внесеннаго въ Церковь аріанствомъ. Но уже около времени смерти Атиллы (454 г.) въ Норикѣ поселился выходецъ съ Востока, подобный монахамъ служитель Божій, *Северинъ*, котораго вскорѣ всѣ стали почитать, какъ непреложнаго совѣтника и прорицателя.

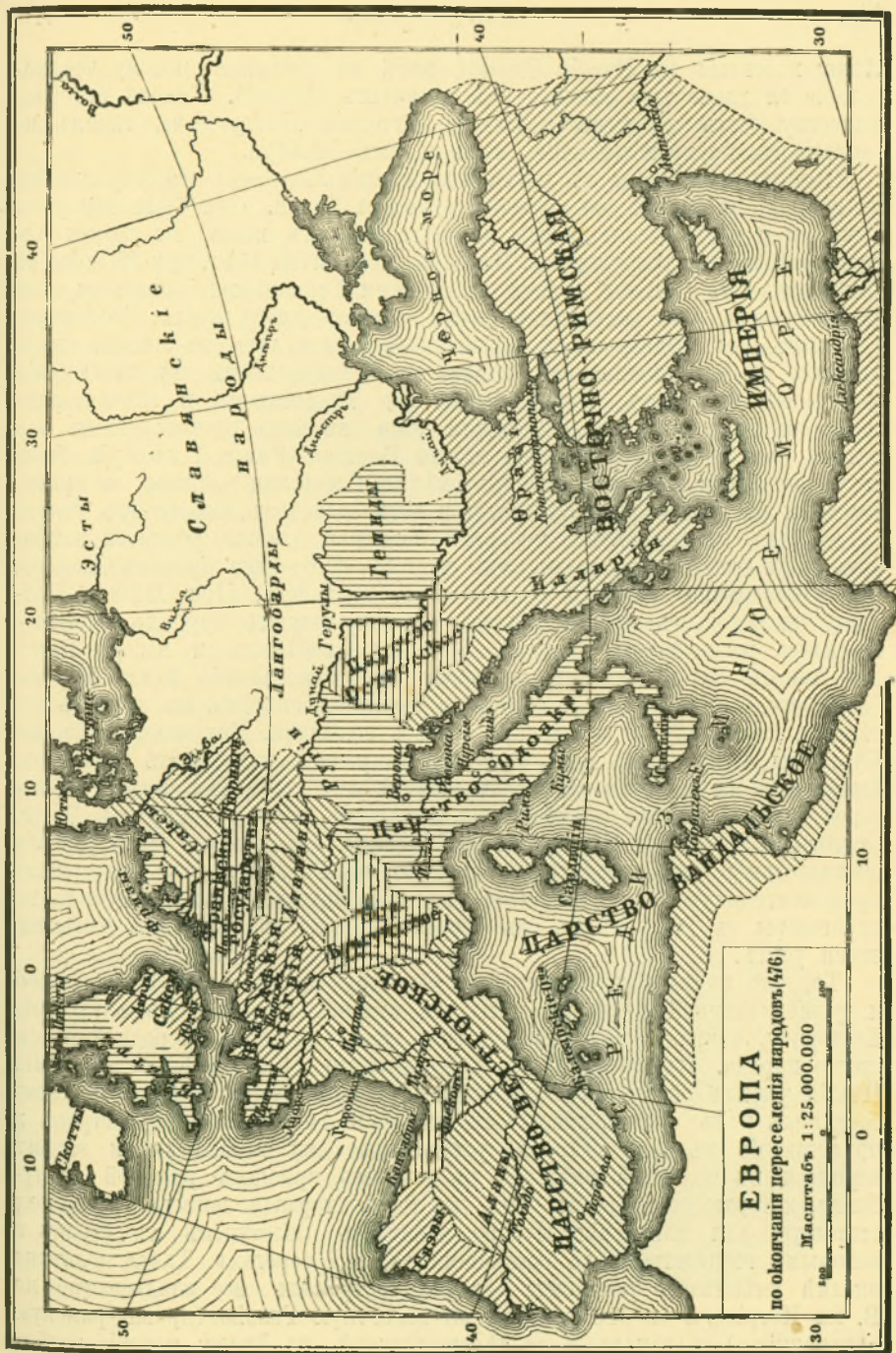
Вотъ тотъ кругъ понятій, въ которомъ жили побѣжденные варварами романскіе народы, и этотъ замкнутый, но весьма послѣдовательно созданный кругъ идей долженъ былъ, конечно, поразить ихъ германскихъ побѣдителей. Самъ Одоакръ, на пути въ Италію, счелъ долгомъ посѣтить укромную келью св. Северина—и долженъ былъ склонить свою гордую голову при входѣ въ ея низенькую дверь; и говорятъ, будто святой предсказалъ ему великую будущность, а впоследствии, когда онъ уже былъ королемъ,—возвѣстилъ ему и близкій конецъ его господства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Остготы и Теодорикъ.—Франки и Хлодвигъ.—Императоръ Юстиніанъ и вторичное завоеваніе Запада.—Лангобарды въ Италиі.—Франкское королевство въ VI и VII столѣтіяхъ.

Господство
Одоакра.

Господство Одоакра дѣйствительно оказалось непродолжительнымъ. Оно еще не успѣло пустить глубокихъ корней и навѣрно не было тягостнымъ. Корысть его воиновъ была весьма легко удѣлѣна тѣмъ, что имъ роздали участки земли во владѣнія: надѣливъ ихъ земельными владѣніями, тѣмъ самымъ старались предупредить нѣчто худшее въ будущемъ. Во владѣніе воиновъ Одоакра отдана была, такимъ образомъ, цѣлая треть италійской территоріи. Въ управленіе городами и муниципіями (въ существеннѣйшихъ чертахъ сохранившими свой внутренній строй отъ древнѣйшихъ временъ Рима) онъ не вступался, а равно не вмѣшивался и въ дѣла церковныя: сближенію его съ мѣстнымъ населеніемъ Италиі въ значительной степени препятствовало то, что онъ былъ аріанинъ, а они придерживались католической вѣры, утвержденной вселенскими соборами. Съ нимъ нѣсколько примирялъ населеніе титулъ патриція, данный ему императоромъ; но, вообще говоря, власть Одоакра носила, какъ необходимое зло, которое могло бы быть еще гораздо невыносимѣе и тягостнѣе. Онъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять обезпечилъ альпійскую границу отъ новыхъ вторженій съ германской стороны, и съ этою цѣлью велъ даже кое-какія войны, какъ, напримѣръ, противъ короля Ругіевъ, Февы, который осѣлъ было по обоимъ берегамъ Дуная, къ востоку отъ

ЕВРОПА
 по окончании переселения народов (476)
 Масштабъ 1:25.000.000

Инна; возставія въ Италіи Одоакръ могъ не опасаться, потому что населеніе ея давно уже отвыкло отъ военныхъ дѣйствій. Конецъ его владычеству былъ положенъ королемъ Остготовъ *Теодорикомъ*, такимъ же германцемъ по происхожденію, какъ и самъ Одоакръ.

Остготы.
Теодорикъ.

Остготы жили тогда въ древней провинціи *Панноніи*, простиравшейся на югъ и на западъ отъ средняго теченія Дуная. Они были покорены Гуннами и вновь освободились изъ-подъ ига ихъ, когда, по смерти Аттилы, его царство разрушилось. Послѣ славной битвы 454 г. при *Недадѣ* (въ Панноніи), гдѣ Остготы, вмѣстѣ съ другими Германцами, бился за свою независимость, они соединились подъ властью одного вождя, *Теодемира*. Его сынъ былъ *Теодорикъ*, который около десяти лѣтъ, въ юности своей, прожилъ въ Константинополѣ, попавъ туда заложникомъ при заключеніи одного изъ договоровъ, между отцомъ его Теодемиромъ и западно-римскимъ императоромъ. Послѣ смерти отца онъ былъ провозглашенъ королемъ Остготовъ; но отношенія его къ Восточно-Римской имперіи были неутѣшительны: ненадежный миръ смѣнялся мелкими войнами, не приводившими ни къ какому результату, и вотъ, наконецъ, императоръ *Зенонъ* (474—491), придерживаясь коварной политики слагаго, рѣшился направить силы одного варвара противъ другого—Теодорика противъ Одоакра. Около Теодорика собралось до 200—300.000 войска. При Изонцо Остготы, къ которымъ присоединились остатки всякихъ другихъ племенъ, сразились въ войскомъ Одоакра. Теодорикъ побѣдилъ, и вскорѣ послѣ того нанесъ уже поколебленному врагу другое пораженіе близъ Вероны (489); его быстрые успѣхи возбудили однакоже опасенія въ другихъ соседнихъ племенахъ, и у Одоакра явились союзники. Ему оказали помощь Бургунды, между тѣмъ какъ Вестготы старались поддержать Остготовъ. Произошла на берегахъ *Адды* (въ августѣ 490 г.) третья битва, въ которой боролись между собою многія германскія племена—Герулы, Ругин, Остготы и Вестготы, Бургунды и Вандалы,—и Одоакръ былъ разбитъ окончательно; онъ поспѣшилъ укрыться въ Равенну, тамъ выдержалъ продолжительную осаду, наконецъ, терпя нужду во всемъ, вступилъ въ переговоры съ Теодорикомъ (въ февралѣ 493 г.) и былъ имъ измѣнически убитъ.

То, что не удалось осуществить Одоакру при посредствѣ небольшой и разноплеменной воинской силы, то удалось привести въ исполненіе Теодорикю, опираясь на надежную силу значительной и однородной массы своего народа. Въ теченіе его 33-хъ-лѣтняго (493—526 г.) правленія Италія успѣла отдохнуть и оправиться. Прежде всего Теодорикъ вновь соединилъ подъ своимъ владычествомъ весь Аппенинскій полуостровъ и прилегающіе къ нему острова, уступленные ему Вандалами, и затѣмъ вернулся въ политикѣ вѣншей къ давнимъ приемамъ римской республики, которые состояли въ томъ, что Римъ старался защитить отовсюду открытую для нападений Италію занятіемъ подступовъ къ странѣ и военнымъ господствомъ на ближайшихъ къ ней берегахъ. Такая политика вполне увѣнчалась успѣхомъ: онъ распространилъ свое владычество на В. на *Истрію*, а съ 510 г. и на юго-восточную Галлію (древне-римскую «провинцію») съ запада, а на сѣверо-востокъ—до Дуная; морскіе разбои

Вандаловъ онъ сурово обуздаль, выстроивъ для борьбы съ ними цѣлую тысячу мелкихъ судовъ. Съ восточно-римскимъ дворомъ онъ умѣлъ отлично ладить: на монетахъ онъ приказалъ чеканить изображеніе императора, на всѣхъ публичныхъ надписяхъ выставилъ имя императора впередъ, а свое ставилъ позади, и въ письменныхъ сношеніяхъ съ восточно-римскимъ дворомъ держался тѣхъ приниженныхъ формъ, которымъ тамъ придавали большое значеніе. Въ Константинополь, гдѣ въ 491 г. *Анастасій* наследовалъ *Зенону*, переносили поневолѣ то, чего нельзя было измѣнить, и только съ 518 г., съ воцаренія *Юстина*, отношенія къ Италіи поколебались, и въ вину королю италійскому, Теодорикъ, было поставлено и то, что онъ варваръ, и то, что принадлежить къ аrianству. Но значеніе Теодорика было очень велико въ германскомъ мірѣ, и мощный образъ побѣдителя при Веронѣ не даромъ сохранился даже и въ памяти народной, въ произведеніяхъ народной поэзіи. И дѣйствительно, Теодорикъ всѣми силами старался соблюсти мирную связь между сосѣдственными германскими народами, на основахъ существующаго порядка вещей, при чемъ пытался все же удержать за собою свою царственную долю, свое владычество надъ среднею страной — Италіей, и упрочивалъ его политическими брачными союзами. Онъ выдалъ своихъ дочерей замужъ за бургундскихъ и вестготскихъ князей; самъ же избралъ себѣ въ жены дочь опаснѣйшаго изъ германскихъ вождей, франкскаго короля Хлодвоя или Хлодвига, беспокойнаго честолюбца, стремившагося къ единоличному обладанію всей Галліей, которому однакоже Теодорикъ воспрепятствовалъ слишкомъ безпощадно воспользоваться плодами его побѣды (517 г.) надъ Вестготами.

Италія въ теченіе всего правленія Теодорика наслаждалась благами прочнаго мира и сильной правительственной власти, которая, руководясь законами, проявлялась разумно и мягко. Великимъ благомъ было и то, что въ страну введено было значительное количество свѣжихъ и сильныхъ поселенцевъ, и что подъ защитою ихъ (они одни имѣли право носить оружіе и не только сохранили, но даже еще усовершенствовали свою военную организацію) романское населеніе всюду могло приняться за свою мирную трудовую дѣятельность. Торговля и промышленность ожили вновь; безопасность всюду была образцовая: каждый могъ изъ конца въ конецъ страны проѣзжать и перевозить свое имущество, безъ малѣйшаго страха, и безпрепятственно вѣзжать въ города, въ которыхъ ворота были день и ночь открыты. Готы заняли въ Италіи, приблизительно, такое же положеніе, какое нѣкогда занимали Спартиаты въ древней Лаконіи, — положеніе воинской аристократіи; на выдѣленныхъ имъ участкахъ они жили, руководясь

Италія при
Теодорикѣ.

Монограмма Теодорика.
На одной изъ капителей колоннъ въ
Равеннской базиликѣ.

народнымъ правомъ, а коренное народонаселеніе жило по своимъ римскимъ законамъ, которые Теодорикъ признавалъ въ полной силѣ. Споры и тяжбы между Готами и Римлянами улаживалъ готскій графъ при помощи римскаго юриста, и общественныя отношенія, установившіяся между двумя народностями, прекрасно рисуются въ современной поговоркѣ, которую приписываютъ самому Теодорику: «знатный Готь охотно принимаетъ на себя роль римлянина, а бѣдный римлянинъ весьма охотно прикидывается Готомъ». Но дѣйствительнаго сліянія, или даже сближенія обоихъ элементовъ, мы не видимъ. Италійцы, обладавшіе тысячелѣтней высоко-развитой культурой, ненавидѣли и презирали своихъ побѣдителей, передъ которыми, однакоже, должны были преклоняться; но все же самымъ важнымъ препятствіемъ къ сближенію служила религія. Христіанство Готовъ представлялось Италійцамъ «аріанскою ересью»,—вѣрованьемъ необразованнаго, бѣднаго и простаго народа, и притомъ такою формою религіи, которая мало давала простора вліянію священнослужителей,—а по сравненію съ этою формою христіанство Римлянъ представлялось глубоко и тонко обдуманною, догматически развитою религіею, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, и великолѣпное, торжественное служеніе Римской Церкви несомнѣнно производило сильное впечатлѣніе на германскихъ завоевателей. Теодорикъ отличался полнѣйшею вѣротерпимостью и въ высшей степени снисходительно относился къ ощущеніямъ покоренныхъ имъ Италійцевъ. Онъ только разъ заглянулъ въ Римъ и жилъ постоянно въ Равеннѣ, стараясь поддерживать самыя дружескія отношенія съ духовенствомъ римскимъ и съ его главою, епископомъ римскимъ; но онъ, конечно, даже и такимъ способомъ не могъ обезоружить религіозную ненависть и высокоуміе, которому не давалъ даже повода къ жалобамъ на преслѣдованія. Трудности занимаемаго Теодорикомъ положенія выказались явственно только къ концу его правленія, когда его отношенія къ константинопольскому двору измѣнились и заставили его опасаться дѣйствительныхъ заговоровъ или даже тѣни ихъ; въ это время жертвами его подозрительности пали многіе именитые римскіе мужи: въ томъ числѣ погибъ и *Бозцій*, человекъ всѣми уважаемый, замѣчательный государственный дѣятель, философъ и писатель, пользовавшійся вниманіемъ и самого Теодорика. Это происходило въ 524 г.; два года спустя, въ 526 г., Теодорикъ умеръ въ своемъ равеннскомъ дворцѣ, на 37 году своего правленія, на 33 году послѣ вступленія въ Италію. Этому господству Готовъ грозили большія опасности, тѣмъ болѣе, что Теодорикъ не оставилъ по себѣ сына, и власть его перешла къ десятилѣтнему внуку, *Аталариху*, за котораго въ качествѣ регентши правила его мать, *Амалазунта*.

Галлія до
Хлодвига.

Около того же времени, когда Остготы осѣли въ Италіи, въ Сѣверной Галліи образовалось Германское государство при гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели Готское государство въ Италіи. Незадолго до того момента, когда послѣдній изъ западно-римскихъ императоровъ сошелъ съ исторической сцены, Галльская земля была раздѣлена на пять или на шесть самостоятельныхъ частей. Юго-восточная часть, отъ Пириней до Луары, входила въ составъ Вестготскаго царства и была его важнѣй-

Внутренний видъ арианскаго собора, воздвигнутаго въ 500 г. въ Равеннѣ
Теодориномъ.

Передавъ въ руки римскаго духовенства въ 560 г.; нынѣ извѣстенъ
подъ именемъ С. Аполлинаре Нуово.—Здѣсь соборъ представленъ въ
своемъ прежнемъ видѣ.

шею частью, въ которой находился центръ царства, городъ *Толоза*; ихъ сосѣди на В., въ долины Роны и Соны, были *Бургунды*; на западѣ, на одномъ изъ полуострововъ, утвердились *Бритты*, вытѣсненные изъ-за моря англосаксонскимъ владычествомъ; отъ нихъ и самый полуостровъ получил на-

Мавзолей Теодорина въ Равеннѣ.

Въ его нынѣшнемъ состояніи.

званіе *Бретани*. Сѣвернѣе, страна отъ Луары до Соммы составляла еще сплошную римскую провинцію, которою и правилъ нѣкій *Сиагрий* въ качествѣ патриція и какъ-бы подъ верховенствомъ имперіи. На этотъ остальной клочокъ римской области съ юго-востока, съ верховьевъ и со средняго теченія Рейна, напирали *Аллеманы*, давно уже переступившіе за Рейнъ; съ сѣвера, съ низовьевъ Рейна—*Франки*, которые уже успѣли овладѣть всею территоріею отъ Сѣвернаго моря до Соммы и Мааса, т. е. нынѣшнею Голландіею и Бельгіею.

Франки (не отдѣльное племя, а союзъ племенъ) раздѣлялись на двѣ большія группы:—Франковъ *ринуарскихъ*, столицею которыхъ былъ римскій городъ *Колонія*, и Франковъ *салическихъ*; среди послѣднихъ преобладающею властью пользовался сикамбрскій родъ, носившій прозваніе *Меровинговъ*. Франки и Аллеманы были еще язычники. Бургунды и Вестготы были христіанами арианскаго толка, между тѣмъ какъ исконное населеніе Галліи, обращенное въ христіанство еще въ IV в., принадлежало къ католической Церкви. Франки, подвигаясь впередъ медленнѣе прочихъ германскихъ народовъ, являвшихся на римской территоріи, укор-

нялись однакоже тверже ихъ на своихъ новыхъ поселеньяхъ; они всё очень быстро перешли къ земледѣлю и образовали много маленькихъ отдѣльныхъ государствъ подъ властью королей.

Въ 481 г. умеръ меровингъ Хильдерикъ, и 15-ти-лѣтній сынъ его, Хлодвигъ (или Хлодовей), провозглашенъ былъ королемъ салійскихъ Франковъ. Не видимъ у него никакихъ благородныхъ и рыцарскихъ качествъ германскихъ королей-воиновъ: — это истый варваръ, алчный до власти и корысти, котораго вовсе не коснулось высшее развитіе римскаго міра, даже и среди своего паденія и растлѣнія все же способнаго дѣйствовать возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ на такихъ дѣятелей, какъ Теодорикъ. И самое христіанство не оказало на Хлодвига ни малѣйшаго вліянія: и будучи язычникомъ, и впоследствии, будучи христіаниномъ, онъ дѣйствовалъ безъ зазрѣнія совѣсти тамъ, гдѣ дѣло шло о расширеніи его власти и владѣній.

Хлодвигъ.
481.

Онъ не долго медлилъ: въ 486 г., будучи 19-ти-лѣтнимъ юношей, Хлодвигъ напалъ, во главѣ своей дружины, на Сиагрія, разбилъ его при Суассонѣ и (когда тотъ былъ выданъ ему запуганнымъ вестготскимъ королемъ Аларихомъ II) велѣлъ его казнить. Завоеваніе страны было весьма не затруднительно, такъ какъ римское правительство не было любимо населеніемъ. Отдѣльные города, одинъ за другимъ, капитулировали и переходили на сторону побѣдителя, который получилъ полнѣйшую возможность надѣлать своихъ дружинниковъ землею, не особенно стѣсня высшіе классы романскаго населенія. Казенныхъ земель и конфискацій, неизбѣжныхъ при каждомъ завоеваніи, оказалось уже достаточно, чтобы снабдить короля и всю его свиту аллодіями (удѣлами).

Побѣда надъ
Сиагріемъ.

Въ 493 г., въ самый годъ пораженія Одоакра, юный король вступилъ въ бракъ, который былъ весьма обиленъ послѣдствіями. Онъ женился на Хротегильдѣ, дочери бургундскаго короля Хильперика, убитаго роднымъ своимъ братомъ Гундобальдомъ. Хротегильда вскорѣ съумѣла подчинить супруга своему вліянію, и, сама будучи ревностной христіанкой, старалась всѣми силами и Хлодвига обратить въ свою вѣру. Богословскія пренія супруговъ, насколько ихъ передаетъ намъ историкъ Франковъ, епископъ Григорій Турскій, даютъ намъ возможность заглянуть въ кругъ понятій этихъ франкскихъ вождей. Хротегильда настаивала, чтобы супругъ ея молился Истинному Богу, создавшему небо и землю; Хлодвигъ возражалъ ей, что небо и земля, по его мнѣнію, скорѣе созданы его богами. «Вашъ Богъ», замѣтилъ онъ женѣ, «очевидно существо весьма слабое, — да къ тому же еще Онъ и родомъ-то не изъ боговъ». Но несмотря на эти разсужденія, онъ соглашается, чтобы старшій сынъ ихъ былъ крещенъ; но этотъ сынъ умираетъ. «Вотъ вѣдь, будь онъ посвященъ во имя моихъ боговъ, такъ и теперь бы еще былъ живъ» — заявилъ опечаленный король. Нѣсколько времени спустя, у королевы родился другой сынъ: заболѣлъ было и этотъ, но по молитвѣ Хротегильды выздоровѣлъ. Вообще замѣтно, что вопросъ о принятіи христіанства занимаетъ короля и онъ ясно сознаетъ выгоды подобнаго шага; но его останавливаетъ такое соображеніе: до того времени языческіе боги доставляли побѣды ему и его воинамъ, а христіанскій Богъ, Богъ побѣжденныхъ, выказывалъ Себя не

Пораженіе
Аллеманамъ
и принятіе
христіанства.
496.

особенно могущественнымъ. Военное событіе подало поводъ къ тому, чтобы Хлодвигъ рѣшился наконецъ сдѣлать шагъ, необходимость котораго была очевидна. Аллеманы, которымъ Готское царство мѣшало продвигаться на югъ, давно уже тѣснили Франковъ рингарскихъ и ихъ короли Альберта, который, при новомъ нападеніи Аллемановъ, призвалъ Хлодвигъ на помощь (496 г.). Между Рейномъ и Маасомъ, при Тольбиакѣ, дѣло дошло до битвы:—и въ этой битвѣ впервые Хлодвигъ обратился къ Богу христіанъ со своей языческой молитвой: «Иисусъ Христосъ»,—такъ передастъ намъ эту молитву Григорій Турскій,—«Хротегильда говоритъ, что Ты Сынъ Бога Живаго и даруешь побѣды тѣмъ, кто на Тебя уповаеетъ: если Ты даруешь теперь побѣду мнѣ, то я въ Тебя стану вѣрить и дозволю себя окрестить во Имя Твое: ибо я зывалъ къ своимъ богамъ, но они мнѣ не оказали помощи». И вотъ, побѣда, колебавшаяся на ту и на другую сторону, была рѣшена: Аллеманы обратились въ бѣгство. Пораженіе ихъ было полное; они утратили значительную часть своей территоріи, которую затѣмъ Хлодвигъ взялъ себѣ, включивъ ее въ достояніе короны, а нѣкоторую долю ея раздѣлилъ на участки между своею знатью и воинами; въ то время даже и часть Баваріи, и часть Вюртемберга—отошли къ франкскимъ владѣніямъ, и только весьма опредѣленно выраженная воля Теодорика воспрепятствовала франкскому королю еще шире раздвинуть предѣлы своихъ владѣній. Но Аллеманы, послѣ нанесеннаго имъ пораженія, утратили всякое значеніе среди германскихъ племенъ.

Крещеніе
Хлодвигъ.

Хлодвигъ, послѣ побѣды, не замедлилъ исполнить свой обѣтъ, что было вдвойнѣ необходимо и еще легче исполнимо теперь, когда его власть распространилась еще на новыя, обширныя области. Христіанство уже составляло въ то время великую духовную силу, правившую всѣми мірскими дѣлами, и было совершенно ясно, что прочная власть могла установиться на романской почвѣ и была доступна только тому побѣдоносному меньшинству, которое было-бы единовѣрно съ большинствомъ побѣжденныхъ. Особенно благоприятнымъ въ данномъ случаѣ было то условіе, что Хлодвигъ имѣлъ полнѣйшую возможность свободнаго выбора между обѣими формами исповѣданія, господствовавшими въ то время,— между католическою и арианскою. Онъ не поколебался избрать первую изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что она уже начинала значительно преобладать надъ арианствомъ, и даже среди Германцевъ переходы изъ арианства въ лоно католической Церкви были уже не рѣдки (такъ напр. было съ Бургундами); и вотъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ противниковъ арианской ереси, епископъ реймскій *Ремій*, совершилъ крещеніе надъ Хлодвигомъ и его дружиной. Это происходило въ Реймсѣ, въ самое Рождество (496 г.) и здѣсь уже ясно выказалось то умѣнье, съ которымъ современное духовенство привлекало къ себѣ этихъ грубыхъ воиновъ. Повидимому, Франки не особенно охотно переходили изъ язычества въ христіанство, не охотно разставались со старыми богами, которые, на ихъ взглядъ, вовсе не были такъ худы, да притомъ и баловали ихъ немалыми успѣхами за послѣднее десятилѣтіе. Но король ихъ рѣшился на этотъ шагъ—и его обращенію старались придать возможно болѣе торжественную обстановку: улицы города были всячески украшены; церковь, въ которой приготовлена была

купель, была кругомъ увѣшана бѣлыми завѣсами, и вся освѣщена множествомъ горящихъ свѣчей. «Весь храмъ»—съ одушевленіемъ повѣствуетъ намъ Григорій Турскій объ этомъ великомъ историческомъ событіи—«былъ исполненъ небеснаго благоуханія и Богъ излилъ столь великую благодать на всѣхъ въ то время присутствовавшихъ въ храмѣ, что всѣмъ имъ казалось, будто они въ раю и вдыхаютъ его благоуханія». И дѣйствительно, со стороны Хлодвига не легко было рѣшиться на этотъ шагъ. «Склони главу твою, Сикамбръ»,—такъ обратился къ королю епископъ,—«поклоняйся тому, что ты доселѣ преслѣдовалъ, и преслѣдуй то, чему доселѣ поклонялся». Извѣстіе о крещеніи Хлодвига во всемъ романскомъ мірѣ возбудило великую радость и ликованіе. По этому поводу Григорій Турскій сообщаетъ намъ множество примѣровъ той непримиримой ненависти, съ которою всѣ, принадлежавшіе къ католической Церкви, относились къ исповѣдывавшимъ арианство. И эта ненависть, это религиозное разъединеніе и были именно тѣмъ зародышемъ гибели, которое уже носили въ себѣ всѣ остальные германскія государства: и въ этомъ именно смыслѣ государству Хлодвига предстояло великое будущее! Онъ стремился обладать нераздѣльно всею Галліей,—и уже зналъ заранѣе, что всѣ епископы, все духовенство и все романское населеніе будутъ на его сторонѣ.

Подчиненіе *Бургундовъ* не удалось; власть надъ ними упрочилась въ рукахъ Гундобальда, убійцы отца Хротегильды. Что же касается до борьбы съ *Вестготами*, которую Хлодвигъ началъ въ 507 г., то онъ и самъ ее называлъ «религиозною войною». Григорій Турскій влагаетъ ему въ уста такія рѣчи: «мнѣ больно видѣть, что часть Галліи находится въ рукахъ этихъ арианъ; пойдѣмъ на нихъ войною, одолѣмъ ихъ съ Божьей помощью, и овладѣмъ ихъ страной». Битва, рѣшившая судьбы Галліи, произошла при *Вулэ*, недалеко отъ Пуатье. Готы и король ихъ Аларихъ II бились храбро, но войско Хлодвига, повидимому, оказалось болѣе выносливымъ и лучше устроеннымъ:—Готы были разбиты, самъ Аларихъ палъ въ битвѣ или во время бѣгства и Хлодвигъ завладѣлъ всею страной до самой Гаронны. Остальныя владѣнія Готовъ въ Галліи и въ Испаніи были спасены только вмѣшательствомъ Теодорика, который тщетно пытался воспрепятствовать войнѣ, возгорѣвшейся между двумя родственными ему королями; эти остатки Готскаго царства перешли во власть несовершеннолѣтняго Амалариха, сына погибшаго въ битвѣ Алариха. Около этого времени, Хлодвигъ получилъ отъ константинопольскаго двора титулъ патриція и проконсула—неизвѣстно, по просьбѣ-ли, или безъ всякаго ходатайства, по благорасположенію восточно-римскаго правительства. Титулъ этотъ, однакоже, значительно облегчилъ сліянiе двухъ народностей и даже въ среду приближенныхъ короля внесъ нѣкоторое равновѣсіе и равномѣрность отношеній; а дворъ его, теперь пребывавшій въ Лутеція (Парижѣ),—этомъ естественномъ центрѣ управленія Галліею,—былъ дѣйствительно разнообразенъ по составу: тутъ видимъ и епископовъ, и знатныхъ вельможъ романскаго происхожденія, и грубыхъ представителей франкской дружины Хлодвига.

Послѣднимъ дѣломъ Хлодвига было сліянiе рипуарскихъ Франковъ съ салическими. Онъ подчинилъ своей власти мелкія владѣнія въ области

Бургунды и
Вестготы.

Сліянiе
Франковъ.

салических Франковъ и выказалъ при этомъ много хитрости и жестокости. Короля рипуарскихъ Франковъ, Сигберта, онъ устранилъ очень просто, подговоривъ его сына — убить отца; а затѣмъ и къ сыну подослалъ убійцу. Послѣ этого онъ былъ провозглашенъ королемъ и рипуарскихъ Франковъ. Но этому едва-ли можно удивляться въ виду того, что и нравственный уровень современнаго духовенства былъ далеко не высокимъ. Григорій Турскій, подробно излагая намъ всѣ эти ужасы, наивно добавляетъ: «Богъ, что ни день, преклонялъ предъ нимъ враговъ его и распространялъ его царство»... Въ 511 г. Хлодвигъ умеръ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ и мужественной силы.

Наслѣдники
Хлодвига.
511.

Послѣ Хлодвига осталось четверо сыновей — Теодоригъ, Хлодомаръ, Хильдебертъ и Клотаръ — и тотчасъ же выяснилось, какъ эти наслѣдники Хлодвига были мало проникнуты пониманіемъ возложенной на нихъ государственной задачи: — они подѣлили царство отца на четыре части и каждый избралъ себѣ въ своей части особую столицу. Реймсъ, Орлеанъ, Парижъ, Суассонъ — одновременно явились столицами. Настоящимъ наслѣдникомъ Хлодвига явился Теодоригъ, происходившій не отъ брака съ Хротегильдой. Несмотря на это раздѣленіе власти и на тѣ дурныя послѣдствія, какія оно имѣло во внутреннемъ управленіи, мощь Франковъ и въ ближайшія десятилѣтія проявилась новыми воинскими предпріятіями: такъ на примѣръ въ 551 г. видимъ франкское войско, побѣдоносно оттѣсняющее Тюринговъ отъ ихъ западной границы; въ 534 г., послѣ долгой борьбы, былъ положенъ конецъ и *Бургундскому* королевству.

Восточно-
римскій
дворъ.

Въ то время, какъ это происходило на Западѣ, на Востокѣ уже шли приготовленія къ такому предпріятію, которое угрожало господству Франковъ не только въ настоящемъ его объемѣ, но и въ будущемъ его распространеніи. При *восточно-римскомъ* дворѣ принято было рѣшеніе, вновь возстановить единство Римской имперіи и вооруженною рукою положить конецъ захватамъ владѣній и власти на Западѣ.

Императоръ
Юстиніанъ.

На эти узурпаціи никогда не смотрѣли въ Константинополѣ какъ на нѣчто окончательно рѣшенное. Тамъ еще живо было сознаніе единства имперіи, тамъ величавое и громкое наименованіе «*Римской Имперіи*» было не пустымъ словомъ. Обыкновенно, описывая внутреннее состояніе Восточно-Римской имперіи, обращаютъ, главнымъ образомъ, вниманіе на двѣ бытовыя черты, какъ на особенно-характерныя и выдающіяся: на догматическіе споры и на борьбу партій цирка. Но эта до самозабвенія доходящая горячность въ спорахъ религіозныхъ вовсе не можетъ быть названа чертою характерною, такъ какъ она проявлялась не только въ Восточно-Римской имперіи и не только въ это время; да и едва-ли заслуживаетъ порицанія та черта человѣческой природы, что, разъ проникнувъ въ область религіознаго мышленія, она страстно стремится разгадать, разслѣдовать его тайны. Иногда случается при всѣхъ подобныхъ спорахъ (а тутъ это случалось въ особенности часто), что спорившіе не сходились въ *словахъ*, и изъ-за одного слова возникали партіи, которыя, слѣдовательно, были не болѣе осмыслены, нежели пристрастіе къ голубому или зеленому цвѣту одежды возницъ при конскихъ риставіяхъ въ циркѣ, которыми тоже страстно увлекалось въ ту пору все населеніе Константинополя.

Но и это явленіе не было ни новымъ, ни характернымъ,—уже въ послѣдніе годы римской республики пристрастіе къ такого рода играмъ проявлялось въ Римѣ съ болѣзненной горячностью. Иноземцы, посѣщавшіе Римъ, уже и тогда удивлялись, до какой степени эти игры могли быть предметомъ всѣхъ разговоровъ въ столицѣ: а чѣмъ болѣе деспотизмъ и его чиновничество подавляли въ столичномъ населеніи живой интересъ къ болѣе важнымъ вопросамъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе страстно оно должно было относиться къ подобнымъ пустякамъ. вмѣстѣ съ другими пороками и безобразіями древняго Рима, и эта страсть къ играмъ цирка была перенесена въ «Новый Римъ», и, какъ это бываеъ очень часто, она тамъ еще возросла и достигла наконецъ чудовищныхъ размѣровъ. Сначала существовали въ циркѣ четыре цвѣта, по которымъ отличали запряжки коней, ихъ возницъ и ихъ собственниковъ; позднѣе, только два цвѣта, зеленый и голубой: и каждый изъ присутствующихъ почиталъ долгомъ стать на сторону тѣхъ или другихъ; легко можетъ быть, впрочемъ, что за этою принадлежностью къ партіямъ цирка скрывались и церковныя, и политическія интересы различныхъ группъ населенія. И какъ ни была своеобразна эта картина политической жизни партій по отношенію къ нѣкоторымъ сторонамъ общественнаго быта и жизни, однакоже эти болѣе выдающіяся въ ней стороны ничуть не были важнѣйшими въ современной жизни государства, которое императоры—*Зенонъ* (съ 474 г.), *Анастасій* (съ 491 г.) и *Юстинъ* (съ 518 г.)—всѣми силами старались вновь укрѣпить, послѣ того, какъ имъ были пережиты бурные періоды послѣдней половины вѣка. И мы видимъ дѣйствительно, что всюду въ государствѣ

Юстиніанъ со своею свитою. По современной мозаикѣ—въ Равеннѣ.

царить порядокъ въ управленіи, избытокъ въ казнѣ государственной, и войско вновь приведено въ такое положеніе, въ которомъ оно могло представлять собою грозную силу. И вотъ, въ 527 г. на престолѣ вступилъ племянникъ Юстинна, *Юстиніанъ*, и вступилъ въ возрастъ вполне зрѣ-

ломъ — ему было 45 лѣтъ. Съ его именемъ связано безсмертное дѣяніе, нѣкогда задуманное великимъ Цесаремъ, но которое могло быть совершено только теперь, 500 лѣтъ спустя: полное собраніе римскаго права въ видѣ громаднаго сборника законовъ—*Corpus juris Romani*,—надъ составленіемъ котораго, съ самаго начала его царствованія, трудились цѣлыя комиссіи замѣчательныхъ юристовъ, въ существеннѣйшихъ чертахъ закончившія его къ 529 году. Собрать, въ наглядномъ сопоставленіи, результаты тысячелѣтняго развитія права, Юстиніанъ закрѣпилъ одно изъ великихъ достояній человѣчества, въ принципѣ положилъ конецъ рабству и воздвигъ своему царствованію такой же прочный памятникъ, какой воздвигъ и торжествующей Православной Церкви въ видѣ громаднаго храма св. Софіи (т. е. «Премудрости Божіей»). На мгновеніе и Юстиніаново могущество было потрясено призракомъ партій цирка. Императоръ оказывалъ покровительство «*Голубымъ*», и въ 532 г. разразилось вдругъ такое возстаніе «*Зеленыхъ*», что и тронъ, и жизнь императора оказались въ опасности. Однакоже его снасла энергія его супруги *Теодоры*, которая не даромъ изъ весьма двусмысленнаго положенія возвышена была въ супруги императора и увѣнчана была саномъ Августѣйшей; она вынудила Юстиніана не торопиться рѣшеніемъ, а между тѣмъ *Велизарій*, замѣчательный полководецъ, уже прославившійся въ войнахъ съ Персами, успѣлъ при помощи надежнаго войска подавить возстаніе и залить его пламя кровью *Зеленыхъ*.

Походъ противъ Вандаловъ. 533 г.

Этому же самому полководцу поручено было выполненіе и великаго замысла — возстановленіе «единой Римской имперіи»,—къ которому Церковь относилась весьма сочувственно, такъ какъ съ этимъ было связано искорененіе аріанской ереси. Съ Персами заключенъ былъ миръ, и, въ іюнѣ 533 г., флотъ въ 600 кораблей (съ 16.000 пѣхоты и 5.000 конницы) вышелъ изъ гавани константинопольской, чтобы изъять провинцію *Африку* изъ-подъ власти Вандаловъ.

Вандалы слыли за суровѣйшій изъ всѣхъ варварскихъ народовъ, обрунившихся на территорію Римской имперіи; и имъ-то пришлось осѣсть въ той самой провинціи, которая наиболѣе изобиловала пороками утонченной цивилизаціи: не даромъ одинъ изъ современныхъ христіанскихъ писателей называетъ Африку «клоакой пороковъ»—*sentina vitiorum*. Болѣе чистые нравы, которые тотъ же самый писатель (Сальвианъ) похваляетъ у Вандаловъ, не долго устояли противъ напора страшнаго разврата: хищные и суровые Вандалы, озлобленные упорнымъ сопротивленіемъ мѣстнаго населенія, стали имъ править жестоко, но вскорѣ переняли отъ побѣжденныхъ укоренившіеся среди нихъ пороки. Духъ религіознаго фанатизма, отчасти пробужденный борьбою, происходившей на этой почвѣ съ *Донатистами*, вскорѣ овладѣлъ и Вандалами, которые задумали навязать свое аріанство мѣстному населенію, ревностно преданному католической Церкви. Но первоначальный завоеватель страны, *Гейзерихъ*, скончался въ 477 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и яростныя аріанскія преслѣдованія были пріостановлены и ослаблены; при болѣе мягкомъ правителѣ, *Хилдерихъ* (съ 523 г.), приняты были даже мѣры къ умиротворенію этой религіозной вражды и къ установленію нѣкоторой вѣротерпимости, но это

было уже поздно: все мѣстное населеніе было проникнуто страшною злобою и ненавистью противъ Вандаловъ и жаждало освобожденія и отмщенія своимъ притѣснителямъ. Хильдерикъ въ 530 г. былъ свергнутъ *Гелимеромъ* или замѣщенъ имъ, и на долю Гелимера теперь выпадала трудная задача—защитить владычество ненавистнаго меньшинства (число Вандаловъ не превышало 80.000 человекъ) противъ полководца, способнаго воспользоваться всеми выгодами положенія. Въ сентябрѣ 533 г. Велизарій высадился въ Африкѣ; столь грозная въ былое время морская сила Вандаловъ была уже не прежняя. Нѣсколько городовъ тотчасъ же открыли ему ворота и уже первая битва—въ 10 миляхъ отъ Карагена—повлекла за собою утрату столицы, и Велизарій, со своей стороны, не замедлилъ возстановить сильныя укрѣпленія этого города, пришедшія въ упадокъ подъ властью Вандаловъ. Гелимеръ попытался еще разъ вступить въ битву съ Велизаріемъ; но, несмотря на численное превосходство своего войска, по сравненію съ войскомъ Велизарія, онъ потерпѣлъ поражение, и къ веснѣ слѣдующаго, 534 г. завоеваніе Африки было закончено. Гелимеръ, потерявъ бодрость духа, самъ не захотѣлъ продолжать борьбу и принялъ помилованіе, которое ему предложилъ побѣдитель отъ имени императора. Такимъ образомъ все владычество Вандаловъ было прахомъ развѣяно въ три мѣсяца. Съ Гелимеромъ обошлись весьма снисходительно; когда онъ, послѣ триумфа, котораго Велизарій былъ удостоенъ, бросился къ ногамъ императора, ему указано было одно помѣстье въ Галатіи, какъ постоянное мѣсто жительства; тамъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя и умеръ. Та часть Вандаловъ, которая не захотѣла покориться Римлянамъ и, удалившись въ страну Мавровъ, еще нѣкоторое время продолжала борьбу; но въ сущности, Африка, попрежнему, стала римской провинціей, а вскорѣ и *Сардинія* подчинилась власти восточно-римскаго императора.

Первое начало великаго замысла было выполнено; болѣе трудная часть его—вторичное завоеваніе *Италіи* и *Испаніи*—еще предстояла впереди. Дочь Теодорика, *Амалазунта*, которая правила Остготскимъ царствомъ за несовершеннолѣтняго наслѣдника престола, была женщина умная и образованная, но не годилась въ правительницы для военнаго государства, которое нуждалось именно въ мужской рукѣ; она слышала постоянно отъ всѣхъ окружающихъ укоры въ томъ, что она и будущаго короля остготскаго воспитаетъ какъ римлянина, а эти гордые побѣдители относились къ римскому образованію свысока, съ наивною грубостью невѣжества. Но вскорѣ воспитываемый Амалазунтою наслѣдникъ умеръ; она предположила однакоже, что удержать власть въ своихъ рукахъ, принявъ въ соправители къ себѣ одного изъ родственниковъ своихъ, *Теодахата*. Она при этомъ удержала за собою первое мѣсто въ правленіи, и вполне справедливо, такъ какъ новый король былъ человекомъ весьма мало-способнымъ, занимаясь только, во вкусѣ того времени, богословскими тонкостями и совсѣмъ не годился быть вождемъ готской воинственной знати; по чѣмъ мѣше онъ имѣлъ значенія, тѣмъ болѣе требовалъ онъ къ себѣ вниманія. Поэтому онъ рѣшился избавиться отъ королевы и сначала посадилъ ее въ заточеніе, а потомъ, по требованію ея враговъ, даже приказалъ ее убить (535 г.). Такъ какъ Амалазунта поддерживала постоян-

Остготы по смерти Теодорика.

ныя сношеніи съ императоромъ Юстиніаномъ (а этотъ германо-романскій міръ былъ полонъ лжи и невѣжества), то убіеніе ея дало ему удобный предлогъ для вмѣшательства.

Велизарій
въ Италіи.
Война
534—540.

Велизарію вновь было поручено начальство надъ всѣми войсками. Экспедиція направилась сначала въ Африку, которая избрана была удобнымъ операціоннымъ базисомъ. Еще разъ убѣдившись въ тѣсной связи этой провинціи съ имперіей, Велизарій переправился въ Сицилію и овладѣлъ островомъ безъ всякаго затрудненія, такъ какъ только въ Палермо встрѣтилъ онъ нѣкоторое сопротивленіе со стороны засѣвшего тамъ готскаго гарнизона. Теодахатъ, одновременно, напуганный наступательнымъ движеніемъ войскъ римскихъ съ сѣвера, изъ Далмаціи, поспѣшилъ прибѣгнуть къ переговорамъ, и такимъ образомъ было упущено время къ отраженію нападенія, и Велизарій, въ 536 году, завосвалъ всю Южную Италію, отъ Регіума и до Неаполя, при чемъ взялъ и этотъ городъ послѣ непродолжительной осады. Только тутъ уже на-половину побѣжденная нація ободрилась и рѣшилась дать мужественный отпоръ. На шумномъ народномъ собраніи, близъ Рима, Готы провозгласили королемъ *Витигеса*, бывшего оруженосца Теодахатова, — воина испытанной храбрости, хотя и далеко не знатнаго происхожденія; а несчастный Теодахатъ, во время бѣгства въ Равенну, былъ убитъ. Вскорѣ послѣ того, когда войско Велизарія приблизилось къ Риму, въ городѣ произошло возстаніе; готскій гарнизонъ отступилъ въ Равенну, гдѣ Витигесъ собиралъ всѣ воинскія силы своего народа, и Велизарій уже провелъ Рождественскіе праздники въ древней столицѣ имперіи, отъ которой ключъ отправилъ императору въ Константинополь (536 г.). Но на этомъ его успѣхи и закончились: весною 537 г. Витигесъ явился подъ стѣнами Рима съ готскимъ войскомъ, которое было гораздо многочисленнѣе небольшого войска Велизаріева. Съ изумительнымъ искусствомъ велъ Велизарій оборону города, даже и тогда, когда его стала тѣснить голодъ и вызвалъ въ городѣ попытку предательства. Стѣна Адріана оказалась надежнымъ оплотомъ; когда же наконецъ прибыли нетерпѣливо ожидаемая подкрѣпленія, то Готы уже настолько оказались истощенными долгою осадю, что должны были её снять (мартъ 538 г.) и Велизарій вновь перешелъ къ наступленію. Паденіе готскаго владычества казалось уже близкимъ, городъ Миланъ уже возсталъ противъ нихъ, и оба полководца — Велизарій и евнухъ Нарзесъ, подоспѣвшій къ нему съ подкрѣпленіями — собирались уже подступить къ Равеннѣ, послѣдней позиціи Остготовъ, какъ вдругъ неожиданнымъ препятствіемъ этому движенію явилось иноземное вмѣшательство въ эту войну и раздоръ, возникшій между обоими полководцами. До этого времени франкскіе короли держались въ сторонѣ отъ этой борьбы: въ ихъ прямыхъ интересахъ было бы, конечно, желать, чтобы борьба Готовъ съ Римлянами продлилась подольше, взаимно ослабляя и ту, и другую сторону. Но теперь, когда уже гибель Готовъ была близка, король *Теодобертъ* (человѣкъ дальновидный), правившій австралійскою частью Франкскаго государства, склонился на просьбы Витигеса, доведеннаго до отчаянія: онъ приказалъ бургундо-франкскимъ полчищамъ двинуться въ Италію и оказать помощь Готамъ при усмирненіи миланскаго возстанія. Это приказаніе ко-

роля было выполнено въ точности и бургундскія вспомогательныя войска приняли свою долю участія въ кровавой мести населенію и въ грабежѣ Милана. На слѣдующій годъ уже и самъ король Теодебертъ явился въ Италію съ большимъ войскомъ, не объявляя даже, противъ кого онъ думаетъ воевать. Опустошивъ Сѣверную Италію, онъ вновь удалился во свояси (539 г.). Наконецъ, въ 540 г. Велизарій достигъ своей цѣли. Онъ двинулся къ *Равеннѣ* и обложилъ ее, между тѣмъ какъ Юстиніанъ, который уже начиналъ опасаться подвиговъ своего полководца, склонялся къ принятію тѣхъ мирныхъ предложеній, съ которыми обращались къ нему Готы, доведенные до крайности. Когда они, изморенные голодомъ, уже не могли долѣе держаться въ Равеннѣ, они пришли къ очень странному рѣшенію, достойному воинственнаго народа: они предложили своему побѣдителю быть королемъ Готовъ и всей Италіи — и, конечно, если бы Велизарій принялъ это предложеніе, то никто бы не былъ этимъ удивленъ. Но не таковъ былъ Велизарій: онъ былъ монархистъ по убѣжденію и вышею цѣлью его честолюбія было честное служеніе императору во главѣ другихъ вельможъ, на пользу возвеличенія Римской имперіи. Поэтому онъ воспользовался расположеніемъ къ нему осажденныхъ, не принявъ лично касавшіяся его предложенія ихъ, но и не отвергъ: отъ имени Юстиніана онъ овладѣлъ городомъ. Вскорѣ велѣдъ за этимъ покореніемъ послѣдовало подчиненіе и другихъ городовъ; а между тѣмъ, всѣ сѣзжавшіеся около этого времени въ Равенну князья остготскіе предполагали, что цѣль ихъ сѣзда—провозглашеніе новаго короля.

Но преданность Велизарія императору была выше всѣхъ подобныхъ соблазновъ. Въ самомъ блескѣ своихъ побѣдъ и славы, онъ получилъ императорскій указъ, которымъ онъ былъ отозванъ изъ Италіи, и ему, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, предложено было командованіе греческими войсками во вновь возгорѣвшейся войнѣ противъ Персовъ. Онъ повиновался немедленно, захватилъ съ собою наиболѣе цѣнную часть добычи—казну Теодорика—и самаго важнаго изъ своихъ плѣнниковъ, сверженнаго короля Витигеса, и, по пріѣздѣ въ Константинополь, принесъ въ даръ императору эти несомнѣнныя доказательства полной побѣды. Съ Витигесомъ обошлись весьма хорошо, и такъ какъ онъ отрекся отъ арианства, то получилъ даже высокій санъ патриція, котораго не было удостоенъ менѣе покладливый король Вандаловъ, не пожелавшій измѣнить арианству.

Велизарій былъ поспѣшно отозванъ изъ Италіи, вслѣдствіе ли возбужденнаго противъ него недовѣрія, или же вслѣдствіе придворныхъ интригъ, и положеніе дѣлъ въ Италіи измѣнилось сразу. Готы были проникнуты уваженіемъ къ своему побѣдителю, и кажется, что они Велизарію лично обязались повиновеніемъ въ заключенномъ съ нимъ договорѣ. Чуть только онъ покинулъ Италію, мятежъ опять поднялся всюду. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, нашелся и настоящій вождь въ лицѣ *Тотилы*, племянника Витигесова, который оправдалъ выборъ народа цѣлымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ. Готы довольно быстро вернули себѣ свое владычество; притомъ же и романское населеніе на опытѣ убѣдилось въ томъ, что самое правленіе Готовъ (хотя, можетъ-быть, въ частностяхъ и

Велизарій
отозванъ.

Король
Тотила.

нѣсколько суровое), было все-таки гораздо менѣе тягостнымъ, нежели правленіе императорское, съ его невыносимою системою податей, отъ которой въ особенности страдало внѣ-городское населеніе. Императорскія войска, весьма ограниченныя по числу, стали опасаться своего положенія, тѣмъ болѣе, что уже не было ихъ главной надежды и опоры—геніальнаго вождя, къ которому они привыкли. Надежды Готовъ вновь оживились и въ 541—544 гг. они успѣли даже возстановить свое господство надъ всѣми южными областями Италіи—Луканіей, Апуліей и Калабріей. Императорскій дворъ долженъ былъ рѣшиться вновь послать Велизарія въ Италію. Но, какъ это очень часто случается въ правленіяхъ единодержавныхъ, гдѣ воля одного лица рѣшаетъ дѣло, поддаваясь нерѣдко вліяніямъ совершенно противоположнымъ, — такъ случилось и въ данномъ случаѣ: въ Константинополѣ стремились достигнуть цѣли, не давая средствъ на ея выполненіе. Съ тѣмъ небольшимъ количествомъ войскъ, какія еще находились въ Италіи и едва могли держаться въ городахъ, Велизарій, конечно, ничего не могъ предпринять. Такимъ образомъ, въ декабрѣ 546 г. Тотилѣ удалось весьма смѣлое предпріятіе: — онъ вернулъ Римъ подъ власть Готовъ. Правда, что, немного спустя, Велизарію посчастливилось вновь завоевать Римъ; но такъ какъ и послѣ этого отчаяннаго усилія ему не прислали никакихъ подкрѣпленій изъ Константинополя и онъ не могъ закончить войну противъ Готовъ, также истощенныхъ ею, то въ 549 г. онъ былъ вторично отозванъ въ Константинополь.

Война съ
550—553 г.
Конецъ Гот-
скаго цар-
ства.

И вотъ вся страна вновь оказалась въ рукахъ Готовъ и Тотила перенесъ въ Римъ столицу Остготскаго королевства повидимому прочно установившагося вновь. И острова Сицилія, Сардинія, Корсика вторично подчинились власти Готовъ. Къ чести Тотилы слѣдуетъ отнести то, что онъ не вознесся и попытался заключить мирный договоръ съ императоромъ Юстиніаномъ; но тотъ, хоть и не будучи ни воинномъ, ни особенно дальновиднымъ государемъ, обладалъ однакоже извѣстнаго рода упорствомъ, которое всегда побуждало его доводить начатое дѣло до конца. Ему была очевидна слабость Готовъ, которые для большинства населенія были чуждыми, извнѣ вторгнувшимися иноплемениками; и дѣйствительно, какъ только проникъ въ Италію слухъ о новыхъ военныхъ приготовленіяхъ въ Константинополѣ, такъ тотчасъ же оживился мятежный духъ въ мѣстномъ населеніи. Для этой второй и болѣе настойчивой попытки завоеванія Италіи Юстиніанъ весьма удачно избралъ внука *Нарзеса*, уже начальствовавшего войсками въ Италіи, во время перваго похода, и притомъ умѣвшаго гораздо искуснѣе простодушнаго Велизарія достигать своихъ цѣлей среди непрерывныхъ козней и интригъ Константинопольскаго двора. Ему была дана достаточная военная сила, съ которою онъ съ сѣвера подступилъ къ Равеннѣ, гдѣ еще держался римскій гарнизонъ. Соединивъ здѣсь все свое войско, Нарзесъ сразился съ Тотилою въ открытомъ полѣ; сраженіе произошло при *Ташинѣ*, деревнѣ въ окрестностяхъ Рима. Здѣсь Готы понесли тяжкое пораженіе, которое оказалось еще болѣе гибельнымъ вслѣдствіе того, что въ битвѣ палъ и самъ король ихъ. Затѣмъ Нарзесъ побѣдителемъ вступилъ въ Римъ, который, такимъ образомъ, пятый разъ въ теченіе царствованія Юстиніана перешелъ въ инныя руки (552). Тѣмъ временемъ Готы, от-

ступившіе на сѣверъ, избрали себѣ, въ Павіи, новаго короля *Тейя*, который рѣшился еще разъ вступить въ битву съ римскимъ войскомъ. Въ Кампаніи, при р. Сарнѣ или при *Лактарской* горѣ, произошла послѣдняя битва Римлянъ съ Готами, закончившаяся громаднымъ пораженіемъ послѣднихъ. Ихъ ново-избранный король выказалъ себя достойнымъ представителемъ своего мужественнаго народа, и вотъ какъ римскій бытописатель рассказываетъ намъ о его послѣднемъ подвигѣ. Онъ бился въ самой серединѣ ожесточенной сѣчи; всѣ метательныя конья Римлянъ были противъ него направлены, и вотъ, въ то время, когда онъ перемѣнялъ щитъ, отягощенный засѣвшими въ немъ дротиками, роковой ударъ поразилъ его на-смерть. Дружина, вѣрная германскому обычаю (дружинники считалось позоромъ пережить своего господина), продолжала биться, пока ночь не положила конецъ битвѣ, которая длилась и весь слѣдующій день: только на третье утро оставшіяся въ живыхъ остатки Готовъ вступили въ переговоры (553). Въ слѣдующемъ году угасающій уже жаръ войны нашель таки себѣ поддержку въ тѣхъ толпахъ Франковъ и Аллемановъ, которые нахлынули на театръ войны подъ предводительствомъ своихъ герцоговъ, алчныя грабежа и крови. Неудержимо стремились они впередъ, все опустошая и разоряя: Аллеманы (еще язычники) не щадили и христіанскихъ храмовъ. Одинъ изъ ихъ герцоговъ мечталъ даже о томъ, что сѣмъ бытъ, подобно Теодорику, захватить въ свои руки власть надъ всею Италіею, такъ какъ, дѣйствительно, на нѣкоторое время, они овладѣли чуть-ли не всѣмъ полуостровомъ, почти не встрѣчая сопротивленія. Однакоже Нарзесъ отлично понималъ, что ихъ воинственность должна была уменьшаться по мѣрѣ того, какъ возрастала ихъ добыча. Онъ напалъ на нихъ въ Кампаніи, при Вольтурно, и здѣсь еще разъ произошла такая же битва, какъ нѣкогда при Теламонѣ и при Верцеллѣ, — битва правильно-устроеннаго и хорошо обученнаго войска противъ храбрыхъ и многочисленныхъ варварскихъ-полчищъ; говорятъ, что изъ всѣхъ германскихъ хищниковъ, участвовавшихъ въ этой битвѣ, только пятеро успѣли спастись и уцѣлѣть (554). Послѣ этой побѣды

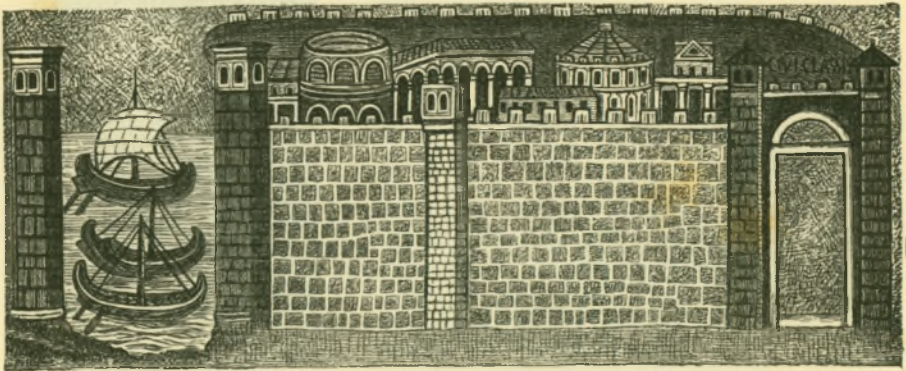

Готскій воинъ. Равеннская небольшая мраморная фигура изъ временъ Теодорина или его наслѣдниковъ. Хранится въ Равеннѣ, въ надмогильной часовнѣ энзарха Исаака.

Нарзэсъ отпраздноваль въ Римѣ триумфъ—послѣдній воинскій триумфъ въ этомъ городѣ. Послѣднія толпы Готовъ и ихъ необузданныхъ союзниковъ, которыя еще появлялись то тутъ, то тамъ—были уже не страшны; часть ихъ еще во-время успѣла изъявить покорность и слялась въ послѣдствіи съ остальнымъ населеніемъ Италіи; часть—выселилась изъ Италіи; долѣе всѣхъ сопротивлялся готскій отрядъ въ 7.000 человекъ, засѣвшій въ крѣпости Компза. Въ 555 году война могла уже считаться оконченною.

Экзархатъ.

Нарзэсъ, сумѣвшій внушить къ себѣ уваженіе или опасеніе при Константинопольскомъ дворѣ, придавъ Италіи новое внутреннее устройство, такъ какъ она теперь вновь обратилась въ провинцію Восточно-Римской имперіи. Еще десять лѣтъ правил Нарзэсъ Италіей въ качествѣ экзарха, и этотъ періодъ италійской исторіи носитъ названіе *экзархата*, такъ какъ за это время Италія подчинена была Константинополю и управлялась на греческій ладъ. Одинъ изъ современныхъ германскихъ писателей восхваляетъ Нарзэса за его благочестіе и щедрую раздачу милостыни бѣднымъ и утверждаетъ даже, что его побѣды слѣдуетъ скорѣе приписывать его ночнымъ бдѣніямъ и инымъ молитвеннымъ подвигамъ, нежели воинскому искусству; очевидно, что при Нарзэсѣ духовенство, неохотно подчинявшееся германскому владычеству, вновь получило преобладающее значеніе, и что Нарзэсъ сумѣлъ ему угодить. Однакоже, возстановленіе Рима въ его прежнемъ значеніи нисколько не входило въ расчеты константинопольской политики. Экзархъ избралъ себѣ резиденціей

Укрѣпленная гавань Равеннская.

Мозаика въ Равеннской церкви С. Аполлинаре-Нуово (бывшемъ арианскомъ соборѣ Теодорина)

неприступно укрѣпленную *Равенну*, которая, уже по самому положенію своему на восточномъ берегу, способствовала облегченію сношеній съ восточною половиною имперіи и ея столицей. Нарзэсъ, оставаясь въ своемъ положеніи экзарха, пережилъ и предшественника своего, Велизарія, скончавшагося въ 565 году въ опалѣ, и императора Юстиніана, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о возстановленіи господства Восточно-

Римской Имперіи въ Африкѣ, Италиі и нѣкоторой части Испаніи; Юстиніанъ скончался въ одинъ годъ со своимъ великимъ полководцемъ, послѣ 37 лѣтъ правленія, на 83 году жизни. Впрочемъ и Нарзесу въслѣдствіи пришлось на себѣ испытать прератности дворской милости и благоволенія. Новый императоръ, *Юстинъ II* (565—578), отозвалъ его, внявъ жалобамъ провинціаловъ на его притѣсенія. Онъ умеръ (въ 567 году) въ то самое время, когда уже новая, послѣдняя волна великаго «переселенія народовъ» надвигалась на Италію, чтобы еще разъ ее наводнить полчищами германскихъ виновственныхъ пришельцевъ.

Этотъ народъ были *Лангобарды*, которые уже и гораздо раньше упоминаются среди Германскихъ народовъ (первоначально въ составѣ Марбурдова царства). Въслѣдствіи они, вѣроятно, были покорены Гуннами, и, вмѣстѣ съ другими племенами, освободились послѣ смерти Аттилы. Во времена Остготскаго господства, они жили въ Панноніи, на югъ отъ средняго теченія Дуная, на мѣстѣ, указанномъ Юстиніаномъ для ихъ поселенія, и переселились они сюда со своихъ прежнихъ поселій, на сѣверъ отъ средняго Дуная. Ближайшими ихъ сосѣдями на востокъ были *Гепиды*, которые ближе чѣмъ Лангобарды соприкасались со слабыми мѣстами Восточно-Римской имперіи. Такимъ образомъ между Лангобардами и Восточно-Римскою имперіею завязались благопріятныя отношенія, основанныя на нѣкоторой общности интересовъ. При покореніи Готовъ Лангобарды даже содѣйствовали имперіи: многіе изъ нихъ служили въ войскѣ Нарзеса: король лангобардскій, *Альбоинъ*, даже отправилъ въ помощь Нарзесу отборный отрядъ войска. Готы, во время своего властвованія въ Италиі, возбуждали несомнѣнно зависть всѣхъ остальныхъ германскихъ племенъ, такъ какъ обладаніе Италіею, для всѣхъ варварскихъ народовъ, представлялось высшею цѣлью стремленій ихъ и лучшею наградою побѣды; слѣдовательно, можно было даже задать себѣ такого рода вопросъ: который изъ германскихъ народовъ заступитъ мѣсто Готовъ въ Италиі? Мужество Лангобардовъ давно уже было всюду прославлено, да и ихъ тогдашній король *Альбоинъ* пользовался извѣстностью беззавѣтнаго храбреца. Его слава возросла въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ 566 году онъ закончилъ длинный рядъ усобицъ съ Гепидами такою побѣдою, послѣ которой даже и самое имя этого народа почти исчезло: король ихъ Кунимундъ палъ въ битвѣ, его дочь Розамунду побѣдителя взялъ себѣ въ жены, и въ то же время велѣлъ себѣ сдѣлать изъ черепа своего тестя пиришественную чашу. Непосредственно побудилъ Альбоина къ походу въ Италію самъ Нарзесъ; озлобленный назначеніемъ новаго экарха, Лонгина, Нарзесъ рѣшился избрать этотъ дикій и храбрый народъ орудіемъ своей мести. Какъ бы то ни было, но въ 568 году они пустились въ походъ; современные писатели, описывая намъ ихъ внѣшность, упоминаютъ о длинныхъ холщевыхъ одеждахъ, о короткой ихъ обуви, съ кожаными завязками, о ихъ прическѣ, какъ у женщинъ раздѣлявшейся проборомъ посрединѣ. Къ полчищамъ Лангобардовъ примкнули многіе удалыцы и изъ другихъ племенъ, потому что никто не сомнѣвался въ успѣхѣ Альбоина; въ его войскѣ видимъ и Гепидовъ, и Болгаръ, и Сарматовъ, и Паннонцевъ, и Свэвовъ, и Норійцевъ; къ нему же присое-

Вторженіе
Лангобар-
довъ, 568.

динилась и значительная по числу толпа Саксовъ (около 20.000 человекъ, съ дѣтьми и женами), которые, по замѣчанію современнаго историка, звались «старыми друзьями Альбоина». Въ общемъ, однакоже, силы его были не чрезчуръ многочисленны. Когда они перешли черезъ Альпы и явились въ Сѣверной Италіи,—они нигдѣ не встрѣтили войска въ открытомъ полѣ. Только Павія, сильно укрѣпленная еще при Готахъ, оборонялась въ теченіе трехъ лѣтъ отъ осаждавшихъ ее Лангобардовъ; когда же, наконецъ, городъ сдался, Альбоинъ здѣсь основалъ свою резиденцію. Господство Лангобардовъ было гораздо болѣе суровымъ, нежели господство Готовъ; война и охота были ихъ излюбленными занятіями, и при этомъ даже сосѣдственныя области Галліи нерѣдко подвергались ихъ разбойничьимъ набѣгамъ; римскихъ подданныхъ своихъ заставляли они заботиться о доставленіи имъ всего необходимаго для жизни, и въ видѣ дани взимали съ нихъ третью долю жатвы.

Господство
Лангобар-
довъ въ
Италіи.

Цѣлый рядъ трагическихъ преступленій, о которыхъ разсказъ современнаго лѣтописца читается какъ эпическая поэма,—въ самомъ корнѣ положилъ предѣлъ той власти, которая соединила Лангобардовъ въ грозную силу. Опьяненный виномъ Альбоинъ, однажды, до того забылся на пиру, что заставилъ свою супругу Розамунду пить за его здоровье изъ кубка, въ который былъ оправленъ черепъ ея отца. Павелъ-Дьяконъ, описывающій намъ это событіе, утверждаетъ, что онъ самъ видѣлъ этотъ кубокъ и клянется въ томъ «именемъ Вожи́мъ». Розамунда отстала своему супругу за эту безобразную жестокость тѣмъ, что подговорила его оруженосца Хельмихиса и одного изъ его дружинниковъ, Передея, и ввела ихъ въ опочивальню, гдѣ Альбоинъ спалъ въ опьяненіи. Тотъ же лѣтописецъ прибавляетъ, что мечъ Альбоина былъ заклепанъ, и онъ былъ убитъ, лишенный всякой возможности сопротивленія. Но Розамундѣ не въ прокъ пошло ея злодѣйство: всѣ лангобардскіе князья возстали противъ нея; ей удалось однакоже бѣжать со своими сокровищами въ Равенну, и тамъ запутать экарха Лонгина въ свои сѣти; но ея любимецъ, бывшій оруженосецъ ея мужа, мѣшалъ ей въ достиженіи ея цѣли, и она поднесла ему ядъ: однакоже тотъ догадался, что она дала ему отраву, и силою заставилъ ее выпить остатокъ яда, бывшаго въ кубкѣ (573).

Лангобарды
и Римляне.

И король *Клефъ*, наслѣдовавшій Альбоину, былъ также вскорѣ убитъ. Затѣмъ уже короля Лангобарды не избирали, и каждый изъ ихъ 35 князей или герцоговъ (*duces*) правилъ извѣстнымъ округомъ, въ которомъ онъ былъ полнымъ властелиномъ при помощи своей дружины. Это господство не представляло собою такого правительнаго строя, какъ господство Готовъ, и не могло быть прочнымъ. Прибрежная полоса, Италіи — Романья, Лигурія, Сицилія, Сардинія, Корсика—подчинялись власти *экарха* и составляли часть Восточной Римской имперіи и при этомъ религіозная рознь, между романскимъ мѣстнымъ населеніемъ и пришлыми завоевателями, яркими аріанами, давала себя чувствовать еще рѣзче, чѣмъ прежде, такъ какъ Лангобарды стояли на гораздо низшей степени развитія, нежели Остготы. Мало-по-малу Лангобарды сами пришли къ сознанію своей разрозненности, и той опасности, которая ежечасно могла грозить имъ со стороны союза между единовѣрными сосѣдними странами, Франкскимъ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

Указъ Лангобардскаго короля Ротари.

(Правиль съ 636—663 г.; былъ 17-мъ въ ряду имъ самимъ
исчисленныхъ королей).

LXX	<p>Si quis alii policem pedes Если кто-либо большой палецъ ноги excusserit comp(onat).sol(i)d(os) sedice(m) отрубить (другому), то платить солидовъ 16.</p>
LXXI	<p>Si secundum digito pe- Если второй палецъ но- dem excusserit comp(onat) sol(idos) sex ги отрубить—платить солидовъ 6.</p>
LXXII	<p>Si tertium digitum ex- Если третій палецъ от- cusserit comp(onat) sol(i)dos tres. рубить—платить солида 3.</p>
LXXIII	<p>Si quartum digitum excus- Если четвертый палецъ от- serit comp(onat) sol(i)d(os) tres. рубить—платить солида три.</p>
LXXIV	<p>Si quintum digitum excus- Если пятый палецъ от- serit comp(onat) sol(i)d(os) duo. рубить—платить солидовъ два.</p>
LXXV	<p>IN omnis istas pla- "За всѣ эти члено- cas a(ut) feritas su- вредительства или поврежденія, вы- perius scriptas quae ше-описанныя, которыя inter hominis liberos e- между людьми свободными слу- venerint, ideo majure(m) con- чались, потому большую positione(m) posuemus qua(m) пеню мы положили, чѣмъ antiquae nostri ut faida quae предки наши, дабы отъ усобицы, то est inimicitia post accepta ssta (suprascripta) есть, вражды, по уплатѣ вышеозначенной compositione pos(t)ponatur et пени, отсталъ (провинившійся) и amplius non requiratur nec dolus... впослѣдствіи къ ней не возвращается, ни ухищреніе...</p>

... of the ... in the ... of the ...

THE HISTORY OF THE

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

... of the ... in the ... of the ...

Lxx Si quis alii pollicem pedes
 excusserit conp solo, sedice
 Lxxi Si secundum digito pe
 dem excusserit conp solo, sex
 Lxxii Si tertium digitum ex
 cusserit conp solo, tres ...
 Lxxiii Si quartum digitum excus
 serit conp solo, tres ...
 Lxxiiii Si quintum digitum excus
 serit conp solo, duo ...
 Lxxv **N**omis istas pla
 cas aperit assu
 peri us scriptas quae
 inter hominis liberos e
 ueniant deo maiore con
 positione posuimus qua
 antiqua nostra utra id qua
 est inimicitia post acceptas sa
 compositione, postonaturet
 amplius non requiratur nec dolus

Памятник культуры в эпоху переселения народов: Лангобардское право.
 Указъ ЛАНГОБАРДСКАГО КОРОЛЯ РОТАРИ, ОТЪ 643 ГОДА.

Древнѣйшая изъ всѣхъ рукописей Лангобардскихъ законовъ, написанная между
 671 и 736 гг.; хранится въ С.-Галленской библиотекѣ. Точная копія.

Агилульфъ,
2-й сунругъ
Теоделинды.

Адалвальдъ, Гундебергова
сынъ
Теоделинды.

Теоделинда.

Теоделинда, королева Лангобардовъ, приноситъ св. Іоанну дары по обѣту.

Рельефъ заложенаго ею въ 595 г. собора въ Монцѣ. Ныпѣ надъ входною дверью собора, обновленнаго въ XIV в. Большая часть изображенныхъ на рельефѣ обѣтныхъ даровъ еще и понынѣ хранится въ ризницѣ Монцскаго собора.

королевствомъ и Восточно-Римской имперіей, — и вотъ, въ 584 г., дѣло опять дошло до выбора новаго короля. То былъ сынъ Клефа, *Автарисъ* (584—590), который прошелъ чрезъ всю Италію со своими полчищами, и, коснувшись копьемъ столба, поставленнаго на берегу Мессинскаго пролива, горделиво произнесъ: «доселѣ простирается земля Лангобардовъ». Автарисъ былъ женатъ на франкской княжнѣ *Теоделиндѣ*, которая была воспитана при дворѣ Гарибальда, герцога Бойаріевъ. Послѣ смерти Автариса, она избрала себѣ въ мужа герцога *Агилульфа* Туринскаго, который и былъ провозглашенъ королемъ. Она была ревностною христианкою католическаго исповѣданія, и современные лѣтописцы представляютъ ее намъ какъ женщину выдающуюся не только по красотѣ своей, но и по образованію; вслѣдствіе побужденій религіозныхъ, а отчасти и вслѣдствіе соображеній политическихъ, она стала всѣми силами обращать Лангобардовъ изъ аріанства въ истинную вѣру. Она была очень близка къ епископу римскому, *Григорію I* (590—604 г.) и состояла въ частыхъ сношеніяхъ съ Римомъ, который для всего поработеннаго романскаго населенія былъ естественнымъ центромъ ихъ угнетенной вѣры и національности. Но ея усилія не скоро привели къ благопріятному исходу; и въ томъ, что Павелъ-Дьяконъ рассказываетъ намъ о королѣ *Ротаріи*, принявшемъ бразды правленія въ 636 г., выясняется для насъ вся трудность примиренія религіозныхъ противорѣчій. Восхваляя этого короля, какъ храбраго и правдиваго правителя, Павелъ-Дьяконъ говоритъ о немъ, что «и онъ также не держался правой вѣры», — «и онъ также запятнанъ былъ лукавствомъ аріанской ереси, въ силу которой почиталъ Сына менѣе Отца, а Св. Духа — менѣе и Отца, и Сына». И во всѣхъ городахъ Лангобардскаго королевства, попрежнему, паства была раздѣлена между двумя епископами, католическимъ и аріанскимъ, и при этихъ

условіяхъ, конечно, жизнь страны не могла идти путемъ успѣшнаго и правильнаго развитія.

Франкское
государ-
ство въ
VI и VII в.

Отъ этого разслабляющаго элемента, отъ религіозныхъ распрей вполнѣ было свободно только *Франкское государство* и поэтому оно само и все ему подвластныя страны получили послѣ Хлодвига нѣчто въ родѣ господствующаго положенія на Западѣ германскаго міра. Дважды, только дважды въ теченіе 200 лѣтъ, въ которыя Франками правили князья изъ рода Меровинговъ, вся страна Франковъ соединялась подъ властью *одного* короля:—въ 558—561 при *Клотарь I*, младшемъ изъ сыновей Хлодвига, и въ 613—628 г., при *Клотарь II*. За этими краткими періодами единенія всегда слѣдовали новые передѣлы территоріи между сыновьями, и естественныя слѣдствія подобныхъ передѣловъ—войны и убійства между братьями и родственниками, и въ эти усобицы, конечно, должны были вступаться ихъ дружины, а за дружинами и большее или меньшее число свободнаго населенія. Правленіе династіи Хлодвига представляетъ собою удивительно однообразное чередованіе ужасовъ и злодѣйствъ, которыми отмѣчена вся эта эпоха; отъ времени до времени совершающіяся передъ глазами наблюдателя чудовищныя преступленія невольно привлекаютъ его вниманіе къ отдѣльнымъ дѣятелямъ изъ этого круга. Кому не извѣстно, напр., то соперничество въ кровавыхъ злодѣяніяхъ, которымъ прославились двѣ страшныя женщины, характеризующія эту эпоху:—Брунгильда (дочь вестготскаго короля Авангильда), супруга австраійскаго короля Сигберта I, и Фредегунда, плебейка-любовница Хильперика I, короля Нейстрии? Послѣдняя начала свои подвиги съ того, что приказала удавить во время сна супругу Хильперика, Гальсвинею, сестру Брунгильды,—и за этимъ послѣдовала нескончаемый рядъ злодѣйствъ, которыя, 40 лѣтъ спустя, закончились тѣмъ, что сынъ Фредегунды, Клотарь II, которому Брунгильда попала въ руки,—приказалъ привязать ее къ хвосту дикаго коня, и тотъ размыкалъ ее на-смерть. Соединеніе грубѣйшей распущенности съ самою утонченною жестокостію, при удовлетвореніи которой не уважаются ни божескіе, ни человѣческіе законы, служить въ этотъ страшный періодъ отличительной чертой не только царствующаго дома, но и всего народа, насколько о немъ можно судить по его высшимъ классамъ. Сліянiе побѣдителей съ побѣжденными происходило здѣсь быстро, и такъ же быстро смѣшивались пороки римской испорченности съ дикими проявленіями франкской грубости. Церковь смотрѣла на все это сквозь пальцы, радуясь тому, что все эти пороки не сопровождалсь наиболѣе тяжкимъ: принадлежностью къ аrianству. Одинъ изъ бытописателей этого времени очень вѣрно сравниваетъ современную Церковь съ вѣжною матерью, которая невольно поддается естественной слабости къ единственному сыну:—и всему вѣрить, на все надѣется, все переноситъ. Притомъ и мѣстное романское населеніе здѣсь не должно было опасаться за свою частную собственность, какъ въ сосѣднихъ странахъ, завоеванныхъ Бургундами, Готами и Вандалами, или въ Италіи, подъ владычествомъ Лангобардовъ. Для франкскихъ дружинъ, уже и при Хлодвигѣ продвинувшихъ грань своей территоріи далеко на югъ, достаточно было завоеванной ими земли, чтобы ихъ обезпечить земельными владѣніями, обогатить и дать имъ пол-

ную возможность съ необузданною страстностью предаться тѣмъ наслажденіямъ, которыхъ такъ много представляла эта страна, цивилизованная уже въ теченіе цѣлыхъ 600 лѣтъ. Среди подобныхъ наслажденій быстро исчезла добродѣтель, за которую Тацитъ такъ восхваляетъ германскихъ женщинъ, и на которыя уже Цесарь обратилъ вниманіе. Испорченность сообщилась и духовенству, за которымъ здѣсь не наблюдало, какъ въ Италіи, Испаніи и Африкѣ, враждебное духовенство аріанское. Дружба епископовъ съ королями имѣла то гибельное послѣдствіе, что люди недостойные попадали въ епископы, и, въ свою очередь, выказывали себя ихъ услужниками. Всѣ были озабочены догматическою правильностью религіозныхъ вѣрованій, и никто нимало не заботился о правилахъ житейской нравственности. Но воспитывающая сила церковнаго ученія и церковнаго порядка, конечно, и въ эти злыя времена не утрачивалась совершенно, и не было недостатка въ духовныхъ, которые поддерживали ту величайшую истину христіанскаго ученія, что добрая вѣра должна быть поддержана добрыми дѣлами, и подкрѣпляли это ученіе напоминаніями о карѣ, ожидающей грѣшниковъ въ загробной жизни; а это напоминаніе даже и для полуязычниковъ Франковъ имѣло свое значеніе, такъ какъ вѣра въ безсмертіе души была свойственна и германскому язычеству.

Въ политическомъ смыслѣ единство вѣры и могущество Церкви, всюду поощряемой и обогащаемой, было очень полезно. Эта единая Церковь сглаживала или, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени смягчала тѣ пагубныя послѣдствія, которыя могли происходить отъ частыхъ передѣловъ государства; въ Церкви скоплялись большія богатства, она распорядилась громадными земельными владѣніями и тѣмъ самымъ оказывала въ высшей степени важное вліяніе на экономическую сторону народной жизни; но она не въ силахъ была воспрепятствовать нравственному паденію, которое все шире и дальше распространялось въ народѣ, среди Франковъ, поселившихся въ этой странѣ, столь богато одаренной отъ природы и такъ немного требовавшей труда для обработки. Этой нравственной порчѣ, вѣроятно, подпали бы и другіе Германцы, поселившіеся на римской территоріи, такъ какъ сила нравственнаго отпора была среди нихъ ничуть не сильнѣе, чѣмъ среди Франковъ; но случилось такъ, что, ни для кого неожиданно, вдали отъ мѣста дѣйствія излагаемой нами исторіи германскихъ племенъ, возросъ такой врагъ, который вскорѣ долженъ былъ ихъ вынудить къ борьбѣ за вѣру и преобладаніе, къ борьбѣ, требовавшей напряженія всѣхъ ихъ физическихъ и моральныхъ силъ—къ борьбѣ на жизнь и на-смерть. Этотъ врагъ были *Арабы*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

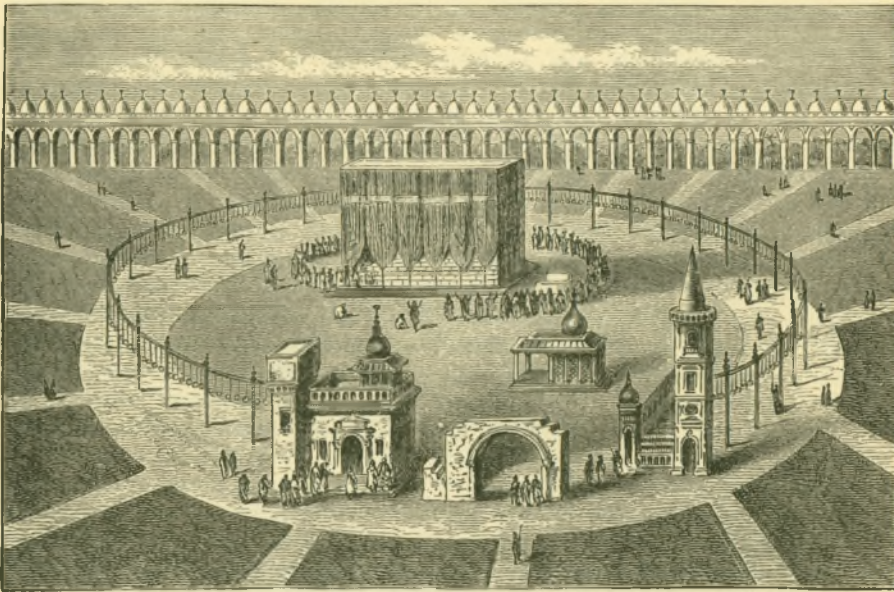
Исламъ и Калифатъ.—Первыя завоеванія Калифовъ.—Восточно-Римская имперія.—Положеніе дѣлъ на Западѣ: Вестготское царство; Франкскія государства.—Карль Мартель и Арабы.—Бонифацій и Пипинъ I.

Аравія. *Аравія* представляет собою крайній западный изъ трехъ большихъ полуострововъ, которые выступаютъ изъ материка Азіи съ южной стороны, точно такъ же, какъ Балканскій, Аппенинскій и Пиринейскій полуострова изъ материка Европы:—это большая сплошная возвышенность, по своей поверхности въ пять разъ превосходящая поверхность Германіи; на Ю. и С.-З. она почти сплошь занята пустынями, а на С.-В. она примыкаетъ къ пустынямъ Передней Азіи. Древніе различали *Счастливую* Аравію (область Іеменъ, на западномъ берегу, близъ Краснаго моря), *Каменистую* (съ Синайскимъ полуостровомъ) и *Песчаную* (внутри полуострова). Красно-рѣчивые описатели давали уже не разъ описаніе этой внутренней и наибольшей части Аравіи. «Въ печальной глуши Аравіи» — такъ говоритъ Гиббонъ — «простирается безграничная песчаная равнина, пересѣкаемая только островерхими и голыми горными возвышенностями, — дикая пустыня, выжженная отвѣсными и палящими лучами солнца, отъ которыхъ негдѣ укрыться, негдѣ пріютиться въ отрадной тѣни. Вѣтры, дуящія здѣсь, не освѣжаютъ воздуха, а напротивъ, разносятъ повсюду вредныя, даже смертоносныя испаренія: свободно разгуливая по пустынному простору, они то вздымаютъ, то вновь развѣвають песчаныя горы, подобныя волнамъ океана. Ручьи, ниспадающіе съ горъ, быстро поглощаются алчущею землею; рѣдкая и жесткая растительность, въ родѣ тамаринды и акаціи, запускающая свои корни въ расщелины скаль, питается одною ночью росой; скудный запасъ воды хранится въ цистернахъ и водопроводахъ, и странникъ, истомленный тяжкимъ дневнымъ переходомъ, часто не находитъ влаги для утоленія своей мучительной жажды, потому что ему противенъ вкусъ воды, протекающей по руслу, насыщенному сѣрой или солью». Среди населенія Аравіи съ давнихъ временъ различаютъ *Хаддези*—осѣдлыхъ Арабовъ, и *Бедави*—кочевыя племена пустыни. Первые вели весьма оживленную торговлю произведеніями благодатной береговой полосы — наприкладъ, лада-

помь, а теперь—кофе; но главную силу нации составляют Бедуины, населяющие пустыню: въ средѣ ихъ развились главныя отличительныя черты этого мощнаго племени — его чрезвычайная умѣренность и страстная стремленія къ независимости. Однообразіе пространства широко раскидывающейся кругомъ ихъ пустыни прерывается только рѣдкими группами финиковыхъ пальмъ и акацій; конь, котораго чистѣйшую расу ведутъ они, по преданію, отъ конюшенъ царя Соломона, и терпѣливый, неутомимый, выносливый верблюдъ—служать этому народу кораблями среди песчанаго моря пустыни и переносятъ этихъ худощавыхъ, сожженныхъ солнцемъ, сильно-развитыхъ скитальцевъ пустыни отъ оаза къ оазу. Эти Бедуины, съ древнѣйшихъ временъ, живутъ тѣмъ, что или сопровождаютъ, или грабятъ торговые караваны, которые тянутся черезъ ихъ страну по древнимъ путямъ, соединяющимъ культурныя страны. Распадаясь на множество мелкихъ племенъ, подъ начальствомъ шейховъ и эмировъ, Бедуины ведутъ между собою частыя войны. Какой-нибудь пустякъ—пораненіе верблюда или пользованіе колодцемъ въ пустынѣ—возбуждаетъ иногда ненависть, приводитъ къ убійству и къ кровавой мести, которая затѣмъ переходитъ изъ рода въ родъ и длитъ распрю черезъ цѣлыя поколѣнія, десятки и даже сотни лѣтъ. Этотъ дикій обычай, какъ и многіе другіе подобныя, смягчается однакоже благотворнымъ гостепріимствомъ, естественно истекающимъ, правда, изъ мѣстныхъ условій жизни, но тѣмъ не менѣе цѣннымъ въ этой странѣ, въ которой и теперь еще насчитываютъ не болѣе 4—5 милліоновъ жителей на всемъ громадномъ пространствѣ ея площади. Среди всѣхъ восточныхъ народовъ, Арабы могутъ быть названы единственнымъ, способнымъ понимать свободу въ смыслѣ европейскомъ; сами по себѣ, они народъ дѣятельный, подвижный, тонкій; отъ природы они одарены расположеніемъ къ поэзії, умѣньемъ облекать свою мысль въ красивыя формы и естественнымъ краснорѣчіемъ, которое у многихъ между ними проявляется съ особенною силою и выразительностью; напротивъ того, въ нихъ, какъ и во всѣхъ соплеменныхъ имъ семитахъ, нѣтъ ни малѣйшаго расположенія ни къ пластикѣ, ни къ живописи. Ихъ религія во всѣ времена состояла въ поклоненіи звѣздамъ; они всегда взирали съ вѣрою и глубокимъ благоговѣніемъ на звѣзды, по которымъ они ночью направляли свой путь черезъ неизмѣримую пустыню. Какъ ни была сильно развита ихъ фантазія, какъ ни были они постоянно расположены слушать рассказы,—однакоже среди нихъ не сложилось никакихъ мифовъ; имъ извѣстны были немногія божества только по имени, но за то многимъ предметамъ вѣншей природы они приписывали таинственныя, волшебныя силы; и вотъ, одинъ изъ такихъ именно предметовъ — *черный, съ неба упавшій, камень*, слѣдовательно, метеоритъ, служилъ издревле въ *Меккѣ* предметомъ почитанія. Окинутый священнымъ шатромъ или окруженный стѣнами дома, онъ составлялъ, подъ названіемъ *Каабы* (или *Кяабы*) величайшую святыню для всѣхъ Арабовъ, и къ этой святынѣ уже издревле отовсюду стекались поклонники *).

*) Теперь этотъ камень вставленъ въ стѣну меккской мечети. «Кааба» — значитъ именно *домъ* или *жилище*.

Магометъ. Именно въ Меккѣ, городѣ, расположенномъ среди наименѣе плодотворной части «Счастливой» Аравіи, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Аравійскаго залива, среди племени *Корайшитовъ*, родился человекъ, которому суждено было ввести никому невѣдомыхъ Арабовъ въ рядъ всемірно-историческихъ пацій; человекъ этотъ былъ *Мухамедъ* (или *Магометъ*), сынъ Абдаллаха (около 569 по Р. Хр.). Позднѣйшая легенда украсила и его юность всякаго рода чудесами: но эта юность протекла точно такъ же, какъ она обыкновенно протекала у всѣхъ Арабовъ. Рано осиротѣвъ, онъ росъ въ нуждѣ, у своего дяди Абу-Талеба; но уже и юность его была богата мощными религіозными впечатлѣніями и побужденіями. Въ самой

Кааба въ Меккѣ, въ ея нынѣшнемъ видѣ. По Буклею.

Меккѣ, среди могущественнаго племени Корайшитовъ, существовалъ издавна раздоръ между богатымъ, аристократическимъ кружкомъ и болѣе бѣднымъ или менѣе знатнымъ родомъ *Гашемитовъ*. Мухамедъ принадлежалъ къ этому роду; прійдя въ возрастъ, онъ поступилъ на службу къ богатой вдовѣ, изъ весьма уважаемой фамиліи, къ Кадиджѣ, сначала велъ ей торговля дѣла, а потомъ даже и женился на ней. Во время своихъ торговыхъ путешествій онъ встрѣчался и съ Евреями, которыхъ, какъ повсюду, такъ и въ этихъ странахъ, было не мало, сходился и съ христіанами, которые изъ греческихъ мѣстностей попадали и въ Аравію, убѣгая отъ догматическихъ споровъ и религіозныхъ преслѣдованій. Отъ нихъ узналъ онъ существо ихъ вѣры, ознакомился и съ ихъ суевѣріями, и вотъ, наравнѣ со многими изъ своихъ современниковъ-Арабовъ, онъ по-

чувствовалъ, что въ душу его закрадывается духъ сомнѣнія въ силѣ и мощи тѣхъ кумировъ, которые были созданы народнымъ повѣрьемъ. Это подѣйствовало сильнымъ, возбуждающимъ образомъ на его духъ, одинаково-способный и къ поэтическому полету, и къ кропотливо-серьезной работѣ мысли: онъ сталъ искать уединенія, гдѣ бы могъ свободно заняться переработкой воспринятыхъ впечатлѣній, и все болѣе и болѣе углублялся въ обсужденіе тѣхъ загадочныхъ вопросовъ, на которые его наводили эти впечатлѣнія. Тутъ его уму, склонному къ мечтательности и возбужденію, а можетъ-быть и омраченному нѣкоторымъ тѣлеснымъ недугомъ, весьма обычнымъ въ тѣхъ странахъ,—стали представляться видѣнія: архангелъ Гавріиль принесъ ему завѣты Божіи, начертанные на серебряной ткани. Съ необычайною силою ожило въ душѣ его представленіе о божествѣ, издревле присущее всѣмъ семитическимъ племенамъ—какъ о крѣпкомъ, мощномъ, высшемъ — и передъ этимъ *единымъ* божествомъ исчезли всѣ иные боги и кумиры. Это чудо свершилось въ его взволнованной душѣ, и онъ почувствовалъ въ себѣ призванье—возвѣстить всѣмъ ту истину, въ которую онъ самъ увѣровалъ, призваніе быть *пророкомъ* своего народа. Первою увѣровавшею въ него была его супруга Кадиджа. Ея примѣру послѣдовалъ ея родственникъ Варака, который, въ невольномъ порывѣ, произнесъ высшій догматъ исламизма: «*единъ Богъ, и Мухамедъ пророкъ его*»; затѣмъ уже божественное призваніе Мухамеда было признано рабомъ его, Зендомъ, родственникомъ Али, тестемъ Абубекромъ. Не то встрѣтилъ онъ среди своего племени, отъ котораго однакоже не скрылъ ниспосланнаго ему откровенія. Ему пришлось столкнуться съ ихъ своекорыстіемъ и предубѣжденіемъ, хотя откровеніе его ничуть не умаляло священнаго значенія Каабы. Убѣгая отъ преслѣдованій своихъ земляковъ, Мухамедъ, въ 622 г., удалился въ г. Ястрѣбъ, гдѣ и прежде многіе въ него увѣровали, и теперь встрѣтилъ радушный пріемъ:—этотъ городъ, лежащій въ 60 миляхъ къ С. отъ Мекки, на большой караванной дорогѣ въ Сирію, сталъ такимъ образомъ городомъ пророка—*Медина аль Набхи*—городомъ изъ городовъ.

Это бѣгство Мухамеда, съ немногими изъ вѣрующихъ, съ родины его на чужбину, было событіемъ, составившимъ эпоху: весь мухамеданскій міръ ведетъ свое лѣтосчисленіе отъ «удаленія» (*Геджры*) Мухамеда изъ Мекки (20 сентября 622 г.). Небольшой кружокъ вѣрующихъ вскорѣ обратился въ бродячую толпу воиновъ. Враждебныя дѣйствія Корайшитовъ вынудили и пророка къ насилію, и онъ не поколебался сообщить вѣрующимъ новое откровеніе, по которому мечъ будто бы свыше былъ ему указанъ, какъ «средство къ распространенію новой вѣры, ключъ къ раю и аду». Въ 624 г., при колодѣ Бедръ, Мухамедъ одолѣлъ Корайшитовъ; въ то мгновеніе, когда исходъ битвы колебался, пророкъ бросилъ вверхъ горсть пыли и воскликнулъ: «смятеніе да покроетъ лицо ихъ!»—и будто бы внесъ этимъ смятеніе въ ряды враговъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. За первую битвою послѣдовали и другія; одно племя за другимъ присоединялось къ счастливому побѣдителю, который, въ то же время, былъ краснорѣчивымъ и вдохновеннымъ провозвѣстникомъ новой вѣры; царство его начинало видимо возрастать и становится «царствомъ отъ міра сего». На седьмой

Геджра,
622.

годъ *Геджры* (630 г.) онъ побѣдоносно вступилъ въ Мекку, гдѣ и велѣлъ въ Каабѣ повергнуть всѣ кумиры. Тотъ подъемъ духа, который онъ сообщил своему народу, увлекъ его самого. То противодѣйствіе, которое онъ встрѣтилъ и счастливо превозмогъ, еще болѣе возвысило его сознаніе собственного достоинства, которое какъ бы слилось во-едино съ его религиознымъ чувствомъ, съ его богопознаніемъ,—и вотъ онъ еще самъ началъ священную войну, которая должна была распространить новую вѣру за предѣлы Аравіи и преподать ее покореннымъ сосѣднимъ народамъ. «Ибо не для шутки создалъ Аллахъ землю»—такъ говорилъ онъ—«и небо не для игры». И онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то вѣроученіе, которымъ онъ пробудилъ народъ свой къ исторической жизни.

Исламъ.

На высотѣ своей пророческой славы, признанный всѣми главою народа, безчисленныя племена котораго слились во-едино, одушевленные великимъ помысломъ—Мухамедъ умеръ (632). Послѣдователи его не хотѣли вѣрить, чтобы онъ могъ умереть: одни говорили, что онъ вознесся на небо, другіе, что удалился на гору Синай, — хотя всѣ современники, всѣ близкіе его видѣли, что онъ былъ не болѣе, какъ простой смертный, что жилъ какъ и всѣ другіе по обычаю своего народа, умѣренный въ пищѣ, скромный въ одеждѣ. Слова его, полныя глубокаго смысла, исходившія изъ полноты души, потрясенной религиознымъ настроеніемъ, высказанныя горячо, а подчасъ и увлекательно, невольно зажигали сердца, а вѣра и фантазія послѣдующихъ поколѣній стали и далѣе развивать эти зародыши, такъ что (какъ оно часто и всюду случается въ подобныхъ положеніяхъ) первоначальная основа его ученія была обильно украшена вымысломъ: однакоже, нельзя сказать, чтобы она была обезображена до неузнаваемости, и первоначальная сила его не вполнѣ утратилась въ позднѣйшихъ формахъ. Онъ самъ называлъ свое ученіе *Исламъ*, т. е. подчиненіе, смиреніе: это ученіе, по словамъ самого Мухамеда, было ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ и высшимъ откровеніемъ Божіимъ, и всѣ исповѣдывающіе это ученіе, «мослемиты» или «правовѣрные», видятъ въ немъ продолженіе закона Моисеева и послѣдующаго христіанскаго ученія. Свое представленіе о правовѣрныхъ они понимаютъ довольно своеобразно: по ихъ мнѣнію, уже Авраамъ былъ мослемитомъ, вѣрнымъ слугою Божіимъ, поборникомъ язычества,—и вотъ его-то вѣру, вѣру Авраамову, возстановилъ Мухамедъ. При такомъ взглядѣ на «правовѣріе», послѣдователи Мухамеда—для убѣжденія Іудеевъ и христіанъ, жившихъ по сосѣдству съ ними или среди нихъ, — ссылались и на законъ Моисеевъ, и на Св. Писаніе, какъ на подтверждающія свидѣтельства: они сами утверждали, что тотъ «Утѣшитель», о которомъ говоритъ Спаситель, уже явился въ лицѣ Мухамеда, «послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, достъ котораго уже не явится болѣе никакой пророкъ». Источникомъ и главною опорой ученія является *Коранъ*—записанный со словъ Магомета приближенными къ нему людьми; эта книга всюду говоритъ прямо отъ имени Божьяго, и все содержаніе ея, какъ полагаютъ правовѣрные, было внушено пророку ангеломъ Гавріиломъ. Весь «Исламъ» распадается на ученіе о вѣрѣ и мораль. Ученіе указываетъ человѣку на Бога и Его пророка и представляетъ собою строгій монотеизмъ, допускающій, впрочемъ, суще-

ствование *ангеловъ*, множество добрыхъ духовъ, безплотныхъ, созданныхъ изъ чистаго пламени, исполняющихъ волю Божию и восхваляющихъ Его Имя. Между ними четыре архангела: Гавріилъ—духъ Откровенія, Михаилъ—сражающійся въ битвахъ за правотѣрныхъ, Азраилъ—ангелъ смерти, и Исфраилъ—который долженъ трубить въ трубу въ день воскресенія мертвыхъ; другіе ангелы, Моакхбаты, сопровождаютъ смертныхъ по-двое cadaго—одинъ съ правой стороны, другой—съ лѣвой, и каждый вечеръ взлетаютъ они къ престолу Божию и докладываютъ о дѣйствіяхъ порученнаго имъ смертнаго. Они признаютъ еще и одного злого духа—Азаила (Сатану)—придаютъ ему прозваніе «Эблисъ», т. е. отчаяніе, и рассказываютъ о немъ, что онъ былъ прежде ангеломъ, но обращенъ въ злого духа за выказанное имъ высокомеріе и ослушаніе волѣ Божіей, такъ какъ онъ отказался оказать почтеніе Адаму, когда тотъ былъ созданъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе ангелы исполнили повелѣнное Господомъ. Затѣмъ исламъ допускаетъ вѣру въ пророковъ, которыхъ правотѣрные насчитываютъ до 200,000; но шестеро изъ нихъ возвышаются надъ всеми остальными: Адамъ, Ной, Авраамъ, Муза (Моисей), Иза (Иисусъ) и Мухамедъ. Ученіе о воскресеніи мертвыхъ и послѣднемъ, Страшномъ судѣ заимствовано цѣликомъ изъ христіанскихъ воззрѣній, хотя прикрашено фантастическими добавленіями. Когда Исфраилъ трижды протрубитъ, начнется судъ. И вотъ весь воздухъ наполнится душами, шущими своего тѣла; земли разверзнется, кости застучатъ другъ о друга, складываясь въ остовы; но выйдутъ на поверхность земли только правотѣрные, а невѣрные будутъ лежать въ землѣ и подняться не смогутъ. Тогда въ рукахъ Гавріила явятся большіе вѣсы; на одну чашку вѣсовъ, свѣтлую, возлагаютъ добрыя дѣла, на другую, темную—дурныя дѣла; затѣмъ всѣ души умершихъ пойдутъ черезъ мостъ аль-Серафъ, для дальнѣйшаго испытанія, а тотъ мостъ, острый, какъ лезвіе сабли, протягивается надъ бездною преисподней; и вотъ грѣшники и невѣрные, переходя по тому мосту, падаютъ внизъ, а праведники перелетаютъ черезъ него какъ бы на крыльяхъ птицы. Съ особеннымъ тщаніемъ украшаетъ фантазія правотѣрныхъ описаніе рая. Если правотѣрный искупитъ свои грѣхи, и если онъ былъ при жизни достойнымъ рая, то онъ прежде всего освѣжается у «Пруда Пророка», въ которомъ вода сладка какъ медъ, холодна какъ снѣгъ, прозрачна какъ кристалль; кто той воды изощетъ, тотъ никогда болѣе не будетъ знать жажды. Вслѣдъ затѣмъ, ангелъ Рушванъ отворяетъ правотѣрному праведнику врата рая: все пространство рая усыпано, вмѣсто песку, мельчайшею пшеничною мукою; жемчугъ и яхонты разбросаны всюду, вмѣсто булыжниковъ, и по всему раю текутъ рѣчки чистѣйшей воды, ручьи молока, меда, даже вина, которое на землѣ воспрещается пить правотѣрнымъ; посреди рая растетъ *таба*—дерево жизни, отягощенное дорогими плодами; оно такъ громадно, что отличный скакунъ только въ теченіе 100 лѣтъ непрестаннаго бѣга могъ бы перебѣжать черезъ тѣнь его. Самый воздухъ въ раю напоенъ ароматами и оглашается постоянно гармоническимъ шелестомъ листьевъ и мелодическимъ пѣніемъ дочерей рая, черноокихъ гурій; онѣ предназначены быть подружками правотѣрныхъ наравнѣ съ тѣми женами, съ которыми они жили на землѣ и которыхъ

прелести будутъ въ раю вновь восстановлены. И такъ будутъ они тамъ блаженствовать, украшенные вѣнцами изъ золота и алмазовъ, окруженные сотнями слугъ, будутъ ѣсть на золотыхъ блюдахъ и пить изъ золотыхъ кубковъ, не зная ни пресыщенія, ни опьяненія, среди непрерывнаго ряда наслажденій. Каждаго правовѣрнаго, сверхъ этихъ, ждутъ въ раю еще иныя радости:—для изображенія ихъ слабъ языкъ человѣческій.

Послѣдняя статья Корана толкуеть о вѣчномъ предопредѣленіи; она не проведена въ Коранѣ со строгой послѣдовательностью. Но этотъ догматъ уже лежитъ въ основѣ того суроваго представленія о божествѣ и въ томъ общемъ настроеніи, которыя такъ свойственны семитическому духу, такъ что вскорѣ оно получило преобладающую силу. Твердо вѣруя въ силу этого догмата, мослемятъ, не колеблясь, устремляется въ битву: онъ знаетъ, что день его смерти занесенъ на скрижаляхъ вѣчности;—побѣдитъ-ли онъ, или падеть, все равно: его ждетъ райское блаженство.

Мораль
ислама.

Изъ вышензложеннаго ясно, что этому вѣрованью недоступны всѣ наиболѣе глубокія религіозныя понятія: даже все то, что заимствовано исламомъ изъ ученія христіанскаго, воспринято имъ только съ чисто внѣшней стороны. Еще болѣе выясняется это въ мухамеданской этикѣ, которая вся состоитъ въ напоминаніяхъ о выполненіи правилъ, касающихся внѣшней стороны жизни. Всѣмъ мослемятамъ предписываются частыя омовенія, съ соблюденіемъ весьма точно установленнаго церемоніала, и пять ежедневныхъ молитвъ, при которыхъ правовѣрный долженъ обращаться лицомъ въ направленіи Мекки, указуемомъ тѣми минаретами или молитвенными башнями, съ которыхъ возвыщается о времени, назначенномъ для совершенія молитвъ; сильному впечатлѣнію этой отовсюду раздающейся молитвы правовѣрныхъ поддался и самъ Абу-Суфьянъ, послѣдній вождь Корайшитовъ: онъ былъ пораженъ имъ и отрекся отъ своего невѣрія. Священнымъ днемъ недѣли для всѣхъ правовѣрныхъ положена пятница:—въ этотъ день въ мечетяхъ молятся и проповѣдуютъ. Наравнѣ съ молитвою, важнѣйшею обязанностью правовѣрныхъ признается раздача милостыни и постъ, которому посвящается цѣлый мѣсяцъ, Рамазанъ: «молитва ведетъ только до полу-пути къ Богу, постъ приводитъ къ самому Его порогу, милостыня ставитъ предъ лицо Его», и эта послѣдняя обязанность по отношенію къ бѣднымъ, сиротамъ и къ «сыну пути» (т. е. страннику или нищему) предписывается правовѣрнымъ съ особенною настойчивостью. Сверхъ этихъ обязанностей, законъ Мухамедовъ повелѣваетъ каждому правовѣрному, достигнувшему зрѣлаго возраста, нравственно-правоспособному и обладающему извѣстнымъ достаткомъ—хоть разъ въ жизни совершить странствованіе въ Мекку; это предписаніе также много способствовало установленію между всѣми правовѣрными сильнаго чувства общенія. Правовѣрный, рѣшающійся на такое странствованіе, дѣлаетъ дома всѣ необходимыя распоряженія, совершаетъ дальній путь въ одеждѣ простаго странника, дабы въ Меккѣ приложиться устами или хотя бы только прикоснуться рукой къ священному черному камню Каабы, совершить предписываемыя обычаемъ молитвы и обряды, посѣтить различныя святыя мѣста—колодець Земь-земь, гору Арафатъ,

около которой, противъ трехъ столбовъ, странники бросаютъ семь камней, въ видѣ заклинанія противъ злыхъ духовъ *).

И вотъ эта религія выступила теперь съ притязаніемъ на *всемірное* владычество: уже самый основатель ея видимо разсчитывалъ на распространеніе ея по всему міру, тѣмъ болѣе, что монотеистическое представленіе о божествѣ какъ бы само по себѣ предполагаетъ необходимость подобнаго распространенія. Но именно въ этомъ пунктѣ и проявляется уже сильнѣйшая противоположность между исламомъ и другою, истинною и всемірно-распространившеюся вѣрою—христіанствомъ. Спаситель повелѣлъ ученикамъ Своимъ всюду и всеѣмъ проповѣдывать всерадостную вѣсть о наступленіи Царствія Божія; высшею обязанностью каждаго правовѣрнаго является также распространеніе ислама. Но средствомъ для распространенія ислама является мечъ, завоевательная война, и Коранъ прямо указываетъ на это: «чьи стопы будутъ покрыты прахомъ битвъ Господнихъ, тотъ въ день великаго суда будетъ отстоять отъ преисподней далѣе, чѣмъ на то разстоянія, которое самый быстрый конь можетъ пробѣжать въ 1000 лѣтъ»; и еще: «убивайте, пролагая пути Господни, всеѣхъ, кто васъ убивать хочетъ; бейтесь съ врагами, пока всякій соблазнъ исчезнетъ и вѣра правая восторжествуетъ». Вотъ съ какими побужденіями этотъ народъ выступилъ на поприще всемірной исторіи! До того времени судьбы исторіи почти безслѣдно его миновали; ни одно изъ большихъ міровыхъ государствъ—ни Ассиріиане, ни Персы, ни Александръ Македонскій, ни Римляне—этою страню не обладали. Еще не затраченной силѣ націи былъ вдругъ необычайнымъ образомъ данъ толчокъ, при посредствѣ вновь явившейся религіи, которая немногими ясно-выраженными, но въ сущности простѣйшими идеями и строго монотеистическими понятіями о Богѣ удовлетворяла религіозному чувству и въ то же время тѣшила фантазію своими заманчивыми образами. И какое же громадное поприще теперь разомъ открывалось для этого народа въ его стремленіи къ подвигамъ! Теперь уже дѣло шло не о жалкой добычѣ, которую можно было получить отъ ограбленія каравана, или во время усабицы между двумя племенами: всѣ усабицы прекратились, всѣ сердца прониклись высокимъ сознаніемъ воспріятого поваго ученія—и алчные взоры во-едино слившейся націи обратились къ тѣмъ столицамъ древняго міра, въ которыхъ вѣками накопленныя сокровища, по праву, должны были перейти въ собственность воиновъ, которые бились во славу Аллаха.

Столѣтіе, къ которому относится краткая, но по своимъ послѣдствіямъ все же громадная дѣятельность Мухамеда, еще не успѣло закончиться, какъ уже царство *Калифовъ*, преемниковъ пророка, раскинулось отъ береговъ Инда до Геркулесовыхъ столбовъ. При калифахъ Абубекрѣ (622—634) и *Омарѣ* (634—644) они овладѣли Дамаскомъ (635), Иерусалимомъ (637), Антиохіей—съ одной стороны, а съ другой—ниспровергли

Первые
калифы.

*) Первыми свѣдѣніями объ этихъ обычаяхъ странствующихъ въ Мекку мусульмановъ мы обязаны нѣмецкому путешественнику, Юг. Людв. Буркгардту, который, преодолевъ много трудностей и подвергая неоднократно свою жизнь опасности, совершилъ въ 1814 г. это путешествіе въ Мекку, въ одеждѣ мухамеданскаго хаджи.

могущество Персін, и всё эти страны покорили исламу. Оба могущественныхъ царства, Восточно-Римское и Персидское, враждовали между собою уже въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ: нельзя было и помышлять о томъ, чтобы они вступили въ союзъ для отпора новому грозному врагу. Двадцатый по числу въ новой династіи персидскихъ царей, шахъ-инъ-ша *Хозру-Нуширванъ*, современникъ и противникъ Юстиніана, правитель замѣчательный, котораго не даромъ сравнивали съ Даріемъ I, — умеръ въ 579 году; какъ и прежде водилось, такъ и теперь — наследованіе престола постоянно сопровождалось въ Персін опасными кризисами: и вотъ, второй, послѣ Нуширвана, шахъ *Хозру* явился уже посаженникомъ восточно-римскаго императора *Маврикія*, у котораго онъ нашелъ себѣ прибѣжище какъ изгнанникъ. Послѣ кончины Маврикія (602) ему наследовалъ его убійца, *Фока*, а затѣмъ *Гераклій* (610). Хозру, который вовсе не хотѣлъ послѣдняго признать императоромъ, выступилъ противъ него войною и, въ союзѣ съ Аварами и другими врагами Имперіи, угрожалъ даже Константинополю. Но храбрый Гераклій не только отразилъ это нападеніе, но еще и самъ вторгся въ Персидскую область, и это вторженіе вызвало враждебное шаху возстаніе среди его знати и привело къ его паденію (628). Такимъ образомъ царство Персидское было ослаблено и потрясено, когда вдругъ поднялась противъ него новая буря. Послѣдній шахъ изъ этой династіи (которая нѣкогда, въ началѣ III вѣка по Р. Хр., обновила Персидское царство), *Гездегердъ III*, разбитый Арабами при *Кадезіи*, на западъ отъ *Евфрата*, и затѣмъ при *Негавендѣ* въ *Мидіи*, вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Одновременно съ этимъ, по волѣ великаго калифа *Омара*, его геніальные полководцы, *Амру* и *Калидъ*, завоеватель *Сиріи*, овладѣли *Александріей* (641 г.). При слѣдующемъ калифѣ *Отманнѣ* (644—656) Арабы овладѣли *Кипромъ* и *Родосомъ*, такъ какъ они успѣли уже и съ моремъ освоиться; когда же въ 656 году въ калифы возведенъ былъ *Али*, зять пророка (мужъ его дочери отъ *Фатимы*), тогда выказались разомъ всё непривлекательныя стороны восточнаго государства. *Анна*, нѣкогда бывшая любимѣйшею изъ женъ Пророка, ненавидѣла новаго государя, достигнувшаго власти при посредствѣ брачнаго союза съ дочерью ея соперницы; на калифа *Али* взведено было обвиненіе въ томъ, будто бы онъ участвовалъ въ убіеніи *Отмана*, своего предшественника; обвиненіе это основывалось на томъ, что онъ не наказалъ убійцу *Отмана*, и вотъ *Омаядъ Моавія*, намѣстникъ *Сиріи*, *Корайшитъ* по происхожденію, выступилъ мстителемъ за *Али*, прикрывая этимъ предлогомъ свои собственные честолюбивые замыслы. Въ 661 году калифъ *Али* былъ умерщвленъ нѣсколькими приверженцами секты, увлекавшейся фантастическими идеалами. Началась борьба между двумя династіями и длилась долгое время, въ связи съ династическими препирательствами, которыя привели къ расколу, и понинѣ раздѣляющему приверженцевъ ислама на два враждебныхъ лагеря. Приверженцы *Али* признаютъ только за родственниками Пророка право наследованія ему въ руководеніи народа: они произнесли проклятiе тремъ первымъ калифамъ и узурпаторамъ изъ дома *Омаядовъ*. Это — *шииты*; для нихъ *Коранъ* есть единственный источникъ религіознаго познанаія, между тѣмъ какъ торжествующая партія ссылалась еще и на

другой, дальнѣйшій источникъ, на *сунну* или преданія—устныя изреченія пророка, яко бы собранныя послѣ его смерти. Эти прозвались *суннитамн*, и одержали верхъ надъ шиитами: ихъ религіозныя воззрѣнія строже; они почитаютъ Коранъ плодомъ небеснаго откровенія, и собственному мышленію, по отношенію къ этой священной книгѣ, оставляютъ лишь самый ограниченный просторъ.

При *Моавіи I* (661—679), который по смерти Али остался единственнымъ калифомъ, завоеванія были вновь предприняты: съ 668—675 гг. его войско осаждало даже Константинополь и воевало въ его окрестностяхъ. Тогда-то именно (673 г.) «греческій огонь», изобрѣтенный сирийскимъ грекомъ Каливникомъ, произвелъ во флотѣ римскомъ страшныя опустошенія: дѣла приняли вдругъ такой благопріятный оборотъ, что Моавія заключилъ миръ съ Восточно-Римскою имперіею, только заручившись годовою данью съ нея или, иначе сказать, призналъ существованіе Римской имперіи въ ея прежнемъ положеніи подъ условіемъ денежнаго окупа. Императоръ *Константинъ IV*, правда, нашелъ возможность облегчить оборону имперіи новымъ ея подраздѣленіемъ на военные округа (или тематы); но Арабы, тѣмъ временемъ, обратились къ завоеванію сѣвернаго берега Африки: въ 697 году, въ то время, когда въ *Дамаскѣ*, резиденціи Омаядовъ, правилъ четвертый изъ нихъ, *Абдалмаликъ* (съ 685 г.), палъ Кароагенъ, и послѣ временнаго перехода въ руки византійскаго полководца, съ 699 года остался навсегда въ рукахъ правотѣрныхъ. Свѣтъ христіанскаго ученія погасъ по всему африканскому побережью. Южная окраина Средиземнаго моря, тяжкія пріобрѣтенія двухъ тысячелѣтій, на долгое время погибли для христіанства и для культуры, которая и до сихъ поръ еще не вполнѣ туда проникла.

Завоеванія.
Домъ Омаядовъ.

Тутъ ужъ опасность стала грозить западнымъ окраинамъ нѣкогда бывшей Римской имперіи. Въ правленіе пятаго изъ преемниковъ Моавія, *Велида I* (705—715), государя энергичнаго и властолюбиваго, Арабы нашли возможность переправиться черезъ проливъ въ Испанію, куда путь

Велидъ I,
705.

былъ имъ указанъ и облегченъ несчастнымъ положеніемъ дѣлъ въ Вестготскомъ царствѣ.

Вестготское
государство
въ Испаніи.

Со времянъ побѣды, одержанной Хлодвигомъ надъ Вестготами, ихъ царство ограничивалось почти исключительно Пиринейскимъ полуостровомъ, и скорѣе резиденція Вестготскаго царства была перенесена въ Толедо. Съ Амаларихомъ, который въ 531 году палъ въ битвѣ противъ Франковъ, древняя династія королей вымерла, и царство Вестготское стало управляться выборными королями. Этимъ самымъ оно было лишено основы къ его дальнѣйшему утверженію и благополучному развитію, и Восточно-Римской имперіи при Юстиніанѣ удалось вновь овладѣть юго-восточнымъ берегомъ Испаніи. Религіозная распря между аріанствомъ и каеолическимъ вѣроисповѣданіемъ здѣсь проявилась болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо, и вынуждала противниковъ аріанства къ заговорамъ и поддержкѣ тайныхъ сношеній съ Франками. До нѣкоторой степени этому злу удалось помочъ тѣмъ, что въ концѣ VI вѣка король *Реккаредъ* (586—601 г.) съ большинствомъ аріанъ-епископовъ и народа присоединились къ каеолической Церкви. Однакоже ближайшимъ слѣдствіемъ этого перехода было возрастаніе могущества знати; епископы, которые пріобрѣли гораздо больше значенія, вошли въ тѣсный союзъ съ вельможами; но ближайшіе преемники Реккареда еще продолжали держаться политики сліянія германскаго и романскаго элементовъ населенія; въ VII в. обнародованъ былъ даже основанный на римскомъ правѣ сборникъ законовъ, *Forum judicum*, и возвращены были подъ власть вестготскихъ королей тѣ части Испаніи, которая были захвачены Византіей. Но и въ этомъ новомъ сборникѣ законовъ избирательность королей была положена въ основу всего государственнаго устройства; а когда дѣло доходило до подобныхъ выборовъ, то по поводу ихъ предварительно совѣщались знатные «налатины», изъ которыхъ многіе, быть-можетъ, насчитывали подобныхъ же выборныхъ королей въ числѣ своихъ предковъ,— слѣдуетъ-ли одобрить тотъ или другой выборъ, или же надо попытаться ему воспрепятствовать. Это повело къ образованію партій или, скорѣе, кружковъ; твердая, самостоятельная власть оказалась невозможною. Вестготскіе крупныя земельныя собственники, у которыхъ находились въ подчиненіи многочисленныя трибутаріи,—другими словами, господствующее военное сословіе,—подпали такимъ порокамъ, которые почти всегда и вездѣ бывають послѣдствіемъ подобнаго общественнаго положенія; епископы, среди долгихъ и непрерывныхъ религіозныхъ препирательствъ утратившіе духъ христіанскаго смиренія и любви и усвоившіе себѣ этими раздорами только нетерпимость, за недостаткомъ еретиковъ, которыхъ можно было бы преслѣдовать, обратили ее противъ *Иудеевъ*, которые поселились въ Испаніи въ великомъ множествѣ. Каждому разумному человеку опасность, грозившая изъ-за моря, около этого времени стала уже очевидною. Королю Эгизу безъ всякихъ затрудненій наслѣдовалъ его сынъ Витиза, который настойчиво заботился о подъемѣ королевской власти (701 г.); въ особенности стремился онъ обуздать своеволіе духовенства. Это повело къ новому дробленію на партіи, къ заговору, къ сверженію Витизы и къ избранію или провозглашенію новаго короля, *Родериха*. А между тѣмъ у Витизы остались сыновья, и братъ его *Оттагъ* былъ архі-

епископом севильским: къ ихъ партіи присоединился одинъ изъ вельможъ, графъ Юліанъ, занимавшій важный постъ намѣстника въ Сеутѣ и уже неоднократно защищавшій этотъ крѣпкій городъ противъ нападенія Арабовъ. Изъ ненависти къ Родериху, графъ Юліанъ и Опшасъ не задумались позвать Арабовъ на помощь противъ него. Арабы тотчасъ оказали помощь: одинъ изъ подначальныхъ полководцевъ арабскаго намѣстника въ Африкѣ, опытный воинъ, *Тарикъ* *), высадился на берегу Испаніи съ небольшимъ войскомъ, которое однакоже вскорѣ возросло отъ присоединенія къ нему недовольныхъ изъ христіанъ и въ особенности изъ Евреевъ. Первое столкновеніе Востока съ Западомъ, цѣлама съ христіанствомъ, на западно-европейской почвѣ, произошло при *Хересъ де-ла-Фронтера*, на правомъ берегу Гвадалквивира (711 г.). Вестготы, въ рядахъ которыхъ оказалась измѣна, были разбиты. Въ трехдневной борьбѣ вестготское военное государство было сломлено. Послѣдній изъ королей вестготскихъ, Родерихъ, пропалъ безъ вѣсти—утонулъ въ Гвадалквивирѣ, если вѣрить романсамъ, воспѣвающимъ эту гибельную борьбу; за эту первую побѣдою, одержанною передовымъ отрядомъ мухамеданскаго войска, послѣдовало затѣмъ быстрое и совершенное ниспроверженіе Вестготскаго царства, уже самимъ Музой, намѣстникомъ африканскимъ, который переправился въ Пенанцію съ грозными силами.

Битва при Хересѣ, 711. Паденіе Вестготскаго царства.

Это германское господство, которое длилось однакоже около трехъ вѣковъ и повидимому имѣло бы возможность укрѣпиться,—оказалось настолько слабымъ, что въ самое короткое время всѣ укрѣпленные пункты страны достались въ руки побѣдителей, и тѣ, при помощи своихъ лучшихъ союзниковъ, многочисленныхъ Иудеевъ, такъ быстро освоились съ завоеванной территоріей, что и десяти лѣтъ не прошло, какъ уже Арабы попытались завоевать и соседнюю *Галлію*, положеніе которой, повидимому, было настолько же запутаннымъ и расшатаннымъ, какъ и положеніе разрушеннаго Арабами Вестготскаго царства, и потому уже побуждало къ нападению.

Клотарь II, вновь соединившій все Франкское государство подъ своею властью, скончался въ 628 г. При его наследникахъ—сынѣ Дагобертѣ I (638) и Хлодвигѣ II (657)—единство государства поддерживалось съ трудомъ; по смерти послѣдняго передѣлы возобновились и естественная рознь установилась (отчасти она замѣтна еще и нынѣ) между сѣверными частями царства, гдѣ преобладала германская національность, и южными—гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ національности романской. Къ этимъ двумъ составнымъ частямъ, *Австразіи* и *Нейстрии*, примкнула третья часть—*Бургундія*, которая также заявляла притязанія на нѣкоторую самостоятельность и пользовалась ею въ такой же степени, какъ остальные двѣ части Франкскаго государства, благодаря династическимъ смутамъ, происходившимъ въ королевскомъ домѣ. Однакоже основы государственной жизни въ Франкскомъ государствѣ были тверже и разумнѣе, нежели въ государствѣ Вестготскомъ. Мы уже упоминали выше, что при завоеваніи страны въ распоряженіе побѣдителей досталось такое количество земель,

Франкское государство въ VII в.

*) Скала Гибралтаръ—собственно «Гора Тарика» — до сихъ поръ сохранила память объ его имени.

что можно было не касаться земельных владѣній романскаго населенія, такъ что лишь весьма незначительная часть его обращена была въ трибутарыевъ, обложенныхъ постоянною податью. Наибольше богатые землевладѣльцы, а равно и епископы (большею частью романскаго происхожденія, но единовѣрные съ завоевателями) легко сблизились съ новою землевладѣльческою знатью, которую составляли завоеватели или, вѣрнѣе, дружинники, принадлежавшіе къ военной свитѣ короля. Каждый изъ этихъ дружинниковъ получалъ свою часть изъ земель, находившихся въ распоряженіи короля, какъ *аллодіумъ* (*allodium*) или жребій, въ полное и наследственное владѣніе, нотолько съ однимъ, повидимому, ограниченіемъ, что нѣкоторая доля этого владѣнія (такъ-называемая *салическая* земля) не могла переходить по наследству къ женщинамъ, такъ какъ владѣлецъ аллодія былъ обязанъ нести воинскую службу на защиту страны. Но такъ какъ короли (а мы видѣли, что они еще далеко не достигли предѣла своихъ завоеваній) нуждались въ постоянномъ войскѣ, то они создавали себѣ нѣчто подобное, выдѣляя изъ своего королевскаго земельнаго владѣнія участки подъ названіемъ *бенефицій* тѣмъ, которые принимали на себя, въ качествѣ *лѣйдовъ* (*leudes*), обязательства постоянной придворной и военной службы при особѣ короля. Эти бенефиціи составляли такимъ образомъ нѣчто въ родѣ вознагражденія за службу, и только король имѣлъ право отнять данное имъ владѣніе, еслибы награжденное имъ лицо оказалось ему невѣрнымъ или въ чемъ-либо передъ королемъ провинилось. Многіе изъ наиболее богатыхъ свободныхъ людей, получая такимъ образомъ, сверхъ своего аллодіума, еще и королевскую бенефицію и принимая на себя за это опредѣленные обязательства, становились въ непосредственное и постоянное служебное отношеніе къ королю. Но и крупныя землевладѣльцы, и епископы, у которыхъ церкви были также надѣлены земельными владѣніями, нуждались въ извѣстнаго рода правильныхъ служебныхъ отправленияхъ, а слѣдовательно и въ лицахъ, которыя могли бы ихъ отправлять, и этимъ лицамъ, въ видѣ вознагражденія, опять-таки выдѣляли опредѣленные бенефиціи изъ своего аллодіума; такимъ образомъ создавалась новая политическая или общественная система, которой предостало великое будущее и которая, подъ названіемъ *ленной системы*, является отличительною чертою послѣдующихъ столѣтій. Во главѣ этой системы стоитъ *король*, который, при непрерывныхъ походахъ, при вызванныхъ ими ненадежныхъ, неустановившихся отношеніяхъ, при общемъ положеніи и состояніи своего народа, среди исконнаго населенія страны, достаточно имѣлъ возможности проявить власть, въ которой всѣ нуждались и на которую всѣ разсчитывали. Власть свою король проявлялъ въ формахъ весьма скромныхъ: на повозкѣ, влекомой волами, медленно объѣзжалъ онъ страну, всѣмъ доступный, останавливаясь въ тѣхъ мѣстахъ, куда обычно народъ собирался къ нему на судъ. И самыя названія придворныхъ должностей напоминали собою первоначальное распредѣленіе должностей между лицами, служащими въ большомъ хозяйствѣ:— *senescalcus* или управитель, *marescalcus* (иначе: *comes stabuli*)—конюшій, *camerarius*— хотя всѣ эти титулы, конечно, могли произойти и подъ вліяніемъ романизма или византизма, какъ онъ проявлялся при позд-

пѣйшихъ императорахъ. Непосредственно за королемъ стоятъ вельможи—*приматы*, князья, *оптиматы*, какъ ихъ обычно обозначаютъ древне-латинскими названіями современные писатели—*свѣтская* знать, насколько она уже успѣла образоваться изъ старыхъ и новыхъ мѣстныхъ элементовъ и къ которой теперь примкнули представители высшихъ церковныхъ должностей—епископы и архіепископы, въ качествѣ *духовной* знати. За эту знатью въ общественномъ строѣ слѣдовали *болѣе состоятельные* представители свободнаго населенія, болѣею частью Франки, но также и Романцы; изъ нихъ-то (въ тѣхъ случаяхъ, когда они принимали на себя какую-нибудь должность, *ministerium*, и соединенную съ нею бенефицію) образовалось чиновничье и родовое дворянство; а изъ свободныхъ людей, которые вступали въ подобныя же служебныя отношенія къ духовной или свѣтской знати — въ *министеріалы* вельможъ или епископовъ—развилось впоследствии низшее дворянство. Но всѣ эти общественныя отношенія еще не были вполне прочными и установившимися, и грани между сословіями еще не были ни рѣзко обозначенными, ни окончательно опредѣленными. Съ нѣкоторою наивностью этотъ общественный строй высказывается въ различныхъ параграфахъ салическаго закона (окончательно приведеннаго въ порядокъ при Дагобертѣ I, въ VII в.), при опредѣленіи пени за убійство. Если убитый принадлежитъ къ дружинникамъ короля, то пеня, уплачиваемая убійцею въ королевскую казну или же родственникамъ убитаго, равняется 600 солидамъ; если убитый романецъ принадлежалъ къ кругу застольныхъ товарищей короля — то 300 солидамъ; если обыкновенный франкъ—то 200; 100 солидовъ пени платилось за романскаго землевладельца; 45—за принадлежавшаго къ податному сословію. Управление страной и правосудіе поручено было *графамъ* (*comites*), которыхъ назначалъ самъ король; впрочемъ, въ большинствѣ городовъ, въ особенности въ тѣхъ, которые перешли во власть Франковъ путемъ капитуляцій,—древне-римское право и римскій строй города были оставлены неприкосновенными.

При подобныхъ условіяхъ только *одно* предполагалось существенно важнымъ и необходимымъ для общаго благосостоянія:—королемъ долженъ былъ быть человекъ сильный; онъ могъ быть жестокъ, суровъ, своеволенъ, но никакъ не могъ быть слабымъ. Такая-то сила долгое время держалась въ династіи Меровинговъ, хотя въ остальномъ ихъ дворецъ былъ постоянно опозоренъ всѣми ужасами варварства и пороками выродившейся римской цивилизаціи, и правленіе королей франкскихъ, послѣ смерти Хлодвига I, характеризуется именно этою причудливою смѣсью дикаго варварства съ утонченною непорочностью. Послѣдствія этого ненормальнаго быта не заставили себя ждать: родъ Меровинговъ пресѣкъся на королѣ *Дагобертѣ I*, который предавался позорѣйшимъ порокамъ и излишествамъ, — а между тѣмъ рядомъ съ королевскою властью успѣла развиться и возрасти другая, новая сила.

Во главѣ королевской военной свиты стоялъ особый сановникъ—*майордомъ* (*major domus*—старшій въ домѣ), значеніе котораго въ такой же мѣрѣ возрастало, въ какой самый домъ короля и свита его увеличивались, чѣмъ болѣе возрастало и самое значеніе королевскаго дома въ упра-

Правитель-
ственные
отношенія.
Майордомъ.

вленіи всею страню. Это было такое мѣсто, которое могло быть предложено только довѣренному лицу, а потому майордомъ избирался именитѣйшими изъ вельможъ и сословія благородныхъ, или по крайней мѣрѣ представлялся королю. И вотъ, среди австразійскаго дворянства нашлась родственная королевскому дому фамилія, обладавшая весьма обширными помѣстьями между Маасомъ, Мозелемъ и Рейномъ; изъ представителей ея, наиболѣе древнихъ, извѣстенъ намъ Карломанъ (жилъ ок. 600 г.); его-то сынъ, *Пипинъ Ланденскій* *), былъ майордомомъ въ Австразіи, при Дагобертѣ I (622—638 г.). За нимъ слѣдовалъ другой, мощный представитель того же дома, *Гримоальдъ*, который однако уже возбудилъ противъ себя зависть другихъ вельможъ и палъ ея жертвою. Только уже *Пипину Геристальскому*, Пипину среднему, удалось приобрести громкую извѣстность: въ одной изъ усобицъ, которыя бушевали между вельможами Нейстріи и Австразіи изъ-за господства въ землѣ Франковъ, онъ разбилъ Баргара, майордома Нейстріи, при *Тестри* (687 г.); послѣ этого, Пипинъ вынудилъ ничтожнаго короля Нейстріи, Теодорика III, чтобы тотъ назначилъ его майордомомъ Австразіи, Нейстріи и Бургундіи, слѣдовательно всего Франческаго королевства, воссоединеннаго побѣдою при Тестри. Ему тогда же былъ присвоенъ титулъ, который уже указывалъ, что Пипинъ былъ не простымъ подданнымъ короля: онъ титуловался княземъ и герцогомъ франкскимъ (*dux et princeps Francorum*). Сынъ его былъ *Карлъ*, впоследствии прозванный Карлъ Мартель (т. е. боевой молотъ); послѣ долговременной борьбы, въ 719 г., онъ занялъ мѣсто своего отца, какъ майордомъ трехъ составныхъ частей государства, сумѣлъ поддержать единство между этими частями и окончательно прославилъ свой родъ такимъ геройскимъ подвигомъ, которымъ значеніе стариннаго королевскаго рода было окончательно подорвано.

Карлъ Мартель. Битва при Турѣ. 732.

Могущество Калифата, при Велидѣ I и его наслѣдникѣ Сулейманѣ, было болѣе чѣмъ когда-либо грознымъ. На берегахъ Инда и на побережьяхъ Атлантическаго океана войска Калифата всюду одинаково торжествовали надъ врагами. Въ 717 г. новое нападеніе на Константинополь было отражено съ большимъ трудомъ, а съ 720 г. испанскіе Арабы уже совершаютъ походы и за Пиринеи. Герцогъ Аквитаніи—юго-западной части Галліи, освободившейся отъ франческаго владычества—съ величайшими усиліями отражалъ ихъ нападенія. Въ 732 году сильное арабское войско вторично перешло черезъ Пиринеи, нанесло герцогу аквитанскому тяжкое пораженіе и вынудило его искать спасенія въ бѣгствѣ. Тогда онъ обратился за помощію къ могущественному и грозному майордому франкскому. Повидимому, надвигавшаяся грозная опасность на время прекратила многоразличные раздоры и усобицы какъ среди самихъ Франковъ, такъ и среди Франковъ и другихъ германскихъ племенъ:—Карлу удалось собрать большое войско, въ составъ котораго вошли, кромѣ Франковъ, и многія другія племена германскія: Аллеманы, Баварцы, Саксы, Фризы—для отраженія страшнаго бѣдствія. Рѣшительная битва произошла въ октя-

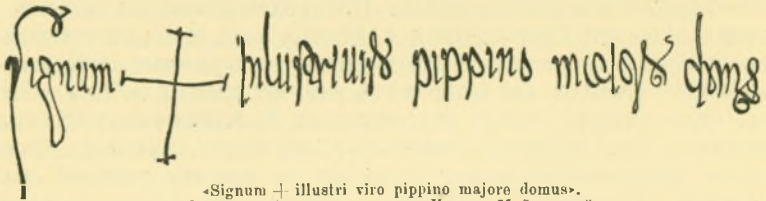
*) Эта мѣстность входитъ въ настоящее время въ составъ Люксембургской провинціи въ Бельгіи.

брѣ 732 года, на равнинѣ между Туромъ и Пуатье. День этой битвы былъ однимъ изъ важныхъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи человѣчества: — и здѣсь такъ же, какъ при Саламинѣ, или какъ на Каталаунскихъ поляхъ, судьба многихъ народовъ зависѣла отъ сомнительнаго исхода борьбы двухъ войскъ. Съ подробностями битвы, въ частности, мы незнакомы, хотя и можемъ себя представить съ полною ясностью, какія побужденія и какіе страстные порывы волновали воиновъ, входившихъ въ составъ этихъ обонхъ войскъ. Войско Абдеррахмана было одушевлено тѣмъ пламенемъ вѣры въ Единого Бога и Его Пророка, который предалъ уже царства и народы во власть правовѣрныхъ, и гордостью побѣдителей, и тою алчностью добычи, для которой все уже одержанныя побѣды и захваты должны были служить только ступенями къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, завоеваніямъ и обогащеніямъ. Религіозный энтузіазмъ, вѣроятно, былъ великъ и въ христіанскомъ войскѣ, хотя мы не имѣемъ свѣдѣній объ особомъ усердіи духовенства, и притомъ знаемъ, что довольно значительная часть Карлова войска состояла еще изъ язычниковъ. Но Франки знали, за что они бьются: они уже успѣли свыкнуться съ тою прекрасною страной, которую приобрѣли своимъ мужествомъ и мужествомъ своихъ предковъ, и готовились горячо постоять за нее. Главная сила мужества Арабовъ проявлялась въ ихъ стремительномъ натискѣ, которымъ они всегда наводили ужасъ на враговъ своихъ; главная сила Сѣверянъ — въ спокойной оборонѣ: «они стояли, какъ неподвижная стѣна», «какъ ледяной поясъ» — такъ повѣствуетъ намъ одинъ современный источникъ. Карль, очевидно, озаботился предварительнымъ ознакомленіемъ своихъ воиновъ съ арабскою тактикой; притомъ нѣкоторую увѣренность придавало имъ сознаніе своего превосходства передъ Арабами въ силахъ физическихъ. Искусное обходное движеніе герцога аквитанскаго много способствовало одержанію побѣды, которая была полною: — на другой день шатры арабскаго стана оказались пустыми, и можно было совершенно спокойно выбрать изъ нихъ добычу, которая была весьма значительна.

То единодушіе, которому были обязаны этою побѣдою, удержалось не долго, и Карлу пришлось впоследствии вновь бороться и съ *Фризами*, и съ *Саксами*, и съ *аквитанскимъ герцогомъ*, и съ *нейтрійскими вельможами*, которые не брезгали даже предательскою связью съ мусльманами, вслѣдствіе чего тѣ еще много разъ вторгались во Франкское государство, опустошая весь юго-востокъ его до самаго Лиона; только уже въ 739 г. Карлу удалось, въ союзѣ съ лангобардскимъ королемъ Лиутпрандомъ, окончательно справиться и съ Арабами, и со своими внутренними усобицами. Въ періодъ этой борьбы, грозный вонитель нарушилъ свои связи и съ Церковью или, вѣрнѣе сказать, съ высшими духовными лицами современнаго Франкскаго государства, которая погрязала въ грубѣйшей безнравственности и вели самую расточительную жизнь. Онъ, не задумываясь, почерпалъ изъ церковныхъ имуществъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о борьбѣ съ исламомъ и въ особенности о вознагражденіи дѣятелей, которые въ этой борьбѣ оказали существенныя услуги государству; понятно, что избалованное королями и зазнавшееся духовенство старалось всячески ему вредить и препятствовать, и даже

Дальнѣйшее
правленіе
Карла Мар-
теля.

пустило въ ходъ легенду о видѣннн, въ которомъ одному изъ духовныхъ будто бы было показано, какъ побѣдитель Арабовъ мучился въ пламени преисподней за свои дурныя отношенія къ духовенству. Несмотря на все это, значеніе Карла было настолько велико, что онъ, по смерти Теодорика IV, могъ довольно долгое время пикѣмъ не замѣчать осиротѣвшій тронъ.

«Signum + illustri viro pippino majore domus».
«Знаменье + именитаго мужа Пипина Майордома».

Съ диплома 651 г. въ національномъ архивѣ въ Парижѣ. Собственноручно поставленъ Пипиномъ только крестъ; все остальное рукою писца.

Майордомъ Карлъ умеръ въ 741 г. Изъ его двоихъ сыновей, *Пипина* и *Карломана*, паслѣдовавшихъ ему, послѣдній въ 747 г. удалился въ знаменитый монастырь, основанный въ 529 г. въ Кампаніи на горѣ Казинусъ, на мѣстѣ бывшаго Аполлонова храма *). Пипинъ съ той поры правилъ одинъ, хотя и отъ имени совершенно ничтожнаго меровингскаго короля *Хильдерика III*, пока въ 751 г. не рѣшился сдѣлать уже давно обдуманнаго имъ шага. Онъ отпразднвалъ двоихъ духовныхъ лицъ къ папѣ *Захарію* (741—762) и предложилъ ему для разрѣшенія слѣдующій вопросъ: — не лучше-ли будетъ для общаго положенія франкской Церкви, чтобы тотъ, кто держитъ въ рукахъ власть, носилъ бы и титулъ королевскій.

Положеніе
Церкви.
Панство.

Это именно посольство и этотъ запросъ были событіями знаменательными въ исторіи франкскаго государства, равно какъ и въ исторіи панства. Мы уже выше видѣли, что римскіе епископы издавна заявляли большія притязанія, выдавая себя за намѣстниковъ св. апостола Петра: и событія сложились для нихъ удивительно благоприятно, какъ бы въ подтвержденіе ихъ притязаній. Въ то время, когда въ восточной греческой Церкви продолжались богословскія распри и патриархъ константинопольскій, благодаря близости императора, оставался въ постоянной зависимости отъ него, отъ его двора, а также и отъ тѣхъ колебаній и партій, которыя играли такую важную роль при каждой новой перемѣнѣ въ престолонаслѣдіи—епископы западные вели борьбу только съ арианствомъ, строго придерживаясь установленной догматической системы, и епископъ римскій свободно исполнялъ въ вопросахъ вѣры обязанность третейскаго судьи, которую возлагали на него многіе, по старому предразсудку, по которому Риму придавалось особое значеніе, а св. Петръ почитался первымъ

*) Основателемъ этого монастыря былъ Бенедиктъ Пурзійскій, который далъ правила общегитія монахамъ своей обители.

епископомъ римскимъ. Притомъ императоръ былъ далеко, и долгое время совѣмъ не принималъ участія въ дѣлахъ западныхъ странъ. Разъединеніе между Востокомъ и Западомъ все болѣе и болѣе становилось ощутительнымъ; къ тому же и все романское населеніе Запада, угнетаемое завоевателями-аріанами, Остготами, Вестготами и Вандалами, все тѣснѣе и тѣснѣе заключалось въ замкнутый кругъ и начинало приучаться видѣть въ каедрѣ св. Петра естественный центръ своей Церкви, а въ самой Церкви какъ бы въ которое восполненіе исчезнувшаго государственнаго единства, сближавшее, роднившее ихъ между собою однимъ общимъ чувствомъ духовной національности, если можно такъ выразиться. Такое отношеніе романскаго населенія къ Риму воздѣйствовало даже на арианъ-Германцевъ, вызывало въ нихъ нѣкоторую неувѣренность, которая ясно выказалась во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ обращенія арианъ къ католической Церкви, и еще болѣе усилилась со времени событія 496 г., которое окончательно подорвало значеніе арианства въ Германіи. Этому постоянно возраставшему значенію римскаго епископа угрожала нѣкоторая опасность въ то время, когда Велизарій и Нарзесъ вновь покорили Италію подъ власть восточно-римскаго императора: но отъ этой опасности римскій епископъ былъ избавленъ вторженіемъ Лангобардовъ. Хотя городъ Римъ и призналъ власть экзарха, но въ сущности надъ нимъ не было никакой непосредственной власти, и какъ дурно ни чувствовалъ себя *Григорій I* «подъ мечами Лангобардовъ», — по его выраженію, — но тѣмъ не менѣе Римъ именно въ это время былъ центромъ миссіонерской дѣятельности между Германцами. Именно при этомъ замѣчательномъ папѣ его миссіонерамъ удалось обратитъ въ христіанство Англо-Саксовъ въ далекой Британніи, и между самими Лангобардами стать распространяться свѣтъ правой вѣры, которая окончательно установилась при королѣ Гримоальдѣ (663—671 г.).

Еще страшнѣе была опасность, грозившая самостоятельности папской власти изъ-за Лангобардовъ, въ особенности при *Лутпрандѣ*, замѣчательнѣйшемъ изъ ихъ королей (714—743 г.), который стремился покорить своему могуществу весь полуостровъ, какъ то было во времена Теодорика. Около этого же времени римскому епископу удалось порвать свои связи съ Константинополемъ изъ-за *спора объ иконахъ*. Тѣ неистовства, которыя послѣдовали на Востокѣ послѣ указа (726 г.), изданнаго императоромъ *Львомъ III Исавряниномъ*, воспрещавшаго поклоненіе иконамъ, не нашли себѣ отголоска на Западѣ, гдѣ папа Григорій II, пастырь осторожный и дальновидный, принялъ поклоненіе иконамъ подъ свое покровительство.

И между тѣмъ какъ Востокъ уже со второй половины VII вѣка утратилъ обширныя области, отвоеванныя у него исламомъ, а о миссіонерской дѣятельности и думать не могъ—этой именно дѣятельности открывалось на Западѣ обширное поприще. Миссіонерской дѣятельности здѣсь посвятило себя преимущественно *монашество*, которое проявило себя и практически, и весьма дѣятельнымъ. Образцомъ всѣхъ монастырей Запада явился вышепомянутый бенедиктинскій монастырь на *Монте-Кассино*. Подобные же монастыри явились всюду, и вмѣстѣ съ тѣмъ, среди широко распространившагося монашества, образовалась своего рода «Церковь

Миссіонер-
ская дѣя-
тельность
монаховъ.

среди Церкви» — сложилась тѣсно сплоченная, дѣятельная община бойцовъ, всегда готовыхъ бороться за идеи, положенныя въ основу Церкви. Каждый вступавшій въ монашество долженъ былъ провести нѣкоторое время на испытаніи, прежде чѣмъ произнести обѣтъ, который навсегда отлучалъ его отъ міра, обязывалъ повиновеніемъ Богу и святымъ Его и подчинялъ безусловной власти аббата, — отца и настоятеля обители. По правиламъ св. Бенедикта, монахамъ предписывалось весьма разумное чередованіе молитвенныхъ упражненій и ручного труда, къ области котораго впоследствии (Кассіодоромъ, вступившимъ въ этотъ монастырь въ 538 г.) отнесены были и научныя занятія; съ той поры орденъ бенедиктинцевъ и во всѣ послѣдующія времена славился своею ученостію. Особенно плодотворною оказалась миссіонерская дѣятельность въ Ирландіи, гдѣ христіанство установилось не ранѣе 430 г., а уже съ конца VI вѣка отсюда начали выходить ревностные миссіонеры, которые стали проповѣдывать евангельское ученіе пребывавшимъ еще въ язычествѣ германскимъ народамъ: отсюда вышли и Колумбанъ, и Галль — проповѣдывавшіе среди Аллемановъ, и Эммеранъ — просвѣтитель Баварцевъ, и Килианъ — распространившій христіанство въ Тюрингіи. Эти «люди Божіи» не стояли еще тогда въ тѣсной зависимости отъ Рима и даже расходились съ римскимъ духовенствомъ по многимъ вопросамъ внѣшней обрядности и культа. Такъ, они съ особенною настойчивостію отстаивали исключительно авторитетъ Св. Писанія, допускали браки въ священствѣ, противъ которыхъ давно уже возставала римская Церковь, совершали богослуженіе и говорили проповѣди на мѣстномъ народномъ языкѣ. Въ противоположность имъ, духовенство британской Церкви, съ тѣхъ поръ какъ стали господствовать въ этой странѣ Англосаксы, старалось поддерживать самыя тѣсныя связи съ Римомъ. Миссіонеры тамошніе, Вигбертъ, Виллибродъ, проповѣдывали Фризамъ, но первоначально безъ особеннаго успѣха. Объ одномъ изъ герцоговъ этого племени, Радпотъ, часто повторялся извѣстный анекдотъ о его крещеніи: Радпотъ уже вступилъ было одною ногою въ купель, какъ вдругъ имъ овладѣло сомнѣніе относительно его предковъ, и тогда онъ спросилъ крестившаго монаха гдѣ они, по его мнѣнію, находятся? Монахъ отвѣчалъ, что они, какъ некрещеные, по всѣмъ вѣроятіямъ, находятся въ аду. Услышавъ это, Радпотъ поспѣшилъ вынуть ногу изъ купели и сказалъ: «гдѣ эти храбрые находятся, тамъ и я хочу быть». Легко можетъ быть, что подобные случаи повторялись неоднократно.

Положеніе
франкской
Церкви.
Бонифаціи.

Со стороны франкской Церкви, повидимому, очень немногое было сдѣлано для обращенія германскихъ племенъ, даже и тѣхъ, которыя были вполне покорены Франками. Эта Церковь вообще не отличалась своимъ внутреннимъ строемъ: борьба съ аrianствомъ, видимо, гораздо болѣе занимала франкское духовенство, нежели борьба противъ язычества. Епископы франкскіе, съ тѣхъ поръ, какъ Хлодвигъ съ ними сблизился, заботились только о томъ, чтобы извлечь изъ этого сближенія выгоды; они принимали самое дѣятельное участіе въ интригахъ, къ которымъ раздѣленія царства давали поводъ; они являлись на всѣ собранія вельможъ и народа, какія созывались королями, и — пользовались благоприятными обстоятельствами для пріобрѣтенія власти и богатства. Многіе даже и прямо

выказывали стремление обратить свой епископатъ въ мірское территориальное владѣніе. Вопросъ о реформѣ франкской Церкви, мало-по-малу, сталъ вопросомъ насущнымъ: уже Карлъ Мартель вступилъ съ представителями ея въ борьбу, и уже изъ самой формы запроса, обращеннаго Пипиномъ къ папѣ Захарію, становится для насъ ясно, что между нимъ и Пипиномъ происходили уже кое-какія предварительныя сношенія по вышеуказанному вопросу. Дѣятельнымъ орудіемъ этой реформы явился англо-саксонскій монахъ, *Винфридъ*, который родился въ 680 г. въ Киртонѣ (въ Девонширѣ) и затѣмъ довольно безуспѣшно занимался проповѣдью христіанства между Фризами. Въ 718 г. Винфридъ отправился въ Римъ, чтобы, запасшись полномочіями и инструкціями папы, продолжать свою миссіонерскую дѣятельность въ Тюрингіи; при этомъ ему было поручено, чтобы онъ старался и франкскую Церковь, и тѣ области Германіи, въ которыхъ онъ будетъ проповѣдывать,—какъ можно тѣснѣе сблизить и съ папою и съ Римомъ. Въ 723 г. онъ вторично побывалъ въ Римѣ, былъ здѣсь посвященъ въ епископы и получилъ при этомъ имя *Бонифація* *). Въ годъ великой битвы (732 г.) Григорій III назначилъ его архіепископомъ, но безъ опредѣленной каѳедры; въ послѣдующее десятилѣтіе онъ и продолжалъ свою проповѣдь въ Германіи (въ Гессенѣ); при этомъ, онъ, подобно многимъ другимъ миссіонерамъ, дѣйствовалъ на умы язычниковъ не только сильною проповѣдью, но также и тѣмъ, что переименовалъ ихъ языческія капища въ храмы христіанскихъ святыхъ, а ихъ празднества пріурочивалъ къ днямъ церковныхъ празднествъ. Въ то же время онъ боролся противъ свободомыслія ирландскихъ духовныхъ, которое проникло и въ среду франкского духовенства. При помощи правительственной власти, онъ добился нѣкоторыхъ результатовъ: на «германскомъ соборѣ» (742 г.)—мѣсто, гдѣ онъ происходилъ, не извѣстно—все епископы франкскіе обязались безусловнымъ подчиненіемъ римской каѳедры, и вскорѣ послѣ того (745 г.) франкское духовенство предоставило ему въ управленіе епископскую каѳедру въ *Майнцѣ*. Когда, три года спустя, папа Захарій подчинилъ 9 епископій франко-германскихъ Бонифацію (Зальцбургъ, Фрейзингенъ, Регенсбургъ, Пассау, Шпейеръ, Вормсъ, Кельнъ, Утрехтъ, Тонгернъ), Майнцъ явился метрополіею всей Германской Церкви. Въ 751 г. закончилась и дѣятельность Бонифація.

Папа Захарій, который, такимъ образомъ, являлся высшею инстанціею для западнаго міра въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти,—на обращенный къ нему запросъ Пипина, конечно, отвѣтилъ утвердительно. Сообразно съ этимъ отвѣтомъ, послѣдній изъ меровингскихъ королей — король только по имени—былъ отправленъ въ монастырь, и въ Суассонѣ созванъ съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Здѣсь завершилось учрежденіе новаго королевства: состоялось нѣчто въ родѣ выборовъ короля, съ общаго согласія Франковъ; и архіепископъ майнцскій, въ качествѣ легата папскаго, помазалъ и вѣнчалъ Пипина королевскою короной — какъ нѣкогда Самуилъ Давида (751). Безъ сомнѣнія, эта аналогія приходила на память

Пипинъ—король. 751.

*) Это имя было не болѣе какъ переводъ его англо-саксонскаго имени: *Вин-фретъ*, благоприятный, *boni-facius*.

и духовенству, и тѣмъ мірянамъ, которые были знакомы съ библейскою исторіей:—создано было новое королевство при содѣйствіи Церкви. Вскорѣ послѣ того Бонифацій передалъ или предоставилъ свою каѳедру ученику своему Лудду и вновь принялся за ту проповѣдническую дѣятельность, которою такъ страстно увлекался въ молодости. «Проповѣдуя Слово Божіе язычникамъ-Фризамъ», онъ былъ замученъ ими (755 г.) и потому не даромъ былъ удостоенъ въ потомствѣ наименованія его апостоломъ Германіи. Его останки были погребены въ основанномъ имъ монастырѣ Фульдскомъ.

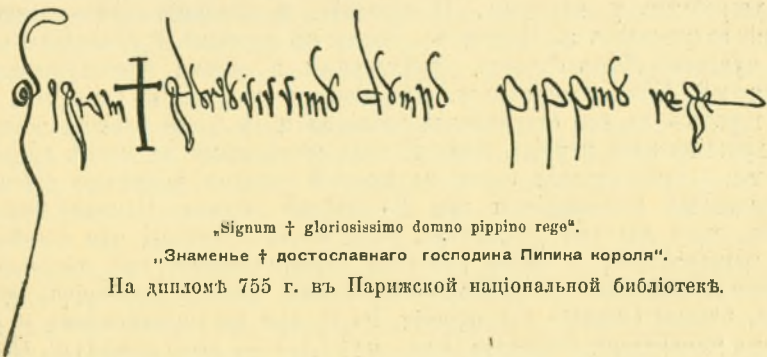
Пипинъ и
Лангобар-
ды.

Первый въ династіи Каролинговъ, *король Пипинъ*, правилъ до 768 г. Ему скорѣ, послѣ восшествія на престолъ, представился случай отблагодарить папу за ту поддержку, какую тотъ оказалъ ему при полученіи королевскаго титула. Лангобардскій король *Айстульфъ*, энергически продолжавшій начинанія Лиутпранда, и уже овладѣвшій экзархатомъ, отлично понималъ, сообразуясь съ примѣромъ Пипина, что и ему теперь представляется возможность объявить себя королемъ всей Италіи. Поэтому онъ объявилъ преемнику Захарію, *Стефану II*, что онъ намѣренъ подчинить себѣ и Римъ. Тщетно обращался Стефанъ за помощью къ греческому императору, хотя тотъ (Константинъ V Копронимъ) и былъ яростнымъ иконоборцемъ; не получивъ отъ него желаемого, папа рѣшился обратиться за помощью къ Франкамъ. Съ этою цѣлью папа Стефанъ лично отправился за Альпы, и въ С.-Дени самъ просилъ Пипина о помощи. При этомъ онъ завершилъ и какъ бы скрѣпилъ уже совершенное его предшественникомъ: собственноручно помазалъ онъ новаго франкскаго короля и его двоихъ сыновей, и собственною властью наименовалъ Пипина римскимъ патриціемъ. Между королемъ и папою состоялось нѣчто въ родѣ договора, въ силу котораго Пипинъ тотчасъ приступилъ къ посредничеству между папою и Айстульфомъ (754 г.). Только тогда уже, когда ничего не оказалось возможно добиться путемъ переговоровъ, король Франкскій выступилъ въ походъ, которому франкскіе вельможи, повидимому, совсѣмъ не сочувствовали. Первый походъ закончился, послѣ удачной для Франковъ битвы, миромъ, по которому Айстульфъ обязался возвратить папѣ захваченныя Лангобардами области и вознаградить Франковъ за военныя издержки; но онъ нарушилъ договоръ: какъ только удалился Франки, двинулся къ Риму, который и держалъ въ тѣсной осадѣ. Второй походъ (755), еще болѣе перваго успѣшный для Франковъ, вынудилъ Айстульфа къ полной покорности: отвоеванныя Пипиномъ отъ Айстульфа области — экзархатъ и такъ-называемый Пентаполисъ (береговую полосу отъ Римни до Анконы)—Пипинъ, по уговору съ папою Стефаномъ, подарилъ «каѳедрѣ св. Петра». Возраженія восточнаго римскаго императора не привели ни къ чему: посланцы его, явившіеся въ лагерь Пипина подъ Павіей, на заявленныя ими требованія получили прямой отказъ, и ключи Равенны и другихъ городовъ были переданы въ руки папѣ. Сыновья Карломана, которые могли бы оказаться опасными новому королю по своимъ притязаніямъ, были заключены въ монастырь; и самъ Карломанъ въ 755 г. умеръ въ одной изъ франкскихъ обителей. Однакоже, несмотря на эти предосторожности, Пипинъ не могъ похвалиться спокойствіемъ

правления; ему приходилось безпрестанно бороться то съ Саксами, то съ герцогом Вайфаромъ Аквитанскимъ, то съ Арабами (Сарацинами), среди которыхъ, около этого времени, произошла такая же важная переменна, какъ и во Франкскомъ государствѣ.

Кровавый переворотъ—явленіе весьма обычное на Востокаѣ—положилъ конецъ владычеству Омаядовъ въ Дамаскѣ. Родовыя распри, издревле столь излюбленныя въ средѣ Арабовъ, проявились и теперь однимъ изъ наиболѣе жизненныхъ элементовъ ихъ быта, но уже въ примѣненіи къ болѣе обширному кругу дѣйствій и къ болѣе заманчивымъ задачамъ. Старинная вражда Гашимитовъ къ Корайшитамъ возродилась въ видѣ борьбы партій, проводившей болѣе строгое религіозное направленіе противъ того, слишкомъ ужъ мірекого характера, который носило на себѣ правленіе Омаядовъ: противъ 13-го въ династіи Омаядовъ, *Мервана II*, возсталъ *Абдалла-Абуль-Аббасъ*, глава одного изъ родственныхъ пророку домовъ. Одержавъ побѣду, Аббасъ беспощадно приказалъ умертвить всѣхъ Омаядовъ, какіе попались въ его руки *). За симъ этотъ Аббасъ и явился главою династіи *Аббасидовъ* (750—1258 г.). Отъ руки убійцы успѣлъ спастись только одинъ представитель династіи Омаядовъ, *Абдеррахманъ*, сынъ Моавія, который бѣжалъ за Евфратъ, затѣмъ въ Египетъ и оттуда въ Варварійскія владѣнія, и, наконецъ, послѣ тысячи приключеній, явился въ Испаніи, на европейской почвѣ. Здѣсь засталъ онъ междоусобную войну среди господствующаго племени и вскорѣ нашелъ себѣ приверженцевъ (752). Онъ сумѣлъ отбить всѣ враждебныя нападенія со стороны аббасидской династіи и ея партій, образовалъ особый независимый калифатъ, избравъ себѣ резиденціею *Кордову* (Кардубу), и умеръ здѣсь въ 788 г. Однакоже владѣнія Арабовъ въ Галліи, мало-по-малу, стали уходить изъ-подъ власти ихъ; послѣ долгой борьбы въ 759 г. у нихъ была отбита и Нарбонна,—ихъ главный оплотъ за Пиринеями. Завоеваніе Нарбонны было послѣднимъ подвигомъ новаго франкскаго короля: Пипинъ скончался въ 768 году.

Положеніе
Калифата.
Аббасиды.

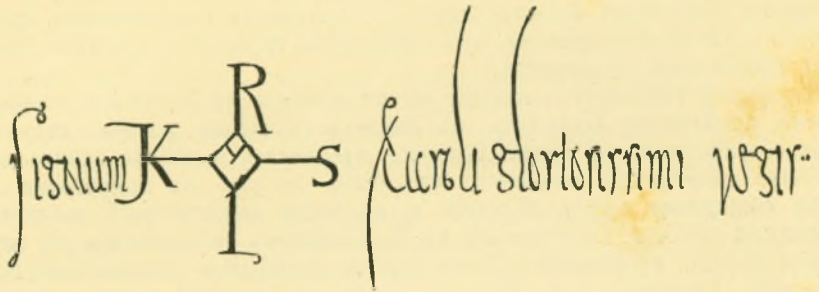

„Signum † gloriosissimo domno pippino rege“.

„Знаменье † достославнаго господина Пипина короля“.

На дипломѣ 755 г. въ Парижской національной библіотекѣ.

*) Аббасъ, въ память этихъ убійствъ, получилъ прозваніе «эль-Саффа», т. е. *Кровожадный*.

R
„Signum K+S Caroli gloriosissimi regis“
L

Карлово знаменье на актѣ, данномъ въ Нувштейнѣ 31 августа 790 года.

На подписи, скрѣпляющей актъ, собственноручно Карломъ написанъ только ромбъ съ уголкою въ серединѣ креста, окруженнаго буквами королевской монограммы, которые, равно какъ и все остальныя слова направо и палъво отъ нея, написаны рукою писца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Карль Великій.

Государства
европейскія
около 750 г.

Въ серединѣ VIII вѣка, до котораго достигъ нашъ разсказъ, слѣдовательно 300 лѣтъ спустя послѣ фактическаго исчезновенія римской государственной власти на европейскомъ Западѣ, мы уже видимъ на территоріи прежней Римской Имперіи три различныя системы государственнаго устройства у народовъ. И названія, и традиции единойдержавной Имперіи сохранились за Востокомъ, центромъ котораго и главнымъ опорнымъ пунктомъ былъ отлично укрѣпленный и весьма благопріятно-расположенный *Константинополь*. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что этотъ городъ — съ его старинными зданіями и съ болѣе новыми постройками христіанскаго періода, мало-по-малу возросшими на почвѣ древняго искусства — представлялъ собою въ высшей степени величавое зрѣлище. Возвращенныя завоеваніями при Юстиніанѣ области Западно-Римской имперіи, какъ мы уже упоминали, были вновь утрачены при послѣдующемъ царствованіи, и около 750 года ограничивались уже небольшими клочками итальянскаго побережья — Неаполемъ, Гаэтой, Калабріей, частью Апуліи, частью Сициліи и Сардиніи. За то при могущественномъ и дѣятельномъ императорѣ *Геракліи* (610—642 г.), какъ было помянуто, *Персы*, исконные враги имперіи, послѣ цѣлаго ряда походовъ, были отброшены: съ сыномъ Хозроя, противника Геракліева, былъ заключенъ въ 628 г. почетный миръ, по которому Имперіи возвращены были Сирія и Египетъ

и величайшая святыня христіанскаго міра—живоначальное древо Креста Господня. Но тому же самому государю уже пришлось сражаться съ новыми и болѣе страшнымъ врагомъ — съ Арабами, которые грозили не только ему, но и всему христіанскому міру. Сирія и Египеть были вновь утрачены; вскорѣ затѣмъ и провинція Африка; за первую осадою Константинополя (677 г.), которая окончилась мирнымъ соглашеніемъ, послѣдовала въ 717 г. другая, которая, благодаря неприступности столицы, не удалась и привела осаждающихъ къ большимъ потерямъ. Среди Арабовъ, осаждавшихъ городъ, распространился слухъ, будто большое христіанское войско идетъ съ Запада на помощь Грекамъ; но слухъ этотъ былъ совершенно не вѣренъ. На самомъ дѣлѣ обѣ половины бывшей единой имперіи болѣе и болѣе отдѣлялись одна отъ другой, ибо и религія составляла уже между ними связь весьма слабую, которая еще болѣе подрывалась богословскими спорами и иконоборчествомъ. Но, по прошествіи нѣкотораго времени, грозная сила Арабовъ стала мало-по-малу слабѣть, благодаря междоусобнымъ войнамъ, дворцовымъ переворотамъ и кровавымъ династическимъ распрямъ; калифатъ, такъ быстро охватившій собою все пространство земель отъ Татаріи и Инда, на протяженіи 200 дней пути, до столповъ Геркулесовыхъ и Гаровны, сталъ приходить въ упадокъ, и, рядомъ съ калифатомъ *Багдадскимъ* (Багдадъ былъ резиденціею Аббасидовъ), явился уже другой калифатъ или эмиратъ Омаядскій въ Кордовѣ. Братъ Абдуль-Аббаса, который въ 754 г. вступилъ во власть, *Альмансуръ* (754—775 г.), уже не могъ въ мухамеданскомъ мірѣ занять то высокое положеніе, какое подобало имѣть духовному и свѣтскому повелителю всѣхъ правовѣрныхъ.

На Западѣ Карлъ Мартель положилъ предѣлъ поступательному движенію Арабовъ: однакоже опасность нападеній ихъ не могла быть устранена до тѣхъ поръ, пока германскія племена, поселившіяся на Западѣ Европы, жили между собою во враждѣ и раздорахъ. Но аріанство, бывшее однимъ изъ поводовъ къ этой взаимной враждѣ, уже начинало исчезать почти безслѣдно; за то Лангобарды и Франки, хотя и одинаково просвѣщенные христіанствомъ, относились другъ къ другу враждебно; примкнувшіе къ Франкскому государству племена—Аллеманы, Тюринги, Баварцы, къ которымъ теперь также проникло христіанство, были не равноправны съ Франками по своему подчиненному положенію, и потому самому весьма естественно должны были стремиться къ независимости. Такъ отдѣлился изъ-подъ власти Пипина юный герцогъ баварскій, *Тассило*, сынъ сестры Пипина. Сильно-враждебнымъ франкскому государству было большое племя, вполнѣ еще языческое, *Саксовъ*, жившихъ за предѣлами франкскаго господства; точно такъ же и германское племя, жившее на Скандинавскомъ Сѣверѣ, еще вовсе не соприкасалось съ областью распространенія христіанства. Только та часть Саксовъ, которая въ VIII в. осѣла въ Британніи, выдѣлялась изъ остальныхъ германскихъ племенъ. Эти Саксы, Фризы, Англи, Юты, послѣ усиленной борьбы (во время которой были почти уничтожены слѣды римской культуры) туземцами были оттѣснены къ западу и сѣверу Британніи, и на островѣ явилось нѣсколько небольшихъ *племенныхъ государствъ*, которыя ради удобства называются

Небольшая бронзовая статуэтка, по всемъ вѣроятіямъ, изображеніе Карла Великаго.

Нѣкогда хранилась въ Мецкомъ соборѣ; позднѣе приобрѣтена городомъ Парижемъ, и въ іюнь 1871 г. разыскана подъ развалинами сгорѣвшей ратуши. Теперь въ музеѣ Карнавалэ, въ Парижѣ.

обыкновенно *Гентархіей* (семицарствіемъ). Этимъ англосаксонскимъ государствамъ въ Британніи, конечно, никакого дѣла не было до Рима, къ которому даже Теодорикъ и Хлодвигъ относились съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Эти государства стояли внѣ всякой связи съ древней имперіей или съ ея тѣнью, и потому не пощадили даже и начатковъ христіанства, зародившагося въ этой странѣ. Вскорѣ однакоже (въ концѣ VI в.) христіанскіе миссіонеры — и именно римскіе — проникли въ Британнію. Женитьба кентскаго короля на франкской княжнѣ открыла путь бенедиктинцамъ папы Григорія I къ Англо-Саксамъ, и, въ противоположность старой британской, независимой отъ Рима, Церкви, Англо-Саксы тѣсно — примкнули къ Церкви католической, которой центромъ былъ Римъ. Вполнѣ непросвѣщенной христіанствомъ оставалась восточная половина Европы (отъ 30° вост. долготы), заселенная массою славянскихъ племенъ. Такимъ образомъ, весь въ то время извѣстный міръ распался на три группы, — *христіанскую, мухамеданскую и языческую*, — и хотя послѣдняя изъ этихъ группъ не выказывала особенной враждебности по отношенію къ христіанскому міру, а распространеніе ислама какъ бы приостановилось на время, однакоже полное торжество христіанства и сопряженной съ нимъ своеобразной, такъ-называемой западной культуры еще не было окончательно-рѣшеннымъ.

Смерть Пипина. Карль и Карломань.

И вотъ во главѣ этого христіанскаго міра явился человекъ въ высшей степени способный и по-своему «великій»; онъ сумѣлъ обезпечить плоды этой христіанско-западной культуры, положивъ основаніе сильной государственной организаціи и тѣмъ самымъ вполнѣ заслуживъ наименованіе, которое люди издавна привыкли придавать мужамъ, дающимъ прочную

основу новому всемірно-историческому развитію. Такимъ именно дѣятелемъ явился *Карлъ Великій*.

Шипитъ, умирая, раздѣлялъ, по старому германскому обычаю, царство свое на двѣ приблизительно-равныя половины между своими двумя сыновьями. Карлу, старшему изъ нихъ, было 26 лѣтъ, когда онъ сталъ править государствомъ; это былъ человѣкъ рѣшительный, одаренный умомъ яснымъ и высреннимъ, и при этомъ физически-сильный, не знавшій до 30 лѣтъ никакихъ болѣзней. По вѣншности, онъ былъ плотно и стройно сложенъ, но все не былъ человѣкомъ необычайно высокимъ. Фантастическія представленія о Карлѣ Великомъ, существующія въ общемъ обращеніи, до нѣкоторой степени не трудно провѣрить по двумъ болѣе или менѣе схожимъ изображеніямъ его, сохранившимся до настоящаго времени: по мозаикѣ въ Латеранѣ и небольшому конному изображенію его, хранившемуся въ соборной ризницѣ въ Мецѣ; судя по этимъ двумъ изображеніямъ, видимъ, между прочимъ, что онъ, по франкскому обычаю, носилъ усы.

Голова вышеложеннаго коннаго изображенія Карла Великаго — въ натуральную величину.

Съ перваго же шага онъ, при своемъ братѣ Карломанѣ, уже выказалъ себя полновластнымъ государемъ. Первымъ противникомъ его былъ герцогъ Гунольдъ Аквитанскій, наслѣдовавшій Вайфару, который и думалъ для возстановленія своей независимости воспользоваться благоприятными обстоятельствомъ при перемѣнѣ правителей. Хотя братъ и отказалъ Карлу въ помощи, но онъ и одинъ, въ *одинъ* походъ, управился съ Гунольдомъ. Затѣмъ, раздоръ, уже начинавшійся между братьями и грозившій Франкскому королевству большими бѣдствіями, былъ скорѣе устраненъ смертью Карломана, который скончался въ декабрѣ 771 года. Оба сына Карломановы были несовершеннолѣтними и всѣ свѣтскіе и духовные вельможи въ карломановой долѣ государства безъ всякаго затрудненія признали Карла своимъ королемъ. Тѣмъ временемъ со стороны королевства Лангобардскаго (гдѣ въ 756 году умеръ король Айстульфъ) уже готовились серьезныя затрудненія. Айстульфъ, послѣ нѣкоторой распри изъ-за престола, наслѣдовалъ *Дезидерій*, герцогъ Тусція, и матери Карла, королевѣ Бергѣ, удалось вступить съ нимъ въ родственныя связи при помощи устроеннаго ею брака между Карломъ и дочерью Дезидерія. Напрасно тогдашній папа *Стефанъ III* предостерегалъ противъ сближенія съ этимъ народомъ—«съ вѣроломнымъ и грязнѣйшимъ народомъ лангобардскимъ, который и причислять-то къ народамъ стыдно, и о которомъ»—такъ выражается озлобленный и ненавидящій Лангобардовъ папа—«достовѣрно извѣстно, что отъ него и прокаженные происходятъ»; тщетно заклиналъ онъ Карла не вступать въ этотъ бракъ, во имя Страшнаго суда, во имя всѣхъ Тайнствъ Господнихъ, во имя мощей св. Петра апо-

Карлъ и Лангобарды.

стола, даже грозилъ проклятіемъ: — король развелся со своею супругою Гимильтрудою и обвѣнчался съ дочерью Деидерія. Однакоже, такъ какъ нравы при дворѣ франкскихъ королей и въ этотъ періодъ были немногимъ лучше, чѣмъ во времена Меровинговъ, то Карлъ скоро прискучилъ своей новой женой и отправилъ ее обратно къ отцу, который рѣшился Карлу отомстить; онъ призналъ Карломановыхъ сыновей королями франкскими, а въ то же время и въ римской политикѣ рѣшился слѣдовать примѣру своего предшественника, и двинулъ большое войско для покоренія Рима. Онъ и слышать не хотѣлъ о томъ соглашеніи, которое предлагалъ ему новый папа Адрианъ I, повидимому, вовсе не желавшій принять помощь со стороны франкскаго короля. Однакоже пришлось къ нему прибѣгнуть. Карлъ собралъ войско и двинулся въ Италію черезъ Монъ-Сенисъ; часть войска велъ его дядя Бернгардъ другимъ путемъ, черезъ *Mons-Iovis*, которая съ той поры и получила свое нынѣшнее названіе горы св. Бернгарда. Тутъ-то и выказалось, какъ мало внутренней связи было въ государствѣ Лангобардскомъ, и какъ незначительна была власть ихъ тогдашняго короля. Деидерій даже не рѣшился принять битвы въ открытомъ полѣ: — онъ успѣшилъ укрыться въ сильно укрѣпленную Павію. Тамъ выдержалъ онъ долгую осаду, не имѣя возможности надѣяться на какое бы то ни было избавленіе отъ нея. Сыну его, Адельгизу, который держался нѣкоторое время въ Веронѣ, удалось оттуда уйти и пробраться въ Константинополь, гдѣ онъ былъ принятъ при дворѣ и могъ безопасно ожидать наступленія болѣе благоприятнаго времени. Для Деидерія же, когда онъ наконецъ вынужденъ былъ сдаться Карлу, не оставалось никакого выбора: онъ былъ постриженъ въ монахи и отправленъ въ монастырь Корби (въ нынѣшнемъ департаментѣ Соммы), въ 774 г. Послѣ этой побѣды Карлъ присвоилъ себѣ титулъ «короля франкскаго и лангобардскаго», а также и всѣ вышнія царственныя украшенія лангобардскихъ королей *). Карлъ, конечно, поступилъ чрезвычайно умно, предоставивъ побѣжденнымъ Лангобардамъ пользоваться нѣкоторою самостоятельностью или тѣнью самостоятельности, хотя принялъ на себя титулъ ихъ короля; это было необходимо по отношенію къ непокореннымъ еще элементамъ лангобардскаго народа — къ герцогамъ Фріульскому, Сполетскому и Беневентскому, изъ которыхъ послѣдній, зять Деидерія, Арихисъ, вмѣстѣ съ Адельгизомъ, еще долго противился Карлу; только уже въ 787 г. онъ былъ окончательно побѣжденъ и вынужденъ быть данникомъ Карла. Коронныя владѣнія королей лангобардскихъ, по праву перешедшія во власть Карла, были имъ заселены болѣе надежнымъ элементомъ преданныхъ ему Франковъ и Аллемановъ; затѣмъ, при первой вѣрной возможности, Карлъ передалъ всю страну Лангобардовъ, по франкскому образцу, въ управленіе графовъ — правителей, назначаемаыхъ королемъ, а самъ обратился къ другимъ дѣламъ.

Уже во время этой лангобардской войны всѣ успѣли ознакомиться съ однимъ главнымъ свойствомъ государственной мудрости Карла и основой

Приготовленія къ войнамъ съ Саксами.

*) Относительно знаменитой «железной короны», и теперь еще хранящейся въ Монцѣ, существуетъ сомнѣніе: — дѣйствительно-ли она относится къ этому времени?

всѣхъ его успѣховъ: съ тою твердою волею, которая давала ему возможность непремѣнно доводить до конца задачу, за которую онъ принимался. То же свойство, еще въ высшей мѣрѣ, проявилось при выполнении другого, гораздо болѣе мудренаго замысла—при покореніи *Саксовъ*, которое онъ задумалъ уже давно, еще тогда, какъ онъ, послѣ смерти Карломана, сталъ править всѣмъ королевствомъ.

Война съ Саксами, которая длилась цѣлую четверть вѣка (772—804 г.), вовсе не была слѣдствіемъ стремленія къ воинственнымъ приключеніямъ или завоеваніямъ, ни какихъ-либо преобладающихъ побужденій религіознаго свойства:—это была историческая задача, завѣщанная Карлу его отцомъ и дѣдомъ. По своей внутренней необходимости, своему общему ходу и послѣдствіямъ своего побѣдоноснаго окончанія, эта война въ исторіи германской націи и даже всей Западной Европы занимаетъ такое же мѣсто и даже носить на себѣ такой же характеръ, какъ и самнитскія войны въ римской исторіи. Народъ саксонскій или, лучше сказать, то соединеніе племенъ, которое въ теченіе многихъ вѣковъ образовалось въ Сѣверной Германіи подъ этимъ названіемъ, жилъ на территоріи между Эльбою и Рейномъ, занимая все пространство отъ слиянія рѣкъ Фульды и Верры и до Эйдера. Самихъ Саксовъ подраздѣляютъ на пять большихъ племенъ, входившихъ въ составъ не то государства, не то союза, который они составляли: Вестфаловъ, Энгровъ, Остфаловъ, Фризовъ и Норманновъ. Всѣ они были язычники, и ни въ установленіи государственной связи между разрозненными народными силами, ни въ отношеніи какихъ-либо иныхъ стремленій народа къ высшимъ цѣлямъ они въ послѣдніе вѣка нимало не подвинулись впередъ. Они не знали королевской власти, и въ мирное время не было у нихъ даже и признака какого-нибудь общаго правленія; только ради цѣли веденія войны или ради хищническаго набѣга избирался ими герцогъ или, вѣрнѣе, герцоги отдѣльныхъ племенъ и племенныхъ союзовъ. У нихъ было почти то же, что повѣствуетъ намъ Цесарь о Свѣвахъ: отдѣльныя общины, управляемыя выборными старшинами, живутъ по обычаю праотцевъ; извѣстнаго рода общіе вопросы разрѣшаются на общихъ народныхъ сходкахъ, которыя собираются въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ или вообще каждый разъ, когда общая опасность грозитъ странѣ, или же, когда общее предпріятіе противъ сосѣдей сулитъ успѣхъ и богатую добычу. Характеръ подобной общины (или общинъ) демократиченъ только въ весьма условномъ смыслѣ: въ ней неизбежно существуетъ господствующій классъ свободныхъ (*Freie* или *Frilinge*), противуполагаемый многочисленнымъ несвободнымъ, гдѣ бы и когда бы то ни было покореннымъ въ силу военнаго права, и надъ массою *свободныхъ* выдвигаются (въ силу извѣстнаго естественнаго развитія, которое наблюдается во всѣхъ подобныхъ же условіяхъ) *благородные, знатные* (*Edelinge, Adelige*), сильные, воинственные, окруженные многочисленными дружинами; давно уже были они страны сосѣдямъ, а при нѣкоторыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ могли бы даже быть гибельными для Франкскаго государства. Проницательный Карлъ понялъ одно, что—если можно употребить въ данномъ случаѣ современное выраженіе—*эра переселенія народовъ*, неправильныхъ захватовъ земли, дикихъ вторженій на террито-

рію, медленно приобрѣтенную культурой, уже прекратилась; вотъ почему, въ маѣ 772 г., въ Вормсѣ, — на одномъ изъ тѣхъ весеннихъ съѣздовъ, на которые съ давнихъ поръ ежегодно съѣзжались къ королю духовные и свѣтскіе вельможи, — рѣшена была война противъ Саксовъ.

Войны съ
Саксами.

Въ этой борьбѣ съ Саксами интересы Франкскаго государства и христіанской Церкви шли рука объ руку, хотя въ первые годы войны никакихъ обращеній изъ язычества въ христіанство и не послѣдовало. Самая война велась обычно такимъ образомъ, что на майскомъ съѣздѣ, въ одномъ изъ мѣстъ, ближайшихъ къ театрамъ войны, принимались необходимые мѣры къ походу, и затѣмъ этотъ походъ открывали съ нѣкоторою торжественностью, которой Церковь придавала обрядовую сторону. Мощи, какія были подъ руками, несли впереди выступающаго войска; и духовенства при войскѣ было очень много: «священниковъ, аббатовъ, пресвитеровъ, учителей вѣры, сколько возможно было ихъ собрать» — «и обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы они своими святыми наставленіями поучали и подъ кроткое иго Христова покоряли народъ, съ покончѣ вѣка находившійся въ узахъ бѣсовскихъ». Воевали, опустошали страну, разрушали языческія капища *); затѣмъ непріятельскія общины покорялись, нѣкоторыхъ князей или эделинговъ удавалось крестить, отъ общины брали заложниковъ, размѣщали гарнизоны въ удобныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ *Эресбургъ* при Штадтбергѣ, и начинали строить церкви. Но при первомъ удобномъ случаѣ — когда знали, что король франкскій гдѣ-нибудь далеко отъ мѣста дѣйствія — народъ поднимается, вѣроломный, какъ всѣ варвары, нарушаетъ всѣ клятвы, данныя отъ имени его, нападаетъ на гарнизоны и пытается уничтожить слѣды наложеннаго на него рабства. Такъ и тинется война, жестокая и кровавая; такъ утрачены были и всѣ приобрѣтенія первыхъ лѣтъ войны, когда Карлъ былъ отвлеченъ войною съ Лангобардами; возвратясь оттуда, онъ послалъ въ страну Саксовъ летучіе отряды для ея опустошенія; въ 775 г. лично повелъ туда большое войско, и страна Саксовъ ему покорилась, но уже въ слѣдующемъ году, въ то же время, — во время его пребыванія въ Италіи, вся страна вновь возстала. То же самое повторялось еще нѣсколько разъ: въ 777 г. майскій съѣздъ созванъ былъ въ Падерборнѣ; на немъ явилось уже много Саксовъ и ихъ знати, и предприняты были мѣры къ установленію болѣе прочной организаціи. Но уже въ слѣдующемъ 778 г. воинственные толпы Саксовъ являются на самыхъ берегахъ Рейна. Они подступаютъ подъ самыя Кельны и все, на правомъ берегу Рейна (на лѣвый они не могутъ или не рѣшаются переправиться), предають огню и мечу: опасались даже за гробъ св. Вонифація, такъ что монахи фульдскіе послѣшили его припрятать въ безопасное мѣсто.

То былъ годъ, въ который Карлъ предпринялъ важный, но не особенно удачный походъ за Пириней; возстаніе Саксовъ вызвало его оттуда, и въ походахъ двухъ слѣдующихъ годовъ онъ лично предводительствовалъ войсками. Въ рукахъ его были довольно значительныя силы; Саксы

*) Въ 772 году было разорено знаменитѣйшее изъ нихъ, *Ирминсуль* въ Эгтскихъ горахъ, — святилище, котораго значеніе и внѣшній видъ неизвѣстны.

поспѣшили заявить о своей покорности и многіе изъ нихъ крестились. Вскорѣ послѣ того, многіе изъ саксонскихъ эделинговъ должны были признать, что они тщетно противятся преобладающему могуществу Франковъ, и что ихъ же интересъ долженъ побуждать ихъ къ скорѣйшему соединенію съ государствомъ Франковъ; въ виду этого Карлъ, на одномъ изъ съѣздовъ (782 г.), попытался установить свое окружное управленіе въ странѣ Саксовъ, и даже многихъ изъ саксонской знати возвелъ въ графское достоинство. Но у Саксовъ, около этого времени, явился вождь, князь Видукинъ, который сталъ руководить своимъ народомъ въ томъ же духѣ, какъ нѣкогда Арминъ, и даже побуждалъ ихъ дѣйствовать противъ Карла, какъ тотъ нѣкогда дѣйствовалъ противъ Варра. Между Франками пронесся слухъ о вторженіи *Сорбовъ* (Сербовъ)—славянскаго племени, жившаго между Заной и Эльбой. Когда же франкское войско явилось на саксонской территоріи, то оказалось, что сами Саксы бунтуютъ и что Видукинъ предводительствуетъ мятежниками. вмѣстѣ съ ринуарскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, подъ предводительствомъ какого-то графа Теодорика, франкское войско довольно несогласно и слипкомъ неосторожно произвело нападеніе на Саксовъ, которые къ этому нападенію готовились, а потому со всѣхъ сторонъ окружили Франковъ и нанесли имъ такое же жестокое пораженіе, какое было нанесено Варру въ Тевтобургскомъ лѣсу. Спаслись немногіе, и пораженіе это было тѣмъ болѣе чувствительно, что во время битвы погибло нѣсколько именитыхъ сподвижниковъ Карла. Карлъ рѣшился жестоко наказывать Саксовъ за вѣроломство. Быстро собравъ сильное войско, онъ поспѣшилъ въ Саксонію и созвалъ къ себѣ саксонскихъ вельможъ. Главный зачинщикъ и руководитель возстанія, Видукинъ, бѣжалъ къ Норманнамъ и ускользнулъ отъ мести Карла, который потребовалъ выдачи ему 4.500 Саксовъ и безпощадно приказалъ ихъ всѣхъ обезглавить, близъ Вердена на Аллерѣ. Это на первыхъ порахъ вновь возмутило весь народъ противъ Карла, тѣмъ болѣе, что Саксамъ не по сердцу приходилось ни новое государственное устройство, ни новая вѣра, которая притомъ же требовала уплаты десятины священникамъ. Партія Видукинда опять взяла верхъ. Послѣдовали новыя битвы, и дѣло приняло иной, болѣе благопріятный оборотъ только уже съ 785 г. Зимой 784—785 г. Карлъ самъ провелъ въ Саксоніи; дѣломъ ходилъ походомъ до береговъ Эльбы. Повидимому, именно около этого времени большинство Саксовъ разувѣрилось въ могущество своихъ боговъ и признало тщетность дальнѣйшаго противодѣйствія прочно-устроенному Франкскому государству, во главѣ котораго стоялъ мощный единодержавный государь. Въ числѣ этихъ Саксовъ находился и самъ Видукинъ, и другой вліятельный князь Аббіо. Оба они крестились: съ этою цѣлью они оба явились къ Карлу, въ Аттиньи, въ Арденнахъ, и были имъ вполне очарованы.

Послѣ этого, крещеніе было предписано всѣмъ, подъ страхомъ смертной казни, и весьма подробный статутъ, такъ-называемый *падерборнскій капитулярій* (785 г.), урегулировалъ всѣ отношенія въ странѣ Саксовъ, о которой мы, путемъ этого статута, получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія. По этому статуту, смертной казни подлежитъ тотъ, кто церковь ограбитъ

или подожжетъ, кто нарушитъ святой 40-ка-дневный постъ изъ неуваженія къ христіанству, кто убьетъ епископа, или священника, или дьякона, кто по дьявольскому соблазну станетъ принимать мужчину за колдуна, а женщину за вѣдму, и за то ихъ сожжетъ, и станетъ самъ ѣсть ихъ мясо или давать ѣсть другимъ, кто станетъ сожигать трупы умершихъ, станетъ укрываться отъ крещенія, чтобы остаться язычникомъ, или станетъ приносить людей въ жертву дьяволу или бѣсамъ, станетъ составлять заговоры противъ христіанъ или ихъ короля, устраивать возмущенія противъ короля, или же убьетъ своего господина или госпожу. Кто не окреститъ своего ребенка въ первые же дни по рожденіи, тотъ платитъ: еделингъ—120, свободнорожденный—60, несвободный—30 шиллинговъ; точно такъ же платитъ денежный штрафъ тотъ, кто приносить жертвы у источниковъ и деревьевъ, или въ рощахъ. Языческихъ жрецовъ и прорицателей слѣдуетъ отнынѣ выдавать Церкви; тѣла Саксовъ-христіанъ—хоронить на христіанскихъ кладбищахъ, а не зарывать въ древне-языческихъ могильныхъ холмахъ. На христіанскія церкви было распространено право убѣжища, и это много способствовало внушенію къ нимъ уваженія въ новообращенной наствѣ; на каждые 120 человѣкъ надлежало удѣлять въ пользу Церкви одного раба или рабыню и, сверхъ того, по заповѣди Божіей, всѣ—эделинги, свободные или несвободные—должны были удѣлять Церкви десятую долю своего имущества или заработка. Общія народныя собранія были воспрещены, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они «собирались по волѣ короля его посланными». Прежде чѣмъ народъ подчинился всѣмъ этимъ законоположеніямъ, Карлу пришлось усмирить еще одно возстаніе. Затѣмъ, мало-по-малу, ему удалось окончательно переманить знать на свою сторону и разбѣднить ее съ народомъ: въ 797 году очень много саксонскихъ эделинговъ присутствовало на съѣздѣ въ Ахенѣ, гдѣ вышеприведенныя суровыя капитуляріи были значительно смягчены. Тогда же закончена и церковная организація:—епископскія каѳедры учреждены въ Гильдесгеймъ, Падерборнъ, Бременъ, Верденъ, Мюнстеръ, Оснабрюкъ, и въ эти города разсланы мощи или части мощей, какія гдѣ можно было отыскать. Суровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ умиротворенія Саксоніи были массовыя переселенія народа во Франкскую землю, а оттуда, наоборотъ, въ Саксонію. Сохранившіяся доселѣ названія мѣстностей и городовъ, произведенныя отъ Франковъ (Франкфуртъ, Франкенталь и т. д.) въ сѣверо-западной Германіи, и другія, произведенныя отъ имени Саксовъ (Саксенгаузенъ, Саксенгеймъ) въ южной Германіи—напоминаютъ объ этихъ переселеніяхъ; говорятъ, до 10.000 семействъ было выселено изъ Саксоніи на Франкскую территорію. Въ 804 году всякое сопротивленіе прекратилось; строгими мѣрами достигнуты были громадныя результаты: введеніемъ сильнаго и многочисленнаго народа Саксонскаго въ составъ Франкскаго государственнаго организма была создана возможность возникновенія въ будущемъ германскаго государства—германской націи.

Славяне.
Датчане.

Такимъ образомъ границею государства Франкскаго явилась Эльба—и, какъ прямое слѣдствіе этого, навязались войны противъ *славянскихъ племенъ*, жившихъ за этою рѣкою, противъ Оботритовъ, Сорбовъ, Виль-

цовъ, а равно и противъ Датчанъ, которые долгое время служили Саксамъ опорой, а ихъ князьямъ давали въ случаѣ нужды убѣжище. Эти славянскія племена не сумѣли воспользоваться временемъ великой борьбы двухъ германскихъ народовъ и не сплотились въ одно цѣлое для дружнаго отпора будущихъ опасностей. То была нисколько не организованная масса отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, не связанныхъ между собою небольшихъ государствъ или племенъ, которыя жили между собою въ раздорахъ, не подчиняясь ничьей власти. Только однажды, въ VI вѣкѣ, удалось франкскому купцу или удалцу, по прозванію *Само*, соединить въ которое число этихъ племенъ въ болѣе обширное государство, но на весьма короткое время; и изъ тѣхъ историческихъ потемокъ, которыя окружаютъ этотъ дальній Востокъ, для насъ выясняется только одно: что франкскіе купцы проникали и сюда, и что эти торговыя сношенія приносили имъ весьма большія выгоды, сопряженныя, впрочемъ, и съ весьма большими опасностями. Что же касается Датчанъ, то съ ними въ 811 г. заключенъ былъ договоръ, по которому Эйдеръ явился границею Франкскаго государства, которое уже нѣсколько лѣтъ сряду носило величавое названіе *римскаго*.

Это государство и его мощный правитель испытали свою силу на томъ самомъ герцогѣ *Тассило*, который нѣкогда дерзко отказалъ въ повиновеніи и королю Пипину, и его наследнику. Онъ былъ женатъ на дочери Дезидерія, Лиутбергъ, слѣдовательно, относился враждебно и къ Карлу, однакоже, ни во время лангобардской войны, ни во время затрудненій, вызванныхъ войною съ Саксами, не рѣшился дѣйствительно сдѣлать шагъ, задуманный имъ и стряхнуть франкское господство съ земли Лангобардовъ. Онъ велъ себя очень двусмысленно, однакоже не выяснено, въ какомъ именно случаѣ, и какимъ образомъ онъ отказался повиноваться Карлу: знаемъ только, что Карлъ приказалъ своему войску, въ видѣ трехъ отрядовъ, вступить въ землю Тассила, и тѣмъ вынудилъ его, безъ всякаго кровопролитія, къ выдачѣ заложниковъ, которые должны были служить ручательствомъ за его личный способъ дѣйствій. Эта зависимость была невыносима для Тассила и его супруги Лиутберги, и они вошли въ предательскія сношенія съ сосѣднимъ языческимъ племенемъ *Аваровъ*, чѣмъ возбудили къ себѣ ненависть даже и въ своихъ подданныхъ. Это дѣло обсуждалось на одномъ изъ съѣздовъ въ Ингельгеймѣ и здѣсь-то, по одному современному свидѣтельству, припомнились Тассилу всѣ его вины и всѣ вѣроломныя нарушенія клятвъ въ вѣрности, принесенныхъ и королю Пипину, и его сыновьямъ Карлу и Карломану, да еще надъ костями св. Дюнисія, св. Мартина и св. Германа: на этомъ основаніи, присутствовашіе на съѣздѣ высшіе духовные и свѣтскіе сановники приговорили Тассила къ смерти. Но Карлъ не захотѣлъ проливать его крови. Онъ отправилъ его, а равно и всѣхъ членовъ его семейства въ монастырь (788 г.), гдѣ, вскорѣ послѣ того, Тассиль и умеръ. Самое герцогство его было подѣлено на отдѣльные округа, и каждый изъ нихъ порученъ въ управленіе особому графу. Эта перемѣна была проведена безъ всякаго затрудненія, такъ какъ все герцогство было нанугано возможностью вторженія Аваровъ, и потому охотно искало спасенія въ тѣсномъ единеніи съ великимъ государствомъ.

Паденіе
Тассила.

Усмирёніе
Аваровъ.

И дѣйствительно, Карль не замедлил и самъ двинуться войною противъ этого хищническаго племени, которое занимало своими поселёями большую часть нынѣшней Австріи и почти всю нынѣшнюю Венгрію. Три арміи разомъ двинулись въ Аварскую землю; одна шла изъ Италіи, подъ начальствомъ второго Карлова сына Пипина; надъ главною изъ нихъ начальствовалъ самъ Карль, лично. Успѣху похода много способствовали раздоры, существовавшіе между варварами. Рѣшительный ударъ нанесенъ былъ Аварамъ взятіемъ цѣлой системы кольцеобразныхъ укрѣпленій, окруженныхъ каменными стѣнами и частоколомъ изъ толстѣйшихъ бревенъ; среди этихъ укрѣпленій расположено было много всякихъ поселеній. Взавъ штурмомъ эти укрѣпленія, Франки обогатились несметными богатствами нагроможденной здѣсь добычи аварскихъ хищническихъ наѣздовъ и вторженій; добыча эта, которою пришлось нагрузить нѣсколько большихъ обозовъ, была настолько громадна, что даже наступившую въ ближайшіе годы дороговизну во Франкскомъ государствѣ всѣ поясняли избыткомъ благородныхъ металловъ, доставшихся Франкамъ въ данномъ случаѣ въ руки. Нѣкоторая часть Аварской земли была обращена въ *Аварскую марку* или *границу*, съ вполне военнымъ внутреннимъ устройствомъ управленія, такъ что отнынѣ мирный трудъ былъ уже окончательно обезпеченъ отъ всякихъ гибельныхъ вторженій варварства. Дѣло обращенія покореннаго народа въ христіанство было въ 798 году поручено новому архіепископу *зальцбургскому*.

Карль и
Арабы.
Испанская
марка.

Такъ продвинулъ Карль свое могущество на Востокъ и утвердилъ его тамъ съ замѣчательною удачею, но въ особенности съ замѣчательною послѣдовательностью: до той грани, до которой достигала его власть—простиралась теперь на Западъ и та область, которая могла служить открытымъ поприщемъ для спокойнаго прогресса, для медленной, но непрерывной культурной работы между людьми. Это было, конечно, большою заслугою Карла, тѣмъ болѣе, что эта культурная работа встрѣчала себѣ препятствіе къ распространенію не только съ Востока, но и съ другой стороны—въ мухамеданскомъ мірѣ. Нельзя, правда, сказать, чтобы *Арабы* въ Испаніи (гдѣ они главнымъ образомъ и должны были обращать на себя вниманіе франкской политики) уничтожили существовавшую тамъ культуру и вообще выказали себя варварами: въ общемъ можно даже, пожалуй, сказать, что населенію Пиринейскаго полуострова лучше жило подъ ихъ властью, нежели подъ властью Вестготовъ. Туземцы сохранили за собою свою земельную собственность; Арабъ не занимался земледѣліемъ, а получалъ пропитаніе, отчасти натурою, въ видѣ дани отъ побѣжденныхъ. Послѣдніе, сверхъ того, платили поголовную дань, какъ и теперь ее платятъ христіане туркамъ, въ Турціи. Эта дань была формальнымъ, и хотя нѣсколько унижительнымъ, но не обременительнымъ признаніемъ господствующаго положенія правовѣрныхъ надъ «невѣрными»; но, по крайней мѣрѣ, «невѣріе» ихъ не признавалось преступленіемъ, какъ то силнош и рядомъ бывало въ христіанскихъ странахъ; мало того, каждый, переходившій въ исламъ, уже избавлялся отъ этой подати. Такая награда, которою обусловливалась переимѣна вѣры, многихъ привлекала къ переходу въ исламъ, тѣмъ болѣе, что и несвободные или рабы,

перебѣжавшіе за черту владѣнія мослемиа и здѣсь произнесшіе завѣтное изреченіе ислама: «нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его»—однимъ этимъ восклицаніемъ, какъ бы по волшебству, уже приобрѣтали свободу. Арабы были далеки отъ той нетерпимости, которую еще недавно, на той же испанской почвѣ, проявляли христіане въ своихъ догматическихъ распряхъ или, позднѣе, въ своихъ отношеніяхъ къ Іудеямъ; они совершенно довольствовались тѣмъ, что «невѣрные» были обезоружены и вынуждены служить побѣдителямъ. Вскорѣ среди этого господствующаго слоя арабскаго населенія проявилось расположеніе и къ высшимъ научнымъ стремленіямъ, и страна дѣйствительно стала процвѣтать подъ ихъ управленіемъ: однакоже будущность человѣчества была не въ ихъ рукахъ. Исламъ не способствуетъ развитію наиболѣе глубокихъ жизненныхъ началъ; ему, и какъ вѣрованію, и какъ религіи, не хватаетъ той непосредственности христіанства, которая способна постоянно производить новыя идеи, извлекать новыя сокровища изъ неистощимаго запаса своего духа. А между тѣмъ, въ данный моментъ, сила приверженцевъ христіанства доведена была въ Испаніи до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Остатки бѣжавшихъ Вестготовъ укрылись въ неприступныхъ тѣснинахъ западныхъ Пиринеевъ, въ Астурійскихъ и Кантабрійскихъ горахъ, и здѣсь, мало-помалу, образовалось маленькое королевство, *Астурія*, захватившее крайній сѣверо-западъ Пиринейскаго полуострова; въ то время, когда Карлъ вынужденъ былъ обратить вниманіе на Испанію, въ Астуріи правилъ король *Альфонсъ II*.

Никакъ ужъ не стремленіе къ завоеваніямъ, столь прославляемое многими историческими повѣствованіями, побудило Карла переступить за Пириней. Близкое сосѣдство Арабовъ было съ 711 и 732 годовъ нѣкоторою угрозою для Франкскаго государства, тѣмъ болѣе, что Арабы занимались и пиратствомъ, и Карлъ видѣлъ себя обязаннымъ принять подъ свою защиту населеніе италійскаго и галльскаго побережья. Внѣшній поводъ къ вооруженному вмѣшательству былъ данъ Карлу раздорами, происходившими въ средѣ мухамеданскаго мира. Въ 777 году онъ принималъ пословъ эмира Ибнъ-аль-Араби, сторонника Аббасидовъ, который былъ изгнанъ изъ Сарагоссы омаядскимъ калифомъ Абдеррахманомъ; а уже въ 778 году Карлъ стоялъ съ войскомъ на берегахъ Эбро, Сарагосса была взята штурмомъ, а Арабы-союзники были поставлены въ лѣнные отношенія къ королю Франковъ; однакоже вѣсть о возстаніи Саксовъ вынудила Карла къ удаленію изъ Испаніи, и тутъ-то, при обратномъ походѣ черезъ Пириней, аррьергардъ его арміи, въ дикой Ронсевальской долинѣ, попалъ на засаду Васконовъ, побужденныхъ къ этому нападенію предательскими происками аквитанскаго герцога Лупуса. Среди многихъ жертвъ этого внезапнаго нападенія знаменитѣйшею былъ храбрый маркграфъ бретаньскаго побережья, Хруотландъ, прославленный поэзіею германскихъ и романскихъ народовъ въ ихъ *тѣсняхъ о Роландѣ*. Карлъ долженъ былъ примириться съ этимъ несчастіемъ, тѣмъ болѣе, что возмездіе за него оказывалось совершенно невозможнымъ. Гораздо болѣе всякаго возмездія на Васконовъ подѣйствовало великодушіе Карла, который призналъ *Санхо*, одного изъ сыновей Лупуса, герцогомъ, хорошо понимая, что новый гер-

цогъ вынужденъ будетъ дружить Франкскому государству въ виду опасности, грозившей ему со стороны Сарацынъ. Младшій сынъ Карла, Лудвигъ, завершилъ здѣсь политическіе замыслы отца своего: въ 801 году здѣсь учреждена была *Испанская марка*, и столицею ея была признана *Барселона*, а самая марка подѣлена въ смыслѣ управленія на 10 — 12 графствъ, и въ смыслѣ церковномъ подчинена вѣдѣнію четырехъ епископовъ. И это завоеваніе было въ высшей степени благотѣльнымъ: не только Галлія была обезпечена отъ дальнѣйшихъ набѣговъ со стороны Сарацынъ, но и христіанскому населенію Испаніи дана была такимъ образомъ надежная опора и поддержка; вскорѣ оказалась возможность дѣйствовать отсюда даже и наступательно противъ ислама.

Отношенія
къ Восточно-
Римской
имперіи.

Эта борьба съ омаядскимъ калифатомъ могла только самымъ благоприятнымъ образомъ воздѣйствовать на отношенія Карла къ *аббассидскимъ* калифамъ Багдадскимъ. Его интересы какъ бы сливались съ ихъ интересами въ Испаніи въ весьма значительной степени. И не только въ этомъ направленіи:—повелителю правовѣрныхъ было весьма желательно, чтобы рядомъ съ враждебной ему Восточно-Римской имперіей, установилась равносильная ей Западно-Римская. Что же касается Восточно-Римской имперіи, то она, вопреки внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, все еще представляла собою мощный государственный организмъ. Тогда, по смерти Льва II (780 г.), имперіей правила его вдова, императрица *Ирина*—женщина умная и, несмотря на всю свою порочность, вполне способная управиться со всѣми случайностями, какимъ была подвержена высшая власть въ современной Византіи. Въ качествѣ правительницы во время несовершеннолѣтія своего сына *Константина VI*, она сумѣла придать иное направленіе церковной политикѣ, прекративъ иконоборческую смуту, и тѣмъ самымъ улучшила отношенія Византіи къ Западу и къ епископу римскому. Пріятельствовать уснѣхамъ франкскаго могущества въ Италіи она была не въ силахъ, и могла только предложить Карлу династическій бракъ, просватать его дочь за своего сына, юнаго Константина Порфирогенета (Порфиророднаго). Карлъ принялъ это предложеніе, но предложенный бракъ не состоялся, такъ какъ Ирина сама нарушила заключенный о бракѣ договоръ (788 г.), опасаясь того, что этотъ бракъ доставитъ ея сыну такую самостоятельность, какой она вовсе не желала ему дать; когда же сынъ сталъ приближаться къ совершеннолѣтію и слѣдовательно готовъ уже былъ принять бразды правленія въ свои руки, она съ нимъ окончательно разошлась: этотъ раздоръ, на византійской почвѣ, гдѣ никакія злодѣянія не совершались наполовину, привелъ къ невѣроятнымъ послѣдствіямъ. Безчеловѣчная мать устроила заговоръ противъ своего сына: злодѣи напали на него внезапно и ослѣпили его, а Ирина продолжала править отъ его имени (797 г.). Само собою разумѣется, что эти событія должны были нарушить отношенія къ франкскому государю: уже съ 788 года отношенія между обоими государствами стали враждебными, и мы видѣли, что лангобардскій претендентъ Адельгизъ уже нашелъ себѣ убѣжище и даже поощреніе своихъ притязаній при дворѣ византійскомъ.

Быть можетъ, именно эти непріязненные отношенія къ Византіи и способствовали тому, чтобы Карлъ окончательно принялъ рѣшеніе, къ которому и безъ того побуждалъ его самый ходъ событій всего его царствованія. Онъ уже не могъ править многоразличными странами и народами, какіе были имъ завоеваны въ первыя 30 лѣтъ его правленія, продолжая носить титулъ короля Франковъ,—какъ не могъ бы и Александръ Великій править своимъ азіатскимъ царствомъ, продолжая именоваться царемъ македонскимъ. Чтобы примирить и слить во-едино всѣ противоположные элементы въ своемъ царствѣ — германскія племена Франковъ, Саксовъ, Фризовъ, Лангобардовъ, Баварцевъ, Аллемановъ — съ романскими, *славянскими* и иными составными частями государства — для этого Карлу необходимо было принять новый, такъ сказать, нейтральный титулъ, который бы могъ придать ему неоспоримый авторитетъ и значеніе въ глазахъ всѣхъ его подданныхъ. Такимъ титуломъ могъ быть только титулъ *императора римскаго*: — и дѣло было только въ томъ, какимъ образомъ его добыть? Провозглашеніе Карла императоромъ могло произойти только въ Римѣ, и вскорѣ къ тому представился случай:—папа Левъ III, въ 796 г. наслѣдовавшій Адриану I, очутился случайно въ такомъ положеніи, что долженъ былъ искать защиты у Карла, который, въ качествѣ римскаго патриція, былъ представителемъ высшей власти по отношенію къ Риму и его области. Дѣло въ томъ, что въ Римѣ установились среди папскаго двора ужъ чрезчуръ свѣтскіе порядки; между знатными родными предшествоващаго папы и нѣсколькими честолюбцами или корыстолюбцами составилъ заговоръ противъ новаго папы; заговорщики напали на Льва III, избивъ его, но ему все же удалось отъ нихъ ускользнуть. Онъ посѣлилъ за Альпы, къ Карлу, и сошелся съ нимъ на саксонской территоріи, въ Падерборнѣ. То, что случилось въ Римѣ, ясно указывало каждому на необходимость учрежденія высшей третейской власти, и всѣ предвидѣли или уже знали, что предстоитъ нѣчто весьма важное, когда вскорѣ послѣ того самъ Карлъ, съ весьма значительнымъ войскомъ, двинулся въ Италію. Папа Левъ III, принятый Карломъ подъ защиту и усиливший убѣдить короля въ своей полной невинности, отправился впередъ. По прибытіи въ Римъ, Карлъ рѣшилъ формальнымъ судебнымъ разбирательствомъ распрю между папою и его обвинителями—и это очень не понравилось епископамъ. Папа Левъ III очистилъ себя отъ обвиненія клятвою, послѣ того какъ обвинители его не могли привести доказательствъ въ подтвержденіи своего обвиненія; затѣмъ, знаменательный всемірно-историческій актъ коронованія Карла произошелъ въ самое Рождество 800 г., въ прежней базиликѣ св. Петра. Послѣ того, какъ Карлъ отслушалъ въ базиликѣ обѣдню и совершилъ молитву, возстановленный имъ папа возложилъ на него корону, и произнесенный имъ возгласъ: «да здравствуетъ и да благословенъ будетъ Богомъ вѣнчанный великій и миролюбивый императоръ Римскій Карлъ Августъ» — былъ трижды повторенъ всѣми присутствовавшими въ храмѣ. И произнесеніе этой формулы, и общій ходъ дѣла доказываютъ, что это произошло не случайно, а было выполнено по извѣстной, определенной программѣ: само собою разумѣется, что и въ храмѣ св. Петра при этомъ вѣнчаніи присутствовала не случайно собравшаяся толпа, а

Карлъ императоръ.
800.

именно собраніе высшихъ представителей современнаго общества. Самая функція папы при этомъ коронованіи была чисто-духовная и его степень участія въ созданіи новой имперіи была ничуть не болѣе, а можетъ быть, даже и менѣе, чѣмъ доля участія его предшественниковъ Захарія и Стефана при созданіи каролингскаго королевства. По совершеніи коронованія, папа принесъ новому императору клятву въ вѣрности, какъ старшій изъ епископовъ въ его имперіи. Однимъ словомъ, шагъ, сдѣланный Карломъ, былъ дѣйствіемъ вполне сознательнымъ, хорошо обдуманымъ, хорошо подготовленнымъ, и какъ бы выраженіемъ новыхъ отношеній и наступившаго новаго порядка вещей было установленіе присяги въ вѣрности для всѣхъ подданныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ:—каждый изъ нихъ, по наступленіи 12-ти-лѣтняго возраста, долженъ былъ присягать императору и въ присягѣ признавать себя «подданнымъ Цесаря». Измѣненъ былъ и самый придворный церемоніаль въ различныхъ торжественныхъ случаяхъ; точно такъ же и Александръ Великій, сдѣлавшись «повелителемъ всей Азіи», потребовалъ колѣнопреклоненія предъ собою отъ всѣхъ подданныхъ, и отъ Македонянъ, и отъ Эллиновъ. Такъ была восстановлена Римская имперія, которая однакоже получила совсѣмъ особый характеръ влѣдствіе того, что въ составъ ея вошла и христіанская Церковь; и римскимъ императоромъ теперь явился одинъ изъ германскихъ князей.

Карль, какъ
правитель.

Эта обновленная Римская имперія захватывала пространство земель около 25.000 кв. миль и границы ея можно опредѣлить такъ: на С. и З.—Эйдеръ, Сѣверное море, Атлантическій океанъ; на Ю.—Эбро, Лирисъ или Гарильяво и Драва; на В.— Дунай или Тисса и Эльба. Населеніе имперіи не можетъ быть выражено никакими строго-опредѣленными цифрами. Наименованіе «Великаго» императоръ Карль заслужилъ столько же своею правительственною дѣятельностью, сколько и воинскими подвигами: не мѣшаетъ однакоже замѣтить, что хотя всѣ воинскія предпріятія производились подъ его верховнымъ руководствомъ, однакоже онъ принималъ личное участіе лишь въ очень немногихъ большихъ сраженіяхъ. Какъ истинно-великій человекъ, онъ былъ одновременно и воиномъ, и государственнымъ человекомъ, и полководцемъ, и правителемъ; завоеваніе, не сопряженное съ высшей государственной цѣлью, не могло бы послужить основой славы, которая способна была бы удовлетворить сознание западнаго человека. Для того, чтобы править государствомъ, необходимо умѣнье соединять и руководить, и въ высшей степени любопытно задать себѣ вопросъ, какія именно средства единенія Карль умѣлъ пустить въ ходъ и примѣнять къ своему царству, столь пестрому и разноплеменному.

Личность
Карла
Великаго.

Наиболѣе дѣйствительнымъ изъ этихъ средствъ единенія была личность самого государя. Въ лицѣ Карла, въ высшемъ и вліятельнѣйшемъ положеніи, во главѣ общества явился наиболѣе замѣчательный по уму и характеру человекъ того времени: одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ окружать себя умными и знающими совѣтниками, умѣютъ привязывать ихъ къ себѣ, и при этомъ обладаютъ настолько острымъ взглядомъ и тонкимъ чутьемъ ко всему исполнимому и возможному, что могутъ съ дѣйствительною пользою примѣнять умный совѣтъ на дѣлѣ. А Карль, въ довершеніе къ тому, однажды признавъ что-либо необходимымъ, умѣлъ это

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА.

Мозаическое изображеніе Льва III и Карла Великаго.

Левъ III (795—816) выстроилъ двѣ триклинии (иначе сказать, трапезницы) для угощенія въ нихъ князей и иныхъ сановныхъ лицъ: одну при церкви св. Петра, другую при Латеранскомъ дворцѣ своемъ; послѣдняя была весьма обширна и украшена мозаическимъ абсидомъ, въ которомъ и помѣщалось приводимое нами мозаическое изображеніе св. Петра, подающаго «столу» папѣ Льву, и знамя Римское—Карлу Великому.

Въ этой самой трапезницѣ еще папа Николай V угощалъ императора Фридриха. Затѣмъ дворецъ пришелъ въ запустѣніе и ветхость; Сикстъ V приказалъ снести его послѣдніе остатки, но главный абсидъ съ украшающими его мозаиками уцѣлѣлъ, и кардиналъ Франческо Барберини перенесъ его цѣликомъ на другую сторону улицы, вставилъ въ новую нишу и подновилъ мозаику. При папѣ Бенедиктѣ XIV изображеніе было еще разъ реставрировано, причемъ главнымъ образомъ подновлена была голова св. Петра. Существуетъ снимокъ съ этой мозаики, святой ранѣ реставраціи, произведенной кардиналомъ Барберини, и относящійся къ XVI вѣку. При точномъ сравненіи этого снимка съ нашимъ, мы замѣчаемъ разницу только въ нѣкоторомъ измѣненіи головного убора императора; на древней копіи видимъ у него на головѣ плотно-прилегающую шапку, съ тремя небольшими перьями.

И такъ, мы должны видѣть въ этомъ древнемъ памятникѣ искусства, быть можетъ, единственное современное «лицевое» изображеніе Карла, такъ какъ и парижская статуэтка не представляетъ собою памятника не подлежащаго сомнѣнію.

НАДПИСИ.

Наверху: Sanctus Petrus.

Налѣво: Sanctissimus Dominus Leo Papa.

Направо: Domino Carulo regi.

Внизу: Beate Petre Donas

Св. Петръ! Даруй

Vitam Leoni P. P. В(в)icto

Жизнь папѣ Льву (и) побѣду

riam Carulo regi donas.

Карлу королю.

СВ. ПЕТРЪ ПЕРЕДАЕТЪ НАРЛУ ВЕЛИКОМУ ЗНАМЯ РИМА, А ЛЬВУ III
 СТОЛУ, НАНЪ СИМВОЛЫ МІРНОГО И ДУХОВНАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.
 Мозаическое изображеніе изъ триклиніума Льва III въ Римскомъ
 Латеранѣ. Современный памятникъ Каролингскаго искусства и
 древнѣйшее изображеніе Карла Великаго (IX в.).

необходимое быстро приводить въ исполненіе, или же, съ терпѣливой энергіей, добивался постепенно того, что неизбѣжно выполнялось само собою. Карлъ въ высокой степени обладалъ тѣмъ качествомъ, которымъ обычно отличаются всѣ великіе люди—Александры и Цесари: быстротою дѣйствія и неутомимою дѣятельностью. О быстротѣ дѣйствія достаточно свидѣтельствуеъ исторія его походовъ, но, и помимо ихъ, онъ и въ мирное время путешествовалъ очень много; а его влеченіе къ дѣятельности было просто неистощимо: — кому не извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ онъ, во время одѣванія, велѣлъ изложить себѣ сущность какой-то тяжбы, и тутъ же ее разрѣшилъ. Онъ и за столомъ приказываетъ себѣ читать; рѣдко случается, чтобы онъ всю ночь проспалъ напролетъ; и чуть только ему не заспится—ужъ онъ поднимается и начинаетъ упражняться въ трудномъ искусствѣ писанія, которое, по современнымъ германскимъ воззрѣніямъ, почиталось почему-то несомнѣтельнымъ съ воинскимъ ремесломъ. Любознательность его была поразительна и стремленіе къ познанію доходило даже до наивнаго любопытства. Какъ и всѣ дѣятельныя натуры, онъ любилъ опредѣленную правильность жизни. Онъ терпѣть не могъ пьянства и былъ очень умѣренъ въ питъѣ и ѣдѣ; на его столѣ не бывало болѣе 4-хъ блюдъ; постовъ не любилъ и соблюдалъ ихъ неохотно, хотя и былъ благочестивъ и любилъ соблюдать церковныя обряды. Одѣвался онъ тоже всегда очень просто и просторно, подобно всѣмъ Франкамъ, и только въ церковныя праздники или при большихъ церемоніяхъ мѣнялъ простую одежду свою на богатый нарядъ. При этомъ онъ очень любилъ тѣлесныя упражненія, верховую ѣзду, плаваніе, охоту и тѣ менѣе стѣснительныя отношенія общественныя, которыя на охотѣ или при подобныхъ упражненіяхъ устанавливаются. Будучи самъ темперамента очень живого, притомъ обладая умѣньемъ хорошо говорить и любя говорить, Карлъ ощущалъ потребность въ большомъ и разнообразномъ обществѣ. Онъ прекрасно говорилъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; греческій онъ разумѣлъ, но не говорилъ на немъ. «Голосъ его» — такъ разсказываетъ намъ Эйнгардъ *) — «былъ чистый и звонкій, но не соответствовалъ его статному, крѣпкому тѣлосложенію». Ростъ его онъ опредѣляетъ такъ: «7 его ступней въ вышину» — что значитъ, что онъ былъ хорошаго роста, повыше средняго, но вовсе не такой великанъ, какимъ его обычно представляютъ. При немъ, въ его царствѣ не было опредѣленной *столицы* (какъ Константинополь — въ Восточно-Римской имперіи, или Багдадъ — въ Калифатѣ); онъ обычно пребывалъ въ одномъ изъ городовъ на Рейнѣ — въ Ахенѣ, Ингельгеймѣ, Нимвегенѣ — и тутъ собиралъ около себя свою семью. «Но здѣсь», — говорилъ Эйнгардъ, — «въ своей семейной жизни, этотъ вообще счастливый человѣкъ испыталъ превратности судьбы». Въ чемъ онъ именно состояли — онъ не говоритъ; но мы очень хорошо знаемъ источникъ этихъ неприятностей и досадъ, которыя крылись въ разнузданности нравовъ, еще со временъ Меровинговъ господствовавшей при дворѣ франкскихъ королей

*) Единственный писатель, изъ сочиненія котораго мы извлекаемъ важнѣйшія черты характеристики Карла, такъ какъ въ словахъ его слышится личное впечатлѣніе современника, въ теченіе долгаго времени находившагося въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ великимъ монархомъ.

и отъ которой даже у этого великаго государя не хватало силы отклониться. Мы не видимъ однакоже, чтобы эта сторона его жизни встрѣчала себѣ особенное порицаніе среди окружавшаго его духовенства; и самъ Эингардъ говоритъ объ этомъ, какъ о чемъ-то весьма естественномъ. Изъ троихъ сыновей Карла его пережилъ только младшій, Лудвигъ.

Съѣзды князей или сеймы.

Воля такого выдающагося государя и среди такой еще не сложившейся государственной и общественной жизни, конечно, мало чѣмъ была ограничена; однакоже царство Карлово не было деспотіей, хотя рѣшающее слово всюду бывало произносится самимъ императоромъ. Древнимъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ единенія были *съѣзды* или *сеймы* (Reichstage), которые, хотя и не сложились еще въ опредѣленную форму, однакоже собирались дважды въ годъ, подъ предсѣдательствомъ государя, которому они служили важнымъ подспорьемъ въ его законодательной дѣятельности; сеймы эти происходили одинъ разъ осенью, въ видѣ меньшихъ, предварительныхъ совѣщательныхъ собраній, и одинъ разъ весной, въ видѣ заключительныхъ общихъ собраній. На подобныя собранія добровольно съѣзжались сначала свѣтскіе сановники *), а потомъ и духовные, архіепископы и епископы, которые здѣсь пользовались большимъ вліяніемъ и значеніемъ, какъ люди, по тому времени, просвѣщенные, привычные къ государственному дѣланью и къ коллегіальному ихъ обсужденію. При этихъ случаяхъ сходились и много всякаго люда, который однакоже здѣсь только и дѣлалъ, что выражалъ свое сочувствіе, когда ему объявлялось въ простой и разумной формѣ о томъ или другомъ рѣшеніи короля или сейма. Законодательная дѣятельность Карла была дѣйствительно обширна. Находились люди, которые укоряли его въ томъ, что его законодательство было вполне самодержавнымъ, что не было въ его время выдано никакихъ общихъ сборниковъ закона; но на эти укоры можно отвѣтить только то, что никакіе общіе сборники законовъ для такого несложившагося царства, съ такимъ разнороднымъ населеніемъ не были еще возможны. Его личные указы, капитулярін, въ той формѣ, въ которой они выходили изъ его императорской канцеляріи, направлены были на частности, подававшіяся общему упорядоченію, какъ на примѣръ въ область народнаго хозяйства, религіозной жизни, правосудія. Гуманное направленіе капитулярій характеризуется между прочимъ тѣмъ, что волшебники, вѣдьмы и вѣдуны (tempestuarii, т. е. тѣ, которые наводили бури и грозы), вмѣсто прежнихъ варварскихъ наказаній, отдавались духовнымъ лицамъ для назиданія; или же знаменательной указъ 805 г., по которому никто въ мирное время не долженъ былъ носить оружія. Старый обычай даже и на собранія народныя приходитъ съ оружіемъ (о которомъ упоминаетъ Тацитъ) начиналъ, очевидно, выводиться, въ виду упрочившагося мирнаго состоянія общественнаго.

Управление государствомъ. Графы.

Великая заслуга Карла заключается именно въ томъ, что онъ сумѣлъ привести въ порядокъ и примѣнить на практикѣ то правильное управленіе страной, которое способствовало ея умиротворенію. И если первымъ

*) Первоначально эти мартовскіе, а позднѣе—майскіе съѣзды имѣли значеніе смотровъ, на которые собирались всѣ лица, обязанныя непосредственною службою королю.

средством объединенія имперіи мы считаемъ самую личность императора Карла, а вторымъ—его сеймы, то третьимъ средствомъ объединенія разнородныхъ составныхъ частей имперіи были несомнѣнно поставленные имъ *чиновники*. Старинные народные вожди, герцоги, и въ Аквитаніи, и въ Баваріи, и въ странѣ Лангобардовъ, и всюду, гдѣ возможно—были устранены. Все государство было подѣлено на округа (*gau*), и всюду были поставлены королевскіе чиновники, *графы*, для сбора войскъ, управленія и правосудія. Ихъ должность была бенефиціей, т. е. должностью, порученною государемъ и сопряженною съ обязанностями, проистекавшими изъ понятія о бенефиціи или лэнѣ. Самое правосудіе, относившееся къ обязанностямъ графа, было, въ частности, не одинаково, при большомъ разнообразіи народовъ, ихъ судебныхъ обычаевъ и правовыхъ воззрѣній на огромномъ пространствѣ имперіи. Заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что уже и въ тѣ времена затруднительная обязанность, побуждавшая всѣхъ свободныхъ людей собираться на частые судебные сѣзды, была облегчена назначеніемъ *шеффовъ* или выборныхъ изъ свободного населенія, которые на судѣ у графа, при судебныхъ рѣшеніяхъ, являлись представителями всего свободного населенія. Графства на границахъ, на *маркахъ*—испанской, британской, датской, сорбской, аварской, фриульской—имѣли вполнѣ военное устройство, были подчинены маркграфамъ и застроены крѣпкими замками, съ сильными гарнизонами въ каждомъ изъ нихъ. Съ обычною своею осмотрительностью Карлъ озаботился и о постройкѣ весьма внушительнаго флота, въ которомъ въ особенности нуждались постоянно угрожаемые берега Италіи и смежныхъ съ нею острововъ. Весьма затруднительно, при громадныхъ пространствахъ и такихъ путяхъ сообщенія было наблюденіе за чиновничествомъ: для этого была установлена должность особыхъ надзирателей, — *Missi dominici*,—наблюдавшихъ за судоустройствомъ и военнымъ дѣломъ, и *Missi fiscalini*, наблюдавшіе вообще за управленіемъ; эти наблюдатели всюду передавали волю государя, всюду съ особенною настойчивостью проводили идею государственнаго единства. Дальнѣйшимъ и существеннѣйшимъ средствомъ единенія было то привилегированное положеніе, которое выпало на долю *франкской національности*: изъ нея преимущественно (хотя и не исключительно) избирались высшіе чиновники, графы и чиновники-наблюдатели. Карлъ, по собственному побужденію, старался, гдѣ было возможно, избирать высшихъ сановниковъ и не изъ Франковъ. Въ этомъ отношеніи было особенно цѣнно то, что не малое участіе въ управленіи принимали и духовныя лица и что при замѣщеніи различныхъ духовныхъ должностей никакого предпочтенія опредѣленной національности не давалось.

Церковь каволическая и то *единообразное* воспитаніе, которое она доставляла, были однимъ изъ важнѣйшихъ связующихъ началъ въ Имперіи и составляли вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ важнѣйшихъ правительственныхъ средствъ для Карла. Церковь представляла для этого еще весьма мало организованнаго государства громадное преимущество уже вполнѣ сложившагося организма, и не только при искорененіи язычества въ Саксоніи, но и во многихъ другихъ случаяхъ Церковь шла рука объ руку съ Карломъ. Церковь обязана ему чрезвычайно многимъ и не безъ основанія

Церковь и
воспитаніе.

причла его къ лику своихъ праведниковъ, хотя онъ, повидимому, въ строгомъ смыслѣ христіанскаго ученія, и не могъ бы быть отнесенъ къ этому разряду. Прежде всего капитуляріемъ франкфуртскимъ 798 года онъ обезпечилъ вѣдшее положеніе духовенства, обративъ обычную уплату десятины на пользу Церкви—въ государственный законъ; еще большую услугу оказалъ Карлъ духовенству, тщательно наблюдая за тѣмъ, чтобы оно вполнѣ соотвѣтствовало своему высокому призванію. Реформа франкской Церкви, начатая еще Бонифаціемъ, была въ значительной степени дополнена епископомъ Хродегангомъ Мецскимъ (около 760 г.), который и для блага духовенства вмѣнилъ въ обязанность *канонической образъ жизни*. Клерики кафедральныхъ церквей обязаны были жить по опредѣленнымъ правиламъ, и притомъ въ обществѣ, какъ и монахи. Карлъ старался поощрять развитіе проповѣди на народномъ языкѣ, дабы всѣ вообще народы его царства могли дѣйствительно проникнуться духомъ христіанства; а такъ какъ далеко не всѣ духовныя лица были въ состояніи сами составлять проповѣди на народномъ языкѣ, то онъ помогъ этому недостатку, создавъ особые сборники проповѣдей въ помощь проповѣдникамъ, и составленіе этого сборника поручилъ сыну Павла Варнефрида. И вообще онъ очень близко принималъ къ сердцу образованіе духовенства, какъ о томъ свидѣлствуетъ весьма извѣстная, но тѣмъ не менѣе и весьма поучительная исторія Санъ-галленскаго монаха. Императоръ самъ зашелъ въ школу для клериковъ и сталъ прислушиваться къ вопросамъ учителя; оказалось, что дѣти богатыхъ семей отвѣчали хуже, а дѣти бѣдныхъ лучше; по окончаніи вопросовъ, императоръ обратился къ ученикамъ съ рѣчью, и высказалъ имъ прямо, относительно ихъ будущаго, что онъ не станетъ обращать вниманія на лица и положенія, и бѣднымъ, но отличившимся въ ученіи, раздастъ лучшія епископіи. Такъ, изъ немногаго, случайно сохранившагося о Карлѣ, мы узнаемъ его свѣтлый взглядъ на все, что было важно для образованія. Онъ и церковное пѣніе очень цѣнилъ. «На Пасхѣ 787 г.»—такъ повѣствуетъ одинъ изъ современниковъ—«поднялся споръ между пѣвцами Галлами и пѣвцами-Римлянами; Галлы утверждали, что они поютъ лучше, а Римляне—что исполняютъ церковныя пѣснопѣнія по предписаніямъ св. папы Григорія; споръ дошелъ до самого короля Карла, который рѣшилъ въ пользу пѣвцовъ Григорьевскихъ». Папа Адріанъ прислалъ къ нему двоихъ ученѣйшихъ пѣвцовъ римской Церкви; изъ нихъ онъ одного отправилъ въ Мецъ, а другого въ Суассонъ; всѣ франкскіе пѣвцы должны были научиться римскому пѣвству, и вскорѣ послѣ того оказалось, что учившіеся въ Мецѣ пѣвцы стали настолько же выше другихъ галльскихъ пѣвцовъ, насколько римскіе были выше мецскихъ... «А въ другой разъ»—сообщаетъ тотъ же источникъ—«король вывезъ съ собою учителей математики и счетной науки изъ Рима во Франкскую землю и повсюду распространялъ изученіе этихъ наукъ».

Императоръ
и Церковь.

Однакоже, Карлъ и по отношенію къ церковной іерархіи сохранялъ свое положеніе самодержца въ полной неприкосновенности. Принявъ новый титулъ императора римскаго, онъ явился отчасти и главою Церкви, и его другъ папа Адріанъ не напрасно (хотя и съ другими цѣлями) ука-

зывалъ ему на примѣръ императора Константина: онъ не выносилъ высокомерія духовныхъ сановниковъ, не избавлялъ духовныхъ отъ взиманія податей, и подобно дѣду своему, хотя и не съ такою же суровостью, настойчиво поддерживалъ свое право свободно распоряжаться земельными владѣніями того или другого монастыря, слѣдовательно не признавалъ коллективнаго права Церкви на недвижимыя имущества. Онъ самъ назначалъ епископовъ на мѣста и самъ снабжалъ ихъ бенефіціями, съ которыми одновременно были сопряжены и опредѣленные обязательства. Онъ не затруднялся даже вступаться и во внутреннія дѣла Церкви, какъ напр. въ догматическій споръ объ *адопціонизмѣ* *), который вызвалъ мѣстные соборы въ Регенсбургѣ 792 г., во Франкфуртѣ 794 г., и былъ отвергнутъ, какъ ученіе еретическое.

Къ почетнѣйшимъ чертамъ характера этого замѣчательнаго человѣка Алкуинъ. относится, конечно, его живое участіе къ *наукамъ* и духовному развитію: именно это личное увлеченіе его и придавало силу и значеніе его усиліямъ на пользу народнаго образованія. Его учителемъ и ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ въ этомъ направленіи былъ англо-саксъ *Алкуинъ* изъ Нортумберлэнда, который съ нѣсколькими своими учениками призывалъ ко двору франккаго короля и былъ имъ посаженъ въ аббаты Турскаго монастыря. Это было нѣчто въ родѣ ученаго общества, собиравшагося при особѣ Карла, — цѣлая академія, члены которой носили имена классическія и библейскія. И женщины, бывшія при дворѣ Карла, принимали въ этомъ обществѣ участіе. Ревность Карла къ наукамъ выразилась какъ нельзя лучше въ прекрасномъ желаніи, которое онъ однажды высказалъ, замѣтивъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы во всемъ его царствѣ нашлось 12 мужей, подобныхъ св. Августину и св. Иерониму, — на что Алкуинъ отвѣчалъ ему весьма остроумно: «у Самого Господа, Владыки неба и земли, было ихъ только двое, а ты желаешь ихъ имѣть двѣнадцать!»

Многосторонняя правительственная дѣятельность Карла была преимущественно и притомъ весьма настойчиво направлена на побужденіе народа къ *дѣятельности практической* — на занятія сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью, торговлею. Онъ создалъ важнѣйшія условія для осуществленія этой дѣятельности — безопасность отъ вѣшнихъ вторженій и внутренній порядокъ, насколько это было возможно въ то время преобладанія грубой силы, и насколько то было въ его власти, поощрялъ развитіе отдѣльныхъ отраслей промышленности. Онъ самъ, какъ крупнѣйшій землевладѣлецъ во всемъ царствѣ, былъ разумнымъ и прекраснымъ хозяиномъ и его собственные хутора представляли собою образцовыя хозяйственныя заведенія. Отъ своихъ управителей онъ требовалъ точнаго отчета: если они въ этомъ смыслѣ провинялись, то должны были явиться въ резиденцію короля «и отвѣчать своею спиною или понести иное наказаніе, какое угодно будетъ назначить королевѣ». По старому обычаю, королевѣ, въ этой части управленія, принадлежала весьма значительная и исполнѣ самостоятельная роль. Хищныхъ звѣрей, въ особенности волковъ, велѣно было преслѣдовать самымъ энергическимъ образомъ и истреблять ихъ дозволялось всѣми способами. Еще за два года до смерти

Сельское хозяйство и торговля.

Карла явилось весьма подробное законоположение, посвященное собственно обработкѣ земли: — это знаменитый *Capitulare de villis* (812). Главную потребностью, однакоже, очевидно, являлось размноженіе и улучшеніе *путей сообщенія*, и это, конечно, было гораздо легче привести въ исполненіе единовластному правителю большого государства, нежели всѣмъ прежде бывшимъ правителямъ разрозненныхъ владѣній и областей. Карлъ при этомъ прежде всего обратилъ вниманіе на улучшеніе водяныхъ сообщеній, и такимъ-то образомъ явился весьма грандіозный для того времени проектъ (793 г.) соединенія Дунайскаго и Рейнскаго бассейновъ посредствомъ канала. Проектъ однакоже не былъ приведенъ въ исполненіе по невозможности добыть достаточное количество необходимыхъ для того рабочихъ рукъ; такъ же неудачно окончилось и другое весьма благотѣльное предпріятіе — постройка постоянного моста черезъ Рейнь у Майнца: его строили цѣлыхъ десять лѣтъ и построили такъ прочно, что, по словамъ Эингарда, «всѣ сулили, что этого моста на вѣкъ хватить»; но пожаръ, случившійся въ 813 г., спалилъ этотъ мостъ въ теченіе трехъ часовъ, и есть основаніе думать, что онъ произошелъ отъ поджога лодочниковъ, занимавшихся перевозомъ черезъ рѣку — промысломъ весьма выгоднымъ. Планъ замѣны этого моста каменнымъ не осуществился.

Рельефное изображеніе на мѣдномъ позолоченномъ ковчегѣ, заключающемъ въ себѣ кости Карла Великаго въ Аахенскомъ соборѣ.

На этомъ изображеніи Карлъ посвящаетъ Дѣвѣ Маріи Аахенскій соборъ. Самый ковчегъ этотъ былъ устроенъ по приказанію Фридриха Барбароссы, который собралъ въ него кости Карла Великаго, по поводу причисленія его къ лику праведниковъ, въ 1165 г.

Внутренний видъ Аахенскаго собора съ кресломъ императора Нарла Великаго.

Современная торговля находилась главнымъ образомъ въ рукахъ двухъ совершенно различныхъ племенъ: Фризовъ и Иудеевъ. Фризы жили преимущественно во внутреннихъ городахъ,—Майнцѣ, Вормсѣ, Кельнѣ,—гдѣ и до сихъ поръ о нихъ напоминаютъ названія нѣкоторыхъ улицъ, а фризскія (фряжскія) сукна были всюду въ цѣнѣ и составляли даже важную статью торговли со странами восточными. За моремъ торговля сосредоточивалась въ рукахъ евреевъ, которые въ то время были болѣе искусны въ мореплаваніи, нежели нынче. Они пользовались въ правленіе Карла такою вѣротерпимостью, какой ни до него, ни послѣ него никто уже имъ не оказывалъ; имъ дозволено было строить синагоги и во многихъ городахъ, какъ напр. въ Кельнѣ и Нарбоннѣ; они могли даже занимать общественныя должности; при самой особѣ Карла видимъ іудея Исаака, въ качествѣ толмача, которому даются важныя порученія, такъ какъ Карлъ черезъ Массилію завелъ непосредственныя сношенія съ Востокомъ и даже обсылался посольствами съ однимъ изъ аббасидскихъ государей, калифомъ *Гаруномъ-аль-Рашидомъ*. При этихъ посольствахъ государи обмѣнивались и дарами: при франкскомъ дворѣ можно было полюбоваться большимъ слономъ Абуль-Аббасомъ и превосходною арабскою потѣшною палаткою—подарками калифа; въ особенности же всѣ дивились диковиннымъ часами, которые не поддаются даже описанію такого искуснаго писателя, какъ Эйнгардъ. То были водяные часы изъ бронзы:—часы обозначались 12 мѣдными шариками, которые звонко ударяли о нижній металлическій тазикъ, а также и 12 всадниками, которые, въ концѣ cadaго часа, выѣзжали изъ особыхъ нишъ. «Да и другого диковиннаго было много въ тѣхъ часахъ, что теперь и пересказать—то было бы трудно»,—замѣчаетъ современникъ. Упоминается также о томъ, будто Гарунъ призналъ за своимъ далекимъ союзникомъ нѣчто въ родѣ права защиты по отношенію къ христіанамъ, жившимъ въ Иерусалимѣ; надо, однакоже, думать, что это было со стороны Гаруна скорѣе любезностью, нежели актомъ, имѣющимъ какое бы то ни было политическое значеніе.

Ночина
Карла.

Это блестящее царство, связавшее во-едино столько сильныхъ народовъ и доставившее имъ государственный строй, страдало только однимъ недостаткомъ—тѣмъ, что оно, болѣе чѣмъ всѣ подобныя, когда-либо возникавшія царства, основывалось на мощномъ разумѣ и крѣпкой волѣ одного великаго дѣятеля. Въ то время, когда онъ самъ уже приблизился къ старости, злая судьба, тяготѣвшая надъ его домашнею жизнью, лишила его двоихъ сыновей, Карла и Пипина, и такимъ образомъ раздѣленіе государства на три части, предпринятое имъ въ 806 г., оказалось излишнимъ. Въ 813 г. императоръ созвалъ большой сѣздъ государственныхъ чиновъ въ *Аахенѣ*, гдѣ онъ въ послѣдніе годы жизни жилъ особенно охотно. На этотъ сѣздъ явились богатѣйшіе и знатнѣйшіе изъ землевладѣльцевъ, высшіе духовные и свѣтскіе сановники и представители власти; набралось довольно и всякаго иного люда, который хоть и не былъ, собственно говоря, представителемъ народа, но по крайней мѣрѣ замѣнялъ его. На этомъ-то торжественномъ собраніи, Карлъ возложилъ вѣнецъ на главу своего единственнаго сына и наследника. «Многая лѣта

Объяснительная таблица къ завѣщанію Карла Великаго.

Затѣмъ вѣлѣтъ изложить свою волю въ краткомъ документѣ, содержаніе коего и смыслъ

talis est:
суть слѣдующіе:

In nomine domini omnipotentis patris et filii et spiritus sancti.

Во имя Бога Всемогущаго, Отца и Сына и Св. Духа.

Descriptio atque divisio quae facta est a gloriosissimo atque piissimo domno
Росписаніе и раздѣленіе, которое сдѣлано достославнымъ и благочестивѣйшимъ государемъ
Karolo imperatore augusto anno ab incarnatione domini nostri Jesu Christi

Карломъ, императоромъ августѣйшимъ въ году отъ воплощенія Нашея Господа Іисуса Христа
DCCCXI anno vero regni ejus in Francia XLIII et in Italia XXXVII
811-мъ, въ году же его царствованія во Франціи 43-мъ и въ Италиіи 37-мъ,

imperii autem XI indictione III quam pia ei prudenti conside-
императорства-же его въ 11-мъ, въ 4-мъ индиктѣ, которое онъ по благочестивомъ и мудромъ раз-

ratione facere decrevit et domino annuente perfecit de thesauris
мышленіи сдѣлать рѣшился и Божіею волею исполнилъ—изъ его казны
suis atque pecunia quae in illa die in camera ejus inventa est. In

и денегъ, какія въ данный день въ его казно-хранилищѣ находились. При-
qua illud p(rae)cipue presavere voluit ut non solum elemosinarum lar-
чемъ онъ преимущественно то имѣлъ въ виду, чтобы не одна милостыня раз-
gitio quae sollempniter apud christianos de possessionibus eorum
дача, какъ обычно у христіанъ, изъ его имущества

agitur pro se quoque de sua pecunia ordine atque ratione perficeretur

была изъ его денегъ обычнымъ порядкомъ произведена,

sed etiam ut heredes sui omni ambiguitate remota quid ad

но, чтобы и его наследники, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, (то) что имъ

se pertinere deberet liquido cognoscere et sine lite atque

надлежитъ получить, ясно знали и безъ спора и

Эйнгардова «Жизнь Карла Великаго».

Эйнгардъ (позднѣйшая форма: Эгингардъ)—воспитанникъ, другъ и министр Карла Великаго, сочлещъ его академическаго кружка, составилъ жизнеописаніе своего государя и благодѣтеля, непосредственно послѣ его смерти. Въ прекрасномъ латинскомъ изложеніи, далеко превышающемъ современную ему латинь другихъ хронистовъ, онъ даетъ намъ вѣрно и рѣзко-очерченный образъ своего величаваго повелителя, тепло-начертанный рукою любящаго и признательнаго человѣка. По смерти Карла, Эйнгардъ занималъ высокія должности и при его наслѣдникѣ, Лудвигѣ Благочестивомъ, былъ и аббатомъ, не расторгая однакоже брака съ супругою своею Иммою (которая вовсе не была дочерью Карла, какъ утверждаетъ преданіе), достигъ глубокой старости и умеръ въ 844 г. (род. въ 770, отъ знатныхъ родителей).

Изъ рукописи, хранящейся въ Импер. Вѣнской библіотекѣ, мы даемъ въ вѣрной копіи начало завѣщанія Карла, которое Эйнгардъ приводитъ дословно, вмѣстѣ съ именами подписавшихся подъ нимъ свидѣтелей.

est

Item nonne omnino relictis patris et filii et spissis
 scriptis utq. diuisio que facta est atq. pussime de
 beato imperatore aliquo anno ab incarnatione dñi m^o ihu xpi
 dccc^o xli anno vero regni eius in francia del. an. de m^o ralia. xxxvii
 in partem unam et auditione sua quoniam p^o et prudenti conside
 ratione fuerit deuenit et dño emperre p^o fecit deherant
 suis de q. pecunia que nulla die incamera eius inuenta est in
 qua illud p^o cupit potestate uoluit ut non elemosinarum imitar
 g^o g^o que sollempniter apud xpianos de possessionibus eorum
 de quibus p^o p^o de sua pecunia or dñe atq. ratione p^o fueret
 sed etiam ut heredes in omni ambiguitate remota quid ad
 se pertineret deberet trahendo cognoscere et scire atq.

ЗАВЪЩАНІЕ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

Заметовано изъ «Житія Карла Великаго», написаннаго Эйнгардомъ на слѣдующій годъ, но кончивъ Карла.

Рукопись Императорской библиотеки въ Вѣнѣ. Факсимиле начала.

императору Лудвигу!»—возгласила толпа вслѣдъ за вельможами и знатью; о какомъ бы то ни было участіи духовенства или папскомъ содѣйствіи при этомъ не было и рѣчи, и самый актъ вѣнчанія Лудвига былъ, кажется, гораздо болѣе неожиданнымъ, нежели актъ вѣнчанія Карла въ 800 г. «Хвала, Тебѣ, Господу»,—сказалъ императоръ Карлъ,—«что Ты даровалъ очамъ моимъ возможность видѣть сына моего на моемъ престолѣ!»—затѣмъ поручилъ своему коронованному наслѣднику его неравноправныхъ съ нимъ братьевъ и отправилъ его въ Аквитанію, которую Лудвигъ и правилъ со славою.

Пять мѣсяцевъ спустя, 28 января 814 года, Карлъ скончался. Одинъ изъ современныхъ источниковъ утверждаетъ, что онъ передъ смертію пріобшился Св. Тайнъ и былъ муропомазанъ епископами. «Когда все сіе совершилось, онъ поручилъ душу свою Богу и умеръ съ миромъ... И никто не можетъ передать, какъ великъ былъ плачь и сокрушеніе о немъ по всей землѣ: самые язычники выразили о немъ сожалѣніе. Величайшая же скорбь была среди міра христіанскаго и во всемъ его царствѣ». Останки Карла были погребены въ церкви св. Маріи, въ Аахенѣ.

Монета Карла Великаго.
„Karolus Imperator Augustus“.

Изъ позолоченнаго серебра. Чеканена въ
городъ Триръ. Хранится въ королевскомъ
музеѣ въ Берлинѣ.

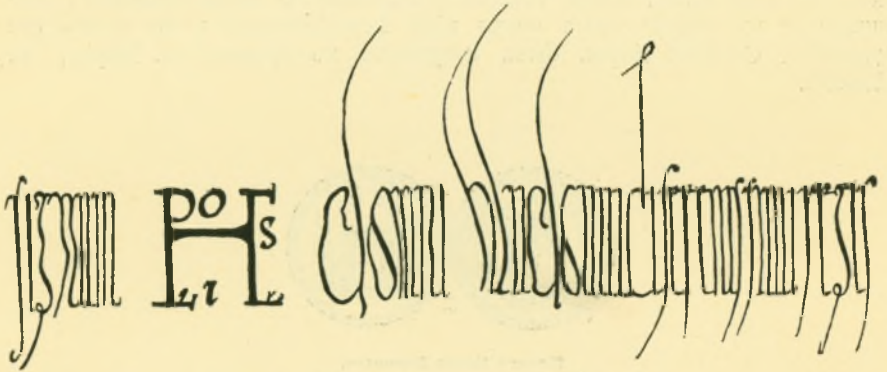
КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ Лудвига Благочестиваго до Крестовыхъ походовъ.

(814—1096 гг. по Р. Хр.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лудвигъ Благочестивый и домъ Каролинговъ до смерти послѣдняго представителя ихъ нѣмецкой линіи.

„Signum + domni hūdoovici serenissimi regis“.

Знаменье Лудвига Нѣмецкаго въ подписи акта 870-хъ годовъ, писаннаго во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Лудвигъ I
Бла очес-
тивый.

Карль Великій скончался прежде, чѣмъ того можно было ожидать; сынъ его Лудвигъ, вызванный изъ Аквитаніи, уже не засталъ его въ живыхъ. *Лудвигъ I* (814—840 гг.) тотчасъ принялъ бразды правленія въ руки и выполнилъ завѣщаніе отца своего; никто бы не осмѣлился коснуться его авторитета; замѣтно, что единство царства, подъ императорскою властью—всѣмъ пришлось по сердцу. Повидимому и Лудвигъ былъ достойнымъ преемникомъ своего отца: въ лучшей порѣ мужества, хорошо воспитанъ и издавна привыченъ къ занятіямъ дѣлами государственными. Опытъ правительственной мудрости, который удалось ему приобрести въ Аквитаніи, пришелся ему очень кстати, а по своему образованію онъ могъ быть смѣло поставленъ на ряду съ современными ему учеными, и это, конечно, ничему повредить не могло; онъ говорилъ свободно по-латинѣ, разумѣлъ греческій языкъ и умѣлъ толковать Библию въ смыслѣ тогдашняго богословія не только съ ея «духовной и нравственной» стороны, но также и со стороны ея «мистическаго», т. е. аллегорическаго значенія. Ростомъ онъ былъ поменьше отца, но крѣпко сложенъ

и въ рукахъ у него была сила необыкновенная; въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи копья—ему не легко было найти равнаго. При этомъ онъ унаслѣдовалъ подвижность своего отца, былъ такимъ же рьянымъ охотникомъ, какъ и тотъ, и въ личной храбрости у него не было недостатка. Не даромъ славился онъ и добрыми дѣлами, въ духѣ того времени—питаніемъ бѣдныхъ и выкупомъ плѣнныхъ,—а по благочестію могъ смѣло быть поставленъ наравнѣ съ любимымъ монахомъ: всѣмъ бросалась въ глаза его усердная и долгая молитва. При этомъ онъ и работникомъ былъ ретивымъ, насколько можно о томъ судить по его законодательнымъ актамъ; едва-ли однакоже справедливо извѣстіе о томъ, будто только ближайшіе къ нему совѣтники могли его отговорить отъ поступленія въ монастырь, по примѣру Карломана, дѣдова брата. Его окружали уже подрастающіе сыновья—и это могло быть въ глазахъ всѣхъ только благопріятнымъ условіемъ. Въ 816 году папа Стефанъ IV пріѣхалъ изъ Рима и совершилъ то, что было упушено въ 813 году:—въ Реймсѣ онъ помазалъ Лудвига на царство, и держалъ при этомъ рѣчь къ нему, какъ ко второму царю Давиду.

Случайная опасность, которой онъ подвергся, равно какъ и опасеніе по отношенію къ той партіи, которая поощряла притязанія его племянника Бернгарда (сына Пипинова), побудили его на четвертомъ же году царствованія озаботиться о составленіи завѣщанія и разрѣшеніи вопроса, какъ слѣдуетъ, въ случаѣ его смерти, поступить съ его царствомъ—вопросъ, вдвойнѣ оказавшійся важнымъ при нынѣшнемъ объемѣ царства. По этому завѣщанію, *Пипинъ* и *Лудвигъ*, какъ младшіе сыновья его, должны были получить, съ титуломъ «королей», Аквитанію и Баварію; а къ *Лотарю*, старшему, долженъ былъ перейти титулъ императора и верховное владѣтельство надъ всею имперіей. При этомъ надѣленіи сыновей, однакоже, принципъ единства царства былъ охраняемъ гораздо рѣшительнѣе, нежели при дѣлежкахъ царства во времена Меровинговъ, которые, сверхъ того, не обладали весьма удобнымъ для единенія титуломъ императорскимъ: въ своемъ актѣ Лудвигъ съ особенною выразительностью налагаетъ на то обстоятельство, что ему, молъ, «и въ голову не приходитъ—разрывать единство царства ради любви къ своимъ дѣтямъ, и тѣмъ самымъ»—добавляетъ онъ многозначительно—«возбуждать огорченіе святой Церкви». На большомъ съѣздѣ въ Аахенѣ это распоряженіе Лудвига было принято всѣми, и при этомъ случаѣ явно выказалось преобладающее вліяніе духовной аристократіи—какъ главной въ то время носительницы идей единенія Имперіи. (817 г.).

Племянникъ Лудвига, Бернгардъ, котораго Карлъ Великій поставилъ правителемъ Италіи, съ титуломъ короля Италійскаго (812 г.), очень оскорбился распоряженіями Лудвига, увидѣлъ въ нихъ подрывъ своимъ интересамъ, и возсталъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ, повидимому, поддерживаемый партіей, состоявшей изъ приближенныхъ къ самому Лудвигу вельможъ. Однакоже Лудвигъ, несмотря на свой монашескій образъ жизни, который ему ставили въ укоръ, оказался не безъ энергій: Бернгардъ оробѣлъ въ виду того сильнаго войска, которое противъ него вывелъ въ поле императоръ, и покорился ему. На ближай-

Завѣщаніе
817 г.

Возстаніе
Бернгарда.

шемъ съѣздѣ вельможъ, въ Аахенѣ, опъ, вмѣстѣ со своими сообщниками былъ осужденъ на смерть, но казнь, по варварскому обычаю времени, была ему замѣнена ослѣпленіемъ, которое, притомъ, выполнено было съ такою жестокостью, что Бернгардъ умеръ нѣсколько дней спустя. Снисходительнѣе было поступлено съ побочными сыновьями Карла, со стороны которыхъ Лудвигу также грозила нѣкоторое время подобная же опасность: ихъ приказано было постричь и отослать въ монастырь.

Партія импе-
ратрицы
Юдиен.

Такимъ образомъ новый порядокъ вещей установился, и до 828 года дѣла шли недурно. Организмъ или механизмъ управленія—графы и епископы и подчиненные имъ исполнители—несли вѣрно свою службу. Марки охранялись строго, войны происходили только на границахъ; при самомъ дворѣ императорскомъ господствовало большое оживленіе; непрерывно приходили отовсюду къ тому двору посольства—греческія, римскія, сарацинскія, болгарскія; образовалось нѣчто въ родѣ обычнаго и правильнаго хода дѣлъ; по окончаніи съѣзда вельможъ, императоръ отправлялся въ свои обычныя странствованія, либо выступалъ въ походъ, если это было нужно; затѣмъ наступала пора осеннихъ охотъ въ Вогезахъ или Арденнахъ, и, наконецъ, зимнее пребываніе въ Аахенѣ, гдѣ тоже сидѣли не безъ дѣла. Съ 819 года Лудвигъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью баварскаго графа Вельфа, Юдиною, и эта жена приобрѣла преобладающее вліяніе на императора, который, какъ и всѣ обыкновенные люди, легко поддавался постороннему вліянію. Отъ Юдиен, въ 823 году, родился у императора сынъ Карлъ: въ томъ же году организація царства была окончательно утверждена, такъ какъ Лотарь, старшій сынъ отъ перваго брака, былъ коронованъ въ Римѣ императорскою короною. Однакоже, надо было озаботиться о надѣленіи владѣніями и младшаго сына, и онъ, еще будучи 6-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ по указу Лудвига возведенъ въ титулъ герцога Аллеманіи, откуда родомъ была семья его матери. Такимъ образомъ, при дворѣ оказалось двѣ партіи—партія королевы и ея сына, и партія трехъ старшихъ сыновей Лудвига; во главѣ первой явился вскорѣ мужъ сильный, графъ *Бернгардъ*, доселѣ занимавшій трудный постъ правителя въ Барселонѣ, а теперь поставленный хранителемъ казны государственной, по древне-германскому обычаю состоявшей подъ надзоромъ супруги императора.

Возстаніе
трехъ стар-
шихъ сы-
новей.

Средства, къ которымъ старшіе братья прибѣгли, были далеко не тонкими. Лотарь, которому пришлось дѣйствительно принять на свою часть расходы по содержанию малолѣтняго брата Карла, былъ этимъ очень недоволенъ, и, вмѣстѣ съ братомъ Пининномъ, возсталъ противъ отца, опираясь на его распоряженіе о престолонаслѣдствіи (отъ 817 года); перевѣсъ силъ оказался на ихъ сторонѣ, и они обвинили графа Бернгарда въ позорной связи съ императрицей и въ околдованіи ихъ отца, императора. Они понудили императрицу удалиться въ монастырь (братъ Лудвигъ примкнулъ къ нимъ—же) и самого императора пытались склонить къ отреченію отъ престола и поступленію въ монастырь. Императоръ Лудвигъ, однакоже, этому воспротивился, и въ 831 году на сеймѣ, собравшемся въ Нимвегенѣ, снова вернулъ себѣ всю свою власть. Восточно-франкская и саксонская знать были на его сторонѣ, а равно и двое млад-

шихъ сыновей, которые стали завидовать Лотару или не довѣрять ему. Юдишь и ея братья были вновь вызваны изъ монастыря, а главные вожди партіи Лотара приговорены къ смерти, но помилованы императоромъ, который, со времени печальнаго ослѣпленія племянника, не рѣшался ни на какія кровавые приговоры. Вскоръ и графъ Бернгардъ, герцогъ Сентиманскій, вновь вошелъ въ прежнюю силу:—дабы очистить себя отъ возведеннаго на него обвиненія, онъ предложилъ своимъ противникамъ—рѣшить дѣло «судомъ Божиимъ», т. е. судебнымъ поединкомъ, и никто не рѣшился съ нимъ вступить въ бой.

Однакоже, миръ былъ непродолжителенъ. Второе возстаніе, Пипина и Лудвига, послѣдовало уже въ 832 году. Еще разъ сила оказалась на сторонѣ императора: Пипинъ былъ сверженъ съ престола и его королевство Аквитанія перешло къ Карлу. Это возбудило тревогу среди сыновей Лудвига, которые, опасаясь полнаго торжества партіи махихи своей, соединились вътроемъ для новаго возстанія (833 г.). На этотъ разъ они были осторожнѣе, да къ тому же и запаслись тайнымъ союзникомъ въ лицѣ папы Григорія IV. Имъ удалось собрать свои силы близъ Вормса, между тѣмъ какъ императоръ со своимъ войскомъ стоялъ при Кольмарѣ. Войска были уже готовы вступить въ бой, однакоже, враждующія стороны вступили въ переговоры, въ которыхъ принялъ участіе и папа римскій, подоспѣвшій во время этой распри, чтобы явиться въ качествѣ миротворца; однакоже, совершенно безуспѣшно. Переговоры велись такъ хитро, что всѣ вдругъ покинули императора и перешли на сторону его сыновей. Видя это, онъ вскорѣ и самъ явился въ ихъ лагерь. Старшій изъ нихъ, Лотаръ, посадилъ его въ заточеніе: съ него взяли обѣщаніе, что онъ разлучится съ Юдишью (ее отравили въ одинъ изъ итальянскихъ монастырей), а самъ былъ препровожденъ Лотаромъ*), какъ плѣнникъ, сначала въ Суассонъ, а потомъ въ Аахенъ. Въ Суассонѣ несчастный императоръ былъ подвергнутъ публичному покаянiю въ церкви монастыря св. Медарда: облеченный въ власяницу, обычную одежду кающихся, онъ здѣсь долженъ былъ прочесть длинный списокъ грѣховъ своихъ. Это уничтоженіе Лудвига во многихъ возбудило къ нему сочувствіе, а къ жестокому Лотару и всей его партіи—отвращеніе. Двое младшихъ сыновей, Пипинъ и Лудвигъ, воспользовались этимъ настроеніемъ, приняли сторону отца, и Лотаръ долженъ былъ его выдать имъ. Лудвигъ былъ вновь всѣми признанъ императоромъ, а Лотаръ вынужденъ у него просить прощенія. Нѣсколько лѣтъ протекли мирно. Въ теченіе этихъ лѣтъ Пипинъ скончался, а Лудвигъ, озабоченный закрѣпленіемъ значительной доли своего царства за младшимъ сыномъ Карломъ (отъ Юдиши), въ 839 г. затѣялъ *новый передѣлъ* имперіи, по которому Карлу и Лотару достались лучшія и наибольшія части, Лудвигу—одна Баварія, а сыновьямъ Пипина, во избѣжаніе дробленія царства, вовсе отказано въ удѣлахъ. Лудвигъ Баварскій, конечно, счелъ себя обиженнымъ и съ оружіемъ въ рукахъ возсталъ противъ этого передѣла. Отецъ выступилъ съ войскомъ противъ

Второе и
третье воз-
станіе.

*) Въ данномъ случаѣ, Лотаръ, кажется, и самъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ партіи духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ.

сына; они сошлись пониже Майнца на битву. Но часть Лудвига уже пробила: онъ скончался на небольшомъ Рейнскомъ островкѣ, почти насупротивъ своего Ингельгеймскаго дворца. Современное свидѣтельство одного духовнаго писателя живо переноситъ насъ къ его смертному одру, куда, по обычаю времени, въ небольшую комнату собралось все находившееся подъ руками духовенство. Умирающій, очевидно удрученный всѣмъ этимъ множествомъ народа, съ досадою сталъ кричать: «прочь! прочь!» (huts, huts!), а благочестивый хронистъ, описывающій смерть императора, не преминулъ объяснить этотъ весьма естественный возгласъ его тѣмъ, что ему будто бы передъ смертью чудился бѣсъ, и что умирающій именно его-то и хотѣлъ отогнать отъ своего одра. По смерти, останки императора Лудвига были препровождены въ Мецъ и тамъ погребены въ церкви св. Арнульфа, родоначальника Каролинговъ (840).

Характеръ
правленія
Лудвига.

Въ несчастномъ исходѣ царствованія, которое началось такъ благопріятно, а окончилось такъ несчастливо, въ значительной степени слѣдуетъ винить самого императора Лудвига, хотя и не онъ одинъ былъ въ томъ виновенъ. Однакоже, нельзя сказать, чтобы это царствованіе было вполнѣ безуспѣшнымъ. Въ томъ, что составляло высшій интересъ времени, что и въ политическомъ смыслѣ было въ высшей степени важно, въ это царствованіе было сдѣлано важное приобрѣтеніе: король Норманнскій, Гаральдъ, явился въ Ингельгеймъ и пожелалъ окреститься (въ Майнцѣ 826 г.), и съ нимъ вмѣстѣ отправился на Сѣверъ монахъ *Ансгарій*, который и былъ первымъ епископомъ новой Гамабургской (Гамбургской) епархіи, основанной въ низовьяхъ Эльбы. Мысль о внесеніи христіанства въ эти дальнія страны была уже и у Карла Великаго; но эти предначертанія великаго государя удалось привести въ исполненіе уже только посланному императоромъ Лудвигомъ — епископу Эбо Реймскому; хотя Гаральдъ, повидимому, очень долго колебался, но, наконецъ, все-же извѣстилъ Лудвига о томъ, что собирается его навѣстить, и вотъ, по поводу этого посѣщенія, одинъ изъ современныхъ хронистовъ, даетъ намъ возможность заглянуть во внутреннюю жизнь Ингельгеймскаго двора, и рисуетъ намъ бытовую картину, какую мы рѣдко можемъ встрѣтить на сухихъ страницахъ средневѣковыхъ лѣтописей. Онъ описываетъ намъ дворецъ и церковь съ украшающими ихъ стѣны мірскими и священными изображеніями, затѣмъ говоритъ о прибытіи далекихъ гостей, которые поднялись на своихъ судахъ вверхъ по Рейну, объ ихъ обращеніи въ христіанство и о томъ, какъ Гаральда воспринималъ отъ купели самъ Лудвигъ, а его супруга Юдишь, была восприемницею супруги Гаральда. За крещеніемъ слѣдовало торжественное богослуженіе и не менѣе блестящій пиръ, при которомъ старшій поваръ Лудвига, Гунто, и Петръ—придворный пекарь, и Отонъ—завѣдывавшій придворнымъ погребомъ—наперерывъ другъ передъ другомъ старались отличиться. За пиршествомъ слѣдовала большаго охота, во время которой императрица принимала дорогихъ гостей въ роскошной палаткѣ, раскинутой въ отъѣзжемъ полѣ, между тѣмъ какъ вся свита императора располагалась просто на травѣ, подъ открытымъ небомъ. По окончаніи всѣхъ этихъ торжествъ и празднествъ «возрожденные къ новой жизни Датчане» и ихъ король, богато-одаренные и пораз-

женные франкским великолѣпиемъ, направились въ обратный путь, снабженные церковною утварью — дабы ниспровергнуть или истребить кумиры своихъ боговъ, какъ Гаральдъ обѣщалъ своему царственному воспріемнику и радушному хозяину.

Лудвигъ очень серьезно относился и къ распространенію христіанскаго образованія въ его собственномъ царствѣ, и въ этомъ именно смыслъ исполнѣ заслуживаетъ своего прозванія «Благочестивый» — а не только потому, что онъ всюду посѣщалъ церкви и былъ неутомимъ въ молитвѣ. Отдѣльныя проявленія этого благочестія заслуживаютъ вниманія; такъ напримѣръ, когда на небѣ появилась однажды комета, онъ приказалъ позвать къ себѣ духовное лицо (то самое, которое и передаетъ этотъ рассказъ) и сталъ его спрашивать о его мнѣніи: правда-ли, молъ, что слѣдуетъ подобныя небесныя знаменья считать провозвѣстниками перемѣнъ царствованія или смерти правителей? Священникъ отвѣчалъ на это мѣстомъ, заимствованнымъ изъ пророка Іеремія, и Лудвигъ, благочестивый и разумный, закончилъ бесѣду съ нимъ слѣдующими прекрасными словами: «мы должны бояться только Того, Который создалъ и насъ, и это свѣтило; однакоже появленіе подобныхъ знаменій можетъ служить и на пользу пробужденія грѣшниковъ отъ ихъ усыпленія». Въ это время не видимъ однакоже особой зависимости императора отъ Церкви и преимущественно отъ папы; сынъ Лудвига, Лотарь, въ 824 году упорно настаивалъ на томъ, чтобы выборъ папы совершался по всемъ каноническимъ правиламъ, и тотъ, кто избранъ въ папы, не могъ бы быть посвященъ въ этотъ санъ прежде, нежели онъ принесетъ присягу въ вѣрности императору; при немъ же франкская Церковь оказалась въ нѣкоторомъ противорѣчій съ культомъ поклоненія иконамъ. Но вскорѣ междоусобныя войны положили зародышъ паденія Франкскаго царства, которое было вовлечено и свѣтскими вельможами, и епископами въ борьбу партій, а отъ нея вскорѣ и правительственная власть оказалась въ полной зависимости. Эта междоусобная война, или скорѣе война знати, продолжалась еще довольно долго. Лудвигъ и Карль соединились противъ Лотара и въ борьбѣ съ нимъ могли, конечно, опираться только на тѣ племена и части населенія, среди которыхъ идея единенія высшей власти еще не успѣла укорениться надлежащимъ образомъ. Переговоры не привели ни къ чему: распри была предоставлена «на судъ Всемогущаго Бога» и въ 841 году, при *Фонтанетъ*, близъ Оксерра, дѣло дошло до битвы, въ которой Лотарь потерпѣлъ пораженіе. Битва была упорная и кровопролитная, и въ ней, по замѣчанію современнаго лѣтописца, «братъ шель на брата, и племянникъ поднималъ руку на племянника».

Въ 842 году войска обоихъ братьевъ сошлись у Страсбурга, и передъ войскомъ Карла (*Плѣшиваго* по прозванію) Лудвигъ произнесъ на *романскомъ* языкѣ клятву, которою обязался брату своему Карлу во всемъ помогать по-братски, а съ Лотаремъ не заключать никакого отдѣльнаго договора; такую клятву, на *нѣмецкомъ* (in thuidisker Sprache) языкѣ произнесъ и Карль передъ войскомъ Лудвига. Между тѣмъ Лотарю удалось въ Германіи привлечь часть населенія на свою сторону и даже способствовать весьма опасному возстанію низшихъ классовъ населенія противъ

Междоусобная война братьевъ. 840 г.

Карль и Лудвигъ противъ Лотара.

знати; но до большого и рѣшительнаго сраженія дѣло не дошло; дѣло закончилось переговорами при посредствѣ епископовъ, которые очень были озабочены сохраненіемъ государственнаго единства, такъ какъ отъ него зависѣло и единство церковное; къ тому же они здѣсь пользовались большимъ влияніемъ, и цѣль у нихъ была благая. Договоръ былъ заключенъ въ Виродунумъ или *Вердёнъ* въ 843 году.

Вердёнскій
договоръ.
843.

Царство Карла Великаго, по этому договору, было вновь подѣлено и притомъ такъ, что *Лудвигъ* получилъ всѣ земли по правую сторону Рейна, за исключеніемъ Фрисландіи, а на лѣвомъ берегу Рейна города: Шпейеръ съ его округомъ, Вормсъ и Майнцъ; *Карлъ*—земли на западъ отъ Рейна; *Лотарь*—Италію и всю страну отъ устья Рейна до устья Роны, со включеніемъ Фрисландіи и земли Рингарскихъ Франковъ. Ему же предоставленъ былъ и титулъ императора. Въ его владѣніяхъ находились большіе города: Римъ и Миланъ, Массилія, Лугдунумъ, Триръ, Аахенъ, Кельвъ. Этотъ передѣлъ имѣлъ свое несомнѣнное всемірно-историческое значеніе въ томъ именно смыслѣ, что *германская* восточная половина царства была отдѣлена отъ *римской* западной, и такимъ образомъ было положено начало двумъ царствамъ на основѣ различія національностей и языковъ. Этой національной основы не хватало Лотарову царству, которое въ сущности явилось случайно-составленнымъ и на-время собраннымъ подъ властью одного владыки въ одно цѣлое. Это и выказалось въ томъ, что, 23 года спустя, по смерти Лотара, въ 870 году, произошелъ новый передѣлъ, по которому во владѣніе Лудвига нѣмецкаго перешла большая часть Лотарингіи и Фрисландіи, и такимъ образомъ всѣ области, населенныя германскими племенами, отошли къ восточной половинѣ Франкскаго царства. За смертью Лотара (855)—худнаго *), но можетъ быть и наиболѣе замѣчательнаго изъ внуковъ Карла Великаго—титулъ императорскій перешелъ къ его сыну Лудвигу II, и, по кончинѣ послѣдняго (въ 875 г.), эта линія Каролинговъ пресѣклась окончательно. Послѣ этого Карлъ Пльшивый овладѣлъ Италіей и былъ коронованъ папою Іоанномъ VIII, какъ императоръ (подъ именемъ Карла II). Но, по кончинѣ Лудвига Нѣмецкаго (879) его царство подѣлилось между его тремя сыновьями—Карломаномъ, Лудвигомъ и Карломъ Толстымъ. Послѣднему изъ нихъ, по смерти братьевъ и по смерти внуковъ Карла Пльшиваго, удалось на время (впрочемъ, весьма короткое) соединить подъ своею властью обѣ половины царства Карла Великаго—восточную и западную. Но эта тяжкая задача была не по-плечу Карлу Толстому (иначе: Карлу III)—человѣку большому и слабохарактерному. Онъ не въ состояніи былъ защититься даже отъ Норманновъ, которые производили опустошительные набѣги на берега Франкской земли и въ 886 году даже осаждали Парижъ и вынудили Карла къ уплатѣ имъ тяжкаго окупа. Въ слѣдующемъ году онъ былъ даже низложенъ на сѣздѣ мѣстныхъ князей, и на мѣсто его возведенъ въ корольи графъ *Одонъ* Парижскій, прославившійся своею

*) Современный хронистъ рассказываетъ намъ, что не малаго труда стоило монахамъ Прюмскаго монастыря, гдѣ Лотарь умеръ—молитвами спасти его душу изъ когтей бѣсовъ, которые долго боролись изъ-за нея съ ангелами надъ тѣломъ усопшаго грѣшника.

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА ВО ВРЕМЕНА КАРОЛИНГОВЪ.

храбростью во время осады Парижа Норманнами. Въ то же время, въ восточной половинѣ Франческаго государства, провозглашенъ былъ королемъ *Арнульфъ* (887—899 г.), побочный сынъ Карломана, братъ Карла III; а въ Италиі, въ 888 г., маркграфъ Беренгаръ Фріульскій, который въ Павіи и былъ коронованъ королевскимъ вѣнцомъ. Изъ общаго состава вышепомянутыхъ земель выдѣлилась только Бургундія, подъ властью двухъ графовъ — Бозона Виенскаго и графа Рудольфа — образовавшая самостоятельное владѣніе.

Среди всѣхъ подобныхъ усобицъ и быстро наступавшихъ переменъ правленія, конечно, твердо-обоснованное Карломъ Великимъ государственное устройство не могло устоять. Графы, надѣляемые землями взами́въ жалованья, являвшіеся представителями правительственной власти въ отдаленныхъ округахъ, никѣмъ не надзираемые, тотчасъ же расширили предѣлы своей власти и независимости, по мѣрѣ того, какъ центральная власть становилась слабою и ничтожною. Мало того, власть ихъ—изъ временной и зависимой—во многихъ мѣстахъ обратилась въ наследственную, тамъ, гдѣ отецъ имѣлъ возможность передать ее въ руки способнаго сына. Уже Лудвигъ Благочестивый не всегда умѣлъ справляться со многими изъ этихъ графовъ и, вмѣсто того, чтобы повелѣвать ими или вынуждать ихъ къ покорности въ силу своей императорской власти, привлекалъ ихъ къ себѣ раздачею имъ новыхъ лѣновъ во владѣніе. При его наследникахъ эти отношенія еще ухудшились. Свободное населеніе страны сильно страдало, съ одной стороны, отъ пропозвола этихъ уже почти независимыхъ владыкъ, а съ другой, отъ тягостной военной службы, которая была одинаково обязательна для всѣхъ свободныхъ людей, по крайней мѣрѣ при войнахъ оборонительныхъ; для избѣжанія этихъ бѣдствій существовало только одно, весьма простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гибельное средство:—свободный человѣкъ могъ передать свой аллодіумъ (свое личное владѣніе) богатому и мощному графу во владѣніе, дабы получить его обратно изъ его рукъ уже въ видѣ бенефіція; при этомъ, правда, онъ утрачивалъ свое значеніе человѣка свободнаго, но взами́въ этой личной свободы получалъ весьма цѣнное право на покровительство мощнаго владыки. Точно такъ же можно было передавать свое владѣніе и Церкви, монастырю, епископу, и получать обратно изъ ихъ рукъ это же владѣніе уже въ видѣ лѣна, принявъ на себя нѣкоторое обязательство:—и то, и другое одинаково вело къ быстрому сокращенію количества свободнаго населенія. А между тѣмъ, ни для кого незамѣтно, для бѣльшей части населенія наступало новое общественное устройство, при которомъ общая зависимость отъ короля смѣнялась частною зависимостью отъ ближайшаго господина, и центръ тяжести перемѣщался отъ королевской, объединяющей власти, на сторону многихъ владыкъ, которые, опираясь на своихъ вассаловъ, тѣмъ болѣе оказывали сопротивленіе королю, чѣмъ болѣе тотъ, при своихъ затрудненіяхъ, нуждался въ ихъ помощи.

Это весьма явно обнаружилось вскорѣ послѣ смерти Лудвига Благочестиваго, при оборонѣ границъ государства, которымъ враги отовсюду угрожали дерзкимъ вторженіемъ. На Ю., со стороны Италиі и Африки, явились вновь грозными врагами христіанства *Арабы*. Между 827—878 гг. они

Арнульфъ.
Общее поло-
женіе дѣлъ.

Внѣшніе
враги.

завоевали *Сицилію*, завладѣли многими важными пунктами Апулійскаго берега; въ 846 г. арабскій флотъ вошелъ даже въ устье Тибра, и высадилъ войско, которое ограбило предмѣстья Рима; Римлянамъ съ ужасомъ пришлось увидѣть, какъ они оскверняли святаго обители, обращая ихъ въ конюшни для своихъ коней — какъ они завладѣли даже и древнею церковью св. Петра. Въ 889 году Арабы явились снова и на галльской территоріи, гдѣ они утвердились въ крѣпкомъ городкѣ *Фраксинетумъ*, между Фрежюсомъ и Марселемъ, — и этотъ городокъ служилъ имъ опорнымъ пунктомъ для ихъ морскихъ разбоевъ. И на В. границы не были продвинуты далѣе; напротивъ того, ихъ было даже трудно защитить отъ враждебныхъ *славянскихъ племенъ*, — Оботритовъ, Сербовъ, Чеховъ, Моравовъ. Лудвигъ Германскій съ честью велъ противъ нихъ борьбу, въ особености противъ моравскаго князя Ростислава, сначала союзника, а потомъ злѣйшаго врага Нѣмцевъ. Хотя Ростиславъ, нѣсколько времени спустя, и былъ свергнутъ племянникомъ своимъ *Святополкомъ*, при помощи Нѣмцевъ, которымъ онъ и выдалъ дядю, однакоже и Святополкъ оказался правителемъ умнымъ и сосѣдомъ опаснымъ. Въ концѣ IX вѣка на В. явился новый врагъ, — *Магяры*, финско-тюркское племя; они заняли въ правленіе Арнульфа Паннонію, и отсюда стали во всѣ стороны направлять свои опустошительные набѣги, напоминавшіе всѣмъ времена Гуннскихъ нашествій. Но самымъ тягостнымъ бѣдствіемъ второй половины IX вѣка были *Норманны*, германское племя, жившее въ Даниі, южной части Швеціи и въ Норвегіи; это сильное и воинственное племя, рано-освоившееся съ мореплаваніемъ, быстро возраставшее въ числѣ и скудно-пропитываемое бѣдною природою Сѣвера, стало съ конца IX вѣка производить морскіе набѣги на сосѣднія страны, вооруженною рукою отыскивая себѣ новыхъ поселій. Въ 787 году такіе сѣверные пираты высадились въ Вессексѣ, и съ той поры получили весьма важное значеніе въ исторіи Англіи, но вскорѣ послѣ того эти грозные вонтели, на своихъ легкихъ судахъ, вмѣщавшихъ отъ 20 до 60 человекъ, стали уже являться всюду, куда только судоходныя рѣки, впадавшія въ море, давали имъ возможность проникнуть. Отъ древне-сѣвернаго наименованія воиновъ или бойцовъ — *каппаръ* — всѣ разбойничьи суда во всемъ свѣтѣ и до сихъ поръ носятъ названіе *каперовъ*; сами себя они называли *викингами* (витязями) и на почвѣ ихъ морскихъ набѣговъ сложилась цѣлая поэзія, такъ какъ они очевидно гнались не за одной добычей, не за однимъ захватомъ владѣній, а также и за славою; эта слава ихъ смѣлыхъ подвиговъ, съ которою они возвращались на родину, возбуждала тамъ соревнованіе во всѣхъ ихъ землякахъ. Гдѣ только бывало завидять со сторожевыхъ пунктовъ берега корабли съ рѣзными головами коней или драконовъ на носу, — тамъ тотчасъ же начинается послѣднее бѣгство и укрыванье всего, что можно было безъ труда унести съ собою. По эти разбойники тонко знали свое дѣло: они обыкновенно устраивали укрѣпленный лагерь около устья тѣхъ рѣкъ, которыя открывали имъ путь внутрь страны, и оставляли для охраны этого лагеря нѣкоторое число храбрѣйшихъ изъ витязей; туда свозили они свою добычу: — деньги, скоть, плѣнниковъ — все, что добывали изъ самой страны, внутрь которой

далеко заплывали вверхъ по рѣкамъ и притокамъ ихъ. На всѣхъ берегахъ океана, въ Сѣверномъ и въ Балтійскомъ морѣ, до самой Эстляндіи—Норманны наводили ужасъ на все прибрежное населеніе, и для ихъ языческой ярости не было ничего святого; такъ, въ 845 году, они раззорили Гамбургъ, городъ, созданный Лудвигомъ Благочестивымъ. Въ усобицахъ Каролинговъ они случайно принимали участіе, въ качествѣ союзниковъ одной изъ враждовавшихъ сторонъ, и случалось, что съ ними не рѣшались вступать въ битву даже и тогда, когда всѣ условія благопріятствовали ей удачному исходу: такъ напр., Карлъ Плѣшивый много разъ заключалъ договоры съ предводителями Норманновъ, отплачиваясь отъ нихъ деньгами и уступая имъ участки земли. Въ 885—86 г. видимъ ихъ подъ стѣнами Парижа; и лишь весьма рѣдко случается услышать о такой побѣдѣ надъ ними, какъ побѣда Лудвига III, сына Карла III, въ 881 г.,—воспѣтая въ такъ-называемой «пѣснѣ о Лудвигѣ», весьма цѣннымъ поэтическомъ произведеніи того времени, сложенномъ въ честь того, кто не побоялся вступить въ борьбу съ грознымъ врагомъ:

«Чуть пѣсню пропѣли, мечи загремѣли...
«Хвала Богу силь—Лудвигъ въ ней побѣдилъ!»

Но несмотря на это пораженіе, въ слѣдующемъ же году, Норманны снова явились на Рейнѣ и Мозелѣ, поплыли вверхъ, выжгли и раззорили Лютихъ, Кельнъ, Аахенъ, Триръ. Сильное пораженіе было имъ нанесено *Арнульфомъ* въ 891 г. Они только что уничтожили посланный имъ противъ нихъ отрядъ близъ Мастрихта, и окопались въ укрѣпленномъ лагерѣ около Лёвена. Арнульфъ напалъ на этотъ лагерь и одержалъ блестящую побѣду: двое ихъ королей было при этомъ убито и 15 значковъ составляли воинскіе трофеи побѣдителя. Арнульфъ, послѣ этой побѣды, обратилъ оружіе противъ Моравскихъ князей; во время борьбы со Святотолкомъ, онъ неполадилъ и съ Магьярами, и тѣмъ самымъ навлекъ на свои владѣнія ихъ набѣги, которые были еще опустошительнѣе Норманнскихъ. Чтобы выпутаться изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, Арнульфъ рѣшился возстановить Имперію. Въ 894 г. онъ двинулся въ Италію, гдѣ папа Формозъ короновалъ его императорскою короной. Однакоже, кромѣ этого титула и большого запаса св. мощей—Арнульфъ не приобрѣлъ ничего; вторично отправившись въ Италію, въ 899 г., Арнульфъ скончался на пути. Магьяры же въ этотъ самый годъ произвели первый хищническій набѣгъ на Италію.

Арнульфъ оставилъ несовершеннолѣтняго сына, *Лудвига*, который на одномъ изъ княжескихъ сѣздовъ и былъ признанъ королемъ восточной части Франческаго государства. Правителемъ королевства во время его младенчества былъ назначенъ архіепископъ Майнцскій, Гатгонъ. Но мальчикъ не дожидъ до совершеннолѣтія: онъ умеръ въ 911 году, а съ нимъ вмѣстѣ угасла династія Каролинговъ и для восточно-франкской, т. е. германской половины государства, наступила тяжкая и мрачная эпоха внутреннихъ междоусобій, раздоровъ и волненій, сильно замедлившихъ ростъ государства, которому долго еще пришлось добиваться установленія связи между его разрозненными частями.

Лудвигъ
младенець.
899—911.

Церковь. Великимъ счастьемъ въ этотъ вѣкъ было именно то, что неизбежно-твердая организация *Церкви* представлялась современному обществу чѣмъ-то прочнымъ и носившимъ въ себѣ начала истинной духовной жизни. Церковь, сама по себѣ, представляла нѣчто такое, что полагало предѣлы разнузданности и произволу сильныхъ, и міръ идеальныхъ стремленій противопоставало дикимъ и грубымъ инстинктамъ современнаго общества: мы уже видѣли, какъ императоръ Лудвигъ I, столь многими ненавидимый и презираемый, строго соблюдалъ однакожъ обязанности христіанскаго правителя, и мы невольно радуемся, когда видимъ, съ какою правдивою мощью папа *Николай I* (856—867) вооружился противъ короля Лотара II, когда тотъ (поддерживаемый архіепископомъ Гунтрамомъ Кельнскимъ и Теодгадомъ Трирскимъ) задумалъ было развестись со своею законною супругою и жениться на любовницѣ; папа встрѣтилъ себѣ сочувствіе въ справедливомъ недовольствіи народа — и король долженъ былъ подчиниться его волѣ. Великимъ счастьемъ была и та теплая вѣра народа, которая всѣ обиденныя явленія жизни стремилась объяснить чудеснымъ проявленіемъ Божіей воли и Всемогущества; насиліе и властный произволъ, которые, повидимому, ничѣмъ бы не могли быть сдержаны, смирялись, однакоже, предъ опасеніемъ навлечь на себя гнѣвъ св. угодника Божія; и тамъ, гдѣ, конечно, была бы осмѣяна всякая угроза свѣтскою карою, — дѣйствовалъ страхъ церковнаго проклятія, исключенія изъ общенія съ Церковью, послѣдствія котораго грозили карою даже за гробомъ. И даже меньшія наказанія, налагаемыя Церковью за болѣ легкіе проступки — всѣ эти денжныя пени, посты, усиленныя молитвы и поклоны — дѣйствовали уже спасительно, въ особенности по отношенію къ болѣе или менѣе грубымъ суевѣріямъ и обычаямъ (въ родѣ, напримѣръ, всякаго рода волшебствъ и колдовства), унаслѣдованнымъ отъ язычества.

Священство.
Монашество.
Догматизмъ.

Сильная и твердая вѣра въ чудеса, распространенная во всѣхъ слояхъ населенія отъ высшаго до низшаго, въ значительной степени способствовала поддержанію авторитета духовнаго. При этомъ всѣ вѣрили также и въ то, что и священство, и тѣмъ болѣе монашество съ его отреченіемъ отъ міра, не только требуетъ отъ человѣка извѣстнаго рода святости, но даже и осѣняетъ его святостью — и болѣе всѣхъ вѣрило въ это само духовенство — въ чемъ мы и должны видѣть важное и вполне справедливое основаніе его значительнаго вліянія на общество. На церковную службу всѣ смотрѣли серьезно, и не только народъ, но и правящіе классы его съ невольнымъ уваженіемъ слѣдили за тѣмъ, съ какою важною обдуманностью на мѣстныхъ соборахъ не только дисциплинарные и ритуальные вопросы, но также и метафизико-догматическіе. Система догматовъ была еще не вполне выработана и закончена: обо многихъ вопросахъ еще спорили, изслѣдуя и разбирая ихъ, и многія важныя теологическія тонкости и въ это время еще занимали умы. Саксонскій монахъ, *Готшалкъъ*, въ 847 г., возобновилъ строгое ученіе св. Августина о «предопредѣленіи» и даже еще рѣзче и не обинуясь сталъ доказывать, что предопредѣленіе бываетъ двойное: одни *предызбраны* къ жизни вѣчной, другіе же осуждены на гибель. Противъ этого ученія возстали — архіепископъ Гиньмаръ Реймскій, и Рабанусъ Маурусъ, ученикъ Алкуина, возведенный не-

задолго передъ тѣмъ въ архіепископы Майнцкіе; напротивъ того, Ремпгій, архіепископъ Лионскій, перешелъ на сторону Готшалка. Споръ разгорѣлся; въ немъ приняли участіе многіе архіепископы, ученый монахъ Ратрамнусъ и значительнѣйшій изъ богослововъ или философовъ-современниковъ, *Іоаннъ Скотъ Эрзена* († 886), пользовавшійся большимъ уваженіемъ при дворѣ Карла Пѣтшиваго. Многіе мѣстные соборы занимались разборомъ ученія Готшалка, и тотъ былъ до такой степени твердо убѣжденъ въ правотѣ своего воззрѣнія, что, предполагая доказать ее «судомъ Божиимъ» — рѣшался даже принять испытаніе огнемъ, т. е. проѣхать на конѣ черезъ пылающій костеръ. Другой споръ затѣялся изъ-за ученія, проповѣдываемого *Пасхазіемъ Ратбертомъ*, аббатомъ Корвейской обители, и касался ученія о таинствѣ св. причащенія. Онъ первый рѣшился заговорить о «пресуществленіи» хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову. Противъ него возсталъ *Ратрамнусъ*, но оспаривалъ тщетно и воззрѣніе Ратберга вскорѣ получилъ весьма обширное распространеніе.

То большое и, въ общемъ смыслѣ, весьма благотворное вліяніе, которымъ пользовалось въ современномъ обществѣ духовенство, должно было неизбежно воздѣйствовать на самосознаніе его представителей. Всѣ условія жизни имъ въ этомъ отношеніи благопріятствовали: основаніе монастырей, надѣленіе епископій земельными имуществами, вклады въ церковную казну—все это считалось духовною заслугою, и дѣйствительно, во многихъ случаяхъ, приносило существенную пользу; но въ то же время, это же вліятельное положеніе духовенства въ значительной степени способствовало уясненію для всѣхъ необходимости усовершенствованія той іерархической организаціи, которая поставила его во главѣ общества. Не менѣе важно было, въ данномъ случаѣ, оберечь себя и отъ противоположнаго теченія. Духовной аристократіи не легко было удержать за собою свое положеніе среди возрастающей и постоянно усиливающейся аристократіи свѣтской, и она по-неволѣ была вынуждена, — при своихъ громаднѣхъ владѣніяхъ и множествѣ хозяйственныхъ и административныхъ заботъ и обязанностей — отдавать значительную долю своей дѣятельности чисто-мірскимъ дѣламъ. Притомъ же лѣнная система ставила духовенство въ зависимость отъ владѣтельныхъ князей, и вынуждала его принимать участіе въ интересахъ общественной жизни: такъ съ половины IX вѣка мы уже видимъ, что епископы и аббаты преспокойно участвуютъ въ войнахъ. Архіепископъ Гинкмаръ Реймскій рассказываетъ намъ, какъ его сюзерень, король Карлъ Пѣтшивый, при случаѣ какого-то спора, сказалъ, что «если моль отъ, епископъ, желаетъ остаться при своемъ мнѣніи, то можетъ себѣ въ своей церкви и пѣть, и молиться, сколько ему угодно, но съ мірекою своею властью надъ людьми и имуществомъ долженъ будетъ разстаться». Само собою разумѣется, что великое преобладаніе іерархической идеи, при зависимости нѣкоторой части самой іерархіи отъ свѣтскихъ владыкъ, значительно должно было способствовать развитію панской власти, и замѣчательнѣйшій изъ папъ этого времени, *Николай I*, счумѣлъ этимъ воспользоваться. Именно къ этому времени, между 829 и 845 гг., относится довольно неуклюжая поддѣлка, извѣстная подъ названіемъ «*лже-Исидоровскихъ декреталій*» — сборника панскихъ мнѣній и разъясненій,

Лже-Исидоровскія декреталіи.

соборныхъ рѣшеній и т. п., между которыми очень многія оказываются вымышленными. Сборникъ этотъ приписывали епископу Севильскому Исидору, хотя, въ сущности, какъ предполагають, онъ былъ составленъ гдѣ-то около Реймса, и не безъ участія со стороны высшей духовной власти. Этотъ сборникъ, который, благодаря полному отсутствію критики, вскорѣ вошелъ во всеобщее употребленіе на Западѣ, какъ одинъ изъ источниковъ церковнаго права, отличался особымъ, тенденціознымъ направленіемъ, которое мы теперь могли-бы назвать *ультрамонтанскимъ*, хотя оно въ ту пору ничего не имѣло общаго съ папскою властью. Декреталии отрицають всякое право суда мірскаго надъ лицами духовными, всякое право вмѣшательства мірскаго власти въ духовныя владѣнія, почитая такое вмѣшательство великимъ грѣхомъ, такъ какъ епископовъ «можетъ судить только Богъ»; возвышая въ такой степени значеніе епископовъ, декреталии тѣмъ самымъ возвеличивають и власть папы. По мнѣнію декреталий, именно тамъ, въ Римѣ, слѣдуетъ рѣшать всѣ «важныя дѣла», тамъ слѣдуетъ искать окончательныхъ рѣшеній; мѣстные соборы можно собирать только съ разрѣшенія римскаго епископа, къ которому постоянно можно апеллировать на ихъ рѣшеніе; ни одинъ епископъ безъ разрѣшенія папы не можетъ быть ни поставленъ, ни смѣщенъ. Между тѣмъ какъ декреталии всюду стараются поставить епископовъ въ ближайшее и непосредственное отношеніе къ папѣ, онѣ всюду проводятъ идею о необязательности подчиненія епископовъ архіепископамъ: недаромъ Гинкмаръ Реймскій, умно и настойчиво отстаивавшій свои права *), называетъ этотъ сборникъ «ловушкою» для архіепископовъ.

Монастыри.

Быстрое распространеніе *монастырей*, около этого времени, оказало сильное и, въ общемъ смыслѣ, весьма благотворное воздѣйствіе на жизнь народную. На Западѣ монашество представляло собою элементъ общественной жизни, подъ кровомъ котораго самое общество въ тиши развивалось и возрастало, вопреки всѣмъ враждебнымъ силамъ, которыя тогда ему въ особенности могли угрожать; прекрасною, истинно блаженною жизнью жили современные монахи, образцомъ которыхъ представляется намъ Штурмій, аббатъ Фульдскій. Монастыри, устроенные по уставу св. Бенедикта, размножались быстро; едва только одинъ достигалъ на мѣстѣ своего основанія нѣкотораго процвѣтанія, онъ тотчасъ же выдѣлялъ изъ себя новую колонію, сначала тщательно освѣдомившись о мѣстѣ новаго поселенія; случалось и то, что какой-нибудь владѣтельный князь выпрашивалъ себѣ нѣсколько монаховъ изъ какого-нибудь знаменитаго монастыря, дабы при помощи ихъ, въ избранномъ мѣстѣ, основать такое же благодѣтельное учрежденіе. Подобный монастырь, пока онъ соответствовалъ своему идеалу, былъ вмѣстѣ и церковью, и школою, и образцомъ въ смыслѣ хозяйственномъ, и учрежденіемъ для храненія и размноженія книгъ, и расадникомъ всевозможныхъ искусствъ и ремеслъ, и послѣднимъ прибѣжищемъ людей, утомленныхъ жизненными бурями! Особенно важны были монастыри въ значеніи школъ; къ знаменитымъ прежнимъ обителямъ, въ родѣ Фульдской и С. Галленской, которыя существовали

*) Смѣщенный имъ Ротгадъ, епископъ Суассонскій, такъ и остался смѣщеннымъ.

уже слишкомъ сто лѣтъ, прибавились теперь весьма многія другія, и въ школахъ при нихъ постепенно образовалось нѣкоторое количество свободныхъ и благородныхъ мірянъ, которые, научившись искусству чтенія, письма и счёта, и въ особенноти ознакомившись съ латинью, приобрѣтали уже ключъ къ высшему познанию. Для этого курса ученія придуманы были уже важныя названія: толковали уже о *trivium* и *quadrivium*, которымъ обучали въ монастырскихъ школахъ, разумѣя подъ первымъ названіемъ грамматику, логику и реторику, а подъ вторымъ—четыре дальнѣйшія науки или искусства:—музыку, ариметику, геометрію и астрономію—знаніемъ которыхъ, однакоже, не многіе могли похвалиться. Школы эти, конечно, не были учрежденіемъ демократическимъ, да и вообще доступъ въ самый монастырь далеко не всѣмъ былъ открытъ. И здѣсь высказывался тотъ же аристократическій характеръ, который болѣе и болѣе овладѣвалъ обществомъ. Однакожь, мало-по-малу, образовался хотя небольшой кружокъ такихъ людей, которые обладали нѣкоторымъ подобіемъ научнаго образованія, и при этомъ не принадлежали къ духовенству. Явились *читатели*, хотя еще и въ весьма ограниченномъ числѣ, а слѣдовательно могла уже начаться и литература.

Изъ этого столѣтія дошли до насъ два большихъ стихотворныхъ произведенія, которыя уже какъ бы расчитаны на извѣстный кругъ читателей. Мы говоримъ о двухъ евангельскихъ «гармоніяхъ» — «*Геліандъ*» (т. е. Спаситель), которая была сочинена около 830 г. по приказанію Лудвига Благочестиваго на саксонскомъ нарѣчій, и о «*Христвъ*», которую сочинилъ монахъ *Отфридъ фонъ-Вейссенбургъ* (ученикъ знаменитаго Рабануса Мауруса) около 870 г., и посвящена Лудвигу Нѣмецкому. Отфридъ задаясь такимъ планомъ въ своей поэмѣ: въ рифмованныхъ строкахъ онъ хотѣлъ передать существеннѣйшее содержаніе евангелій, а въ особыхъ добавочныхъ главахъ — изложить тайный, мистическій смыслъ писанія, и такимъ образомъ одновременно создать богоугодное и современникамъ своимъ полезное произведеніе; въ рифмованномъ предисловіи къ нему, указывая на то, что «побудило автора продиктовать эту книгу на нѣмецкомъ языкѣ», онъ добавляетъ, что люди дожили уже до того времени, когда и «Франки Господу Богу на своемъ языкѣ хвалу вослѣвуютъ». Весьма краснорѣчиво изображаетъ онъ намъ, далѣе, ихъ преимущества по сравненію съ Греками и Римлянами, и, какъ изъ этихъ строкъ, такъ и изъ всего произведенія мы узнаемъ, до какой степени, благодаря Карлу Великому, пробуждено было самосознаніе германскаго народа. Произведеніе саксонца (имя его намъ неизвѣстно) менѣе притязательно; изложеніе его не обладаетъ никакими духовными и мистико-аллегорическими прикрасами, и потому представляется болѣе поэтическимъ: но привлекательною стороною произведенія являются не поэтическія его достоинства, а историческое содержаніе; изъ него мы видимъ, какія добросовѣстныя усилія употребляетъ духовный авторъ для того, чтобы уяснить недавно обращенному воинственному народу главную сущность евангельскаго разсказа. Отношенія учениковъ къ Спасителю онъ старается истолковать отношеніями дружины къ вождю ея, и потому, съ особеннымъ усердіемъ подчеркиваетъ извѣстный эпизодъ апостола Петра съ рабомъ Малхомъ. Оба сти-

„Геліандъ“
„Христвъ“

хотворенія, однакоже, равно важны для насъ тѣмъ, что вводятъ насъ въ кругъ мысленія и ощущеній современнаго общества, указываютъ намъ, въ какую форму рѣчи приходилось тогда облекать мысль — и потому именно служатъ намъ драгоценнымъ дополненіемъ къ тѣмъ скуднымъ источникамъ, по которымъ мы знакомимся съ германскою жизнію и бытомъ этого отдаленнаго времени. Изъ поэмы Отфрида мы узнаемъ, какъ на основаніи христіанской религіозности зародилось среди германскаго народа чувство національнаго самосознанія: изъ «Геліанда» же видимъ, какъ еще неглубоко проникли въ народную жизнь эти зародыши общаго христіанскаго образованія.

Печать Лудвига Младенца.

Печать Конрада I.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Конрадъ I и Генрихъ I: — династія Саксонская. 919 — 1024. Возстановленіе имперіи.

По смерти Лудвига, германской части франкского государства грозило полное распадёніе. Подъ его слабою рукою всюду возникла та самая сила, которую такъ тщательно старался подавить Карлъ Великій: власть раздробилась между многими племенными герцогами-правителями. Гдѣ королевская власть ослабѣвала, тамъ изъ какого-нибудь древняго и знатнаго рода выступалъ мѣстный вождь, который и захватывалъ въ свои руки власть исполнительную, судъ и расправу, въ которыхъ потребность ощущалась настоящая: такихъ правителей всюду, въ отличіе отъ графовъ, величали народнымъ названіемъ *герцоговъ*. Въ это именно время поднялись многіе роды знатныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, почти одновременно: въ Франкской землѣ—Бабенберги, и рядомъ съ ними—Конрадины, а въ Швабіи—герцогъ Бургхардъ, котораго современные источники называютъ «княземъ Аллеманскимъ»; въ Баваріи—Арульфъ, въ Саксоніи—Людольфинги, во главѣ которыхъ стоялъ герцогъ *Оттонъ*—человѣкъ уже престарѣлый.

Критическое
положеніе.
918.

Национальное единство, въ общемъ смыслѣ слова, еще не существовало; многимъ даже не на шутку приходило въ голову,—къ чему имъ король? И при этомъ твердо держалась мысль о *единствѣ царства*—коренившаяся на неувядаемомъ обаяніи Римской Имперіи, которое было обновлено Карломъ Великимъ: и эта мысль находила себѣ сильную поддержку въ интересахъ Церкви и ея представителей, епископовъ. Возвращеніе къ прежней племенной разрозненности могло бы, пожалуй, потрясти основы церковнаго единства и даже способствовать тому, чтобы и

язычество, далеко еще не искорененное, пожалуй, подняло бы голову. Къ тому же, съ Востока грозило нашествіе страшныхъ Магьяръ, котораго одинаково опасался и народъ, и знать; а среди знати давно уже установились оживленныя сношенія и разнообразныя связи, которыя главнымъ образомъ вызваны были съѣздами, которые, въ то время, гораздо болѣе были важны потому, что доставляли возможность знати сходиться для личнаго знакомства и сближенія, нежели по своей законодательной дѣятельности.

1. Конрадъ I; Генрихъ I.

Выборъ
Конрада.

Итакъ идея единенія царства одержала верхъ надъ остальными стремленіями современнаго общества: «Великій Карлъ совершилъ это силою христіанской вѣры»—такъ коротко и мѣтко выражается одинъ изъ писателей того вѣка, Видукинъ Корвейскій. И вотъ, въ самый годъ смерти Лудвига, поздною осенью, съѣхались князья въ *Форшеймъ*, во Франкской землѣ. Изъ всѣхъ князей двое особенно выдавались своими достоинствами: *Конрадъ*, герцогъ Франкскій, и *Оттонъ*, герцогъ Саксонскій; послѣдній, всѣми уважаемый и весьма достойный человекъ, но уже начинавшій старѣть, самъ отклонилъ отъ себя всякія искательства избирающихъ, и указалъ имъ на Конрада, находившагося въ цвѣтущемъ возрастѣ мужества; къ тому же, Конрадъ состоялъ въ родственныхъ связяхъ съ домомъ Каролинговъ: онъ и былъ избранъ (911 г.).

Правленіе
Конрада.
911—918.

Это правленіе не могло назваться счастливымъ. Конрадъ, король по выбору, сразу увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ мудреною задачею: добиться авторитета наслѣдственнаго короля. Даже и въ томъ случаѣ, если бы эта задача была ему по силамъ, по его личнымъ качествамъ, онъ жилъ слишкомъ мало, чтобы эту задачу разрѣшить. Онъ обладалъ личнымъ мужествомъ родовитаго Франка; сверхъ того, до насъ дошли рассказы о немъ, какъ о человекѣ открытаго и веселаго характера, напри- мѣръ о его посѣщеніи обители С. Галленской, благодаря которому ученики монастырской школы (ихъ вообще держали очень строго) провели три дня очень пріятно и весело. Но Конраду не улыбалось счастье! Сначала не удалась ему попытка—вновь вернуть Лотарингію восточно-франкскому государству; затѣмъ, годъ спустя послѣ его воцаренія, умеръ Оттонъ, герцогъ Саксонскій, который такъ много способствовалъ избранію Конрада, и, при своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, могъ бы и впоследствии быть его главнымъ совѣтникомъ и опорой (912 г.). Тутъ ужъ ясно обозначились двѣ партіи: одна—королевская, съ нѣсколькими важными духовными сановниками во главѣ (Гаттономъ, архіепископомъ Майнцкомъ, епископомъ Соломономъ Констанцскимъ, епископами Зальцбургскимъ и Фрейзингенскимъ), которой Конрадъ все болѣе и болѣе подчинялся; другая—герцогская, къ которой принадлежали многіе могущественные владѣтельные князья, нѣкогда равноправные съ Конрадомъ, и потому ни мало не расположенные давать слишкомъ много простора королевской власти. Значительнѣйшимъ между ними былъ *Генрихъ*, сынъ Оттона, любимый въ Саксоніи не менѣе своего отца и вполне заслуживав-

пшій любви по своимъ прекраснымъ личнымъ качествамъ; положеніе свое въ Саксоніи онъ еще утвердилъ супружествомъ своимъ съ Матильдою, происходившею изъ знатнаго вестфальскаго дома, который вель свой родъ отъ герцога Видукинда. Конрадъ и его совѣтники медлили и не рѣшались передать ему тѣ громадныя лѣнныя владѣнія въ Саксоніи и Тюрингіи, которыми владѣлъ его отецъ; завязалась распря, въ которой все Саксонское племя было на сторонѣ Генриха, да и старая, еще не вполне стихнувшая ненависть Саксовъ и Франковъ тоже имѣла нѣкоторое значеніе; распря окончилась кровавою битвою при Эресбургѣ (915 г.). Въ томъ же году на большую часть Германіи обрушилось опустошительное нашествіе Магьяровъ. Точно также неутѣшительно было положеніе дѣлъ и въ Аллеманіи, и въ Баваріи. Здѣсь, герцогъ Баварскій, Арнульфъ и Эрхангеръ, одинъ изъ владѣтельныхъ князей Швабскихъ, побѣдоносно отразили вторженіе магьярской орды, и, повидимому, поладили на время съ королемъ; но король, несмотря на это, продолжалъ благопріятствовать ихъ врагу, епископу Соломону Констанцскому, и Эрхангеръ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Бертольдомъ, на того епископа напали и взяли его въ плѣнъ. Изъ-за этого поднялась жестокая распря между королемъ и владѣтельными князьями швабскими и баварскими, и въ ней сторону этихъ князей принялъ и Генрихъ Саксонскій; распря однакоже окончилась тѣмъ, что Эрхангеръ, Бертольдъ и племянникъ ихъ *Лиутфридъ* были казнены по приказанію короля или, лучше сказать, по настоянію руководившихъ имъ епископовъ (917). Несмотря однакоже на эту суровую мѣру, королю не удалось подчиненіе верхней Германіи: герцогъ Арнульфъ удержалъ свое положеніе въ Баваріи, и въ Швабіи герцогомъ избранъ былъ Бурхардъ младшій, сынъ «князя Аллеманскаго». Вскорѣ послѣ того и самъ король Конрадъ, въ цвѣтъ лѣтъ, заболѣлъ и оказался на смертномъ одрѣ (918 г., декабрь). Передъ концомъ своимъ, онъ совершилъ истинно-доброе дѣло, уговоривъ брата своего, Эбергардта, отказаться отъ его притязаній на престолъ. Весьма вѣроятными представляются намъ тѣ слова, которыя въ уста Конраду влагаетъ одинъ изъ современныхъ хронистовъ: «намъ счастье на роду не писано, нѣтъ у насъ и надлежащей ссорки для управленія—этимъ надѣленъ Генрихъ Саксонскій и отъ него теперь зависитъ общее благосостояніе». Онъ даже взялъ съ Эбергардта слово, что тотъ самъ передастъ Генриху Саксонскому вѣнныя знаки королевской достинства,—мечъ и вѣнецъ франкскихъ королей, священное копье и королевскую порфиру.

Весьма важно было то, что и франкскіе князья прониклись наконецъ убѣжденіемъ, что «будущее восточно-франкское царство принадлежитъ Саксонской династіи»; привлекательная личность Генриха довершила остальное, и среди знати представители самыхъ разнородныхъ направленій очень скоро сошлись въ томъ, что имъ слѣдуетъ избрать именно Генриха, и это избраніе (въ февралѣ 919 г.) было привѣтствовано восторженными кликами народной толпы. Архіепископъ Майнцскій, франкъ по происхожденію, готовился уже къ его помазанію и коронованію; но Генрихъ весьма благодушно уклонился отъ этого, сказавъ: «мнѣ довольно и того, что я прсвознесенъ предъ всѣми моими предками и, Божьею милостью и

Саксонская династія.
Король Генрихъ I.

вашею доброю волею, призванъ называться королемъ; что же касается помазанія и возложения на меня діадемы, то пусть это будетъ предоставлено достойнѣйшему». Въ этой отвѣдѣ новозбраннаго короля на заискиванья духовенства чуется намъ черта чисто-саксонскаго возрѣнія на духовенство: не слѣдуетъ забывать, что современная саксонская знать еще

Королевская печать Генриха I.

не забыла того времени, когда вся власть сосредоточивалась въ ея рукахъ, между тѣмъ какъ теперь мощная духовная аристократія стремилась раздѣлить эту власть со свѣтскою знатю. Какъ бы то ни было, но для насъ достовѣрно одно: Церковь при Генрихѣ не пользовалась тѣмъ благоприятнымъ положеніемъ, которое она занимала при Конрадѣ, и высшее духовенство вынуждено было довольствоваться гораздо болѣе скромнымъ положеніемъ, сравнительно съ тѣмъ, которое выпало ей на долю на древне-франкской почвѣ. Генрихово возрѣніе на обязанности короля дѣйствительно было иное, нежели возрѣнія его предшественника, или тѣхъ каролинговъ, которые правили ранѣе Конрада. Историкъ его дома и пле-

мени, монахъ Видукинъ Корвейскій, представляетъ намъ его сущимъ богатыремъ, съ которымъ никто не брался тягаться даже въ рыцарскихъ играхъ; на дружескомъ пиру—привѣтливымъ, но никогда не роняющимъ своего достоинства, и притомъ страстнымъ охотникомъ; та выдающаяся мудрость, которую онъ ему приписываетъ, подтверждается его 16-ти-лѣтнимъ счастливымъ и удачнымъ правленіемъ (919—936 г.). Мудрость эта заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ съ перваго взгляда угадывать все исполнимое, и затѣмъ, съ спокойною настойчивостью добивался своей цѣли—и вотъ такимъ-то путемъ онъ сумѣлъ осторожно и предусмотрительно утвердить и обезпечить свое положеніе въ Саксоніи, а затѣмъ, самое положеніе Саксоніи въ средѣ другихъ сосѣднихъ владѣній.

Безъ особеннаго труда ему удалось сначала привести новаго герцога Швабскаго, Бурхарда, къ признанію его королевскаго авторитета. Умный герцогъ сразу понялъ, что ему приходится имѣть дѣло съ умнымъ человекомъ и съ превосходною воинскою силою, да и Генрихъ тоже не старался не доводить дѣла до крайности. Напротивъ того, Арнульфъ Баварскій вынудилъ Генриха къ тому, что онъ приступилъ къ осадѣ Регенсбурга; и хотя Арнульфъ выказывалъ большое недовольство по поводу того, что «Саксонецъ распоряжается въ его землѣ», — однакоже и онъ тоже покорился, и тѣмъ сохранилъ за собою важное право назначенія епископовъ въ подвластной ему странѣ, право, которое утвердилъ за нимъ король Генрихъ (921 г. *). Въ томъ же году онъ вступилъ въ соглашеніе съ каролингскимъ королемъ западно-франкскаго государства, свидѣвшись съ

Королевская
власть и
герцогская.

*) Вообще говоря, право назначенія епископовъ принадлежало только королю, который и вручалъ имъ епископскій посохъ.

нимъ въ Боннѣ, причеиъ тотъ называлъ его «своимъ другомъ королемъ восточнымъ», а Генрихъ его — «Божіею милостію королемъ западныхъ Франковъ». Несмотря на эти любезности, онъ воспользовался усобицами на Западѣ, чтобы, при удобномъ случаѣ, присоединить Лотарингію къ восточно-франкскому государству: безпокойный и непосѣдливый герцогъ Гизельбертъ былъ усмирень и попался въ плѣнъ къ Генриху, который однакоже не только не лишилъ его герцогства, но даже выдалъ за него замужъ дочь свою Гербергу (928 г.). Этимъ самымъ сдѣланъ былъ важный шагъ: нѣмецкія племена были соединены въ одно государство, которое хотя и носило на себѣ характеръ федераціи, однакоже составляло связанное цѣлое. Тотъ фактъ, что Генрихъ призналъ новую (или лучше сказать — возобновленную) герцогскую власть за нѣчто такое, съ чѣмъ королю приходилось считаться, что онъ не смогъ въ напрасной борьбѣ съ этою народившеюся властью растрачивать свою силу—это дѣлаетъ честь государственной мудрости Генриха.

Конечно, это было не Богъ вѣсть что:— это только способствовало тому, чтобы связать разрозненныя германскія племена. Во всей его правительственной дѣятельности видимъ, вообще, человѣка съ свѣтлымъ и вѣрнымъ взглядомъ, умѣющаго выждать удобную минуту для дѣйствія и неспособнаго къ такому сомнѣнію, которое все стремится сдѣлать сразу и порѣшить однимъ ударомъ. Важнѣйшею задачею и даже національнымъ жизненнымъ вопросомъ была борьба на смерть съ хищными Магьярами, которые почти ежегодно производили свои опустошительныя набѣги на Саксонію. Во время этихъ нашествій одна изъ ихъ ордъ обрушилась на монастырь Санъ-Галленскій. Живой очевидецъ этого вторженія оставилъ намъ любопытное его описаніе. Энгильбертъ, аббатъ знаменитаго монастыря, предвидя вражеское нашествіе, приказалъ въ удобномъ и непреступномъ мѣстѣ устроить укрѣпленіе, въ которое братія и снесла все монастырское имущество и казну. Вскорѣ высланные изъ монастыря развѣдчики возвѣстили о приближеніи непріятеля, которое обозначается дымомъ зажженныхъ Магьярами пожаровъ. Тогда и вся братія монастырская также укрывается въ укрѣпленіи и только одинъ изъ братіи, служившій въ монастырѣ шутомъ для всѣхъ, не захотѣлъ укрываться за стѣнами укрѣпленія, въ отместку за то, что отецъ-казначей въ тотъ годъ не выдалъ ему кожи на обувь. Вскорѣ нагрянула дикая орда, но къ брату Гериберту отнеслась весьма снисходительно, замѣтивъ, что онъ не вполне владѣетъ расудкомъ: Магьяры заставили его водить себя по всему монастырю, но, конечно, не много нашли въ немъ добра. Въ погребѣ, однакоже, еще оставалось двѣ бочки вина, и одинъ изъ Магьяръ вздумалъ было ткнуть въ одну изъ бочекъ копьемъ. «Не тронь!»—крикнулъ на него полоумный Герибертъ, — «а то что же мы пить-то будемъ, когда вы отсюда уберетесь?» Конечно, Магьяры на это отвѣчали общимъ взрывомъ хохота, и вино уцѣлѣло для братіи. Затѣмъ вся орда расположилась для пиришества на монастырскомъ дворѣ и на лужайкѣ, кругомъ обители; Магьяры набрасывались на мясо какъ дикіе звѣри, а вино было вселюду разставлено среди нирующихъ большими корчагами. По окончаніи пира, они заставили Гериберта и еще одного захваченнаго въ плѣнъ духов-

Генрихъ и
Магьяры.

наго — пѣть имъ священныя пѣсни, а сами стали подъ звуки тѣхъ пѣсень плясать. Нѣкоторые изъ нихъ, вообразивъ себѣ, что пѣтухъ на колокольѣ и есть изображеніе главнаго монастырскаго божества, задумали его оттуда снять—но тотъ, кто полѣзъ за этимъ на шпиль колокольни, упалъ оттуда и переломилъ себѣ спину; монастырская хроника рассказываетъ, что точно такую же лютою смертію погибъ и другой дикарь, который дерзнулъ еще болѣе грубымъ образомъ оскорбить св. Галла; нѣсколько времени спустя, орда дикарей отхлынула вновь и вся братія дивилась тому, что брату Гериберту удалось выйти изъ ихъ рукъ цѣлымъ и невредимымъ; а полоумный братъ Герибертъ не скрылъ отъ нихъ, что ему даже вовсе не дурно было у Магьяръ, и что, по отношенію къ вину, они были къ нему гораздо болѣе щедры, нежели монастырскій экономъ.

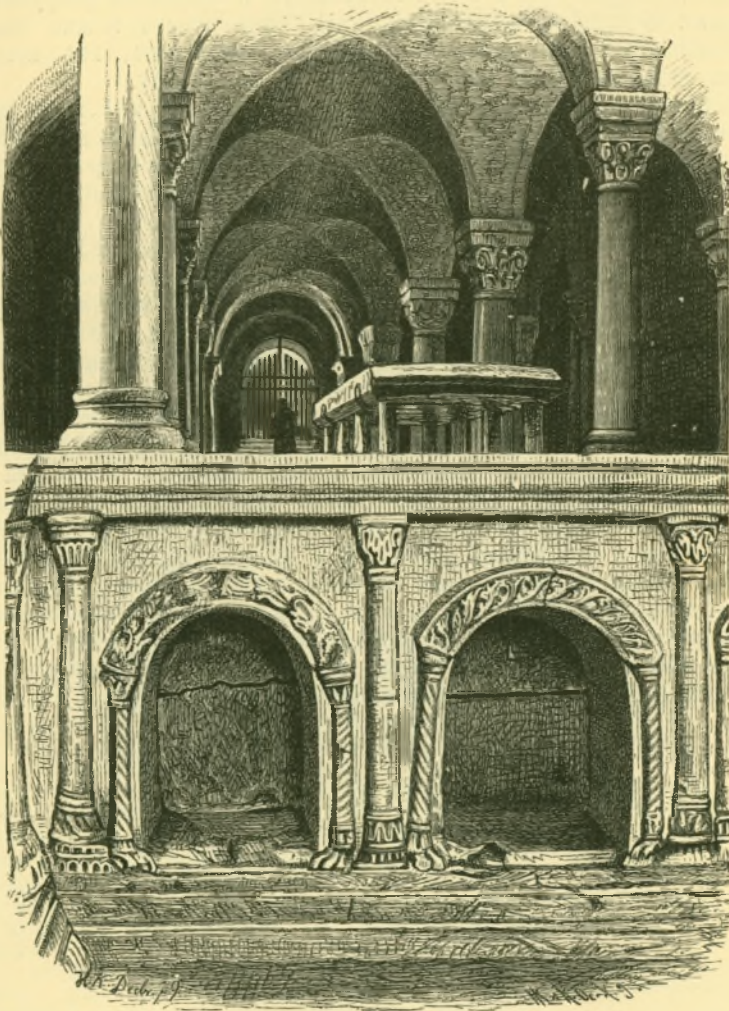
Борьба со
Славянами.

Во время набѣга 924 года случилось, между прочимъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ магьярскихъ предводителей былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Генриху. Магьяры предлагали за него дорогой выкупъ. Но король воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выговорить съ ними болѣе продолжительное перемиріе, лѣтъ на 9-ть, въ теченіе котораго обязался имъ выплачивать ежегодную дань. Южную часть Карловой имперіи онъ предоставилъ на произволъ судьбы и этихъ враговъ, лишь бы охранить отъ нихъ Саксонію. Девятилѣтнимъ перемиріемъ съ ними онъ воспользовался превосходно: собралъ за это время сильное войско, и озабочился устройствомъ цѣлаго ряда укрѣпленныхъ пунктовъ; эти пункты онъ занялъ гарнизонами, и назначалъ въ составъ ихъ девятаго человека изъ своихъ служилыхъ людей, а остальныхъ осмерыхъ, изъ той же очереди, обязывалъ заботиться о его содержаніи; поддерживая такимъ образомъ связь съ этими далеко-выдвинутыми укрѣпленіями, онъ, несомнѣнно, способствовалъ тому, что многіе изъ нихъ потомъ обратились въ города, хотя, собственно говоря, онъ первоначально не имѣлъ этого въ виду. Войско, собранное и обученное имъ для борьбы противъ Магьяръ, онъ имѣлъ возможность испробовать въ пограничныхъ войнахъ со Славянами, за которыя вновь горячо принялся въ 928—929 гг. Въ 928 году, по выраженію лѣтописца, «при посредствѣ голода, желѣза и холода», Генрихъ завоевалъ городъ Вендовъ Бранниборъ, покорилъ и еще два-три ближайшія племени, и среди нихъ построилъ укрѣпленіе, на мѣстѣ котораго впоследствии возникъ городъ Мейссентъ; въ слѣдующемъ году онъ проникъ далѣе на югъ, по направленію къ Богеміи, гдѣ тамошній король или герцогъ, правившій въ городѣ Прагѣ, призналъ надъ собою его главенство. Однакоже вскорѣ послѣ того, въ то время какъ Генрихъ осаждалъ славянскій городъ Лукини на Эльбѣ, произошло всеобщее возстаніе Славянъ, жившихъ между Эльбою и Одеромъ; королю удалось отразить и разбить то войско славянское, которое подступало на выручку города, послѣ чего племена Славянскія признали себя побѣжденными и стали платить ему дань (929 г.).

Пораженіе
Магьяръ,
933 г.

По обычаю своему, весьма терпѣливо выждалъ Генрихъ того времени, когда окончилось заключенное съ Магьярами перемиріе. На большомъ народномъ собраніи онъ убѣдился въ томъ, что вся земля Саксонская готова дать единодушный отпоръ врагу, и потому, когда явились обычные послы Магьярскіе за полученіемъ ежегоднаго «подарка»—имъ пришлось

вернуться домой съ пустыми руками. Ожидаемое вторженіе Магьяръ не замедлило, и тутъ-то пришлось убѣдиться, какъ много было сдѣлано предсмотрительнымъ Генрихомъ для предотвращенія этой опасности:—одна

Гробница Генриха I и супруги его, Матильды, въ сиклеѣ Невдлинбургской замковой церкви.
Открыта въ 1867 году.

орда хищниковъ потерпѣла отъ Саксовъ и Тюрингцевъ жестокое пораженіе:—голодь и холодъ довершили ея гибель; и плѣнники магьярскіе не были пощажены. Противъ другой орды—повидимому, составлявшей главный отрядъ магьярскаго войска—король выступилъ самъ и вблизи мѣ-

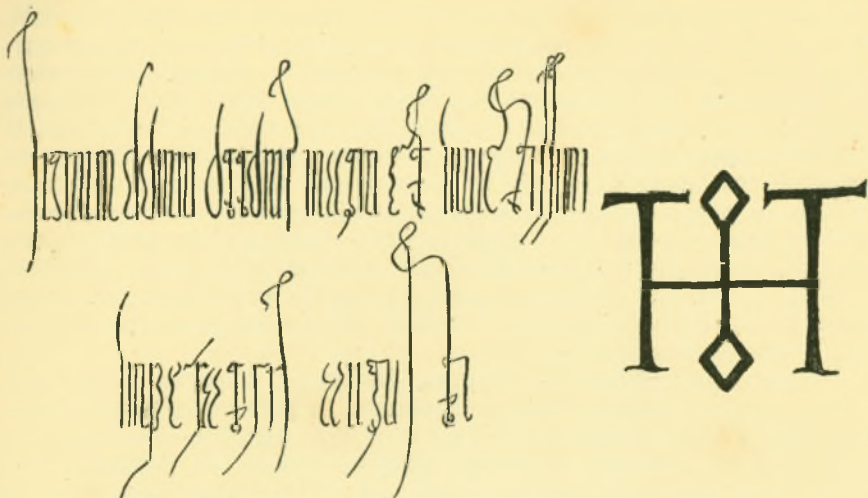
p̄ter regie discipline terrore semp iocundus.
 dandi larg⁹. doemendi part⁹. 7 m̄r doemendū
 semp aliqd loquens quo eū semp uigulare esti-
 mes. amicis nichil negans. 7 sup⁹ hominē fide-
 lis. Hā q̄sdā audium⁹ accusatos. 7 peccati ma-
 nifestos. ipsū eoz aduocatū 7 incessoē 7 cri-
 minis nullom̄ credulū. 7 ab eo p̄r habitos tāq̄
 nich unq̄. in eū peccassent. In geniū ei admod⁹
 mirandū. nā p̄ mortē edidis regine cū antea
 nescierit lūtas intantū didicit. ut plenter
 libros lege 7 intelligē nouerit. Pretea roma-
 na lingua Slauanicq; loqui scit. s; rarum est
 quo eaz uti dignetur. In uenationib⁹ creber.
 tabulaz ludos amat. equitat⁹ grām regia gra-
 uitate m̄dū exereens. Accessit ad hec 7 moles
 corpis. omnē regia ostendens dignitatē. capi-
 te cano sparsus capillo. oculi rutilantes 7 i mo-
 dū fulguris c̄ta rep̄cussione splendore quen-
 dā emittentes. facies rubicunda 7 plixior bar-
 ba. 7 ad hec et̄ more antiquū. Pect⁹ leoninis
 quibdā sparsum iubis. uent⁹ cōmod⁹. incesso
 q̄ndā c̄tus m̄ ḡuor. habitus patri⁹. 7 q̄ nūq̄
 sit p̄grino usus. Quotienscūq; aut̄ sit opus
 corona portanda. ieiunū semp p̄cedē puero
 traditur. Henric⁹ 7 moy ḡuitate pollebat. 7

ИЗЪ „САНДНОНОЙ ИСТОРИИ“, соч. Видуннида Норвейснаго, законченной имъ въ 967 г.

Факсимиле рукописи въ Королевской библиотекѣ, въ Дрезденѣ.

Видуннидово изображение личности Оттона.

„Signum domni ottonis magni et invictissimi imperatoris augusti”.

Знаменье руки Оттона Великаго изъ акта, даннаго подъ стѣнами Равенны, въ 970 году.

2. Три Оттона.

Королю Оттону было ровно 24 года, когда онъ былъ возведенъ на престолъ *Восточно-Франкского царства*, какъ тогда официально называли государство Германское; онъ получилъ имя въ честь дѣда, который дожилъ до рожденія внука (912 г.). По шестнадцатому году онъ уже вступилъ въ бракъ съ Эдитой (929 г.), дочерью англосакскаго короля Эдуарда, такъ какъ Генрихъ очень заботился о поддержкѣ связей съ земляками своими, переселившимися за море. Не безъ удивленія узнаемъ мы о немъ, что онъ выучился читать только уже послѣ смерти своей супруги, при чемъ, однакоже, саксонскій историкъ не упускаетъ случая замѣтить, что онъ къ книжной премудрости былъ очень способенъ: «быстро сталъ читать и понимать прочитанное»; сверхъ того, онъ умѣлъ объясняться и на славянскомъ, и на романскомъ языкѣ. У Оттона внѣшность была отцовская; отъ отца перешли къ нему и наклонности, и свойства: онъ такимъ же былъ страстнымъ охотникомъ, и такъ же общителенъ, какъ и тотъ; но его стремленія были болѣе возвышенны, онъ сознавалъ себя какъ бы «порфиророднымъ» и смотрѣлъ на свое королевское призваніе глубоко и серьезно: не даромъ рассказываютъ о немъ, что онъ постоянно постился передъ тѣми днями, когда ему приходилось являться передъ народомъ съ вѣнцомъ на головѣ. Съѣздъ князей, на которомъ его избраніе должно было получить окончательную санкцію, созванъ былъ въ Аахенѣ, на франкской почвѣ. Та пышная обстановка, въ которой это избраніе происходило, указываетъ, въ какой степени эта королевская власть уже успѣла утвердиться: герцоги, многіе изъ знати, и великое множество на-

Оттонъ I.

рода присутствовали при избраніи. Послѣ того какъ князья, т. е. свѣтская знать, возвели и посадили его на тронъ, воздвигнутый въ залѣ, соединявшей дворецъ съ соборомъ, архіепископъ Майнцскій представилъ собравшейся въ соборѣ толпѣ, «Богомъ избраннаго, нѣкогда могущественнымъ владыкою Генрихомъ назначеннаго, нынѣ надъ всѣми князьями властвующаго короля Оттона...» «Если вамъ этотъ выборъ по-сердцу, то поднимите правую руку къ небу» — добавилъ архіепископъ. Затѣмъ коронованіе совершенно было собрано Майнцскимъ и Кельнскимъ архіепископами; за коронованіемъ послѣдовало миропомазаніе; во время коронаціоннаго пира, королю за столомъ служили герцоги: Гизельбертъ Лотарингскій, Эбергардъ Франконскій (братъ Конрада I), Германъ Швабскій, Арнульфъ Баварскій: между ними были распределены высшія придворныя должности при этомъ торжествѣ, которому всѣ, видимо, старались придать какъ можно больше значенія.

Первые годы прошли благополучно. Вторженія Славянъ и Магяръ, которые хотѣли воспользоваться перемѣною царствованія, были удачно отражены; при этомъ Магяры не достигли даже границъ Саксоніи.

Возстаніе
Танкмара и
Эбергарда.

Но вскорѣ горизонтъ омрачился. Первый поводъ къ смутамъ, которыми наполнены были ближайшіе годы, подала исконная племенная зависть между знатною Франкскою и Саксонскою. Послѣдняя забрала себѣ въ голову, что нынѣшній король не даромъ избранъ изъ Саксонскаго племени, и, на этомъ основаніи, многіе саксонскіе вассалы отказывались служить своимъ франкскимъ лѣннымъ владѣльцамъ. Между тѣмъ какъ Оттонъ занятъ былъ умиротвореніемъ Баваріи, гдѣ онъ замѣстилъ мятежнаго герцога Эбергарда (сына Арнульфова) его братомъ *Бертольдомъ*, — другой Эбергардъ, герцогъ Франкскій, задумавъ обуздать одного изъ своихъ мятежныхъ саксонскихъ вассаловъ, приказалъ сжечь его городъ. Король наказалъ Эбергарда за эту самовольную расправу, наложивъ на него пеню въ 100 фунтовъ серебра; а тѣ предводители дружинъ герцога, которые выполнили его приказаніе и сожгли городъ, были приговорены къ позорному наказанію, которое и господину ихъ показалось оскорбительнымъ: каждый изъ нихъ долженъ былъ принести на рукахъ собаку въ Магдебургъ — тогдашнюю резиденцію короля. Эбергардъ, озлобленный этимъ, нашелъ себѣ вскорѣ и союзника — въ лицѣ *Танкмара*, брата короля Оттона, который былъ старше его годами, но происходилъ отъ брака непризнаннаго Церковью. Эбергардъ возсталъ въ то время, когда еще Оттонъ занятъ былъ улаженіемъ дѣлъ въ Баваріи; между тѣмъ, какъ Оттонъ пытался смирить мятежниковъ кроткими мѣрами, къ нимъ присталъ и Танкмаръ, захватилъ Генриха, Оттонова брата, и «какъ простаго раба» отправилъ къ своему союзнику Эбергарду. Танкмаръ продержалъ недолго; въ то время, какъ онъ укрылся въ Эресбургъ, королевскіе ратники, при помощи горожанъ, ворвались въ городъ и среди отчаянной сѣчи, завязавшейся въ городѣ, убили Танкмара въ церкви, у подножія алтара. Когда послѣ этого Эбергардъ лицемѣрно сталъ заискивать примиренія съ королемъ, онъ, въ то же время, готовилъ уже другое предательство. Онъ сдумывалъ сойтись и стакнуться со своимъ плѣнникомъ Генрихомъ, братомъ Оттона, и даже убѣдить его въ томъ, что онъ болѣе брата имѣетъ правъ на коро-

левскій вѣнецъ: Оттонъ, моль, родился еще въ то время, когда Генрихъ былъ герцогомъ, а Генрихъ уже тогда, когда его отецъ былъ избранъ въ короли. И вотъ противъ короля образовалась большая коалиція: къ двоимъ заговорщикамъ присоединился и безпокойный герцогъ Лотарингскій, Гизельбертъ, и даже западно-франкскій король вошелъ съ ними въ союзъ. Вслѣдствіе этого, 939 годъ былъ особенно критическимъ годомъ для Оттона, тѣмъ болѣе, что и Датчане, и Славяне воспользовались удобнымъ случаемъ для разрыва: приходилось одновременно биться и въ Саксоніи, и въ Лотарингіи, и на Рейнѣ. Однакоже Оттонъ справился съ трудною задачею. Ходъ борьбы его съ противниками прослѣдить довольно трудно, при сбивчивости современныхъ извѣстій; знаемъ, однакоже, что длилась она довольно долго, и потомъ вдругъ, *въ одинъ день* Оттонъ былъ случайно избавленъ отъ двоихъ своихъ главныхъ враговъ. Вблизи Андернаха, войско королевское настигло арьергардъ непріятеля, въ которомъ находились и Эбергардъ, и Гизельбертъ, между тѣмъ, какъ большая часть ихъ войска уже успѣла переправиться за Рейнъ съ богатою добычею. При неожиданномъ нападеніи, Эбергардъ палъ послѣ отчаяннаго сопротивленія, а Гизельбертъ, вмѣстѣ съ другими бѣглецами, бросился въ лодку, собираясь переплыть за рѣку; но, переполненная людьми, лодка пошла ко дну, и Гизельбертъ потонулъ. Такъ въ одинъ день два герцогства остались безъ герцоговъ (939 г.). Генрихъ же не отказался отъ своихъ обширныхъ замысловъ. Ради выполненія ихъ, онъ рѣшился даже прибѣгнуть къ убійству и подослать убійцу къ брату, который уже готовъ былъ дать ему герцогство Лотарингское. Но заговоръ былъ открытъ, заговорщики перевачены и казнены — самъ Генрихъ бѣжалъ (941 г.). Несмотря на все это, въ томъ же году послѣдовало между братьями примиреніе: Генрихъ искренно покаялся передъ братомъ своимъ, и былъ помилованъ. Хотя связь всѣхъ этихъ явленій представляется намъ далеко не ясною, при крайней скудости источниковъ, однакоже одно оказывается несомнѣннымъ: Генрихъ оправдалъ великодушіе своего брата и съ той поры былъ всегда непоколебимо вѣренъ ему.

Послѣ того, какъ Оттону пришлось такъ упорно биться изъ-за своей короны, ему дана была возможность вздохнуть спокойно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Весьма важнымъ шагомъ было то, что онъ не возстановилъ герцогства Франконскаго, и слѣдовательно принять эту землю въ свое личное управленіе; герцогство Лотарингское, въ 944 году, онъ передалъ франкскому вельможѣ, *Конраду*, за котораго впоследствии отдалъ свою дочь, Лиутгарду. Въ 946 году, къ великому удовольствію Оттона, западно-франкскій король Лудвигъ — бывшій союзникъ мятежныхъ герцоговъ, — самъ былъ вынужденъ просить у Оттона помощи противъ своихъ мощныхъ вассаловъ. Оттонъ привелъ ему на помощь сильное войско — говорятъ, будто до 32,000 человекъ — въ Галлію, и побѣдносно дошелъ до Руана; но, конечно, и ему не подъ силу было поддержать клонившееся къ упадку могущество Каролинговъ. Въ то же время на Славянскихъ маркахъ велась ожесточенная борьба — съ одной стороны отъ рѣки Заалы и средняго теченія Эльбы до рѣки Одера, гдѣ воевалъ маркграфъ *Геро*; съ другой стороны — отъ Кильской бухты до устьевъ Одера, гдѣ

Правленіе
Оттона.
941—950.

бился съ Славянами маркграфъ *Германъ Биллунгъ*. Борьба сопровождалась всѣми ужасами коварства и безопадной мстительности: знаемъ даже и такой примѣръ—маркграфъ Геро пригласилъ къ себѣ однажды на пирь 30 старшинъ изъ Вендской земли и пилъ съ ними вмѣстѣ, а когда они охмѣляли, то онъ приказалъ ихъ перебить. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ христіанство могло проникать туда лишь весьма туго и медленно, хотя только оно и могло бы упрочить всѣ эти завоеванія на окраинахъ. Однакоже, Оттонъ и здѣсь не упустилъ случая, именно въ это время обратить особенное вниманіе на дѣятельность миссіонерскую, и проводилъ ее весьма настойчиво. На границѣ Славянскихъ земель возникали церковныя учрежденія,—въ 946 году епископство Гавельбергское, въ 949 году епископство Бранденбургское, и первые епископы здѣшніе были посвящены въ этотъ санъ архіепископомъ Майнцскимъ. И на Сѣверѣ, при новомъ архіепископѣ Гамбургскомъ *Адалдагъ*, миссіонерская дѣятельность также оживилась: въ 948 году явились посланные изъ Гамбурга три новыхъ епископа для трехъ новоучрежденныхъ на датской почвѣ епископій—Слясвика, Рины и Гарузы (*Шлезвигъ, Ринена и Ааргуса*)—на мѣстномъ соборѣ въ Ингельгеймѣ, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ папскаго легата, обсуждались весьма важныя церковныя вопросы, которыми Оттонъ занимался особенно внимательно послѣ кончины сѣруги своей Эдиты (946 г.).

Могущество
королевска-
го дома.
Епископъ
Брунонь.

Въ 947 году умеръ Вертольдъ, герцогъ Баварскій, и Оттонъ передалъ герцогство своему брату Генриху, съ которымъ вполнѣ примирился и сблизился, такъ какъ Генрихъ вполнѣ искренно призналъ умственное превосходство Оттона. Годъ спустя, умеръ Германъ Швабекій, на единственной дочери котораго былъ женатъ сынъ Оттона, Лиудольфъ. Къ нему-то, еще вполнѣ юному, перешло герцогство Швабское, и такимъ образомъ достигнуто было такое положеніе, о которомъ еще незадолго передъ тѣмъ и мечтать было невозможно: во главѣ двухъ герцогствъ стояли члены одной и той же царствующей фамиліи, а два важнѣйшія изъ нихъ, Саксонія и Франконія, состояли въ управленіи главы той же фамиліи—самого короля. И всѣ эти правители были еще въ самомъ цвѣтѣ мужества: Генриху было немного болѣе тридцати лѣтъ, Оттону не было сорока; въ лучшей порѣ мужества находился и еще одинъ членъ той же благословенной семьи, который чрезвычайно своеобразно дополнилъ свою дѣятельностью Оттоново могущество. Второй сынъ отъ брака Генриха и Матильды, *Брунонь*, въ раннемъ возрастѣ поступилъ въ монахи и предался своему призванію съ усердіемъ, поразительнымъ при его молодости: страстно любя книги, онъ, но замѣчанію одного біографа, «носился со своей бібліотекой, какъ Израиль съ Ковчегомъ». Еще будучи мальчикомъ, онъ обладалъ уже такими свѣдѣніями, которыя по тому времени были чрезвычайными; а когда онъ достигъ юношескаго возраста, братъ-король сдѣлалъ его своимъ канцлеромъ и поручилъ ему въ завѣдыванье всю государственную канцелярію. Съ неутомимымъ рвеніемъ Брунонь посвятилъ себя занятіямъ государственными дѣлами, и, несмотря на это, ревностно продолжалъ заниматься науками; онъ привлекалъ къ себѣ Грековъ на службу и изучалъ ихъ языкъ, и, въ то же время, на-

ходился въ постоянныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ ирландскими и британскими монахами, которыхъ Датчане изгнали изъ ихъ родныхъ пепелищъ. Брунонъ отчасти раздѣлялъ съ ними ихъ аскетическія воззрѣнія, но этотъ аскетизмъ нимало не сдерживалъ его страсти къ научному изслѣдованію и прогрессу. Онъ и самого короля увлекалъ къ своимъ занятіямъ, въ которыхъ тотъ находилъ даже нѣкоторое утѣшеніе и разсѣяніе послѣ кончины супруги, столь сильно его опечалившей; и вотъ, въ половинѣ X вѣка мы видимъ въ средѣ нѣмецкаго монашества и духовенства, въ старыхъ и новыхъ школахъ монастырей — С. Галленскаго, Рейхенаускаго, Фульдскаго, Вюрцбургскаго, Корвейскаго, Гандерсгеймскаго, Кведлинбургскаго — большое умственное оживленіе, общавшее принести наилучшіе плоды въ будущемъ. Это царство, послѣ разныхъ тревоженій, повидному, прочно слившееся во-едино, обладало тѣмъ неоцѣненнымъ преимуществомъ, что его населеніе, при всѣхъ своихъ частныхъ и мѣстныхъ различіяхъ, все же говорило однимъ и тѣмъ же языкомъ, слѣдовательно, обладало такимъ объединяющимъ средствомъ, какимъ въ то время не могли похвалиться ни Испанія, ни Галлія, ни Италия. То, что Видукинъ Корвейскій говоритъ о Генрихѣ I, называя его «величайшимъ изъ королей европейскихъ, создавшихъ себѣ обширное и сильное государство своими собственными трудами» — все это еще съ большимъ правомъ можетъ быть примѣнено къ сыну Генриха, Оттону I.

Именно это блестящее положеніе невольно и заставляло всѣхъ подумать объ императорскомъ титулѣ, который все еще имѣлъ по-прежнему громадное значеніе въ глазахъ свѣта; поэтому не удивительно, что и самъ Оттонъ, и его подданные, именно въ эти дни блеска и великолѣпія, обратили взоры къ Италіи и Риму, откуда до-нынѣ всѣ императоры получали свой титулъ. Притомъ, дѣло шло въ данномъ случаѣ не о пустомъ титулѣ. Названія «Римская Имперія» и «Римскій Императоръ» въ современномъ историческомъ мірѣ обозначали собою дѣйствительно культурную страну, собранную въ одно цѣлое при посредствѣ христіанской Церкви; съ другой стороны, Римъ, въ которомъ прежнее обаяніе столицы міра и центра высшей мірекой власти слилось съ его новымъ значеніемъ резиденціи высшаго представителя духовной власти, почитаемый всѣми за общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ, — какъ нѣкогда Дельфы были общимъ достояніемъ всѣхъ Эллиновъ, — и этотъ-то Римъ, вмѣстѣ со всею Италіей, находился въ такихъ условіяхъ, о которыхъ даже едва-ли возможно дать понятіе современному читателю.

Если заглянемъ въ эти условія, то поневолѣ придется согласиться съ тѣмъ мыслителемъ, который сказалъ, что «трудно себѣ представить все, что въ состояніи вынести народъ». Для такой страны, какъ Италія, въ которой такъ пестро было перемѣшано множество народовъ, *Имперія* нѣкогда обозначала (болѣе чѣмъ для всякой другой страны) — сильную власть и порядокъ. Но, уже со смертью Арнульфа (899), имперія существовала только по имени, — и покрывала мимолетнымъ блескомъ или тѣнью захваты власти тѣхъ хищниковъ, которые были сильнѣе или порочнѣе другихъ. Такъ, въ 901 г. Лудвигъ II Бургундскій вѣнчался въ Римѣ императорскою короной; вслѣдъ затѣмъ герцогъ *Беренгаръ* Фріуль-

Положеніе
дѣлъ въ
Италіи.

скій *) одолѣть Бургундскаго короля, захватить его врасплохъ и ослабить—по варварскому обычаю времени—и это нимало не помѣняло ему въ 915 г. добиться императорской короны: — въ 924 г. онъ былъ закованъ. Послѣ этого, еще одинъ король Бургундскій, *Гуголь*, пытался добиться итальянской короны, которую у него отбивалъ одинъ изъ мѣстныхъ вельможъ, маркграфъ Иврійскій, *Беренгаръ II*. На итальянскую королевскую корону стали въ это время смотрѣть, какъ на переходъ къ императорскому сану: однакоже, послѣ несчастнаго Лудвига II (онъ умеръ четыре года спустя, послѣ смерти врага своего) никому не удавалось ее добиться. И никто изъ этихъ королей или временныхъ тиранновъ не былъ даже настолько могущественъ, чтобы имѣть возможность защитить Италію отъ тѣхъ хищныхъ набѣговъ, которые безпрестанно на нее обрушались. Такъ, Средняя Италія почти 30 лѣтъ сряду находилась подъ владычествомъ Арабовъ, которые устроили себѣ укрѣпленный пунктъ на Гарильяно, грабили и притѣсняли населеніе, и отсюда отправляли свою добычу цѣлыми кораблями въ Сицилію или въ Африку: только уже въ 916 г., благодаря энергіи папы Іоанна X, они были здѣсь нѣсколько обузданы. Еще болѣе продолжительны и тягостны были набѣги того же врага на Верхнюю Италію изъ Фракинетума, черезъ альпійскія дороги, на которыхъ Арабы настроили много замковъ-заставъ. Съ 899 года къ этому бѣдствію прибавилось еще новое: набѣги Магъяръ съ востока, повторявшіеся ежегодно. Въ 926 г. они достигали даже Рима; въ 942 потерпѣли тамъ жестокое пораженіе, но не переставали попрежнему тревожить набѣгами ломбардскую равнину. Ближайшими послѣдствіями такого положенія дѣлъ было то, что все населеніе—насколько то было возможно—собралось въ города, которые, въ свою очередь, успѣшили дополнить и усилить свои укрѣпленія, такъ что при набѣгахъ непріятели отсиживались въ осады, терпѣливо ее выдерживая, или же отдѣлываясь уплатою окупа. Странно сказать, что это скопленіе населенія въ городахъ, вызванное страшнымъ бѣдствіемъ, имѣло и нѣкоторыя благопріятныя послѣдствія: съ одной стороны, оно способствовало быстрому расцвѣту нѣкоторыхъ ремеселъ и даже отраслей искусства, а также и развитію столь важнаго для Италіи городского элемента; съ другой стороны,—общая опасность и бѣдствія, вынуждавшія къ совмѣстному житію въ крѣпкихъ городахъ, способствовали сближенію различныхъ элементовъ населенія, романскихъ и германскихъ, и ускорили ихъ сліяніе, выработывая общій языкъ и сглаживая различія въ обычаяхъ. Но нельзя упустить изъ виду и того въ высшей степени дурного вліянія, которое оказывала ненадежность всѣхъ условій жизни на нравственное состояніе общества. Всѣ торопились жить, и мелкое честолюбіе, при существующемъ беззаконіи, слѣшило поскорѣе достигать своихъ цѣлей, не разбирая средствъ: на чьей сторонѣ была сила, тотъ и пользовался ею, какъ тиранъ, маленькій — въ маломъ, большой—въ большемъ. И если даже въ странахъ германскихъ, за это время, мы видимъ полное отсутствіе понятія о чести и вѣрности долгу

*) Уже въ 888 г., послѣ смерти Карла Толстаго, онъ принудилъ провозгласить себя королемъ Италіи.

(они болѣе существуютъ въ нѣмецкихъ реторическихъ учебникахъ, какъ громкая фраза, чѣмъ въ описываемой нами дѣйствительности), то ужъ въ Италіи-то вѣроломство, двоедушіе и двуязычіе вошли какъ-бы въ законъ общественной жизни того времени. Понятное дѣло, что подобное настроеніе умовъ, подобное воззрѣніе на жизнь должно было отозваться и на общественныхъ, и на семейныхъ нравахъ, въ которыхъ видимъ полное отсутствіе какой бы то ни было стыдливости: — мы не ошибемся, если скажемъ, что въ первой половинѣ X вѣка, болѣе чѣмъ когда-либо, въ Италіи развратъ достигъ крайнихъ предѣловъ и женщины безнравственные пользовались наибольшимъ значеніемъ.

Отъ Церкви въ это время нельзя было ожидать спасенія, хоть и не было въ средѣ ея недостатка въ строгихъ и серьезныхъ людяхъ, которые съ ужасомъ смотрѣли на то «сатанинское господство», которое такъ очевидно охватило все современное общество въ Италіи. Епископы, достигнувшіе при этомъ общемъ разладѣ большого могущества, немногимъ отличались въ нравахъ отъ мірской знати. Не блистали нравственностью и монастыри, которые оказывали лишь весьма слабый отпоръ общій испорченности; но хуже-то всего было то, что отравленнымъ оказывался и тотъ источникъ, изъ котораго доселѣ почерпались и указанія, и назиданія въ вопросахъ вѣры и совѣсти. *Папскій престолъ* обратился въ игрушку или въ орудіе испорченности различныхъ знатныхъ фамилій и партій, и въ теченіе полувѣка (904—955 г.) двѣ знатныя и страшныя женщины, Теодора и ея дочь Марозія, по произволу, пользуясь и тайными убійствами, и предательствами всякаго рода, возводили на папскій престолъ своихъ любовниковъ, сыновей, фаворитовъ! Одинъ изъ сыновей Марозія былъ, напримѣръ, въ 932 году провозглашенъ папою подъ именемъ Іоанна XI, послѣ того, какъ папа Іоаннъ X былъ злодѣйски умерщвленъ въ темницѣ. И въ то же время, югъ Италіи находился во власти греческихъ императоровъ, которые—если-бы только въ рукахъ ихъ оставалась хоть тѣнь прежняго могущества—въ данное время легко могли бы всю Италію подчинить своему господству.

Но изъ Константинополя нечего было ожидать помощи. Былъ только одинъ человекъ, достаточно-сильный для того, чтобы внести въ эту страну новые порядки и строй общественный:—такимъ человекомъ былъ король Восточно-Франкскаго государства, Оттонъ I, который невольно вынужденъ былъ обратить вниманіе сначала на Западно-Франкское государство, а потомъ и на Италію. Въ Италіи же происходило вотъ что: королю Гугону не удалось тамъ утвердить свою тираннію; онъ замѣщенъ былъ юнымъ сыномъ его, *Лотаромъ*, который былъ признанъ королемъ только условно, въ силу договора съ могущественнѣйшимъ изъ противниковъ Бургундіи, маркграфомъ Беренгаромъ. Но Лотаръ и умеръ юношей (950 г.), и тогда-то именно Беренгаръ счелъ время наиболѣе удобнымъ для захвата итальянской короны и упроченія ея въ своемъ домѣ. Въ этихъ видахъ онъ сталъ хлопотать о заключеніи брачнаго союза между сыномъ своимъ Адальбертомъ и молодою вдовою Лотара, Адельгейдой (Бургундской княжной по рожденію), которую ему удалось захватить въ 951 г. Одному изъ своихъ графовъ онъ поручилъ держать се въ строгомъ заточеніи на Гард-

Папство.

Королевство Беренгара.

скомъ озерѣ, и Беренгаръ не стыдился даже пускать въ дѣло жестокаго истязанія, лишь бы вынудить ее къ выполнению его воли.

Оттонъ и
Адельгейда.
951.

Это обстоятельство и послужило для Оттона I вѣнскимъ предложеньемъ для его вступленія въ Италію. Это рѣшеніе его было знаменательнымъ и привело къ важнымъ послѣдствіямъ. Онъ собралъ большія воинскія силы:—его братъ Брунонь, его братъ Генрихъ, герцогъ Баварскій, его зять Конрадъ Лотарингскій, приняли участіе въ походѣ, въ который сынъ его Лудольфъ уже выступилъ самовольно, хотя и не совсѣмъ успѣшно. Само собою разумѣется, что Беренгаръ не могъ и подумать тягаться въ силахъ съ Оттономъ; онъ не сумѣлъ даже уберечь своей плѣнницы, которая тѣмъ временемъ нашла возможность ускользнуть изъ своего заточенія. У ней были въ Италіи свои приверженцы, да притомъ она обладала достаточными личными преимуществами, чтобы и самъ вдовій Оттонъ могъ предложить ей руку:—свадьба ихъ состоялась еще въ томъ же году, въ Павіи, и была справлена весьма торжественно, а молодая, прекрасная и умная Адельгейда сумѣла скорѣе подчинить своему вліянію короля-супруга. Однакоже, ему не удалось привести на этотъ разъ въ исполненіе свой замыселъ о возстановленіи имперіи Карла Великаго и коронованіи въ Римѣ императорскою короною. Папа, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ брата своего, сенатора Альберика, не выказалъ расположенія къ выполнению Оттонова замысла, а Оттонъ и не думалъ захватывать вѣнецъ императорскій силою; притомъ же, скорѣе выяснилось, какія именно затрудненія происходили для него изъ новаго положенія, въ которомъ онъ очутился вслѣдствіе своего политическаго брака и перехода королевства Италійскаго во власть его.

„Otto Rex × Pacificus“.—„Argentina Uoto“ (Udo).
Монета Оттона Великаго.

Чеканена въ Страсбургѣ при епископѣ Удонѣ. Хранится въ Берлинскомъ монетно-кабинетѣ.

Королевство
Италія. Воз-
станіе Лудольфа и
Конрада.

Съ самимъ Беренгаромъ онъ справился безъ особыхъ затрудненій. Тотъ явился къ нему въ Магдебургъ для изъявленія своей покорности и получилъ королевство Ломбардское въ лѣнь отъ Оттона; однакоже, маркграфства, составлявшія прежнее герцогство Фріульское, были отдѣлены отъ Италіи и присоединены къ Баваріи, гдѣ герцогомъ былъ Генрихъ (братъ Оттона), пользовавшійся при новомъ порядкѣ очень большимъ вліяніемъ и ясно выраженнымъ расположеніемъ королевы. Именно это и возбудило неудовольствіе сына Оттонова, Лудольфа, отъ перваго брака, который давно уже былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ дядей Генрихомъ, и зятя Оттонова, Конрада Лотарингскаго. И вновь поднялась

борьба, вновь цѣлый рядъ вѣроломствъ, предательствъ и злодѣйствъ съ обѣихъ сторонъ, какъ и въ началѣ царствованія Оттона. Теперь оказывается невозможно изслѣдовать, дѣйствительно-ли было у Ліудольфа основаніе для опасеній за престолонаслѣдіе, послѣ того, какъ Адельгейда родила сына (его прозвали въ честь дѣда Генрихомъ); однакоже, нельзя не отмѣтить того факта, что заговорщики, — къ которымъ присталъ и очень хитрый и двуличный духовный сановникъ, архіепископъ Фридрихъ Майнцскій, — пользовались большимъ сочувствіемъ. Заговорщики заманили короля Оттона въ Майнцъ, гдѣ онъ надѣялся съ ними покончить миромъ; слишкомъ поздно убѣдился онъ въ томъ, что попался въ западню и находится въ ихъ власти. Онъ вынужденъ былъ согласиться на условія, предложенныя сыномъ и зятемъ, — какія именно, мы не знаемъ, — и только тогда получилъ свободу. Но и онъ поступилъ, какъ истинный сынъ своего вѣка: онъ и не подумалъ объ исполненіи вынужденныхъ у него договоровъ. Вернувшись въ Саксонію, онъ быстро оправился, созвалъ съѣздъ князей въ Фрицларфъ, и тамъ думалъ предложить на общее обсужденіе притязанія Ліудольфа и Конрада — въ ихъ же присутствіи. Однакоже, они не явились, а потому заочно были осуждены на изгнаніе, вмѣстѣ съ епископомъ Майнцскимъ, и лишены своихъ герцогствъ; но они были достаточно сильны для того, чтобы отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ, и потому поднялась борьба, наполнившая всю Германію громомъ оружія. Король съ большимъ войскомъ подступилъ къ Майнцу, который выдержалъ многомѣсячную осаду. Дѣло дошло до свиданія обоихъ мятежниковъ съ королемъ-отцомъ передъ воротами города: лѣтоисецъ рассказываетъ, что Брунонъ, дядя, рѣзко выговаривалъ ослѣпленному Ліудольфу за его проступокъ и заблужденіе, но — тщетно. Между тѣмъ возстаніе охватило и Баварію, и даже въ Саксоніи удалось Конраду и Ліудольфу найти себѣ приверженцевъ; въ Швабіи и Франконіи мятежники одержали даже верхъ надъ королемъ — отъ Регенсбурга онъ вынужденъ былъ отступить безъ всякаго успѣха, какъ и отъ Майнца. Только въ Лотарингіи перевѣсъ оказался на сторонѣ Оттона. Здѣсь необычайное положеніе вынудило короля къ принятію необычайной мѣры: когда, по смерти Кельнскаго архіепископа, Брунонъ былъ назначенъ на его мѣсто (953 г.), то король ему же предоставилъ и герцогскія права на Лотарингію.

Ближе глядяваясь въ борьбу короля съ сыномъ и зятемъ, мы не видимъ у мятежниковъ никакой серьезной политической цѣли; о какой бы то ни было германско-національной оппозиціи противъ Оттоновой итальянской политики не можетъ быть и рѣчи; въ основѣ притязаній, заявленныхъ Ліудольфомъ и Конрадомъ, видны только чисто-своекорыстныя цѣли, и тщетно ищемъ мы оправданія имъ въ какомъ-нибудь благородномъ побужденіи или заблужденіи. Пагубныя послѣдствія всѣхъ этихъ раздоровъ не замедлили проявиться: ранней весной 954 г. Магьяры, много разъ терпѣвшіе поражение отъ герцога Генриха, огромнымъ полчищемъ вторглись въ Баварію. Эти враги имени Христова, очевидно, были призваны Ліудольфомъ и Конрадомъ, чтобы облегчить имъ борьбу противъ Оттона. Но король поступилъ очень умно: собралъ войско, какъ бы для отраженія Магьяръ изъ Баваріи, которую они, тѣмъ временемъ,

успѣли уже покинуть,—и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подчинить себѣ и Баварію. А между тѣмъ вторженіе Магьяръ многихъ образумило, и королевская партія всюду вновь подняла голову. Оттонъ же, со своей стороны, сумѣлъ окончательно сломить сопротивленіе сына и зятя тѣмъ, что въ одномъ мѣстечкѣ близъ Нюрнберга назначилъ день, въ который они должны были къ нему явиться для примиренія. Конрадъ покорился ему первый и сложилъ оружіе, явившись на этотъ съѣздъ, на который съѣхалось очень много духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ. Архіепископъ Фридрихъ явился также и испросилъ себѣ помилованье; явился и Ліудольфъ, но еще не могъ преодолѣть ненависти къ дядѣ, тайно уѣхалъ со съѣзда и еще разъ попытался прибѣгнуть къ оружію; нѣсколько мѣсяцевъ спустя и онъ тоже прибѣгнулъ къ милости короля. Вскорѣ послѣ того, на одномъ изъ съѣздовъ, Ліудольфъ и Конрадъ были приговорены къ лишенію герцогствъ и коронныхъ лѣнныхъ владѣній, но ихъ личная собственность была имъ оставлена. Около того же времени архіепископъ Фридрихъ умеръ, его кафедра осталась вакантною, и король передалъ ее своему побочному сыну, *Вильгельму*. Только въ слѣдующемъ, 955 г., сдался, наконецъ, такъ упорно оборонявшійся Регенсбургъ, и тѣмъ закончилась эта уже вторая междоусобная война въ правленіе Оттона I.

Битва съ
Венгерцами
на Лехскомъ
полѣ. 955 г.

Король возвратился въ Саксонію и собирался направить силы на Сѣверо-Востокъ, чтобы закончить однимъ ударомъ ту борьбу съ Славянами (Вендами), которую съ трудомъ выдерживали его маркграфы—Германъ и Геро, какъ вдругъ до него дошла вѣсть о предстоящемъ вторженіи Магьяровъ, и онъ вновь долженъ былъ двинуть силы на Югъ. Полчища враговъ были на этотъ разъ болѣе чѣмъ когда-либо многочисленны, и собрались въ долину Аугсбургской. Сначала они направились къ городу Аугсбургу, гдѣ вѣрный приверженецъ короля, епископъ Ульрихъ, ободрилъ гражданъ къ мужественной оборонѣ. Однакоже, враги отхлынули отъ города только тогда, когда до нихъ дошло извѣстіе о приближеніи королевскаго войска. Извѣстія, дошедшія до насъ о знаменитой битвѣ на Лехскомъ полѣ (въ августѣ 955 г.), хотя и весьма подробны, однакоже по нимъ довольно трудно съ полною достовѣрностью возстановить правильную картину боя. Оттону удалось собрать не особенно многочисленное, но стройное войско, въ составъ котораго входили контингенты его вассаловъ, и только Лотарингамъ не удалось прибыть къ мѣсту битвы во-время; тутъ были и Саксы, и Баварцы, и Швабы, и Франки, и въ войскѣ королевскомъ находилась войсковая святыня, такъ называемый «ангелъ», т. е. копье съ изображеніемъ архангела Михаила; бывший герцогъ Лотарингскій, Конрадъ, искушилъ здѣсь свою измѣну мужествомъ противъ враговъ отечества и палъ смертью героя, а исконный врагъ и побѣдитель Магьяръ,—герцогъ Генрихъ,—по болѣзни не могъ принять участія въ этой рѣшительной битвѣ. Битва эта приняла сначала оборотъ неблагоприятный, такъ какъ нѣкоторой части непріятелей удалось зайти въ тылъ королевскому войску и напасть на обозъ его; но главная сила ихъ не выдержала стройнаго натиска нѣмцевъ, врѣзавшихся въ ихъ полчища въ видѣ отборнаго коннаго отряда закованныхъ

въ желѣзо и тяжело вооруженныхъ всадниковъ. Магъяры ударились въ бѣгство, и бѣгство это оказалось для нихъ еще гибельнѣе самой битвы. Оттонъ преслѣдовалъ бѣгущихъ настойчиво; воины его никого не брали въ плѣнъ; тамъ, гдѣ враги старались укрыться въ жилищахъ и другихъ укромныхъ мѣстахъ, воины подкладывали огонь и жгли ихъ безпощадно. Послѣ этого страшнаго пораженія, дикія орды Магъяровъ уже не дерзали болѣе вторгаться въ западныя страны.

Въ октябрѣ того же года, подъ личнымъ предводительствомъ Оттона, одержана была большая побѣда надъ Вендами при Рекницѣ: голова вендскаго князя, павшаго въ битвѣ, была принесена королю, 700 плѣнниковъ безпощадно обезглавлены. Въ этой битвѣ и сынъ Лидольфъ бился въ рядахъ королевскаго войска (въ Лехскомъ сраженіи онъ не участвовалъ).

Вечеромъ, въ день побѣды, одержанной на Лехскомъ полѣ надъ Магъярами, собравшіеся около короля рыцари его и вельможи привѣтствовали его, какъ «императора»—такъ сообщаютъ намъ современные лѣтописцы; и, дѣйствительно, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ имѣлъ право подумать о восстановленіи въ лицѣ своемъ той императорской власти, какою нѣкогда обладалъ Карлъ Великій. Последнія восемнадцать лѣтъ его царствованія протекли гораздо болѣе мирно и спокойно, нежели первыя девятнадцать лѣтъ (до Лехской битвы). Неумоимо занимаясь дѣлами по внутреннему устройству государства, Оттонъ непрерывно переезжалъ изъ

Побѣда надъ
Вендами.

Второй по-
ходъ въ
Италію.

„Otto Imperator Augustus“.

Императорская печать Оттона Великаго.

мѣста въ мѣсто, изъ округа въ округъ: гдѣ онъ являлся, тамъ уже ожидали его накопившіяся разнообразныя дѣла, требовавшія его разрѣшенія, споры и тяжбы, ожидавшія его резолюціи. Первымъ совѣтникомъ Оттона, до самаго конца, оставался его братъ Брунонь, который (въ особенности послѣ смерти его третьяго брата, Генриха, въ 955 г.) былъ какъ бы совратителемъ короля. И королева Адельгейда пользовалась также боль-

нимъ влияніемъ на супруга, гораздо болѣшимъ, чѣмъ его мать Матильда, которая послѣ смерти сына своего, Генриха, исключительно посвятила себя дѣламъ духовнымъ: королевѣ Адельгейдѣ принадлежитъ честь введенія и поддержанія при дворѣ Оттоновомъ такихъ строгихъ обычаевъ и такого достоинства въ отношеніяхъ, которыя дѣлали этотъ дворъ нисколько не похожимъ на дворы меровингскихъ и каролингскихъ королей.

Только уже въ 961 г. Оттонъ предпринялъ свой второй походъ въ Италію. Здѣсь давно уже измѣнились прежнія отношенія, такъ какъ Беренгаръ не способенъ былъ долго сносить свое положеніе вассала. Въ 956 г., по порученію короля Оттона, сынъ его, Лиудольфъ, воевалъ въ Италіи и побѣдилъ Беренгарова сына, Адальберта; вскорѣ послѣ этого, самъ Лиудольфъ скончался (957 г.). Во внутреннемъ бытѣ государственномъ эта смерть не произвела никакой перемѣны: сынъ отъ брака съ Адельгейдою, *Оттонъ* по имени, былъ уже на возрастѣ; съ нимъ вмѣстѣ воспитывался и другой *Оттонъ*, сынъ Лиудольфа. Герцогство Баварское было предоставлено 4-хъ-лѣтнему сыну Генриха, также Генриху по имени, надъ которымъ опекуницею была его мать, Юдиохъ. Въ 960 году король опять объѣзжалъ свое королевство; всѣ знали, что онъ вскорѣ долженъ будетъ отправиться въ Римъ. Въ маѣ слѣдующаго года назначенъ былъ съѣздъ епископовъ и свѣтской знати въ Вормсѣ,—и здѣсь-то 7-ми-лѣтній мальчикъ Оттонъ, сынъ Оттона I и Адельгейды, былъ избранъ королемъ Восточно-Франкскаго государства, и, нѣсколько дней спустя, коронованъ въ Аахенѣ. Послѣ того, когда всѣ эти мѣры были приняты, въ виду обезпеченія будущаго, король двинулся за Альпы, куда теперь призывалъ его порочный юноша, сидѣвшій на папскомъ престолѣ подъ именемъ *Іоанна XII*; утѣшяемый Беренгаромъ, онъ звалъ о помощи къ Оттону. Когда Оттонъ явился съ войскомъ въ Ломбардіи, могущество Беренгара разлетѣлось прахомъ; большое войско, собранное имъ, разбѣжалось, бѣжалъ и онъ самъ, и Оттонъ безпрепятственно явился подъ стѣнами Рима,

Оттонъ
императоръ.
962 г.

Принять онъ былъ наилучшимъ образомъ: въ воскресенье, послѣ торжественной встрѣчи (2-го февраля 962 г.), папа вручилъ ему императорскую корону въ церкви Св. Петра, а императоръ обѣщавъ возвратитъ ему прежнія церковныя владѣнія папѣ. Вообще, сближеніе съ папой было для императора тѣмъ болѣе необходимо, что онъ имѣлъ въ виду осуществленіе многихъ важныхъ плановъ—хотѣлъ возвести Магдебургъ въ архіепископію, учредить епископію въ Мерзебургѣ—да и вообще при управленіи государствомъ, болѣе чѣмъ какой-либо государь, опирался и вынужденъ былъ опираться на духовный элементъ, на епископовъ, такъ какъ свѣтская аристократія во многихъ случаяхъ противилась возрастающему могуществу его государства.

Императоръ
и папа.

Но согласіе съ этимъ папою оказалось непродолжительнымъ. Могущество императорской власти въ рукахъ Оттона представляло само по себѣ силу весьма осязательную, и порочному, слабому Іоанну XII это могущество было не по-нутру. Онъ сталъ сноситься съ Беренгаромъ, затѣвая заговоръ противъ Оттона: затѣмъ принявъ у себя въ Римѣ сына Беренгарова, Адальберта, бѣжавшаго къ Арабамъ. Но императоръ, въ

ноябрь 963 г., явился въ Римъ побѣдителемъ и взялъ клятву съ населенія, что оно, на будущее время, никогда не избересть папы и не допуститъ посвященія его въ этотъ санъ, не испросивъ на то согласія императора. Тутъ же воспользовался онъ случаемъ для примѣненія своей власти на дѣлѣ. Онъ созвалъ мѣстный соборъ для суда надъ папою Іоанномъ XII, и самъ въ томъ соборѣ предсѣдательствовалъ. Въ обвинительномъ актѣ приведенъ былъ длинный рядъ тяжкихъ прегрѣшеній, которыми этотъ папа опозорилъ престолъ Св. Петра—онъ былъ смѣщенъ и на мѣсто его избранъ папа *Левъ VIII*. Конечно, дѣло не обошлось безъ смуть и волненій, въ которыхъ дѣятельное участіе принималъ Беренгаръ и его порочная супруга, Вилла, но они вскорѣ попались въ плѣнъ Оттону и были отправлены имъ въ ссылку, въ далекій Бамбергъ. Папа Іоаннъ еще разъ попытался силою вернуть себѣ власть, но, по возвращеніи въ Римъ, скоропостижно скончался отъ удара. Партія его въ Римѣ задумала было, попрежнему, избрать папу по своему произволу; но Оттонъ не допустилъ этого, вторично вступилъ въ Римъ побѣдителемъ и возстановилъ Льва VIII на папскомъ престолѣ (964 г.).

Въ началѣ 965 г. Оттонъ былъ уже вновь въ Германіи. Его мать, вдова короля Генриха, окруженная многими членами его семьи, встрѣтила сына въ епископскомъ дворцѣ въ Кельвѣ и привѣтствовала его, какъ императора.

Въ томъ же году императоръ понесъ чувствительную утрату: умеръ его братъ, другъ и совѣтникъ, архіепископъ Брунонь, и умеръ именно въ такое время, когда помощь его была болѣе всего необходима, такъ какъ императоръ около этого времени занялъ былъ учрежденіемъ новой архіепископіи Магдебургской *), и ему не мало приходилось бороться съ своекорыстіемъ и строптивостью высшаго духовенства.

Собравъ еще разъ вельможъ и князей на съѣздъ въ Вормсѣ, Оттонъ (осенью 966 г.) въ третій разъ двинулся въ Италію. Замѣна одного папы другимъ на этотъ разъ произведена была, согласно праву, которое присвоилъ себѣ Оттонъ: новый папа Іоаннъ XIII, былъ преданъ императору и рѣшилъ всѣ вопросы церковные согласно его волѣ. Но дальнѣйшіе планы, выполненіемъ которыхъ Оттонъ думалъ было заняться въ это свое пребываніе въ Италиі, не могли осуществиться настолько скоро, насколько онъ того желалъ. Ему хотѣлось бы освободить полуостровъ изъ-подъ власти Сарациновъ и окончателно присоединить Италію къ своему царству; съ этою цѣлью онъ задумывалъ даже женить своего сына и наслѣдника, Оттона (II) на дочери греческаго императора Романа II—на Теофано. Юный Оттонъ въ концѣ октября 967 г. прибылъ въ Римъ, и въ самое Рождество былъ коронованъ папою, какъ будущій императоръ. Но не все удавалось Оттону уладить такъ уснѣшно, какъ его отношенія къ Риму.

Въ Кордовѣ правилъ въ то время челоѣкъ замѣчательный — *Абдер-раманъ III*, вступившій на тронъ Калифата въ 912 г. Власть его простиралась и по сю, и по ту сторону Гибралтарскаго пролива. Онъ ста-

Третій походъ въ Италію. 966 г.

Отношенія къ Арабамъ.

*) Эта архіепископія была поставлена во главѣ подчиненныхъ ей епископій въ Мерзебургѣ, Зейцѣ, Мейссенѣ, Бранденбургѣ и Гавельбергѣ.

рался мирнымъ путемъ прекратить борьбу Арабовъ на Сѣверѣ съ христіанскими государствами, а потому и къ Оттону отправилъ посольство: на это посольство восточно-франкскій король отвѣчалъ нѣсколько времени спустя такимъ же точно посольствомъ, и до насъ дошла часть отчета о немъ лотарингскаго монаха Іоанна, который принималъ участіе въ этой несомнѣнно безопасной дипломатической миссіи. Этотъ любопытнѣйшій памятникъ служить намъ яснымъ доказательствомъ того, въ какой степени глубоко-чуждыми другъ другу были тогда эти оба міра, франкско-христіанскій и испанско-мухамеданскій. Отчетъ монаха Іоанна вполне напоминаетъ собою нынѣшніе рассказы путешественниковъ о посѣщеніи ими странъ внутренней Африки или отдаленнѣйшихъ окраинъ Азіи, но только при чтеніи этого отчета никакъ нельзя сказать, чтобы посланный христіанской державы производилъ на насъ лучшее впечатлѣніе, нежели тѣ, къ кому онъ былъ посланъ. Главнымъ затрудненіемъ при соглашеніи былъ обоюдный религиозный фанатизмъ: всѣ въ Кордовѣ были чрезвычайно возмущены, такъ какъ прошелъ слухъ, будто писемъ франкскаго короля заключаетъ въ себѣ нападки на исламъ. Но калифъ все же отнесся милостиво къ Іоанну, такъ какъ тотъ на требованіе, обращенное къ нему, чтобы онъ снялъ одежду своего ордена, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и вообще выказалъ мужество, которое внушило къ нему уваженіе. Особенно заслуживаетъ вниманія то мѣсто отчета, которое излагаетъ самую аудіенцію во дворцѣ Абдеррамана: «въ *одномъ* только твой господинъ не выказываетъ особенной мудрости»—такъ говорилъ калифъ посланному—«въ томъ, что онъ не всю власть въ рукахъ своихъ держитъ, а раздаетъ своимъ приближеннымъ части государства...» Онъ, видимо, зналъ о возстаніи Мудольфа и о вторженіи Магъяръ. Цѣль посольства—требованіе, чтобы Арабы очистили Фракеннетумъ—не была достигнута; точно такъ же не добился ея и самъ Оттонъ, лично, во время этого третьяго, весьма продолжительнаго пребыванія на Югѣ.

Отношенія
къ Византіи.
Бракосочета-
ніе съ
греческой
принцессой.
972 г.

Именно въ это время, Оттона, однакоже, главнымъ образомъ, занимали его отношенія къ Греческой имперіи. Такъ, послѣ долгаго правленія Константина (913—959) и послѣ того, какъ сынъ его, Романъ II, умеръ въ 963 году еще совсемъ молодымъ человѣкомъ, воцарился мужественный воинъ, *Никифоръ Фока*, которому Теофано, вдова Романа, отдала руку; онъ успѣшно воевалъ съ Арабами и отнялъ у нихъ важный островъ Критъ; отъ него-то и зависѣло согласіе на бракъ юной принцессы Теофано съ сыномъ Оттона. Греки, повидимому, подавали видъ, будто они имѣютъ полную возможность сохранить за собою свое положеніе въ Южной Италіи, хотя, ради этой цѣли, онъ и долженъ былъ на время уступить Сарацинамъ островъ Сицилію. Въ 968 г. Оттонъ послалъ одного изъ своихъ духовныхъ дипломатовъ, епископа *Лютпранда* Веронскаго въ Константинополь. Но и тотъ ничего не добился при византійскомъ дворѣ. И только уже послѣ смерти Никифора Фоки, убитаго Іоанномъ Цимисхіемъ, воцарившимся на его мѣсто, — переговоры привели къ благополучной развязкѣ. Въ началѣ 972 г., юная Теофано прибыла въ Апулію и свадьба ея съ Оттономъ II была отпразднована съ пышностью, достойною столь высокаго бракосочетанія.

Статуи Оттона Великаго и Эдиты въ одной изъ напелль Магдебургскаго собора.

Затѣмъ старшій изъ двоихъ императоровъ вернулся въ Германію; весьма многозначительнымъ доказательствомъ высокаго авторитета, достигнутого имъ, служитъ то, что въ теченіе его 6-ти-лѣтняго отсутствія (966—972 г.) не произошло никакого серьезнаго нарушенія спокойствія ни внутри, ни извнѣ. Пасху 973 г. Оттонъ встрѣтилъ въ Кведлинбургѣ, въ кругу своей семьи и среди многочисленнаго собранія графовъ, князей и епископовъ, съѣхавшихся по случаю прибытія императора въ тотъ же городъ. Вскорѣ послѣ того (7 мая 973 г.) Оттонъ скончался на 61 году.

Оттонъ II.
Отъ 973—
983 г.

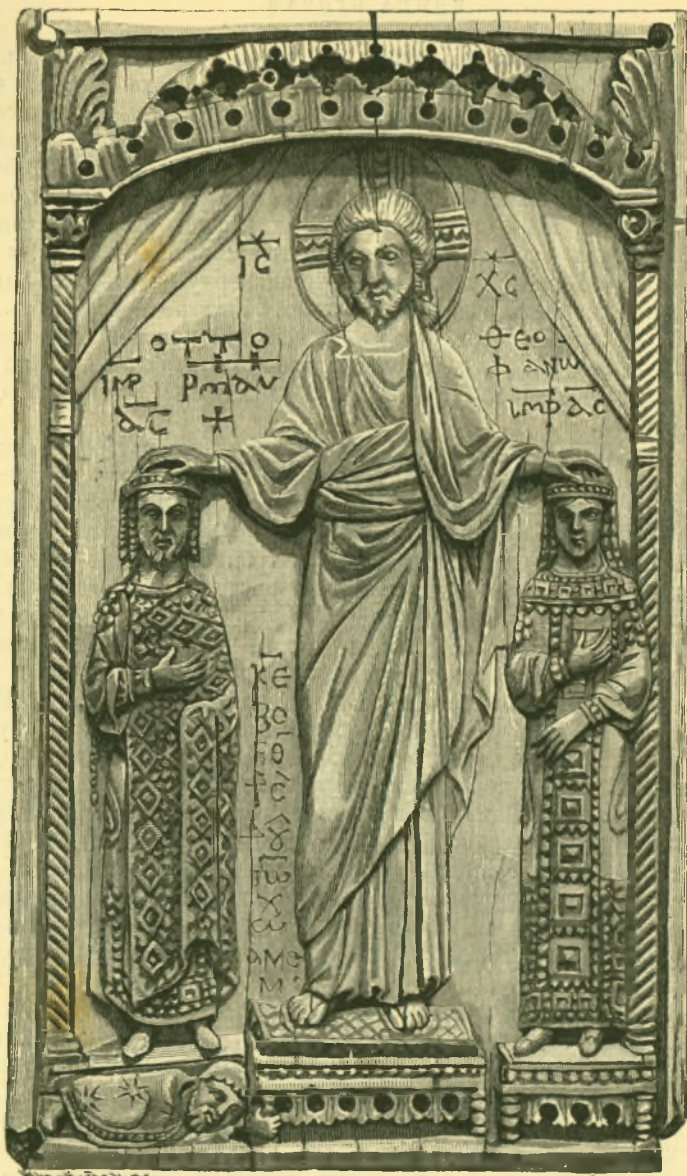
Оттону II было всего 18 лѣтъ отъ роду, когда онъ вступилъ въ дѣйствительное управленіе великимъ государствомъ, императоромъ котораго онъ числился уже съ 13-ти-лѣтняго возраста. Современные лѣтописцы изображаютъ намъ его малорослымъ, но подвижнымъ и мужественнымъ. Къ тому же кратковременное (973—983) правленіе его доставило ему полную возможность выказать это мужество. По смерти Бурхарда, герцога Швабскаго, онъ передалъ это герцогство Оттону, Ліудольфову сыну, который съ нимъ вмѣстѣ выросъ; съ другой стороны, *Восточную марку* (Ostmark) — нынѣшнее эрцгерцогство Австрійское, онъ поручилъ въ управленіе Лютпольду, герцогу Бабенбергскому. Это предпочтеніе, оказанное Бабенбергскому дому и Оттону, сыну Ліудольфа, возбудило зависть герцога Генриха (II) Баварскаго, который, въ союзѣ съ князьями Богеміи и Польши, возсталъ противъ императора Оттона II. Онъ былъ усмирень, и, послѣ вторичнаго возстанія въ 976 году, лишенъ своего герцогства, которое передано было Оттону Швабскому. Въ то же время *Каринтія* была отдѣлена отъ могущественнаго герцогства Баварскаго и, въ соединеніи съ *Веронскою маркою*, образовала особое герцогство; оно было передано во владѣніе Генриху Младшему, сыну бывшаго герцога Баварскаго, Бертольда.

Война трехъ
Генриховъ.

Въ 974 г. юный императоръ совершилъ походъ противъ Даніи, и кровавая битва произошла при знаменитомъ укрѣпленіи, Донервикъ. Укрѣпленіе было взято, и король Гаральдъ покорился; вскорѣ послѣ того смирился и Богемскій герцогъ Болеславъ. Но затѣмъ, вновь вспыхнуло возстаніе въ Баваріи, гдѣ знамя бунта было поднято тремя Генрихами: изгнаннымъ Генрихомъ, Генрихомъ, герцогомъ Каринтіискимъ, и однимъ изъ ихъ родственниковъ, епископомъ Гернихомъ Аугсбургскимъ. Возстаніе было подавлено: оба герцога създомъ князей осуждены на низложеніе и изгнаніе; епископу Генриху, послѣ кратковременнаго заключенія, дозволено было возвратиться въ его епископію.

Оттонъ II
подъ Па-
рижемъ.

Осенью того же года неожиданное нападеніе съ Запада побудило юнаго короля совершить весьма смѣлый походъ. Король Западно-Франкскаго государства, Лотарь (954—986 г.), братъ котораго, Карль, еще незадолго передъ тѣмъ принялъ лѣнное владѣніе въ Нижней Лотарингіи изъ рукъ императора Оттона I, въ мирное время и даже безъ объявленія войны, внезапно вторгся съ сильнымъ войскомъ въ Лотарингію. Онъ прямо ударилъ на Аахенъ, гдѣ въ то время императоръ находился, съ видимымъ намѣреніемъ захватить его въ плѣнъ: и дѣйствительно Оттонъ II, съ молодою супругою своею, едва успѣли ускользнуть въ Кельнъ. Лотарь удовольствовался тѣмъ, что повернулъ изображеніе орла на император-

Оттонъ II и его супруга Теофано, благословляемые Христомъ.
Рѣзанное на слоновой кости изображение на ковчегѣ съ мощами. Хранится въ
Клюнійскомъ музеѣ, въ Парижѣ.

Надписи: Іηсусъ Христосъ.

Оттонъ,
императоръ Римскій.

Теофано,
императрица.

Христе! Помоги Твоему помазаннику! Аминь.

скомъ дворцѣ съ востока на западъ, и вновь удалился въ свои владѣнія; но королевскіе вассалы на этотъ разъ собрались необычайно быстро, «и всѣ единодушно, какъ одинъ человѣкъ, были возмущены нанесеннымъ императору оскорбленіемъ»—и вотъ Оттонъ, во главѣ войска, «какого ни до того, ни послѣ того не видывали» (предполагаютъ около 60,000 чел.), вступилъ въ предѣлы Западно-Франкскаго государства. Онъ дошелъ до самаго Парижа и могъ его окинуть взглядомъ съ «горы Мучениковъ» (Монмартра). Тутъ собралъ онъ духовенство со всего войска и приказалъ пѣть «Тебѣ Бога хвалимъ»,—и тоже вернулся въ свои предѣлы. Въ 980 г., при личномъ свиданіи съ нимъ, Лотарь отказался отъ своихъ притязаній. Незадолго передъ тѣмъ и польскій князь Мѣшко изъявилъ Оттону полную покорность и такимъ образомъ ему удалось прочно утвердить свое владѣтельство въ предѣлахъ того царства, которое было ему завѣщено отцомъ.

Походъ
въ Италію.
980 г.

Когда ему это удалось—ему, первому изъ императоровъ, оказалось необходимо совершить походъ въ Италію, и этотъ походъ являлся неизбежною для него обязанностью, почти долгомъ. Его вынуждалъ къ этому походу самый титулъ римскаго императора, который былъ не пустымъ словомъ, а такимъ же многозначимымъ и громкимъ, какъ и самый титулъ «папы». Возстановленіе этого многозначительнаго политическаго понятія имѣло естественнымъ слѣдствіемъ то, что все, недовольное германскою властью въ Италіи, обратило взоры въ сторону Константинополя, гдѣ многіе (и не только въ придворныхъ кружкахъ) смотрѣли на германскую императорскую власть въ Италіи, какъ на узурпацію. Тамъ же происходило вотъ что: въ 976 г. умеръ *Іоаннъ Цимисхій*, сумѣвшій быстро поднять значеніе Греческой имперіи и своимъ необычайно счастливымъ походомъ на Востокъ вновь заставившій уважать могущество Византіи. Самъ калифъ Багдадскій трепеталъ передъ побѣдоноснымъ войскомъ «Ромейцевъ», уже занявши Месопотамію. И вдругъ государство очутилось во власти двонхъ братьевъ супруги Оттона II,—*Василія II* и *Константина IX*, не обладавшихъ ни воинскою, ни какой-либо иной энергіей; само собою разумѣется, что и по отношенію къ италійскимъ владѣніямъ Византіи (въ Апуліи и Калабріи) находились въ полной нерѣшительности: они и уступить не хотѣли, и защитить ихъ надлежащимъ образомъ не могли. Эти мѣстности, а вмѣстѣ съ ними и вся Южная и Средняя Италія были совершенно беззащитны отъ нападений страшнѣйшаго изъ всѣхъ враговъ—Арабовъ, которые въ 976 г., подъ начальствомъ Абульказема, намѣстника Сѣверной Африки *), опустошили и Апулію, и Калабрію огнемъ и мечомъ, и угрожали Ломбардскимъ княжествамъ Беневентскому и Сполетскому,—составлявшимъ какъ бы преддверіе Рима. Однимъ словомъ, здѣсь, въ Италіи, исламъ опять начиналъ переходить къ наступленію.

Апулійская
катастрофа.
982 г.

Осенью 980 года Оттонъ II съ супругою и малолѣтнимъ сыномъ отправился въ Италію. Этотъ шагъ примирилъ сына и съ матерью его,

*) Начиная съ 969 года въ Сѣверной Африкѣ и въ Египтѣ утвердилась могущественная династія Фатимидовъ.

Адельгейдой, съ которой отношенія нѣсколько поразстроились, и матери вернулъ ей прежнее значеніе. По прибытіи въ Римъ, онъ вернулъ и возстановилъ на папскомъ престолѣ папу, незадолго передъ тѣмъ изгнаннаго изъ Рима возмутившеюся противъ него знатью. Приведенное императоромъ изъ Германіи не особенно сильное войско, мало-по-малу, пополнилось итальянскими контингентами и призванными на службу ратниками изъ Лотарингіи, Франкскаго герцогства, Южной Германіи. Въ сентябрѣ 981 года императоръ выступилъ въ походъ, но только въ слѣдующемъ году дѣло дошло до рѣшительнаго сраженія. При *Колоннѣ*, на самомъ югѣ Италіи, близъ древнихъ городовъ Кротоны и Тарента, была одержана блестящая побѣда надъ Арабами: самъ Абульказемъ, или, по выраженію современной хроники, «король этихъ язычниковъ Буликассинусъ», палъ въ битвѣ. Но вскорѣ послѣ этого обстоятельства вдругъ совершенно измѣнились. Подробности катастрофы намъ неизвѣстны: знаемъ только, что, на обратномъ пути изъ Южн. Италіи, войско императора попало на засаду или подверглось столь внезапному нападенію Арабовъ, что только какимъ-то чудомъ удалось Оттону ускользнуть отъ общей гибели, добраться до моря и попасть на стоявшій близъ берега корабль. Корабль оказался греческимъ, и съ него, по приближеніи къ дружественнымъ берегамъ, Оттону пришлось спасаться чуть-ли не вилавъ, чтобы избѣжать новыхъ, грозившихъ ему приключеній.

Пораженіе, понесенное Оттономъ, вездѣ вызвало сильное возбужденіе; не вполнѣ еще усмиренные сосѣдніе народы на сѣверной и восточной окраинахъ государства—заволновались; въ Германіи же и въ особенности въ Саксоніи все населеніе и могущественнѣйшіе вассалы отнеслись къ этому пораженію со стороны невѣрныхъ съ негодованіемъ и понятнымъ желаніемъ отмщенія. Оттонъ II, выказавшій себя среди этихъ опасностей достойнымъ своего отца, созвалъ общій съѣздъ въ *Веронѣ*, — и съѣздъ оказался весьма многочисленнымъ (въ іюнѣ 983 г.). На съѣздѣ присутствовали и члены его семьи—его мать Адельгейда, его супруга, его сестра Матильда, абатисса Кведлинбургская, а равно и великое множество германскихъ и итальянскихъ князей; предприняты были большія вооруженія и самъ Оттонъ задался широкимъ замысломъ:—въ возмездіе за понесенное пораженіе онъ рѣшился окончательно освободить Италію отъ Арабовъ и отнять у нихъ Сицилію. За смертью (незадолго до съѣзда) Оттона, герцога Баварскаго, это герцогство было вновь передано въ лѣнное владѣніе *Генриху Младшему*, сыну Бертольдому, чѣмъ и былъ восстановленъ миръ съ Баварскимъ домомъ. Безъ всякаго труда, единогласно, на томъ же съѣздѣ, маленькій Оттонъ былъ избранъ королемъ восточно-франкскаго и италійскаго государства, которое здѣсь впервые явилось единымъ и общимъ.

Вооруженія велись очень ревностно, и императоръ отправился въ Римъ; здѣсь, во время его пребыванія, въ октябрѣ 983 г., умеръ папа, и Оттонъ, присутствуя при выборахъ новаго папы, способствовалъ избранію преданнаго ему человѣка. Извѣстія, доходившія съ далекаго Сѣвера и Сѣвера-Востока, были неутѣшительны:—въ Даніи и въ землѣ Вендовъ и христіанство, и нѣмецкое вліяніе были сильно поколеблены какими-то по-

Съѣздъ князей въ Веронѣ.

Кончина Оттона II, 983.

выми движеніями въ язычествѣ. Въ Даніи, сынъ принявшаго христіанство короля Гаральда, Свенъ, возсталъ противъ отца, и отъ него удалось отстоять только Шлезвигскую, марку; а славянскія племена огненнымъ потокомъ протекли по всѣмъ городамъ, служившимъ резиденціей христіанской миссіи—Гавельбергу, Бранденбургу, Гамбургу; церкви и монастыри были разрушены, мощи святыхъ осквернены, духовенство—гдѣ не успѣло бѣжать—перебито или уведено въ плѣнъ и повсемѣстно возстановлено «бѣсовское служеніе» (983 г.); отъ вторженія и неистовствъ язычниковъ на-скоро собранными войсками удалось охранить только побережья Эльбы. Въ довершеніе бѣдствія, императоръ, при полученіи этихъ извѣстій, тяжело заболѣлъ въ Римѣ, и 7-го декабря 983 г. умеръ, на 28-мъ году, оставивъ все царство свое въ наслѣдство четырехлѣтнему младенцу.

Регентство
императри-
цы Теофано.

Извѣстіе о кончинѣ императора пришло въ Аахенъ какъ разъ въ то время, когда двое епископовъ, нѣмецъ и итальянецъ—Виллигизъ Майнцскій и Іоаннъ Равеннскій—торжественно вѣнчали младенца Оттона королевскою короною (объ Рождествѣ 983). О правѣ наслѣдованія никто уже и не думалъ спорить: государственное единство, насколько оно успѣло установиться въ послѣднія три царствованія, стало уже въ тѣснѣйшую связь съ весьма многими интересами, такъ что поколебать его было уже не легко. Вопросъ поднялся только о томъ, кому быть опекуномъ и регентомъ на время малолѣтства Оттонова?—матери ли его, Теофано, или ближайшему родственнику покойнаго императора. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и происковъ со стороны одного изъ ближайшихъ родственниковъ царствующаго дома, партія вдовствующей императрицы взяла верхъ, при усердной помощи со стороны одного изъ важнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ имперіи—*Виллигиза*, архіепископа Майнцакаго *)—и Теофано была назначена правительницей впредь до совершеннолѣтія короля Оттона.

Виллигизъ
Майнцскій.

Теофано правила весьма разумно и ея регентство, протекшее довольно мирно и спокойно, дѣлаетъ великую честь тонкому политическому такту этой молодой греческой княжны. На воспитаніе царственного младенца нѣкоторое вліяніе оказала и бабка его, Адельгейда, и тетка его, абатисса Матильда Кведлинбургская: тамъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ династій, эти женщины сходились между собою легко, хотя въ остальномъ далеко не всегда жили въ ладу. Главнымъ дѣльцомъ и руководителемъ въ дѣлахъ государственныхъ былъ архіепископъ Майнцскій, Виллигизъ, а главнымъ воспитателемъ юнаго короля былъ епископъ Бернвардъ Гильдесгеймскій, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей своего времени.

Перемѣна ди-
настій въ
Западно-
Франск.
государ-
ствѣ.

Одною изъ важныхъ задачъ регентства въ эти годы младенчества короля Оттона III было сохраненіе мирныхъ отношеній къ Западно-Франкскому государству, гдѣ произошла около этого времени перемѣна династій. Въ 986 г. умеръ Лотарь II, а въ слѣдующемъ году и сынъ его, Лудвигъ V, и единственнымъ отпрыскомъ дома Каролинговъ остался тотъ *Карль*, которому Оттонъ II (въ 977 г.) отдалъ Нижнюю Лотарингію въ лѣнъ; уже эта лѣнная зависимость отъ императора германскаго дѣлала

*) Виллигизъ былъ сынъ простаго крестьянина изъ Нижней Саксоніи; проница- тельный Оттонъ I сумѣлъ отличить его въ средѣ духовныхъ, а Оттонъ II способ- ствовалъ возведенію его въ высшій духовный санъ.

Карла ненавистнымъ для западно-франкской знати, тѣмъ болѣе, что и женатъ онъ былъ на дочери простого служилаго человѣка. Вотъ почему большинствомъ знати въ королѣ былъ избранъ могущественнѣйшій изъ западно-франкскихъ вельможъ, *Гуго*, герцогъ Франціи, иначе — *Гуго-Капетъ* (987). Но и у Карла были свои приверженцы, и между обоими соперниками завязалась довольно долгая борьба, закончившаяся тѣмъ, что Карлъ былъ предательски захваченъ въ плѣнъ, выданъ Капету, и вскорѣ умеръ въ заключеніи. Новый король, однакоже, имѣлъ свои основанія быть очень осторожнымъ по отношенію къ Восточно-Франкскому государству и потому отношенія между сосѣдями сложились весьма удовлетворительно для Теофано.

Ей даже до нѣкоторой степени оказалось выгоднымъ то, что западно-франкскіе епископы изъ партіи Гуго-Капета стали въ нѣкоторую оппозицію съ папскимъ престоломъ:—это еще тѣснѣе скрѣпило связь между Римомъ, Италіей и Саксонскою династіей, постоянно заботившейся о поддержкѣ церковнаго единства. Но молодая и умная правительница прожила недолго: въ 991 г. она скончалась, и вдовствующая императрица Адельгейда посѣлила изъ Италіи (гдѣ она занималась дѣлами управленія), чтобы замѣнить собою правительницу; но уже четыре года спустя, юный король, которому минуло 15 лѣтъ, принялъ участіе въ одномъ изъ походовъ противъ Славянъ, а затѣмъ вступилъ и въ управленіе дѣлами.

Очень мудро было бы сказать что-нибудь въполнѣ опредѣленное объ этомъ несчастномъ юношѣ, которому пришлось вступить на престолъ на 15-мъ году, и умереть на 22-мъ году. Знаемъ о немъ, что онъ обладалъ пріятною внѣшностью, что былъ одаренъ рѣдкими способностями и, по тому времени, получилъ прекрасное образованіе; но, принявъ бразды правленія въ такомъ раннемъ юношескомъ возрастѣ, онъ, конечно, долженъ былъ неудержимо предаться увлеченіямъ юности, и то выказывалъ себя непомѣрно-уповающимъ въ свою императорскую власть, то вдругъ переходилъ къ самоуниженію и самобичеванію. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы имѣть возможность естественно отнестись къ своему положенію и побѣдить ту неправду, которой онъ уже съ самаго начала поддавался, подчиняясь различнымъ вліяніямъ.

Его первый походъ въ Римъ былъ весьма успѣшенъ. Папа только что скончался и послы римскіе встрѣтили Оттона III въ Равеннѣ; онъ (вѣроятно, по чьему-нибудь совѣту) указалъ имъ на *Брунона*, близкаго родственника своего, сына герцога Каринтійскаго, какъ на кандидата, и этотъ 26-ти-лѣтній юноша былъ избранъ въ папы, подъ именемъ *Григорія V*. Онъ и короновалъ Оттона императоромъ въ Римѣ, послѣ чего Оттонъ возвратился въ Германію. Здѣсь, еще во время обратнаго путешествія, онъ поддавался вліянію одного изъ современныхъ подвижниковъ, епископа пражскаго *Адальберта* *), проводившаго жизнь въ постѣ и молитвѣ и стремившагося къ мученичеству и страданіямъ за вѣру Христову: — вскорѣ послѣ того, онъ и дѣйствительно былъ замученъ Пруссамъ-язычниками,

Оттонъ III.
983—1002.

Первое пребываніе въ Римѣ, 996.

*) Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ—родомъ чехъ, изъ знатнѣйшей фамиліи; до поступленія въ монашество ему имя было Войтѣхъ.

среди которыхъ онъ явился ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства. Отгонъ III, и по смерти его, относился къ нему съ самымъ искреннимъ уваженіемъ, и въ разныхъ мѣстахъ государства воздвигъ храмы и обители въ честь Адальберта, причисленнаго Западною Церковью къ лику святыхъ. Немного спустя среди приближенныхъ юнаго императора явился другой духовный сановникъ, прямая противоположность Адальберту:—то былъ архіепископъ *Гербертъ* реймскій, французъ родомъ, человѣкъ, по тому времени, высоко-ученый, и при этомъ тонкій царедворецъ и неутомимый честолюбецъ, постоянно занятый всякими фантастическими планами церковно-политическихъ реформъ, къ которымъ онъ сумѣлъ расположить и юнаго императора. Между тѣмъ, юный папа Григорій V горячо принялся за реформы во внутреннемъ устройствѣ Западной Церкви, въ духъ тѣхъ идей, какия ревностно проводила въ обществѣ особая религиозная партія, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ аквитанскомъ Клунийскомъ монастырѣ, основанномъ въ 910 г. Съ большою настойчивостью папа Григорій V повелъ борьбу противъ французскихъ епископовъ и противъ короля Роберта, вступившаго на престолъ по смерти Гуго-Капета (за то, что Робертъ не хотѣлъ расторгнуть брака, недозволительнаго по церковнымъ законамъ). Но этимъ энергическимъ способомъ дѣйствій молодой папа возбудилъ противъ себя одну изъ партій среди римской знати, и эта партія, захвативъ власть въ руки, избрала новаго папу, одновременно съ Григоріемъ V. Тогда пришлось Отгону вторично двинуться въ походъ черезъ Альпы (997). Онъ снова вернулъ въ Римъ папу Григорія, вынудилъ мятежниковъ сдать крѣпость св. Ангела, въ которой они укрылись, и казнилъ 12 человѣкъ зачинщиковъ мятежа; Григорій же созвалъ мѣстный соборъ, въ присутствіи котораго, по его приказанію, на анти-папѣ было разорвано епископское облаченіе, и затѣмъ его посадили задомъ напередъ на осла и возили по улицамъ Рима для осмѣянія и посрамленія. Такъ какъ папа Григорій вскорѣ послѣ того умеръ, то императоръ избралъ ему преемникомъ Герберта, незадолго передъ тѣмъ назначеннаго архіепископомъ Равеннскимъ. Подъ именемъ *Сильвестра II* Гербертъ и вступилъ на папскій престолъ.

Второй
походъ въ
Римъ, 997.

Вліяніе въ-
зантийскаго.

Во время этого второго пребыванія въ Италіи, Отгонъ ревностно предавался истязаніямъ плоти въ духъ св. Адальберта и его многочисленныхъ итальянскихъ поствѣдователей; но съ этимъ религиознымъ упражненіемъ онъ соединялъ и всякіе политическіе планы, совершенно фантастическаго свойства. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ о восстановленіи «римской республики», и, въ качествѣ римскаго императора, оставался по-долгу на Авентинскомъ холмѣ въ Римѣ; въ то же время онъ окружилъ себя чисто византийскимъ церемоніаломъ, наряжался въ вычурныя одежды, носилъ мантию, расшитую апокалипсическими изображеніями и знаками зодіака, учредилъ управленіе Римомъ на новый ладъ и всѣмъ придалъ новые титулы, точно также, какъ и себѣ самому присвоилъ именованіе «царя царей»; мы слышимъ о вестіаріяхъ и протовестіаріяхъ, о логоетахъ и архилогоетахъ; епископъ Бернвардъ Гильдесгеймскій теперь былъ возведенъ византийскимъ титуломъ «примискринія». И императоръ, и папа, очевидно, носились съ идеей о возведеніи Рима въ значеніе мировой сто-

Оттонъ III, окруженный представителями различныхъ сословій государства: владѣтельными князьями, знатью и духовенствомъ.

Титульная миниатюра сборника Евангельскихъ чтеній, посвященнаго императору аббатомъ Хлотаріемъ, а императоромъ подареннаго Лахенскому собору. Хранится въ соборной сокровищницѣ.

лицы и способны были въ этомъ направленіи дѣйствовать за-одно: кажется, что у этихъ людей, высоко-возмечтавшихъ о себѣ, являлась уже и мысль объ освобожденіи Гроба Господня изъ-подъ власти невѣрныхъ.

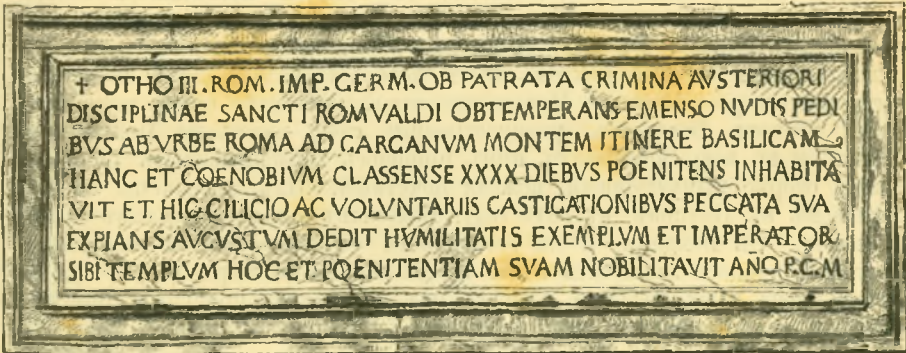
Оттонъ и
папа Силь-
вестръ.

Въ концѣ 999 года Оттонъ вернулся въ Германію, вскорѣ послѣ кончины бабки своей, вдовствующей императрицы Адельгейды. Онъ тотчасъ же направился въ Гнѣзно, куда, тѣмъ временемъ, были привезены останки св. Адалберта, чуть-ли не на вѣсъ золота выкупленные у Пруссовъ. Съ этимъ посѣщеніемъ Гнѣзно было тѣсно связано церковное устройство Польши, въ которой учреждена одна архіепископія и семь епископій. Герцогъ Болеславъ, хорошо понимавшій, какъ слѣдуетъ принять этого юнош-императора, устроилъ ему великолѣпную встрѣчу и не скупился на лесть. Императоръ и для него придумалъ классическій титулъ, назвавъ его «другомъ и союзникомъ римскаго народа»; въ то же время онъ развязалъ ему руки для полной свободы дѣйствій въ дѣлахъ церковныхъ, въ которыхъ польскій князь старался, по возможности, избавиться отъ вліянія нѣмецкаго, замѣщая мѣста священниковъ то итальянцами, то чехами. Изъ Польши Оттонъ направился въ Аахенъ, и здѣсь спустился въ могильный склепъ своего достославнаго предшественника, Карла Великаго; онъ вынесъ съ собою оттуда только одинъ зубъ Карла, въ видѣ реликвіи—и, полгода спустя, уже вновь сѣдши въ Италію. Лангобардскія княжества, какъ онъ успѣлъ въ томъ убѣдиться, начали все болѣе и болѣе ускользать изъ-подъ его власти, и въ самомъ Римѣ онъ подвергнулся опасности отъ его буйнаго населенія, которое возстало противъ Оттона за то, что онъ не принялъ его сторону въ усобицѣ съ городкомъ Тибуромъ, съ которымъ Римляне издавна враждовали. Торжественно примирившись съ мятежниками, Оттонъ отправился въ Равенну, по пути переходя отъ военныхъ приготовленій къ благочестивымъ упражненіямъ и бесѣдамъ назидательнаго свойства; въ маѣ 1001 г. онъ опять явился подъ стѣнами Рима, гдѣ вѣтеръ уже успѣлъ снова повернуть въ другую сторону, но въ городъ не вступилъ, а пошелъ къ Беневенту, который ему покорился, и потомъ двинулся обратно къ Равеннѣ, въ окрестностяхъ которой, на небольшомъ островкѣ, поселилась небольшая община благочестивыхъ отшельниковъ. Одинъ изъ нихъ, св. Ромуальдъ, съ которымъ Оттонъ особенно часто сносился, старался и юнаго императора склонить къ отреченію отъ міра; но юноша уже мечталъ объ иномъ—онъ только что отправилъ въ Константинополь пословъ, чтобы искать руки одной изъ греческихъ княженокъ. Около этого времени Оттоновы планы итальянской политики возбудили положительное недовольство въ средѣ нѣмецкой знати: князья уже начинали сѣзжаться между собою и вступать другъ съ другомъ въ весьма опасныя для императора переговоры; даже и преданнѣйшій слуга Саксонскаго дома, архіепископъ Виллигизъ, не скрывалъ своего крайняго раздраженія. Между нимъ и Бернвардомъ Гильдесгеймскимъ завязалась нескончаемая распря изъ-за монастыря Гандерсгеймскаго, расположеннаго какъ разъ на границѣ Майнцской и Гильдесгеймской епархій; надо замѣтить, что Бернвардъ, бывший воспитатель Оттона, сталъ около этого времени сильно увлекаться идеями своего воспитанника, на котораго Виллигизъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія здравой государственной политики.

Императоръ задумалъ было передать распрю германскихъ епископовъ на обсужденіе собора, который рѣшилъ созвать въ окрестностяхъ Сполето; но соборъ не состоялся—и это обстоятельство ясно указываетъ намъ, до какой степени поколеблено было значеніе императорской власти; не менѣе поколеблено было и общее уваженіе къ папѣ, а въ Германіи папско-императорская политика Сильвестра встрѣчала въ духовенствѣ даже открытое порицаніе. Мало-по-малу, несчастный юноша пришелъ къ тому убѣжденію, что внутренняя связь съ народомъ своимъ имъ окончательно утрачена. Онъ опять двинулся къ Риму, и такъ какъ ворота вѣчнаго города, вновь охваченнаго возмущеніемъ, не были ему открыты, то онъ поселился въ окрестностяхъ Рима, въ замкѣ Патерно, на Сорактѣ. Здѣсь онъ вскорѣ и скончался, послѣ кратковременной болѣзни (23-го января 1002 г.). Духовные и свѣтскіе сановники, присутствовавшіе при кончинѣ его, приняли отъ него его послѣднюю волю; они вынуждены были скрыть его кончину, пока имъ не удалось стянуть къ замку свое далеко не многочисленное войско: надо было перевезти тѣло императора Оттона въ Германію черезъ мѣстности, взволнованныя возстаніемъ и полныя мятежнаго духа, и это удалось произвести не безъ труда.

Смерть Оттона III. 1002.

Въ Германіи, согласно волѣ императора Оттона III, его останки были погребены въ Аахенѣ. Годъ спустя умеръ и Сильвестръ, посаженный Оттономъ въ папы, и послѣ смерти Оттона сдѣлавшій очень ловко примириться съ населеніемъ Рима.

Покаянная запись Оттона III, относящаяся къ 1000 году.

Хранится въ Равеннѣ, въ ц. Св. Аполлинарія—in Classe.

† Otho III, Rom. Imp. Germ. Ob Patrata Crimina Ansteriori

† Оттонъ Третій, Римскій императоръ Германцевъ, по причинѣ совершенныхъ имъ проступковъ, стра-

дидшему Disciplinae Sancti Romualdi Obtemperans Emenso Nudis Pedibus

Правилу св. Ромуальда послушный, босыми нога-

ми отъ города Рима до горы Гаргана прошелъ весь путь; въ этой базиликѣ

и монастырѣ Классенскомъ 40 дней въ локаліи про-

жилъ и здѣсь въздомъ киликійскаго ковра и добровольными истязаніями плоти свои грѣхи

Искупилъ, подаялъ высокій примѣръ смиренія и, какъ императоръ,

Sibi Templum Hoc Et Poenitentiam Suam Nobilitavit Anno P. C. M.

Прославилъ этотъ храмъ и свое покаяніе. Въ 1000 году по Р. Хр."

III. Генрих II.

Императоръ Оттовъ III скончался до вступленія въ бракъ: недолго пришлось Германской имперіи пользоваться благами наслѣдственной монархіи. Неожиданная смерть Оттона пробудила честолюбивыя стремленія многихъ: одна довольно значительная партія стояла за маркграфа Эггарда Мейсенскаго, закаленного въ бояхъ со Славянами, другая—за герцога Германа Швабскаго. Однакоже ближайшимъ родственникомъ Оттона былъ герцогъ *Генрихъ Баварскій*, потомокъ короля Генриха I; къ тому же, въ то время, когда печальная процессія съ тѣломъ покойнаго императора проходила черезъ его владѣнія, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы завладѣть царственной утварью. Саксонскіе князья признали его наслѣдственныя права законными, а случайно совершившееся около этого времени измѣнническое убійство маркграфа Эггарда *) избавило его отъ опасѣйшаго изъ двоихъ его соискателей. Въ октябрѣ 1002 года архіепископъ Виллигизъ короновалъ Генриха въ Майнцѣ, и онъ почти безъ затрудненій былъ всѣми владѣтельными князьями нѣмецкими признанъ королемъ.

Генрихъ II.

Король *Генрихъ II* (1002—1024 г.) принялъ королевскую власть уже въ значительно-ослабленномъ видѣ. Онъ уже и самъ получилъ нѣкогда свое герцогство по избранію вельможъ, утвержденному королемъ, а не по королевскому назначенію, и потому ему самому приходилось теперь считаться съ герцогскою властью, какъ съ властью самостоятельныхъ владѣтельныхъ князей. Въ виду этого, при всѣхъ предпріятіяхъ своей дѣятельной жизни, онъ вынужденъ былъ довольствоваться даже и весьма умѣренными результатами. Переменною правленія болѣе всѣхъ воспользовался герцогъ Болеславъ, распространивъ свою власть на Мейсенскую область и на всю Богемію; съ нимъ пришлось трижды воевать Генриху. Миръ, скорѣе вынужденный, нежели почетный, былъ заключенъ съ Болеславомъ въ Бауценѣ, въ 1018 году: Болеславъ остался вассаломъ только по имени. Съ Вендами, а въ особенности съ безпокойнымъ племенемъ Лютичей, удалось заключить болѣе продолжительный миръ (1003 г.), но онъ купленъ былъ дорогою цѣною:—ихъ язычество пришлось терпѣть, при чемъ они требовали, чтобы къ нимъ Нѣмцы относились, какъ къ союзникамъ, и вотъ во время войнъ съ Болеславомъ, къ немалому ужасу и огорченію христіанскаго духовенства, эти язычники выступали въ поле обскъ съ Нѣмцами, неся съ собою своихъ идоловъ и символы своей языческой вѣры. Не болѣе успѣшны были и Генриховы походы въ Италію; и они тоже не приводили ни къ какимъ важнымъ и существеннымъ результатамъ. Въ Италіи, послѣ Оттона III, наступила полнѣйшая анархія: всюду боролись партіи, всюду выказывался полный разладъ и отсутствіе какого бы то ни было единенія. Во время перваго похода (1004 г.) Генрихъ добился только того, что онъ былъ коронованъ въ Павіи королевскою короною. Второй походъ (въ 1013 г.) былъ вызванъ тѣмъ,

*) Это убійство было дѣломъ личной мести со стороны нѣсколькихъ его-же вельможъ.

что папа Бенедиктъ VIII, утѣсняемый партіями, самъ призвалъ Генриха на помощь. Съ войскомъ, весьма не многочисленнымъ, Генрихъ явился въ Италію, и здѣсь долженъ былъ главнымъ образомъ утрачивать свои силы и власть на то, чтобы отвоевывать въ пользу церкви и монастырей отягатыя у нихъ владѣнія. Послѣ отчаянной рѣзни между Нѣмцами и римскимъ населеніемъ на Тибрскомъ мосту, Римляне смирились передъ папою, который помазалъ и короновалъ Генриха на царство императорскою короною; но прежде, чѣмъ ввести его и его супругу Кунигунду въ церковь Св. Петра, онъ задалъ ему слѣдующій многозначительный вопросъ: «Пребудешь-ли ты покровителемъ и защитникомъ Римской Церкви и останешься-ли во всемъ вѣрнѣ мнѣ и моимъ преемникамъ?»

Третій походъ былъ вызванъ дѣйствительно весьма критическимъ положеніемъ, въ которомъ Италія находилась. Идеи Оттона III и папы Сильвестра не остались безслѣдными: папа Бенедиктъ VIII, человекъ болѣе Сильвестра практичный, извлекъ изъ этихъ идей только ту истину, что Италію слѣдуетъ во что бы то ни стало освободить отъ чужеземнаго владычества, изгнавъ изъ нея и Арабовъ, и Грековъ. Ему и дѣйствительно удалось въ 1012 году, собравъ порядочное наемное войско, нанести Арабамъ на Тосканскомъ побережьи тяжкое поражение и такимъ образомъ на нѣсколько лѣтъ обезпечить Италію отъ ихъ набѣговъ. Иного рода опасность грозила съ Юга: здѣсь, въ Апуліи и Калабрії, не защищаемыхъ правительствомъ Греческимъ отъ безпрерывныхъ нападений Арабовъ изъ Сициліи и Африки, явилось весьма естественное стремленіе отложиться отъ Византіи. Во главѣ этого движенія сталъ нѣкто Мелусъ, одинъ изъ именитѣйшихъ гражданъ города Бари. Апулія и дѣйствительно отложилась отъ Византіи, и, когда византійское войско высадилось въ Апулію и осадило городъ Бари, Мелусъ рѣшился молить о помощи папу Бенедикта, который отлично понималъ, что наступило время для разрѣшенія кризиса, переживаемаго Италіей. Къ тому же Арабы возобновили свои нападенія съ Запада и уже держали городъ Салерно въ тяжелой осадѣ, когда счастливая случайность привела къ этому городу горсть норманнскихъ вitezей, возвращавшихся изъ странствованія, совершеннаго ими на поклоненіе Гробу Господню. Воодушевленные мужествомъ, они рѣшились вступить въ битву противъ невѣрныхъ, и избавили городъ Салерно отъ неминуемой опасности. Тутъ впервые узнали въ Италіи объ этихъ удалъцахъ и стали призывать ихъ на помощь противъ Арабовъ и другихъ внѣшнихъ враговъ (1016 г.); и дѣйствительно, Норманны двинулись толпами въ Италію, прослышавъ о томъ, какъ дорого цѣнятся здѣсь мужество. Въ слѣдующемъ году Мелусъ, собравъ отрядъ изъ этихъ норманнскихъ выходцевъ, перешелъ въ наступленіе; но и Греки тоже выставили сильное войско, и рѣшительное сраженіе произошло на знаменитомъ полѣ Ганнибаловой битвы, на равнинѣ при *Каннахъ*. Мелусъ потерпѣлъ страшное поражение, и восточно-римская мощь явилась, болѣе чѣмъ когда-либо, грозною на Югѣ Италіи (1017 г.). Тогда все взоры обратились въ сторону Германіи: туда явился сначала Мелусъ и норманнъ Рудольфъ, а въ 1020 г. и самъ папа. Опасность была дѣйствительно велика. Одинъ изъ южно-италійскихъ князей, Пандульфъ Капуан-

Общее положение дѣлъ въ Италіи.

скій, уже перешелъ на сторону Грековъ, и Салернскій правитель тоже склонялся къ нимъ же, и въ 1021 г. борьба перенесена была уже на римскую территорию. Только въ этомъ году Генрихъ могъ, наконецъ, предпринять *третій* походъ свой въ Италію, который вызывался настоятельною необходимостью.

Правленіе
Генриха.
Положеніе
дѣлъ въ
Германіи.

Не легко было Генриху и въ самой Германіи прочно утвердить свою власть, и Генриху потребовалась на выполненіе этой задачи не малая доля житейской мудрости. Его положеніе было тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что онъ не былъ прирожденнымъ королемъ и коронованнымъ преемникомъ родовой власти. Герцоги и владѣтельные князья знали его въ былое время, какъ равнаго себѣ, да и вообще всѣ политическія и общественныя отношенія въ Германіи приняли въ послѣднія два столѣтія послѣ смерти Карла Великаго такой оборотъ, который былъ весьма неблагоприятенъ для королевской власти. Король въ данное время уже не могъ рассчитывать на массу свободного населенія, какъ на готовую военную силу, и вынужденъ былъ постоянно держать извѣстное количество войска въ полной боевой готовности. Именно тягости военной службы и вынуждали все большее и большее количество свободного населенія передавать свои свободныя земельныя владѣнія во власть могущественной знати, графовъ, епископовъ и т. д., становиться отнынѣ въ лѣнную зависимость, но за то и прибрѣтать въ лицѣ ихъ вѣрную защиту отъ всякихъ тягостей; такимъ образомъ король все болѣе и болѣе вынужденъ былъ занкивать благорасположенія тѣхъ, которые получили непосредственно изъ его рукъ свои лѣнные владѣнія — въ крупныхъ вассалахъ, которые, кромѣ своего лѣна, обладали обширными аллодіальными владѣніями и повелѣвали надъ многими и многими вассалами. Графы, первоначально, какъ мы упоминали, бывшіе простыми чиновниками короля, сумѣли воспользоваться благоприятными условіями времени, дабы обратить свою должность и связанное съ нею владѣніе—въ наслѣдственную собственность; и въ данное время, въ иныхъ случаяхъ, дѣйствительно мудро было бы различить ихъ наслѣдственные земли отъ тѣхъ, которыя даны были имъ королями въ пожизненное владѣніе. По отношенію къ своимъ вассаламъ они чувствовали себя владыками и потому именно къ королю относились уже не съ прежними усердіемъ и покорностью. Такимъ образомъ все государство стало мало-по-малу приближаться къ аристократическому строю и вполнѣ свободнымъ въ немъ могъ себя считать только сильный; и когда эти сильные вассалы съ болѣе или менѣе значительною дружиною изъ своихъ подначальныхъ вассаловъ являлись на призывъ короля, чтобы принять участіе въ его военныхъ предпріятіяхъ — они это ставили себѣ въ особенную заслугу и ожидали за нее щедрой награды въ видѣ дарованія новыхъ правъ на новыя земельныя владѣнія или поддержки ихъ притязаній на подобныя владѣнія. Безпокойное стремленіе къ обладанію и власти охватило всю знать и вскорѣ оказалось почти невозможнымъ охранить миръ и порядокъ въ странѣ, которые и составляли главную задачу единаго и тѣсно-сплоченнаго государства. И вотъ мы видимъ, что почти съ первыхъ же дней правленія Генрихъ постоянно занятъ борьбою съ сильными вассалами и во всѣхъ концахъ его государства — во Фландріи,

Генрихъ II, Божією милостію принимающій на главу вѣнецъ, а въ руки—священное копье и государственный мечъ.

Миниатура пазъ молитвенника, принадлежавшаго Генриху и имъ подареннаго Бамбергскому собору. Нынѣ въ королевской библіотекѣ, въ Мюнхенѣ.

Ecce coronatur divinitus atque beatus
Rex pius Henricus proavorum stirpe potosus

Propulsans coram sibi confert angelus hastam
Aptat et hic ensem cui persignando timorem

Clemens Christe, tuo longa vivere Christo.
Ut tibi devotus non perdat temporis usus.
Hujus Udalricus cor regis signet et actus
Emmeranus ei laveat solamino dulci.

Смотри! Вѣнчается Богомъ и одаряется счастьемъ
Благочестивый король Генрихъ, превозвышенный родомъ
своихъ предковъ.

Прикрывая его, ангелъ приноситъ ему копье.
А этотъ мечъ держитъ на-готовѣ. Передъ нимъ распро-
странился страхъ.

Милостивый Боже! дай долгую жизнь Твоему Помазаннику.
Дабы Твой вѣрный не покончилъ жизнь преждевременно.
Этого короля сердце и дѣлнія опиши ты, Удальрихъ.
А ты, Эммеранъ, доставь ему сладостное утѣшеніе.

Фрисландіи, Лотарингіи, Швабіи и Саксоніи—ведется ожесточенная борьба въ средѣ самихъ вассаловъ, такъ что вся жизнь этого короля проходитъ въ почти непрерывныхъ осадахъ, усмиреніяхъ возмущеній и живыхъ примиреніяхъ съ ними. Несмотря на то, что здоровье его было не изъ особенно крѣпкихъ, однакоже оказалось, что эта бурная жизнь не могла его сломить;—мало того: среди этихъ запутанныхъ обстоятельствъ онъ выказала даже политическую проницательность и опредѣленную правительственную систему. Основная идея этой системы совершенно ясна: въ борьбѣ своей противъ свѣтской знати, противъ наслѣдственной, родовой аристократіи, онъ постоянно опирался на сановниковъ духовныхъ, неродовитыхъ — на епископовъ и духовенство.

Германская Церковь въ послѣдніе полвѣка чрезвычайно возвысилась и въ смыслѣ значенія, и въ смыслѣ земельныхъ владѣній: около высшихъ духовныхъ сановниковъ видимъ уже цѣлый штатъ служащихъ — *министріаловъ*, и въ высшей степени любопытною и даже утѣшительною является многосторонняя дѣятельность такихъ представителей современнаго духовенства, какъ на примѣръ епископъ Бернвардъ Гильдесгеймскій. Раннее утро застаётъ его уже за выполненіемъ его духовныхъ обязанностей; затѣмъ онъ занимается разборомъ тяжобъ, которыя ему приносятъ на разсмотрѣніе, даетъ необходимыя указанія тому духовному лицу, которому вообще поручены заботы о бѣдныхъ, посѣщаетъ лично всякія мастерскія, имъ самимъ устроенныя, осматриваетъ въ нихъ работы заглядываетъ и въ ту комнату, въ которой производится переписка книгъ для бібліотеки; умѣренная трапеза и краткій отдыхъ прерываютъ эту многостороннюю дѣятельность, при которой Бернвардъ ни одной минуты не остается празднымъ, и, по словамъ его біографа, постоянно заботится о томъ, чтобы «воздать Божіе Богу», но не упускаетъ изъ виду и того, что «Кесарево слѣдуетъ отдать Кесареви». Имѣнья церквей и монастырей гораздо лучше управлялись, чѣмъ какія бы то ни было инныя владѣнія, такъ что еще съ Оттона I короли считали болѣе выгоднымъ для финансовъ государственныхъ—увеличивать по возможности церковныя владѣнія новыми вкладами и дарамъ, такъ какъ болѣе возвышенный доходъ съ этихъ земель косвеннымъ образомъ и для правительства приносилъ свою долю пользы. За то и самыми вѣрными слугами королей были ихъ епископы-вассалы: ихъ войско было всегда готово къ услугамъ короля и по первому его призыву принимало участіе въ его войнахъ и походахъ. Мощь этихъ вассаловъ была его мощью, насколько онъ самъ имѣлъ право назначать этихъ духовныхъ сановниковъ. Той же самой политики слѣдовалъ и Генрихъ II. Ко всему, что касалось Церкви, онъ относился съ особеннымъ участіемъ и въ этой области имѣлъ положительныя и обширныя свѣдѣнія; да и вообще былъ человѣкъ знающій, обладавшій даромъ краснорѣчія, даже весьма убѣдительнаго; къ церквамъ и церковнослужителямъ онъ всюду относился съ великимъ уваженіемъ, и какъ онъ самъ, такъ и супруга его, Кунигунда, могли всѣмъ служить образцомъ христіанскаго благочестія и готовности всякими мѣрами способствовать благолѣпію церковному. Будучи бездѣтнымъ, Генрихъ даже высказывалъ желаніе отречься отъ міра и удалиться на покой

Верхняя доска переплета книги, изготовленная под надзором св. Бернварда, въ его мастерскихъ. Хранится въ соборной ризницѣ въ Гильдесгеймѣ.

въ одну изъ обителей — желаніе весьма естественное въ средѣ высшихъ представителей власти въ то тревожное время. Но его благочестіе не заключало въ себѣ ничего фантастическаго, ничего отвлеченнаго, и далеко было отъ увлеченій его предшественника; Генрихъ, въ противоположность ему, не только не давалъ никому изъ епископовъ воли надъ собою, не только не поддавался ихъ влиянію, а напротивъ того умѣлъ ихъ влияніемъ и слабостями пользоваться для достиженія своихъ цѣлей. Отовсюду угрожаемый ненасытною алчностью знатныхъ вассаловъ, епископы настолько же нуждались въ королѣ, насколько и онъ въ нихъ; права свои онъ умѣлъ отстаивать такъ же энергично, какъ иногда, при случаѣ, умѣлъ пользоваться и хитростью: то, чего онъ хотѣлъ, что разъ забиралъ онъ себѣ въ голову—того ужъ непременно добивался, несмотря ни на какія затрудненія.

Heinricus imperator.

Chunigunt imperatrix.

Генрихъ II и Кунигунда, мать храмоздателя.

Съ титульнаго изображенія одного изъ кодексовъ Бамбергской библиотеки, подъ заглавіемъ «De vita et de Gestis S. Heinrici imperatoris et confessoris». Полу-фигура въ полукругѣ, внизу, представляетъ собою писателя книги: «Adalbertus diaconus»; подъ этимъ изображеніемъ, по нижнему краю его, въ оригиналѣ стоятъ слова: «Мною для тебя, король, расписана эта страница книги».

Право назначенія епископовъ, тогда еще не вызывавшее особенныхъ споровъ и пререканій, поддерживалось имъ весьма настойчиво; онъ даже до нѣкоторой степени подготавливалъ себѣ необходимыхъ для церковной службы людей, принимая способныхъ молодыхъ клерковъ въ свою капеллу или въ канцелярію, и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы у него постоянно были подъ рукою люди, пригодные для замѣщенія открываю-

НАРОДЫ ИМПЕРИИ, ПРЕКЛОНЯЮЩИЕСЯ ПЕРЕДЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.
Изъ книги Евангельскихъ чтеній Генриха II, принесенной имъ въ даръ
Бамбергскому собору. Теперь хранится въ Королевской Мюнхенской библиотекѣ.

щихся вакансій на важныя церковныя должности. Его безупречное благочестіе, при его умѣ и извѣстномъ расчетѣ, давало ему нѣкоторое право строгаго надзора за монастырями и другими духовными учрежденіями, при чемъ онъ нерѣдко настаивалъ даже и на необходимыхъ реформахъ, которыя проводилъ не обвиняясь и даже не щадя на такія богоугодныя дѣла церковныхъ доходовъ. Болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ онъ умѣлъ соблюдать экономію: осторожно пользуясь своею королевскою властью, онъ зналъ къ кому и насколько слѣдуетъ быть щедрымъ, и самъ себя при этомъ никогда не обдѣлялъ. Главною цѣлью всѣхъ его стремленій было возможное умиротвореніе общества и усиленіе государственнаго начала, тѣмъ болѣе, что онъ прекрасно зналъ и не упускалъ изъ виду и нужды низшихъ слоевъ народа, который уже начиналъ совсѣмъ скрываться за всѣми этими герцогами и графами, маркгерцогами и маркграфами, архіепископами, епископами, аббатами, пфальцграфами и т. д.; по свойственной ему практичности, онъ нисколько не пытался ослабить вліяніе и значеніе этихъ представителей власти, но за то чаще, чѣмъ всѣ его предшественники, собиралъ ихъ около себя на сеймы, на съѣзды, на совѣщанія и пытался ихъ приучить къ тому, чтобы они рѣшали свои тяжбы мирнымъ путемъ.

Такъ наконецъ ему-таки удалось понемногу успокоить государство и даже нѣсколько расширить его предѣлы съ одной стороны. Бездѣтный король Рудольфъ III, пятый изъ арелатскихъ королей (993—1032 г.), закрѣпилъ за нимъ, какъ за племянникомъ своимъ*), право престолонаслѣдія въ Бургундіи. Бургундской знати (которую Генрихъ, повидимому, разгадалъ лучше многихъ позднѣйшихъ историковъ) это, конечно, не понравилось. Они, при своемъ слабомъ королѣ, могли распоряжаться въ Бургундіи, какъ имъ угодно, и на будущее время желали надъ собою такой же слабой власти—желали возвести на престолъ выборнаго короля; но мѣткому выраженію одного современника, «ни одинъ изъ нихъ не желалъ быть королемъ, хотя каждому хотѣлось быть первымъ». Они стали утверждать, что ихъ король не имѣлъ права такъ распорядиться своею короною. Рудольфъ поколебался и войска императора неоднократно вступали въ предѣлы Бургундіи. И здѣсь также Генриху удалось приобрести себѣ сторонниковъ между епископами, и, наконецъ, по *Базель-*

Голова Генриха II.

Съ изображенія на восточномъ порталѣ Бамбергскаго собора.

Приобрѣ-
теніе Бур-
гундіи.

*) Генрихъ II былъ сынъ старшей сестры его Гизелы.

скому договору 1023 г., его права на наследованіе были признаны всѣми, при чемъ онъ отказался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла управленія страной при жизни Рудольфа.

Третій
походъ
въ Ита-
лію.

Въ декабрѣ того же года (1021) Генрихъ выступилъ въ свой третій походъ въ Италію; въ Веронѣ собрались по его призыву итальянскіе епископы со своими вассалами, а также и важнѣйшіе представители свѣтской знати. Въ ближайшую весну, сопутствуемый папою Бенедиктомъ VIII, Генрихъ совершилъ очень удачный походъ противъ мятежныхъ княжествъ Беневентскаго, Капуанскаго и Салернскаго, и, подчинивъ ихъ своей власти, двинулся къ Риму. Но тутъ въ войскѣ проявились заразные болѣзни, которыя и произвели въ немъ большой уронъ. Тогда императоръ поспѣшилъ перебраться за Альпы, нашелъ Германію вполне спокойною и, окончательно утвердивъ свою власть, а съ папою скрѣпивъ неразрывную связь, могъ наконецъ отдохнуть отъ своихъ многолѣтнихъ заботъ и трудовъ.

Вопросъ
о церков-
ныхъ ре-
формахъ.

Его послѣдніе годы были посвящены церковнымъ реформамъ, затронутымъ папою Бенедиктомъ VIII и весьма сильно занимавшимъ всѣ умы во Франціи и Германіи; обсужденіе этихъ реформъ даже побудило Генриха въ 1023 году къ свиданію съ королемъ Робертомъ I, вторымъ изъ дома Капетинговъ. Выступили на первый планъ вопросы, которые должны были такъ сильно занимать все европейское общество въ теченіе XI и XII вѣка. Преобладающее значеніе папы, въ смыслѣ же-исидоровскихъ декреталій, еще не было ничѣмъ установлено и самостоятельность высшаго духовенства энергично отстаивалась многими епископами, въ особенности же архіепископомъ Майнцскимъ Арибономъ; императоръ же начиналъ склоняться на сторону возрѣвнѣй той партіи монашества, которая избрала себѣ центромъ пропаганды Ключійское аббатство и такъ много способствовала въ послѣдствіи возрастанію папскаго могущества. Среди всѣхъ этихъ подготовительныхъ совѣщаній, обсужденій и общаго тревожнаго настроенія умовъ, папа Бенедиктъ VIII умеръ (въ 1024 г.); не надолго пережилъ его и императоръ Генрихъ, скончавшійся въ томъ же году, на 52 году жизни.

Бамбергскій соборъ, въ которомъ погребень Генрихъ II.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

**Короли Салическаго дома: Конрадъ II, Генрихъ III, Генрихъ IV.—
Королевская власть и княжеская власть; королевская власть и
папская власть; Григорій VII.**

Результаты
владычества
Саксон-
ской дина-
стии.

То столѣтіе, въ теченіе котораго Саксонская династія правила Германіей, было періодомъ весьма плодотворнымъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности если припомнимъ, въ какомъ разрозненномъ и разстроенномъ состояніи германскія земли находились до вступленія на престолъ Саксонской династии. Прежде всего бросается въ глаза то весьма важное явленіе, что надвигавшіеся на Германію *сосѣдніе народы*—Магьяры, Норманны, Славяне — *были отпѣснены*, набѣги ихъ прекращены и даже среди нихъ положены основы просвѣщенія и культуры. Такое обезпеченіе германской территоріи было первымъ условіемъ возможности дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія ея населенія. Всюду можно было видѣть слѣды обезпеченнаго народнаго труда и, благодаря ему, возрастающаго благосостоянія народнаго,—хотя бы даже въ томъ множествѣ названій мѣстечекъ, деревень, монастырей, городковъ, какія встрѣчаемъ напр. въ Саксоніи: не простою случайностью было и то, что въ это время уже открыты были серебряныя руды въ Гарцѣ и что онѣ уже разрабатывались, и то, что монастыри являлись центрами, въ которыхъ съ относительнымъ спокойствіемъ могла производиться работа научная и теоретически-прогрессивная, безъ которой не можетъ успѣшно и постоянно развиваться никакое вѣдѣніе и матеріальное благосостояніе. Эта же дѣятельность, направленная на знаніе и искусство, — которыя послѣ смерти Карла Великаго все болѣе и болѣе падали и наконецъ пали очень низко, — въ періодъ владычанія Саксонской династии, получила вновь сильное поощреніе къ развитію, благодаря энергически-обновленной связи съ Италіей, гдѣ продолжали процвѣтать попрежнему и городская жизнь, и все присущія ей отрасли искусства. Напрасно было бы думать, что это *обновленіе идей Римской имперіи* и тѣсной связи съ Италіей было роковымъ для Германіи, правители которой, благодаря именно этимъ условіямъ, будто бы, были отвлекаемы отъ своихъ ближайшихъ и насущнѣйшихъ задачъ. Напротивъ того, мы склонны думать, что идея не только религіознаго, но и политическаго, и общественнаго *единенія* всехъ христіанскихъ наро-

довъ, для каждаго изъ этихъ народовъ имѣла уже сама по себѣ большое цивилизующее значеніе и даже самыя путешествія въ Италію, совершаемыя нѣмцами, клериками или мірянами (по какимъ бы поводамъ они ни совершались), были во всякомъ случаѣ весьма цѣннымъ образовательнымъ средствомъ—не говоря уже о томъ, что именно благодаря Италиі кругозоръ современныхъ Германцевъ могъ еще болѣе расширяться и захватывать даже тотъ греческій Востокъ, съ котораго также заносились въ Среднюю Европу сѣмена образованности. Въ тѣсной зависимости отъ того идеальнаго государства, которое носило громкое названіе «Римской Имперіи» (*Imperium Romanum*), въ періодъ Саксонской династіи въ особенности развилась *лѣнная система*, т. е. первая дѣйствительная форма государственной общественности. При посредствѣ лѣнныхъ отношеній, между владѣльцемъ лѣна—*сеніоромъ* (*senior*, старѣйшій), какъ тогда говорили—и вассаломъ установилась связь, основанная на ясно-опредѣленныхъ нравственныхъ обязательствахъ, и какъ ни были, въ сущности, грубы нравы того времени, однакоже важно было уже то, что у каждаго былъ свой господинъ, что жизнь каждаго была и ограничена, и упорядочена извѣстнаго рода законными условіями. Благодаря этимъ порядкамъ, образовалось множество маленькихъ общинъ, явилось попеченіе о родинѣ: это въ особенности становится для насъ ясно, когда мы, читая хроники монаховъ, видимъ, съ какимъ, чисто-мѣстнымъ пристрастіемъ они относятся къ своему монастырю, къ его проставленію, къ блеску чудесъ покровительствующаго ему святого, къ обладанію цѣлительными мощами и богатыми имѣніями—очевидно, почитая и честь монастыря, и его владѣнія какъ бы собственною честью и собственнымъ своимъ достояніемъ. Внѣшнія формы быта, за это время, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ—въ пищѣ, одеждѣ, жилищахъ—были еще чрезвычайно просты, а измѣнялись на германской территоріи весьма медленно, такъ какъ торговля, въ обширномъ значеніи этого слова, еще не успѣла въ Германіи развиться, да и важнѣйшіе пути существующей торговли проходили не черезъ Германію; не было еще и отдѣльнаго ремесленнаго сословія, и каждый поселеннѣ былъ въ сущности и ремесленникомъ, а въ большихъ хозяйствахъ ремесленная работа не различалась отъ другихъ поденныхъ занятій. Весь германскій народъ еще представлялъ собою большой земледѣльческій народъ, среди котораго было сильно развито чувство любви къ родинѣ, вызванное привязанностью къ земельнымъ владѣніямъ, которое ни мало не ослабѣвало вслѣдствіе перехода земель въ лѣнную зависимость. А изъ этой любви къ родинѣ развилось впервые и настоящее сознаніе государственности или національности, и это, конечно, слѣдуетъ считать важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ періода династіи Саксонской. По справедливости, слѣдуетъ замѣтить, что Церковь въ Германіи играла весьма важную роль въ пробужденіи и утвержденіи этого чувства національнаго самосознанія.

Это чувство сознанія національнаго единства впервые съ полною силою проявилось по поводу неожиданной и всеміи искренно оплаканной кончины Генриха II. Можно предположить, что и самъ Генрихъ до нѣкоторой степени уже рассчитывалъ на эту силу, такъ какъ онъ не озаботился

своевременно о томъ, чтобы избрать себѣ надежнаго преемника. Междуцарствіе, во время котораго государствомъ правила вдовствующая императрица Кунигунда и совѣтъ, составленный изъ нѣсколькихъ сановниковъ — протекло въ полномъ спокойствіи и день выборовъ новаго короля былъ назначенъ на 4-е сентября 1024 г., въ *Майнцъ*. При этомъ выяснилось, какъ еще мало была стѣснена личная свобода въ этомъ государствѣ, и какъ еще были неопредѣленны и слабы законныя основы выборовъ; можно было бы почти сказать, что въ этихъ выборахъ могъ принимать участие каждый, кто вздумалъ бы пріѣхать въ Майнцъ. Въ назначенный для выборовъ день, на прибрежной Рейнской равнинѣ между Майнцемъ и Вормсомъ собралось всенародное множество: — по сию сторону рѣки Баварцы и Швабы, Саксы и часть Франковъ; на лѣвомъ же берегу разбили свои шатры верхне-лотарингскіе, рипуарскіе и ниже-лотарингскіе Франки; это все первостепенные сановники (примасы) государства, герцоги и князья, архіепископы, епископы и аббаты со своими свитами; затѣмъ начались между вліятельнѣйшими изъ этихъ «примасовъ», во многихъ мѣстахъ, обсуждения важнаго вопроса, и велись быстро, такъ какъ вѣроятно онъ уже предварительно былъ всеми обсужденъ и обдуманъ. И вотъ остановились на двухъ франкскихъ князьяхъ: — оба Конрады по имени, близкіе родственники, оба — потомки того Конрада, который палъ смертью храбрыхъ на Лехскомъ полѣ. Въ пользу старшаго изъ двоихъ Конрадовъ распространяли нѣкоторыя личныя преимущества, болѣе зрѣлыя лѣта, отчасти также и богатство, и связи его умной супруги Гизелы *), а можетъ-быть, даже и вліяніе Майнцаго архіепископа Арибона. Послѣ небольшой сцены взаимной уступчивости и преклоненія передъ волею народа, старшій былъ избранъ и провозглашенъ королемъ. Тогда явилась императрица Кунигунда съ царственными клейнодами, и на слѣдующій день новый король уже былъ помазанъ на царство. Что этотъ выборъ не всеѣмъ пришелся по вкусу (ниже-лотарингскіе князья, а съ ними и архіепископъ Пильгримъ Кельнскій, уѣхали еще до окончанія выборовъ) — разумѣется само-собою при этомъ способѣ выборовъ; точно также, какъ разумѣется и то, что собравшееся народное множество заглушило своими единодушными криками всякую попытку выразить неудовольствіе.

Конрадъ II (1024—1039), тогда уже достигнувшій сорокалѣтняго возраста, былъ человекъ, одаренный свѣтлымъ умомъ и сильною волею: не обладая тѣми научными свѣдѣніями, которыя тогда уже начинали распространяться и среди свѣтской знати, онъ былъ однакоже весьма опытенъ въ практической жизни. Его образованіе было (какъ мы бы это теперь сказали) исключительно юридическаго характера: онъ хорошо былъ знакомъ съ законами; при этомъ смотрѣлъ на вещи въ высшей степени здраво, безъ примѣси всякой идеалистики или фантазіи. Изумительно быстро освоился онъ со своею задачею. Онъ не лѣзъ въ карманъ за словомъ и умѣлъ отвѣчать очень мѣтко; такъ напримѣръ, когда къ нему явились въ 1025 г. послы отъ гражданъ Павіи съ извиненіями по поводу

Начало цар-
ствованія
Конрада.

*) Вдова герцога Эрнста I Швабскаго и племянница короля Рудольфа Бургундскаго.

раззоренія королевскаго дворца послѣ смерти Генриха II, Конрадъ сказалъ имъ: «вы не сообразили того, что король-то умеръ, да королевская-то власть не миновала: какъ бы тамъ ни было, вы кругомъ виноваты». Всюду, куда онъ являлся лично, ему тотчасъ же приносили присягу въ вѣрности: такъ было въ *Лотаринги*, гдѣ архіепископъ Кельнскій Пильгримъ поспѣшилъ примириться съ Конрадомъ и короновалъ его супругу, Гизелу, которую отказался короновать Арибонъ Майнцскій, не одобрявшій Конрадова брака по близкому его родству съ Гизелой; то же было и въ *Саксоніи*, гдѣ Конрадъ подтвердилъ всѣ существовавшіе въ странѣ старые законы и юридическіе обычаи, и въ *Баваріи*, и въ *Каринтіи*, и въ *Швабіи*, гдѣ у Гизелы, какъ вдовы бывшаго герцога, были огромныя помѣстья. Сюда, между прочимъ, явился къ нему вліятельнѣйшій изъ итальянскихъ сановниковъ, архіепископъ *Миланскій Арибертъ* и призывалъ его въ Италію, чтобы тамъ короноваться. На съѣздѣ князей, въ Трибурѣ, походъ въ Италію былъ рѣшенъ; но его пришлось отложить, потому что общее положеніе дѣлъ въ государствѣ вызывало нѣкоторыя опасенія. Съ одной стороны, польскій князь, *Болеславъ I Храбрый*, послѣ смерти Генриха, отложилъ отъ имперіи, объявилъ себя независимымъ, принявъ титулъ короля. Онъ вскорѣ умеръ, но сынъ его, *Мечиславъ II*, удержалъ за собою титулъ отца и отказался отъ обычной уплаты дани. Около того же времени и на западной окраинѣ явились тревожные симптомы: графъ Шампаньи, *Одонъ*, вассалъ короля Французскаго, заявилъ свои притязанія на обладаніе Бургундіей и вступилъ въ союзъ не только со своимъ королемъ, но и съ недовольными князьями Лотарингскими. И въ самой Германіи младшій Конрадъ, неизбранный въ короли, не скрывалъ своего недовольства, и его недовольству вполне сочувствовалъ герцогъ *Эристъ II, Швабскій*, пасынокъ короля. Съ другой стороны и Мечиславъ вступилъ въ союзъ съ молодымъ королемъ Датскимъ, *Кнудомъ*. Но Конрадъ сумѣлъ все уладить; союзъ Кнуда съ Мечиславомъ онъ разстроилъ тѣмъ, что уступилъ Кнуду Шлезвигскую марку и такимъ образомъ вошелъ съ нимъ въ ближайшія сношенія; всѣ остальные опасности, грозившія Конраду, разсѣялись сами собою, благодаря тому, что между врагами его не оказывалось никакого единства. Въ февралѣ 1026 г. собралось королевское войско въ Аугсбургѣ; здѣсь же на съѣздѣ князей, 8-ми-лѣтній сынъ Генрихъ былъ утверждёнъ въ правахъ престолонаслѣдія—и тогда Конрадъ двинулся въ походъ черезъ Альпы.

Походъ онъ совершилъ и быстро, и удачно. Въ концѣ марта 1026 г. онъ былъ коронованъ архіепископомъ Арибертомъ въ Миланѣ, какъ король Итальянскій. Равенна и Павія вздумали было оказать ему сопротивленіе, но были сломлены; въ мартѣ 1027 г. онъ уже стоялъ подъ стѣнами Рима, куда призывалъ его папа Іоаннъ XIX, недостойный преемникъ брата своего Бенедикта VIII. Здѣсь встрѣтилъ онъ короли Рудольфа Бургундскаго и короля Датскаго Кнуда, которые находились на пути въ Римъ, какъ странники, по обѣту; въ присутствіи блестящаго собранія свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ (среди послѣднихъ особенно выдавался могущественный аббатъ клювійской обители, Одилонъ)—Конрадъ былъ коронованъ папою, вмѣстѣ съ супругою своею. Тутъ пришлось ему пере-

Походъ въ
Италію
1026 г.

жить весьма тревожные дни; дѣло не обошлось безъ возстанія черни римской, вслѣдствіе какой-то ссоры Римлянъ съ Нѣмцами; но все же въ эти дни были порѣшены многіе важные споры и вопросы—и намъ сохранилось даже письмо короля Кнуда къ англійскимъ епископамъ, въ которомъ онъ передаетъ имъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ пребыванія въ Римѣ въ эти знаменательные дни. Изъ Рима Конрадъ двинулся на Югъ, угрожаемый высадкою греческаго войска, во главѣ котораго задумывалъ явиться въ Италію самъ старый императоръ, Василиій II, братъ покойной императрицы Теофано. Опасность однакоже миновала, такъ какъ Конрадъ

„Chuonradus Dei Gratia Romanorum Imperator Augustus“.

Императорская печать Конрада II. Съ акта, писаннаго въ Госларѣ, въ февраль 1031 г. Хранится въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ.

удовольствовался только закрѣпленіемъ за собою трехъ княжествъ: Беневентскаго, Капуанскаго и Салернскаго.

Герцогъ
Эрнстъ
Шваб-
скій.

Въ концѣ мая 1027 г. Конрадъ уже снова былъ въ Германіи. Здѣсь опять взялся за оружіе и нашелъ себѣ союзниковъ въ мятежѣ герцогъ Эрнстъ Швабскій, вѣроломно-измѣнливый своимъ лживымъ обѣщаніямъ, даннымъ на томъ аугсбургскомъ съѣздѣ, на которомъ онъ и получилъ отъ Рудольфа прощеніе своихъ винъ. Конрадъ назначилъ ему въ Ульмъ день

суда, для разбора съ нимъ распри на новомъ княжескомъ съѣздѣ; Эрнстъ и явился туда, съ большою самоувѣренностью, въ сопровожденіи многочисленной свиты: но онъ не зналъ того настроенія, которое среди этой свиты преобладало. Участвовавшіе въ ней лица заявили ему, что лѣнныя ихъ обязательства къ нему, герцогу, нисколько не обязываютъ ихъ идти противъ короля, который является защитникомъ ихъ свободы дѣйствій. При этомъ почти сразу выяснилось успешное дѣйствіе политики Конрада, которая безъ особенныхъ усилій давала ему большую мощь въ руки. Онъ поднималъ вопросъ о *наслѣдственности лѣннаго владѣнія* и пытался эту основу его видоизмѣнить въ выгодномъ для короля смыслѣ. Само собою разумѣется, что вассалъ долженъ былъ чувствовать себя гораздо болѣе свободнымъ, если зналъ, что послѣ его смерти владѣлецъ лѣна не будетъ имѣть права безусловно распорядиться своимъ лѣномъ. Въ виду такого оборота дѣла герцогъ Эрнстъ долженъ былъ подчиниться королю, и былъ посаженъ въ заточеніе. Герцогствомъ Швабомъ Конрадъ сталъ управлять самъ, а Баварію, оставшуюся около этого времени безъ герцога, передалъ сыну своему Генриху. И младшему Конраду пришлось также покориться; и онъ также попалъ въ заточеніе; въ томъ же году король Рудольфъ III Бургундскій призналъ Конрадова сына Генриха своимъ наслѣдникомъ, и въ Пасху 1028 года этотъ 11-ти-лѣтній мальчикъ былъ коронованъ въ Аахенѣ. Не такъ удачны были войны Конрада на Востокахъ, которыми преимущественно и былъ занятъ ближайшій годъ.

Противъ Мечислава Польскаго Конраду удалось приобрести союзника въ юномъ Бретиславѣ, сынѣ герцога Богемскаго, и такимъ образомъ воспрепятствовать весьма опасному сліянію Богеміи и Польши; но вообще говоря, войны съ Польшей были неудачны, и не далѣе какъ въ 1030 г. Мечиславъ жестоко опустошилъ германскія земли между Эльбой и Залой. Всѣ усилія свои Конрадъ направилъ къ подчиненію Венгріи, гдѣ ни о какомъ преобладающемъ господствѣ Германіи и слышать не хотѣли. Послѣ несчастной для Магяръ Лехской битвы, въ Венгрію стало проникать христіанство и явились попытки сплотить мелкія разрозненныя владѣнія въ одно сильное королевство. Это удалось привести въ исполненіе королю *Гейзъ* (972—997), который крестился въ 973 году. Миссіонеры и нѣмецкіе переселенцы были призваны въ Венгрію, и слѣдующій правитель, король *Стефанъ Святой* (997—1038) довершилъ дѣло, начатое его предшественникомъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ папою Сильвестромъ II, который прислалъ ему королевскій вѣнецъ; внутренній строй Венгріи былъ Стефаномъ перенятъ съ франкскаго образца. Все королевство было подѣлено на 72 графства или *комитата*, во главѣ которыхъ поставлены были графы (*comes*). Эти графы и крупныя землевладѣльцы, вмѣстѣ съ епископами стали съѣзжаться на сеймы, которые еще долго носили на себѣ характеръ весьма шумныхъ и безпорядочныхъ собраній; вслѣдъ за вышепомянутыми сословіями шли свободные землевладѣльцы, составлявшіе высшій классъ дворянства и назначавшіе сельскихъ судей, которые имѣли право обращаться съ своими заявленіями къ графу. Христіанство быстро распространялось въ массѣ народа, такъ какъ крещеніе было сопряжено съ освобожденіемъ отъ рабства; не то было въ

Войны Конрада на Востокахъ.

средѣ знати, въ которой, весьма естественно, христіанство ограничивало широко развитое грубое кулачное право; долго не могло проникнуть въ эту среду чувство законности и чистота нравовъ. Походъ противъ Венгріи, предпринятый Конрадомъ съ 1030 г., былъ неудаченъ: самая цѣль похода не совсѣмъ для насъ ясна. Онъ закончился договоромъ, который былъ заключенъ королемъ Стефаномъ съ королемъ-младенцемъ, Генрихомъ, и противъ котораго Конрадъ не возражалъ.

Только послѣ этого примиренія со Стефаномъ Венгерскимъ, Конрадъ могъ настоячиво продолжать войну противъ Польши; она закончилась въ 1032 г. полнымъ подчиненіемъ Мечислава, который призналъ себя вассаломъ Конрада; но послѣ его смерти поднялись такія нескончаемыя внутреннія смуты, съ которыми уже не подь силу было совладать Германіи.

Окончательное приобретение Бургундіи.

Въ сентябрѣ 1032 г. скончался старый король Рудольфъ Бургундскій; по завѣщанію его корона Бургундіи перешла къ Конраду. И еще разъ пришлось воевать изъ-за этой важной земли, отъ обладанія которою зависѣло отчасти господство въ Италіи. Одонъ, графъ Шампаньи, опираваясь на многочисленную партію, которой не по сердцу было подчиняться могущественному владыкѣ, еще разъ рѣшился на борьбу съ императоромъ. Но Конрадъ заключилъ союзъ съ молодымъ королемъ Французскимъ, Генрихомъ I, которому тоже мятежный вассалъ не могъ быть пріятель. Въ первый свой походъ въ Бургундію Конрадъ подчинилъ себѣ ея аллеманскую часть; во второй—лѣтомъ того же года, онъ вступилъ въ Шампань, наслѣдственное владѣніе Одона; въ третій походъ, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли. Съ Сѣвера вступило въ Бургундію нѣмецкое войско, съ Юга, черезъ Сень-Бернаръ и долину Роны—итальянское войско; оба войска соединились въ окрестностяхъ Женевы. Сопротивленіе оказалось невозможнымъ и завоеваніе Бургундіи было закончено, тѣмъ болѣе, что всѣ проходы черезъ Альпы были теперь въ рукахъ Конрада.

Второй походъ въ Италію.

Еще разъ пришлось Конраду вступить въ итальянскія дѣла. Миланскій архіепископъ Арибертъ, человекъ въ высшей степени честолюбивый и тщеславный, задумалъ образовать изъ Миланской области особое, самостоятельное «*владѣніе Св. Амвросія*», по образцу папскаго владѣнія Св. Петра. Согласившись съ крупнѣйшими вассалами Ломбардіи, такъ-называемыми *капитанами* (главарями), онъ сталъ немилосердно тѣснить мелкихъ вассаловъ (*вальвассоровъ*), которые, наконецъ, не выдержали притѣсненій—и началась кровавая борьба. Обѣ стороны обратились съ жалобами и просьбами о помощи къ императору Конраду, который, въ началѣ 1037 года, явился съ войскомъ въ Италію, предварительно заручившись союзомъ съ богатѣйшимъ маркграфомъ *Бонифациемъ Тусційскимъ*—злѣйшимъ врагомъ Ариберта Миланскаго. Разрывъ съ этимъ гордымъ архіепископомъ послѣдовалъ на сеймѣ въ Павіи, когда тотъ заявилъ, что ни по чьему велѣнію не поступитъ ни одною пядью владѣній «*Святого Амвросія*». По приказанію Конрада, онъ былъ посаженъ въ заточеніе, однакоже бѣжалъ изъ него и долго еще велъ упорную и ожесточенную борьбу съ вальвассорами, поддерживаемый Миланцами, которые за него стояли горой.

Закончить эту борьбу Конраду не удалось. Однакоже онъ сдѣлалъ смѣлѣй шагъ, который разомъ измѣнилъ всю ту политику, какой прежніе германскіе государи держались по отношенію къ Италіи; онъ смѣстилъ архіепископа Миланскаго и вслѣдъ за тѣмъ издалъ указъ, знаменитую *Павійскую конституцію*, въ которой удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ вальвассоровъ: объявилъ лѣны наследственными, далъ имъ судъ, составленный изъ ихъ же выборныхъ, съ правомъ апелляціи къ императору и его пфальцграфамъ и т. д. Арибертъ на свое смѣщеніе отвѣчалъ тѣмъ, что предложилъ корону Ломбардскаго королевства Одону, герцогу Шампаньи, врагу Конрада. Тотъ принялъ предложеніе и вторгнулся съ войскомъ въ Лотарингію, но потерпѣлъ здѣсь жестокое пораженіе и самъ палъ въ битвѣ. Голова его прислана была въ Италію, въ знакъ побѣды надъ нимъ одержанной. Но борьба все же продолжалась и затягивалась все болѣе и болѣе—и Конрадъ, не дождавшись конца ея, и поручивъ ея веденіе дружественнымъ ему Итальянскимъ князьямъ, вернулся въ Германію.

Павійская конституція.

Въ Германіи все было спокойно, и онъ, созвавъ бургундскихъ вельможъ въ Золотурнѣ, могъ безъ всякаго затрудненія и Бургундію передать во владѣніе сыну своему Генриху, который, такимъ образомъ, явился уже правителемъ Швабій, Баваріи, герцогствъ Франкскаго и Бургундіи. Вскорѣ послѣ того, Конрадъ умеръ въ Утрехтѣ (въ 1039 г.); онъ былъ погребенъ въ Шпейерскомъ соборѣ, который онъ заложилъ еще въ 1030 г. Только уже внуку его суждено было закончить величавое зданіе этого собора.

Смерть Конрада. 1039.

Переходъ власти къ сыну его, Генриху III (1039—1056), совершился безъ всякаго потрясенія: молодой, двадцатидвухлѣтній принцъ былъ уже давно посвященъ въ дѣла и пользовался, въ высшей степени, общимъ довѣріемъ. Воспитанный крайне тщательно, онъ получилъ и возможное, по тому времени, научное образованіе, которому отецъ его придавалъ тѣмъ большую цѣну, что самъ былъ совершенно его лишень. Въ сущности, въ Генрихѣ замѣчается идеальная сторона, которой уже вовсе не было у Конрада. Его биографъ, Виппо, приписываетъ ему всѣ добродѣтели христіанскаго государя, что, разумѣется, не даетъ еще личной характеристики. Описывается онъ, какъ человекъ очень высокорослый, на цѣлую голову выше средняго мужского роста, и съ крайне смуглымъ цвѣтомъ лица. Онъ былъ женатъ на дочери Датскаго короля, Гунгильдѣ,—имя это было передѣлано въ Германіи, на общепринятый ладъ, въ Кунигунду,—но она умерла послѣ двухлѣтняго супружества, въ 1038 г.

Генрихъ III.

Обстоятельства слагались необыкновенно благоприятно для воцаренія Генриха. Народная власть герцоговъ могла считаться упраздненной: только въ Саксоніи и Лотарингіи оставались еще герцоги. Каринтія освободилась именно въ эту минуту; самые значительные изъ современныхъ владѣтелей, Датскій, Кнудъ Великій, и Стефанъ Святой, Венгерскій, умерли еще ранѣе Конрада, не оставя, подобно ему, равныхъ имъ по достоинству сыновей. Всѣ наиболѣе здравомыслящія лица ожидали отъ новаго короля церковной реформы, составлявшей назрѣвшій вопросъ, но отъ котораго, по самой природѣ своей, всячески сторонился Конрадъ; самый

Его воцареніе. Италія.

римскій престоль, все еще занятый недостойнымъ Бенедиктомъ IX, настоятельно нуждался въ реформахъ, и однимъ изъ первыхъ послѣдствій новаго управленія оказалось то, что столь заносчивый Миланскій архіепископъ Арибертъ сталъ искать примиренія, для чего и явился въ Ингельсгеймъ на Пасхѣ 1040 года. Онъ былъ возстановленъ въ своемъ епископскомъ званіи, и, такимъ образомъ, въ Германіи, какъ въ Бургундіи и Италіи, водворились порядокъ и миръ.

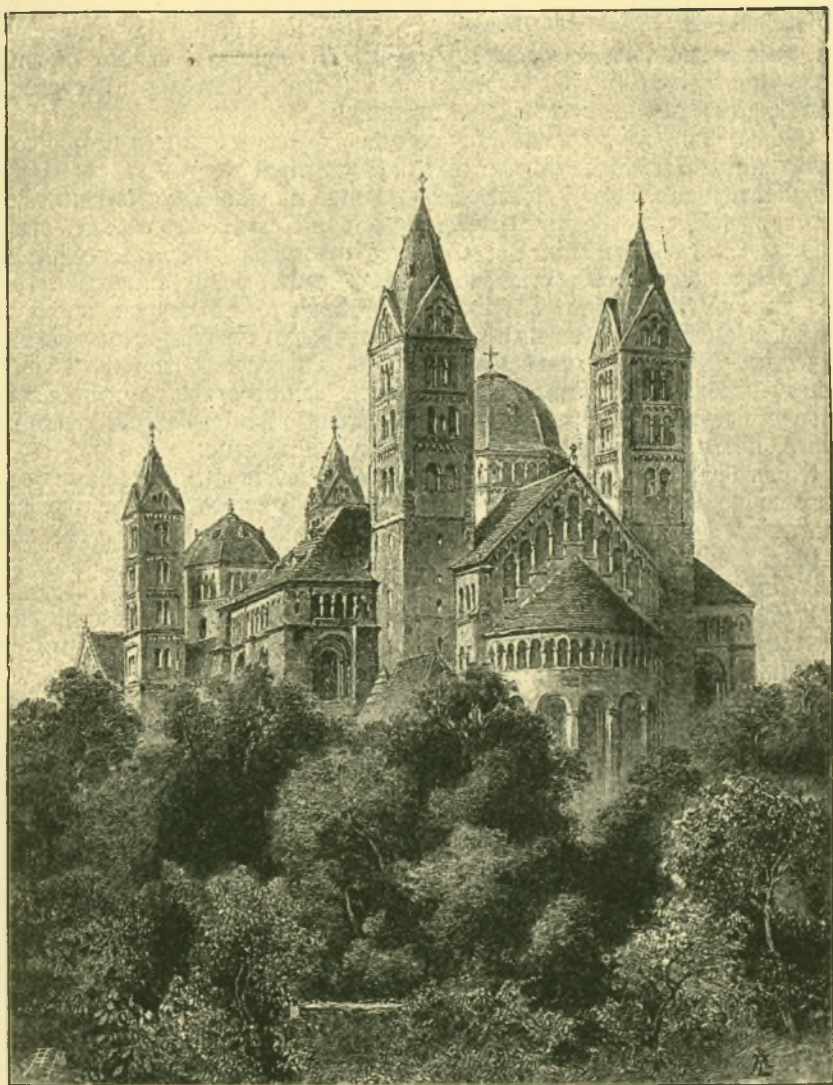
Отношенія
на Востокъ.
Богемія.

Особеннаго вниманія требовали обстоятельства на Востокъ, къ которымъ Конрадъ относился въ послѣднее время нѣсколько равнодушно. Въ Польшѣ, по смерти Болеслава, господствовала анархія и снова возникло язычество; въ Венгріи, положеніе преемника Стефана Святого, его зятя, Петра, было затруднительно, и христіанство не пустило еще глубокихъ корней и здѣсь. Богемскій герцогъ Бретиславъ, пылкій, способный и честолюбивый, воспользовался польскою смутой. Быть можетъ, ему было суждено осуществить то, что удалось, на короткое время, могущественному Болеславу Храброму: основать великое и независимое славянское государство. Въ одинъ походъ, почти не встрѣтивъ сопротивленія, онъ овладѣлъ Краковомъ и Гнѣзномъ, при чемъ вывезъ изъ послѣдняго города драгоцѣнную и важную добычу: останки Св. Адальберта; они были перемѣщены имъ въ богемскій главный городъ, Прагу, которую Бретиславъ хотѣлъ обратить въ столицу своего великаго государства. Онъ желалъ сойтись съ Генрихомъ, думая обмануть его своею мнимою покорностью; это ему не удалось, и началась война. Первый походъ (1040) былъ неудаченъ, но тѣмъ побѣдоноснѣе оказался второй (1041). У Праги соединились три нѣмецкія арміи; Бретиславъ покорился; онъ предсталъ передъ королемъ въ Регенсбургѣ, и Генрихъ выказалъ тутъ свой государственный смыслъ: онъ принялъ отъ Бретислава изъявленіе его покорности и отреченіе отъ Богемскаго престола, но возвратилъ ему его герцогство, вмѣстѣ съ Силезіей, обративъ его, такимъ образомъ, въ своего союзника, который оказалъ ему потомъ большія услуги на Востокъ, принимая весьма близко къ сердцу дѣло распространенія христіанства.

Польша и
Венгрія.

Что касается Польши, то законный наслѣдникъ престола, Пясть-Казиміръ, находился въ Германіи; съ разрѣшенія короля, онъ пытался, и съ успѣхомъ, завоевать снова и умиротворить свои владѣнія (1041), послѣ чего правилъ ими, въ качествѣ герцога и вассала Германскаго короля.

Петръ Венгерскій былъ низвергнутъ бурнымъ возстаніемъ и бѣжалъ къ королю Генриху въ Регенсбургъ; вмѣсто него, побѣдившая партія выбрала одного изъ вельможъ, Абу. Этотъ Аба, несмотря на то, что христіанство еще держалось, обратился къ прежнему, дикому, языческому обычаю хищническихъ набѣговъ: не объявляя войны, онъ вторгнулся въ Баварію (1042), однако, проники не далеко: благодаря мѣстнымъ военнымъ силамъ, онъ потерялъ поражение, а осенью того же года Генрихъ самъ вступилъ въ Венгрію, разбилъ въ двухъ сраженіяхъ короля-самозванца и воротился назадъ, овладѣвъ страню до границы и оставивъ вездѣ свои гарнизоны. Онъ предпринялъ новый походъ въ 1043 г., когда Аба завладѣлъ опять властью, но до войны не дошло, потому что Аба предложилъ миръ на

Шпейерский соборъ, заложенный императоромъ Нонрадомъ (который въ немъ и погребень) и законченный внукомъ Нонрада.

выгодныхъ условіяхъ: онъ признавалъ главенство Германіи и предоставлялъ въ ея владѣніе всѣ земли до Литавы и Мархіи. При всѣхъ этихъ битвахъ, Генрихъ встрѣчалъ усердную и доброхотную поддержку со стороны своего рыцарства,—того многочисленнаго сословія, которое было сплочено, или, собственно, даже создано Конрадомъ II. Генрихъ охотно вознаграждалъ этихъ воиновъ за ихъ храбрость, и могъ, благодаря завоеванной добычѣ, одѣлать ихъ деньгами и землями.

Королева
Агнеса.

Осенью того же года (1043), молодой король вступилъ вторично въ бракъ, избравъ себѣ невѣстой аквитанскую принцессу Агнесу Пуатье, дочь богатѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ западно-французскихъ вассаловъ, герцога Гильома аквитанскаго: монастырь Клюни былъ обязанъ своимъ основаніемъ этой фамиліи. Свадьба была отпразднована въ Ингельгеймѣ, куда съѣхалось, въ ожиданіи богатой благостыни, великое множество всякаго народа: музыкантовъ, фигляровъ, пѣвцовъ, преимущественно изъ Южной Франціи, почитавшейся тогда классическою страной всѣхъ вольныхъ искусствъ. Но эти люди весьма ошиблись въ расчетѣ, потому что степенный король не выказалъ имъ никакого благоволенія, а духовенство, давно уже осуждавшее такіа потѣхи, раздѣляло, въ этомъ случаѣ, воззрѣніи короля, и заняло противъ нихъ враждебное положеніе.

Венгрія.
1040 г.

Этотъ бракъ былъ, вѣроятно, въ связи съ обширными планами, основанными на слабости королевской власти въ восточныхъ французскихъ областяхъ. Но для выполненія ихъ, равно какъ для проведенія задуманныхъ церковныхъ реформъ, требовавшихся особенно усердно въ Аквитаніи съ ея вольными искусствами, явно враждебными этимъ самымъ реформамъ, у Генриха были еще связаны руки. Обстоятельства снова усложнились въ Венгріи: король Аба плохо платилъ Генриху за его снисхожденіе, и новый походъ противъ него становился необходимымъ. Аба отступилъ внутрь страны передъ сильнымъ германскимъ войскомъ и приготовился принять бой лишь по ту сторону Раабы. Битва, называемая битвой подъ Менфе, оказалась рѣшительной: венгерскія войска были разбиты на-голову, и король Петръ былъ снова возведенъ на престолъ. Его соперникъ бѣжалъ, но былъ пойманъ и обезглавленъ по повелѣнію Петра (1044 г.). Генрихъ отпраздновалъ у своего вассала, въ Штульвейсенбургѣ, Духовъ день 1045 г. Передъ тѣмъ, ему пришлось усмирять тяжелую смуту въ Лотарингіи: въ 1044 г. тамъ умеръ герцогъ Гизело; старшій его сынъ, Готфридъ, опираясь на свою личную доблесть и несомнѣнныя заслуги, ожидалъ утвержденія за собою нераздѣльнаго ланнаго герцогства, между тѣмъ, король предоставилъ владѣніе Нижнею Лотарингіей младшему брату Готфрида. Готфридъ взялся за оружіе; возстала при этомъ и Бургундія, но король подавилъ мятежь. Готфридъ предсталъ передъ судомъ князей, былъ приговоренъ къ заключенію и отвезенъ въ Гибихенштейнъ. Смерть младшаго герцога не измѣнила рѣшенія короля: Готфридъ былъ прощенъ, но долженъ былъ довольствоваться только Верхнею Лотарингіей; Нижняя досталась одному баварскому вельможѣ. Король, не слѣдуя примѣру отца, не оставлялъ герцогскихъ престоловъ незанятыми, но лишь избѣгалъ сажать на нихъ мѣстныхъ уроженцевъ, вслѣдствіе чего новые герцоги находились въ большей отъ него зависи-

мости. Лѣтомъ 1046 г. обстоятельства оказывались уже настолько благоприятными, что Генрихъ могъ отправиться въ Италію: онъ ѣхалъ въ страну вполнѣ умиротворенную—насколько же, насколько и покидаемая имъ. Всюду: на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и на западѣ, уважалась и внушала страхъ власть нѣмецкаго государя.

Поѣздка Генриха въ Римъ была важнымъ событіемъ. Отъ нея ожидали большого вліянія на церковныя дѣла, давно уже находившіяся въ критическомъ положеніи. Съ одной стороны, духовенство сознавало свою громадную силу и свое высокое назначеніе. Но оно идеализировало его чудовищнымъ образомъ и доводило до послѣдней крайности почитаніе и обоготвореніе патроновъ и святыхъ основателей всякой церкви, всякаго монастыря и всякой епархіи, прибѣгая, для прославленія этихъ угодниковъ, къ самымъ нелѣпымъ чудесамъ, къ весьма грубо-подтасованной лжи. Не мало зла причинялъ и промышлявшій этимъ нищій сбродъ, надъ которымъ производились, у могилы какого-нибудь святого, болѣе или менѣе искусно поддѣланныя чудесныя исцѣленія, при чемъ очевидный обманъ не колебалъ вѣры въ подобныя чудеса. Порученіе свѣтскихъ дѣлъ духовнымъ лицамъ, — что совершенно вошло въ обычай при послѣднихъ царствованіяхъ, — только возвысило ихъ значеніе и дало имъ, въ то же время, возможность довершить свою іерархическую организацію и сдѣлать себя необходимыми всюду. Такія благоприятныя условія позволяли имъ чрезвычайно увеличивать свои владѣнія, которыя никогда не давали такого роскошнѣйшаго дохода, какъ подъ ихъ разумнымъ управленіемъ. Съ другой стороны, этимъ самымъ богатствамъ постоянно угрожала ненасытная алчность великихъ и полувеликихъ мірянъ, что уже издавна заставляло духовенство озаботиться о пріисканіи средства для отвращенія бѣды. Средство заключалось въ поставленіи извѣстной церкви, извѣстнаго монастыря подъ покровительство близкаго или отдаленнаго могущественнаго лица, способнаго защищать духовныя имущества отъ насилія другихъ, тоже могущественныхъ лицъ. Такой мірской опекунъ былъ безусловно необходимъ, потому что значительная часть правовыхъ порядковъ, по самому существу своему, не допускала духовныхъ лицъ къ извѣстному управленію. Но часто отношенія къ самому такому опекуну становились для нихъ источникомъ угнетенія; во всякомъ случаѣ, онъ предлагалъ свои услуги не даромъ. Онъ взымалъ свой процентъ, свою часть дохода, у него были сыновья и дочери, которые, пока они не были пристроены въ мірѣ, могли содержаться спокойно на счетъ церковныхъ суммъ и угодій. Посредствомъ этого, въ жизнь духовенства вторгнулся еще шире мірской элементъ, которому и такъ уже были настезь открыты двери. Болѣе здравые умы усматривали съ прискорбіемъ возрастающую порчу: грубое насиліе, наглое лукавство, бражничанье, развратъ,—столь рѣзко противорѣчившіе предписаніямъ церковной нравственности, которая, съ своей стороны, требовала почти невозможнаго самоотреченія, полнаго умерщвленія чловѣческаго естества и истязанія плоти,—и требовала всего этого тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ рѣже исполнялись людьми даже и менѣе тяжкія требованія. Чудовищнымъ зломъ, наиболѣе бросающимся въ глаза и непосредственно ощущаемымъ всѣми, было

Поѣздка въ Римъ. Церковныя дѣла. Миръ. Господень.

непрерывное пролитіе крови, вѣчныя распри, явно противныя христіанской любви и сопровождаемая всевозможными бѣдствіями и злодѣйствами. Уже одинъ обычай «судебныхъ поединковъ» доказываетъ, какъ при-суща еще была челоувѣчеству его первобытная дикость съ ея порѣшеніемъ всего грубой силою, съ ея «кровью за кровь», со всѣми ея ужасами. Одинъ епископъ свидѣтельствуетъ, что въ теченіе одного года въ его округѣ пало не менѣе 35 лицъ въ такихъ поединкахъ. Широко распро-странившееся мнѣніе о скоромъ свѣтопреставленіи вызвало сильный и серьезный подъемъ религіознаго настроенія; но устрашавшій всѣхъ 1000 годъ прошелъ, не вызвавъ паденія небеснаго огня на землю, и всѣ про-должали грѣшить попрежнему. Дѣйствительныя бѣдствія породили, наконецъ, замѣчательную мысль о блаженномъ умиротвореніи всего хри-стіанства, и эта мысль о «мирѣ Господнемъ» возникла именно тамъ, гдѣ наиболѣе господствовали чувственность и наслажденіе земными благами: въ Южной Франціи. Послѣдовательные неурожай 1028—1030 г. вызвали страшный голодъ; во многихъ мѣстахъ народъ питался только кореньями, травой, глиной; на проѣзжавшихъ нападали, убивали ихъ и съѣдали; не-достатокъ путей сообщенія затруднял доставленіе помощи, и благотвори-тельность духовенства, раздача милостыни и монастырскія народныя трапезныя были недостаточны для борьбы съ страшными размѣрами бѣд-ствія. Ужасные дожди прекратились лишь въ 1031 году, ожививъ снова надежду на будущее. Подобное настроеніе—самое плодотворное для чело-увѣческихъ дѣлъ; мысль о только что пережитомъ бѣдствіи и сладостное ощущеніе возврата къ жизни сливаются въ одну силу,—она-то и внушила духовному сословію возвышенную мечту о насажденіи вѣчнаго мира. Этотъ христіанско-идеалистическій порывъ объялъ всю Францію, мѣсто своего зарожденія, и потомъ распространился по всей Европѣ. Соборы занялись этою прекрасною грѣзой и постановили учрежденіе «мира Го-сподня». И въ теченіе нѣкотораго времени такъ сильно было господство этой идеи, что общественное мнѣніе принуждало и несогласныхъ съ нею принимать ее и покоряться тому, что требовалось отъ нихъ именемъ Бо-жїимъ. Но когда нѣсколько урожайныхъ годовъ послѣдовало за голодными періодомъ, люди размыслили, что прекрасная мысль, въ своемъ общемъ, неосуществима. Желательно было, однако, спасти хотя часть ея: вмѣсто мира Господня установить хотя перемиріе Господне—«*Treuga Dei*». По-видимому, и это практическое видоизмѣненіе возвышенной идеи возникло, прежде всего, въ Аквитаніи. Благодаря сглаженію епископовъ съ мїр-скою знатью, было рѣшено, что всякія распри должны пріостанавливаться на время отъ среды вечера и до утра понедѣльника (1040 г.). За нару-шеніе этого правила, скоро освященнаго народнымъ обычаемъ, назначались церковныя эпитиміи и мїрскія кары. Уже Конрадъ относился сочувственно къ этой мысли, а Генрихъ III, при полномъ соответствіи его общаго на-строенія такому учрежденію, постарался, по возможности, ввести его въ своихъ владѣніяхъ; по крайней мѣрѣ, въ Бургундіи была принята *Treuga Dei*. Древнѣйшимъ документомъ о такомъ многознаменательномъ прогрес-сивномъ движеніи служитъ посланіе аббата Одилона Клюнійскаго и нѣкото-рыхъ другихъ бургундскихъ епископовъ изъ Арля, Авиньона и Ниц-

цы, написанное ими от имени всего галльского духовенства въ видѣ обращенія къ духовенству итальянскому (1041 г.).

Такая идея доказывала силу духовнаго направленія въ половинѣ XI столѣтія. Но могущественная партія, все яснѣе сознававшая необходимость церковныхъ реформъ, не хотѣла остановиться только на этомъ. Центромъ ея, главной твердыней, былъ монастырь въ Клюни, основанный герцогомъ Гильомомъ Аквитанскимъ въ 910 г. и принявшій уставъ Св. Бенедикта, подобно многимъ другимъ; но этотъ монастырь, подчиненный непосредственно Римской Церкви и ставшій главою многочисленныхъ, основанныхъ уже имъ, или добровольно приписавшихся къ нему, другихъ обителей, приобрѣлъ скоро большое значеніе, въ качествѣ средоточія и главы цѣлой конгрегаціи. Эти присоединенные, «конгрегаціонные», монастыри не выбирали сами своихъ настоятелей, но ихъ «пріоры» назначались имъ аббатомъ клюнійскимъ. Самымъ выдающимся изъ этихъ аббатовъ, стоявшимъ во главѣ конгрегаціи съ 994 по 1040 гг. и входившимъ въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ четырьмя государями—Оттономъ III, Генрихомъ II, Конрадомъ II и Генрихомъ III, былъ *Одилонъ*, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей своего времени. Церковная идея разрабатывалась въ Клюни съ возрастающею ясностью взгляда на предметъ и проводилась до крайнихъ предѣловъ. Два главныя злоупотребленія, противъ которыхъ усерднѣе всего ратовала эта оппозиція, въ виду вызываемаго ими всеобщаго негодованія, были, такъ-называемые, *симонизмъ* и *николаизмъ*. Подъ первымъ названіемъ клюнійцы и единомышленники ихъ разумѣли торговлю духовными мѣстами, покупку или обмѣнъ церковныхъ почетныхъ званій посредствомъ денегъ или другихъ земныхъ выгодъ; это былъ грѣхъ, прототипомъ котораго считался Симонъ-кудесникъ (Дѣянія апост., 8), предложившій, однажды, апостоламъ Петру и Иоанну научить его, за деньги, какъ сообщать наитіе Св. Духа наложеніемъ рукъ. Второе названіе заимствовано изъ Апокалипсиса и обозначаетъ плотскую грѣховность духовныхъ лицъ. Общее негодованіе было рѣзко возбуждено въ обоихъ отношеніяхъ: положеніе епископовъ, въ тѣ дни, было столь многосторонне, выгодно и блестяще, что оно возбуждало поподзновенія какъ знатныхъ, такъ и простыхъ лицъ. Никогда еще не былъ такъ приложимъ текстъ: «взыскивающій епископства, взыскиваетъ сокровища»—вълѣдствіе чего такихъ мѣстъ домогались всякими средствами. Но усердіе преобразователей, подчиняясь духу времени, вращавшемуся среди рѣзкихъ противоположностей и обнимавшему все лишь въ грубыхъ чертахъ, стало скоро подводить подъ понятіе о симоніи всякое назначеніе духовныхъ служителей мірскою властью, а подъ именемъ «николаизма» разумѣть даже и браки духовныхъ лицъ, весьма обычные, въ то время, въ средѣ низшаго духовенства, и на которые разумнѣйшіе изъ вождей Церкви смотрѣли, хотя и съ неодобреніемъ, но какъ на зло ничтожное. Король Конрадъ, при своемъ свѣтскомъ и практическомъ взглядѣ на вещи, не стѣснялся раздавать епископскія кафедры и аббатства за деньги, и всякое новое назначеніе на высшее духовное мѣсто доставляло порядочный доходъ королевской казны; но король Генрихъ, изъ уваженія и къ Церкви, и къ строгой нравственности, осудилъ, согласно съ клюнійцами, всякую

Клюнійская
конгрегація

симонию, настоятельно выражая это при каждом торжественномъ случаѣ. То, что называли николаизмомъ, можно было прекратить лишь по уничтоженіи его главнаго источника—симоніи. Такимъ образомъ, ближайшею цѣлью реформаторовъ было устраненіе симоніи, но оно могло исходить лишь отъ императора, потому что папство уже издавна само глубоко погрязло въ этомъ пороки.

Папскій престолъ.

Дѣйствительно, позорнѣйшій развратъ гнѣзвился подъ сѣпью святилища. Порочному Бенедикту IX противопоставили было Сильвестра III, но Бенедиктъ одержалъ верхъ въ этой смутѣ. Однако, его самого тяготилъ его санъ; онъ мечталъ о супружествѣ и скоро, по форменному условію, продалъ свое духовное верховенство, за 1000 серебряныхъ марокъ, одному римскому клерику, который принялъ имя Григорія VI и употребилъ нечисто-приобрѣтенное достоинство, по крайней мѣрѣ, на доброе дѣло, а именно на утверженіе церковныхъ реформъ. Но какъ Бенедиктъ, такъ и Сильвестръ, оба служившіе орудіями партіи, были устранены ненадолго, такъ что, когда Генрихъ вступилъ въ Италію (1046 г.), въ ней было трое папъ.

Гробница папы-нѣмца Климента II, единственнаго изъ папъ, погребеннаго въ Германіи, въ Бамбергскомъ соборѣ.

Въ годахъ гробницы изображеніе папы, призываемаго ангеломъ въ царствіе небесное. На бокахъ гробницы изображеніе христіанскихъ добродѣтелей. Надпись на верхней доскѣ слѣдующая:

R^{mus} INCHR^{OP}ATER | ET DNS. D. SVIDGERVS. A MAYENDORFF SAXO. 2. EPS |
BAMB. POSTEA | SVMM: PONT: CLEM. 2^{das} DICT OBIIT. ROMÆ. 10. OCTOB.
A^O. 1047.

Т. е. Reverendissimus in Christo pater et dominus, dominus Suidgerus a Mayendorff, Saxo, secundus Episcopus Vicochitimus отецъ и во Христѣ владыко, господи́нь Сундгеръ фонъ-Майендорфъ, изъ Саксоніи (родомъ), второй епископъ

Bambergensis, postea summus pontifex Clemens secundus dictus. Obit Romae 10. Octobris Anno 1047. Бамбергскій, впоследствии наименованный папою Климентомъ II, умершій въ Римѣ 10 октября 1047 г.

Съ цѣлью прекратить такой соблазнъ, былъ созванъ соборъ въ Сутри (Тоскана). Григорій VI призналъ себя на немъ виновнымъ и отрекъ отъ своего, грѣховно-добытаго, сана; оба другіе папы были низложены и королю было предоставлено избраніе новаго главы Церкви. Среди итальянскаго духовенства, развращеннаго болѣе всѣхъ прочихъ, не находилось ни одного человѣка, который соотвѣтствовалъ-бы всѣмъ требованіямъ высокаго положенія, и выборъ Генриха палъ на епископа бамбергскаго, знатнаго саксонца Суитгера, который очень неохотно покинулъ свою епархію, чтобы явиться папой. Это былъ безупречнѣйшій человѣкъ. Онъ принялъ имя Климента II и совершилъ коронованіе императора въ день Рождества 1046 г. Въ сопровожденіи этого новаго папы, императоръ отправился въ Южную Италію для распоряженія Апуліей, отнятой въ предшествовавшемъ году у Грековъ, преимущественно благодаря отвагѣ норманнскихъ рыцарей. Онъ утвердилъ тамъ существовавшій порядокъ, предоставивъ графство Апулію въ лѣнное владѣніе одному изъ норманнскихъ вождей, Дрогоу (1047). Въ маѣ того же года онъ воротился въ Германію.

Соборъ въ
Сутри. 1046.

Здѣсь ему предстоялъ походъ въ Венгрію, гдѣ король Петръ былъ низвергнутъ и мятежники, одновременно съ тѣмъ начавшіе жестоко преслѣдовать христіанъ и ихъ духовенство, избрали въ короли одного родича старой королевской отрасли, потомка Арпада, по имени Андрея. Этотъ король, вѣрный своему христіанскому имени, склонился на путь прежней церковной политики и поддерживалъ христіанство. Предположенный Генрихомъ походъ былъ, поэтому, отложенъ на время, тѣмъ болѣе, что герцогъ Лотарингскій, Готфридъ, снова взялся за оружіе, возбудивъ мятежъ и во Франціи, Бургундіи и Италиі. Смута возросла до того, что Бенедиктъ IX, воспользовавшись смертью Климента II, возвратился опять въ Римъ съ помощью маркграфа Бонифація, до того времени усерднаго сподвижника императора, а теперь тайнаго союзника лотарингскихъ мятежниковъ. Генрихъ скоро расправился съ мятежомъ въ Италиі; назначенный имъ папа, бриксенскій епископъ Поппонъ, вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Дамаса II (1048); съ французскимъ королемъ тоже установились хорошія отношенія. Но иная опасность возникла въ Саксоніи, гдѣ герцогская фамилія Билунгеровъ преслѣдовала, съ злобною ненавистью, преданнаго императору бременскаго архіепископа Адальберта, выжидая лишь случая, чтобы проявить эту ненависть болѣе осязательно. Опасность со стороны Лотарингіи миновала только въ 1049 г., когда императорскія войска, подъ предводительствомъ герцога верхнелотарингскаго, Гергарда, нанесли рѣшительное пораженіе вожакамъ возстанія, графу Дитриху и герцогу Готфриду. Въ этой борьбѣ, союзникомъ императора былъ папа Левъ IX, бывший тульскій епископъ Брунонъ, занявшій римскій престолъ по смерти Дамаса II. Императоръ указалъ римскимъ посланцамъ на него, какъ на достойнѣйшаго, и онъ вступилъ, въ февралѣ 1048 г., въ Римъ, босой, въ монашескомъ одѣяніи, читалъ молитвы и съ соотвѣтственной свитой. Начавъ тамъ упорную борьбу съ симоніей, онъ отправился, на нѣкоторое время, къ императору и, находясь въ его лагерѣ, предалъ мятежниковъ отлученію отъ Церкви. Моущество Готфрида рушилось, и онъ, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ, гра-

Генрихъ III
въ Германіи.

фомъ Балдуиномъ Фландрскимъ, просилъ императора о помилованіи (лѣто 1049 г.).

Императоръ
Георіихъ и
папа Левъ IX.

Въ теченіе короткаго времени императорская и папская власть дѣйствовали за-одно; представителями той и другой были люди замѣчательные, и въ первые годы управленія Льва IX дѣятельность его является возвышенной, одушевленной благороднѣйшими намѣреніями, такой, на которой отрадно остановиться. Вскорѣ онъ настоялъ на своемъ вторичномъ, формальномъ, избраніи въ Римѣ, что было имъ заранѣе выговорено у императора; затѣмъ урядовалъ внѣшнія сношенія римскаго епископата, весьма запущенныя, и приступилъ къ совершенно новой системѣ духовнаго управленія. Опъ сталъ править своими обширными владѣніями не черезъ легатовъ, но лично, переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, какъ императоръ: тутъ онъ созывалъ соборъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, тамъ улаживалъ споръ между двумя епископами, далѣе, освящалъ церкви, посѣщалъ монастыри, проповѣдывалъ, совершалъ паломничества къ гробницамъ прославленныхъ святыхъ. Такъ разъѣзжалъ онъ по Франціи и Германіи, не забывая своей бывшей тульской епархіи, которую онъ оставилъ за собою, и посѣввалъ потомъ, къ празднованію Пасхи, обратно въ Римъ, уже начипавшій, съ своей стороны, чувствовать на себѣ живительное вліяніе такого дѣятельнаго управленія. Самая внѣшность Льва IX производила обаятельное впечатлѣніе: онъ былъ высокъ ростомъ, родомъ эльзасецъ, потомокъ одного стариннаго графскаго дома въ Аллеманіи; его происхожденіе, равно какъ воспитаніе, полученное въ процвѣтавшей тогда монастырской коллегіи въ Туллѣ, давали ему возможность удовлетворять всѣмъ многостороннимъ обязанностямъ, возлагаемымъ на него положеніемъ, въ которомъ свѣтскіе интересы связывались съ духовными.

Вначалѣ, это оживленіе папской власти отражалось благопріятно и на усиленіи императорской власти; казалось, что наступаетъ счастливая будущность. Эти надежды возросли еще болѣе, когда у императора, послѣ семилѣтняго брака, родился, наконецъ, сынъ (1050). Радость была велика, и императоръ, въ длинномъ, весьма любезномъ, по обычаю того времени, письмѣ, пригласилъ аббата клюнійскаго, Гугона, быть восприемникомъ мальчика. Крестины происходили въ Кельвѣ, на Пасхѣ 1051 г.; обрядъ совершалъ архіепископъ Германъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ сторонниковъ императора.

Послѣдніе
годы Ген-
риха III.

Но нельзя сказать, чтобы послѣднее время правленія Генриха III, а также вся жизнь столь радостно привѣтствованнаго ребенка, оправдали эти надежды. Тяжелый трудъ, выпадавшій на долю нѣмецкаго короля, бывшаго, въ то же время, и римскимъ императоромъ,—трудъ, включавшій въ себѣ, на дѣлѣ, не одну неразрѣшимую задачу, возобновлялся снова. Генрихъ поступилъ крайне рискованно, выпустивъ изъ заточенія герцога Лотаринскаго, Готфрида, для того, чтобы направить его противъ графа Балдуина Фландрскаго, нѣкогда его сообщника по мятежу, и теперь поднявшаго снова оружіе; самъ императоръ пошелъ на Венгрію, съ которою миръ не былъ никогда продолжительнымъ. Но онъ потерпѣлъ неудачу, какъ въ 1051, такъ и въ 1052 г., и та нѣмецкая область, на которую ему необходимо было разсчитывать для покоренія Венгріи, Бавар-

рія, была потрясена междоусобицей, вслѣдствіе распри двухъ могущественныхъ владѣтелей: герцога Конрада и регенсбургскаго епископа Гебгардта, дяди императора. Провозглашеніе князьями въ Трибурѣ трехлѣтняго сына Генрихова будущимъ королемъ могло считаться лишь сомнительнымъ успѣхомъ, потому что клятвы нѣмецкихъ князей не имѣли большого значенія; примѣромъ тому могъ служить баварскій герцогъ, который, вмѣсто того, чтобы отозваться на приглашеніе императора, бѣжалъ въ Венгрію и потомъ, во главѣ венгерскаго войска, вторгся въ Каринтію. Борьба съ Балдуиномъ Фландрскимъ, между тѣмъ, продолжалась; онъ не покорялся, несмотря на нанесенное ему имперскими силами тяжкое поражение въ 1054 г. Въ сентябрѣ того же года, во время пребыванія императора въ Майнцѣ, къ нему явилось посольство изъ Рима съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Льва IX; эти послы просили императора о назначеніи новаго папы.

Левъ IX, воротаясь отъ императора въ Италію въ 1053 г., принялся снова за свои преобразованія. Обезпечивъ себя совѣтами и содѣйствіемъ нѣсколькихъ достойныхъ лицъ, онъ достигнулъ того, что духовенство римской епархіи приняло совершенно иной характеръ. Но онъ не пренебрегалъ тоже и свѣтскими интересами святого престола: утвердилъ владѣнные записи на принадлежавшія Риму угодья, равно какъ и ложную дарственную грамоту Константина, и горячо занялся военными сборами противъ Норманновъ, осаждавшихъ городъ Беневентъ, который, среди своихъ бѣдствій, присягнулъ на вѣрность ему. Императоръ не могъ немедленно двинуться въ Италію, поэтому неутомимый Левъ IX самъ собралъ войско и вступилъ въ соглашеніе съ греческимъ главнокомандующимъ въ Бари, съ тѣмъ, чтобы напасть съ двухъ сторонъ на ненавистныхъ Норманновъ и совершенно изгнать этихъ притѣснителей изъ Итальянской земли. Норманны слотили всѣ свои боевыя силы, ядромъ которыхъ было ихъ рыцарство, закаленное въ безчисленныхъ бояхъ и опасностяхъ. Но владѣли Норманны уже едва-ли не однимъ только тѣмъ полемъ, на которомъ должно было произойти сраженіе, потому что противъ нихъ возстала вся Апулія, жаждавшая сбросить съ себя ихъ иго. Проигранная битва уничтожила бы ихъ безслѣдно, но встрѣтившія ихъ папскія войска (главная квартира самого папы,—если можно такъ выразиться,—находилась въ одномъ мѣстечкѣ на сѣверной границѣ Апуліи съ герцогствомъ Беневентскимъ) состояли изъ весьма сомнительнаго сброда, который не устоялъ передъ натискомъ грозныхъ рыцарей, и предоставилъ лучшую часть папской арміи, небольшой аллеманскій отрядъ, въ жертву превосходящимъ силамъ Норманновъ. Норманны одержали рѣшительную побѣду; самъ папа находился въ отчаянномъ положеніи среди населенія Чивитате, которое было готово выдать врагамъ человека, навлекавшаго на мѣстность всѣ ужасы норманнскаго нашествія. Но именно это и послужило къ своего рода странному примиренію: сами Норманны явились выручить папу, предлагая ему свою защиту, если онъ сниметъ съ нихъ отлученіе. Это было исполнено, и они доставили его сохранно въ Беневентъ. Но это поражение подѣйствовало на папу угнетающимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что благочестивые люди ставили ему въ вину, и совершенно справедливо, его

Папа и Норманны.

личное участие въ войнѣ, вовсе несогласное съ характеромъ его сана. Едва возвратясь въ Римъ, онъ занемогъ и скончался черезъ нѣсколько дней (апрѣль 1054 г.).

Клюнійцы.
Гильдебрандъ.

Среди лицъ, окружавшихъ покойнаго папу, замѣчательнѣе всѣхъ былъ бывшій капелланъ Григорія VI, Гильдебрандъ, котораго Левъ IX, такъ неохотно принимая папское достоинство, привезъ съ собою изъ клюнійскаго монастыря, гдѣ тотъ почти постоянно пребывалъ по смерти Григорія. Возврънїя Гильдебранда на папскій престолъ и на его замѣщеніе должны были обнаружиться послѣ. Онъ держался всѣхъ понятій клюнійцевъ относительно Церкви и ея верховенства, не отступая передъ самымъ крайнимъ развитіемъ этихъ идей. Но, по крайней мѣрѣ, въ то время, онъ обладалъ и тѣмъ государственнымъ взглядомъ, который указывалъ ему на возможность мѣръ лишь при ихъ своевременности, а положеніе вещей въ Италиі было тогда таково, что нарушеніе союза съ императоромъ подвергло бы крайней гибели самое папство. Поэтому, вовсе не мечтая о санѣ римскаго первосвященника для себя, онъ сталъ во главѣ посольства, отправившагося къ императору съ просьбою отъ римскаго народа назначить преемника Льву, и даже самъ указывалъ, при этомъ, на эйхштедскаго епископа Гебгарда, такого же достойнаго члена нѣмецкаго епископства, какимъ былъ и Левъ, и обладавшаго, сверхъ того, большимъ практическимъ смысломъ. Послѣ долгаго сопротивленія, Гебгардъ изъявилъ, наконецъ, согласіе, затѣмъ былъ формально переизбранъ въ Римѣ, въ угоду взглядамъ клюнійцевъ, и посвященъ подъ именемъ Виктора II. Вскорѣ послѣ того, самъ императоръ посѣтилъ Италію, во второй разъ въ теченіе своего царствованія. Онъ крѣпко стянулъ бразды и разстроилъ, въ особенности, опасную интригу, начатую съ обильнаго своими послѣдствіями брака Готфрида Лотарингскаго съ Беатрисою, вдовою вышеупомянутаго маркграфа тусційскаго, Бонифація. Но полученныя имъ важныя вѣсти заставили его поскорѣе вернуться въ Германію. Среди нѣмецкихъ князей, которымъ было ненавистно строгое и разумное управленіе Генриха, возникъ заговоръ, и во главѣ его стоялъ дядя императора, епископъ регенбургскій, Гебгардъ. Дѣло шло объ умерщвленіи Генриха: вельфскій обычай — не затрудняться ни ядомъ, ни кинжаломъ — начиналъ прививаться уже и въ Германіи. Но заговоръ былъ открытъ и епископъ схваченъ, прежде нежели онъ успѣлъ заподозрить опасность. Съ этой заботой было скоро покончено, но на смѣну ея не замедлили явиться другія. Дѣла на Востокѣ были весьма неудовлетворительны: Венгрія не усмирена; въ Богеміи, новый герцогъ, преемникъ Бретислава, былъ ненадеженъ; въ Вендской землѣ, Лютичи снова впали въ язычество. За то императоръ могъ помиловать своего дядю, и съ лотарингскимъ герцогомъ установились у него тоже хорошія отношенія (1056).

Въ сентябрѣ того же года, Генрихъ отправился въ Госларъ, гдѣ проживалъ всего охотнѣе и воздвигалъ большія постройки; здѣсь же пришлось ему принять папу, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Посѣщеніе было краткое. Въ Водфельдѣ, — крѣпость или охотничьемъ замкѣ, — куда ему сопутствовалъ папа, онъ получилъ извѣстіе о пораженіи имперцевъ Лютичами. Эта вѣсть такъ подѣйствовала на него, челоѣка впе-

Императорскій дворець въ Госларѣ, мѣстороженіе и любимѣйшая резиденція Генриха IV, построенный Генрихомъ III (предполагають даже, будто былъ заложень Генрихомъ II). Здѣсь происходили весьма многіе сеймы.

Кромѣ двухъ устоевъ, прислоненныхъ къ фасаду, этотъ дворець нимало не измѣнилъ своей прежней вышности и можетъ служить прекраснымъ образцомъ построекъ романскаго стиля въ Сѣверной Германіи.

чтлительнаго и никогда не пользовавшагося крѣпкимъ здоровьемъ, что онъ заболѣлъ лихорадкой, скоро принявшей дурной оборотъ. Но Генрихъ успѣлъ еще составить свое завѣщаніе; у одра умирающаго успѣли собраться многіе князья и епископы. Они обязались еще разъ признать наслѣдникомъ его единственнаго сына; затѣмъ, объявивъ еще весьма обширную амнистію, императоръ скончался 5 октября 1056 г. Ему было всего тридцать девять лѣтъ. 28 числа того же мѣсяца, — день его рожденія, — его схоронили въ Шнейерѣ, въ соборѣ, гдѣ покоились уже Конрадъ и Гизела.

Успѣлъ-ли бы онъ, проживъ долѣе, осуществить великую церковную реформу, установивъ, при этомъ, и императорскую власть на болѣе прочныхъ основахъ, — это вопросъ праздный, но немисливо представить себѣ положеніе, неблагоприятнѣе того, которое наступало. Присутствіе папы было еще счастьемъ: онъ много помогъ императрицѣ справиться съ первыми затрудненіями; но въ слѣдующемъ, 1057 г., умеръ и онъ, а Генрихъ IV (впослѣдствіи царствовавшій отъ 1056 до 1106 г., цѣлые полъ-вѣка), былъ тогда еще шестилѣтнимъ ребенкомъ. Регентство

Генрихъ IV.
Регентство.

было въ рукахъ матери его, Агнесы, женщины ограниченной, стоявшей постоянно въ зависимости отъ тѣхъ, кому она довѣряла. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ Генрихъ, епископъ аугсбургскій, заслуживавшій, впрочемъ, такого довѣрія; но его положеніе возбуждало зависть другихъ, и всякое назначеніе, всякое заявленіе благосклонности двора создавало правительству, на одного довольнаго или полудовольнаго, десятирхъ озлобленныхъ этою милостію. Все такія интриги и дразги не могутъ быть описаны вкратцѣ, но въ Венгріи, во время регентства, наступилъ переворотъ, при которомъ Бала, враждебный нѣмцамъ братъ Андрея (сынъ котораго былъ обрученъ со второю дочерью императрицы, Софіей), захватилъ власть; еще важнѣе было то, что происходило въ Италіи. По смерти Виктора, папою былъ избранъ братъ герцога лотарингскаго, Готфрида, кардиналъ Фридрихъ,—слѣдовательно опять нѣмецъ,—подъ именемъ Стефана X. Но онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда, по стачкѣ нѣкоторыхъ римскихъ дворянъ, былъ избранъ Бенедиктъ X, вслѣдствіе чего партія Гильдебранда должна была удалиться на время изъ Рима и снова была вынуждена обратиться къ императрицѣ для полученія отъ нея согласія на избраніе новаго папы въ лицѣ флорентійскаго епископа Гергарда, котораго и привезъ въ Римъ герцогъ Готфридъ, самый могущественный изъ князей въ Италіи, послѣ Гильдебранда. Новый папа былъ нареченъ Николаемъ II.

Римъ. Папа
Николай II.

Партія Гильдебранда дѣйствовала энергично. Она побѣдила анти-папу Бенедикта, который былъ лишенъ духовнаго сана по приговору латеранскаго собора (апрѣль 1059), смирила и архіепископа миланскаго, и державшее его сторону духовенство, возбудивъ, посредствомъ своихъ агентовъ, народъ противъ женатыхъ священниковъ; она же настояла на утвержденіи тѣмъ же соборомъ порядка избранія папъ, при чемъ такой порядокъ имѣлъ важное значеніе для усиленія папской власти. Папы должны были избираться, отнынѣ, кардиналами, т. е., высшими сановниками римской куріи, «сердцемъ» или краеугольнымъ камнемъ всего христіанства, а не знатію или народомъ. Соизволеніе короля было оставлено въ силѣ, но въ выраженіяхъ, допускавшихъ легко иной смыслъ; при этомъ, весь декретъ былъ предоставленъ въ общее свѣдѣніе въ искаженномъ видѣ и внесенъ въ собраніе церковныхъ узаконеній (1059). Въ то же время, названный соборъ установилъ строжайшія правила по отношенію къ симоніи и николаизму: мірянамъ воспрещалось присутствовать при богослуженіяхъ, совершаемыхъ женатыми священниками. На этомъ же многозначительномъ соборѣ былъ рѣшенъ важный догматическій вопросъ. Различіе воззрѣній на евхаристію, бывшее причиною разногласія между Пахазіемъ Радбергомъ и Ратрамнусомъ въ IX столѣтіи, возобновилось въ послѣднее время: *Берениаръ*, глава турецкой школы, развивалъ со всею остротой діалектика, ученіе Ратрамнуса, признававшаго во вкушеніи тѣла и крови Христовой лишь символическое значеніе, между тѣмъ какъ противникъ его, *Ланфранкъ*, состоявшій въ то время схоластикомъ при галльскомъ монастырѣ Бекъ, защищалъ горячо существенность тѣла и крови Христовой вкушаемыхъ, въ видѣ хлѣба и вина, при причастіи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Гильдебрандъ раздѣлялъ первое, спиритуалистическое

возрѣніе Беренгара; онъ самъ присовѣтовалъ ему отправиться въ Римъ на этотъ соборъ. Но все міровозрѣніе той эпохи склонялось болѣе къ догматическому истолкованію Ланфранка, и крайне разившееся, вмѣстѣ съ развитіемъ послѣднихъ поколѣній, высокоуміе духовенства оцѣнило вполне, насколько возрастетъ могущество Церкви, когда народъ будетъ видѣть священнослужителя, возносящаго передъ нимъ въ Св. Дарахъ самую плоть и кровь Христову. Поэтому, оно было готово склониться въ сторону того ученія, по которому, въ силу произносимыхъ словъ молитвы, совершалось чудо претворенія. Понимая это, Гильдебрандъ не рѣшилъ поддержать Беренгара, когда тотъ явился на соборъ. Напротивъ того, Беренгаръ долженъ былъ присоединиться къ ученію своихъ противниковъ въ самой рѣзкой и осязательной его формѣ, признавая, что истинное тѣло и истинная кровь Господа преломляется и подносится руками священнослужителя и «вкушается вѣрующими». Но собраніе занималось не одними декретами и догматическими рѣшеніями. Послѣднія событія доказывали ясно, что папство нуждается въ могучемъ свѣтскомъ союзникѣ, прежде всего для противодѣйствія римскому дворянству, постоянно стремившемуся обратить папскій престолъ въ орудіе своихъ жалкихъ интересовъ, а затѣмъ и для борьбы съ властью нѣмецкихъ государей, если бы эти послѣдніе задумали удержать за собой свое прежнее положеніе. Николай и его ближайшій совѣтникъ нашли такого союзника въ *Норманнахъ*, во главѣ которыхъ находились тогда—князь Ришаръ Капуанскій и Робертъ, одинъ изъ многочисленныхъ сыновей Танкреда д'Отвилъ.

Этотъ Робертъ-Гискаръ можетъ служить нагляднымъ примѣромъ той легкости, съ которою люди возвышались въ то время; начавъ свое поприще съ обыкновеннаго воровства (онъ угонялъ съ полей, по ночамъ, чужой скотъ), онъ повысился до грабежа на большихъ дорогахъ, а потомъ сталъ вождемъ рыцарско-разбойничьей шайки наемниковъ, которые, укрѣпясь на какой-нибудь удобной возвышенности, дѣлали оттуда набѣги на окрестности, для собиранія съ нея дани. Наконецъ, наводя страхъ уже на болѣе обширныя мѣстности, онъ сталъ величать себя герцогомъ Апуліи и Калабрій. Такихъ двухъ людей принялъ папа на свою службу, при чемъ они принесли ему свою лѣнную присягу, вслѣдствіе чего были уже теперь тѣмъ, чѣмъ себя именovali, не просто, а «милостью Божіей и Св. Петра». Этотъ договоръ былъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ, — столь же выгоденъ, какъ, однажды, союзъ Пипина съ папой Захаріемъ. Норманны получали тѣмъ какъ бы права итальянскихъ уроженцевъ, а партія Гильдебранда пріобрѣтала въ нихъ вѣрныя оплоты противъ всѣхъ, кто сталъ бы угрожать самостоятельности папскаго престола или хотя бы только противодѣйствовать проявленіямъ этой самостоятельности. Относительно Апуліи, Калабрій и всѣхъ земель, которыя могли еще быть отняты у невѣрныхъ, папа и та партія, орудіемъ и вождемъ которой онъ былъ, были того мнѣнія, что они властны тамъ распорядиться, проникнувшись уже вполне сознаніемъ того, что все имъ позволено. Они обладали ключомъ, отворившимъ всякую дверь или способнымъ, повидимому, сообщать право ее отворить; ключъ этотъ былъ: «благо Церкви». Государь-

Папа и Норманны. Робертъ-Гискаръ.

ственное благо должно быть высшимъ закономъ, гласило извѣстное неоспоримое правило римскаго понятія о правѣ; но и этотъ высшій мірской законъ государства долженъ былъ уступать еще вышему: благу Церкви,— а въ чемъ состояло это благо, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это предоставляли рѣшать исключительно только себѣ высокія духовныя лица и единственные компетентные толкователи текстовъ.

Схизма.

Гильдебрандъ умѣлъ проложить себѣ дорогу среди всякихъ затрудненій. Состоя архидіакономъ Римской Церкви, онъ пріобрѣталъ значительное вліяніе и подчинялъ себѣ окружающихъ превосходствомъ своего ума. Въ іюлѣ 1061 года Николай II умеръ; Гильдебрандъ склонилъ выборы въ пользу епископа лукскаго, Ансельма, и убѣдилъ этого папу, принявшаго имя Александра II, выступить противъ анти-папы Кадала, котораго выбрали ломбардскіе епископы, враждебно расположенные къ партіи, главенствовавшей въ Римѣ. Это дѣло еще не было покончено, когда въ Германіи произошелъ государственный переворотъ, измѣнившій положеніе дѣлъ.

Аннонъ
Кѣльнскій.
Переворотъ.
1062 г.

Слабость и произволъ правительства вызывали въ Германіи справедливыя жалобы; вмѣстѣ съ тѣмъ, они открывали дорогу всякимъ честолюбивымъ и смѣлымъ замысламъ, особенно со стороны духовенства. Пришаткости всѣхъ отношеній, духъ захвата обуялъ, преимущественно, лицъ высшей духовной іерархіи, которыя, благодаря своему умственному развитію, превосходили свѣтскихъ князей, располагали многочисленными служилыми людьми и вассалами, а также тѣмъ, что можно назвать прессою того времени и что составляло всегда немалую силу. Читая набожныя посланія, съ которыми королева, на примѣръ, обращается къ такимъ святымъ лицамъ, выражая свою полнѣйшую увѣренность въ томъ, что молитвы клонійскихъ монаховъ спасли бы ея мужа отъ смерти, если бы они только того захотѣли (она такъ и писала этой смиренной общинѣ), можно понять, до чего могло возрасти высокоуміе сословія, которому весь міръ приписывалъ особую, обыкновенному человѣку мало-услнимую, таинственную, и потому еще болѣе подавляющую, власть. Между монахами, окружавшими того бременскаго Адальберта, который лелѣялъ честолюбивую мечту объ учрежденіи сѣвернаго патріархата, выдавался кѣльнскій архіепископъ Аннонъ, вышедшій изъ низкой среды, но пробившій себѣ дорогу своею природной энергіей; подвижный честолюбіемъ, онъ не хотѣлъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ утоляли свою жажду богатства и власти люди посредственные. Онъ полагалъ; можетъ-быть, и справедливо, что сзумѣеть вести дѣла лучше, нежели стоявшее у кормила правительство. Находясь во главѣ нѣмецкаго епископата, онъ не безосновательно страшился новоримскаго направленія, въ силу котораго, на Латеранскій соборъ 1059 г. не было вызвано ни одного изъ нѣмецкихъ епископовъ. Онъ сошелся втайнѣ съ нѣкоторыми князьями, между которыми находился и пользовавшійся большимъ расположеніемъ императрицы Оттона фонъ-Нордгеймъ, знатный саксонецъ, только что получившій въ ланъ герцогство Баварію (1061). Вѣроломное дѣло было приведено въ исполненіе на Пасхѣ 1062 г. въ Кайзервертѣ,—тогда островъ Св. Свйбертсверта,—гдѣ проживала императрица съ своимъ сыномъ: заговорщики заманили двѣнадцатилѣтняго

мальчика, подъ предлогомъ катанья, на бортъ распѣченнаго флагами судна, уже заготовленнаго ими на Рейнѣ, и повезли его, вверхъ по рѣкѣ, въ Кёльнъ. Рассказываютъ, что ребенокъ, замѣтивъ умыселъ, бросился въ воду, надѣясь доплыть до берега, на которомъ собралась толпа, но одинъ изъ заговорщиковъ вытащилъ его изъ воды. Преступная продѣлка удалась: образовалось новое правительство, при которомъ, номинально, завѣдывали дѣлами, сообща, всѣ епископы, чувствовавшіе себя теперь властителями міра; въ сущности же, распорядился всѣмъ кёльнской архіепископъ. Онъ привлекъ къ государственному управленію сначала майнцаго архіепископа Зигфрида, а потомъ архіепископа бременскаго, проникнутаго честолюбіемъ не менѣе сильнымъ, хотя и другого оттѣнка. Это былъ человекъ необычайно-даровитый, высокаго происхожденія, съ блестящею виѣшностью, плавною рѣчью, обширными помыслами; при этомъ, несмотря на всю пышность, которою онъ любилъ себя окружать, столь же строгаго поведенія, какъ и Аннонъ; онъ не уступалъ ему ни въ страстности, ни въ властолюбіи. Оба они заботились о чести и блескѣ своихъ епархій согласно взглядамъ церковныхъ князей того времени. Въ особенноти развилось тогда мѣстничество между высшими клериками. Такъ, въ Духовъ день 1063 г., въ присутствіи самого молодого короля, вслѣдствіе спора о первенствѣ между гильдесгеймскимъ епископомъ Гезилономъ и аббатомъ Видерадомъ Фульдскимъ, соборная церковь въ Госларѣ превратилась въ арену ожесточенной и весьма кровопролитной схватки между подчиненными спорившихъ духовныхъ сановниковъ. Аннонъ награждалъ своихъ родственниковъ и приверженцевъ съ безстыднѣйшимъ непотизмомъ, расточая для нихъ государственное добро, и замѣцалъ всѣ высшія церковныя должности своими сторонниками. Новое правительство могло дѣйствительно похвалиться лишь нѣкоторыми виѣшними успѣхами; такъ, въ 1063 г., счастливо закончился походъ въ Венгрію, подъ предводительствомъ Оттона фонъ-Нордгеймъ, при чемъ сынъ короля Андрея, низвергнутаго въ 1060 году, Соломонъ, былъ возведенъ на престолъ и коронованъ потомъ въ Штульвейсенбургѣ, въ присутствіи молодого короля, его свояка.

Церковная схизма продолжалась; тѣмъ временемъ римскій папа, Александръ II, все еще боролся съ ломбардскимъ панюю Кадаломъ, или Гоноріемъ II; въ теченіе нѣкотораго времени, самый Римъ распался на двѣ половины и улицы его были мѣстомъ ожесточенныхъ побоищъ между двумя партіями. Нѣмецкій дворъ, къ которому вернулась теперь императрица (іюнь 1064), былъ въ нерѣшительности; великіе князья германскіе, какъ и Аннонъ, сознавали опасность, которая грозила имъ,—особенно имъ,—отъ неограниченныхъ притязаній партіи Гильдебранда. Такое положеніе дѣлъ заставило Аннона рѣшиться на весьма важную мѣру, которая могла быть и ловкимъ шагомъ съ его стороны: вступивъ въ соглашеніе съ честнѣйшими членами самой реформенной партіи, какимъ былъ, напримѣръ, строгій Петръ Даміани, онъ настоялъ на созваніи въ Мантуѣ собора, на которомъ слѣдовало разрѣшить вопросъ о схизмѣ, и отправился самъ на этотъ съѣздъ. Но это путешествіе оказалось гибельнымъ для его авторитета. Архіепископъ Адальбертъ, искренно преданный дѣлу монархіи и болѣе снисходительный опекунъ, нежели Аннонъ, уже давно

Аннонъ и
Адальбертъ
бременскій.

отгѣснилъ его отъ юнаго Генриха. Соборъ, безъ особыхъ пререканій, призналъ вновь папою Александра II, осудивъ Кадала, но Аннонъ, вернувшись, увидѣлъ себя уже отстраненнымъ на второй планъ. Его паденіе довершилось, когда пятнадцатилѣтній король самъ принялъ въ Вормсѣ мечъ, съ чѣмъ вмѣстѣ прекращалась опека: верховенство Аннона закончилось. Императрица, уже нѣсколько лѣтъ носившая монашескую одежду, могла теперь невозбранно послѣдовать своему влеченію къ монастырской жизни. Первымъ совѣтникомъ пятнадцатилѣтняго короля, конечно, остался Адальбертъ.

Паденіе
Адальберта.

Но не прошло и года, какъ онъ успѣлъ сдѣлаться столь ненавистнымъ всѣмъ князьямъ, что подобное положеніе могло разрешиться лишь насильственнымъ образомъ. Онъ сумѣлъ разстроить поѣздку короля въ Римъ, которая именно теперь была бы весьма своевременна; лѣтя молодому королю, не предостерегая его нисколько, какъ кажется, отъ распутства и всякихъ заблужденій молодости, онъ пользовался королевскимъ именемъ для своихъ личныхъ цѣлей, къ которымъ стремился съ близорукою страстностью. Особенное неудовольствіе возбуждалось той алчностью, съ которою онъ оставилъ за собою нѣсколько богатыхъ аббатствъ. Злѣйшимъ врагомъ его былъ герцогъ Бернгардъ Саксонскій, поклявшійся, что, пока живъ онъ или одинъ изъ его сыновей, архіепископъ не увидитъ ни одного спокойнаго дня въ своей бременской епархіи. Вокругъ Аннона тоже собрались быстро его сторонники и онъ могъ думать, что его часъ снова насталъ. Майнцскій архіепископъ Зигфридъ, герцогъ Оттонъ Баварскій, Бергольдъ Каринтійскій и Швабскій герцогъ Рудольфъ фонъ-Рейнфельденъ (бывшій, еще незадолго передъ тѣмъ, незамѣтнымъ молодымъ человѣкомъ, пока благоволившая къ нему императрица Агнеса не выбрала его въ супруги дочери своей Матильды и не пожаловала ему герцогства), возстали противъ архіепископа, короля и ихъ плановъ. Заговоръ, весьма усилившійся въ тиши, разразился на сеймѣ, созванномъ королемъ въ Трибурѣ. Насколько уже созрѣлъ планъ, видно изъ той дерзости, съ которою заговорщики предложили молодому королю на выборъ: отстранить архіепископа, или самому быть низложеннымъ. Адальбертъ понесъ страшное пораженіе: король долженъ былъ отказать отъ него, а когда онъ воротился въ свою епархію, то на него накинудись всѣ его многочисленные враги; другъ его, оботритскій князь Готшалкъ, былъ убитъ; во всей Вендской землѣ восторжествовало снова язычество; онъ былъ вынужденъ сравняться съ Билунгерами, и неправедно-накопленные имъ въ его обители богатства умалились быстро. Король, съ своей стороны, поднялъ теперь подъ суровую опеку князей, въ дѣйствительности принявшихъ власть въ свои руки.

Король и
князья.

Генрихъ возбуждалъ негодованіе распутною жизнью, которой онъ предавался вмѣстѣ съ молодыми людьми, его приближенными; эти люди захватывали власть и правили по-своему, не признавая притязаній высшей аристократіи. Князья заставили его вступить въ бракъ съ дочерью маркграфини туринской, съ которой онъ былъ помолвленъ еще въ дѣтствѣ (1066). Онъ покорился тому, чего не могъ избѣжать, но отдался отъ супруги. Въ сущности, новое правительство было не лучше преж-

няго: оно не воспользовалось обстоятельствами въ Италиі, гдѣ партію папы тѣснили ея же самую вызванныя силы, Норманны, и она тщетно обращалась съ слезными призывами къ королю. Былъ предпринятъ только одинъ счастливый походъ (1069) противъ Лютичей, при которомъ король выказалъ несомнѣнныя боевыя способности. По своемъ возвращеніи, онъ подавилъ очень счастливо, и съ очевидной умѣлостью, возстаніе въ Тюрингіи, но положеніе его ухудшилось снова, потому что онъ старался, болѣе всего, отдѣлаться отъ навязанной ему жены, а это послужило къ его столкновенію не только съ могущественными князьями, но и съ папой. Онъ подчинился, однако, строгимъ настояніямъ папскаго легата, Петра Даміани, котораго можно отнести къ числу немногихъ прямодушныхъ людей того времени; супружескія отношенія улучшились также вслѣдствіе того, что Берта, своими женскими добродѣтелями и вѣрностью долгу, съумѣла, наконецъ, побѣдить нерасположеніе мужа. Понятно, что при этомъ тѣ порядки, которые въ Римѣ клеймили именемъ симоніи и николаизма, продолжали существовать. На Пасхѣ 1070 года, трое знатнѣйшихъ германскихъ епископовъ: майнцскій, кельнскій и вюрцбургскій,—слѣдовательно, и самъ грозный Аннонъ,—получили приглашеніе явиться въ Римъ для оправданія себя въ взводимомъ на нихъ обвиненіи въ симоніи. Но было ясно, что при сосредоточеніи власти въ рукахъ сильнѣйшихъ епископовъ, раздача духовныхъ мѣстъ за деньги или ради цѣлей мірской политики должна была получить самое широкое распространеніе.

Съ годами, сознавая яснѣе свое королевское достоинство, Генрихъ сталъ сильно тяготиться путами, наложенными на него княжескою аристократіею, главари которой руководились притомъ лишь личными побужденіями. Отъ одного изъ этихъ противниковъ, посѣдѣлаго во всѣхъ интригахъ и изворотахъ тогдашней политики, лотарингскаго герцога Готфрида, избавила его смерть; а сынъ его, Готфридъ, по прозванію Горбатый, былъ женатъ на Матильдѣ, дочери королевской мачихи Беатрисы, отъ ея перваго брака съ Бонифаціемъ, маркграфомъ Тусційскимъ, и оставался вѣрнымъ сторонникомъ короля. Противъ другого, еще болѣе безпокойнаго врага, баварскаго герцога Оттона фонъ-Нордгейма, Генрихъ возбудилъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ, называя его умышляющимъ на жизнь его, короля. Дѣло было крайне темное, и Генрихъ прибѣгнулъ тутъ къ мѣрамъ самымъ недостойнымъ: такъ какъ Оттонъ отказался отъ предложеннаго ему судебнаго поединка, то король добился отъ саксонскаго княжескаго суда обвинительнаго приговора, по которому Оттонъ признавался недостойнымъ своего герцогства,—и молодой вельфъ, сынъ маркграфа Аццо д'Есте, не затруднился принять эту герцогскую корону, хотя былъ женатъ на одной изъ дочерей изгнаннаго Оттона. Оттонъ, необыкновенный силачъ и прирожденный боевой вождь, рѣшился воевать, но не могъ, однако, устоять противъ короля, обнаруживающаго болѣе и болѣе свои воинскія способности; онъ покорился и получилъ обратно свои аллодіальныя владѣнія (1071). Король оставался побѣдителемъ; Аннонъ, сообщникомъ котораго, при государственномъ переворотѣ, былъ нѣкогда тотъ же Оттонъ, удалился въ монастырь.

Оттонъ фонъ-Нордгеймъ.

Правленіе
короля.

Въ паденіи Оттона былъ замѣшанъ тоже одинъ изъ Билунгеровъ, герцогъ саксонскій Магнусъ, внукъ Бернгарда, и Генрихъ, желая упрочить свою побѣду, хотѣлъ особенно обуздать Саксонію. Еще отецъ его имѣлъ то же намѣреніе, стараясь достигнуть цѣли благоразумными политическими мѣрами, но двадцатилѣтній король, слѣдуя только внушеніямъ своей собственной пылкой, своенравной природы и совѣтамъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ онъ произвольно составилъ свой кабинетъ, сталъ дѣйствовать тиранническимъ образомъ. Онъ принялся распорядиться въ странѣ по-военному: заложилъ укрѣпленные города, которые снабдилъ гарнизономъ; въ особенности, Гарцбургъ, лежавшій въ одной милѣ отъ Гослара, былъ имъ превращенъ въ сильную крѣпость. Имперскіе князья были отстранены въ пользу любимцевъ или сами злобно держались въ сторонѣ; ненавистный всѣмъ и снова начавшій наводить страхъ бременскій архіепископъ становился могущественнымъ не менѣе прежняго; онъ завязывалъ сношенія съ датскимъ королемъ, Свендомъ Эстритсономъ, и эти переговоры были направлены противъ Билунгеровъ или истолковывались въ такомъ смыслѣ. На востокѣ, именно въ Венгріи, молодой король сумѣлъ дѣйствительно утвердить значеніе нѣмецкаго монархическаго начала. Но оппозиція усиливалась, и когда, въ мартѣ 1072 г., умеръ Адальбертъ,—до того занятый еще своими честолюбивыми планами, что не успѣлъ во-время выполнить надъ собой требуемаго Церковью смертнаго обряда,—Генрихъ увидѣлъ себя вынужденнымъ,—или, быть-можетъ, разумно счелъ за лучшее, снова вызвать престарѣлаго Аннона изъ его монастыря и поручить ему руководство дѣлами. Онъ помирился со своимъ своякомъ, швабскимъ герцогомъ Рудольфомъ, хотя врядъ-ли серьезно, потому что неуклонно продолжалъ развивать свои планы. Оттонъ фонъ-Нордгеймъ былъ освобожденъ изъ заключенія, но съ Билунгеромъ Магнусомъ было поступлено иначе: одновременно съ Адальбертомъ умеръ отецъ Магнуса, герцогъ Ордольфъ, и тогда король предложилъ сыну купить свое освобожденіе цѣною отреченія отъ герцогства. Послѣ этого, Аннонъ удалился вновь, а король продолжалъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Въ противоположность прежнимъ государямъ, управлявшимъ страню при переѣздахъ изъ пфальца въ пфальць, онъ намѣревался устроить себѣ постоянную резиденцію въ Госларѣ, обезпечивъ область какъ противъ Славянъ, такъ и противъ самой независимой части нѣмецкой аристократіи, именно саксонской знати. Съ этою цѣлью, онъ окружилъ себя войскомъ изъ надежныхъ, большею частью, аллеманскихъ солдатъ, найдя тоже нѣсколькихъ неразборчивыхъ исполнителей среди южно-германскаго дворянства; въ числѣ ихъ особенно отличался графъ Эбергардъ фонъ-Нелленбургъ. Король задумывалъ походъ противъ Поляковъ, герцогъ которыхъ, Болеславъ II, нападалъ на Венгрію и Богемію, но во всѣхъ саксонскихъ земляхъ распространилось убѣжденіе, что собираемое королемъ войско назначено для порабоженія Саксоніи, и въ юнѣ 1073 г. тлѣвшій повсюду огонь вспыхнулъ открытымъ возстаніемъ.

Возстаніе
въ Саксо-
ніи. 1073.

Для выступленія въ польскій походъ, вызвавшій вооруженіе всей Южной Германіи, король созвалъ въ Госларь саксонскихъ князей. Но когда они прибыли въ большомъ составѣ, онъ не явился въ собраніе, а

уѣхалъ тайно въ укрѣпленный имъ Гарцбургъ. Быть-можетъ, онъ и имѣлъ къ тому основаніе, потому что, немедленно вслѣдъ за тѣмъ, возстала вся Саксонія, отъ дворянъ до крестьянъ, съ цѣлью отвоевать старинную свободу и старинныя права Саксонцевъ. Во главѣ возстанія стоялъ Оттонъ фонъ-Нордгеймъ. Когда король, рассчитывавшій на подкрѣпленіе войсками съ юга, вступилъ въ переговоры, Оттонъ предложилъ именовъ Саксоніи непремѣннымъ условіемъ—срытіе заложенныхъ крѣпостей, съ чѣмъ, само собою, связывалась полная перемѣна правительственной системы, удаленіе бывшихъ совѣтниковъ короля, привлеченіе имперскихъ князей къ участию въ управленіи и освобожденіе герцога Магнуса. Силы возставшихъ возрастали, а король не получалъ помощи; онъ рѣшился спастись бѣгствомъ отъ грозившей ему гибели, скрылся черезъ густой лѣсъ и благополучно достигъ дружественной земли. Отдохнувъ въ Герсфельдѣ, онъ началъ стягивать къ себѣ войска, между тѣмъ какъ Гарцбургъ все еще осаждался и саксонское возстаніе распространилось и на тюрингенскія области. Будучи уменъ, Генрихъ пошелъ на уступки: онъ послалъ въ Гарцбургъ повелѣніе освободить Магнуса и постарался поставить возставшихъ въ ложное положеніе. Дѣйствительно, при переговорахъ, происходившихъ въ Корвеѣ, а потомъ въ Вюрцбургѣ, въ присутствіи самого короля, Саксонцы выставили себя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ непомѣрностью своихъ притязаній. Но нѣмецкіе князья того времени не могли обойтись безъ вѣроломства: при дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ, которые велись въ Герстунгенѣ, между королевскими комиссарами и саксонскими князьями, прибывшими туда съ цѣлымъ войскомъ, было заключено тайное соглашеніе, направленное къ низложенію короля и назначенію ему преемника. Уполномоченные короля воротились къ нему съ подложнымъ соглашеніемъ, которое Генрихъ не поколебался одобрить. Въ то же время продолжалась своимъ чередомъ позорная борьба посредствомъ извѣтовъ; между прочимъ, былъ выставленъ какой-то негодяй, заявлявшій, что король подкупалъ его на убійство непокорныхъ князей Рудольфа Швабскаго и Бертольда Каринтійскаго.

Чувствуя подъ собою непрочную почву, Генрихъ воротился на Рейнъ, въ старую отчину своего дома, и нашелъ здѣсь опору въ городахъ, уже издавна недовольныхъ епископскимъ управленіемъ и видѣвшихъ въ сильной королевской власти единственный олотъ того порядка, въ которомъ нуждались развивавшаяся торговля и промышленныя занятія. Это движеніе, открывавшее дорогу многому въ будущемъ, было особенно сильно въ Вормсѣ: жители прогнали своего епископа и восторженно встрѣтили короля, который ловко воспользовался обстоятельствами. Онъ сумѣлъ, выказывая сожалѣніе, если не безусловно склонить на свою сторону сѣверныхъ князей, то хотя заставилъ ихъ колебаться; весьма характеристична для своего времени главная уступка, сдѣланная князьями королю при переговорахъ въ Оппенгеймѣ, и состоявшая въ томъ, что королю представлялось право опровергнуть вышеупомянутое обвиненіе его въ покушеніи на убійство посредствомъ судебного поединка между кѣмъ-нибудь изъ его приверженцевъ и обвинителемъ. Поединокъ не состоялся, но Генрихъ снова прибѣгнулъ къ военнымъ дѣйствіямъ, потому что саксонскіе князья

Генрихъ на Рейнѣ.

не слагали оружія, хотя и не ратовали уже теперь за правое дѣло. Наконецъ, они рѣшились объявить свои условія, и король согласился на нихъ, несмотря на ихъ тягость, потому что видѣлъ себя окруженнымъ лишь ненадежными людьми.

Миръ
1074 г.
Срытіе
Гарц-
бурга.

Онъ отклонилъ отъ себя на время самое крайнее униженіе: быть низложеннымъ по приговору суда князей или рейхстага. Безъ сомнѣнія, опасность была отстранена лишь на часть; тѣмъ не менѣе, уступчивость его была дѣломъ благородія. Положеніе его противниковъ было чревато тайными бѣдами, которыя должны были обнаружиться вскорѣ, — прежде всего при срытіи крѣпостей: когда приступили къ разрушенію ненавистнаго Гарцбурга, то саксонскіе крестьяне кинулись на это дѣло съ языческою яростью и такимъ порядкомъ, который противорѣчилъ заключенному договору. Не оставя камня на камнѣ, снеся и церкви, они не пощадили самыхъ гробницъ, даже реликвій и мощей. Оказывалось, что князя сняли узду съ элемента, который могъ сдѣлаться опаснымъ для нихъ самихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и, во всякомъ случаѣ, весьма запутывалъ ихъ дѣло. Примѣръ Вормса нашелъ одновременное подражаніе и въ болѣе значительномъ городѣ, именно въ Кѣльнѣ. Служители архіепископа Аннона грубо потребовали одной баржи для перевозки духовнаго сановника, гостившаго у нихъ господина, на другую сторону Рейна; сынъ владѣльца этого судна воспротивился тому и за споромъ послѣдовалъ взрывъ уже издавна подготовленнаго враждебнаго замысла; по крайней мѣрѣ, многіе утверждали, что при натискѣ толпы на архіепископскій дворецъ передъ «неразумнымъ народомъ» бѣжалъ самъ насадитель всякаго зла, самъ дьяволъ въ шлемѣ и панцирѣ, размахивавшій сверкающимъ мечомъ и бившійся впередъ всѣхъ. Архіепископъ скрылся въ соборъ и бѣжалъ изъ города, пока толпа грабила его дворецъ и опустошала его погреба. Но онъ воротился скоро, созвавъ войска, и произвелъ расправу со всею жестокостью оскорбленной прелатской гордыни. Однако, положеніе было шаткимъ и требовало королевскаго вмѣшательства. Генрихъ прибылъ лично въ Кѣльнъ и его дѣла снова улучшились; онъ могъ предпринять еще одинъ походъ въ Венгрію въ томъ же году, но это не привело его еще, понятнымъ образомъ, къ цѣли. Въ октябрѣ 1074 г. онъ воротился въ Вормсъ.

Новая
война.

Онъ не захотѣлъ слушать извиненій саксонскихъ князей по поводу ужасовъ, происходившихъ въ Гарцбургѣ, и ловко повернулъ дѣло, испрашивая у папы помощи противъ осквернителей святыни. Его власть на югѣ Германіи была восстановлена. Положеніе дѣлъ въ Венгріи оправдывало новыя вооруженія; въ Саксоніи между князьями господствовало несогласіе, и глубокое недовѣріе разъединяло плебейскіе элементы возстанія съ аристократическими — крестьянъ съ дворянствомъ. Король выступилъ въ походъ, весною 1075 года, съ большою увѣренностью, между тѣмъ какъ въ Саксоніи распространялось уныніе. При Гогенбургѣ на Унструтѣ, въ іюнѣ, королевскія войска, при которыхъ, кромѣ самого короля, находился и его своякъ Рудольфъ, напали врасплохъ на Саксонцевъ. Предводительство и храбрость Оттона фонъ-Нордгейма не послужили ни къ чему въ этотъ разъ: побѣда осталась за королемъ и преслѣдуемая

неприятельская армія распалась. Королевскія войска опустошили всю тюрингенскую область, которую подвергнулъ еще и отлученію отъ Церкви майнцскій архіепископъ Зигфридъ, находившійся теперь на сторонѣ короля. Коалиція была уничтожена и мятежные властители, одинъ за другимъ, заключали миръ съ королемъ. Еще одяжды главари возстанія попытались возобновить войну, но крестьяне теперь уже настойчиво требовали мира. Въ октябрѣ 1075 года, близъ Зондергаузена, послѣдовало объявленіе безусловной покорности; между выстроившимися шпалерами королевскихъ войскъ, потянулся рядъ побѣжденныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, саксонскихъ и тюрингенскихъ властителей, по направленію къ возвышенности при Спирагѣ (Шпиръ), гдѣ ихъ ожидалъ король. Побѣда была полная; спустя шесть недѣль умеръ и кельнскій Аннонъ.

Такъ добылъ себѣ Генрихъ или упрочилъ за собою трудной войною свое королевское положеніе въ нѣмецкихъ земляхъ; въ данную минуту, на его сторонѣ были и нѣмецкіе епископы, возмущавшіеся противъ безмѣрныхъ притязаній куріи и введенія безбрачія въ духовенствѣ. Генрихъ избралъ снова свой резиденцію Госларъ, гдѣ многочисленныя князья (Рождество 1075) признали наслѣдственные права его сына Конрада. Казалось не затруднительнымъ доставить ему и императорскій титулъ, равно какъ утвердить за нимъ тѣ церковныя права, которыми пользовался его отецъ, такъ какъ самъ папа прислалъ Генриху поздравленія, по случаю его побѣды надъ Саксонцами.

Подчиненіе
князей.
1075 г.

Въ 1073 году умеръ папа Александръ II. Нѣмецкое вліяніе весьма ослабло въ Италіи въ послѣдніе года, между тѣмъ какъ римскій престолъ былъ здѣсь средоточіемъ при всякихъ политическихъ осложненіяхъ и борьбѣ и умѣлъ заявлять всюду свое вліяніе. При послѣднихъ напахъ, руководителемъ ихъ политики былъ Гильдебрандъ, занимавшій при этомъ самое выгодное положеніе, какое можетъ выпасть на долю энергичнаго государственнаго дѣятеля: онъ былъ, повидимому, второстепеннымъ лицомъ, а въ дѣйствительности — первымъ. Ему шелъ пятидесятый годъ. Съ виду, Гильдебрандъ былъ очень невзраченъ, малъ ростомъ; онъ происходилъ изъ народа (отецъ его владѣлъ небольшою крестьянскою усадьбой близъ одного тусційскаго городка), былъ помѣщенъ своимъ дядею съ материнской стороны въ одинъ изъ римскихъ монастырей, въ которомъ господствовали клонійскія воззрѣнія, и остался истымъ монахомъ даже послѣ того, какъ узналъ весь ходъ мірскихъ дѣлъ въ его различнѣйшихъ проявленіяхъ, изучилъ всякія личности и ихъ отношенія. Однажды начавъ заниматься дѣлами, онъ возвысился очень быстро. Уже Григорій VI питалъ къ нему безграничное довѣріе; дѣловитость Гильдебранда не уступала его ловкости; при высокихъ, многообъемлющихъ, идеальныхъ воззрѣніяхъ, онъ обнаруживалъ большую практическую смѣтливость, способность вникать въ подробности, въ прозаическую часть дѣла, напримѣръ, финансовую, и благодаря такому рѣдкому въ людяхъ соединенію качествъ, повидимому, противоположныхъ,—въ сущности же, и составляющихъ тайну человѣческаго величія—онъ подчинялъ себѣ самыя различныя характеры. Онъ развертывалъ всю пышность высокаго духовнаго сана тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ; суровый аскетъ, Петръ

Италія.
Избраніе
Григорія VII.

Даміани, смотрѣль неодобрительно на этотъ блескъ, но и онъ не рѣшался высказывать прямо своего осужденія, подчиняясь, вмѣстѣ съ другими, обаянію его превосходнѣйшаго ума. И онъ былъ правъ: честолюбіе Григорія VII было направлено не на вышнѣйша; это было справедливое, естественное и необходимое честолюбіе чловѣка выдающагося, чувствующаго потребность отдать свои силы на служеніе глубокому убѣжденію, на пользу дѣла, которое,—какъ это бываетъ всегда у всеобъемлющихъ натуръ,—невольнo отождествлялось въ немъ съ его собственной личностью. Дѣло это было—главенство Церкви, и онъ, какъ сынъ своего времени, какъ итальянецъ, не могъ понимать осуществленія этой идеи въ смыслѣ медленнаго прогресса въ теченіе вѣковъ, но представлялъ ее себѣ въ готовой, наличной формѣ, созданіе которой было его правомъ, притомъ превозмогающимъ всѣ прочія, правомъ безусловнымъ, неоспоримымъ, божественнымъ и на него возложеннымъ. Весьма правдоподобно, что онъ не стремился къ папскому престолу, предпочитая свое выгодное положеніе:—быть первымъ слугою всякаго папы, властвуя надъ нимъ; однако, прежде даже, нежели кардиналы успѣли собраться для избранія новаго папы, шумная народная толпа уже предрѣшила ихъ выборъ, провозгласивъ Гильдебранда. Ему пришлось согласиться. Послѣдовавшее затѣмъ избраніе его кардинальской коллегіей состоялось лишь для показа. Въ уваженіе къ памяти своего благодѣтеля, Григорія VI,—хотя такое чувство, дѣлая честь Гильдебранду, несостоятельно въ виду его строгаго антисимонизма,—онъ принялъ имя Григорія VII (1073).

Григорій II
Генрихъ.

Избраніе Гильдебранда произвело большое впечатлѣніе; было ясно чего можно было ожидать отъ этого новаго папы и потому одни впали въ уныніе, другіе возликовали. Онъ не торопился съ опредѣленіемъ своихъ отношеній къ германскому королю; необходимыя заявленія по этому предмету должны были возлагаться на посольство, отправляемое вскорѣ къ нѣмецкому двору, а уже самое положеніе дѣлъ вынуждало короля Генриха состоять пока въ дружбѣ съ представителемъ церковной идеи, потому что самая эта идея служила ему оружіемъ противъ саксонскихъ мятежниковъ. Между тѣмъ, Григорій утвердилъ свою власть въ Римѣ и Италіи и принялъ строгія мѣры противъ симоніи и брака священнослужителей. На соборѣ въ Римѣ (февраль 1075) прежніе указы были еще усилены, при чемъ папа впервые посягнулъ на интересы короля и сферу его власти, объявивъ подлежащими отлученію пятерыхъ совѣтниковъ короля, въ случаѣ ихъ неявки въ Римъ въ теченіе назначеннаго имъ очень кратковременнаго срока, для отвѣта передъ Церковью въ грѣхѣ симоніи. Къ величію Григорія принадлежало то, что и обезпечивало ему часто успѣхъ: беззавѣтная смѣлость, съ которою онъ поступалъ вездѣ, гдѣ чувствовалъ себя вполне безупречнымъ; онъ расточалъ тутъ угрозы, отлученія, кары и низложенія во всѣ стороны. Самымъ важнымъ результатомъ римскаго собора было принятіе того основнаго правила, которое поражало симонію въ самомъ ея корнѣ: духовнымъ лицамъ возбранялось отнынѣ получать какія-либо мѣста отъ мірскихъ властей; равнымъ образомъ, мірянину, который рѣшился бы опредѣлить духовное лицо на такое мѣсто, воспрещался входъ въ церковь, до отмѣны беззаконнаго распоряженія.

Это касалось, такъ-называемыхъ, *инвеституръ*, при чемъ соблюдался такой обрядъ: король передавалъ назначенному имъ, или какъ-либо иначе избранному, аббату или епископу перстень и посохъ; онъ вводилъ его

Споръ объ инвеститурахъ. Латеранскіе указы.

Инвеститура епископа королемъ.
Изъ рукописнаго сборника X в. въ О. Омерской библиотекѣ.

этимъ во владѣніе леномъ, приписаннымъ къ той епархіи или тому аббатству, при чемъ принималъ отъ этого ленника вассальную присягу. Безъ такой инвеституры дѣйствительное вступленіе въ духовную должность было немислимо; но за то было вполне возможно занять такую должность помимо всякаго избирательнаго акта, который, впрочемъ, было легко составить, по одному королевскому соизволенію. Мѣра, принимаемая теперь Григоріемъ, заключала въ себѣ страшный переворотъ и дѣйствительную неприложимость. Свѣтскіе властители не могли отказаться отъ права связывать передачу лена съ условіями, отъ которыхъ зависѣло ихъ собственное положеніе; съ другой стороны, и Церковь не была въ состояніи отказаться отъ пользованія ленами, доставлявшими доходъ епископіямъ и аббатствамъ. Но объ этомъ отказѣ не было рѣчи; папа заботился лишь о проведеніи принципа безусловной независимости духовенства отъ всякой мірской власти; если бы только этотъ принципъ былъ признанъ, то Григорій, безъ всякаго сомнѣнія, при своемъ умѣньи приноравляться ко всѣмъ положеніямъ, сумѣлъ бы и тутъ, во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, не пойти въ разрѣзъ съ дѣйствительными требованіями жизни. Онъ не настаивалъ и теперь на непосредственномъ примѣненіи этого указа, давая понять, что хочетъ еще о немъ переговорить съ Генрихомъ.

Но и прочіихъ его распоряженій было достаточно, чтобы возмутить всѣхъ противниковъ церковныхъ реформъ въ Ломбардіи и Германіи. Въ Миланѣ, при начавшихся беспорядкахъ, былъ убитъ вождь партіи папистовъ, и большинство ломбардскихъ епископовъ собралось подъ хоругвь Св. Амвросія, явно возставая противъ Рима. Въ самомъ Римѣ вспыхнула мятежь. Въ ночь на Рождество 1075 года вожакъ тускуланской партіи, Ченчи, напалъ на Григорія во время богослуженія, и съ помощью своей шайки, ворвавшейся въ церковь, потащилъ его въ свою башню, близъ Пантеона, но вскорѣ собравшійся народъ, привлеченный слухомъ о

Разрывъ съ королемъ Генрихомъ. 1075.

томъ, что папу убили (онъ былъ, дѣйствительно, раненъ во время свалки), освободилъ Григорія силою. Ченчи бѣжалъ. Около этого времени произошелъ разрывъ папы съ Генрихомъ, обратившимъ также мало вниманія на отлученіе отъ Церкви членовъ его совѣта, какъ и на отмѣну мірской инвеституры. Несмотря на свой умъ, онъ преувеличивалъ свое могущество и придавалъ слишкомъ мало значенія могуществу папы; однако, не случилось еще ничего, что могло бы отнимать всякую надежду на соглашеніе, и переписка между папою и королемъ не утрачивала дружественнаго характера. Но въ декабрѣ 1075 года, отправляя къ королевскому двору посла съ сравнительно-любезнымъ письмомъ, Григорій поручилъ ему поставить королю на видъ его противуцерковный образъ дѣйствій, снова потребовать отставки отлученныхъ отъ Церкви совѣтниковъ и назначить ему родъ срока, по истеченіи котораго, въ случаѣ неудовлетворенія королемъ требованій Церкви, самъ онъ могъ быть исключенъ изъ числа вѣрующихъ. Король, по молодости своей, по горячности натуры, и въ упоеніи еще недавно одержанной побѣды надъ крайне-опаснымъ союзомъ князей, пришелъ въ ярость; до этого времени онъ не былъ врагомъ идеи реформъ, но теперь перешелъ тотчасъ же на противную сторону. Папскіе послы были высланы изъ придворной резиденціи въ Госларѣ и тотчасъ же были отправлены королевскіе гонцы по всѣмъ направленіямъ, съ цѣлью созвать всѣхъ епископовъ и аббатовъ на національный соборъ въ Вормсѣ, который и состоялся, дѣйствительно, въ январѣ 1076 года, въ кафедральной церкви этого города. Не было недостатка въ смѣшанныхъ обвиненіяхъ и клеветахъ; все это было пущено въ ходъ съ обѣихъ сторонъ; основательнѣе прочаго было обвиненіе Григорія въ томъ, что избраніе его совершилось неправильно и было незаконно. Вслѣдствіе этого, онъ не признавался болѣе папою; лишь нѣкоторые присутствовавшіе усомнились, большинство же подписало такое рѣшеніе. Королевское посланіе, включавшее это постановленіе собора, было озаглавлено такъ: «Генрихъ Божіею волей, а не захватомъ, король, Гильдебранду, болѣе не папѣ, а живому монаху»... Заключеніе гласило: «И, Генрихъ, Божіею милостію, купно со всѣми нашими епископами, говорю тебѣ, сойди съ престола, сойди!»

Отлученіе
короля.

Григорій поступилъ, дѣйствительно, слишкомъ смѣло въ виду преобладающей численности нѣмецкаго духовенства. Ломбардскіе епископы, на своемъ соборѣ въ Пiacенцѣ, примкнули къ рѣшенію вормскаго собора. Но шагъ, сдѣланный Григоріемъ, былъ изъ тѣхъ, которые не допускаютъ уже отступленія, и папа твердо рѣшился идти до конца. Обычный великопостный соборъ происходилъ въ Латеранѣ (февраль 1076 г.). Королевскіе послы прибыли съ грамотой Генриха и бывший во главѣ ихъ имѣлъ дерзость начать читать ее при всемъ этомъ собраніи епископовъ изъ Южной и Сѣверной Италіи, Франціи и Бургундіи. Поднялся страшный шумъ, и смѣльчакъ былъ бы убитъ, если бы его не защитилъ самъ папа. На слѣдующій же день, королю былъ нанесенъ отвѣтныи ударъ. Въ формѣ молитвы, обращенной къ Св. Петру, Григорій VII изгонялъ Генриха изъ паствы церковной, лишалъ его монаршихъ правъ надъ Германіей и Италіей, и въ силу дарованнаго Богомъ Св. Петру полномочія «вязать и рѣ-

шить», снималъ со всѣхъ христіанъ ихъ присягу на вѣрность Генриху. Папа кончалъ словами Писанія (Матѳ. 16, 18): «ты, Петръ, и на семь камнѣ Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ее». Эти слова, простой, первоначальный смыслъ которыхъ не былъ уже доступенъ теперь народу, приобрѣтали страшное значеніе въ устахъ человѣка смѣлаго и произносящаго ихъ при исключительно-торжественномъ случаѣ. Они указывали на крайнюю ступень развитія самовластия, согласно которому вся расправа на землѣ, единственное истинное верховенство и безусловность приговоровъ принадлежали одному человѣку, въ которомъ, по увлеченію, или въ силу неправильно-истолкованнаго права, свѣтъ видѣлъ «представителя Христова» или даже «намѣстника Божія». Отлученіе, которымъ папы и прежде грозили свѣтскимъ властителямъ, падало теперь на перваго изъ нихъ, о чемъ было сообщено во всѣ государства папскими посланіями. Это былъ ударъ, отъ котораго содрогнулся міръ. Начиналась борьба на жизнь и на смерть между двумя высшими могуществами,—и какъ ни ничтожны были, вообще, вѣрность слову и понятіе о справедливости у людей той эпохи, нельзя не признать, что возникшее столкновеніе глубоко потрясло многіе умы. Какія же правовыя отношенія могли существовать, если и данную вѣрноподаническую присягу разрѣшалось нарушить?

Король узналъ о рѣшеніи собора, находясь въ Утрехтѣ. Онъ считалъ побѣду за собой послѣ вормскихъ постановленій и намѣревался собирать дань съ усмиренныхъ саксонскихъ мятежниковъ. Гнѣву его не было предѣловъ, и тотчасъ же нашелся епископъ,—тутъ же въ Утрехтѣ, Вильгельмъ,—который пропизнесъ анаѹему надъ Гильдебрандомъ. Но обосновать ее формально можно было только на соборѣ, который и долженъ былъ собраться въ Вормсѣ въ непродолжительномъ времени. Вскорѣ стало извѣстно, что ломбардскими епископами въ Павіи произнесена тоже анаѹема противъ Гильдебранда. Но Григорій зналъ свѣтъ и свое могущество лучше, нежели король умѣлъ созавать свое. Онъ подумалъ о необходимости усилить свое политическое значеніе до наступленія предстоявшихъ военныхъ дѣйствій; въ сочувствіи римскаго народа онъ былъ теперь увѣренъ и потѣшилъ чернь, обойдѣсь круто съ королевскими послами; но онъ считалъ тоже нужнымъ войти въ соглашеніе съ Робертомъ Гискаромъ и его Норманнами, съ которыми возникали постоянно всевозможные споры; онъ нашелъ близкую и безусловно-надежную союзницу въ лицѣ Матильды, маркграфини тусціанской, поставившей себя за величайшую честь быть вѣрной слугой Святого Петра. Но у него были союзники и въ Германіи, какъ ему это было извѣстно. Ключійское ученіе распространялось и здѣсь болѣе и болѣе; многіе изъ нѣмецкихъ епископовъ склонялись на его сторону, нѣкоторые по искреннему сочувствію къ взглядамъ папы, другіе изъ расчета или потому, что ихъ противники стояли за короля. Были и такіе, которые не высказывались, выжидали или позволяли себя уговорить. Въ особенности было на сторонѣ папы монастырское духовенство, потому что онъ ратовалъ за ихъ идею. Такое настроеніе господствовало и между князьями, и хотя папа не могъ еще открыто разсчитывать на нихъ, но былъ въ нихъ увѣренъ. Это положеніе выяснилось скоро: соборъ въ

Сверженіе
папы.

Вормсъ оказался столь малолюднымъ, что для принятія рѣшительныхъ мѣръ было найдено необходимымъ созвать новый, въ Майнцѣ. Мецкскій епископъ Германъ перешелъ открыто на сторону папы и выпустилъ на свободу саксонскихъ дворянъ, отданныхъ ему подъ стражу при послѣднихъ смутахъ. Въ Саксоніи тотчасъ же возгорѣлся новый мятежь, и хотя на Майнцскомъ соборѣ, привлечемъ большее число членовъ, Григорій былъ подвергнутъ отлученію, однако, Генрихъ счелъ самъ за лучшее освободить дворянъ, заточенныхъ имъ послѣ послѣдняго возмущенія. Но клятва, взятая съ нихъ, не вела ни къ чему, потому что нарушеніе присяги королю было теперь выраженіемъ покорности къ Церкви, слѣдовательно дѣломъ достойнымъ.

Заговоръ
князей.
Сеймъ въ
Трибурѣ.
1076.

Въ томъ же еще 1076 году, счастье совсѣмъ измѣнило королю. Во время неудачнаго похода въ Саксонію, его сѣверо-германскіе враги соединились и вступили въ союзъ съ папою, который напускалъ теперь на себя большую умѣренность и пользовался выгодами своего церковнаго положенія. Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, бывшій долгое время въ довѣріи у короля, перешелъ опять на противную сторону. Герцоги швабскій, баварскій и каринтійскій, вмѣстѣ со многими другими князьями и епископами, собрались въ Ульмъ и назначили, на октябрь того же года, общій княжескій съѣздъ въ Трибурѣ, съ цѣлью возстановить спокойствіе въ государствѣ и въ Церкви. Это собраніе было весьма многолюднымъ; въ немъ преобладали противники короля; они старательно выставляли на видъ свою приверженность къ папству; какъ было извѣстно уже давно, они добивались низложенія короля. Это было не такъ легко выполнить, однако; самъ король съ войскомъ находился на другомъ, лѣвомъ берегу Рейна. Но онъ упалъ духомъ и былъ готовъ пойти на все, что ручалось бы за спокойствіе въ будущемъ. Однако, слишкомъ рѣзкое постановленіе собранія было сомнительнымъ, потому что одного акта о низложеніи было мало: надо было выбрать другого короля на мѣсто низложеннаго, а на этотъ счетъ не было единомыслія у собравшихся. Притомъ, хотя очень немногіе колебались передъ полузимѣной, но на совершеніе ея полностью не хватало у нихъ духа. Колесбался и самъ папа. Какъ ни преданъ былъ онъ идеѣ всемогущества Церкви, однако, не былъ безчувственъ и къ понятію о правѣ, и ему могъ представляться далеко еще не рѣшеннымъ вопросъ о возможности осуществить какія-либо великія идеи съ помощью этихъ князей и епископовъ, руководимыхъ одною личною выгодой, да еще при королѣ, избранномъ ими, слѣдовательно безсильномъ.

Князья и Григорій VII.

Такимъ образомъ дѣло кончилось полумѣрой, при которой принялъ на себя посредничество, какъ полагаютъ, клонійскій аббатъ Гуго, бывшій восприемникъ короля отъ купели. Король долженъ былъ испросить себѣ у папы снятіе отлученія, на что ему давался самый поздній срокъ до 22 февраля слѣдующаго года; если бы это ему не удалось, онъ лишился престола навсегда. Но 2-го февраля долженъ былъ состояться княжескій съѣздъ въ Аугсбургѣ, на который приглашался и папа для произнесенія своего приговора. Смыслъ такого постановленія заключался въ подчиненіи германской короны третейскому суду римскаго первосвященника; всякая самостоятельная правительственная мѣра была возбранена королю, равно

Развалины замка Наносскаго.
Съ натуры рисовано Фр. Преллеромъ.

какъ и возложеніе на себя всѣхъ вѣшнихъ признаковъ королевскаго сана до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято съ него отлученіе.

Этотъ моментъ, а не послѣдовавшіе за нимъ, былъ наиболѣе глубоко унижительною для Германіи; добровольно, безъ всякой нужды, изъ побужденій, не бывшихъ вполнѣ чистыми ни у кого, а у многихъ и очень нечистыми, этотъ княжескій съѣздъ избралъ папу судьей и вершителемъ германскихъ судебъ. Эти князья желали низложенія короля и не осмѣлились на это, но самъ Григорій не могъ надѣяться на то, что было предподнесено ему здѣсь духовною и мірекою аристократіей,—преимущественно послѣдней; краеугольный камень его теоріи, по которой свѣтская власть должна была лишь истекать изъ духовной, сохранявшей за собою право давать и отнимать по своему усмотрѣнію,—этотъ камень былъ твердо заложенъ въ Германіи на аугсбургскомъ съѣздѣ. Молчаливо подразумѣвалось при этомъ—не допускать короля до полученія папскаго прощенія впредь до новаго съѣзда въ Аугсбургѣ. Удалясь въ Шпейеръ, Генрихъ видѣлъ, что его недовѣрчиво сторожатъ; Григорій, съ своей стороны, поспѣшилъ отъѣздомъ, насладясь уже униженіемъ многихъ приверженцевъ изгнаннаго короля, которые спѣшили черезъ Альпы, чтобы получить лично отъ него разрѣшеніе грѣховъ. Въ весьма высокоумномъ посланіи,—какими были, впрочемъ, и всѣ официальныя извѣщенія этого папы, проникнутыя не то горделивымъ смиреніемъ, не то смиреннымъ высокоуміемъ, что унаслѣдовано отъ него и позднѣйшимъ панствомъ,—Григорій возвѣщалъ о своемъ скоромъ прибытіи, и былъ уже у Мантуи, когда ему стало извѣстнымъ, что Генрихъ на пути въ Италію. Папа подумалъ, что онъ является не иначе, какъ съ враждебными намѣреніями, что онъ хочетъ вынудить у него разрѣшеніе силою, и имѣлъ право предполагать это, потому что рѣзко отклонилъ желаніе короля прибыть лично въ Римъ за прощеніемъ. Въ страхъ, папа бѣжалъ въ замокъ Каноссу, самое надежное изъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ, принадлежавшихъ его вѣрнѣйшей сторонницѣ, маркграфинѣ Матильдѣ. Во всей Ломбардіи, гдѣ Григорія смертельно ненавидѣли, всѣ были тоже въ томъ убѣжденіи, что Генрихъ идетъ съ цѣлюю наказать оружіемъ папу за захватъ римскаго престола.

Но, на этотъ разъ, проникательнаго, многоопытнаго Григорія перехитрилъ молодой, двадцатисемилѣтній король. Напрасно князья, опасавшіеся его ума, связали его сѣтью всевозможныхъ условій; онъ прозрѣвалъ самую сущность положенія, понимая, что ему не устоять передъ соединенною силою папскаго проклятія и враждебности князей, и что, на аугсбургскомъ съѣздѣ, злоба этихъ послѣднихъ заставитъ Григорія высказаться противъ него, хотя бы тотъ и не желалъ этого лично. Было необходимо разрушить этотъ союзъ враговъ противъ него и отнять всякое значеніе у аугсбургскаго собранія. Весьма разумно и прозорливо рѣшилъ онъ добиться отъ него отлученія силою,—но не силою ружія, а моральнаго принужденія. Онъ выполнилъ этотъ планъ съ изумительною энергіей и послѣдовательностью: скрылся изъ Шпейера и, въ необычайно холодную зиму 1076—77 года, перебрался черезъ Альпы и Мохъ-Сенисъ съ своею супругою Бертою, которую онъ научился уже цѣнить, и трехлѣтнимъ малюткою-сыномъ. Онъ не поколебался въ своемъ рѣшеніи даже

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА
къ миниатюрѣ современной рукописи.

Rex rogat Abbatem: Mathildim supplicat atque,
Король просить аббата и умолять Матильду.

Императоръ Генрихъ IV преклоняетъ колѣно передъ маркграфиней Матильдой въ Каносѣ; на головѣ у него діадема, съ тремя лиліеобразными украшеніями по краю ея, отличающаяся по формѣ отъ обычнаго образца діадемы.

Современное изображеніе изъ пергаменной рукописи монаха Донизо, писанной въ монастырѣ Каносскомъ: «*Жизнеописаніе Матильды*»; это произведеніе было писано для Матильды и закончено въ годъ ея смерти (1114). Авторъ очень пристрастно относится къ Матильдѣ, папѣ Григорію и Генриху V, и очень враждебно—къ Генриху IV. Наше изображеніе представляетъ собою точную копію.

Рукопись хранится нынѣ въ Ватиканской бібліотекѣ въ Римѣ.

REX ROGAT ABBATEM! MATILDIAM SUPPLICAT ATQUE;

ИМПЕРАТОРЪ ГЕНРИХЪ IV ПРЕКЛОНЯЕТЪ КОЛѢНО ПЕРЕДЪ МАРКАРАФИНЕЙ
МАТИЛЬДОЙ ВЪ НАНОСЪ.

Миниатюра современной рукописи.

тогда, когда, при его вступленіи въ Ломбардію, всѣ противники папы, епископы, графы, капитаны и вассалы, предложили ему свои услуги. Онъ продолжалъ свой путь; папа видѣлъ, что его перехитрили, разстроили его планы, но онъ не могъ преградить дорогу грѣшнику, шедшему принести передъ нимъ свое покаяніе, и король, съ небольшою свитою, подошелъ къ крѣпостцѣ, въ которой находились церковь и монастырь. Три дня сряду являлся онъ, въ покаянной одеждѣ, власяницѣ и босой, къ воротамъ, прося о допущеніи; на второй день, онъ простоялъ такъ съ утра и до вечера, между тѣмъ какъ клювійскій аббатъ Гуговъ и сама маркграфиня уговаривали папу, который, лишь на третій день и послѣ горячаго сопротивленія, сдался, наконецъ, и уступилъ моральной необходимости. Ворота внутренней оградки отворились, папа принялъ церковное покаяніе короля, снялъ съ него отлученіе, приобщилъ Св. Тайнъ возвращеннаго вновь въ лоно Церкви и отпустилъ его на другой же день, преподавъ ему свое апостольское благословеніе.

Отпустилъ не безъ условій, разумѣется; король далъ обѣщаніе оставаться и теперь, получивъ разрѣшеніе, вѣрнымъ слугою папы; въ случаѣ нарушенія этого слова, снятіе церковнаго отлученія должно было считаться недѣйствительнымъ. Папа прикрывалъ такимъ условіемъ свое пораженіе, но оно оставалось, тѣмъ не менѣе, фактомъ. Но издавна укоренившемуся воззрѣнію, знаменитая сцена въ Каносѣ свидѣтельствуетъ только о полномъ пренебреженіи короля, о глубочайшемъ уничтоженіи королевскаго права и величайшемъ торжествѣ палеской власти; дѣйствительно, она была торжествомъ панства въ томъ смыслѣ, что важнѣйшій изъ государей той эпохи смирился передъ *идеєю Церкви*, въ лицѣ главы этой Церкви, призналъ себя виновнымъ въ грѣхѣ, принесъ въ томъ покаяніе по обряду, требуемому Церковью, и получилъ разрѣшеніе отъ духовнаго лица, на обязанности котораго было давать разрѣшеніе кающимся грѣшникамъ. Но—и только. Въ общемъ же, побѣжденнымъ при Каносѣ былъ папа Григорій VII, а побѣдителемъ—Генрихъ IV. Принесеніе покаянія, само по себѣ, не налагало безчестія: что совершилъ Генрихъ, какъ не то же, что, однажды, и великій императоръ Феодосій въ Миланѣ? И Ломбардцы укоряли Генриха не за самый актъ покаянія, а за то, что онъ принесъ его передъ этимъ папой, ихъ и его смертельнымъ врагомъ. Но, получивъ разрѣшеніе, онъ становился снова королемъ,—королемъ, которому всѣ были обязаны подчиненіемъ въ силу данной присяги и Божьяго повелѣнія. Аугсбургское собраніе являлось теперь, въ сущности, безцѣльнымъ, и что бы ни задумалъ папа, онъ выходилъ тѣмъ изъ своей духовной роли, терялъ ту почву, на которой былъ неуязвимъ, чтобы переступить въ ту область, гдѣ право было уже не на его сторонѣ. А прежде всего, онъ нарушилъ свое,—явное или тайное,—соглашеніе съ противниками короля, которые не могли уже отнынѣ ему довѣрять. Не даромъ и противился Григорій; онъ имѣлъ основанія заподозрить искренность королевскаго раскаянія и не ошибался, быть-можетъ. Оно было столь же правдиво и неправдиво, какъ и собственное поведеніе Григорія, постоянно путавшаго духовное съ мірскимъ и побѣжденнаго теперь своимъ собственнымъ оружіемъ, въ лицѣ юнаго короля.

Послѣд-
ствія.
Анти-король
Рудольфъ.

Это обнаружилось вскорѣ. Ломбардцы негодовали сначала на короля и встрѣтили его очень недружелюбно при его возвращеніи. Но онъ продлil свое пребываніе въ краѣ и скоро снова сошелся съ ними. Тогда сѣверо-германскіе радикалы княжеской партіи рѣшились дѣйствовать открыто. Извѣстіе о прощеніи Генриха папою поразило ихъ какъ громомъ; но, ошеломленные, смущенные сначала новымъ поворотомъ дѣлъ, они довершили свою государственную измѣну. Собравшись въ Форнгеймъ (мартъ 1077) на княжескій сѣздъ, на который пригласили и папу, они избрали королемъ швабскаго герцога Рудольфа, свояка королевскаго, хотя собраніе и не насчитывало полного числа голосовъ; такъ, напримѣръ, изъ епископовъ было на-лицо всего тринадцать. Избраніе состоялось въ присутствіи папскаго легата, хотя и не съ явнаго одобренія папы, который отказывался снова отлучить Генриха и признать Рудольфа; онъ все еще желалъ быть вершителемъ судебъ германской короны. Новому королю пришлось подкупать голоса въ свою пользу весьма дорогою цѣною; коронованіе совершалъ челоувѣкъ, привыкшій перебѣгать отъ одного знамени къ другому: архіепископъ майнцскій, Зигфридъ. Порядки при анти-королѣ были никакъ не лучше, нежели при Генрихѣ, насколько можно судить; но церковь и ея глава мало о томъ заботились.

Возникло страшное, продолжительное, гибельное междоусобіе. Во главѣ княжеской партіи съ избраннымъ ею, безсильнымъ королемъ, стоялъ Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, ея вождь, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ полѣ. Силы были почти равномѣрны, но положеніе Генриха очевидно улучшилось: повсюду находилъ онъ приверженцевъ, даже съ высоты каедръ раздавались голоса въ его пользу; сельское духовенство стояло за него, зная, что лишится и мѣсть, и жень своихъ, при торжествѣ церковнаго радикализма грегорианцевъ. Вокругъ Генриха сплотились всѣ, находившіе свою выгоду въ продолженіи настоящаго порядка вещей. Вопросы о правѣ тщательно изучались и разъяснялись, но папа держалъ себя крайне двусмысленно, говоря о двухъ короляхъ и не утвердивъ, однако, отлученія, которому его легатъ снова подвергнулъ Генриха. Папа особенно охотно приводилъ слова пророка: «Проклятъ кто воздерживаетъ свою руку отъ крови», — и кровь проливалась въ достаточномъ количествѣ... Но за кого слѣдовало проливать кровь, этого онъ не договаривалъ. Король Генрихъ былъ, въ это время, уже такимъ противникомъ, съ которымъ приходилось считаться. Онъ выказывалъ примирительныя наклонности, принялъ съ большою почтительностью папскихъ легатовъ, въ началѣ 1078 г., но нисколько не отложилъ, при этомъ, своихъ воинственныхъ приготовленій и выказалъ свои природныя воинскія способности въ особенно выгодномъ свѣтѣ при дѣйствіяхъ въ полѣ. Рудольфъ выбралъ своимъ мѣстопробываніемъ Госларь, въ центрѣ Саксонской области, бывшей его главной опорой; Генрихъ оборонялъ важный Вюрцбургъ, — ключъ къ верхней Германіи. При новомъ походѣ Саксонцевъ противъ этого города, въ августѣ 1078 года, произошла битва въ Франконіи, при Мельрихштадтѣ; Рудольфъ не стяжалъ въ ней никакихъ лавровъ, однако, побѣда осталась нерѣшенной и война продолжалась съ обоюднымъ ожесточеніемъ. Самую надежную опору Рудольфа была ненависть Саксон-

цевъ къ Генриху; съ своей стороны, Генрихъ создалъ въ собственномъ герцогствѣ Рудольфа, Швабинъ, гдѣ тотъ никогда не былъ любимъ, опаснаго ему врага въ лицѣ графа фонъ-Бюренъ или фонъ-Штауфенъ, котораго женилъ на своей единственной дочери, Агнесѣ (1080). Въ январѣ этого года произошло новое сраженіе при Флархгеймѣ, близъ Мюльгаузена. Въ этотъ разъ, Рудольфъ и опаснѣйшій изъ противниковъ короля, Оттонъ фонъ-Нордгеймъ, одержали верхъ; но такія побѣды не имѣли еще рѣшающаго значенія, и война продолжалась. Въ маѣ того же года (1080), Григорій сталъ открыто на сторону Рудольфа и подвергъ снова отлученію законнаго короля. Изъ рѣчи, произнесенной имъ по этому случаю на римскомъ соборѣ, явствуется вполнѣ, насколько горячность и неосмысленное ученіе, признаваемое имъ или, пожалуй, развившееся постепенно само собой, относительно всемогущества Св. Петра и его преемниковъ, отуманивало столь ясный умъ Григорія VII. Но отлученіе вовсе не произвело теперь такого впечатлѣнія,

Бронзовая надгробная доска Рудольфа Швабскаго въ Мерзебургскомъ соборѣ.

Изданы:
Rex hoc Rodulfus patriae pro lege peremptus
Rogandus merito conditur in tumulo.
Rex illi similis, si regnet tempore pacis,
Consilio gladio non fuit a Karolo

Qua vice res viruit, hic sacra victima belli

-- mors sibi vita fuit — ecclesiae cecidit.

Переводъ:
Король Рудольфъ, навѣи на права отчизны,
Истинно-достоинный сожалѣнн, поконитъ здѣсь въ могилѣ.
Короля, который бы ему — правъ онъ въ мирное время —
Былъ подобенъ и въ совѣтъ, и въ дѣлѣ, не было со
временъ Карла.
Тамъ, гдѣ его дѣло одерживало верхъ, тамъ, какъ священ-
ная жертва —
(Смерть ему жизнью была) — палъ опъ, защита Церковъ.

какъ въ первый разъ. Противная папѣ партія привыкла смотрѣть на вещи спокойноѣ, сознавая право на своей сторонѣ; большинство нѣмецкихъ епископовъ понимало тоже, въ чемъ была суть: дѣло короля противъ папы и нѣмецкой свѣтской аристократіи было и ихъ собственнымъ дѣломъ. «Опасный человѣкъ», говорили они про Григорія, «хочетъ быть всемогущимъ и повелѣвать епископами, какъ своими музыкантами». Вскорѣ созванный въ Майнцѣ соборъ низложилъ Григорія и рѣшилъ приступить къ избранію новаго папы. Это рѣшеніе было поддержано другимъ, болѣе многочисленнымъ собраніемъ мірской и духовной знати въ Бриксенѣ, при чемъ нѣмецкіе и ломбардскіе епископы остановили свой выборъ на равеннскомъ архіепископѣ Вибертѣ, человѣкѣ, внушавшемъ извѣстное уваженіе даже врагамъ, — зависѣвшее, впрочемъ, не отъ признанія его личныхъ достоинствъ, правоты его дѣлъ и убѣжденій, а только отъ его воинскаго искусства.

Григорій принялъ теперь самое горячее участіе въ войнѣ: онъ искалъ всюду союзниковъ и его легаты разъѣзжали по разнымъ дворамъ. По свойству человѣческой природы и какъ то было почти неизбежно при подобной борьбѣ, онъ совершенно устранилъ всякое различіе между «духовнымъ» и «мірскимъ»; и при такихъ противудуховныхъ стремленіяхъ, ему пришлось испытать тоже цѣлый рядъ разочарованій. Самое горькое изъ нихъ не заставило себя ждать. Въ октябрѣ 1080 г., обѣ арміи сошлись такъ близко въ окрестностяхъ Наумбурга, что столкновение между ними было неизбежно. Благодаря храбрости и искуснымъ распоряженіямъ Оттона фонъ-Нордгеймъ, паписты одержали полную побѣду; но, воротясь изъ погони за разбитымъ неприятелемъ, Оттонъ нашелъ весь саксонскій лагерь въ смятеніи: король лежалъ смертельно раненый въ своей палаткѣ и не было никакой надежды на его спасеніе. Правая рука у него была отсѣчена, животъ распоротъ копьемъ или мечомъ. Въ ту же ночь, онъ скончался. Если когда-нибудь Божій судъ казался яснымъ въ-рующей массѣ, то это было теперь: отсѣчена была правая рука, та, которую Рудольфъ поднималъ, присягая на вѣрность своему королю. И если позднѣе рассказывалось, что умиравшій слагалъ на окружающихъ всю отвѣтственность за свое избраніе въ короли, выражая свое раскаяніе, и что всадили ему копые именно двое: вѣрный королю племянникъ герцога, Готфридъ Нижне-Лотарингскій и преемникъ его впоследствии Готфридъ Бульонскій, которому предназначалась еще такая славная роль въ будущемъ,—то всѣ эти рассказы только отражаютъ первое впечатлѣніе, произведенное событіемъ. Значеніе Божьяго приговора, смутившее партію Св. Петра, которая видѣла единственный результатъ битвы въ этомъ приговорѣ, такъ ободрившемъ приверженцевъ короля, усиливалось еще болѣе отъ самоувѣреннаго пророчества папы Григорія, предрекшаго скорую смерть лже-короля: онъ разумѣлъ Генриха.

Междуусобица въ Германіи. Смерть Рудольфа. 1080.

Отрубленная нистъ руки Рудольфа Швабскаго.

Въ сакристіи Мерзбургскаго собора.

Переговоры, начавшіеся послѣ этого событія въ Германіи, не привели ни къ какимъ результатамъ. Все оставалось на военномъ положеніи, но дѣла Генриха поправились настолько, что онъ могъ думать о походѣ въ Италію для рѣшенія вопроса. Мысль была хорошая: Григорій потерялъ многихъ сторонниковъ; Норманны и ихъ вождь, «хитрецъ» Гискаръ, помышляли только о своихъ интересахъ, никакъ не о церковныхъ; даже нѣкоторые изъ вассаловъ маркграфини отпали, и Генрихъ, обладая государственнымъ умомъ и не уступая своему противнику въ умѣнныя ставить другихъ въ неправое положеніе, не выказалъ здѣсь, очень разумно, ни малѣйшей непримиримости: онъ перешелъ черезъ Альпы съ небольшими военными силами. Но всѣ попытки склонить Григорія къ миру были тщетными. Никогда еще,—было-ли это въ немъ вѣрою, или сознаніемъ своей силы,—не выказывалъ онъ такой самонадѣянности; формула присяги, составленная имъ для того, кто былъ бы избраннымъ на мѣсто Рудольфа, была безуміемъ даже по понятіямъ того времени: онъ требовалъ, чтобы этотъ король присягнулъ ему, папѣ, въ качествѣ его вассала. Римскій походъ (май 1081 г.), предпринятый Генрихомъ съ немногочисленнымъ войскомъ, былъ неудаченъ. Его прокламація къ духовенству и народу не произвела никакого дѣйствія, хотя была составлена умно и умѣренно, а противники его въ Германіи, ободренные его неудачей, приступили къ избранію новаго короля въ лицѣ Германа, происходившаго изъ одного люксембургскаго дома; коронацію его совершалъ опять майнцскій архіепископъ Зигфридъ, но въ Госларѣ, на саксонской землѣ (декабрь 1801 г.). Вспыхнувшая при этомъ въ Германіи новая междоусобица уравнивала положеніе въ томъ смыслѣ, что саксонцы не могли помочь папѣ, а сторонники Генриха своему королю. Второй походъ Генриха на Римъ (мартъ 1082 г.) была опять неудаченъ, но войска его осадили городъ, который, повидимому, не могъ продержаться долго безъ выручки. Въ Германіи смерть Оттона фонъ-Нордгеймъ, замѣчательнѣйшаго изъ вождей своей партіи, значительно ослабила наступательныя дѣйствія Германа (1083 г.) и онъ отошелъ обратно въ Саксонію, вмѣсто того, чтобы пробиться въ Италію. Въ 1083 году Генрихъ снова энергично осадилъ Римъ и въ началѣ іюня его войска вторглись въ городъ; папа, назначенный Генрихомъ, былъ провозглашенъ, подъ именемъ Климента III, въ церкви Св. Петра, между тѣмъ, какъ Григорій, находившійся въ замкѣ Св. Ангела, снова объявилъ Генриха отлученнымъ отъ церкви.

Почему Генрихъ не довершилъ выправной на половину побѣды, это остается невыясненнымъ; но онъ вступилъ въ переговоры съ римскимъ дворянствомъ и съ греческимъ императоромъ, желавшимъ покорить ихъ общаго врага—Норманновъ. Во время этого смутнаго положенія, Григорій созвалъ соборъ въ Латеранѣ, съ цѣлью порѣшить споръ и общая подчиниться рѣшенію этого синклита. Появилась обманчивая надежда на примиреніе: при открытіи собора, на который явились очень немногіе, папу осадили просьбами объ этомъ примиреніи; но онъ не могъ преодолѣть себя или же продолжалъ думать, что ведетъ дѣло Господне. Но римскимъ гражданамъ становилось уже въ тягость приносить жертвы. Генрихъ овладѣлъ Латераномъ и хотя Григорій держался въ замкѣ Св.

Генрихъ въ
Италіи.
Анти-папа
Германъ.

Норманны
въ Римѣ.

Генрихъ IV на тронѣ, въ вѣнцѣ, со скиптромъ
и державнымъ яблокомъ.

Миниатура изъ Экхардовой Хроники 1113 г.
Рукопись находится въ Кэмбриджѣ.

саловъ, и въ варварское наказаніе за эту обиду, предоставилъ городъ произволу своихъ шакъ. По всѣмъ извѣстіямъ, онѣ разбойничали здѣсь такъ, какъ никогда еще не приходилось терпѣть Риму ни отъ какого народа, и эти насилія порвали навсегда всякую связь между римскимъ населеніемъ и папою Григоріемъ, который принужденъ былъ видѣть эти ужасы и, въ сущности, быть отвѣтственнымъ за нихъ. Онъ не могъ оставаться долѣе, одинокимъ, въ Римѣ и не было ему мѣста иначе, какъ въ лагерѣ Норманновъ, имѣвшихъ, однако, очевидно, совершенно-иные заботы, нежели интересы Св. Петра. Григорій покинулъ Римъ вмѣстѣ съ этими союзниками. Онъ кончилъ свою карьеру, по язвительному выраженію одного историка, среди римскихъ развалинъ.

Величіе Григорія рушилось. Хотя, прибывъ въ Салернъ, онъ принялся за новые замыслы и разсылалъ по свѣту своихъ легатовъ, но ему пришлось скоро оставить надежду воротиться въ Латеранъ, потому что союзникъ его, Робертъ Гискаръ, выступившій въ походъ противъ греческаго императора, у котораго онъ думалъ даже отвоевать Константинополь, претерпѣвалъ неудачи. И конецъ Григорія VII былъ уже близокъ... Онъ умеръ въ Салернѣ въ маѣ 1085 г. По однимъ изъ его послѣднихъ словъ: «я любилъ справедливость, ненавидѣлъ неправду, а потому и умираю въ

Ангела и нѣкоторые его сторонники, изъ дворянъ, укрѣпились тоже въ своихъ городскихъ замкахъ и крѣпостцахъ, но король могъ устроить посвященіе Климента III въ папы, послѣ чего этотъ новый папа увѣнчалъ императорскою короною Генриха и его супругу (мартъ 1084 г.). Григорій обнаруживалъ большую твердость и оставался въ замкѣ Св. Ангела, который былъ осажденъ. Онъ надѣялся на норманнскаго герцога Роберта Гискара, который, дѣйствительно, прибылъ, наконецъ, съ войскомъ, въ то время, когда король съ папою Климентомъ снова вышли изъ города.

Сцена снова перемѣнилась. Норманнское войско было многочисленно, но состояло изъ порядочнаго сброда, между которыми было не мало и сицилійскихъ сарацинъ. Они овладѣли городомъ безъ особеннаго сопротивленія и освободили папу. Но необузданный норманнскій герцогъ пришелъ въ бѣшенство, узнавъ объ умерщвленіи одного изъ его вас-

Конецъ
Григорія.
1085 г.

изгнаніи», можно заключить, что онъ оставался до послѣдней минуты вѣренъ своему міровоззрѣнію. Въ дѣйствительности, у такихъ людей, особенно среди духовенства, которые болѣе другихъ привержены къ буквѣ закона, нѣтъ мѣста для раскаянія, плода искренняго и безпристрастнаго самообличенія; а Григоріи тѣмъ болѣе не могъ испытывать никакого раскаявія, что низменные побужденія, низменное честолюбіе, низменное себялюбіе, низменная ненависть или зависть, были совершенно чужды ему. Столь далекое отъ первоначальнаго ученія Христова обоготвореніе земной Церкви, которая приравняла къ божеству бѣднаго, пламеннаго, но все же слабого рыбака Генисаретскаго озера, — это обоготвореніе не было создано самимъ Григоріемъ: но онъ принялъ его, какъ вѣрованіе своего вѣка и какъ составную часть уже издавна развившагося міровоззрѣнія. О немъ можно сказать, что трудно уяснимый для нашего нынѣшняго сознанія, но искреннѣйшій идеализмъ вкоренялъ въ него глубокое убѣжденіе въ томъ, что всякая свѣтская власть, какая бы она ни была, должна вполне подчиняться духовной, божественной, церковной, папской власти. По простому теченію мыслей у тѣхъ, кто идеализируетъ дѣйствительную (и, въ этой дѣйствительности, весьма очеловѣченную) Церковь, — духовное начало выше мірскаго, божественное — выше земного, и поэтому низшее должно подчиняться высшему, а не наоборотъ. Нельзя не признать извѣстнаго величія въ подобномъ воззрѣніи, — но дѣло въ томъ, что оно примѣнялось на дѣлѣ уже слишкомъ реально. Всемирно-историческое обольщеніе, смѣшивающее понятія церковнаго съ божественнымъ, папскаго съ церковнымъ и папскаго съ божественнымъ, — обольщеніе, признаваемое въ наши дни заблужденіемъ, было для Григорія истиной, въ которую онъ вѣрилъ; и благодаря его могучей личности, этотъ обманъ или (выражаясь снисходительнѣе) этотъ миражъ религіозной мечтательности приобрѣлъ особую силу. Но, разумѣется, не ту силу, о какой мечтали Григорій и слѣдовавшіе за нимъ идеалисты, надѣясь, съ помощью этой силы, исправлять людей и христіански устроить міръ. Случилось скорѣе обратное: обмірщилась Церковь; она стала, изъ столѣтія въ столѣтіе, менѣе и менѣе походять на Церковь, преображаясь болѣе и болѣе въ государство, которое только прикрывало свой вполне свѣтскій характеръ, болѣе или менѣе удачно, торжественною обрядностью и разными самообольщеніями, укрываясь само отъ себя. Въ идеализмъ Григорія есть все же нѣчто высокое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ужасающее въ своей безповоротности: «Прокляты, воздерживающій свою руку отъ крови!» И съ этой прямолинейностью, неоцѣнимой лишь при такой непогрѣшимости, какую можетъ приписывать человѣческому уму только наивное или ребяческое недомысліе, онъ причинилъ неисчислимый вредъ современному обществу, оставя и въ послѣдующемъ времени мало слѣдовъ того дѣйствительно-благотворнаго вліянія, которое заключается въ разумно-умѣренныхъ притязаніяхъ духовной власти, не доводимой, подобно власти папской, до крайнихъ предѣловъ.

Борьба продолжалась, потому что партія Григорія пережила своего вожда, но дѣло утратило уже свой непосредственный интересъ и подробности этой борьбы съ ея переменнымъ счастьемъ и отдѣльными эпизодами

такъ схожи съ предыдущими, что ея позднѣйшая исторія до смерти Генриха IV можетъ быть передана въ краткихъ словахъ. Въ 1084 году Генрихъ воротился въ Германію императоромъ и оставался въ ней до 1090 года. Продолжавшаяся война производила опустошенія попрежнему. Разбойничьи замки множились; съ тѣмъ вмѣстѣ расширялись монастырскія зданія, не вмѣщавшія уже всѣхъ, желавшихъ бѣжать отъ ужасовъ, творимыхъ въ міру. Народъ,—та часть его, которая не жила войною,—жаждалъ мира и идея «мира Господня», пустившая глубокіе корни, дѣйствительно оказывала уже свое вліяніе: вѣрная королю, лютихская епархія, съ ея епископомъ Генрихомъ и всѣмъ клиромъ, положила тому начало въ 1081 г.; болѣе значительная кельнская епархія примкнула къ тому же движенію въ 1083 г.; несмотря, однако, на эти повторяемыя усилія, миръ въ государствѣ не наступалъ. Въ 1086 г. король Генрихъ проигралъ новое сраженіе при Шлейхфельдъ, въ окрестностяхъ Вюрцбурга, выступивъ противъ своего соперника, Германа, дѣло котораго, впрочемъ, тоже не подвигалось впередъ, и самъ онъ покончилъ свою бесполезную жизнь лѣтомъ 1088 г. Заступившій его мѣсто, честолюбивый и вѣроломный маркграфъ Экбертъ фонъ-Мейсенъ, уже почти упрочивъ свое положеніе, былъ убитъ въ 1090 г. нѣкоторыми изъ приверженцевъ Генриха въ саксонской землѣ; въ этомъ 1090 г. миръ былъ восстановленъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ, настолько, что Генрихъ могъ отправиться въ Италію, гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ его противниковъ, и они могли, дѣйствуя оттуда, поддерживать постоянную смуту и въ Германіи.

Война въ
Германіи.
Урбанъ II.

По смерти Григорія, сторонники его пришли въ нѣкоторое замѣшательство, потому что никто не хотѣлъ принять на себя его наслѣдія. Наконецъ, рѣшился на это Децидерій, аббатъ въ Монте-Кассино. На долю этого Виктора III, въ теченіе его короткаго первосвященства, выпали самые тяжкіе дни: вокругъ Рима и въ самомъ городѣ бушевала борьба между его приверженцами и сторонниками Климента. Не только мѣстность, прилегающая къ собору Св. Петра, но самая церковь была мѣстомъ побоища. По смерти Виктора въ 1088 г., григоріанская партія избрала, въ Террачинѣ, остійскаго епископа Льва, подъ именемъ Урбана II, француза по рожденію, человека столь же строгихъ правилъ, какъ и Григорій, но болѣе уступчиваго и благоразумнаго. Онъ былъ признанъ въ Испаніи, Франціи, Англій, большей части Италіи, но не могъ утвердиться въ самомъ Римѣ, пока не была сломлена власть императора. Онъ скрѣпилъ союзъ нѣмецкихъ и итальянскихъ противниковъ Генриха, женивъ молодого вельфа, семнадцатилѣтняго сына нѣмецкаго соперника Генриха, на болѣе нежели сорокалѣтней маркграфинѣ Матильдѣ, приносившей, въ своемъ усердіи къ дѣлу Св. Петра, новую жертву такимъ вступленіемъ во вторичный фиктивный бракъ. Съ 1090 по 1092 г. императоръ оставался въ Италіи, воюя съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1092 году его злѣйшій врагъ, маркграфиня Матильда, едва не попала въ его руки, въ самой Каноссѣ. Но весьма опасныя усложненія въ Германіи вызвали его обратно туда; несчастіе преслѣдовало его здѣсь подъ другимъ видомъ. Онъ вступилъ, въ 1088 г., во второй бракъ съ вдовой маркграфа Нордмаркского, принцессой русскаго происхожденія, Евпирасіей или Параске-

вой, принявшей въ Германіи имя Адельгейды. Этотъ бракъ принесъ ему горе: Адельгейда сумѣла склонить Конрада, его девятнадцатилѣтняго сына отъ перваго брака, на измѣну отцу.

Поводы къ этой измѣнѣ, обнаружившейся въ 1093 г., остаются не вполне ясными. Молодой человекъ, по описанію, былъ красивъ, ловокъ, Измѣна
Конрада.

образованъ и «истый католикъ», по одному источнику; слѣдовательно, можно предположить, что побужденіемъ къ разладу послужили церковные взгляды и различіе убѣжденій; это различіе, понятнымъ образомъ, усложнилось, съ обѣихъ сторонъ, весьма мірскими расчетами, непрестанно возникавшими и усиливавшимися его. Разрывъ былъ подготовленъ въ Италіи, при чемъ папа Урбанъ и маркграфиня выставили Конрада главою и знаменосцемъ папской партіи. Снова были пущены въ ходъ все тѣ средства, которыя употреблялись уже раѣе для борьбы съ императоромъ, и не съ меньшимъ успѣхомъ, нежели прежде. Его собственная супруга готовила гибель ненавистнаго мужа, безстыдно выставляя свои личные пороки на позоръ свѣту. Великая маркграфиня, которую ея біографъ величаетъ «Деборой», сблизилась съ этой женщиной, и даже тяжело передавать все подвиги благочестивой ненависти и партійной ярости, совершенные ими. Въ Италіи сторонники Урбана и маркграфини взяли рѣшительно перевѣсъ, между тѣмъ какъ Германія уже утомлялась борьбою и движеніе въ пользу «мира Божія» усиливалось тамъ непрерывно. Во главѣ его стоялъ самъ императоръ. Новый подъемъ духа, съ которымъ познакомимся ниже, направлялъ церковныя силы въ иную, живую сторону; это была мысль, взлетѣвшая еще Григоріемъ,—мысль объ освобожденіи Св. Гроба и другихъ святынь изъ рукъ невѣрныхъ. И вотъ эта мечта осуществлялась на практикѣ: папа Урбанъ былъ именно человекомъ, способнымъ обратить вышеказанное движеніе на пользу увеличенія церковнаго могущества. Онъ созвалъ, въ 1095 г., большой соборъ въ Клермонѣ; блескъ и воодушевленіе этого съѣзда нашли откликъ въ Италіи. Со времени разгрома Норманнами, въ 1084 г., Римъ былъ слишкомъ ненадежнымъ мѣстомъ для папы, державшагося возрѣвнѣй Григорій VII, и лишь въ концѣ

Юный Конрадъ, сынъ Генриха IV.
Современное изображеніе въ пергаментной рукописи «Жизнеописаніи Матильды», законченной въ 1114 г. Теперь въ Ватиканской бібліотекѣ въ Римѣ.

1096 г. Урбанъ могъ водвориться въ немъ уже на долгое и спокойное житье, между тѣмъ какъ Генрихъ, власть котораго въ итальянскихъ земляхъ значительно ослабла въ послѣдніе года, покинулъ въ это время Италію и воротился въ Германію, заключивъ миръ съ Вельфскимъ домомъ, личность котораго обманула графиню Матильду.

Начало Крестовыхъ походовъ. Мирное время.

Наступило сравнительно мирное время: начало Крестовыхъ походовъ придавало общественному настроенію новый характеръ, и Генрихъ постарался воспользоваться этимъ для умиротворенія страны, что удалось ему въ главнѣйшей части Германіи, именно въ Баваріи, Швабіи и Саксоніи. Можно было надѣяться на лучшія времена: личное значеніе Генриха, положеніе, постепенно достигнутое имъ государственной мудростью, оказывали уже свое плодотворное вліяніе на все. Намъ осталась описанія этого счастливаго времени, въ которое народъ снова вздохнулъ свободнѣе, а сословіе воинственныхъ вассаловъ, необыкновенно размножившееся и возгордившееся при непрестанной борьбѣ, отступило снова на задній планъ. Но почва была все еще непрочна, разумѣется, и епископы въ особенности не представляли собою надежной опоры для императора, не столько потому, что грегорианское ученіе распространялось среди нѣмецкаго духовенства, какъ потому, что эти епископы страшились возстававшихъ противъ нихъ городскихъ населеній, которыя составляли главный оплотъ Генриха. Въ 1099 г. (іюль) скончался Урбанъ, черезъ нѣсколько дней послѣ завоеванія крестоносцами священнаго города. Но эта смерть не принесла пользы Генриху и его анти-папѣ. Кардиналы избрали немедленно Пасхалія II. Климентъ III, игравшій, въ теченіе двадцати лѣтъ, неблагодарную роль имперскаго папы, умеръ въ слѣдующемъ 1100 г. Генрихъ не настаивалъ особенно на избраніи новаго анти-папы, хотя и дѣлалъ попытки къ тому въ Римѣ; но онъ тщательно заботился о водвореніи спокойствія въ своихъ земляхъ. Въ 1099 г. (іюнь) его второй сынъ, шестнадцатилѣтній Генрихъ, принявъ отъ него королевскую корону въ Ахенѣ. Въ 1101 г. умеръ во Флоренціи старшій, несчастный король Конрадъ, слишкомъ поздно появившій свое ничтожное значеніе и ту роль, которую его заставляли играть, для цѣлей, носившихъ лишь личную благочестія и служенія Церкви. Генрихъ IV, рано постарѣвшій, пришелъ къ мысли, навѣянной ему новымъ столѣтіемъ, начатымъ Крестовыми походами. Воодушевленіе на пользу этихъ походовъ проникало уже отчасти въ германскій народъ, относившійся сначала къ движенію только съ любопытствомъ и удивленіемъ, но холодно. Въ Майнцѣ, 1103 года, Генрихъ заявилъ о своемъ намѣреніи отправиться тоже въ Святую Землю, передавъ правленіе сыну.

Но такой мирный конецъ не долженъ былъ выпасть на долю человѣка, истерзаннаго всякими муками. Генрихъ хотѣлъ довершить сначала, до своего отбытія, дѣло успокоенія страны; въ тотъ самый день, когда онъ заявилъ о своемъ достойномъ намѣреніи, имъ былъ изданъ актъ, всѣхъ призывавшій присягою къ миру въ государствѣ. Этотъ миръ, согласно извѣстіямъ, держался много лѣтъ довольно удовлетворительно и принесъ большую пользу низшимъ классамъ, особенно промысловому люду, купцамъ, поселянамъ, евреямъ, вообще народной массѣ, въ интересы которой Ген-

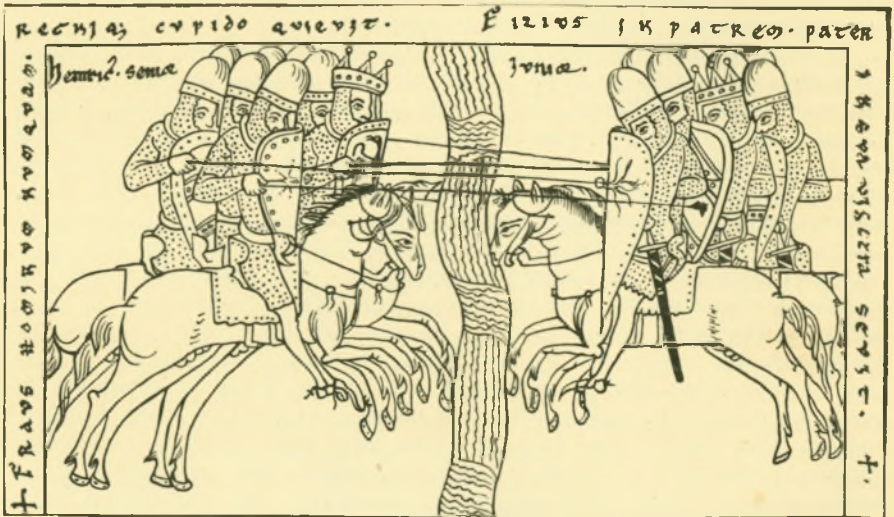

рихъ постоянно вникалъ. Уваженіе къ императору замѣтно усиливалось и повторенное противъ него Пасхалиемъ II отлученіе отъ Церкви не произвело никакого рѣшительнаго воздѣйствія, потому что было лишено всякаго обосновавшаго повода или хотя-бы предлога. Тѣмъ не менѣе, для Генриха была несчастіемъ эта длившаяся рознь съ папствомъ, — папствомъ преобразованнымъ и ореолъ котораго крайне расцвѣлъ въ послѣднее время, благодаря успѣхамъ на Востокѣ. Къ тому же, продолжительная междоусобица оставила повсюду сѣмена, благодарную почву и поводы или предлоги для новыхъ смутъ. Кромѣ того, въ самихъ общественныхъ условіяхъ Германіи того времени было не мало такого, что не могло способствовать продолжительному спокойствію въ государствахъ.

И вотъ, въ прославленной странѣ вѣрности возникаетъ, безъ особыхъ очевидныхъ поводовъ къ тому, новый заговоръ князей, во главѣ котораго они постарались поставить, и не безъ успѣха, самого, недавно коронованнаго, наслѣдника престола, Генриха. Его дальнѣйшая исторія доказываетъ, что онъ былъ властолюбивъ и способенъ къ власти. Царствованіе отца казалось ему слишкомъ продолжительнымъ; онъ боялся тоже, быть-можетъ, что, подѣ отцовскимъ управленіемъ, королевское могущество ослабѣетъ еще болѣе. Злой, жестокій, лукавый, онъ принялъ на себя роль, которую предлагали ему князья-заговорщики, при чемъ онъ могъ надѣяться и на поддержку григоріанцевъ, задавшись, разумѣется, въ то же время, намѣреніемъ обмануть ихъ. Въ декабрѣ 1104 года, сопровождая императора въ походѣ его противъ одного мятежнаго саксонскаго вассала, нарушившаго спокойствіе въ странѣ, онъ тайно покинулъ отцовскій лагерь, скрылся въ Баварію, отправилъ пословъ къ папѣ и собралъ вскорѣ вокругъ себя всѣхъ, кого только могли вооружить противъ императора открытая ненависть къ нему, жажда переменъ или папистскій фанатизмъ: весьма кстати было при этомъ помянуто, что императоръ находился еще подѣ гнетомъ церковнаго отлученія. Король Генрихъ унаслѣдовалъ отъ своего отца умѣнье притворяться; особенно искусно надѣвлялъ онъ на себя лачину крайняго благочестія. Папа не замедлилъ осѣнить юношу своимъ благословеніемъ, хотя тотъ поступалъ далеко не во всѣхъ отношеніяхъ согласно ново-церковнымъ правиламъ. Въ 1105 году, сынъ и отецъ, король и императоръ, выступили со своими арміями другъ противъ друга, а въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ неудавшихся переговоровъ, враждебныя силы сошлись на битву, раздѣляемыя лишь рѣкой Регенъ. Сынъ былъ настолько уменъ, что не принялъ боя, распустивъ всюду слухъ будто старается только о примиреніи своего отца съ папою. Но у него были завязаны сношенія съ войскомъ, стоявшимъ по ту сторону рѣки, и императоръ хорошо зналъ, какъ мало можно было довѣрять нѣмецкимъ князьямъ. Онъ самъ отказался отъ своего дѣла и уѣхалъ изъ арміи, которая разошлась. Сила короля возрастала; императоръ, не имѣя войска, потерявшій всякую бодрость, прибылъ въ октябрѣ 1105 года въ Майнцъ, но скоро покинулъ этотъ городъ, который изъявилъ свою покорность королю. Генрихъ IV оставался нѣкоторое время въ нерѣшимости, но наконецъ согласился на свиданіе съ сыномъ въ Кобленцѣ. Молодой Генрихъ разыгралъ здѣсь свою роль въ совершенствѣ: онъ клялся въ своей сыновней

Новый заговоръ князей.
Король Генрихъ.

преданности, въ своей вассальной вѣрности, требуя отъ отца только одного: его примиренія съ римскимъ престоломъ. Заполучивъ его такимъ образомъ въ свою власть, онъ повезъ его не въ Майнцъ, гдѣ долженъ былъ состояться княжскій съѣздъ и населеніе было весьма расположено къ императору, а въ сосѣдній замокъ Бёкелгеймъ. Здѣсь, подъ гнетомъ дурного обращенія и угрозъ, епископъ шпейерскій, приставленный къ императору, вынудилъ у него, подъ страхомъ самыхъ крайнихъ мѣръ, актъ отреченія, который и привезъ 27 декабря королю на майнцскій

Изображеніе столкновенія, которое чуть было не произошло между Генрихомъ IV и его сыномъ (позднѣе Генрихомъ V). Заимствовано изъ Іенской рип. хроники Оттона Фрейзингенскаго.

Весьма характерно представляетъ и вооруженіе современныхъ воиновъ, и самый ихъ способъ битвы. Оба строя, выставивъ впередъ конья, устремляются другъ противъ друга. Императора Генриха IV не трудно узнать по одноглавому орлу на щитѣ и надписи (въ углу надѣво) «Henricus senior» (Генрихъ старшій). Сынъ его, съ другой стороны, обозначенъ подписью: «junior» (младшій). Кругомъ изображенія надписи:

«Fraga hominum nunquam regniq̄ue cupido quiescit;
Кричитъ человѣческой и алчбѣ власти не бывать конца;
Filius in patrem, pater in sua viscera sevit».
Сынъ свирѣствуетъ противъ отца, отецъ противъ своего дѣтца.

Вотъ какъ описываетъ это событіе Оттонъ Фрейзингенскій (ок. 1144 г.): «и вотъ каждый изъ нихъ, и отецъ, и сынъ, занимаютъ свои позиціи на берегахъ р. Регенъ. Уже и станы ихъ убраны, и боевые строи устроены, уже и приверженцы ихъ возбуждаютъ къ убійственной распрѣ—отца противъ сына, сына противъ отца. И только рѣвка, протекающая между ними, препятствуетъ выполненію столь безбожнаго замысла.

княжескій съѣздъ. Королевскія регаліи были доставлены въ Майнцъ и архі-епископъ поднесъ ихъ королю, которому князья повторили свою присягу на вѣрность.

Послѣ того, какъ римскій легатъ утолилъ еще разъ месть Церкви надъ Генрихомъ, заставивъ его сначала исповѣдаться, а затѣмъ отказавъ ему въ отпущеніи грѣховъ, императоръ могъ уѣхать въ Ингельгеймъ. Дѣло казалось поконченнымъ, но онъ покинулъ этотъ городъ, имѣя основанія опасаться за свою жизнь. Его встрѣчали съ большимъ сочувствіемъ во всѣхъ городахъ, въ которыхъ послѣднія событія вызывали сильное негодованіе. Это пробудило въ немъ еще разъ монаршую твердость: оставаясь въ Люттихѣ, преданномъ идеѣ «мира Господня», и принятый крайне привѣтливо горожанами, Генрихъ объявилъ недѣйствительнымъ свое отреченіе, исторгнутое у него частью хитростью, частью угрозами. Оружіе было поднято снова. Сильнымъ операціоннымъ базисомъ для императора сдѣлался Кельнъ, и король тщетно осаждалъ этотъ городъ въ слѣдующемъ году. Первая половина 1106 года прошла въ приготовленіяхъ къ новой борьбѣ и въ переговорахъ; съ обѣихъ сторонъ пересылались письма и послы, но—императоръ скончался въ Люттихѣ, 7 августа, послѣ кратковременной болѣзни.

Онъ примирился съ Богомъ и причастился Св. Таинъ и препроводилъ еще къ сыну, котораго прощаль, просьбу: не мстить за вѣрность тѣмъ, кто помогалъ ему, императору, среди его послѣднихъ бѣдствій. Такое примирительное настроеніе не нашло отголоска въ представителяхъ той среды, которая именovala себя вселенскою или католическою Церковью, или Церковью Св. Петра, или иными титулами. За нѣсколько столѣтій тому назадъ, на такъ-называемомъ «Трехглавомъ спорѣ», въ духовныхъ сферахъ поднимался серьезный вопросъ о непримѣнности анаемъ къ покойникамъ. Но съ тѣхъ поръ римская Церковь шагнула впередъ въ отношеніи духовной злости, и потому тѣло Генриха IV, вынудое изъ могилы по распоряженію епископа, оставалось пять лѣтъ безъ погребенія въ неосвященной часовнѣ, и было схоронено въ Шпейерскомъ соборѣ (какъ того желалъ покойный) лишь въ 1111 г. Сужденія о Генрихѣ IV выяснялись медленно, потому что партійный раздоръ, среди котораго протекла вся его жизнь, продолжался и въ послѣдующее время, мало измѣняясь въ своихъ проявленіяхъ. Ошибки Генриха теперь очевидны, но вмѣстѣ съ ними и смягчающія ихъ обстоятельства. Лишенный отца еще въ дѣтствѣ, онъ росъ подъ опекою слабой и ограниченной матери, и еще будучи отрокомъ, былъ вовлеченъ въ водоворотъ борьбы партій; близъ него не было никого, кто могъ бы, въ годы его возмужанія, внушать ему уваженіе своею чистою доблестью и дѣйствительнымъ превосходствомъ ума. Не удивительно, если его одолеваетъ всѣ страсти и пороки своевольной юности и въ немъ разгорается пылъ своевластія. Этого нельзя не признать, даже допуская всѣ тѣ искаженія отдѣльных фактовъ и тѣ обвиненія, которыми обливалъ его ядъ партійныхъ клеветъ, служившій во всѣ времена римскому духовенству безопазднымъ орудіемъ противъ враговъ. Но мало-по-малу, по мѣрѣ своего развитія,—во всякомъ случаѣ очень рано,—Генрихъ обнаружилъ недюжинныя способности, о чемъ свидѣтельствуютъ даже и сами его противники, главнымъ изъ коихъ былъ папа Григорій: они не злобствовали бы такъ противъ него, если бы опасались его мести; и страхъ, наводимый имъ, прекратился

лишь съ его смертью. Но какъ бы ни были велики его заблужденія, никто изъ людей не заплатилъ на землѣ за свои грѣхи столь дорогою цѣною, какъ этотъ злополучный и весьма замѣчательный человѣкъ, вся жизнь котораго протекла въ борьбѣ съ силами, грознѣе которыхъ ничего нельзя себѣ вообразить. Въ союзѣ противъ него участвовало и самая высшая, и самая низкая побужденія, самая возвышенная и самая грубая: съ одной стороны возвышеннѣйшій изъ человѣческихъ замысловъ, осуществленіе царствія Господня на землѣ, при чемъ представителемъ такой идеи былъ человѣкъ столь высоко парящаго ума, какъ Григорій; съ другой—гнусное самолюбіе въ его омерзительнѣйшихъ проявленіяхъ,—и обѣ эти стороны согласовалось и соединялись въ борьбѣ противъ него. Однако, борьба Генриха не была напрасной. Онъ стоялъ за королевскія права и, съ тѣмъ вмѣстѣ, за права государства, то-есть, за «право» въ общемъ смыслѣ; и если этому борцу пришлось покончить несчастливо, то все же онъ, по крайней мѣрѣ, умалилъ побѣду партіи Св. Петра на нѣмецкой землѣ и отклонилъ отъ этой земли иго духовнаго абсолютизма.

Сынъ его и преемникъ, Генрихъ V, унаслѣдовалъ отъ отца эту идею, не позаимствовавъ у него ничего иного, присущаго ему, какъ человѣку: ни изъ его человѣческихъ добродѣтелей, ни изъ человѣческихъ заблужденій.

Но прежде нежели обозрѣть его царствованіе, необходимо бросить взглядъ на другія европейскія государства, на достигнутое ими развитіе и на то поразительное движеніе въ пользу Крестовыхъ походовъ, въ которомъ впервые обозначилась яснѣе общность и связь всей европейской жизни.

† Henricus D(e)l Gra(tia) Rex.

Королевская печать Генриха IV. На треть уменьшена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Европейскія вѣ-германскія государства до конца одиннадцатаго столѣтія.

Не одинъ только естественный интересъ къ исторіи своей націи заставляетъ насъ поставить Германію на первый планъ при изображеніи средневѣковаго быта. Германія была, дѣйствительно, серединнымъ государствомъ, и соединеніе нѣмецкой королевской власти съ высшимъ достоинствомъ, какое тогда вообще было въ мірѣ, именно,—съ правомъ носить и римскую императорскую корону,—было, отчасти, слѣдствіемъ преобладающаго могущества Германіи, отчасти же, явнымъ признаніемъ его, заявляемымъ, при случаѣ, и иностранными государями. Но при всемъ допущеніи этого цезарства, какъ фикціи почетной и весьма удобной для напоминанія при разныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ, повсюду развивался націонализмъ и понятіе о національной государственности. Поэтому, прежде нежели идти далѣе, мы должны уяснить себѣ, насколько развилась государственная жизнь въ Европѣ на рубежѣ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій. По общепринятому взгляду, населеніе Европы распадается на три главныя этнографическія составныя части, по сравненію съ которыми остальные занимаютъ лишь второстепенное мѣсто; это:—германская, романская и славянская расы; и тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ общимъ представленіемъ объ европейской жизни, такое раздѣленіе оказывается удобнѣйшимъ. Но при разсмотрѣніи настоящаго, первоначальнаго періода необходимо не упускать изъ вида, что національности, которыя мы зовемъ теперь романскими, образовались подъ влияніемъ болѣе сильныхъ германскихъ элементовъ, господствовавшихъ тогда на Западѣ: въ Италіи, Галліи и Испаніи, и что въ тогдашнемъ европейскомъ мірѣ была еще одна закваска, весьма сильно повліявшая на судьбы юго-западныхъ странъ: Италіи, даже Галліи, но, въ особенноти, Испаніи. Мы разумѣемъ Аравитянъ.

Различныя
части Рим-
ской импе-
ріи.

Основаніе испанской монархіи Карломъ Великимъ (785; 797; 802) положило здѣсь преграду поступательному движенію этого народа. На западѣ, около самыхъ горъ сѣверо-испанскаго побережья, находилось маленькое королевство Астурія, въ которомъ сосредоточились силы христіанскаго населенія. Мало-по-малу, изъ графствъ и герцогствъ образовались, различнымъ

Аравитяне.
Испанія.

путемъ, — путемъ войнъ или раздѣловъ, — нѣсколько государствъ: Леонъ, Кастилія, Наварра, — при чемъ послѣдняя, при Санхо Великомъ († 1035) стала преобладающимъ средоточіемъ христіанской Испаніи. Но по смерти Санхо, это государство снова распалось. Леонъ и Кастилія были соединены, послѣ того какъ послѣдній леонскій король палъ въ битвѣ противъ Фердинанда I (1037), и это государство стало главнымъ на западъ Испаніи, подобно тому, какъ была Арагонія на востокѣ. Этотъ же 1037 годъ былъ роковымъ для омаядскаго калифата на Пиринейскомъ полуостровѣ, подвергнувшася участи всѣхъ магометанскихъ и вообще восточныхъ деспотическихъ государствъ. Въ началѣ XI вѣка правительственная власть была здѣсь такъ ослаблена, что въ Кордовѣ былъ провозглашенъ калифомъ (1016) одинъ изъ принцевъ соперничествовавшего съ царствовавшей династіей дома *Эдризидовъ*, утвердившихся въ сѣверо-западной Африкѣ съ 785 г. Эти внутренніе раздоры магометанъ поощряли христіанъ къ нападеніямъ; но успѣхъ колебался. Въ половинѣ столѣтія аравійская Испанія распалась на множество мелкихъ и весьма ненадежныхъ владѣній, мѣнявшихъ правителей согласно исходу борьбы, благодаря чему королю кастильскому, Альфонсу VII, удалось нанести мусульманамъ тяжелый ударъ, отнявъ у нихъ Толедо. Но свѣтло ислама возсіяло вновь: ратующая правосѣрная секта или свѣжая династія, — Альморавиды или *Морабеты*, — основала въ Марокко новое государство и двинула свои войска на помощь единовѣрцамъ, умолявшимъ о заступничествѣ. Восьмидесятилѣтній вождь, Юсуфъ, переправился съ этой арміей въ Испанію. Онъ встрѣтился съ Альфонсомъ при *Салаккасъ*, на Гвадіанѣ. Но сраженіе было отложено на извѣстный день вслѣдствіе довольно любопытнаго соглашенія: въ пятницу закономъ не дозволялось сражаться мусульманамъ, въ субботу — свреямъ, но причинѣ шабаша, въ воскресенье — христіанамъ. Дѣло было отнесено, поэтому, на понедѣльникъ. Христіане потеряли страшное пораженіе. Съ этимъ временемъ ожесточенной борьбы совпадаютъ геройскіе подвиги великаго христіанскаго воителя, прославленнаго поэзіей, рыцаря Руй-Діаза, прозваннаго *Сидомъ* (властителемъ). Онъ взялъ, въ 1094 г., Валенсію, но по смерти его, въ 1102 году, городъ перешелъ опять во власть Аравитянъ.

Италія.

Что касается древней серединной земли, Италіи, то ея исторія совпадаетъ вполнѣ, съ 476 г. и до начала Крестовыхъ походовъ, съ исторіею Германіи. Двѣ германскія народности, — сначала Остъ-готы, а потомъ Лангобарды, — долго владѣли здѣсь значительною долей страны, и какъ ни мало осталось здѣсь Остъ-готовъ послѣ восточно-римской реставраціи, и какъ ни малочисленны могли быть Лангобарды по отношенію къ туземному населенію, но все же въ Верхней Италіи, какъ между дворянствомъ, такъ и среди поселянъ, было много германской крови. Большія нашествія не повторялись уже послѣ Лангобардскаго. Водвореніе немногочисленнаго норманнскаго рыцарства, или ихъ наемныхъ шаекъ, въ Южной Италіи, не можетъ считаться такимъ нашествіемъ, несмотря на все значеніе этого норманнскаго элемента. Весьма много отдѣльныхъ лицъ германскаго происхожденія переселялись тоже въ Италію, со временъ Карла Великаго, притомъ, большею частью, занимая здѣсь положеніе вліятельное:

то были графы, маркграфы, герцоги, епископы, архіепископы. Этотъ германскій элементъ слился безъ затрудненія съ туземнымъ. Какъ мы уже видѣли, вторженіе Венгровъ и Аравитянъ ускорило этотъ процессъ, облегчавшійся еще общностью вѣроисповѣданія и тѣмъ, что латинскій языкъ былъ общецерковнымъ и культурнымъ языкомъ того времени. Однако, чувство единенія въ Италіи не проявлялось; напротивъ того, эта страна, созданная самою природою для образованія единого государства, раздробилась на мелкія общины, и стремленіе отдѣльныхъ частей къ самостоятельности взяло перевѣсъ надо всеѣмъ. За югъ, Сицилію и области Апулію и Калабрію спорили Греки и Аравитяне, но овладѣли окончательно тою и другою страню не они, а Норманны. Какъ было сказано выше, Робертъ Гискаръ умеръ герцогомъ Апуліи и Калабріи (1085); младшій его братъ, Рожеръ, завоевалъ себѣ (съ 1066) отдѣльныя владѣнія въ Сициліи. Княжества Беневентское, Салернское, Капуанское, мѣняли своихъ влестителей, но оставались самостоятельными; такое же стремленіе къ обособленію господствовало въ остальной Италіи подъ различными формами. Мы упоминали о соперничествѣ города Св. Амвросія съ притязаніями преемниковъ Св. Петра; другіе духовные влестители были также сильно проникнуты духомъ партикуляризма, раздѣляемымъ, обыкновенно, и населеніемъ ихъ владѣній. Большею частью, именно жизненный элементъ городовъ, эгихъ старинныхъ муниципій въ странѣ, былъ насадителемъ того благосостоянія и культуры, которыя развивались, несмотря ни на какія преграды. Каждая изъ этихъ городскихъ общинъ усвоила себѣ — и многія изъ нихъ съ давнихъ поръ — свой особый, обусловленный ея исторіею, характеръ; нѣкоторые города, какъ, напримѣръ, Миланъ, Генуя, Равенна, гордились уже тысячелѣтнимъ прошлымъ; другіе, напротивъ, подобно столь своеобразно развившейся *Венеціи*, поставляли себѣ за честь свою юность. Зародившіеся изъ поселковъ, заложенныхъ обгледцами на безчисленныхъ островахъ устьевъ По, во времена Аттилы и Альбонна, общины, возникшія здѣсь, были вначалѣ вполне демократичными, а потомъ стали соединяться мало-помалу, пока, наконецъ, не образовали настоящаго государства, избравшаго себѣ перваго «дуку» или «дожа» въ лицѣ Паулуччи Анафесто (697). Въ 810 году мѣстопробываніе центральной власти было перенесено на Ріальто, средній и бѣльшій изъ всеѣхъ острововъ, а остальные, меньшіе, превратились какъ бы въ кварталы одного обширнаго города. При постоянной необходимости отражать морскіе разбои, набѣги Истрійцевъ и Аравитянъ, жители выработались въ отличныхъ мореходовъ и къ 1000 г. новый городъ стоялъ уже давно на равной ногѣ съ своими гордыми братьями-городами, основанными еще во времена Римлянъ или Этрусковъ. Царство, достигшее уже высокой степени могущества, было, однако, совершенно неспособно служить единенію различныхъ политическихъ, общественныхъ и національныхъ элементовъ. Римскій духъ обособленности былъ подавленъ въ тяжелой борьбѣ, но не для того, чтобы дать мѣсто итальянской національной политикѣ, а лишь для созданія одной власти надъ властями, — власти, которая возносилась-бы надъ всеѣми народами, и, наконецъ, именно въ силу этой своей всеобъемлемости была осуждена на погибель.

Галлія. Въ Галліи дѣла приняли иной оборотъ, хотя и эта страна включала въ себѣ весьма разнородное населеніе. Основнымъ камнемъ было здѣсь романзированное кельтійское первобытное племя, которое удержалось въ своемъ первоначальномъ видѣ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (напримѣръ, въ Бретани); но жизнь высшихъ сословій, ихъ языкъ и обычай были уже существенно римскими въ то время, когда германскій элементъ вторгся въ страну въ лицѣ своихъ разнообразныхъ представителей: Готовъ, Бургундовъ, Аллемановъ и Франковъ. Мы уже видѣли, какъ всѣ эти народности подѣлились при войнѣ и мирѣ въ Франкскомъ государствѣ и зажили мирными сосѣдями въ возобновленной Карломъ Великимъ Римской имперіи. Къ той связи, которую налажала на нихъ общность религіи и Церкви, присоединился теперь еще государственный строй, заставлявшій епископовъ и мірскія власти сѣзжаться на частые сеймы и приносившій несомнѣнную пользу во всѣхъ отношеніяхъ, пока власть находилась въ рукахъ сильнаго государя. Но борьба сыновей Людовика Благочестиваго еще при жизни его, а потомъ и послѣ его кончины, завершилась Вердѣнскимъ договоромъ, по которому Франція раздѣлилась на восточную и западную, первообразомъ чего было уже прежнее дѣленіе на Австразію и Нейстрію. Въ одной половинѣ соединились племена, говорящія на нѣмецкомъ языкѣ; въ другой преобладалъ, вырабатывавшійся изъ народнаго латинскаго, романскій языкъ, — и романскій укладъ утвердился здѣсь тѣмъ сильнѣе, что третья часть государства, выпавшая на долю Лотарія, Лотарингія, въ которой тоже жило нѣмецкое племя, никогда не оставалась на долгое время въ составѣ Западной Франціи. Но корень карловингской власти сталъ вымирать еще при Карлѣ Лысомъ. Эта власть и лично самъ король не были въ силахъ отразить норманнскихъ морскихъ разбойниковъ, эту язву второй половины девятаго столѣтія. Одно изъ преимуществъ Франціи, ея многоводныя рѣки, текущія по извилистымъ русламъ въ Атлантическій океанъ, оказывалось, на дѣлѣ, крайне гибельнымъ для нея, вслѣдствіе непринятыхъ своевременно мѣръ къ созданію морской силы: эти самыя рѣки служили викингамъ открытыми дорогами для проникновенія внутрь страны. Какъ было выше сказано, уже по смерти Карла Толстаго (888), нѣкоторые вельможи избрали короля изъ другой династіи, однако, Карловинги продержались еще болѣе столѣтія въ Западной Франціи. Мнѣніе, будто бы дѣла шли въ это время здѣсь тѣмъ же чередомъ, какъ и по смерти Хлодвика, не вполне состоятельно: западно-франкскіе короли, потомки Карла Великаго, были вовсе не такими ничтожными, какъ послѣдніе Меровинги; скорѣе въ самой системѣ управленія было нѣчто неизбѣжно ослаблявшее монархію. Лѣнное право сообщало владѣтелямъ большихъ коронныхъ лѣнныхъ помѣстій громадную силу, позволяя имъ подраздѣлять свои владѣнія между множествомъ второстепенныхъ вассаловъ, обязанныхъ подчиненіемъ имъ. Стремленіе къ обособленію, возраставшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ-то: въ Аквитаніи, Бургундіи, питало еще болѣе эту силу и порождаетъ ея высокоуміе крупныхъ вассаловъ. Такъ, уже при второмъ преемникѣ Карла Шлѣшваго, Людовикѣ III, Бургундія отложила и герцогъ ея, Возонъ, былъ провозглашенъ королемъ своими

приверженцами (879). Этому примѣру послѣдоваль, въ 888 г., Рудольфъ: его сторонники въ Сенъ-Морисѣ признали его тоже королемъ надъ горною областью между Юрою и Аппенинскими Альпами, называемою Верхней Бургундіей. Оказывалось, что мѣстные вассалы считали своего непосредственнаго лѣннаго владѣтеля, а никакъ не короля, за дѣйствительнаго повелителя всей страны, и такой же взглядъ обнаружился и въ другихъ большихъ лѣнахъ: Верманда, Шампани, Бретани, Гасконіи, Тулузѣ, Аквитаніи, подробная исторія которыхъ, по всей вѣроятности, должна быть любопытнѣе, какъ болѣе поучительная, чѣмъ исторія Западной Франціи въ ея общемъ составѣ. Въ 911 г. къ этимъ королевствамъ прибавилось еще одно новое: противъ графа Парижскаго, котораго, послѣ смерти Карла Толстаго, часть знати выбрала въ короли, былъ выставленъ другою партіей, — или заговорщиками, во главѣ которыхъ стояло опять духовное лицо: реймскій архіепископъ Фулькъ, — Карловингъ Карлъ, признанный, по смерти Одона въ 898 году, единовластнымъ королемъ. Этотъ Карлъ рѣшился на отчаянную, но удачную мѣру, чтобы избавиться отъ норманнскихъ нападений: онъ предложилъ грозному вождю норманновъ, Роллону, всю нижнюю область Сены, какъ западно-французское лѣнное герцогство. Роллонъ принялъ христіанство съ именемъ Роберта, герцога Норманскаго, и вступилъ въ бракъ съ одною изъ королевскихъ дочерей. Норманнскіе набѣги, дѣйствительно, здѣсь прекратились. Не стоитъ слѣдить далѣе за борьбою и интригами въ Лотарингіи, продолжавшимися при Карлѣ и его преемникахъ, Лудовикѣ IV и Лотаріѣ, и усложняемыми борьбою съ претендентами на престолъ; эти смуты не могли служить къ упроченію королевской власти и когда, въ 987 году, умеръ сынъ и преемникъ Лотарія, Лудовикъ V, прозванный исторіею Лѣвивымъ, за то, что онъ въ теченіе своего одногодняго царствованія (мартъ 986—май 987) не имѣлъ случая совершить ничего хорошаго или дурного, подготовленное заранѣе собраніе провозгласило королемъ герцога Гугона, владѣвшаго *Франціей*, областью при средней Сенѣ, съ городомъ Парижемъ; вскорѣ вельдъ за тѣмъ онъ и былъ коронованъ въ Реймѣ архіепископомъ Адальберомъ. Герцогъ Карлъ Лотарингскій, получившій свое герцогство, какъ лѣнь, отъ нѣмецкаго короля, былъ послѣднимъ изъ Карловинговъ; при посредствѣ весьма обычнаго въ то время предательства, онъ былъ выданъ новому королю и вскорѣ умеръ въ заточеніи.

Гуговъ Капетъ (987—996)—такое прозвище могло происходить отъ одежды монашествующихъ аббатовъ, хотя соотношеніе тутъ все же остается не выясненнымъ — былъ родоначальникомъ цѣлаго ряда государей. Привилегіи и полученное уже въ даръ оставалось за вельможами, избравшими короля, и онъ, въ сущности, былъ лишь первымъ среди сорока большихъ и множества мелкихъ магнатовъ; однако, въ то время, какъ владычество Каролинговъ было вынуждено ограничиваться однимъ только городомъ Ланомъ, Гуговъ увеличилъ силы короны придачею ей хорошаго удѣла, герцогства Франціи, лежавшаго по обѣ стороны средней Сены, въ условіяхъ самыхъ благоприятныхъ для основанія сильнаго государства. Въ 996 г. ему наследовалъ безпретятвенно его сынъ, Робертъ, принцъ образованный и набожный въ духѣ того времени. Сохра-

Капетингг.
987.

нилось преданіе, что онъ допустилъ безнаказанно срѣзать золотыя галуны съ своей царской мантии, выражая то мѣнѣе, что они, по всей вѣроятности, болѣе нужны вору, нежели ему, королю. Онъ совершалъ не менѣе трехъ паломничествъ къ Св. Гробу. Его правленіе было полезно, по крайности, своею продолжительностью (996—1031), давшіею населенію возможность привыкнуть къ новой династии. Ему наследовалъ сынъ его, Генрихъ I, коронованный въ Римѣ (1027) еще при жизни отца и тоже долго царствовавшій (1031—1060). При немъ, какъ уже сказано выше, королевство Бургундія перешло къ нѣмецкой коронѣ (1032). За столѣтіе предъ тѣмъ (930), оба государства по сю и по ту сторону Юры составили одно, именовавшееся Арелатскимъ, отъ своего главнаго города Арля. Приблизительно во время вышеупомянутаго перехода, обнаружилось движеніе въ пользу установленія «мира Божія», которое привело по крайней мѣрѣ къ обезпеченному самою Церковью перемирію и извѣстному упорядоченію военныхъ обычаевъ. Весьма характерно для обозначенія слабости королевской власти то обстоятельство, что эта «*Trenga Dei*» не признавалась вначалѣ именно Франціей. Но какъ ни слаба была эта королевская власть, все приходило къ убѣжденію въ ея необходимости. Намъ извѣстны ея многочисленныя, часто неудачныя, столкновенія съ надменными вассалами, не подчинявшимися королевскимъ рѣшеніямъ; но до насъ не дошло свѣдѣній объ еще болѣе многочисленныхъ случаяхъ, при которыхъ короли упрочивали правовыя отношенія, рѣшали спорныя дѣла и вообще трудились на пользу государства; нѣтъ этихъ свѣдѣній, потому что память человѣческая хранитъ лишь то, что выступаетъ изъ обычнаго теченія жизни. Въ 1059 г., на многочисленномъ съѣздѣ, въ присутствіи самого короля, былъ избранъ или признанъ королемъ его сынъ *Филиппъ*, — но о дѣйствительномъ избраніи, даровавшемъ прежде такой титулъ, не было уже рѣчи. Филиппъ I (1060—1108) былъ, лично, не замѣчательнѣе своихъ двоихъ предшественниковъ. Его царствованіе составляетъ какъ бы параллель къ почти одновременному съ нимъ царствованію нѣмецкаго короля Генриха IV: вступивъ на тронъ еще несовершеннолѣтнимъ, принявъ бразды правленія еще въ юности, Филиппъ какъ и Генрихъ, предался всякимъ увлеченіямъ, и подобно ему же, подвергся тоже тяжкому столкновенію съ Григоріемъ VII. Церковныя реформы и безпощадная требовательность Григорія возбуждали во Франціи неудовольствіе и смуту: Григорій изображалъ положеніе страны въ самыхъ несдержанныхъ выраженіяхъ, позоря короля. По смерти Григорія, Филиппъ довелъ свой вольный образъ жизни до того, что повѣнчался съ анжуйскою графиней Фулько при жизни своей законной жены (1092), за что навлекъ на себя церковное отлученіе, которое было подтверждено папой Урбаномъ II на знаменитомъ Клермонскомъ соборѣ, въ 1095 г. Король избавился отъ этой кары лишь въ 1104 г., выказавъ самую уничиженную, но и весьма лицемѣрную покорность. Въ теченіе его царствованія произошли два замѣчательныя событія: завоеваніе Англии могущественнѣйшимъ изъ французскихъ вассаловъ, норманскимъ герцогомъ Вильгельмомъ II (1066), и начало Крестовыхъ походовъ, мысль о которыхъ нашла себѣ именно здѣсь, во Франціи, самую благодарную почву (1096).

Первое изъ этихъ событій относится къ исторіи Франціи, потому что норманнскіе завоеватели принадлежали къ новой народности, образовавшейся изъ романскихъ и германскихъ элементовъ на галльской землѣ, и потому еще, что новое положеніе бывшаго вассала, ставшаго государемъ, совершенно измѣняло отношенія его и преемниковъ его къ ихъ лѣнному властителю. Для Англіи же этотъ захватъ имѣлъ значеніе полнаго переворота въ ея внутреннемъ строѣ.

Британскіе острова вошли позже другихъ европейскихъ странъ въ составъ Римскаго государства и отдѣлились отъ него ранѣе и полнѣе прочихъ. Въ стоявшихъ здѣсь римскихъ легіонахъ было уже много германцевъ. Многочисленныя государства, основанныя на островѣ Англо-Саксами, еще начиная съ конца V столѣтія, среди борьбы съ туземнымъ племенемъ Бритовъ, были чисто-германскими, и религія побѣжденныхъ, христіанство, подвергалась жестокому преслѣдованію со стороны пришельцевъ. Но, по минованіи бури, когда кельтійско-римскій элементъ былъ изгнанъ или подавленъ, христіанство быстро возродилось въ странѣ, еще въ VI столѣтіи, благодаря умѣренному и разумному дѣйствию миссій, направляемыхъ папою Григоріемъ I. Побѣдители Англо-Саксы обратили тоже свои взоры къ общему оракулу, римской святинѣ, которую одинъ новѣйшій писатель называетъ довольно удачно средневѣковыми Дельфами. Христіанство внесло за собой и культуру; въ монастыряхъ Мерси и Нортумберлэнда читали Цицерона и Виргилія, и имена высокочтимыхъ Беды, Винфрида, Алкуина, Скота Эригена свидѣтельствуютъ о такомъ соотношеніи религіи съ просвѣщеніемъ. Въ народѣ былъ сильно развитъ демократическій элементъ, истекавшій изъ равенства воиновъ, обратившихся въ поселанъ; однако, рядомъ со знатью, «высокородными», существовавшими здѣсь, какъ и у материковыхъ Саксовъ, создавалось лѣнное или служилое дворянство, и епископы укрѣпляли этотъ аристократическій элементъ, устранили вмѣшательство Карла и управляли королями, выступая въ собраніяхъ (витенагемотъ) въ качествѣ «витановъ» или «мудрецовъ». При Экбертѣ, королѣ Уэстсэкса и Суссэкса, многовластіе на островѣ перешло въ единовластіе, и королевство приняло названіе *Англіи* († 836).

Но и этотъ островъ—онъ даже ранѣе другихъ—подвергался нападѣніямъ Норманновъ, наводившихъ здѣсь ужасъ подъ именемъ Датчанъ, и такая борьба двухъ германскихъ племенъ, длившаяся въ теченіе шести поколѣній, сильно вредила росту юной англо-саксонской цивилизаціи. Въ 871 г. на престолъ вступилъ благородный, замѣчательный государь, Альфредъ Великій. Онъ вытѣснилъ Датчанъ и спасъ христіанское ученіе, выикая въ него съ достойною любознательностью; съ трудомъ усвоилъ онъ его себѣ, но за то исполнилъ. Тѣ Норманны, которые оставались въ Англіи, тоже приняли христіанство, при чемъ Альфредъ надѣялся на ихъ помощь для отраженія новыхъ нашествій ихъ соплеменниковъ. Но послѣ его смерти (901) Датчане нагрянули снова. Второй преемникъ Альфреда, король Этельредъ, рѣшился отдѣлаться отъ нихъ, напавъ на нихъ врасплохъ (1002), но эта отчаянная, кровопролитная попытка, стоившая, безъ сомнѣнія, многихъ страшныхъ жертвъ сбѣгимъ сторонамъ, послужила, въ результатъ, лишь къ привлеченію новыхъ мстительныхъ шаекъ

Британія.

Бриты и
Англо-
Саксы.Англо-Саксы
и Датчане.

на островъ. Такъ, въ 1013 г. прибылъ въ Англiю, съ огромнымъ полчищемъ, престарѣлый король Свѣнъ, язычникъ, который покорилъ всю страну. Съ его смертiю наступило лишь короткое перемирiе; сынъ Свѣна, Кануть, довершивъ завоеванiе, обратилъ весь островъ въ провинцiю своего обширнаго государства. Этельредъ умеръ въ Лондонѣ, во время этого датскаго нашествiя (1016). Устранивъ его сына, молодого Эдмунда, Кануть короновался въ Лондонѣ и заключилъ съ англо-саксонскою знатiю союзныя договоры, которые соблюдать. Грозныя опустошенiя страны прекратились; Кануть былъ христiанинъ и поставлялъ себѣ за честь завязывать тѣсныя сношенiя съ христiанскою и цивилизованною Европой. Какъ было нами упомянуто, онъ присутствовалъ при коронаванiи Конрада II въ Римѣ. Онъ жилъ, окруженный своею гвардiей, «гусцеорласами», состоявшей изъ 3—6,000 человекъ, но страна осталась спокойною и по возвращенiи его въ Данiю. Мирныя занятiя возобновились повсюду и благосостоянiе улучшалось. Кануту удалось великое дѣло, не повторявшееся уже впоследствии: онъ объединилъ весь Сѣверъ Европы; даже сѣверное государство на островѣ, Шотландiя, покорилось ему незадолго до его смерти, постигшей его въ Англии въ 1035 г., послѣ восемнадцатилѣтняго счастливаго царствованiя. Но соединенiе столькихъ земель и коронъ не могло быть продолжительнымъ. Въ Англии престоломъ распоряжалась знать, датская и англо-саксонская, и когда въ 1042 г. умеръ второй изъ сыновей и преемниковъ Канута, *Гартикануть*, эти вельможи призвали на царство сына Этельредова, *Эдуарда*, благочестiе котораго и покровительство духовенству заслужили ему отъ этого послѣдняго наименованiе «Исповѣдника». Такимъ образомъ, былъ восстановленъ родъ старинныхъ саксонскихъ королей, но Эдуардъ не выказалъ твердости; онъ не сумѣлъ прекратить столкновенiй между нѣкоторыми магнатами, кентскимъ графомъ Годвиномъ и мерсейскимъ Леофрикомъ. Умирая въ январѣ 1066 г. и будучи бездѣтнымъ, онъ назначилъ своимъ преемникомъ Гаральда, сына Годвинова. Этотъ Гаральдъ успѣлъ справиться съ враждебною ему партiею въ сѣверныхъ графствахъ, но съ юга ему грозила большая опасность въ лицѣ старинныхъ враговъ Англии, Норманновъ, явившихся теперь лишь въ иномъ видѣ и изъ слишкомъ близкаго сосѣдства, именно съ противоположащаго галльскаго берега, притомъ съ цѣлью довершить покоренiе Англии, какъ бы завѣщанное имъ ихъ предками.

Норманны.
Вильгельмъ-
Завоеватель
1066.

Норманны, утвердившиися въ Нормандiи, были въ извѣстной степени весьма просвѣщенный народъ: изъ пиратовъ-язычниковъ они обратились въ рыцарей - христiанъ, усвоили языкъ и нравы высшихъ галльскихъ сословiй и, какъ уже объяснено выше, тѣсно примкнули къ новому церковному направленiю и къ партii Св. Петра. Ихъ настоящiй герцогъ, Вильгельмъ II, былъ одушевленъ тѣмъ же честолюбiемъ, какъ и тѣ счастливые соплеменные ему искатели приключенiй, которые завоевали въ это время Южную Италию; и совѣсть его была столь же покладиста, какъ у нихъ. Подобно имъ же, онъ былъ въ тѣсномъ союзѣ съ партiей Гильдебранда, главы и вожака сторонниковъ церковной реформы. Дѣло не ставилось и за подысканiемъ благовидныхъ предлоговъ для нападениа, насколько таковыя могли требоваться духомъ того времени: въ бытность

Гаральда въ Нормандіи, Вильгельмъ вынудилъ у него нѣкоторыя обязательства. Онъ собралъ теперь войско, которому прислалъ знамя самъ папа Александръ II. При новыхъ притязаніяхъ Церкви, она лишь выигрывала отъ возникновенія всякихъ насилій, которыя нуждались въ ея напутствіи. Норманны высадились въ Англіи въ сентябрѣ 1066 г., въ то время, когда Гаральдъ былъ еще занятъ на сѣверѣ; въ арміи Вильгельма насчитывалось не менѣе 60,000 ч.; къ ней присоединилось множество надкихъ на добычу искателей счастья, при пріемѣ которыхъ не стѣнялись ихъ прошлымъ. По старо-норманнской системѣ, войско заложило укрѣпленіе у Гастингса, близъ котораго высадились, и совершало отсюда опустошительныя набѣги на всю окрестность. Гаральдъ посѣвшиль возвратиться, но, по-видимому, слишкомъ торопливо пошелъ на враговъ, не стянувъ къ себѣ предварительно всѣ боевыя, притомъ превосходныя силы, на которыя могъ разсчитывать. Въ нѣсколькихъ миляхъ внутрь страны, при мѣстечкѣ, носящемъ теперь названіе Батль-Абби, произошла великая битва двухъ германскихъ армій. Военная хитрость, — притворное бѣгство, — сломила твердые ряды Англо-Саксовъ, уже одерживавшихъ верхъ, но теперь пораженныхъ съ тыла самою страшною боевою силою герцога Вильгельма, его конницей. Саксы бились съ отчаянною храбростью, даже когда потеряли всякую надежду на успѣхъ; самъ король ихъ пасть, и его обезображенный трупъ былъ лишь съ трудомъ отысканъ на полѣ сраженія на слѣдующій день, среди тысячи другихъ тѣлъ. Эта одна битва порѣшила дѣло завоеванія, такъ какъ англо-саксы лишились своего связующаго центра въ лицѣ своего короля, хотя борьба и продолжалась еще довольно значительное время отдѣльными стычками. Это сопротивленіе, хотя упорное, но разрозненное, не могло устоять противъ могучихъ боевыхъ силъ, благодаря которымъ самъ Вильгельмъ лично могъ даже пребывать большею частью въ Нормандіи. Онъ раздѣлилъ островъ на 60,215 лэндовъ, изъ которыхъ самъ новый король удержалъ за собой 1,400, раздавъ ихъ потомъ своимъ служилымъ людямъ; не менѣе 28,015 были приписаны къ церковнымъ владѣніямъ или остались въ числѣ ихъ по-прежнему. Остальное принадлежало (около 700) баронамъ, которые въ свою очередь подраздѣлили эти земли между своими собственными вассалами. Самый достопримѣчательный документъ древнѣйшей англійской исторіи, «перечисная книга земель» (Dooms-day-book), излагаетъ въ подробности громаднѣйшій переворотъ, произведенный такимъ образомъ въ территориальныхъ отношеніяхъ и возникшій именно въ сказанное время, при чемъ въ «книгѣ» приводятся имена владѣльцевъ и обществъ съ исчисленіемъ всего причитавагося имъ имущества, въ томъ видѣ и объемѣ, которые были установлены норманнскимъ завоеваніемъ. Новый король вознаграждалъ всяческія заслуги: такъ, его любимый музыкантъ, менестрѣль или потѣшникъ, получилъ въ даръ помѣстье въ Глосестершайрѣ *).

Король Вильгельмъ предъявлялъ своего рода права на корону, и воцареніе его совершилось какъ-бы въ силу избранія, происходившаго въ Лондонѣ (1066); онъ выказывалъ тоже, сначала, нѣкоторую умѣренность,

Владычество Норманновъ.

*) Percy. Reliques of Ancient English Poetry. 1, 24.

по сопротивленію и возстанію, возникшія уже послѣ окончательнаго его признанія, дали ему поводъ къ обширнымъ конфискаціямъ земель, при чемъ новое распрѣдѣленіе этихъ послѣднихъ уже вполне утвердилось чужеземное господство. Даже аббаты и епископы англійской національности были смѣщены и завоеватель могъ рѣшиться на это, не боясь ссоры съ Григоріемъ VII, которому было не подъ силу бороться съ норманнскими деспотами. Это чужеземное иго было крайне тяжело; особенно характерны были лѣсные законы: за убіеніе оленя или кабана виновный подвергался ослѣвленію, потому что король любилъ крупную дичь по-отечески, по выраженію одного лѣтописца. Онъ извлекалъ большіе доходы съ земли, употребляя часть этихъ доходовъ на содержаніе иностранныхъ наемниковъ. Кроткое управленіе Канута Великаго покончилось съ устраненіемъ датской династіи. Вильгельмъ не хотѣлъ подвергать такой опасности себя или своихъ наслѣдниковъ; поэтому, хотя феодальная система и проводилась имъ въ Англій со всею строгостью, но принимала черты совершенно инныя, нежели во Франціи, гдѣ она сводила почти на ничто монаршую власть. Самые крупныя лѣны, дарованныя Вильгельмомъ своимъ баронамъ, далеко уступали, какъ по объему, такъ и по значенію, большимъ лѣнамъ французской короны; сверхъ того, Вильгельмъ ввелъ новый, весьма важный законъ, согласно которому, вмѣсто одной присяги, приносимой каждымъ вассаломъ только своему непосредственному господину, король требовалъ, въ Салисбери, въ 1085 г., присяги ему, королю, не только отъ своихъ главныхъ вассаловъ, но и отъ тѣхъ второстепенныхъ, которые присягали этимъ послѣднимъ. Управленіе норманнскихъ бароновъ было, вообще, крайне суровое и тяжелое. Если быстрое покореніе Англій зависѣло, отчасти, отъ того, что въ ней было мало замковъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, то потомъ страна не могла жаловаться на недостатокъ въ нихъ. Повсюду возвышались огражденные стѣнами замки норманнской знати, соединившей въ себѣ все высококомфрѣ лишь вѣнше-пріобрѣтеннаго доска со всею грубостью воинской касты хищническаго народа. Эти люди говорили на чуждомъ языкѣ, ввели его и въ свое судопроизводство, что совершенно разъединяло ихъ съ туземнымъ населеніемъ и дворянствомъ, которое слосило иноземное иго молча, но съ неуклонною злобою. Одно только благо принесли съ собою Норманны: они не допускали ничьихъ постороннихъ разбоевъ на островахъ. Не было болѣе слышно о набѣгахъ Норвежцевъ или Датчанъ, прекратились также тѣ распри частныхъ лицъ, которыя порѣшались, обыкновенно, мечомъ; дороги стали безопасными; говорилось, что теперь «даже дѣвушка съ мѣшкомъ золота можетъ пройти нетронутой чрезъ все королевство». Нельзя, однако, приписывать слишкомъ большого цивилизаторскаго значенія правительству, которое опустошило цѣлый округъ близъ Винчестера, ради устройства здѣсь королевскаго охотничьяго загона; о гибельныхъ послѣдствіяхъ завоеванія говорятъ и точныя цифры, которыя заимствуемъ для примѣра: изъ 1607 домовъ, которые насчитывались въ Йоркѣ, во времена Эдуарда Исповѣдника, Англія въ «Переписной книгѣ земель» показываетъ уже лишь 967; въ Оксфордѣ изъ 721 оставалось 273; въ Честерѣ изъ 487 только 205.

Вильгельмъ умеръ въ 1087 г., въ Руанѣ. Саксы были такъ уничтожены, что не подумали о возстановленіи правъ отрасли своей племенной династіи или сыновей Гаральда, и младшій сынъ завоевателя, Вильгельмъ II Рыжій, могъ безпрепятственно унаслѣдовать королевскую корону (1087—1100), между тѣмъ какъ старшій, менѣе способный, Робертъ, получилъ Нормандію. Споры двухъ братьевъ представляютъ интересъ лишь въ томъ отношеніи, что они побудили англійскаго короля къ войнѣ съ французскимъ, какъ верховнымъ ланнимъ государемъ Нормандіи. По второму норманнскому королю было суждено скоро умереть, хотя онъ былъ еще молодъ: ему исполнилось всего 40 лѣтъ. Охотясь однажды въ Винчестерѣ, онъ отсталъ какъ-то отъ своей свиты, а вечеромъ нашли его трупъ, пронзенный стрѣлою: неизвѣстный убійца, вѣроятно, былъ саксонецъ. Вильгельмъ II оставилъ по себѣ нехорошую память, даже между норманнами; преемникомъ его былъ меньшой братъ, Генрихъ I, который издалъ нѣчто въ родѣ прокламацій или обязательствъ, принимаемыхъ имъ на себя при избраніи, и согласно которымъ онъ обѣщаль уничтожить всѣ злоупотребленія предыдущаго царствованія. Онъ одержалъ верхъ надъ своимъ старшимъ братомъ Робертомъ, который, возвратясь изъ Крестоваго похода, заявилъ притязаніе на англійскую корону, но, послѣ долгой борьбы, Генрихъ отялъ у него и Нормандію. Въ 1120 году, одолѣвъ всѣхъ своихъ враговъ, онъ отплылъ обратно въ Англію, послѣ долгаго пребыванія во Франціи; но этотъ переѣздъ былъ несчастливъ: судно, на которомъ былъ сынъ и наслѣдникъ Генриха, Вильгельмъ, потерпѣло крушеніе и принцъ былъ въ числѣ погибшихъ. Другихъ правоспособныхъ сыновей у Генриха не было, и онъ задумалъ передать корону дочери своей, Матильдѣ, вдовѣ императора Генриха V, вступившей во второй бракъ съ Годефруа, графомъ Анжуйскимъ. Генрихъ I умеръ въ 1135 году. Возникъ споръ о наслѣдствѣ, несмотря на принесенную уже Матильдѣ присягу на вѣрность ей и ея потомству, и разрѣшился въ пользу племянника Генрихова, Стефана Блуасскаго. Положеніе покореннаго населенія и вся тягость иноземнаго господства мало измѣнились: завидѣвъ двухъ или трехъ всадниковъ, въѣзжавшихъ вмѣстѣ въ селеніе, народъ разбѣгался, и между Саксами вошло въ поговорку, «что, несмотря на ихъ горячія молитвы, бѣдствію ихъ нѣтъ конца, потому что Христосъ почилъ со своими святыми»*).

Событія 1066 года имѣли своимъ несомнѣнно благоприятнымъ послѣдствіемъ то, что Англія вновь, и прочтѣ чѣмъ когда-либо, была вовлечена въ обще-европейскую жизнь; произошло это на политико-экономической почвѣ, посредствомъ ланной системы, господствовавшей на материкѣ и введенной съ полной послѣдовательностью и здѣсь, притомъ въ области церковной, такъ какъ новые короли, вмѣстѣ съ норманнскимъ дворянствомъ, вращались въ томъ кругу іерархическихъ идей, которые преобладали въ Римѣ и оттуда мощно распространялись повсюду. Самымъ вліятельнымъ лицомъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ былъ никто иной, какъ возведенный имъ въ санъ архіепископа кентерберійскаго, Ланфранкъ, авторъ сочиненія «*Liber de corpore et sanguine Domini*», великій догма-

Преемникъ Вильгельма I.

Сочетаніе судебъ Франціи и Англій.

*) Hallam. State of Europe during the Middle Ages. II, 101.

тикъ и діалектикъ своего вѣка, установившій столь важное для церковнаго господства и новаго направленія того времени ученіе о пресуществленіи Тѣла и Крови Христовой. Особенно многозначительно было это возсоединеніе Англій съ материкомъ потому, что оно происходило именно въ тотъ моментъ, когда европейская жизнь и ея руководящія сферы, рыцарское ланное дворянство и духовенство, проявляли такой сильный подъемъ духа, благодаря Крестовымъ походамъ.

Сканди-
навія.

Та группа германскихъ народностей, которая носитъ названіе скандинавской, не участвовала въ этомъ взаимно-плодотворномъ общеніи съ другими странами. Держась только своихъ родныхъ земель, Даніи, Швеціи, Норвегіи, эти народности оставались чуждыми теченію обще-европейской жизни, и отдѣлившіеся отъ основнаго скандинавскаго корня соплеменные имъ южно-италійскіе и сѣверо-франкскіе Норманны оказывали весьма ничтожное вліяніе на свою первоначальную родину. На такъ-называемомъ, Скандинавскомъ полуостровѣ, на островахъ и въ Ютландіи финское населеніе было вытѣснено германскимъ, которое жило здѣсь отдѣльными племенами, подъ главенствомъ старшинъ или царьковъ, до тѣхъ поръ, пока разработка скудной отъ природы земли не оказалась недостаточной для пропитанія умножавшагося населенія и не заставила его — или значительную его часть — искать себѣ добычи на морѣ. Изъ трехъ группъ или образовавшихся странъ: Даніи, Швеціи и Норвегіи, первая была счастливѣе прочихъ; какъ мы уже видѣли, ея владѣтели принимали непосредственное участіе въ саксонской войнѣ Карла, а датскаго короля Гаральда встрѣчаемъ при дворѣ Людовика Благочестиваго, при чемъ онъ принимаетъ крещеніе въ Майнцѣ. Но вынесенное имъ отсюда сильное впечатлѣніе, какъ его описываетъ поэтъ этого двора, было непродолжительно: Гаральдъ снова впасть въ язычество; въ 841 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ императора Лотарія противъ его брата, уже какъ язычникъ. Наступившая вслѣдъ за тѣмъ кровавая эпоха морскихъ набѣговъ не способствовала, однако, къ укрѣпленію единства въ Даніи и къ усиленію ея могущества; лишь въ концѣ столѣтія, король зеландскій, *Гормъ*, уже старецъ, добился какъ бы верховенства надъ прочими королями. Его домъ, происходя изъ совершенно языческой страны, искоренилъ вновь (около 890 г.) всѣ скудные зачатки христіанства, посѣянные здѣсь нѣмецкими Гамбургскими епископами. Мы указали уже выше на старанія королей и императоровъ саксонской династіи о распространеніи христіанства по ту сторону Эльбы и на встрѣчаемыя ими къ тому препятствія. Лучшее будущее наступило для Датчанъ лишь при Канутѣ Великомъ, который, завоевавъ Англію, сталъ, по смерти своего брата, и датскимъ королемъ (1018), соединивъ подъ своею державой, на извѣстное время, всѣ сѣверныя государства: Норвегію, Швецію и Англію съ Шотландіей. Благодаря ему, восторжествовало христіанство. Но при его преждевременной смерти (ему не было еще сорока лѣтъ) созданное имъ могущество рушилось и въ Швеціи, гдѣ, въ началѣ столѣтія, король Олафъ (1008 г.) принялъ христіанство, снова взяло верхъ поклоненіе Одину и Тору. Общая святыня главныхъ составныхъ частей населенія, Готовъ и Шведовъ, сохранилась въ уваженіи въ Упсалѣ. Норвегія, въ которую ввелъ хри-

стіанство *Олафъ Тривессъ Младшій*, въ концѣ X вѣка, перешла, по смерти Канута (1035 г.), къ его сыну *Магнусу*, попытавшемуся возстановить все могущество своего отца, но умершему вскорѣ, въ 1047 году, успѣвъ, однако, приобрести преобладаніе и въ Даніи; на престолъ ея вступилъ теперь племянникъ Канута, *Свендъ Эстритсонъ*; королевская власть осталась, съ этихъ поръ, за домомъ этого Свенда. Около того же времени, въ Швеціи воцарился одинъ графъ, родственникъ стараго королевскаго дома, Стенкиль, династія котораго тутъ упрочилась. Борьба между христіанствомъ и язычествомъ продолжалась еще здѣсь съ переменнымъ счастьемъ, и стремленія Григорія VII, ревность и честолюбіе котораго простирались и на эти отдаленныя страны, не вознаграждались, пока, осязательными успѣхами. Правы оставались языческими; попрежнему были въ обычаѣ кровомщеніе и жестокое рабство; свободные поселяне составляли народъ; между ними и королемъ не стояло ни дворянства, ни духовнаго сословія, и народъ на своихъ собраніяхъ (тингъ) порѣшалъ свои дѣла по старому праву. Ранѣе другихъ возникло дворянство въ Швеціи, но и оно, въ виду вооруженнаго населенія, не могло пользоваться никакою силою. Причиною того, что жизнь въ этихъ сѣверныхъ странахъ удерживала столь долго демократическую окраску въ противоположность направленною германской и романской Европы, было, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что вооруженныя переселенія и морское разбойничество, занимавшее нѣсколько поколѣній подрядъ, не только отвлекали изъ родины лицъ, призванныхъ быть вождями, но и позволяли каждому энергичному человѣку бѣжать отъ всякихъ бѣдствій и притѣсненій на родинѣ, присоединясь къ одному изъ этихъ «морскихъ владыкъ». Эти выходцы, вторгаясь во Францію, Италію, Англію, образовывали тамъ властвующее сословіе. Въ томъ же IX столѣтіи, другія толпы Норманновъ направились въ Исландію; нѣкоторые смѣльчаки проникли даже въ Гренландію и сѣверо-восточныя части Америки.

Въ настоящее время, мы слишкомъ склонны приписывать успѣшность человѣческаго прогресса тому, что называется національнымъ чувствомъ. Во всякомъ случаѣ, національное чувство содѣйствуетъ успѣхамъ культуры лишь при соединеніи своемъ съ извѣстнымъ гуманнымъ направлениемъ,—болѣе или менѣе яснымъ сознаниемъ общности всѣхъ народовъ въ отношеніи ихъ этическихъ цѣлей. И вѣчно заслугою христіанской Церкви останется то, что она, среди мрака тѣхъ столѣтій, пробуждала и распространяла это сознаніе между народами. Какъ бы ни были велики суевѣріе, эгоизмъ и фанатизмъ, порожденные властолюбіемъ Церкви и пущенные въ ходъ западнымъ монашествомъ, но все же несомнѣнно, что движеніе на пользу реформъ, названное нами ключіи́скимъ, (по имени аквитанскаго монастыря Ключи), частью осуществило прогрессъ, частью хотя возвѣстило его и приготовило ему путь. Величественный идеализмъ, проявившій себя въ идеѣ «мира Господня» и поборовшій, на этой почвѣ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, насилие и распри, укоренившійся какъ нѣчто обычное, проявляется, хотя смутно и съ примѣсю многихъ нечистыхъ элементовъ, и въ другихъ требованіяхъ этой партіи, занявшей господствующее положеніе среди западно-европейскаго общества въ концѣ XI вѣка; таково уничтоженіе симоніи и николаизма, хотя, при этомъ, про-

Общее
развитіе
Европы.

тивники симоніи, со всею необузданностью непросвѣтленнаго наукою, неспособнаго къ обобщеніямъ ума и расширяли понятіе о ней до того, что лишили свѣтскую власть достоинства и благородной самостоятельности, и требуя безбрачія духовенства, обнаруживали весьма грубой, не библейскій и не христіанскій взглядъ на суиружество, при чемъ поощряли не столько истинную нравственность, сколько лицемѣрную добродѣтель аскетовъ. Мощный размахъ, сообщенный движенію сильною и, во многихъ отношеніяхъ, выдающеюся личностью Григорія VII, придавалъ идеѣ нѣчто отважное, воинственное, ободряющее къ борьбѣ; можетъ быть также, что воинственный духъ мірскихъ сферъ, погруженныхъ въ неустанныя распри и войны, отражался, въ свою очередь, на церковномъ движеніи; событія же, происходившія, между тѣмъ, на Востокѣ, указали этому общему, воинственному подъему духа на достойную цѣль — отвоеваніе Святой Земли. Это отвоеваніе составляетъ вѣнецъ величаваго зданія, задуманнаго могучимъ умомъ Гильдебранда. Съ сокрушеніемъ видѣлъ онъ старанія дьявола исторгнуть христіанъ тамъ, за морями, изъ лона католической Церкви, и потому не усомнился посулить неувядаемую славу всѣмъ, которые захотѣли бы отправиться за эти моря, въ качествѣ воиновъ Царя Небеснаго*).

Славянскія
земли.

Широко-распространенное и многочисленное племя славянское дѣлилось издревле, по составу языка своего, на двѣ большія вѣтви: *западную* и *восточную*. Западная вѣтвь, ближе примыкавшая къ Европѣ, получила отъ нея и христіанство, въ видѣ католицизма, и первые начатки цивилизаціи. Мы можемъ здѣсь добавить лишь немного къ тому, что было сказано мимоходомъ о Западныхъ Славянахъ въ германской исторіи.

Замѣтимъ о Западныхъ Славянахъ, что всѣ ихъ попытки образовать одно общеславянское государство оказывались тщетными: Моравское государство, основанное Святополкомъ въ X столѣтіи, снова распалось и стало добычею Нѣмцевъ и Венгровъ; остатокъ его, нынѣшняя Моравія, соединилась съ Богеміей, дѣля съ нею ея судьбы; великіе замыслы Болеслава I (ум. 1025 г.) о созданіи могущественной христіанской Славоніи тоже не осуществились. Учлѣбли только два главные государства: Польша и Богемія, оставшіяся самостоятельными, и въ Богеміи, въ 1053 году, герцогъ Бретиславъ установилъ законъ престолонаслѣдія, по которому власть должна была всегда переходить нераздѣльно къ старшему сыну. Въ обѣихъ этихъ земляхъ былъ введенъ нѣкоторый государственный порядокъ и побѣда католической Церкви стала неоспоримой, вслѣдствіе чего западное славянство, въ противоположность восточному, было затронуто историческими событіями послѣдующихъ вѣковъ, направившими западно-европейскій міръ на новые пути.

I. Древнѣйшая исторія Славянъ восточныхъ.—Образованіе Русскаго государства на Сѣверѣ и на югѣ.—Утвержденіе христіанства на Руси.

(862—988).

Первыя
извѣстія
о Руси.

Не то было съ *восточною* вѣтвью славянскихъ народовъ. Въ то время, когда Средняя Европа была занята борьбою первыхъ Каролинговъ и всѣ

*) Jaffé, Monumenta Gregoriana II, 37. Стр. 101.

ея страны болѣе или менѣе принимали въ ней участіе, въ то время, когда импство, быстро возрастая въ могущество, начинало оказывать весьма сильное вліяніе не только на духовную, но и на политическую жизнь Европейскаго Запада, у Восточно-Римской имперіи явился новый и весьма опасный врагъ, съ которымъ ей приходилось серьезно считаться... Врагъ этотъ были *Руссы* или *Русь*—народъ славянскаго племени, родственнаго Чехамъ, Ляхамъ, Сербамъ, Мораванамъ и Славянамъ Балтійскимъ, съ которыми германское племя уже находилось отчасти въ мирныхъ сношеніяхъ, отчасти же въ непрерывной борьбѣ. Цѣль борьбы была двоякая: съ одной стороны желаніе отнять у Славянъ какъ можно болѣе земли, столь необходимой для быстро-разраставшагося германскаго племени; съ другой—желаніе какъ можно далѣе раздвинуть предѣлы христіанства путемъ сильно развитой миссіонерской дѣятельности. Едва-ли даже и по наслышкѣ знала Германия во времена Каролинговъ, что за землями Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и Моравянъ, за пограничными областями Аваровъ и Магьяръ, неутомимыхъ въ борьбѣ и набѣгахъ, живутъ еще какіе-нибудь славянскіе народы? Большинство думало, что за ближайшею къ Германіи славянскою окраиной начинается пустая степь, заселенная бродячими и безличными племенами кочевниковъ. Не болѣе вѣрны и не болѣе правильны были въ то же время и понятія Византійцевъ о странахъ, лежавшихъ къ Сѣверу отъ береговъ Тавриды и Понта Эвксинскаго, хотя, казалось-бы, Греки и должны были имѣть довольно вѣрныя о нихъ свѣдѣнія, такъ какъ и Таврида, и сѣверные берега Понта были унизаны греческими колоніями, которыя издавна состояли въ торговыхъ сношеніяхъ съ славянскими племенами, жившими въ низовьяхъ Днѣпра, а также и на среднемъ его теченіи и по важнѣйшимъ притокамъ его.

Какъ бы то ни было, но мы съ полною достовѣрностью можемъ утверждать, что когда, въ маѣ 865 года, многочисленные корабли воинственной Руси неожиданно явились на Босфорѣ, подъ стѣнами Константинополя, то Греки впервые услышали имя «Руси» и положительно не знали, откуда явился къ нимъ новый врагъ. Этотъ первый морской набѣгъ Руси на Константинополь (за которымъ послѣдовали многіе другіе) былъ отраженъ; но онъ послужилъ началомъ и завязкою для непосредственныхъ и разнообразныхъ сношеній Византіи съ новыми, дотоѣ еще неизвѣстными ей варварами. Византія, съ одной стороны, стала заманивать и привлекать ихъ къ себѣ всякаго рода торговыми льготами и облегченіями въ обмѣнъ товаровъ, а съ другой—успѣшила привязать ихъ къ себѣ въ смыслѣ религіозномъ, отправивъ къ нимъ ловкихъ миссіонеровъ, которые явились къ нимъ уже съ готовыми переводами Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на языкъ родственныхъ Руси Славянъ, жившихъ въ предѣлахъ самой Византійской имперіи. Этимъ миссіонерамъ удалось подчинить своему вліянію на Руси князей *Кіевскихъ* и свить въ Кіевѣ настолько прочное гнѣздо, что тамъ былъ даже выстроенъ храмъ, въ которомъ христіане кіевскіе могли свободно совершать богослуженіе, хотя значительная доля кіевскаго населенія, какъ и вся Русь, еще пребывала въ язычествѣ.

Нападеніе
Руси на
Царьградъ
въ 865 г.

Первые до-
говоры Ру-
си съ Гре-
ками.

Эти сношенія, вскорѣ, привели къ весьма осязательнымъ результатамъ: уже въ 907 г. былъ заключенъ первый формальный торговый договоръ между Византіею и Русью, при Кіевскомъ князѣ Олегѣ, и этотъ договоръ, уже въ 911 г., при князѣ *Игорь*, былъ дополненъ и расширенъ новыми статьями. Благодаря этимъ, довольно удачно установившимся сношеніямъ, Грекамъ удалось ближе ознакомиться съ Русскими Славянами, успѣвшими уже заселить весьма обширное пространство земель по Днѣпру и Западной Двинѣ, и къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ этихъ рѣкъ до Чудскаго и Ладожскаго озеръ и верховьевъ Волги. Многие, и притомъ весьма серьезные, писатели византійскіе (въ томъ числѣ императоры Маврикій и Константинъ Порфирородный) занялись изученіемъ быта Русскихъ Славянъ и сохранили намъ о нихъ весьма любопытныя свѣдѣнія.

Древнѣй-
шая исто-
рія Руси.

Морской набѣгъ Русскихъ Славянъ на Византію (865 г.), при которомъ они впервые выступили на сцену европейской исторіи, конечно, былъ не первымъ фактомъ ихъ частной исторіи, а только однимъ изъ послѣдующихъ результатовъ ихъ многовѣковой исторической жизни. Заброшенные по окончаніи великаго переселенія народовъ на Востокъ Европы, на окраину великой восточно-европейской равнины, они поселились здѣсь на грани, отдѣлившей степь отъ обширныхъ дремучихъ лѣсовъ и быстро стали разселяться по рѣкамъ въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіи, отгнѣняя финскія племена и ведя почти непрерывныя войны съ ордами степныхъ кочевниковъ, все еще прибывавшими изъ Азіи. Для этихъ ордъ роскошныя луговые степи на югѣ восточно-европейской равнины служили удобнымъ путемъ, по которому они свободно двигались со своими громадными стадами, то мирно кочуя, то воюя съ встрѣчными племенами. Ихъ грозныя нашествія закончились въ XIII вѣкѣ нашествіемъ Монголовъ на Русь, которой пришлось своею грудью защитить Западную Европу отъ этихъ варваровъ; начало же этихъ нашествій слѣдуетъ искать въ глубокой древности, за много вѣковъ ранѣе IX вѣка. Такъ, мы видимъ Славянъ въ войскѣ Атиллы, который, вѣроятно, увлекъ нѣкоторыя племена славянскія вслѣдъ неудержимому стремленію своихъ полчищъ. Преданія, сохраненныя намъ первымъ русскимъ лѣтописцемъ, свидѣтельствуютъ о продолжительной и упорной борьбѣ съ *Аварами* (или *Обрами*), основавшими свое царство, въ V вѣкѣ по Р. Хр., на развалинахъ грознаго царства Атиллы. И въ IX вѣкѣ мы ихъ застаемъ въ борьбѣ съ Торками и Печенѣгами, кочевавшими въ южно-русскихъ степяхъ. Борьба съ послѣдними была въ особенности тягостна для Руси, потому что Печенѣги препятствовали сношеніямъ Кіевской Руси съ богатыми греческими колоніями Тавриды и сѣвернаго берега Понта, а иногда, овладѣвъ Днѣпровскими порогами, наносили страшный вредъ торговлѣ Кіева съ Византіею. Но, по весьма мѣткому и справедливому замѣчанію одного изъ русскихъ историковъ, «все вынесло, все преодолѣло это упругое русское племя, пробиваясь на широкую дорогу своей исторической жизни, и эта трудная и долгая школа закалила его характеръ и подготовила его къ послѣдующимъ испытаніямъ».

КАРТА РАЗСЕЛЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ НА РУСИ ВЪ ІХ ВѢКѢ.

КАРТА РАЗСЕЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ

СЛАВЯНСКИХ
восточной Европы
и западной Азии
в древности
и средневековье
и современности
и т.д.

Племя Славянъ Русскихъ дѣлилось на семь важнѣйшихъ племенъ: *Полянъ, Древлянъ, Кривичей, Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей* и *Славянъ Ильменскихъ*. По мѣсту поселенія эти племена распредѣлялись такъ, что Поляне занимали среднюю часть Днѣпра, отъ р. Припяти до р. Роси; Древляне жили сѣвернѣе Полянъ, по р. Припяти; Кривичи—въ верховьяхъ Днѣпра и Зап. Двины; Сѣверяне жили на Востокъ отъ Древлянъ и Полянъ, между рр. Десною и Сулою; Радимичи—между Днѣпромъ и р. Сулою; далѣе, по р. Окнѣ, жили Вятичи; сѣвернѣе всѣхъ, по берегамъ р. Волхова и озера Ильменя, жили Славяне Ильменскіе*). На территоріи, занимаемой этими племенами Славянъ, въ половинѣ IX в., мы уже видимъ много городовъ, и притомъ не новыхъ, а давно построенныхъ, имѣвшихъ уже свою старину и преданія; такимъ былъ г. *Кіевъ* въ землѣ Полянъ, г. *Черниговъ*—въ землѣ Сѣверянъ, г. *Смоленскъ*—въ землѣ Кривичей, г. *Коростень*—въ землѣ Древлянъ, г. *Новгородъ*—въ землѣ Славянъ Ильменскихъ. Изъ всѣхъ этихъ земель и племенъ выдѣлились съ теченіемъ времени и приобрѣли особенное значеніе два племена: *Поляне* и *Славяне Ильменскіе*,—выдѣлились отчасти потому, что были способнѣе и предпримчивѣе прочихъ, отчасти и потому, что центры ихъ исторической жизни (Кіевъ и Новгородъ) лежали на концахъ великаго торговаго пути, по которому еще въ глубокой древности шли съ Юга на Сѣверъ бронзовыя издѣлія (въ бронзовомъ вѣкѣ), а позднѣе съ Сѣвера на Югъ перевозились драгоценный янтарь и пушные товары. Путь этотъ,—пролегалшій по Днѣпру до его верховьевъ, а потомъ по Западной Двинѣ или по р. Ловати, оз. Ильменю и р. Волхову до Ладожскаго озера,—соединялъ Черное море съ Балтійскимъ и служилъ, вѣроятно, не для однихъ только Славянъ Русскихъ, а также и для другихъ племенъ Балтійскаго побережья, находившихся съ Славянами въ частыхъ, почти непрерывныхъ, то враждебныхъ, то мирныхъ сношеніяхъ. Племена эти въ древней Руси были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ *Варяговъ*, и даже помянутый выше водный путь съ Сѣвера на Югъ былъ извѣстенъ подъ общимъ названіемъ пути «изъ Варягъ въ Греки». Понятно, что на этомъ пути, крайніе его пункты, Кіевъ и Новгородъ, должны были приобрести издавна важное значеніе главныхъ складочныхъ мѣстъ, и Кіевляне (Поляне) и Новгородцы (Славяне Ильменскіе) должны были ранѣе другихъ разбогатѣть и выдвинуться на пути государственной жизни. Но ея развитію въ значительной степени мѣшали непрерывные раздоры между славянскими племенами, которыя, наконецъ, рѣшились избѣгнуть этого зла тѣмъ, что, устранивъ своихъ мѣстныхъ правителей, призвали къ себѣ на княженіе трехъ витязей изъ норманскаго племени, которое тоже носило названіе *Родовъ* или *Росъ*. Эти три витязя: *Рюрикъ, Синеусъ* и *Труворъ*—такъ гласитъ преданіе—явились со своими дружинами къ Славянамъ Ильменскимъ и стали править ими и ближайшими къ нимъ союзными финскими племенами. Стали править, по мирному соглашенію и желанію Славянъ, которые призвали ихъ къ себѣ «правити и володѣти», — слѣдовательно, это не было ни завоеваніемъ,

Раздѣленіе Руси на племена.—Путь изъ Варягъ въ Греки*.

Призваніе князей.

*) См. карту расселенія славянскихъ племенъ на Руси.

ни насиліемъ со стороны пришлыхъ варяжскихъ князей, тѣмъ болѣе, что ихъ дружины, ничтожныя по числу, быстро ассимилировались съ окружающею славянскою средою и почти безслѣдно исчезли въ третьемъ, четвертомъ поколѣніи. Но нельзя отрицать того, что норманнскіе витязи, отъ которыхъ повелся родъ князей русскихъ, все же придали нѣкоторый своеобразный стѣнокъ первому поколѣнію русскихъ князей, которые несомнѣнно носятъ на себѣ родовыя черты норманнскихъ дружинниковъ. Новгородъ,—хотя и былъ важенъ какъ городъ торговый и богатый, служившій складочнымъ мѣстомъ не только для пути изъ «Варягъ въ Грецію», но и для пути Волжскаго, по которому велась торговля съ отда-

Развалины такъ-называемой Рюриковой крѣпости въ Старой Ладогѣ.

леннымъ Востокомъ,—однакоже не могъ долго удержать на суровомъ Сѣверѣ предпримчивыхъ князей, которымъ изстари, и по преданію, и по опыту, хорошо былъ знакомъ путь въ благодатныя страны Юга, проходившій черезъ Кіевъ. Къ Кіеву и направили они свои стремленія, постепенно распространяя свою власть, сначала на страну Кривичей и Полочанъ, а затѣмъ и далѣе—и наконецъ осѣли въ Кіевѣ, «матери городовъ Русскихъ». Русскія лѣтописи приписываютъ князю *Олегу*, основавшемуся въ Кіевѣ и объединившему сосѣднія племена съ Полянами, удачный походъ подъ стѣны Царьграда и выгодный договоръ 907 г., дошедшій до насъ только въ отрывкахъ, въ составѣ другого договора (911 г.), заключеннаго княземъ Игоремъ. Тѣ же лѣтописи съ особеннымъ уваже-

ніемъ упоминають о княгинѣ *Ольгѣ* (супругѣ Игоря), которая была *первою христіанкою среди князей кievскихъ* и даже совершила въ старости странствованіе въ Константинополь, на поклоненіе его святынямъ. Особенно прославился ея сынъ, князь кievскій Святославъ, котораго лѣтописи рисуетъ намъ беззавѣтно-храбрымъ воиномъ; въ немъ, несомнѣнно, уже сливались черты норманнскаго типа со славянскимъ.

Чрезвычайно любопытнымъ представляется намъ то, что объ этомъ князѣ съ восторгомъ говорятъ не только русскія лѣтописи:—его необычайную смѣлость и удачу прославляютъ и источники византійскіе, и арабскіе писатели. Всю жизнь провелъ онъ въ войнѣ съ сосѣдями, то усмиряя

Князь Святославъ и его походы.

Нурганъ, извѣстный подъ названіемъ Синеусова, близъ Бѣла-озера.

подчиненныя Кіевомъ сосѣднія племена славянскія, то воюя съ грозными *Хазарами*, утвердившимся въ низовьяхъ Дона и Волги, то предпринимая дальніе походы на побережья Азовскаго и Каспійскаго морей и наводя ужасъ на тамошніе богатые торговые города. Подъ его тяжкими ударами и пало вѣкогда грозное Хазарское царство, смирились и Печенѣги, трепетавшіе имени Святославова. Слава его достигла и гордой Византіи, которую въ это время отовсюду одолѣвали враги внѣшніе; и вотъ, въ 967 г., императоръ *Никифоръ Фоки* прислалъ пословъ къ Святославу, приглашая его прійти съ войскомъ на помощь противъ Болгаръ Дунайскихъ, тѣснившихъ Византію. Быстро собравшись въ походъ, Святославъ явился на зовъ императора съ сильнымъ войскомъ, усмиривъ Болгаръ Дунайскихъ, овла-

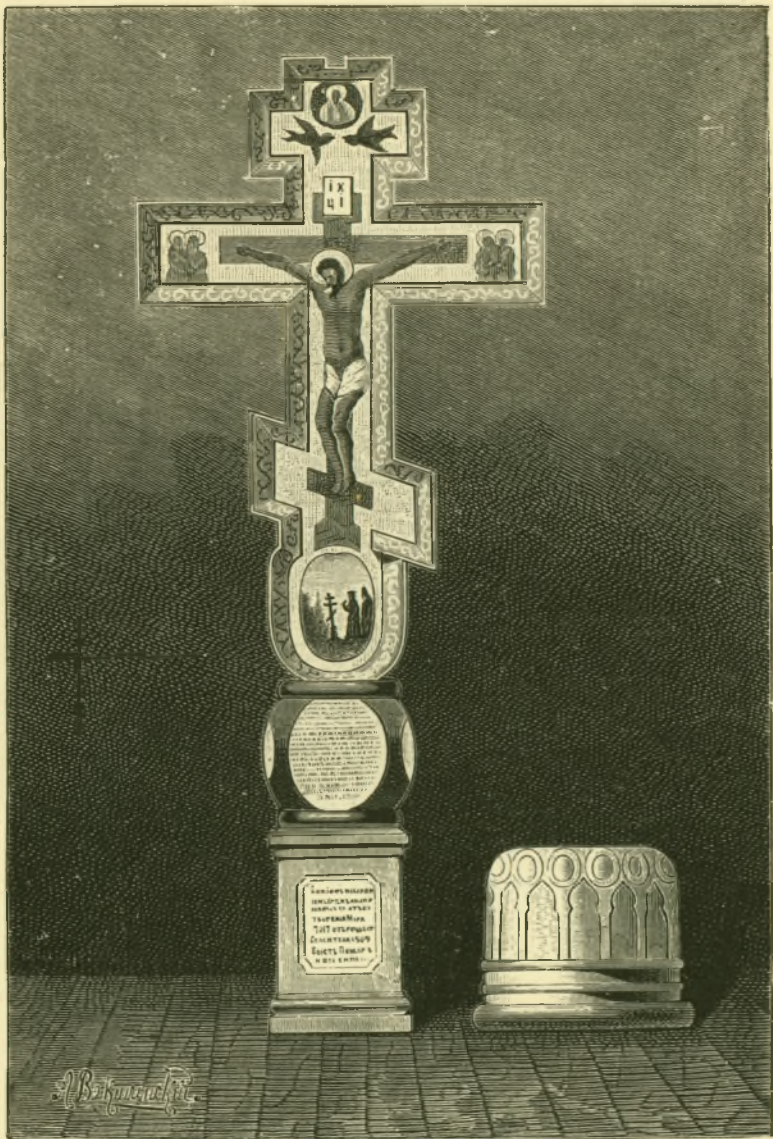
дѣль ихъ городами и, увлеченный дивнымъ обаяніемъ природныхъ условій страны, а также и ея близостью къ Византіи, рѣшился, повидимому, окончательно поселиться въ этой благодатной землѣ, покинуть Русь на произволь судьбы. Только ожесточенныя нападенія Печенѣговъ, ободренныхъ отсутствіемъ Святослава и чуть было не овладѣвшихъ Кіевомъ, вынудили смѣлаго князя къ возвращенію на родину, хотя и возвращенію временному, такъ какъ онъ не могъ разстаться съ мыслью о покореніи Болгаріи. Онъ разбилъ еще разъ Печенѣговъ, отогналъ ихъ далеко въ степи и остался на Руси до смерти своей престарѣлой матери Ольги, которая вскорѣ скончалась, а впоследствии была причтена русскою Церковью къ лику святыхъ.

Лада въ древнихъ викингѣвъ VIII—IX вѣковъ.

Борьба Святослава съ Цимисхіемъ.

Но едва только это совершилось, какъ Святославъ успѣшилъ раздѣлить свои владѣнія на Руси между своими сыновьями, а самъ вновь возвратился въ Волгарію. Но здѣсь его ожидали совсѣмъ нныя условія: преемникъ Никифора, императоръ *Іоаннъ Цимисхій*, былъ воинъ опытный и храбрый. Онъ не задумался вступить въ борьбу съ Святославомъ: потребовалъ очищенія городовъ болгарскихъ и удаленія княжескаго войска. Когда же Святославъ не исполнилъ его требованія, Цимисхій загородилъ сильнымъ флотомъ выходъ изъ Дуная въ море и подступилъ къ городу Дористолу (на мѣстѣ нынѣшней Силистріи), гдѣ заступъ Святославъ со своею дружиною. Войско у Цимисхія было отборное, закаленное въ бояхъ, превосходно вооруженное, снабженное всѣми современными и совершеннѣйшими осадными орудіями. Началась борьба безпримѣрная, между двумя противниками, которые другъ друга стѣбли. Византійскій писатель, очевидецъ этой борьбы, Левъ Дьяконъ Калойскій, описываетъ намъ ее по-

Крестъ и шапка Св. Ольги, хранящіеся въ Троицкомъ соборѣ въ Псковѣ.

дробно, изо дня въ день, и перечисляетъ всё подвиги, совершаемые съ той и съ другой стороны и достойные гомеровскихъ героевъ. И Святославъ, и Цимисхій были постоянно впереди, сражаясь какъ простые воины; но искусство одолѣло и взяло верхъ надъ мужествомъ: Русскіе, изнуряемые голодомъ и постоянными битвами, бились до послѣдней крайности и, наконецъ, должны были уступить Грекамъ. Мрачными красками описываетъ Левъ Дьяконъ страшныя ночныя тризны этихъ суровыхъ воиновъ надъ кострами, на которыхъ они сожигали тѣла своихъ павшихъ товарищей, совершая при этомъ какіе-то таинственные обряды, утопляя въ въ волнахъ Дуная черныхъ пѣтуховъ и обагривая мечи кровью певниныхъ младенцевъ и женщинъ, закалаемыхъ въ честь сожигаемымъ воинамъ.

Остатки лады древнихъ викинговъ, найденные въ Норвегіи близъ Санденфьорда, въ Королевскомъ нурганѣ.

Современное
описание
наружности
Святослава.

Когда дѣло дошло до переговоровъ, а затѣмъ и до заключенія договора, грозные противники захотѣли свидѣться. Свиданіе состоялось на берегу Дуная. Цимисхій явился на берегъ въ великолѣпномъ позлащенномъ вооруженіи, окруженный свитою въ блестящихъ доспѣхахъ. Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія съ другой стороны Дуная, на лодкѣ, при чемъ гребъ весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Левъ Дьяконъ оставилъ намъ любопытное описаніе его наружности: «онъ былъ средняго роста, носъ у него былъ плоскій, глаза голубые, густыя брови; мало волосъ на бородѣ, а усы длинныя, косматыя. Вся голова была выстрижена, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, въ знакъ его знатнаго происхожденія. Шея у него была плотная, грудь широкая и всё

Тризна Святославовыхъ воиновъ подъ Дористоломъ. Известная фреска Семирадскаго въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.

прочіе члены очень стройны. Но вся наружность представлялась мрачною и суровою. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ Русскихъ».

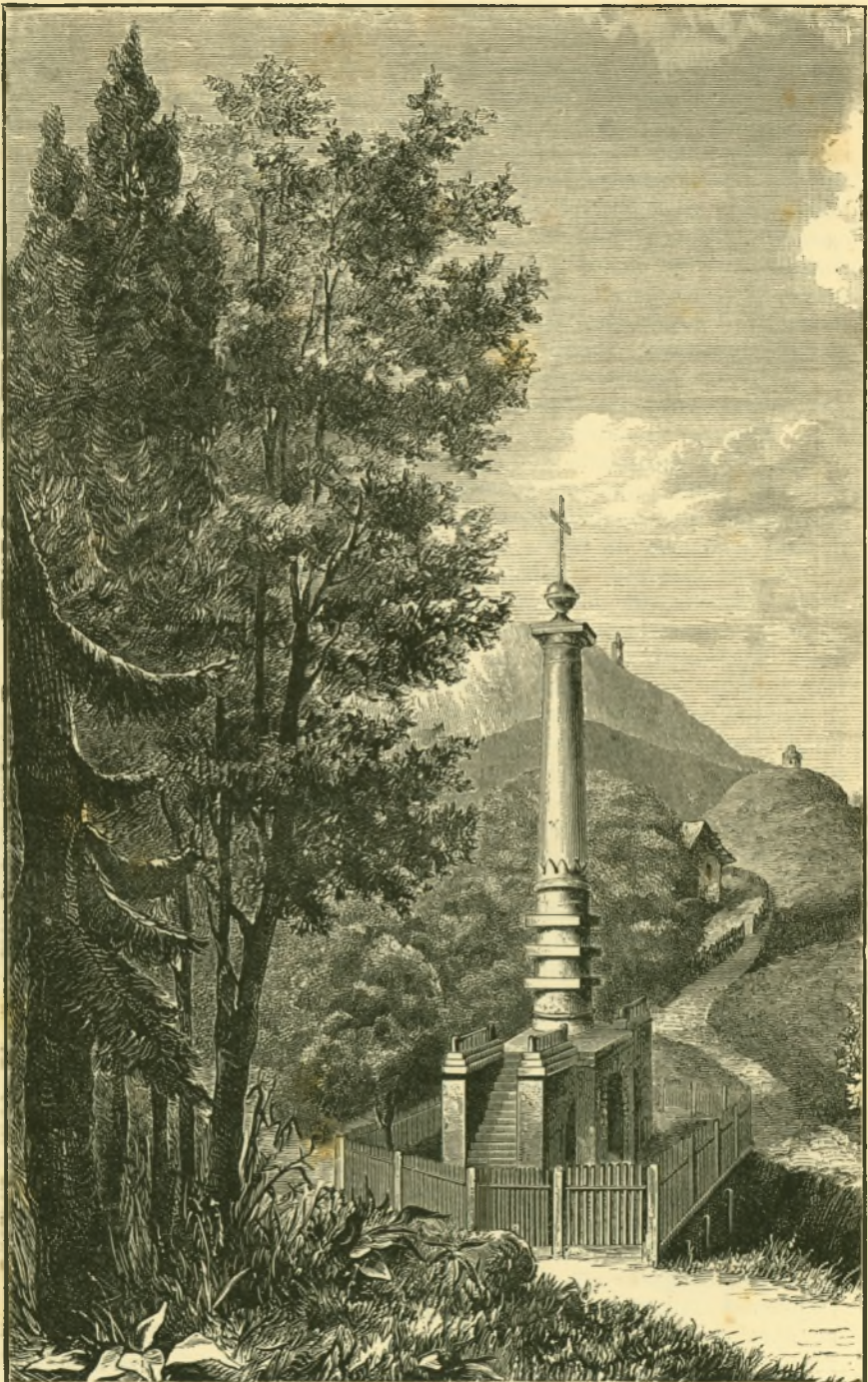
На обратномъ пути изъ Болгаріи, Святославъ отправилъ войско свое сухонутемъ, а самъ вздумалъ съ малою дружиною пробраться въ ладьяхъ къ Кіеву, вверхъ по Днѣпру; но Печенѣги, слышавъ о малочисленности княжеской дружины, подстергали Святослава въ порогахъ и перебили его дружину: самъ храбрый князь палъ въ неравной битвѣ жертвой своей неразумной смѣлости.

Общій видъ пороговъ Днѣпра.

Владиміръ
Равноап-
стольный.

Изъ сыновей Святослава вскорѣ выдвинулся *Владиміръ*, княжившій сначала въ Новѣгородѣ, а потомъ овладѣвшій и Полоцкомъ, и Кіевомъ. Владиміръ былъ не только храбрымъ, но и умнымъ, и дальновиднымъ княземъ. Онъ засталъ Кіевъ наполовину уже христіанскимъ городомъ, и, вѣроятно, самъ не прочь былъ принять христіанство, по примѣру своей бабки, Св. Ольги; но, подобно Хлодвигу, опасался уронить свое достоинство слишкомъ поспѣшнымъ переходомъ отъ язычества къ христіанству. Онъ зналъ, что уже всѣ сосѣднія племена—и Болгаре Дунайскіе, и Угры, и Поляне—отказались отъ язычества, но, гордый своимъ достоинствомъ единовластнаго повелителя обширной страны, рѣшился «завоевать» себѣ

Памятникъ въ Кіевѣ, надъ Крещатицимъ ручьемъ, въ которомъ, по преданію, крещены были сыновья Владиміра.

вѣру. Въ 987 году, воспользовавшись какимъ-то ничтожнымъ поводомъ, онъ объявилъ войну Византіи и осадилъ городъ *Корсунь* (въ Крыму, близъ Севастополя). Корсуняне долго и упорно сопротивлялись и, говорятъ, будто князь Владиміръ далъ обѣтъ — креститься, если одолѣетъ корсунянь. Вскорѣ городъ дѣйствительно сдался ему, и тогда Владиміръ, уже какъ побѣдитель, вступилъ въ переговоры съ Византійскими императорами *Василіемъ* и *Константиномъ*, заявилъ о своемъ желаніи креститься и требовалъ руки греческой царевны *Анны*, сестры императоровъ. Царевна Анна приплыла изъ-за моря въ Корсунь, рѣшившись на подвигъ ради высокой цѣли обращенія языческой страны въ христіанство, и, когда Владиміръ крестился, вышла за него замужъ. Возвратившись изъ Корсуни съ греческою царевною-супругою и съ греческимъ духовенствомъ, Владиміръ крестилъ здѣсь своихъ сыновей и немедленно велѣлъ повсюду истреблять идоловъ, а народъ — поучать новой вѣрѣ и готовить къ крещенію. Дѣло обращенія пошло весьма успѣшно, такъ какъ и до того времени въ Кіевѣ было уже не мало христіанъ. Вскорѣ, по повелѣнію князя Владиміра, всѣ некрещеные кіевляне были созваны на берегъ Днѣпра и тамъ крещены въ 988 г.

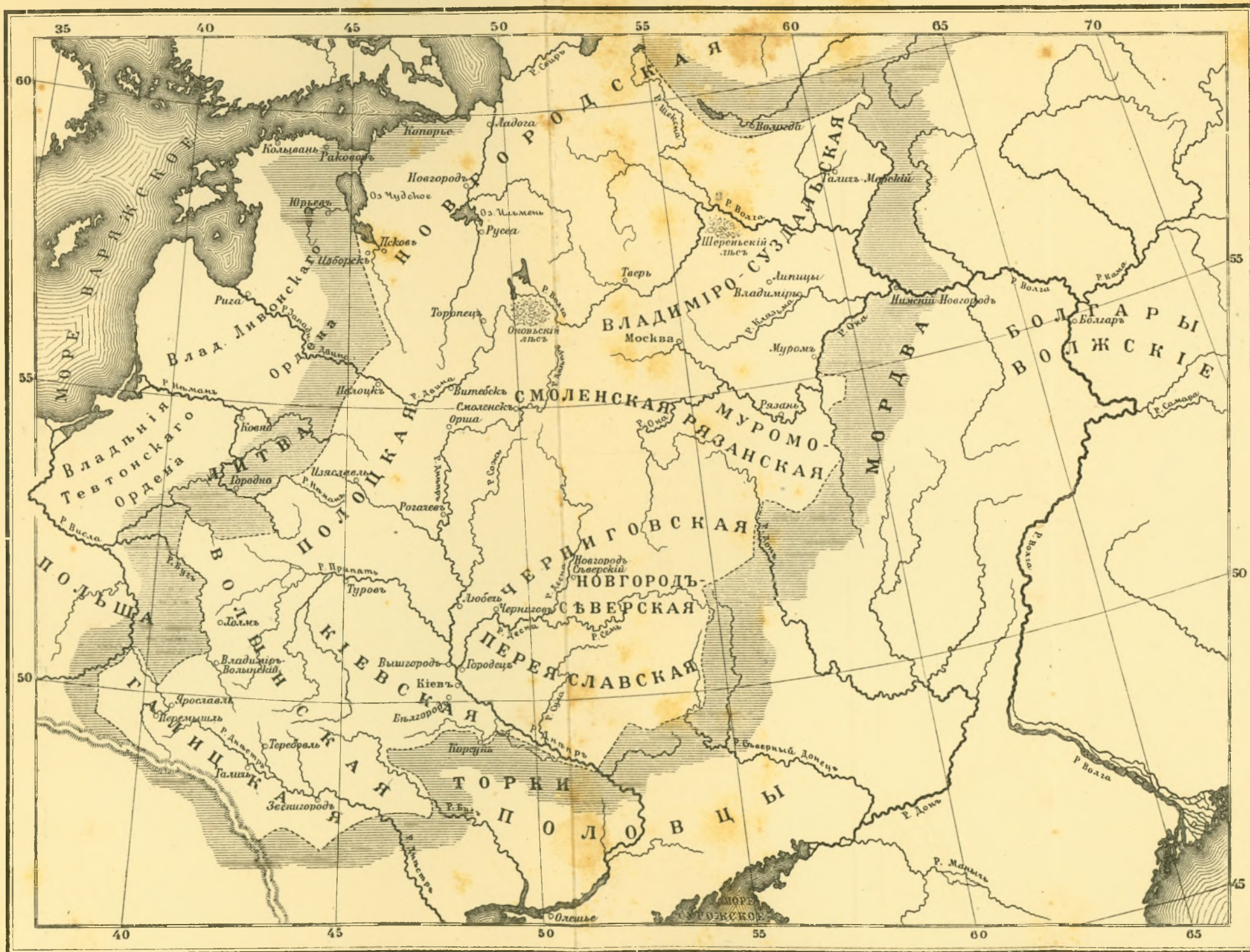
Послѣ крещенія кіевлянь, Владиміръ сталъ заботиться о распространеніи христіанства по другимъ областямъ Русской Земли, о постройкѣ храмовъ и основаніи монастырей. Въ самомъ Кіевѣ въ 989 г. заложенъ былъ Владиміромъ первый на Руси каменный храмъ, во имя Пресвятой Богородицы, воздвигнутый византійскими зодчими, такъ какъ русскіе въ то время (да и гораздо позже) не умѣли еще строить обширныхъ каменныхъ зданій. Эту церковь назвали «*Десятинною*», такъ какъ князь Владиміръ поднесъ въ даръ ей *десятую часть* (десятину) своихъ доходовъ, на поддержаніе. Вскорѣ послѣ того и въ другихъ русскихъ городахъ стали возникать храмы, а около нихъ заводились и *первыя училища*, въ которыхъ обучали грамотѣ, первымъ началамъ христіанской вѣры и церковному пѣнію.

На Сѣверѣ Руси христіанство распространялось далеко не такъ успѣшно и быстро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Новгородѣ, язычники даже оказывали открытое сопротивленіе введенію новой вѣры и уступали только послѣ упорной борьбы. Особенно туго вводилось христіанство въ далекой и глухой Ростовской области и въ землѣ суровыхъ Вятичей, которые даже замучили *Св. Кукшу*, перваго насадителя вѣры Христовой на этой дальней окраинѣ. Но Владиміръ не жалѣлъ на это дѣло ни трудовъ, ни силъ, и, благодаря ему, еще при жизни его, язычество, открыто исповѣдуемое, исчезло среди различныхъ племенъ Русскихъ Славянъ. 15 июля 1015 г. Владиміръ скончался и Церковь Русская, причтя его къ лику святыхъ, наименовала его *Равноапостольнымъ*, въ память заслугъ его.

Весьма важно было для Руси именно то условіе, что христіанство внесено было на Русь не съ Запада, не римскими миссіонерами, а пришло къ нимъ съ Греческаго Востока, который въ ту пору уже былъ накануне разрыва съ Римомъ. Тяжкія пререканія и раздоры между Церковью Западною и Восточною, начавшіеся еще при патріархѣ Фотіи, не прекращались въ теченіе X вѣка и въ началѣ XI привели къ полному разрыву, который навсегда отдѣлилъ Востокъ отъ Запада. Церковь

Важное значеніе религіозной зависимости Руси отъ Запада.

РУСЬ ОТЪ КОНЦА IX ДО КОНЦА XII ВѢКА.

Русская, принявшая благословеніе и преданія отъ Восточной греко-ка-
волической Церкви, твердо и постоянно держалась ихъ, и никакія самыя
льстивыя обѣщанія и заискиванія папъ не могли поколебать Русскую
Церковь и склонить ее на уступки въ пользу вымышленныхъ правъ
папы, какъ единаго вселенскаго патріарха. Эта обособленность религіоз-
ная, конечно, должна была до нѣкоторой степени повліять на обо-
собленность Руси отъ Западной Европы и въ смыслѣ политическомъ, но
за то, съ другой стороны, она способствовала и сохраненію, и выработкѣ
того оригинальнаго и самобытнаго типа русской народности, который
настолько же тѣсно связанъ съ историческими условіями жизни русскаго
народа, насколько и съ его «православною вѣрою», налагающею особый
отпечатокъ на каждого простаго русскаго человѣка.

2. Раздробленіе Руси на удѣлы.—Русскіе князья и Половцы.—Суздаль и Новго-
родъ.—Появленіе Ливонскаго ордена.—Внутреннее состояніе Руси до конца
XII вѣна.

1015—1200.

Князь Кіевскій Владиміръ, слѣдуя примѣру отца своего Святослава, раздѣлилъ важнѣйшіе города и области Русской Земли между своими семью сыновьями. Вскорѣ послѣ его смерти, одинъ изъ сыновей его, *Святополкъ*, задумавъ править всею Русью, умертвилъ троихъ своихъ братьевъ и сталъ княжить въ Кіевѣ, опираясь на помощь тестя своего, польскаго короля Болеслава Храбраго; но противъ брата-злодѣя возсталъ княжившій въ Новгородѣ *Ярославъ*, и усердно вспомошествоваемый Новгородцами, неоднократно разбивъ Святополка, вынудилъ его бѣжать изъ Русской Земли. Затѣмъ онъ сталъ княжить въ Кіевѣ (1019—1054 г.) *, и прежде всего далъ Новгородцамъ, за ихъ услуги въ трудной борьбѣ съ Святополкомъ, особыя льготы и права (такъ-называемыя *Ярославовы грамоты*); много способствовавшія возвышенію и усиленію этого города въ ближайшіе послѣдующіе вѣка. Затѣмъ Ярославъ княжилъ долго и правилъ землею твердо и разумно, усиленно заботясь о построеніи новыхъ городовъ на далекихъ окраинахъ (такъ построилъ онъ *Юрьевъ* въ землѣ Чуди и *Ярославъ* на Волгѣ), о распространеніи христіанства среди сосѣднихъ финскихъ племенъ, и грамотности — среди городского населенія. По его желанію, въ Новгородѣ были заведены такія же училища для обученія юношей и подготовленія ихъ къ духовному званію, какъ и въ Кіевѣ. Самъ Ярославъ любилъ чтеніе, собиралъ книги, приказывалъ ихъ переводить съ греческаго языка на русскій и переписывать со славянскихъ подлинниковъ. Памятниками благочестія Ярослава остались построенные имъ въ Кіевѣ и Новгородѣ соборные храмы во имя Святыя Софіи Премудрости Божіей, отчасти сохранившіеся и донинѣ. Князю Ярославу приписываютъ также первое собраніе писаныхъ русскихъ законовъ, извѣстное подъ общимъ названіемъ «*Русской Правды*» — сборника законовъ весьма замѣчательнаго по тому времени и нимало не уступавшаго

Первое раз-
дѣленіе
Руси и Яро-
славъ I
Мудрый.

* По смерти своего послѣдняго брата, Мстислава, онъ сталъ даже единовластнымъ повелителемъ всей Руси.

по своимъ юридическимъ достоинствамъ всѣмъ современнымъ германскимъ и франкскимъ законодательствамъ, явившимся самостоятельно, т.-е., не развившимся изъ основы римскаго права. Въ княженіе этого князя, любившаго грамотность и просвѣщеніе, былъ основанъ, между прочимъ, знаменитый монастырь *Печерскій*, близъ Кіева, послужившій разсадникомъ духовныхъ пастырей для всей древней Руси и центромъ русской духовной письменности, не уступавшимъ по значенію знаменитѣйшимъ обителямъ европейскимъ, въ родѣ Корвейской или С.-Галленской.

Остатки такъ-называемыхъ Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ — памятникъ временъ Ярослава Мудраго.

Внѣшняя
политика
Ярослава.

Забываясь о просвѣщеніи Руси, о водвореніи въ ней внутренняго спокойствія и безопасности, Ярославъ менѣе всего думалъ о завоеваніяхъ; во враждебныя отношенія къ сосѣдямъ онъ вступалъ только въ томъ случаѣ, когда они сами его къ тому вынуждали. За то онъ положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ вторженіямъ Печенѣговъ, нанеся имъ въ 1036 г., подъ стѣнами Кіева, такое пораженіе, отъ котораго они уже не могли оправиться, и, съ этого времени, уже не возобновляли болѣе своихъ нападений на Русскую Землю. Какъ на любопытную черту княженія Ярославова, укажемъ на то, что при немъ былъ совершенъ *последній мор-*

ской походы въ Грецію, окончившіяся неудачно для Русскихъ:—этимъ походомъ древнѣйшій періодъ Русской Исторіи какъ-бы заканчивается и начинается тотъ нескончаемо-длинный періодъ внутреннихъ междоусобій, который извѣстенъ въ Русской Исторіи подъ общимъ названіемъ *периода удѣловъ*.

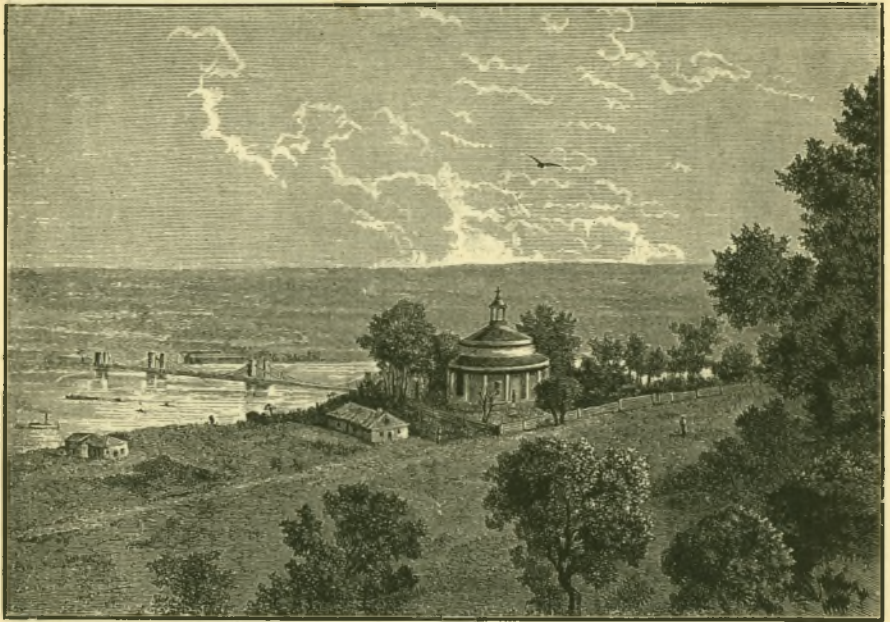

Такъ-называемая „Ярославова гробница“ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Бѣло-мраморная, въ византійскомъ стилѣ.

«Удѣломъ» называлась та часть земли или тотъ городъ съ областью, которые каждый членъ княжеской семьи получали отъ отца въ управленіе и «въ кормленіе». У Ярослава было пятеро сыновей и всѣмъ онъ раздалъ части Русской Земли *въ удѣлы*; а старшему изъ нихъ, *Изяславу*, отдалъ *Кіевъ* и придалъ ему, какъ князю Кіевскому и какъ старшему въ родѣ,

Удѣлы. Понятіе о старшинствѣ и отношеніи между князьями.

титულъ *великаго князя* *). Понятіе о Русской Землѣ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, какъ о *государствѣ*, очевидно, еще не существовало; обособленность земель, входившихъ въ составъ Руси, вѣроятно, еще была очень ощутительна—и это въ значительной степени способствовало тому патриархальному, чисто-семейному раздѣленію Руси, какое было допущено Ярославомъ между членами его семьи. Грядущее, «чреватое послѣдствіями» этого раздѣленія, очевидно еще вовсе не принималось во вниманіе.

Видъ на Днѣпръ и окрестности Кіева съ урочища, называемаго „Аскольдовой могилой“.

Въ самомъ завѣщаніи Ярослава, насколько передаетъ его древнѣйшій русскій лѣтописецъ, чувствуется полное отсутствіе государственнаго начала, слышится голосъ отца, обращающагося къ дѣтямъ съ послѣдними распоряженіями и увѣщаніями, которыя едва-ли для кого-либо изъ нихъ могли быть обязательными. Ярославъ завѣщалъ дѣтямъ жить въ мирѣ, довольствоваться своими удѣлами и во всемъ повинноваться *старшему брату, великому князю Кіевскому*; въ свою очередь, и старшему брату онъ завѣщалъ заботиться о младшихъ братьяхъ, *какъ о своихъ дѣтяхъ*. А между тѣмъ, по издревле-установившемуся обычаю, старшинствомъ признавалось *старшинство не семейное, а родовое*, и оно-то, главнымъ образомъ, и послужило поводомъ къ начавшимся вскорѣ раздорамъ и усобицамъ. По

*) Только Новгородъ, можетъ быть, въ виду своего особаго льготнаго положенія, никому не былъ отданъ въ удѣлъ, хотя и оставался въ зависимости отъ князя Кіевскаго.

этому старшинству не сынъ наследовалъ отцу, а братъ отца, который, такимъ образомъ, обездоливалъ своихъ племянниковъ и вынуждалъ ихъ довольствоваться меньшимъ удѣломъ. Притомъ же, ни одинъ изъ удѣловъ, не исключая и самого Кіева, не былъ наследственнымъ, не составлялъ еще въ это время наследственной собственности. По смерти великаго князя, его мѣсто могъ заступить только старшій по немъ братъ его, который переходилъ изъ своего удѣла въ Кіевъ и становился великимъ княземъ Кіевскимъ; а всѣ остальные князья передвигались, по старшинству своему, изъ худшихъ удѣловъ въ лучшіе; старшій же сынъ великаго князя могъ получить право на великокняжескій престолъ въ Кіевѣ только уже по смерти всѣхъ дядей своихъ, такъ какъ онъ становился старшимъ въ родѣ, по отношенію къ ихъ дѣтямъ. Такое запуганное понятіе о старшинствѣ неминуюемо должно было съ одной стороны вести къ раздорамъ и попыткамъ захвата великокняжеской власти путемъ насилія; съ другой стороны, обладаніе Кіевомъ, съ которымъ неразрывно связанъ былъ титулъ великокняжескій, становилось цѣлью всѣхъ стремленій и вождедѣній, при чемъ, конечно, князья способны были весьма мало заботиться о своихъ удѣлахъ и ихъ внутреннемъ устройствѣ. Поднялась, вскорѣ послѣ смерти Ярослава, борьба не только между его сыновьями, но и между ними, и народившимся поколѣніемъ младшихъ князей. Старшіе, въ видѣ обезпеченія своихъ правъ и ради ограниченія правъ младшихъ князей, придумали такое правило, по которому только *дѣти великихъ князей имѣли право на старшинство и на великокняжеское достоинство*—и этимъ окончательно развязали руки произволу и насилію. Старшіе заботились только о своихъ выгодахъ, а младшіе, озлобленные несправедливостью, не разбирали средствъ для отмщенія:—къ тому же, вскорѣ, у нихъ нашелся и союзникъ, которому очень было выгодно поддерживать и разжигать раздоры между князьями.

Союзникъ этотъ былъ *Половцы*,—многочисленный и сильный народъ тюркскаго племени, въ концѣ XI вѣка нахлынувшій изъ азіатскихъ степей въ степи южно-русскія. Здѣсь Половцы побили и повоевали всѣхъ прочихъ кочевниковъ, покорили себѣ Печенѣговъ, и уже съ 1070 г. стали производить опустошительные набѣги на Русскую Землю. Набѣги эти были такъ стремительны, такъ неудержимы, на первыхъ порахъ, что всѣ русскія княжества, прилегавшія открытою границею къ степному пространству (*Кіевское, Переяславское, Новгородъ-Сѣверское*, отчасти и *Муromo-Рязанское*), въ теченіе 30—40 лѣтъ исключительно должны были сосредоточить все свое вниманіе на борьбѣ съ дикими кочевниками, которая составляла главный интересъ ихъ жизни, тѣмъ болѣе, что нерѣдко Половцы являлись пособниками той или другой стороны въ княжескихъ распряхъ, или только ловко пользовались ими для своихъ губительныхъ вторженій. Особенно часто къ помощи половецкой прибѣгалъ одинъ изъ внуковъ Ярослава Мудраго, безпокойный князь *Олежъ Святославичъ Чернишовскій*, несправедливо лишенный удѣла и добывавшійся его всѣми способами. Эти раздоры и бѣдствія вызвали наконецъ общее негодованіе и желаніе во что бы то ни стало уладить дѣло миромъ. На двухъ *създахъ* княжескихъ (въ Любечѣ 1097 г. и въ Витичевѣ 1100 г.) всѣ вопросы, волновавшіе Русь, были подвергнуты многостороннему обсужденію, и всѣ

Половцы.

Съѣзды князей. Владиміръ Мономахъ.

князя невольно подчинились благотворному вліянiю князя *Владимира Всеволодовича Мономаха* — одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей того времени. Владимиръ Мономахъ весьма разумно указалъ князьямъ на главную нужду времени: на необходимость общими силами предпринять походъ противъ Половцевъ. Первый *общій походъ* князей, по его инициативѣ, и былъ предпринятъ въ 1100 году, и послужилъ прототипомъ цѣлаго ряда подобныхъ же общихъ и частныхъ военныхъ предпріятій, которыя значительно осадили Половцевъ и обуздали ихъ хищническіе набѣги, хотя борьба съ ними и длилась въ теченіе почти всего XII вѣка и служила постояннымъ поприщемъ для русской удали и молодечества.

Вскорѣ послѣ Половецкаго похода, скончался великій князь Кіевскій (Святополкъ II), и хотя старшинство принадлежало Олегу Святославичу Черниговскому, но никто не хотѣлъ видѣть великимъ княземъ челоуѣка, наводившаго Половцевъ на Русскую землю; по общему соглашенію и желанію Кіевлянъ, великимъ княземъ былъ избранъ и посаженъ въ Кіевѣ Владимиръ Мономахъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, котораго онъ вполне заслуживалъ по своимъ выдающимся достоинствамъ.

Характеристика
Мономаха.

Дѣйствительно, этотъ князь былъ образцомъ всѣхъ доблестей, какія могли служить украшеніемъ правителя въ то время. Неустрашимо-храбрый воинъ, Владимиръ Мономахъ *) былъ въ то же время разумнымъ политикомъ и образованнѣйшимъ изъ людей своего времени. Одаренный твердымъ характеромъ и сильною волею, онъ всегда шелъ неуклонно къ избранной цѣли, умѣлъ превосходно пользоваться всѣми законными средствами къ ея достиженію, и никогда не злоупотреблялъ ни своею властью, ни своею силой. Стараясь все улаживать мирнымъ путемъ, Мономахъ прибѣгалъ къ оружію только въ крайности; но взявшись за оружіе, умѣлъ проучить своего противника. Неутомимо-дѣятельный и подвижный, онъ особенно зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы «сильный не обижалъ слабого». Прекраснымъ памятникомъ его ума и характера остались намъ уцѣлѣвшія его письма и въ особенности «*Поученіе дѣтямъ*», въ которомъ онъ рассказываетъ, имъ въ назиданіе, свои походы и подвиги, совершенные на войнѣ и «*на ловахъ*» (т.-е. охотѣ), а также и даетъ важнѣйшія правила общежитія и нравственности.

Мономаховичи и
Ольговичи.

Вліаніе крупной и замѣчательной личности Мономаха отчасти оказывается и послѣ его смерти (въ 1125 г.), такъ какъ Кіевскій престолъ, противъ установившагося обычая, перешелъ къ его сыну *Мстиславу I*, который походилъ на отца и умомъ, и характеромъ, и находилъ себѣ твердую опору въ своихъ родныхъ братьяхъ, правившихъ четырема важнѣйшими княжествами; но затѣмъ (Мстиславъ I умеръ въ 1132 г.) началась борьба между *Мономаховичами* и *Ольговичами*, перешедшая потомъ въ борьбу между однимъ изъ сыновей Мономаха, княземъ Ростовско-Суздальскимъ *Юріемъ Долгорукимъ* и внукомъ Мономаха, *Изяславомъ Мстиславичемъ*, который и умомъ, и храбростью, и блестящими дарованіями

*) Онъ прозванъ былъ такъ по родству съ греческимъ императоромъ Константиномъ *Мономахомъ*, который приходился Владимиру Всеволодовичу дѣдомъ (со стороны его матери, греческой царевны).

далеко превосходилъ всёхъ современныхъ русскихъ князей, а привѣтливостью и доступностью привлекалъ къ себѣ всё сердца.

Результатомъ этой долгой, упорной и изнурительной борьбы было значительное ослабленіе Кіевского княжества, а также и паденіе великокняжескаго достоинства, которое стало переходить отъ одного князя къ другому, уже не на основаніи права, а на основаніи болѣе сильной. И хотя Юрію Долгорукому, по смерти Изяслава Мстиславича, удалось наконецъ овладѣть великокняжескимъ престоломъ и удержаться на немъ до кончины, — центръ тяготѣнія русской исторической жизни сталъ видимо колебаться между двумя вновь-возникнувшими княжествами, быстро возраставшими въ силѣ и значеніи. Съ одной стороны, этотъ центръ сталъ перемѣщаться болѣе на Западъ и Юго-Западъ Руси, гдѣ образовались могущественныя княжества: Волынское и Галицкое (впослѣдствіи слившіяся въ одно Галицкое княжество); съ другой — на Сѣверо-Востокъ, гдѣ явилось также весьма сильное княжество Ростовско-Суздальское. Такимъ образомъ, мало-по-малу, стало выясняться явное раздвоеніе Южной Руси отъ Сѣверной, въ которой, рядомъ съ Ростовско-Суздальскимъ княжествомъ, стала возникать и еще одна весьма важная политическая единица, въ видѣ земли Новгородской, быстро богатѣвшей и во все стороны расширявшей свои предѣлы.

Уже сынъ Юрія Долгорукаго, князь Андрей (впослѣдствіи прозванный *Боголюбскимъ*), которому отецъ собирался передать велико-княжеское достоинство и Кіевское княженіе, отказался отъ этой чести и удалился въ Суздальскую землю, удѣлъ своего отца, гдѣ избралъ резиденцію городъ *Владиміръ* (на Клязьмѣ). По смерти Юрія, когда изъ-за Кіева поднялась вновь распря между князьями, Андрей вдругъ предъявилъ на него свои права и вступилъ въ борьбу съ князьями, которая окончилась полнымъ пораженіемъ князей и жестокимъ опустошеніемъ и разграбленіемъ г. Кіева (1169 г.). Присвоивъ себѣ титулъ великаго князя, Андрей какъ бы намѣренно пожелалъ выказать свое пренебреженіе къ Кіеву, и остался жить во Владимірѣ, который пріобрѣлъ при немъ важное, первенствующее значеніе въ Русской землѣ. Отсюда, пользуясь своими связями и могуществомъ, властолюбивый и гордый Андрей Юрьевичъ распоряжался судьбами Кіевской Руси...

Въ это же время, на западъ отъ Кіева, возникла новая сила, въ видѣ княжества *Волынскаго*, съ его неприступными городами (Владиміръ Волынской, Луцкъ и Дорогобужъ) и цѣлымъ рядомъ талантливыхъ князей, который закончился крупною личностью *Романа Мстиславича* (1172—1205). Этотъ замѣчательный князь прославился въ особенности своими упорными войнами противъ дикихъ и свирѣпыхъ Литовцевъ, на которыхъ своею безпощадною суровостью наводилъ такой ужасъ, что матери страшали имъ дѣтей своихъ. Въ 1198 году, Романъ ловко сумѣлъ воспользоваться смутами въ сосѣднемъ Галицкомъ княжествѣ и присоединилъ это княжество къ своимъ владѣніямъ, послѣ долгой и ожесточенной борьбы съ могущественными и богатыми галицкими боярами.

Вообще говоря, къ концу XII в. замѣчательнѣе по всей Руси одно и то же, общее явленіе: — княжества удѣльныя, переходившія изъ рукъ въ

Ослабленіе Кіева. Усиленіе другихъ княжествъ.

Внутренній бытъ Новгорода.

руки, отъ князя къ князю, по правамъ старшинства, обращаются мало-по-малу въ княжества *наслѣдственные*, которыя удерживаются въ томъ или другомъ княжескомъ родѣ, какъ его родовая собственность. Исключеніемъ изъ другихъ земель и княжествъ является только земля Новгородская съ ея столицею, *Новгородомъ Великимъ* (на р. Волховѣ) и его многочисленными пригородами. Тамъ князья являются не на основаніи какихъ бы то ни было правъ старшинства и не на основаніи правъ родового наслѣдованія, а *по добровольному призыву и выбору* самихъ гражданъ новгородскихъ. Какъ и когда установился этотъ обычай избранія князей изъ среды всѣхъ князей русскихъ — неизвѣстно, точно такъ же, какъ неизвѣстно и то время, когда Новгородъ высвободился изъ-подъ своей зависимости отъ Кіева? Легко можетъ быть, что это право избранія князей стояло въ нѣкоторой связи съ тѣми льготами, которыя нѣкогда далъ Новгороду Ярославъ Мудрый:—по крайней мѣрѣ, Новгородцы, въ этихъ случаяхъ, когда дѣло касалось ихъ вольностей, любили ссылаться на древнія «Ярославовы грамоты». Можетъ-быть, на основаніи тѣхъ же грамотъ, а можетъ-быть и просто, въ силу обычая постепенно установившагося въ далекомъ и обособленномъ отъ остальной Руси Новѣгородѣ, и власть князя явилась въ Новѣгородѣ не такою полною и значительною, какъ въ другихъ княжествахъ:—она была здѣсь ограничена *народнымъ собраніемъ* (вѣчемъ) и кружкомъ выбираемыхъ вѣчемъ городскихъ представителей или чиновниковъ (посадниками, тысяцкими и т. д.). Многіе изъ князей русскихъ, избираемыхъ Новгородцами, уживались съ вольнолюбивыми гражданами Новгорода, княжили долго, иногда даже и до самой смерти, и умирали, оплакиваемые всѣми. Иные, напротивъ того, сразу вступали въ препирательство съ Новгородцами, не ладили и раздорили съ ними, и тогда дѣло кончалось тѣмъ, что вѣче говорило князю: «клянемся тебѣ, не можемъ жить съ тобою; ступай отъ насъ, а мы себѣ другого князя промыслимъ». Князь былъ болѣе всего важенъ для Новгорода, какъ *судья* и безпристрастный рѣшитель тяжбъ между мѣстными сословіями, безпрестанно сталкивавшимися изъ-за разнообразныхъ интересовъ земельныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и чисто-административныхъ. Точно такъ же важенъ былъ князь и какъ *военачальникъ*, который, во главѣ новгородскаго ополченія, долженъ былъ, въ случаѣ нужды, силою отстаивать торговые интересы Новгорода, наказывать его возмущившихся данниковъ, а главное — защищать Новгородъ отъ внѣшнихъ враговъ, грозившихъ ему съ Сѣвера и Запада.

Новгородъ
и Суздаль.

Но, при всей самостоятельности и богатствѣ, у Новгорода была своя слабая сторона, которую отлично сумѣли воспользоваться его ближайшіе сосѣди, князья Суздальскіе. Скудная производительностью земледѣльческою, Новгородская земля получала весь свой хлѣбный запасъ изъ Поволжья, которое находилось во власти князей Суздальскихъ. Это ставило Новгородцевъ въ нѣкоторую зависимость отъ нихъ, такъ какъ въ случаѣ войнъ и несогласій они легко могли задержать хлѣбные запасы, идущіе съ Волги, и тогда Новгороду угрожалъ голодъ. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій — тонкій и безпощадный политикъ — первый понялъ всю силу этого бытового условія жизни Новгорода и рѣшился имъ вос-

пользоваться. Онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону часть новгородскихъ гражданъ и, при ихъ помощи, навязалъ въ князя Новгороду одного изъ своихъ родственниковъ. Князь сталъ распорядиться самовольно, и Новгородцы, изгнавъ его, вошли въ сношенія съ кievскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ и призвали къ себѣ въ князя знаменитаго сына его, *Романа* (1168 г.). Озлобленный этимъ, Андрей объявилъ войну Новгородцамъ, двинулъ противъ нихъ сильное войско и осадилъ самый Новгородъ. Осада была неудачна, приступы суздальской рати были отбиты съ значительнымъ урономъ и, наконецъ, она была вынуждена къ отступленію, преслѣдуемая Новгородцами, которые приписывали свою побѣду чуду древней иконы Знаменья Божіей Матери, обносимой по стѣнамъ города, во время наступленія суздальской рати. Эта икона и понынѣ хранится въ Новѣгородѣ, какъ величайшая мѣстная святыня.

Знаменскій соборъ въ Новѣгородѣ, въ которомъ хранится древняя чудотворная икона Знаменья.

Хотя эта удача и не принесла Новгородцамъ никакой существенной пользы, такъ какъ они, вскорѣ послѣ того, сами вынуждены были къ примиренію съ княземъ Андреемъ, однакоже и самый фактъ ихъ борьбы (притомъ еще успѣшной) съ могущественнымъ Суздальскимъ княземъ, передъ которымъ преклонялася въ ту пору почти вся Русь—свидѣтельствуетъ уже въ пользу того, какой силы и значенія успѣлъ достигнуть Новгородъ на Сѣверѣ древней Руси во второй половинѣ XII вѣка.

Появленіе
Ливонскаго
ордена.

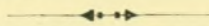
Гораздо страшнѣе для Новгородской земли былъ тотъ врагъ, который пришелъ съ Запада и прочно основался на Балтійскомъ побережьи, заселенномъ Чудью, Ливами и Латышами, платившими дань Новгороду и Полоцкимъ князьямъ. Въ половинѣ XII вѣка, въ устьѣ Двины бурною занесены были корабли бременскихъ купцовъ, и съ той поры они стали сюда ежегодно являться съ товарами. Слѣдомъ за купцами явился сюда (въ 1187 г.) и нѣмецкій миссіонеръ, священникъ *Мейнгардтъ*, построилъ церковь близъ селенія Икескола (около нынѣшней Риги), а потомъ, при помощи собравшихся около него нѣмцевъ, воздвигъ и замокъ. Латыши и Ливы туго поддавались проповѣди христіанской, тѣмъ болѣе, что Слово Божіе проповѣдывалось имъ на чуждомъ для нихъ языкѣ, и проповѣдники относились къ своей паствѣ весьма сурово, болѣе помышляя о захватѣ земель, нежели о проповѣди. Убѣдившись въ этомъ, туземцы возстали противъ пришельцевъ и стали избивать ихъ немилосердно. Но на выручку Нѣмцамъ явился новый епископъ, *Альбертъ Буксгевденъ* (1199 г.), человекъ находчивый и энергическій, и привелъ съ собою большое войско. Туземцы вынуждены были покориться силѣ, и стали креститься по неволѣ; а епископъ Альбертъ построилъ крѣпкій городъ *Ригу* и въ немъ основалъ свою резиденцію. Затѣмъ уже, подъ предлогомъ болѣе успешной борьбы съ язычествомъ, и какъ бы для защиты новыхъ христіанъ отъ ихъ злобы, Альбертъ выпросилъ у папы разрѣшеніе учредить особый *Ливонскій орденъ* духовныхъ рыцарей, подъ названіемъ «Меченосцевъ». Рыцари этого ордена получили отъ папы право на владѣніе покоренными землями, въ зависимости отъ мѣстнаго епископа. Во главѣ ордена былъ поставленъ особый, избираемый изъ среды ордена *магистръ*. Тогда уже миссіонерская дѣятельность Альберта свелась прямо къ завоеванію: туземцамъ навязывали крещеніе насильно, крестили ихъ разомъ цѣлыми селами, непрерывно грозя имъ огнемъ и мечемъ. Малѣйшее неповиновеніе или сопротивленіе подавлялось самыми жестокими мѣрами и ужасными насиліями. Мало-по-малу, меченосцы овладѣли всѣмъ прибалтійскимъ побережьемъ, а затѣмъ стали простирать свои виды и далѣе, направляя удары въ сторону Новгородской земли, у которой они вскорѣ отняли городъ *Юрьевъ*, построенный Ярославомъ Мудрымъ (и переименовали его въ *Дерптъ*). Съ этой-то поры началась на Новгородской окраинѣ упорная борьба съ Нѣмцами, длившаяся нѣсколько столѣтій, и въ которой Новгородцы оказали Русской землѣ большія услуги, отстаивая цѣлость ея территоріи отъ чужеземнаго захвата и область Церкви своей отъ попятки распространенія въ ней католицизма.

Очеркъ вун-
тренняго
быта Руси до
конца XII в.

Если мы оглянемся на результаты очерченныхъ намъ трехъ вѣковъ исторической жизни Русскаго народа до конца XII вѣка, то мы должны будемъ придти къ тому выводу, что въ общемъ своемъ составѣ русское общество конца XII и начала XIII вѣка, по уровню своего образованія, по понятіямъ и воззрѣніямъ, по обычаямъ и быту, въ большей своей части, нимало не отличалось отъ современнаго общества европейскаго, а по нравственности своей стояло даже и значительно выше общества европейскаго. Мы видимъ и общественныя, и сословныя, и юридическія отношенія правильно установленными, органически-развивающимся, под-

чиненными общему, равному для всѣхъ, писанному закону. Съ одной стороны мы видимъ князей съ ихъ дружинами, какъ власть административную и судебную, ограниченную однакоже и закономъ, и обычаемъ, съ другой—видимъ городское и сельское поселенія, людей (какъ они себя называли) свободныхъ и не тѣснимыхъ ни чьимъ произволомъ. Видимъ раздоры и междоусобныя войны между князьями, въ которыхъ люди не принимаютъ никакого участія, не сочувствуя частнымъ и личнымъ интересамъ князя, и видимъ городское и сельское населеніе цѣлыхъ областей, которое, какъ одинъ человѣкъ, вступаетъ за своего любимаго князя. Видимъ и такіе примѣры, когда князь, давно уже не правящій извѣстною землею, спѣшитъ издалека на выручку ея гражданъ отъ какого-нибудь бѣдствія и опасности, и жертвуетъ для этого своимъ спокойствіемъ и личною безопасностью. Женщина занимаетъ въ обществѣ видное, выдающееся положеніе; она является и опекуншею дѣтей своихъ, и воспитательницею; ея личная свобода ничѣмъ не стѣснена, и въ то же время ея права имущественныя и нынѣ вполне обезпечены закономъ. Княжны и княгини строятъ храмы, учреждаютъ монастыри, путешествуютъ по святымъ мѣстамъ—въ Царьградъ и на поклоненіе Гробу Господню; въ распряхъ между князьями онѣ являются миротворицами и ходатаями за обиженныхъ и угнетенныхъ. Церковь Русская, по сравненію съ любовью изъ Церквей Западной Европы, имѣла несомнѣнныя и важныя преимущества: она говорила съ народомъ на языкѣ ему понятномъ и жила съ нимъ одною жизнью. Богослужбныя книги и Св. Писаніе были внесены въ Русскую землю въ славянскомъ переводѣ Св. Кирилла и Меодія, и художественно-созданный и выработанный языкъ этого перевода въ такой же степени послужилъ основой для развитія древне-русской литературы и письменности, въ какой и латинскій текстъ Св. Писанія на Западѣ послужилъ основой средневѣковой латинской литературы и письменности. Великимъ преимуществомъ Церкви Русской было еще и то, что она, находясь въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ къ князьямъ и дружинѣ, никогда не посягала ни на какое участіе въ мірской власти, строго держалась церковнаго устава, составленнаго по образцу греческаго Номоканона (еще при князѣ Владимірѣ Равноапостольномъ; дополненнаго при Ярославі І). Своими проповѣдями и примѣромъ русское духовенство много способствовало общему улучшенію и смягченію нравовъ; въ этомъ отношеніи особенно важно то право суда, которое представлялось духовенству церковнымъ уставомъ, такъ какъ церковному суду подлежали всѣ преступленія противъ религіи, нравственности и семейной жизни. Весьма важное значеніе въ древне-русской жизни имѣли и монастыри, не только какъ центры религіозныя, но и какъ разсадники просвѣщенія. Въ монастыряхъ велись лѣтописи, писались книги, переводились сочиненія съ греческаго, латинскаго и древне-болгарскаго языковъ на древне-русскій. Князья и дружина ихъ представляли собою сословіе не только грамотное, но и въ болѣе обширномъ смыслѣ образованное; многіе изъ князей знали по нѣскольку иноземныхъ языковъ, а знаніе греческаго языка было въ княжескѣ средѣ довольно обычнымъ; многіе князья собирали у себя въ палатахъ цѣлыя библіотеки книгъ, за которыя, по тому

времени, приходилось платить очень дорого, и ничего не жалѣли на приобритеніе книжной премудрости. Въ княжеской и дружинной средѣ и зародились тѣ первые начатки свѣтской литературы (изъ нихъ дошло до насъ очень немногое), которые могли сулить ей въ будущемъ блестящее развитіе; авторами этихъ произведеній, какъ и на Западѣ, были міряне, изъ дружинниковъ или *княжескихъ тѣщовъ* (своего рода миннезэнгеровъ). Понятно, что при такомъ уровнѣ образованности,—повторяемъ: ни въ чемъ не уступавшемъ европейскому—и связи съ Европой были тѣсны, и сношенія оживленны. Это особенно ярко проявляется въ томъ, что браки между русскими княжескими родами и княжескими родами греческими и западно-европейскими были явленіемъ весьма обычнымъ. Припомнимъ въ доказательство хотя бы времена Ярослава Мудраго: самъ онъ былъ женатъ на дочери норвежскаго короля Олафа, *Ингигерды*; его сестра *Марія* была въ замужествѣ за королемъ польскимъ Казиміромъ (1043 г.); дочери: *Анастасія*—за венгерскимъ королемъ Андреемъ; *Елисавета*—за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ IV; *Анна*—за королемъ французскимъ Генрихомъ I. Греческія царевны выходили за русскихъ князей:—отецъ Мономаха былъ женатъ на греческой царевнѣ. Съ другой стороны, на тѣсную близость Европы (не только Западной, но и Средней) съ древнею Русью до-монгольскаго періода указываетъ и общность интересовъ экономическихъ и торговыхъ:—древняя Русь къ началу XIII вѣка занимала уже такое видное мѣсто въ торговлѣ обще-европейской, что средне-европейскія торговля товарищества (вскорѣ послѣ своего возникновенія) уже не могли обойтись безъ участія Руси и даже суровая Ганза включила Новгородъ въ сѣть своихъ торговыхъ конторъ и факторій, какъ равноправнаго участника и компаньона. Но въ первой половинѣ XIII вѣка на Русь обрушилось страшное и нежданное бѣдствіе, которое разомъ отдѣлило ее отъ остальной Европы и замедлило ходъ ея развитія на цѣлыхъ два вѣка, исключительно сосредоточивъ всѣ нравственные и умственные силы Русскаго народа на заботахъ о личной безопасности и охраненіи важнѣйшихъ, основныхъ началъ Русской жизни *).

*) Иллюстраціи, помѣщаемыя нами въ русскомъ отдѣлѣ «Всеобщей Исторіи» профессора О. Тегера, должны носить на себѣ нѣсколько иной характеръ, сравнительно съ иллюстраціею другихъ отдѣловъ книги, потому что наша старина вообще бѣдна вещественными памятниками; такъ напр., болѣе или менѣе достовѣрные портреты нашихъ князей и царей начинаются не ранѣе, какъ со времени Василія III, а медали съ изображеніями правителей стали чеканить у насъ не ранѣе, какъ съ Петровскаго времени. Вотъ чѣмъ объясняется отсутствіе подобнаго рода памятниковъ на страницахъ нашей книги. *Ред.*

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Отъ начала Крестовыхъ походовъ до Рудольфа Габсбургскаго.

(1096—1273 гг. по Р. Хр.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первые Крестовые походы.—Италія и Германія въ царствованіе Генриха V, Лотарія Саксонскаго и Штауфена Конрада.

Замѣчательное и богатое своими послѣдствіями движеніе, извѣстное подъ названіемъ Крестовыхъ походовъ, составляетъ одинъ изъ эпизодовъ той великой борьбы между Востокомъ и Западомъ, которая, лишь мѣняя видъ и окраску, тянется черезъ всю исторію, и въ которой то Востокъ, то Западъ принимаютъ на себя роль наступательную. Какъ христіанство, такъ и исламъ, заявляли свои притязанія на всемірное религіозное господство. По внѣшности и вслѣдствіе заимствованія христіанскихъ идей исламомъ, у нихъ было много общаго, но все же они существенно исключали другъ-друга, и ихъ отношенія могли быть только враждебными. На Западѣ Европы, въ концѣ XI вѣка, побѣда въ такой борьбѣ осталась за христіанствомъ: мусульмане должны были очистить Сицилію; послѣдняя

положеніе
дѣль на
Востокѣ.
Сельджуки.

твердыня ихъ въ Галліи, Фраксинетъ, была взята и раззорена туземцами области, вскорѣ по смерти Оттона I; они вытѣснялись и изъ Испаніи, какъ было указано выше. Но на Востокъ дѣла приняли угрожающій оборотъ для христіанства и его передового поста, Восточной Римской имперіи. Тюркское племя, называвшееся или названное по имени своего вождя, Сельджука, *сельджуки*, вторглось въ Багдадскій калифатъ въ началѣ XI столѣтія; немногочисленные, но твердо сплоченныя военныя силы скоро одолѣли разединенныхъ всяческою враждою мусульманскихъ владѣтелей и вождей въ этихъ западно-азіатскихъ мѣстностяхъ. Въ то самое время, когда Мораветы распространяли съ новымъ успѣхомъ магометанскую вѣру въ Западной Африкѣ, Сельджуки основали свои султанства въ Сиріи и Малой Азіи. Послѣ того, какъ глава ихъ, султанъ Альпъ-Арсланъ, нанесъ тяжкое поряженіе греческому императору Роману-Диогену, въ 1071 г. (въ Арменіи, близъ Манцикерта), Сельджуки стали владыками Малой Азіи, и Святая Земля, Палестина, оказалась тоже въ ихъ рукахъ. Самъ императоръ былъ взять ими въ плѣнъ и преемникъ его, Михаилъ VII, обратился за помощію къ папѣ Григорію VII, суля ему въ будущемъ въ видѣ награды: воссоединеніе Восточной и Западной Церкви.

Прежнія
паломни-
чества.

Оборотъ дѣлъ на Востокѣ служилъ уже, самъ по себѣ, къ возбужденію умовъ на Западѣ. Паломничества къ Св. Гробу и другимъ святынямъ не прекращались, собственно, никогда на Западѣ; люди, неудовлетворившіеся обѣтомъ странствованія къ Св. Яго Кампостельскому или въ Римъ, къ гробницамъ апостоловъ Петра и Павла, находили успокоеніе своей тревожной совѣсти, утоляли свою жажду сверхобычнаго духовнаго подвига, странствуя на поклоненіе Святой Землѣ. Подъ влияніемъ извѣстныхъ уже намъ своею силою идей, умножалось число этихъ странниковъ съ раковинами, нашатыми на шакѣ и пилигримскими посохами въ рукахъ. Въ громадной процессіи, двинувшейся въ Палестину въ 1064 г., вслѣдъ за майнцскимъ архіепископомъ Зигфридомъ, желавшимъ искупить свою лицемѣрную, грѣховную жизнь такимъ покаяніемъ, насчитывалось не менѣе 7,000 человекъ. Эти пилигримы молились у Гроба Господня, купались въ водахъ Иордана и приносили съ собою, при возвращеніи домой, всякія памятные вещицы и реликвіи, если оканчивали благополучно свое долгое и опасное странствованіе, а не были дорогою ограблены или убиты, что случалось тоже не рѣдко. Вообще, магометанскіе владыки Св. Земли не пренятствовали прежде такимъ паломничествамъ, но теперь дѣло приняло иной оборотъ: Сельджукамъ не были, разумѣется, безызвѣстны переговоры, возникшіе между Римомъ и Константинополемъ, и они перемѣнили, сообразно тому, свой образъ дѣйствій: вскорѣ стали всюду доноситься слухи о притѣсненіяхъ, насиліяхъ и вымогательствахъ, которымъ подвергались поклонники, шедшіе къ Гробу Господню.

Григорій VII, въ безпредѣльныхъ замыслахъ своего церковнаго владычества, вовлекавшаго его въ борьбу, которая и загубила его, никакъ не могъ осуществить своего грандіознаго замысла о воссоединеніи обѣихъ Церквей и завоеваніи Святой Земли; напротивъ того, его необузданный союзникъ, норманскій король, Робертъ Гискаръ, вторгнулся въ Византійскую имперію именно въ то время, когда ея новый

императоръ Алексѣй, изъ дома Комниновъ (Алексѣй I, съ 1081), храбрый и доблестный властитель, укрѣнилъ государство настолько, что могъ снова приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Сельджуковъ. Попытка Гискара не удалась; Алексѣй могъ тоже съ успѣхомъ отразить Печенѣговъ,—дикое племя, появившееся изъ-за Балканъ; но ослабѣвшему государству было уже не подѣ силу выбить и Сельджуковъ изъ ихъ грозной позиціи въ Малой Азіи; Алексѣй обратился, поэтому, за помощью къ папѣ Урбану II.

Самая мысль о богоугодной войнѣ за освобожденіе Святыхъ мѣстъ изъ-подъ власти невѣрныхъ, пустила корни уже давно на Западѣ. Миръ Господень и христіанская совѣсть возбраняли братоубійственныя столкновенія между христіанами, а стихійнымъ стремленіямъ къ рѣзвѣ указывалась теперь болѣе достойная цѣль. На многочисленный духовный съѣздъ въ Пиаченцѣ (мартъ 1095) прибыли и посланцы Алексѣя, и не мало присутствовавшихъ тутъ же дали обѣтъ отправиться на помощь христіанскому царю, въ Константинополь. Дѣло шло объ этомъ прежде всего; именно въ этомъ видѣ воплотилась впервые возвышенная идея; но скорѣе движеніе разрослось и замыслы перешагнули за эту первую цѣль, такъ что, когда папа прибылъ въ свою родную землю,—въ которой былъ настоящимъ владыкою онъ, а не король Филиппъ,—и созвалъ соборъ въ Клермонтѣ, то на этотъ съѣздъ посѣщали не одни духовные сановники, епископы и аббаты, но и безчисленные толпы мірянъ высшаго и низшаго званія. И когда папа Урбанъ, подѣ открытымъ небомъ,—потому что никакое зданіе не могло-бы вмѣстить этихъ тысячъ,—сталъ говорить объ угнетеніи христіанъ «нечестивыми Агарянами», то его собственное одушевленіе увлекло его, встрѣтивъ еще болѣе восторженный откликъ въ собраніи; тысячи устъ повторили единогласно: «Deus lo volt! Господь того хочетъ!»—одобряя великое начинаніе, требуя его и приступая къ нему теперь же, не съ одною цѣлью помочь Алексѣю, но и ради завоеванія Иерусалима. По разсказамъ, многіе тутъ же нашли себѣ красные кресты на одежду, въ ознаменованіе себя воинами Христовыми, и первымъ изъ нихъ былъ епископъ поійскій Адемаръ, котораго Урбанъ и нарекъ полномочнымъ вождемъ похода, благоразумно воздерживаясь отъ личнаго принятія этого дѣла на себя.

Среди духовныхъ народныхъ проповѣдниковъ, распространявшихъ мысль о походѣ, выдавался особенно одинъ отшельникъ изъ амиенской спархін, Пётръ, которому легенда—а по ея слѣдамъ и историческое воззрѣніе—приписываютъ болѣе и непосредственнѣйшее участие въ движеніи, нежели то было въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что проповѣди этихъ людей были обращены къ весьма воспримчивымъ слушателямъ. Простой народъ, крайне невѣжественный, способный на всякое преувеличеніе воображенія во мракѣ своихъ суевѣрій, ждалъ себѣ всевозможныхъ наградъ земныхъ и небесныхъ за свое участіе въ предпріятіи, и Церковь не скупилась на всяческія обѣщанія, выставляя на видъ смягченіе церковныхъ каръ и другія приманки; многихъ влекло тоже отнюдь не благочестіе, но эгоизмъ и корысть; они жадно грезили о захватѣ сокровищъ или свѣтской власти въ завоеванныхъ странахъ. Мысль о походѣ была особенно

Урбанъ II.
Съѣздъ въ
Клермонтѣ.

Агитація въ
пользу Крестоваго по-
хода.

популярна во Франціи и распространилась здѣсь, какъ повѣтріе; нѣсколько медленнѣе назрѣвала она въ Италии, Испаніи, Англии и Скандинавіи. Въ Германіи къ ней относились еще вполнѣ скептически, когда уже, весною 1096 года, большія, беспорядочныя толпы поселеняи, монаховъ и всякихъ бродягъ двинулись вдоль Рейна, подъ предводительствомъ двухъ рыцарей, изъ которыхъ одинъ прозывался многозначительно Вальтеръ «Senzavehor» или «Senzaveir» (Sans Avoir), то-есть, Вальтеръ «Неимущій». Съ ними шелъ и Петръ Аміенскій, который сталъ проповѣдывать въ Кельнѣ. Возбужденный фанатизмъ обрушился, въ рейнскихъ городахъ, всѣмъ своимъ ужасомъ на евреевъ, которыхъ тщетно, хотя и непритворно, старались защитить епископы. Предлогомъ къ погрому было то, что они, то-есть, нѣкоторые изъ предковъ ихъ, за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ, распяли Спасителя; съ большимъ основаніемъ обвинялись они въ томъ, что безбожно пользовались нуждою многихъ проходившихъ паломниковъ. Фанатики хватались за такіе удобные предлоги, если, вообще, нуждались въ нихъ. Эти передовыя полчища, валившія безъ всякаго порядка и руководительства, приходили въ неизбѣжное столкновеніе съ жителями тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя тянулись. Такъ, одна такая громадная орда, приблизительно въ 200,000 человекъ и подъ начальствомъ нѣсколькихъ дворянъ, вступила въ открытую войну съ Венгерцами и ихъ королемъ Коломаномъ (съ 1093 г.), при чемъ была большею частью уничтожена. Петръ Аміенскій прибылъ съ своимъ отрядомъ,—около 40,000 человекъ,—благополучно въ Константинополь. Онъ былъ настолько благоразуменъ, что хотѣлъ выждать здѣсь прибытія болѣе надежнаго войска; но толпа стремилась впередъ, требуя, чтобы онъ велъ ее въ Азію; тамъ, вступивъ въ слишкомъ неравныя битвы съ Сельджуками, эти несчастные были почти поголовно перебиты или взяты въ плѣнъ. Самъ Петръ Пустынникъ успѣлъ вернуться въ Константинополь. Можно считать навѣрное, что уже болѣе ста тысячъ людей погибло, прежде нежели выступило въ походъ настоящее войско.

Главное
войско.

Къ странностямъ этого перваго похода, отъ котораго вѣтъ особымъ романическимъ очарованіемъ, принадлежитъ еще то, что во главѣ его не было ни одного кружнаго властителя, и что два государя, нѣмецкій и французскій короли, находились въ это время подъ гнетомъ церковнаго отлученія. Одни большіе феодалы собирали вокругъ себя, единолично или сговорясь съ другими, своихъ вассаловъ съ ихъ служилыми людьми. Такъ дѣйствовали во Франціи: богатый прованскій владѣтель, графъ Раймондъ Тулузскій, графъ Гуго Вермандуа, братъ короля Филиппа, Стефанъ, владѣтель Блоа и Шартра, герцогъ норманскій, Робертъ, братъ англійскаго короля Вильгельма II, и графъ фландрскій Робертъ. Изъ нѣмцевъ былъ впереди всѣхъ герцогъ Нижней Лотарингіи (съ 1089 г.), Готфридъ Бульонскій, со своими двумя братьями, Евстаѳіемъ и Бальдуиномъ. Изъ Италиіи явились два норманскихъ князя: Воэмундъ, сынъ Роберта Гискара, и его племянникъ Танкредъ. Однихъ этихъ именъ достаточно для доказательства того, что князьями руководило не одно религіозное настроеніе: норманские искатели приключеній имѣли въ виду никакъ уже не борьбу во имя Господне, а помышляли, съ самаго начала, о возможности захвата земель и владѣній въ тѣхъ восточныхъ странахъ.

Общаго предводительства при этомъ быть не могло; каждый князь шелъ съ своимъ войскомъ къ Константинополю по удобнѣйшему для себя пути; такъ, Лотарингцы съ Готфридомъ слѣдовали Дунаемъ, Раймундъ съ Провансальцами черезъ Далмацію, часть Французовъ и Норманны изъ Апуліи—моремъ. Эта слишкомъ обильная помощь привела въ затрудненіе императора Алексѣя; онъ оградилъ себя отъ ближайшей опасности, потребовавъ отъ главныхъ вождей вассальной присяги на тѣ земли, которыя могли быть завоеваны ими. Наименьшее сопротивленіе этому оказалъ тотъ, на котораго можно было менѣ всего полагаться: Боэмундъ. Самый знатный изъ вождей, графъ Гуго, тоже не затрудился дать присягу, но Готфридъ, прибывшій съ Нѣмцами къ Константинополю 23 декабря 1096 г., оказывался упорнымъ. Послѣ долгихъ и тщетныхъ переговоровъ, въ самую Страстную пятницу 1097 г., Алексѣй рѣшительно выступилъ въ бой противъ Лотарингцевъ и нанесъ имъ полное пораженіе. Герцогъ покорился этому «Божьему суду» и, вслѣдъ за нимъ, всѣ прибывавшіе вожди приносили присягу, за исключеніемъ одного Раймунда, въ характерѣ котораго странно соединялись гордость, монашеское смиреніе, набожность и алчность. Но и для него была придумана, наконецъ, особая формула присяги, которую и онъ согласился принести.

Вожди крестоносцевъ подъ Константинополемъ.

Войска, переправившагося въ Малую Азію, насчитываютъ громадную цифру: отъ 300 до 400,000 вооруженныхъ людей; ясно, что убыль должна была быть громадной съ первыхъ же дней, потому что военныя средства того времени были вовсе не приспособлены къ веденію войнъ въ совершенно чужихъ земляхъ, при крайней отдаленности отъ родины и при обремененіи такою массою людей. Первая атака была направлена противъ хорошо укрѣпленной Никеи, главнаго города Килиджъ-Арслана, самаго могущественнаго изъ сельджукскихъ эмировъ или султановъ Малой Азіи. При битвѣ въ открытомъ полѣ западно-европейскіе рыцари выказали свое превосходство, но городъ палъ, 20 іюня, вслѣдствіе тайной сдѣлки, благодаря которой византійскія войска въ него проникли. Обладаніе этимъ городомъ имѣло громадное значеніе для Алексѣя, который вознаградилъ за него паломниковъ другими богатыми дарами. Спустя десять дней, крестоносцы встрѣтились на Дорилейской равнинѣ съ большимъ сельджукскимъ отрядомъ, собраннымъ Килиджъ-Арсланомъ. И на этотъ разъ побѣда осталась за христіанами; при ихъ дальнѣйшемъ слѣдованіи черезъ Малую Азію, они много терпѣли отъ жара и неудовлетворительности своихъ порядковъ, но непріятель не тревожилъ ихъ болѣе. Сельджукская власть не укоренилась еще глубоко и подрывалась раздорами, какъ и весь мусульманскій міръ; притомъ, естественными союзниками крестоносцевъ являлись Армяне, поселившіеся между среднимъ Евфратомъ и Тавромъ, основавъ здѣсь нѣсколько княжествъ. Уже въ этихъ мѣстностяхъ поднялся споръ между Норманномъ Танкредомъ и Балдуиномъ, братомъ Готфрида. Услѣвъ пріобрѣсть расположеніе населенія своими побѣдами надъ Сельджуками, въ теченіе зимы, Балдуинъ вытѣснилъ изъ Эдессы туземнаго князя и утвердилъ его власть за собою.

Въ Малой Азіи.

21 окт. 1097 г. главная часть войска христіанъ подошла къ хорошо укрѣпленной и обильно-снабженной продовольствіемъ многолюдной Антиохіи.

Осада Антиохіи.

Но они не только встрѣтили здѣсь сильныя препятствія, а подверглись даже большой опасности. Не было никакого единства въ начальствѣ надъ арміей, набранной изъ людей различныхъ національностей, въ числѣ которыхъ было множество неподчинявшихся дисциплинѣ бродягъ или случайно взявшихся за оружіе. Предположеніе о томъ, что главно-командующимъ былъ Готфридъ Бульонскій, вовсе неосновательно; скорѣе наиболѣе выдающимся изъ вождей былъ Боэмундъ, хотя тоже никакъ не старшимъ военачальникомъ или, тѣмъ болѣе, единовластнымъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій. Однако, осада, хотя и лишняя правильнаго плана, все же подвигалась впередъ; къ устью Оронта прибыли новыя толпы пилгримовъ, большую часть на генуэзскихъ и пизанскихъ судахъ: смѣтливые судовладельцы и торговцы уже снѣжили воспользоваться движеніемъ для своихъ выгодъ. Магометанскіе вѣластиители въ Багдадѣ и Каирѣ не думали, съ своей стороны, о томъ, чтобы выручить городъ, столь важный для ислама, соединенными силами; одинъ Кербога, эмиръ изъ Мосула на Евфратѣ, двинулся впередъ съ большимъ войскомъ. Крестоносцамъ грозила большая опасность, но Боэмундъ завязалъ сношенія съ однимъ армянскимъ ренегатомъ, жителемъ Антіохіи, и спасъ своихъ христіанскихъ братьевъ; только, какъ иный сынъ Гискара, онъ заставилъ ихъ купить это спасеніе цѣною уступки Антіохіи ему во владѣніе. Приступивъ къ штурму въ мѣстѣ, условленномъ имъ съ армяниномъ и неожиданно для осажденных, онъ завладѣлъ городомъ (2 іюня 1098); однако, Сельджуки удержали за собой цитадель, находившуюся въ южной, возвышенной части города, и когда, черезъ нѣсколько дней, подошелъ Кербога съ своимъ многочисленнымъ войскомъ, христіане оказались окруженными и въ весьма опасномъ положеніи. Ради своего спасенія, многіе забывали свои обѣты и спускались за стѣну на веревкахъ, чтобы очутиться на свободѣ; но религиозное настроеніе восторжествовало еще разъ. Одинъ человѣкъ простого званія, по имени Петръ-Варооломей, заявилъ своему господину, что ему явился во снѣ Св. Андрей и указалъ ему на мѣстонахожденіе драгоценнѣйшей реликвіи: того самого коня, которымъ было прободено тѣло Спасителя. Стали рыть землю въ указанномъ мѣстѣ и нашли коня; общее воодушевленіе и сознаніе опасности возстановили тогда согласіе между христіанами, между тѣмъ какъ раздоръ продолжалъ господствовать въ мусульманскомъ лагерѣ. Подкрѣпивъ духъ войскъ всѣми средствами, христіане произвели, 28 іюня, большую вылазку, кончившуюся удачей и освобожденіемъ осаднаго отряда. Но согласіе было возстановлено этимъ успѣхомъ лишь на время; оно скоро нарушилось, особенно при новой бѣдѣ: появленіи заразной болѣзни, жертвою которой палъ и папскій легатъ Адемаръ. Поднялись распри, даже и на религиозной почвѣ: Норманны прерипались съ Провансальцами, оспаривая подлинность найденнаго священнаго коня. Толпа становилась, между тѣмъ, все нетерпѣливѣе, обращая взоры на конечную цѣль своего похода: Святой городъ. Требованія ея становились столь грозными, наконецъ, что вожди рѣшились тронуться съ мѣста. То же повторилось подъ Триполисомъ, подъ которымъ хотѣлъ остановиться графъ Раймундъ Тулузскій, чтобы завоевать себѣ тутъ, по дорогѣ, владѣніе, подобно тому, какъ врагъ его, Боэмундъ, взялъ себѣ

Антиохію. Наконецъ, 7 іюня 1099 г., войско достигло высотъ, съ которыхъ открывается видъ на Святой городъ. Здѣсь возобновился общій взрывъ восторга: всѣ пали на колѣни, славя Господа за то, что сподобилъ ихъ дожить до такой минуты.

Городъ защищали войска кайрскаго султана изъ дома Фатимидовъ, подъ начальствомъ султанскаго визиря; число способныхъ носить оружіе было въ христіанскомъ лагерѣ уже не велико: около 20,000 человекъ. Первый штурмъ не удался. Но поблизости оказался мѣсъ, доставившій строительный матеріалъ для двухъ подвижныхъ башенъ; осадное искусство того времени не шло еще далѣе средствъ, завѣщанныхъ древностью. Генуэзскія суда прибыли тоже какъ разъ въ-время въ Іффекую гавань съ нужными приспособленіями и орудіями. Послѣ вооруженной процессіи вокругъ города для воодушевленія воиновъ, 14 іюля было приступлено къ отчаянно-смѣлой попыткѣ—новому штурму. 15 числа, утромъ въ 9 часовъ,—по другимъ источникамъ, послѣ полудня,—осаждающимъ удалось спустить подъемный мостъ съ восточной башни на стѣну, а въ другомъ мѣстѣ пробить брешь, благодаря чему ворвались въ городъ, съ одной стороны Готфридъ и его братъ, съ другой—Норманны: Танкредъ и герцогъ Робертъ; съ третьей—успѣли вскорѣ проникнуть и Провансалцы, воспламененные появленіемъ «небеснаго борца съ Масличной горы». Цѣль была достигнута, хотя и цѣною громаднаго урона въ людяхъ, и было еще впросомъ, стоило-ли добывать этотъ городъ цѣною такихъ жертвъ. Побѣдители удовлетворили, прежде всего, свою жажду мщенія, безпощадно истребивъ все сарацинское населеніе во взятомъ городѣ. Описанія этого побоища достигаютъ апокалипсическаго навоеса: «крови было пролито столько, что она доходила до конскихъ удилъ». Обыкновенно, такіе отчеты кровавѣе самой дѣйствительности, но нѣтъ однакоже сомнѣнія, что здѣсь и въ эти минуты совершались ужасы, превосходившіе видѣнное когда-либо на землѣ, и тѣмъ болѣе грустные и позорные, что опьянѣніе фанатизмомъ ставило ихъ еще въ заслугу людямъ. Затѣмъ, войны омылись отъ грязи и крови, слѣдовъ битвы и грабежа, и потянулись всею толпою на покаянное поклоненіе Гробу Господню.

Но положеніе дѣлъ требовало немедленнаго принятія мѣръ для сохранения за собою великаго завоеванія. Было необходимо учредить здѣсь правленіе. Весьма характерно то, что духовныя лица, бывшія при войскѣ, воплѣ проникнуція крайнимъ понятіемъ о превосходствѣ божескаго надъ человѣческимъ и духовнаго надъ мірскимъ, — что въ то время и въ ихъ сословіи принималось за равнозначущее, — требовали учрежденія церковнаго государственна, избранія патриарха; столь же характерно и то, что свѣтскіе власти, изъ которыхъ весьма многіе понимали, что важныя политическіе вопросы не рѣшаются одними словами, противились этому предложенію и рѣшились избрать мірскаго правителя. Но самый титулъ его смущалъ нѣкоторыхъ, и весьма возможно, что не одному только недалекому графу Раймунду Тулузскому (ему первому была предложена власть) казалось грѣхомъ принятіе королевскаго титула, и вѣнчаніе королевскою короною въ томъ самомъ городѣ, гдѣ на Спасителя былъ возложенъ вѣнецъ терновый. Голоса соединились въ пользу заслуженнаго вождя,

Штурмъ
Іерусалима.
1099.

Королевство
Іерусалимское.

вполнѣ благочестиваго въ духѣ того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно опытнаго и ловкаго въ мірскихъ дѣлахъ и, сверхъ того, обладавшаго весьма цѣннымъ достоинствомъ: не выдаваться слишкомъ ни въ какомъ отношеніи. Таковъ былъ Готфридъ Бульонскій. Онъ принялъ титулъ «Охранителя Св. Гроба», при чемъ ему пришлось весьма скоро оправдывать это названіе на дѣлѣ. Фатимидскій губернаторъ Іерусалима, Алафдаль, успѣлъ спастись, вѣроятно, и съ значительнымъ числомъ защитниковъ города, собравъ подкрѣпленія, стекавшіяся къ нему теперь въ изобиліи, при возраставшемъ возбужденіи мусульманскаго міра, и стояли уже съ сильною арміею у Аскалона. Сраженіе произошло подъ стѣнами этого города; христіане, подъ предводительствомъ Готфрида, одержали полную побѣду надъ превосходными силами непріятеля; опасность была отстранена на ближайшее время.

Но завоеваніе Святой Земли было все же лишь поверхностное и оно удалось, главнымъ образомъ, только благодаря раздорамъ, волненіямъ и неустройству съ мусульманской стороны. Такое же отсутствіе единства водворилось и среди побѣдителей, порождая цѣлый рядъ борьбы и смуты, которые тянутся въ теченіе десятилѣтій, но лишены всякаго интереса. Значительнѣйшею позиціею христіанъ было княжество Антиохійское, которое Боэмундъ сумѣлъ укрѣпить за собой съ большою прозорливостію и твердостью; но его старались отнять у него и соперники-князья, и императоръ Алексѣй, и эмиры сельджукскіе. При битвѣ съ однимъ изъ этихъ послѣднихъ, онъ попалъ въ плѣнъ, приблизительно въ то же время, когда въ Іерусалимѣ умеръ Готфридъ (1100). По смерти его, тотчасъ же возникъ споръ между духовно-норманскою партіею и княземъ Эдесскимъ, Балдуиномъ, братомъ Готфрида. Будучи избранъ, Балдуинъ не пренебрегъ королевскимъ титуломъ: христіански-смиренный идеализмъ перваго іерусалимскаго властителя не проявлялся болѣе въ его преемникахъ. Всѣ одумались уже достаточно для уразумѣнія того, что и на освященной почвѣ дѣла идутъ какъ на простой, и что здѣсь, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, можно обходиться безъ королевскаго титула и сопряженной съ нимъ власти.

Успѣхи, одержанные въ 1099 г. и передаваемые съ преувеличеніями возвращающимися паломниками, вызывали сильное возбужденіе повсюду на Западѣ. Громадныя полчища Ломбардцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ отправлялись въ новый походъ, но эти силы разрознились и хотя прибыли въ Малую Азію, можетъ-быть, въ числѣ до 200,000 человекъ и помышляли о завоеваніи самаго Багдада, но не смогли даже освободить Боэмунда и жалостно погибли (1101). Въ 1103 году Боэмундъ былъ освобожденъ Сивасскимъ эмиромъ за значительный выкупъ и собралъ христіанское войско, съ которымъ думалъ взять важный Харанъ — древнюю Карра. Но онъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе при этомъ мѣстѣ, роковымъ для западнаго оружія. Боэмундъ отправился въ Италію, оставя въ Антиохіи Танкредъ. Рыцарство всѣхъ странъ отозвалось на кличъ славнаго вождя, возвѣщавшаго новый походъ, но благословенію папы Пасхалія; но этотъ походъ Боэмунда былъ направленъ болѣе противъ Греческой имперіи и оказался столь же неудачнымъ, какъ и подобное же предпріятіе его отца въ 1085 году. Среди приготовленій къ новымъ вооруженіямъ,

Бозмундъ умеръ въ Апуліи въ 1111 году. Между тѣмъ, Сельджуки вторглись снова въ Малую Азію, императоръ Алексѣй удержалъ, однако, за собою пріобрѣтенное имъ при первомъ Крестовомъ походѣ. Онъ умеръ въ 1118 г., когда между крестоносцами уже начались междоусобія: старая рознь между Норманнами и Провансальцами возгорѣлась снова. Спорили между собою Танкредъ Антиохійскій и Бертранъ, сынъ Раймунда Тулузскаго, успѣвшій получить княжество Триполійское въ качествѣ лена отъ короны іерусалимской. Между тѣмъ, даже теперь, черезъ 20 лѣтъ по взятіи Іерусалима, христіанскимъ властителямъ было трудно держаться противъ магометанъ, которые хотя и не достигали особыхъ успѣховъ при своихъ отдѣльныхъ нападѣняхъ, но не усмирялись никакими, даже самыми рѣшительными, пораженіями.

Что касалось самого королевства Іерусалимскаго, средоточія и главнѣйшаго изъ этихъ іерархически-рыцарскихъ государствъ или колоній, то вступленіе на престолъ Балдуина I доставило свѣтской власти побѣду надъ заносчивостью и безуміемъ клерикальной іерархіи. Всѣ надежды новаго государства основывались на воинскихъ доблестяхъ короля и его рыцарей, но основнаго камня благоустройства, опредѣленной національности, здѣсь не было: туземные христіане, Пуллань, Суріане, которые должны были бы служить основой, были вовсе не воинственное и ненадежное племя. Между тѣмъ, рыцарство было немногочисленно: оно насчитывалось лишь сотнями, въ лучшемъ случаѣ, возрастая внезапно до тысячъ при новомъ наплывѣ паломниковъ, но эти полчища таяли съ такою же быстротою, какъ и возникали. Съ помощью ихъ удалось оборониться отъ Египтянъ, но вырвать у нихъ столь важную позицію, какъ Аскалонъ, все еще было невозможно. Въ послѣдующіе года паломники прибывали, преимущественно моремъ, на пизанскихъ, генуэзскихъ и венеціанскихъ судахъ, такъ какъ сухопутныя дороги были закрыты: Сельджуки еще господствовали въ Малой Азіи. Колоніи выселенцевъ изъ малоазійскихъ городовъ, получившія при этомъ многія льготы, оказывали нѣкоторую помощь новому королевству; такъ, въ маѣ 1104 года, король Балдуинъ успѣлъ захватить порты Аккону, и христіане владѣли теперь, по крайней мѣрѣ, двумя приморскими городами: Акконою и Триполисомъ. Въ 1110 г., съ помощью норманнскихъ крестоносцевъ, подъ предводительствомъ ихъ короля Сягурда, былъ взятъ Сидонъ, между тѣмъ какъ мусульмане держались еще въ Тирѣ. Король Балдуинъ умеръ въ 1118 г., во время своего похода противъ Египтянъ, завлекшаго его до самаго Нила.

Ему наследовалъ, безъ всякихъ препятствій, племянникъ его, графъ Эдесскій, Балдуинъ II, который пошелъ тотчасъ же на помощь Антиохіи, тѣсной мессопотамскими Сельджуками. Дѣла приняли, повидимому, благоприятный оборотъ со смертью самаго грознаго изъ этихъ сельджукскихъ вождей, эмира Мардинскаго. Но надъ всѣмъ христіанскимъ предпріятіемъ тяготѣла какая-то роковая случайность: въ самомъ разгарѣ успѣха, Балдуинъ попался въ засаду одному магометанскому отряду. Несмотря на это, въ слѣдующемъ году (1124), съ помощью значительнаго венеціанскаго флота, былъ взятъ Тиръ, при чемъ шейхъ, въ рукахъ котораго находился Балдуинъ, выпустилъ его на свободу, взявъ съ него

Судьбы новаго государства.

клятву выплатить за себя известную выкупную сумму и не вступать въ союзъ съ его, шейха, врагами. Ни Балдуинъ, ни патриархъ антиохійскій не посовѣстились нарушить эту клятву, и король, безъ всякаго стыда, поступилъ совершенно обратно тому, въ чемъ поклялся. Въ 1130 году дѣла въ Палестинѣ обстояли, вообще, довольно благополучно. Отношенія между различными колоніями, — это названіе для нихъ подходящее, — Іерусалимомъ, Триполисомъ, Антиохіей и Эдессой, были удовлетворительны: осѣдлое населеніе умножалось, сношенія съ Западомъ приобрѣтали известную правильность и рыцарская храбрость «франковъ» производила глубокое впечатлѣніе на восточныхъ жителей; силы христіанъ силотились и

Тамплиеръ (храмовникъ) въ полномъ вооруженіи и орденской одеждѣ.

окрѣпли въ двухъ монашески-рыцарскихъ общинахъ, въ высшей степени характерныхъ для обрисовки этихъ походовъ, войнъ и государствъ. Общины эти были: орденъ *Рыцарей Храма* и орденъ *Страннопримныхъ или Иоаннитовъ*. Первый изъ нихъ былъ основанъ въ 1118 г. нѣсколькими французскими рыцарями, присоединившими къ тремъ обычнымъ монашескимъ обѣтамъ — четвертый: защищать паломниковъ и Святую Землю. Король Балдуинъ отвелъ этому ордену помѣщеніе во дворцѣ, возлѣ мѣста, на которомъ стоялъ, нѣкогда, храмъ Соломоновъ; вскорѣ, когда эти храмовники наwerbовали братьевъ и во Франціи и заручились покровительствомъ выдающихся лицъ, они образовали сильное учрежденіе, принявъ уставъ одного изъ бенедиктинскихъ орденовъ, и достигли могущества и богатства, благодаря привлеченію новыхъ членовъ и приношеніямъ. Они отличались отъ другихъ бѣлыми мантиями съ краснымъ крестомъ; эта одежда была, впрочемъ, присвоена только рыцарямъ, при которыхъ капелланы и служащая братія, оруженосцы, занимали подчиненное положеніе. Во главѣ этого хорошо организованнаго «Воинства Св. Гроба» былъ гроссмейстеръ, магистръ тамплиеровъ, который сталъ скоро занимать вліятельное положеніе не только въ Іерусалимѣ, но и въ мірѣ вообще. Второй орденъ, Страннопримцевъ, возобновилъ въ духѣ времени, подъ вліяніемъ воинственныхъ порывовъ эпохи, скромное учрежденіе одного гражданина города Амальфи, основанное имъ еще до начала Крестовыхъ походовъ, для призрѣнія недужныхъ паломниковъ. Эти рыцари, ухаживавшіе за больными въ госпиталѣ Св. Іоанна и носившіе черную мантию съ бѣлымъ крестомъ, включали борьбу съ невѣрными тоже въ кругъ своихъ обязанностей. Ихъ уставъ былъ сколкомъ съ устава тамплиеровъ и былъ тоже утвержденъ папою. Услуги ихъ были необходимы, потому что, съ 1127 г., поселеніямъ сталъ угрожать страшный врагъ въ лицѣ новаго эмира Мосульскаго, Эмаддина Зенки, и послѣ злополучнаго 1131 года, въ который скончался Балдуинъ II и второй Боэмундъ Антиохійскій, между владѣтелями возникли опять несогласія. Королевство наследовалъ графъ

Фулько Анжуйскій, супругъ старшей дочери Балдуина; Антиохія перешла къ графу Раймунду Пуатусскому, и возможность заключить союзъ съ дамаскимъ эмиромъ Анаромъ противъ Эмадедина, была большимъ счастьемъ для христіанъ. Дѣла поправлялись, повидимому; при Фулькѣ, кажется, былъ изданъ сводъ государственныхъ законовъ «Ассизы (уложеніе) королевства Іерусалимскаго», заглавіе и содержаніе котораго указываютъ на сильное преобладаніе французскаго элемента въ колоніяхъ. Это было государство лѣнное; во главѣ его находились: король со своими высшими коронными чинами и феодальное дворянство со своими подвластными; затѣмъ шли большія общины двухъ рыцарскихъ орденовъ; въ нѣкоторыхъ городахъ стояло гражданство съ дарованными ему льготами; повсюду находилось вліятельное духовенство. Среди всего этого удерживался также древній языческій обычай порѣшать дѣла «Божіимъ судомъ» посредствомъ судебного поединка.

Еще при жизни Фулька, это угрожаемое всевозможными врагами и слабое, само по себѣ, государство подверглось новой опасности. Энергичный преемникъ византійскаго императора Алексѣя, сынъ его Іоаннъ (съ 1118), одержавшій счастливо верхъ надъ своими врагами въ Европѣ, пожелалъ заявить свои права лѣннаго владыки и въ государствахъ, основанныхъ крестоносцами. Онъ достигъ здѣсь успѣха въ 1137 году. Въ 1142 году онъ появился вновь съ своей арміей. Таково было положеніе дѣлъ, когда умеръ Фулько (1143). Оно не измѣнилось и со смертью Іоанна, скончавшагося почти одновременно, такъ какъ меньшей сынъ его, Мануилъ, провозглашенный войскомъ, унаслѣдовалъ какъ воинскую доблесть отца, такъ и его притязанія.

Изъ всего сказаннаго видно, что завоеванія 1099 года могли удержаться лишь въ томъ случаѣ, если бы западные государи приняли подъ свою защиту все, что основалось здѣсь, но чему со своей стороны они оказывали лишь весьма посредственную и вялую помощь.

Самый могущественный изъ этихъ властителей, Генрихъ V, король Германскій, пользовался, съ 1106 года, неправедно приобрѣтенной имъ властью. Но если іерархическая или папистская партія надѣялась найти въ немъ правителя въ своемъ духѣ, именно послушное орудіе церковнаго направленія, то она весьма ошибалась. Собственнымъ и послѣднимъ поводомъ къ возстанію Генриха противъ отца было скорѣе, по всей вѣроятности, опасеніе, что тотъ, насколько было можно судить по его прежней дѣятельности, не выкажетъ достаточнаго отпора іерархической партіи; гнѣвъ этой послѣдней не страшилъ его, и ему была знакома монета, которою расплачиваются съ духовенствомъ. Онъ былъ великимъ мастеромъ на слова и театральныя выходки, наслѣдовалъ отъ отца его умъ, но умѣлъ сдерживать свои страсти лучше, нежели онъ. Властолюбивый и необщительный, онъ отлично угадывалъ слабости людскія и употреблялъ ихъ на свою пользу.

Самою жгучею злобою дня былъ вопросъ объ инвеститурахъ, не разрѣшенный, а лишь усложненный еще папой Урбаномъ черезъ постановленіе правила, въ силу котораго ни одинъ клерикъ не могъ состоять въ лѣнной зависимости отъ мірянина,—что было равномѣрно безусловному

Запад.
Генрихъ V.

Вопросъ объ
инвести-
турѣ.

уничтоженію инвеституры. Генрихъ V, инвестируя лэнномъ избраннаго епископа, передавалъ ему, по старому обычаю, какъ вещественные знаки достоинства, посохъ и перстень, совершая эту церемонію лично самъ или черезъ уполномоченное лицо. Этимъ обрядомъ епископъ или аббатъ вводился во владѣніе землями и правами, связанными съ даннымъ мѣстомъ, приносая, вмѣстѣ съ тѣмъ, королю лэнную присягу, которая заключала въ себѣ опредѣленные обязательства. По невѣроятному ослѣпленію своему, григоріанская партія требовала правъ и выгодъ, сопряженныхъ съ духовными должностями, отрицая всякія обязательства и необходимыя гарантіи со стороны духовенства. Германскіе епископы и высшее духовенство понимали хорошо, что за уничтоженіемъ ихъ лэнной зависимости отъ государей послѣдуетъ и отвѣтъ у нихъ лэнныхъ владѣній, и что полная ихъ независимость отъ мірянъ тѣмъ сильнѣе подчинитъ ихъ сановой іерархіи и, въ конечномъ результатѣ, папа обратитъ ихъ въ своихъ мызниковъ, которыми онъ можетъ помыкать по своей прихоти, какъ они жаловались во времена Григорія. На соборѣ въ Троа (1107) папа Паскалій II упрекалъ германскую паству въ томъ, что не находитъ въ ней желательнаго смиренія. Но далѣе того онъ не рѣшился идти, и дѣло заглохло; переговоры не были прерваны, и отношенія между папою и королемъ оставались сносными. Въ 1110 году, послѣ неособенно успѣшныхъ походовъ на Востокъ, въ Польшу, Венгрію и Богемію, Генрихъ V отпразднелъ за Альпы пѣзъ Регенсбурга, гдѣ сообщилъ князьямъ о своемъ намѣреніи. Онъ велъ съ собою большое и надежное войско: число рыцарей, вояновъ - вассаловъ, весьма умножилось при послѣдней войнѣ и большинство пѣзъ нихъ было, въ настоящую минуту, безъ дѣла. Въ свитѣ его было и нѣсколько ученыхъ мужей (*literati*), слѣдовательно, лицъ изучившихъ правовыя вопросы и способныхъ ихъ рѣшать. Какъ видно, при Генрихѣ IV, продолжительная война, междоусобная и партійная, —этотъ могучій «учитель», по мѣткому выраженію древне-греческаго историка— научила человѣчество употреблять въ дѣло и такого рода оружія. Генрихъ вступилъ въ Верхнюю Италію весьма твердо и рѣшительно. Принимали его вездѣ хорошо, и дворянство спѣшило въ его главную квартиру въ Пармѣ; сама маркграфиня Матильда выказала преданность коронѣ, въ то время какъ папа привезъ пѣзъ своей поѣздки въ Южную Италію, къ норманскимъ князьямъ, отъ этихъ старыхъ друзей Церкви одни только словесныя завѣренія. Королевскіе послы встрѣтили радушный пріемъ въ самомъ Римѣ; папа оказывался совершенно безсильнымъ въ эту минуту, но Генрихъ не скупился на снисходительныя и почтительныя выраженія въ отношеніи къ нему. Еще на походѣ, ему были предложены, черезъ посредническую церковную партію, такія условія отъ папы: онъ, король, долженъ былъ отказаться отъ инвеституры, взамѣнъ чего «церкви отказывались бы отъ своихъ (лэнныхъ) герцогскихъ, графскихъ, маркграфскихъ правъ, какъ-то: вотчинныхъ, таможенныхъ, чекана монеты и всякихъ регалій». «Церкви будутъ довольствоваться лишь своей десятиной и добротными даяніями», сказалъ папа королевскимъ посламъ.

Если папа хотѣлъ вырыть яму королю, что довольно правдоподобно, предлагая ему такія неисполнимыя условія, которые должны были пере-

вернуть вверх дномъ все общественное устройство, и произвести невѣроятную перестановку во всемъ, то попалъ самъ въ эту яму, подготовленную, впрочемъ, самымъ существомъ дѣла при данныхъ обстоятельствахъ. Генрихъ принялъ условія, надлежащія гарантіи были выданы и онъ вступилъ въ городъ весело, шумно привѣтствуемый со стороны населенія.

Вѣнчаніе его императорскою короною должно было произойти по обнародованіи договора. Король озаботился о томъ, чтобы соборъ Св. Петра охранялся его людьми; но, по прочтеніи договора, поднялся невообразимый шумъ, вызванный ознакомленіемъ толпы съ такимъ актомъ, который лишалъ равномерно и духовенство, и мірянъ ихъ достоинства и долженъ былъ породить полный хаосъ. Весьма естественное раздраженіе нѣмецкихъ епископовъ изъ свиты Генриха обратилось противъ папы, и среди подымавшагося смятенія была пролита кровь.

Папа требовалъ теперь отмѣны постановленія объ инвеститурѣ, король настаивалъ на коронованіи, обезпеченномъ ему договоромъ. Сила была на его сторонѣ, и онъ быстро рѣшилъ арестовать папу. Но оставаться долѣе на жгучей римской почвѣ онъ не хотѣлъ и покинулъ городъ послѣ кровопролитнаго дня, увозя съ

HENRI
CVS
QUINT^s

Папа Пасхалій II вручаетъ Генриху V царскую утварь.

Миниатора изъ императорской хроники 1113 года, написанной монахомъ Экгардтомъ фонъ-Аурахъ. Рукопись хранится въ Кэмбриджѣ. Эта хроника — главный источникъ для временъ Генриха V, къ которому, повидимому, авторъ былъ очень близокъ.

собой папу и нѣсколькихъ кардиналовъ. На его сторонѣ были мірскіе интересы многихъ и потому онъ могъ дерзнуть на то, чего не смѣлъ ранѣе сдѣлать ни одинъ король. Пасхалій-же не походилъ на какого-нибудь Григорія VII; его осаждали уговорами уступить, а король, опытный актеръ, осуществилъ теперь въ лицахъ свое обѣщаніе, данное имъ вначалѣ царствованія тому, кто былъ теперь его плѣнникомъ: онъ обѣщаль тогда чтить Церковь, какъ мать свою, видѣть въ папѣ отца. И поэтому онъ бросился теперь передъ папою на колѣни, какъ нѣкогда передъ своимъ отцомъ, просилъ его о прощеніи, клялся ему въ покорности,—только бы онъ оставилъ за нимъ права его предшественниковъ. И папа уступилъ: каждый епископъ или аббатъ, избранный свободно, безъ симоніи, долженъ былъ получать свой лэнъ отъ короля, и никто не могъ быть посвященъ до полученія королевской инвеституры. Генрихъ вернулся въ Римъ съ умиротвореннымъ папою, былъ увѣнчанъ императорскою короною безъ дальнѣйшихъ затрудненій, и затѣмъ отправился снова въ Германію, гдѣ при участіи и въ присутствіи множества князей и епископовъ, предалъ землѣ тѣло своего отца въ Шпейерскомъ соборѣ.

Генрихъ въ
Германіи.

Его власть не оснанивалась; обильный урожай поддерживалъ хорошее настроеніе въ народѣ. Но, естественнымъ образомъ, папа старался воротить снова то, что было исторгнуто у него хитростью и насиліемъ. Григоріанская партія осаждала его упреками, такъ что онъ, на латеранскомъ соборѣ, въ которомъ осиливали григоріанцы, отказался отъ совершеннаго имъ и призналъ обязательными для себя декреты его блаженныхъ предшественниковъ, Григорія VII и Урбана II; но на отлученіе императора еще не отваживался (1112). Князья были, съ своей стороны, раздражены тѣмъ, что Генрихъ V склонялся къ политикѣ своего отца, сблизался съ городскими общинами и водворялъ въ верхнерейнской ривиніѣ, опираясь на города Шпейеръ, Майнцъ и др., свою силу тѣмъ же порядкомъ, какъ нѣкогда Генрихъ IV въ Саксонской землѣ. Завелась прежняя игра: князья составили заговоръ, но злѣйшій изъ заговорщиковъ, архіепископъ майнцскій Адальбертъ, попалъ въ руки императора, который успѣлъ тоже усмирить мятежъ, вспыхнувшій въ Саксоніи. Благодаря всему этому, Генрихъ, празднуя свой бракъ съ принцессой Матильдой, дочерью англійскаго короля Генриха I, въ январѣ 1114 г., былъ уже окруженъ всѣмъ блескомъ законнаго властителя. На торжествѣ присутствовали герцоги: баварскій, швабскій, каринтійскій, богемскій; явился искать императорской милости и саксонскій герцогъ *Лотарій*, графъ суплибургскій, которому Генрихъ далъ Саксонію по смерти послѣдняго изъ Вилдунгеровъ (Магнуса, 1106), и который игралъ весьма недвусмысленную роль при возстаніи. Но могущество Генриха слишкомъ опиралось на внушаемый имъ страхъ и его непримиримость и граждане сильнаго города Кельна знали хорошо, что онъ не забудетъ ихъ поведенія въ 1106 г., и сопротивленіе, оказанное ими по случаю одного императорскаго похода въ Фрисландію, послужило поводомъ къ вспышкѣ новаго княжескаго мятежа, при чемъ пламя распространилось по Лотарингіи, Вестфалии, Тюрингіи, Саксоніи. Господствовавшая въ дѣлахъ неурядица видна изъ того, что одинъ изъ папскихъ легатовъ, кардиналъ Куно изъ Пренесты,

позволил себѣ безъ папскаго соизволенія, по своему личному фанатизму, провозглашать отлученіе императора, разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ, при чемъ эта нѣкотораго рода частная анаема не оставалась безъ воздѣйствія. Въ этой борьбѣ, охватившей весь Сѣверъ Германіи, счастье не благоприятствовало Генриху. Въ 1115 г. онъ потерялъ пораженіе при Вельнесголтѣ (Вельфесгольцѣ), гдѣ потерялъ лучшаго изъ своихъ сподвижниковъ, своего боевого вождя, графа Гойера фонъ-Мансфельдъ. Епископъ гальберштадтскій, принадлежавшій къ числу возставшихъ, простеръ при этомъ свою злобу до отказа въ погребеніи павшимъ сторонникамъ императора: церковный фанатизмъ старательно раздувалъ пламя раздора. Но Генрихъ былъ благоразумнѣе своего отца; онъ умѣлъ возстановлять если не право противъ права, то интересы противъ интересовъ. Ему удалось не допустить папу до открытаго участія въ дѣлѣ мятежниковъ, и когда, въ томъ же году, пришла вѣсть о кончинѣ маркграфини Тусційской, Матильды, онъ предоставилъ борьбу въ Германіи своимъ приверженцамъ, преимущественно своимъ родственникамъ, Штауфенамъ, а самъ отправился въ Италію съ женою, но безъ войска. Онъ вступилъ здѣсь, безъ всякихъ проволочекъ, во владѣніе громаднымъ наслѣдствомъ, въ которомъ никто не могъ оспаривать у него государственныхъ земель, а все остальное, что могло считаться сомнительнымъ, такъ какъ не доказана была принадлежность къ землямъ государственнымъ, (слѣдовательно, лѣннымъ, или же аллодіальнымъ владѣніямъ) подпадало, по крайней мѣрѣ временно, подъ его опеку. Онъ приобрѣталъ, благодаря этому, средства для вознагражденія за преданность и за содѣйствіе, чѣмъ и воспользовался очень широко: съ помощью привилегій, дарованныхъ городамъ, и подарковъ дворянству, онъ создалъ себѣ, хотя и недолговѣчную, но годную въ данное время и сильную власть.

Онъ договаривался съ папою. Пасхалій, человекъ совѣтливый и умѣренный, былъ самъ въ затруднительномъ положеніи, не имѣлъ силъ справиться съ фанатичными григоріанцами, интригами дворянъ и буйнымъ римскимъ населеніемъ. Пребываніе его въ Римѣ угрожало ему даже опасностью, чѣмъ ловко и твердо воспользовался король. Онъ явился самъ въ Римъ (1117), не уменьшая ни въ чемъ своихъ притязаній относительно инвеституры; но споръ все же не кончился и, напротивъ, затянулся на долгое время, потому что григоріанцы, сами по себѣ, не имѣли власти что-либо сдѣлать, а Пасхалій, котораго они никакъ не могли склонить на новое отлученіе Генриха, скончался среди этихъ запутанныхъ обстоятельствъ, въ началѣ 1118 г., пробывъ папою восемнадцать лѣтъ. Послѣ него былъ избранъ Гелазій, но онъ скрылся отъ императора; тотъ сталъ убѣждать его воротиться, давая ему дружественныя обѣщанія, но папа продолжалъ уклоняться, доказывая тѣмъ, что намѣренъ держаться двусмысленной политики своего предшественника; тогда Генрихъ быстро заставилъ избрать новаго папу, который принялъ имя Григорія VIII. Хотя Гелазію и удалось пробраться въ Римъ, однако онъ былъ тамъ не въ безопасности: ярость партій возросла до-нельзя, и онъ бѣжалъ во Францію, въ которой григоріанцы преобладали. Но онъ умеръ вскорѣ (1119), и тогда былъ избранъ, подъ именемъ Каликста II, жесточайшій противникъ

Генрихъ V
и Каликстъ.

императора, вѣнскій архіепископъ Гвидонъ, однажды уже отлучившій Генриха собственной властью. Расколъ былъ теперь полный: папы осуждали другъ друга и обоюдныхъ приверженцевъ страшными проклятіями. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что христіанская нравственность менѣе страдала, нежели то можно думать, среди такихъ распрей, способныхъ смутить совѣсть. Немногіе, хранившіе истинный завѣтъ Христовъ, столь далекій отъ подобныхъ препирательствъ, оставались тѣмъ, чѣмъ были; главная масса, какъ въ знатномъ, такъ и въ низшемъ сословіи, была не хуже и не лучше подъ однимъ знаменемъ, нежели подъ другимъ.

Вормскій
конкор-
датъ.
1122.

Генрихъ воротился, между тѣмъ, въ Германію (осенью 1118). Война взволновала страну, всюду кишѣли разбой и поджоги; впрочемъ, значительныя части государства, Швабія — Баварія, Верхняя Лотарингія — оставались спокойными. Всѣ жаждали мира и на многочисленномъ сеймѣ въ Трибурѣ (1119), въ присутствіи императора, выказавшаго лично большое благоразуміе и сдержанность, былъ установленъ миръ въ государствѣ; но расколъ не былъ устраненъ, хотя и относительно этого начались переговоры. Въ духѣ, съ которымъ они велись, чувствуется уже присутствіе новаго элемента, не чуждаго, можетъ-быть, вначалѣ и порывистому уму Григорія VII, но затѣмъ вполне забытаго имъ: то былъ элементъ юридической. Можно было уже почти сговориться, но дѣло рушилось вновь, по обоюдной нечестности или, во всякомъ случаѣ, по взаимному недоверію. На реймскомъ соборѣ, сулившемъ водвореніе мира, Каликстъ произнесъ новое церковное отлученіе противъ Генриха V; въ Германіи опять возгорѣлась война; однако, въ 1121 г., когда войска императора и возставшихъ князей и епископовъ сошлись для рѣшительной битвы у Майнца, князья нашли возможность уладить дѣло, и пользуясь такимъ случаемъ — выступить въ роли третейскихъ судей между императоромъ и папой, государствомъ и Церковью, короною и тиарой, «*regnum et sacerdotium*», какъ выражается одинъ источникъ. Комиссія изъ князей, по двѣнадцать съ каждой стороны, нашла примирительный исходъ, согласно которому, отправила общую депутацію къ папѣ Каликсту, который воротился, тѣмъ временемъ, изъ Франціи и одержалъ верхъ надъ своимъ противникомъ-папою (1121). Онъ отправилъ отъ себя легата, тоже съ примирительными инструкціями, и тогда въ Вормсѣ, на большомъ съѣздѣ (который былъ, одновременно, нѣмецкимъ національнымъ соборомъ и сеймомъ) было установлено соглашеніе, къ крайнему удовольствію заинтересованныхъ сторонъ и всей націи. Папа и императоръ издали двѣ грамоты, которыми утверждали взаимно-признаваемыя за ними права. Императоръ отказывался отъ всякой инвеституры «посохомъ и перстнемъ»; онъ допускалъ каноническіе выборы и свободу посвященія; но эти выборы епископовъ и непосредственно отъ государства зависящихъ аббатовъ должны были происходить въ присутствіи императора, внѣ всякаго принужденія или симоніи. Императоръ, отъ скипетра своего, жалуется избранныхъ коронными землями, какъ ленниковъ, а они несутъ связанная съ этимъ обязанности. Въ Германіи дарованіе лена слѣдуетъ за посвященіемъ; въ другихъ земляхъ государь даруетъ ланъ предварительно. Въсѣтъ съ тѣмъ, каждая сторона объявляла миръ и полную амнистію

приверженцамъ противной партіи. Какъ видно изъ этого, религіозное было здѣсь отдѣлено отъ мірскаго «воздавалось Божіе Богови, а Кесарево — Кесарю».

Таковъ былъ вормскій конкордатъ (1122), сверхъ того, санкціонированный еще на латеранскомъ соборѣ въ 1123 г. Каликстъ умеръ мирно (декабрь 1124) въ Латеранѣ. Образъ его не столь величественъ, какъ образъ Григорія, но онъ чище: вормское соглашеніе положило основу продолжительному установленію законности и права, а этому много способствовала умѣренность, проявленная Каликстомъ II. Менѣе удачно справлялся онъ съ силами, противоборствовавшими ему въ средѣ самого духовенства и возбуждавшими крайнія смуты въ Римѣ и его окрестностяхъ. Избраніе его преемника, Ламберта изъ Остіи, нареченнаго *Горіемъ II*, сопровождалось большими волненіями.

Въ 1125 г. скончался въ Утрехтѣ и Генрихъ V, проведя свои послѣдніе годы въ новыхъ распряхъ съ герцогомъ саксонскимъ Лотаріемъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно, поссорясь тоже съ своими племянниками, братьями Штауфенами, и замышляя многое противъ Франціи, къ чему его поощряла связь съ англійскимъ королевскимъ домомъ. Онъ умеръ бездѣтнымъ и достигнувъ лишь сорокатрехлѣтняго возраста. Объ его личности и образѣ жизни сохранилось мало свѣдѣній. Въ посланіяхъ князей передъ новымъ избраніемъ говорится о тяжеломъ рабствѣ, которому они подвергались; Генрихъ былъ, дѣйствительно, жесткимъ, необходимейшимъ правителемъ; однако, къ чести его нельзя не сказать, что онъ велъ дѣла необыкновенно умно и съ сознательною твердостью, вслѣдствіе чего оставилъ государство въ положеніи несравненно лучшемъ противъ того, въ какомъ онъ его принялъ.

При взглядѣ на развитіе Германіи въ теченіе того почти столѣтія, въ которое власть принадлежала королямъ Салійскаго дома, мы видимъ вполне непоколебленнымъ еще, въ теоріи, принципъ всемірнаго господства германской короны: было принято за политическую аксіому, что германскій король долженъ быть, одновременно съ тѣмъ, и римскимъ императоромъ, и что прочіе государи и страны должны находиться въ своего рода подчиненіи у этого короля-императора. Но фактически императорская власть, въ то время, какъ она присоединила подъ свою корону Бургундію, не значила уже ничего во Франціи и въ Англии; Венгрія была тоже почти независимой; Богемія и Польша стали, по меньшей мѣрѣ, самостоятельными при смерти Генриха V, нежели были при воцареніи Конрада II. Въ Германіи и Италіи могущество императора, теоретически, было весьма велико и блескъ его усиливался именно теперь, вслѣдствіе вновь наступившаго изученія римскаго кодекса и завершения церковнаго спора, — завершения многозначительнаго для короны (*regnum*), для мірской власти, хотя въ томъ отношеніи, что имъ было установлено болѣе трезвое отдѣленіе свѣтскаго элемента отъ духовнаго въ положеніи высшихъ клерикальных сановниковъ, нежели то было возможно при прежнихъ безграничныхъ притязаніяхъ Григорія. Устранять эти притязанія навсегда было невозможно по самой естественности—или неестественности—положенія, которое приписывалось духовному званію по понятіямъ той эпохи: воз-

Кончина
Генриха.

Взглядъ на
время гос-
подства Са-
лійскаго
дома.

нося духовныхъ выше обыкновеннаго человѣчества, люди заставляли большинство этихъ лицъ, не доросшее до требуемыхъ отъ нихъ идеаловъ и обязанностей, искать себѣ удовлетворенія въ порывахъ къ власти и богатству,—порывахъ, которые не становились чище отъ того, что прикрывались великимъ именемъ Церкви.

Внутреннее благоустройство государства упрочилось въ извѣстной степени въ этотъ періодъ. Никакъ не слѣдуетъ забывать, что при упоминаніи о войнахъ и боевомъ кличѣ—отнюдь не должно представлять себѣ всегда громадныхъ воинскихъ полчищъ; затѣмъ, если въ государствѣ наступалъ рѣдко всеобщій миръ, то все же «миръ Господень» и тотъ, который поддерживали, въ своихъ отдѣльныхъ владѣніяхъ, разные вельможи, графы, герцоги, епископы или города, ради своихъ собственныхъ выгодъ, способствовалъ промышленной дѣятельности народа. Всюду крѣпло чувство родины, сознание общности германскаго отечества, которое лишь усиливалось отъ странствій въ чужія земли и паломничества въ Римъ. Одиъ изъ лѣтописцевъ XI столѣтія, мерзебургскій епископъ Адемаръ, пишетъ объ императорѣ Генрихѣ II: «Онъ одолѣлъ трудности альпійскаго перехода и снова узрѣлъ наши поля, которыя улыбнулись ему привѣтливо, потому что воздухъ и люди той чужой страны намъ не по сердцу. Въ Римской области и Ломбардіи слишкомъ преобладаютъ хитрость и коварство. Всѣхъ прибывающихъ туда встрѣчаютъ нелюбезно; за все, что требуется иностранцу, надо платить, да еще опасаться, какъ бы не обманули».

Внутренній распорядокъ былъ явно-аристократическаго пошиба. Во главѣ обществъ стоялъ *король съ своимъ дворомъ* и ему, по крайней мѣрѣ на словахъ, воздавались всякія почести. Но важнымъ недостаткомъ было именно то, что королевская власть не приурочивалась ни къ какому постоянному мѣсту; она не нашла себѣ опредѣленной резиденціи, такъ что въ Германіи не было дѣйствительнаго центра, какого-либо главнаго, стольнаго города. Старанія королей Салійскаго дома установить такую столицу были безуспѣшны. Послѣ короля, важнѣйшими по положенію были *духовные сановники*: шесть архіепископовъ (Майнцъ, Кельнъ, Триръ, Магдебургъ, Бременъ, Зальцбургъ) и сорокъ три епископа филиальныхъ епархій, существовавшихъ въ то время въ Германіи. Это составляло духовную аристократію, которой окончаніе спора объ инвеститурахъ было выгодно, поскольку оно дѣлало теперь это высшее духовенство болѣе зависимымъ отъ папы, нежели отъ короля, что, на первыхъ порахъ, было менѣе обременительно. Третью ступень занимала *свѣтская знать*, титулованные князья, вся мірская аристократія: герцоги, маркграфы, пфальцграфы, ландграфы, бургграфы, владѣльцы обширныхъ помѣстій и лица, занимавшія высшія административныя должности, которыя, понемногу, стали превращаться, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, изъ смѣняемыхъ въ пожизненныя и даже наследственныя, или уже почти таковыя. Равнымъ образомъ, *графы* были уже не правительственными чиновниками, а обладателями почетнаго титула, образуя изъ себя, поэтому, одновременно и служилое, и поземельное дворянство. Ниже этихъ, на ближайшей ступени, стояли *бароны*, владѣльцы, у которыхъ вассалами были — вла-

дѣльцы свободныхъ имѣній,—*рыцари*, и свободные люди низшаго сословія, число которыхъ уже весьма уменьшилось. Въ мірской средѣ проходило рѣшительное отдѣленіе горожанъ отъ сельчанъ; свободные вассалы переходили въ королевскіе слуги: лѣнные отношенія не заключали въ себѣ ничего унижительнаго, подлежа къ повсемѣстному общественному укладу и доставляя законно обезпеченное положеніе, освященное и обычаемъ. Для народной свободы открывалась новая, хотя и довольно отдаленная еще надежда въ развитіи городовъ, которые стали приобрѣтать значеніе именно въ періодъ владычества франкскихъ государей въ Германіи. Свободные люди въ городахъ образовали свое дворянство, патриціатъ, противу котораго несвободные сплочивались въ цехи, соответственно своимъ ремесламъ; но городская знать опиралась не столько на земельное владѣніе, сколько на движимое имущество, возрастающая сила котораго стала скоро весьма ощутительной, а естественныя условія и послѣдствія совмѣстной городской жизни должны были вкорѣ пробудить здѣсь вновь демократическія начала, почти вовсе исчезнувшія изъ остальной нѣмецкой жизни или, по крайней мѣрѣ, отступившія въ ней на задній планъ.

Аристократическій строй отпечатлѣвается и на умственной жизни: все, что можно было назвать высшимъ образованіемъ, было связано съ изученіемъ латыни, и забота объ этомъ образованіи лежала всецѣло на духовенствѣ, которое насаждало его, преимущественно, въ аристократическихъ кругахъ, къ которымъ само принадлежало. Франція и завоеванная Французами Англія далеко опередили Германію въ дѣлѣ умственнаго развитія. Во главѣ новаго богословски-догматическаго направленія, шедшаго объ-руку съ іерархическимъ, находился, какъ уже сказано выше, архіепископъ *Ансельмъ Кэнтерборійскій* а во Франціи скоро заставилъ говорить о себѣ смѣлый мыслитель и великій наставникъ *Петръ Абеляръ*; на ряду съ ключіицами, сила которыхъ какъ бы истощилась, возникли новыя ордена: *картезіанскій*, получившій свое названіе отъ обители близъ Гренобля (*La Chartreuse*) и основанный въ 1086 г. кѣльнцемъ Брунономъ; *систеріанскій* (отъ обители *Citeaux*), учрежденный близъ Дижона (1098); они возросли вкорѣ въ большую конгрегацію, подобную ключіицкой, но превосходившую ее и нашу самую себѣ, въ лицѣ одного бургундскаго дворянина, молодого *Бернара*, аббата въ Клерво, такого вождя, о громадномъ вліяніи котораго намъ придется говорить впоследствии (аббатствовалъ съ 1115 г.). Былъ основанъ еще орденъ *премонстрантовъ* нѣкимъ регентомъ хора изъ Ксантена, Норберомъ, который поселился въ одномъ округѣ близъ Лана, потомъ былъ избранъ въ архіепископы магдебургскіе и приобрѣлъ здѣсь большое значеніе въ дѣлѣ обращенія Вендовъ, еще мало подвинувшемся впередъ. Собственно общественная жизнь была тоже очень развита въ Южной Франціи. Искусство странствующихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, встрѣтившихъ такой плохой приѣмъ въ Германіи на свадьбѣ Генриха III, и, какъ мы выразились бы теперь, имѣвшихъ столкновение съ полиціей, находило покровителей въ высшихъ рыцарскихъ кругахъ и облагораживалось: поэзія, процвѣтавшая на югѣ и на сѣверѣ Франціи и создавшая стихотворные рассказы, эпическія поэмы о Карлѣ Великомъ и королѣ Артурѣ, исходила отъ мірянъ и производила сильное воздѣйствіе на

Умственная
жизнь.

миръ свѣтскій, хотя, можетъ быть, не одному клювийскому монаху и приходилось приносить покаяніе въ томъ, что и онъ усвоилъ кое-что изъ этой поэзіи въ минуту искушенія. Лишь отсюда зачалось нѣчто подобное и въ Германіи. Пѣсни и рассказы, которыми могъ тѣшиться здѣсь народъ, совершенно исчезли для насъ, но, во всякомъ случаѣ, умышленная жизнь была небогата: древнѣйшій романъ, «Рюднлибъ», произведеніе весьма посредственное, написанъ по-латыни. Влеченіе къ созданіямъ поэтическимъ могло быть занесено только Крестовыми походами, которые, сближая европейскія націи путемъ безчисленныхъ частныхъ сношеній, должны были, именно поэтому, пробудить особенности ума и силъ у различныхъ народовъ. Но Пѣмцы принимали еще мало участія во всемъ движеніи на пользу Крестовыхъ походовъ, и, повидному, не скоро еще намѣревались вознаграждать себя за потерянное время.

Борьба, происходившая у нихъ уже въ теченіе полулѣтца, далеко не исчерпала еще всѣхъ своихъ видоизмѣненій и вѣроятій исхода.

Избраніе
Лотарія.
1125.

Послѣ того, какъ послѣдній императоръ Салійскаго дома былъ схищенъ въ Шпейерскомъ соборѣ, славномъ созданіи его предковъ, именитѣйшіе князья имперіи были созваны на день Св. Варооломея въ Майнцъ для избранія новаго короля. Въ народѣ не сомнѣвались, что выборъ падеть на старшаго изъ племянниковъ покойнаго короля, швабскаго герцога *Фридриха*, человека въ самомъ цвѣтѣ мужества, — ему было тридцать пять лѣтъ, — одареннаго многими личными достоинствами и имѣвшаго значительныя семейныя связи: онъ былъ женатъ на дочери баварскаго герцога Генриха. Домъ его укрѣпилъ и распространилъ свое могущество въ юго-западной Германіи: приобрѣтая городъ за городомъ, помѣстье за помѣстьемъ, онъ властвовалъ надъ всѣми верхне-рейнскими землями черезъ посредство своихъ служилыхъ людей и вассаловъ. Повидному, самъ Фридрихъ не сомнѣвался въ своемъ избраніи; однако, на майнцскомъ сѣздѣ одержала верхъ клерикальная интрига, нити которой сплеталъ майнцскій архіепископъ Адальбертъ; Фридрихъ узналъ о ней слишкомъ поздно или былъ не въ состояніи разрушить ее, и въ королѣ былъ выбранъ *саксонскій герцогъ Лотарій*, изстари враждовавшій съ Генрихомъ V, и котораго можно назвать главою партіи Св. Петра въ Германіи. Довольно вѣроятно, что самъ онъ уклонился бы очень охотно отъ тяжелой германской короны: ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ и онъ пользовался въ Саксонской землѣ такою безусловною властью, которая не выпадала ни на чью долю со временъ Оттона. Выгодный брачный союзъ съ Рихендой, внучкой Оттона фонъ-Нордгеймъ, послужилъ основою счастья для незначительнаго графа Сунлибургскаго, который оказался достойнымъ счастья, и пользовался разумно и твердо всѣми обстоятельствами: въ то время, какъ Штауфены приобрѣтали почти королевскую власть на югѣ, Лотарій сумѣлъ достигнуть того же здѣсь, на сѣверо-востокѣ, послѣ того какъ вымерла отрасль Билунгеровъ. Онъ короновался въ Аахенѣ и, какъ истый сынъ Церкви, отправилъ пословъ въ Римъ, чтобы подтвердить свое избраніе благословеніемъ Божиимъ. Однако, желая править и охранять свою власть въ мирѣ съ Церковью, онъ не хотѣлъ служить слѣпымъ

діемъ клерикальной партіи, самъ будучи достаточно честолюбивымъ и отнюдь не дюжиннымъ человѣкомъ.

Штауфены примирились съ совершившимся фактомъ и изъявили покорность новому королю. Но раздоръ не замедлилъ возникнуть. Лотарій зналъ, гдѣ найти противъ нихъ союзника, зналъ и цѣну, за какую можно его приобрести: онъ обручилъ свою единственную дочь Гертруду, двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, съ молодымъ герцогомъ баварскимъ Генрихомъ, вступившимъ на престолъ по смерти своего отца (1126 года). Такимъ образомъ, онъ заключилъ тѣсную связь съ Вельфскимъ домомъ, который, въ свою очередь, прозрѣвалъ черезъ то блестящую будущность. Относительно салийскаго наслѣдія существовалъ споръ или юридическое разногласіе по вопросу о томъ, что должно было считаться государственнымъ достояніемъ и что частнымъ удѣломъ фамилии,—и герцогъ Фридрихъ, вступившій, безъ околичностей, во владѣніе этимъ наслѣдствомъ, не соглашался подчиниться произнесенному противъ него приговору. Этотъ приговоръ объ его водвореніи состоялся на госларскомъ сеймѣ въ 1126 году; приведеніе его въ исполненіе совершилось, понятнымъ образомъ, не столь скоро. Прежде всего, Лотарій потерпѣлъ неудачу въ своемъ походѣ противъ Богемцевъ, избравшихъ себѣ нежелаемаго ему герцога: саксонскія войска, выставленныя имъ противъ этого герцога Собеслава, понесли рѣшительное пораженіе въ Кульмской долинѣ, что повергло въ уныніе всю Саксонію. Съ Собеславомъ было, впрочемъ, скоро заключено соглашеніе и онъ сталъ дѣятельнымъ пособникомъ Лотарія въ его борьбѣ противъ Фридриха; но эта борьба весьма затянулась, благодаря стойкости обоихъ Штауфеновъ и твердому сопротивленію городовъ Нюренберга и Вюрцбурга. Баварскій герцогъ Генрихъ, доблесть котораго вовсе не равнялась его непомерному честолюбію,—онъ и былъ прозванъ «Гордымъ»,—не стязалъ здѣсь особенныхъ лавровъ. Странники Штауфеновъ были настолько смѣлы, что провозгласили въ Нюренбергѣ (въ декабрѣ 1127 года) королемъ младшаго брата, Конрада, что возбудило ярость всей церковной партіи, и собравшіеся вокругъ Лотарія епископы отвѣтили тотчасъ же на это избраніе отлученіемъ Конрада отъ Церкви. Весною 1128 года, Конрадъ отправился въ Италію, гдѣ будущее сулило ему нѣчто хорошее. Папа Гонорій II подвергъ, съ своей стороны, его и брата его отлученію, но благодаря старой ненависти Милана къ Риму, возгорѣвшейся снова въ это время, главный городъ Ломбардіи открылъ передъ Конрадомъ свои ворота, и миланцы принудили своего архіепископа короновать отлученнаго въ Монцѣ. Но существенный успѣхъ Конрада этимъ и ограничился. Завладѣть наслѣдіемъ Матильды или удержать изъ него то, что удалось захватить, Конраду было не подъ силу, и въ самой Германіи Лотарій одерживалъ верхъ. Обѣ главныя опоры Штауфеновъ, города Шпейеръ и Нюренбергъ, покорились ему послѣ продолжительнаго сопротивленія (1130); Фридрихъ оставался непобѣжденнымъ лишь у себя въ герцогствѣ, но утвердить короны за Штауфенами ему не удалось.

Еще до полнаго низложенія Штауфеновъ церковныя дѣла, усложняясь все болѣе и болѣе, заставиле короля Лотарія идти въ Италію. Гряго-

Лотарій и
Штауфены.

Лотарій въ
Итали.

ривацы предались самымъ несбыточнымъ надеждамъ при его воцареніи. Они ждали, по меньшей мѣрѣ, отмѣны избранія епископовъ и настоятелей германскихъ монастырей въ присутствіи короля; это условіе, которымъ вормскій договоръ налагалъ узду на клерикальнныя притязанія, было, дѣйствительно, не изъ легкихъ, и хотя избраніе такихъ лицъ самимъ королемъ тоже ограничивалось извѣстными правилами, но придворная дипломатія и борьба интересовъ между высшими клериками помогали столь многоопытному человѣку, какъ Лотарій, замѣщать важнѣйшія мѣста духовными лицами изъ числа его единомышленниковъ, какъ это доказываетъ передача столь значительнаго архіепископства, какъ магдебургское, совершенному чужаку, Порберту, основателю премонстрантскаго ордена. Гонорій II, среди всякихъ своихъ бѣдствій и терпя особенно отъ притязаній молодого графа Сицилійскаго Рожера на герцогство Апулію, послѣ кончины герцога Гильома II, ожидалъ Лотарія съ нетерпѣніемъ. Когда Гонорій умеръ въ февралѣ 1130 г., то, еще прежде его похоронъ, двѣ спорившія дворянскія партіи, Франджипани и Пьерлеоне, вступили въ борьбу, которая кончилась,—или, правильнѣе, началась,—тѣмъ, что обѣ стороны избрали, въ одинъ и тотъ же день, каждая—своего папу: Анаклета II и Иннокентія II.

Двое папъ.

Въ первое время Пьерлеоне одержали верхъ и Иннокентій долженъ былъ удалиться изъ Рима. Обѣ стороны искали благоволенія Лотарія, обѣ предлагали ему императорскую корону, обѣ порѣшали германскіе вопросы въ его пользу, и выборъ между ними былъ дѣйствительно затруднителенъ, вслѣдствіе того, что и ихъ церковныя воззрѣнія не представляли различія. Была минута, въ которую Миланъ высказался за Анаклета, но Иннокентій, при своемъ бѣгствѣ во Францію, успѣлъ склонить въ свою пользу величайшій духовный авторитетъ этой страны, аббата Бернара изъ Клерво, и тѣмъ одолѣлъ партію Анаклета. Англія приняла тоже сторону Иннокентія; въ томъ же смыслѣ высказался въ Германіи соборъ, созванный въ Вюрцбургѣ. Анаклетъ старался найти себѣ опору противъ за-альпійскихъ государствъ въ самой Италіи, и потому удовлетворилъ вполнѣ честолюбивые замыслы Норманна Рожера, предоставивъ ему соединить Апулію, Капую, Неаполь и Сицилію въ одно королевство, столицей котораго Рожеръ избралъ Палермо, принявъ на себя обязательство выплачивать лишь умѣренную сумму въ 600 золотыхъ гульденовъ Св. Петру, въ качествѣ его вассала.

Королевство
Сицилійское.
Наслѣдіе
Матильды.

Иннокентій встрѣтился съ Лотаріемъ въ Люттихѣ, причемъ король изъявилъ передъ папою всю смиренную вѣжливость, какая только могла утѣшить сердце первосвященника, но для отправления въ Римъ представлялось много препятствій: еще не поконченная борьба съ Штауфенами и походъ въ Данію, при которомъ Лотарій достигъ требуемаго имъ отъ датскаго короля признанія себя вассаломъ (*hominium*). Поѣздка въ Римъ могла быть предпринята лишь въ сентябрѣ 1132 г. Она ознаменовалась печальнымъ началомъ еще на нѣмецкой землѣ, доказывающимъ, насколько эти времена и эти люди были погружены еще въ варварство, несмотря на христіанство и на преобладаніе духовенства. Въ Аугсбургѣ весьма незначительная ссора между горожанами и нѣкоторыми военными повела къ беспорядкамъ, дошедшимъ до кровопролитной уличной

схватки, сопровождавшейся всякими ужасами и оскверненіемъ церквей; въ заключеніе, городъ былъ подвергнутъ страшной карѣ разгнѣваннымъ королемъ. Впрочемъ, при Лотаріи было немного войска, всего 1,500 чело-вѣкъ, и поэтому дѣло обшлось еще довольно умѣренно. Иннокентій давно уже ожидалъ короля въ Италію и вступилъ съ нимъ въ Римъ, но Ана-клетъ держался въ части города, по правую сторону Тибра, съ замкомъ Св. Ангела и соборомъ Св. Петра, при чемъ требовалъ отъ короля нелицепріятнаго рѣшенія послѣднихъ выборовъ. Положеніе короля было очень выгодное, и если бы папа былъ прозорливъ, то долженъ былъ бы понять, что церковные интересы могли только пострадать отъ дальнѣйшаго умаленія королевской власти, потому что отъ выгозеренныхъ въ Вормсѣ условій выиграли собственно одни лишь свѣтскіе князья. Въ сущности, Лотарій прибылъ за тѣмъ, о чемъ заговаривалъ уже въ Лютихѣ: за восстановленіемъ вполнѣ своихъ королевскихъ правъ на инвести-туру, что, однако, ему опять-таки не удалось. Онъ добился лишь торже-ственного подтвержденія вормскаго договора: ни одинъ епископъ не могъ пользоваться коронными землями, прежде нежели былъ надѣленъ леномъ «отъ скипетра» и не «воздалъ королю подобающаго ему». Другимъ указа-ниемъ папа предоставлялъ Лотарію аллодіальныя владѣнія покойной гра-фини Матильды, но лишь въ пожизненное пользованіе; послѣ же его смерти, римская Церковь вступала вновь въ свои имущественныя права. Уступка дѣлалась притомъ подъ тѣмъ условіемъ, что король будетъ выпла-чивать папѣ ежегодно 100 фунтовъ серебра. Такимъ образомъ, можно было подсмѣиваться надъ тѣмъ, что императоръ обращался въ папскаго вассала, и на одной позднѣйшей картинѣ изображенъ самый актъ принесенія ска-занной дани. Но дѣло не было лишено основанія: Лотарій находился подъ влияніемъ самаго усерднаго защитника церковнаго верховенства, магде-бургскаго архіепископа Норберта, и онъ допустилъ, чтобы и въ документѣ, пространно-описывающемъ императорское коронованіе, папа говорилъ, что возносить его на кесарство по нагтію Святого Духа. Это коронованіе должно было совершиться въ Латеранѣ; получивъ императорскій титулъ, Лотаріи снова покинулъ Италію безъ всякаго пролитія крови, но и не достигнувъ какого-либо матеріальнаго или моральнаго успѣха, за исклю-ченіемъ сказаннаго титула (1133).

Однако, отъ все же освободился изъ довольно приниженаго положенія, въ которомъ находился при своемъ избраніи и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, такъ что теперь, возвратясь въ Германію, могъ пользоваться полною властью, ощутительною и для ближайшихъ народностей: Датчанъ, Вен-гровъ, Богемцевъ и Вендовъ. Въ 1134 г., послѣ того какъ императоръ и его зять, соединяя въ своихъ рукахъ могущественнѣйшія владѣнія, герцогства Саксонію, Баварію, помѣстья графини Матильды, славянскія пограничныя земли и имѣя такихъ данниковъ, какъ Польша и Данія, одержали счастливо побѣду и въ Швабіи,—Штауфены поняли, что ихъ дѣло проиграно. Фридрихъ, изъявившій покорность на сеймѣ въ Бамбергѣ (мартъ 1135), встрѣтилъ въ императорѣ великодушнаго побѣдителя. Въ государствѣ восстановился миръ, обстоятельства складывались благопріятно и на сеймахъ, равно какъ на княжескихъ сѣздахъ, которые быстро чере-

Лотарій въ Германіи. Подчиненіе Штауфеновъ.

довались въ Кведлинбургѣ, Магдебургѣ, Мерзебургѣ. Частія посольства, прибывавшія изъ другихъ государствъ (даже изъ Византии явились посланцы императора Іоанна съ жалобами на морскіе разбои норманнскаго короля Рожера), явно обнаруживали высокое значеніе имперіи и ея главы. Въ томъ же году изъявилъ свою покорность и Конрадъ, «король-самозванецъ», въ Мольгаузенѣ Эльзасскомъ. Лотарій оставилъ за нимъ его владѣнія, какъ и княжеское достоинство за Фридрихомъ; оба они только обязывались доставить войско при походѣ въ Италію.

Второй походъ въ Италію.

Къ этому походу, направленному противъ Норманновъ, именно противъ сицилійскаго короля Рожера, дѣлались большія приготовленія. Въ сентябрѣ 1136 г. черезъ Бреннеръ переправилось сильное, хорошо вооруженное войско. Аббатъ Бернаръ изъ Клерво, о чудесахъ котораго ходило уже много толковъ, предпринялъ еще ранѣе свой походъ противъ Рожера и покровительствуемаго имъ анти-папы. Его дѣятельная пропаганда расчищала дорогу императорскимъ войскамъ, состоявшимъ изъ рыцарей, прошедшихъ свою школу въ нѣмецкихъ войнахъ и превосходившихъ мужественно «латинскихъ войскъ». Походъ былъ побѣдоноснымъ: германская армія проникла на югъ далѣе, нежели то случалось со временемъ Оттона: въ концѣ мая Лотарій и состоявшій подъ его начальствомъ полководецъ, его зять, Генрихъ Баварскій, прибыли въ Барп. Рожеръ, тѣснимый и съ моря пизанскимъ флотомъ, былъ на краю окончательной гибели; онъ долженъ былъ покинуть материкъ. Лотарій не могъ преслѣдовать его и въ Сициліи, въ виду возраставшаго недовольства нѣмецкихъ войскъ, стремившихся къ возвращенію на родину; мѣшало преслѣдованію и не-

† „Lotharius Dei Gratia Imp(erato)r Aug(ustus)“.
Императорская печать Лотарія Саксонскаго.
Уменьшена.

согласіе между папою и императоромъ по вопросу о степени достоинства апудійскаго лѣна, порѣшенное самымъ страннымъ порядкомъ, а именно: при церемоніи передачи лѣна новому герцогу Райнульфу Алифскому, императоръ держалъ древко, а папа остріе герцогскаго знамени. Самымъ значительнымъ приобретеніемъ побѣдителя при этомъ блестящемъ походѣ было то, что герцогъ Баварскій Генрихъ признавался маркграфомъ

Тусци и получали владѣнія Матильды въ лѣнь отъ папы, слѣдовательно, приобрѣтали громадную силу въ Италіи, что имѣло особенный вѣсъ по положенію его германскаго герцогства и при его видахъ на будущее.

Старый императоръ столько же желалъ возвратиться въ Германію, какъ и его войско. Онъ поразилъ своею набожностью монаховъ въ Монте-Кассино, у которыхъ прожилъ недѣлю; но въ Римъ онъ уже не захватилъ: силы его замѣтно падали, такъ что становилась для него сомнительною даже возможность добраться до нѣмецкой земли. Это ему однакоже удалось; но прибывъ въ горную тирольскую деревушку Брейтенвангъ, старецъ скончался въ простой крестьянской лачужкѣ (*vilissima casa*), послѣ двѣнадцатилѣтняго царствованія, на 72 году отъ рожденія, въ декабрѣ 1137 года. Не было недостатка въ епископахъ для приобщенія Св. Тайнъ умирающаго благочестиваго государя; знаки королевскаго достоинства были переданы зятю его, герцогу Генриху. Получилъ-ли онъ тоже въ лѣнь герцогство саксонское, какъ ему давно было обѣщано, остается сомнительнымъ. Тѣло императора было предано землѣ въ церкви саксонскаго городка Кенигслутеръ.

Царствованіе Лотарія не было совершенно ничтожнымъ. Безъ сомнѣнія, послѣдній италіанскій походъ, несмотря на свой внѣшній блескъ, въ сущности не принесъ никакого прочнаго успѣха; онъ не прекратилъ и раскола, потому что Анаклетъ умеръ лишь черезъ годъ, мѣсяцемъ позже императора, притомъ въ Римѣ, а Рожеръ Сицилійскій, весьма скоро послѣ удаленія императора, занялъ свое прежнее положеніе на материкѣ. По смерти герцога Райнульфа, папа Иннокентій осмѣлился пойти самъ въ походъ на Рожера, но потерпѣлъ неудачу, попалъ въ засаду (1139) и долженъ былъ, находясь въ плѣну, заключить миръ, по которому признавалъ владычество Рожера надъ Сициліей, Апуліей и Капуей, при чемъ тотъ оставался, однако, вассаломъ папы, что могло оказаться очень неудобнымъ для лѣннаго господина. Успѣхи Лотарія были прочтѣе на Сѣверѣ, гдѣ онъ, еще не будучи королемъ, былъ уже могущественнѣйшимъ пзъ сѣверныхъ князей, въ качествѣ герцога Саксонскаго. Христіанство было теперь укрѣплено на болѣе твердыхъ основахъ въ вендскихъ земляхъ, особенно въ Помераніи, благодаря дружнымъ усиліямъ бамбергскаго епископа Оттона и его усерднаго сподвижника, Болеслава Польскаго.

Судьба не дала Лотарію сыновей, но онъ оставлялъ Генриху, супругу своей единственной дочери, такое могущество, какимъ не владѣлъ еще ни одинъ государь въ нѣмецкихъ земляхъ. Подъ его властью находились оба большія герцогства, Баварія и Саксонія, вмѣстѣ съ величайшими лѣнными владѣніями въ Италіи, при громаднѣйшей аллодіальной земельной собственности, какъ наслѣдіи отъ многихъ богатыхъ родовъ. Лотарій старался всѣми силами поддерживать связь съ Церковью, при всемъ своемъ могуществѣ; ей слѣдовало теперь доказать, помнитъ-ли она это, и намѣрена-ли она уважить его явно выраженную волю о переходѣ королевской власти къ его зятю Генриху.

Генрихъ внушалъ очень мало личнаго расположенія къ себѣ и многіе не сочувствовали мысли вручить столь громадную власть такому надменному человѣку. Но трудно было бы воспрепятствовать его избранію при

Смерть Лотарія. 1137.

Положеніе Генриха Гордаго.

тѣхъ громаднѣхъ средствахъ, какими онъ располагалъ, если бы избира- тельное собраніе, созданное въ Майнцѣ, состоялось обычнымъ порядкомъ. Но дѣло повелъ очень ловко беззащѣтливый трирскій архіепископъ Адаль- берго; майнцкая каѳедра была еще не занята и новыи кѣльнскій архі- епископъ не получалъ еще освященной части одѣянія, своего омофора; воспользовавшись этимъ, Адальберго, по соглашенію съ папскимъ лега- томъ, уже бывшимъ королемъ Конрадомъ, провозгласилъ этого послѣдняго королемъ на весьма шумной и безчинной сходкѣ въ Кобленцѣ, городѣ своей епархіи (мартъ, 1138), и потомъ послѣдшнею короновалъ этого Кон- рада III въ Аахенѣ, въ слѣдующее же затѣмъ воскресенье. Такимъ обра- зомъ, этотъ вельфскій духовный сановникъ, родомъ французъ и другъ Бернара Клервосскаго, сумѣлъ отстранить, благодаря наглои смѣлости, та- кого кандидата, громадная власть котораго въ его областяхъ могла ка- заться опасной для Церкви, и подставилъ, взамѣнъ его, другого, сравни- тельно безпомощнаго и потому неспособнаго стать въ независимое поло- женіе отъ духовныхъ владѣтелей.

Избраніе
Конрада.
1138.

Это избраніе было одинаково позорно какъ для пронирыливыхъ папистовъ, которымъ, согласно усвоеннымъ имъ воззрѣніямъ, было, конечно, мало дѣла до чести германской короны, такъ и для самого избранника, кото- рый пользовался нѣкоторою популяренностью, вслѣдствіе своего открытаго, рыцарскаго, веселаго нрава. Но избраніе совершилось, и созданный въ Бамбергѣ сеймъ или княжій съѣздъ былъ многолюденъ. На него прибыла и вдовствующая императрица; Генрихъ не явился лично, но выдалъ го- сударственные клейноды, находившіеся въ его рукахъ, и вступилъ въ пере- говоры. Если бы ему удалось только удержать за собой Саксонію и Баварію, то онъ остался бы все еще могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ государ- ствѣ изъ когда-либо носившихъ корону. Но Конрадъ понималъ это не хуже, чѣмъ Вельфъ, и передалъ поэтому герцогство Саксонію маркграфу Альберту, прозванному Медвѣдемъ, чѣмъ создалъ себѣ союзника, достаточно сильнаго и значительнаго для того, чтобы не уступить никому своихъ владѣній.

Война между
Вельфомъ и
Вейблинге-
номъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого рѣшенія была междоусобица въ самой Саксоніи, при которой, понятнымъ образомъ, страдали и подвластныя со- сѣднія славянскія племена. Король отнялъ тогда у своего противника- Вельфа и второе его герцогство, Баварію, но тотъ самъ явился въ Са- ксонію и покорилъ себѣ почти всю страну. Между тѣмъ, Конрадъ перешелъ въ Баварію, назначая это герцогство своему сводному брату, ав- стрійскому маркграфу Леопольду. Онъ приготовился къ походу въ Саксо- нію и собралъ значительное войско; трирскій архіепископъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ, прибылъ во главѣ пятисотъ рыцарей; но до сраженія не дошло. Начались переговоры, окончившіеся тѣмъ, что Саксонцы признали за Конрадомъ его королевскій титулъ, а самъ король удалился изъ страны и Генрихъ остался ея властелиномъ (1139). Но слу- чилось неожиданное: среди своего успѣха, находясь въ Квэдинбургѣ, онъ умеръ въ октябрѣ того же года, будучи лишь тридцати пяти лѣтъ, и едва успѣвъ представить саксонскимъ магнатамъ своего сына Генриха, десяти- лѣтняго мальчика. Партія, однажды боровшаяся противъ Генриха IV и

возстававшая теперь противъ Штауфена, только какъ противъ его наслѣдника, все еще крѣпко держалась; герцогская власть весьма укоренилась въ Саксоніи, и маркграфъ Альбрехтъ не имѣлъ успѣха. Въ Южной Германіи шла та же борьба: герцогъ Леопольдъ, герцогъ Фридрихъ и король бились противъ Вельфа, брата Генриха Гордаго. Онъ потерпѣлъ пораженіе при мѣстечкѣ Вейнсбергъ, выдержавшемъ тогда осаду (1140), которая останется навсегда памятной, благодаря знаменитому разсказу, утвердившему за городскою горой названіе «Женская вѣрность» (Weibertreue)*. Колебанія этой борьбы не представляютъ интереса; со смертію Леопольда Австрійскаго (октябрь, 1141), открылся путь къ примиренію, которое и было заключено во Франкфуртѣ (май, 1142). Молодой Генрихъ получилъ Саксонію; маркграфу Альбрехту были возвращены его прежнія владѣнія; Баварія досталась младшему брату Леопольда, Генриху, прозванному, въ отличіе отъ безчисленныхъ Генриховъ нѣмецкой исторіи, «Язмирготъ» (Ja, so mir Gott), по привычной его поговоркѣ при утверженіи чего-либо. Вдова Генриха Гордаго, дочь императора Лотарія, еще молодая женщина, отдала ему свою руку. Она прибыла лично въ Франкфуртъ и засѣданія сейма закончились свадьбой.

Въ продолженіе короткаго времени Конрадъ имѣлъ не малое вліяніе на политическія событія. Онъ вступилъ въ переговоры съ греческимъ императоромъ Іоанномъ II о возобновленіи союза, заключеннаго при Лотаріи, для противодѣйствія сицилійско-норманскому королю. Изъ Италіи, гдѣ паписты и самъ Бернаръ Клервоскій не находили теперь достаточно лестныхъ словъ для Рожера, который еще такъ недавно былъ осыпаемъ ихъ проклятіями, обращались къ Конраду всѣ потерпѣвшіе отъ такихъ порядковъ или угрожаемые ими въ будущемъ. И другіе двory заискивали его дружбы; съ правителями Польши и Венгріи онъ состоялъ въ родственной связи; молодому богемскому герцогу Владиславу (съ 1140 г.) онъ оказалъ большую помощь, быстро отправясь въ походъ, тотчасъ же послѣ франкфуртскихъ празднествъ, благодаря чему Владиславъ восторжествовалъ надъ враждебною партіей, угрожавшею его престолу (1142).

Но внутреннія неурядицы были ненадолго усмирены франкфуртскими переговорами, въ которыхъ не участвовало, притомъ, важное лицо: братъ Генриха Гордаго, Вельфъ. Молодая баварская герцогиня Гертруда, которая могла служить примирительнымъ звеномъ въ этой борьбѣ, умерла еще въ 1143 году. Смута возникала не изъ-за несогласій между свѣтскою и духовною властью: Конрадъ сохранялъ хорошія отношенія съ Церковью. Онъ защищалъ, по мѣрѣ возможности, всякія обители отъ захватовъ и насилій, и ихъ собственныя, нескончаемыя препирательства изъ-за обладанія мірскими благами заставляли ихъ не покидать короля, потому что у него одного могли они найти правильное рѣшеніе спора. Въ 1143 году Иннокентію II наслѣдовалъ Целестинъ II, который призывалъ германскаго короля въ Римъ, нуждаясь тоже въ его помощи про-

Примиреніе.
Послѣд-
ствія.

*) Когда жители Вейнсберга принуждены были къ сдачѣ города, то побѣдители рѣшили выпустить изъ него только женщинъ, дозволивъ каждой изъ нихъ вынести на себѣ то, что у ней было самаго дорожнаго. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, онѣ вынесли на себѣ изъ города своихъ мужей, и этимъ вынудили побѣдителей пощадить ихъ.

тивъ опаснѣйшаго изъ вассаловъ Св. Петра, норманскаго короля, въ отношеніи котораго новый папа хотѣлъ совершенно измѣнить политику своего предѣшника. Умиротворенію Германіи мѣшало болѣе всего соперничество главныхъ династическихъ домовъ, какими были Штауфены, Вельфы, Бабенбергеры, Церингеры, съ ихъ постоянною взаимною враждою и всевозможными интригами, потрясавшими самую верховную власть и государственные интересы, хотя носитель этой власти и одерживалъ на время побѣду надъ всѣми распрями.

Событія
въ Италіи.
паденіе
Эдессы.

Эти событія имѣли свое воздѣйствіе на Италію, еще болѣе нежели Германія, нуждавшуюся въ твердой свѣтской власти, и лишнюю ея еще въ большей степени. Двое папъ смѣнились здѣсь быстро одинъ за другимъ: по смерти Луція (февраль 1145), былъ избранъ аббать одного римскаго монастыря, подъ именемъ Евгенія III; но городъ былъ въ рукахъ партіи, олицетворявшей какое-то національное стремленіе или возрожденіе: она стала неожиданно требовать возстановленія Сената,—*Senatus populusque romanus*; во главѣ этого движенія былъ одинъ честолюбивый патрицій, Иорданъ Пьерлеоне, и папа, хотя ученикъ Бернара Клервосскаго, но не обладавшій житейскою мудростью своего наставника, долженъ былъ не однажды удаляться изъ Рима передъ этимъ вождемъ. Но и безъ того Италія была полна смутъ и нуждалась въ присутствіи Конрада; сверхъ того, въ силу своего договора съ греческимъ императоромъ, онъ долженъ былъ, въ союзѣ съ нимъ, идти на короля Рожера; но неурядицы въ Германіи пренятывали какому-либо прочному рѣшенію дѣлъ; между тѣмъ, какъ-будто Западу было еще мало своихъ собственныхъ осложненій, всѣ мысли обращались и на Востокъ, гдѣ дѣла принимали плохой оборотъ: въ декабрѣ 1144 г., несмотря на свою геройскую оборону, Эдесса пала и перешла во власть эмира Эмадедина Зенки.

Бернаръ
Клервос-
скій.

Вѣсть о томъ снова оживила тотъ духъ, который проявился съ такою несокрушимою силою за полстолѣтія тому назадъ, но не удержался потомъ на прежней высотѣ. И теперь, какъ тогда, ранѣе и могучѣе всего возгорѣлся онъ во Франціи. Молодой король, Людовикъ VII (съ 1136), имѣвшій основательныя причины къ угрызениямъ совѣсти и раскаянію, давно помышлялъ о Крестовомъ походѣ; папа Евгеній, запрошенный имъ, объявилъ свое соизволеніе на походъ; св. Бернаръ, «прославившійся знаменіями и чудесами и чтимый народомъ въ Галліи и Германіи за равнаго апостоламъ и пророкамъ», послужилъ дѣлу всѣмъ пыломъ своего краснорѣчія, вліяніе котораго простерлось далеко за французскіе предѣлы. «Внемлите, братья... Се настало время... Се дни спасенія... Что дѣлаете вы, герои? Что дѣлаете вы, служители Креста?.. Неужели предадите вы святыню псамъ, предоставите бисеръ свиньямъ?..» Въ своемъ восторженномъ одушевленіи, онъ вѣрилъ тому, что скоро «исполнятся времена» и власть языческая падетъ передъ царствіемъ Господнимъ. На Рейнѣ проповѣдывалъ, съ своей стороны, монахъ Радульфъ, ярый фанатикъ, требовавшій истребленія евреевъ, для которыхъ снова наступало тяжелое время; король и другіе благомыслящіе вожди охраняли ихъ съ трудомъ отъ гоненія, и часто совѣмъ безуспѣшно. Бернаръ появился самъ вскорѣ въ Германіи, осудилъ выходки Радульфа и принудилъ непризваннаго

проповѣдника воротиться въ клервосскій монастырь. Его собственная проповѣдь была очень успѣшной: онъ вызывалъ здѣсь такое же воодушевленіе, какъ и въ сосѣдней странѣ. На сеймѣ въ Шпейерѣ, созванномъ въ декабрѣ 1146 г., онъ совершилъ то, что самъ называлъ чудомъ изъ чудесъ: произнося одну изъ своихъ могучихъ проповѣдей, 27 декабря, онъ прямо осадилъ императора Конрада, обратясь въ церкви лично къ нему. Императоръ, уже исполнившій долгъ крестоносца въ своей ранней молодости и имѣвшій теперь самыя основательныя причины оставаться дома для исполненія своихъ непосредственныхъ, ближайшихъ обязанностей, не могъ, однако, устоять противъ хорошо рассчитаннаго впечатлѣнія, и припаялъ крестъ изъ рукъ великаго проповѣдника. Снова настала минута всеобщаго одушевленія христіанскаго міра одною мыслью, и частныя распри затихли, между тѣмъ какъ войны и не-войны спѣшили къ указаннымъ сборнымъ мѣстамъ.

Это предпріятіе—*второй Крестовый походъ*, по принятому исчисленію (1147—49)—оказалось вполнѣ неудачнымъ. Огромная нѣмецкая армія изъ семидесяти тысячъ рыцарей и цѣлыхъ полчищъ всякаго безпорядочнаго сброда, двинулась изъ Регенсбурга по старой дунайской дорогѣ, черезъ Венгрію. Одни только саксонскіе владѣтели не приняли участія въ этомъ походѣ, сознавая весьма разумно, что могутъ исполнить свой крестово-походный обѣтъ и поблизости, среди языческихъ славянскихъ племенъ: миссіонерская дѣятельность пробудилась здѣсь серьезно лишь въ послѣдніе десятки лѣтъ. Обстоятельства усложнились тѣмъ, что король Рожеръ счелъ данную минуту благоприятной для новаго нападенія на Греческую имперію, что побудило греческаго императора Михаила заключить миръ съ Сельджуками въ Малой Азіи. Нѣмцы, вступившіе теперь во владѣнія Михаила, были его союзниками, но дисциплина между ними была плоха, войско слишкомъ многочисленно, и онъ былъ радъ переправить этотъ народъ, всячески обременительный для страны, въ Азію прежде, нежели прибыли туда Французы. Войско хотѣло идти тотчасъ же впередъ, и Конрадъ, совершенно неспособный вести дѣло, которое было ему насильно навязано и противъ котораго возставалъ его государственный смыслъ, а можетъ-быть, и совѣтъ его, какъ правителя, не устоялъ противъ общаго стремленія, которому и сочувствовалъ, желая возможно скорѣе раздѣлаться съ неприятною миссіей. Въ Никеѣ часть несогласныхъ идти — тысячь пятнадцать человекъ—отдѣлилась; главныя силы направились тою дорогою, которою шелъ однажды Готфридъ Бульонскій; двигались медленно, обремененные лишнимъ обозомъ. Въ концѣ октября, при Дорилеѣ, крестоносцы наткнулись на сельджукскую армію, которая утомила франкскихъ рыцарей притворнымъ бѣгствомъ, потомъ опрокинула ихъ и разогнала полчища невооруженныхъ, слѣдовавшихъ за войсками. На военномъ совѣтѣ, созванномъ Конрадомъ, было рѣшено отступить къ морю, съ тѣмъ, чтобы перейти потомъ въ наступленіе вмѣстѣ съ Французами; но когда прибыли къ морю, то на-лицо не было уже настоящей арміи, а изъ тѣхъ людей, которые прибывали въ Константинополь, многіе не шли далѣе, но возвращались домой. Вышеупомянутыя пятнадцать тысячъ, при которыхъ находился и фрейзингскій епископъ Оттонъ, лѣтописецъ, тоже

Второй Крестовый походъ. 1147—49.

не избѣгли гибели, и лишь немногіе изъ этого отряда могли спастись въ Сирію, послѣ рокового пораженія при Памфиліи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1148 г. Между тѣмъ, прибыли къ Босфору Французы, выступившіе двумя мѣсяцами позднеѣ Нѣмцевъ и по той же дорогѣ, и хотя многіе изъ нихъ хотѣли немедленно устремиться на Константинополь, но греческому императору удалось войти въ мирное соглашеніе съ французскимъ королемъ Людовикомъ и благополучно переправить его войска на азіатскій берегъ. Но имъ столь же мало благопріятствовала судьба, какъ и нѣмецкому войску, жалкіе остатки котораго присоединились къ нимъ при Никейѣ. Подъ впечатлѣніемъ разсказовъ этихъ несчастныхъ, Французы двинулись другою дорогой, берегомъ, и въ южномъ направленіи. Въ Эфесѣ Конрадъ заболѣлъ и воротился въ Константинополь со своею свитою. Людовикъ пошелъ далѣе; близъ Лаодикей, къ югу отъ Верхняго Меандра, онъ потерѣлъ пораженіе отъ Сельджуковъ и отступилъ тогда еще южнѣе, къ приморскому городу Аталіи. Здѣсь, воспользовавшись греческими судами, высшія власти, прелаты и бароны, отплыли въ Сирію, предостаив прѣстѣхъ людей пронырству греческихъ проводниковъ и проходимцевъ, которые брались доставить ихъ въ Тарсъ Киликійскій; ни одинъ изъ нихъ не дошелъ туда.

Неудавшіяся
предпріятія.

Король Людовикъ съ своею супругою Элеоворою и его рыцари достигли Святой Земли; Эмадединъ-Зенки уже погибъ насильственною смертію въ это время, но его замѣняли его два сына, изъ которыхъ младшій, Нуреддинъ, оказался потомъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Въ мартѣ 1148 года, оправясь отъ своей болѣзни, прибылъ сюда и Конрадъ. Соединивъ свои силы, оба государя, къ которымъ примкнулъ и весьма юный іерусалимскій король, Балдуинъ III, выступили въ походъ противъ Дамаска, но были вынуждены воротиться безъ всякаго успѣха. Войско ихъ состояло изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, но среди этихъ Французовъ, Нѣмцевъ и Іерусалимцевъ было столько неумѣлости, раздоровъ и интригъ, что предпріятіе не могло быть удачнымъ. Не удалось тоже второе или третье нападеніе, направленное сообща противъ Аскалона. Въ сентябрѣ 1148 года король Конрадъ воротился, черезъ Константинополь, въ Германію, куда прибылъ весною 1149 года. Людовикъ отправился тоже домой черезъ Италію, гдѣ имѣлъ свиданіе съ королемъ сицилійскимъ Рожеромъ и папою Евгеніемъ, который съ самаго начала былъ недоволенъ порядками этого Крестоваго похода.

Крестовый походъ саксонскихъ князей, между которыми находились молодой Генрихъ, по прозванію Левъ, и маркграфъ Альбрехтъ, не имѣлъ тоже особеннаго успѣха: христіанство, водворенное ими среди вендскихъ племенъ, удерживалось лишь благодаря страху бывшихъ язычниковъ передъ христіанскими силами.

Впечатлѣніе
на Западѣ.

Постыдный исходъ второго Крестоваго похода произвелъ глубокое впечатлѣніе на Западѣ и весьма умалилъ обаяніе клервосскаго пророка, но онъ, съ обычнымъ духовенству воззрѣніемъ и съ сознаниемъ того, что велъ дѣло Божіе, утѣшалъ всѣхъ, приписывая неудачу похода,—въ которой было повинно, въ значительной степени, его слишкомъ пылкое сердце, не внимавшее никакимъ доводамъ благоразумія и безусловно

пропитанное личным самолюбием, — одним только грѣхамъ и ошибкамъ самихъ участниковъ предпріятія. Изъ числа ихъ Конрадъ дѣйствительно выказалъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ свои способности, какъ государь и какъ военначальникъ. Въ горькихъ сужденіяхъ хроникеровъ о началѣ предпріятія, въ ихъ рѣзкихъ указаніяхъ на двусмысленные элементы, примыкавшіе къ походу ради весьма нечистыхъ вождѣлнѣй, сквозить уже разочарованіе, произведенное неудачнымъ исходомъ дѣла и нанесшее ударъ церковному идеализму, который выступилъ здѣсь въ роли слѣпого, руководящаго слѣпыми. Новѣйшій же историкъ, глубже проникающій въ событія той эпохи, не можетъ не сравнить воздѣйствія этихъ неудачъ на настроеніе времени съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое было произведено, вначалѣ нынѣшняго столѣтія, отступленіемъ Наполеона изъ Россіи и страшными катастрофами зимы 1812—13 года.

Конрадъ испыталъ уже немного радостей и по своемъ возвращеніи. Передъ своимъ отъѣздомъ на Востокъ, онъ заставилъ франкфуртскіи сеймъ (мартъ 1147 г.) избрать королемъ сына его, Генриха, и учредилъ правительство, во главѣ котораго были майнцскій архіепископъ Генрихъ и аббатъ Вибальдъ изъ Стабло — опекуны малолѣтняго принца. При своемъ возвращеніи, Конрадъ нашелъ дѣла не въ лучшемъ и не въ худшемъ положеніи, нежели прежде. Его появленіе разстроило планы графа Вельфа, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ норманнскимъ королемъ. Конрадъ замышлялъ походы въ Италію, но его здоровье было сильно расшатано и онъ поправился лишь въ началѣ 1150 года, благодаря искусству одного итальянскаго врача.

Во время сейма, созваннаго Конрадомъ въ Шнейерѣ, имъ было получено пріятное извѣстіе о подавленіи возстанія, задуманнаго графомъ Вельфомъ: молодой король Генрихъ разбилъ этого противника при Флохбергѣ, въ Швабін. Императоръ принялся горячо за государственныя дѣла, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тринадцатилѣтній король Генрихъ умеръ внезапно, и въ государствѣ возникли новыя смуты. Притязанія и возраставшее могущество герцога Генриха-Льва вызывали болѣе и болѣе опасныя осложненія, которыя затрудняли поѣздку Конрада въ Италію, необходимую ему для полученія императорской короны. Герцогъ Генрихъ, требовавшій у Конрада, до его отправленія въ Крестовый походъ, утвержденія за нимъ въ наслѣдство герцогства Баваріи, долженъ былъ, пока, удовлетвориться однимъ обнадеживаніемъ; но Крестовый походъ въ земли Вендовъ, — послужившій для многихъ лишь простымъ поводомъ къ уклоненію отъ продолжительнаго и съ самаго начала не обѣщавшаго большой удачи восточнаго Крестоваго похода, — кончился, во всякомъ случаѣ, благополучнѣе этого послѣдняго, и ходъ дѣлъ въ тѣхъ странахъ увеличивалъ, со дня на день, могущество герцога, именно потому, что земли вендскія, въ которыхъ онъ пользовался сравнительно-наибольшею властью, были трудно-доступны какъ для императора, такъ и для папы. Всѣ прибѣгали къ нему, и ни одинъ епископъ или архіепископъ не могъ утвердиться здѣсь вопреки его воли. Его врагъ и соперникъ, маркграфъ Альбрехтъ, называвшійся теперь Бранденбургскимъ, по крѣпости и городу того имени, создалъ себѣ, на средней

Возвращеніе
Конрада.

Могущество
Генриха-
Льва.

Эльбѣ, подобное же властное земельное положеніе, какъ Генрихъ на нижней Эльбѣ, но если онъ и былъ тамъ первымъ, то пользовался здѣсь лишь весьма второстепеннымъ значеніемъ. Генрихъ возобновилъ теперь свои притязанія, и король созвалъ княжій сеймъ въ Ульмѣ для рѣшенія вопроса (іюнь 1151). Генрихъ, именовавшій уже себя: «Божіею милостью, герцогъ баварскій и саксонскій», не явился на это собраніе, но вступилъ въ переговоры, вслѣдствіе чего, лѣтомъ того же года, состоялся новый сеймъ въ Регенсбургѣ, потомъ еще одинъ въ Вюрцбургѣ. Генрихъ все же не появлялся, воротясь изъ Южной Германіи въ Саксонію, откуда ему было легче отразить близкое нападеніе.

Кончина
Конрада
III. 1152.

Статуя Конрада III въ Бамбергскомъ соборѣ.

который, при существующемъ положеніи вещей, казался, во всякомъ слу-

Конрадъ могъ спокойно предоставить это нападеніе многочисленнымъ противникамъ Вельфа, яростно завидовавшимъ его неслыханному богатству и могуществу. Въ ноябрѣ съѣхались въ Алттенбургъ эти враги Генриха: ландграфъ тюрингенскій Лудвигъ, Альбрехтъ-Медвѣдь, Конрадъ, графъ мейсенскій, епископы изъ Гальберштадта, Гавельберга, Наумбурга, Миндена, Падеборна, — затѣмъ и самъ король, еще съ нѣкоторыми противниками герцога. Король занялся потомъ своими приготовлениями къ римской поѣздкѣ. Въ февралѣ 1152 года, онъ, германскій король, по имѣющей своей опредѣленной резиденціи, созвалъ князей въ Бамбергъ. Но онъ прибылъ туда уже хворый и чувствовалъ, что конецъ его близокъ. Къ чести его, онъ не подумалъ о передачѣ короны сыну своему Фридриху, которому было тогда всего восемь лѣтъ; его, вмѣстѣ съ престоломъ, завѣщалъ онъ своему племяннику, герцогу швабскому Фридриху,

чаѣ, наиболѣе подходящимъ преемникомъ. 5 февраля 1152 г. Конрадъ умеръ; онъ былъ погребенъ въ бамбергскомъ соборѣ. Его нельзя причислить къ выдающимся государямъ въ германской исторіи, хотя въ самой личности его было, повидимому, нѣчто привлекательное. Какъ кажется, ему не доставало монаршей степенности, — не той, впрочемъ, которую усваиваютъ себѣ герои на сценѣ и тѣ, которые имъ подражаютъ— онъ принималъ все слишкомъ легко, довольствовался полумѣрами, не обнаруживалъ послѣдовательности и настойчивости въ своихъ дѣйствіяхъ, хотя, въ сущности, времена были благопріятныѣ, чѣмъ когда-либо, для утвержденія державной власти. Онъ умеръ въ пятидесятивосьмилѣтнемъ возрастѣ; трудно предположить, чтобы ему удалось достигнуть чего-либо, если бы онъ прожилъ и долѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фридрихъ Барбаросса.

Изумительно быстро на этотъ разъ были произведены выборы, въ присутствіи весьма многочисленнаго собранія, которое съѣхалось во Франкфуртъ; кажется, что уже и при избраніи мѣста собранія имѣлось въ виду сдѣлать пріятное предназначенному для выбора герцогу Фридриху, которому Майницъ (при воспоминаніи о событіяхъ 1125 года) не могъ бы быть, въ данномъ случаѣ, пріятнымъ предзнаменованіемъ. Первое, что выпудило, до нѣкоторой степени, обратить вниманіе на герцога, была его родственная связь съ обѣими преобладающими фамиліями, соперничество которыхъ оказывало столь сильное вліяніе на общее положеніе дѣлъ въ Германіи. Къ Штауфенамъ онъ принадлежалъ черезъ отца своего, Фридриха, который былъ старшимъ братомъ Конрада III; къ Вельфамъ—по матери своей Юдиои, дочери Генриха Гордаго и сестрѣ Льва. То «указаніе Божіе», какое Оттонъ Фрейзингенскій видѣлъ въ этомъ бракѣ Штауфена съ Вельфкой, было ужъ слишкомъ очевидно, чтобы князья - избиратели могли его не замѣтить. Но на его сторонѣ были и личныя качества:— это былъ мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ (ему только что минуло 30 лѣтъ), стройно-сложенный при среднемъ ростѣ, со свѣтло-русыми волосами и рыжеватой бородкой, обладавшій вполне всѣми рыцарскими доблестями, при благородной осанкѣ, самостоятельномъ разумѣ и рѣшительномъ характерѣ. Выхваляли не даромъ его умѣнье выражаться—его краснорѣчіе— и онъ вполне оправдалъ эти отзывы въ томъ письмѣ, которое отправилъ къ папѣ Евгенію III, извѣщая его о своемъ избраніи. Онъ пишетъ ему, что приложить все свое тщаніе, дабы «изукрасить Церковь всѣми ея преимуществами и возвратить власти Римскаго императора его прежнюю

Выборы
во Франк-
фуртъ.

„Fredericus Romanorum Imperator Augustus“.

Скульптурное изображеніе на входных дверях собора во Фрейзингенѣ. Послѣ пожара, разрушившаго старый соборъ (1159 г.), новое зданіе его было возведено епископомъ Альбертомъ, при особомъ содѣйствіи Фридриха и его супруги Беатрисы. Современность этихъ изображеній подтверждается непосредственною связью ихъ съ каменными глыбами, изъ которыхъ порталъ построенъ. Одежда императора какъ будто подверглась въ некоторой передѣлкѣ въ XV в. и носитъ слѣды этой эпохи.

герцогства Баварскаго, которое онъ рѣшилъ отдать Генриху Саксонскому. Особая комиссія или судъ князей, засѣдавшихъ въ Госларѣ, которому король передалъ на рѣшеніе тяжбу обоихъ Генриховъ, высказался въ пользу притязаній Вельфа, который одинъ только и явился на судъ. Вообще говоря, въ теченіе полтора года, Фридрихъ успѣлъ не только внушить всѣмъ довѣріе къ своему безпристрастію и къ своей твердости, но и дѣйствительно уладить и сгладить множество всякихъ раздоровъ и несогласій, и тѣмъ самымъ привелъ свое государство въ такое положеніе, что могъ предпринять обычный походъ въ Италію за императорскою короною; а императорскій титулъ, по отношенію къ такой личности,

силу; ибо всѣмъ міромъ правятъ двѣ силы: священная власть духовенства и королевская мощь». О какомъ бы то ни было участіи папы въ выборахъ не было и помину, и это произошло не случайно. Нельзя отрицать того, что плачевная исторія второго Крестоваго похода слишкомъ очевидно для всѣхъ указала предѣлы духовнаго и мірскаго вліянія на ходъ историческихъ событій; притомъ же и самое положеніе папы въ Римѣ было въ высшей степени невѣрнымъ и шаткимъ.

Послѣ вѣнчанія въ Лахенѣ, Фридрихъ собралъ первый сеймъ въ Мерзебургѣ и на немъ рѣшилъ споръ двонхъ датскихъ принцевъ по престолонаслѣднію: Свѣнъ IV Петръ, которому присуждена была королевская датская корона, принесъ новому королю обычную лѣнную присягу. Ближайшею заботою ислѣдъ затѣмъ было рѣшеніе затрудненій, возникшихъ въ Баваріи, по вопросу о распредѣленіи власти между представителями важнѣйшихъ фамилій. Новый король, зрѣло обдумавъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, рѣшился поближе держаться Вельфскаго дома; графу Вельфу, дядѣ своему (со стороны матери), онъ отдалъ въ лѣнъ маркграфство Тусційское, и пытался Генриха Бабенбергскаго побудить къ добровольному отреченію отъ

рѣшилъ отдать Генриху Саксонскому. Особая комиссія или судъ князей, засѣдавшихъ въ Госларѣ, которому король передалъ на рѣшеніе тяжбу обоихъ Генриховъ, высказался въ пользу притязаній Вельфа, который одинъ только и явился на судъ. Вообще говоря, въ теченіе полтора года, Фридрихъ успѣлъ не только внушить всѣмъ довѣріе къ своему безпристрастію и къ своей твердости, но и дѣйствительно уладить и сгладить множество всякихъ раздоровъ и несогласій, и тѣмъ самымъ привелъ свое государство въ такое положеніе, что могъ предпринять обычный походъ въ Италію за императорскою короною; а императорскій титулъ, по отношенію къ такой личности,

какъ Фридрихъ, долженъ былъ имѣть совсѣмъ иное значеніе, нежели по отношенію къ королямъ обыденнаго склада.

Вся Италія, около этого времени, переживала весьма тягостный кризисъ, который имѣлъ значеніе не только мѣстное, по отношенію къ Риму, какъ резиденціи папской, но распространялся и далеко за предѣлы Италіи. Сильное и глубокое движеніе въ нѣдрахъ самой Церкви, приводящее намъ на память имя Григорія VII, не могло ограничиться только борьбою противъ извѣстныхъ злоупотребленій или учреждений; не могло оно улечься послѣ обнародованія того Вормскаго конкордата, который нѣсколько укротилъ знаменитый споръ объ инвеститурѣ, но не порѣшилъ его окончательно. Въ то самое время, когда римская Церковь явилась громадною силой, безусловно владѣвшей умомъ, когда достаточно было проповѣди французскаго аббата, чтобы поднять на ноги двоихъ могущественныхъ королей и сотни тысячъ людей всѣхъ сословій устремить на выполнение предприятия, которое при сколько-нибудь спокойномъ обсужденіи оказалось бы невозможнымъ и несбыточнымъ—да, въ это же самое время, на этой же почвѣ, впервые пробудилось *сомнѣніе*, духъ діалектики, способный руководить только логическими основами и выводами. Насколько въ іерархическомъ развитіи Церкви идея папскаго всемогущества (какъ она представлялась ключійскимъ папкамъ и самому папѣ Григорію) стала въ своемъ родѣ выводомъ, послѣднимъ словомъ, настолько же другіе умы стремились прійти къ такому же выводу *въ области богословія*, въ области христіанскаго самосознанія, въ системѣ вѣрованій или догматовъ, и одинъ изъ современниковъ Григорія VII, архіепископъ *Ансельмъ Кэнтерберійскій*, можетъ быть названъ вѣрнѣйшимъ представителемъ этой церковной науки или *схоластики*. Преобладающею, основною идеею этой науки было стремленіе облегчить человѣческому мышленію познаваніе христіанской истины,—доказать истинность, логическую необходимость вѣрованья. Но этимъ путемъ пришлось дойти и до вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, и нашелся даже такой смѣльчакъ, который этимъ путемъ дошелъ до изслѣдованія «разумныхъ основъ вѣрованія», такъ называемыхъ *«rationes fidei»*. Смѣльчакъ этотъ былъ извѣстный парижскій богословъ и преподаватель философіи, французъ *Петръ Абелярдъ* (съ 1115 г.), своей искусной діалектикой и горячей рѣчью привлекавшій къ себѣ массу учениковъ. То озлобленіе, съ которымъ выступилъ противъ Абелярда Бернардь, аббатъ клервосскій, въ то время одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей въ Западной Церкви, доказываетъ намъ несомнѣнно, что критическіе и скептическіе элементы уже начинали проявляться довольно осязательно въ современномъ обществѣ; Бернардь напалъ на самое ученіе Абелярда, порицалъ жестоко то вліяніе, которое онъ оказывалъ на молодыхъ богослововъ, и, въ жалобѣ на него, поданной папѣ и кардиналамъ, привелъ цѣлый рядъ положеній изъ его трактатовъ. На мѣстномъ соборѣ въ Сансѣ (1140 г.) всѣ эти положенія были признаны лжеученіями, и Петръ Абелярдъ осужденъ на монастырское заточеніе. Гораздо болѣе опаснымъ мыслителемъ проявилъ себя одинъ изъ учениковъ Абелярда, *Арнольдъ* изъ Брешии, принадлежавшій къ духовному званію и сынъ клерика. Онъ съ большимъ жаромъ и притомъ во всеобщее свѣдѣніе проповѣ-

Положеніе дѣлъ въ Италіи. Арнольдъ изъ Брешии.

дывалъ, что всѣмъ духовнымъ лицамъ слѣдуетъ съ величайшимъ презрѣніемъ относиться ко всему мірекому. Клерикъ не долженъ имѣть никакого имущества, епископы никакихъ «регалий», монахи—никакой собственности; въ своемъ ученіи онъ собралъ только крайніе выводы идей, уже до него высказанныхъ клонійскими отшельниками; онъ выставялъ всѣмъ на видъ то глубокое лицемѣріе и гибельную ложь, которыя заключались въ томъ, что духовенство, присвоивъ себѣ власть надъ душою міра, въ то же время не отрекалось ни отъ мірекого стяжанія, ни отъ всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ соблазновъ. Его ученіе было встрѣчено весьма сочувственно, тѣмъ болѣе, что въ Италіи споръ объ инвеститурѣ пробудилъ критическій духъ и въ связи съ нимъ упорное стремленіе къ самостоятельности, которое стояло въ нѣкоторой связи съ древне-республиканскими воспоминаніями и традиціями большихъ муниципій въ Сѣверной Италіи. Не помогло нисколько воспрещеніе, наложенное латеранскимъ соборомъ 1139 г. на его ученіе: Арнольдъ не унимался, относя себя къ тѣмъ людямъ, которые порвали всякія связи съ официальными церковными порядками. Въ самомъ Римѣ его идея нашла себѣ могучій отголосокъ и въ значительной степени содѣйствовала тому революціонному движенію 1143 г., когда папскія власти были вдругъ противопоставлена народная власть возстановленной Римской республики—*Senatus Populusque Romanus*. Среди этихъ волненій, умеръ Евгеній III (1153 г.). Не трудно было понять, что въ этомъ республиканскомъ и въ то же время анти-іерархическомъ движеніи, такъ сильно развившемся именно вслѣдствіе долгаго отсутствія посредствующей власти императоровъ,—и папской, и королевской власти приходилось бороться противъ одного общаго врага.

Кстати замѣтимъ, что Ломбардія была около этого времени въ состояніи высшаго процвѣтанія: новыя связи съ Востокомъ и быстрое развитіе левантинской торговли при посредствѣ Крестовыхъ походовъ,—все это воздѣйствовало оживляющимъ образомъ на богатую отъ природы страну, обильно орошаемую рѣкою По и ея многочисленными притоками. Замѣчательно, что здѣсь дворянство тѣсно сжилось съ городами и въ такой степени сплотилось съ низшими сословіями, что ставило выше всего не свои интересы, а интересы города, въ которомъ почетныя должности были доступны всѣмъ сословіямъ: эти-то интересы и сближали высшую знать съ мелкимъ дворянствомъ и даже съ плебеями.

Съ весьма небольшимъ войскомъ — 1,800 рыцарями и ихъ свитой — явился впервые Фридрихъ въ Италію, осенью 1154 года. На Ронкальской долинѣ (къ ю.-в. отъ Плаценціи) онъ сдѣлалъ смотръ своему войску, а затѣмъ сталъ выслушивать жалобы, съ которыми къ нему приходили отовсюду. Самыя тяжкія жалобы были обращены противъ «гордаго Милана» — царя городовъ ломбардскихъ. Высокомѣріе свое Миланъ выказалъ на нѣкоторыхъ маленькихъ городахъ, которые не хотѣли подчиниться его волѣ — надъ Комо и Лоди, которые были миланцами разорены и обращены въ простыя деревни. Всѣ оправданія миланскихъ консуловъ были найдены недостаточными, и когда городъ не захотѣлъ подчиниться волѣ короля, то былъ объявленъ въ опалѣ. Войско королевское опустошило всю Миланскую область и разрушило нѣсколько миланскихъ замковъ; союзный

Первый походъ Фридриха въ Римъ. 1154.

Милану городъ Тортона, понадѣявшись на миланцевъ, также вздумалъ не повиноваться королю, но, послѣ пятинедѣльной осады, былъ взятъ и раззоренъ. Много помогала въ данномъ случаѣ королю взаимная зависть большихъ городовъ, а послѣ того, какъ онъ утвердилъ такимъ образомъ свою власть въ Сѣверной Италіи, — онъ двинулся къ Риму, гдѣ въ то время находился Арнольдъ изъ Брешии и дѣла были въ такомъ положеніи, что папа увидѣлъ себя вынужденнымъ предать весь Римъ отлученію отъ Церкви.

Рыцарь въ полномъ вооруженіи, во времена Гогенштауфеновъ.

Миниатюра изъ Генуэзской лицевой хроники, начатой въ XII в., въ высшей степени важной и интересной по отношенію къ эпохѣ Крестовыхъ походовъ и войнамъ Гогенштауфеновъ въ Италіи.

Съ конца 1154 г., папою былъ Адрианъ IV, человекъ достойный, Адрианъ IV. который могъ служить образцомъ того, какъ на службѣ Церкви можно было возвыситься, не имѣя ни славныхъ предковъ, ни состоянія, ни родственныхъ связей—одними только выдающимися личными свойствами. Онъ былъ родомъ англосаксъ и притомъ весьма незнатнаго происхожденія, Брэкспиръ по фамиліи; былъ у себя на родинѣ монахомъ въ одномъ изъ монастырей, затѣмъ добился кардинальства и епископства, и, въ качествѣ легата, оказалъ Церкви важныя услуги въ крайнихъ сѣверныхъ церковныхъ областяхъ. Не легко было въ эту пору править церковнымъ кораблемъ: съ большимъ трудомъ могъ онъ добиться, наконецъ, примиренія съ населеніемъ Рима; но съ другой стороны онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ произнести отлученіе отъ Церкви надъ королемъ

Вильгельмъ Сцилійскій (въ 1154 г. наслѣдовавшимъ Рожеру II), т. е. пустить въ ходъ единственное оружіе, какое у него было подъ рукою, до прибытія германскаго войска, для обузданія норманнскихъ напиль. Адрианъ вышелъ навстрѣчу королю, не безъ опасенія, что тотъ пожалуй воспользуется его безпомощнымъ положеніемъ для предъявленія непомерныхъ требованій. Однакоже, онъ вскорѣ былъ на этотъ счетъ успокоенъ, и только вопросъ простаго этикета смутилъ ихъ первую встрѣчу въ Сутри. Папа ожидалъ, что король, по обычаю, будетъ держать ему стрема при спѣшиваньи, но тотъ счелъ это унижительнымъ для своего достоинства, почему и папа, въ свою очередь, лишилъ его обычной чести «лобзанія мира»; однакоже, Фридриху растолковали старшіе князья, что обычай, несоблюденный имъ, былъ принять издревле. Затѣмъ послѣдовали необходимыя совѣщанія; посольство, присланное королю римской коммуной и говорившее весьма высокомерно, было встрѣчено очень немилостиво королевемъ, который велѣлъ тотчасъ же занять городъ и церковь Св. Петра войсками — и здѣсь совершилось коронованіе Фридриха императорскою короною, о которомъ масса римскаго населенія узнала только тогда, когда оно было закончено. Послѣдовало неистовое возстаніе, которое удалось подавить только послѣ весьма упорной битвы. Тогда и Арнольдъ изъ Брешии былъ схваченъ и преданъ въ руки папы, который осудилъ его на смертную казнь; онъ умеръ мужественно и спокойно, не отрекшись отъ своихъ убѣжденій, которыя всему высшему духовенству и многимъ изъ мірянъ казались «заблужденіями»... Трупъ его былъ сожженъ и даже пепелъ его брошенъ въ Тибръ, чтобы народъ не вздумалъ его собирать и хранить, какъ святыню.

Король Фридрихъ Германскій дѣла.

Предосторожность была тѣмъ болѣе необходима со стороны папы, что Римъ не былъ окончательно имъ усмиренъ, и та вторая услуга, которой папа ожидалъ отъ императора—приниженія Норманновъ—также не была имъ оказана. Это произошло не по волю Фридриха, хотя онъ и былъ въ этомъ дѣлѣ связанъ нѣкоторыми опредѣленными обязательствами по отношенію къ греческому императору: дѣло въ томъ, что могущественные вассалы, изъ дружинъ которыхъ, въ большей своей части, состояло войско Фридриха, не изъявили расположенія двинуться въ походъ на югъ въ самое жаркое время года. Притомъ стали появляться опасныя болѣзни въ войскѣ, и Фридрихъ долженъ былъ рѣшиться на обратный походъ. На пути онъ жестоко наказалъ тусційскій городъ Сполето, отказавшій войску въ продовольствіи и выплатившій контрибуцію фальшивою монетою. Коварство, свойственное ломбардскому населенію,—испытавшему мощь Фридриха, присмирѣвшему, но не смирившемуся,—проявилось даже на одномъ изъ послѣднихъ переходовъ, совершенныхъ императорскимъ войскомъ по итальянской территоріи. Послѣ того, какъ императорскій поѣздъ благополучно переправился по мосту черезъ Эчь, повыше Вероны, дорога въ одномъ узкомъ горномъ проходѣ оказалась прегражденною:—въ замкѣ, господствовавшемъ надъ этимъ проходомъ, засѣла шайка какихъ-то головорѣзовъ и грозила задержать движеніе войска. Но въ императорскомъ войскѣ нашлись смѣльчаки, которые эту позицію обошли, замокъ былъ взятъ и съ засѣвшими въ немъ безумцами поступлено, какъ съ разбойниками (1155).

Возвратившись въ Германію, Фридрихъ проявилъ власть императорскую во всей ея силѣ. Онъ обнаружилъ весьма энергичный указъ о ненарушеніи общаго мира во всемъ государствѣ и всѣ были чрезвычайно поражены, когда онъ примѣнилъ къ нѣкоторымъ родовитымъ нарушителямъ общаго мира старинную и весьма позорную мѣру взысканія, извѣстную подъ названіемъ «несенія собаки».

Въ слѣдующемъ, 1156 г., былъ наконецъ разрѣшенъ баварскій вопросъ, изъ-за котораго враждовали Вельфы съ Бабенбергами. Герцогство Баварское отдано было въ лѣнь Генриху Льву, оказавшему серьезныя услуги императору во время его похода въ Италію; но отъ Баваріи была отдѣлена Восточная марка и изъ нея образовано отдѣльное государство Австрійское. Оно, въ качествѣ самостоятельнаго, наследственнаго владѣнія, было дано дядѣ императора, Генриху Язомирготту и его супругѣ, греческой княжнѣ. Въ томъ же году,

разведясь со своею первою супругою, Фридрихъ женился на *Беатрисѣ*, наследницѣ богатѣйшаго графства Верхне - Бургундскаго. Не даромъ многие женихи искали ея руки: — владѣнія ея были настолько обширны и населенны, что въ ея распоряженіи находилось постоянно войско, состоявшее изъ 5,000 рыцарей. Послѣ небольшой борьбы съ Болеславомъ IV Польскимъ, — борьбы, закончившейся успѣшно для Фридриха, — онъ созвалъ на бургундской почвѣ, въ *Безансонѣ* (въ октябрѣ 1157 г.), сеймъ, и тутъ-то явились къ нему папскіе легаты, съ которыми пришлось вступить въ объясненія не совсѣмъ пріятныя. Отношенія императора и папы Адріана были колеблены. Папа имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ результатами Фридрихова италійскаго похода, такъ какъ они оказались выгодными только ему, между тѣмъ какъ папа былъ предоставленъ имъ на произволъ судьбы и нимало не огражденъ ни отъ римской партіи независимыхъ, ни отъ короля Вильгельма. Въ виду этого папа совсѣмъ измѣнилъ политику: вступилъ въ переговоры съ королемъ Вильгельмомъ, который послѣ удаленія императора Фридриха опять ободрился, и затѣмъ, опираясь на Норманна (котораго онъ избавилъ отъ церковнаго отлученія, вновь принявъ отъ него

Сеймъ въ
Безансонѣ,
1157.

«Coniux Beatrix. Comitissa Burgundiæ Ao. MCLXI (1161).
Супруга Фридриха Барбароссы Беатриса.

Скульптурное изображеніе половины XII в.
на порталѣ Фрейзингенскаго собора.

Вильгельма. Въ виду этого папа совсѣмъ измѣнилъ политику: вступилъ въ переговоры съ королемъ Вильгельмомъ, который послѣ удаленія императора Фридриха опять ободрился, и затѣмъ, опираясь на Норманна (котораго онъ избавилъ отъ церковнаго отлученія, вновь принявъ отъ него

присягу, какъ отъ вассала), примирился и съ римской коммуной. Легатамъ папскимъ было приказано передать императору письмо папы, въ которомъ онъ очень извинялся и тонко намекалъ на то, что Фридрихъ всѣмъ обязанъ святой римской Церкви и ничѣмъ еще не выказалъ ей своей признательности. Канцлеръ имперіи, *Райнальдъ фонъ-Доссель*, человѣкъ высокообразованный, счумѣлъ уразумѣть настоящей смыслъ нѣкоторыхъ туманныхъ выраженій папскаго посланія и указалъ Фридриху на то, что папа, повидимому, считаетъ императорскій санъ какъ бы «даромъ» императору Фридриху или даже «лэномъ». Это подняло сильный шумъ на сеймѣ и разомъ вооружило всю свѣтскую знать противъ папы; когда одинъ изъ легатовъ папскихъ, Роландъ, епископъ сѣнскій, сталъ папу выгораживать и рѣзко спросилъ: «отъ кого же получилъ Фридрихъ свое императорское достоинство, если не отъ святѣйшаго папы?»—тогда одинъ изъ князей, Оттонъ Вительсбахскій, погрозилъ легату мечомъ. Фридрихъ смирилъ волненіе присутствующихъ, предложилъ папскимъ легатамъ немедленно удалиться, а самъ обнаружилъ во всеобщее свѣдѣніе манифестъ, въ которомъ, излагая притязанія папы, заявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и власть королевскую, и власть императорскую онъ получилъ, въ силу избранія князей, «отъ единого Бога».

Италія. Второй походъ. 1158.

Важный вопросъ государственнаго права, поднятый на сеймѣ въ Безансонѣ, сдѣлался предметомъ не только горячихъ обсужденій въ обществѣ, но даже и серьезныхъ юридическихъ изслѣдованій, которыми занялись юристы изъ школы знаменитаго болонскаго ученаго *Ирнерія* (жившаго на четверть вѣка ранѣе); результаты ихъ изслѣдованій оказали огромную услугу Фридриху, когда онъ въ 1158 г. предпринялъ второй походъ въ Италію. Вначалѣ поводомъ похода было своеволие Милана, который попрежнему стремился къ гегемоніи надъ всѣми ломбардскими городами, возстановилъ разоренную императоромъ Тортоною и еще лучше прежняго разорилъ Лоди и Комо. Напрасно старался папа, приславъ новое посольство къ императору, разъяснить въ немъ смыслъ выраженія своего перваго посланія и отклонить грозу, — Фридрихъ двинулся съ многочисленнымъ войскомъ въ Италію, гдѣ его посланные, отправленные впередъ, пользуясь раздоромъ итальянскихъ городовъ, вербовали ему союзниковъ противъ Милана.

Принименіе Милана. Ронкальские дѣрветы.

Войско Фридриха на этотъ разъ было многочисленно и очень строгая дисциплина сдерживала тѣ разнородные элементы, изъ которыхъ войско это было составлено. Въ юнѣ приступлено было къ осадѣ Милана; однакоже, вскорѣ начались переговоры о мирѣ, и городъ согласился на предложенныя ему условія. Миланцы обязались не препятствовать возстановленію городовъ Комо и Лоди, заплатили весьма значительный денежный штрафъ, представили заложниковъ; имъ оставлено было право избранія консуловъ, которые, однакоже, не могли вступить въ исправленіе своихъ обязанностей прежде, нежели принесутъ присягу въ вѣрности императору, который ихъ долженъ утвердить. Послѣ того, какъ условіе это было подписано, произошла слѣдующая сцена: въ лагерь императора явилось все миланское духовенство, съ преднесеніемъ распятій, за нимъ консулы и старшины города, съ величайшимъ смиреніемъ, босоногіе, въ одеждѣ кающихся;

міряне шли, склонивъ голову подь обнаженнымъ мечомъ, который держали у себя на затылкѣ. «Послѣ этого *тріумфа*,—по выраженію одного современнаго бытописателя,—они были императоромъ прощены...» Въ ноябрѣ же, на *Ронкальской* равнинѣ (послѣ долгаго совѣщанія съ духовными и свѣтскими сановниками), при громадномъ стеченіи народа, было объявлено введеніе новаго императорскаго права, которому Фридрихъ далъ названіе «*Возстановленія*». Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, излагалось, что гражданское право (*jura civilia*) не обладаетъ достаточною силою, а право государственное (*regnum leges*) требуетъ нѣкотораго выясненія; и это выясненіе было сдѣлано очень искусно, въ духѣ болонской школы, ученикомъ Ирверія, съ которымъ совѣщался императоръ. Основнымъ принципомъ выясненія было слѣдующее: народъ перенесъ всю свою законодательную власть на особу императора; поэтому всѣ регалии, всѣ герцогскія, маркграфскія и графскія права, всѣ пошлины, всѣ доходы должны быть предоставлены во власть императора, который, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ принадлежность можетъ быть доказана актами, оставляетъ ихъ за владѣльцами, а тамъ, гдѣ она не можетъ быть доказана, императоръ поступаетъ по справедливости; равно и консуловъ, и всѣ начальствующія лица—на будущее время—назначаетъ самъ императоръ съ согласія народа; всякія передачи или отчужденія лѣновъ, безъ прямого согласія на то владыки лѣна, воспрещаются; тотъ вассалъ, который не явится по призыву владыки лѣна и не приметъ участія въ объявленномъ походѣ, утрачиваетъ права на лѣнъ. За всѣ эти важныя права и весьма значительное приращеніе власти, императоръ обѣщалъ одно—правильное и опредѣленное судоустройство. Само собою разумѣется, что эти «ронкальскіе декреты» встрѣтили сильнѣйшее сопротивленіе, такъ какъ они полагали предѣлъ всему доселѣ существовавшему развитію городской и сословной жизни на этой почвѣ, притомъ же еще предоставлялись во власть императора большіе доходы и совершенно подрывалось все то, что было приобрѣтено Италіей въ области права во времена Григорія VII. Новое положеніе о *назначеніи* городскихъ властей (*Potestates* или *Podestas*) императоромъ противорѣчило заключенному въ предшествующемъ году договору съ Миланомъ, въ которомъ говорилось только объ *утвержденіи* ихъ императорскою властью. При переговорахъ, возникшихъ по этому поводу, у миланцевъ вырвался весьма характеризующія ихъ слова:

Изображеніе боя въ улицахъ и на укрѣпленіяхъ въ итальянскомъ городѣ.

Изъ отверстія башни тараномъ разбиваютъ противоположную стѣну. Стрѣлки, стоящія наверху, укрываются за плетенками. Заимствовано изъ Генуэзской хроники 1194 г.

Осада итальянскаго города во времена Гогенштауфе-

Миниатюры эти очень характерны и важны для выясненія устройства городских укрѣпленій во времена ихъ названа почему-то *trabucos*) въ различныхъ періодахъ ихъ дѣйствія; далѣе видим шатры лагера осаж-

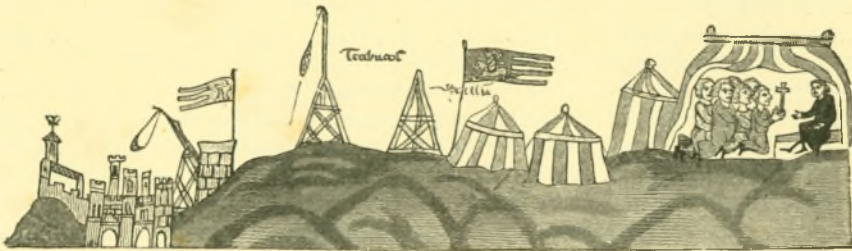
когда имъ напомнили о присягѣ, они отвѣчали, что «дѣйствительно присягали, но присягу соблюсти не обѣщали». Тогда имъ опять была объявлена опала, и войско Фридриха, усиленное новыми подкрѣпленіями, итальянскими и нѣмецкими, обратилось прежде всего противъ союзнаго Милану города Кремоны, который защищался упорно и съ ожесточеніемъ.

Положе-
ніе, при-
нятое
папою.

Между тѣмъ, и папа противопоставилъ «ронкальскимъ декретамъ» свои требованія. Онъ протестовалъ противъ какихъ бы то ни было правъ императора на Римъ, гдѣ всѣ коронныя права принадлежать Св. Петру, и противъ уплаты *fodrum*'а на территоріи Панской области, ходатайствовалъ о возвращеніи владѣній римской Церкви, въ особенности Матильдиной территоріи, и требовалъ, чтобы итальянскіе епископы приносили императору только присягу въ вѣрности ему, а не ленную присягу, какъ вассалы. Императоръ отвѣчалъ на это, что тогда епископы должны будутъ отказаться отъ коронныхъ правъ, и вскорѣ послѣ того принялъ посольство отъ города Рима и отпустилъ съ милостивымъ словомъ, оповѣстивъ въ то же время пословъ въ Римѣ, чтобы они «оказали поддержку Сенату». Враждебные же ему города—Пьяченца, Брешия, Миланъ и осажденная Фридрихомъ Кремона—вступили въ тайное соглашеніе съ папою, по которому они не должны были заключать никакого договора съ императоромъ безъ разрѣшенія папы, и король Сицилійскій Вильгельмъ также присоединился къ этому соглашенію. Среди всѣхъ этихъ смутъ папа Адрианъ и скончался.

Расколъ въ
папствѣ.
Александръ
III и Вик-
торъ IV.

При томъ разъединеніи, какое существовало между партіями, трудно было ожидать, чтобы не произошло двойного выбора папъ. «Сицилійская» партія (такъ называли теперь партію, враждебную императору) избрала того самаго кардинала Ролаанда, который такъ рѣзко поставилъ извѣстный вопросъ на безансонскомъ сеймѣ; онъ назвался *Александромъ III*, и былъ избранъ большинствомъ 14 кардиналовъ. Меньшинство же изъ 9 кардиналовъ, составившихъ императорскую партію, избрало кардинала Октавіана, подъ именемъ *Виктора IV*. Фридрихъ съумѣлъ извлечь выгоду изъ этого разъединенія папской власти. Онъ созвалъ въ Павіи мѣстный соборъ, который долженъ былъ разобрать распрю между двумя папами: соборъ собрался въ февралѣ 1160 года и, конечно, рѣшилъ вопросъ въ пользу Виктора, присутствовавшего на соборѣ, которому Фридрихъ весьма охотно оказалъ обычныя почести. Окружное посланіе, отъ имени важнѣй-

новъ. Изъ миниатюръ Генуэзской хроники. 1227 г.

Барбароссы и въ послѣдующую эпоху. Изображеніе представляетъ памятникъ камнететныхъ машинъ (одна изъ дюжихъ; и среди нихъ войсковое знамя (при чемъ надпись „vexillum“); направо изображена сдача города.

шихъ участниковъ собора, оповѣстили весь міръ объ этомъ избраніи, а папа Александръ отвѣчалъ на него отлученіемъ императора отъ Церкви. Но отъ этого онъ ничего не выигрывалъ; ему отвѣчали тѣмъ же:—весь вопросъ былъ въ томъ, кто окажется въ Италіи болѣе сильнымъ въ ближайшемъ будущемъ.

Тѣмъ временемъ Кремона пала. Жителямъ города пощажена была жизнь и дозволено покинуть городъ со всѣмъ тѣмъ имуществомъ, какое они могли унести на плечахъ; затѣмъ городъ былъ отданъ на разграбленіе и преданъ пламени. Съ Генуей императорскимъ комиссарамъ удалось уладить дѣло миромъ. Завязалась рѣшительная борьба изъ-за Милана. Расколъ въ панствѣ оставался въ прежней силѣ; посольства обѣихъ сторонъ поочередно являлись къ различнымъ дворамъ, и каждое говорило въ пользу своей партіи; война также не прекращалась въ Ломбардіи въ теченіе всего послѣдующаго 1161 года. Фридрихъ съ обычною своею настойчивостью стремился къ одной ближайшей цѣли—къ ниспроверженію Милана. Но только въ мартѣ 1162 г., послѣ того, какъ населеніе города перенесло самыя ужасныя крайности, оно рѣшилось на безусловное подчиненіе побѣдителю. Въ г. Лоди явились сначала къ императору консулы миланскіе съ немногими изъ знати, и заявили о смиреніи города; на слѣдующее воскресенье они явились вновь съ еще болѣею рыцарскою свитою и передали Фридриху ключи города. Третій, наступившій затѣмъ день, былъ самымъ тяжкимъ изъ всѣхъ:—никогда еще не видано было болѣе грубаго уничиженія при сдачѣ города на полную волю побѣдителя. Всѣ граждане Милана явились съ петлями на шеѣ; у всѣхъ головы посыпаны были пепломъ; знамена отдѣльныхъ городскихъ общинъ или кварталовъ были снесены въ кучу и переданы побѣдителю. Затѣмъ, главная городская святыня, такъ-называемая *carroggio* (повозка), среди которой водружено было высокое и массивное древко, а на немъ городское знамя съ изображеніемъ Св. Амвросія и распятіемъ на вершинѣ,—была провезена мимо Фридрихова трона; по его знаку, тяжелое древко склонилось и знамя съ него было снято. Тогда вся толпа горожанъ пала на колѣни и молила о помилованіи. Помилваніе было дано населенію, но въ немъ было отказано городу. Стѣны Милана (насколько это возможно было въ такомъ обширномъ городѣ) были разрушены, рвы засыпаны, и въ этомъ раззореніи грозному Фридриху помогали весьма

Раззореніе
Милана.
1162.

охотно враждебные миланцамъ граждане другихъ итальянскихъ городовъ. Само собою разумѣется, что вполне разрушить городъ было невозможно: однакоже, было запрещено жить въ нѣкоторыхъ кварталахъ, и, сверхъ того, повиновеніе миланцевъ было обезпечено значительно увеличеннымъ числомъ заложниковъ. Очевидцы рассказываютъ намъ, что, во время всей этой раздирающей и унижительной сцены изъявленія покорности миланцами, лицо Фридриха ни на мгновеніе не измѣнилось, не выказало ни состраданія, ни ненависти: онъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ побуждаемый государственною необходимостью. До нѣкоторой степени онъ былъ правъ: разореніе Милана навело ужасъ на всѣхъ; самъ папа Александръ не рѣшился долѣе оставаться въ Италіи и бѣжалъ во Францію, гдѣ былъ принятъ съ великимъ почетомъ.

Фридрихъ
третій разъ
въ Италіи
1163 г. Епископы Райнальда и Христіанъ.

Возвратившись въ Германію, Фридрихъ оставилъ въ Италіи своего канцлера Райнальда для окончательнаго улаженія нѣкоторыхъ вопросовъ; самъ же онъ еще разъ побывалъ въ Италіи въ 1163 г., осенью, на короткое время, и даже безъ войска. Въ Германіи ему пришлось также вступить въ церковныя дѣла: майнцскій архіепископъ Арнольдъ былъ убитъ горожанами во время бунта. Императоръ наказалъ горожанъ, виновныхъ въ убійствѣ, и замѣстилъ Арнольда архіепископомъ *Христіаномъ*, который былъ ему горячо преданъ и притомъ былъ человѣкомъ способнымъ и энергическимъ. Затѣмъ и другую важную архіепископію, Кельнскую, Фридрихъ замѣстилъ канцлеромъ своимъ Райнальдомъ (1165 г.), и это окончательно утвердило его власть надъ всею западною частью Германіи. Опираясь на большое и сплошное доминальное владѣніе въ Рейнской равнинѣ, въ Бургундіи и Италіи, приносившія ему большой и правильно-получаемый доходъ, имѣя постоянно въ своемъ распоряженіи многочисленное рыцарство, связанное съ нимъ многими личными интересами, постоянно увеличивая число крѣпостей и замковъ, и при этомъ поддерживаемый большинствомъ нѣмецкихъ епископовъ, которые, въ свою очередь, предоставляли въ его распоряженіе значительную военную силу, — Фридрихъ былъ въ силахъ подавить всякое сопротивленіе его волѣ, гдѣ бы оно ни проявилось.

А между тѣмъ церковный расколъ продолжался. Въ апрѣлѣ 1164 г. умеръ Викторъ IV, и Райнальдъ тотчасъ распорядился о выборѣ папы изъ его кардиналовъ, которые и выбрали *Пасхалія III*. Всѣ симпатіи людей, строго придерживавшихся церковнаго начала, были конечно на сторонѣ Александра; въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ даже и такой рассказъ объ архіепископѣ магдебургскомъ: онъ предпринялъ странствованіе въ Святую Землю и, попавшись въ плѣнъ Туркамъ, далъ обѣтъ — перейти на сторону папы Александра, если Богу угодно будетъ освободить его отъ турецкаго плѣна. А между тѣмъ на вюрцбургскомъ сеймѣ (1165 г.) Фридрихъ заставилъ всѣхъ присутствующихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ обязаться клятвенно — никогда не выбирать никого въ папы, кромѣ Пасхалія, а буде онъ умретъ, то кого-нибудь изъ его же партіи; и онъ чрезвычайно сурово поступалъ съ тѣми, которые отказывались повиноваться его волѣ. Иные со слезами подписывали это обязательство (*juramentum*), противъ своего

убѣжденія или даже безъ всякаго убѣжденія — лишь бы не лишиться коронныхъ правъ.

Тѣмъ временемъ Александру удалось, при помощи сицилійской партіи и короля Вильгельма I, вернуться въ Римъ (въ концѣ 1165 г.). Обстоятельства въ Италіи сложились такъ, что Фридрихъ увидѣлъ себя снова вынужденнымъ вмѣшаться лично въ итальянскія дѣла, махнувъ рукою на положеніе дѣлъ въ Германіи, гдѣ возрастающее могущество Генриха Льва вызвало противъ него большую коалицію духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ въ Саксоніи, слѣдовательно въ Сѣверной Германіи. Сначала побѣхалъ въ Италію архіепископъ Райнальдъ, а за нимъ вслѣдъ, позднею осенью 1166 г., двинулся и самъ императоръ въ четвертый разъ черезъ Альпы. Здѣсь же, подѣ гнетомъ управленія императорскихъ чиновниковъ, идеи коммунальной свободы успѣли разрастись очень широко. Нѣмцы-чиновники распоряжались здѣсь съ беспощадною и тиранническою послѣдовательностью, на основаніи коронныхъ правъ вымогая у населенія подати и оброки; граждане итальянскихъ городовъ, скрѣпивъ союзъ между собою частыми сѣздами, пришли къ тому убѣжденію, что имъ лучше умереть съ честью, нежели жить среди такого позора. Съ миланскими выборными сошлись выборные изъ Кремоны, Бергама, Брешии, Мантуи, Феррары; и хотя, на словахъ, они и оставались попрежнему вѣрны императору, однакоже имѣли положительно въ виду возстановленіе Милана. Несмотря на присутствіе императора, несмотря на успѣхи его, этотъ тайный союзъ городовъ распространился очень широко: въ него вошли и Венеція, и Верона, и Пьяченца, и Болонья, и др.; они рѣшились стремиться къ возстановленію того положенія, какое существовало отъ временъ Генриха V и до вступленія во власть Фридриха Барбароссы. Императоръ осаждалъ Анкону, а между тѣмъ архіепископъ Райнальдъ съ небольшимъ отрядомъ войска двинулся къ Риму. Встрѣтившись съ весьма значительными силами Римлянъ, онъ вынужденъ былъ укрыться въ Тускулумъ, и въ лагерѣ подѣ Анконой стали обсуждать, не слѣдуетъ ли отказаться отъ движенія къ Риму вообще, и порѣшили прежде всего выручить Райнальда изъ его опаснаго положенія. Но Фридрихъ не покинулъ осаду Анконы, а только отправилъ на выручку Райнальда архіепископа Христіана съ 500 рыцарей и 800 наемныхъ воиновъ. Оба архіепископа, очевидно, были настолько же опытны въ военномъ дѣлѣ, насколько и въ дѣлахъ государственныхъ; очень ловко обдумавъ планъ атаки, они нанесли римскому войску, состоявшему изъ всякаго сброда, сильнѣйшее пораженіе при Тускулумѣ. Затѣмъ явился и самъ Фридрихъ, съ главными силами и ввелъ своего папу, Пасхалія III, въ Римъ, изъ котораго анти-папа долженъ былъ, переодѣтый, бѣжать въ Гаэту и затѣмъ въ Беневентъ. Населеніе Рима, еще разъ испытавшее силу германскаго оружія, вынуждено было вступить въ соглашеніе съ побѣдителемъ.

Но на этой опасной почвѣ зародились нныя, неожиданныя бѣдствія: въ августѣ вдругъ разразилась страшная эпидемія и съ поразительною быстротою охватила городъ и войско. Множество выдающихся мужей, знатнѣйшихъ сановниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ (въ томъ числѣ и архіепископъ Райнальдъ), пали жертвами страшной повальной болѣзни.

Четвертый походъ.
1166.

Гибельный исходъ похода.

Войско таяло на глазах у вождей: «рыцари, пѣхотинцы, оруженосцы» — всѣхъ пожирала смерть безъ различія, при чемъ, конечно, падало войско и духомъ, такъ какъ въ народѣ всѣ открыто толковали, что болѣзнь послана Богомъ въ наказаніе за безбожныя дѣянія Фридриха. Фридрихъ вскорѣ увидѣлъ себя совершенно обезсиленнымъ. Онъ поспѣшилъ удалиться въ вѣрную ему Павію. Но возстаніе уже всюду было въ полномъ ходу: федерація ломбардскихъ городовъ (такъ называли *Веронскій союзъ*) стала брать городъ за городомъ, и въ мартѣ 1168 г. Фридрихъ вернулся въ Германію съ ничтожнымъ остаткомъ своего войска. Отступленіе его было бѣдственнымъ, и онъ долженъ былъ прибѣгать то къ хитростямъ, то къ безобразнымъ жестокостямъ *), чтобы избавиться отъ натиска враговъ, преслѣдовавшихъ его по пятамъ. По удаленіи Фридриха, Веронскій союзъ имѣлъ полную возможность приступить къ возстановленію Милана: — семь лѣтъ протекло до того времени, когда Фридриху вновь удалось лично явиться въ Италію.

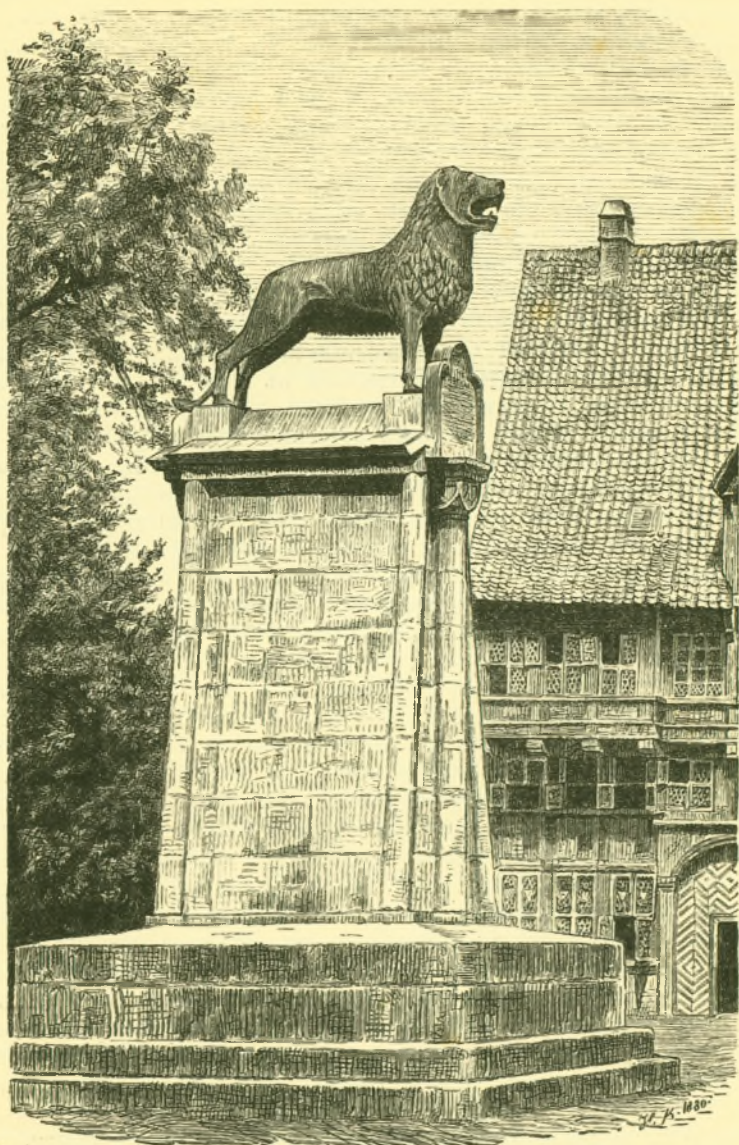
Фридрихъ
въ Германіи.
1168—75.

Между тѣмъ на Сѣверѣ Германіи, попрежнему, еще бушевала буря, вызванная борьбою свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ противъ Генриха Льва; однакоже при посредничествѣ короля удалось здѣсь установить перемиріе. На сеймѣ въ Вамбергѣ онъ горько жаловался на эту усобицу въ Саксоніи, которая способствовала отпаденію Ломбардіи. Послѣ долгихъ переговоровъ на различныхъ сеймахъ, онъ добился-таки того, что миръ былъ возстановленъ, при чемъ однакоже Вельфъ ничѣмъ не полатился. Напротивъ того, Генрихъ, около этого времени, вступилъ въ бракъ съ особою изъ королевскаго дома — Матильдою, дочерью Генриха II, короля англійскаго. Мощь его возросла до чрезвычайности: онъ могъ тягаться силами съ самимъ Фридрихомъ. Трудно себѣ представить, чтобы Фридрихъ не предвидѣлъ той опасности, которая угрожала его собственному дому со стороны этой быстро развивающейся и возрастающей мощи одного изъ владѣтельныхъ князей въ его государствѣ; онъ даже видимо поспѣшилъ увеличить въ Швабіи владѣнія своего дома, чтобы такимъ образомъ установить нѣкоторое равновѣсіе по отношенію къ могуществу герцога. Онъ закрѣпилъ за собою и богатое наслѣдство старшаго Вельфа, у котораго умеръ сынъ; Фридрихъ, болѣе дальновидный, нежели его племянникъ герцогъ Генрихъ, зная, что тотъ постоянно нуждается въ деньгахъ, ссудилъ его деньгами подъ залогъ его выморочнаго имущества при наслѣдствѣ. Вскорѣ послѣ того, въ 1169 г., по предложенію архіепископа Христіана майнцскаго, 4-хъ-лѣтній сынъ императора Генрихъ былъ коронованъ въ Аахенѣ, какъ его наслѣдникъ. Мало-по-малу миръ опять установился въ Германіи въ такой степени, что въ 1172 году Генрихъ Левъ задумалъ отправиться по обѣту въ Святую Землю, на поклоненіе Гробу Господня, а Фридрихъ въ томъ же году заявилъ, на сеймѣ въ Вормсѣ, о приготовленіяхъ къ пятому походу въ Италію.

Пятый по-
ходъ въ Ита-
лію. 1174.

Положеніе дѣлъ въ Италіи было запутанное. Расколъ все еще продолжался и германскіе епископы были лишены весьма важной опоры, которую

*) Такъ, онъ велѣлъ вѣшать по дорогѣ заложниковъ, которые находились у него при войскахъ, выказывая этимъ, что поступить такъ и со всѣми остальными, если его не перестанутъ преслѣдовать.

Бронзовый левъ, воздвигнутый въ 1166 г. въ Брауншвейгѣ Генрихомъ Львомъ,
въ знакъ его княжескаго господства.

Каменный постаментъ его былъ много разъ возобновляемъ.

постоянно находили въ единой папской власти, и для нихъ было чрезвычайно важно, чтобы расколъ прекратился поскорѣе; они даже готовы уже были признать Александра, лишь бы онъ въ свою очередь призналъ епископовъ, назначенныхъ его анти-папою. Начали по этому поводу переговоры, но они не достигли цѣли, и папа Александръ былъ вовлеченъ въ союзъ съ ломбардскими городами, между тѣмъ какъ епископы германскіе вынуждены были держаться въ тѣсномъ единеніи съ императоромъ. И такъ кончина Пасхалія III, съ императорской стороны, привела только къ тому, что выбранъ былъ новый папа, *Каликстъ III*; а ломбардскіе союзные города (союзъ заключалъ въ себѣ уже 36 городовъ), какъ бы въ насмѣшку императору, дали въ честь своего папы названіе *Александріи* той крѣпости на правомъ берегу средняго течения По, которую они выстроили около этого времени. Эта крѣпость и была ближайшею цѣлью нападенія для императорскихъ войскъ, когда въ 1174 г. Фридрихъ двинулся въ пятый походъ свой въ Италію. Хотя онъ и запасся всякими осадными орудіями того времени, однако не могъ взять Александріи. Союзные города, со своей стороны, тоже собрали весьма значительное войско, однакоже дѣло не дошло до генеральнаго сраженія. Начаты были переговоры, къ участию въ которыхъ Фридрихъ привлекъ и папу Александра. Тотъ прислалъ своихъ трехъ кардиналовъ; императоръ, со своей стороны, готовъ былъ на уступки, но требовалъ непременно срытія Александріи; на этомъ условіи миръ и не состоялся, хотъ и былъ уже почти заключенъ. А между тѣмъ, затягиваніе войны, при своеобразности нѣмецкаго военнаго устройства, для Ломбардцевъ было менѣе обременительно, чѣмъ для императора. Подкрѣпленія подходили изъ Германіи очень туго, и какъ разъ въ это время отъ него отпалъ могущественнѣйшій изъ нѣмецкихъ князей, Генрихъ Саксоно-Баварскій; а тѣ подкрѣпленія, которыя привелъ къ императору въ 1176 г. архіепископъ кельнскій Филиппъ, были недостаточны для продолженія войны. Такъ дѣло дошло до весьма тяжкаго бѣдствія: при *Леньяно* (между Миланомъ и Лоди) дана была битва, которая длилась шесть часовъ сряду, и въ началѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ германскихъ войскъ, но затѣмъ натискъ Нѣмцевъ сломился о несокрушимое сопротивленіе отборнаго ломбардскаго войска, а дружина ратниковъ изъ Брешии неожиданно ударила Нѣмцамъ во флангъ, и императорскія войска понесли страшное пораженіе. Войско горожанъ-союзниковъ, на сторонѣ котораго былъ значительный численный перевѣсъ, одержало побѣду надъ рыцарями. Побѣдители до самыхъ береговъ Тичино гнали за побѣжденными, а затѣмъ вернулись на поле битвы и стали пскать тѣло императора между убитыми. Но Фридрихъ былъ живъ: съ незначительною свитою ему удалось пробраться въ Павію.

Битва при
Леньяно.
1176.

Конгрессъ
въ Вене-
ци. 1177.

Фридрихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ мужей, которые всегда умѣютъ извлечь нравоученіе изъ событій и даже въ превратностяхъ судьбы не теряютъ способности соображать, что именно возможно и достижимо. Онъ очень хорошо понималъ, что папа только случайный союзникъ Ломбардцевъ, что для него важнѣе всего восстановленіе мира въ Церкви, а этотъ миръ безъ согласія съ императоромъ не-

возможенъ; съ другой стороны, Фридрихъ прекрасно понималъ, что ему слѣдуетъ спѣшить въ Германію и тамъ приняться за гораздо болѣе важную политическую работу—за борьбу противъ преобладанія Вельфскаго дома. Поэтому, вскорѣ послѣ битвы, хотя она и не вполне лишила Фридриха средствъ къ продолженію войны—дѣло дошло до переговоровъ. Ему не удалось разьединить папу съ Ломбардцами, потому что и тотъ тонко понималъ современное политическое положеніе; переговоры велись съ обѣихъ сторонъ очень осторожно, велись настоящими государственными людьми, которые знали другъ друга цѣну и вѣрно оцѣнивали значеніе порученныхъ имъ интересовъ. Такъ, мало-по-малу, всѣ пришли къ убѣжденію въ необходимости общаго мира, и *конгрессъ* для заключенія его собрался въ *Венецію*. Переговоры были продолжительны и трудны. Въ іюлѣ 1177 г. миръ былъ заключенъ, но въ видѣ перемирія—6-ти-лѣтняго съ Ломбардцами, 15-ти-лѣтняго съ королемъ Вильгельмомъ II Сицилійскимъ (съ 1166 г.); обѣ стороны обѣщали стараться о томъ, чтобы въ теченіе перемирія могъ быть заключенъ прочный миръ. Подобное соображеніе повліяло и на рѣшеніе вопроса о Матильдиныхъ владѣніяхъ, который, въ числѣ вопросовъ свѣтскаго характера, былъ однимъ изъ самыхъ спорныхъ: въ концѣ концовъ императоръ получилъ ихъ въ пользование на ближайшія 15 лѣтъ. Другой важный пунктъ—устраненіе церковнаго раскола—было уже не трудно уладить, такъ какъ обѣ стороны равно тяготились расколомъ. Каликъсъ былъ устраненъ и папа Александръ—человѣкъ великодушный и не способный къ мелочной мстительности и личной враждѣ—обошелся съ нимъ весьма благодушно. Отлученіе отъ Церкви, произнесенное надъ императоромъ, его слугами и приверженцами, было снято. Празднество торжественнаго примиренія было отпраздновано въ соборѣ Св. Марка въ *Венецію*. Папа Александръ съ епископами стоялъ передъ соборомъ въ ожиданіи императора, который явился въ сопровожденіи дожа и патріарха. Очевидецъ-современникъ рассказываетъ намъ, что Фридрихъ, «побуждаемый къ тому духомъ Божіимъ, и въ лицѣ Александра преклоняясь передъ Богомъ»,—палъ передъ папою ницъ, послѣ чего Александръ его тотчасъ поднялъ и далъ ему «лобзаніе мира». Тогда они отправились въ соборъ; императоръ «взялъ папу за правую руку (такъ подробно былъ выработанъ церемоніаль!) и ввелъ его въ Божій храмъ, гдѣ папа и далъ ему свое благословеніе». Затѣмъ, на соборѣ, тѣсно связанномъ съ этимъ празднествомъ, папа Александръ произвелъ необходимыя новыя назначенія епископовъ и подтвердилъ прежнія, въ духѣ императора. 1-го августа императоръ держалъ торжественную рѣчь на соборѣ, въ которой изложилъ, что «до этого онъ бродилъ во мракѣ невѣдѣнія, а нынѣ вернулся къ свѣту истины», что онъ признаетъ Александра III папою каволической Церкви, и такимъ образомъ возвращаетъ миръ Церкви, высокочтимому королю Сицилійскому и Ломбардцамъ. Папа чувствовалъ, однакоже, что ему нельзя вначалѣ обойтись безъ защиты императора, а поэтому виновственный канцлеръ, архіепископъ майнцскій Христіанъ (одинъ изъ утвержденныхъ папою на соборѣ) былъ оставленъ Фридрихомъ въ Средней Италіи; самъ же императоръ въ 1178 г. двинулся

въ Бургундію и уже въ началѣ 1179 г. собралъ въ Вормсѣ князей нѣмецкихъ на сеймъ.

Здѣсь поднятъ былъ вопросъ объ отношеніяхъ къ Генриху Льву, разрѣшеніе котораго выжидалось многочисленными врагами могущественнаго герцога. Положеніе герцога было неблагопріятное; онъ плохо рассчиталъ, предположивъ, что императоръ будетъ надолго отвлеченъ итальянскими дѣлами. Съ герцогомъ рѣшено было поступить по закону, и Фридрихъ, заранѣе предвидя, чѣмъ кончится дѣло, имѣлъ полную возможность выказать себя умѣреннымъ: три раза былъ назначаемъ герцогу день для явки и принесенія оправданій, но Генрихъ не явился ни въ одинъ изъ назначенныхъ дней, потому-ли, что явиться не рѣшался, или же потому, что гордость не позволяла ему явиться. Тогда состоялся въ 1180 году окончательный приговоръ на вюрцбургскомъ сеймѣ; согласно лѣнному праву, установлено было явное оскорбленіе Величества, а потому и были у него отобраны оба герцогства, равно какъ и всѣ его коронныя лѣны, которыми и распорядились слѣдующимъ образомъ: Саксонія была подѣлена между архіепископіей кѣльнской и Бернгардомъ, сыномъ Альбрехта Медвѣдя; Баварія же отдана въ руки вѣрнаго слуги Фридрихова, Оттона фонъ-Виттельсбаха, въ домѣ котораго она съ тѣхъ поръ и осталась, за исключеніемъ Штирин, отдѣленной въ видѣ особаго герцогства.

Германскія
дѣла. Па-
деніе Бель-
фовъ. 1180.

Однакоже этотъ приговоръ суда князей могъ быть приведенъ въ исполненіе не иначе, какъ силою, и послѣ долгой войны, охватившей весь Сѣверо-Западъ Германіи. Генрихъ, вначалѣ, велъ ее довольно удачно. Однакоже лѣтомъ въ тотъ годъ императоръ самъ привелъ войско, замки герцога въ Гарцскихъ горахъ сдались безъ особеннаго сопротивленія и окончательный ударъ ему былъ нанесенъ подчиненіемъ *Любека*, которому императоръ оставилъ его льготы и вольности неприкосновенными: онъ остался тѣмъ же, чѣмъ предназначилъ ему быть Генрихъ, когда его основывалъ, т. е. очагомъ высшей культуры для всей окрестной страны, и достигъ весьма значительнаго процвѣтанія. Слишкомъ поздно обратился теперь Генрихъ къ благорасположенію императора, которымъ такъ долго пользовался; на сеймѣ въ Эрфуртѣ ему пришлось преклонить колѣна предъ императоромъ, и всѣ князья выказали въ данномъ случаѣ столько ненависти къ нему и своекорыстія, что если бы даже Фридрихъ задумалъ смягчить принятія имъ рѣшенія, князья не допустили бы этого. Во владѣніи герцога остались только наслѣдственные земли, составлявшія его вотчину, да еще Брауншвейгъ и Лüneбургъ: самъ онъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе и оставаться въ немъ до тѣхъ поръ, пока не призоветъ его императоръ. Герцогу не была оказана помощь и со стороны Франціи (на которую онъ очень рассчитывалъ), такъ какъ тамъ опасались могущества Фридриха. И вотъ Генрихъ удалился съ семействомъ въ Англію. Такимъ образомъ значеніе императорской власти было вновь восстановлено и предѣлы ея расширены до самаго взморья, что, впрочемъ, вовсе не было особеннымъ счастьемъ для сѣверо-германскихъ областей, гдѣ, вмѣстѣ съ паденіемъ сильной герцогской власти, наступило безначаліе и всякаго рода неурядицы. Паденіемъ вельфскаго могущества

Изсѣченное на камнѣ изображеніе Фридриха Барбароссы.
На косякѣ окна въ монастырѣ Св. Зенона близъ Рейхенгалля въ Баваріи.

въ особенности воспользовался король Датскій Вальдемаръ, пособлявшій въ войнѣ противъ герцога Генриха.

Констанц-
скій миръ.
1183 г.

Въ 1182 г. скончался папа Александръ III, въ слѣдующемъ — архі-епископъ майнцскій Христіанъ, который, несмотря на свою духовную одежду, былъ скорѣе свѣтскимъ владѣтельнымъ княземъ, нежели духовнымъ сановникомъ. Въ теченіе цѣлыхъ 11-ти лѣтъ онъ сумѣлъ поддержать въ Италіи значеніе и преобладаніе имперіи. Въ самый годъ его смерти, на сеймѣ въ *Констанцъ*, куда собрались посольства отъ многихъ ломбардскихъ городскихъ общинъ, удалось установить прочный миръ, по которому Фридрихъ сдѣлалъ значительныя уступки (съ государственной точки зрѣнія) новому городскому элементу, который всюду сталъ мощно развиваться и проявляться; хотя при этомъ Фридрихъ отказался и отъ «ронкальскихъ рѣшеній», однакожъ, въ общемъ, нисколько не уронилъ своего высокаго положенія. За городами были признаны ихъ коронныя права—автономія по старымъ обычаямъ; имъ предоставлено было избирать себѣ городскія власти, консуловъ, которые вслѣдъ затѣмъ утверждались въ своей должности уполномоченными императора или мѣстнымъ епископомъ*); эти консулы избирались изъ тѣхъ, которые уже принесли императору присягу въ вѣрности, или же принесутъ ее по избраніи своемъ; города имѣли право возводить укрѣпленія и заключать между собою союзы; однакоже, они обязаны приносить императору *fodrum*, когда онъ вступаетъ на ихъ территорію, принимаютъ на себя заботы по содержанію его войскъ и содержать въ порядкѣ мосты и дороги; каждое десятилѣтіе, присяги (*fidelitates*) должны быть возобновляемы. Города добились, однакоже, выполненія только части ихъ требованій: такъ, коронными правами они могли пользоваться только въ своихъ городскихъ стѣнахъ и на той территоріи, которая имъ несомнѣнно и безспорно принадлежала, а не на всемъ пространствѣ графства или епископства, среди котораго они были расположены. Такимъ образомъ, они представляли собою «какъ бы острова», отовсюду окруженные владѣніями, въ которыхъ дѣйствовало императорское право, и не составляли цѣльной, сплоченной области; вообще говоря, во всемъ сказывалось то мощное положеніе, которое Фридрихъ занялъ въ политическомъ мірѣ со времени уничтоженія Вельфскаго «государства въ государствѣ».

Майнцскій
сеймъ.
1184 г.

Прежде чѣмъ Фридрихъ еще разъ посѣтилъ умиротворенную Италію, онъ собралъ сеймъ въ Майнцѣ (1184 г.), сопровождавшійся такими празднествами, которыя на долгое время остались въ народной памяти: одинъ изъ современныхъ поэтовъ (Генрихъ фонъ-Вельдеке), воспользовавшись яркими красками и блескомъ этихъ празднествъ, создалъ на основаніи ихъ описаніе свадебнаго торжества героевъ своей поэмы. Поводъ къ этимъ торжествамъ поданъ былъ тѣмъ, что императоръ праздновалъ «опоясанье мечомъ» своихъ двухъ сыновей—короля Генриха и герцога Фридриха Швабскаго. На эти торжества отовсюду съѣхалось (не изъ одной только Германіи) множество знатныхъ посѣтителей, отчасти по личному

*) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ епископъ, въ силу древняго права или императорской привилегіи, обладалъ графскими правами (*comitatus*).

приглашенію императора: по одному современному свидѣтельству, болѣе 70 князей съѣхалось тогда въ Майнцъ, съ соотвѣтствующею свитою. Весь остальной людъ (его насчитываютъ до 70,000) ютился подъ шатрами громаднаго стана, раскинутаго за воротами города. И этотъ громадный съѣздъ былъ привлекателенъ и поучителенъ не только для поэта, но и для историка, какъ стройное собраніе всѣхъ элементовъ свѣтской, духовной и народной жизни государства, во главѣ котораго стоялъ мощный правитель, равно опытный и въ политикѣ, и въ воинскомъ дѣлѣ, окруженный воинственною знатью, которая несла на себѣ всѣ тягости войны, между тѣмъ какъ низшіе слои населенія заняты были своимъ посильнымъ трудомъ, а возникающее городское сословіе уже предавалось оживленной промышленной и торговой дѣятельности.

Осенью того же 1184 г. Фридрихъ въ шестой разъ вступилъ на почву Италіи. Папа *Люцій III*, подобно многимъ изъ своихъ предшественниковъ, и въ самомъ Римѣ чувствовалъ себя не безопаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ скончался грозный архіепископъ майнцекій Христіанъ, вѣрный слуга императора:—Фридрихъ встрѣтилъ папу уже въ Веронѣ. Отношенія ихъ тотчасъ же помутнились. Папа выказалъ себя непокладливымъ и въ вопросахъ церковныхъ, и въ разногласіяхъ (еще неулаженныхъ) по поводу Матильдивыхъ владѣній. Недовольство папы было, впрочемъ, вполне понятно; императору удалось сдѣлать, около этого времени, такой ловкій ходъ, который въ значительной степени подрывалъ всю политику римской курии: Фридрихъ высваталъ сыну своему Генриху наследницу королевства Сицилійскаго, дочь короля Рожера и тетку правившаго въ то время бездѣтнаго короля Вильгельма II,—слѣдовательно, къ Генриху, на основаніи прежняго договора, должны были современемъ перейти и Сицилія, и Апулія, и герцогство Капуанское. Между императоромъ и папою начались неудовольствія изъ-за церковныхъ вопросовъ, касавшихся германской Церкви,—и папа отказался вѣнчать императорскою короною Генриха, котораго Фридрихъ хотѣлъ сдѣлать своимъ соправителемъ: несогласіе свое папа мотивировалъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, непристойно было двумъ императорамъ стоять во главѣ Германской имперіи. Въ противоположность этому съ ломбардскими городами установились отличныя отношенія. Миланцы просили, въ видѣ особой милости, у императора, даровавшаго имъ многія привилегіи, чтобы свадьба короля Генриха была отпразднована въ ихъ городѣ, что и совершилось въ 1186 г. при огромномъ съѣздѣ гостей, съѣхавшихся изъ всей Италіи, изъ-за Альпъ. Тогда папа увидѣлъ себя отовсюду окруженнымъ обширными владѣніями Штауфеновъ; самыя твердыя опоры куріальной политики,—норманское царство и ломбардскіе города,—были, въ данную минуту, въ рукахъ императора. Юный король—ему былъ всего 21 годъ, а его супругѣ Констанціи на десять лѣтъ болѣе—былъ въ Миланѣ коронованъ королевскимъ вѣнцомъ, какъ король Италіи, и самимъ императоромъ возведенъ въ Цесаря, т.-е. въ соправителя, для чего содѣйствіе папы оказывалось вовсе ненужнымъ. Это привело къ еще болѣе натянутости отношеній, которыя и безъ того при Урбанѣ III (съ 1185 г.) не улучшились:—онъ остался въ Веронѣ почти въ положеніи плѣнника. Генрихъ остался въ

Шестой походъ въ Италію. 1184 г.

Итали и держалъ въ уздѣ Туецію, между тѣмъ какъ самъ Фридрихъ вернулся въ Германію, гдѣ папѣ и его соумышленнику архіепископу Филиппу Кельнскому удалось вызвать нѣкоторую оппозицію въ средѣ епископовъ. Съ этой оппозиціей Фридрихъ очень быстро управился: уже на ближайшемъ сеймѣ настроеніе епископовъ совсѣмъ измѣнилось и они, къ великому изумленію папы, отправили ему напоминаніе (1187 г.) о необходимости примиренія съ императоромъ: вскорѣ подчинился императору и кельнской архіепископъ.

До полного разрыва съ папой у императора не дошло. Этому въ значительной степени помѣшали тѣ печальныя вѣсти, которыя донеслись лѣтомъ 1187 г. съ Востока, а вслѣдъ затѣмъ пришла и печальнѣйшая изъ всѣхъ: 3-го октября Іерусалимъ вновь подпалъ власти невѣрныхъ.

дѣла вос-
точныхъ.

Неудачный исходъ второго Крестоваго похода, весьма естественно, только ухудшилъ и безъ того уже весьма плохія дѣла. Входить въ большія подробности относительно выясненія этихъ дѣлъ было бы излишнимъ: довольно будетъ сказать, что если ужъ и въ западныхъ странахъ уровень нравственности оставялъ желать многого, то ужъ здѣсь-то, въ «заморской Церкви», онъ былъ и еще менѣе утѣшительнымъ. Здѣшнее христіанское общество стояло лицомъ къ лицу съ врагомъ, противъ котораго всѣ средства оказывались дозволенными только потому, что онъ боролся противъ истинной вѣры:—само собою разумѣется, что тотъ, кто можетъ ставить себѣ въ заслугу и предательство, и коварство, и вѣроломство, и жестокость въ борьбѣ съ невѣрными, тотъ не затруднится пустить въ ходъ всѣ эти пріемы и по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ, и мы дѣйствительно видимъ, что исторія Іерусалимскаго королевства переполнена всякаго рода гнусностями.

Въ 1154 г. эмирство Дамаское, до того служившее христіанамъ нѣкотораго рода оплотомъ, подпало власти Нуреддина, который отсюда (онъ перенесъ свою резиденцію въ Дамаскъ) сталъ непосредственно угрожать Антиохіи и Іерусалиму. Однакоже, на нѣкоторое время, франкское мужество, которое болѣе всего блистательно прославилось въ средѣ рыцарскихъ орденовъ, остановило побѣды мослемитскаго оружія:—на нѣкоторое время рыцарямъ удалось дѣйствовать за-одно съ греческимъ императоромъ Мануиломъ (его племянница въ 1157 г. вышла замужъ за *Балдуина III*, короля іерусалимскаго), а въ первые годы правленія его брата и наслѣдника *Амалриха* (1162—1173 г.) христіанамъ были еще поданы нѣкоторыя надежды тѣмъ раздвоеніемъ, которое произошло въ мухамеданскомъ мірѣ. Нуреддинъ задумалъ покорить Египетъ, династія котораго, Фатимиды, была слаба сама по себѣ и притомъ ненавистна всѣмъ остальнымъ правовѣрнымъ, какъ шиитская. Въмѣсто того, чтобы Фатимидовъ поддержать, Амалрихъ воспользовался слабостью фатимидскаго султана только для того, чтобы произвести позорный хищническій набѣгъ на его владѣнія (1167 г.). Это привело къ сближенію послѣдняго изъ фатимидскихъ калифовъ къ Нуреддину, который далъ ему въ визиря своего полководца Ширку, а затѣмъ его племянника Салаадина: и этотъ-то Салаадинъ (или Саладинъ) сталъ править Египтомъ послѣ смерти послѣдняго Фатимида въ качествѣ Нуреддинова вассала или уполномоченнаго.

Остатки современныхъ Барбароссъ построень въ Гельнгаузенѣ, отчасти уцѣлѣвшіе, отчасти
возстановленные, по рисункамъ Гундесгагена, Г. Кнанфусомъ.

Во время всѣхъ этихъ событій, христіане пребывали въ полномъ спокойствіи: они были радѣшеньки, что на нихъ никто не нападалъ, и такимъ образомъ Генриху Льву, явившемуся въ Палестину съ значительною свитою въ 1172 г., вовсе не представлялось случая совершить какой бы то ни было геройскій подвигъ. Но въ 1174 г., годъ спустя послѣ смерти короля Амальриха, умеръ Нуреддинъ, и это событіе, которому христіане очень обрадовались, оказалось для нихъ весьма гибельнымъ.

Султанъ
Саладинъ.

Саладинъ, сынъ Эйюба, выросшій и воспитавшійся на службѣ у своего дяди Ширку, вполне сочувствовалъ стремленіямъ Нуреддина: — въ юности своей, проведенной въ Дамаскѣ, онъ, главнымъ образомъ, предавался изученію наукъ и принималъ участіе въ общественной жизни, и только уже впослѣдствіи постепенно вошелъ въ роль суроваго и воинственнаго бойца за исламъ. Онъ утвердился въ Египтѣ, поборовъ фатимидскую партію, которая составила противъ него заговоръ и, пытаясь его свергнуть, призывала на помощь даже норманскій флотъ изъ Сициліи; а затѣмъ, когда началась въ Сиріи и Месопотаміи борьба за наслѣдство Нуреддина и онъ прямодушно принялъ въ ней сторону Нуреддинова сына, тотъ отвѣчалъ ему на благорасположеніе враждою и тѣмъ самымъ разрышилъ его отъ всякихъ по отношенію къ себѣ обязательствъ. Саладинъ принялъ титулъ султана, и тогда-то наступило опаснѣйшее изъ всего, чего когда-либо могла опасаться христіанская колонія въ Палестинѣ: Египетъ и Сирія соединились подъ властью одного правителя, и притомъ еще весьма способнаго (1176 г.). Это произошло въ тотъ же самый годъ, когда и греческій императоръ Мануилъ, собиравшійся однимъ ударомъ сразить могущество Сельджуковъ въ Малой Азіи, самъ потерпѣлъ отъ нихъ страшное пораженіе (при Миріокефалонѣ), положившее конецъ всѣмъ упованіямъ на помощь съ этой стороны. Новый король іерусалимскій, Балдуиъ IV (1173 г.), былъ еще несовершеннолѣтнимъ: — регентомъ явился графъ Раймундъ Триполітскій. Христіане не сумѣли воспользоваться тѣмъ благопріятнымъ перерывомъ времени, въ теченіе котораго Саладинъ, занятый упроченіемъ своего могущества съ разныхъ сторонъ, не имѣлъ возможности нанести рѣшительный ударъ христіанскому королевству. Какъ жалко и ничтожно было по своему политическому значенію это королевство, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ мѣстныхъ государственныхъ феодаловъ, Райнальдъ Шатильонскій, по собственному произволу, вздумалъ вести войну съ Саладиномъ, производя разбойническіе набѣги на его владѣнія, и тѣмъ самымъ навлекъ его месть на королевство Іерусалимское. Но какъ ни было плохо управленіе этимъ королевствомъ, страна все же находилась въ положеніи весьма высокаго матеріальнаго процвѣтанія. Въ промежуточные перерывы между Крестовыми походами и даже несмотря на нихъ и рядомъ съ ними процвѣтала торговля, развитію которой много способствовало благопріятное положеніе страны, а равно и промышленность, уже издревле здѣсь установившаяся: шелководство, стеклянное производство, пурпурное окрашиваніе тканей. Рука объ руку со всѣми этими выгодными промыслами существовалъ и еще одинъ — рыцарскій разбойничій, едва-ли не самый прибыльный изъ всѣхъ, и въ обществѣ господствовала ужаснѣйшая без-

правственность и распущенность, отъ которыхъ не избавлены были и высшіе представители духовенства. Въ довершеніе бѣдствія, быстрые перемѣны трона слѣдовали одна за другою: — Балдуинъ IV умеръ въ 1184 г., едва достигнувъ совершеннолѣтія, а въ 1186 г. скончался и малолѣтній племянникъ его, Балдуинъ V, — и это повело къ новымъ усобицамъ, которыхъ и безъ того не обошлось было въ мѣстномъ рыцарствѣ. Королемъ явился ближайшій родственникъ Балдуина IV, *Гвидо Лузиньянъ*; внѣшнимъ предлогомъ къ нанесенію послѣдняго удара христіанамъ (къ которому Саладинъ уже готовился) послужило разбойническое нападеніе Райнальда Шатильонскаго на караванъ, въ которомъ находилась, между прочимъ, и сестра самого Саладина. Въ удовлетвореніи ему было отказано; тогда Саладинъ стянулъ свои войска, и въ іюнѣ 1187 г., на З. отъ Генсаретскаго озера послѣдовалъ цѣлый рядъ битвъ. Послѣдняя, при Гаттинѣ или *Гиддинѣ* (5 іюля 1187 г.), была гибельна для христіанъ; лишь очень немногимъ удалось прѣбѣть и спастись — остальное войско было уничтожено — пало на мѣстѣ или взято въ плѣнъ, и между плѣнниками находился самъ король Гвидо, гроссмейстеръ тамплиеровъ и Райнальдъ Шатильонскій; его, по обѣту, Саладинъ закололъ своею рукою, а попавшихся въ плѣнъ тамплиеровъ и іоаннитовъ приказалъ казнить. Послѣ этой битвы борьба въ открытомъ полѣ уже была невозможна; мухамеданское войско разсѣялось по всей странѣ; городъ за городомъ, замокъ за замкомъ — сдавались въ руки побѣдителей: 19 сентября войско мослемитское собралось подъ стѣнами Іерусалима, который защищался слабо и вскорѣ сдался на капитуляцію. 2 октября ворота Іерусалима открылись передъ Саладиномъ. Кресты были немедленно сброшены съ церкви, колокола разбиты и всѣ храмы были вновь освящены по мослемитскому обычаю — опрысканы розовой водою и окурены благоуханіями. Христіанамъ удалось отстоять только Тиръ, Триполисъ и Антиохію.

Іерусалимъ
въ руинахъ
невѣрныхъ.
1187.

Фридрихъ
Барбаросса — защитникъ Іерусалимской Церкви.

Это печальное событіе тотчасъ положило конецъ распрѣ между папой и императоромъ. Послы новоизбраннаго папы *Климента III* явились въ мартѣ 1188 г. въ Майнцѣ предъ императоромъ и просили его прійти на помощь порушенной невѣрными «заморской Церкви». Императоръ уже и до прихода пословъ принялъ это рѣшеніе: — при томъ настроеніи, которое было вызвано пораженіемъ христіанъ, подобное рѣшеніе было нравственною необходимою, и всѣ взоры разомъ обратились на него, какъ на перваго между всѣми христіанскими государями. И даже если бы онъ самъ не раздѣлялъ общаго всѣмъ христіанамъ чувства негодованія, возбужденнаго поруганіемъ христіанской святыни, то отъ его пронизательнаго взгляда не могло бы укрыться то, что тутъ представлялся удобный случай (даже пожалуй и необходимость) осуществить на дѣлѣ идею высшей императорской власти, идею, которая, со времени Карла Великаго, ни въ комъ не находила себѣ такого полного выраженія, какъ въ императорѣ Фридрихѣ.

Третій Крестовый походъ. 1189.

Этотъ *третій Крестовый походъ* (1188—1192 г.), въ нѣкоторомъ отношеніи, по общему характеру своему, отличался отъ предшествующихъ походовъ. И на этотъ разъ, какъ и въ предшествующій походъ, все дѣло

оказалось въ рукахъ крупнѣйшихъ феодаловъ: какъ мы увидимъ далѣе, и короли англійскій и французскій не устояли противъ неустойчиваго стремленія своихъ націй. Но духовный, и въ особенности монашескій элементъ, равно какъ и народно-плебейскій, уклонились отъ участія въ Крестовомъ походѣ: участіе въ этомъ предпріятіи было весьма разумно ограничено извѣстнаго рода ценою, обезпеченіемъ путевыхъ расходовъ суммою въ три марки серебра (около 60 р. с.), и это ужъ, конечно, устранило весь тотъ сбродъ, который былъ такою тягостною обузою при первыхъ двухъ походахъ и такъ много способствовалъ ихъ неудачѣ. И во всемъ остальномъ приготовленія велись съ большою осмотрительностью. Посольства были отправлены и къ королю венгерскому, и къ греческому императору, и къ сельджукскому султану Килиджъ-Арслану, который очень недружелюбно смотрѣлъ на возрастаніе Саладинова могущества; и къ Саладину также были посланы послы, и, когда онъ отклонилъ предложенный ему ультиматумъ, ему была объявлена война. Изъ этого ясно, что о грубой и безпорядной военной сумятицѣ перваго похода тутъ не было уже и помину, и что самыя формы государственныхъ сношеній стали гораздо болѣе приличными. Не трудно было устроить управленіе имперіею въ отсутствіе императора: онъ предоставилъ власть свою сыну Генриху, возвратившемуся изъ Италіи. Одно только обстоятельство показалось Фридриху довольно опаснымъ: Генрихъ Левъ вернулся изъ Англій въ Германію, а между тѣмъ уклонился отъ предложеннаго ему участія въ походѣ. Въ виду этого, надо было непременно обезпечить себя отъ всякихъ съ его стороны попытокъ захвата власти въ отсутствіе императора; и вотъ на сеймѣ въ Регенсбургѣ (въ апрѣлѣ 1189 г.) рѣшено было «еще на три года» удалить безпокойнаго принца изъ отечества. Въ концѣ того же апрѣля, изъ Регенсбурга, который былъ для всѣхъ крестоносцевъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, масса вооруженныхъ странниковъ двинулась въ дальній путь: — двинулось войско, какого прежде и не видано было, состоявшее изъ 100 тысячъ рыцарей, хорошо вооруженныхъ, дисциплинированныхъ, разумно предводимыхъ. Путь, избранный ими, былъ старій путь Готфрида Бульонскаго, и они поплыли внизъ по Дунаю.

Начало похода было весьма благопріятное. Въ Венгріи король Бала, согласно договору, озабочился заготовкою провіанта, и дисциплина поддерживалась въ войскѣ образцовая. Гораздо болѣе загрожденіи встрѣтилось въ исполненіи предпріятія, когда, за Бѣлградомъ, крестоносцы переступили черезъ греческую границу. Здѣсь, незадолго передъ тѣмъ (1185 г.) произошла перемѣна династій: *Комнены* были свергнуты *Ангелами*, значной фамиліей, владѣвшей большими землями въ Азіи. Глава новой династіи, *Исаакъ Ангелъ*, прославился побѣдою, одержанною имъ надъ Норманнами, которые, овладѣвъ Оессалоникой, уже направлялись къ Константинополю. И онъ, и весь греческій народъ были враждебно настроены противъ «Франковъ», и онъ гораздо охотнѣе предпочелъ бы союзу съ нимъ—союзъ съ Саладиномъ противъ *своего* ближайшаго врага—сельджукскаго султана Килиджъ-Арслана. Недоброжелательство Грековъ проявилось очень ясно; императоръ Исаакъ обошелся съ послами Фридриха почти какъ съ плѣнниками, и даже не захотѣлъ признать его импера-

Фридрихъ
при Констан-
тинополѣ.

торскаго титула; тогда пришлось поневоле отнестись къ владѣніямъ императора греческаго, какъ къ враждебной странѣ, и если бы война началась, то вѣроятно было бы не одобровать Византійской имперіи; однакоже, въ послѣднюю минуту, наканунѣ разрыва, Писаакъ измѣнилъ политику, и въ 1190 г. войско крестовосцевъ могло двинуться въ дальнѣйшій путь изъ Адріанополя, гдѣ оно проводило зиму. Въ силу договора, скрѣпленнаго заложниками, войско рыцарское было переправлено за Геллеспонтъ на греческихъ судахъ.

Походъ въ
Малой Азіи.
Конецъ
Фридриха.

Тутъ-то и началась самая трудная часть похода, которому, по несчастью, незадолго передъ тѣмъ, въ странѣ Сельджуковъ предшествовала перемѣна правленія и, вмѣстѣ съ нею, полная перемѣна тамошней политики: наслѣдникъ Килиджъ-Арслана вступилъ въ союзъ съ Саладинномъ противъ наступающихъ Франковъ. Фридриху пришлось проходить всю Малую Азію изъ конца въ конецъ, въ почти непрерывной борьбѣ съ природными препятствіями, съ недостаткомъ въ продовольствіи и съ многочисленнымъ непріателемъ, хорошо подготовленнымъ къ борьбѣ. Наконецъ, ему удалось, при помощи его сына, герцога Швабскаго, захватить Иконіумъ; затѣмъ, весьма благополучно удалось одолѣть и послѣднее препятствіе—переходъ черезъ Таврскія горы, и, наконецъ, послѣ долгаго и труднаго похода, значительно пострадавшая отъ него, но все еще многочисленная армія Фридриха вновь увидѣла себя на христіанской территоріи, въ Киликіи, въ богатой и плодородной равнинѣ, близъ Селевкии;—и тутъ-то вдругъ армію постигло неожиданное бѣдствіе... Императоръ Фридрихъ утонулъ въ р. Каликаднѣ! По однимъ извѣстіямъ, онъ дѣйствительно утонулъ въ то время, когда, впереди всего войска, указывая ему дорогу, устремился въ быстрый потокъ; по другимъ, онъ, на 70-мъ году жизни, умеръ отъ удара во время купанья въ рѣкѣ (въ іюнѣ 1190 г.). Печаль и сокрушеніе были общими въ войскѣ, которое оказалось какъ бы стадомъ безъ пастыря въ пустынѣ и уже начало разбредаться: однако, герцогу Фридриху Швабскому все же удалось довести весьма значительную воинскую силу до Антиохіи, гдѣ тѣло императора Фридриха и было предано землѣ въ мѣстной церкви Св. Петра.

„Fridericus Imperator“.

Серебряный брантеатъ Фридриха I Барбароссы. Изъ частной коллекціи въ Берлинѣ.

Императоръ изображенъ въ вѣщѣ, надѣтомъ поверхъ каппы; въ правой рукѣ у него скипетръ, заканчивающійся лиліей, въ лѣвой—царственное яблоко. Трономъ ему служить складной рѣзной стулъ. Единственная монета, на которой императоръ показанъ съ усами и бородой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Окончаніе третьяго Крестоваго похода.—Генрихъ VI.—Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV.—Начало дѣятельности Фридриха II.

Для продолженія разсказа о третьемъ Крестовомъ походѣ необходимо припомнить, что возбужденіе умовъ, вызванное среди европейскіхъ народовъ вѣстями изъ Палестины, побудившими къ походу, было чрезвычайно сильно. Долго враждовавшіе между собой короли *Генрихъ II* Англійскій и *Филиппъ II Августъ* Французскій помирились подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ слуховъ о взятіи Иерусалима невѣрными; однакоже только по кончинѣ перваго изъ нихъ и по вступленіи на престолъ сына его *Ричарда I* (1189 г.), начались приготовленія къ походу, и потомъ, когда оба короля съѣхались въ Мессинѣ, между ними опять-таки начались раздоры, замедлявшіе отплытіе ихъ и вызванные грубыми выходками англійскаго короля. Наконецъ, въ мартѣ 1191 года, французскій король отплылъ одинъ. Ричардъ послѣдовалъ за нимъ и достигъ острова Кипра, которымъ правилъ въ это время одинъ изъ князей рода Комненовъ, по имени Исаакъ, съ титуломъ императора. Островъ былъ завоеванъ Англичанами, которые вслѣдъ затѣмъ, въ іюнѣ, явились въ лагерь крестоносцевъ подъ стѣнами города Аккона, уже два года выносившаго осаду. Небольшое мѣстное христіанское войско, хотя и усиленное отовсюду прибывавшими отрядами крестоносцевъ, дѣлало все же весьма медленные успѣхи, съ одной стороны угрожаемое арміей Саладина, съ другой—раздираемое внутренними, непрекращавшимися усобицами. Всѣ тѣ дурныя стороны, отъ которыхъ изначала страдало все дѣло Крестовыхъ походовъ, какъ будто сосредоточились въ одной общей картинѣ здѣсь, въ лагерь подѣ

Продолженіе Крестоваго похода.

Аккономъ, гдѣ сошлись всевозможныя національности Востока и Запада. Все здѣсь было случайнымъ, неожиданнымъ; ничто не подчинялось строгимъ правиламъ; все зависѣло отъ произвола; войско то страдало отъ тяжелой нужды, то поддавалось соблазнамъ изобилія; рыцарство колебалось постоянно, переходя отъ подвиговъ безумно-смѣлаго мужества и высшаго одушевленія къ полнѣйшему упадку духа, отъ монашескаго аскетизма къ самой дикой распущенности... Никто и слышать не хотѣлъ о подчиненіи военныхъ дѣйствій власти одного военачальника—каждый

дѣлалъ, что вздумаетъ, и благодаря такому разладу, въ зиму 1190—91 г. всѣмъ крестоносцамъ пришлось терпѣть такой сильнѣйшій недостатокъ въ припасахъ, который вызвалъ въ войскѣ повальные болѣзни. Жертвою ихъ, между многими другими знаменитыми рыцарями, палъ и сынъ императора Фридриха, герцогъ Швабскій. По счастью для крестоносцевъ, и Саладину также приходилось около этого времени терпѣть разныя неудачи, въ особенности же бороться съ равнодушіемъ своихъ единовѣрцевъ, и такимъ образомъ, послѣ долгихъ усилій, христіанамъ удалось-таки, наконецъ, взять Акконъ (лѣтомъ 1191 г.).

Но и этотъ временный успѣхъ не внесъ согласія въ войско крестоносцевъ. Король Филиппъ Французскій воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы возвратиться домой; такимъ образомъ завоеваніе Іерусалима и верховное начальствованіе арміей крестоносцевъ, направлявшейся къ этой цѣли, выпало на долю Ричарда Англійскаго. Онъ былъ, несомнѣнно, храбрѣйшимъ изъ всѣхъ рыцарей въ войскѣ, страстнымъ любителемъ всякихъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній, и при этомъ еще склоннымъ къ самому необузданному проявленію своего рыцарскаго произвола: то великодушно оказывалъ гостепріимство мухамеданскимъ принцамъ, то приказывалъ сотнями избивать мослемитскихъ заложниковъ. Но при всѣхъ этихъ личныхъ качествахъ, онъ не обладалъ ни малѣйшею способностью полководца. Возбуждая въ средѣ враговъ своихъ изумленіе и наводя на нихъ ужасъ своимъ геройствомъ, король Ричардъ все же не успѣлъ ничего добиться, не сумѣлъ удалиться съ театра войны во-время (несмотря на весьма дурныя вѣсти, получаемыя изъ Англии) и закончилъ свою дѣятельность договоромъ, который заключилъ въ сентябрѣ 1192 года со своимъ знаменитымъ противникомъ; въ силу этого договора, христіане удержали за собою береговую полосу отъ Іоппе до Тира, Аскалонъ былъ разрушенъ и мирное посѣщеніе Святыхъ Мѣстъ дозволено христіанамъ, но Іерусалимъ, вмѣстѣ съ драгоценною святынею

Ричардъ
Львиное
Сердце.

Ричардъ I (Львиное Сердце).
Съ гробницы его въ мона-
стырѣ Фонтеврѣ.

и закончилъ свою дѣятельность договоромъ, который заключилъ въ сентябрѣ 1192 года со своимъ знаменитымъ противникомъ; въ силу этого договора, христіане удержали за собою береговую полосу отъ Іоппе до Тира, Аскалонъ былъ разрушенъ и мирное посѣщеніе Святыхъ Мѣстъ дозволено христіанамъ, но Іерусалимъ, вмѣстѣ съ драгоценною святынею

Императоръ Генрихъ VI, по изображенію, помѣщенному въ парижской рукописи твореній миннезангеровъ (XIV вѣка).

Креста Господня, попавшаго въ руки мусульманъ послѣ пораженія при Хидинѣ—остался во власти Саладина.

Возвраще-
ніе Ричарда.
Его плѣнь.
1192.

9 октября Ричардъ покинулъ Сирію; но обратный путь для него былъ небезопасенъ, потому что и германскій, и французскій короли были ему одинаково врагами, да и въ самой Англій онъ не могъ навѣрно разсчитывать на хорошій пріемъ, такъ какъ тамъ братъ его Іоаннъ поставилъ себя по отношенію къ нему въ весьма двусмысленное положеніе. Съ безразсудною смѣлостью пустившись въ путь наудачу, онъ приплылъ въ Адриатическое море, чтобы высадиться гдѣ-нибудь въ Италіи, оттуда черезъ Германію пробраться на дружественную ему вельфскую территорию и черезъ нее попасть въ Англію. Онъ вышелъ на берегъ близъ Аквилейи; переодѣтый перешелъ онъ черезъ Каринтію и вступилъ во владѣнія своего смертельнаго врага, герцога Леопольда Австрійскаго, которому нѣкогда при взятіи Аккона нанесъ кровавое оскорбленіе; здѣсь, въ окрестностяхъ Вьвы, онъ былъ узанъ, схваченъ и заключенъ въ замокъ Дюрренштейнъ на Дунаѣ, къ великой радости короля Генриха VI, который имѣлъ всѣ поводы опасаться Ричарда, какъ союзника Вельфовъ и сторонника враждебной партіи въ Сициліи. И вотъ ему-то и былъ выданъ знаменитый плѣнникъ, котораго онъ и держалъ въ заточеніи, пока не была выплачена за него вся сумма потребованнаго тяжкаго выкупа.

Генрихъ VI.
Его правле-
ніе.

Эти событія уже стояли въ тѣсной связи съ продолженіемъ или съ возобновленіемъ вельфскихъ смутъ, которыя составляли и для Генриха VI одну изъ наиболѣе тяжкихъ заботъ государственныхъ. Генрихъ Левъ вернулся въ Германію еще въ самый годъ отравленія императора Фридриха въ Св. Землю; онъ видимо махнулъ рукою на тѣ клятвы, которыми онъ былъ связанъ на время предпринятаго императоромъ Крестоваго похода. Онъ захватилъ владѣнія графа Адольфа Голштинскаго, также участвовавшаго въ Крестовомъ походѣ, и, по мѣрѣ силъ, отмстилъ всѣмъ своимъ обидчикамъ; въ развалинахъ Бардевика, взятаго и разореннаго имъ, всѣ увидѣли «слѣды Льва». Король Генрихъ, уполномоченный къ управленію имперіей отцомъ своимъ, возмутился тою наглостью, съ которою Вельфъ противъ него дѣйствовалъ, и собирался наказать его, когда вѣсть о смерти короля Вильгельма II (1189 г.), открывавшей ему сицилійскій престолъ, отвлекла его мысль въ другую сторону и вынудила къ немедленному отпрavlенію на Югъ.

Походъ въ
Италію. 1190.

На сеймѣ въ Мерзебургѣ Генрихъ нашелъ себѣ много сторонниковъ, готовыхъ за него воевать противъ Генриха Льва, у котораго между князьями все еще было болѣе враговъ, чѣмъ друзей:—но съ этимъ грознымъ противникомъ нельзя было покончить дѣло короткой расправой, и потому, при посредствѣ архіепископовъ кельнскаго и майнцскаго, неприязненныя дѣйствія на время были приостановлены *Фульдскимъ договоромъ* (1190), при чемъ оба сына Генриха Льва, Генрихъ и Лотарь, были отданы королю Генриху въ заложники. Походъ въ Италію былъ еще на нѣкоторое время замедленъ вѣстью о кончинѣ императора Фридриха, такъ что только осенью 1190 г. король могъ пуститься на Югъ. Приходилось, прежде всего, воевать за наслѣдство, такъ какъ мѣстная сицилійская знать успѣла уже самовольно избрать себѣ въ короли графа Танкреда,

Надмогильныя изображенія Генриха Льва и его супруги Мехтильды въ построенномъ имъ (1172—1194 г.) соборѣ въ Брауншвейгѣ.

происходившаго изъ боковой линіи норманнскаго дома. При этомъ, императорскую корону Генрихъ получилъ, такъ сказать, мимоходомъ. Пала Климентъ III въ томъ году скончался весною, а его преемникомъ явился дряхлый старикъ *Целестинъ III*, вѣнчавшій Генриха и его супругу Констанцію императорскою короною; расположеніе Римлянъ было куплено при этомъ случаѣ очень дорогою цѣною: Генрихъ отдалъ имъ на полную волю преданный императорамъ сосѣдній городъ, Тускулумъ, съ которымъ Римляне давно уже враждовали. Буйное, своевольное и глубоко-испорченное населеніе папской резиденціи немедленно разорило Тускулумъ и совершило надъ его населеніемъ цѣлый рядъ возмутительнѣйшихъ насилій. Но императорскій титулъ явился единственною прибылью этого перваго похода въ Италію, вообще очень неудачнаго. Завоеваніе Апуліи не удалось; четыре мѣсяца тщетно осаждалъ Генрихъ Неаполь и долженъ былъ съ него снять осаду вслѣдствіе появившихся въ войскѣ эпидемическихъ болѣзней; ему пришлось пережить даже и такое униженіе: императрица Констанція попала въ плѣнъ къ сторонникамъ Танкреда и была освобождена изъ него только при посредствѣ папы. Пришлось возвратиться въ Германію ни съ чѣмъ (1191 г.); а между тѣмъ, сынъ Генриха Льва, Генрихъ Младшій, сопровождавшій короля въ итальянскомъ походѣ, успѣлъ бѣжать къ непріятелю и черезъ Францію возвратиться въ Саксонію, гдѣ давно уже снова кипѣла ожесточенная борьба. На сеймѣ въ Вормсѣ (1192 г.) былъ произнесенъ приговоръ изгнанія противъ Генриха Младшаго; но и противъ самого императора Генриха тоже образовался обширный заговоръ между владѣтельными князьями, въ которомъ принимали участіе и папа Целестинъ, и англійскій узурпаторъ Танкредъ, и самъ король Ричардъ Англійскій... Рѣчь шла уже о низложеніи императора и даже намѣчали ему преемника въ лицѣ герцога Генриха Брабантскаго. А тутъ-то именно и случилось, что англійскій король Ричардъ попался въ руки герцога Австрійскаго Леопольда, и это разстроило всѣ планы заговорщиковъ. Въ 1193 г., на сеймѣ въ Шпейерѣ, были установлены условія освобожденія Ричарда: выкупъ въ 150,000 марокъ, изъ которыхъ третья доля выпадала австрійскому герцогу; при этомъ, англійскій король долженъ былъ признать себя въ ланной зависимости отъ Римскаго императора. Только на этихъ условіяхъ былъ онъ выпущенъ на свободу въ началѣ 1194 г.

Примиреніе
съ Вельфа-
ми. 1194.

За этимъ событіемъ, въ томъ же году, послѣдовало примиреніе съ Вельфскимъ домомъ. Въ это дѣло замѣшался даже небольшой романъ: Генрихъ Младшій, сынъ Генриха Льва, и Агнеса, дочь пфальцграфа Конрада (брата Фридриха Барбароссы), еще съ дѣтства любили другъ друга и предназначены были для брачнаго союза. Императоръ Генрихъ былъ противъ этого союза и разстроилъ его; но, помимо воли императора и пфальцграфа *), мать юной графини, Ирменгарда, тайно впустила однажды жениха въ свой замокъ, близъ Бахараха на Рейнѣ, и тотчасъ повѣнчала его съ своею дочерью. Императоръ примирился съ совершившимся фактомъ и согласился на свиданіе со старымъ герцогомъ, которое

*) По крайней мѣрѣ, тотъ клялся впоследствии, что ничего не зналъ объ этой затѣѣ.

и привело къ примиренію. Послѣ этого юный герцогъ Брауншвейгскій даже и сопровождалъ Генриха въ его второмъ походѣ въ Италію.

Этотъ второй походъ удался вполне. Лѣтомъ 1194 г. Танкредъ умеръ. Генрихъ направился на югъ Италіи со своимъ войскомъ, покорилъ и Кампанію, и Апулію, не встрѣтивъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія: и въ томъ же году, въ самое Рождество Христово, онъ уже короновался въ Палермо королемъ Сицилійскимъ. Констанція, около этого времени родившая ему сына, была, на Пасхѣ 1195 года, провозглашена регентшей. Часть мѣстной сицилійской знати, которую, можетъ-быть, и не безъ основанія обвиняли въ умыслѣнн на жизнь императора, Генрихъ увелъ съ собою подѣ стражей въ Германію, да туда же отправилъ изъ Палермо и богатѣйшую денежную казну норманнскихъ королей.

Эти богатства очень пригодились ему для осуществленія его обширныхъ плановъ:—еще будучи въ Италіи, Генрихъ принялъ на себя «крестъ» и далъ обѣтъ участвовать въ новомъ Крестовомъ походѣ, которому теперь все, повидимому, благопріятствовало. Генрихъ былъ, въ данную минуту, полнымъ распорядителемъ судебъ Италіи, которая была очень важна по своему центральному положенію для подобнаго военнаго предпріятія. Мухамеданскіе князья сѣвернаго побережья Африки платили ему дань; правитель Арменіи *Левъ II*, овладѣвшій всей Киликіей и добивавшійся королевскаго титула, еще въ 1194 году призналъ свою лѣнную зависимость отъ Римскаго императора и въ такія же точно отношенія къ Генриху вступилъ и *Амальригъ* Лузиньянскій, братъ послѣдняго короля Іерусалимскаго и король Кипрскій; въ самой Палестинѣ положеніе дѣлъ благопріятствовало планамъ Генриха, такъ какъ Саладинъ въ 1193 г. умеръ и его власть раздѣлилась между его 17-ю сыновьями. Въ особенности же со стороны *Греческой имперіи* открывались обширные политическіе горизонты. Императоръ Исаакъ Ангель, правитель весьма неспособный, сталъ заискивать въ помощи императора Генриха, въ виду различныхъ грозившихъ ему опасностей. Генрихъ поставилъ ему условіемъ этой помощи, чтобы ему лично или, вообще, Западной имперіи уступлены были во владѣніе земли между Диррахіумомъ и Оссалоникой. Вскорѣ послѣ того Исаакъ Ангель былъ ослѣпленъ своимъ братомъ Алексѣемъ и заточенъ въ темницѣ, что и давало Генриху право или предлогъ для вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что дочь Исаака, Ирина, незадолго передъ тѣмъ была помолвлена съ братомъ императора Генриха, Филиппомъ, и Матильдинскія владѣнія, вмѣстѣ съ Тосканою, были предназначены въ приданое новобрачнымъ. Притомъ, папа, уже вслѣдствіе обаянія, распространеннаго новымъ Крестовымъ походомъ, не рѣшался ни въ чемъ перечить Генриху, хотя и не могъ не сознавать, что, если бы *этотъ* походъ оказался удачнымъ, Западная имперія должна была приобрести такую мощь и такой блескъ, передъ которымъ всякая иная власть явилась бы уже только второстепенною.

Положеніе Генриха на этотъ разъ, при его возвращеніи изъ Италіи, настолько оказалось прочнымъ и могущественнымъ, что онъ задумалъ осуществить еще и другой планъ, который, пожалуй, представлялъ болѣе затрудненій, нежели затѣянный имъ Крестовый походъ: онъ пожелалъ

Второй походъ въ Италію. 1194.

Обширные замыслы: новый Крестовый походъ.

Генрихъ въ Германіи 1195.

обратить основанное на выборныхъ началахъ государство германское въ наследственную монархію, подобно тому, какъ то уже существовало во Франціи и Англіи. Взамѣнъ этого, онъ предлагалъ свѣтскимъ князьямъ обратить ихъ коронныя лѣны въ наследственные владѣнія, которыя бы могли переходить и въ женскую линію, а также присоединить Сицилійское королевство къ общему составу Германской имперіи, что, конечно, многимъ частнымъ лицамъ должно было представлять значительныя выгоды. Духовнымъ сановникамъ онъ предлагалъ уступить свое императорское право на движимое имущество, остающееся по смерти прелата; и такимъ образомъ ему удалось склонить на сторону своего плана 52 владѣтельныхъ князя. Но этого было недостаточно для рѣшенія такого важнаго вопроса: необходимо было или рѣшеніе единогласное, или рѣшеніе подавляющаго большинства, а между тѣмъ на такое большинство рассчитывать было трудно, въ виду того, что новая реформа привела бы къ значительному ограниченію власти и значенія епископовъ, какъ избирателей, и императоръ ничѣмъ не могъ вознаградить ихъ за это. Генрихъ повѣлъ, что ему трудно будетъ добиться рѣшенія этого вопроса теперь же, притомъ и сознавалъ, что можетъ обождать для подобнаго рѣшенія болѣе благоприятной минуты, а потому удовольствовался только тѣмъ, что на Франкфуртскомъ сеймѣ, 1196 г., его сынокъ былъ признанъ королемъ.

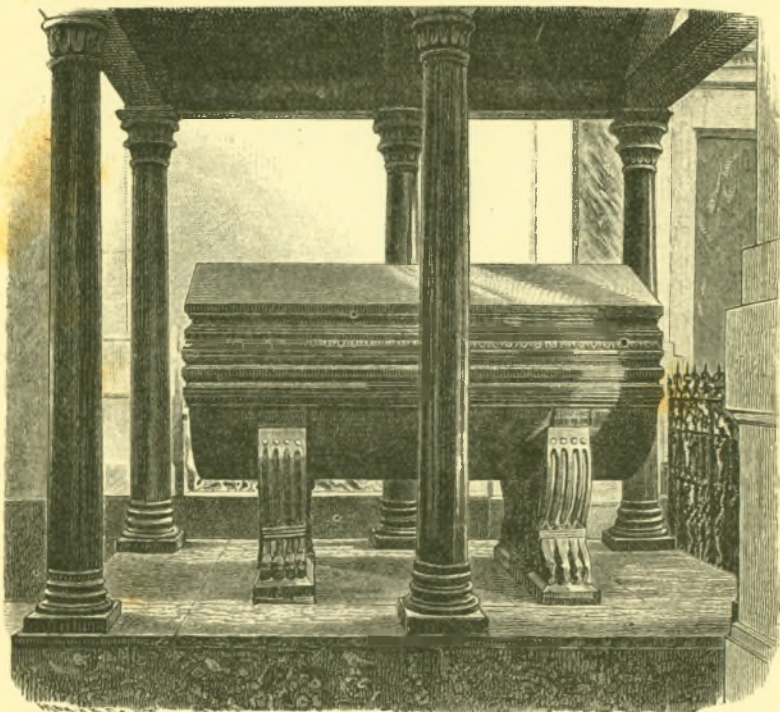
Возвраще-
ніе въ Сици-
лію.

Между тѣмъ множество князей и рыцарей уже произвели объѣзды участія въ Крестовомъ походѣ, который, при вышепомянутыхъ условіяхъ, обѣщала быть весьма удачнымъ. Генрихъ VI самъ отправился въ Италію лѣтомъ 1196 года, дабы довершить послѣднія приготовленія къ походу. При этомъ онъ вступилъ въ переговоры съ папою, который долженъ былъ крестить его малолѣтняго сына (онъ былъ все еще не крещенъ) и короновать его королевскою короною. Но Целестинъ ушарлся и не соглашался короновать малолѣтняго принца королемъ Сицилійскимъ и Германскимъ, и отъ самого Генриха, какъ короля Сицилійскаго, требовалъ лѣнной присяги. Прежде чѣмъ этомъ споръ пришелъ къ концу, императору пришлось послѣзнить въ Сицилію, гдѣ, среди мѣстной знати, составилъся противъ него заговоръ, котораго, повидимому, не чужда была и сама императрица Констанція; Генриху назначенъ былъ уже и преемникъ его власти, въ случаѣ, если бы заговоръ удался и онъ былъ бы умерщвленъ. Но замыселъ открылся и Генрихъ выступилъ противъ заговорщиковъ съ самыми суровыми мѣрами взысканія. Несчастному сопернику своему онъ приказалъ пригвоздить къ головѣ желѣзную корону; другихъ его сообщниковъ приказалъ жечь на кострахъ и топить въ водѣ: «разыгралъ съ ними Нерона» (neronizavit) — по весьма оригинальному выраженію современной итальянской хроники. Затѣмъ онъ обратилъ все свое вниманіе на Крестовый походъ: уже въ мартѣ 1197 года первые 30 кораблей отплыли въ Сирію. Громадныя массы крестоносцевъ-странниковъ шли черезъ всю Италію и собирались на англійскомъ берегу. Нижне-нѣмецкія подобныя же дружины (какъ то отчасти было уже и во время третьяго Крестоваго похода) направлялись другимъ путемъ: моремъ вокругъ Пиринейскаго полуострова, и уже на португальскихъ побережьяхъ вступали въ битву съ мослемитами; въ началѣ сентября,

подъ предводительствомъ Генрихова канцлера Конрада, архіепископа майнцаго, отплылъ и весь громадный флотъ. Успѣхъ предпріятія, котораго въ данномъ случаѣ можно было ожидать съ полнѣйшимъ вѣроятіемъ, могъ бы привести къ весьма большимъ переворотамъ въ исторіи современной Европы...

Но всѣ эти обширные замыслы были пресѣчены неожиданно. Генрихъ, которому было всего 32 года, не отличался ни крѣпостью сложенія, ни особенно-завиднымъ здоровьемъ. Ничтожный случай (неосторожное употребленіе холоднаго питья въ жаркій день) вызвалъ лихорадку, которая

Кончина Генриха, 1197.

Гробница императора Генриха VI въ Палермскомъ соборѣ.

черезъ нѣсколько дней свела его въ могилу, въ цвѣтъ лѣтъ и въ полномъ развитіи его могущества.

Но при всемъ своемъ блескѣ, при всей обширности замысловъ, которые императоръ Генрихъ могъ питать при жизни, это могущество оказалось все же настолько непрочнымъ, что его безвременная кончина привела къ чрезвычайно затруднительному и двусмысленному положенію. Братъ императора Генриха, Филиппъ Швабскій (женатый на греческой принцессѣ Иринѣ или Маріи, какъ ее звали Нѣмцы), былъ на пути къ брату своему, чтобы принять отъ него послѣднія распоряженія по управленію дѣлами государственными и отвезти его сына въ Германію,

Партія въ Германіи. Двойное избраніе.

какъ вдругъ, въ Монтефьясконе, до него дошла печальная вѣсть о кончинѣ императора. Оказалось, что нечего было и думать о продолженіи путешествія: въ Италіи всюду зашевелились мѣстные партіи и все разомъ поднялось противъ германскаго владычества. Младенецъ-сынъ императора долженъ былъ остаться въ Сициліи и вдовствующая императрица вынуждена была, чтобы только удержать за собою положеніе, дать обѣщаніе норманнской партіи, что она тотчасъ удалитъ всѣхъ приближенныхъ Нѣмцевъ. Съ великимъ трудомъ удалось Филиппу vybrаться изъ Италіи. Герцогъ этотъ, первоначально предназначенный къ поступленію въ духовное сословіе, чрезвычайно образованный и по самой природѣ своей человекъ тонкій и благочестивый, хотѣлъ было вначалѣ честно и законно отстаивать права своего племянника; но вскорѣ онъ увидѣлъ, что всѣ своекорыстныя стремленія стали проявляться съ полнѣйшею разнузданностью и всѣ князья Штауфенской партіи убѣдили его въ томъ, что въ такое бурное время немислимо было бы ему принять на себя одиѣ только обязанности регента, — и, согласно этому заявленію, выбрали его на мюльгаузенскомъ сеймѣ въ короли (въ мартѣ 1198 г.). Современная софистика весьма легко избавила его отъ присяги его племяннику, опираясь на то, что такая присяга «не крещенному ребенку» будто бы не могла имѣть никакого значенія.

Однакоже, это поруганіе присяги было слишкомъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для противниковъ Штауфенскаго дома, чтобы они имъ не воспользовались. Послѣ нѣкотораго исканія, эта партія, съ архіепископомъ Адольфомъ Кельнскимъ во главѣ, остановила свой выборъ на *Оттонѣ*, сынѣ покойнаго Генриха Льва, который уже съ 8-ми-лѣтняго возраста жилъ при англійскомъ дворѣ, у дяди своего, Ричарда Левинное Сердце, и пользовался большимъ его расположеніемъ: отъ него, въ 1196 г., онъ даже получилъ въ ленное владѣніе графство Пуату. Этотъ юноша (ему было въ данное время 23 года), повидимому, многое позаимствовалъ въ развитіи своемъ отъ славнаго дяди. Одно изъ современныхъ извѣстій характеризуетъ его какъ юношу весьма простодушнаго и въ то же время высокоумнаго — почти, какъ глупаго гордеца; по внѣшности, онъ былъ настоящій богатырь — рослый, сильный и храбрый. На съѣздѣ князей въ Кельнѣ, въ которомъ принимала участіе и корпорація старѣйшихъ горожанъ, и богатое купечество, состоявшее въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей, — Оттонъ былъ избранъ, а затѣмъ, по обычаю, коронованъ въ Аахенѣ.

Папа Иннокентія III,
1198.

При такомъ положеніи германскаго королевства, значеніе папы сразу возвысилось до того преобладанія, которое было въ послѣднее время до нѣкоторой степени подавлено Фридрихомъ Барбароссой и Генрихомъ VI. Въ самомъ началѣ 1198 года дряхлый Целестинъ III скончался и выборъ кардиналовъ палъ на человека весьма умнаго, тонкаго и хитраго, происходившаго изъ средне-италійскаго графскаго рода, — на Лотара-де-Сеньи, который и былъ возведенъ въ папское достоинство подъ именемъ *Иннокентія III*. Одаренный обширнымъ умомъ государственнымъ, въ цвѣтѣ силъ и разума (ему было всего 37 лѣтъ), новый папа, горячо принявшій за дѣло, рѣшилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами

для заявленія тѣхъ же притязаній, отъ которыхъ римская курія не отрекалась со временъ Григорія VII. Программу своей политики онъ выразилъ коротко и ясно въ словахъ: «церковная свобода лучше всего можетъ быть обезпечена тогда, когда Церковь Римская явится вполне независимою и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ дѣлахъ». И затѣмъ онъ началъ съ того, что дѣйствительно освободился отъ всякаго посторонняго вліянія въ своихъ ближайшихъ владѣніяхъ: подчинилъ себѣ поставленнаго императоромъ префекта въ Римѣ, уничтожилъ засѣдавшій въ Капитоліи коммунальный Сенатъ и прямо вступилъ въ борьбу съ крупными сановниками и феодалами Средней Италіи, державшими сторону Штауфеновъ; къ тому же императрица Констанція скончалась въ ноябрѣ 1198 года и назначила папу Иннокентія III опекуномъ своего малолѣтняго сына, чѣмъ и признала его верховнымъ ланнимъ владыкою Сицилійскаго королевства, которое, конечно, около этого времени находилось въ состояніи, близкомъ къ анархіи. Главною цѣлью папы, въ данномъ случаѣ, было отдѣленіе Сициліи отъ Германской имперіи. И такъ, фактически, онъ стоялъ уже во главѣ итальянской національной партіи, и благодаря борьбѣ за престолонаслѣдіе, возникшей въ Германіи, Иннокентію III еще гораздо легче было выступить въ роли всемірнаго рѣшителя судебъ, нежели самому Григорію VII: — и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что съ его-то именемъ и связано представленіе о высшемъ развитіи папской мощи.

Но именно руководясь примѣромъ Григорія VII, Иннокентій и не думалъ снѣшить вмѣшательствомъ въ дѣла германскія, хотя Оттонъ и его партія съ самаго начала весьма усердно заискивали въ немъ опоры. Но онъ ограничился лишь весьма неопредѣленными обѣщаніями. Тѣмъ временемъ завязалась въ Германіи междоусобная война между Оттономъ и Филиппомъ, который сначала, до нѣкоторой степени, воевалъ удачно. Вернувшійся изъ Крестоваго похода канцлеръ покойнаго императора, архіепископъ майнцскій Конрадъ, попытался было создать еще новую, третью партію, которая бы поддержала законныя права Фридриха, сына Генриха VI; но онъ потерпѣлъ въ этой попыткѣ полнѣйшую неудачу. Вскорѣ однакоже выяснилось, что, въ силу внутренней логики самихъ обстоятельствъ, папа Иннокентій сталъ клонить на сторону Вельфской партіи. Какъ ни былъ король Филиппъ, по натурѣ своей, мягокъ и податливъ, однакоже не могъ отказаться отъ того принципа самостоятельности, который при императорахъ изъ Штауфенскаго дома обратился въ главную основу государственнаго права, и это очень скоро привело къ обостренію отношеній между имъ и папой. «Мы избрали Филиппа въ Римскіе императоры» — такъ писали германскіе князья папѣ (28 мая 1200 г.); «только по рукоположенію высшаго первосвященника получаетъ императоръ окончательное и дѣйствительное утвержденіе въ своемъ санѣ: отъ папы исходитъ и благословеніе, и вѣнчаніе, и возложеніе на него высшихъ знаковъ императорской власти» — вотъ что отвѣчалъ имъ папа. Въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, папа сослался даже и на библейское сказаніе о мірозданіи, напоминая о томъ, что Богъ создалъ два свѣтила — одно большее, дневное, другое меньшее, ночное, и отъ дневнаго займ-

Иннокентій
и Оттонъ.

ствующее свой свѣтъ. Кого разумѣлъ при этомъ Иннокентій подъ свѣтиломъ дневнымъ, и кого подъ свѣтиломъ ночнымъ — было для всѣхъ очевидно и ясно. Но сила оказалась на сторонѣ Филиппа: дѣло Оттона казалось проиграннымъ, тѣмъ болѣе, что и покровитель его, король англійскій, около этого времени умеръ (1199 г.); это побудило папу послѣднить со своимъ рѣшеніемъ: для него было важно, чтобы мнимое право куріи было признано хотя бы и такимъ королемъ германскимъ, который, собственно говоря, былъ королемъ лишь по имени. И вотъ, въ посланіи своемъ отъ 1 марта 1201 г., папа призналъ право на престолъ за Оттономъ, «въ силу Божеской власти, переданной намъ Св. Петромъ». Оттонъ безпрекословно принялъ это посланіе въ Кельнѣ, куда оно было ему доставлено папскими легатами. Въ особомъ актѣ, данномъ въ іюнѣ того же года, въ такъ-называемомъ *Нейскомъ конкордатѣ*, «Оттонъ, Божіею милостію король Римлянъ, своему господину и папѣ Иннокентію, а равно и его преемникамъ» обѣщаль принять на себя защиту всѣхъ владѣній и всѣхъ почетныхъ преимуществъ Римской Церкви, и при этомъ перечислялъ всѣ владѣнія въ подробности: «экзархатъ Равеннскій, Пентаполисъ, марку Анконскую, герцогство Сполетское; владѣнія графини Матильды». Такимъ образомъ, Оттонъ, не долго задумываясь, поступилъ одновременно и верховнымъ значеніемъ имперіи, и самой Италіей, и даже допустилъ, чтобы Датчане вновь заняли Голландію; даже принялъ предложенное ему папою посредничество для возстановленія дружескихъ отношеній съ королемъ французскимъ, который воевалъ съ Англіей, какъ съ союзницей Вельфовъ. Затѣмъ Филиппъ и его сторонники подверглись отлученію отъ Церкви. Но это, конечно, не привело ни къ чему, потому что сторонники той и другой партіи руководились болѣею частью своими личными своекорыстными цѣлями.

Король Филиппъ.

Серебряный брактреать Филиппа Швабскаго. (Изъ частной коллекціи въ Берлинѣ).

До 1203 года Оттону положительно счастливилось въ борьбѣ съ Филиппомъ; но въ 1204 г. многіе изъ его приверженцевъ, и притомъ наиболѣе видныхъ, напр. его родной братъ, пфальцграфъ Генрихъ, ландграфъ Тюрингенскій, король Богемскій, кельнскій архіепископъ, герцогъ Генрихъ Брабантскій, перешли на сторону Филиппа: Оттонъ, очевидно, не умѣлъ привязать владѣтельныхъ князей къ интересамъ своей партіи. И вотъ въ Аахенѣ, въ 1205 г., на весьма многочисленномъ съѣздѣ князей, Филиппъ былъ вторично избранъ въ король и затѣмъ коронованъ тѣмъ же архіепископомъ кельнскимъ Адольфомъ, который уже прежде короновалъ Оттона. Въ 1206 г. даже и самый городъ Кельнъ отшатнулся отъ Оттона, который уже только при поддержкѣ Англии могъ кое-какъ отстаивать свое весьма ненадежное положеніе. Даже и самъ папа Иннокентій сталъ, если не заискивать въ переговорахъ со Штауфеномъ, то, по крайней мѣрѣ, не уклоняться отъ нихъ, въ виду того весьма важнаго переворота на Востокѣ, который былъ несомнѣнно послѣдствіемъ *четвертаго Крестоваго похода* и отчасти штауфенской политики вообще.

Весь 1207 г. прошелъ въ подобныхъ переговорахъ. Папа послалъ къ Филиппу двоихъ кардиналовъ и слялъ съ него церковное отлученіе, на сеймѣ, происходившемъ въ Вормсѣ: и его приверженцы изъ духовенства, какъ напр. архіепископъ Адольфъ, вновь были удостоены папскихъ милостей. Папа Иннокентій очень ловко далъ понять, что обомъ противникамъ слѣдуетъ прійти между собою къ извѣстному соглашенію, основанному на взаимныхъ добровольныхъ уступкахъ; и дѣйствительно оба противника свидѣлись на сѣздѣ въ Кведлинбургѣ. Здѣсь, Филиппъ, при посредствѣ кардиналовъ, предложилъ Оттону руку одной изъ четырехъ своихъ дочерей и герцогство Аллеманское сверхъ всего остального вознагражденія. Оттонъ, рѣзко отвергнувъ это предложеніе, отвѣчалъ, что до смертнаго часа не откажется отъ короны и, словно въ насмѣшку, предложилъ Филиппу гораздо болѣе высокое вознагражденіе за отказъ отъ его притязаній. Тогда папская политика склонилась окончательно на сторону Филиппа, тѣмъ болѣе, что онъ предложилъ руку своей второй дочери брату папы, графу Ричарду, а папа обѣщался отказаться отъ своихъ притязаній на Тусцію, Сполето и Анконскую марку, предоставляя эти владѣнія въ собственность своему брату или одному изъ племянниковъ (*nepotes*), которые должны были произойти отъ его брака съ дочерью короля Филиппа. По всему было видно, что наступили времена мірскаго владычества папъ и той политики «непотизма», которая впоследствии развилась до такихъ пагубныхъ крайностей. Не менѣе ясно было и то, что дѣло Вельфскаго короля окончательно проиграно, и борьба началась снова, такъ какъ и Филиппъ собралъ значительное войско, и Оттонъ нашелъ возможность упорно обороняться отъ его нападений. По совершенно неожиданной и рѣдкой въ германскихъ мѣстностяхъ случайности вдругъ дала новый оборотъ событіямъ.

Король Филиппъ, присутствуя въ Бамбергѣ на свадьбѣ своей племянницы (21 іюня 1208 г.), удалился съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ на отдыхъ въ одинъ изъ покоевъ епископскаго дворца. Туда же явился и одинъ изъ знатныхъ его вассаловъ, пфальцграфъ Оттонъ фонъ-Виттельсбахъ. Мы не знаемъ въ подробности, что именно тутъ произошло, но только пфальцграфъ вдругъ выхватилъ кинжалъ и нанесъ королю ударъ, отъ котораго тотъ тотчасъ же скончался. Поводъ къ убійству, повидимому, былъ чисто личный: Филиппъ пообѣщалъ ему руку одной изъ своихъ дочерей и не сдержалъ обѣщанія. Всякія иныя объясненія этого факта являются, по нашему мнѣнію, не болѣе, какъ украшеніями фантазій.

Когда такимъ образомъ король Филиппъ, всѣми любимый и уважаемый, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ (ему шелъ 31 годъ), былъ такъ внезапно похищенъ смертью, дѣла должны были сами собою принять иной оборотъ. Хотя короля Оттона никто особенно и не любилъ, но всѣ, конечно, предпочли его избраніе — грозившей анархіи. И такъ, въ томъ же году онъ былъ признавъ, по соглашенію со Штауфенской партіей, королемъ и вновь единогласно избранъ всѣми во Франкфуртѣ. Такъ какъ Оттонъ былъ еще не женатъ, то залогомъ мира между Вельфами и Штауфенами намѣчена была дочь умерщвленного короля Филиппа, Беатриса, явив-

Умерщвление Филиппа. 1208.

Король Оттонъ.

шаяся на съѣздъ во Франкфуртъ испросить наказаніе убійцѣ ея отца. Приговоръ надъ нимъ дѣйствительно былъ произнесенъ и въ слѣдующемъ году приведенъ въ исполненіе: его отрубленная голова была брошена въ волны Дуная. А въ маѣ 1209 г. произошло въ Вюрцбургѣ, съ разрѣшенія папы *), торжественное обрученіе Оттона и Беатрисы, которая принесла своему жениху въ приданое весьма значительную долю родового Штауфенскаго достоянія, которое уже и при Филиппѣ стало расточаться мало-по-малу. Отгонъ, изъ главы партіи обратившійся въ полновластнаго государя, видимо рѣшился сурово проявить свою королевскую власть для подавленія анархическихъ стремленій окружавшаго его общества. Но эта власть досталась ему не даромъ:—папа, за оказанную имъ поддержку, потребовалъ не только подтвержденія прежде данныхъ обѣтовъ, но получилъ и еще новое обѣщаніе: король обязался *помогать ему въ искорененіи ересей*, которое, по измѣнившимся временамъ, оказывалось необходимымъ и отнынѣ уже составляло весьма существенную часть политической программы римской курии.

Оттонъ въ Римѣ.

Теперь Оттону не доставало только императорской короны, и онъ, для полученія ея, двинулся въ Италію съ весьма значительнымъ войскомъ: онъ уже почиталъ своею обязанностью, даже считалъ себя вынужденнымъ по возможности вернуть себѣ то положеніе, которое занимали Штауфены въ Италіи. Походъ совершенъ былъ безъ всякихъ препятствій. Король былъ хорошо принятъ въ Италіи, встрѣтился съ папою въ Витербо, и затѣмъ, по улаженіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, принялъ отъ папы вѣнецъ императорскій. Однакоже согласіе съ папою было непродолжительно; Отгонъ, стоявшій во главѣ большой воинской силы, задался тщеславнымъ замысломъ возстановленія былыхъ владѣній Генриха VI въ ихъ полномъ составѣ, и вскорѣ отвернулся отъ папы. Безъ дальнихъ околичностей онъ просто присвоилъ себѣ нѣкоторыя, еще спорныя территоріи Матильдина наслѣдства и сталъ открыто готовиться къ походу противъ апулійско-сицилійскаго королевства, которое стояло въ лѣнномъ подчиненіи папѣ. Всѣ предупрежденія папы оказались тщетными. Тогда Иннокентій произнесъ знаменитую свою фразу: «какошь въ томъ, что я вывелъ этого чловѣка въ люди»—и отлучилъ его отъ Церкви. Не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, императоръ Отгонъ вступилъ въ Апулію, подчинилъ и ее, и Калабрию своей власти, что ужъ было положительно не согласно съ присягою, принесенною имъ при вѣнчаніи. Онъ даже собирался переправиться и въ Сицилію, и тамъ уничтожить господство Штауфеновъ, присвоивъ себѣ права наслѣдственности Генриха VI; но тутъ оказалось, что произнесенное надъ нимъ отлученіе отъ Церкви было не пустымъ словомъ.

Разрывъ съ папою.

Во власти Иннокентія былъ мститель Оттону въ лицѣ *Фридриха*, сына Генриха VI, которому въ эту пору минулъ уже 18-й годъ. Интересы папской власти на мгновеніе совпали съ интересами Штауфенской династіи, да и въ самой Германіи не мало было такихъ людей, которые

*) Разрѣшеніе было необходимо потому, что женихъ и невѣста стояли въ довольно близкихъ родственныхъ отношеніяхъ; впрочемъ, папа далъ его весьма охотно за надѣленіе двухъ монастырей землями и угодьями.

выжидали только благоприятнаго мгновенія, чтобы отказаться отъ повинненія нелюбимому государю. Архіепископъ майнцскій Сигфридъ, ландграфъ Тюрингенскій Германнъ, король Оттокаръ Богемскій, стали во главѣ цѣлой коалиціи князей, и, опираясь на авторитетъ папы и на помощь короля французскаго, подняли знамя бунта противъ императора. Коалиція возрастала и усиливалась, несмотря на неистовое опустошеніе Майнцскаго епископства войсками пфальцграфа Генриха, брата Оттонова. Къ коалиціи приступили герцоги Баварскій и Австрійскій, и въ сентябрь 1211 г. въ Нюрнбергѣ коалиціе былъ избранъ король Сицилійскій Фридрихъ въ король Германскіе и будущіе (coronandum) императоры. Положеніе дѣлъ оказалось настолько опаснымъ, что Оттонъ рѣшился вернуться въ Германію. Его возвращеніе нѣсколько подкрѣпило партію его приверженцевъ, къ которой пристали и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ коалиціи; только духовные сановники удалялись всякаго общенія съ нимъ. Какъ истый рубака, Оттонъ, не задумываясь, набросился на владѣнія ландграфа Тюрингенскаго и предалъ ихъ неумолимому опустошенію, но варварскому обычаю современныхъ войнъ; это нимало не помѣшало ему, однако, среди битвъ и опустошеній, отпраздновать въ это же время свою свадьбу съ дочерью покойнаго короля Филиппа, Беатрисой, которая однакоже нѣсколько недѣль спустя скончалась *). Смерть ея была тяжелымъ политическимъ ударомъ для Оттона. Къ тому же вѣсти, пришедшія съ Юга, вынудили его покинуть опустошительную войну въ Тюрингіи и выступить навстрѣчу папскаго ставленника, короля Фридриха, который направился въ Германію изъ Италіи.

Фридрихъ — юноша рѣдкихъ способностей, выросъ и рано развился среди необычайно-тягостныхъ условій, развился, усвоивъ себѣ ту политику хитростей и уловокъ, которая была свойственна римской куріи. Онъ явился въ Римъ, гдѣ былъ съ почетомъ принятъ папою и населеніемъ, и принесъ папѣ ланную присягу, въ качествѣ короля Сицилійскаго. Дальнѣйшій путь Фридриха лежалъ на Геную, Кремону, Верону и далѣе, за Альпы, на Хуръ; тамошній епископъ и аббатъ С. Галленскій сопровождали его сначала въ Констанцу, потомъ въ Базель. Такимъ образомъ онъ ускользнулъ отъ встрѣчи съ грознымъ войскомъ Оттона. Въ Констанцу онъ вступилъ всего съ 60 рыцарями, но число его приверженцевъ возрастало быстро, такъ какъ онъ не скунился на обѣщанія и завѣренія въ томъ, что удовлетворитъ всѣ желанія князей и епископовъ, и притомъ являлся союзникомъ Церкви. Уже въ Майнцѣ многіе приносили ему клятву въ вѣрности, и король Оттонъ, вообще имѣвшій мало приверженцевъ въ Верхней Германіи, увидѣлъ себя вынужденнымъ отступить къ Кельну. Въ Воклуѣрѣ, на р. Маасѣ, Фридрихъ сѣхался съ наслѣдникомъ французскаго престола и здѣсь было постановлено, что, безъ согласія короля Французскаго, Фридрихъ не вступитъ въ переговоры съ Оттономъ или его союзниками, въ особенности же съ королемъ Англійскимъ, Иоанномъ. Затѣмъ, на очень многочисленномъ съѣздѣ князей, Фридрихъ былъ из-

Возвышеніе
Фридриха.
Конецъ дѣя-
тельности
Оттона.

*) Какъ предполагають, не безъ основанія, отъ яда, поднесеннаго ей соперницей, любовницей Оттона, вывезенной имъ изъ Италіи.

бранъ въ королѣ (въ декабрѣ 1212 г.). Съѣздъ происходилъ во Франкфуртѣ и князья проводили его оттуда для вѣнчанія въ Майнцѣ, такъ какъ Франкфуртъ былъ въ то время королевскимъ, а не епископскимъ городомъ. Такимъ образомъ одержанный имъ перевѣсъ явился торжествомъ папской политикѣ. Послѣ его вѣнчанія, война его съ императоромъ длилась еще нѣкоторое время. Рѣшительная битва произошла при *Бувинь*, во Фландріи (въ нынѣшней Франціи, въ департаментѣ Сѣвера), въ 1214 г. Войско Оттона было очень многочисленно и знамя его везли передъ его строемъ, по обычаю итальянскихъ коммунъ, на особой повозкѣ; это была настоящая рыцарская битва, при которой оба царственные предводителя войскъ — король Филиппъ Французскій и императоръ Оттонъ, лично участвуя въ бою, выказали много мужества. Не отстали отъ своего короля въ мужествѣ и войска, выставленныя французскими городами, и побѣда въ тотъ день осталась на сторонѣ Французовъ. Такъ какъ, вслѣдъ за этимъ пораженіемъ, всѣ союзники, одинъ за другимъ, стали отпадать отъ Оттона, то онъ увидѣлъ, что на его сторонѣ остается лишь одинъ его родовой Брауншвейгъ. Нѣкоторое время онъ еще кое-какъ тянулъ непріязненные дѣйствія противъ своего противника, но затѣмъ, въ 1218 г., скончался въ Гарцбургѣ, на 43 году жизни. Еще незадолго до своей кончины онъ получилъ отъ папы полное разрѣшеніе; впрочемъ, онъ не переставалъ до самаго конца считать себя полноправнымъ и законнымъ императоромъ и владыкой.

„Otto Imp(er)ator“.
„Оттонъ имп(ер)аторъ“.

Серебряный брактеатъ Оттона IV. (Изъ частной коллекціи).

Fridericus D(e)i gra(tia) Romanor(um) Rex et semp(er) August(us) et Rex Sicil(iae).
Печать Фридриха II.

Прекрасно сохранившийся отпечатокъ ея изъ краснаго воска на одномъ изъ актовъ въ городскомъ архивѣ во Франкфуртѣ-на-М.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Фридрихъ II. — Конрадъ IV.

1. 1215—1228 по Р. Хр.

Битвою при Бувинэ междуособная война была порѣшена въ пользу Фридриха II. Фридриха, и лѣтомъ 1215 г. совершено было его торжественное коронованіе въ Аахенѣ архіепископомъ Сигфридомъ Майнцскимъ, какъ легатомъ апостольскаго престола. Уже здѣсь Фридрихъ принялъ на себя одежду крестоносца и по его внушенію многіе изъ князей послѣдовали его примѣру. Въ томъ же году папа Иннокентій, быстро переходившій отъ успѣха къ успѣху, собралъ въ Латеранѣ соборъ, необычайный по многочисленности съѣхавшихся на немъ епископовъ, которыхъ насчиты-

вали до 400. На этомъ соборѣ было вновь подтверждено изложеніе Оттона и признаніе правъ Фридриха на престолъ. Затѣмъ соборъ, принявшій въ то же время весьма важныя мѣры по отношенію къ управленію Церковью и къ церковной дисциплинѣ, обратился къ приготовленіямъ того новаго Крестоваго похода, который на этотъ разъ исходилъ прямо отъ папы и въ первое время правленія Фридриха составлялъ какъ бы центръ, около котораго все вращалось. И дѣйствительно, въ началѣ XIII вѣка съ особенною силою возникло вновь то движеніе, которое лежало въ основѣ Крестовыхъ походовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, правда, не трудно замѣтить, что въ этомъ возникновеніи проявилось уже нѣчто искусственное, дѣланное, что въ немъ уже сильно сказывался элементъ поэтической, и что, какъ Церковь, такъ и въ особенноти глава ея, Иннокентій, имѣли свои особыя причины напрягать всѣ усилія къ проведенію той мысли, которая, сто лѣтъ тому назадъ, вызвала такой общій и естественный порывъ одушевленія.

Новыя вѣя-
нія. Ереси.

И дѣйствительно: авторитетъ Церкви въ значительной степени зависѣлъ отъ удачи этой новой попытки завоеванія Св. Земли. Ибо рядомъ съ возрастающимъ равнодушіемъ высшихъ классовъ, которые отвращались отъ этихъ благочестивыхъ предпріятій или вносили въ нихъ инныя, чуждыя, ничуть не духовныя побужденія, явилось передъ лицомъ церковныхъ и свѣтскихъ властей еще другое зло, постоянно возрастающее и крѣпнувшее:—это зло было *еретичество*. Частныя противорѣчія и враждебное отношеніе къ господствующей Церкви и ея ученію существовали издавна въ европейскомъ обществѣ. Разныя сектаторскія заблужденія, зарождаясь на отдаленныхъ окраинахъ, въ XI в., словно зараза, проявились вдругъ въ Италіи и Южной Франціи. Сильное реформаторское движеніе въ Церкви, наполнившее собою весь XI вѣкъ, а затѣмъ бурное одушевленіе Крестовыхъ походовъ,—нѣсколько сдержали эти первыя проявленія ересей и отодвинули ихъ на задній планъ; но вскорѣ послѣ того, оживленіе сношеній съ Востокомъ и въ особенноти тяжкое разочарованіе въ мнимомъ обновленіи Церкви и духовнаго сословія, которое, между тѣмъ, достигло громаднаго значенія и могущества, — все это вновь пробудило тѣ же стремленія въ массѣ. Въ XII вѣкѣ стала быстро распространяться на югѣ Франціи секта *Катаровъ* (или *Чистыхъ*); центромъ ея распространенія была *Тулуза*; при общей, въ массѣ народа, ненависти къ духовенству, секта стала дѣлать быстрые успѣхи и вскорѣ охватила всѣ южныя области—Провансъ, Гюэнну, Лангедокъ, Гасконью. Сектанты въ замкахъ бароновъ проповѣдывали свое странное ученіе о паденіи души, о добромъ и зломъ Богѣ: произвольно пользуясь, для покрѣпленія своихъ доводовъ, мѣстами Св. Писанія, они прямо отвергали все то, что въ нихъ противорѣчило ихъ спиритуалистическимъ возрѣніямъ. Они были строгіе вегетаріанцы и употребленіе мяса въ пищу относили къ числу семи смертныхъ грѣховъ; бракъ отвергали; принятіе въ секту ихъ совершалось путемъ «духовнаго крещенія» (*consolamentum*), которое состояло въ простомъ возложеніи рукъ на главу крещаемаго. У нихъ былъ, якобы, высшій епископъ, надзиравшій за ихъ отдѣльными общинами, и отъ 1167 г. до насъ дошло извѣстіе о томъ, что въ С.-Феликсѣ-де-Караманъ (близъ Тулузы) у

нихъ собранъ былъ настоящій соборъ. Гораздо ближе, по своимъ убѣжденіямъ, подходили къ библейской истинѣ *Вальденцы*, — секта, основанная въ 1170 г. въ Лионѣ, тамошнимъ купцомъ *Петромъ Вальдусомъ* (Petrus Valdus): по разсказу Св. Писанія о богатомъ юношѣ, онъ роздалъ все свое достояніе бѣднымъ и сталъ проповѣдникомъ. Стремясь приблизиться къ древнѣйшимъ христіанскимъ воззрѣніямъ первобытныхъ христіанскихъ общинъ, Вальденцы отрицали значеніе святыхъ угодниковъ, отвергали возможность получить отпущеніе грѣховъ черезъ посредство священниковъ; къ числу смертныхъ грѣховъ они относили и ложь; всякая клятва и всякое кровопролитіе воспрещались ихъ законоположеніями. Испорченной, по ихъ мнѣнію, видимой Церкви, съ папою во главѣ, они противопоставляли Церковь «невидимую», и даже въ самой средѣ своей различали простыхъ вѣрующихъ отъ «праведниковъ», которые жили въ нищетѣ и смиреніи, стараясь подражать Христу. По началу казалось, что Вальденцы могли бы, пожалуй, не быть изверженными изъ Церкви, но вскорѣ выяснилось, что они-то и были ея опаснѣйшими врагами, такъ какъ въ ихъ укорахъ современной Западной Церкви заключалось много справедливаго; въ нихъ-то именно проищательный Иннокентій III и увидѣлъ тѣхъ лисицъ, которые способны были разорить вертоградъ Христовъ. Особенно многочисленны были они въ городѣ *Альби* (оттуда и самое наименованіе ихъ *Альбигойцами*), на опасной грани, отдѣлявшей Галлію отъ Испаніи и Италіи; здѣсь-то природное сатирическое настроеніе и оживленная веселость Провансальцевъ, въ соединеніи съ суровыми реформаторскими стремленіями сектантовъ, вызвали весьма упорную оппозицію противъ Церкви, которая была исключительно предана мірскимъ заботамъ; здѣсь же сектанты, у которыхъ было много приверженцевъ между знатью, нашли себѣ горячаго защитника и покровителя въ просвѣщенномъ могущественномъ графѣ Тулузскомъ, *Раймундѣ VI*.

Судьбы Св. Земли, однакоже, и въ это время до такой степени еще занимали всѣхъ, стоявшихъ во главѣ Церкви, что и папа Иннокентій, едва достигнувъ власти, уже счелъ долгомъ своимъ ревностно приняться за дѣло освобожденія Гроба Господня изъ-подъ власти невѣрныхъ. На мгновеніе, папа, въ данномъ случаѣ, явился въ глазахъ всего европейскаго общества могущественнѣйшимъ монархомъ. Казалось, что цѣль стремленія папъ (и въ особенности папы Иннокентія, стремившагося къ ней съ полнымъ сознаніемъ) была достигнута. Воззванія Иннокентія разнеслись по всему свѣту — Германіи и Франціи, Англіи, Шотландіи, Италіи и Венгріи — и въ числѣ посланныхъ имъ во всѣ стороны ревностныхъ проповѣдниковъ новаго Крестоваго похода въ особенности отличался священникъ *Фулько Нельійскій*, всѣмъ и каждому вырѣзавшій изъ своей одежды кресты, которые онъ раздавалъ заявившимъ желаніе участвовать въ походѣ. И дѣйствительно, движимые его проповѣдью, многіе изъ бароновъ и рыцарей дали обѣтъ крестоносцевъ. Походъ долженъ былъ начаться изъ Венеціи, а потому главные вожди крестоносцевъ и вступили въ соглашеніе съ тамошнимъ дожемъ, *Генрихомъ Дандоломъ*.

Но изъ этого такъ-называемаго четвертаго Крестоваго похода вышла военная экспедиція совсѣмъ мірскаго характера. Между тѣмъ какъ от-

Иннокентій и
Палестин-
ская Цер-
ковь.

Четвертый
Крестовый
походъ.

дѣльныя группы и цѣлыя толпы людей, увлеченныхъ религіозными мечтами, свѣшивши въ Сирію изъ фландрскихъ гаваней, изъ Марсели и Генуи, главная масса французскихъ крестоносцевъ въ лѣтніе мѣсяцы 1202 года собралась на венеціанской почвѣ: они избрали себѣ въ предводители маркграфа Бонифація Монферратскаго. Но тутъ уже сразу начались денежные затрудненія: оказалось, что у крестоносцевъ нечѣмъ заплатить за переѣздъ на венеціанскихъ корабляхъ за море, а Венеціанцы не соглашаются везти даромъ. Пришлось вступить въ нѣкотораго рода соглашеніе съ дожемъ Даноломъ, хитрымъ и умнымъ 90-лѣтнимъ старцемъ; онъ предложилъ крестоносцамъ, вмѣсто платы за морское путешествіе, оказать Венеціи небольшую военную услугу: разорить далматинскій городъ Зару, докучавшій Венеціи морскими разбоями (1202). Городъ былъ взятъ и разоренъ, и хотя папа Иннокентій разразился жестокимъ гнѣвомъ противъ тѣхъ, которые, противно христіанскому смиренію, дерзнули разорить христіанскій же городъ (даже подвергъ ихъ отлученію отъ Церкви), однакоже, видимо, не слишкомъ устроилъ и обуздалъ разноплеменное полчище крестоносцевъ. А тутъ, какъ разъ, подосѣли послы отъ германскаго короля, которые ходатайствовали о томъ, чтобы флотъ крестоносцевъ, по пути въ Сирію,

Плаваніе рыцарей въ Св. Землю на генуэзскихъ галерахъ (1187 г.).

Современное изображеніе, заимствованное изъ генуэзской хроники.

завернулъ въ Константинополь и принялъ тамъ сторону греческаго князя Алексѣя Ангела и его отца Исаака, свергнутаго его братомъ, Алексѣемъ III. Такое направленіе силъ крестоносцевъ въ сторону Византіи, которая въ это время находилась въ состояніи полнѣйшаго разстройства, очень пришлось по вкусу Венеціанцамъ и ихъ старому дожу; оно было сочувственно встрѣчено и самими крестоносцами, среди которыхъ стремленіе къ рыцарскимъ и инымъ предпріятіямъ, сулившимъ добычу, преобладало надъ благочестивою ревностью на пользу освобожденія Св. Земли; мало того: даже и весьма религіозные люди относились къ этой затѣѣ благосклонно, соединяя съ нею смѣлыя надежды на возможность подчиненія Восточной Церкви подъ верховную власть Св. Петра. Однимъ словомъ, флотъ отплылъ изъ Венеціи съ сорокатысячнымъ войскомъ, и въ концѣ іюня 1203 г. бросилъ якорь въ Босфорѣ; въ половинѣ іюля произведено было нападеніе на городъ, изъ котораго Алексѣй III бѣжалъ, между тѣмъ какъ ослѣпленный Исаакъ Ангелъ вновь былъ возведенъ на тронъ и сынъ его, Алексѣй IV, приданъ былъ ему въ соправители. Войско крестоносцевъ расположилось лагеремъ близъ Перы и ждало выполненія обѣщаній, которыя были даны юнымъ Цезаремъ еще подъ стѣнами Зары. Оказалось однакоже, что онъ обѣщаль гораздо болѣе, нежели могъ сдержать. Онъ никакъ не могъ собрать той громаднѣйшей суммы, которую задолжалъ франкскому войску, а о подчиненіи папѣ римскому населеніе

и слышать не хотѣло. Тогда въ ноябрѣ 1203 г. вновь начались военныя дѣйствія и въ январѣ 1204 г. разразилась въ Константинополѣ революція, во главѣ которой явился дальній родственникъ Ангеловъ, Мурзуфль, — человекъ разумный и энергическій. Старый Исаакъ Ангель скончался среди этихъ смуть, Алексѣй IV былъ удавленъ приверженцами новаго Цезаря, который назвался *Алексѣемъ V*, и, собравъ всѣ силы, сопротивлялся нападающимъ до послѣдней крайности, хотя всѣ попытки его сразиться съ ними въ открытомъ полѣ приводили къ убѣжденію въ томъ, что Византія не могутъ тягаться въ мужествѣ съ западнымъ рыцарствомъ.

Богатая добыча, которую надѣялись получить въ Константинополѣ, была уже заранѣе подблена въ лагерѣ при Перѣ, въ силу договора, заключеннаго дожемъ съ Бонифаціемъ Монферратскимъ и важнѣйшими изъ остальныхъ вождей. Флотъ Венеціанцевъ расположился въ заливѣ Золотого Рога, войско крестоносцевъ все высадилось на берегъ; но первый штурмъ ихъ (9 апрѣля) окончился неудачею. 12 апрѣля штурмъ былъ возобновленъ и удался вполне:—одному изъ французскихъ рыцарей, по имени Петру Аміенскому, богатырю ростомъ и силою, удалось разбить одни изъ городскихъ воротъ, и масса Франковъ разомъ ворвалась черезъ нихъ внутрь города. Въ ту же ночь, въ церкви Св. Софіи, былъ избранъ новый императоръ, зять Алексѣя III, *Теодоръ Ласкарисъ*; но онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія и бѣжалъ на азіатскій берегъ. Тщетно старались на другой день вожди войска остановить безобразный грабежъ и нескончаемыя убійства крестоносцевъ среди беззащитнаго населенія Константинополя. Когда, наконецъ, злобная месть ихъ была насыщена, вожди приступили къ устройству завоеваннаго царства. 9 мая 1204 г., графъ *Балдуинъ* Фландрскій былъ единогласно избранъ императоромъ новой *Римской Имперіи*; его соперникъ, Бонифацій Монферратскій, удовольствовался королевствомъ *Тессалоникійскимъ*. Былъ избранъ и римско-католическій патріархъ; добыча,

Завоеваніе
Константинополя. 1204.
Латинская
имперія.

Крестоносцы подъ стѣнами Византіи.

доставшаяся побѣдителямъ въ видѣ земельныхъ владѣній и движимаго имущества, была подѣлена пополамъ между республикою Венеціанскою и участниками этого крестоваго похода, которые поставили себя въ лѣнную зависимость отъ новаго императора. Такимъ образомъ, эта *Латинская имперія* явилась плохимъ подражаніемъ дурному образцу — королевству Іерусалимскому, и первой попыткойъ господства Франковъ на Востокъ въ 1099 году, и конечно ей предстояло погибнуть отъ собственной слабости еще скорѣе, чѣмъ погибло это королевство.

Само собою разумѣется, нечего было и помышлять о томъ, чтобы эта новая имперія могла оказать хоть какую-нибудь поддержку христіанамъ въ Св. Землѣ, такъ какъ она сама еле могла держаться, отражая нападенія старыхъ враговъ Византіи, Болгаръ, подавляя ненависть мѣстнаго населенія къ пришельцамъ и ведя борьбу съ свергнутой династіей, представители которой основались близѣхонько отъ Константинополя, въ Никеѣ. О завоевательныхъ планахъ относительно Св. Земли здѣсь, по-видимому, никто и не помышлялъ; а между тѣмъ, папа Иннокентій III энергично продолжалъ проводить ту же мысль о необходимости вторичнаго завоеванія Св. Земли и освобожденія священнаго города изъ-подъ власти невѣрныхъ, и три первыя десятилѣтія XIII вѣка были переполнены мечтаніями о Крестовыхъ походахъ: особенно характерно выразилось это настроеніе времени въ двухъ чрезвычайно курьезныхъ извращеніяхъ, которыя были вызваны этимъ болѣе или менѣе искусственнымъ вторымъ расцвѣтомъ идей, лежавшихъ въ основѣ Крестовыхъ походовъ: въ *Крестовомъ походѣ отъей* 1212 г. и въ одновременно происходившемъ *первомъ Крестовомъ походѣ противъ еретиковъ*.

Крестовый
походъ дѣ-
тей.

Мѣстомъ дѣйствія обоихъ этихъ походовъ была Южная Франція. Пламенная рѣчь нѣкоторыхъ черезчуръ ревностныхъ проповѣдниковъ, къ которымъ взрослые люди изъ простонародья и въ особенности высшія сословія относились уже равнодушно, — подѣйствовали возбуждающимъ образомъ на умы дѣтей и подростковъ и сообщили имъ неудержимое одушевленіе, которое быстро распространилось повсемѣстно. Вскорѣ большія толпы мальчиковъ и дѣвочекъ собрались отовсюду, увлекаемые благочестивыми мечтаніями о томъ, что, по словамъ Св. Писанія, имъ, «младенцамъ», дарована будетъ свыше возможность завоевать Св. Землю; руководимые монахами-фанатиками, эти толпы стекались въ Марсель, чтобы оттуда отплыть на Востокъ. Церковныя власти, въ данномъ случаѣ, держали себя весьма двусмысленно; самое движеніе было для нихъ выгодно, и можетъ-быть, многія изъ духовныхъ лицъ уповали даже на возможность удачи этого безумнаго предпріятія. Поэтому духовенство уклонилось отъ этой несчастной затѣи и дало возможность этому бѣдствію достигнуть такого предѣла, когда уже никакая власть не въ силахъ была его отвратить. Къ толпамъ несчастныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыя возросли до нѣсколькихъ тысячъ, присталъ всякій сбродъ, а въ томъ числѣ и разные промышленники изъ работорговцевъ и поставщиковъ на невольничьи рынки; часть этихъ дѣтскихъ толпъ, предводимая мальчикомъ, дѣйствительно, отъ береговъ Рейна успѣла добраться до Брундузіума — и здѣсь была остановлена епископомъ, который весьма разумно не дозво-

лиль юнымъ крестоносцамъ отплыть далѣе. Другія толпы дѣтей отправились на Геную, сѣли на корабли, и всѣ были проданы въ рабство; нѣкоторые корабли были прибиты бурей къ восточнымъ берегамъ Адриатики, и несчастныя дѣти погибли массами отъ голода и холода.

Въ то же самое время подготавлился иной крестовый походъ, сулившій и богатую добычу, и всякія иныя блага, при весьма небольшой затратѣ усилій и весьма немудреной службѣ, для которой вовсе не нужно было пускаться за море. Одинъ изъ миссіонеровъ, посланныхъ въ графство Тулузское для обращенія еретиковъ на путь истины, нѣкій Петръ Кастельно, былъ убитъ однимъ изъ служивыхъ людей графа Раймунда Тулузскаго, который уже давно не пользовался милостями папы за то, что онъ не хотѣлъ примѣнять суровыхъ мѣръ противъ своихъ трудолюбивыхъ и ни въ чемъ неповинныхъ подданныхъ, да и другимъ не давалъ ихъ въ обиду. Послѣ убіенія Петра Кастельно, напою разрѣшенъ былъ Крестовый походъ противъ еретиковъ и многочисленное войско собралось съ этою цѣлью въ Лионѣ (1209 годъ) подъ начальствомъ ревнителя вѣры, графа *Симона Монфортекаго* и монаха-фанатика *Арнолда*, настоятеля въ аббатствѣ Ситѣ (Cîteaux), назначеннаго папскимъ легатомъ. Первымъ крупнымъ воинскимъ подвигомъ было взятіе штурмомъ Безьера, при которомъ безпощадно перебито было не менѣе 20,000 человекъ, составлявшихъ населеніе города. Затѣмъ война или, правильнѣе сказать, неистовое опустошеніе и разграбленіе богатой страны, длилась очень долго. Наконецъ, графъ Тулузскій былъ вынужденъ вступить въ переговоры: однакоже тѣ условія, которыя были ему предложены въ 1211 г. въ Арлѣ, были до такой степени безобразны, что онъ снова взялся за оружіе. При Муретѣ, на юго-западъ отъ Тулузы, на Гароннѣ, Раймундъ, вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, Петромъ III, королемъ Аррагонскимъ, рѣшился сразиться въ открытомъ полѣ съ Симономъ Монфортекимъ и его крестоносцами,—и былъ разбитъ (1214 г.). Тогда всѣ земли, завоеванныя въ этомъ походѣ, были переданы во владѣніе графу Симону—главному вождю этого столь удобнаго Церкви воинскаго предірія; однакоже спокойствіе еще долго не могло быть установлено въ этой мѣстности, и полное умиротвореніе наступило только тогда, когда самъ графъ Симонъ уступилъ, наконецъ, свои права на графство Тулузское французской коронѣ, къ владѣніямъ которой графство и было присоединено въ 1249 г.

Во время всѣхъ этихъ кровавыхъ усобицъ и среди всякихъ успій и попытокъ осуществленія общаго Крестоваго похода—Иннокентій III умеръ, на 54-мъ году жизни, въ Перуджѣ (1216 г.): умеръ въ полномъ развитіи своего могущества, во главѣ Церкви, которой онъ успѣлъ положить прочную догматическую основу и придать ея организаціи окончательную форму. Преемникъ его, старецъ *Гонорій II*, оказался не менѣе его ревностнымъ въ своей церковно-административной дѣятельности. Однимъ изъ первыхъ дѣяній его духовнаго правленія было утверженіе одного изъ двухъ новыхъ орденовъ монашества, которые служатъ многозначительнымъ выраженіемъ нѣсколько искусственнаго, чтобы не сказать болѣзненно-религіознаго возбужденія этого времени: первымъ изъ этихъ ор-

Крестовый походъ противъ еретиковъ.

Нищенствующій орденъ монашества.

Францискъ Ассизскій проповѣдуетъ передъ папою Гоноріемъ III.—Фреска Джіотто (род. 1276 г.) въ церкви Св. Франциска въ Ассизи.

деповъ былъ орденъ *Доминиканцевъ*; вторымъ (нѣсколько лѣтъ спустя) орденъ *Францисканцевъ*. Первый изъ этихъ орденовъ, Доминиканскій, развился прямо на почвѣ борьбы съ еретиками: основатель ордена, *Доминго Гриманъ*, духовное лицо, происходившее изъ знатнаго кастильянскаго рода, долго странствовалъ по Южной Франціи, пытаясь обращать еретиковъ на путь правой вѣры: и главнымъ дѣломъ учрежденнаго имъ ордена такъ и осталась *проповѣдь правовѣрія*, которая ставилась въ обязанность каждому монаху-доминиканцу; впоследствии, этому же ордену поручена была и *инквизиція*, т.-е. разслѣдованіе или выслѣживанье всякихъ остатковъ еретическаго зараженія, и эта новая обязанность, порученная имъ и представлявшая сама по себѣ понятіе весьма растяжимое, послужила главнымъ отличіемъ доминиканцевъ отъ всѣхъ иныхъ монаше-

скихъ братствъ. Обѣтъ *бѣдности*, въ смыслѣ полного отреченія отъ мірскихъ благъ, вслѣдствіе котораго обонмъ этимъ орденамъ и было придано наименованіе *нищенствующихъ* орденовъ, доминиканцы переняли отъ *францисканцевъ*, которые также предназначили себя на борьбу съ еретичествомъ, но въ болѣе утонченной формѣ. Та самая оппозиція противъ слишкомъ явнаго проявленія мірскихъ стремленій Церкви, которая выразилась въ ученіи Вальденцевъ (или Альбигойцевъ), въ средѣ послѣдователей и учениковъ Св. Франциска незамѣтно обратилась въ силу, дѣйствовавшую по указаніямъ Церкви. *Франческо*, сынъ богатаго купца въ Ассизи (въ округѣ Перуджійскомъ), исходилъ въ своемъ ученіи изъ тѣхъ же началъ евангельскаго ученія, съ которыхъ начиналъ свою дѣятельность и Петръ Вальдусъ: «даромъ вы это получили, даромъ и давайте»—говоритъ Христосъ ученикамъ своимъ, посылая ихъ на проповѣдь и увѣщевая ихъ не захватывать съ собою ни денегъ, ни посоха, ни обуви на дорогу. Но Франческо придалъ особенное, выдающееся значеніе тому, что было лишь прямымъ слѣдствіемъ христіанскаго ученія о ничтожествѣ земнаго міра и всѣхъ его благъ. Собравъ около себя единомышленниковъ, Франческо создалъ для нихъ цѣлую житейскую систему, на основаніи изреченій, заимствованныхъ изъ «нагорной проповѣди» Христа. И вотъ, одевшись въ темные балахоны (нѣкоторое подобіе мѣстной одежды низшихъ классовъ народа), подпоясанные веревкой, францисканцы разбрелись повсюду, проповѣдая всѣмъ безвозмездно, и поддерживая свое существованіе испрашиваемою милостынею; Гонорій далъ этимъ «*Fratres minores*»—«меньшимъ братьямъ» или *миноритамъ*—право повсемѣстной проповѣди и исповѣди, и такимъ образомъ оба эти ордена, благодаря своему строгому обѣту нищенства пріобрѣтшія общее расположеніе въ народѣ, пріобрѣли въ короткое время огромное значеніе и могущество. И стали они около папскаго престола, въ качествѣ преданнаго, никакимъ имуществомъ не отягощеннаго и всегда готоваго къ бою воинства; а папскій престоль, вскорѣ послѣ того, пришелъ въ такое положеніе, при которомъ это воинство оказалось для него весьма пригоднымъ въ борьбѣ противъ свѣтской власти императоровъ—противъ государства.

И папѣ Гонорію, такъ же какъ и Иннокентію, не удалось побудить всѣхъ къ общему и немедленному походу въ Св. Землю. Въ 1217 году король Венгерскій Андрей переплылъ за море въ Акконъ изъ Спалатро, во главѣ довольно большого количества странниковъ-крестоносцевъ; въ слѣдующемъ году приплыла въ Палестину довольно значительная флотилія (отъ 200 до 300 кораблей), съ крестоносцами изъ прирейнскихъ мѣстностей и Фрисландіи, уже испытавшихъ силу своего оружія въ борьбѣ съ прирейнскими Маврами; опираясь на эти и на другія, непрерывно прибывавшія подкрѣпленія, то большія, то малыя, гротмейстеры трехъ рыцарскихъ орденовъ и *Иоаннъ Бриѣнскій*, носившій титулъ короля Іерусалимскаго, рѣшили попытаться завоевать *Египетъ*, исходя изъ того совершенно правильнаго взгляда, что спокойное обладаніе Сиріею невозможно безъ одновременнаго и вполне упроченнаго занятія Египта. И вотъ крестоносцы обложили Даміэтту (на одномъ изъ восточныхъ рукавовъ Ніла) и стали осаждать этотъ городъ (1218 г.). Египетъ же въ то время

Новый Крестовый походъ; приготовленія къ нему. Неудачи на Востокѣ.

находился во власти Эйюбида *Аль-Камиля*, племянника великаго Саладина; городъ защищался храбро и успѣшному ходу этой обороны еще способствовали неравномерные приливы и отливы воинствъ въ войскѣ осаждающихъ, благодаря которымъ никакая правильность въ военныхъ дѣйствіяхъ не могла быть соблюдена; наконецъ, въ ноябрѣ 1219 г., городъ былъ взятъ христианами. Но эта удача была почти мимолетною. Аль-Камиль предлагалъ крестоносцамъ миръ; предлагалъ даже обмѣнять Даміэтту на Иерусалимъ. Но во главѣ христіанскаго воинства стоялъ одинъ изъ тѣхъ духовныхъ дилетантовъ, которые вообще пользовались такимъ важнымъ значеніемъ во время Крестовыхъ походовъ,—панскій легатъ кардиналъ Пелагій, и вотъ онъ-то высокомерно и отвергъ предложеніе Аль-Камиля. Затѣмъ войско двинулось смѣло вверхъ по Нилу, но дурно предводимое, очутилось разомъ между двухъ бѣдъ — наступающими войсками Аль-Камиля и искусственнымъ наводненіемъ отъ спущенныхъ водъ Нила; по счастью, врагъ крестоносцевъ, Аль-Камиль, оказался настолько умнымъ и великодушнымъ, что не захотѣлъ окончательно погубить крестоносцевъ и удовольствовался договоромъ съ ними, по которому Даміэтта была ему возвращена, весь Египетъ очищенъ отъ крестоносцевъ, и установленъ миръ, который въ теченіе послѣдующихъ восьми лѣтъ былъ только однажды нарушенъ однимъ изъ западныхъ королей, самолично явившимся съ войскомъ въ Палестину (1221 г.).

Фридрихъ и папа.

Царственное яблоко (держава).—Изъ коронаціонной утвари с. р. имперіи; нынѣ хранится въ имп. нар. сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что, послѣ этой неудачи и этого договора, взоры всѣхъ, болѣе чѣмъ когда-либо, обратились на перваго и могущественнѣйшаго изъ вѣнценосцевъ—на Фридриха II, и что въ кругу ревнителей Церкви на него стали негодовать за его медлительность, которой и приписывали эту неудачу. Съ современной точки зрѣнія, однакоже, подобныя обвиненія представляются намъ странными, такъ какъ священнѣйшею обязанностью государя, въ положеніи Фридриха, было, конечно, внутреннее устроеніе тѣхъ странъ, которыя поручены были его управленію. Только въ 1218 г. смерть Оттона IV нѣсколько развязала ему руки: въ Госларѣ, братъ Оттона, пфальцграфъ Генрихъ, передалъ ему царственную утварь. Тогда начались переговоры о коронованіи императорскомъ. Въ одномъ изъ актовъ, данныхъ въ Страсбургѣ въ 1216 г., Фридрихъ обѣщался папѣ Иннокентію, что онъ, тотчасъ послѣ вѣнчанія императорскою короной, передастъ сыну своему Генриху королевство Сицилійское, какъ ланъ Римской Церкви — какъ онъ и самъ имъ владѣлъ — и на время малолѣтства сына назначить туда регентомъ лицо по благоусмотрѣнію папы. Фридрихъ подтвердилъ и папѣ Гонорію III (1220 г.) это обѣщаніе, которое касалось одного изъ насущнѣйшихъ для римской курии вопросовъ; однакоже намекнулъ папѣ, что онъ отъ его «отеческой благости ожидаетъ въ будущемъ отмѣны этого уговора». Въ томъ же году, Генрихъ, уже прежде возведенный въ Швабскіе герцоги, былъ избранъ въ короли:—власть императорская и корона сицилійская были совершенно отдѣлены отъ короны германской. Въ соправители и совет-

Германскій императорскій вѣнецъ.

Corona aurea imperialis.

Германскій императорскій вѣнецъ изъ массивнаго золота, украшенъ большимъ количествомъ восточныхъ жемчужинъ и нешлифованныхъ драгоценныхъ камней. Онъ по формѣ восьмигранный; состоитъ изъ восьми золотыхъ щитковъ, свободно движущихся на шарнирахъ, а внутри скрѣпленныхъ тоненькою желѣзною полоскою. Внутри короны вложена красная бархатная шапочка, которая при каждомъ коронованіи передѣлывалась, сообразно головѣ коронуемаго императора.

Вѣнецъ состоитъ изъ 3-хъ частей: собственно вѣнечнаго обруча, составленнаго изъ 8 округленныхъ сверху щитковъ; изъ латинскаго креста, возвышающагося надъ наибольшимъ среднимъ щиткомъ, и изъ золотой дуги, скрѣпляющей переднюю часть вѣнца съ заднею. Драгоценныя камни, посаженные въ высокихъ гнѣздахъ и окруженные искусною филигранью, представляютъ собою сапфиры, гранаты, смарагды, аметисты и рубины.

Четыре меньшихъ щитка вѣнца заняты библейскими изображеніями, изъ перегородчатой эмали; на нашемъ приложеніи виденъ тотъ щитокъ, на которомъ изображенъ Спаситель, окруженный херувимами, держащій въ одной рукѣ «книгу живота», а другою благословляющій на латинскій образецъ. Выше этого изображенія многозначительная надпись: «*per me reges regnant*» (Мною цари царствуютъ).

Дуга, скрѣпляющая переднюю и заднюю стороны вѣнца, состоитъ также изъ восьми небольшихъ щитковъ и на нихъ изъ мелкихъ жемчужинокъ составлена надпись:

Съ лицевой стороны: CH UON RAD US DEI GR AT IA.

Съ оборотной: RO MA NOR UI MPE RA TOR AUG.

Надпись эта ясно указываетъ, что вѣнецъ этотъ ведетъ свое начало не отъ Карла Великаго, которому его приписывало преданіе. Судя по работѣ, есть основаніе предположить, что это мастерское произведеніе искусства есть дѣло рукъ сарадинско-сицилійскихъ художниковъ XI—XII вѣка. Къ которому изъ Конрадовъ слѣдуетъ отнести этотъ вѣнецъ—къ II или III?—это рѣшить невозможно.

Въ настоящее время, вмѣстѣ съ прочими клейнодами, вѣнецъ хранится въ королевско-императорской сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

Судьбы германскихъ государственныхъ клейнодовъ.

До самаго конца среднихъ вѣковъ, новоизбранный глава царства долженъ былъ, по обычаю, трижды короноваться: однажды—въ Аахенѣ, германскою королевскою короною, на тронѣ Карла Великаго, затѣмъ—въ Монцѣ или Миланѣ, желѣзною короною Ломбардскою, и наконецъ, въ Римѣ, надъ могилою св. Петра—римскимъ императорскимъ вѣнцомъ.

Надо предполагать, что первая царственная утварь явилась при императорах Саксонской династии; при Оттонах же чаще встрѣчаемъ о ней упоминаніе. До временъ Гогенштауфеновъ каждый изъ коронованныхъ монарховъ сохранялъ эту утварь въ особомъ мѣстѣ, избирая для того свою любимую резиденцію или одинъ изъ наиболѣе крѣпкихъ замковъ.

При Фридрихѣ II, во время знаменитой вылазки Пармцевъ и пожара «Викторіи», имъ удалось овладѣть нѣкоторою частью царственной утвари; другая часть ея погибла въ пожарѣ, во время свадьбы коронованнаго Вильгельма Голландскаго, въ Аахенѣ. Первую утрату Фридрихъ II пополнилъ въ Сициліи, чѣмъ и объясняются сарацинскіе орнаменты и надписи на германскихъ государственныхъ клейнодахъ; остальную часть клейнодовъ Ричардъ Кориваллійскій приказалъ привезти къ своему коронованію изъ Англіи.

Съ Рудольфа Габсбургскаго клейноды стали при каждомъ новомъ царствованіи переселяться въ новое хранилище:—хранились и въ Мюнхенѣ, и въ Прагѣ, и въ Богеміи, а при Сигизмундѣ даже и въ Венгріи. Это вызвало недовольство въ средѣ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей и, по ихъ настоянію, въ 1424 г. клейноды были перевезены на храненіе въ Нюрнбергъ.

Здѣсь долго хранились они въ особомъ тайникѣ надъ ризницей въ церкви Св. Духа, ежегодно выставляемые торжественно на поклоненіе всенародному множеству. При каждомъ же вѣнчаніи особое торжественное посольство, состоявшее изъ членовъ городского совѣта, везло ихъ во Франкфуртъ.

Въ 1796 г., французы, подъ командою Журдана, овладѣли беззащитнымъ Нюрнбергомъ и государственные клейноды при этомъ подвергались величайшей опасности. Журдану дано было приказаніе непременно овладѣть ими. Однакоже, они были спасены. Въ ночь передъ вторженіемъ французовъ городскія власти тайно проникли въ тайникъ и приказали вынести всѣ клейноды въ двухъ большихъ корзинахъ. Затѣмъ они были тщательно уложены въ ящики, и ранѣшенько были вывезены изъ города на тѣлѣгѣ, заваленные конскимъ навозомъ. Затѣмъ, долгое время хранились они въ Регенсбургѣ, въ дрянномъ черномъ сундукѣ, засыпанные овсомъ. Только въ 1818 г. клейноды были перевезены въ Вѣну, гдѣ въ 1848 году счастливо избѣгли притязаній революціоннаго правленія, которое черезъ депутацію требовало отправки клейнодовъ во Франкфуртъ, на національное собраніе. Съ той поры они хранятся въ императорской королевской сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

Въ число клейнодовъ входитъ всего 14 предметовъ: 1) *исподняя одежда*, 2) *сандали*, 3) *альба*, 4) *оба пояса*, 5) *стѣла*. 6) *пурпурная тога*, 7) *пурпурная да.мантика съ орлами*, 8) *императорская мантия (pallium)*, 9) *перчатки*, 10) *два скипетра*, 11) *золотое царственное яблоко*, 12) *императорскій вѣнецъ*, 13) *золотой императорскій мечъ*, такъ-называемый Карла Великаго, 14) *мечъ св. Маврикія*.

Восемь остальныхъ предметовъ, входившихъ въ составъ клейнодовъ, какъ напримѣръ, *золотыя шпory и наручи*—утрачены въ концѣ прошлаго столѣтія, во время перевозки этихъ сокровищъ съ мѣста на мѣсто.

ГЕРМАНОИЙ ИМПЕРАТОРОИИЪ ВЪНЕЦЪ "CORONA AUREA".

До 1796 г. хранился, вмѣстѣ съ прочими царственными клейнодами, въ церкви

Св. Духа въ Нюрнбергѣ.

Нынѣ хранится въ Императорской сокровищницѣ въ Вѣнѣ.

ники сыну своему Фридрихъ далъ архіепископа кельвскаго Энгельберта, устроивъ такимъ образомъ государственное управленіе на все время своего предстоящаго отсутствія. И папѣ также съ особою настойчивостью указывалъ онъ на то, что и не помышляетъ о сліянніи императорской власти съ обладаніемъ короною сицилійскою, да и за приготовленія къ Крестовому походу принялся, повидному, весьма серьезно. Но не слѣдуетъ забывать, что Фридрихъ былъ тонкимъ, прирожденнымъ дипломатомъ, да и рано успѣлъ при папскомъ же дворѣ пройти хорошую школу лицемѣрія. И вотъ онъ отправился въ Италію, въ ноябрѣ того же года былъ коронованъ въ Римѣ императорскою короною, вмѣстѣ со своею супругою Констанціей, и возобновилъ обѣтъ крестовосца; папа выказалъ себя вполне къ нему благосклоннымъ, тѣмъ болѣе, что Фридрихъ весьма охотно вызвался оказать духовнымъ судамъ помощь со стороны свѣтской власти въ борьбѣ съ еретиками. Затѣмъ онъ послалъ подкрѣпленія въ Египеть, которая прибыла какъ разъ въ то время, когда разразилась Нильская катастрофа, а самъ отправился въ Сицилійское королевство и тамъ твердою рукою возстановилъ совершенно-распавшійся порядокъ, сдѣлалъ или, по крайней мѣрѣ, подготовилъ кое-какія немаловажныя преобразованія во внутреннемъ строѣ королевства, и ревностно приказалъ собирать деньги на предстоящій Крестовый походъ. Папѣ это не понравилось; однакоже, Фридрихъ, въ угоду ему, повоевалъ съ Сарацинами въ Сициліи, а въ слѣдующемъ 1223 г. даже далъ нѣкотораго рода ручательство въ томъ, что онъ непременно приведетъ въ исполненіе намѣченный имъ Крестовый походъ:—такъ какъ супруга его Констанція въ 1222 г. скончалась, то онъ помолвился съ Изабеллою, дочерью короля Іоанна Іерусалимскаго.

И вотъ вновь начались всюду—въ Англіи, во Франціи, въ Германіи—проповѣди, призывавшія всѣхъ къ участию въ Крестовомъ походѣ. Въ Германіи, по порученію самого Фридриха, дѣйствовалъ въ этомъ же духѣ его другъ, гротмейстеръ нѣмецкаго ордена, Германъ фонъ-Зальца: на этотъ разъ едва-ли даже замедленіе похода происходило по винѣ императора, такъ какъ походъ этотъ представлялъ ему даже нѣкоторыя выгоды. Повидному, и самъ папа признавалъ это, потому что въ 1225 г. даже заключилъ съ Фридрихомъ уговоръ, по которому выступленіе въ походъ было отложено, самое позднее, на 1227 г.;—въ случаѣ же, если бы это выступленіе и тогда не состоялось, то и ему, и всему его царству грозило отлученіе отъ Церкви. Ближайшіе два года Фридрихъ непрерывно пребывалъ въ Италіи. Ему удалось установить твердую власть въ его Сицилійскомъ королевствѣ и противопоставить тамъ прочную правительственную организацію феодальной анархіи; въ 1226 г. онъ уже почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что, по его предположенію, могъ уже отнестись какъ полновластный владыка и императоръ къ притязаніямъ могущественныхъ ломбардскихъ городскихъ автономій. Тѣмъ временемъ архіепископъ Энгельбертъ Кельвскій былъ убитъ однимъ изъ своихъ родственниковъ и на его мѣсто, въ соправители и руководители къ королю Генриху, избранъ былъ герцогъ Лудвигъ Баварскій. Не легко было ему справиться съ этимъ молодымъ человѣкомъ, упрямымъ, капризнымъ, расточительнымъ, живо напоминавшимъ продѣлками своими юность Ген-

риха IV; и точно такъ же, какъ тотъ, онъ тоже противъ своей воли былъ повѣнчанъ съ австрійской принцессой. По приказанію императора, онъ двинулъ было изъ Германіи войска къ Равеннѣ, но равенны и ихъ союзники преградили дорогу юному королю, и онъ долженъ былъ вернуться съ войскомъ въ Германію. Такъ какъ предстоявшій въ близкомъ будущемъ Крестовый походъ не давалъ возможности Фридриху вступить въ долгую и трудную борьбу съ ломбардскими городами, то онъ принялъ посредничество папы и при его помощи вступилъ съ ними въ соглашеніе. Фридрихъ надѣялся, подъ предлогомъ Крестоваго похода и искорененія еретичества, усилить свою власть въ Ломбардіи; но, на основаніи соглашенія, города обязались только поставить въ войско императора 400 рыцарей и соблюдать между собою миръ.

Статуя Фридриха II,

которая еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ стояла около римскихъ воротъ въ Капуѣ, затѣмъ была сброшена, и теперь, изувѣченная, хранится въ Капуанскомъ музеѣ.

Правильное продовольствіе этой громадной массы людей не было въ достаточной степени обезпечено; имъ было даже негдѣ укрыться отъ палящихъ лучей солнца, и вотъ между ними открылись повальныя болѣзни, отъ которыхъ ряды воиновъ Христовыхъ стали быстро рѣдѣть. Однакоже, главная масса войска, въ началѣ сентября, отплыла въ море, въ видѣ довольно значительной флотиліи. Нѣсколько дней спустя, за войскомъ послѣдовалъ и самъ императоръ съ ландграфомъ Лудвигомъ Тюрингенскимъ; однакоже, имъ недолго пришлось пробыть въ морѣ: они оба отплыли въ дальній путь не совѣтъ здоровые, поэтому вернулись на берегъ и высадились въ Отранто, гдѣ ландграфъ и умеръ нѣсколько дней спустя.

При полученіи извѣстія о возвращеніи Фридриха, папа, давно уже относившійся къ нему весьма недовѣрчиво, прогнѣвался на него жестоко. Онъ тотчасъ же успѣшилъ отлучить императора отъ Церкви, не принимая во вниманіе и не выжидая его оправданій, и немедленно возвѣ-

Въ мартѣ 1227 г. Гонорій умеръ. Его преемникъ Григорій IX, 80-лѣтній старикъ, отнесся къ Крестовому походу съ величайшею ревностью и всѣми силами старался ускорить отправленіе въ походъ императора, который между тѣмъ успѣлъ обвѣнчаться съ наслѣдницею Иерусалимской короны и дѣйствительно уже былъ готовъ приступить къ походу. Большими толпами стали собираться весною и лѣтомъ 1227 г. всѣ крестоносцы (преимущественно Нѣмцы и Итальянцы) въ окрестностяхъ Брундузіума, мѣста отплытія. Пра-

Григорій IX
и импера-
торъ.

стиль всему христіанскому міру въ окружномъ посланіи о своемъ безумномъ поступкѣ. Фридрихъ, со своей стороны, тоже отвѣчалъ на это такимъ же окружнымъ посланіемъ, въ которомъ заявлялъ, что отнимаетъ у куріи всѣ области, уступленныя ей, какъ имъ самимъ, такъ и Оттономъ IV. Со стороны папы посыпались новыя проклятія; онъ разрѣшилъ крестоносцевъ отъ связывавшаго ихъ обѣта и еще разъ подтвердилъ отлученіе отъ Церкви императора, распространявшееся и на всѣ тѣ мѣстности, которыя бы онъ избралъ для своего пребыванія. А между тѣмъ Фридрихъ, еще на нѣкоторое время задержанный неожиданною кончиною своей супруги Изабеллы, преспокойно закончилъ свои приготовленія къ походу и отплылъ изъ Брундузіума въ концѣ іюня 1228 г.

2. 1228—1245.

Этотъ *пятый* Крестовый походъ, предпринятый отлученнымъ отъ Церкви императоромъ, отличался отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ основѣ дѣйствій главнаго его вождя мы видимъ не слѣбое религиозное рвеніе, не безумное мужество, а весьма спокойныя и разумныя политическія соображенія. Императоръ воспользовался раздоромъ султана Египетскаго съ Дамаскскимъ, и, еще до отправления своего въ походъ, уже вступилъ съ Аль-Камилемъ въ дружественныя сношенія. Высадившись въ Сиріи, Фридрихъ собралъ во-едино разрозненныя силы христіанъ (Тампліеры и Госпиталиты вначалѣ отказывались дѣйствовать съ ними за-одно), и затѣмъ, не предпринимая никакихъ военныхъ дѣйствій, заключилъ съ Аль-Камилемъ договоръ, который, по отношенію къ Св. Мѣстамъ, заключалъ въ себѣ все, что для христіанъ могло имѣть дѣйствительное значеніе. Султанъ возвратилъ всѣхъ христіанъ-плѣнниковъ, уступилъ императору городъ Іерусалимъ въ полную собственность, а къ нему въ придачу и другія Св. Мѣста, какъ, напр., Вифлеемъ и Назаретъ. Все побережье моря, отъ Бейрута на сѣверѣ до Іонпе на югѣ, осталось во владѣніи королевства Іерусалимскаго, такъ что каждый, высадившійся въ одной изъ этихъ гаваней, могъ спокойно направиться въ Іерусалимъ и, по совершеніи обѣта, такъ же спокойно вернуться оттуда въ отечество. За то и мослемитамъ также предоставлена была въ Іерусалимѣ мечеть Омара съ ея околоткомъ, въ которой они должны были сходиться на молитву безоружные, и никому изъ христіанъ въ тотъ околотокъ входить не дозволялось. 17 марта Фридрихъ вступилъ въ Іерусалимъ, гдѣ всѣ его радостно привѣтствовали.

Принявъ всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія и утвержденія своихъ мирныхъ завоеваній, самъ Фридрихъ пустился въ обратный путь и въ іюнь 1229 г. вновь вступилъ на почву Апуліи. А между тѣмъ папа всѣми силами старался вредить императору, возбуждая противъ него его враговъ, разрѣшая его подданныхъ отъ данной имъ присяги, и даже прямо собралъ войско для борьбы съ нимъ; но, конечно, Фридрихъ очень скоро доказалъ папѣ, что ему не подъ силу бороться съ императоромъ. Послѣ краткаго промежутка военныхъ схватокъ и сшибокъ, обѣ стороны предпочли примириться. Примиреніе, при посредствѣ германскихъ князей, соверши-

Пятый Крестовый походъ. 1228 г.

Возвращеніе Фридриха.

Свиданіе въ
С.-Джерма-
но.

лось въ *Санъ-Джермано* (1230 г.). Императоръ далъ полную амнистію всѣмъ приверженцамъ папы, поднявшимъ за него оружіе; папа, въ свою очередь, снялъ отлученіе съ императора и всѣхъ его сторонниковъ и призналъ, что Фридрихъ, участіемъ въ Крестовомъ походѣ, выполнилъ свой обѣтъ. Нѣсколько времени спустя папа свидѣлся лично съ Фридрихомъ въ Ананьи; они долго бесѣдовали между собою наединѣ (однѣмъ только Германъ фонъ-Зальца присутствовалъ при этой бесѣдѣ), и, повидимому, вынесли изъ этого свиданія обоюдно-пріятныя впечатлѣнія.

Италія, послѣ Санъ-Джерманскаго договора, продолжала, попрежнему, привлекать главнымъ образомъ вниманіе Фридриха II. Управленіе Германіею онъ выполнѣ предоставилъ своему сыну Генриху, хотя между отцомъ и сыномъ не было ничего общаго. Замѣчательно, что и въ Германіи, въ этотъ періодъ, городскою бытъ сталъ быстро развиваться, хотя и не въ той формѣ, какъ въ Ломбардіи, однакоже, несомнѣнно въ связи съ тѣмъ, что пронеходило въ городахъ ломбардскихъ; мало-по-малу отношенія этихъ городовъ къ мѣстнымъ владѣтельнымъ князьямъ и соблюденіе *общаго мира* какъ важнѣйшаго *государственного принципа*, явились важнѣйшими задачами современной внутренней политики. «Общій миръ» не считался нарушеннымъ частными распрями (*faida*) отдѣльныхъ владѣльцевъ, которые не были лишены права воевать между собою; а такъ какъ въ подобныхъ междоусобіяхъ не было недостатка, то одинъ городъ за другимъ сталъ испрашивать себѣ или присвоивать право постройки укрѣпленій, и простонародье всюду привыкло видѣть въ этихъ огражденныхъ стѣнами городахъ наиболѣе желательныя и надежныя убѣжища. Эти городскія общины постепенно освободились отъ непосредственнаго вліянія ланнаго управленія, и хотя всѣ онѣ развивались въ томъ же направленіи, однакоже, во внутреннемъ своемъ строѣ представляли великое разнообразіе.

Немаловажно было также и то, что около этого времени происходило на С. Одинъ изъ завислянскихъ владѣтельныхъ князей, *Конрадъ Мазовецкій*, состоялъ въ постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ языческимъ племенемъ Прусовъ (или Боруссовъ), заселявшимъ низовья Вислы и морское побережье и безпрестанно производившимъ опустошительныя набѣги на его владѣнія. Посовѣтовавшись со своими вельможами и епископами, Конрадъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи «рыцарей чернаго креста», и отправилъ посольство къ грессмейстеру нѣмецкаго ордена Герману фонъ-Зальца, дружившему и съ императоромъ, и съ папой. Грессмейстеръ заручился у императора большими привилегіями

Нѣмецкій орденъ въ Пруссіи.

Оаксъ-поселенець и плѣнный вандъ.

Отличительною чертою перваго является его широкій ножъ (*sahs*); второй отличается своею бѣлою одеждою и въ особенноти обувью съ оборамн; эта часть одежды считалась принадлежностью изычства и потому строго была воспрещена рыцаримъ ордена. Изъ современной ркп. (*Sachsenspiegel*), хранящейся въ Гейдельбергѣ.

ми по отношенію къ той странѣ, которую собирался присвоить ордену, а затѣмъ отправилъ нѣсколькихъ «братъевъ», чтобы ближе ознакомиться съ страной и заключить съ княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ необходимыя предварительныя условія. Только уже въ 1226 г. начата была постройка перваго замка (Фогельзанкъ) на новой территоріи, занятой рыцарями, и въ томъ замкѣ поселено весьма небольшое количество рыцарей и служилыхъ людей.

До какой степени уже успѣла около этого времени развиться самостоятельность отдѣльныхъ сословіи и городскихъ общинъ, доказывается отчасти тѣми событіями, которые произошли въ первой четверти XIII вѣка на границѣ Германіи и Даніи. Дѣло въ томъ, что въ 1214 г., во время еще неоконченной борьбы Фридриха съ Оттономъ IV, Фридрихъ, формальнымъ актомъ, даннымъ въ Мецѣ, уступилъ все земли на С.-В., между Эльдой и Эльбой, до самаго моря, королю Датскому Вальдемару II. Но мѣстные владѣтельные князья и богатые пограничные города были недовольны уступкою такого обширнаго и богатаго участка государственной территоріи королю Датскому. Завязалась борьба на границѣ и закончилась въ 1227 году тѣмъ, что цѣлая коалиція сѣверо-германскихъ князей и городовъ (епископъ Бременскій, герцогъ Саксонскій, графы Шауенбургскій и Шверинскій, граждане Бремена и Любека и даже дитмарскіе крестьяне) нанесли Вальдемару II тяжкое поражение и заставили его отказаться отъ уступленной ему территоріи. Вскорѣ послѣ того городу Любеку удалось добиться отъ императора такого акта, по которому ему даны были большія вольности: по этому акту, городъ поставленъ былъ только въ личную зависимость отъ императора, и его изображеніе чеканилось на любекскихъ монетахъ.

Отношенія
къ Даніи.

Вообще говоря, Фридрихъ II оказывалъ покровительство городамъ и благоприятствовалъ развитію тѣхъ изъ нихъ, на которые онъ могъ вліять непосредственно. Въ этомъ отношеніи его германская политика совершенно отличалась отъ той, которой онъ придерживался въ своемъ Сицилійскомъ королевствѣ; въ Германіи правилъ сынъ его, Генрихъ, и между сыномъ и отцомъ готовилось столкновеніе. Генрихъ былъ окруженъ дворомъ, въ которомъ знать пользовалась преобладающимъ вліяніемъ; ему подчинялся и самъ Генрихъ и, сообразно съ этимъ, заботился исключительно объ удовлетвореніи крупныхъ владѣтельныхъ князей, пренебрегая интересами другихъ сословіи и городовъ. На сеймѣ въ *Вормсѣ* (1231 г.) права этихъ *владѣтельныхъ князей* (*domini terrae* — какъ они впервые были здѣсь наименованы) были значительно расширены, а городамъ строжайше воспрещено вступать между собою во всякіе союзы, коалиціи и конфедераціи; равно воспрещено имъ давать у себя убѣжище такимъ гражданамъ, которые не имѣютъ осѣдлости въ самомъ городѣ и «состоятъ въ какой бы то ни было зависимости отъ князей, знатныхъ людей, министріаловъ или церквей».

Императоръ
Фридрихъ и
города.

Соотвѣтственно этому, въ слѣдующемъ 1232 г. самъ императоръ, на сеймѣ въ *Равеннѣ*, принялъ также мѣры для поддержанія своей власти и значенія. Въ силу новыхъ положеній Равеннскаго собора, въ епископскихъ городахъ все управленіе было вновь передано въ руки духовныхъ

Равеннскій
сеймъ.

владѣтельныхъ сановниковъ: всѣ старшины городскихъ общинъ, совѣтники и власти, которыя были избраны и поставлены гражданами безъ одобренія епископскаго, были признаны незаконными, всѣ братства и сообщества, слѣдовательно и цехи, въ которые сплотились ремесленники, уничтожены. Этимъ путемъ Фридрихъ старался закрѣпить свою связь съ крупными владѣтельными князьями и епископами, сознавая, что они еще представляютъ грозную силу, а городской элементъ населенія еще не настолько успѣлъ окрѣпнуть, чтобы на него можно было опереться. По отношенію къ ломбардскимъ городамъ, которымъ эти реакціонныя законоположенія не могли нравиться, Фридрихъ старался обезпечить себя тѣснѣйшимъ сближеніемъ съ папою, въ угоду которому издалъ необычайно жестокій законъ противъ еретичества. Сама Церковь, правда, не проливала крови: ея судьи только разслѣдовали и произносили приговоръ, а затѣмъ передавали виновнаго въ руки мірской власти. Тотъ, кто изъявлялъ готовность возвратиться въ «лоно единой Церкви», обрекался только на вѣчное заточеніе, но вообще за еретичество назначалась смертная казнь; а дабы искоренить самые зачатки «еретической заразы» въ Германіи, по Равенскимъ законоположеніямъ, направленнымъ противъ ересей—и укрыватели, и покровители еретиковъ подвергались одинаковой съ еретиками смертной казни, и даже дѣти и внуки еретиковъ лишались всякихъ правъ своихъ на лѣны, должности и почести. Только одно исключеніе изъ этого правила допускалось этими варварскими законоположеніями: имъ не подлежали только тѣ дѣти еретиковъ, которыя сами учили своихъ родителей въ еретичествѣ. И эти законоположенія—увы!—вполнѣ соотвѣтствовали духовнымъ потребностямъ современной дѣйствительности! Не только въ Италіи и Южной Франціи, но и въ Германіи уже проявлялась готовность яростно преслѣдовать мнимыя отступленія отъ догматовъ Церкви, и гессенскій монахъ-францисканецъ, Конрадъ Марбургскій, уже странствовалъ всюду, пламенно проповѣдуя гибель еретикамъ. Онъ былъ всецѣло поглощенъ своею религіозною миссіей: ни корысть, ни вышнія почести его не привлекали—онъ стремился только къ тому, чтобы какъ можно болѣе еретиковъ увидѣть на пылающихъ кострахъ. Само собою разумѣется, что при подобномъ яростномъ преслѣдованіи еретичества, ни о какой справедливости не могло быть и рѣчи. Сердца судей были недоступны никакому чувству: они смотрѣли очами и не видѣли ничего, кромѣ того, что представлялось въ воображеніи ихъ фанатизму:—по ихъ воззрѣніямъ, каждый, обвиненный въ еретичествѣ, былъ уже въ немъ виновенъ; не принималось во вниманіе даже то, что обвиненіе нерѣдко могло исходить отъ зависти, ненависти и своекорыстныхъ расчетовъ обвинителя. Самъ Конрадъ, ослѣпленный своимъ безумнымъ рвеніемъ, не обращалъ ни на что вниманія, не затруднялся никакими личными отношеніями, пока, наконецъ, не вызвалъ противъ себя взрывъ отчаянія: невдалекѣ отъ Марбурга, этотъ изувѣръ былъ убитъ во время народнаго смятенія. Въ какой степени и какъ быстро эта борьба противъ ересей извращала всѣ нравственныя воззрѣнія,—это доказываетъ намъ война противъ *Штедингцевъ*, поселянъ, жившихъ къ западу отъ низовьевъ Везера. Они просто отказались отъ выполнения нѣкоторыхъ обязательствъ своихъ по отношенію къ графу

Ольденбургскому и архіепископу Бременскому: тогда нашли, что они отрекаются от повиновенія папской власти. На мѣстномъ соборѣ этихъ несчастныхъ обвинили въ ереси и противъ нихъ пошли Крестовымъ походомъ. Штедингцы, пользуясь благоприятными условиями мѣстности, защищались отчаянно. Наконецъ, въ 1234 г. противъ нихъ было двинуто сильное рыцарское войско, предводимое герцогомъ Брабантскимъ и графомъ Голландскимъ; оно-то и привело въ исполненіе приговоръ собора надъ несчастною страной, истребивъ все населеніе, «безъ различія пола и возраста».

Послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія, императоръ былъ, наконецъ, вынужденъ вернуться въ Германію, потому что сынъ его Генрихъ, давно уже не ладившій съ отцомъ, поднялъ тамъ противъ него знамя бунта. Поводомъ или предлогомъ къ возстанію послужило то особенное расположение, которое отецъ выказывалъ младшему сыну своему, Конраду (отъ второго брака), а также и неудовольствіе, высказанное Фридрихомъ по поводу нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣропріятій сына. Тотъ, какъ мы уже видѣли выше, опирался главнымъ образомъ на министеряловъ, на низшее дворянское сословіе, которое со временъ Генриха IV и при быстромъ возрастаніи могущества князей утратило всякое значеніе. При этомъ онъ выказывалъ себя также сторонникомъ городскихъ общинъ и вступилъ въ сношенія съ ломбардскими городами; и, вообще говоря, его манифестъ, объявлявшій во всеобщее свѣдѣніе о его разрывѣ съ отцомъ, былъ встрѣченъ сочувственно многими недовольными. Но сочувствіемъ все дѣло и ограничилось. Едва только императоръ Фридрихъ явился въ Германію,—попытка Генриха оказалась совершенно тщетною. Отецъ его справился съ возмущеніемъ даже не принимаясь за оружіе. Сынъ, по зову отца, явился въ Вормсъ, въ іюль 1235 года, былъ посаженъ въ заточеніе, пытался бѣжать, и потомъ былъ отправленъ отцомъ въ Апулію, гдѣ вскорѣ послѣ того (1242 г.) и умеръ въ заточеніи, на 31 году. Это грустное семейное событіе немало не помѣшало императору Фридриху извлечь изъ своего пребыванія въ Германіи возможную пользу: онъ вступилъ въ третій бракъ съ англійской принцессой Изабеллой, сестрою короля Генриха III. Встрѣча нареченной невѣсты въ Кельнѣ и свадебное пиршество въ Вормсѣ сопровождалось празднествами и блестящими рыцарскими турнирами (въ іюль 1235 г.).

Нѣсколько недѣль спустя, духовные и свѣтскіе сановники собрались въ *Майнцъ* на сѣздъ. Здѣсь, весьма подробнымъ законодательнымъ актомъ былъ установленъ *повсемѣстный миръ*, по которому и частное право войны, между отдѣльными владѣтельными лицами, было значительно ограничено: къ насилію могъ прибѣгать лишь тотъ, кто, предварительно заявивъ о своемъ требованіи судѣ, не получить удовлетворенія по закону; тогда онъ, «среди бѣла дня», долженъ предъявить свою претензію противнику, и затѣмъ еще четыре дня подъ-рядъ обѣ стороны, въ ожиданіи мирнаго исхода дѣла, должны воздерживаться отъ всякаго насилія. Нарушеніе договора, скрѣпленнаго присягою, наказывалось отсѣченіемъ правой руки. Учрежденъ былъ для разбора тяжбъ постоянный трибуналъ, съ короннымъ судьей во главѣ; этотъ судья (*justiciarius curiae*) разбираетъ тяжбы отъ имени императора и его рѣшенія заносятся *нотаріусомъ*

Фридрихъ
въ Германіи.
1235.

Майнцскій
повсемѣст-
ный миръ.

Изображеніе фрисландскихъ поселянъ, относящееся къ

Представители семи фрисландскихъ сельскихъ округовъ, подчиненныхъ юрисдикціи собора: дары состоятъ въ сырѣ, маслѣ и домашнихъ животныхъ. Кольнопрекло- какъ одно изъ немногихъ изображеній быта и

въ книгу, дабы они могли, въ подобныхъ же случаяхъ, служить руко- водствомъ для разбирательства; императоръ удерживаетъ за собою право личного разбирательства особенно важныхъ дѣлъ и тяжбъ между «высокопоставленными лицами». Такимъ образомъ было положено первое начало въ основу будущаго государственнаго права и сборника его законоположеній.

Примиреніе съ Вельфами.

На томъ же самомъ сеймѣ удалось устроить и примиреніе съ Вельфскимъ домомъ. Наслѣдникомъ Генриха, послѣдняго изъ сыновей Генриха Льва, былъ его племянникъ *Оттонъ Люнебургскій*: Фридрихъ образовалъ новое герцогство изъ Брауншвейга, Люнебурга, Гослара и нѣкоторыхъ другихъ областей, сдѣлалъ его наслѣдственнымъ по мужскому и женскому колену, и отдалъ его въ лѣтъ Оттону. На слѣдующій день Фридрихъ задалъ всѣмъ князьямъ и рыцарямъ пиръ и шумный, богатѣйшій праздни- къ и тѣмъ самымъ расположилъ ихъ окончательно къ благопріятному рѣшенію еще одного, послѣдняго, вопроса на этомъ важномъ сеймѣ: къ принятію участія въ общемъ походѣ противъ тѣхъ ломбардскихъ горо- довъ, которые дерзнули вступить въ союзъ противъ него, за-одно съ его мятежнымъ сыномъ.

Фридрихъ въ Италиі.

Противъ Италиі теперь излилась вся злоба и ненависть Фридриха; этими чувствами проникнуть былъ и тотъ манифестъ, въ которомъ за- являлось о началѣ военныхъ дѣйствій противъ федераціи ломбардскихъ городовъ. Онъ признаетъ «особый Божественный Промыслъ въ томъ, что ему удалось подчинить своей власти королевство Иерусалимское, ко- ролество Сицилійское и умиротворить господствующую надъ остальными

половинѣ XIII вѣка. Фреска Мюнстерскаго собора.

Мюнстерскаго епископа, приносятъ дары Св. Павлу, какъ покровителю Мюнстерскаго пенные старшины подносятъ лукошки съ золотыми монетами.—Фреска замѣчательна, одежды пѣмещихъ поселая этого періода.

(*praepotens*) странами Германію; и вотъ теперь только эта середина Италиі (*illud Italiae medium*), хотя и отовсюду окруженная его могуществомъ, противится воссоединенію своему съ имперіей». По всему видно, что онъ имѣлъ вполне ясное представленіе о томъ, что мы теперь называемъ «монархическимъ принципомъ», а въ своемъ письмѣ къ французскому королю онъ настолько же ясно высказываетъ и свои понятія о солидарности монархическихъ интересовъ, порицая его «высокомѣріе и избытокъ (*luxuria*) извѣстнаго рода суетныхъ представленій о свободѣ», которую города ломбардскіе будто бы предпочитаютъ спокойному и мирному положенію, и по этому поводу высказываетъ королю, что намѣренъ «искоренить это чужее растеніе», которое начинаетъ уже распространяться и по инымъ, сосѣднимъ странамъ.

Фридрихъ обладалъ умомъ яснымъ и положительнымъ и безъ сомнѣнія былъ изъ всѣхъ германскихъ императоровъ наименѣе способнымъ къ какому бы то ни было идеалистическимъ теоріямъ и фантастическимъ планамъ. Такое настроеніе его ума и практической дѣятельности лучше всего проявляется въ томъ внутреннемъ устройствѣ, которое онъ далъ своему Сицилійскому королевству. И дѣйствительно, въ этой странѣ, раздираемой анархическими стремленіями, онъ сумѣлъ учредить правильно построенное государство, дать общую и притомъ весьма основательную форму правленія для весьма разнообразныхъ народностей, жившихъ рядомъ на территоріи этого королевства. Феодалныя власти онъ лишилъ всякаго значенія. Никому не было дозволено носить оружіе, кромѣ королевскихъ чиновниковъ и ихъ служащихъ. Все королевство было подѣлено

Внутреннее устройство Сицилійскаго королевства.

на 9 провинцій, съ сословными собраниями и правомъ обложенія податями, съ благоустроенными финансами; королевскіе чиновники вѣдаютъ правосудіемъ: суды есть во всѣхъ провинціяхъ свои, особые, и одинъ общій для всѣхъ провинцій, высшій королевскій судъ, съ главнымъ королевскимъ судьей во главѣ (*magnus justiciarius curiae regis*); варварскій обычай судебныхъ поединковъ въ Сицилійскомъ королевствѣ былъ уничтоженъ; лицамъ, желавшимъ получить государственныя должности или даже заняться частною дѣятельностью, болѣе или менѣе отвѣтственною (напр. медицинской практикой), доступъ къ подобной дѣятельности былъ открытъ только при посредствѣ государственнаго экзамена, а необходимыя для этого свѣдѣнія можно было получать въ *Салерно* или въ новоучрежденномъ (1224 г.) университетѣ *Неаполитанскомъ*. За порядкомъ и общественною безопасностью наблюдала хорошо организованная и строгая полиція; а постоянное, и притомъ весьма преданное Фридриху, войско было имъ создано изъ имъ же покоренныхъ сицилійскихъ Мослемитовъ, и это войско было особенно важно для него тѣмъ, что не способно было пугаться самага страшнаго изъ современныхъ орудій — того отлученія отъ Церкви, и тѣхъ проклятій, на которыя папы въ послѣднее время были такъ щедры по отношенію къ императорамъ.

Походъ противъ Фридриха Австрийскаго.

Уже на походъ въ Италію Фридрихъ вынужденъ былъ показать примѣръ строгости на одномъ изъ нарушителей «общаго мира», установленнаго на Майнцкомъ сеймѣ. Противъ герцога Австрийскаго, Фридриха Строптиваго, который знать не хотѣлъ законоположеній этого сейма, былъ произнесенъ приговоръ изгнанія и выполнение приговора возложено на враждебныхъ ему сосѣдей, короля Венцеслава I Чешскаго и герцога Баварскаго. Въ Италіи, гдѣ внутренніе раздоры никогда не прекращались, Фридрихъ очень ловко воспользовался ими, поручивъ на первое время веденіе борьбы противъ ломбардскихъ городовъ (Милана, Брешии, Мантуи, Болоньи, Падуи, Виченцы, маркграфу д'Эсте и Бонифаціи Монферратскаго) своимъ приверженцамъ и союзникамъ итальянскимъ; а самъ, съ главными силами, обратился противъ Австріи, чтобы поскорѣе покончить начатую тамъ войну. Онъ прибылъ въ Вѣну, которая уже въ 1236 году открыла свои ворота императорскимъ войскамъ; принятый населеніемъ весьма торжественно, онъ оставался въ Вѣнѣ ровно три мѣсяца, собралъ здѣсь съѣздъ князей, которые избрали его 9-ти-лѣтняго сына Конрада въ «короли Римскіе и будущіе императоры»; затѣмъ Австрію, Штирію и Крайну присоединилъ къ имперіи, а Вѣну причислилъ къ городамъ имперскимъ и наградилъ ея населеніе такими вольностями и привилегіями, какими немногіе города пользовались въ имперіи. Въ довершеніе всего, въ Вѣнѣ основанъ былъ университетъ для воспитанія мѣстнаго юношества. Послѣ этого, управленіе государствомъ было передано въ руки архіепископа Сигфрида Майнцакаго, какъ «архиканцлера и прокуратора священной Римской Имперіи,» а самъ императоръ направился въ Италію, гдѣ, послѣ тщетной попытки завязать переговоры, въ декабрь 1237 года, онъ нанесъ рѣшительное пораженіе ломбардской федераціи при *Кортенуово* на р. Огліо. Ломбарды потеряли убитыми около 10.000 человекъ; а на отбитой у нихъ повозкѣ со знаменемъ былъ

Битва при Кортенуово. 1237.

привезенъ въ Кремону взятый въ плѣнъ подеста главенствующаго города Милана.

Быть-можетъ, теперь именно удобнѣе всего было бы заключить миръ на снисходительныхъ условіяхъ. Но Фридрихъ придалъ слишкомъ большое значеніе своему успѣху и потребовалъ безусловнаго повиновенія. Дѣйствительно, города сдавались ему одинъ за другимъ; войско у него было собрано сильное и многочисленное; въ немъ были и англійскіе, и французскіе, и испанскіе рыцари,—и съ этою силою Фридрихъ надѣялся окончательно сломить то сопротивленіе, которое еще оказывали ему нѣкоторые города. Однакоже походъ 1238 года закончился неудачою: Фридрихъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ напрасно осаждалъ Брешию и наконецъ вынужденъ былъ снять осаду; и первымъ слѣдствіемъ этой неудачи было то, что его войско стало быстро рѣдѣть, такъ какъ его покинули всѣ тѣ, которые разсчитывали на побѣду и добычу. А тутъ и папа поднялся противъ императора. Давно уже недовольный самовольными распоряженіями Фридриха, папа окончательно разгнѣвался, когда Фридрихъ отдалъ одному изъ своихъ побочныхъ сыновей *Сардинію*, которую папа считалъ леномъ Св. Петра. И когда Фридрихъ оставилъ безъ вниманія всѣ жалобы папы, представленныя ему папскимъ легатомъ въ Кремонѣ,—тогда папа Григорій IX, въ обширномъ окружномъ посланіи, отлучилъ императора отъ Церкви, «предавъ сатанѣ его тѣло на погибель, дабы спасти—если возможно—его душу».

И вотъ началась горячая распря:—обѣ стороны во время ея непрерывно обмѣнивались посланіями и противупосланіями, и въ этой полемикѣ впервые проступили наружу такія идеи, о которыхъ въ прежнее время не было и помину. Въ своемъ отвѣтѣ на окружное посланіе, которому Фридрихъ также придалъ форму циркулярной ноты ко всѣмъ христіанскимъ державамъ, онъ требовалъ общаго собора, на которомъ и онъ бы могъ предъявить со своей стороны имѣющіяся у него противъ папы обвиненія; при этомъ онъ взываетъ ко всѣмъ государямъ, приглашая и ихъ быть съ нимъ за-одно, такъ какъ въ лицѣ его, императора Римскаго, всѣмъ имъ нанесена обида. Папа отвѣчалъ на эту императорскую ноту новымъ посланіемъ, въ которомъ взводилъ на Фридриха всякія небывшія. Такъ, напр., сравнивая его личность съ «чумною заразою», онъ обвиняетъ его въ страшномъ богохульствѣ и отрицаніи основныхъ христіанскихъ догматовъ; а затѣмъ взводитъ на него и такое—весьма опасное по тому времени—обвиненіе: будто человѣкъ не долженъ ничему вѣрить, чего не можетъ разслѣдовать путемъ неотразимыхъ умозаключеній естественнаго разума. Для характеристики этого времени важно уже и то, что подобныя идеи тогда были высказаны: это несомнѣнно доказываетъ, что вѣрованье въ церковное ученіе начинало колебаться во многихъ умахъ, и надо предполагать, что подобныя колебанія были до нѣкоторой степени слѣдствіемъ Крестовыхъ походовъ, во время которыхъ крестоносцы успѣли ознакомиться съ мухамеданскими вѣрованіями, суевѣріями и даже невѣріемъ и сравнить все это со своими религіозными понятіями и воззрѣніями. Точно-ли позволялъ себѣ Фридрихъ высказывать мысли, навязываемыя ему второй папской энцикликой,—мы этого не зна-

Новая борьба между папою и императоромъ.

емъ, хотя знасмъ, что онъ, какъ человекъ живой, любилъ споры и въ спорѣ, среди кружка довѣренныхъ лицъ, у него могли срываться иногда и весьма смѣлыя фразы. Даже и строгое преслѣдованіе ересей, установленное имъ, не служило доказательствомъ въ его пользу, такъ какъ мы знаемъ, что во все времена люди высокопоставленные допускали по отношенію къ себѣ такое свободомысліе и свободоязычіе, за проявленіе котораго строго взыскивали съ людей имъ подчиненныхъ и ниже стоявшихъ въ общественномъ положеніи. Однакоже Фридрихъ не замедилъ отвѣтомъ и на вторую энциклику, на «эти басни лже-намѣстника Христова»,—и отвѣтилъ сильно и энергично. Оказалось, что папское отлученіе на этотъ разъ вообще произвело на общество впечатлѣніе весьма слабое; попытка создать коалицію противъ Фридриха, среди преданныхъ нагъ нѣмецкихъ князей, не удалась. Германскіе прелаты старались всѣми силами дѣйствовать примирительно: притомъ и *гисселиты* (партія императора) всюду въ Италіи торжествовали надъ врагами Фридриха. Самъ императоръ въ началѣ 1240 года былъ уже недалеко отъ Рима. Переговоры не привели ни къ чему, такъ какъ папа потребовалъ, чтобы и «ломбардскіе мятежники» включены были въ условія общаго мира; въ виду такой неудачи онъ созвалъ въ Римѣ общій соборъ и сталъ высматривать между князьями такое лицо, которое бы онъ могъ, въ качествѣ претендента на престолъ, противопоставить Фридриху. Но и тутъ папѣ не посчастливилось. Графъ Робертъ д'Артуа, братъ Лудовика IX, короли Французскаго, положительно отказался отъ той роли, которую ему хотѣли навязать папа; а когда множество французскихъ, англійскихъ, испанскихъ и итальянскихъ епископовъ и прелатовъ (въ апрѣлѣ 1241 года) сѣли въ Генуѣ на корабль, чтобы отправиться на соборъ въ Римъ, флотъ Пизанцевъ, преданныхъ императору, заградилъ имъ дорогу, вынудилъ ихъ принять сраженіе и овладѣлъ 20 кораблями изъ 27. Въ числѣ плѣнныхъ находилось множество духовныхъ и высшихъ церковныхъ сановниковъ, которые, вмѣстѣ съ двумя папскими легатами, были отправлены по приказанію императора въ Неаполь.

Слухи о нашествіи Монголовъ.

Въ это время и до отдаленнаго Запада дошли слухи о новой грозившей европейскому міру опасности. Страшная волна татарскаго нашествія, сломившаяся о русскую грудь, чуть-чуть задѣла юго-восточную окраину европейскихъ государствъ; ничтожная часть всей монгольской орды заглянула и въ Венгрію, и въ Силезію, развѣяла прахомъ выставленныя противъ нея венгерскія и силезскія рыцарскія дружины, и вновь отхлынула въ привольныя степи Русскаго Юга, оставляя по себѣ слѣды опустошенія и грозные слухи о возможности грядущихъ близкихъ нашествій. По Европѣ молніей пронеслись имена Чингисъ-Хана и Батыя и вызвали общій, потрясающій ужасъ. Все заговорили о необходимости крестоваго похода противъ Монголовъ, все спѣшили сплотиться около папы и императора, съ которымъ, по этому случаю, примирились даже и такіе ожесточенные враги его, какъ наиримѣрь герцогъ Австрійскій Фридрихъ.

Иннокентій IV. 1243.

А между тѣмъ распря между императоромъ и папой продолжалась. Кое-какія упованія на прекращеніе ея явились тогда, когда старый и

раздражительный Григорій IX скончался, какъ разъ въ то время, когда императорское войско находилось уже близъохонько отъ Рима; однакоже новый выборъ папы затянулся почти на два года, до іюня 1243 года, и два года сряду Фридрихъ стоялъ на высотѣ величайшаго могущества, внушавшаго даже опасенія сосѣднимъ государямъ. Наконецъ, выборъ папы на знатнаго генуэзца, Сннибальда Фіеско, изъ графскаго дома де-Лаванья; онъ издавна дружилъ съ императоромъ и можно было надѣяться, что и теперь не станетъ относиться къ нему враждебно. Однакоже Фридрихъ, повидимому, не согласенъ былъ обольщать себя суетными надеждами: когда его стали поздравлять съ выборомъ новаго папы, онъ отвѣчалъ коротко и сухо, что «ни одинъ папа не можетъ быть гибеллиномъ». Однакоже онъ выказалъ себя весьма примпрительно настроеннымъ и тотчасъ же вступилъ съ новымъ папою *Иннокентіемъ IV* въ переговоры, которые длились въ теченіе всего 1243 года, сопровождаемые приостановкою военныхъ дѣйствій. Императоръ снѣшилъ окончаніемъ переговоровъ, такъ какъ до него доходили весьма неблагопріятные слухи изъ Германіи *), и въ мартѣ 1244 года переговоры продвинулись уже настолько, что двое комиссаровъ Фридриха—высшіе представители правосудія въ его королевствѣ, Петръ Винеа и Оаддей Суэсскій—отправились уже въ Римъ для принесенія присяги по предварительнымъ пунктамъ вполнѣ обусловленнаго мирнаго соглашения. А между тѣмъ обѣ стороны хитрили и не довѣряли другъ другу и зорко слѣдили за обоюдными дѣйствіями. Фридрихъ изъ всего хода переговоровъ вывелъ такое заключеніе, что папа, слѣдуя путемъ своихъ предшественниковъ, стремится къ *абсолютной, безусловной власти*, съ которою возможно соглашеніе только на почвѣ *безусловнаго повиновенія*, къ которому онъ не чувствовалъ въ себѣ расположенія и готовности. Съ другой стороны и папа не могъ оставаться равнодушнымъ къ быстрому возрастанію императорской власти. И вотъ въ то самое время, когда онъ прикидывался, будто готовится къ личному свиданію съ императоромъ, онъ приказалъ небольшой генуэзской эскадрѣ приплыть въ гавань Чивита-Векккіа, близъ Рима, сѣлъ на корабль и отплылъ въ Геную, а оттуда направился въ Лионъ, городъ, который *de jure* принадлежалъ къ составу имперіи, а на самомъ дѣлѣ, какъ резиденція архіепископа, былъ почти независимымъ.

Прибывъ сюда и уклонившись, такимъ образомъ, изъ-подъ непосредственной зависимости отъ случайностей, которыми все же могъ руководить могущественный императоръ, папа разослалъ всюду (1245 г.) приглашенія къ духовенству явиться на соборъ въ Лионъ, для обсужденія различныхъ вопросовъ: опасности, грозившей со стороны татарскаго нашествія, еретичества, бѣдствія, постигнаго Іерусалимъ, который вновь подпалъ власти невѣрныхъ, а также и его распри съ Фридрихомъ, котораго онъ даже не называлъ императоромъ, а просто «*princeps*». Этотъ шахматный ходъ папы могъ оказаться весьма опаснымъ для императора; въ Лионѣ Иннокентій, при общемъ настроеніи галльскаго духовенства,

Соборъ въ
Лионѣ. 1245.

*) Тотъ самый архіепископъ Сигфридъ Майнцскій, котораго онъ поставилъ тамъ правителемъ государства, сталъ въ оппозицію противъ него, во главѣ большой партіи.

могъ смѣло разсчитывать на преданное ему большинство; въ Германіи — важнѣйшіе духовные сановники, архіепископы Майнцскій и Кёльнскій, во главѣ враждебной императору партіи, только выжидали удобнаго момента, чтобы выставить своего претендента на королевскій престоль. Фридрихъ нашелъ возможнымъ съ своей стороны принять только одну мѣру предосторожности: онъ послалъ на лонскій соборъ краснорѣчивѣйшаго и надежнѣйшаго изъ своихъ приверженцевъ, Оаддея Суэскаго. Посоль императора, по порученію своего господина, не жалѣлъ обѣщаній и посуловъ: между прочимъ, онъ указывалъ и на то, что Фридрихъ согласенъ принять на себя еще разъ тяжкій трудъ освобожденія Св. Земли отъ невѣрныхъ и даже сообщилъ, что короли англійскій и французскій готовы за него поручиться... Но папа отлично понималъ выгоды своего положенія, и отклонилъ всѣ заманчивыя обѣщанія императора, а въ особенности ручательство королей, замѣтивъ очень тонко, что императоръ, пожалуй, и «ихъ подведетъ подъ духовное наказаніе, и тогда папѣ придется имѣть дѣло уже не съ однимъ врагомъ Церкви, а съ тремя». Изъ этого уже не трудно видѣть, что тутъ дѣло шло вовсе не о христіанствѣ, не о рѣшеніи церковныхъ задачъ и вопросовъ, — а задачъ чисто политическихъ. Всѣ остальные вопросы, дѣйствительно, были на соборѣ отложены и отодвинуты на второй планъ, и папа, упоминая о язвахъ, раздиравшихъ Церковь, главнымъ образомъ налегалъ на тѣ «невѣроятно дерзновенные поступки» (*enormitates*) императора, которыми, по его словамъ, были потрясены самыя основы Церкви. При этомъ онъ грозилъ проклятіемъ каждому, кто бы задумалъ ему противорѣчить, какъ напр. патріархъ Аквитанскій, дерзнувшій ему напомнить о томъ, что «міръ покоится на *двухъ* столбахъ — папѣ и императорѣ». И вотъ, уже на третьемъ засѣданіи собора, послѣ исчисленія всѣхъ винъ и четырехъ смертныхъ грѣховъ императора *), папа поднялъ вопросъ о низложеніи его, и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно громаднымъ большинствомъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ. Одновременно съ рѣшеніемъ этого вопроса, всѣ присягавшіе императору въ вѣрности разрѣшались отъ данной ими присяги, и къ этому пункту добавлялось: «тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, могутъ избрать ему преемника въ имперіи, а по отношенію къ королевству Сицилійскому мы поступимъ по нашему собственному усмотрѣнію».

3. 1245—1254.

Отвѣтъ императора.

Императоръ не оставилъ рѣшеніе собора безъ отвѣта. Въ циркулярной нотѣ къ князьямъ и государямъ онъ опровергаетъ взведенныя на него обвиненія въ еретичествѣ и смертныхъ грѣхахъ, но заимствуетъ отъ еретиковъ оружіе, котораго Церковь Западная болѣе всего опасалась въ ихъ рукахъ. Съ особенною настойчивостью указываетъ онъ на извращеніе дѣятельности духовенства и на слишкомъ большое увлеченіе Церкви мірскими дѣлами, при чемъ она заботится главнымъ образомъ лишь о

*) Въ томъ числѣ и «кощунство», которое папа видѣлъ въ плѣненіи прелатовъ, пленныхъ изъ Генуи въ Римъ.

накопленіи громадныхъ богатствъ; онъ говоритъ, не стѣсняясь, о томъ, что всегда намѣревался и теперь считаетъ необходимымъ низвести духовенство до смиренія, въ какомъ пребывали нѣкогда апостолы, а за ними и вся первобытная Церковь христіанская; отнятіе этихъ пагубныхъ земныхъ богатствъ онъ, моль, считаетъ дѣломъ душеполезнымъ даже и въ смыслѣ общей христіанской любви:—однимъ словомъ, онъ поднимаетъ вопросъ о прямой реформѣ въ Церкви и полагаетъ, что эта реформа должна быть произведена властью свѣтскихъ князей. Само собою разумѣется, что это все было не болѣе какъ громкія фразы, въ которыя и самъ Фридрихъ никогда не могъ вѣрить, оглично сознавая, что епископовъ, бывшихъ на его сторонѣ, привязываетъ къ нему, конечно, не стремленіе къ простотѣ и смиренію первыхъ временъ христіанства, а, напротивъ того, вполне мірское влеченіе и соблазны.

Тогда и германскіе духовные сановники сбросили съ себя личину, которую сохраняли такъ долго:—въ маѣ 1246 г. былъ избранъ въ *Вюрцбургъ* въ король тотъ самый ландграфъ Тюрингенскій *Генрихъ Распе*, котораго еще въ 1242 г. Фридрихъ поставилъ правителемъ на время своего отсутствия. Избраніе состоялось, главнымъ образомъ, при посредствѣ духовенства, почему новоизбранный король и получилъ названіе «короля клериковъ» или «папскаго короля». Подъ вліяніемъ духовенства и нищенствующихъ орденовъ монашества, которое особенно ревностно прославляло это избраніе, на сторону Генриха перешло все низшее духовенство; но всѣ князья, вѣрно оцѣнивая могущество Фридриха, остались на его сторонѣ. Первая битва новаго короля съ королемъ Конрадомъ (сыномъ Фридриха) произошла близъ Франкфурта, и въ ней перевѣсъ былъ на сторонѣ Генриха, который тотчасъ же успѣшилъ написать своимъ союзникамъ Миланцамъ, что онъ надѣется точно такъ же одержать побѣду и надъ отцомъ. А между тѣмъ, императоръ Фридрихъ, въ виду наступающей опасности, успѣшилъ войти въ тѣснѣйшій союзъ съ Баварскимъ домомъ при посредствѣ женитьбы сына своего Конрада на дочери герцога Оттона, который видѣлъ также свои, чисто-династическіе и территориальные интересы въ этомъ сближеніи съ императорскимъ домомъ. Такимъ образомъ борьба папы съ императоромъ стала разрастаться все шире и шире и привлекать къ участию въ ней все большее и большее количество владѣтельныхъ князей, и папа никому изъ нихъ не давалъ покоя, то разсылая всѣмъ свои посланія, то увѣщая ихъ черезъ своихъ легатовъ въ необходимости вступить за интересы Церкви. Говорятъ даже, будто и самого султана Египетскаго папа старался отвлечь отъ дружественныхъ отношеній къ императору Фридриху.

Но несмотря на всю страстность рвенія, выказаннаго папою въ этой начавшейся борьбѣ, онъ не могъ похвалиться особенной удачей. Поощряемый имъ и имъ выдвинутый противъ Фридриха претендентъ очень быстро окончилъ свою невольнѣ достославную карьеру: въ началѣ 1247 г., возвратившись въ Тюрингію изъ похода въ Сѣверной Германіи, онъ скончался, нѣсколько недѣль спустя, въ Вартбургѣ; Людовикъ IX, король Французскій, на котораго папа рассчитывалъ, не захотѣлъ вступить въ борьбу съ Фридрихомъ, такъ какъ, видимо, не сочувствовалъ папѣ въ

Германія.
Новый из-
бранникъ.

Борьба въ
Германіи и
Италіи.

этой распрѣ, и, напротивъ того, собиралъ всѣ силы для новаго Крестоваго похода, который не могъ бы совершить безъ поддержки со стороны императора Германіи; и въ Англіи общественное настроеніе высказалось противъ папы. Мы не станемъ слѣдить за подробностями этой борьбы на обоихъ ея театрахъ — германскомъ и итальянскомъ. Скажемъ только, что папѣ удалось выставить новаго претендента на королевскій престолъ въ Германіи, въ лицѣ графа *Вильгельма Голландскаго*, избраннаго лишь весьма ограниченнымъ числомъ князей. Ему удалось только переманить на свою сторону городъ Кельнъ, которому онъ даровалъ новыя привилегіи, да вслѣдъ затѣмъ занять Аахенъ, послѣ долгой осады; но далѣе мѣстностей, лежащихъ по среднему теченію Рейна, его вліяніе и значеніе не простиралось. Въ Италіи борьба ознаменовалась отпаденіемъ важнаго города Пармы отъ императора, что и вынудило Фридриха немедленно приступить къ осадѣ города. Для этой цѣли онъ выстроилъ подъ стѣнами Пармы, для своего войска, цѣлый временной городокъ, которому слишкомъ самонадѣянно далъ названіе «городъ Побѣды» (*Victoria*). Парма, дѣйствительно, вскорѣ была доведена до послѣдней крайности: тогда осажденные рѣшились на отчаянно смѣлую вылазку, напали врасплохъ на Викторію, сожгли ее и при этомъ захватили, въ общей суматохѣ, многихъ знатныхъ илѣнниковъ, въ томъ числѣ и Оаддея Сузсекаго, Фридрихова уполномоченнаго на Лионскомъ соборѣ. Фридрихъ вынужденъ былъ отступить въ Кремону, нимало, впрочемъ, не потерявъ бодрости духа отъ этой неудачи, и сталъ дѣлательно готовиться въ своемъ Сицилійскомъ королевствѣ къ новымъ и обширнымъ вооруженіямъ.

Петръ
Винеа.

До какой степени неразборчивы были участники этой запутанной борьбы въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей—видно изъ того, что случилось въ 1249 г. съ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ и довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ императора, съ Петромъ Винеа, который такъ много потрудился надъ внутреннимъ устройствомъ Сицилійскаго королевства. Онъ былъ заподозрѣвъ въ соучастіи съ заговорщиками, которые замыслили отравить императора; заговоръ былъ открытъ еще во-время, и Петръ Винеа, изъ простаго званія поднявшійся до значенія перваго министра, былъ, по приказанію императора, ослѣпленъ и вскорѣ послѣ того умеръ. Въ томъ же году Фридрихъ потерпѣлъ и другую неудачу: побочный сынъ его Энціо (или Гейнцъ), правившій Сардинією, попалъ на засаду болонцевъ и былъ ими захваченъ въ плѣнъ; но эта неудача была заглажена успѣшною битвою подъ стѣнами Пармы, при чемъ войска императорскія отбили у гордыхъ Пармскихъ гражданъ повозку съ ихъ знаменемъ. Неутомимый и неистощимый въ борьбѣ, Фридрихъ собирался еще разъ лично въ ней принять участіе, но, въ декабрѣ 1250 г., скончался въ замкѣ Фіорентино, близъ Лудерія: изъ всѣхъ его сыновей одинъ только Манфредъ присутствовалъ при его кончинѣ. Онъ успѣлъ еще передъ смертью написать завѣщаніе; дружественный ему архіепископъ Палермскій призналъ его членомъ Церкви, исповѣдалъ и далъ ему разрѣшеніе грѣховъ; говорятъ даже, будто онъ умеръ, облеченный въ монашескую рясу и вполне примиренный съ Церковью и успокоенный духомъ.

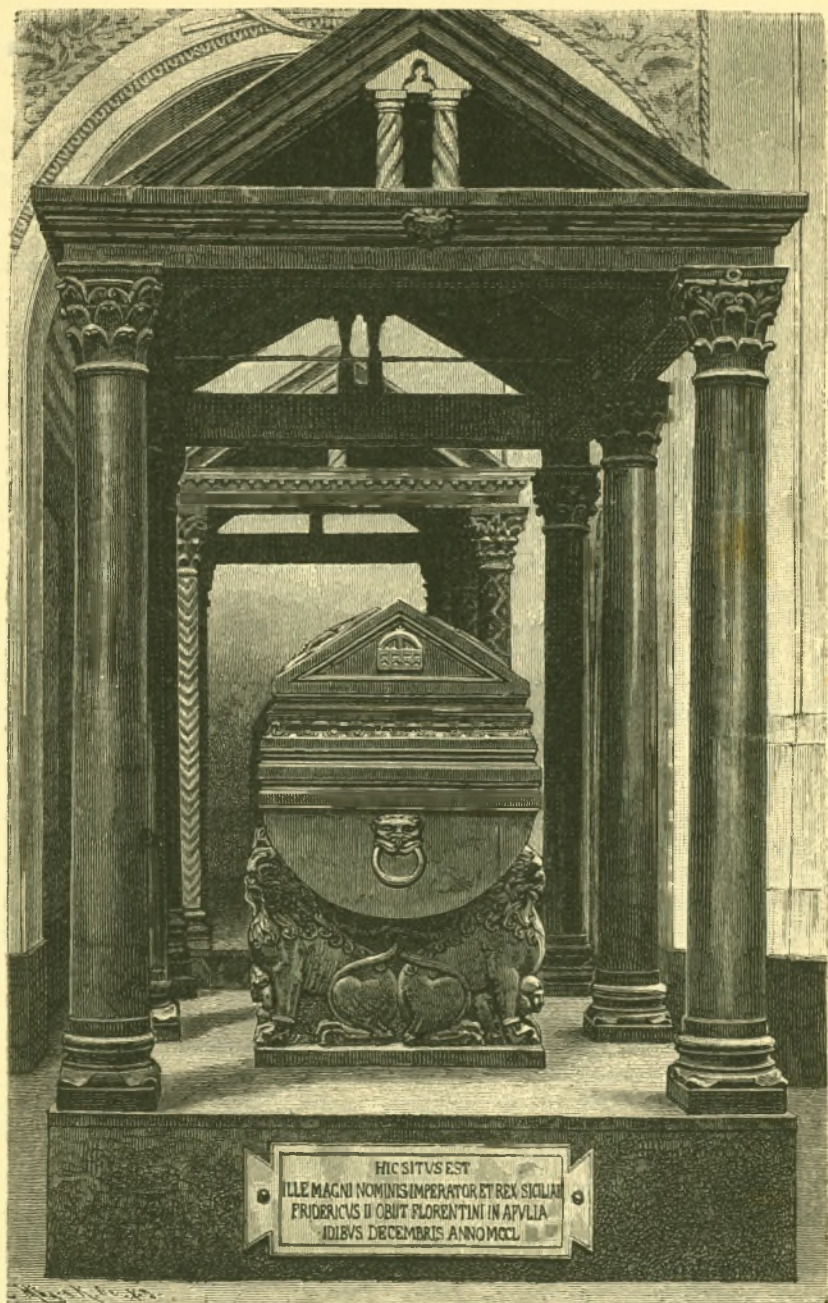
Смерть Фри-
дриха II.
1250.

Этотъ замѣчательный и чрезвычайно разносторонній человекъ обла-

далъ необычайно живымъ и подвижнымъ умомъ, выказывалъ большую любознательность, легко усваивалъ себѣ знанія и такъ же легко передавалъ ихъ въ оживленной и легкой рѣчи; при этомъ онъ выказывалъ расположеніе къ наукѣ, къ логикѣ, медицинѣ, естествознанію, обладалъ довольно значительною бібліотекою, въ которой, между прочимъ, находился и греческій и арабскій экземпляръ произведеній Аристотеля; ему приписывается составленіе книги о соколиной охотѣ и итальянское стихотворное произведеніе (дошедшія до насъ), а тѣ циркулярныя ноты и памятные записки, въ составленіи которыхъ онъ принималъ несомнѣнно большое личное участіе, выказываютъ въ немъ несомнѣнный и довольно значительный публицистическій талантъ. Особенное удовольствіе находилъ онъ въ присутствіи при спорахъ, въ оживленномъ изложеніи различныхъ воззрѣній. Это расположеніе къ диспутамъ всякаго рода на многихъ производило такого рода впечатлѣніе, какъ будто и онъ самъ раздѣляетъ тѣ мнѣнія, къ которымъ такъ охотно прислушивается: одинъ изъ мухамеданскихъ посланцевъ, посѣтившихъ его дворъ, нашелъ даже, что Фридрихъ питаетъ большое расположеніе къ мусулманамъ, и можетъ - быть поэтому именно Церковь, даже и до полного разрыва съ нимъ, никогда не вѣрила безусловно въ твердость его релігіозныхъ убѣжденій. И къ этому было нѣкоторое основаніе: онъ ужъ слишкомъ много размышлялъ о предметахъ релігіозныхъ, слишкомъ вдавался въ споры догматическаго характера, — гораздо болѣе, чѣмъ то могло быть допущено Церковью и ея руководителями въ особѣ государя. Большимъ недостаткомъ Фридриха была двойственность, неустойчивость его нравственнаго существа, преисполненнаго самыхъ рѣзкихъ противорѣчій: вольнодумство и преслѣдованье ересей, строгое отношеніе къ окружающимъ и собственная распущенность — все это уживалось въ немъ одновременно и должно было отталкивать отъ него многихъ. Легко можетъ быть, что эта неровность его происходила именно отъ той весьма дурной обстановки, среди которой ему пришлось вырасти и развиваться: — въ этой обстановкѣ честность и прямота, столь рѣдкія во всякое время, были почти немислимы. Рано научился онъ рассчитывать, хитрить и лицемѣрить, прибѣгать ко всякаго рода уловкамъ, легко и щедро разсыпая обѣщанія и играть своимъ словомъ. Несмотря на все это, въ немъ едва-ли можно признать только хитраго политика и дипломата: въ своей послѣдней борьбѣ съ папствомъ онъ выказалъ себя человекомъ государственнымъ, способнымъ твердо и убѣжденно отстаивать самостоятельность свѣтской власти противъ гнета преобладанія папства. Большою ошибкою Фридриха было именно то, что онъ придавалъ слишкомъ важное значеніе своему императорскому сану, и старался всѣми силами это значеніе поддержать, разбрасывая, путаясь въ безчисленныхъ и многосложныхъ отношеніяхъ, сопряженныхъ съ его саномъ, и въ то же время пренебрегалъ весьма жизненными началами, которыя уже начинали проявляться въ народной жизни его родной страны. Такъ, напримѣръ, онъ не сумѣлъ воспользоваться пробуждающею самостоятельностью городской и сословной жизни, какъ и многими другими весьма плодovitыми задатками развивающагося народнаго самосознанія. Держась упорно крупныхъ владѣтельныхъ князей, онъ въ то же время,

повидимому, не сознавалъ, что власть его, какъ императора, должна падать и терять значеніе по мѣрѣ того, какъ возрастала власть князей, съ одной стороны, а съ другой—и остальные сословія начинали заявлять свои вполне законныя притязанія на участіе въ общей жизни государства.

Само собою разумѣется, что велика была въ палскомъ лагерѣ радость по поводу смерти грознаго врага, котораго ненавидѣвшій его Иннокентій IV оцѣнивалъ по достоинству: не даромъ сказалъ онъ, по поводу вѣсти о смерти Фридриха, что теперь «бурный вихрь превратился лишь въ нѣжный вѣтерокъ». Онъ тотчасъ покинулъ Лионъ и вернулся въ Италію. А для сына Фридрихова, *Конрада IV* (1250—1254), величайшимъ бѣдствіемъ представлялась необходимость борьбы въ Италіи изъ-за сицилійскихъ владѣній, наслѣдственныхъ въ его домѣ. Весьма неохотно принялся онъ за продолженіе этой безнадежной борьбы, среди которой скончался его отецъ:—онъ понималъ, что о примиреніи съ папой нечего было и думать, такъ какъ и онъ, и вся Вельфская партія поклялись загубить династію Штауфеновъ. Въ 1251 году 26-ти-лѣтній король, при помощи своего (не единоутробнаго) брата Манфреда, явившійся въ Италію, подавилъ возстаніе и отстаивалъ свои права; въ 1253 году онъ даже овладѣлъ послѣднимъ оплотомъ мятежниковъ—крѣпкимъ городомъ Неаполемъ. Но эти успѣхи оказались совершенно безплодными, такъ какъ уже въ маѣ 1254 г. онъ умеръ въ Лавелло (въ Апуліи). По немъ остался наслѣдникомъ 2-хъ-лѣтній мальчикъ, сынъ его *Конрадъ*, отъ брака съ Елисаветой, дочерью герцога Оттона Баварскаго.

Гробница императора Фридриха II въ Палермскомъ соборѣ.

Надпись на ней: «Здѣсь похороненъ высокоименитый императоръ Фридрихъ II, король Сицилійскій, умершій въ Флорентинѣ, въ Апуліи, 13 декабря 1250 года».

Скандинавскій военный корабль XII вѣка.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Внѣ-германскія государства въ XII и XIII вѣкахъ. — Окончаніе Крестовыхъ походовъ.

Внѣ-герман-
ская Европа.
Скандина-
вія.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ изложенію дальнѣйшей трагической судьбы дома Штауфеновъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на развитіе остальныхъ европейскихъ государствъ и обще-европейской жизни въ «періодъ Крестовыхъ походовъ», какъ называютъ вообще время между 1096—1270 годами, по наибольше выдающемуся и характеризующему это время явленію.

Около этого времени христіанство распространилось уже по всей Европѣ и господствовало всюду, проявляясь въ государственной и общественной жизни народовъ какъ нравственное начало, всѣми признанное и всѣмъ одинаково доступное. Язычество—въ смыслѣ вѣрованія въ языческихъ боговъ и служенія кумирамъ—было искоренено даже тамъ, гдѣ оно держалось всего долѣе и всего упорнѣе, т. е. и въ Скандинавіи, и на славянскомъ Сѣверо-Востокѣ. Норвегія, какъ отдаленнѣйшая страна европейскаго Сѣвера, по самому положенію своему и по природнымъ условіямъ принимавшая наименьшее участіе въ общей европейской жизни, и та поставила одного ратника въ общую рать Христовыхъ воиновъ— короля норвежскаго *Сигурда* (1103—1130), и даже тамъ имя священнаго для христіанъ города «Юрсала» производило на умы чарующее, обаятельное дѣйствіе. Король Сигурдъ не мало времени провелъ въ своемъ

благочестивомъ странствованіи, сражался съ Сарацинами и въ Португаліи, и въ Сициліи, и, на обратномъ пути изъ Іерусалима, оставилъ часть своихъ дружинниковъ на службѣ у греческаго императора въ Константинополь, гдѣ подобные скандинавскіе наемники были издавна явленіемъ весьма обычнымъ. Надо однакоже замѣтить, что условія исторической жизни на этомъ отдаленномъ Сѣверѣ складывались весьма неблагоприятно: въ странѣ, слабо населенной и скудной по производительности почвы, видимъ однакоже нескончаемые раздоры то между королями изъ-за права наслѣдованія, то среди народа, въ которомъ возникали различныя партіи, безпощадно другъ друга преслѣдовавшія. Времена морскихъ набѣговъ въ большихъ размѣрахъ — времена выселенія викинговъ въ инныя страны — уже миновали. Учрежденіе мѣстнаго архіепископства на норвежской почвѣ, въ *Дронтеймъ*, на берегу фіорда того же имени (1152 г.), еще очень мало повліяло на улучшеніе этихъ дикихъ нравовъ. Только уже при *Гаконѣ V*, на сеймѣ или народномъ собраніи въ *Бергенъ* (1223 г.) престолонаслѣдіе было окончательно установлено, и тотъ же самый король, который, въ теченіе своего долгаго правленія (1207—1263 гг.), много способствовалъ умиротворенію страны, въ 1247 году былъ коронованъ папскимъ легатомъ. Вліяніе духовенства стало возрастать мало-по-малу и въ этой отдаленнѣйшей странѣ: съ 1273 г. епископамъ дано было право участія въ законодательствѣ, которое около этого времени было королемъ *Магнусомъ VII* собрано въ нѣкотораго рода сборникъ. Въ *Швеціи* христіанство окончательно установилось не ранѣе половины XII вѣка; особенно противились введенію христіанства именны *Шведы*, жившіе въ сѣверной части полуострова, даже и въ то время, когда оно уже окончательно укоренилось между жившими на югѣ *Готами*. И здѣсь лѣтоисп также переполнены не имѣющими для насъ никакого значенія именами королей и претендентовъ на ихъ престолъ и описаніями бесплодной борьбы между ними; несомнѣнно однакоже, что въ этой борьбѣ нѣкоторое значеніе имѣла и племенная вражда, такъ какъ столѣтній періодъ между 1150 и 1250 годами почти сплошь занятъ войнами между готскимъ родомъ *Сверкероузъ* и шведскимъ родомъ *Бондовъ*. Около 1253 года на тронъ вступилъ представитель рода *Фолькунговъ*, *Биргеръ* *) — могущественнѣйшій изъ ярловъ или намѣстниковъ, которые, подобно германскимъ графамъ, первоначально были коронными чиновниками, а затѣмъ стали независимы отъ короля и обратили свой санъ въ наслѣдственное достоинство. Онъ пользовался *de facto* королевскою властью, и старшій сынъ его, Вальдемаръ, уже носилъ и титулъ королевскій. Со введеніемъ христіанства и церковной іерархіи, по мѣрѣ того, какъ общественная жизнь начинала складываться на новыхъ началахъ, мало-по-малу сталъ крѣпнуть въ Швеціи и *аристократическій* элементъ. Единственнымъ завоеваніемъ шведскихъ королей была *Финляндія*, куда, также съ 1157 года, со времени Эриха Святого, проникло христіанство. Въ *Даніи*, которая уже по самому своему географическому положенію привлечена была къ участию

*) Это тотъ самый Биргеръ, котораго на берегахъ Невы такъ сурово наказалъ Новгородскій князь Александръ Ярославичъ за его дерзкую попытку обращенія въ католичество уже просвѣщенныхъ христіанствомъ новгородскихъ даниковъ. *Ред.*

въ политическихъ событіяхъ нѣмецкаго Сѣверо-Востока, все еще держалась на тронѣ та династія, которая въ 1047 году достигла власти, въ лицѣ *Свена Эстридсона*. Здѣсь дѣла вскорѣ приняли такой оборотъ, который, въ значительной степени, способствовалъ быстрому развитію такой же могущественной знати, какъ и въ Германіи. Въ церковномъ отношеніи Данія была независима отъ Германіи уже съ 1104 года, т. е. со времени учрежденія самостоятельнаго архіепископства Лундскаго, а лѣнная зависимость отъ имперіи, хотя она и была возобновлена при императорѣ Фридрихѣ Барбароссѣ, утратила вскорѣ всякое значеніе. Собственно, право престолонаслѣдія не было окончательно установлено въ Даніи, однакоже короли избирались постоянно изъ членовъ одного царствующаго дома; этимъ правомъ избранія пользовалось дворянство, рыцари и немногочисленное высшее духовенство. Завоеванія на южномъ берегу Балтійскаго моря начались съ *Вальдемара I*, прозваннаго *Великимъ* (1157—1182), которому между прочимъ ставилось въ заслугу искорененіе язычества на островѣ Рюгенѣ; продолжались они и при *Кнудѣ VI* (1182—1202), который титуловалъ себя даже «кородемъ Датскимъ и Славянскимъ», и состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ Вельфскимъ и Французскимъ царственными домами. Наибольшаго могущества и наибольшей военной силы достигъ, въ числѣ Датскихъ королей, *Вальдемаръ II* (1202—1242), неоднократно-воевавшій и вступавшій въ союзы съ сѣверными нѣмецкими князьями. Онъ воспользовался внутренними междоусобіями Германіи и борьбою за германскій престолъ и успѣлъ достигнуть того, что Фридрихъ II добровольно уступилъ ему земли по ту сторону Эльбы во владѣніе (Любекъ еще въ послѣдніе годы царствованія Кнуда былъ уже датскимъ городомъ), и затѣмъ распространилъ свою власть до самыхъ береговъ Финскаго залива, гдѣ водрузилъ свой *Данеброгъ*—датское знамя съ бѣлымъ крестомъ на красномъ полѣ—даже и на пустынныхъ берегахъ отдаленной Эстоніи. Мы уже видѣли выше (стр. 327), какъ сѣверные князья и города нѣмецкіе, послѣ долгой борьбы, добились отъ Вальдемара обратной уступки владѣній за-эльбскихъ, переданныхъ ему Фридрихомъ II; борьба эта окончилась пораженіемъ, положившимъ предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Вальдемара, который провѣлъ послѣдніе годы жизни въ мирѣ и тишинѣ, занимаясь внутреннимъ устроеніемъ своего государства, которому, между прочимъ, оставилъ по себѣ на память сборникъ законовъ; вскорѣ послѣ его обнародованія Вальдемаръ и умеръ (1242). Изъ его преемниковъ слѣдуетъ еще упомянуть объ *Эрихѣ* Глиппингѣ, котораго въ 1283 году возставшая противъ него знать вынудила къ ограниченію его власти ежегодно созываемымъ совѣщательнымъ собраніемъ. Послѣ этого, конечно, аристократическій элементъ еще болѣе усилился. Низшіе слои населенія все болѣе и болѣе отступали на задній планъ передъ крупными землевладѣльцами, и крѣпостная зависимость, постепенно возрастающая въ Даніи, дошла въ XIII вѣкѣ до того, что народъ впалъ въ положительное рабство и люди покупались и продавались вмѣстѣ съ землею, какъ рабы. Большія заботы прилагались къ обработкѣ земли, но зато городская жизнь была весьма мало развита, и даже городъ Копенгагенъ (Kiöbenhavn—собственно:

купеческая гавань) только въ XIII вѣкѣ сталъ прибрѣтать нѣкоторое значеніе.

Весьма важными для *англійской* исторіи были тѣ два столѣтія, въ теченіе которыхъ собственно и происходили Крестовые походы: — въ это именно время изъ сліянія побѣдителей съ побѣжденными и образовалась англійская нація. Когда въ 1154 г. умеръ король *Стефанъ*, четвертый со времени завоеванія Англии Норманнами, ему наследовалъ *Георгиъ II* (1154—1189 г.), первый изъ дома *Плантагенетовъ**).

Англія, съ 1066 г., при Плантагенетахъ.

Георгиъ II, король Англійскій.

Съ гробницы его въ монастырѣ Фонтверро.

Онъ женился на Элеонорѣ, съ которою развелся Лудвигъ VII, король Французскій, и, благодаря этому браку, прибрѣлъ обширныя владѣнія на юго-западѣ Франціи; присоединивъ эти владѣнія — *Пуату* и *Гюйэну* — къ прежде принадлежавшимъ ему графствамъ *Анжу* и *Мэнъ*, а всѣ эти графства къ *Нормандіи*, слѣдовательно, владѣя цѣлою третью Франціи, да при этомъ еще нося англійскую корону, онъ сталъ по отношенію къ королю Французскому въ положеніе угрожающее, хотя тотъ и былъ его лэннымъ владыкой (сюзереномъ). Къ тому же, въ 1171 г., на основаніи папской буллы, онъ завладѣлъ и Ирландіей, а въ 1174 г. король *Шотландскій* призналъ также его верховенство и принесъ ему присягу въ вѣрности. При этомъ могущественномъ королѣ раздоръ между королевскою и духовною властью разразился и въ Англии, гдѣ его избѣгали старательно. Король Георгіиъ II неуклонно держался издавна принадлежавшаго ему права избранія епископовъ и вообще всѣхъ правъ, предоставлявшихъ ему высшій надзоръ за внутренней жизнью государства. Въ этомъ именно смыслѣ были созданы и такъ называемыя *Кларендонскія положенія*, которыя были утверждены въ 1164 г. на собраніи свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ; по этому акту, въ противоположность высокоцерковнымъ притязаніямъ современнаго духовенства, каждое въ чемъ-либо провинившееся духовное лицо должно было подлежать королевскому суду. И архіепископъ Кантерберійскій, *Тома Бекетъ*, прежде бывший канцлеромъ и ближайшимъ совѣтникомъ короля и имъ же возведенный въ примасы королевства, также подчинился подь этимъ актомъ; но затѣмъ подалъ апелляцію папѣ и бѣжалъ на материкъ Европы, откуда и повелъ борьбу противъ того новаго направленія, на которомъ упорно настаивалъ король и свѣтскія власти.

*) Онъ былъ сынъ графа Готфрида Анжуйскаго, отъ супружества его съ Матильдою, вдовою императора Генриха V.

Затѣмъ воспослѣдовало примиреніе, чисто-внѣшнее и лицемѣрное; О. Бекетъ возвратился въ Англію на свое прежнее мѣсто, но тотчасъ же отлучилъ отъ Церкви тѣхъ духовныхъ лицъ, которые держали сторону короля. Тогда король вскипѣлъ гнѣвомъ и воскликнулъ: «клянусь очами Божиими (таково было его любимое присловье), неужели же изъ всѣхъ тѣхъ, которые пользуются моими милостями, не найдется ни одного, который бы рѣшился защитить меня отъ подобныхъ оскорбленій!» Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ нему рыцарей, услышавъ это, рѣшились въ угоду королю на страшное дѣло: четверо изъ нихъ убили епископа Кэнтерборійскаго въ самомъ соборѣ его, во время служенія. Это событіе, конечно, вооружило противъ короля все духовенство: могила О. Бекета сдѣлалась предметомъ страстнаго поклоненія, повсюду стали распространяться легенды о дивныхъ исцѣленіяхъ, которыя на той могилѣ происходятъ, и когда, въ 1173 г., О. Бекетъ былъ формально причтенъ къ лику святыхъ, самъ король Генрихъ II долженъ былъ отправиться на поклоненіе его могилѣ. Здѣсь принесъ онъ полное покаяніе: принималъ даже бичеваніе отъ священниковъ, и только тогда удостоенъ былъ разрѣшенія отъ грѣха (1174 г.); вслѣдъ затѣмъ и непріятныя наизъ пункты были исключены изъ «Кларендонскихъ положеній». Этотъ раздоръ съ Церковью отозвался пагубно и на домашней жизни короля Генриха II: его старшій сынъ возсталъ противъ него, а послѣдніе годы его жизни были отравлены усобицами между младшими сыновьями, изъ которыхъ одинъ, Генрихъ, скончался еще при отцѣ, а вступилъ на престолъ слѣдующій за Генрихомъ сынъ, *Ричардъ* (1189 г.). Въ исторіи Англіи король *Ричардъ I* является и по своимъ доблестямъ, и по своимъ порокамъ образцомъ рыцаря:— не даромъ получилъ онъ и свое прозваніе—*Львиное Сердце*. Но, какъ правитель страны, онъ былъ далеко не замѣчательнъ. Мы уже знаемъ объ участіи его въ Крестовыхъ походахъ и о послѣдующихъ его приключеніяхъ въ Германіи; добавимъ здѣсь только, что и по возвращеніи въ Англію онъ очень мало принималъ участія въ управленіи страной, а больше занятъ былъ нескончаемыми усобицами со своими вассалами. Во время одной изъ такихъ усобицъ онъ и скончался, смертельно раненый стрѣлою подъ стѣнами одного замка въ Лимузенѣ (1199). Гораздо болѣе было важно по своему значенію для

Печать архіепископа Кэнтерборійскаго, изображающая убіеніе О. Бекета.

Но всѣмъ вѣроятіямъ, относится къ половинѣ XIV вѣка. Хранится въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлинѣ.

Англии, и не для одной только Англии, царствованіе его преемника и брата *Іоанна* (1199—1216). Во время бытности своего брата въ Палестинѣ, Іоаннъ сталъ во главѣ недовольныхъ, которые боролись противъ поставленнаго Ричардомъ въ намѣстники епископа Вильгельма Элійскаго, и наконецъ свергли его. Однакоже недовольство бароновъ обратилось противъ самого Іоанна,

когда внезапно скончался его племянникъ Артуръ, сынъ старшаго брата, а потому имѣвшій болѣе правъ на престолъ, нежели Іоаннъ; этотъ Артуръ уже былъ признанъ королемъ въ южно-французскихъ владѣніяхъ Плантагенетовскаго королевства, и потому на Іоанна пало тяжкое подозрѣніе, какъ на виновника смерти Артура. Въ то же самое время возобновилась и церковная распря по поводу замѣщенія Кѣнтерборійской архіепископской кафедры. Папа Иннокентій III очень хорошо

Печать Ричарда I (Львиное Сердце).
Въ Британскомъ музее въ Лондонѣ.

зналъ, какъ непрочно была власть этого страстно-прихотливаго, беззавѣстнаго короля. Онъ наложилъ интердиктъ на страну, вслѣдствіе того, что Іоаннъ не хотѣлъ признавать предложеннаго кандидата; а король Французскій, Филиппъ-Августъ, которому было невыносимо могущество Плантагенетовъ, посѣшилъ пойти войною на изгнаннаго, вторгнувшись въ самую Англію. Однако, Іоаннъ, не желая оправдывать насмѣшливой клички «Безземельнаго», приданной отцомъ своему младшему сыну, отвратилъ отъ себя опасность рѣшительной мѣрой: онъ заявилъ, что готовъ принять свои владѣнія въ качествѣ лена отъ папы. Торжественный актъ этотъ былъ совершенъ въ 1213 г., при чемъ папскій легатъ, архіепископъ Стефанъ Лангтонъ, снялъ отлученіе съ короля. Такимъ образомъ, Французамъ не удалось высадиться, но не такъ легко было Іоанну поладить съ оппозиціею магнатовъ, которымъ Иннокентій приказывалъ не противиться отнынѣ болѣе его лэннику. Іоаннъ, только что вернувшійся послѣ пораженія при Бовинѣ, предлагалъ имъ предоставить дѣло рѣшенію папы и надѣялся править по-прежнему, благодаря поддержкѣ такого союзника. Но противная сторона умѣла тоже постоять за себя.

Горожане лондонскіе,—которыхъ, какъ гражданъ главнѣйшаго города въ странѣ, именовали тоже баронами или магнатами,—примкнули къ врагамъ короля, и ему не оставалось болѣе ничего, какъ пойти на уступки. Онъ прибылъ изъ Виндзорскаго дворца на Рённемедскую равнину и подписалъ договоръ, предложенный ему баронами (1215).

Magna
charta.
1215.

Это была та «Великая хартія», ограждавшая гражданскую свободу, «*Magna charta libertatum*», которая была направлена противъ королевскаго и церковнаго произвола, охраняла весьма обстоятельно права не одного только дворянства, но и всѣхъ классовъ населенія, и составляла родъ конституціи, свидѣтельствуя, съ тѣмъ вмѣстѣ, объ исчезновеніи розни между Норманнами и Англо-Саксами. Этотъ весьма обширный документъ (19 июня 1215 г.) включалъ 63 статьи, которыми устанавливалось: свободное избраніе епископовъ; устраненіе неправильныхъ притязаній верховнаго лэннаго владыки; возвышеніе налоговъ (за нѣкоторыми исключеніями) допускалось отнынѣ лишь съ согласія высшаго совѣта, членами котораго должны были состоять непосредственные лэнники короля, бароны и епископы королевства. Обычное право должно было оставаться въ своей силѣ, при постоянномъ засѣданіи суда въ Уэстминстерѣ; рѣшеніе споровъ по лэннымъ вопросамъ предоставлялось судамъ лэнныхъ графствъ, состоявшимъ изъ коронныхъ чиновниковъ, но въ присутствіи четырехъ членовъ отъ рыцарства. Собственность признавалась неприкосновенною, разумѣя: у свободнаго лица—его свободу и имущество; у купца—его товаръ; у несвободнаго—его земледѣльческія орудія. Свободный подвергался приговору лицъ своего сословія, слѣдовательно—суду присяжныхъ, и безъ повальнаго обыска. Городъ Лондонъ и другіе города сохраняли свои старинныя привилегіи; всякія произвольныя пошлыны возбранялись; въ мѣрахъ и вѣсахъ вводилось однообразіе; иностранные купцы имѣли свободный доступъ; недавно-огражденные лѣса не признавались частной собственностью. Провозглашалась амнистія; комиссія изъ двадцати пяти бароновъ королевства—между ними и лондонскій мэръ—должна была наблюдать за выполненіемъ и поддержаніемъ и впредь всѣхъ статей этой великой освободительной грамоты. Иннокентій подвергнулъ отлученію бароновъ и лондонскихъ гражданъ и отрѣшилъ тоже архіепископа Лангтона, участвовавшего заодно съ ними въ такомъ «развратномъ» дѣяніи. Тотчасъ же разгорѣлась борьба изъ-за хартіи; король умеръ вскорѣ (1216), но при его сынѣ, *Генрихѣ*, вступившемъ на престолъ девятилѣтнимъ ребенкомъ, эта конституція вошла въ силу, хотя зависимость государства отъ папы и связанная между собою панскія и королевскія притязанія еще долго не переставали посягать на нее. Все продолжительное царствованіе Генриха занято этою борьбою противъ хартіи и войнами съ Франціей. Англійскій историкъ Маколей замѣчаетъ совершенно справедливо, что при безусловно счастливымъ исходѣ этихъ войнъ для Французовъ центръ тяжести всего могущества перешелъ бы во Францію, и Англія обратилась бы лишь въ провинцію сильнаго французскаго государства; если же военныя дѣйствія закончились бы для Французовъ потерей областей по сю сторону Гаронны, то главнымъ государствомъ осталась-бы Англія. Но въ борьбѣ за конституцію побѣда осталась за вдохновителями и сторон-

Генрихъ III, король Англійскій.
Съ гробницы его въ Вест-
минстерскомъ аббатствѣ въ
Лондонѣ.

никами великаго освободительнаго уложенія. Съ своимъ вожакомъ, Симономъ Монфорскимъ, они прибавили къ этой хартии еще статуть,—такъ-называемый «Оксфордскій указъ», крайне ограничивающій королевскую власть. При возникшей, по этому поводу, новой борьбѣ, Симонъ Монфорскій, «капитанъ» партіи бароновъ, пришелъ къ рѣшенію, важному по своимъ послѣдствіямъ: онъ созвалъ уполномоченныхъ отъ рыцарства, отъ городовъ и отъ «нйи пэровъ», для ихъ совмѣстнаго засѣданія въ парламентъ съ баронами. Могущество этихъ собраній, хотя не окрѣпшихъ еще въ опредѣленную форму, выказалось уже въ противодѣйствіи лицамъ царствовавшего тогда дома, какъ, напримѣръ, при вопросѣ о проектѣ, измышленномъ Иннокентіемъ IV изъ-за его ненависти къ Штауфенскому дому: согласно этому плану, младшій сынъ Генриха III, *Эдмондъ*, долженъ былъ овладѣть короною Неаполя и Сициліи. Предпріятіе осталось даже неначатымъ, только благодаря разумному отпору парламента, осуждавшего такую политику приключеній и отказавшаго въ выдачѣ денегъ (1257).

Въ то время какъ въ Англій мѣстная аристократія, въ связи съ демократическими или, по крайней мѣрѣ, городскими элементами, прибрѣтала большое значеніе, одержавъ вышеупомянутую побѣду надъ королевскимъ полновластіемъ, — или неограниченнымъ произволомъ, — во Франціи замѣчается скорѣе обратное направленіе въ царствованіе *Филиппа I* (1060—1108), *Людвика VI* († 1136), *Людвика VII* († 1180), *Филиппа II Августа* († 1223), *Людвика VIII* († 1226) и *Людвика IX* или *Святого* († 1270). Ни въ одной странѣ не возбуждала такого энтузіазма мысль о Крестовыхъ походахъ, какъ мы это увидимъ, нигдѣ

Франція со
временъ Фи-
липпа I.

не держалась она такъ упорно, но королевская власть извлекала изъ этого уже не столько непосредственной пользы, какъ это предполагается: при трехъ первыхъ изъ упомянутыхъ королей, до 1196 г., съ короною не соединялось никакого значительнаго лѣна. Въ продолженіе всего этого періода главные вассалы очень могущественны: народная жизнь протекаетъ въ этихъ обособленныхъ и своеобразныхъ предѣлахъ, и самая мысль о завоеваніи Святой Земли находитъ своихъ первыхъ и усердѣйшихъ ревнителей среди крупныхъ землевладѣльцевъ. Но еще со временъ Хлодвига французское духовенство искало у королей покровительства противъ посягательствъ свѣтскихъ вельможъ. Такъ, сенъ-денискій аббатъ Сугерій призываетъ *Людвика VII* обратно, заставляя его покинуть богоугодѣйшее изъ церков-

ныхъ дѣлъ, Крестовый походъ, ради того, чтобы «не оставлять долѣ стада на произволъ волковъ». Два царствованія, Филиппа-Августа (1180—1223) и Людовика Святого (1226—1270), особенно замѣчательны. При воцареніи перваго, половина страны, которую мы зовемъ теперь Франціей, была въ рукахъ Англичанъ. Послѣ начатой войны, оба короля, Филиппъ-Августъ и Ричардъ Англійскій, соединились для общаго Крестоваго похода, при чемъ Фи-

Печать Генриха III.

Изъ актовъ Британскаго музея въ Лондонѣ.

липпъ, какъ мы это видѣли, выбралъ болѣе удачно время для своего возвращенія, нежели Ричардъ. Филиппъ-Августъ былъ прямымъ, твердымъ, послѣдовательнымъ правителемъ и съумѣлъ, въ качествѣ верховнаго судьи, заставить и Англійскаго короля Иоанна, — по закону, его вассала, — признать, послѣ битвы при Бовинѣ (1214), его, Филиппа, права: онъ доказалъ ему, что принудить каждаго изъ своихъ бароновъ, — будь онъ хотя король Англійскій, — уважать однажды при-

писанную присягу. Въ этомъ сраженіи ему помогали и общинныя войска; вѣсть о побѣдѣ вызвала общую радость во всей странѣ; въ этомъ движеніи замѣтенъ впервые какъ-бы проблескъ общаго національнаго чувства во французскомъ народѣ. Пана, питавшій прежде сильное неудовольствіе на Филиппа за то, что онъ развелся безъ достаточной причины съ своею супругою, датскою принцессою, и затѣмъ, не обращая никакого вниманія на палскія увѣщанія, вступилъ въ новый бракъ, думалъ сначала воспользоваться имъ, какъ орудіемъ противъ Иоанна Англійскаго; этотъ завоевательный походъ не состоялся, но вмѣсто того вспыхнула на Югѣ Франціи альбигойская война, которая особенно усилилась при влукѣ Филиппа, Людовикъ IX. Во время регентства вдовы Людовика VIII, испанской принцессы Бланки Кастильской, въ 1229 г. былъ заключенъ договоръ съ графомъ Тулузскимъ, который передавалъ свое богатое, но разоренное войною графство французской коронѣ; при Филиппѣ-Августѣ непосредственные удѣлы этой послѣдней были уже столь обширны, что ни одинъ изъ главнѣйшихъ вассаловъ не могъ уже единолично возставать противъ нея.

Правленіе Людовика IX было однимъ изъ благодѣлѣйшійшихъ, когда-либо упоминаемыхъ исторіей. Благочестіе этого короля, хотя и носившее, согласно духу времени, монашески-аскетическую окраску (онъ постоянно держалъ при себѣ, въ мѣшечкѣ у пояса, тонкія цѣпи, которыми его духовникъ бичевалъ часто его гнѣвное дѣло), было, тѣмъ не менѣе, вполнѣ искреннимъ и глубокимъ. Онъ понималъ серьезно свое королевское призваніе, былъ проникнутъ идеею справедливости, которую уважалъ всегда, хотя бы даже въ ущербъ своему личному интересу.

Прежде всего, въ сферахъ дѣйствія, завистѣвшихъ непосредственно отъ короны, онъ ввелъ хорошіе судебныя уставы, совершенно устранилъ судебныя поединки; далѣе онъ опредѣлилъ порядокъ обжалованія приговоровъ баронскихъ судовъ передъ судомъ королевскимъ, или даже посредствомъ прямой подачи жалобы ему, королю, весьма внимательно-вникавшему во всякое дѣло и обладавшему несомнѣнною, прирожденною судейскою способностью. Учрежденіе сказаннаго порядка вызвало вскорѣ общее сочувствіе уже потому, что король часто присуждалъ вздорныхъ жалобщиковъ къ денежнымъ

штрафамъ, а самая возможность подачи такихъ апелляціонныхъ жалобъ при убѣжденіи, что «никто не стоитъ такъ высоко, чтобы нельзя было и его притянуть къ королевскому суду», пробуждала въ народѣ несокрушимое сознаніе права. Правовѣдѣніе, развиваясь далѣе на основѣ римскаго права, усвоивало уже понятіе о *causae regiae*,—особыхъ обстоятельствахъ, подлежащихъ суду самого короля,—почерпнувъ тоже изъ римскаго кодекса понятіе о преступленіи «противъ Величества». Частныя распри не прекратились, понятнымъ образомъ, но повсюду,—въ области административной, податной, полицейской, законодательной,—водворился «государственный строй», средоточіемъ и вѣнцомъ котораго былъ король. Къ нему обращались взоры всѣхъ и отъ него ожидали всѣ рѣшающаго слова въ безчисленномъ множествѣ отношеній и случаевъ. Къ такому устроенію государства были привлечены, прежде всего, великіе вассалы: герцоги Норманскій, Гюенскій, Бургундскій, графы Шампанскій, Тулузскій и Фландрскій; эти шесть свѣтскихъ «принцевъ Франціи» съ равнымъ числомъ духовныхъ сановниковъ: архіепископа Реймскаго и епископовъ изъ Бове, Шалона, Нойона, Лана и Лангра,—составляли верховный коро-

Правленіе
Людовика
IX.

Король Французскій Людовикъ IX на тронѣ.
По миниатюрѣ въ рукописи XIV в., хранящейся въ національной бібліотекѣ въ Парижѣ.

левскій совѣтъ, имѣвшій постоянно значительное, но не тормозящее вліяніе на ходъ дѣлъ. Въ 1259 г., Людовикъ заключилъ договоръ съ Англійей, при чемъ выказалъ свою разумно-государственную сдержанность: онъ добровольно уступалъ Англійскому королю нѣсколько областей, при чемъ тотъ присягнулъ ему на вѣрность, отказываясь, въ то же время, отъ всѣхъ своихъ правъ на Нормандію, Анжу, Турень, Мэнъ и Пуату въ пользу французской короны. Еще къ большей славѣ Людовика служитъ то, что его строгое повятіе о правѣхъ и долгахъ не покидало его и въ его отношеніяхъ къ Церкви, несмотря на всю его набожность, на которую духовенство возлагало слишкомъ много излишнихъ надеждъ. Иннокентій IV, въ своей великой борьбѣ съ римскимъ императоромъ, забывалъ всякую мѣру: духовныя средства борьбы—отлученія и интредикты—употреблялись позорно для вымоганія денегъ, въ которыхъ безгранично нуждались, повидимому, эти, хотя и не семейныя, духовныя лица. Но въ 1247 г., именно во Франціи, образовался большой союзъ высшаго дворянства для отпора противъ становившихся, наконецъ, нестерпимыми притязаній церковниковъ; а незадолго до своей смерти, въ 1269 г., самъ Людовикъ издалъ постановленіе, подъ именемъ «Прагматической Санкціи», которою опредѣлялись съ точностью церковныя отношенія, и всѣ притязанія духовныхъ лицъ заключались принудительно въ извѣстныя границы.

Печать Людовика IX.
Въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Такимъ образомъ, Людовикъ сумѣлъ защитить свое королевское достоинство и своихъ подданныхъ даже противъ такого могущественнаго папы, какъ Иннокентій IV.

Благочестіе Людовика просіяло съ особенной силою, которая могла пристыдить остальной міръ, еще въ одномъ дѣлѣ: съ его именемъ связаны послѣднія попытки, сдѣланныя для освобожденія Святой Земли изъ-подъ власти невѣрныхъ. Отношенія христіанскихъ государствъ къ мусульманскому міру, составлявшія восточный вопросъ того времени, принимали весьма разнообразныя формы. Ихъ нельзя назвать рѣшительно враждебными, потому что, при всемъ превосходствѣ своемъ, руководящія классы европейскаго общества обнаруживали на себѣ вліяніе этого міра при исходѣ такъ-называемыхъ Крестовыхъ походовъ. Всего непосредственнѣе отражалось это вліяніе на Пиринейскомъ полуостровѣ, гдѣ необходимость борьбы съ исламомъ служила собственно какъ-бы побужденіемъ къ созиданію государствъ. Побѣда христіанства въ Испаніи рѣшалась именно въ эту эпоху. Изъ четырехъ христіанскихъ государствъ или государственныхъ

Христіанство и исламъ. Пиринейскій полуостровъ.

группы, которыя можно признавать существующими въ это время на полуостровѣ, то-есть, королевствѣ Наваррскаго, Арагонскаго, Кастильскаго и Португальскаго; послѣднее образовалось позднѣе всѣхъ, и именно въ этотъ періодъ. Одинъ изъ кастильскихъ королей, *Альфонсъ VI*, передалъ отнятую имъ у Аравитянъ, на нижнемъ Дуэро, область своему зятю *Генриху Бургундскому*, изъ дома Капетинговъ, въ наслѣдственное владѣніе (1109). Послѣ одной побѣды надъ маврами при *Урихъ* (1139), преемникъ этого Генриха, Альфонсъ I, былъ провозглашенъ королемъ; онъ и его наслѣдники продолжали тѣснить Мавровъ, при чемъ, получая случайную помощь, какъ было уже рассказано выше (1147), отъ проходившихъ войскъ крестоносцевъ, расширяли постепенно свои владѣнія къ югу до Альгварайскихъ горъ и даже далѣе. Эта борьба, въ которой принимали участіе и Тамплеры, и Иоанниты, придавала аристократическій строй государству: при сословныхъ собраніяхъ, которыя созывались въ Ламехо, лежавшемъ къ югу отъ средняго Дуэро, представители городовъ отступали на задній планъ. Королевство Кастильское расширилось тоже насчетъ Аравитянъ, и здѣсь, какъ и въ Португаліи, постоянныя битвы вызвали учрежденіе рыцарскихъ орденовъ по образцу палестинскихъ, и проникнутыхъ подобно имъ духомъ аристократической независимости, основанной на твердой организаціи ордена и громадности его владѣній. Таковы были ордена *Калатравы* (1157), *Св. Яно* (1175) и *Алькантары* (1219). Несчастная система наслѣдственныхъ раздѣловъ, обезсиливавшая королевскую власть, была уничтожена лишь Фердинандомъ III (1230—1252), который установилъ законъ о нераздѣльности Кастиліи, Леона и Галиціи; при немъ же были отняты у Аравитянъ вся долина Гвадалквивира, область Андалузія и часть Мурсіи, прилегающая къ Средиземному морю; мусульмане должны были ограничиваться одною юго-восточной частью полуострова—Гренадой. Фердинандъ положилъ основаніе судебному уложенію, установилъ порядокъ престолонаслѣдія и учредилъ верховное судилище, какъ высшую апелляціонную инстанцію; но третьему сословію было трудно одерживать здѣсь верхъ надъ грандами, которые обратили свой обычай противорѣчить королю, въ иныхъ случаяхъ, въ формальное право, и состоя большею частью въ союзѣ съ духовенствомъ, держали города и села въ полнѣйшемъ подчиненіи. Земли, отвоеванныя арагонскими королями у Мавровъ, придавали возрастающее значеніе области, сначала ничтожной; въ 1118 г. Арагонцами была взята и обращена въ столицу *Сарагосса* на среднемъ Эбро. Благодаря счастливому браку (1137), къ Арагонскому королевству было присоединено графство Каталонское, чѣмъ было положено основаніе дѣйствительно-сильному государству, а король *Хаиме* или *Яковъ I* (1213—1276) упрочилъ это могущество, отнявъ у мусульманъ Майорку, Валенсію и часть Мурсіи. Здѣсь, въ приморскихъ мѣстностяхъ, города занимали уже болѣе независимое положеніе на ряду съ дворянствомъ, духовенствомъ и оброчнымъ сельскимъ населеніемъ: уже въ XII столѣтіи они высылали своихъ представителей на арагонскіе сеймы.

Въ то время, какъ на Западѣ христіанство и слѣдовавшія за нимъ созидательныя государственныя дѣйствія начали переходить изъ обороны въ наступленіе, болѣе и болѣе тѣсня мусульманъ, обреченныхъ лишь на

Востокъ. Латинская имперія.

затруднительную самозащиту, на Востокъ происходило обратное: наступательныя дѣйствія, которымъ придается, вообще, названіе Крестовыхъ походовъ, рѣшительно не удавались. Прежде всего, оказалась несостоятельною Латино-Греческая имперія, отъ которой можно было ожидать поддержки христіанскимъ колоніямъ, основаннымъ въ Палестинѣ. Въ то время, какъ упомянутый *Теодоръ Ласкарисъ* былъ признанъ императоромъ въ Малой Азіи и избралъ своею резиденціей *Никею*, почти насупротивъ самаго Константинополя, первый изъ латинскихъ императоровъ, *Балдуинъ*, умеръ въ болгарской темницѣ (1206). Ему наследовалъ братъ его *Генрихъ*, человекъ очень способный, съ которымъ вступилъ въ союзъ *Фессалоникійскій* король, маркграфъ *Бонифацій*, для совмѣстнаго дѣйствія противъ Болгаръ и непокорныхъ греческихъ подданныхъ. Но *Бонифацій* былъ убитъ въ сраженіи противъ Болгаръ (1207) и его голова была представлена, какъ трофей, ихъ королю *Іоанну*. Для прочнаго развитія франкскаго господства на Востокъ было необходимо предварительное соединеніе римской и греческой Церкви, но этому упорно противилось туземное населеніе, и многоначаліе въ «Романіи» съ безконечными раздорами различныхъ владѣльцевъ препятствовало какъ этому, такъ и великому шагу впередъ. Вскорѣ послѣ того, какъ королевство *Фессалоникійское* подпало подъ власть деспота *Эпирскаго*, пятый изъ этихъ безсильныхъ государей, *Балдуинъ II*, былъ вынужденъ умолять Западъ о помощи, и жалкое положеніе его правленія достаточно обрисовывается тѣмъ, что онъ долженъ былъ заложить драгоценнѣйшую изъ реликвій, терновый вѣнецъ Спасителя. Но помощь съ Запада не пришла, и уже въ 1261 г. исполнились судьбы Константинополя, не устоявшаго передъ нападениемъ императора *Михаила VIII* или одного изъ его военачальниковъ. Нѣкоторые изъ отдѣльныхъ государствъ, основанныхъ на древне-греческой территоріи, имѣли свой кратковременный цвѣтущій періодъ: таковы были герцогство *Аѳинское* и княжество *Ахайское*; но одни Венеціанцы извлекли долговременную выгоду изъ предпріятія, задуманнаго ихъ великимъ согражданиномъ и проведеннаго имъ съ практическимъ примѣненіемъ благочестія и расчетливой смѣткою.

Сирія и Египетъ.

Для великой цѣли собственно «Крестовыхъ» походовъ Латинская имперія была лишь помѣхой. Срокъ перемирія, заключеннаго императоромъ *Фридрихомъ II*, истекъ въ 1239 году, и борьба возобновилась. Въ этомъ же году король *Наварскій* *Теобальдъ* и нѣкоторые другіе большіе владѣтели предприняли Крестовый походъ; въ слѣдующемъ году высадились въ *Акко* англійскія войска подъ начальствомъ графа *Ричарда Корнваллійскаго*, брата короля *Генриха III*. Первое изъ этихъ предпріятій не имѣло успѣха; при второмъ *Ричарду* удалось заключить миръ, посредствомъ переговоровъ съ сыномъ *Эль-Камиль-Эюба*, благодаря чему было освобождено много плѣнныхъ Франковъ (1241). Но, черезъ три года, *Эюбъ* принялъ въ свои войска турецкихъ наемниковъ, «*Хоаресміицевъ*», которые вели войну такимъ жестокимъ способомъ, что, при ихъ приближеніи, христіане, со своимъ патріархомъ во главѣ, бѣжали изъ *Іерусалима*, предоставляя его, безъ боя, варварской ордѣ, при чемъ городъ навѣки былъ утраченъ для христіанства. Войска христіанъ соеди-

нились еще однажды, но потерпѣли позорное пораженіе при *Газь* (1244). Соединеніе короны іерусалимской, отнятой у Штауфеновъ, съ кипрскою, въ 1246 году, мало помогло дѣлу; можно было предвидѣть полное уничтоженіе христіанскаго господства въ Сиріи, и въ весьма близкомъ будущемъ. Такое положеніе дѣлъ очень озабочивало Иннокентія IV: проповѣди на пользу Крестовыхъ походовъ возобновились, все христіанское духовенство было обложено сборомъ, самъ папа и кардиналы жертвовали десятый процентъ со своихъ доходовъ; но Иннокентій самъ подрывалъ усѣихъ предпріятія своею борьбою съ императоромъ и постыднымъ злоупотребленіемъ крестоваго знамени и крестоносческихъ обѣтовъ. Настроеніе правящихъ классовъ въ Европѣ было уже и такъ охлаждено прежними неудачами; наступало критическое отношеніе къ дѣлу, и новый походъ подготовлялся безъ воодушевленія,—можно сказать, даже съ явнымъ несочувствіемъ. Для того, чтобы побороть затрудненія, требовался авторитетъ личности, подобной Людовику IX, и проникнутой его глубокой религіозностью. Онъ возобновилъ теперь, вполне сознательно, обѣтъ, данный имъ однажды, во время тяжкой болѣзни, и походъ состоялся въ 1248 году.

Въ сентябрѣ Людовикъ прибылъ со своимъ рыцарствомъ, на генуэзскихъ судахъ, къ острову Кипру. По долгомъ обсужденіи, было рѣшено напасть, прежде всего, на Египетъ. Войско сѣло на суда въ февралѣ 1249 года. Высадка у Даміята совершилась благополучно: мусульманская армія очистила поле безъ большого сопротивленія, предоставляя Французамъ столь важный пунктъ, какъ Даміята. Усились еще прибывшими отрядами паломниковъ, Людовикъ двинулся въ походъ, вверхъ по теченію Нила, къ Кагирѣ; но войско, передвиженіе котораго, весьма затруднительное, велось до крайности неумѣло, попало, среди Нижняго Египта, пересѣченнаго каналами, въ крайне тяжелое, даже отчаянное, безвыходное положеніе. Самъ король, его братъ и многие рыцари должны были сдаться въ плѣнъ, послѣ того, какъ непріятельскія войска, съ новымъ страшнымъ отрядомъ въ нихъ, «мамелюками», безпощадно расправились съ нижними чинами арміи; многие, изъ взятыхъ въ плѣнъ и не подававшихъ хорошей надежды на выкупъ или отказывавшихся принять мусульманство, обезглавливались на мѣстѣ. Королю удалось заключить перемиріе, но цѣною громаднаго выкупа; Даміята была отдана вновь и многие изъ уцѣлѣвшихъ крестоносцевъ вернулись на родину; самъ Людовикъ съ небольшимъ числомъ преданныхъ лицъ отправился моремъ въ Акконъ. Раздоры и всякая смута, господствовавшая въ мусульманскомъ лагерѣ не менѣе, нежели въ христіанскомъ, помѣшали еще побѣдителямъ воспользоваться вполне пораженіемъ крестоносцевъ, и Людовикъ, котораго мать его, Бланка, тщетно убѣждала возвратиться, пробылъ въ Сиріи еще до 1254 года. Въ трогательномъ посланіи къ своимъ подданнымъ просить онъ ихъ не оставлять неоконченнымъ богоугодное дѣло. Это воззваніе послужило лишь источникомъ новыхъ бѣдствій. Высшіе классы оставались равнодушными, но низшіе воспламенились фанатизмомъ. Въ дикомъ опьянѣніи несбыточными мечтами, тысячи людей собирались въ громадныя полчища, мнившія себя призванными къ освобожденію Святой

Шестой Крестовый походъ. 1248.

Земли. Къ нимъ примыкаль всякій сбродъ и скоро эти толпы, презиравша всякую подчиненность, даже и въ отношеніи духовенства, потянулись изъ мѣста въ мѣсто, внося всюду опустошеніе и разбой. Даже и послѣ того, какъ онѣ разсѣялись, потерявъ своего вожака, воспоминаніе объ ужасахъ, совершенныхъ этими «пастушками» (pastorelle), только усиливало общее нерасположеніе къ Крестовымъ походамъ. По возвращеніи Людовика во Францію, положеніе дѣлъ въ Палестинѣ стало еще безнадежнѣе, тѣмъ болѣе, что большіе итальянскіе города—Венеція, Генуя и Пиза—перенесли свои торговыя распри и въ Сирію, гдѣ безъ того не было недостатка въ раздорахъ. Христіанскія колоніи еще держались, временно, благодаря опасности, которая угрожала магометанскимъ государствамъ со стороны Монголовъ, съ которыми христіане вступили теперь, поэтому, въ дружественныя сношенія. Но съ 1260 г. имъ сталъ угрожать новый опасный врагъ въ лицѣ мамелюккаго князя Бибарса, который, умертвивъ эюбидскаго султана, присоединилъ Сирію къ Египту и сильно утвердился въ обѣихъ странахъ. Онъ овладѣлъ въ 1265 году Цезареей, въ 1268 году—Яффою, въ томъ же году—Антіохіей, захватывая такъ всѣ мѣстные города, одинъ за другимъ.

Седьмой Крестовый походъ. 1270.

Такія бѣдствія заставили французскаго короля прибѣгнуть къ послѣднимъ средствамъ. Снова были пущены въ ходъ тѣ пружины, которыми оживлялись умы въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Собралось войско; другіе государи: король Наварскій, Теобальдъ, король Арагонскій, братъ Людовика, Карль,—новый властитель Сициліи, руки котораго еще не были омыты отъ крови послѣдняго Штауфена, какъ будетъ сказано ниже,—возложили на себя крестъ. Послѣднее обстоятельство, то есть, участіе короля Сицилійскаго въ этомъ походѣ, имѣло, повидимому, рѣшающее значеніе въ планѣ военныхъ дѣйствій: было определено идти сначала на Тунисъ, одолѣть тамошняго эмира или обратитъ его въ христіанство, какъ на то надѣялись, и тогда уже двинуться противъ Египта. Но предпріятіе не удалось, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ успѣховъ; климатъ оказался губительнѣе для войска, нежели самъ непріятель: 3 августа 1270 года умеръ сынъ короля Людовика, а черезъ нѣсколько недѣль позже, и самъ Людовикъ, слабое здоровье котораго было совершенно неспособно противустоять трудностямъ похода съ самаго начала этого предпріятія. Съ кончиною короля померкъ священнѣйшій характеръ похода, который завершился договоромъ, даровавшимъ христіанскому духовенству право свободнаго отправленія обрядовъ своей религіи въ тунисскихъ владѣніяхъ; сверхъ того, эмиръ принималъ на себя обязательство выплачивать извѣстную дань новому королю Сициліи, подобно тому, какъ онъ платилъ ее прежде Штауфену.

Паденіе Аккона. 1291.

Такъ закончилась эта экспедиція, которую слишкомъ громко называютъ «седьмымъ Крестовымъ походомъ» (1270). Прежде нежели успѣло завершиться столѣтіе, палъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, и послѣдній оплотъ христіанъ въ Палестинѣ, хорошо укрѣпленный, многолюдный и богатый Акконъ (1291).

Сарацынское оружіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдствія Крестовыхъ походовъ и времена междуцарствія.— Смерть Конрадина.

Обѣты освобожденія Святыхъ Мѣстъ держались еще нѣсколько времени, какъ идея, а вскорѣ перешли только въ фразу, которую никто уже не думалъ осуществить на дѣлѣ. Эта фраза осталась вѣскимъ орудіемъ въ благоустроенномъ арсеналѣ Западной Церкви,—орудіемъ, которое было снова пущено въ дѣло, когда, при великой исторической борьбѣ Запада съ Востокомъ, нападеніе шло съ Востока; употреблялось то же орудіе и при другихъ случаяхъ. Остроумно и глубоко выразился философъ-ислѣдователь исторіи человѣчества, Гегель, говоря, что европейское человѣчество, при своихъ воинственныхъ паломничествахъ къ гробу Спасителя, обрѣло тамъ тотъ же отвѣтъ, который былъ вѣкогда данъ ученикамъ: «Что ищите Живого среди мертвыхъ? Его нѣтъ здѣсь, Онъ возсталъ». Великія основы христіанства и ихъ сила, увлекающая и освобождающая народы, не связаны съ обладаніемъ извѣстными мѣстностями, бывшими земнымъ поприщемъ первой дѣятельности Спасителя, завѣщавшаго Своимъ ученикамъ, что Онъ пребудетъ съ ними до конца вѣковъ, всегда и вездѣ. Той грѣзѣ, которая, изъ поколѣнія въ поколѣніе, утрачивала, болѣе и болѣе, свой набожный характеръ, приносились въ жертву, почти ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ, громадныя массы народа,—а между тѣмъ, обладаніе Св. Гробомъ скоро было утрачено, и притомъ навсегда. Тѣмъ не менѣе, эти походы составляютъ въ высшей степени знаменательную и полную глубокаго значенія эпоху въ исторіи человѣчества. Во многихъ отношеніяхъ, вліяніе ихъ можно сравнить съ тѣмъ, которое вызывается въ жизни отдѣльнаго лица совершеніемъ большого путешествія; но слѣдуетъ, разумѣется, остерегаться признавать за исключительное послѣдствіе

Крестовые походы. Общій взглядъ.

Крестовыхъ походовъ то, что было результатомъ работы разнообразнѣйшихъ, присущихъ тому времени, силъ.

Усиленіе
вѣры.

Движеніе народилось, вначаль, изъ переполнявшаго души чувства, которому религиозное вѣрованіе указало опредѣленную цѣль; можно тоже сказать, что избытокъ населенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызвалъ эту, своего рода, эмиграцію. Походы эти нельзя назвать чѣмъ-то совершенно новымъ, ни съ матеріальной, ни съ духовной стороны: относительно первой, мы видимъ, что передвиженія, скитанія людей за поисками земель не прекращались со времени великой колонизаціи, которую принято называть эпохою переселенія народовъ; что касается духовной стороны дѣла, то извѣстно тоже, что съ давнихъ временъ, задолго до 1096 г., ежегодно, каждой весною, изъ итальянскихъ портовъ отправлялись цѣлыя толпы въ Иерусалимъ. Въ данное время, такое движеніе пріобрѣло новое значеніе, потому что мысль объ освобожденіи Св. Земли становилась собственно модною мыслью, оставаясь модною и на долгое время, и что всѣ страсти и душевныя побужденія, какъ хорошія, такъ и дурныя, какъ высокія, такъ и низменныя, смѣшивались съ этою мыслью, служили ей на пользу, принимали отъ нея свою окраску, вслѣдствіе чего, весьма часто, сообщали сами благочестивому движенію весьма мірской характеръ. Грубая физическая сила и самое чувственное представленіе о священныя предметахъ, тупое невѣжество и недостатокъ развитія, предававшее лицъ высшихъ и низшихъ сословіи, духовенство и мірянъ въ жертву необузданной фантазіи, простодушная, дѣтская вѣра, какъ и столь же простодушная и дѣтская погоня за новизной и забавой,—все это одинаково содѣйствовало движенію, въ основѣ котораго лежала та вѣра въ сверхъестественное, въ чудеса, о силѣ которой мы не можемъ имѣть и представленія въ настоящее время. Возможность осуществленія великой теократической идеи,—ея проникновенія въ общественный строй,—поощряла духовенство къ возможно сильнѣйшему возбужденію умовъ въ сказанномъ фантастически-набожномъ направленіи; поэтому этотъ періодъ ознаменованъ наивысшимъ господствомъ Церкви и ея служителей. Съ тою же наивною смѣлостью, съ которою папы того времени заявляли свои притязанія на всемірное главенство, и въ словахъ Спасителя Петру: «Я дамъ тебѣ ключи Царствія Небеснаго», усматривали такой смыслъ, что Св. Петру и его преемникамъ даны бразды правленія надъ міромъ небеснымъ и земнымъ,—съ такою же наивною папскіе легаты и патріархи, а въ низшихъ сферахъ отшельники и монахи вели большія арміи и принимали на себя руководство военными дѣйствіями, о которыхъ понятія не имѣли. Подобно этому безчисленны были и жертвы. Трудно найти въ исторіи другія боевыя предпріятія или переселенія, которыя сопровождались бы подобными или хотя бы приблизительно подобными потерями человѣческихъ жизней и скопленіемъ столькихъ бѣдствій, представляя въ то же время, въ конечномъ результатѣ своемъ, такое жалкое несоотвѣтствіе между достигнутымъ, или и вовсе не достигнутымъ, и тѣми силами, которыя были приведены въ дѣйствіе для достиженія этой цѣли.

Ослабленіе
вѣры.

Вслѣдствіе именно этого, конечныя событія и вліяніе послѣднихъ походовъ представляютъ нѣчто совершенно противоположное тому, что было

первоначально. Наступило потрясающее, всеобщее отрезвление. Чудеса, върба въ которыя была такъ сильна, что всегда находилось множество очевидцевъ ихъ совершенія, оказались обманомъ; въ чужихъ земляхъ, даже въ той, которая именовалась *Святою*, обстояло все такъ же, или почти такъ же, какъ и на родинѣ паломниковъ, и за морями жили люди тѣмъ же порядкомъ, какъ и здѣсь. Скоро пробудился критическій духъ, далеко не сходный съ «Deus lo volt» Клермонтскаго собора. Отрезвленные умы находили, что если бы Господь былъ недоволенъ тѣмъ, что Святыя Мѣста—въ рукахъ у Сарацинъ, то измѣнилъ бы такое положеніе дѣла и безъ Крестовыхъ походовъ. Но этого было еще мало: люди имѣли случай познакомиться съ другими народами и другими вѣроисповѣданіями, узнали ихъ теперь не по однимъ пристрастнымъ изображеніямъ ограниченнаго духовенства, но сталкиваясь съ ними лично, на мѣстѣ, и приходили къ тому убѣжденію, что съ послѣдователями Магомета еще можно ладить. Многие и именно изъ числа членовъ тѣхъ орденовъ, которые первые же воодушевляли всѣхъ, увлекались теперь до легкомысленнѣйшаго невѣрія и опасныхъ святотатственныхъ выходовъ. Собственно, впрочемъ, съ самаго начала существовало извѣстное теченіе мысли, осуждавшее это стремленіе вдаль, въ погоню за приключеніями. Это противодѣйствіе сказывалось особенно между Нѣмцами, склонными къ спокойной работѣ на родинѣ, при честномъ отчужденіи отъ всякой неразборчивой, неразумной, безшабашной непосѣдливости. Такое настроеніе одержало верхъ, оправдываясь сотни и тысячи разъ примѣрами тѣхъ, которые возвращались разочарованными, обнищавшими, и еще большимъ числомъ не возвратившихся, пропавшихъ безъ вѣсти. Но, вообще, мірскіе расчеты, матеріальные интересы выступали все болѣе и болѣе на первый планъ при повтореніи походовъ. Въ какой степени заслуживали отпущенія грѣховъ побывавшіе въ Св. Землѣ—это становилось сомнительнымъ, потому что тамъ весьма процвѣтали всякіе грѣхи, какъ мѣстныя, такъ и вывезенныя съ чужбины; но что тамъ можно было нажить денегъ и всякаго добра—это было ясно, судя по обогащенію итальянскихъ приморскихъ городовъ, которые пользовались вѣрнѣйшими барышами. Общимъ послѣдствіемъ всего этого было то, что люди, отрѣшась отъ надежды добиться сплюю небесныхъ благъ, рѣшились старательнѣе воздѣлывать землю, примѣняя силы, дарованныя человѣку, болѣе разумно и на своей отечественной почвѣ.

Несомнѣнно, что жизнь, вообще, въ теченіе этихъ двухъ столѣтій, стала богаче, свѣтлѣе, свободнѣе; это видно особенно изъ наблюденія надъ отдѣльными классами общества. Крестовые походы вызвали, или помогли вызвать,—переустройство социальное, лишь косвенно повліявъ и на политическое. Менѣе всего были задѣты этимъ движеніемъ крупныя землевладѣльцы, знатнѣйшіе князья. Они не руководили имъ, позволяя лишь увлечь себя, частью весьма неохотно и только потому, что участіе въ Крестовомъ походѣ считалось, въ высшемъ кругу, одною изъ обязанностей хорошаго тона. Государство или, лучше сказать, государства,—потому что собственно имперія не имѣла никакой прочной связи съ вновь основанными въ Палестинѣ владѣніями и, вообще, со всѣмъ этимъ движеніемъ,—государства извлекали изъ этихъ походовъ тоже мало пользы.

Измѣненіе
жизненныхъ
условій.
Могущество
духовен-
ства.

Напротивъ того, они потерпѣли даже временную потерю, потому что движеніе, вызываемое Крестовыми походами, крайнѣ возвысило вліяніе духовенства: не говоря о папахъ, можно-ли представить себѣ болѣе могучую власть, нежели та, которую приобрѣлъ аббатъ Бернаръ Клервосскій, въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, и которая конечно вовсе не соотвѣтствовала его личному значенію и способностямъ? Лица правящія, великіе папы той эпохи, весьма разсчетливо пользовались такими явленіями, старательно избѣгая при этомъ подвергать лично свою особу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и авторитетъ Св. Петра, случайностямъ этихъ слѣшкомъ смѣлыхъ предпріятіи. Нельзя не удивляться тому, что никого не смущало постоянное отсутствіе папъ во всѣхъ бывшихъ походахъ во имя Креста. Церковь, разумѣя подъ этимъ духовенство во всей его іерархической связи и монашескія общины, находила прежде всего въ этомъ движеніи свою матеріальную выгоду. Многіе маломники, ради удовлетворенія своихъ обѣтовъ и душевнаго стремленія, закладывали или отчуждали свои имѣнія вполнѣ или частью, при чемъ для Церкви открывалась возможность скупать дешево такія помѣстья; сверхъ того, обычные пожертвованія благочестивыхъ людей на церкви и монастыри крайне усилились, при общемъ возбужденіи умовъ во время Крестовыхъ походовъ. Многія лица, которые не могли или не хотѣли принять прямое участіе въ походѣ, старались умилостивить Бога или своего святого, или своего епископа приношеніемъ, и своеобразное порожденіе этого времени, рыцарскіе ордена, приобрѣли весьма скоро громаднѣйшія состоянія.

Рыцарскіе
ордена.
Ордена
Нищенствующіе.

Въ такое благоприятное время, Церковь упрочила свои средства къ приобретенію могущества, и та система, которая отмѣчена именемъ Григорія VII, получила свое окончательное развитіе. Браки священниковъ прекратились, хотя еще въ 1229 г. встрѣчаются женатые даже между лицами высшаго духовнаго званія. Устройство сословія, совершенно отдѣльнаго такимъ образомъ отъ мірянъ, завершилось; форма, установленная для исповѣди, подвергала ихъ вполнѣ церковной дисциплинѣ, передъ которою раскрывались всѣ тайны. Отлученія и интердикты расцвѣли пышнѣе чѣмъ когда-либо, и надзоръ надъ мірянми и даже надъ самимъ духовенствомъ страшно усилился, благодаря учрежденію *инквизиціи*, при которой трудно было опредѣлить, гдѣ оканчивается шпионство и гдѣ начинается судебное разбирательство; но уже самое учрежденіе ея доказывало, что старая простодушная вѣра была уже поколеблена. Духовенство набрало попрежнему своихъ членовъ изъ высшихъ сословіи, и эта связь аристократіи съ іерархіей выказывается всего яснѣе въ *рыцарскихъ орденахъ*. Но папы съумѣли весьма прозорливо создать себѣ большую силу и изъ демократическихъ элементовъ, учредивъ *нищенствующіе* ордена, сохранявшіе престопадный характеръ. Эти ордена составляли извѣстный противовѣсъ бенедиктинцамъ и другимъ орденамъ, устроеннымъ по ихъ образцу, и, будучи вполнѣ народными по своему общему составу, но снабженные весьма обширными привилегіями отъ папъ, они проникли всюду, часто и въ *университеты*, при чемъ соперничество, издавна существовавшее между бѣлыми и черными, свѣтскимъ и монашескимъ духовенствомъ, обострилось чрезвычайно и перешло частью въ отъявленную

вражду. Вначалѣ нищенствующіе ордена совершенно подлежали уставленному церковному порядку, строго соблюдая повиновеніе; какъ ни далеко заходили францисканцы въ поклоненіи основателю своего ордена, приписывая ему всевозможныя чудеса, все же они не задумывали, какъ не задумывали того и самъ Св. Францискъ, настаивать слишкомъ упорно на той противоположности, которую представляло все направленіе господствовавшей папской политики, стремившейся къ свѣтской власти и свѣтскому достоянію, съ ихъ чисто-евангельскимъ убожествомъ.

И самая наука не только вращалась въ предѣлахъ церковныхъ воззрѣній и догматики, но и была въ нѣкоторой степени монополіей духовнаго сословія. Была собственно лишь одна наука—богословіе, и то, что могло быть приобрѣтено знаніемъ, укладывалось въ эти же рамки, составляло нераздѣльную часть богословія. Это средневѣковое богословіе, бывшее съ тѣмъ вмѣстѣ и философійю, носитъ названіе «*схоластики*». Схоластика особенно процвѣтала въ этотъ періодъ. Приведа въ систему церковное ученіе, придавъ ему научную форму, сдѣлавъ его правдоподобнымъ для мыслящихъ умовъ, она подкрѣпила съ новой стороны превозмогавшую все силу Церкви и духовнаго сословія. Къ великимъ учителямъ XI и XII столѣтій: Ансельму Кентерборійскому, Беренгару Турскому, Ланфранку, Абеляру, Бернару Клервосскому, Петру Ломбарду, присоединились теперь знаменитые догматики нищенствующихъ орденовъ, доминиканецъ *Тома Аквинскій* (1225—1274) и францисканецъ *Иоаннъ Денсъ Скотсъ* († 1308). Согласно ихъ воззрѣнію, церковное ученіе содержитъ объективно-неопровержимую истину. Съ строгою, глубокопроницающею послѣдовательностью развиваютъ они свою научную систему, изслѣдуя соотношеніе разума къ откровенію, существо и естество Божіе, углубляются въ таинство Троицы, вѣчности или предѣльности міра, въ отношеніе человѣческой свободы къ Божескому Промыслу; разбираютъ существо ангеловъ и степень ихъ сознанія сравнительно съ сознаніемъ человѣческимъ, грѣховность и благодать, искупленіе и прощеніе; представляя Церковь въ видѣ мистическаго тѣла, къ которому принадлежатъ и ангельскіе чины, они извлекаютъ изъ этого представленія число семи таинствъ, углубляясь особенно въ истолкованіе важнѣйшаго изъ нихъ, таинства Евхаристіи,—изошряютъ всю тонкость своего ума на истолкованіе того, какимъ образомъ благодать Божія дѣйствуетъ въ таинствахъ, и нисходятъ даже до разсмотрѣнія такихъ догматическихъ и мелочно-обрядныхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ имъ остается только одинъ выходъ: прибѣгнуть, разумѣется, къ премудрости Божіей, и «*Deus novit*» полагаетъ конецъ ихъ сомнѣніямъ. Тѣмъ путемъ схоластическихъ тонкостей было объяснено, почему священнослужитель никоимъ образомъ не могъ принимать Тѣла безъ Крови,—хлѣба безъ вина, — между тѣмъ какъ мірянинъ могъ, и даже долженъ былъ дѣлать это: священнослужитель, говорило ученіе, приноситъ жертву во имя всѣхъ, а «Христосъ содержится всецѣло подъ обоими видами». Въ этомъ пунктѣ выступаетъ всего ярче связь между схоластической догматикой (выражаемая въ полномъ совершенствѣ Тома Аквинскимъ) и могуществомъ іерархіи. Въ 1264 г. Урбанъ IV придалъ наглядное и весьма ловкое выраженіе этой связи, учредивъ новѣйшее изъ

Схоластика.
Мистика.

всѣхъ церковныхъ празднествъ, именно общій «праздникъ Тѣла Господня» (Corpus Dei). Рядомъ съ схоластикою и ея опиравшейся на Аристотеля диалектикой, развивалось въ богословіи и другое направленіе, которое характеризуется именами Гугона († 1141) и Ришара († 1173) изъ обители С. Виктора: это была мистика, которая, оставляя за собою вѣру и науку, доводила религиозное чувствованіе до непосредственнаго созерцанія божественной истины, — или, по крайней мѣрѣ, вела къ предвкушенію такой непосредственности.

Самомнѣніе и высококомѣрное смиреніе духовнаго сословія дошли, въ лицѣ Григорія VII, до своего высшаго, въ своемъ родѣ недостижимаго развитія. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ мецскому епископу Герману (1081) онъ ставитъ «съ полнымъ смиреніемъ» вопросъ: «можетъ-ли кто сомнѣваться въ томъ, что служители Христовы поставлены быть отцами и руководителями королей, князей и всѣхъ вѣрующихъ?» И онъ подходит весьма близко къ демократическимъ разглагольствованіямъ позднѣйшихъ вѣковъ, восклицая при томъ же теченіи мысли: «кто же не знаетъ, что короли и князья происходятъ и ведутъ свой родъ отъ тѣхъ, которые и не вѣдали о Богѣ, а съ помощью высококомѣрія, насилія, коварства, разбоя, словомъ, преступленій всякаго рода, посѣянныхъ княземъ міра сего, то есть дьяволомъ, достигли своего господства надъ людьми, ближними своими, и властвуютъ съ слѣпою жадностью и невыносимой гордыней?... Кто изъ нихъ дерзаетъ совершать самое высшее въ вѣрѣ Христовой: словомъ своимъ изображать Тѣло и Кровь Господню?»

Рыцарство.

Но чудовищное могущество духовнаго сословія, владѣннаго до того времени почти нераздѣльно силою слова, устнаго и письменнаго, литературой и проповѣдью, имѣло много и слабыхъ сторонъ. Оно покоилось на потребности человѣка вѣрить въ сверхъестественныя соотношенія міра и человѣческой души. Но самая эта потребность была такъ велика, что люди, постоянно стремясь за *материаломъ для вѣры* (если позволительно такъ выразиться), были всегда готовы вѣрить еще всему иному, новому, помимо предлагаемаго Церковью съ ея догматами и легендами; съ другой стороны, разумно-обоснованные научные приемы схоластики при разработкѣ церковнаго ученія пробуждали въ умахъ стремленіе къ критической оцѣнкѣ, духъ разумной провѣрки, — *сомнѣніе*. Это поколебало значеніе духовенства во многихъ, хотя и отдѣльныхъ, низшихъ народныхъ кружкахъ, между которыми очень распространилось кощунство, несмотря на всѣ варварскія казни за него, и одновременно съ большимъ общественнымъ поворотомъ, наступившимъ съ развитіемъ рыцарства при Крестовыхъ походахъ, и довершеннымъ самими этими походами.

Названіе рыцаря — *Ritter, Eques, Miles* — обозначало сперва просто человѣка, обязаннаго слѣдовать въ походѣ за какимъ-либо дворяниномъ, — княземъ, графомъ, маркграфомъ, — и владѣннаго соответственнымъ леномъ. Рыцари принадлежали сами, поэтому, лишь рѣдко къ дворянскому сословію, а часто набирались даже изъ числа податныхъ. Но въ самомъ существѣ этихъ странныхъ экспедицій было то, что эти одѣтые въ броню всадники, составлявшіе единственную стройную и нѣсколько дисциплинированную часть арміи, порѣшавшую своею храбростью исходить

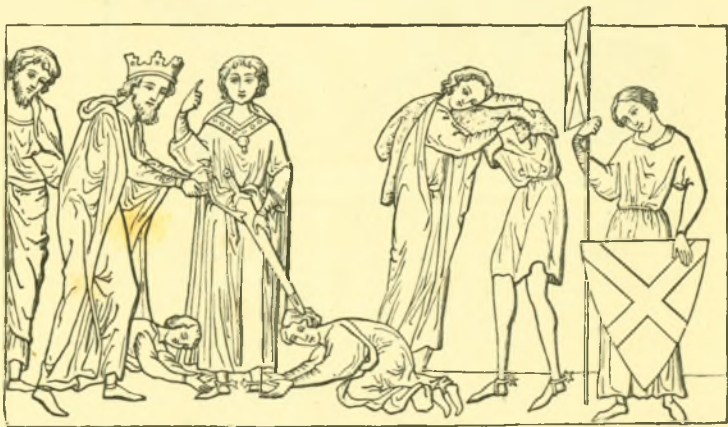

Рыцарь и его оруженосцы. Изображеніе, относящееся къ 1190 г. Одна изъ миниатюръ Генуэзской хроники.

Даетъ понятіе о воишскомъ вооруженіи во времена Барбароссы.

сраженій, выдѣлялись аристократически изъ общей массы полчища. Общность священной цѣли, привычка къ совмѣстной боевой и лагерной жизни съ ея опасностями и досугами, существенная однородность общаго невысокаго развитія—сглаживали различіе сословій между этими воинами и они сливались въ одно общее, свое сословіе, въ особый классъ общества, что сказывалось въ нихъ еще оцутительнѣе оттого, что въ этихъ арміяхъ сталкивались люди различныхъ европейскихъ народностей, обладавшіе одинаковыми признаками общественнаго положенія. Главный тонъ задавали Французы, какъ вожди; такимъ образомъ, при этихъ дальнихъ, рискованныхъ походахъ вырабатывались въ рыцарствѣ свои общіе нравы, общія понятія, игры, добродѣтели и пороки; они усвоивались имъ въ битвахъ съ чуждымъ сарацинствомъ, которое, въ свою очередь, включало родственные рыцарству элементы, и эти элементы потомъ крѣпли еще болѣе среди распрей на родинѣ, подъ впечатлѣніемъ испытаннаго въ тѣхъ походахъ и битвахъ. Замѣчательно было тутъ, что при аскетическомъ жизненномъ идеалѣ, который изстаря выражалъ собою все высшее, въ смыслѣ нравственномъ — вступало въ свои права начало боевое, свѣтское, удовлетворявшее естественнымъ стремленіямъ чловѣка. Цѣнилась въ рыцарѣ не одна храбрость, но и утонченная, царедворская, приличная его званію выдержка во всемъ. Создался родъ кодекса вѣжливости, касавшійся всего, начиная съ правилъ при ѣдѣ и питьѣ, и до законовъ обращенія съ раненымъ противникомъ при рыцар-

скихъ потѣхахъ или турнирахъ, и даже при серьезныхъ поединкахъ и на войнѣ. При установленіи подобныхъ условныхъ знаковъ утонченной нравственности, женщины, пользовавшіяся весьма ограниченнымъ значеніемъ при господствѣ прежнихъ возрѣній, заняли вновь положеніе, дозволившее имъ распространять свое благотворное вліяніе въ наиболѣе глубокомъ отношеніи. Подготовленіе къ рыцарскому званію начиналось рано. Мальчикъ поступалъ сначала пажомъ ко двору знатнаго лица, гдѣ научался тонкостямъ рыцарскаго образа жизни, потомъ обращался въ прислужника, оруженосца, наблюдавшаго за боевымъ конемъ, въ довѣреннаго слугу или гонца, изучая при этомъ и болѣе суровыя стороны и требованія рыцарской службы, пока, наконецъ, при какомъ-либо случаѣ, — турнирѣ при празднованіи княжеской свадьбы или при столкновеніи цѣлыхъ армій въ настоящей войнѣ, — его не посвящали въ рыцари съ соблюденіемъ предписанныхъ обрядовъ; съ чѣмъ вмѣстѣ ему присвоивались всѣ права привилегированнаго сословія. Само собой разумѣется, что при этомъ играли важную роль наруж-

Посвященіе въ рыцари.

По миниатюрѣ, заимствованной изъ Оксфордскаго кодекса.

ные знаки, цвѣта, гербовые щиты, шлемы и тому подобныя отличія, равно какъ извѣстныя слова и формулы. Сознаніе принадлежности къ рыцарскому сословію и соблюденіе рыцарскихъ обычаевъ поддерживалось особенно турнирами или рыцарскими играми, составлявшими любимѣйшую забаву около 1200 г. Онѣ были цѣлымъ событіемъ для провинціи, округа, города, — потому что и горожане, по крайней мѣрѣ, высшаго круга, пристрастились къ этимъ потѣхамъ; — поднимались споры о превосходствѣ того или другаго рыцаря въ одиночномъ бою, или о томъ, чья сторона, при валовой схваткѣ, забрала болѣе плѣнныхъ, лучше исполнила то или другое движеніе. Заклады и призы играли свою роль при этомъ, и прославленные бойцы странствовали съ турнира на турнир не всегда ради одного только своего честолюбія или служенія дамъ. Въ этой пестротѣ,

оживленіи и всемъ рыцарскомъ бытѣ было много блеска, хотя часто и мишурнаго. Водились молодцы, которые обращали свою виртуозность

Турниръ въ XIII вѣкѣ. Рѣзаная изъ слоновой кости крышка новечнца, хранящаяся въ Равеннской библиотекѣ. Въ «бесѣдахъ» и на стѣнѣ городской — зрители, болшею частью дамы, которые различнымъ образомъ выражаютъ свое участіе и сочувствіе зрѣлищу. Въ сторонѣ — трубачи, подающіе сигналъ къ началу боя. Направо и налѣво — козынопреклоненные рыцари получаютъ изъ ругъ своихъ дамъ шлемы и конья.

въ нанесеніи или отпарированіи удара въ выгодный промыселъ. Если стараніе выслужиться при дворѣ, рыцарская гордость, стремленіе добиться благоволенія знатной дамы имѣли, во многихъ случаяхъ, свою воспита-

тельную силу, которую нельзя не оцѣнивать, то эта самая сила, весьма часто, измѣняла себѣ или принимала ложное направленіе. Всему виѣшнему придавалось слишкомъ много значенія: снисканіе благосклонности государя обратилось въ льстивость и низкопоклонство; рыцарская гордость въ грубость или легкомысленное отношеніе къ слабымъ и къ ихъ честному труду. Во многихъ мѣстностяхъ рыцари болѣе и болѣе обращались въ тирановъ и вступали въ явный и губительный антагонизмъ съ рабочимъ сословіемъ, свободными поселянами и жителями городовъ. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи и въ служеніи рыцарства женщинамъ окажется болѣе тѣневыхъ сторонъ, нежели свѣтлыхъ. Крестовые походы, отвлекавшіе мужчину на цѣлые мѣсяцы и годы отъ его первыхъ и ближай-

Женщина подъ защитоу рыцарства.

Аллегорическая миниатюра изъ Псалтири, хранящейся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ.

шихъ обязанностей, были прямо губительны для степенной, правильной семейной жизни, совершенно противорѣча всѣмъ ея началамъ. Тѣ изящныя дамы провансальскія и нормандскія, которые сами отправлялись въ Св. Землю, подавали поводъ иногда къ неосновательнымъ, а иногда и къ совершенно сираведливымъ и весьма непохвальнымъ толкамъ, а то, что мы узнаемъ о нравственности, господствовавшей въ сирійскихъ поселеніяхъ, въ военномъ станѣ подъ Аккою и во многихъ другихъ, доказываетъ, что крестоносцы гораздо тверже и мужественнѣе исполняли свои обязанности воинскія, нежели болѣе трудныя обязанности, налагаемыя христіанскоу нравственностъю. Въ особенности же служеніе женщинъ стало вырождаться въ нѣчто весьма глупое и карикатурное съ той поры,

как турниры вошли повсемѣстно въ обычай. Въ книгѣ о «служеніи женщинѣ», написанной однимъ австрійскимъ рыцаремъ, Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейнъ († 1276), передъ нами развертывается полная картина этого безмысленнаго, смѣшнаго, дикаго ухаживанья, — ради котораго, напримѣръ, женатый рыцарь, состоявшій въ служеніи у жены другого рыцаря, переряживался въ шутовской нарядъ «миоической Венеры» (Frau Venus — нѣмецкихъ преданій) и слѣдовалъ за предметомъ своего служенія съ турнира на турниръ, всюду ломая въ честь ея копья, въ безопасномъ, но и безцѣльномъ, и безмысленномъ бою. Эти выходы, конечно, представляли собою еще наименьшее изъ золъ: несомнѣнно однакоже, что это служеніе женщинѣ, въ высшихъ кружкахъ общества, вносило въ жизнь и элементъ значительной испорченности нравовъ, подъ личиною вычурнаго почтенія къ женщинамъ давая просторъ и чувственности, и не совсѣмъ приличнымъ шуткамъ. Даже и на обрядовой сторонѣ культа Св. Дѣвы, особенно сильно развившагося именно въ это время, отразились черты этого преувеличеннаго служенія женщинѣ, хотя и нельзя не признать, что этотъ культъ Св. Дѣвы, какъ идеалъ женской кротости и чистоты, представляетъ собою одно изъ весьма утѣшительныхъ явленій въ это время общаго огрубѣнія нравовъ, когда умѣнье владѣть мечомъ составляло едва-ли не главную цѣль жизни каждаго рыцаря и благороднаго.

Въ результатъ исторической жизни двухъ вѣковъ получился однакоже тотъ выводъ, что уже не одно духовенство занимало первое мѣсто въ европейскомъ обществѣ, и что рядомъ съ нимъ развилось и явилось вполнѣ мірское, рыцарское сословіе. Принадлежность къ этому сословію была цѣлью самыхъ пламенныхъ стремленій и желаній низшихъ сословій, горожанъ и поселянъ: — и дѣйствительно находились такіе счастливыцы, которые изъ низшихъ сословій, личными заслугами своими, поднимались въ это высшее рыцарское сословіе; были и такіе, которые изъ владѣтельныхъ князей обращались въ простыхъ рыцарей; но, конечно, сословіе рыцарское вскорѣ совсѣмъ измѣнилось, когда сдѣлалось наследственнымъ, т. е. перестало зависѣть отъ личныхъ заслугъ. Хотя нравы, обычай и возрѣнія этой военной аристократіи придавали во всей Европѣ нѣкоторую однородность высшему слою общества, однакоже, съ другой стороны, рыцарство вліяло и на развитіе національныхъ особенностей въ каждомъ изъ европейскихъ народовъ; рыцарство сближало ихъ, но не обезличивало. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ рыцарства всюду развилась національная *литература*, главными носителями которой явились привилегированные, рыцарскіе классы общества. Въ этомъ отношеніи духовенство уже не могло тягаться съ рыцарствомъ; и какъ ни былъ сильно распространенъ латинскій языкъ въ обществѣ, однакоже народный языкъ явился языкомъ этой новой литературы, и даже тѣ духовныя лица, которыя пустились въ поэзію, должны были творить на языкѣ народномъ. Сильнѣе всего этотъ новый духъ проявился въ средѣ французскаго рыцарства: — въ любовныхъ пѣсняхъ, въ *сирвентахъ* или «служебныхъ пѣсняхъ» съ ихъ сатирическимъ отгѣнкомъ, въ стихотворныхъ спорахъ и діалогическихъ пѣсняхъ трубадуровъ. Перечитывая оживленные и полныя

Рыцарская поэзія. Трубадуры.

свѣжихъ поэтическихъ образовъ произведенія талантливѣйшаго изъ южно-французскихъ лириковъ, *Бертрана-де-Борна*, мы поневолѣ переносимся въ эти времена, переполненные непрерывнымъ военнымъ шумомъ, и начинаемъ понимать тотъ пафосъ, съ которымъ онъ обращается къ своему лэнному владыкѣ, Ричарду Львиное Сердце, или тотъ неистовый восторгъ, съ какимъ онъ описываетъ битвы и штурмы замковъ:

«Да! Это—это всему предпочитаю:
И сну, и пиру, когда звучитъ
Мнѣ въ уши труба: «впередъ! впередъ!»
И вотъ ужъ мчится конь безъ сѣдока,
Оглашая воздухъ громкимъ ржаньемъ...
И раздаются крики: «дружій, дружите въ бой!»
И войны, сплотившись тѣснымъ рядомъ,
Уже падаютъ на стѣнѣ—
И у многихъ, въ груди, выставляясь изъ-подъ одежды,
Еще торчитъ копье—причина его страданья!»

Тотъ же воинственный духъ иногда побуждаетъ поэтовъ этого времени дерзновенно поднимать голосъ и противъ весьма опасныхъ соперниковъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ сѣверно-французскихъ поэтовъ, Гюйо-де-Прованъ, не обинуясь, описываетъ римскій дворъ, «преисполненный тяжкаго грѣха, вмѣстилище злобы, исходище всякихъ пороковъ»; при этомъ рассказываетъ о продажѣ и перепродажѣ приходоу и церквей, о корыстолюбіи и расточительности архіепископовъ и епископовъ, о безпутной жизни низшаго духовенства, даже и монаховъ, о которыхъ сообщаетъ между прочимъ, что есть между ними и такіе, «которые на ночь заплетаютъ свою бороду на три части, чтобы какъ-нибудь не испортить ея красоту».

Миннезингеры.

Точно такъ же и нѣкоторые изъ нѣмецкихъ миннезингеровъ почерпали болѣе серьезное содержаніе своихъ стихотворныхъ произведеній изъ области своего служенія опредѣленнымъ политическимъ убѣжденіямъ. Но вообще говоря, эта *нѣмецкая лирика* рыцарскихъ временъ, при большомъ разнообразіи вѣдшихъ формъ, отличается замѣчательнымъ однообразіемъ внутренняго содержанія: одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдо-

Изъ поэзіи миннезингеровъ: Изображеніе богини Любви. Рѣзная изъ слоновой кости крышка зеркала, XIII—XIV вѣка. Хранится въ Берлинскомъ музеѣ.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.

Миниатура, заимствованная изъ Парижской (Малессейской) рукописи.

вателей сравнилъ довольно вѣрно эту лирику со щебетаньемъ птицъ. Инымъ духомъ вѣетъ отъ произведеній самаго выдающагося изъ миннезингеровъ, *Вальтера фонъ-дери-Фогельвейде*, который былъ яркимъ сторонникомъ императоровъ и писалъ для утѣхи Филиппа Швабскаго, Оттона IV, Фридриха II, переполняя свои стихотворенія рѣзкими нападками на папу и его ухищренія: враги его не даромъ утверждали, будто онъ своими произведеніями многія тысячи людей «одурачилъ и отвратилъ отъ Бога и отъ повиновенія папѣ». Такимъ же горячимъ сторонникомъ императорской власти является и другой миннезингеръ-сатирикъ, по имени *Фрейданкъ*; въ своемъ произведеніи, которое онъ называетъ «скромнымъ назиданіемъ», этотъ авторъ съ поразительною по тому времени ясностью указываетъ на противорѣчіе между ученіемъ Христовымъ, между дѣятельностью апостольскою, съ одной стороны—и между практическою дѣятельностью римской Церкви. Особенно остроумно и живо выставляетъ онъ на видъ то извращеніе, которое допущено было папами и высшими сановниками въ христіанское ученіе объ отпущеніи грѣховъ, послужившее къ внесенію многихъ злоупотребленій въ отношеніи духовенства къ паствѣ. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, нельзя не замѣтить, при разборѣ этой лирики, что она довольно тяжела и что ощущенія, положенныя въ ея основу, очень скудны и однообразны.

Эпосъ.

Гораздо болѣе плодovitою и благодарною, въ смыслѣ разработки, являлась всюду *поэзія эпическая*. Ея развитіе на германской почвѣ оказывается возможнымъ прослѣдить только въ самыхъ общихъ чертахъ. Народная, первоначальная основа этой поэзіи, и даже та форма, въ которой разносили ее повсюду странствующие народные пѣвцы, весьма естественно утрачена для насъ навсегда: объ этой основѣ, объ этихъ сагахъ, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое приблизительно-вѣрное понятіе по тѣмъ произведеніямъ, въ которыя впоследствии эти саги были внесены на германской почвѣ. Такою переработкою древняго матерьяла народныхъ сказаній является, на примѣръ, «пѣснь о Вальтерѣ Сильномъ» — *Walterius manu fortis* — около 930 г. сложенная *Экардомъ*, монахомъ знаменитаго С. Галленскаго монастыря:—въ этомъ произведеніи онъ переложилъ въ латинскіе стихи, подражая размѣру *Виргилія*, одно изъ древнихъ народныхъ сказаній героическаго эпоса. По въ періодъ Крестовыхъ походовъ эпическая поэзія видимо развивается, расширяетъ полетъ свой и весьма усердно принимается за разработку все новыхъ и новыхъ сюжетовъ. Благочестивыя легенды и вообще вся область духовныхъ сказаній уступаютъ мѣсто свѣтскому роману, который, въ первыхъ своихъ попыткахъ (въ XI в.), представляется намъ еще бѣднымъ и по формѣ, и по содержанію. Мелкія эпическія произведенія, которыя прежде пѣвали народные пѣвцы, замѣняются теперь болѣе крупными произведеніями, для которыхъ основой служатъ сказанія объ *Александрѣ Великомъ* и о *Карлѣ Великомъ*, а также и французскія, англійскія, древне-римскія и древне-германскія саги. Подобная литература является въ Германіи около 1170 г., и существованіе ея заставляетъ предполагать уже извѣстный кругъ читателей,—не просто слушателей. Въ довольно обширной области подобнаго рода произведеній видимъ и «пѣснь о *Роландѣ*» священника *Конрада*, и

Объяснительная таблица к рукописному отрывку из «Пѣсни о Нибелунгах»

(Перевод подстрочный).

(Изъ XXIV авантюры: «какъ посланцы пришли на Рейнь и какъ тамъ погибли».)

— wir müezen an die vart: Ez waldet guoter sinne, der sich alle zite bewart.
пора намъ въ путь. Правъ тотъ, кто всегда бываетъ на-сторожѣ.
Nu lât iuch unbilden, sprach dô Hagene, niht mine rede darumb: swie halt iu
„Не очень на себя полагайтесь“, сказалъ Гагенъ, „и рѣчь моя не о томъ: какъ и всегда съ нами
geschlicht, ich rât iu an den triuwen, wolt ir iuch wol bewarn, sô sult ir zuo den Hiunen
случается, я совѣтую вамъ правильно. Коли точно хотите быть на сторожѣ, то должны къ Гуннамъ
vil gewerliche varn. Sit ir niht welt erwinden, sô besendet iwer man, die
хорошо вооруженные ѣхать. Такъ какъ не хотите отложить, то прикажите слѣдовать вашимъ вассаламъ,
besten die ir vinden oder inder muget hân: sô wol ich âz in allen tûsent ritter guot, sone
лучшими, какіе найдутся или можете добыть; то выберу я изъ нихъ всѣхъ 1,000 рыцарей добрыхъ, тогда
kann uns niht gewerren der argen Kriemhilde muot. Des wil ich gerne volgen, sprach
не можетъ намъ повредить коварной Кримгильды злоба“. „Этому охотно послѣдую“, сказалъ
der kûnec zehant. dô hiez er boten riten witen in sîn lant: dô brâhte man der
король тотчасъ же. И приказалъ гошчамъ скакать далеко въ его страну: и приведено было
helde driu tûsent unde mer. si wânden niht erwerben alsô gremelichiu sêr. Si riten
богатырей 3,000 и болѣе; не думали они, что дойдутъ до столь гибельнаго конца. Они поѣхали
willeclliche in Gunthers lant; man hiez in gebn allen ros unt ouch gewant, die mit in
охотно въ страну Гунтера; приказано было дать всѣмъ коней и одежды, кто съ ними
wart worden zuo den Hiunen dan: der kûnec in guotem willen der vil manegen
хотѣлъ ѣхать къ Гуннамъ оттуда: король добровольно изъ нихъ очень многихъ
gewan. Do hies von Tronege Hagene Dancwart den brueder sîn ir beider recken sehzece
склонилъ (къ тому). Тогда приказалъ Гагенъ фонъ-Тронега своему брату Данквару изъ ихъ витязей 60
bringen an den Rin. die kômen ritterliche: harnasch unt gewant, des brâkten vil die
привести на Рейнь; они прибыли (какъ подобаетъ) рыцарямъ доспеховъ и одежды—этого принесли много
degene in daz Gunthers lant. Dô kom der herre Volkêr, ein kûene spilman, hin ze hove
рыцари въ страну Гунтера. Тутъ прибылъ и Фолькеръ, сильный преецъ, ко двору,
nâch êren mit drizec siner man: die hêten sêlich gewæte, ez muôht ein kûnec
почетнѣйшимъ образомъ съ 30 своими людьми: на тѣхъ было такое платье, которое могъ бы и король
tragen. daz er zen Hiunen wolde, daz hiez er dem kûnege sag n. Wer der Volker wære,
носить; что и онъ тоже къ Гуннамъ хочетъ, это онъ велѣлъ королю сказать. Кто этотъ Фолькеръ былъ,
daz will ich iuch wizzon lân. er was ein edel herre: im was ouch undertân vil der guolen
это и объясню: онъ былъ благородный господинъ, и ему были подчинены многіе добрые
recken in Burgonden lant: durch daz er videln kunde, was er der spilman genant. Tûsent
витязи въ Бургундіи; такъ какъ онъ могъ играть на гудкѣ, то былъ прозванъ *игрецомъ*. Тысячу
welte Hagene: die hête er wol bekant, unt was in starken stürmen hete gefrôm
велѣлъ Гагенъ: тѣ всѣ ему были знакомы, и то, что въ грозныхъ битвахъ выполняли
ir hant, unt swaz sie ie begiengen, des hêf er vil gesehn: in kunde ouch ander nie-
ихъ руки, и что они когда-либо совершали, изъ того онъ многое видѣлъ, о нихъ не могъ и другой ни-
man niwan frâmekeite jehn. Die boten von den Hiunen vil sêre dô verdôra, wande
кто ничего сказать, кромѣ (того, что) они храбрецы. Тогда послы Гунновъ очень этимъ были раздосадованы, ибо
ir vorht zir herren diu was harte grôz: si gerten tægeliche urloubes von dan.
ихъ боязнъ передъ господиномъ была велика; они каждый день просили отпустить ихъ оттуда.
des engunde (in) niht Hagene: daz was durch liste getân. Er sprach zuo sime herren:
Не дозволили того Гагенъ: это было сдѣлано не даромъ. Онъ сказалъ своему господину:
wir suln daz wol bewarn, daz wir si iht lâzen riten, ê daz wir selbe varn dar
мы должны тому воспрепятствовать, чтобы ихъ отпустить, прежде чѣмъ сами подемъ туда,
nâch in tagen sîlenen, wider in ir lant: treit uns iemen argen muot, daz wirt
за ними вслѣдъ, черезъ 7 дней, въ ихъ же страну: если кто замыслилъ что дурное противъ насъ, это будетъ
uns desto baz bekant. Sone kan ouch sich vrou Kriembilt bereiten niht dar zuo,
намъ тѣмъ лучше извѣстно. Такъ не можетъ и госпожа Кримгильда приготовиться къ тому,
das uns durch ir râte iemen schaden tuo: hât aber si den willen, ez mag ir
чтобы намъ кто-либо, по ея совѣтанъ, нанести вредъ; а если она того желаетъ, то можетъ ей
leida ergân, wando wir iueren hinnen manegen ûz erwelten man. âtel unde
на гибель быть, ибо мы ведемъ туда отборныхъ молодцовъ“. Сѣдя и
schilde unt ander ir gewant, daz si fueren solden in Ezelen lant, daz was nu
щиты и прочая ихъ одежда, какую должны были везти въ страну Эцелъ, то все теперь было
gar bereit vil manegen kûenem man: die Ezelen videlaere hiez man dô ze hove
приготовлено для эцельскихъ музыкантовъ: эцельскихъ музыкантовъ позвали тогда ко двору
gân. Dô si die fûrsten sâhen, dô sprach Gêrnôt: der kûnec wil nu lei(sten) — — —
прийти. Когда они князья увидѣли, тогда сказалъ Гернотъ: „король теперь...“

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1968

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

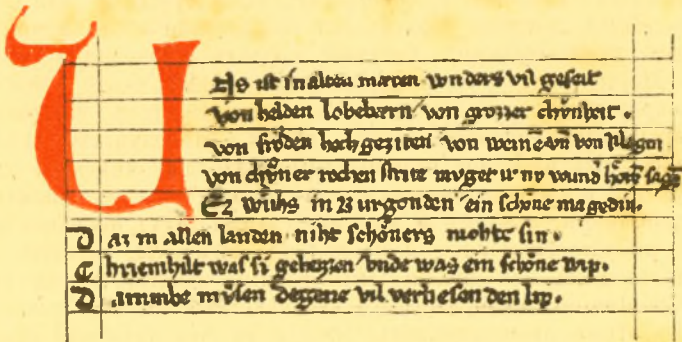
CHICAGO, ILLINOIS

1968

wir in vren an die vart. ez wulder gotez sinte. d' sich alle zete bewart. **N**o
 lat wch vnuden. spch do Hagene niht. nune rede darvmb. swie hanc tv
 geschicht. ich sit ir an den rinen. wete ir wch wol bewarn. so sote ir z
 den Rinen. vl gewerliche vart. **S**it ir niht wete erwinden. so bese-
 det ir man die besten die ir vinden. od ind' muget han. so wel ich ir in al-
 len wsetz rat' git. sone chan vns niht gewerren. d' argen Chriemh mit
Dal wa ich gane volgen. sprach d' kunic rehart. do hiez er boren ruten. in
 ir in sin lant. do bracte man d' helde. driv r' sint vñ niet. si wanden niht
 erwerben also gemelich v' se. **S**in ruten willechliche. in Funthers lant.
 man hiez in gebn allen. tosse vñ och gewant. die mit in vart wolden.
 z' den Rinen dan. d' kunic in gutem willen. d' vl manigen gewan. **D**o
 hiez von Tronege Hagene. Dauchwart den brv' sin. ir bea' rechen schrich.
 bringen an den Rini. die chomen ritliche. harnasch vñ gewant. des brach-
 ten vl die degene. in dar Funthers lant. **D**o chom d' herre Volker. ein
 k'vne sp'leman. hincz hove nach even. mit der zech siner man. die heten
 solch gewarte. ez moht ein kunic tragen. dar er ren Rvnn wolden. dar hiez
 er den chvnnige sagen. **D**er d' volker wete. dar wil ich wirren lan. er
 was ein edel herre. im was och vnd' an. vl d' g'vten rechen. in Funthon-
 den lant. d'vch dar er viden kunde. was er d' sp'leman genant. **F**irste
 wete Hagene. die hiez er wol bechant. vñ was in starcken stvermen. hiez
 gefvnt ir hant. vñ swaz si ir begangen. des hiez er vl geseht. in chvnde
 och and' manen. man frvnnchete ichn. **D**ie boren von den R-
 nen. vl sote da v' d' rot. wanden ir v'cht ir herren. driv was hanc groz.
 si gerten t'geliche. v'lovbes von dan. des engunde niht Hagene. dar was
 d'vch hanc getan. **F**irspch ir sine herren. wir soln dar wol bewarn. dar
 wir si ir lant ruten. e dar wir selbe vart. dar nach in ragen sibenen. w' d'
 mit lant. wete vns iemen argen mit. dar wirt vns deste baz bechant.
Sone chan och sich v' Chriemh. beruten niht dar z'. dar was d'vch ir
 rere. iemen schaden tv. hat ab si dar willen. ez mag ir leide ergan. wande
 wir frvren hinnen. manigen v'z erwekten man. **S**al vñ schude. vñ
 and' ir gewant. dar si frvren solden. in Frelen lant. dar was ir gar be-
 reter. vl manigen chvnnem man. die Frelen v' delere. hiez man d' z'
 hove gan. **D**o si die frvren sahen. do spch Fernot. d' chvnnis wil v' lei-

Пѣсьнь о Нибелунгахъ.

Рѣк. второй половины XIII вѣка.

Начало пѣсни о Нибелунгахъ по Гогенэмско-Мюнхенской рѣк.
(А). Съ 1810 г. хранится въ королевской библиотекѣ въ Мюнхенѣ.

Подстрочный переводъ.

Uhs ist in alten maeren vonders vil geseit,
Намъ въ старыхъ сказанiяхъ чудеснаго много разсказывается,
von helden lobebaern, von grozzer chunheit,
о витязяхъ достославныхъ, о ихъ великой смѣлости,
von froeuden hochgeziten, von weinen und von klagen
о весельяхъ и празднествахъ, о плачахъ и сокрушенiяхъ,
von chruener rechen strite muget ir nu wunder hoeren sagen
о борьбѣ удалыхъ богатырей услышите вы и здѣсь чудеса.

Ez wuohs in Burgonden ein schoene magedin
Выростала въ Бургунди прекрасная дѣва
daz in allen landen niht shoeners mohte sin.
И прекраснѣе ея нигдѣ не могло быть (другой).
Chriemhilt was si geheuzen unde was ein schoene wip
Кримтильдой она называлась и была красавицей
darumbe muosen degene vil verliesen den lip.
И изъ-за нея должны были многіе витязи лишиться жизни.

«пѣснь объ Александрѣ» — священника Лампрехта, и переложеніе Энеиды, написанное Генрихомъ фонъ-Вельдеке; но изъ общей массы такихъ произведеній выступаютъ два большихъ эпоса, — *Пѣснь о Нибелунгахъ* и *Гудрунъ*, — авторы которыхъ неизвѣстны, хотя и то, и другое, очевидно, относятся въ окончательной своей обработкѣ къ штауфенскому періоду (къ началу XIII вѣка). Около того же времени видимъ уже и придворныхъ поэтовъ, подобныхъ *Готфриду Страсбургскому* или *Вольфраму фонъ-Эшенбаху*, которые уже вполне сознательно и обдуманно относятся къ своимъ произведеніямъ (первый создалъ *«Тристана и Изольду»*, второй — *«Парцивала»*), и въ нихъ мы уже видимъ болѣе глубокое пониманіе современной духовной жизни и тѣхъ интересовъ, которые занимали въ это время высшіе классы. Но въ «пѣснѣ о Нибелунгахъ» и «Гудрунѣ», возникшихъ изъ народной основы, мы ближе знакомимся и съ жизнью, и съ духомъ, и съ воззрѣніями не отдѣльныхъ классовъ общества, а всей германской націи; притомъ и въ основѣ этихъ двухъ произведеній видимъ не какіе-нибудь временные и преходящіе интересы, а такія отношенія, которыя, въ томъ или другомъ проявленіи своемъ, всегда привлекали къ себѣ вниманіе и участіе всего человѣчества. Весьма важно, по отношенію къ этимъ произведеніямъ, было и то, что подобныя произведенія, привлекавшія вниманіе общества, стали являться не на чуждомъ большинству латинскомъ языкѣ, а на языкѣ народномъ, и что авторами подобныхъ произведеній были уже не духовныя лица, грамотныя по преимуществу и по обязанности своего званія, а міряне — рыцари или пѣвцы по ремеслу — которые могли воспѣвать все, что вздумается, и, не затрудняясь ничѣмъ, выражать свои дѣйствительныя ощущенія и воззрѣнія.

Эта литература ясно доказываетъ намъ, въ какой степени духовный горизонтъ расширился въ эти столѣтія, а духовная жизнь европейскіихъ народовъ стала и богаче, и разнообразнѣе, и надо предположить, что и мысли, и разговоры современныхъ людей стали гораздо болѣе, чѣмъ прежде, вращаться въ области мірскаго. Если мы слышимъ въ это время обращенные къ Церкви и духовенству укоры въ излишнемъ увлеченіи мірскими интересами, то поводомъ къ этому, конечно, была не одна только жажда власти и обладанія со стороны епископовъ и папъ, а и то, что вообще всѣ умы данной эпохи обратились главнымъ образомъ къ мірскому, и это направленіе отразилось и на духовномъ сословіи, которое тѣмъ менѣе имѣло возможности отъ него уклониться, что, въ періодъ Крестовыхъ походовъ, было призвано къ участию во всѣхъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ. Оба сословія — и рыцарское, болѣе и болѣе перерождавшееся въ аристократію, и духовное — нимало не враждовали другъ съ другомъ, и мы видимъ, что Церковь весьма охотно придаетъ свои формы и рыцарскимъ празднествамъ, и даже рыцарскимъ забавамъ. Такъ, напр., церемонія вступленія въ рыцарство начиналась съ того, что сначала служили обѣдню; да и вообще говоря, самое образованіе рыцарства было слишкомъ, поверхностно и слишкомъ проникнуто суетностью, чтобы рыцарство могло помышлять хотя о сколько-нибудь серьезной оппозиціи по отношенію къ духовенству и Церкви. Болѣе серьезное и болѣе глубокое воззрѣніе на соотношеніе Божескаго и человѣческаго начала въ

Преоблада-
ніе мірскаго
интереса
надъ духов-
нымъ.

жизни скорѣе готовилось въ тѣхъ кружкахъ и слояхъ народа, въ которыхъ суровыя работы и трудовая дѣятельность составляли главное содержание жизни.

Народъ. Мужичье сословіе.

Изъ этихъ слоевъ, собственно *мужицкое сословіе*—сословіе свободныхъ землепашцевъ-собственниковъ—уже въ теченіе многихъ вѣковъ стояло весьма низко въ общественномъ положеніи. Съ презрѣніемъ смотрѣлъ рыцарь на мужика, который давно уже не носилъ оружія, и мужикъ отвѣчалъ на это презрѣніе со стороны своего тирана глубокою ненавистью, и, гдѣ было возможно, платилъ ему за насиліе насиліемъ. Крестовые походы нисколько не улучшили бытъ этого слоя населенія, хотя за это время и замѣчаемъ нѣкоторый прогрессъ въ улучшеніи обработки земли. И вообще говоря, древне-германское свободное земледѣльческое сословіе хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и

Землепашцы и плугъ XIII вѣка.

Изъ миниатюръ Гейдельбергской рукописи «Саксонскаго зеркала».

удержалось, однакоже сильно сократилось и было въ упадкѣ. Оно все болѣе и болѣе подчинялось зависимости отъ посредствующихъ, свѣтскихъ и духовныхъ властей и господъ, и, сверхъ тягостной службы, которую должно было нести, на законномъ основаніи, подъ властью этихъ

Мужики на закладкѣ новаго поселенія.

Владѣлецъ земли передаетъ ее старшинѣ на наследственномъ оброчномъ правѣ, при посредствѣ документа (на немъ явственно читаемъ: «ego dei gratia»), съ привѣщенной къ нему треугольною печатью. Миниатюра изъ той же рукописи.

господъ, вынуждено было еще терпѣть жестока насилія и оскорбленія отъ тиранства рыцарей и различныхъ пособниковъ ихъ.

Городскія сословія.

Само собою разумѣется, что, при такомъ стѣсненномъ положеніи, это сословіе не могло способствовать медленному и спокойному наступатель-

ному движенію общественной жизни: эта миссія, главнымъ образомъ, выпала на долю *сословія горожанъ*. Чрезвычайно любопытно припомнить здѣсь, что, по древне-германскому воззрѣнію, всякое огражденное стѣнами поселе уже представлялось стѣсненіемъ личной свободы; а въ данное время, напротивъ того, только за толстыми стѣнами городовъ и оказывалась возможность пользоваться извѣстною личною свободою, столь необходимою для прогресса въ общественной жизни.

Мы уже видѣли какъ благотворно повліяло возобновленіе сношеній съ Востокомъ и временныя завоеванія и колонизація въ восточныхъ странахъ—сначала на *итальянскіе города*, какъ старѣйшіе и наиболѣе развитые въ Европѣ, а черезъ нихъ посредство и вообще на быть городовъ. Итальянскіе города добились въ этотъ періодъ своей полной независимости: сѣверно-италійскіе, Венеція, Генуя, Пиза, Миланъ и прочіе ломбардскіе обратились въ настоящія республики. Эта независимость ихъ была обезпечена тѣми событіями, которыя подготовляли конецъ владычеству Штауфенскаго дома въ Италіи, и въ то же время—конецъ могуществу императоровъ: насколько же, и въ какой степени эта полная свобода должна была послужить имъ самимъ на пользу—это ужъ былъ другой вопросъ. Ни во *Франціи*, ни въ *Англии* о такой абсолютной свободѣ не могло быть и рѣчи. Городской элементъ во Франціи, окрѣпнувшій еще въ тѣ времена, когда Галлія была римской провинціей, возрастала въ тѣсной связи съ возрастаніемъ королевской власти. Самосознаніе городскихъ населеній пробудилось здѣсь ранѣе, чѣмъ въ Германіи, еще въ началѣ XII вѣка. Многозначащее слово *коммуна* (*commune*) получило въ это время новое значеніе и стало обозначать не только подтвержденную присягой связь гражданъ отдѣльнаго города съ извѣстнымъ количествомъ городовъ, но и вообще союзъ нѣсколькихъ городовъ, на основаніи одной общей программы дѣйствій, а равно и эту самую программу. А программа эта заключалась въ слѣдующемъ: самосудъ въ случаѣ нарушенія какихъ бы то ни было городу предоставленныхъ законовъ, весьма обширная судебная власть въ предѣлахъ города, назначеніе судей и чиновниковъ для управленія городомъ по выбору горожанъ и право самостоятельно распоряжаться административною и полицейскою частью, при точно установленныхъ обязательствахъ по отношенію къ одному владыкѣ—епископу или пному господину. Вообще говоря, надо отдать справедливость королямъ французскимъ, что они, съ гораздо болѣею политическою проницательностью, нежели государи нѣмецкіе (въ особенности Штауфенскаго дома), отнеслись къ тѣмъ политическимъ выгодамъ, какія подобное развитіе городовъ представляло для королевской власти: нѣмецкіе короли обратились за помощію къ этимъ союзникамъ уже тогда, когда было слишкомъ поздно. Король Людовикъ IX издалъ, по возвращеніи изъ перваго своего Крестоваго похода, распоряженіе о выборѣ мэра—городскихъ властей вообще—и управленія городскими доходами, и въ особенности занялся преобразованиемъ управленія своей столицы, Парижа, который, какъ и всѣ города, состоявшіе подъ непосредственною властью королевской, страдалъ уже не отъ насилій со стороны сосѣднихъ магнатовъ, а отъ злоупотребленій, развившихся въ городской средѣ, благодаря городскимъ партіямъ и непотизму. Въ

Развитіе городского быта.

Англіи развитію городовъ способствовало суровое правленіе первыхъ норманнскихъ королей, которое, по крайней мѣрѣ, обезпечило ихъ отъ мелкихъ тирановъ:—эти короли очень скоро пришли къ сознанию того, что благосостояніе, накапливаемое въ городахъ трудомъ и рвеніемъ гражданъ, есть ихъ собственное благосостояніе, и потому со времени Вильгельма II ни одно правленіе не обошлось безъ того, чтобы городамъ или отдѣльнымъ корпораціямъ въ нихъ не было дано какихъ-нибудь новыхъ хартій, льготныхъ грамотъ или привилегій. Старинный обычай (который велся еще со временъ саксонскаго владычества), вызванный тревожными временами,—обычай соединяться въ *шльди* или тѣсныя кружки, въ которыхъ члены связаны были круговою порукою по охранѣ жизни и имущества, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по отношенію къ мщенію и возмездію,—способствовалъ установленію въ этихъ городахъ аристократическаго строя. Власть сосредоточена была въ рукахъ сравнительно немногихъ семействъ и родственныхъ союзовъ, и для нихъ конечно очень выгодна была привилегія, со временъ Іоанна Безземельнаго нерѣдко выпадавшая на долю городовъ—право свободного выбора городскихъ властей. Величайшимъ городомъ въ королевствѣ, благодаря его несравненному положенію, былъ *Лондонъ*; несмотря на это, въ половинѣ XIII вѣка, въ немъ едва-ли были и 30,000 жителей.

Въ Германіи.

Оригинально и въ высшей степени разнообразно развивалась городская жизнь и бытъ горожанъ въ *Германіи*: вкратцѣ даже довольно трудно очертить всю полноту этой разнообразной жизни. Древнѣйшими городами и въ нѣкоторомъ смыслѣ образцами для всѣхъ были римскіе города на Дунаѣ и Рейнѣ; другіе города возникли около королевскихъ замковъ и епископскихъ резиденцій; третьи явились торжками или основались у переправъ черезъ большія рѣки или въблизи мѣстъ нахождения какихъ-нибудь цѣнныхъ природныхъ богатствъ; иные, наконецъ, были построены въ качествѣ военныхъ пунктовъ или крѣпостей. Поводомъ къ постройкѣ многихъ городовъ была совокупность различныхъ условий, дѣйствовавшихъ одновременно. По мѣрѣ возрастанія и развитія власти князей, къ старымъ городамъ прибавлялись еще *новые*, построенные князьями, и, ко многимъ прежнимъ бытовымъ отличіямъ городовъ, прибавилось еще различіе въ правахъ между этими *новыми городами* (княжескими) и *старыми* (*Reichsstädte*—государственными, основными). Бѣглый обзоръ исторической жизни и быта древнѣйшаго изъ городовъ тогдашней Германіи, *Кельна*, можетъ представить намъ любопытную страницу изъ исторіи развитія средне-европейской городской жизни.

Городъ
Кельнъ.

Въ половинѣ XIII вѣка, городъ Кельнъ—въ ту пору несомнѣнно первый городъ Германіи—могъ уже хвалиться почти тысячелѣтнимъ существованіемъ, такъ какъ первоначальное его основаніе терялось во мракѣ временъ, предшествовавшихъ римскому владычеству. Древнее поселе Убіевъ, *civitas Ubiorum*, большая германская деревня, первоначально расположенная только на правомъ берегу Рейна, была обращена въ римскую военную колонію, съ очень сильнымъ гарнизономъ, при чемъ къ военному элементу и первоначальному туземному земледѣльческому присоединились и ремесленники, и торгаши. Во времена войнъ съ Франками

городъ былъ неоднократно и до основанія разрушенъ (какъ свидѣтельствуя о томъ раскопки), затѣмъ потерялъ всякое значеніе, и поднялся вновь уже только тогда, когда здѣсь основана была новая епископія, которая до VI вѣка держалась въ городѣ съ трудомъ, такъ какъ онъ еще отовсюду былъ окруженъ языческимъ элементомъ. Древне-германскія понятія о равенствѣ земельныхъ владѣній уже исчезли въ это время; архіепископства, равно какъ и другія духовныя учрежденія, владѣли значительными участками земли и въ самомъ городѣ, и въ непосредственной близости къ нему, и заселяли эти участки своими служилыми людьми; но рядомъ съ ними, на тѣхъ же земляхъ, сидѣли и свободные собственники, и сама Церковь находила для себя прибыльнымъ представлять имъ въ обработку часть своихъ земельныхъ владѣній, а охотниковъ на заселеніе этихъ участковъ было много, потому что всѣхъ стало привлекать сюда самое положеніе города, столь благоприятствовавшее развитію мѣстной торговли. Затѣмъ, городъ Кельнъ былъ отданъ во владѣніе Брунону (953—965), брату Оттона I, архіепископу Кельнскому, и въ это время населеніе города значительно увеличилось массою чиновниковъ, *министеріаловъ*, принадлежавшихъ и къ управленію архіепископіей, и къ свитѣ *бурграфы* или королемъ посаженнаго губернатора, который получилъ въ лѣнь свое право суда и расправы въ городѣ — не отъ архіепископа, а отъ короля. Внутреннему благосостоянію города, постоянно возраставшему въ теченіе всего періода отъ X по XIII вѣкъ, много способствовало то, что, по тогдашнимъ условіямъ мореплаванія и кораблестроенія, Кельнъ имѣлъ значеніе приморской гавани, стоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Англіей, и вслѣдствіе этого даже игралъ довольно важную роль въ современной политикѣ. Не мѣшаетъ припомнить, что горожане кельнскіе принимали видное участіе и въ Крестовыхъ походахъ; особенно много ихъ отправилось въ Палестину, черезъ англійскіе порты, въ 1147 году. Въ городскомъ населеніи преобладалъ свободный элементъ: потомки древнѣйшихъ гражданъ города, прежнихъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, большею частью перешли къ занятіямъ торговлею, которая явилась главною основою городского благосостоянія. Они образовали «товарищества», изъ которыхъ избиралась присяжные въ городской судъ, имѣвшіе нѣкоторое значеніе и въ городскомъ управленіи*). Въ 1112 году они составили *торговую ильдію* (*conjuratio*, т. е. сообщество, котораго члены были связаны взаимною присягою), которую называли «цехомъ богачей». Около 1200 г. во главѣ города видимъ и *советъ городской*, о которомъ не знаемъ, когда именно и какъ онъ образовался. Такимъ образомъ, въ этомъ «советѣ», въ комиссіи присяжныхъ и въ «цехѣ богачей» сосредоточился высшій классъ городского населенія, патриціатъ старыхъ родовъ горожанъ, и притомъ весьма хорошо организованный, такъ что собственно управленіе города было вполнѣ въ ихъ рукахъ; однакоже, рядомъ съ ними, возникла и другая, постоянно возрастающая сила, *ремесленное сословіе*, организованное илебействомъ. Орга-

*) Первоначально центромъ городского управленія были приходы городскихъ церквей.

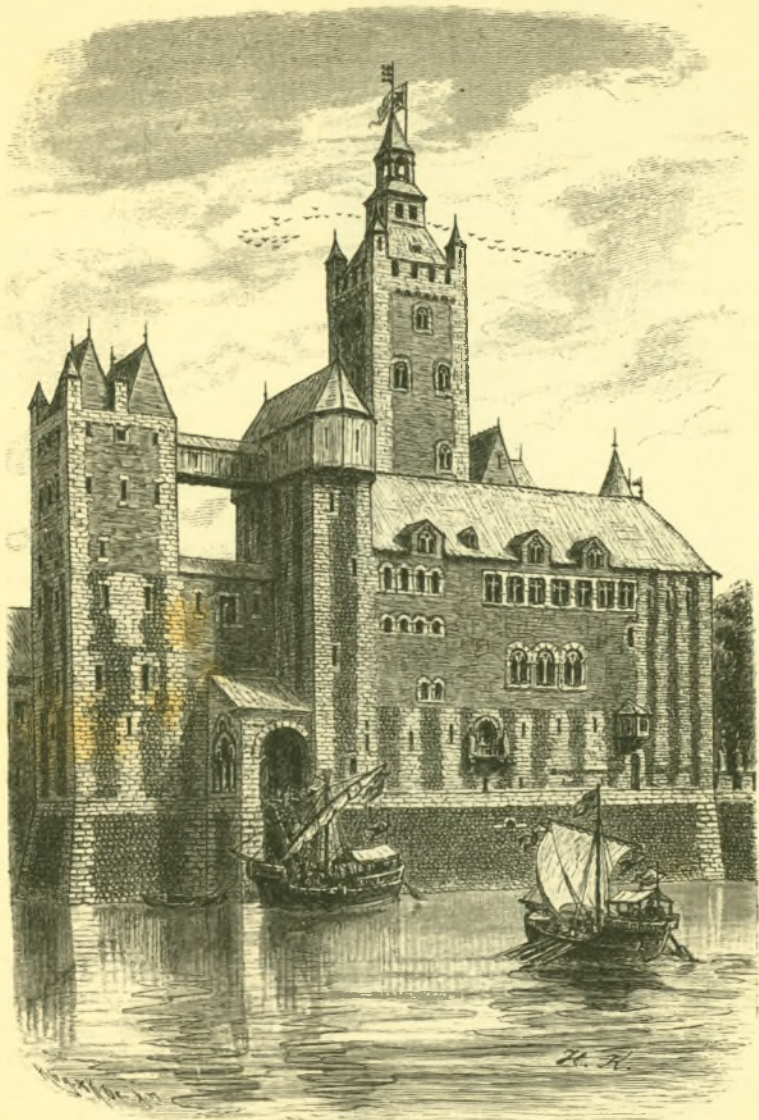
низация ихъ была очень проста: всѣ ремесленники, занимавшіеся *однимъ* мастерствомъ, жили въ *одной* улицѣ (отъ нихъ происходило и названіе самой улицы, до сихъ поръ сохранившееся), и каждое ремесло также составляло, въ свою очередь, особый цехъ или братство, которыя уже потому имѣли нѣкоторое политическое значеніе, что они, въ то же время, представляли собою силу, прочно организованную въ военномъ отношеніи, ради защиты города. Было, конечно, не мало поводовъ къ раздору между могущественною городской аристократіей и возрастающимъ плебейскимъ сословіемъ, и борьба началась дѣйствительно въ первой четверти XIV в., при архіепископѣ Энгельбергѣ Святомъ (1216 по 1225 годъ). Самое

ANNO AB INCARNATIONE DOMINI NOSTRI JESU
 HOC DECUS IMPERIO CESA FREDERICI A DAVXIT
 JUSTICIAM STABILIRE VOLES ET UT UNDIQUE PAX SIT

Anno ab incarnatione domini nostri Jesu
 Въ годъ воплощенія Нашего Господа Иисуса
 Christi MCLXXXIII Hoc decus imperio Ce-
 Христа 1184 это украшеніе царства импера-
 var Fredericus adauxit Justiciam stabilire
 торъ Фридрихъ увеличилъ, желалъ обезпечить
 volens et ut undique pax sit.
 право и миръ повсемѣстно.

Написанъ, нѣкогда помѣщавшійся надъ главнымъ входомъ въ замокъ Фридриха Барбароссы въ Кейзерсвертѣ.

бурное время борьбы наступило при архіепископѣ *Конрадѣ фонъ-Голштаденѣ* (1238—1261), который, будучи человѣкомъ весьма честолюбивымъ и политикомъ въ весьма обширномъ смыслѣ слова, избралъ храбраго Вильгельма Голландскаго орудіемъ своихъ плановъ и претендентомъ на престолъ королевскій въ Германіи. Горожане, подкупленные обѣщаніемъ большаго привилегій, перешли на сторону новаго короля и приняли его въ 1247 году, забывъ, повидимому, о томъ, что еще 12 лѣтъ тому назадъ они же торжественно принимали въ своихъ стѣнахъ невесту законнаго своего короля, блистая всѣмъ великолѣпнѣемъ своихъ городскіихъ богатствъ. Конрадъ возстановилъ прежнюю епископско-герцогскую власть, и 15 августа 1248 года положилъ первый камень въ основаніе знаменитаго Кельнскаго собора, на постройку котораго уже собрались деньги еще съ того пожара, который уничтожилъ старый соборъ Кельнскій и понудилъ приступить къ новой постройкѣ. Однакоже оказалось, что согласіе между архіепископомъ и гражданами было непрочно. Конрадъ задумалъ было воспользоваться раздорами между мѣстной аристократіей и ремесленными цехами (между «cives majores» и «cives minores») въ ущербъ городскимъ привилегіямъ; ради этой цѣли онъ внезапно покинулъ городъ и изъ окрестностей его прислалъ гражданамъ объявленіе войны. Посредникомъ между гражданами и архіепископомъ выступилъ весьма уважаемый ученый доминиканецъ *Альбертъ фонъ-Болльштадтъ*, извѣстный «Albertus Magnus», человѣкъ весьма замѣчательный по тому времени. Это былъ страстный естествоиспытатель, который устроилъ въ садахъ своего монастыря теплицу, въ которой всю зиму поддерживалъ плодовые деревья и цвѣтущія растенія, и, ревностно изучая Аристотеля, посвящалъ большую часть времени на весьма остроумные опыты, въ то же самое время увлекался своего рода «философскимъ камнемъ», стараясь добиться того, чтобы вѣтки простого дуба, посаженныя въ землѣ, при помощи особаго

Замокъ императора Фридриха Барбароссы въ Нейзервертъ на Рейнѣ.
Возобновленъ по уцѣлѣвшимъ остаткамъ. Надпись, приведенная на стр. 376, помѣща-
лась некогда надъ главнымъ порталомъ.

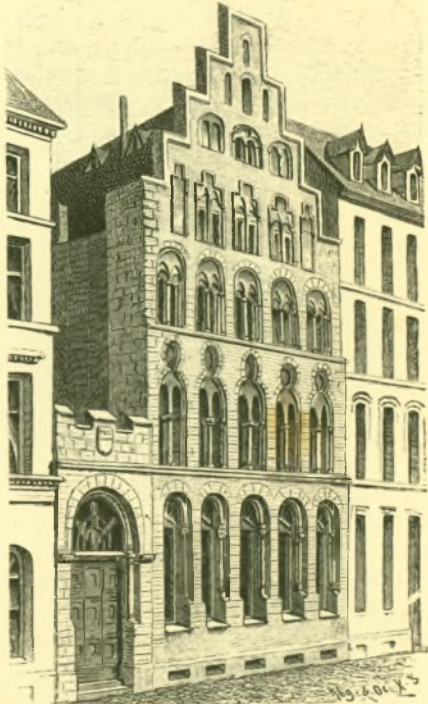

Конрадъ фонъ-Гогштаденъ.
Съ гробницы его въ Кёльнскомъ соборѣ.

ухода, обратились въ виноградную лозу *). Миръ, кое-какъ возстановленный Альбертомъ, опять былъ нарушенъ вельдствие незначительныхъ недоразумѣній. Конрадъ, въ гнѣвъ, вновь покинулъ городъ и, заставъ въ сосѣднемъ Роденкирхенѣ, держалъ Кёльнъ въ блокадѣ. Уобща разгорѣлась и дѣло дошло до открытой битвы, которая закончилась поражениемъ архіепископскаго войска. Альбертъ опять добился того, что миръ былъ возстановленъ, и въ результатъ его явился весьма обстоятельный актъ, такъ-называемый *Laudum Conradinum* (1258 г.), въчто въ родѣ *Великой Хартии*, которымъ все административныя отношенія Кёльна были улажены и собственно демократическому принципу были сдѣланы первыя уступки. Вскорѣ, однакоже, Конрадъ воспользовался жалобой, принесенной ему мѣстной знатью на новыхъ присяжныхъ, избранныхъ изъ числа ремесленниковъ, чтобы нѣсколькихъ важнѣйшихъ представителей изъ нея заманить въ западню и разсажать по своимъ крѣпкимъ замкамъ въ заточенье. Ко времени его властвованія относится и несчастное правленіе Энгельберта Фалькенбургскаго (1261—1274). Постройка укрѣпленныхъ замковъ на Рейнѣ, выше и ниже города, привела къ сближенію патриціевъ кёльнскихъ съ плебеями, вооруживъ тѣхъ и другихъ противъ архіепис-

*) Гумбольдъ. Космосъ II, 130, 284.

скопа, который вынужденъ былъ освободить своихъ плѣнниковъ изъ заточенія. Патриціатъ опять приобрѣлъ большую силу и привлекъ на свою сторону многихъ бароновъ изъ окрестностей Кельна, выдавъ имъ грамоты на званіе почетныхъ гражданъ города; а Конрадъ, которому нѣкоторое время пришлось провести въ своемъ городскомъ домѣ, какъ плѣннику, выхлопоталъ у папы запрещеніе богослуженія, которое и наложилъ на свой городъ. Борьба вновь возгорѣлась въ 1267 году. Во время этой борьбы архіепископа съ горожанами и ихъ союзниками, архіепископъ захватилъ въ плѣнъ Энгельберта и 4 года подъ-рядъ держалъ его въ тѣсномъ заточеніи. Между тѣмъ раздоры и партіи явились и среди патриціевъ; Вейзы стали воевать съ Оверштольцами, ихъ сторонниками и пособниками, и Вейзы надѣялись одолѣть Оверштольцевъ, но должны были бѣжать изъ города, уступая силѣ могущественныхъ противниковъ. Однакоже въ городѣ у нихъ остались тайные приверженцы; въ особенности тянулъ къ нимъ одинъ изъ демагоговъ, Германъ-Рыболовъ. Тотъ подговорилъ какого-то бѣдняка, жившаго вблизи городскихъ воротъ, прокопать подъ его жилищемъ потайной ходъ подъ стѣну, за городъ; и черезъ этотъ ходъ Вейзы, въ ночь на 15 октября 1267 года, съ отрядомъ своихъ вооруженныхъ приверженцевъ, проникли въ городъ. Но Оверштольцы еще успѣли объ этомъ узнать во-время, и посѣгнули на мѣсто: долго бились они у воротъ, одоливаемые болѣе многочисленнымъ врагомъ, между тѣмъ ремесленныя братства стояли неподалеку отсюда въ сборѣ, вооруженныя. Они еще не знали, на что имъ рѣшиться, когда одинъ изъ Оверштольцевъ явился къ нимъ съ мѣста побойца и во имя всѣмъ имъ родного города сталъ ихъ умолять, чтобы они помогли отбѣгнуть враговъ. Тѣ послушались и помогли отбить нападавшихъ. Затѣмъ произошло примиреніе съ плѣннымъ архіепископомъ. При последующемъ архіепископѣ, Сигфридѣ фонъ-Вестенбургѣ (1274—1297), граждане еще разъ выдержали сильнѣйшую усобицу съ нимъ; такъ какъ городъ былъ очень недоволенъ постройкою новаго архіепископскаго замка, который могъ значительно вредить ихъ торговлѣ, то граждане, — въ борьбѣ архіепископа Кельнскаго изъ-за наслѣд-

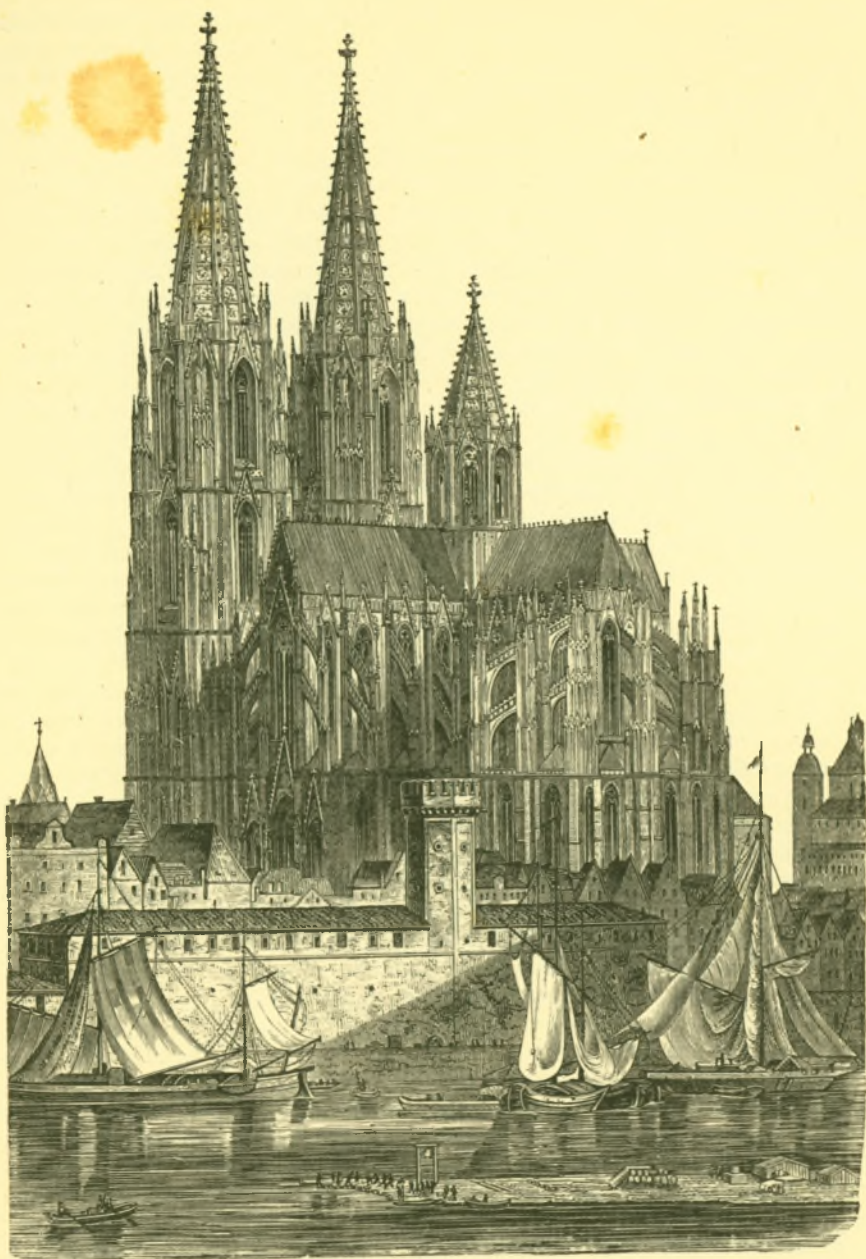
Древнѣйшій изъ частныхъ домовъ въ Германіи, такъ-называемый храмовый домъ въ Нельнѣ.

Родовой домъ фамиліи *Оверштольцъ*, выстроенный въ началѣ XIII вѣка.

ства графовъ Лимбургскихъ,—стали на сторонѣ его противниковъ, и, въ союзѣ съ герцогомъ Брабантскимъ, одержали побѣду надъ архіепископскимъ войскомъ (1288). За этою побѣдою послѣдовало новое примиреніе, благодаря которому городъ наконецъ добился полнѣйшей автономіи въ управленіи своими внутренними дѣлами.

Городская
культура.

До 1250 г. почти все важнѣйшіе нѣмецкіе города уже были на-лицо, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ, позднѣ построенныхъ по прихоти князей и государей (какъ напр. Потсдамъ или Маннгеймъ). Около этого времени замѣчается уже большой прогрессъ во внѣшнихъ условіяхъ городской жизни, хотя, весьма естественно, не все города были въ этомъ отношеніи равны: такъ напр. между городами прирейнскими и городами саксонскими наблюдалось гораздо большее различіе тогда, нежели въ настоящее время. Улицы внутри городскихъ стѣнъ оставались попрежнему узкими, потому что интересы защиты города требовали такой тѣсной постановки домовъ; однакоже, уже начинали улицы мостить (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя) или хотя шоссировать, и въ каждомъ изъ большихъ городовъ осталось до сихъ поръ отъ этихъ давнихъ временъ названіе «Каменной улицы» или «Каменной дороги» за одною изъ его внѣшнихъ улицъ. Въ то же время принимались и кое-какія полицейскія мѣры, касавшіяся чистоты и порядка на улицахъ. Печальное зрѣлище судебныхъ поединковъ, вызвавшихъ даже своеобразный промыселъ, уже исчезло; съ другой стороны и грубая форма ширшествъ и угощеній стали уступать болѣе утонченнымъ правамъ и болѣе мягкимъ формамъ. Въ церковномъ быту, вмѣсто мрачной, суровой и исключительной религіозности, проявилось благородное и своеобразное стремленіе къ красотѣ и изяществу въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ:—въ области *музыки* и *строительнаго искусства*; и то, и другое искусство, за это время, быстро шагнули впередъ, и именно къ этому времени относится появленіе поваго, *готическаго* стиля, который постепенно развился изъ романскаго. Та многозначительная противоположность и различіе, какія нѣкогда существовали между стилемъ дорическимъ и іоническимъ въ древности, проявились и здѣсь, на высшей ступени развитія и не менѣе плодотворнымъ образомъ: серьезный, торжественный, спокойный характеръ романскаго храма вдругъ измѣнился и ожилъ—его формы оживились дивнымъ стремленіемъ линій, стройно вздымавшихся отъ земли въ высь и поражававшихъ взоръ своимъ чуднымъ, гармоническимъ сочетаніемъ. Историкъ, по отношенію къ этимъ произведеніямъ средне-вѣковаго искусства вообще и готическаго стиля въ особенности, долженъ отмѣтить тотъ любопытный и важный фактъ, что его величавыя произведенія ничего не имѣли общаго съ бытомъ рыцарства и дворянства, что они были именно продуктомъ дѣятельности ремесленныхъ цеховъ въ той формѣ, которая развита была городекою жизнью. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ этихъ городскихъ общинахъ—въ особенности въ большихъ имперскихъ городахъ—развился и очень сильный, очень глубокий мѣстный патріотизмъ; тѣмъ болѣе, что у каждаго города гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время, была своя фізіономія, своя индивидуальность. Очень многіе изъ горожанъ, отъ рожденія и до смерти, не переступали

Нёльнскій соборъ въ его настоящемъ видѣ, уже достроенный.

даже и за черту своего городского округа, обозначенную поставленными на ней изображеніями святыхъ его патроновъ; даже и тотъ, кого торговля дѣла или война, или иное что влекло вдаль, — стремился только къ одной цѣли, къ одному высшему идеалу спокойной и безопасной жизни за крѣпкими стѣнами родного города. И вотъ наступило время и для нѣмецкихъ городовъ или, по крайней мѣрѣ, для большаго ихъ части, — проявить себя силою, способною къ взаимной оборонѣ и поддержкѣ, въ видѣ тѣсно сплоченныхъ городскихъ союзовъ, какіе мы видѣли прежде только среди городовъ ломбардскихъ. И произошло это въ то самое время, когда императорская власть утратила всякое значеніе и еще не было въ виду возможности обновленія этой власти, которой всѣ привыкли дерзновенно противиться или отъ нея уклоняться, пока она находилась въ твердыхъ рукахъ, и отсутствіе которой всѣ скорбно ощущали съ тѣхъ поръ, какъ она была утрачена.

Междуцар-
ствіе:
1254 — 1273.

Время—отъ смерти Конрада IV (1254) до новаго избранія всѣми желаннаго и признаннаго главы государства, послѣдовавшаго только уже въ 1273 г., — обычно называютъ *междуцарствіемъ*; писатели, близкіе къ этой эпохѣ, говорятъ о ней съ ужасомъ и характеризуютъ ее словами Св. Писанія: «въ то время не было судьи во Израилѣ, и каждый дѣлалъ то, что ему вздумается». Когда король Вильгельмъ въ 1256 г. скончался въ походѣ противъ Французовъ, то не безъ опасенія произносилась имена нѣкоторыхъ князей, которые могли бы его замѣнить: заходила рѣчь и о юномъ Конрадѣ, сынѣ послѣдняго короля изъ рода Штауфеновъ; но избранъ былъ главою государства кандидатъ, указанный папою и поддерживаемый величайшимъ изъ духовныхъ интригановъ въ государствѣ, архіепископомъ Конрадомъ Кельнскимъ, — графъ *Ричардъ Корнваллійскій*, братъ короля Англійскаго Генриха III; онъ и былъ провозглашенъ королемъ во Франкфуртѣ, въ январѣ 1257 г. Вѣнецъ, который былъ возложенъ на него, едва-ли стоило покупать такъ дорого, какъ онъ ему достался. Враждебная Конраду партія, во главѣ которой стоялъ епископъ Трирскій и которую можно пожалуй назвать «гибелининовскою», противупоставила англійскому кандидату внука короля Филиппа, короля *Альфонса X Кастильскаго*, который также былъ провозглашенъ во Франкфуртѣ два мѣсяца спустя. Надо замѣтить, что и тотъ, и другой изъ этихъ избранниковъ играли не безславную роль въ исторіи своей родной страны: но для Германіи ни тотъ, ни другой не могли имѣть никакого значенія. Король Альфонсъ даже и не ступалъ на почву Германіи. Король Ричардъ явился въ маѣ 1257 г. въ Аахенъ и здѣсь былъ коронованъ Кельнскимъ архіепископомъ, который получилъ за это весьма круглую сумму въ 12,000 ф. стерлинговъ; при коронаціи присутствовали еще два другіе архіепископа, тридцать князей и до 3,000 рыцарей. Но трое важнѣйшихъ изъ числа владѣтельныхъ князей — герцоги Бранденбургскій, Богемскій и Саксонскій — держали сторону Альфонса. Ричардъ собралъ сеймъ въ Кельнѣ и лѣтомъ предпринялъ поѣздку вверхъ по Рейну; при этомъ онъ захватилъ съ собою туго набитую казну, которая однакоже вскорѣ опустѣла: нѣсколько времени спустя, онъ уже долженъ былъ посылать въ Англію приказы о продажѣ своихъ лѣсовъ. Такъ доѣхалъ онъ до Базеля;

но здѣсь деньги у него изсякли, и хроникеръ, рассказывающій объ этомъ, добавляетъ, что «тогда же покинули его и князья, объявивъ ему, что они избрали его не изъ-за личныхъ его достоинствъ, а въ надеждѣ на его денежныя средства». Онъ удалился, потомъ вернулся вновь въ 1260 г., и вообще изъ тѣхъ 15 лѣтъ, въ течение которыхъ носилъ свой королевскій вѣнецъ, онъ провелъ только четвертую часть на германской почвѣ, но совершенно безуспѣшно.

Нороль Альфонсъ Настильскій.

Снимокъ со статуи его, принесенной въ даръ Толедскому собору.

церковное проклятіе въ исполненіе. Интрига съ англійскимъ принцемъ Эдмундомъ, какъ мы видѣли, не удалась. Гораздо удачнѣе пошло дѣло съ графомъ Карломъ Анжуйскимъ, братомъ Людовика IX, короля Французскаго. Однакоже, переговоры еще тянулись нѣкоторое время, такъ какъ папа не вполне довѣрялъ французскому претенденту; только уже преемнику Урбана, Клименту IV, провансальцу родомъ, удалось осуществить договоръ, по которому Карлу было обезпечено наследственное обладаніе Сицилійскимъ королевствомъ, за ежегодную уплату 8,000 унцъ лѣнной пошлины и за единовременную выплату довольноно

Конецъ владѣванью Штауфеновъ въ Италиі. Беневентъ. 1266.

значительной суммы, по совершении завоевания. Церковныя дѣла надлежало упрочить на строгой канонической основѣ: весьма характеризующимъ духъ этого договора было условіе, по которому новый король долженъ былъ утратить свое королевство, если бы задержалъ уплату ланной дани долѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ. Въ противоположность предшественнику своему Манфреду, онъ не отличался пріятною внѣшностью; даже и та партія, которая его услугами воспользовалась, не довѣряла ему; но онъ зналъ, чего добивался, и въ выборѣ своихъ средствъ не затруднялся ни честью, ни правомъ. Такъ и въ рѣшительной битвѣ, которая произошла въ февралѣ 1266 г. при *Беневентѣ*, онъ отдалъ приказаніе (противное всѣмъ рыцарскимъ обычаямъ) — закалывать лошадей подъ рыцарями; когда же Манфредъ увидѣлъ, что побѣды уже не вернуть, онъ устремился въ сѣчу, щца смерти, а разрозненное сопротивление его приверженцевъ уже не могло воспрепятствовать покоренію страны Французами. Однакоже, штауфенская партія все же оставалась въ королевствѣ преобладающею, и пока юный Конрадъ былъ живъ, господство Французовъ въ странѣ было весьма ненадежнымъ; а между тѣмъ Карлъ такъ безпощадно пользовался своею побѣдою, что даже возбудилъ противъ себя недовольство папы. Такой способъ дѣйствій побудилъ вскорѣ нѣкоторыхъ вождей побѣжденной партіи отправиться ко двору герцога Лудвига Баварскаго, гдѣ пребывалъ «Конрадинъ». Этотъ юноша, едва вышедшій изъ отрочества (онъ род. въ 1252 г.), возросъ въ сознаніи подлежащей ему великой задачи и, понавши въ руки дурныхъ совѣтниковъ, растратилъ остатки своихъ земельныхъ владѣній на пріобрѣтеніе себѣ приверженцевъ; даже и родовой замокъ его семейства былъ уже не въ его рукахъ, когда вдругъ представилась соблазнительная возможность вновь завоевать Сицилійское королевство. Онъ ухватился за этотъ замыселъ со всею горячностью неопытнаго юноши, употребилъ на выполнение его остатки своего состоянія, и осенью 1267 г. пустился въ походъ съ войскомъ почти въ 10,000 человекъ. Вначалѣ походъ былъ довольно удаченъ: — извѣстіе объ его появленіи по-сю сторону Альповъ вызвало тотчасъ же сильное возстаніе въ Сициліи; флотъ его сторонниковъ, Пизанцевъ, одержалъ въ сицилійскихъ водахъ побѣду надъ французскимъ флотомъ (августъ 1268); и хотя папа, тотчасъ послѣ появленія Конрадина въ Италіи, отлучилъ его отъ Церкви, однакоже онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ въ Римѣ, гдѣ преобладала партія, враждебная Карлу Анжуйскому. При полученіи извѣстія о наступленіи Конрадина, Карлъ тотчасъ же покинулъ осаду Луцернъ, главнаго города Сарацинъ; онъ спѣшилъ закончить дѣло рѣшительною битвою, которая и дѣйствительно воспослѣдовала 22 августа 1268 г. близъ *Скуркола*. Съ французской стороны войсками командовалъ опытный воинъ Эраръ де-Валері, который, 18 лѣтъ тому назадъ, соутствовалъ королю Людовику Святому въ его несчастномъ египетскомъ походѣ: онъ повелъ дѣло такъ, что въ то время, когда гибеллиновское войско уже полагало, что побѣда имъ одержана и потому начало расходиться съ поля битвы, Эраръ вдругъ ударилъ на него изъ засады и разомъ измѣнилъ исходъ битвы. Самъ Конрадинъ, его другъ Фридрихъ, сынъ маркграфа Баденскаго, и принцъ Генрихъ Кастильскій,

Конрадинъ на соколиной охотѣ.

Миниатура изъ Парижской (Манессійской) миннезингерской рукописи XIV вѣка.

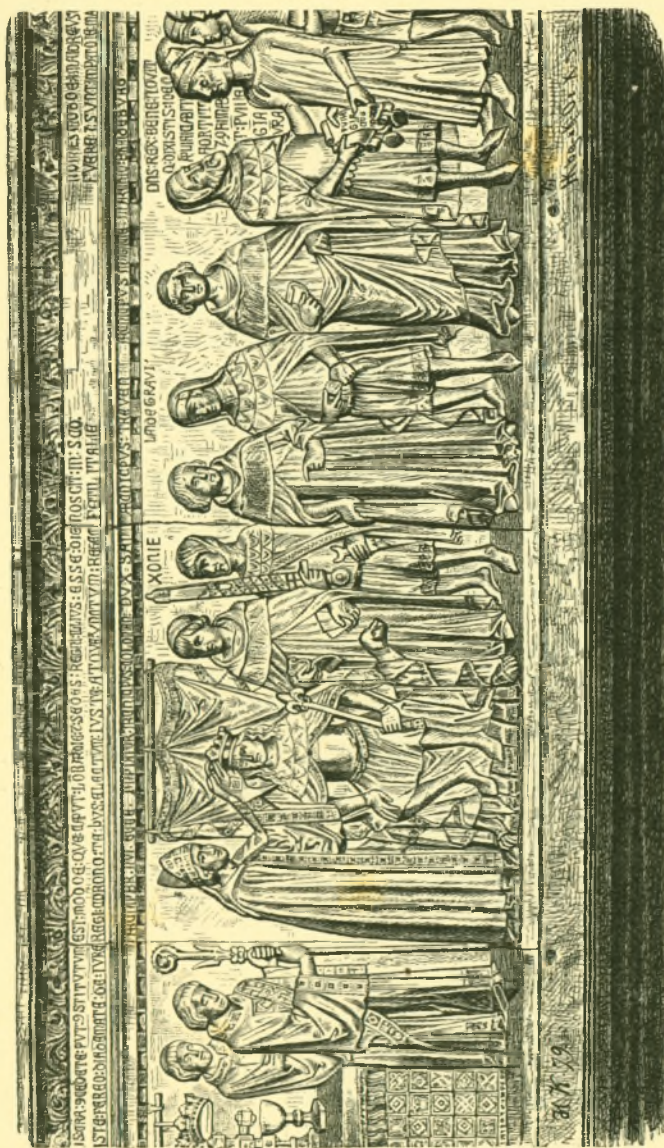
Смерть Ко-
радина.
1268.

нѣсколько дней спустя, были захвачены въ плѣнъ и очутились въ рукахъ Карла, который, прикидываясь законнымъ королемъ Сициліи, не расположенъ былъ миловать своихъ враговъ. Смертнй приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Неаполѣ, на площади, близъ кармелитской церкви, 29 октября 1268 г.:—начала былъ обезглавленъ Конрадинъ, а затѣмъ Фридрихъ.

Это событіе обозначаетъ собою конецъ связи между Германской имперіей и Италіей, и въ немъ не безъ основанія видятъ окончательное пораженіе идеи преобладанія императорской власти надъ папствомъ. И вотъ теперь, когда не стало болѣе императора, папа явился въ христіанскомъ мірѣ если не высшею силою, то, по крайней мѣрѣ, высшимъ по титулу среди правителей. Ему уже никто не могъ воспрепятствовать въ распоряженіи престолами и царствами. Папа Урбанъ IV вознесся даже до того, что и «обонхъ королевъ Германскихъ», Ричарда и Альфонса, пригласилъ въ Римъ для окончательнаго рѣшенія ихъ тяжбы. Конечно, далеко не всѣ готовы были подчиняться притязаніямъ папъ; съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и вообще разрушеніе древней монархіи Германской, въ самомъ центрѣ Европы, послужило далеко не на пользу преобладанія Церкви и папства: никому еще не удавалось безнаказанно разрушить мощную власть, установившуюся между людьми.

Германія.
Семь кур-
фюрстовъ.

Въ Германіи около этого времени закончилось то преобразование общаго политическаго положенія, которое способствовало успѣшной борьбѣ большинства противъ единичныхъ представителей власти, и отдѣльныхъ «земель» противъ объединявшаго ихъ государства, и аристократическаго элемента противъ монархическаго. Владѣтельные князья, закончивъ весьма долго длившійся періодъ развитія своей власти, окончательно стряхнули съ себя характеръ и значеніе сановниковъ, назначаемыхъ государственною властью на извѣстнаго рода должности: они были истинными владѣльцами земли, господами своихъ владѣній. Положеніе этихъ князей и графовъ было въ такой степени завиднымъ, что всякій, кто чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, добивался этого положенія и захватывалъ его, не смотря ни на какія права и отношенія, и мало-по-малу образовалось такихъ владѣтельныхъ князей—крупныхъ, среднихъ и мелкихъ—чрезвычайно много, и изъ нихъ-то постепенно выдѣлилась олигархія, состоявшая изъ *семи курфюрстовъ* (или князей-избирателей):—то были *Майнцскій*, *Кельнскій* и *Трирскій* архіепископы и герцоги: *Богемскій*, *Саксонскій*, *Бранденбургскій* и *Франконскій*, впоследствии игравшіе такую важную роль при избраніи королей, такъ какъ они себѣ и присвоили исключительное право этого избранія. Но въ описываемое нами время этотъ новый порядокъ вещей былъ еще далеко не окончательно установившимся. Здѣсь установить его препятствовали остатки стараго праваго порядка; во многихъ другихъ мѣстахъ новый строй общественный нарушался путемъ явнаго насилія, и духовной аристократіи приходилось особенно жутко отъ матерьяльнаго преобладанія аристократіи свѣтской. Ни въ какое иное время церкви и монастыри въ такой степени не нуждались въ защитѣ своихъ бароновъ-покровителей, и никакое иное время не было болѣе благоприятнымъ для этихъ магнатовъ въ смыслѣ эксплуатаціи ихъ покровительственнаго положенія.

Коронование Германского императора иезельною короною въ Монцѣ, въ присутствіи шести курфюрстовъ, Древнѣйшее изъ всѣхъ извест-
ныхъ изображеній курфюрстовъ. Мраморное рельефное изображение конца XIII вѣка въ Монцкомъ соборѣ.

Весьма неразборчивы латинскія надписи гласить: 1) Надъ главною группою двусторонна (въ переводѣ): «Бога Всевышняго и святого апостольскаго престола соаво-
дствіемъ въначу я, какъ установлено, въ г. Монцѣ, который принадлежитъ за столицу Ломбардіи и резиденцію сего царства, въ святую храмѣ Св. Иоанна Крести-
теля, тебѣ въ благоувереній желанію короною, но правамъ королевства, какъ предвѣдано избраннымъ и помазанымъ королю плотоуной Вгладіи». 2) Надъ
группою гражданъ (въ переводѣ): «Граждане г. Монци, отъ нынѣшняго и до изшаго, всегда были и теперь предпочитаютъ королю германскому величеству вѣрными». 3)
Царь отдаленныхъ князевъ (съѣвъ князевъ): «Архиепископъ, Кольнскій», «Герцогъ Саксонскій», «Архиепископъ Трирскій»,
«Лангграфъ», г. е. офальдграфъ Рейлскій. «Архиепископъ Майнцскій». «Маркграфъ Браденбургскій». 4) Между марграфомъ и гражданами (въ переводѣ): «Госпо-
дину королю, конечно, известно сказанное вамъ, потому то оныя вамъ приваженіи и знаменито распирити, и утвердити». 5) На грамотѣ, которую держатъ
въ рукахъ марграфъ Браденбургскій: «Privilegia Civitatis Moberiae».

Союзы общественнаго благоустройства. Союзы городовъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что «не было судьи во Израилѣ»—не было никакой высшей, общественной власти, которая бы способна была настойчиво всюду поддерживать государственный строй и порядокъ и всюду заставить себя уважать. А между тѣмъ этотъ государственный порядокъ былъ безусловно необходимою, и эта необходимость еще до междуцарствія побудила уже нѣкоторыхъ владѣтельныхъ князей къ формальнымъ *союзамъ общественнаго благоустройства*. Болѣе же всего эта потребность, конечно, ощущалась въ городахъ, какъ центрахъ промышленной дѣятельности нации, въ которыхъ накоплены были наибольшіе запасы матерьяльныхъ богатствъ и въ которыхъ въ то же время жило вполне понятное чувство сознанія силы. Это привело къ величавой политической организаціи въ видѣ *союзовъ городовъ*, представляющихъ собою послѣдній и характернѣйшій результатъ этого періода. Такіе союзы восходятъ еще къ послѣднимъ годамъ правленія императора Фридриха II, проявляясь въ видѣ обязательства обоюдной защиты торговли, установленнаго между нѣкоторыми вестфальскими городами—Мюнстеромъ, Оснабрюкомъ, Минденомъ; еще нѣсколько раяѣ, между Берномъ и Фрейбургомъ; къ началу того же вѣка относится союзъ Гамбурга и Любека, который былъ возобновленъ во времена нашествія Монголовъ и быстро распространился на множество ниже-саксонскихъ городовъ и послужилъ зародышемъ знаменитой *Ганзы*; а изъ союза двухъ рейнскихъ городовъ, Майнца и Вормса, въ 1247 году произошелъ почти въ то же время «*рейнский союзъ городовъ*». Въ самое короткое время къ этому союзу примкнули города: Кельнъ, Бингенъ, Оппенгеймъ, Шпейеръ, Страсбургъ и Базель; въ течение года въ составъ союза вошли 70 городовъ и между ними находились даже и такіе, которые лежали въ сторонѣ отъ рейнскаго воднаго пути. На собраніяхъ горожанъ, быстро чередовавшихся, было выработано внутреннее устройство союза. Душою этого союза, необычайно-своевременнаго, былъ одинъ изъ старѣйшихъ горожанъ Майнца, *Арнольдъ Валдпотъ*, и ближайшая цѣль союза была достаточно ясна для общаго пониманія:—то было сохраненіе общаго мира, обезпеченіе сношеній торговыхъ, оборона личной и имущественной безопасности противъ общераспространеннаго грабительства разбойничьихъ шаекъ, предводимыхъ рыцарями и всюду свирѣствовавшихъ по дорогамъ. Эту охрану городскіе союзы распространили на всѣхъ слабыхъ, на всѣхъ нуждавшихся въ помощи, на всѣхъ поселянъ и даже на Евреевъ, и добились того, что король Вильгельмъ Голландскій подтвердилъ и закрѣпилъ своимъ изволеніемъ права, присвоенныя себѣ союзомъ (1254). По его смерти, въ этотъ союзъ внесенъ былъ новый политическій элементъ именно тѣмъ, что союзники рѣшили признавать только одного, единогласно избраннаго короля. Однакоже, это не удалось имъ привести въ исполненіе: при слѣдующемъ двойномъ избраніи и союзники распались на двѣ партіи, и дальнѣйшему, болѣе обширному и величавому развитію союза городовъ, препятствіемъ послужило то обстоятельство, что владѣтельные князья сами поспѣшили примкнуть къ союзу, сами способствовали уничтоженію несправедливо взимаемыхъ пошлинъ, усмиренію нарушителей мира и полюбовному улаженію раздоровъ между членами союза при посредствѣ выборныхъ на-

чальныхъ людей. Всѣ трое архіепископовъ, многіе епископы, пфальцграфъ Рейнскій Лудвигъ, герцогъ Верхне-Баварскій и даже тевтонскій рыцарскій орденъ — вступили въ составъ союза, и ихъ примѣру послѣдовали еще многіе графы и бароны: это участіе въ союзѣ владѣтельныхъ князей въ значительной степени благопріятствовало достиженію ближайшей цѣли его, и во всякомъ случаѣ граждане не имѣли возможности это участіе отклонить. Событія, послѣдовавшія по кончинѣ Вильгельма, потрясли быстро развившуюся дѣятельность союза городовъ; единоголосный выборъ короля, на который возлагались такія упованія, не состоялся, а извѣстные уже намъ кѣльнскія усобицы нанесли значительный ущербъ дальнѣйшему развитію союза: наступили времена частныхъ раздоровъ и частныхъ союзовъ между городами, и только уже много времени спустя установилось вновь общее согласіе.

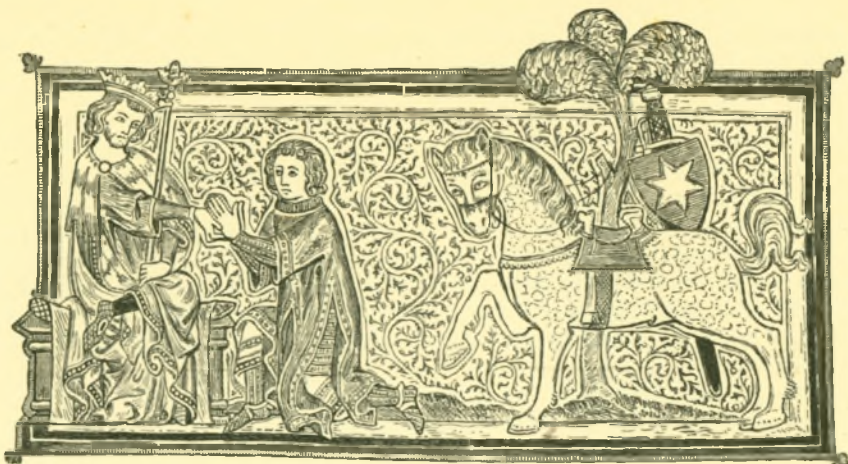
Въ апрѣлѣ 1272 года скончался король Ричардъ и такъ какъ Альфонсъ Кастильскій не пользовался никакимъ значеніемъ, то этимъ вызвана была необходимость положить конецъ невыносимому порядку вещей. Самъ папа Григорій X пришелъ къ тому убѣжденію, что прежде всего слѣдуетъ возстановить въ Германіи такую свѣтскую власть, которая была бы всѣми одинаково признана. Къ тому же французское вліяніе, въ Южной Италіи, грозило папству еще гораздо большими опасностями, нежели былая мощь Штауфенскаго дома; потому Григорій X самъ принялъ на себя починъ въ дѣлѣ избранія новаго короля Германскаго, приказавъ курфюрстамъ приступить къ этому избранію, о которомъ особенно усердно хлопоталъ майнцскій архіепископъ *Вернеръ*, для общей пользы. Избраніе это, наконецъ, состоялось во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 29 сентября 1273 г., и выборъ палъ на одного изъ южно-нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, на графа *Рудольфа*, изъ рода, носившаго титулъ графовъ Габсбургскихъ, отъ названія ихъ родового замка въ Ааргау, построеннаго въ началѣ XI вѣка.

Избраніе Рудольфа Габсбургскаго.

Военный корабль рейнскаго союза городовъ.

Изображеніе рыцаря, совершающаго обычное преклоненіе передъ королемъ, какъ своимъ сюзераномъ.

Времена Рудольфа Габсбургскаго. Изъ Кассельской лицевой рукописи Вильгельма Оранскаго.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ Рудольфа Габсбургскаго до начала реформаціи.

(1273—1517 гг.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рудольфъ Габсбургскій и его наслѣдники до смерти Генриха VII.—
Начало „Вавилонскаго плѣненія“ Церкви.

(1273—1313 гг.)

Самъ избранникъ, графъ Рудольфъ, нимало не былъ застигнутъ избраніемъ врасплохъ; само собою разумѣется, что выборамъ предшествовали довольно продолжительные переговоры. Предполагаютъ, что на корону имѣло нѣкоторые виды совсѣмъ другое лицо: *Оттокаръ II*, король Богемскій, третій изъ королей Богеміи, человекъ, обладавшій несомнѣнными личными достоинствами. Татарское нашествіе нанесло его королевству довольно чувствительный ущербъ, который онъ старался загладить поощреніемъ переселенія нѣмцевъ-бюргерзовъ и нѣмцевъ-поселянъ, и всѣми

силами пытался отстоять этот элемент от нападков мѣстной аристократіи. Отчасти брачнымъ союзомъ, отчасти умѣньемъ пользоваться обстоятельствами въ такое время, когда право не пользовалось особеннымъ почетомъ, отчасти прямо оружіемъ — онъ сумѣлъ расширить предѣлы своего царства, и такимъ образомъ около 1273 г. владѣлъ почти всеми нѣмецкими землями, входящими въ составъ нынѣшней Австріи. Разбивъ Венгерскаго короля Бѣла (или Владислава IV) въ битвѣ на равнинѣ Маршской, — гдѣ и самъ впоследствии потерпѣлъ пораженіе, — онъ женился на его внучкѣ: предварительно онъ развелся съ первою своею супругою, Маргаритою Австрійскою, не отказавшись однакоже отъ ея приданого. Его дальновидное честолюбіе побуждало его стремиться къ полученію германской короны и нѣкоторое время онъ даже могъ рассчитывать, что и добьется свой цѣли: Энгельбертъ, архіепископъ Кельнскій, велъ съ нимъ переговоры, но Оттокаръ не принялъ предложенныя ему условія, а избирателямъ, конечно, не могъ быть особенно желательнымъ правитель, равный ему по могуществу и по силѣ характера.

Въ противоположность Оттокару, графъ Рудольфъ въ глазахъ великихъ курфюрстовъ обладалъ тѣмъ несомнѣннымъ преимуществомъ, что, будучи довольно богатъ и пользуясь немалымъ вліяніемъ, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи большихъ земельных владѣній. До своего избранія, онъ сумѣлъ воспользоваться всеми благоприятными обстоятельствами къ своему обогащенію и къ возвышенію своего значенія, и выказалъ себя весьма дѣятельнымъ и въ войнѣ, и въ мирѣ. Нельзя отрицать того, что и принявъ вѣнецъ королевскій онъ продолжалъ быть весьма дѣятельнымъ и подвижнымъ: въ длинномъ ряду государей того дома, которому онъ придалъ свое имя, онъ былъ безспорно наиболѣе замѣчательнымъ, и даже то обстоятельство, что онъ рѣшился принять на себя предложенную ему весьма трудную и неблагодарную роль короля Германскаго, указываетъ уже на избытокъ въ немъ честолюбія и смѣлой само-

Рудольфъ I.
1273—1291.

Нонная статуя Рудольфа Габсбургскаго на фасадѣ Страсбургскаго собора 1291 г.

дучи довольно богатъ и пользуясь немалымъ вліяніемъ, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи большихъ земельных владѣній. До своего избранія, онъ сумѣлъ воспользоваться всеми благоприятными обстоятельствами къ своему обогащенію и къ возвышенію своего значенія, и выказалъ себя весьма дѣятельнымъ и въ войнѣ, и въ мирѣ. Нельзя отрицать того, что и принявъ вѣнецъ королевскій онъ продолжалъ быть весьма дѣятельнымъ и подвижнымъ: въ длинномъ ряду государей того дома, которому онъ придалъ свое имя, онъ былъ безспорно наиболѣе замѣчательнымъ, и даже то обстоятельство, что онъ рѣшился принять на себя предложенную ему весьма трудную и неблагодарную роль короля Германскаго, указываетъ уже на избытокъ въ немъ честолюбія и смѣлой само-

увѣренности челоѣка, которому многое удавалось въ мелочахъ, а потому онъ задумалъ, что и въ большемъ будетъ пользоваться такою же удачею, оцѣнивая это большее — скорѣе по количеству, нежели по его существеннымъ качествамъ. Притомъ еще онъ былъ отцомъ большого семейства (6 дочерей и 3 сына) и расчеты на возможность получше устроить свою семью въ значительной степени вляяли на принятіе имъ королевскаго титула. Въ смыслѣ политическомъ и церковно-религіозномъ онъ не представлялъ собою ничего опредѣленнаго: онъ приобрѣлъ значеніе какъ приверженецъ Штауфенской партіи, и не разъ подвергался отлученію отъ Церкви; самая грамота объ его избраніи въ короли была ему привезена бурграфомъ Нюрнберскимъ, Фридрихомъ Гогенцоллерномъ, въ то время, когда онъ со своимъ войскомъ осаждалъ городъ Базель, такъ какъ былъ впутанъ въ распрю съ епископомъ Базельскимъ: городу Базелю онъ, прежде всего, и даровалъ внутренній миръ, въ силу своего новаго достоинства. Нѣсколько недѣль спустя послѣдовало его коронованіе въ Лахенѣ и въ то же время были отпразднованы свадьбы двухъ его старшихъ дочерей, вышедшихъ замужъ за двоихъ курфюрстовъ (герцога Лудвига Баварскаго и герцога Альбрехта II Саксонскаго), которые такимъ образомъ до нѣкоторой степени заручились, какъ для себя, такъ и для другихъ курфюрстовъ, готовностью короля не выходить изъ повиновенія ихъ волю. Онъ даже обязался, при каждомъ важномъ рѣшеніи, испрашивать на то ихъ «письменное» согласіе. Что касается папы Григорія X, то онъ далъ согласіе на избраніе Рудольфа на довольно льготныхъ условіяхъ, взявъ съ него слово, что онъ отправится черезъ четыре года въ Крестовый походъ, а также и вынудивъ его окончательно отказаться отъ притязаній на Среднюю Италію и Сицилію. Папа даже лично свидѣлся съ королемъ Рудольфомъ въ Лозаннѣ, въ ноябрѣ 1275 года: тамъ они и условились обо всемъ.

Рудольфа укоряютъ въ томъ, что онъ воспользовался своею королевскою властью только для того, чтобы увеличить свое состояніе и удовлетворить другимъ личнымъ интересамъ. Но къ такому своекорыстію въ значительной степени вынуждало его общее положеніе дѣлъ въ государствѣ, ибо какъ только онъ задумалъ потребовать возвращенія коронѣ законно принадлежавшихъ ей земель, отнятыхъ у нея въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, такъ уже тотчасъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что ему невозможно будетъ добиться выполненія этого требованія законнымъ и мирнымъ путемъ. Онъ увидѣлъ, въ чемъ именно заключается главный недостатокъ врученной ему власти: — въ матерьяльной силѣ; и случилось такъ, что первая и весьма важная политическая задача, представившаяся ему для разрѣшенія, тотчасъ же поставила его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ или все выиграть, или все проиграть.

Эта задача заключалась, собственно говоря, въ разбирательствѣ съ Оттокарѣмъ Богемскимъ, который ни въ выборахъ короля, ни въ его коронованіи не принималъ участія и на всѣ призывы новаго короля отвѣчалъ полнѣйшимъ невниманіемъ. Онъ даже, видимо, отказывался призвать Рудольфа королемъ, такъ какъ не явился и ходатайствовать передъ

Рудольфъ и
курфюрсты.

Подчиненіе
Оттокара.

нимъ о передачѣ ему, Оттокару, въ лѣнъ тѣхъ коронныхъ земель, которыми онъ владѣлъ. Мало того: Оттокаръ не потрудился даже скрыть своего презрѣнія къ «бѣдному графу»; однакоже, оказалось, что онъ плохо зналъ людей, и что расчетъ его противника былъ основательнѣе. Часть рыцарства въ нѣмецкихъ земляхъ Оттокара уже была недовольна его правленіемъ и, не затрудняясь присягою, по обычаю времени, даже состояла въ тайныхъ сношеніяхъ съ Рудольфомъ. Герцогъ Генрихъ Нижне-Баварскій первый присоединился къ Рудольфу со своими 1,000 вадпиками, и открылъ ему, такимъ образомъ, нуть въ Австрію. Къ коалиціи, образовавшейся противъ Оттокара, присоединился и графъ Мейнгардъ Тирольскій, польстившійся на возможность получить часть богатой добычи и руку одной изъ дочерей Рудольфа. Оттокаръ со страхомъ замѣтилъ тотъ оборотъ, который принимаетъ общее положеніе дѣлъ: съ одной стороны ему грозили Магьяры, съ другой—онъ видѣлъ кругомъ себя измѣну и въ самой Богеміи. Враги между тѣмъ осадили Вѣну, и когда этотъ городъ, послѣ долгой и упорной обороны, сдался, Оттокаръ просилъ мира, и миръ былъ обусловленъ признаніемъ Рудольфа въ королевскомъ достоинствѣ, уступкою Австріи, Штиріи, Каринтіи и Краины, при чемъ постановлено было связать династіи Оттокара и Рудольфа двойнымъ брачнымъ союзомъ:—Венцеславъ, наслѣдникъ престола Оттокарова, долженъ былъ сочетаться бракомъ съ четвертою дочерью короля Рудольфа, а Гартманнъ, сынъ Рудольфа—съ чешскою княжною Кунгундою. Само собою разумѣется, что при этомъ Оттокаръ не былъ избавленъ и отъ тѣхъ унижительныхъ обрядовъ, которыми обставлялось принесеніе присяги лѣнными владѣльцами своему сюзерену, и нѣмецкіе хронисты особенно подробно и охотно распространяются о той противоположности, которая всѣмъ бросалась въ глаза во время принесенія лѣнной присяги Оттокаромъ въ Вѣнѣ, такъ какъ король Рудольфъ былъ при этомъ случаѣ въ простомъ воинскомъ доспѣхѣ, а гордый Оттокаръ въ богатомъ королевскомъ одѣяніи.

Вышеуказаннымъ бракамъ не суждено было состояться. Удача Рудольфа была ужъ слишкомъ внушительна и потому не могла привести къ прочному миру. При общераспространенномъ между князьями и баронами вѣроломствѣ, недавніе союзники короля, по заключеніи мира, обратились въ его противниковъ, и, благодаря этому, Оттокаръ могъ еще разъ получить нѣкоторую надежду на успѣхъ. Денежная нужда, отъ которой Рудольфъ не могъ избавиться (онъ передалъ ее въ наслѣдье и всему своему дому), побуждала его къ обремененію новопріобрѣтенныхъ странъ тяжкими налогами; вскорѣ онъ увидѣлъ себя отовсюду окруженнымъ измѣною, и когда Оттокаръ, подстрекаемый къ тому своею высококомѣрною женою, боснійскою княжною Кунгундою, возобновилъ войну, то Рудольфъ ни въ комъ изъ важнѣйшихъ владѣтельныхъ князей не нашелъ себѣ опоры. Граждане вѣнскіе дошли даже до такого простодушія, что просили у Рудольфа разрѣшенія на избраніе даже до такого владыки, такъ какъ онъ ихъ не можетъ защитить отъ Оттокара. Но Рудольфъ выказалъ въ данномъ случаѣ большую смѣлость: все поставивъ на карту, онъ, съ небольшимъ рыцарскимъ войскомъ и подослѣвшимъ во-время вспомогательнымъ отрядомъ венгерскихъ войскъ, выступилъ противъ Оттокара и рѣшился принять битву (въ августѣ 1278 г.)

Возобновленіе войны.
Паденіе Оттокара.
1278.

на *Маршевскомъ полѣ*, близъ Дюрнкрута. Битва эта походила скорѣе на большой рыцарскій турниръ, нежели на дѣйствительное сраженіе, и побѣда была рѣшена успіями горсти мужественныхъ рыцарей. И Рудольфъ, и Оттокаръ лично принимали въ ней участіе и выказали много мужества. Послѣдній еще продолжалъ битву даже и послѣ того, какъ большая часть его войскъ уже обратилась въ бѣгство; онъ и палъ въ битвѣ среди общей свалки. Эта побѣда послужила основой могущества Габсбурговъ, и Рудольфъ сумѣлъ воспользоваться ею весьма разумно, даже съ нѣкоторымъ великодушіемъ, которое, вообще говоря, не принадлежало къ числу его добродѣтелей. Такъ, самое королевство Богемское онъ предоставилъ 11-ти-лѣтнему сыну Оттокара *Венцеславу*, на котораго, пользуясь его беззащитностью, отовсюду поднялись хищные сосѣди; этого отрока онъ предназначалъ себѣ въ зятя, а третьяго сына своего *Рудольфа* предполагалъ женить на сестрѣ юнаго короля. Моравію онъ оставилъ себѣ въ качествѣ вознагражденія за военные издержки. Каринтію предоставилъ Мейнгарду Тирольскому, въ награду за его услуги. Австрійскія земли онъ подѣлилъ между своими двумя сыновьями, Альбрехтомъ и Рудольфомъ; однакоже первый изъ нихъ долженъ былъ остаться единственнымъ и полнымъ ихъ обладателемъ, какъ только второму удастся добыть себѣ особое, собственное княжеское владѣніе.

Приобрѣтенія Рудольфа. Время правленія его послѣ 1281 г.

Все это совершилось не скоро: только уже въ 1281 г. Рудольфъ могъ настоящимъ образомъ вновь приняться за устройство остальныхъ своихъ дѣлъ по управленію государствомъ. Съ особеннымъ усердіемъ хлопоталъ онъ о поддержаніи повсемѣтнаго мира, и въ одинъ годъ издалъ постановленія о немъ въ Баваріи, Франконіи, Швабіи и Рейнской области; постановленія эти были не болѣе, какъ повтореніемъ извѣстнаго Майнцакаго указа 1235 г., и всѣ клонились къ одной цѣли: обузданію и усмиренію хищническихъ и разбойническихъ подвиговъ своевольнаго низшаго дворянства. Но и среди заботъ объ исполненіи своей королевской обязанности, Рудольфъ не упускалъ изъ виду главной своей личной цѣли:—обогащенія и упроченія своего дома. Такъ, напр., когда, по смерти послѣдняго изъ Штауфеновъ, герцогство Швабское—прямая собственность короны—подпало власти нѣсколькихъ владѣтельныхъ князей, Рудольфъ заявилъ на него свои права и сталъ добиваться этого герцогства для своего сына Рудольфа. По этому поводу ему пришлось вести долгую и упорную борьбу съ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ и буйныхъ вассаловъ своихъ, графомъ *Эбергардомъ Вюртембергскимъ*, и даже осаждать и взять приступомъ столицу его княжества, Штутгардъ (1286).

Въ Сѣверной Германіи Рудольфъ пользовался лишь весьма малымъ значеніемъ. Его зять, герцогъ Альбрехтъ Саксонскій, поддерживалъ, по мѣрѣ силъ и возможности, его авторитетъ, стараясь соблюдать его постановленія о всеобщемъ внутреннемъ умиротвореніи страны; но все же власть короля здѣсь была почти неощутительна и даже тѣ союзы городовъ и владѣтельныхъ князей, которые заключались, повидимому, для соблюденія мира и тишины въ странѣ, во многихъ мѣстахъ являлись оплотомъ противъ самого короля. Рудольфъ не пытался даже и вступаться въ ту борьбу, которая была вызвана *Лимбургскимъ споромъ о наслѣдствѣ*, и въ

тѣ *Кельнскія усобицы* (закончившіяся битвою при Воррингенѣ), которыя волновали всю Сѣверо-Западную Германію. Только однажды, въ 1289 г., Рудольфу удалось успѣшно примѣнить свою королевскую власть въ Тюрингіи, гдѣ онъ положилъ предѣлы полной анархіи, и, разрушивъ нѣсколько разбойничьихъ рыцарскихъ замковъ, казнилъ человекъ 20 главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія.

До конца жизни Рудольфъ все носился съ такими планами и замыслами, которые исключительно клонились къ обогащенію его дома и усиленію его значенія. То онъ задумывалъ возстановленіе *Арелатскаго* королевства, которое прочилъ своему младшему сыну въ надѣлы вмѣстѣ съ рукою одной изъ англійскихъ принцессъ; то вмѣшивался въ дѣла Венгріи, и послѣ убіенія короля Владислава (1290 г.) пытался даже серьезно присоединить ее къ королевству Германскому. Эти своекорыстныя стремленія Рудольфа мало-по-малу всѣхъ отъ него оттолкнули и недовѣріе къ нему стало всеобщимъ. Этимъ недовѣріемъ и недовольствомъ, возбужденнымъ въ прирейнскихъ городахъ тяжкими податями Рудольфа, воспользовался одинъ обманщикъ, выдававшій себя за императора Фридриха II, нашелъ себѣ сторонниковъ и надѣлалъ временно тревоги Рудольфу, который однакоже перехитрилъ его, захватилъ врасплохъ и сжегъ какъ еретика (1285). Рудольфа совершенно напрасно укоряли въ томъ, что онъ не побывалъ въ Италіи и не добылъ императорскаго титула: въ желаніи добиться этого титула у Рудольфа не было недостатка, точно такъ же, какъ и въ угодливости передъ папою; но главное препятствіе заключалось, конечно, въ недостаткѣ матерьяльныхъ средствъ. Пытался онъ добиться того, чтобы сынъ его, Альбрехтъ, еще при жизни его, Рудольфа, былъ избранъ въ короли,—но и это ему не удалось, такъ какъ онъ всюду встрѣчалъ только недовольство и противорѣчіе. Надо отдать ему справедливость, что онъ до конца оставался и подвижнымъ, и дѣятельнымъ, несмотря на свои 72 года *), что онъ съ большою энергіей старался пробивать себѣ свой трудный путь, борясь постоянно то съ городами и рыцарствомъ, то съ князьями и духовенствомъ, но до самаго конца жизни оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ и при вступленіи на престолъ—личностью второстепенною по уму и способностямъ.

Кончина застигла Рудольфа на пути въ Шпейеръ—мѣсто успокоенія королей и императоровъ Франконскаго дома. Силы его покинули прежде, чѣмъ онъ достигъ города, и, въ іюлѣ 1291 г., онъ умеръ въ мѣстечкѣ *Гермерсгеймъ*.

Такъ какъ королевская власть, несмотря на всѣ анархическія и олигархическія стремленія, преобладавшія въ германскомъ обществѣ, всеми признавалась необходимымъ элементомъ общаго мира и спокойствія, то выборы короля не замедлили. Главнымъ претендентомъ на престолъ явился сынъ Рудольфа, Альбрехтъ, герцогъ Австрійскій, котораго отецъ еще при жизни своей назначалъ себѣ въ наслѣдники. Человекъ онъ былъ очень способный и смыслилъ толкъ въ правленіи; но онъ никому не былъ при-

Замыслы Рудольфа.

Кончина Рудольфа.

Адольфъ I. 1292—98.

*) Уже далеко переваливъ за шестой десятокъ, Рудольфъ еще таки женился на 14-ти-лѣтней княжнѣ Бургундской, почти ребенкѣ.

Надгробный памятник Рудольфа Габсбургскаго въ Шпейерскомъ соборѣ *).

тень и какъ разъ въ это время вынужденъ былъ обратитъ все свое вниманіе на возстаніе штирійскаго дворянства. Велѣдствіе этого выборъ палъ на графа *Адольфа Нассаускаго* (1292 г.) человека вполне достойнаго и «доблестнаго рыцаря», по признанію даже тѣхъ хронистовъ, которые несомнѣнно держали сторону Габсбургскаго дома. Притомъ же онъ былъ въ самомъ расцвѣтѣ мужества (37 лѣтъ) и обладалъ рѣдкимъ по тому времени образованіемъ:—владелъ языками нѣмецкимъ, французскимъ и латинскимъ. Земельныя же владѣнія его ограничивались графствомъ Нассаускимъ, которое тогда едва-ли равнялось $\frac{3}{4}$ нынѣшняго объема Нассаускаго герцогства. Курфюрстамъ это было на руку: они (и въ томъ числѣ родственникъ его, архіепископъ Майнцскій) воспользовались его избраніемъ въ короли, чтобы добиться отъ него еще разныхъ новыхъ льготъ. Однакоже начало правленія его было довольно счастливо; на первомъ же и весьма многочисленномъ съѣздѣ въ Кельнѣ онъ вынудилъ князей, бароновъ и выборныхъ отъ городовъ къ принесенію присяги въ томъ, что они обязуются въ теченіе 10 лѣтъ сохранять въ полной неприкосновенности постановленія о внутреннемъ мирѣ и тишинѣ, и даже выказалъ себя весьма энергичнымъ противъ тѣхъ, кто задумывалъ нарушать эти постановленія. Даже и самъ Альбрехтъ Австрійскій, его прямой соперникъ, не рѣшился противъ него возстать, безпрекословно выдалъ

*) Надпись кругомъ гласитъ: «Rudolfus de Habesburg Romanorum rex anno regni sui XVIII. Obiit anno Domini MCCXCI (1291) mense Julio in die Divisionis Apostolarum». (Т. е. Рудольфъ и проч. въ 18 годъ своего правленія умеръ тогда-то, въ мѣсяцъ июль, въ день раздѣленія Апостоловъ). Руки, жезлъ и часть вѣнца подновлены, вѣроятно, въ новѣйшее время, когда весь памятникъ этотъ былъ реставрированъ по повелѣнію императора Франца-Иосифа.

ему на руки царственные клейноды и принесъ ему обычную лэнную присягу. Станнымъ противорѣчїемъ въ правленїи этого новаго короля представлялось то, что самъ король, прежде чѣмъ примѣнить свою власть на дѣлѣ, долженъ былъ испрашивать на то разрѣшеніе. Положеніе Адольфа однакоже нѣсколько улучшилось и самая зависимость его отъ избирателей нѣсколько была ослаблена тѣмъ, что онъ вступилъ въ союзъ съ Эдуардомъ I, королемъ Англійскимъ (1294) противъ Филиппа Красиваго, короля Французскаго. Этотъ союзъ отчасти вызванъ былъ тѣмъ, что Филиппъ угрожалъ захватами на юго-западной границѣ Германскаго королевства, отчасти же нуждою въ деньгахъ, которой удовлетворяла до нѣкоторой степени англійская субсидія. Нѣкоторое время Адольфъ оставался вѣренъ этому союзу, но затѣмъ угрозы папы, который тогда еще дружилъ съ королемъ Французскимъ, и льстивыя обѣщанія Филиппа заставили его этотъ союзъ нарушить. И его стремленія также, какъ и слѣдовало ожидать, были направлены главнымъ образомъ къ приобрѣтенію возможно большаго личнаго вѣса и значенія. Ради подобной цѣли онъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ городами и далъ имъ такія права, которыя были весьма выгодны и важны для успленія городовъ, но шли въ разрѣзъ съ имущественными правами князей и бароновъ*).

Возрастающимъ недовольствомъ аристократїи воспользовался сынъ Рудольфа, герцогъ австрійскій Альбрехтъ, который ничуть не отказался отъ выполненія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, а только отсрочилъ его до болѣе удобнаго момента. Отношенія обоихъ соперниковъ оставались натянутыми: каждый изъ нихъ старался вредить другому, гдѣ могъ. Къ концу 1297 года габсбургскій заговоръ сталъ принимать весьма грозный характеръ. Курфюрсты королевства были озабочены оборотомъ, который приняла политика короля, а прочіе князья смотрѣли съ большимъ недо- вѣрїемъ на сближеніе короля съ низшимъ дворянствомъ. Обѣ стороны собирали войска. Князья, участвовавшіе въ заговорѣ противъ короля, а также и Майнцъ, Саксонія, Бранденбургъ, отчасти даже и Кельнъ и Богемія—открыто обвинили короля въ цѣломъ рядѣ неблагоприятныхъ поступковъ, низложили его и на его мѣсто избрала Альбрехта. Этотъ шагъ былъ совершенно противузаконнымъ, но далеко не безпримѣрнымъ въ исторїи Германїи; что же касается народа и большинства остальныхъ князей, то они совершенно равнодушно и не трогаясь съ мѣста ожидали дальнѣйшихъ послѣдствій столкновения и собирались при немъ присутствовать, какъ при турнирѣ двухъ знаменитыхъ бойцовъ. Рѣшеніе борьбы послѣдовало очень скоро: Альбрехтъ явился во главѣ сильнаго войска, а король Адольфъ былъ слишкомъ доблестный рыцарь и слишкомъ плохой полководецъ, чтобы уклониться отъ сраженія. Оно и произошло при *Гельгеймѣ* (въ Пфальцѣ), у Громовой горы (іюль 1298), и, въ сущности, свелось къ рыцарской схваткѣ, хотя рыцарскіе обычай при этомъ и не были со-

*) Вопросъ, главнымъ образомъ, касался того класса несвободныхъ гражданъ, которые переселялись изъ-подъ власти бароновъ и графовъ, съ ихъ земельныхъ владѣній, въ города, лишая ихъ, такимъ образомъ, рабочей и платежной силы. Города же охотно принимали къ себѣ этихъ гражданъ, не выдавали ихъ и принимали подъ свою защиту.

блюдены. Желательно было, конечно, добиться того, чтобы одинъ изъ двоихъ королей нашелъ смерть въ этомъ бою, и въ этихъ видахъ Альбрехтъ многимъ изъ своихъ рыцарей роздалъ свои воинскіе знаки, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе противника. Увѣряютъ, что онъ приказалъ своимъ рыцарямъ колотъ лошадей у противниковъ, и такое приказаніе его кажется намъ весьма вѣроятнымъ. Король Адольфъ— «король бароновъ и вольныхъ городовъ», какъ называется его одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей— упалъ съ коня во время битвы, былъ унесенъ съ поля въ безсознательномъ состояніи, но, оправившись, вновь вернулся въ битву, когда уже побѣда склонялась на сторону Габсбурга, и былъ убитъ въ общей свалкѣ. Говорятъ, будто онъ палъ отъ руки своего торжествующаго противника.

Король Адольфъ въ рукопашной схваткѣ.

Рѣзба на кости конца XIII вѣка. (Германскій музей въ Нюрнбергѣ).

Альбрехтъ I.
1298—1308.

Альбрехтъ I (1298—1308) подчинился новому избранію, при которомъ онъ не скупился на обѣщанія. Когда подумаешь, какъ обычно было въ эти времена нарушеніе данныхъ обѣщаній, то, право, можно удивляться только одному, что постоянно находились такіе люди, которые этимъ обѣщаніямъ еще вѣрили. Новозбранный король былъ также жаденъ до пріобрѣтенія, какъ и его отецъ; и у него было не менѣе, чѣмъ у отца, поводовъ, побуждавшихъ его къ пріобрѣтеніямъ: — и у него тоже было огромное семейство (шесть сыновей и пять дочерей). Но онъ былъ чрезвычайно послѣдователенъ въ своихъ поступкахъ, строго логиченъ въ выводахъ, неразборчивъ въ средствахъ и совершенно свободенъ отъ всякаго идеализма. И онъ, точно такъ же, какъ многіе изъ его предшественниковъ, въ основу всѣхъ своихъ дѣйствій полагалъ постоянно одну цѣль: сдѣлать корону наследственной въ своемъ домѣ. Къ этому и его также побуждало то внутреннее противорѣчіе, которое неразлучно связано съ каждымъ выборнымъ королевствомъ и болѣе всего должно тяготить самого избранника. Это-то сознаніе, главнымъ образомъ, и послужило основой для направленія его политики. Въ противоположность своему предше-

ственнику, онъ сблизился съ Франціей, такъ какъ вполне раздѣлялъ съ королемъ Французскимъ его весьма вольнодумныя воззрѣнія на Церковь и ея права. Папа Бонифацій VIII, — уже недовольный тѣмъ покровительствомъ, которое Альбрехтъ оказывалъ Евреямъ, въ то время безпощадно-преслѣдуемымъ папами, — не призналъ Альбрехта королемъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ убилъ своего предшественника. При одномъ изъ свиданій съ королемъ Филиппомъ (1299 г.), на которомъ присутствовали нѣкоторые курфюрсты, открылся и затаенный планъ Альбрехта — удержать корону королевскую въ своемъ родѣ, какъ наследственную собственность. Дѣло шло ни болѣе, ни менѣе, какъ о бракосочетаніи Альбрехтова сына Рудольфа съ сестрою короля Филиппа; послѣ коронованія Альбрехта императорскою короною, его сына Рудольфа должны были избрать въ короли Германіи, а въ надѣль онъ долженъ былъ получить Арелатъ. Вскорѣ составился заговоръ въ средѣ курфюрстовъ (въ немъ принимали участіе трое духовныхъ курфюрстовъ и Рудольфъ, пфальцграфъ Рейнскій); но Альбрехтъ былъ не таковъ, чтобы его можно было застать врасплохъ. Подобно своему предшественнику, онъ вступилъ въ тѣсныя связи съ городскимъ сословіемъ, къ которому примкнули еще приверженцы Адольфа, нѣкоторое количество рыцарей и мелкихъ бароновъ; когда, такимъ образомъ, онъ увидѣлъ себя достаточно подготовленнымъ къ борьбѣ, онъ издалъ манифестъ къ рейнскимъ городамъ (1301 г.), въ которомъ очень мѣтко нанесъ ударъ своимъ противникамъ, объявивъ объ уничтоженіи всѣхъ новыхъ пошлинъ, самовольно назначенныхъ духовными курфюрстами и другими прирейнскими владѣльцами. Ставъ, такимъ образомъ, во главѣ интересовъ городского сословія, онъ, при помощи городовъ, одержалъ полнѣйшую побѣду (1302 г.). Съ войскомъ своимъ король явился подъ стѣнами Кельна; тамошній архіепископъ, а вслѣдъ за нимъ и Трирскій должны были покориться, какъ уже покорились архіепископъ Майнцскій и пфальцграфъ Рейнскій; новопостроенныя тамошни исчезли, часть коронныхъ имуществъ опять оказалась въ рукахъ короля; точно такъ же удалось королю и повсемѣстное возстановленіе мира и тишины въ странѣ, и Альбрехтъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ новой, быть-можетъ, и очень правильной политикѣ, заключая отъ своего лица, какъ король, союзы для обезпеченія мира съ отдѣльными государственными сословіями. Союзъ же его съ королемъ Филиппомъ оказался непрочнымъ. Въ той борьбѣ, которая, въ ближайшемъ будущемъ, завязалась между Филиппомъ и папою Бонифаціемъ (мы скорѣе ознакомимся съ ея сущностью), Альбрехтъ увидѣлъ возможность склонить папу на свою сторону ради осуществленія своихъ плановъ о престолонаслѣдіи. При этомъ онъ разорвалъ свои связи съ Филиппомъ, да и отъ униженія передъ папою не много получилъ прибыли, тѣмъ болѣе, что тотъ, скорѣе послѣ признанія Альбрехта королемъ (въ 1303 г.), сошелъ со сцены. Тогда Альбрехтъ увидѣлъ, что существуетъ только одно средство для достиженія намѣченной имъ цѣли: — избраніе страною, вслѣдствіе первѣса силы на его сторонѣ, и съ той поры неуклонно пошелъ этимъ путемъ. Въ Южной Германіи и въ Швейцаріи онъ дѣйствовалъ довольно удачно. Ловко пользуясь разными замѣшательствами въ сосѣднихъ стра-

нахъ, онъ значительно приумножилъ уже весьма немалыя владѣнія своего дома въ Южной Германіи и Швейцаріи; еще большій, хотя и весьма мимолетный, успѣхъ имѣлъ онъ въ Богеміи. По смерти короля *Андрея III* (1301) Венгерскаго, венгерская знать разъединилась: одна часть ея объявила себя на сторонѣ Венцеслава II, внука Оттокара II, другая же — на сторонѣ Карла-Роберта Неаполитанскаго — сына Карла Анжуйскаго. Венцеславъ II, король Богемскій, умеръ въ 1305 г., а годъ спустя умеръ и его сынъ; и вотъ тогда-то удалось Альбрехту добиться того, что сынъ его, Рудольфъ, былъ избранъ въ короли Богеміи и Моравіи (1306) и женился на вдовѣ Венцеслава II. Но онъ вскорѣ послѣ того скончался, и такимъ образомъ всѣ планы Альбрехта разлетѣлись прахомъ, а на мѣсто его сына въ короли Богеміи избранъ былъ герцогъ *Генрихъ Каринтійскій*.

Новыя уда-
чи и не-
удачи. Аль-
брехтъ
убить. 1308.

Что въ этой неудачѣ, какъ и во многихъ другихъ, немаловажную роль играли враждебные ему курфюрсты, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, въ особенности же архіепископъ Майнцскій, Петръ Айхшпальтеръ, заклятый врагъ Габсбургскаго дома. Есть основаніе думать, хотя и нельзя доказать положительно, что ненависть этого сановника Церкви оказала нѣкоторое вліяніе на тотъ гибельный исходъ, которымъ закончилась жизнь Альбрехта въ 1308 г. Тотъ племянникъ Іоаннъ, сынъ Альбрехтова брата Рудольфа, который убилъ Альбрехта, долгое время находился въ ближайшихъ отношеніяхъ съ Айхшпальтеромъ. Этому юношѣ по праву принадлежало графство Кобургское, доставшееся ему въ наслѣдство отъ матери; а между тѣмъ, Альбрехтъ, по свойственной ему алчности, медлилъ отдачею ему этого графства: ему не легко было разстаться съ тѣмъ, что попало къ нему въ руки! Къ тому же юноша питалъ нѣкоторыя притязанія и на богемскую корону и былъ обиженъ, когда, помимо его, въ короли Богемскіе избранъ былъ его двоюродный братъ, Рудольфъ, сынъ Альбрехта. Такъ, мало-по-малу, въ душѣ юноши созрѣвала ненависть къ Альбрехту, который вообще ни въ комъ не возбуждалъ къ себѣ симпатіи. Насмѣшки, которыми король отвѣчалъ Іоанну на его новыя и усиленныя просьбы объ отдачѣ ему наслѣдственнаго графства, еще болѣе возмущали юношу и въ его головѣ, а также и въ кружкѣ приближенныхъ ему рыцарей составилась планъ злодѣяства, которое, какъ они думали, должно было прійтись по вкусу многимъ. Габсбургскій хронистъ, Оттокаръ фонъ-Горнекъ, оставилъ намъ подробное описаніе этого страшнаго событія: — произошло оно невдалекѣ отъ родового замка Габсбурговъ, въ Ааргау; король, возвращавшійся изъ Бадена къ женѣ, находился въ пути съ очень небольшой свитой и достигъ береговъ Рейна, гдѣ ему приходилось переправляться черезъ эту рѣку на паромѣ; заговорщики — рыцари фонъ-Вартъ, фонъ-Тегерфельдъ, фонъ-Эшенбахъ — помѣстились на томъ же самомъ паромѣ, рядомъ съ королемъ, и переправились за рѣку вмѣстѣ съ нимъ; герцогъ Іоаннъ сумѣлъ устроить дѣло такъ, что свита короля была на нѣкоторое время задержана по-сю сторону рѣки. Между тѣмъ заговорщики окружили короля и двинулись съ нимъ далѣе по пути; герцогъ, нагоняя ихъ, крикнулъ имъ: «начинайте!» — и вотъ Эшенбахъ схватилъ королевскаго коня подъ уздцы.

In reditu de Cur. nūciat ei obitus Albi Regis Romanorū.

(In reditu de Curia nunciatur ei obitus Alberti Regis Romanorum*).

«При возвращеніи изъ куріи ему возвѣщаютъ о кончинѣ Альбрехта, короля Римскаго».

Гонецъ, посланный архіепископомъ Петромъ Майнцскимъ, передаетъ возвращающемуся изъ Рима новопоставленному архіепископу Трирскому, Балдуину Люцельбургскому, известіе, что король Альбрехтъ убитъ, а графъ Генрихъ Люцельбургскій (братъ Балдуина) долженъ готовиться къ тому, чтобы принять королевство въ управленіе, такъ какъ онъ (Петръ, архіепископъ Майнцскій) предложитъ его на выборахъ.

Миниатура заимствована изъ такъ-называемой *Балдуиновой книги* (Balduinoem)—роскошнаго рукописнаго сборника актовъ, писаннаго на пергаментѣ и украшеннаго изображениями, относящимися къ личной исторіи жизни Балдуина и къ исторіи его брата-императора. Хранится въ провинціальному архиву въ Кобленцѣ.

Тотъ принялъ это за шутку... «Нѣтъ, тутъ ужъ не до шутокъ!» — отвѣчалъ ему на это рыцарь. Удары мечей посыпались на короля справа и слѣва, и онъ, уже обливаясь кровью изъ страшной раны, пересѣкавшей ему все лицо, крикнулъ герцогу: «помоги!» Тогда и тотъ бросился на него, воскликнувъ: «вотъ тебѣ моя помощь!»—и пронзилъ его сзади мечомъ съ такою силою, что острие его вышло спереди изъ груди. Затѣмъ они бросили на пути истекающаго кровью Альбрехта и умчались; Иоаннъ даже не постыдился захватить королевскаго коня, на котораго онъ пересѣлъ по совершеніи злодѣянія.

Внезапная смерть Альбрехта пресѣкла его весьма полезную десятилѣтнюю административную дѣятельность. О сыновьяхъ его, на предстоящихъ выборахъ, конечно, не могло быть уже и рѣчи. Всѣ ужасались совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣ осуждали убійцу (они всѣ умерли въ

кандидаты
на герман-
скую коро-
ну.

изгнаніи), но даже и ужасъ, внушенный гибельнымъ концомъ Альбрехта, никого не примирялъ съ воспоминаніями объ его дѣятельности. Общее настроеніе было положительно направлено противъ всякой наслѣдственности короны, и никому даже и въ голову не приходило хотя бы и на нѣкоторое время предоставить корону одной и той же династіи. Притомъ не было недостатка ни въ подходящихъ кандидатахъ на королевскій престолъ, ни въ прямыхъ соискателяхъ его. Въ современной Германіи насчитывалось уже 38 дворовъ и самостоятельныхъ княжескихъ областей:—владѣтельные дома гордились тѣми представителями своихъ, которыхъ удавалось возвести на престолъ королевскій, да и помимо наслѣдственности (которая могла и не установиться въ томъ или другомъ родѣ) обладаніе королевскою властью въ Германіи было дѣломъ не безвыгоднымъ въ глазахъ тѣхъ, которые способны были смотрѣть на права королевской власти, какъ на доходныя статьи, не задаваясь при выполненіи королевскихъ обязанностей никакими нравственными задачами. Между искателями германской короны на этотъ разъ былъ и одинъ чужеземецъ—Филиппъ IV, король Французскій, который добивался короны для своего брата, Карла Валуа. Вообще говоря, домъ Капетинговъ, въ данное время, являлся весьма могущественнымъ; обладая уже и французскою, и неаполитанскою коронами, Капетинги добивались обладанія венгерскою и германскою коронами. И на сторонѣ этихъ стремленій была очень вѣская сила—папство, которое, восторжествовавъ надъ Гогенштауфенами, полвѣка спустя пришло къ конечной гибели, вслѣдствіе событій, которыя мы сейчасъ изложимъ и которыя поставили папъ въ позорнѣйшую зависимость отъ Французскихъ королей.

Папство.

По смерти Людовика Святого, послѣ краткаго и незначительнаго правленія его сына, Филиппа III (1270—1285), на тронъ вступилъ его старшій сынъ, *Филиппъ IV*, въ лицѣ котораго явился правитель, который, впервые съ полною ясностью, а потому и съ блестящимъ успѣхомъ сумѣлъ противопоставить мощь національнаго государства всѣмъ поползновеніямъ на всемірное владычество со стороны Церкви. Эти притязанія папства на всемірное господство, укоренившіяся со временъ Григорія VII, напши себѣ въ 1294 году весьма рѣзкаго представителя въ лицѣ *Бонифация VIII*. Этотъ папа—до папства носившій имя Каэтана Ананьи—суровый священнослужитель и ученый юристъ, послѣдвшій на службѣ папской курии, былъ человекомъ въ высшей степени гордымъ и глубоко преданнымъ внѣшнему формализму; не обладая государственнымъ умомъ Григорія VII или Иннокентіевъ III и IV, онъ пытался однакоже въ такой степени рѣзко проводить ихъ воззрѣнія, что этимъ подрывалъ наконецъ и самый авторитетъ папства. Временныя и второстепенныя пререканія, возникавшія между Римомъ и королями французскими, вдругъ обратилась въ великую борьбу между папствомъ и національною королевскою властью. Поводомъ къ борьбѣ послужило то, что король Филиппъ IV, во время войны съ Англіей, обложилъ извѣстнаго рода налогомъ и духовенство:—папа отвѣчалъ на это общимъ воспрещеніемъ такой мѣры въ буллѣ, извѣстной подъ названіемъ «*Clericis laicos*»—на основаніи которой подвергались одинаково отлученію отъ Церкви и тѣ клерики, ко-

торые вздумали бы платить вынеупомянутый налогъ, безъ разрѣшенія папы, и тѣ міряне, которые, безъ этого разрѣшенія, стали бы взимать этотъ налогъ. Король—вступившій на престолъ 17-ти-лѣтнимъ юношей и теперь находившійся въ цвѣтѣ мужества—отразилъ этотъ ударъ очень ловко, воспретивъ вывозъ изъ своего королевства денегъ и всякаго рода драгоценностей, и весьма опредѣленно высказалъ мысль, что только бесполезный и *«такъ-сказать парализованный»* членъ тѣла можетъ отказывать тѣлу въ помощи, и что въ нуждахъ государственныхъ обязаны равно участвовать міряне и духовные. Такимъ образомъ онъ и духовенство признавалъ составною частью (членомъ) государственнаго организма. На мгновеніе споръ какъ бы пріутихъ. Папа, которому было очень невыгодно наложенное королемъ воспрещеніе на вывозъ цѣнностей, попы-

Папа Бонифаціи VIII.

По картинѣ Джіотто, въ базиликѣ С. Джіованно Латеранскаго въ Римѣ.

тался придать своей буллѣ нѣсколько смягчавшее ее объясненіе; къ тому же, около этого времени, дѣдъ короля, Людовикъ IX, былъ причисленъ къ лику святыхъ—и Филиппъ заблагоразсудилъ уничтожить свое распоряженіе о невывозѣ цѣнностей. Но въ 1301 году борьба разгорѣлась вновь и еще сильнѣе прежняго. Легатъ, посланный Бонифаціемъ, вызвалъ гнѣвъ короля своимъ высокоуміемъ и неосторожными отзывами. Король не затруднился обжаловать способъ дѣйствій прелата, который былъ его подданнымъ, и даже заключилъ его подъ стражу. Тогда начался обмѣнъ дипломатическими нотами между королемъ и папой, и эти ноты принимали все болѣе и болѣе ожесточенный тонъ. Отвѣтное посланіе папы (*Ausculta fili*) было въ февралѣ 1302 года публично предано сожженію въ Парижѣ; при этомъ вообще Филиппъ весьма кетати счумѣлъ перенести борьбу на почву національнаго самосознанія, которое уже и въ то время развито было во Франціи сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Онъ созвалъ бароновъ и прелатовъ королевства, и даже выборныхъ отъ городовъ въ Парижъ, гдѣ и собралъ ихъ въ церкви Парижской Богоматери. Всѣ словія были глубоко возмущены, услышавъ, что, по утверженію папы, ихъ король будто-бы владѣеть королевствомъ своимъ, только какъ леномъ, даннымъ ему папскою властью—и всѣ приняли сторону короля,

Филипп IV, Красивый.

Конная статуя, некогда находившаяся въ соборъ Богоматери въ Парижѣ, разрушенная въ 1772 г. (По книгѣ Лакруа).

существуетъ два: духовный и мірской; оба они, какъ духовный, такъ и матеріальный (мірской); находятся во власти Церкви, и первый изъ нихъ можетъ быть употребляемъ въ дѣло только *Церковью*, а второй — только *въ защиту Церкви*; первымъ можетъ владѣть всякое духовное лицо, вторымъ же и короли, и рыцари (*milites*), но не иначе, какъ по указанію и благорасположенію (*ad nutum et patientiam*) духовенства: — «ибо каждому изъ смертныхъ для спасенія души его необходимо подчиняться волѣ и велѣніямъ римскаго первосвященника».

Въ отвѣтъ на эту буллу канцлеръ короля, Гильомъ де-Ногарэ, выступилъ въ собраніи нотаблей въ Луврѣ обвинителемъ противъ папы, котораго слѣдовало-де на общемъ соборѣ осудить какъ преступника: при этомъ онъ призывалъ всѣхъ присутствующихъ обратиться къ королю съ просьбою о томъ, чтобы онъ защитилъ Церковь отъ непотства папы. Обнаружилось, что король имѣлъ въ глазахъ народа больше значенія, нежели папа. И вотъ вторично собрались въ Луврѣ всѣ сословія королевства въ юнѣ 1303 г., и тутъ рѣшено было собрать въ ближайшемъ будущемъ *общій соборъ*, по инициативѣ короля, который такимъ образомъ явился здѣсь поборникомъ вѣры и защитникомъ Церкви противъ папы — прецедентъ очень грозный для папскаго всемогущества, такъ какъ здѣсь рѣшенія собора должны были опираться на дѣйствительную силу. Во мно-

жествъ адресовъ—ихъ насчитывали до 700—различныя корпораціи королевства, а также и университеты, и монастыри выражали свое согласіе съ принятыми на соборѣ рѣшеніями. Въ свою очередь и Бонифацій рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, бывшему въ его распоряженіи. Онъ отправился со своими кардиналами и прочею свитою въ Ананьи — на ю.-в. отъ Рима, у подножья Аппениновъ — дабы здѣсь изготовить актъ отлученія короля отъ Церкви и освобожденія его подданныхъ отъ присяги на вѣрность ему:—и булла была уже изготовлена, какъ

Печать Филиппа Красиваго.

Хранится въ Британскомъ музее въ Лондонѣ.

вдругъ неслыханное происшествіе воспрепятствовало ея обнародованію. 7 сентября 1303 г., утромъ, въ Ананьи завидѣли издали всадниковъ и многочисленный отрядъ пѣхоты, спускавшихся съ горъ; во главѣ этого войска ѣхалъ канцлеръ короля французскаго, Гильомъ де-Ногарэ, снабженный обширными полномочіями отъ своего государя и въ сопровожденіи вожака гибеллиновской партіи въ Римѣ, Скьярра Колонна, съ которымъ Ногарэ вступилъ въ нѣкотораго рода соглашеніе. Подступивъ къ городу, войско развернуло знамя Франціи, и затѣмъ проникло въ городъ, изъ котораго кардиналы поспѣшно бѣжали. Съ криками: «смерть Бонифацію—и да здравствуетъ король французскій!» папскій дворецъ былъ занятъ солдатами и маститому старцу-папѣ нанесено было тяжкое оскорбленіе... Говорятъ, что Колонна позволилъ себѣ ударить его желѣзною перчаткою по лицу и назвалъ его первенцемъ сатаны (такъ описываютъ намъ современные хронисты эту омерзительную сцену)—и папа перенесъ оскорбленіе съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ главы Церкви. Само-собою разумѣется, что оккупация мѣстечка не могла быть продолжительна; граждане возстали поголовно и небольшою отрядъ войска, который не могъ бы выдержать серьезной борьбы, поспѣшили удалиться. Но цѣль всей этой продѣлки была достигнута:—папство, въ лицѣ одного изъ самыхъ гордыхъ своихъ представителей, было жестоко принижено и земля не разверзлась, чтобы поглотить оскорбителей, совершившихъ чудовищное преступленіе! Бонифацій поспѣшилъ въ Римъ:—онъ задумывалъ созвать вселенскій соборъ и на его рѣшеніе предоставить вопросъ о томъ, что свершилось... Однакоже силы ему измѣнили: испытаніе оказалось слишкомъ тяжело для 80-ти-лѣтняго старца, и, немного спустя, онъ скончался, въ октябрѣ того же года,—чернаго года въ исторіи Церкви.

Вавилон-
ское плѣне-
ніе Церковн.

Послѣдствія случившагося въ Ананьи обнаружилась въ самомъ не-продолжительномъ времени. Уже преемникъ Бонифація, *Бенедиктъ XI*, оказался уступчивымъ по отношенію къ королю французскому. Но онъ правилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и при новомъ избраніи папы въ комисіи кардиналовъ одержала верхъ французская партія: — избранъ былъ архіепископъ Бордосскій, *Климентъ V*, который заручился поддержкою короля, принявъ на себя всякія самыя стѣснительныя обязательства, и даже будучи уже избранъ въ папы, не покинулъ Франціи, т. е. остался въ той же сферѣ вліянія и власти короля Филиппа (1305). Съ 1309 г. онъ избралъ себѣ резиденцію *городъ Авиньонъ* (на лѣвомъ берегу Роны) и съ 1305—1377 всѣ папы продолжали жить во Франціи: этотъ періодъ времени и называютъ *авилонскимъ плѣненіемъ Церковн.*

Генрихъ VII
— герман-
скій король.

Король Филиппъ разчитывалъ именно на эту зависимость папъ отъ его воли, когда сталъ добиваться германской королевской короны для одного изъ членовъ своего дома. Этого, однакоже, не удалось ему добиться, хотя нѣкоторые изъ курфюрстовъ, какъ напр. архіепископъ Кельнскій, Генрихъ, и склонялись на его сторону. Но архіепископу Майнцкому, Петру, удалось всѣхъ привлечь къ избранію *Генриха, графа Люксембургскаго*, человѣка прекраснаго, хотя уже и пожилого, и необладавшаго ни большими владѣніями, ни большимъ значеніемъ *). При королѣ Адольфѣ онъ даже держалъ сторону Франціи и оказалъ нѣкоторыя услуги королю Филиппу IV. И въ самомъ образованіи его, и въ образѣ жизни было болѣе французскаго, чѣмъ нѣмецкаго. Подъ именемъ Генриха VII онъ правилъ отъ 1308—1313 г., и, въ противоположность своему предшественнику, явился правителемъ просвѣщеннымъ, въ личныхъ сношеніяхъ пріятнымъ и даже способнымъ стремиться къ достиженію высшихъ идеаловъ.

Счастье, повидному, улыбалось ему. Осудивъ на изгнаніе убійцъ своего предшественника, онъ вступилъ въ соглашеніе съ Габсбургами, и такъ какъ Богемскій король, Генрихъ Каринтійскій (власть котораго была очень слаба), не ходатайствовалъ въ опредѣленный срокъ объ отдачѣ ему этого лѣна, то онъ отдалъ это королевство въ лѣнъ своему сыну, Иоанну, зная, что Генриху Каринтійскому и не по силамъ было бы управиться съ этимъ королевствомъ. Папа Климентъ призналъ Генриха королемъ, и, когда вслѣдъ за тѣмъ всѣ владѣтельные князья собрались на блестящій сеймъ въ Шпейерѣ, то Генрихъ VII, при этомъ случаѣ, вспомнилъ о недавнемъ печальномъ прошломъ и приказалъ торжественно похоронить останки королей Адольфа и Альбрехта въ соборѣ, гдѣ уже покоились трое послѣднихъ императоровъ Саллическаго дома, а также и Филиппъ Штауфенскій, и Конрадъ I—и этотъ фактъ обрисовываетъ намъ Генриха VII, какъ человѣка тонкаго и деликатнаго.

Положеніе
Италіи.

Генрихъ VII, чтобы утвердить свой авторитетъ, пошелъ путемъ многихъ своихъ предшественниковъ: онъ задался цѣлью возстановленія авторитета Германіи въ итальянскихъ земляхъ. Условія жизни въ Италіи

*) Вся область его равнялась какому-нибудь 150 кв. милямъ, съ сотнею замковъ, между Маассомъ и Мозелемъ.

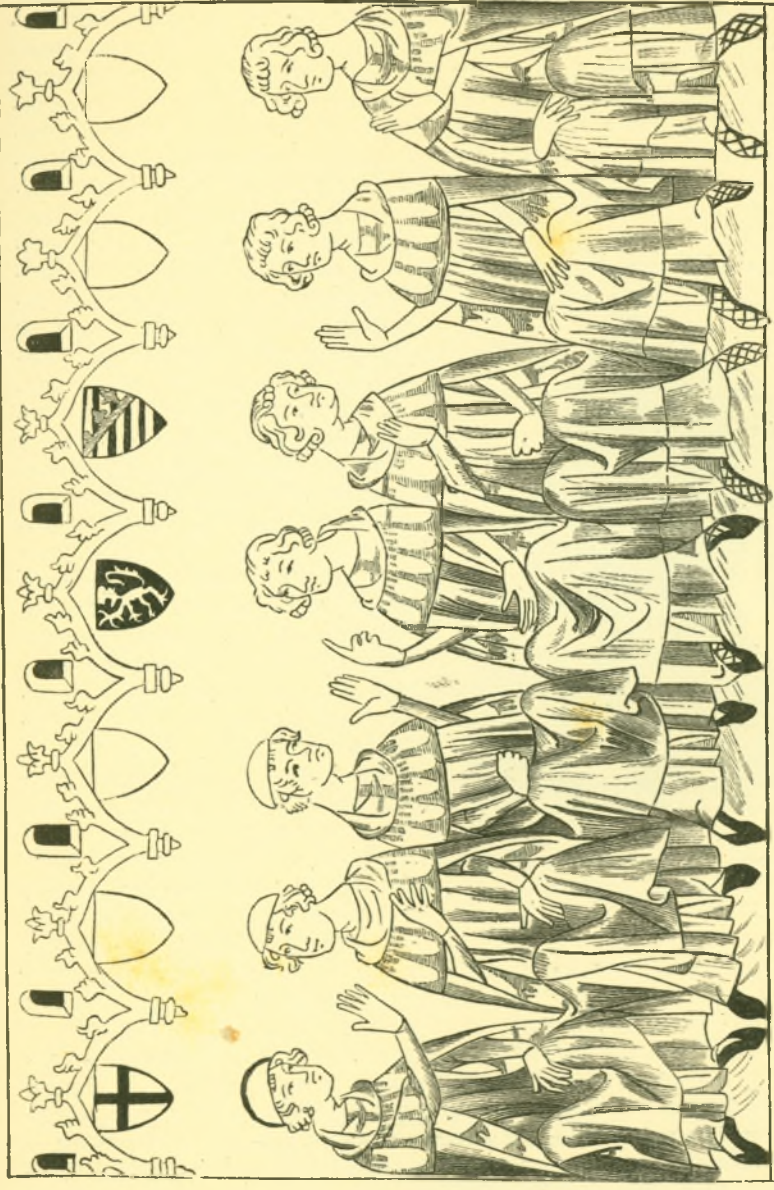
Надгробный памятникъ Петра фонъ-Аспельтъ (или Айхшпальтъ), архіепископа Майнскаго, съ изображенными на немъ тремя коронованными имъ королями: Генрихомъ VII, Людвигомъ Баварскимъ и Іоанномъ Богемскимъ. Въ Майнцкомъ соборѣ.

Надпись, окружающая надгробіе, въ тяжеловѣсныхъ латинскихъ стихахъ, восхваляетъ добродѣтели покойнаго.

сложились такъ, что во многихъ умахъ тамъ пробудилось непреодолимое стремленіе къ возстановленію императорской власти: — отсутствіе самой власти этой и его печальныя послѣдствія увѣнчали эту власть извѣстнаго рода ореоломъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Казалось бы, что, по самой природѣ своей, Италія именно, болѣе многихъ другихъ странъ, предназначена къ единству, которымъ нѣкогда она и обладала; а между тѣмъ, едва-ли какая-нибудь иная страна такъ долго вынуждена была бороться противъ розни, и съ такимъ трудомъ добиваться единства, какъ Италія. Новая династія, овладѣвшая съ 1268 г. Неаполитанскимъ королевствомъ, въ лицѣ *Карла Анжуйскаго*, около этого времени владѣла уже только материковою половиною Штауфенскаго царства. Еще въ 1282 г. ненависть противъ французскаго владычества на островѣ Сициліи привела къ обширному заговору, опиравшемуся на связи съ константинопольскимъ дворомъ и съ Петромъ III Арагонскимъ, зятемъ короля Манфреда, котораго несчастный Конрадинъ, говорятъ, уже на эшафотѣ наименовалъ наследникомъ своихъ притязаній. Душою этого заговора былъ одинъ изъ представителей сицилійской знати, Іоаннъ де-Прочида. Случайное происшествіе, — насиліе, совершенное французомъ часовымъ надъ одной палермской дѣвушкой, — вдругъ возбудило народную ярость въ самый праздникъ Пасхи, въ 1282 г., и всея Французы, какіхъ только можно было разыскать на островѣ, погибли жертвою этого возстанія: — насчитываютъ до 12,000 французовъ, умерщвленныхъ во время этой страшной *сицилійской вечерни*. Временное правительство было установлено на островѣ, и, при помощи Петра III Арагонскаго, Сициліяцамъ удалось отстоять свою независимость и отъ завоевательныхъ попытокъ французовъ, и отъ всякихъ угрозъ и карательныхъ мѣропріятій римской курии. И даже тогда, когда Яковъ II Арагонскій отрекся отъ притязаній на островъ, Сициліяцы, на сеймѣ своемъ, избрали его брата, *Фридриха*, себѣ въ короли и создали для себя самостоятельное правленіе (1295 г.). Такимъ образомъ здѣсь, на Югѣ, вмѣсто одного государства создались два и этимъ самымъ надолго утрачена была всякая возможность прійти къ какому-нибудь умиротворенію.

Въ остальной Италіи, гдѣ политическій процессъ образованія меньшихъ и большихъ территориальныхъ государствъ шелъ почти тѣмъ же путемъ, какъ и въ Германіи, хаосъ всевозможныхъ усобицъ былъ еще запутаннѣе, чѣмъ въ Германіи, а при болѣе живомъ и страстномъ характерѣ народа, эти усобицы являлись еще болѣе кровавыми и жестокими. Въ Сѣверной Италіи та независимость и свобода, которую здѣсь города отстояли въ борьбѣ съ императорами изъ Штауфенскаго дома, вызвала къ жизни много богатыхъ силъ, но въ то же время привела къ образованію множества отдѣльныхъ центровъ: на пространствахъ между Альпами и Адриатическимъ моремъ явилось бокомъ-о-бокъ около 40 самостоятельныхъ общинъ, которыя переживали то же, что нѣкогда уже было пережито мелкими греческими автономіями... Жизнь этихъ городовъ представляла непрерывную цѣпь всякихъ превратностей, союзовъ, усобицъ между отдѣльными городами и коалиціями городовъ, борьбы за гегемонію, угнѣсенія меньшихъ городовъ большими городами — а внутри вѣчныя распри среди необузданной демократіи, жестокой тиранніи и безсердечной аристократіи, во всехъ возможныхъ

Кольцъ. Майнцъ. Триръ. Баварія. Саксонія. Бранденбургъ. Богемія.

Septē electores eligūt. henr̄. cōitē lutzill. i. regē rōm̄. fīlk. xvij.

«Septem electores eligunt Henricum comitem Lutill in regem Romanorum Frank. XXVII.» [die novembria]. «Семь курфюрстов избирают Генриха графа Люццбургскаго въ Римске короля во Франкбургъ 27 ноября».

Миниатора пазъ «Балдуиновой книги» (Balduinicum) — роскошной рукописной актовой книги Балдуина Люмбургскаго, архиепископа и курфюрста Трирскаго. (Объ этой книгѣ см. выше на стр. 401).

проявленіяхъ. Названія *Гвельфовъ* и *Гибеллиновъ*, давно уже утратившія свой настоящій смыслъ (такъ какъ о династіи Штауфеновъ или «Вайбеллинговъ» всѣ давно уже успѣли забыть), обозначали уже только двѣ противоположныя главныя партіи, которыя тутъ и тамъ боролись уже вовсе не за опредѣленные принципы или идеи, а собственно изъ-за обладанія властью—и каждая изъ нихъ, восторжествовавъ, самымъ жестокимъ образомъ старалась воспользоваться плодами своей побѣды. Вожаки побѣжденной партіи должны были немедленно покинуть городъ, какъ изгнанники—*banditi*—и то значеніе, которое впоследствии пріобрѣло слово *бандитъ*, лучше всего характеризуетъ способъ отпущенія своимъ согражданамъ, избираемый этими изгнанниками. При всемъ томъ, однакоже, нельзя отрицать, что эта горячая борьба изъ-за власти и преобладанія, это естественное соперничество большихъ городовъ, такихъ какъ Пиза и Флоренція, Миланъ, Генуя, Венеція—приводили и здѣсь, какъ въ городахъ древней Греціи, къ страшному напряженію силъ, и тѣмъ самымъ давали мощный толчокъ всему теченію жизни—такъ что этотъ періодъ, по отношенію къ Италіи, ни въ какомъ уже случаѣ нельзя считать періодомъ регресса. Достаточно будетъ здѣсь припомнить, что величайшій, глубокомысленнѣйшій и гениальнѣйшій изъ всѣхъ средневѣковыхъ поэтовъ, *Данте Алигieri*, родился въ 1265 г. во Флоренціи и что вся его жизнь, отъ самой ранней юности, прошла среди борьбы партіи *черныхъ* и партіи *бѣлыхъ*, какъ ихъ называли во Флоренціи. И если въ это время, на вулканической почвѣ Италіи,

Дантъ.

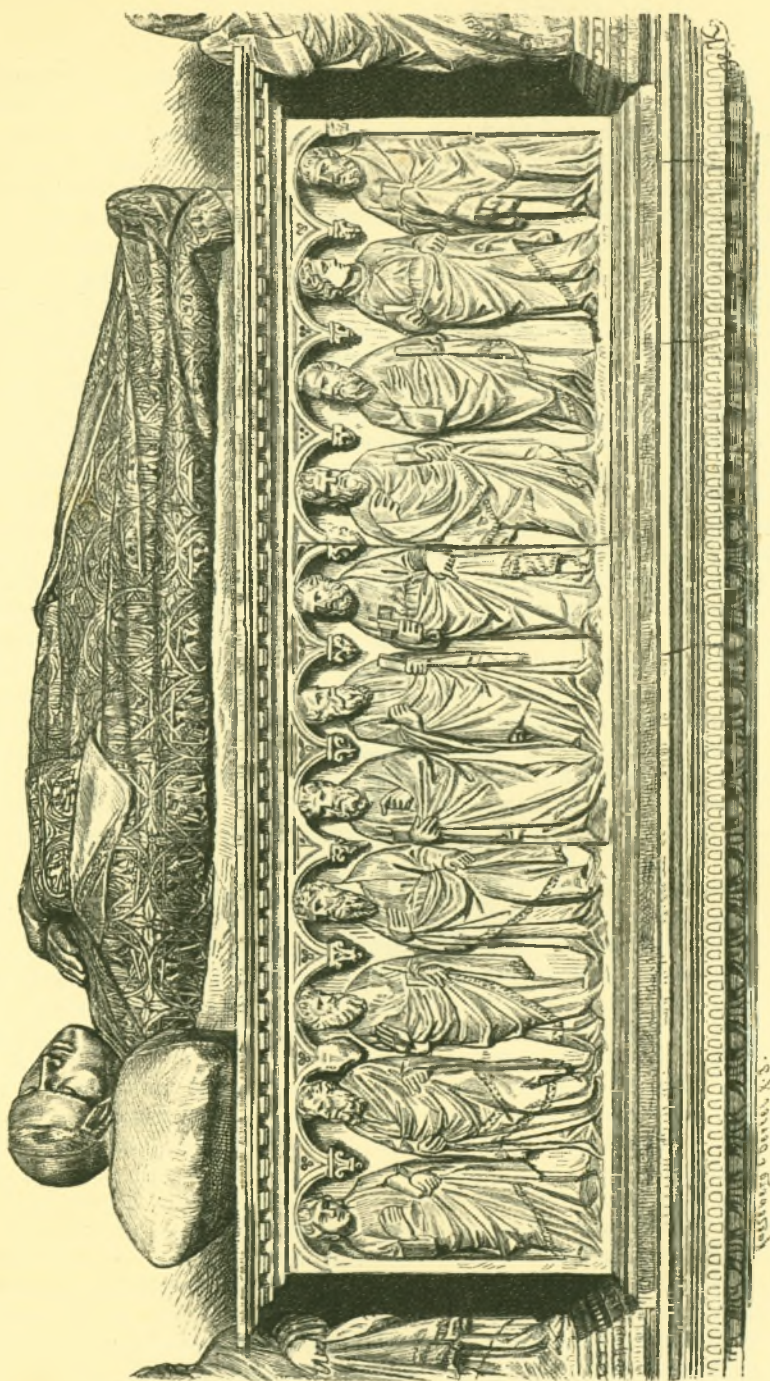
Бронзовый бюстъ XV в. Исполненъ по слѣпку съ лица Данта по смерти его.

могло явиться поэтическое произведеніе, подобное Дантовой «Комедіи»*), то надо предположить, что на этой почвѣ дѣйствовали такія силы, которыя должны были проявляться въ людяхъ, одаренныхъ благородными и возвышенными задатками.

И вотъ такіе-то люди съ грустью и помышляли о печальномъ положеніи своей родины (вышепомянутый великій поэтъ сравниваетъ Италію съ кораблемъ въ жестокую бурю и безъ путеводныхъ звѣздъ), и теперь, когда даже и папство подпало позорной зависимости отъ французской короны—съ надеждою обращали взоры въ сторону германскаго короля, который, по ихъ мнѣнію, могъ быть единственнымъ миротворцемъ и третейскимъ

Походы
Генриха
въ Римъ.
ГЗЮ.

*) Наименованіе *Божественной Комедіи*, повидимому, дано ей публикою.

Мраморная гробница Генриха VII в Санро Сато в Пизе.

Проникновение, вышедшее из школы Джованни Пизано; фигуры апостолов на фризе исполнял Тино-ди-Кампино. В высшей степени замечательна та совершенно естественная поза, которая придана тьму покойного, окутанному дорогими одеждами. В кругообразных орнаментах нижней одежды видны всею изысканнее художником Люксембургские львы, а в орнаментах верхней мантин — государственные оры. В надписи, относительно новейшей, сказано, между прочим, что останки императора лежат в гробнице ветлявными.

судью среди бунтующей борьбы партий. Многие из благомыслящих людей даже посмѣшили войти въ сношенія съ Генрихомъ VII, который именно смотрѣлъ на свою задачу въ Италіи исключительно съ этой идеалистической точки зрѣнія третейскаго судьи. Онъ предавался благороднымъ мечтамъ о томъ, какъ онъ совладаетъ съ этими раздирающими усобицами партий при посредствѣ доброй воли и полнаго безпристрастія. Мечты эти поддерживались отчасти и итальянцами; а самъ папа Климентъ V, несмотря на свое стѣсненное положеніе, относился благосклонно къ замыслу Генриха. Но, увы! королевская мощь въ современной Германіи была не велика, и это особенно ясно видно изъ того ничтожнаго количества войскъ (всего какихъ-нибудь 5,000 человекъ), съ какимъ Генрихъ двинулся за Альпы въ октябрѣ 1310 г. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, его походъ въ Италію мало отличался отъ многихъ предшествующихъ походовъ. Вначалѣ все шло довольно складно; Генриху даже удалось устроить нѣчто въ родѣ соглашенія между вожаками двухъ главныхъ партий въ Миланѣ. Однакоже, вскорѣ послѣ того, ненависть взяла верхъ надъ миролюбіемъ и король, конечно, не могъ дѣйствовать иначе, какъ рѣшительно принявъ сторону одной изъ партий и предавъ ей подъ ножъ другую. Онъ поставилъ одного изъ членовъ фамиліи Висконти, Маттео, градоправителемъ въ Миланѣ, украсилъ чело свое знаменитой желѣзной короной, затѣмъ отплылъ изъ Пизы съ 1,300 рыцарями и прибылъ въ Римъ. И здѣсь онъ засталъ въ самомъ разгарѣ борьбу двухъ враждебныхъ партий:—вождемъ одной были Орсини, другой—фамилія Колонна; и здѣсь его пребываніе сопровождалось тревогами и кровавыми схватками, которыя длились въ теченіе всего времени, пока король готовился къ коронованію императорскою короною. Коронованіе это и было наконецъ совершено, по приказанію папы, въ Латеранѣ (іюнь 1312 г.), такъ какъ Ватиканъ и церковь Св. Петра находились во власти партии, противной императору.

Естественнымъ вождемъ гвельфовъ въ Италіи былъ король *Робертъ Неаполитанскій*, противъ котораго Генрихъ и вступилъ въ союзъ съ Фридрихомъ Сицилійскимъ. Надо замѣтить, что гвельфская партія преобладала во Флоренціи, да и во всей Сѣверной Италіи была сильнѣе гибеллинской; затѣмъ въ дѣла Италіи вмѣшалась и Франція: Филиппъ IV предложилъ Генриху уступить ему Арелатское королевство, обѣщая, въ случаѣ уступки, оставаться нейтральнымъ по отношенію къ его дѣйствіямъ въ Италіи. Когда же Генрихъ отказалъ ему въ уступкѣ, то Филиппъ IV, а затѣмъ и папа—оба перешли на сторону враговъ императора, у котораго и войска, и денегъ было слишкомъ мало, чтобы онъ могъ рѣшить борьбу однимъ ударомъ. Между тѣмъ сынъ Генриха *Іоаннъ*, оставленный имъ въ Германіи правителемъ, успѣлъ благополучно утвердиться въ обладаніи Богемскимъ королевскимъ престоломъ, и на сеймѣ, созванномъ Іоанномъ въ началѣ 1313 г. въ Нюрнбергѣ, война противъ Роберта Неаполитанскаго была признана общегосударственною войною и рѣшено отправить въ Италію весьма значительныя военныя силы. Господству въ Неаполѣ французской династіи (вообще нелюбимой) грозила большая опасность, и Генрихъ собирался уже, — несмотря на то, что папа грозилъ ему отду-

ченіемъ отъ Церкви—двинуться въ походъ противъ своего сильнаго врага... Какъ вдругъ, во время похода, въ августѣ 1313 г., въ м. Буонконvento (Сіенской области), его постигла смерть на 51-мъ году жизни! По слухамъ онъ былъ отравленъ, и ядъ, будто бы, и данъ былъ ему доминиканцемъ въ причастіи. Смерть его, конечно, избавляла и Флорентинцевъ, и Неаполитанскаго короля отъ большой опасности, и отравленіе во всѣхъ видахъ было въ тогдашней Италіи дѣломъ весьма обычнымъ—однакоже все это, конечно, еще не можетъ быть ручательствомъ за несомнѣнность этого страшнаго факта; но уже и самые слухи и толки такого рода служатъ для насъ указаніемъ на то, что въ этой странѣ яростныхъ и разнузданныхъ страстей «все было возможно», выражаясь словами одного современнаго хрониста. Послѣ смерти Генриха вельфская партія опять получила перевѣсъ. Войско, собранное имъ, разсѣялось: изъ числа нѣмецкихъ солдатъ, такъ-называемыхъ «ольтрамонтани» Генриха, весьма многіе были приняты на службу княземъ Веронскимъ, Каномъ-делла-Скала, важнѣйшимъ изъ гибеллинскихъ вождей, и ко всѣмъ бѣдствіямъ, какія обрушились на Италію, прибавились еще и эти шайки наемниковъ, на которыя опиралась тираннія, вызванная и здѣсь, какъ и въ древней Греціи, гдѣ избыткомъ свободы, а гдѣ и чрезмѣрнымъ высокоомѣриемъ господствующей аристократіи.

Гербъ Люксембургскаго дома.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фамиліи Габсбургъ, Виттельсбахъ, Люксембургъ.—Фридрихъ Красивый и Лудвигъ Баварскій.—Правленіе Лудвига.

(1313—1347).

Габсбургъ
и Люксем-
бургъ.

Такимъ образомъ, неожиданная кончина императора разрушила планъ новаго усиленія германской короны черезъ возобновленіе римскаго имперскаго достоинства. Для Германіи кратковременное царствованіе Генриха VII имѣетъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что оно выдвинуло въ ряды уже наличныхъ большихъ владѣтельныхъ домовъ еще домъ Люксембургскій, имѣвшій такія же высокія притязанія, какъ и тѣ; вслѣдствіе этого, установленіе наслѣдственной монархіи, уже достигнутое во Франціи, Англіи и государствахъ Пиринейскаго полуострова, или близкое тамъ къ осуществленію, было снова замедлено для Германіи, а борьба знатныхъ фамилій за корону наступала съ удвоенной силою. Изъ пяти сыновей, оставшихся послѣ Альбрехта I, второй, Леопольдъ, превосходилъ другихъ умомъ и энергіею. Онъ хотѣлъ доставить корону своему старшему брату, главѣ дома, Фридриху, съ которымъ былъ тѣсно связанъ истинно братской любовью; этотъ Фридрихъ былъ добрый, лично храбрый, но ограниченный человѣкъ, при этомъ обладавшій величавой наружностью, которая доставила ему прозвище «Красиваго»,—не особенно часто придававшееся членамъ Габсбургскаго дома. Онъ принялъ, на всякій случай, свои мѣры еще до событія 1313 г. Онъ могъ, повидимому, разсчитывать на курфюрста Кельнскаго, архіепископа Генриха, Рейнскаго пфальцграфа Рудольфа, Саксонскаго герцога Рудольфа и двухъ маркграфовъ Бранденбургскихъ;—слѣдовательно, нять изъ семи избирательныхъ голосовъ были на его сторонѣ. Во главѣ партіи, противной Габсбургамъ, стоялъ Петръ, архіепископъ Майнцскій. Голоса за Триръ и Богемію были въ рукахъ Люксембургскаго дома, такъ какъ архіепископомъ въ этихъ областяхъ былъ братъ покойнаго императора, Балдуинъ. Эта партія не намѣревалась проводить своего собственнаго кандидата, короля Богемскаго, Иоанна; ему было всего семнадцать лѣтъ, но, кромѣ того, онъ не годился уже потому, что былъ сыномъ послѣдняго короля. Поэтому, партія избрала своего кандидата изъ Виттельсбаховъ, именно герцога Верхней Баваріи, Лудвига, только что стяжавшаго себѣ громкую славу блистательнымъ военнымъ дѣломъ,—побѣдою надъ дворянами Нижней Баваріи и ихъ союз-

никомъ, герцогомъ Австрійскимъ, Фридрихомъ. Лудвигъ, съ помощью своихъ городовъ, разбилъ противниковъ при Гамельсдорфѣ (9 ноября 1313). Это былъ государь лично весьма дѣльный, пригодный для своего положенія, но бѣдный, самъ по себѣ не располагавшій большою силою, слѣдовательно, остававшійся въ зависимости отъ своихъ избирателей. Его легко убѣдили въ томъ, что онъ можетъ не сдерживать обѣщанія, даннаго имъ, послѣ битвы при Гамельсдорфѣ, герцогу Фридриху,—товарищу его юности,—обѣщанія поддерживать его, Фридриха, въ притязаніяхъ на корону. Это обѣщаніе, говорили ему, теряетъ свою силу, коли ту же корону пред-

† *Fridericus Dei gracia Romanorum rex semper Augustus*.*
Императорская печать Фридриха Австрійскаго.

лагаютъ ему самому. Вслѣдствіе этого, произошло двойное и весьма сомнительное избраніе. Въ Саксенгаузенѣ, меньшинство,—Кельнъ, Пфальцъ Саксонія,—провозгласило королемъ Фридриха; на другой день, по ту сторону Майна, во Франкфуртѣ, большинство,—Майнцъ, Триръ, Бранденбургъ, Богемія,—избрали Людовика. Фридриха короновали въ Боннѣ архіепископъ Кельнскій; Людовика, въ Аахенѣ, архіепископъ Майнцскій,—изъ чего выходило, что надъ первымъ былъ совершенъ обрядъ надлежащимъ лицомъ, но не въ надлежащемъ мѣстѣ, а надъ вторымъ—въ надлежащемъ мѣстѣ, но не надлежащимъ лицомъ.

Междоусобица. Фридрихъ Кразивый. Лудвигъ Баварскій.

Это повело къ долготѣнной междоусобной войнѣ, и характерно для времени то обстоятельство, что родной братъ Людовика, пфальцграфъ Рудольфъ, былъ на сторонѣ его противниковъ. Сѣверная Германія почти не принимала участія въ этой войнѣ, обуреваемая другою борьбою: весь Сѣверъ подѣлился на двѣ партіи,—партію нѣмецкой монархіи и датско-славянскую. На сторонѣ послѣдней были сѣверные государи, дома асканскій и вельфскій, короли Польскіе, князья Мекленбургскіе; на другой сторонѣ—маркграфъ Бранденбургскій и нѣкоторые города; споръ вызванъ былъ однимъ изъ нихъ, Штральзундомъ; въ 1316 г., его осадила большая армія союзныхъ князей. Граждане сдѣлали удачную вылазку противъ Саксонскаго герцога Эриха, ближе другихъ подошедшаго къ городу, при чемъ взяли въ плѣнъ его самого и другихъ знатныхъ лицъ. Къ великому посрамленію князей, побѣду эту, при Гайнгольцѣ, одержали надъ ними ремесленники. Но союзникъ городевъ, маркграфъ Бранденбургскій былъ не такъ счастливъ: онъ былъ разбитъ на-голову при Гранзе; при этомъ случаѣ, содѣйствовали побѣдѣ тоже плебейскіе элементы, именно лѣшіе крестьяне, храбро сражавшіеся въ рядахъ противниковъ маркграфа. Заключенный въ Темплинѣ миръ (1317) прервалъ эту рѣзню, но лишь не надолго.

Швейцарія. Битва при Моргартенѣ. 1315 г.

Такое энергическое вмѣшательство демократическаго элемента въ общій ходъ событій, противопоставляясь элементу рыцарско-аристократическому, сообщаетъ глубокій интересъ и южно-германской войнѣ, продолжавшейся безъ рѣшительнаго результата восемь лѣтъ. Рыцарство и родовитые горожане были расположены въ пользу Австріи; приобрѣтавшіе силу городскіе элементы—цехи стояли за Баварію. Города помогали королю Лудвигу, сужая его кредитомъ и деньгами, въ которыхъ онъ нуждался. Впрочемъ, эта война, которая была причиною неурожая и дивившейся три года (1315—1318) дороговизны, вслѣдствіе опустошенія края, не была особенно кровопролитной, благодаря малочисленности армій, а также вслѣдствіе того, что она прерывалась на мѣсяцы, даже на годы, при истощеніи средствъ у противниковъ. Австрійскія войска понесли большое пораженіе въ 1315 г., въ Верхней Алеманіи. Событія, которыя повели къ основанію Швейцарскаго Союза, будучи тенденціозно рассказаны лѣтописцами, послужили по тому предметомъ не менѣе пристрастной легенды среди побѣдителей, и воплощенныя, наконецъ, въ позднѣйшемъ чудномъ поэтическомъ произведеніи, озарились блескомъ, не утрачивающимъ своего очарованія и даже своей правдивости, несмотря на тщательныя и безпристрастныя изслѣдованія, по которымъ оказывается, что безчеловѣчія австрійскихъ намѣстниковъ были переданы въ сильно искаженномъ и преувеличенномъ видѣ, и что разсказъ о знаменитомъ выстрѣлѣ Вильгельма Телля въ яблоко, а затѣмъ въ самое сердце Габсбургскаго намѣстника,—не болѣе какъ древняя сага сѣвернаго происхожденія, лишь возсозданная съ необыкновенною жизненной силою. Существенно же во всемъ атомъ слѣдующее: и здѣсь уже, въ горахъ, демократическія начала усиленно пролагали себѣ дорогу, несмотря на преобладаніе аристократіи, лѣнныхъ владѣтелей и высшаго духовенства, рыцарства и патриціата; среди Альпійскаго міра, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Фирвальдштэтскому озеру: Швицъ, Ури и

Рыцарская схватка изъ времени битвы при Мюльдорфѣ.

Изъ роскошной лицевой рукописи Вильгельма Оранскаго, готовленной около 1334 г. по заказу ланд-графа Генриха Гессенскаго. Рукопись заключаетъ въ себѣ рыцарскій эпосъ; хранится въ Кассельской библиотекѣ.

Миниатюры этого кодекса принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ въ этомъ родѣ пронаведеніямъ средне-вѣковаго искусства и весьма вѣрно передаютъ одежду, вооруженіе и т. п. бытовые подробности эпохи.

Унтервальденъ, строй жизни былъ демократическій; Рудольфъ Габсбургскій имѣлъ владѣнія въ Верхней Алемани; по его смерти, его домъ получилъ наследственныя владѣтельныя права надъ вышеназванными тремя кантонами, и сынъ Рудольфа, Альбрехтъ, замышлялъ соединить эти Габсбургскія земли въ горной Швейцаріи въ одно австрійское княжество; сказанные три кантона, какъ и многія современныя тому общины, въ виду подобнаго австрійскаго плана, или же опасаясь самой его возможности,—заключили между собой «вѣчный союзъ», который и слѣдуетъ признать за возникновніе «Швейцарскаго Союза» (1291); въ послѣдующее время, Швейцарія оставалась всегда на сторонѣ противниковъ Габсбургскаго дома. Она признала королемъ Лудвига; герцогъ Леопольдъ собралъ (1315) цѣвъ горнаго дворянства и мелкихъ владѣльцевъ Фирвальдштетскаго округа, образовавъ изъ нихъ блестящее рыцарское воинство, до того увѣренное въ побѣдѣ, что оно запасло даже веревки для связыванія плѣнныхъ. Горцы, числомъ не болѣе 1,300 человекъ, вооруженные сѣкирами, стояли на крутомъ склонѣ, спускавшемся къ озеру Эгери, и извѣстнымъ подъ названіемъ Моргартена, когда, 15 октября,—на югозападномъ берегу озера, показалось войско, поднимавшееся вверхъ по долину. Крайняя неосторожность, съ которою рыцари вступили въ пересѣченную мѣстность, заставила ихъ потерпѣть полное пораженіе. Битва длилась не долѣе 1½ часа; рыцарскій отрядъ былъ разбитъ, одно спасеніе было въ бѣгствѣ, но, не подготовленные къ отступленію, рыцари были большею частью изрублены или сброшены въ озеро. Герцогъ, таившій подъ невзрачною наружностью гордую и честолюбивую душу, едва не былъ убитъ такимъ позоромъ, а побѣда, возбуждавшая повсемѣстное вниманіе, послужила весьма на пользу Лудвигу. Однако, междоусобица продолжалась съ переменнымъ счастьемъ, служа, очевидно, къ общей деморализаціи. За недостаткомъ возвышенныхъ цѣлей, не было и великихъ подвиговъ, великихъ силъ; весьма характерно, напр., то, что три Рейнскіе курфюрста заключили въ Кобленцѣ договоръ (1318), который каждому изъ нихъ предоставлялъ право помогать избранному имъ Римскому королю, подъ условіемъ только: не вредить своимъ союзникамъ...

Обѣ стороны приготовились къ рѣшительному сраженію лишь въ 1322 г. Фридрихъ велъ съ востока войска, на соединеніе съ войсками, котораго братъ его, Леопольдъ, собралъ въ Швабіи; но, увлекаясь своею рыцарскою отвагой и понадеявшись на многочисленность своей арміи, онъ имѣлъ неосторожность принять бой на Амфингерской равнинѣ, близъ городка Мюльдорфа, на лѣвомъ берегу Инна. Онъ былъ не прочь порѣшнить дѣло единоборствомъ между вождями, какъ при Гельгеймѣ, но Лудвигъ, имѣвшій уже болѣе зрѣлыя и практическія идеи насчетъ обязанности главнокомандующаго, не согласился на это. Битва длилась десять часовъ и участь ее порѣшилъ Нюрнбергскій бургграфъ Фридрихъ, изъ дома Гогенцоллерновъ, примкнувшій къ Лудвигу. Онъ сдѣлалъ обходъ, пробудившій на мгновеніе надежду австрійцевъ, принявшихъ сначала его войска за вспомогательный отрядъ Леопольда, ожидавшійся съ такимъ нетерпѣніемъ. Въ числѣ добычи, доставшейся побѣдителю, былъ и самый анти-король Фридрихъ. Лудвигъ обошелся со своимъ сверстникомъ, то-

Битва при
Мюльдорфѣ.
1322 г.

варищемъ его дѣтства въ Вѣнѣ, съ тою рыцарскою вѣжливостью, которая высоко цѣнилась тогдашнимъ обществомъ. Мѣстомъ его заточенія была назначена крѣпость Трауснитцъ на Иннѣ (1322). вмѣстѣ съ Фридрихомъ были взяты въ плѣнъ 1,400 его рыцарей. Побѣда при Мюльдорфѣ могла считаться одержанною гражданствомъ, потому что въ арміи Лудвига, благосклоннаго къ горожанамъ и которому особенно была одолжена столица его, Мюнхенъ, находилось много городскихъ представителей, составлявшихъ особыя команды, по цехамъ. Если вѣрить одной старинной былинѣ, воспѣвающей цехи, то все сраженіе было выиграно лишь благодаря мюнхенскимъ пекарямъ.

Завоеваніе
Бранденбургской
маркш.

Эта побѣда возвеличила Лудвига на нѣкоторое время и дала ему возможность приобрести область, въ которой крайне нуждалась корона Виттельсбаховъ въ то время и при могущихъ быть случайностяхъ въ будущемъ. Домъ Асканіевъ, царствовавшій въ Бранденбургской маркш два столѣтія, угасъ съ Вальдемаромъ (1319) или его племянникомъ Генрихомъ (1320); король Лудвигъ могъ теперь отдать эту область въ лѣнь своему 12-лѣтнему сыну Лудвигу. Но относительно всего прочаго, его положеніе было еще весьма затруднительно. Опаснѣйшій изъ его противниковъ, герцогъ Леопольдъ, былъ на свободѣ и властенъ примѣнить, такъ или иначе, свои силы и свою многостороннюю предприимчивость. Перенесеніе владѣнія маркш на королевскаго сына было встрѣчено съ неудовольствіемъ люксембургцами, важнѣйшими союзниками Лудвига; поэтому Леопольду было очень легко устроить интригу, въ которую были бы вовлечены Франція и папа. Во Франціи, гдѣ произошла быстрая смѣна правленія (за Филиппомъ IV послѣдовалъ сынъ его, Филиппъ V), царствовалъ тогда Карлъ IV, вступившій на престолъ въ 1322 г., по смерти своего брата, и возобновившій притязанія Филиппа Красиваго на германскую корону; въ то же время папа Іоаннъ XXII, занявшій папскій престолъ послѣ долгаго его пустованія, былъ совершенно на сторонѣ Франціи (съ 1316 г.). Онъ поклялся въ Лионѣ своимъ избирателямъ, что не осѣдаетъ животнаго иначе, какъ для возвращенія въ Римъ,—почему и отправился въ Авиньонъ внизъ по Ронѣ, въ галерѣ.

Столкновеніе
съ папой.

Столкновеніе произошло еще въ 1323 г. Съ тою беззапѣтливостью куріальной логики, которая оставалась незыблемою въ теченіе вѣковъ, папа сталъ проводить ту мысль, что клятва, произносимая германскими государями при ихъ вѣнчаніи императорскою короной и состоявшая собственно лишь въ обѣтѣ защищать Церковь отъ ея враговъ, есть *клятва лѣнная*, изъ чего Климентъ V выводилъ, что назначеніе представителя правъ на императорскую корону, при опустѣніи германскаго престола, принадлежитъ въ Италіи одному папѣ. Удивляясь этому было нечего, и преемникъ Климента отдалъ, сообразно этому воззрѣнію, императорскія права Неаполитанскому королю Роберту, чему воспротивился вождь Гибеллиновъ въ Верхней Италіи, Маттео Висконти, герцогъ Миланскій. Папа Іоаннъ не замедлилъ тогда начать съ нимъ процессъ, какъ съ еретикомъ и «слугою дьявола». Маттео умеръ въ годъ битвы подъ Мюльдорфомъ; восемьсотъ рейтаровъ, посланные Лудвигомъ сыну этого Маттео, Галеаццо Висконти, наслѣдовавшему его власть въ Миланѣ и

снова придавшему силу партіи Гибеллиновъ, послужили поводомъ, — или предлогомъ, — къ новому политико-церковному столкновению, неизбежному при новой формѣ, въ которую облеклись старыя папскія притязанія, но принявшему, во многихъ отношеніяхъ, иной характеръ, нежели прежніе споры. Въ то время, какъ папы, со временъ Генриха IV, находили всегда союзниковъ въ стремившихся къ расширенію власти нѣмецкихъ владѣтеляхъ, Іоаннъ встрѣтилъ теперь скорѣе противниковъ въ этихъ князьяхъ, ставшихъ государями, или почти государями среди своихъ громадныхъ поземельныхъ владѣній; и если король или императоръ выступилъ нынѣ противъ него, то ратуя за ихъ же интересы и даже болѣе, чѣмъ за свои собственные.

Іоаннъ XXII издалъ въ Авиньонѣ прокламацію, въ которой требовалъ, чтобы Лудвигъ отказался отъ своихъ правъ на главенство въ государствѣ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ подтверждены имъ, папою; въ случаѣ сопротивленія онъ, Лудвигъ, и его приверженцы подлежали отлученію. Лудвигъ протестовалъ, доказывая, что папское толкованіе посягаетъ, прежде всего, на право курфюрстовъ. Срокъ, положенный папою, прошелъ, отлученіе было провозглашено; Лудвигъ настоятельно подтвердилъ во Франкфуртѣ свое намѣреніе не отступать, предоставляя рѣшеніе дѣла вселенскому собору (1324).

При возгорѣвшейся борьбѣ Лудвигъ имѣлъ большія надежды на успѣхъ, нежели кто-либо изъ прежнихъ нѣмецкихъ королей. Французская интрига не подвигалась впередъ; курфюрсты были мало расположены къ поддержанію кандидатовъ изъ домовъ, привычныхъ къ наследственной власти, и при дипломатическихъ переговорахъ въ Рензе между уполномоченными отъ папы, Французскаго короля, герцога Леопольда и духовныхъ курфюрстовъ, при участіи еще нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ, предложенія двухъ первыхъ лицъ были отклонены. Братъ архіепископа Майнцаго, владѣтельный членъ Тевтонскаго ордена, Бертольдъ фонъ-Бухегъ, далъ перевѣсъ въ пользу Лудвига, заявивъ о несогласіи ордена съ папою Іоанномъ XXII, который, при договоренномъ спорѣ ордена съ рижскими архіепископами, рѣшилъ дѣло въ ущербъ рыцарямъ. Еще важнѣе было то, что Лудвигъ нашелъ себѣ союзниковъ въ францисканцахъ, которые ратовали за него среди народа и публицистическимъ путемъ. Спиритуализмъ, идеализмъ направленія этихъ монаховъ представлялъ, самъ по себѣ, очень непріятныя стороны для господствовавшихъ церковныхъ порядковъ. Между этимъ орденомъ и доминиканскимъ шелъ споръ о пониманіи *евангельской нищеты* и предѣлахъ нищенскаго обѣта. Доминиканцы утверждали, что человѣкъ, будь онъ даже и монахъ, все же имѣетъ *право собственности* на безусловно ему необходимое, ежедневно имъ потребляемое, между тѣмъ какъ францисканцы, или болѣе строгіе среди нихъ, не допускали никакой подобной уступки въ отношеніи силы ихъ обѣта. Иннокентій IV придумалъ остроумнѣйшій способъ для успокоенія взыскательной совѣсти францисканцевъ и прекращенія спора, принимавшаго по временамъ слишкомъ опасный характеръ: онъ объявилъ святѣйшій престолъ *собственникомъ* всего, что францисканцы употребляли и чѣмъ они *владѣли* для своего непосредственнаго употре-

Францисканцы и король.

бленія (1245). Но идеализм не удовлетворялся такимъ удачнымъ переходомъ или обходомъ; и если, какъ говорили то усердные толкователи, самъ Христосъ и апостолы, наши образцы, не имѣли никакой собственности, то такъ-ли поступали ихъ послѣдователи, папы? Какъ относилась къ этому Церковь?.. Вопросъ становился щекотливымъ; до чего не могъ бы онъ довести?.. Соображая это, папа Иоаннъ XXII объявилъ такія воззрѣнія францисканцевъ ересью, и знаменитые богословы и вожди этого ордена, проживавшіе въ Авиньонѣ, поступили благоразумно, удалившись возможно скорѣе изъ предѣловъ непосредственнаго владычества папы. Но орденъ представлялъ собой силу и папскіе громы оказались мало дѣйствительными въ Германіи, гдѣ францисканцы пользовались, вообще, болышимъ сочувствіемъ, нежели доминиканцы.

Лудвигъ старался, прежде всего, о примиреніи съ Габсбургами. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ своимъ узникомъ и отпустилъ его на свободу, но Леопольдъ не одобрилъ сдѣлки и потому Фридрихъ воротился въ Трауницъ (1325), несмотря на то, что папа грозилъ ему отлученіемъ за этотъ возвратъ, т. е. за исполненіе даннаго рыцарскаго слова. Вскорѣ Лудвигъ и Фридрихъ, довѣрившіе другъ другу, какъ въ дни своей юности, согласились на веденіе сообща государственныхъ дѣлъ; во время римскаго похода, при которомъ герцогъ Леопольдъ долженъ былъ сопровождать короля Лудвига, Фридрихъ бралъ на себя управленіе Германіей. Но курфюрсты воспротивились этому договору, заключенному въ Мюнхенѣ (январь 1326); онъ противорѣчилъ, дѣйствительно, простому понятію о королевской власти. Дѣло и не представило, однако, опасности, потому что Леопольдъ умеръ вскорѣ (февраль 1326), достигнувъ лишь 34-лѣтняго возраста, а Фридрихъ, самъ по себѣ незначительный, потерялъ опору, благодаря несогласіямъ, возникшимъ среди самой Габсбургской фамиліи, по протѣкамъ младшаго брата Фридрихова, Оттона. Папа старался повредить и съ другой стороны ненавидимому имъ королю, отъ котораго ему не удалось еще ничего оттянуть: онъ подстрекнулъ Польскаго короля, Владислава Короткаго, вторгнуться въ Бранденбургскую маркію. Двѣ арміи вступили въ область и подвергли ее всѣмъ ужасамъ опустошенія, но добились лишь того, что населеніе примкнуло еще усерднѣе къ Гибеллинамъ. Въ Берлинѣ, гдѣ одинъ изъ чужеземныхъ прелатовъ осмѣлился обнародовать папскій приговоръ объ отлученіи молодого маркграфа и короля, его отца, народъ расправился самосудомъ съ этимъ сановникомъ: съжегъ его передъ Маринской церковью. Такимъ образомъ, интердиктъ, (воспрещеніе богослуженія)—самое острое и презрѣннѣйшее орудіе папства, позорящее самую внутреннюю сущность христіанства,—производилъ здѣсь, какъ и во всей остальной Германіи, весьма ничтожное впечатлѣніе: при заносчиво выступавшемъ повсюду демократическомъ духѣ, обнаруживаемомъ городами, обыватели находили средства вынуждать духовенство къ исполненію требъ, а тамъ, гдѣ это не удавалось, обходились, извѣстное время, и безъ обычныхъ церковныхъ обрядовъ. Польское нашествіе, вызвавшее большое негодованіе, послужило косвенно на пользу королю Лудвигу, который и приступилъ, весною 1327 г., къ своему римскому походу, хотя не съ большими силами, но при хорошихъ предзнаменованіяхъ.

Армія Лудвига увеличилась тотчас же по вступленіи на итальянскую территорию, а въ Миланѣ его встрѣтили послы отъ города Рима, приглашавшіе его туда на коронованіе. Дѣйствительно, онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями римскимъ населеніемъ, которое, съ одной стороны, негодовало на перенесеніе папской резиденціи, а съ другой — умѣло воспользоваться отсутствіемъ папскаго правительства. Лудвигъ вступилъ въ Римъ въ январѣ 1328 г. Глава гибеллиновскаго дворянства, Шіара Колонна, былъ римскимъ городскимъ губернаторомъ, «Capitano», съ подобраннымъ, сообразно духу партіи, городскимъ совѣтомъ, 52 «Conservatori del popolo». Именемъ ихъ, — потому что, какъ говорили они, городу, а никакъ не главѣ Церкви, принадлежитъ право короновать императоровъ, — была возложена на Лудвига, въ соборѣ Св. Петра, но мірскими руками, императорская корона, послѣ чего два епископа, находившіеся подъ интердиктомъ, совершили надъ нимъ обрядъ мвропомазанія. Такой успѣхъ, какъ будто, совершенно отуманилъ Лудвига, разумъ котораго не соотвѣтствовалъ возраставшимъ задачамъ его царствованія. Называя папу лишь «Іаковомъ изъ Кагора», какъ тотъ называлъ его только «герцогомъ Баварскимъ», онъ прибѣгнулъ къ какому-то воображаемому судебному праву для произнесенія приговора, по которому папа былъ присужденъ къ низложенію за еретичество, симонію, государственную измѣну и всякія еще преступленія, какія только можно было на-скоро

Лудвигъ
въ Римѣ.
Анти-папа.

Коронованіе Лудвига Баварскаго въ церкви Св. Петра, въ Римѣ, совершаемое епископомъ Ареццискимъ, Гвидо Тарлати ди-Пьетрамале.

Рельефъ на надгробномъ памятникѣ этого епископа въ соборѣ г. Ареццо.

подобрать. Затѣмъ, онъ возвелъ на папскій престоль одного простого минорита, подъ именемъ Николая V (1328).

Возвраще-
ніе. Смерть
Фридриха.
1330.

Но этимъ закончились эти успѣхи. Счастье быстро повернулось. Благодаря цѣлому ряду ошибокъ, онъ оттолкнулъ отъ себя самыхъ выдающихся вожаковъ императорской партіи, какъ, на примѣръ, могущественнѣйшихъ и наиболѣе значительныхъ въ духовномъ отношеніи гибеллинскихъ главарей въ Тосканѣ: Катруччіо Кастракани и Висконти въ Миланѣ; въ Римѣ тоже отъ него отшатнулись, потому что народъ былъ недоволенъ подачкою въ тридцать тысячъ золотыхъ гульденовъ, такъ что Лудвигу пришлось спастись скорѣе съ такой жгучей почвы, вмѣстѣ съ своимъ палой. Не могло быть и рѣчи о завоевательномъ походѣ на Неаполь, задуманномъ Лудвигомъ въ союзѣ съ Сицилійскимъ королемъ Фридрихомъ. Въ декабрѣ 1329 г. императоръ воротился въ Германію, но успѣвъ основать нигдѣ ничего прочнаго, между тѣмъ какъ анти-папа смиренно заявилъ въ Авиньонѣ о своемъ отреченіи, а въ слѣдующемъ году (1330), послѣ публичнаго покаянія въ своей винѣ, съ выраженіемъ всяческаго раскаянія, былъ принятъ снова въ церковное лоно. Однако, императорскій титулъ—единственная добыча, привезенная изъ итальянскаго похода, былъ вовсе немаловаженъ, а смерть Фридриха, послѣдовавшая въ томъ же году, еще болѣе улучшила положеніе Лудвига. Хотя Фридрихъ, особенно въ послѣдніе годы, не придавалъ свою личностью никакого значенія своему королевскому титулу, все же самое существованіе другого короля тормозило бы дѣятельность Лудвига и могло бы сдѣлаться даже опаснымъ для него. Вообще, обстоятельства складывались благоприятнѣе для императора, нежели для его предшественниковъ. Самый могущественный изъ большихъ нѣмецкихъ домовъ, Люксембургскій, долго оказывалъ ему самую надежную опору. Одинъ изъ главъ этого дома въ то время, архіепископъ Трирскій, Балдуинъ, выдающийся политикъ и столь же замѣчательный правитель своей области, не допустилъ обнародованія папской буллы и оказалъ весьма хорошее вліяніе какъ на Лудвига, такъ и на своего племянника, второго главу Люксембургскаго дома, короля Богемскаго Іоанна. Этотъ послѣдній, высокодаровитый человекъ, какъ многіе изъ «Люцельбурговъ», честолюбивый и неспокойный, сумѣлъ утвердить за собой и своимъ домомъ право на наслѣдство послѣ бездѣтнаго герцога Каринтійскаго, Генриха; онъ же принялъ на себя то дѣло, которое не удалось императору въ Италіи, именно роль третейскаго судьи, вооруженнаго нейтральнаго владѣтеля въ разединенной странѣ, при обращеніи ея часто къ нему съ просьбами, и въ надеждѣ на свое дипломатическое искусство. Онъ мечталъ о соединеніи Моравіи и Богеміи, Каринтіи и Тироля, равно какъ и владѣній въ Италіи въ одно большое территориальное цѣлое. Но ему тоже не удалось основать прочнаго владычества въ Италіи, несмотря на столь блестящее къ тому начало; онъ скоро возвратился изъ нея, представляя довершеніе дѣла своему пятнадцатилѣтнему сыну Карлу. Однако, несмотря на свои завоевательные планы, опасные для дома Виттельсбаховъ, онъ успѣлъ заручиться снова благорасположеніемъ императора. Среди безконечно-разнообразныхъ проектовъ династической политики

этих государей, былъ и планъ брака между маркграфомъ Лудвигомъ Бранденбургскимъ и одною изъ дочерей короля Иоанна; императоръ надѣялся при этомъ, что Иоаннъ уладитъ его примиреніе съ папой.

Лудвигъ жаждалъ этого примиренія со всею трусливостью святоши. Столкновение съ главою Церкви,—хотя бы, очевидно, этотъ глава Церкви былъ только орудіемъ чисто мірскихъ поползновеній и происковъ,—слишкомъ тяготило этого добродушнаго, но вполнѣ дюжиннаго, тѣлесно и душевно, человекъ, по этому самому полнаго противорѣчій,—что, впрочемъ, было не рѣдкостью среди правящихъ лицъ во всѣ времена. Иоаннъ провелъ его или заставилъ дѣлать то, что хотѣлъ: онъ строилъ разные брачныя и честолюбивыя планы съ Французскимъ королемъ, а императоръ Лудвигъ, ради примиренія съ Куріей, былъ готовъ даже, въ случаѣ необходимости, отречься отъ короны, которую получилъ-бы тогда другой изъ Виттельсбаховъ, герцогъ Генрихъ Нижне-Баварскій, зять Иоанна. Эта интрига, особенно выгодная для Французскаго короля, была уже въ полномъ ходу, но папа еще колебался; между тѣмъ, постыдный договоръ, по которому все Арелатское королевство съ угодьями должно было отойти къ Франціи, сдѣлался извѣстнымъ, и многіе имперскіе города обратились, по этому поводу, съ запросами къ королю, который отперся отъ всего въ циркулярномъ посланіи къ нимъ (1334), для того, чтобы кинуться потомъ, на время, въ противоположную крайность, согласно политикѣ всѣхъ слабодушныхъ.

Въ 1335 г. умеръ Генрихъ, герцогъ Тироля и Каринтіи, и его наслѣдіе послужило поводомъ къ ожесточенному спору, при которомъ Лудвигъ и Габсбурги выступили, сначала, противъ Иоанна и его союзниковъ: короля Венгерскаго Карла и нѣкоторыхъ имперскихъ князей. Въ это время Лудвигъ могъ бы примириться съ тѣмъ, что онъ считалъ Церковью: преемникъ враждебнаго ему папы, умершаго въ 1334 г., Бенедиктъ XII, самъ желалъ этого примиренія, потому что тяготился французскими око-вами. Однако, новый папа тоже не могъ высказать своего рѣшенія безъ согласія на то Французскаго короля, а императоръ раздражилъ послѣдняго своей колеблющейся и недостойной политикой: при спорѣ, имѣвшемъ, какъ увидимъ ниже, большое значеніе, онъ уговаривался одновременно съ Филиппомъ IV противъ Англійскаго короля Эдуарда III, а съ Эдуардомъ противъ Филиппа. Повторительныя посольства его къ папѣ не принесли результата. Собственно, Лудвигъ и не нуждался въ этомъ примиреніи, потому что общественное мнѣніе въ Германіи стало на его сторону съ самаго начала спора такъ горячо, какъ не бывало еще при прежнихъ императорахъ. Впереди всѣхъ шли имперскіе города, ставшіе въ послѣднія десятилѣтія ареною свѣжей дѣятельности и бодрого стремленія къ прогрессу; они отнимали у клериковъ одну область общественнаго преуспѣянія за другой, вводя во все новыя порядки, сообразныя съ мірскою точкой взгляда. Наступила эпоха, въ которую повсемѣстно завоевывалъ себѣ мѣсто, болѣе или менѣе успѣшно, демократическій элементъ, *цехи*, втиравшіеся въ городское управление наряду съ элементомъ аристократическимъ—*родовитостью*. Это было достигнуто уже, такъ или иначе, напр. въ Шпейерѣ (1327—1330), въ Страсбургѣ (1332), въ Ре-

Положеніе
Лудвига.
Съѣздъ
князей въ
Рензе.

генсбургъ (1334), въ Базелѣ (1336). Эти города переносили очень спокойно папскій интердиктъ: Цюрихъ, напримѣръ, въ теченіе 17 лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали и къ устрашенію духовенства, ставя ему на выборъ: «либо пѣтъ, либо прочь убираться». Въ Эрфуртѣ монаховъ, не соглашавшихся ни пѣтъ, ни звонить въ колокола, заперли въ монастырѣ и морили голодомъ, пока они не уступили. Но и само духовенство, подчиняясь болѣе и болѣе францисканскимъ идеямъ, возставало противъ папы и это было замѣтно не между однимъ низшимъ клиромъ; вообще, единомыслія въ духовномъ сословіи уже не было. Возникло множество споровъ при избраніяхъ епископовъ,—особенно долго тянулся одинъ изъ за майнской каедръ, между Балдуиномъ Трирскимъ и Генрихомъ (фонъ-Фирнебургъ) Кельнскимъ; наконецъ, послѣ неудачной попытки къ общему примиренію, сдѣланной нѣкоторыми епископами на съѣздѣ въ Авиньонѣ (1338), въ томъ же году послѣдовала весьма знаменательная мѣра: шесть курфюрстовъ,—всѣ, за исключеніемъ богемскаго,—съѣхались въ прирейнской деревнѣ Рензе и составили декларацію, въ которой оповѣщали всѣхъ о своемъ рѣшеніи не поступаться ни для кого своими избирательными правами. Избранный всѣми курфюрстами, или большинствомъ ихъ, глава государства не долженъ былъ нуждаться въ соизволеніи апостолической каедръ для исполненія своихъ обязанностей.

Франкфурт-
ская декла-
рація.

Дѣло становилось серьезнымъ для папскаго престола. На съѣздѣ, созванномъ во Франкфуртѣ на Майнѣ и на который явились представители отъ двухъ третей Германіи, приблизительно, Лудвигъ представилъ свое дѣло какъ бы на судъ націи; присутствовавшія духовныя лица выразили то мнѣніе, что имъ, королемъ, сдѣлано все, чего только можно требовать, для удовлетворенія Церкви, и что съ нимъ поступлено крайне несправедливо. Поэтому съѣздъ рѣшилъ возстановить богослуженіе во всей Германіи съ признаніемъ недѣйствительности интердикта; противящіяся этому подлежали карѣ, какъ государственные преступники. Затѣмъ были признаны начала, выработанныя съѣздомъ въ Рензе; вслѣдъ за этимъ, Лудвигъ издалъ (8 августа) декларацію, гласившую о непосредственно-божественномъ происхожденіи королевской власти и о томъ, что избранный всѣми курфюрстами, или большинствомъ ихъ, становился черезъ это, и только черезъ это одно, королемъ и императоромъ. Теорія государственнаго права, которую проводили, за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ (1324), Марзилій Падуанскій и Іоаннъ Яндунскій въ своемъ общемъ трактатѣ «*Defensor pacis*», признавалась теперь торжественно; черезъ нѣсколько недѣль, при свиданіи императора съ Англійскимъ королемъ Эдуардомъ III, въ Кобленцѣ, она была подтверждена и принята ими въ руководство для общей программы дѣйствій. Этотъ съѣздъ былъ особенно блестящъ: на рыночной площади въ Кобленцѣ, передъ императорскимъ трономъ, стоялъ Англійскій король, принимая грамоты, которыми онъ облакался въ званіе имперскаго намѣстника въ нижне-рейнскихъ провинціяхъ. Противъ сопротивлявшагося духовенства были приняты здѣсь тоже строгія мѣры и въ немъ не замедлилъ обнаружиться расколъ. Обѣ стороны не щадили обоюдныхъ ругательствъ, какъ о томъ имѣется слишкомъ много свидѣтельствъ; но, въ общемъ, преданное правительству ду-

ховенство имѣло перевѣсъ, и это движеніе было такъ сильно, что въ слѣдующемъ году и король Богемскій примкнулъ на дѣлѣ къ программѣ, выработанной въ Рензе (1339).

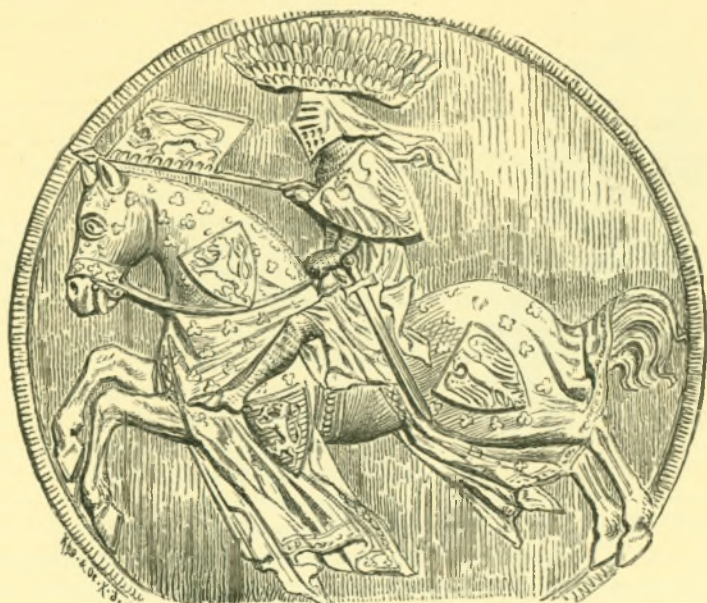
Къ сожалѣнію, самъ Лудвигъ не удержалъ за собою такого блестящаго положенія и продолжалъ идти прежней дорогой уступокъ и вымалываній, стараясь о примиреніи съ папой. Онъ былъ такъ ограниченъ и малодушенъ, что самъ не вѣрилъ въ отважное возвышеніе о независимости, которое могло дѣйствительно послужить къ освобожденію всего христіанства или, по крайней мѣрѣ, нѣмецкой націи, отъ ига совершенно извращенной духовной власти. Это было, впрочемъ, еще не послѣднимъ примѣромъ того, какъ лично храбрые государи, въ своей борьбѣ съ исполнскимъ призракомъ папизма, послѣ перваго своего смѣлаго натиска, робѣли и трусливо отступали назадъ. Союзъ съ Эдуардомъ III, столь существенный для Лудвига при этой борьбѣ, поддерживался имъ тоже очень двусмысленно. Никакъ нельзя утверждать, чтобы этому слабохарактерному человѣку не доставало того, что люди называютъ счастьемъ. Въ 1340 г. утасла ниже-баварская линия Виттельсбаховъ съ кончиною десятилѣтняго сына Генриха II, и ниже-баварскіе государственныя чины, радуясь случаю, выбрали Лудвига своимъ государемъ. Одновременно съ тѣмъ ему представлялась возможность присоединить и Тироль къ прекраснымъ баварскимъ владѣніямъ, хотя и не вполне безупречнымъ путемъ. Наслѣдница Тироля, Маргарита, дочь герцога Каринтійскаго Генриха, находила основательныя или неосновательныя причины къ жалобамъ на своего супруга Іоанна-Генриха, второго сына Іоаннова, короля Богемскаго, и тайно предлагала императору свою руку его овдовѣвшему сыну, маркграфу Лудвигу. Нежеланіе его взять жену, которая носила прозвище «Толсторожей»,—такая кличка не намекаетъ, конечно, на красоту,—не представило непреодолимаго затрудненія; но были другія препятствія. Іоаннъ-Генрихъ былъ законнымъ супругомъ этой графини Маргариты и княжилъ въ области; къ расторженію брака не было сколько-нибудь подходящаго повода; притомъ, такое расторженіе зависѣло исключительно отъ папы, а получить его, при данныхъ обстоятельствахъ, было рѣшительно невозможно, не говоря уже о церковныхъ препятствіяхъ къ браку между лицами, состоявшими въ третьей или какой-то подобной степени родства, а таково было именно отношеніе предполагаемыхъ жениха и невесты. Но въ человѣческой душѣ, и именно въ душѣ слабого человѣка, уживаются самыя грубыя противорѣчія: тотъ самый государь, который, ради примиренія съ главой Церкви, былъ готовъ снизойти до крайняго униженія,—до отреченія отъ престола,—теперь, изъ династической корысти, не задумался объявить бракъ Маргариты недѣйствительнымъ, и далѣе, въ силу своей императорской власти, нашесть и родство брачующихся не препятствіемъ. Если бы, значилось въ документѣ, такое родство было преградою по Божескому закону, то и никакой папа, даже никакой ангелъ небесный не могъ бы дать, въ этомъ случаѣ, разрѣшенія; между тѣмъ, папа разрѣшалъ часто подобныя браки, изъ чего очевидно, что дѣло касается лишь людскаго устава, а допускать изыатія изъ такого устава—дѣло императора. Такимъ образомъ, произво-

Приобрѣтеніе Тироля.
1342.

шло нѣчто неслыханное: съ помощью недовольныхъ люксембургскимъ княземъ дворянъ, онъ былъ изгнанъ изъ Тироли и бракъ его жены состоялся (1342).

Анти-король
Карль Бо-
гемскій.

Безразсудство, съ которымъ Лудвигъ, ради усиленія власти своего дома, присвоилъ себѣ права, принадлежавшія исключительно Церкви, по религиознымъ и правовымъ понятіямъ того времени, снова возбудило противъ него князей. Люксембургскому дому была нанесена тяжкая, непосредственная обида, а разрывъ съ папскимъ престоломъ обострился необдуманномъ поступкомъ Лудвига, тѣмъ болѣе, что папою состоялъ, по смерти Бенедикта (1342), Климентъ VI, другъ Люксембурговъ. Лудвигъ повернулъ назадъ: императорская заносчивость его смѣнилась смиреніемъ. Но папскія притязанія были направлены уже, грубѣйшимъ образомъ, не столько противъ императорскихъ, сколько противъ княжескихъ интересовъ: церковный споръ вступалъ на новую почву и становился опаснѣе для папства, вступившаго на эту почву въ ослабленіи. Князья имѣли основаніе упрекать императора за то, что онъ худо дѣйствовалъ въ ихъ пользу, которая была, съ тѣмъ вмѣстѣ, и пользою государственною, и между ними назрѣвалъ планъ—притянуть императору въ помощь еще римскаго короля. Вступивъ въ переговоры съ нимъ по этому поводу, они предложили ему Карла, сына короля Богемскаго. Между тѣмъ, счастье не покидало Лудвига. Въ 1345 г., графъ Вильгельмъ IV, владѣвшій Голландіей, Зеландіей, Утрехтомъ, Фрисландіей и Геннегау, палъ въ битвѣ съ Восточными Фризами; съ нимъ кончился родъ графовъ Голландскихъ по мужской линіи, и ближайшей законной наслѣдницею его, любимой населеніемъ, была старшая сестра покойнаго, Маргарита, супруга императора Лудвига, который и предоставилъ ей въ лѣнъ владѣнія, оставшіяся послѣ ея брата (1346). Это вызвало полную коалицію его враговъ. Въ апрѣлѣ того же года папа вновь объявилъ Лудвига отлученнымъ отъ Церкви и требовалъ отъ курфюрстовъ избранія новаго главы государства. Пятеро изъ нихъ повиновались, и въ Рензе, отъ имени Саксоніи, Богеміи и трехъ архіепископовъ, былъ избранъ королемъ старшій сынъ Иоанна, Карль, маркграфъ Моравскій. Въ числѣ другихъ уступокъ папѣ,—или, вѣрнѣе, тому, кто властвовалъ надъ папою въ данную минуту, Французскому королю,—Карль давалъ обѣщаніе отдавать на рѣшеніе папы всѣ споры между Франціей и Германіей, какъ настоящіе, такъ и будущіе. Такое обязательство не тяготило его: подобныя клятвы давались не съ тѣмъ, чтобы ихъ выполнять. Это избраніе мало пошатнуло положеніе Лудвига: Карль, папскій король, не могъ даже добиться коронованія. Городъ Аахенъ заперъ передъ нимъ свои ворота; вообще, города стояли за Лудвига, а это было главнымъ дѣломъ въ данную минуту. Несмотря на всю неустойчивость своей политики, Лудвигъ доказывалъ свое расположеніе къ горожанамъ и сдѣлалъ для городского устройства болѣе, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ. На городскомъ съѣздѣ въ Шпейерѣ (сентябрь 1346), городскіе представители высказались весьма опредѣленно въ его пользу и многіе владѣтельные князья, тоже явившіеся на съѣздъ, послѣдовали ихъ примѣру. Нѣмецкая корона укрѣпилась, а поражение, понесенное, незадолго передъ тѣмъ, Французами при Креси, въ битвѣ ихъ

Богемский король Иоаннъ (Люксембургскій) въ полномъ вооруженіи (по его печати, хранящейся въ городскомъ архивѣ Франкфурта на Майнѣ).

На щитѣ его изображенъ польскій орелъ; на значкѣ копья — богемскій двухвостый левъ; на попонѣ коня его нашитъ гербъ съ изображеніемъ льва Люксембургскаго.

съ Англичанами, при чемъ потерпѣли и Люксембурги, отецъ и сынъ, находившіеся во французскомъ лагерѣ, ослабили, на время, и значеніе короля Карла. Король Иоаннъ, его отецъ, палъ въ сраженіи; самъ Карлъ былъ тяжело раненъ. Счастливо добравшись до своей наслѣдственной области, Богеміи, онъ сталъ готовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ (1347). Смерть избавила Лудвига отъ необходимости отразить это нападеніе. Охотясь на медвѣдя близъ Мюнхена, онъ былъ сраженъ апоплексіей и скончался, призывая Пресвятую Дѣву, которую чтилъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ германскихъ государей. «Царица сладчайшая... Матерь наша...» произносилъ онъ, умирая (октябрь 1347). Онъ дожилъ до шестидесяти-трехлѣтняго возраста.

Тридцати-четырехлѣтнее царствованіе Лудвига Баварскаго было не безъ значенія для Германіи, несмотря на то, что онъ лично можетъ казаться не подходящимъ къ своему высокому положенію. При его правленіи явно зарождаются новыя времена, хотя самъ онъ мало соответствуетъ этимъ новымъ временамъ и ихъ мировоззрѣнію, оставаясь непреклонно-вѣрнымъ своимъ прежнимъ религіознымъ понятіямъ и усвоенной набожности. Но повсюду, среди ученыхъ и неученыхъ, въ пародѣ и въ знати, проявляется уже новое, рѣшительно антиклерикальное и антипапистское направленіе. Мы уже видѣли, что это движеніе, замѣчаемое

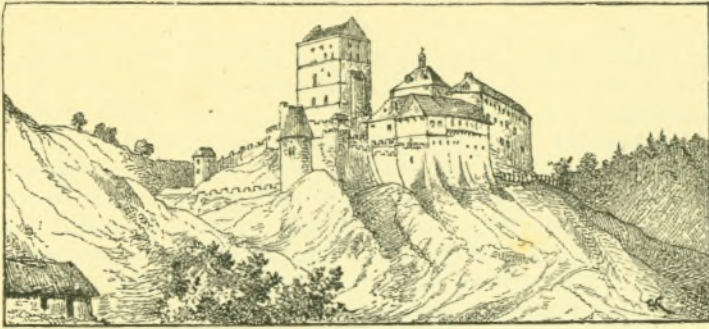
Смерть
Лудвига.
1347.

Голова Лудвига Баварскаго, съ изображенія, помѣщеннаго на его гробницѣ въ Мюнхенской церкви Богоматери.

лишь весьма немногими современниками, какъ это обыкновенно бываетъ среди подобныхъ процессовъ, находилось во внутренней связи съ развитіемъ городской жизни въ эту эпоху. Борьба за устроение, подобная происходившей подъ разными видами и съ большею или меньшею силою въ большинствѣ нѣмецкихъ городовъ, съ цѣлью уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія обычныхъ сословныхъ привилегій, вызываетъ всегда, какъ по законной необходимости, и нужныхъ бойцовъ на полѣ гражданской битвы; она образовываетъ ихъ. Но, прежде всего, такое движеніе способствуетъ громадному развитію рабочей дѣятельности, промышленности, изгоняя мечтательный, аскетическій, фантастичный взглядъ на жизнь, подобный господствовавшему еще такъ сильно въ предшествовавшихъ поколѣніяхъ,—въ поколѣніяхъ современныхъ Крестовымъ походамъ. Идея государственнаго порядка продолжила себѣ путь въ видѣ независимыхъ, автономныхъ городскихъ общинъ, въ которыхъ возродилась, въ духѣ времени, древняя нѣмецкая народная община. Принципъ сообщества, связующій всѣхъ городскихъ обывателей и создающій ихъ «общину», выказалъ здѣсь свою зиждительную государственную силу заключеніемъ союзовъ между городами, ихъ мирными договорами, распространеніемъ правосудія и порядка. Лежавшіе въ развалинахъ замки и крѣпости разбойничавшихъ рыцарей свидѣтельствовали уже повсюду о могуществѣ, достигнутомъ этими городскими общинами; но онѣ впервые еще заявили и свою политическую силу въ царствованіе Лудвига. Интриги курфюрстовъ, выставившихъ анти-королемъ Люксембурга, не имѣли успѣха и Лудвигъ продолжалъ спокойно царствовать или, вѣрнѣе, исправлять свою королевскую обязанность, потому что настоящее владычество, разумѣя подъ нимъ центральное, господствующее положеніе среди силъ, двигающихъ народомъ, уже не было болѣе дѣломъ нѣмецкихъ государей. Города стояли за Лудвига, потому что онъ сочувствовалъ городскому сословию и городской жизни, сердечно понимая ихъ нужды, не былъ «королемъ рыцарства», какъ прежніе государи; вслѣдствіе этого, онъ обладалъ могуществомъ, которое придаетъ большое значеніе его личности, въ сущности весьма посредственной.

Старинное изображеніе замка Нарльштейнъ (въ Богеміи), любимой резиденціи Карла IV; мѣсто хранения царственныхъ илейнодовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Германія во второй половинѣ XIV столѣтія: короли изъ Люксембургскаго дома: Карль IV, Венцеславъ, Сигизмундъ и великія федераціи. — Городскіе союзы и войны: швабско-рейнскій союзъ — Ганза. — Швейцарскій союзъ.

Смерть Лудвига не вызвала никакихъ потрясеній: анти-король — Карль IV былъ тотчасъ же признанъ многими за законнаго государя. Онъ былъ еще молодъ, ему шель только тридцать первый годъ; раннюю юность свою онъ провелъ при дворѣ Французскаго короля Карла IV, приходившагося ему дядей, и вступилъ скоро въ бракъ съ французскою принцессою Бланшь Валуа. Его научное образованіе соответствовало новому духу времени, предъявлявшему правителямъ нныя требованія, нежели въ эпоху Оттона и Карла Великаго. Онъ говорилъ и писалъ на пяти языкахъ; въ противоположность своему отцу, натурѣ неспокойной, воинственной, жаждавшей приключеній, онъ былъ человекъ мирный, разумный, послѣдовательный, разсчетливый. Несмотря на то, что у Лудвига осталось шесть сыновей, Виттельсбахи не заявляли притязаній на корону ни для кого изъ своихъ; они выставили только кандидатуру Англійскаго короля Эдуарда III, который и былъ избранъ въ Оберланштейнѣ четырьмя, нѣсколько сомнительными, голосами. Онъ искалъ, впрочемъ, германской короны не ради ея самой, а лишь въ виду тѣхъ выгодъ, которыя она доставила бы ему въ его войнѣ съ Франціей.

Эта кандидатура, однакоже, не имѣла никакого значенія; но за то весьма серьезная опасность для Виттельсбаховъ явилась со стороны весьма смѣлой, хотя и не особенно обдуманной затѣи, при посредствѣ кото-

Лже-Вальдемаръ; Гонтеръ фонъ-Шварцбургъ.

рой Люксембурги или ихъ партіи задумали выставить имъ противника именно въ самомъ ненадежномъ пунктѣ ихъ сферы владѣнія. Новая власть (съ 1323 года) была тамъ, на Бранденбургской маркѣ, не очень любима и еще живы были воспоминанія о прежнемъ Асканіевскомъ княжескомъ домѣ; и вдругъ, въ августѣ 1348 года явился человекъ, выдававшій себя за маркграфа Вальдемара. Въ то же время была пущена въ обращеніе исторія такого рода: будто маркграфъ Вальдемаръ, мучимый угрызеніями совѣсти по поводу того, что состоялъ въ слишкомъ близкомъ родствѣ со своею женою, по указанію папы, *incognito* отправился въ Св. Землю и тамъ предался покаянію; это случилось, молъ, довольно давно, 28 лѣтъ тому назадъ, и весь этотъ рассказъ тѣмъ болѣе долженъ былъ представляться невѣроятнымъ, что предосудительный бракъ былъ заключенъ съ папскаго разрѣшенія. Другіе говорили, что мельникъ, по имени Яковъ Рэебокъ, принялъ на себя роль маркграфа Вальдемара, а между тѣмъ, дерзкій самозванецъ благополучно продолжалъ дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что многіе изъ знати не стыдились поощрять этотъ обманъ, и Карлъ IV далъ ему даже марку въ ланъ (въ октябрѣ 1348 г.). Баварская партія слѣдила соотвѣтствующій этому противный шахматный ходъ, побудивъ одного изъ испытанныхъ приверженцевъ покойнаго императора, графа *Гюнтера фонъ-Шварцбургъ*, къ тому, чтобы онъ принялъ на себя неблагодарную роль короля-соперника. Въ іюнѣ 1349 года онъ и дѣйствительно былъ избранъ въ короли во Франкфуртѣ обоими курфюрстами Виттельсбахской партіи, герцогомъ Эрихомъ Саксенъ-Лауенбургскимъ и архіепископомъ майнцскимъ. Но карьера его закончилась очень скоро. Онъ вскорѣ и самъ сталъ тяготиться своимъ положеніемъ и заболѣлъ; оба соперничающіе дома вступили въ переговоры и оба отказались отъ поддержки выставленныхъ ими кандидатовъ: Гюнтеръ дешево продалъ свою фальшивую корону—за 20,000 марокъ (и расплату съ кредиторами), затѣмъ умеръ, нѣсколько недѣль спустя, естественною смертію. Князья Виттельсбахской партіи признали Карла IV, который, за это, въ свою очередь, низвергъ лже-Вальдемара: назначено было нѣчто въ родѣ разслѣдованія и присяжные выразились очень осторожно, объявивъ, что они—если бы имъ пришлось присягать, настоящей-ли онъ или нѣтъ—скорѣе бы стали присягать въ послѣднемъ. Самъ же самозванецъ не остался въ накладѣ: ангальтская родня Асканіевского дома содержала его во всю жизнь, такъ, какъ если бы онъ былъ настоящей князь; по-княжески его и погребли, когда онъ умеръ.

Черная
смерть.
1348.

Эти годы, 1348—1350, были отмѣчены ужаснымъ, гибельнымъ бѣдствіемъ, которое ясно выказываетъ намъ, какъ еще безпомощны были въ ту пору люди противъ всѣхъ повальныхъ болѣзней. Страшная болѣзнь, которой гибнущее населеніе недаромъ придавало грозное имя *черной смерти*, посѣтила Германію и особенно свирѣпствовала въ ея многочисленныхъ и тѣсно-застроенныхъ городахъ. Находимъ въ современныхъ извѣстіяхъ такія цифры смертности, которыя превосходятъ всѣ наши представленія и на основаніи которыхъ можно предположить, что Германія въ эти годы лишилась почти 1½ милліона своего населенія. Соотвѣтственно этому, страшная эпидемія опустошила и сосѣднія страны, прихотливо избирая

Надгробіе Гюнтера фонъ-Шварцбурга въ соборъ Франкфурта на Майнѣ.

Все надгробіе расписано красками и раззолочено; на связкахъ, которыя держатъ фигуры, изображенныя въ углахъ, начертаны на древне-нѣмецкомъ языкѣ хвалебныя покойному стихи.

свои жертвы, набрасываясь на одних и обходя других мимо. Этот вѣкъ еще не умѣлъ доискиваться естественныхъ причинъ громадной смертности и эвергически и разумно противоѣдствовать имъ естественными мѣрами предосторожности. Измученное и разгоряченное воображеніе народа тотчасъ стало искать причину бѣдствія въ отравленіи колодець Евреями, которые и стали жертвою общей ненависти и корысти. Началось повсемѣстно возмутительнѣйшее изъ всѣхъ возмутительныхъ извѣстій Евреевъ, какое когда-либо происходило въ европейскихъ странахъ вообще и въ особенности въ Германіи. Куда ни оглянемся, вездѣ видимъ то же: несчастныхъ жгутъ на кострахъ или зажигаютъ улицы, въ которыхъ они живутъ; иногда и сами Евреи поджигаютъ свои дома, потому что нигдѣ и ни въ чемъ не видятъ себѣ спасенія. Въ иныхъ мѣстахъ у этихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, несчастныхъ пыткой вымучивали показанія, служившія вѣншиимъ поводомъ и побужденіемъ для отвратительныхъ неистовствъ, которыя, конечно, произошли бы и помимо этихъ признаній, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ религиознымъ фанатизмомъ, дѣйствовало въ массѣ и корыстолюбіе, благодаря которому за-одно дѣйствовали и горожане, и дворянство, а мѣстами даже и князья, такъ какъ всѣ они были въ долгу у Евреевъ и въ данномъ случаѣ видѣли удобное средство избавиться отъ своихъ долговыхъ обязательствъ. Буря эта бушевала такъ страшно, что увлекала къ неистовствамъ и болѣе человѣчно настроенныхъ правителей, и разумныхъ городскихъ власти, тѣмъ болѣе, что чернь, мѣстами, какъ напр. въ Страсбургѣ, прямо смѣщала тѣхъ представителей власти, которые не тотчасъ выдавали ей намѣченные народною злобою жертвы, и вымещала свою злобу на имуществѣ этихъ чиновниковъ. Король Карлъ IV вступился въ дѣло, но не съ достаточной энергіей, и не изъ чисто-гуманныхъ побужденій. У него былъ свой интересъ шадить и охранять *«вѣрныхъ слугъ нашей королевской казны»* — такъ называлъ онъ Евреевъ въ своемъ официальномъ актѣ: они собирали ему подати и составляли извѣстнаго рода фондъ, изъ котораго онъ постоянно могъ почерпать. Но, собственно говоря, его власти не хватало на то, чтобы серьезно наказать за совершенныя злодѣянія, однакоже то, что было пощажено ураганомъ разыгравшейся народной стихіи, было снова восстановлено попрежнему въ своихъ правахъ, насколько тутъ могла быть рѣчь о правѣ вообще.

Бичующіеся.

Другимъ слѣдствіемъ повальной болѣзни были процессіи *«бичующихся»*. Общественное мнѣніе способно было видѣть въ этомъ страшномъ бѣдствіи ничто иное, какъ неисполненное Богомъ наказаніе, а противъ этого не могло быть никакого иного средства, какъ покаяніе, выражавшееся въ видѣ тягостнаго, грубаго, потрясающаго самонистязанія, которое должно было хотя до нѣкоторой степени соответствовать ужасной карѣ небесной. Въ Австріи, повидимому, прежде всѣхъ другихъ странъ стали такіе кающіеся сходитья толпами и затѣмъ, въ видѣ длинныхъ шествій, переходить изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто, по всему пространству королевства Германскаго. Современныя городскія хроникки даютъ намъ весьма оживленныя описанія этихъ покаянныхъ странствованій, которыя вскорѣ обратились въ истинное бѣдствіе для мѣстныхъ жителей: вотъ

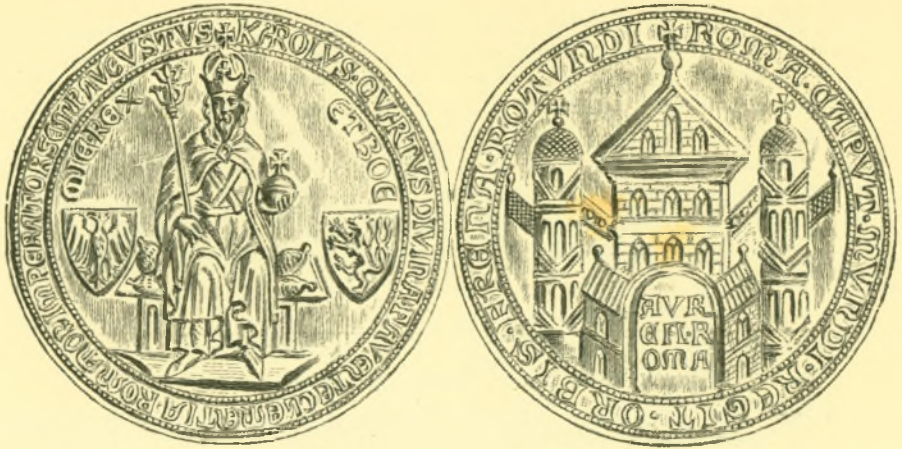
одна изъ такихъ процессій, человекъ въ двѣсти, со знаменемъ и свѣчами, съ краснымъ крестомъ, нашитымъ на шляпахъ, тянется по-парно, по направленію къ Страсбургу; тамъ, гдѣ они приближаются къ деревнѣ, начинается громкій перезвонъ колоколовъ; впереди всей процессіи идутъ двое запѣвалъ; той печальной пѣснѣ, которую они распѣваютъ, мало-помалу начинается вторить хоръ. Населеніе села встрѣчаетъ ихъ въ полномъ составѣ, оглядываетъ съ любопытствомъ; они идутъ въ церковь, преклоняютъ тамъ колѣна, и затѣмъ, послѣ краткаго пѣснопѣнія, падаютъ крестомъ на земь. Тогда запѣвалы затягиваютъ надъ ними заунывнымъ и однообразнымъ тономъ:

Воздѣньте руки къ небу,
 Просите да отвержетъ Господь великую смертность!
 Воздѣньте къ небу руки,
 Молите, да сжалятся Господь надъ нами.

Бичеваніе они совершали надъ собою дважды въ день. Подъ звуки тѣхъ же заунывныхъ пѣснопѣній выходили они въ поле торжественно процессіей и бичевали себя по обнаженному тѣлу ремнями, къ которымъ на концѣ пришиты были пуговицы или вбиты небольшіе гвозди. Подобныя самоистязанія допускались и современными церковными обычаями, но то возбужденное состояніе, въ которое бичующіеся приводили себя, выражалось иногда въ весьма опасныхъ крайностяхъ. Не только процессіи эти, спустя нѣсколько время, обратились въ весьма удобное прикрытіе для всякаго рода непристойностей и пороковъ, но и привели къ дерзкимъ пререканіямъ съ духовными властями. Бичующіеся, возгордившись, стали относиться къ священникамъ съ пренебреженіемъ, ссылались на откровеніе небесное—на посланіе, будто-бы ниспосланное съ неба: а въ томъ посланіи прописано было во всеобщее свѣдѣніе, что Господь, прогнѣванный грѣховностью міра, хотѣлъ уже окончательно міръ разрушить, и лишь съ великимъ трудомъ далъ умолить Себя «Своей Матери» и своимъ ангеламъ. Когда же духовенство обращалось къ вожакамъ «бичующихся», и спрашивало ихъ, увѣрены-ли они въ подлинности этого посланія, тѣ отвѣчали на эти вопросы злыми сомнѣніями въ подлинности Св. Писанія. Все это привело наконецъ, въ 1349 г., къ папскому запрещенію всякихъ странствованій «бичующихся», и всѣ города перестали впускать къ себѣ ихъ процессіи: тотъ, кто желалъ бичевать себя,—такъ рѣшили городскія власти города Страсбурга—могъ бичевать себя тайно, въ своемъ домѣ, сколько ему угодно.

Для Германіи, въ ея общемъ составѣ, правленіе Карла IV, главнымъ ^{Золотая булла. 1356.} образомъ, было важно по той конституціи 1356 г., которая послѣ долгихъ обсужденій на сеймахъ въ Юренбергѣ и Мецѣ была окончательно оформлена и, по привѣщенной къ ней золотой печати, получила въ послѣдствіи названіе «Золотой Буллы».

Не слѣдуетъ забывать, что эта булла, до самаго конца Германской имперіи (въ нынѣшнемъ столѣтіи), составляла основной законъ ея организациі, ея законнаго строя, а потому и полагала во многихъ отношеніяхъ предѣлъ своеволю. Она устраняла всякое папское участіе при избраніи королей; городамъ воспрещала пріемъ въ среду свою гражданъ

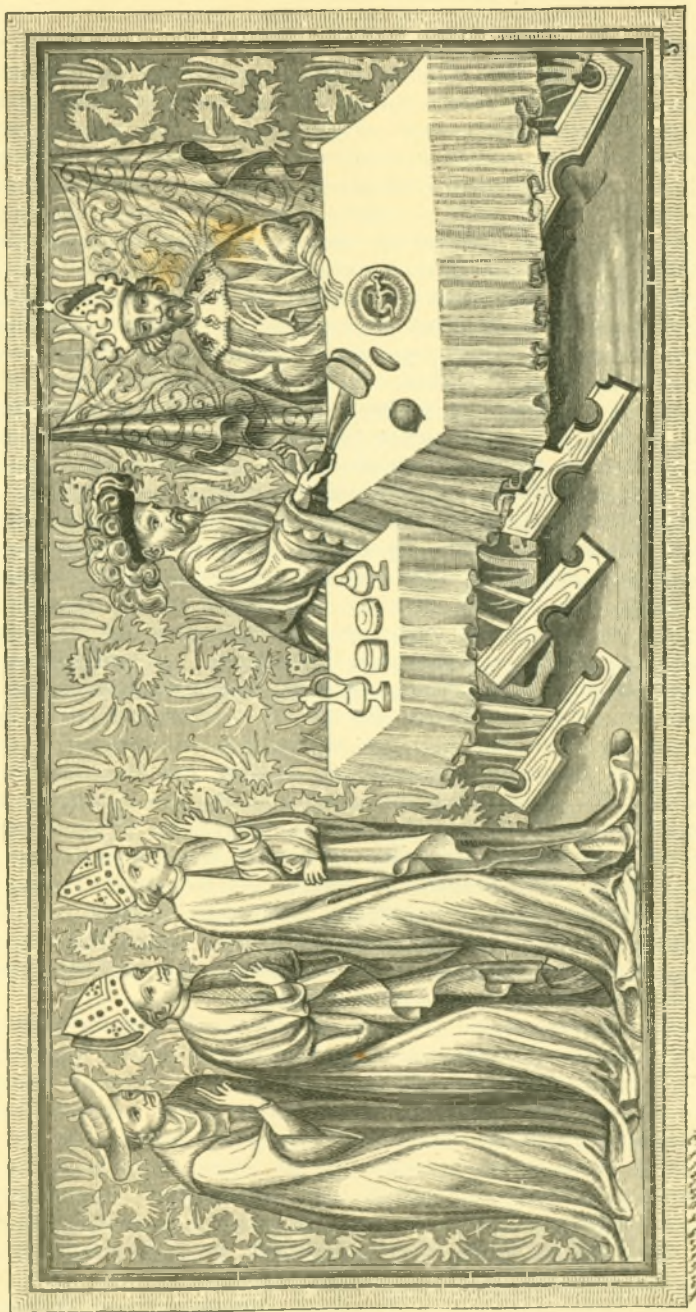

Золотая покрышка на печати Карла IV, съ „Золотой Буллы“.

Въ городскомъ архивѣ во Франкфуртѣ на М.

Лицевая сторона ея: императоръ на тронѣ, по обѣ его стороны—гербы: Римской имперіи и королевства Богеміи. Надпись кругомъ: «Karolus quartus divina favente clementia Romanorum imperator semper augustus et Boemiae rex (Карлъ IV по великому Божиему милосердію императоръ преавгустѣйшій и Богеміи король)». *Оборотная сторона:* изображеніе фантастическаго зданія съ надписью: Aurea Roma (Золотой Римъ) Надпись кругомъ: Roma caput mundi regit orbis frena rotundi (Римъ, глава міра—держитъ въ уздѣ всю вселенную).

извнѣ, а также ограничивала ихъ права на союзы и коалиціи; съ другой стороны были опредѣленно указаны и права князей по отношенію къ различнымъ категоріямъ ихъ подданныхъ. Главнымъ образомъ содержаніе буллы касалось избранія римскихъ королей, а также правъ и преимуществъ курфюрстовъ. Въ ней перечисляются всѣ семеро главныхъ избирателей—три архіепископа, Майнцскій, Кельнскій и Трирскій, король Богеміи, пфальцграфъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій, маркграфъ Бранденбургскій: избраніе рѣшается большинствомъ; на избраніе созываются курфюрсты архіепископомъ Майнцскимъ, мѣсяць спустя послѣ кончины императора, а если бы такого созыва не послѣдовало, то они и безъ приглашенія съѣзжаются во Франкфуртъ на М. Избирательныя права курфюрста тѣсно связаны съ его областью, которая, какъ непорушимое цѣлое, переходитъ въ наслѣдство къ его первенцу, при чемъ всѣ подданные курфюрста, по особой и весьма важной привилегіи ихъ, судятся исключительно въ мѣстныхъ судахъ: въ слѣдъ привилегіи *о не вызовѣ* (de non evocando), никто не имѣетъ права апеллировать на рѣшеніе этихъ судовъ въ высшей инстанціи. Курфюрстамъ на пространствѣ ихъ территорій принадлежать такъ называемыя «регалии»—право чеканить монету, право налагать пошлины, право водворять или не водворять у себя евреевъ. Такимъ образомъ, на основаніи этой буллы, они становились полными господами земли своей, и составляли нѣкотораго рода олигархію, которая рѣзко отличалась отъ остальныхъ князей и въ сильнѣйшей сте-

Императоръ Карлъ IV, при коронаціонномъ пиршествѣ, за которымъ ему прислушивается старшій стольникъ (фальцграфъ Рейнский) и присутствуютъ духовенство.

Изъ миниатюръ роскошно-иллюстрированной Золотой буллы, первоначально хранившейся въ замкѣ Амбрасъ въ Тироли, а потомъ въ императорско-королевской придворной библиотецѣ въ Вѣнѣ. Копія съ 40 стр. оригинала, въ которомъ роскошные современные рисунки иллюстрируютъ опредѣленія *Золотой буллы*, связывая ихъ съ личностью Карла IV и Венцеслава.

пени возбуждала ихъ зависть. Сверхъ того, была предписывала главѣ государства ежегодно въ опредѣленные сроки съѣзжаться на собраніе съ курфюрстами, для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ: важнѣйшимъ изъ курфюршествъ, Богемскимъ, владѣлъ самъ Карлъ, и судя по современному положенію дѣлъ, имѣлъ право надѣяться на то, что ему удастся то, что не удалось его предшественникамъ, а именно: удержать императорскую власть въ своемъ домѣ и такимъ образомъ, хотя и при помощи нѣкотораго обхода—черезъ олигархію—создать для Германіи монархію въ лицѣ представителей Люксембургской династіи.

Правленіе
Карла въ
Богеміи.

Этого монархически-династическаго положенія можно было достигнуть только обладая большимъ личнымъ могуществомъ, сосредоточеннымъ въ рукахъ *одного дома*: на этомъ основаніи установилась монархическая власть нѣсколько позднѣе, 500 лѣтъ спустя. Стремленіемъ къ такому возможно-большему и возможно прочнѣйшему единовластію былъ проникнуть и Карлъ IV, и шель къ своей цѣли осторожно, послѣдовательно и разумно, какъ настоящій государственный мужъ, не слишкомъ, впрочемъ, озабочиваясь о нравственномъ значеніи избираемыхъ имъ средствъ. Особеной похвалы заслуживаетъ его управленіе своею наслѣдственною землею, королевствомъ *Богеміей*, горные промыслы которой обезпечивали ему прочное финансовое положеніе. Онъ создалъ здѣсь и порядокъ, и полнѣйшую безопасность при помощи строгаго правосудія; зорко слѣдилъ онъ за постепеннымъ возрастаніемъ народнаго благосостоянія, за виноградарствомъ и плодоводствомъ, за обработкою рудниковъ, за постройкою мостовъ и проведеніемъ дорогъ, за правильной чеканкой монеты, за усовершенствованіемъ городской жизни: вскорѣ его столичный городъ, *Прага*, значительно имъ расширенный, могъ уже тягаться съ любымъ изъ итальянскихъ городовъ и превзошелъ значеніемъ многіе изъ городовъ, по сю сторону Альповъ. Въ особенности къ чести его слѣдуетъ приписать основаніе *Пражскаго университета*, перваго въ предѣлахъ Германской имперіи *), притомъ же основаннаго имъ въ началѣ его правительственной карьеры, въ 1348 г. Одновременно съ этимъ, онъ заботился о постройкѣ моста черезъ Молдаву и о сооруженіи Пражскаго собора—и такое соединеніе заботъ о чисто-матеріальныхъ нуждахъ населенія съ заботами о его духовныхъ стремленіяхъ характеризуетъ въ нашихъ глазахъ Карла IV, какъ правителя весьма замѣчательнаго.

Германія.

Многіе укоряли его за то, что онъ не въ такой степени заботился объ остальной Германіи и какъ бы забросилъ ее; но для того, чтобы заботиться о ней въ равной степени съ Богеміей, онъ долженъ былъ бы имѣть право и Германіей распоряжаться, какъ своею собственностью. Всѣми средствами стремился онъ къ расширенію своихъ личныхъ владѣній, и времена были очень благоприятны въ этомъ отношеніи для правителя мощнаго и умѣлаго, да притомъ еще обладавшаго значительными матеріальными средствами. Въ особенности много способствовала этому расширенію владѣній та рознь и то безпутство, которыя господствовали

*) Авторъ не упоминаетъ, что этотъ новый университетъ былъ основанъ на славянской почвѣ. Ред.

въ домъ Виттельсбаховъ, между тѣмъ какъ онъ самъ шелъ рука-объ-руку со своими братьями Иоанномъ-Генрихомъ и Венцеславомъ. Первый изъ нихъ правилъ Моравіей, какъ ланомъ Богемскаго королевства; второй— родовымъ владѣніемъ дома (нынѣ герцогства) Люксембургскаго. Важнѣйшее изъ родовыхъ владѣній Виттельсбаховъ, марку *Бранденбургскую*, Карль понемногу скупалъ у младшаго изъ шести сыновей, своего предшественника Оттова, и, наконецъ, по договору 1373 г. окончательно скупилъ всю, за послѣднюю уплату въ 500,000 гульденовъ золотомъ; надо замѣтить, что нѣкоторая часть этого владѣнія, Нижне-Лужицкая марка, давно уже была поглощена Люксембургомъ. При этомъ съ обычною своею политическою ловкостью, Карль счумѣлъ исполнѣ изолировать Виттельсбаховъ, такъ что имъ оставалось лишь одно:—принять условія, предлагаемыя императоромъ; титулъ курфюрста былъ сохраненъ за послѣднимъ изъ маркграфовъ Виттельсбахскаго рода до самой его смерти. Еще легче удалось ему присоединить къ королевству Богемскому *Силезію*, лежащую между Богеміей и маркой Бранденбургской. Еще ранѣе удалось въ значительной степени отмѣчить эту страну, распадавшуюся на 16 болѣе или менѣе слабыхъ королевствъ: еще отецъ Карла IV, пользуясь благоприятными обстоятельствами, уже успѣлъ обратить нѣкоторыя изъ этихъ княжествъ въ Богемскія ланныя владѣнія, и Карль продолжалъ слѣдовать системѣ отца. Рядомъ съ этими болѣе значительными приобрѣтеніями, Карль IV не упускалъ случая увеличивать свои владѣнія во всей Германіи и небольшими клочками—покупкою замковъ и городовъ, графствъ и баронствъ: онъ былъ настолько дальновиденъ, что трудился для будущаго и понималъ, въ какой степени даже и небольшое владѣніе могло быть прибыльнымъ въ рукахъ человѣка власти имущаго. Мало-по-малу онъ распространилъ такимъ образомъ свое владѣтельство на всѣ отмѣченныя славянскія земли, отъ береговъ Дуная до Балтійскаго взморья,—Богемію, Моравію, Силезію, и Верхне- и Нижне-Лужицкую марку, Бранденбургъ; а въ 1364 г., совершенно въ духѣ того времени, жаднаго до наслѣдованія, заключилъ съ Габсбургскимъ домомъ договоръ, по которому, въ случаѣ вымиранія одного дома, другой—перезжившій, долженъ былъ унаслѣдовать всѣ владѣнія вымершаго дома. Сближеніе же императора послужило на пользу Габсбурговъ въ томъ отношеніи, что они приобрѣли Тироль, который Карль (послѣ кончины несчастной Маргариты), въ 1369 г., отдалъ въ ланъ свосму зятю, герцогу Рудольфу IV Австрійскому. Такіе брачныя союзы были въ ту пору вѣрнымъ связующимъ звеномъ и вообще въ болышомъ ходу; въ такой брачный союзъ вступилъ Карль и съ домою *Гоенцоллерновъ*, тогда только что начинавшимъ приобретать значеніе: онъ женилъ сына своего Венцеслава на одной изъ Гоенцоллернскихъ принцессъ. Этотъ бракъ былъ вскорѣ расторгнутъ императоромъ, когда ему представился случай женить сына на болѣе видной и выгодной невѣстѣ—наслѣдницѣ Венгерской короны. Мало того, онъ вступалъ даже въ такіе договоры съ князьями, по которымъ бракомъ предполагалъ сочетать между собою дѣтей еще не родившихся, но которыя должны были родиться въ ближайшемъ будущемъ.

Такой политическій дѣятель, какъ Карль, могъ пожалуй приняться за Италія.

Миниатюра из Золотой Буллы Карла IV: императоръ Карлъ въ царственной одеждѣ; рядомъ съ нимъ сынъ его Венцеславъ и епископы.

и въ тотъ же день покинулъ городъ, въ которомъ больше ужъ и нечего было взять. 5 апрѣля того же года онъ принялъ въ Римѣ императорскую корону изъ рукъ уполномоченныхъ Иннокентіемъ кардиналовъ. Довко пользуясь запутанными дѣлами Италіи для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, онъ еще умѣлъ всѣхъ вынудить къ уплатѣ ему крупныхъ суммъ за оказываемыя имъ услуги. Въ слѣдующемъ же году онъ сильно опечалилъ папу введеніемъ въ дѣйствіе того государственнаго устройства, которое опиралось на его Золотую буллу, и выказалъ себя очень твердымъ, когда Иннокентій задумалъ было обложить нѣмецкое духовенство чрезвычайными налогами; при его преемникѣ, Урбанѣ V, онъ ближе вдумался въ цѣль возстановленія папской резиденціи въ Римѣ, и тѣмъ самымъ приобрѣлъ большое значеніе въ глазахъ всѣхъ итальянцевъ: онъ даже обѣщалъ папѣ оказать помощь противъ всѣхъ его враговъ, какъ только воспослѣдуетъ самое возвращеніе его въ Римъ. Связующимъ звеномъ въ цѣлой цѣпи этихъ интригъ, среди которыхъ каждый каждаго старался перехитрить, былъ Карловъ *второй походъ* въ Римъ (1368), во время котораго онъ долгое время пробылъ въ Римѣ съ Урбаномъ V, не испытавъ тѣхъ неприятныхъ впечатлѣній, какія выпадали на долю его предшественниковъ. Онъ

разрѣшеніе даже и такихъ задачъ, которыя были постояннымъ камнемъ преткновенія для нѣмецкой государственной мудрости: онъ способенъ былъ извлечь надлежащую пользу и изъ современнаго положенія Италіи. Первый свой походъ въ Италію онъ совершилъ въ 1354 г. Съ большимъ умѣньемъ воспользовался онъ раздорами между папою Иннокентіемъ VI и быстро возрастающимъ въ могуществомъ домомъ Висконти, а также и ихъ обоюдными сторонниками. Онъ повелъ дѣло такъ искусно, что и Висконти не нанесли ущерба, а папѣ оказалъ существенныя услуги. Въ январѣ 1355 г. онъ овладѣлъ въ Миланѣ Ломбардскою короною

сумѣлъ даже явиться миротворцемъ между папою и его злѣйшимъ врагомъ Барнабо Висконти; когда же послѣдній нарушилъ этотъ только что восстановленный миръ, то императоръ, въ угоду папѣ, осудилъ Барнабо на изгнаніе, но и не думалъ приводить этотъ приговоръ въ исполненіе. Урбанъ въ 1370 г., глубоко опечаленный, вернулся въ Авиньонъ. Онъ тамъ и умеръ въ томъ же году; его преемникъ, Григорій XI, дѣйствительно долженъ былъ рѣшиться на возвращеніе въ Римъ (1377); но скорѣй изъ-за этого произошли новыя смятенія, которыя способствовали еще большому разьединенію Церкви и повели къ большимъ переворотамъ.

Въ теченіе того вѣка, который протекъ со времени междуцарствія, понятіе о такомъ всеобщемъ государственномъ строѣ, въ составъ котораго должна входить каждая отдѣльная сила, успѣло значительно развиться и возрасти; но, конечно, всѣ еще были очень далеки отъ нашего современнаго возрѣнія на государство, присущаго каждому изъ насъ. Дошли уже до того, что общій внутренній миръ—т. е. государственное благоустройство или нѣчто подобное ему—стали считать нормальнымъ положеніемъ, желательнымъ, должествующимъ существовать; въ теченіе этого столѣтія порядочно-таки поубавилось и разбойничьихъ замковъ рыцарства: и эти начала государственнаго благоустройства исходили и опирались не на правительство, не на власть князя, короля, императора, а на вполне частную инициативу—на принципъ свободнаго союза, на *ассоціацію*. Въ этомъ отношеніи XIV в. въ Германіи заслуживаетъ полнаго вниманія. Мы видимъ около 200 городовъ, укрѣпленныхъ, вооруженныхъ, почти самобытныхъ въ своей внутренней жизни, тѣсно-связанными между собою всякаго рода мѣстными союзами, сообразно своимъ частнымъ интересамъ, видимъ ихъ готовыми вынудить и дворянство, и князей духовныхъ и свѣтскихъ къ измѣненію ихъ быта, такъ что ужъ тѣ, наконецъ, начинаютъ искать поддержки своему значенію и могуществу въ ассоціаціяхъ и союзахъ подобныхъ городскимъ. Исторія политики и пріобрѣтеній Карла IV представляетъ намъ не маловажную, но все же незначительную долю поступательныхъ шаговъ Германіи на пути политическаго развитія во второй половинѣ XIV вѣка. Важнѣйшее совершилось безъ его участія или по крайней мѣрѣ такъ, что вліяніе его императорской власти оказывалось лишь косвеннымъ и второстепеннымъ. И въ Сѣверной и въ Южной Германіи во время его правленія произошли многія событія, весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ.

Всюду на германской территоріи мы видимъ, какъ уже упомянули выше, возникновеніе большихъ или мѣньшихъ федерацій городовъ. Мы упоминали уже о большомъ *союзѣ рейнскихъ городовъ*, въ составъ котораго входила большая часть швабскихъ, франконскихъ, эльзасскихъ, средне-рейнскихъ городовъ: гораздо еще шире раскинулся союзъ нѣкоторыхъ сѣверно-нѣмецкихъ приморскихъ городовъ—Любека, Ростока, Штральзунда,—который, подъ именемъ *Ганзы* *), въ теченіе полувѣка распространился по всей Сѣверной Германіи и даже проникъ глубоко

Германія.
Ассоціаціи.

Союзъ
рейнскихъ
городовъ.
Ганза.

*) Слово *Ганза*—древне-нѣмецкое, встрѣчаемъ въ значеніи: сотоварищество или сообщество.

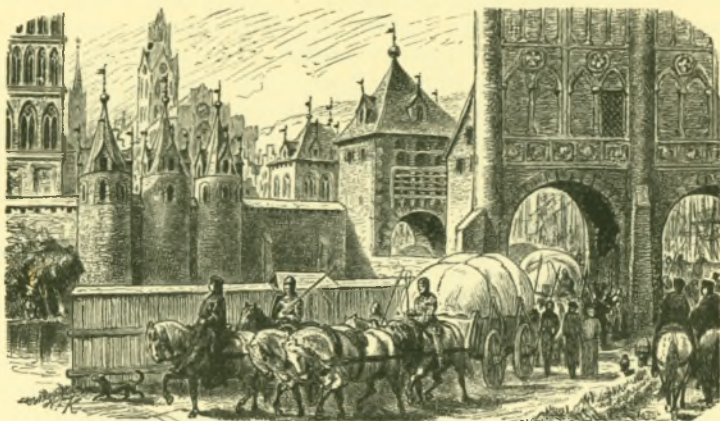

Ганзейскій военный корабль XIV вѣка.

внутри ея, отъ Ревеля и Риги до Фландрин, отъ береговъ Балтійскаго моря до Тюрингии. Первоначально Ганза была чисто-торговымъ товариществомъ и для торговаго ея значенія именно то и было важно, что это предпріятіе осуществилось и дѣйствовало не въ тяжеловѣсной формѣ политическаго тѣла, а въ болѣе свободной, болѣе глубокой и менѣе стѣснительной формѣ торговой ассоціаціи. Такимъ-то путемъ нѣкоторымъ нѣмецкимъ городамъ, даже и нѣкоторымъ торговымъ фирмамъ въ Англіи и въ Скандинавскихъ государствахъ удалось добиться привилегій и выгодъ, которыя впоследствии должны были послужить на пользу всѣхъ участниковъ предпріятія: и это было вызвано цѣлою цѣнью случайностей и успѣховъ, которые проявлялись въ различныхъ формахъ житейской ежедневности и за которыми трудно, почти невозможно, было бы услѣдить. Нѣкоторая организація и кое-какія общія федеративныя нормы были необходимы, такъ какъ во второй половинѣ XIV вѣка въ составъ Ганзы входили гораздо болѣе 80 большихъ и малыхъ общинъ, распадавшихся на *три трети*, уже въ самомъ началѣ царствованія Карла IV: *вендскую треть*, съ Любекомъ, въ качествѣ главнаго центра, и городами Нижне-саксонскими, Мекленбургскими, Голштинскими, Померанскими, а также Гамбургомъ и Бременомъ; *вестфальскую треть*, съ главнымъ городомъ Кельномъ; къ этой трети, крѣмъ вестфальскихъ городовъ, относились еще прусскіе: Кульмъ, Эльбингъ, Кѣнигсбергъ, Торнъ, Браунбергъ, Данцигъ и нѣкоторые изъ голландскихъ; *нормандская треть* съ городами: Ригю, Ревелемъ, Дерптомъ и Визби на о. Готландѣ. Едва-ли нужно говорить о томъ, что Ганза, воспитывавшая въ каждомъ купцѣ сознаніе силы и собственнаго достоинства, конечно, должна была оказать громадное вліяніе на всю европейскую торговлю вообще, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Стоять только, напр., припомнить, что одною изъ самыхъ

важныхъ отраслей торговли ганзейской была торговля сельдями и что ради закупки сельдей, ежегодно, сотни кораблей собирались у береговъ *Шонена*, гдѣ одинъ рыбацкій станъ становился рядомъ съ другимъ и потому цѣнился каждый квадратный аршинъ берега, разными рыбацкими и торговыми артелями строились и церкви, и часовни, и порядкомъ поддерживался строгимъ полицейскимъ надзоромъ и строгимъ правосудіемъ, — а при этомъ удобномъ случаѣ производился обширный торгъ и всѣми иными, не одними только рыбными товарамъ. Собственно политики Ганза не касалась вовсе; однакоже обширная торговля сама по себѣ уже способствовала въ средѣ Ганзы развитію аристократическихъ и консервативныхъ элементовъ и потому именно въ нихъ не проявлялись демократическія стремленія такъ рѣзко и буйно, какъ въ верхне-нѣмецкихъ городахъ. Напротивъ того, въ нихъ даже проявлялась тенденція къ охраненію стараго, установившагося гражданскаго строя противъ всякихъ возстаній и попытокъ буйства; города, въ которыхъ подобныя попытки проявлялись, были подвергаемы странной мѣрѣ взысканія: — *исключенію изъ состава Ганзы* (*Verhansung*), вѣдѣствіе чего каждый изъ гражданъ города, подвергнутаго этой карѣ, лишался всѣхъ своихъ правъ и пренеумществу въ торговлѣ, и оказывался какъ бы въ положеніи изгнанника. Само-собою разумѣется, однакоже, что у Ганзы, при ея обширно-развитыхъ связяхъ и отношеніяхъ, должна была современемъ явиться своя *внѣшняя политика*, и въ область ея входили всѣ государства, на территоріи которыхъ Ганза вела свой торгъ. Такъ напр. въ 1360 г. Ганзѣ пришлось поднять оружіе противъ *датскаго короля Вальдемара IV*, который, несмотря на добрыя отношенія къ городу Любеку, вдругъ напалъ на городъ Визби. «Дай-ка я пойду на этотъ городъ», сказалъ будто бы онъ, — «гдѣ и свиньи изъ серебряныхъ корытъ ѣдятъ». И точно пошелъ, и жестоко разгромилъ городъ, даже не принявъ отъ него того изъявленія покорности, которое городъ готовъ былъ ему принести. Тогда Любекъ и союзные города объявили ему войну, флотъ ганзейскій выступилъ въ море, Гельсінгборгъ былъ осажденъ; однакоже князья, состоявшіе въ союзѣ съ ганзейскими городами, очень медленно собирались, иные изъ нихъ даже измѣнили союзу, и ганзейскій флотъ въ іюлѣ 1362 года потерпѣлъ жестокое пораженіе. Пришлось согласиться на перемиріе, которое однакоже не привело ни къ какому миру, а только къ новымъ замѣшательствамъ и ущербамъ. Необходимо было принять какое-нибудь общее рѣшеніе и въ *Кельнѣ* былъ созванъ общій ганзейскій сеймъ, весьма бурный. 77 городовъ положили вести войну противъ королей датскаго и норвежскаго, вступившихъ въ союзъ, и со страшною силою обрушились на владѣнія коварнаго Вальдемара IV, который уже заранѣе успѣвши удалиться въ Германію, подъ защиту дружественныхъ ему князей. Ганзейцамъ было оказано лишь весьма слабое сопротивленіе, Копенгагенъ былъ взятъ и ограбленъ, и въ маѣ 1370 года датское правительство заключило съ Ганзою въ Стральзундѣ миръ, очень выгодный для Ганзейцевъ, которые были вознаграждены за всѣ понесенные ими убытки. Это было великимъ торжествомъ для Ганзы. Ея флотъ, созданный свободными усиліями частныхъ людей, явился вдругъ чуть-ли не первую въ Европѣ морскою

силую. И не слѣдуетъ забывать, что въ этихъ событіяхъ на германскомъ Сѣверѣ не принимали никакого участія ни императоръ, ни курфюрсты. Что касается императора, то онъ даже постарался извлечь нѣкоторую пользу и для себя лично, и для экономического процвѣтанія своей наследственной страны изъ этого возрастанія мощи Ганзейскаго союза, суще-

Городскія ворота Любена, около 1400 года. По старинному рисунку.

ствованіе котораго, собственно говоря, не согласовалось съ основнымъ положеніемъ его *Золотой Буллы*. Онъ пожелалъ явиться главою и покровителемъ союза. Онъ осыпалъ городъ Любекъ милостивыми рескриптами и даже удостоилъ его чести личнаго посѣщенія, вмѣстѣ съ супругою своею и блестящею свитою высокопоставленныхъ особъ (1375 г.). Онъ былъ принятъ съ рѣдкимъ великолѣпіемъ; цѣлыхъ десять дней продолжались празднества на счетъ богатаго города; но цѣли своей Карлъ IV все же не достигъ, такъ какъ купцы прекрасно умѣли отличать обязанности гостепримства по отношенію къ высокопоставленному гостю отъ своихъ личныхъ торговыхъ выгодъ.

Нѣсколько иначе шли дѣла въ *верхне-германскихъ областяхъ*. Здѣсь всюду ремесленные цехи приобрѣли болѣе или менѣе вліятельное положеніе, да притомъ и постоянная борьба рыцарства противъ сельскаго населенія (при которой крестьяне и бюргеры не разъ наносили поражение рыцарству и даже князьямъ) сильно поколебали значеніе дворянства, не только рыцарскаго, но и городского (или патриціанскаго). Бѣднѣющее дворянство съ завистью смотрѣло на возрастающее богатство городовъ. Здѣсь образовался мало-по-малу и даже довольно быстро союзъ швейцарскихъ городовъ, съ *Люцерномъ*, *Цюрихомъ* и *Берномъ* во главѣ, къ которому вскорѣ примкнули и австрійскіе города: *Цугъ* (1352) и *Гларусъ* (1353); и многіе другіе уже изъявляли желаніе къ нимъ примкнуть, такъ какъ воспрещеніе союзовъ и даже воспрещеніе принятія въ города новыхъ вольныхъ поселенцевъ — никѣмъ не принималось во вниманіе, и никогъ не пугали. За то мѣстами возгоралась жестокая, непримиримая борьба между городами и мѣстными князьями; такъ напр. въ Швабін,

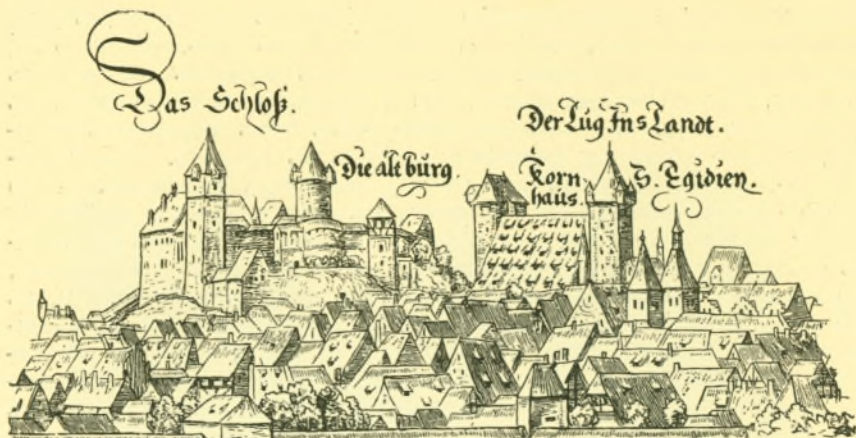
Верхняя
Германія.
Города.
Князья.
Рыцари.

гдѣ города мѣшали распространенію владѣній быстро возрастающаго дома князей Вюртембергскихъ, наиболѣе энергическій изъ нихъ, *Эбергардъ II*, пользовался всѣми средствами, чтобы повредить городамъ и помѣшать ихъ росту. Само-собою разумѣется, что и города отличивали ему тѣмъ же, принимая подъ свое покровительство всѣхъ тѣхъ подданныхъ Эбергарда, которые изъявляли желаніе поселиться въ городахъ. Между обоими этими элементами былъ еще третій,—рыцарское дворянство. И это сословіе также должно было уразумѣть, къ чему клонились требованія времени: и они тоже стали между собою вступать въ союзы, образовывать товарищества. Однимъ изъ первыхъ въ числѣ этихъ товариществъ, было товарищество *Св. Мартина*, основанное въ день этого святого, въ 1370 году; за нимъ послѣдовали и другія, и важнѣйшее изъ нихъ *«Львиный союзъ»*, учреждено было въ 1379 году въ Висбаденѣ. Эти товарищества въ значительной степени обуздывали рыцарскій задоръ и водворили миръ среди рыцарства, но нисколько не унимали его отъ буйныхъ выходовъ противъ князей и городовъ, чуть только былъ задѣтъ кто-нибудь изъ ихъ среды; однимъ словомъ, у нихъ было принято за правило: уважать только свои права и всюду проводить только свое право—чѣмъ, конечно, они сами произнесли надъ собою приговоръ. Среди всѣхъ этихъ весьма сложныхъ отношеній, императоръ велъ весьма двусмысленную игру: опредѣленно онъ не становился ни на чью сторону. Онъ милостиво поощрялъ города тамъ, гдѣ это ему сулило прямыя выгоды; но онъ равнодушно предоставилъ города эльзасскіе на произволъ судьбы, когда въ 1360 году въ предѣлы ихъ владѣній ворвались скопища отпущенныхъ со службы французскихъ наемниковъ; точно также спокойно отнесся онъ и къ пораженію, которое нанесъ швабскимъ городамъ Эбергардъ Вюртембергскій близъ Ульма (1372 г.), и вступившись въ эти отношенія въ качествѣ миротворца, способствовалъ только заключенію мира, очень невыгоднаго для городовъ.

Собственно поводомъ къ разрыву между императоромъ и городами верхне-нѣмецкими послужилъ тотъ планъ, осуществленіемъ котораго онъ занять былъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ хотѣлъ непременно побудить всѣхъ, еще при жизни своей, къ избранію старшаго сына своего, *Венцеслава* (онъ родился въ 1361 году въ Нюренбергѣ) въ римскіе короли. Ему и дѣйствительно удалось, не пренебрегая никакими средствами, добиться согласія на это со стороны папы (вовсе не нужнаго по новому законоположенію), задобривъ его подарками и смиренными рѣчами, и даже согласія курфюрстовъ, которое Карлъ IV купилъ громадными подкупамъ и обѣщаніями: при этомъ онъ задумалъ воспользоваться городами и тою откупною системою, которую уже столько разъ и столь многіе злоупотребляли. Такъ какъ отдача нѣкоторыхъ статей дохода въ городахъ на откупъ тому или другому изъ владѣтельныхъ князей угрожала нарушеніемъ свободы и независимости городовъ, то можно было ожидать, что многіе изъ нихъ сами поспѣшатъ внести откупную сумму. Но на этотъ разъ города оказали сопротивленіе. Четырнадцать швабскихъ городовъ заявили, что они только въ томъ случаѣ присягнутъ въ вѣрности (какъ разъ въ это время избранному во Франкфуртѣ) королю Венцеславу, если

Битва при
Рейтлин-
генѣ, 1377.

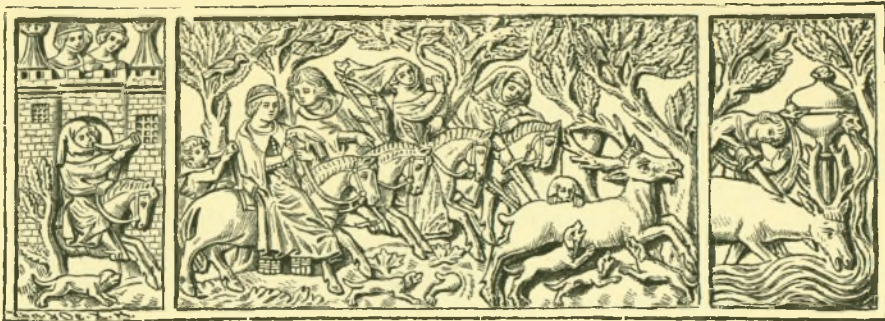
Старый замокъ въ Нюренбергѣ. Мѣсто ронденія Венцеслава.

Со стариннаго «Изображенія достохвальнаго города Нюренберга», работы Лаутензака.

они будутъ избавлены отъ вышепомянутаго злоупотребленія. Императоръ рѣшился принудить ихъ силою, двинулся вмѣстѣ съ Эбергардомъ Вюртембергскимъ и другими владѣтельными князьями къ Ульму, но вскорѣ долженъ былъ съ него снять осаду (въ октябрѣ 1376 года); а въ маѣ 1377 года сынъ Эбергарда, Ульрихъ, потерпѣлъ такое тяжкое пораженіе при *Рейтлингенѣ*, что императоръ поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ союзомъ городовъ.

Король
Венцеславъ,
1378.

Среди этихъ смуть Карлъ IV скончался въ ноябрѣ 1378 года, въ Прагѣ. Правленіе сына его, *Венцеслава* (1378—1410), наслѣдовавшаго отцу безпрепятственно, отмѣчено было тѣмъ, что при немъ закончилась усиленная борьба городовъ съ владѣтельными князьями,—закончилась, впрочемъ, не при его посредствѣ, такъ какъ онъ относился къ ней скорѣе отрицательно, нежели положительно, и не принималъ въ ней сознательнаго участія. Онъ вступилъ на престолъ 18 лѣтъ: возрастъ не очень надежный для занятія такого высокаго положенія, въ особенности, когда всѣ предшествующіе годы юности были проведены, какъ провелъ ихъ Венцеславъ, подъ строгимъ надзоромъ и среди серьезныхъ политическихъ заботъ. А въ данное время въ положеніи Венцеслава надо было явиться человѣку дѣятельному, неутомимому въ дѣлахъ. Такимъ именно дѣятелемъ былъ его отецъ и ему дѣйствительно удалось достигнуть многого; а Венцеславъ, напротивъ того, искалъ удовольствій, любилъ спокойствіе и удобства жизни; притомъ онъ со страстью предавался охотѣ, этому благоднѣйшему изъ всѣхъ видовъ ирраздности. По природѣ своей онъ неспособенъ былъ ни къ прямому и рѣшительному способу дѣйствій, ни къ рѣзкимъ вспышкамъ гнѣва; но это излишнее спокойствіе натуры вскорѣ и поставило его въ ложное положеніе по отношенію къ постоянно враждовавшимъ между собою различнымъ партіямъ въ королевствѣ, такъ какъ онъ поневолѣ обманулъ ихъ своекорыстныя упованія.

Придворныя увеселенія во времена Венцеслава. Охота въ XIV вѣкѣ.

Гипсовый слѣпокъ съ рѣзбы на слоновой кости, въ Германскомъ музеѣ въ Нюренбергѣ. Участвующія въ охотѣ дамы, по средневѣковому обычаю, держатъ на рукахъ соколовъ; одна кормить сокола, другая вабить отлетѣвшаго сокола вабилломъ. Стрѣльба производится изъ лука; олени закалываютъ мечомъ. Ручей, украшенный урной, видимо, долженъ указывать на то, что охота происходитъ въ паркѣ, а не въ лѣсу.

При вступленіи Венцеслава на престолъ федерація городовъ въ юго-западной Германіи стояла на высотѣ своего могущества. Въ договорѣ, заключенномъ въ Баденѣ 32 швабскими городами, къ которымъ присоединились и кое-кто изъ князей, выражено было уже полное признаніе *швабскаго союза городовъ* политической единицею (1381), и это—въ такой моментъ, когда именно началось сближеніе между этой федераціей и Ганзой. Сближеніе это не состоялось, но зато въ томъ же году нѣсколько отдѣльныхъ городскихъ союзовъ слились во-едино, такъ что число участвующихъ въ этомъ общемъ союзѣ городовъ достигло 70; съ удивительною энергіею, хотя и далеко не всегда на законномъ основаніи, города продолжали дѣло уничтоженія рыцарскихъ замковъ. Было совершенно ясно, что рыцарству не подъ силу было съ городами бороться; и весь вопросъ сводился къ тому, гдѣ именно окончится это побѣдоносное шествіе городовъ, такъ какъ воспрещеніе городскихъ союзовъ, провозглашенное Золотою буллою, оставалось по меньшей мѣрѣ мертвою буквою. Опасность этого положенія, въ особенности по отношенію къ владѣтельнымъ князьямъ, ничуть не уменьшалась отъ того, что и рыцари тоже пытались сплотиться въ союзы и отплачивали городамъ зломъ за зло:—эти *рыцарскіе союзы*, всюду возникавшіе въ данное время подъ самыми разнородными наименованіями, должны были представляться князьямъ не менѣе опасными, нежели и городскіе союзы. Пришлось тогда и князьямъ прибѣгнуть къ тому же средству. Въ 1383 г., на сеймѣ въ *Нюренбергѣ*, императоръ, нѣкоторое число владѣтельныхъ князей и всѣ курфюрсты соединились въ *союзъ мира*, на 12-ти-лѣтній срокъ, и императоръ приказалъ, чтобы всѣ приступили къ этому союзу, а отъ всякихъ иныхъ отказались, такъ какъ «общій миръ» долженъ былъ распространяться на всю имперію. Это не повело ни къ чему, и Венцеславу пришлось еще разъ возобновить свой призывъ князей къ союзу, годъ спустя, на новомъ

Союзы внутреннего мира.

съѣздѣ въ *Гейделбергѣ*, и на этотъ разъ на призывъ его откликнулись очень многіе. Подобный союзъ мира оказался какъ нельзя болѣе глупымъ въ томъ именно смыслѣ, что около того времени (1385 г.) въ *Констанцѣ* состоялся давно ожидаемый и вызывавшій общія опасенія князей союзъ между швабскими и швейцарскими городами (онъ заключалъ въ себѣ 55 швейцарскихъ, швабскихъ и рейнскихъ городскихъ общинъ), главнымъ образомъ направленный противъ возрастающаго могущества Австріи.

Битва при
Земпахъ.
1386.

Однакоже этотъ обширный союзъ оказался далеко не въ такой степени грознымъ, какъ первоначально казался. Когда въ слѣдующемъ, 1386 г., верхне-нѣмецкіе города изготовились къ борьбѣ противъ Габсбурга, то Швейцарцы стали медлить, а когда уже начались непріязненные дѣйствія между Австріей и Швейцарцами—нѣмецкіе города, въ свою очередь, не выполнили *Констанцскаго договора*,—не подали немедленной помощи, а скорѣе выказали паклонности къ примиренію. Это ободрило смѣлаго герцога австрійскаго Леопольда (VIII) къ тому, чтобы нанести тяжкій ударъ Швейцарцамъ, тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ себѣ горячихъ сторонниковъ и союзниковъ среди рейнскихъ рыцарствъ и даже въ средѣ патриціата союзныхъ городовъ, покинувшихъ ихъ во время послѣднихъ смутъ. Всего подъ знаменами Леопольда собралось не менѣе 10,000 человекъ рыцарей съ ихъ свитою, и настроеніе въ этомъ войскѣ было весьма бодрое и воинственное. Однакоже оказалось, что ихъ свѣдѣнія о непріятелѣ были несовсѣмъ вѣрны: при люцернскомъ городѣ *Земпахъ*, въ самый полдень жаркаго іюльскаго дня, имъ пришлось принять битву. Такъ какъ биться приходилось съ нѣшею ратью, то рыцари, по своему обычаю, сбѣжились, сняли съ обуви своей желѣзные наконечники и образовали изъ себя непроницаемую фалангу, которая отовсюду выдвигала впередъ остріе своихъ копій. Союзное швейцарское войско было значительно менѣе войска рыцарскаго, но, по видимому, лучше подготовлено и удобнѣе вооружено для битвы, въ іюльскій зной, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ рыцарей просто задыхались въ своемъ доспѣхѣ; при этомъ Швейцарцы по древне-германскому обычаю построились *клиномъ*. Долго не удавалось имъ пробить лѣсъ копій; наконецъ,—такъ по крайней мѣрѣ гласитъ преданіе, болѣе или менѣе достоверное,—это удалось, благодаря подвигу Унтервальденца, *Арнолда Винкелрида*, который, будучи высокъ ростомъ и силенъ, пожертвовалъ жизнью своею, чтобы пробить фалангу и паденіемъ своимъ проложилъ «дорогу» Швейцарцамъ. Фаланга была разбѣяна; завязалась битва въ одиночку, боецъ противъ бойца, въ которой конечно рыцари были связаны своимъ вооруженіемъ, не приспособленнымъ для одиночнаго, пѣшаго боя, и битва приняла оборотъ весьма неблагоприятный для Австрійцевъ. Многіе изъ рыцарей настаивали, чтобы герцогъ Леопольдъ спасался, но этотъ храбрецъ не пожелалъ и думать объ этомъ; спасая отъ рукъ непріятеля австрійское знамя, герцогъ былъ убитъ. 600 графовъ, бароновъ, рыцарей и ихъ челядинцевъ, и много простыхъ воиновъ покрыли своими тѣлами поле битвы; по другимъ источникамъ, 400 рыцарей и 200 поселянъ пали въ этой битвѣ. И такъ, граждане и крестьяне еще разъ одержали побѣду надъ рыцарскимъ войскомъ. Казалось, наступила минута, весьма благоприятная для того, чтобы окончательно сломить силу дво-

М. Х. Купалъ, 1885 г.

Битва при Земпахъ: рыцери среди сѣчи. Миниатюра 1385 года, изъ рукописи „Всемирной хроникѣ“ Рудольфа Гогеншлага, хранящейся въ Насельской библиотекѣ.

Живо представляетъ намъ тогдашнее весьма тяжелое и неудобное рыцарское вооруженіе, состоявшее изъ сплошной брони, и тѣмъ самымъ поясняетъ намъ пораженіе, нанесенное австрійскому рыцарству при Земпахъ.

рянства и знати во всей Верхней Германіи, а значеніе бюргерства поставить на твердую основу, но этою минутою не успѣли воспользоваться. Городамъ недоставало выдающагося вожда, недоставало единичной воли: легко можетъ быть, что въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ даже и подкупъ, но, какъ бы то ни было, мы знаемъ, что именно со стороны швабскаго союза явились попытки завязать переговоры, попытки посредничества, направленнаго къ примиренію враждующихъ сторонъ. Однимъ словомъ, выказалась старинная, весьма объяснимая неспособность демократіи къ какой бы то ни было широко задуманной внѣшней политикѣ. И вотъ, въ то самое время, когда, по истеченіи перемирія, въ апрѣлѣ 1388 года, Швейцарцы одержали еще другую, гораздо болѣе славную побѣду при *Нэфельсѣ* (въ кантонѣ *Гларусѣ*) надъ значительно-превосходившими ихъ въ числѣ австрійскими войсками, послѣдствіемъ чего было заключеніе мира между Габсбургскимъ домомъ и Швейцарцами, въ Цюрихѣ, — на верхне-германскіе города вдругъ обрушилась страшная катастрофа.

Битва при
Деффин-
енѣ. 1388.

Въ 1387 г. король Венцеславъ, недовольный князьями, сталъ снова запекивать въ сближеніи съ городами, предполагая въ нихъ найти опору своей власти. Его приближенные, на одномъ изъ съѣздовъ, выступили даже и посредниками между князьями и городами, настаивая на продленіи срока Гейдельбергскаго соглашенія. Но точтася же вслѣдъ за этимъ баварскій князь выказалъ себя съ самой дурной стороны: — заманивъ къ себѣ на съѣздъ архіепископа Пилигрима Зальцбургскаго, состоявшаго въ тѣсной связи съ городскими союзами, онъ безчестно захватилъ его въ плѣнъ со всею его свитою. Тогда возгорѣлась война, въ которой города выступили съ одной стороны, а съ другой выступили противъ нихъ графъ Эбергардъ Вюртембергскій, бурграфъ Нюренбергскій Фридрихъ V, маркграфъ Баденскій и многие изъ знати. Рѣшительная битва произошла при вюртембергской деревнѣ «*Деффингенъ*» (авг. 1388 г.) и горожане уже склоняли побѣду на свою сторону, когда неожиданная помощь, подоспѣвшая на выручку графу Эбергарду, рѣшила битву. Города потерпѣли страшное пораженіе. Враги разсыпались всюду, все опустошая и грабя, — сумятица поднялась ужасная. Бились всюду и успѣхъ колебался то на ту, то на другую сторону. Наконецъ, эта безконечная усобица всѣмъ надоѣла. По требованію государственныхъ чиновъ и сословій, король Венцеславъ выступилъ защитникомъ порядка и благоустройства государственнаго, и на съѣздѣ въ *Эгертъ* (май 1389 г.) всѣ частные союзы и коалиціи были еще разъ воспрещены и на мѣсто ихъ учрежденъ общій *союзъ мира*, въ составъ котораго вступили Швабія, Баварія, Фраконія и Гессенъ, Тюрингія и верхне-рейнскіе города. Этотъ союзъ, хотя и ничѣмъ не обезпечивалъ общій миръ въ государствѣ, все же нанесъ большой ущербъ значенію городовъ. Единственнымъ осязательнымъ успѣхомъ *Эгерскаго соглашенія* можно было признать то, что въ случаѣ неизбѣжной внутренней усобицы, обѣимъ враждующимъ сторонамъ предписывалось: не касаться церкви и духовенства, не разорять мельницъ, полей и виноградниковъ, не разрушать дорогъ; всѣ разрушители этихъ положеній должны быть признаваемы разбойниками, а потому и поступлено должно быть съ ними, какъ съ разбойниками.

Эгерскій
союзъ мира.
1389.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій этой долгой междоусобной войны и сопровождавшихъ ее опустошеній, было общее финансовое истощеніе и задолженность. Легчайшимъ средствомъ избавленія отъ этого бѣдствія

представлялось, конечно, объявленіе общаго банкротства, которое и послѣдовало, сообразно условіямъ и понятіямъ того времени, въ наглубѣйшей формѣ. Сообразно одному изъ рѣшеній Нюрнбергскаго сейма 1390 г. король приказалъ *Евреямъ* (не слѣдуетъ забывать, что, по современнымъ юридическимъ понятіямъ, они и все ихъ имущество составляли собственность казны священной римской имперіи) выдать всѣ находившіеся въ ихъ рукахъ залоги и долговья обязательства. Само собою разумѣется, что, при этой операціи, на его долю выпала львиная доля барышей; за исключеніемъ города Франкфурта, всѣ были очень довольны такимъ упрощеннымъ

„S(igillum) pacis per d(omi)n(u)m Wentzeslav(um) Romanoru(m) et Boemie rege(m) ordi(n)ate. Печать „союза мира“, учрежденнаго королемъ Венцеславомъ.

способомъ погашенія долговъ, который всѣми, при первой возможности, объявлялся тѣми ростовщическими процентами, которые будто бы взымались Евреями, да и должны были взыматься съ такихъ плательщиковъ. Конечно, Евреи должны были подчиниться правительственному распоряженію, и подчинились: но само собою разумѣется, что немного спустя, послѣ этого финансоваго оборота, дѣла оказались въ томъ же самомъ положеніи, какъ и прежде.

Между тѣмъ какъ всѣ эти междоусобныя войны положили конецъ политическимъ планамъ, которые были связаны съ городскими федераціями на Югѣ,—на Сѣверѣ дѣла также приняли оборотъ, который въ значительной степени ослабилъ смѣлый и быстрый ходъ развитія ганзейской политики. Споръ изъ-за престолонаслѣдія, въ которомъ выдающаяся роль выпала на долю *Маргариты*, дочери Вальдемара IV, женщины замѣчательно умной—взволновалъ весь сѣверный міръ и внесъ даже разладъ въ самую среду ганзейскихъ городовъ. Союзникъ этихъ городовъ, избранный Шведами въ король Альбрехтъ Мекленбургскій, въ 1388 г. попался въ руки Маргариты, и только Стокгольмъ не покорялся этой сѣверной Семирамидѣ. Для того, чтобы избавить этотъ тѣснымый Маргаритой городъ отъ опасности, города Ростокъ и Висмаръ выдали отъ себя калерскія свидѣтельства мореходамъ, и это опасное средство повело

Перемѣна на Сѣверѣ.

къ быстрому развитію морского разбойничества въ Балтійскомъ и Иѣ-
мецкомъ морѣ. Пираты—такъ-называемыя «продовольственныя» братства—
выполнили свою ближайшую задачу, т. е. снабдили Стокгольмъ жизнен-
ными припасами, но нанесли вмѣстѣ съ тѣмъ страшный ущербъ торго-
вому мореходству. Тогда Ростокъ и Висмаръ—въ видѣ кары—подверглись
исключенію изъ состава Ганзейскаго союза. А между тѣмъ бѣдствія на
морѣ продолжались даже и послѣ 1395 г., когда король Альбрехтъ былъ осво-
божденъ: пираты утвердились въ г. Визби, на Готландѣ, и продолжали
наводить ужасъ на всѣхъ купцовъ и корабельщиковъ Сѣвера. Наконецъ,
уже въ 1397 г. королевѣ Маргаритѣ, супругѣ норвежскаго короля Га-
кона, удалось въ *Кальмарѣ* скрѣпить три скандинавскія державы въ одинъ
общій союзъ, которымъ было поколеблено господствующее положеніе Ганзы
на Сѣверѣ. Около того же времени (1386) брачный союзъ литовскаго
великаго князя *Ягелло* съ наследницею польской короны, Гедвигой, по-
ложилъ предѣлъ дальнѣйшему возрастанію и распространенію Тевтонскаго
ордена въ Пруссіи. Само собою разумѣется, что въ теченіе этого періода
смуть и войны Сѣверъ не принималъ никакаго участія въ развитіи и
ростѣ государственнаго строя Германіи.

Трое Люк-
сенбург-
цевъ.

Тотъ же, весьма низкій уровень общественной нравственности, какой
мы уже видимъ въ вышеупомянутой мѣрѣ относительно Евреевъ, прояв-
лялся и въ событіяхъ, напоминающихъ вторую половину правленія короля
Венцеслава. Карлъ IV, согласно принятому обычаю, раздѣлил огромныя,
накопленныя имъ земельныя владѣнія, между своими тремя сыновьями,
и притомъ такъ, что старшій, Венцеславъ, получилъ Богемію и Силезію,
большую часть Лужицкой марки, кое-какія мелкія владѣнія, *Сигизмундъ*—
марку Бранденбургскую, *Іоаннъ*—остальную часть Лужицкой марки, а
Моравія выпала на долю сыновей умершаго Іоанна-Генриха, племянни-
ковъ Венцеслава. Сигизмундъ, наиболѣе способный изъ братьевъ, женился
въ 1380 г. на княжнѣ Маріи, дочери Лудвига Великаго, короля Венгерскаго
(1324—1382):—послѣ смерти тестя онъ и добился того, что былъ
провозглашенъ королемъ Венгерскимъ (1387). Между тѣмъ слабый Вен-
цеславъ ввязался въ нескончаемыя распри и борьбу съ племянниками
своими, изъ которыхъ одинъ особенно ловко умѣлъ воспользоваться слабостью
его характера и неумѣнъ ладить со знатно и высшими представите-
лями духовенства. По поводу извѣстнаго злодѣянія, совершеннаго Венце-
славомъ—а именно: утопленія достойнаго священнослужителя Яна Непо-
мука въ Молдавію—вся богемская знать встала противъ короля, а къ
мятежникамъ примкнули и его племянники, Моравскіе князья. Они даже за-
хватили Венцеслава въ плѣнъ и держали его нѣкоторое время въ заточеніи.
Хотя онъ и былъ изъ него избавленъ курфюрстами, по настоянію
брата своего Іоанна, однакоже, всѣ должны были прійти къ убѣжденію,
что слабому Венцеславу не пристало быть во главѣ государства, въ осо-
бенности въ такую пору, когда съ юго-востока на Европу надвигалась серьез-
ная опасность, въ видѣ быстро возрастающаго могущества *Османскихъ Ту-
рокъ*, уже наводнившихъ своими полчищами владѣнія Византійской имперіи.

Изложеніе
Венцеслава.

Тогда курфюрсты, согласившись между собою и заручившись поддержкою
многихъ князей и Майнцскаго архіепископа Іоанна (изъ Пассаускаго

Изображеніе Рупрехта и его супруги, съ ихъ надгробія въ церкви Св. Духа въ Гейдельбергѣ.

На гробницѣ ихъ надпись:

Rupertus Bavariae dux, Comes Rheni Palatinus, Romanorum rex justus, pacis et religionis Amator, Rупрехтъ, герцогъ Баварскій, пфальцграфъ Рейнскій, правосудный король римскій, мира и благочестія другъ, dignus Deo visus qui pro justitia pateretur, hujus sacrae aedis, et collegii institutor, hic cum Bогу показавшійся достойнымъ пострадать за правду, основатель сего Св. Храма и коллегіи, покоится здѣсь, castissima coniuge Elisabetha Norici montis Burgavia quiescit; (defunctus anno Christi MCCCXX. Kal.: со своею добродѣтельнѣйшею супругою Елисаветою, бургграфиней Шюренбергскою; скончался въ годъ отъ Junii XV.

Р. Хр. 1410, въ 15 день передъ календами Юна (18 Маа).

дома)—рѣшили пригласить короля Венцеслава на княжескій съѣздъ въ *Оберлаништейнъ*, дабы онъ могъ тамъ оправдаться передъ князьями отъ многихъ взводимыхъ на него обвиненій. Когда же онъ на судъ не явился (какъ того и слѣдовало ожидать), то князья объявили его лишеннымъ престола и въ король былъ избранъ весьма искусственно подготовленнымъ большинствомъ пфальцграфъ *Рупрехтъ III* (январь 1401 г.). Никто изъ братьевъ короля Венцеслава, конечно, не рѣшился выступить въ защиту его, тѣмъ болѣе, что самый могущественный изъ нихъ, Венгерскій король Сигизмундъ въ это время не успѣлъ еще оправиться отъ страшнаго пораженія, которое нанесли ему Турки подъ *Никополемъ* (1396 г.) и которое грозило близкимъ погромомъ всему его королевству.

Правленіе
Рупрехта.

Печальное правленіе Рупрехта, въ сущности человѣка весьма способнаго и доброжелательнаго, длилось десять лѣтъ, но не привело ни къ какому результату. По счастью, ни онъ, ни Венцеславъ—не обладали порядочной силой для того, чтобы затѣять настоящую борьбу за обладаніе короной. Затѣмъ, побуждаемый кое-какими упованіями на возможность усиленія своего значенія и власти, Рупрехтъ попытался было двинуться въ Италію за полученіемъ императорской короны, но близъ *Брешіи* не могъ выдержать битвы даже съ наемнымъ войскомъ Іоанна Галеаццо Висконти и вынужденъ былъ вернуться въ Германію, гдѣ уже встрѣтилъ весьма серьезнаго противника, въ лицѣ Сигизмунда. Оправившись нѣсколько отъ понесеннаго имъ пораженія, Сигизмундъ, совладавъ съ нѣкоторыми внутренними неурядицами въ Венгріи, принялся со свойственною ему энергіей за дѣло, близко касавшееся чести его дома. Онъ принялъ на себя бразды правленія въ Богеміи, посадилъ брата своего Венцеслава въ заточеніе, вступилъ въ тѣсныя связи съ Габсбургскимъ домомъ. Вскорѣ король Рупрехтъ утратилъ всякое значеніе въ глазахъ князей; всѣ усилія его—возстановить поколебленный порядокъ во внутреннемъ строѣ Германіи—не приводили ни къ чему... Его же собственные сторонники возстали противъ него, и среди начавшихся смуть онъ скончался (1410 г.), къ чести его сказать—усиленно занятый заботами объ уплатѣ своихъ личныхъ долговъ.

1410. Три
короля.
Избраніе
Сигизмунда.
1411.

Поднялась невѣроятная сумятица, легко указывавшая на то, что давно уже нуженъ былъ во главѣ правленія человѣкъ умный и властный. Партіи разбушевались до того, что во Франкфуртѣ, на съѣздѣ 1410 г. избрано было разомъ три короля, и всѣ трое изъ Люксембургской династіи: Венцеславъ, Сигизмундъ, и ихъ племянникъ, одинъ изъ Моравскихъ князей. По счастью, послѣдній изъ этихъ претендентовъ вскорѣ скончался, а братья пришли между собою къ соглашенію, по которому всѣ Люксембургскія владѣнія, съ Моравіей включительно, были между ними вновь подѣлены, и Сигизмундъ обязался не добиваться, при жизни Венцеслава, римской императорской короны. Къ этому соглашенію присоединились и всѣ курфюрсты и въ іюль 1411 г. *Сигизмундъ* былъ единогласно избранъ въ король на новомъ Франкфуртскомъ съѣздѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внѣ-германскія государства до начала XV столѣтія.—Церковныя отношенія.—Джонъ Виклифъ въ Англіи.

Если, при изложеніи исторіи Среднихъ вѣковъ,—разумѣя подъ нею періодъ отъ возникновенія германскаго владычества на итальянской почвѣ и до такъ-называемой нѣмецкой реформаціи,—мы принимаемъ Германію за центръ, а рассматриваемъ прочія земли и народности въ мѣрѣ и степени ихъ тяготѣнія къ ней, то это оправдывается вполнѣ за то время, въ которое Римская имперія осуществляла собою идею связующую водно всю европейскія государства. Нельзя умалять значенія нравственной, цивилизующей силы этой идеи. Она сообщала европейскимъ народамъ чувство солидарности, — общей принадлежности къ одному политическому цѣлому на основѣ христіанской вѣры, поддерживая, съ тѣмъ вмѣстѣ, сознаніе связи съ прошедшимъ, что составляетъ не менѣе важный моментъ и средство для преусиленія челоуѣчества на пути къ высшему духовному развитію. Съ другой стороны, способствовала этому единенію церковная идея, и даже въ болѣе глубоко проникающей степени: благодаря католическому вѣроисповѣданію, всѣ европейскіе народы чувствовали себя чѣмъ-то единымъ и, въ то же время—звеньями цѣпи, тянувшейся изъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ. Понятіе о томъ, что императорская корона могла получаться лишь въ Римѣ, и коронованіе могло совершаться лишь высшимъ представителемъ церковнаго единства, имѣло свой хорошій и глубокой смыслъ. Историческія событія предоставили германскимъ королямъ ближайшее право на эту корону, изъ чего истекало ихъ близкое соотношеніе съ Италіей; поэтому, исторія Европы оставалась долгое время продолженіемъ исторіи Римскаго государства,—и это справедливо особенно въ смыслѣ исторіи Германіи.

Но въ ту эпоху, которую мы разбираемъ теперь, было уже не то. Названіе Римской имперіи еще сохранялось; то одинъ, то другой изъ германскихъ королей, правившихъ съ 1273 по 1410 г., получали императорскій титулъ обычнымъ порядкомъ; но этотъ титулъ сообщалъ уже лишь достоинство, почетное положеніе, налагалъ извѣстныя почетныя обязательства, не даруя дальнѣйшихъ правъ и могущества. Прочіе короли—уже такіе же государи, какъ и этотъ императоръ. Другія государства: Англія, Франція, Швеція, Польша и пр., успѣли, кто болѣе, кто менѣе, достигнуть дѣйствительнаго государственнаго единства, а на основѣ

Римское государство въ XIV столѣтіи.

его, и національнаго сознанія; иногда, наоборотъ, сильное развитіе этого національнаго чувства способствовало созданію твердаго государственнаго единства. Но Германія и Италія не дорастали до этого, и главная вина тому заключалась именно въ всеобъемлемости притязаній, заявляемыхъ императорствомъ и папствомъ на почвѣ своихъ правъ.

Востокъ.
Византій-
ская импе-
рія.

Необходимо, поэтому, взглянуть именно съ этой точки зрѣнія на достиженіе главнѣйшими европейскими народами своей національной государственности,—весьма несовершенной, разумеется, по нашимъ современнымъ понятіямъ. Старѣйшее изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ, восточно-римское или византійское, имѣеть здѣсь мало значенія: хотя, порою, казалось, что Крестовымъ походамъ суждено послужить къ сближенію западныхъ народовъ съ христіанскимъ населеніемъ этихъ древнихъ странъ, но, на дѣлѣ, окончательнымъ послѣдствіемъ того было лишь возросшее еще отчужденіе Запада отъ Востока. Въ 1261 г., императоръ Михаилъ VIII вернулся въ Константинополь, слѣдовательно, возвратилъ себѣ корону; старавія его къ воссоединенію съ латинскою церковью, желательному съ извѣстной политической стороны, повели лишь къ бурнымъ вспышкамъ сопротивленія въ средѣ народа и духовенства, и сынъ Михаила, Андроникъ (1282—1328), былъ вынужденъ уничтожить все слѣды этихъ несчастныхъ попытокъ къ сближенію. Въ Малой Азіи, могущество османскихъ турокъ весьма возрастало; населеніе и правительство были уже не въ силахъ противустоять воинственному пылу этихъ варваровъ; а тѣ средства, которыя, по необходимости, были употреблены противъ нихъ, обратились сами во вредъ большому и одряхлѣвшему государственному организму. Итальянскіе и испанскіе наемники византійскихъ императоровъ, извѣстные подъ именемъ «каталанцевъ», навели, дѣйствительно, страхъ на турокъ, подъ начальствомъ своего вождя, Рожера де-Флоръ, но оказались не менѣе грозными и для собственныхъ подданныхъ имперіи. Обыкновенное средство слабыхъ, коварное убійство Рожера и его свиты въ Адрианополь (1307), послужило лишь къ тому, что его отряды основали въ Галиполи свое собственное военное или наемническое государство, умѣя вознаграждать себя вполнѣ за недоплаченное жалованье и за презрѣніе, которое питали къ нимъ жители, обзывавшіе ихъ богохульниками и «варварами». Старые безпорядки продолжались; Андроникъ былъ лишенъ престола (1328) и неудивительно, если уже при его преемникѣ, Андроникѣ III, османы проникли въ Малую Азію и Урканъ, сынъ Османа (1326—1359) укрѣпилъ свое владѣтельство въ Бруссѣ. Пріязнь или вражда османовъ имѣли уже большой вѣсъ въ Византіи. При Мурадѣ I (1360), турки взяли Адрианополь и падишахъ избралъ его своей резиденціей, — назначая столицу, слѣдовательно, уже на европейской землѣ. При наступающей ближе и ближе опасности, Іоаннъ V Палеологъ возобновилъ переговоры съ папой, въ надеждѣ на помощь съ Запада. Онъ отправился лично въ Римъ (1369) и былъ готовъ отступить отъ догматовъ, признающихъ Св. Духа исходящимъ лишь отъ Отца, а не отъ Отца и Сына, отъ употребленія прѣснаго хлѣба при таинствѣ причащенія и другихъ разногласій, разъединявшихъ восточную Церковь отъ западной. Снова возникла проповѣдь на защиту Креста, но папа не властвовалъ уже попрежнему

надъ умами народовъ; онъ воротился въ Авиньонъ и было уже недалеко то время, когда папское единовластіе,—которое одно поддерживало еще, въ извѣстной степени, связь между западными народами, — должно было ослабѣть, и надолго.

Послѣднимъ подвигомъ Мурада было пораженіе Сербовъ подъ Коссовой (1389). Сынъ его, Баязеть (1389—1402), продолжалъ его завоеванія. Онъ покорилъ Болгарію, Молдавію и Валахію, Фракію, Македонію, усилилъ боевыя средства своего побѣдоноснаго варварскаго народа новымъ войскомъ «иени-чери (янычары)», ставшимъ вскорѣ самую грозную частью его арміи. Строй воинственнаго государства былъ очень простъ: по завоеваніи какой-либо области, она дѣлилась на лѣны между вождами, но безъ наслѣдственной передачи, такъ что не создавалось дворянства, которое могло бы стать опаснымъ для абсолютизма владыки. Каждый должень былъ начинать съ низшей ступени; но каждый владѣлецъ лѣна, каждый «тимарь», должень былъ быть готовымъ къ священной войнѣ; объ обработкѣ земли собственнымъ трудомъ въ покоренной землѣ не могло быть и рѣчи между этими варварскими завоевателями. Все держалось простою военной организаціей. Повелѣніе верховнаго властителя передавалось двумъ беглербеямъ, европейскому и азіатскому; отъ нихъ оно шло къ беямъ санджаковъ, отъ тѣхъ къ алайбеямъ, вождамъ отрядовъ или сіаметамъ, и черезъ нихъ къ отдѣльнымъ начальникамъ (тимарли); всѣ тотчасъ же садились на коней и соединялись въ полчище, являвшееся всеокрушающимъ орудіемъ въ рукахъ верховнаго деспота. Сверхъ того, при главномъ войскѣ находились конные наемники, спахи, и вновь образованная пѣхота, янычары, набиравшаяся изъ отребья рода человѣческаго въ покоренныхъ странахъ. Оторванные съ дѣтства отъ родины, не имѣя съ ней связи, завися единственно отъ милости падишаха, они считали своей родиной только лагерь:—произволь властителя могъ низвергать ихъ во прахъ или же возвышать до верховнаго достоинства.

Ближайшей страной, которой угрожалъ теперь царствовавшій султанъ, по прозванію Эль-Деримъ,—Молніеносный, была Венгрія, въ которой, со смертію Андрея III (1301), угасъ родъ Арпада, а новая династія не могла еще утвердиться. Второй король изъ дома Анжу, сынъ Карла Роберта, Людовикъ Великій, усилъ, въ теченіе своего сорока-лѣтняго царствованія (1342—1382), ввести строгій порядокъ и законность въ государственной строй, при чемъ, вообще, королевство процвѣтало, не оставивъ послѣ себя сыновей, и власть досталась, послѣ долгихъ смуть, мужу его дочери, Сигизмунду Люксембургскому. Ему предстояла тяжелая задача дать отпоръ туркамъ, и онъ обратился, при этомъ, за помощію къ Западу. Дѣйствительно, пробудилось еще разъ нѣчто въ родѣ призыва къ Крестовому походу: отовсюду прибыли рыцари, англійскіе, нѣмецкіе, преимущественно же французскіе и бургундскіе; всѣ они, соединясь съ родосскими іоаннитамъ и мадыарскими, валахскими, болгарскими и сербскими воинственными племенами, составили общую армію въ 60,000 человѣкъ. Битва произошла близъ крѣпости Никопольскъ на правомъ берегу Дуная, которую обложилъ Сигизмундъ. Баязеть явился къ ней на выручку съ 200,000 арміей, и если французскіе рыцари похвалялись, въ

Османы.

Венгрія.
Бои при
Никопольскъ.
1396.

духъ кельтійскихъ предковъ своихъ, что смогутъ подпереть своими рыцарскими копьями небо, если-бы стало оно рушиться, то Байазеть, съ своей стороны, клялся, что обратитъ алтарь Св. Петра, въ Римѣ, въ стойло для своего коня. Западныя войска выказали въ полномъ блескѣ свою храбрость въ этой битвѣ при Никополѣ (1396). Благодаря рыцарямъ, особенно французскимъ, одна за другою отражались всѣ атаки, даже и произведенная янычарами. Но Байазеть выдвинулъ свой резервъ, 40,000 человекъ, и западныя войска не могли устоять; побѣда осталась за мусульманами; Сигизмундъ, тщетно старавшійся поправить дѣло, самъ спасся съ трудомъ. Между плѣнными попался въ руки турокъ шестнадцатилѣтній оруженосецъ, Гансъ Шильбергеръ, мюнхенскій уроженецъ, который былъ очевидцемъ страшной кровавой расправы разъяренного варварскаго султана съ военноплѣнными; та же участь ждала и юношу, но ему посчастливилось привлечь на себя взглядъ одного изъ принцевъ султанскаго дома, и онъ былъ помилованъ. Послѣ тридцатилѣтней, полной всякихъ приключеній жизни, этотъ пропавшій безъ вѣсти человекъ воротился въ Мюнхенъ (1427) и описалъ тогда свои похождения въ «бусурманщинѣ», на службѣ у султана. Знатные люди выкупались изъ плѣна; черезъ Венгрію потянулись вьючныя животныя съ дарами Карла VI французскаго: тутъ были сокола изъ Норвегіи, тонкія пологна изъ Реймса, ковры изъ Арраса съ затканными на нихъ событіями изъ жизни Александра Великаго; все это везлось въ столицу османскаго владыки. Но дальнѣйшихъ послѣдствій это поражение не имѣло, потому что Байазеть былъ вынужденъ послѣдствовать обратно на Востокъ, въ виду грозившей ему тамъ большой опасности, и потому воздержался отъ дальнѣйшихъ завоеваній въ Европѣ.

Среди славянскихъ восточныхъ земель достигло большого могущества королевство Польское. Особенно значительно было здѣсь правленіе Казимира Великаго (1333—1370), который озаботился защитить сельское населеніе противъ всевластія знати и содѣйствовалъ развитію городской жизни. Но положеніе страны было мало благоприятно для торговли, а нѣмецкій элементъ, которому Казимиръ весьма покровительствовалъ, не могъ укрѣпиться здѣсь, вслѣдствіе ненависти поляковъ къ нѣмцамъ; при этомъ, благодаря поддержкѣ князей и плохимъ экономическимъ порядкамъ въ дворянскихъ хозяйствахъ, всюду втерлись евреи, ставшіе помѣхой честному заработку и возможности обезпечить свое существованіе для крестьянъ. Но Казимиру удалось присоединить Галицію или Червонную Русь къ Польшѣ, а въ 1386 году произошло событіе, измѣнившее отношенія государствъ на востокъ и сѣверо-востокъ Европы ко вреду Германіи: Казимиру, не оставившему сыновей, наслѣдовалъ (1370) сынъ его сестры, Людовикъ Великій, Венгерскій; послѣ его смерти (1381) дворянство высказалось въ пользу его дочери, Гедвиги, которая была коронована въ Краковѣ (1384), но должна была отказаться отъ брака съ австрійскимъ принцемъ, герцогомъ Вильгельмомъ, въ силу того, что онъ былъ нѣмецкій, и вступила въ бракъ съ язычникомъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Ягелло, который, въ благодарность за это, принялъ христіанство со всѣмъ своимъ народомъ.

Такъ образовалось здѣсь могущественное государство, которое, прежде всего, должно было подавить Тевтонскій орденъ, побѣдоносно проникшій въ эти мѣста. Въ первыя пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего прибытія сюда (1226) орденъ велъ тяжелую борьбу съ упорствомъ населенія и съ трудно воздѣлываемою почвою при всѣхъ своихъ стараніяхъ положить здѣсь начало высшей культурѣ. Рыцари получали, при этомъ, лишь случайную помощь отъ монаховъ, переселенцевъ и большихъ или малыхъ владѣльцевъ, которые, при невозможности выполнить свои обѣты личнымъ участіемъ въ Крестовыхъ походахъ, замѣняли странствіе въ Святую Землю другимъ способомъ, въ сущности болѣе полезнымъ. При одномъ изъ такихъ походовъ сюда (1255), прибылъ и Богемскій король Оттокаръ, въ честь котораго былъ основанъ городъ Кёнигсбургъ или Кёнигсбергъ. Въ свитѣ его находился графъ Рудольфъ Габбургскій,—впослѣдствіи его побѣдитель.

Печать гроссмейстера Тевтонскаго ордена.

Изъ Королевскаго тайнаго государственнаго архива въ Берлинѣ.

Рыцари проникали далѣе въ страну, соединясь, съ 1237 г., съ небольшимъ орденомъ того же характера въ Лифляндіи: орденомъ Меченосцевъ. Въ томъ же году, любекскіе горожане основали городъ Эльбингъ. Благоразумные владѣтели областей давали такимъ закладываемымъ городамъ муниципальныя льготы (Кульмское право), и мало-по-малу, видъ страны измѣнялся: вмѣсто луговъ и пустырей появлялись города, церкви, села, обработанныя поля, гавани. Страна раздѣлилась на четыре епархія, но власть епископовъ не была опасна для ордена, потому что замѣщеніе епископскихъ кафедръ находилось въ его распоряженіи, и папа, оставаясь верховнымъ лэннымъ владыкою, уважалъ особенности строя этого монашескаго государства. Уже въ половинѣ XIII вѣка рыцари заключили родъ капитуляціи съ большинствомъ туземнаго населенія, поставивъ первымъ условіемъ введеніе христіанства въ странѣ. Каждый благородный пруссакъ могъ быть рыцаремъ, и въ 1283 г., при выселеніи послѣдняго туземнаго вождя въ Литву, борьба закончилась. Весьма важно было рѣшеніе, принятое главнымъ капитуломъ ордена въ Марбургѣ, въ 1309 г., и согласно которому, резиденція гроссмейстера ордена переносилась изъ Венеціи въ Пруссію, становившуюся, такимъ образомъ, мѣстомъ центральнаго управленія учрежденіемъ. Въ сентябрѣ того же года Зигфридъ фонъ-Фейхтвангенъ, бывшій въ то время гроссмейстеромъ, переселился въ Маріенбургъ. Орденъ занялся здѣсь дѣятельно обработкою земли, которая была раздѣлена на тридцать комтуровъ или административныхъ участковъ; были сдѣланы даже попытки разведенія виноградноя лозы на этой неблагоприятной почвѣ. Города Кульмъ, Торнъ, Эльбингъ, Данцигъ, служили культурными центрами для окрестности; ни крѣпостнаго права, ни евреевъ

здѣсь не было; благосостояніе страны возрастало, благодаря союзу городовъ съ Ганзою, и самый орденъ, правящая власть, занимался торговлей; но наступали уже времена, въ которыхъ должны были дать себя почувствовать внутренніе недостатки этого государства воинствующихъ монаховъ, не пустившаго живыхъ корней въ почву страны.

Главѣйшимъ моментомъ въ жизни скандинавскихъ государствъ, въ этотъ періодъ, были ихъ взаимныя отношенія и тѣ, въ которыхъ они находились къ нѣмецкой Ганзѣ. Съ развитіемъ культуры возрастало и неравенство владѣнія, знанія и власти, что послужило къ образованію дворянства,—на сколько оно могло, въ частности, образоваться здѣсь, — и затѣмъ возросла власть этого дворянства, каково бы оно ни было. Такъ происходило и въ отдаленнѣйшемъ изъ трехъ государствъ: Норвегін; но тутъ было лишь придворное и чиновное дворянство, и лѣны оставались ненаслѣдственными. Въ придворномъ штатѣ короля Магнуса (1263 — 1280) значатся герцоги, графы, бароны, намѣстники. Этому Магнусу было придано названіе «Законодателя» (Лагабетеръ); при его мирномъ и дѣльнымъ правленіи установился государственный строй. Но городской элементъ не имѣлъ большого значенія ни при немъ, ни при его ближайшихъ преемникахъ, Эрихѣ II (— 1299), Гаконѣ VII (— 1319), Магнусѣ V, Сmekѣ (— 1350), Гаконѣ VIII (— 1380), Олафѣ (— 1388). Лежащій въ благопріятной мѣстности, на юго-западномъ берегу, Бергенѣ, былъ главнымъ торговымъ городомъ въ странѣ, рѣдко населенной вообще, служившей мѣстожителемъ свободныхъ поселянъ, и не знавшей болѣе рабства. Норвегія не достигала никогда, въ отдѣльности, особеннаго значенія, такъ что представляется даже не-

Ландграфъ Конрадъ Тюрингенскій († 1241), въ орденской одеждѣ Тевтонскихъ рыцарей. Надгробный камень въ ц. Св. Елисаветы въ Марбургѣ.

Сѣверъ.
Скандинав-
скія госу-
дарства.
Норвегія.

обходимость смотрѣть на всѣ эти три сѣверныя государства не иначе, какъ на одно цѣлое. Въ XIV столѣтіи приготавлилось, дѣйствительно, подобное объединеніе, которое могло предоставить возможность этимъ тремъ народностямъ европейскаго Сѣвера, столь схожимъ между собою по своимъ существеннѣйшимъ свойствамъ и положенію, хорошимъ качествамъ и недостаткамъ, впервые получить большій вѣсъ въ общечеловѣческихъ судьбахъ.

Съ кончиною Гакона VII вымеръ древній норвежскій королевскій родъ. Въ это же время, въ Швеціи, Биргеръ, король изъ дома Фолькунгеровъ, враждовавшій съ своими двумя братьями и отплатившій имъ за прежнее предательство, тоже предательски умертвивъ ихъ, былъ изгнанъ изъ королевства противною партіей; спустя два года, сынъ его, наслѣдникъ престола, былъ незаконно казненъ подъ предлогомъ его участія въ преступленіяхъ отца; не оставалось болѣе никого, кромѣ несовершеннолѣтняго сына одного изъ умерщвленныхъ братьевъ, Магнуса Эрихсона, который считался королемъ уже съ 1319 г. и въ томъ же году унаслѣдовалъ и норвежскую корону, послѣ смерти дѣда своего, Гакона VII. Вначалѣ, въ обѣихъ странахъ были учреждены регентства; самостоятельно править сталъ Магнусъ съ 1333 г. Но Норвегія жаловалась на пренебреженіе его, такъ какъ Магнусъ предпочиталъ Швецію для своего пребыванія; вслѣдствіе этого, онъ назначилъ своего младшаго сына, Гакона, королемъ Норвежскимъ (1350). Этотъ Гаконъ VIII лишилъ престола своего отца (1361) и соединилъ Швецію и Норвегію подъ свою власть на короткое время; потомъ онъ снова помирился съ отцомъ. Въ 1363 г., другая партія, въ Стокгольмѣ, избрала въ короли герцога Альбрехта Мекленбургскаго, который продержался тоже нѣкоторое время.

Третье государство, Данія, имѣло болѣе непосредственное значеніе для прочей европейской исторіи, преимущественно же для германской. Мы знаемъ уже о столкновеніяхъ Даніи съ нѣмецкой Ганзой, объ ея счастливой и несчастливой войнѣ, и о мирѣ, заключенномъ въ 1371 г. и знаменующемъ собою высшій расцвѣтъ ганзейскаго могущества. Въ 1363 г., Вальдемаръ IV выдалъ свою одиннадцатилѣтнюю дочь, Маргариту, за Гакона Норвежскаго. Этой женщинѣ удалось—хотя тоже не надолго—составить федерацію или союзъ трехъ народностей. Вальдемаръ IV умеръ въ 1378 г., послѣ шестидесятилѣтней жизни, обильной смѣлыми замыслами и весьма искусными проектами, тревожно-дѣятельной, но, въ сущности, совершенно безплодной. Государство раздѣлилось на Мекленбургскую и Норвежскую партіи. Королемъ былъ избранъ Олуфъ, сынъ Гакона и Маргариты, которая была назначена регентшей; Ганза признала Олуфа за Датскаго короля. Въ 1380 г. умеръ его отецъ, Гаконъ, король Норвежскій; Олуфъ получилъ его корону; онъ сталъ подписываться: «Король Даніи и Норвегіи и дѣйствительный наслѣдникъ шведскаго престола», но умеръ въ 1387 г., не достигнувъ еще совершеннолѣтія,—ему шелъ семнадцатый годъ. Королева Маргарита, заявившая себя хорошей регентшей, была признана въ обоихъ королевствахъ «княгинею и основательницею государства», безъ королевскаго титула, который былъ опущенъ. Она повела войну съ Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, королемъ Шведскимъ, который потерпѣлъ пораженіе при Фальклингѣ (1389), былъ

Швеція.

Данія.
Кальмарская
унія. 1397.

взять въ плѣнь и просидѣлъ семь лѣтъ въ Линдгольмской тюрьмѣ. Но Стокгольмъ долго сопротивлялся королевѣ и, какъ мы уже видѣли, Мекленбургскіе герцоги и города Висмаръ и Ростокъ вызвали, при этомъ случаѣ, позорныя и пагубныя безчинства пиратовъ. Король Альбрехтъ былъ освобожденъ въ 1395 г., благодаря посредничеству Ганзы. И тогда Маргарита достигла, безъ дальнѣйшихъ затрудненій, высокой цѣли, къ которой стремилась,—соединенія трехъ сѣверныхъ государствъ. Она хотѣла утвердить наслѣдіе всѣхъ ихъ за дѣтьми своей племянницы Маріи, супруги одного Померанскаго герцога; въ Давіи и Норвегіи былъ призванъ будущимъ королемъ ея внучатный племянникъ, четырнадцатилѣтній Эрихъ. То же произошло и въ Швеціи: въ шведскомъ городѣ Кальмарѣ (Смеландъ) были созваны на сеймъ чины всѣхъ трехъ королевствъ, и здѣсь (1397) былъ заключенъ знаменитый договоръ о соединеніи, согласно которому всѣми тремя государствами долженъ былъ править одинъ король, при чемъ, однако, каждое изъ нихъ сохраняло свои законы и свое судебное право. Всякая вражда между тремя королевствами прекращалась; иностранныя сношенія и войны велись сообща; общимъ было тоже избраніе короля, но оно должно было ограничиваться королевскими сыновьями; въ случаѣ, если король умиралъ бездѣтнымъ, мѣсто его заступалъ «достоинѣйшій», по общему выбору.

Въ этомъ документѣ значилась большая держава отъ Ледовитаго моря и до Одера; такимъ образомъ, здѣсь расширенію Германіи былъ положенъ предѣлъ, подобно тому, какъ и на ея восточныхъ границахъ.

Въ числѣ государствъ Западной Европы, мы можемъ не упоминать пока о находившихся на Пиринейскомъ полуостровѣ, потому что они заняли самостоятельное положеніе въ ходѣ историческихъ событій лишь въ XV столѣтіи. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію великихъ событій этого столѣтія, необходимо указать на развитіе Англійскаго и Французскаго государствъ, оказавшихъ большое вліяніе на ходъ всемірной исторіи, а въ особенности—на знаменательное направленіе, принятое церковными дѣлами.

Идея національнаго государства нашла ревностнаго поборника, какъ мы уже видѣли, въ томъ Филиппѣ Красивомъ, о столкновеніи котораго съ папой Бонифаціемъ VIII было рассказано выше. Вслѣдствіе этой борьбы, ему удалось овладѣть, нѣкоторымъ образомъ, самимъ папствомъ, и папа Климентъ V, возведенный имъ въ папы и долго пребывавшій во Франціи, служилъ ему орудіемъ противъ могущественнаго и богатаго ордена Тамплиеровъ, бывшаго до того времени однимъ изъ главныхъ столповъ и украшеніемъ господствовавшей церковной системы, и олицетворявшаго собою самый блестящій періодъ церковнаго владычества. Пребываніе на Востокѣ, общеніе съ Сарацинами, политическая и иная безнравственность, царившая въ тѣхъ христіанскихъ колоніяхъ еще со временъ Крестовыхъ походовъ, непотрѣныя богатства, которыми пользовался орденъ, на ряду съ сравнительною праздною, на которую обрекало рыцарей безнадежное положеніе дѣлъ въ Святой Землѣ, — все это, несомнѣнно, произвело неблагоприятное вліяніе на духъ и нравы этой рыцарской общины, при чемъ занимаемое орденомъ высокое положеніе развило до

Западныхъ государствъ. Франція.

Филиппъ Красивый и орденъ Тамплиеровъ.

крайности высокомеріе и распущенность въ средѣ этихъ рыцарей. Ходили прискорбные слухи о тайномъ отрицаніи ими и поношеніи святынь, объ ихъ ужасныхъ кощунствахъ, чудовищныхъ обрядахъ, языческихъ жертвоприношеніяхъ и противуестественныхъ порокахъ. Король, которому уже недостаточно было его обыкновенныхъ финансовыхъ мѣръ (обирания евреевъ и операциі съ чеканкой монеты) воспользовался этими слухами для начала судебного преслѣдованія, которое лишь прикрывалось личною религіозною усердія, но было задумано единственно по политическимъ и финансовымъ соображеніямъ, порожденнымъ властолюбіемъ и корыстью. Король могъ при этомъ вполне надѣяться на такого союзника, который приходитъ всегда на помощь при уличеніяхъ и преслѣдованіяхъ, касающихся религіозныхъ вопросовъ: мы разумѣемъ фанатизмъ, который, однажды пробужденный, готовъ вѣрнѣ всякому обвиненію, и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ оно будетъ нелѣпнѣе, находя чудовищное удовольствіе въ розыскѣ виновныхъ. Самаго отдаленнаго подозрѣнія, одной только возможности, хотя бы и неправдоподобности преступленія, достаточно уже въ этомъ случаѣ для ослѣпленныхъ фанатизмомъ людей: быть подозрительнымъ или лишь заподозрѣннымъ,—равносильно здѣсь уличенію въ винѣ. Въ такомъ духѣ, по крайней мѣрѣ, велось все разслѣдованіе, такъ что для насъ почти безцѣльно уже разбирать весь хаосъ дикихъ обвиненій, среди которыхъ невозможно опредѣлить, насколько они могли дѣйствительно соответствовать фактамъ. При сильномъ господствѣ суевѣрія, фанатизма и чувствительности среди людскаго общества, не могло быть удивительно, что нѣкоторые лица доходили до отвратительно-нелѣпыхъ заблужденій, до кощунственнаго поклоненія измышленнымъ божествамъ; но положительныхъ данныхъ для этого нѣтъ: ясны только слѣды деспотическаго гнета, страхъ передъ нимъ, несправедливость, корысть, жестокость. Секретными указами (14 сентября 1307) къ административнымъ лицамъ предписывалось заарестованіе всѣхъ рыцарей. Инквизиція принялась за это, примѣняя пытки со всею варварскою утонченностью того времени, благодаря чему не стало недостатка въ признаніяхъ по всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ преступленіямъ. Папа, побуждаемый къ тому королевскою тиранніей, повелѣлъ, въ 1308 г., подвергнуть повальному розыску всѣхъ рыцарей Храма; гроссмейстеръ ордена, Иаковъ Моле, былъ вызванъ хитростью съ Кипра и слѣдствіе надъ нимъ поручено папскимъ комиссарамъ. Процессъ долженъ былъ принять дурной оборотъ потому, что онъ усложнялся другимъ обстоятельствомъ. Король настоятельно напоминалъ папѣ Клименту объ его обѣщаніи разслѣдовать дѣла его предѣстника, Бонифація VIII, и ради того, чтобы избавиться отъ тягостной обязанности обвинять «папу» въ еретичествѣ и всевозможныхъ грѣхахъ, Климентъ предалъ Тамплиеровъ. На Виѣнскомъ соборѣ, въ 1312 году, орденъ былъ объявленъ уничтоженнымъ и рыцари преданы суду. Нѣкоторые изъ нихъ, отрекшіеся отъ вынужденныхъ у нихъ пыткой показаній, на бывшемъ еще ранѣе соборѣ въ Виѣнѣ, были приговорены къ сожженію, какъ вновь впавшіе въ ересь. Пятьдесятъ четыре изъ нихъ были уже сожжены передъ парижскими воротами (1310). Кровавая расправа довершилась теперь: самъ гроссмейстеръ, твердо отстаивавшій дѣло своего ордена, былъ возведенъ на костеръ; имущества

рыцарей были отобраны; часть ихъ была отдана Иоаннитамъ и другимъ орденамъ, но значительнѣйшія богатства достались королю. На томъ же собраніи папа Бонифацій, противъ котораго его противники приводили такія обвиненія, которыя не уступали выставляемымъ противъ Тамплиеровъ (между прочимъ, онъ отрицалъ, будто бы, и безсмертіе души), былъ вполне оправданъ отъ всякаго подозрѣнія въ ереси. Постыдный процессъ противъ Тамплиеровъ, при которомъ Церковь допустила заставить себя поразить плоть отъ плоти своей, закончился еще тѣмъ, что король, со всѣмъ своимъ дворомъ, возложилъ на себя крестъ, какъ участникъ Крестоваго похода, который, по рѣшенію въ Вѣннѣ, долженъ былъ состояться черезъ шесть лѣтъ.

Преимущества
Филиппа.

Королевская власть сильно окрѣпла при Филиппѣ: его указы гораздо многочисленнѣе и проникнуты бѣльшимъ выраженіемъ безусловной воли, нежели распоряженія его предшественниковъ; они направлены, притомъ, преимущественно, противъ дворянства и духовенства, права которыхъ постоянно страдаютъ при этомъ. Угодливая администрація старалась поддерживать во всемъ королевскую власть; замѣчательно, однако, что этотъ король, которому требовались болѣе всего деньги, призвалъ, ради этой цѣли, на государственныя сѣзды и представителей средняго сословія, подобно тому, какъ онъ пользовался имъ и въ своихъ пререканіяхъ съ Бонифаціемъ. Филиппъ умеръ въ 1314 г. Быстро послѣдовали за нимъ на престолъ и въ могилу его три сына: Людовикъ X (1316), Филиппъ V (1322), Карлъ IV (1328). Владѣнія французской короны весьма расширились при этихъ четырехъ государяхъ; такъ, прибавились: графство Ла-Маншъ (1303), Ангулемъ и Бигоръ (1307), городъ Лионъ (1311); Фландрія оставалась еще незавоеванной. Но съ кончицею Карла V наступили событія, имѣвшія огромное значеніе для главнѣйшихъ западныхъ государствъ, Англии и Франціи.

Домъ Валуа.
1328.

Карлъ IV не оставилъ сыновей. Двоюродный братъ его, Филиппъ, графъ Валуа, былъ признанъ регентомъ, а когда у вдовы Карла, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, родилась дочь, то Филиппъ, съ согласія бароновъ, принялъ королевскій титулъ, подъ именемъ Филиппа VI, перваго изъ Валуа. Но Англійскій король, Эдуардъ III, имѣлъ тоже притязанія на французскую корону, будучи сыномъ одной изъ дочерей Филиппа Красиваго: положительнаго закона, исключавшаго женщинъ изъ французскаго престолонаслѣдія, не существовало, и этотъ вопросъ о правахъ могъ считаться спорнымъ; но ни высшее сословіе во Франціи, ни народъ не хотѣли подпасть подъ власть Англичанъ. Вслѣдствіе этого, возгорѣлась большая война, продолжавшаяся въ теченіе царствованій: самого Филиппа VI (—1350), Иоанна (—1364), затѣмъ Карла VI (1380—1421) и Карла VII,—то-есть, съ короткими или длинными перерывами, цѣлое столѣтіе, истощая силы обоихъ народовъ.

Англо-фран-
цузская
война.

Борьба между двумя странами, лежавшими по-сю и по ту сторону пролива, не была чѣмъ-либо новымъ, и спорный вопросъ о престолонаслѣдіи былъ лишь поводомъ, а не основною причиною войны, къ которой Эдуардъ III приступалъ теперь черезъ довольно продолжительный срокъ по смерти послѣдняго изъ старшей линіи Капетинговъ. Война была

объявлена съ одобренія англійскаго парламента, который при послѣднихъ короляхъ, Генрихъ III, Эдуардъ I (1272—1307), Эдуардъ II и теперь, при Эдуардѣ III (1328—1377), хотя и не установился еще въ окончательной формѣ, но усиль уже сдѣлаться неизбѣжною частью правленія.

Сынъ Генриха III, Эдуардъ I, возмѣлъ честолюбивую мысль соединить подъ своимъ скипетромъ весь островъ. Онъ побѣдилъ Уэльскаго принца Льевелейна, послѣдняго изъ Уэльской отрасли, покорилъ область и искоренилъ здѣсь весь старыи строй: вытѣснилъ бардовъ, которые пользовались большимъ вліяніемъ въ странѣ, какъ хранители древнихъ обычаевъ и возрѣній, польстилъ покореннымъ, давъ своему сыну, рожденному на ихъ землѣ, титулъ принца Уэльскаго, который сохраняютъ и доселѣ наслѣдники англійской короны (1282). Послѣ того, онъ обратилъ свое оружіе противъ Шотландіи, заявляя на нее лѣнно-владѣтельные притязанія. Споръ двухъ соперничавшихъ здѣсь домовъ, Брюсовъ и Белюлей, и другихъ претендентовъ на шотландскій престолъ, былъ рѣшенъ Эдуардомъ въ пользу Джона Белюля. Но Шотландцы, отстаивавшіе свою независимость, не успокоились отъ этого, и война вспыхнула снова, грозя продлиться, вслѣдствіе помощи, оказываемой Шотландцамъ Французами. Для такой борьбы требовались большія денежныя средства, а могущественный и властолюбивый король могъ добывать ихъ лишь при посредствѣ парламента, которому онъ былъ вынужденъ за это сдѣлать уступки, переходившія далеко за выговоренныя Великою Хартіей. При борьбѣ съ папою Бонифаціемъ VIII, съ которымъ онъ пришелъ въ столкновеніе, какъ и врагъ его, Филиппъ Красивый, потому что и Бонифацій заявлялъ притязанія на Шотландію, считая ее лѣномъ Церкви, Эдуардъ долженъ былъ тоже искать опоры у парламента,—тоже какъ и Филиппъ. И если такія уступки были сдѣланы энергичнымъ, воинственнымъ, гордымъ Эдуардомъ I, то слабый, окруженный любимцами, преемникъ его Эдуардъ II могъ только покориться уже совершившемуся.

Парламентъ достигъ теперь полного участія въ дѣлѣ законодательства: законы создавались не иначе, какъ со взаимнаго согласія короля, магнатовъ и общинъ, и при преемникѣ Эдуарда II, Эдуардѣ III, установился, мало-по-малу, обычай, — безъ утвержденія того законодательнымъ порядкомъ, — созывать четыре государственныя сословія: прелатовъ, бароновъ, рыцарей и горожанъ, такимъ образомъ, что два первыя сословія соединялись въ Верхнюю палату, а два послѣднія — сельское дворянство и общины — въ Нижнюю палату. На обязанности ихъ было ходатайство о народныхъ нуждахъ передъ государемъ. «Добрые люди королевства, пришедшіе сюда въ парламентъ, просить господина нашего, короля, чтобы онъ, если ему благоугодно будетъ, бросилъ взглядъ на своихъ бѣдныхъ подданныхъ, которые весьма скорбятъ, ибо правятъ ими не такъ, какъ должно...» (1309). Въ такихъ униженныхъ выраженіяхъ и подписываясь ниже: «мы, бѣдные и глухие общинники, взывая къ нашему достославному и трижды милостивому государю», обращались общины къ своему королю, хотя несомнѣнно, что, въ это время, онѣ имѣли уже право постояннаго голоса въ рѣшеніи не только внутреннихъ, но и вѣшнихъ дѣлъ, благодаря тому, что снабженіе денежными средствами зависѣло отъ нихъ. Самая энергія,

Англія со
времени
Эдуарда I.
1272.

Эдуардъ II.
Парламентъ.

съ которою Эдуардъ III продолжалъ политику своего дѣда противъ Шотландіи и Франціи, вынуждала его къ частому созыву парламента; въ теченіе его пятидесятилѣтняго правленія такихъ парламентскихъ сессій было не менѣе семидесяти.

Англо-фран-
цузская
война.

Война съ Франціею оказывалась благопріятною для Англичанъ. Эдуардъ III пользовался значительнымъ превосходствомъ противъ французскихъ королей, какъ Филиппа, такъ и сына его и преемника Іоанна (1350—1364).

Печать короля Эдуарда III.

Изъ Британскаго музея.

Онъ находилъ союзниковъ во фландрскихъ городахъ, не терпѣвшихъ ни Филиппа, благопріятствовавшаго знати, ни вообще французскаго господства. Впрочемъ, война велась медленно, прерываясь продолжительными перемиріями, переговорами, соглашениями и лишь въ 1346 году, близъ мѣстечка Креси, въ графствѣ Пуатье, произошла большая битва между арміями англійской и французской, которыя находились обѣ подъ предводительствомъ своихъ королей. Рыцарство выказало здѣсь свою храбрость; специально-обученные арбалетчики дѣйствовали мастерски; тутъ же было пущено въ ходъ новое изобрѣтеніе (первоначальное происхожденіе котораго неизвѣстно): бомбарды, заряжаемая пороховъ и пулями. Сраженіе кончилось рѣшительнымъ пораженіемъ Французовъ, которые потеряли,

вслѣдствіе этого, Калэ. Было заключено перемиріе, но для Франціи наступили тяжелыя времена; ужасная чума, свирѣпствовавшая на материкѣ, не пощадила и ее: изъ одной только большой парижской больницы, Hôtel Dieu, уносили ежедневно на кладбища по пятьсотъ труповъ; какъ бывало уже не разъ, началось чудовищное преслѣдованіе евреевъ, подъ предлогомъ того, что они отравляютъ колодцы. Недовольство росло, налоги, возбуждавшіе уже большой ропотъ при Филиппѣ Красивомъ, увеличивались, и король Иоаннь, прозванный «Добрымъ», но столь же малоспособный, какъ и его отецъ, не могъ помочь бѣдѣ, при вступленіи своемъ на престоль въ 1350 г. Въ 1351 г., по истеченіи послѣдняго срока продленнаго перемирія, снова вспыхнула война съ Англіей; впрочемъ, вскорѣ наступило новое перемиріе, при усиліяхъ папы положить конецъ ожесточенной борьбѣ, сопровождавшейся повсюду варварскимъ опустошеніемъ земель. Но въ 1355 г. снова начались военныя дѣйствія, и въ іюль 1356 г., при *Мопертюи*, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Пуатье, произошла рѣшительная битва, оказавшаяся для Французовъ еще болѣе губительною, нежели бывшая при Креси: самъ король Французскій попалъ въ плѣнъ, и ему, въ тотъ же вечеръ, прислуживавъ за столомъ его побѣдитель, принцъ Уэльскій, «Черный принцъ», командовавшій въ этотъ день англійскими войсками. Это вторичное пораженіе вызвало во Франціи взрывъ ожесточеннаго народнаго негодованія противъ дворянства. Въ это время плебейскій элементъ возрасталъ вездѣ съ большой силою. Съѣздъ сѣверо-французскихъ чиновъ, созванный въ Парижѣ регентомъ, дофиномъ Карломъ, заявилъ весьма обширныя притязанія, и мятежная толпа, подъ предводительствомъ купеческаго старшины (*prévôt des marchands*), Стефана Марселя, ворвалась во дворецъ, излагая свои требованія. Двое вельможъ были убиты на глазахъ регента. Та же рознь между низшимъ сословіемъ и дворянствомъ обнаружилась и въ провинціи. Раздраженіе, вызываемое необходимостью жертвовать деньги на выкупъ той знати, которая и была болѣе всего виновна въ понесенномъ пораженіи, то пренебреженіе, которое оказывалось этимъ же дворянствомъ крестьянству, угнетеніе крестьянства всякими наемниками, — всѣ эти причины заставили простонародье (этого многотерпѣливаго Жака, «*Jacques Bonhomme*») поднять знамя дикаго мятежа, который, быстро распространяясь, нашелъ себѣ кратковременное удовлетвореніе въ крови своихъ притѣснителей и разореніи ихъ имущества. Эта «*жакерія*» (*Jacquerie*) была тоже подавлена кровью, но анархія и междоусобицы не прекратились и при возобновленіи войны съ Англіей. У Французовъ было мало отраднаго впереди: король Эдуардъ грозилъ добиться, на этотъ разъ, тѣхъ правъ, которыя считалъ своими; однако, благодаря посредничеству папы, былъ заключенъ миръ, носящій названіе *Бретинійскаго*, отъ той деревушки, близъ Шартра, въ которой велись переговоры по этому поводу (1360).

Мирныя условія были тяжелы. Король Эдуардъ отказывался отъ своихъ правъ на корону, но за то присоединялъ къ своимъ уже бывшимъ владѣніямъ цѣлый рядъ другихъ во Франціи: Пуату, Сентонжъ, Ла-Рошель, Перигоръ, Лимузенъ и пр., а на сѣверо-западѣ—графство Понтье, городъ Калэ съ е о округомъ (графство Гюнь), такъ что почти треть нынѣш-

Бретинійскій
миръ. 1360.

Эдуардъ, Черный принцъ.

Надгробіе въ кафедральномъ соборѣ Кэнтерборійскомъ.

ней Франціи переходила подь власть англичанъ. Король Иоаннъ вернулся домой; проснулись надежды на лучшія времена, но напрасно; особенной тягостью были изголодавшіяся наемныя войска. Безразсудный обѣтъ на совершение Крестоваго похода, выговоренный папою отъ короля, не могъ помочь бѣдствіямъ страны, тѣмъ болѣе, что она лишилась одного изъ плодовъ своего прежняго преуспѣянія съ отдѣленіемъ герцогства Бургундскаго, лежавшаго на западъ отъ Саоны: король отдалъ его своему младшему сыну, Филиппу (взятому въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ при Монпертю), въ качествѣ наслѣдственнаго лена отъ французской короны, со всѣми привилегіями прежнихъ бургундскихъ герцоговъ (1363). Въ слѣдующемъ году, при своей поѣздкѣ въ Лондонъ, король Иоаннъ умеръ, оставляя своему сыну, Карлу V (1364—80), много неразрѣшенныхъ задачъ, изъ которыхъ одною изъ самыхъ настоятельныхъ и весьма трудныхъ было избавленіе страны отъ притѣсненій и раззоренія шайками наемныхъ солдатъ. Впрочемъ, этимъ наемни-

Норонаніе короля Карла V, Французскаго (1364).

Миніатура изъ хроники Фруассара, въ національной библіотекѣ въ Парижѣ.
(По книгѣ Лакруа).

камь скоро нашлось настоящее дѣло, по тому что Эдуардъ приступилъ снова къ войнѣ (1369), въ поводахъ къ которой у него не было недостатка. Въ этотъ разъ счастье ему измѣнилось; онъ самъ былъ уже не тотъ, что прежде; онъ воротился больной въ Англiю и подпалъ, въ свои послѣдніе года, влiянію корыстолюбивой женщины, Алисы Пиррерсъ. Его старшій сынъ, на котораго возлагались большія надежды, умеръ; между тѣмъ, король Французскій, Карль V, оказался справедливымъ и способнымъ правителемъ, нашедшимъ, сверхъ того, при этой борьбѣ своей съ Англичанами и ихъ случайными союзниками, превосходнаго помощника въ лицѣ бретонца, Бертрана Дюеклена, который обладалъ тѣми тактическими и стратегическими способностями, какихъ былъ лишентъ самъ король. Дюекленъ отвоевалъ обратно почти все, отнятое у Франціи договоромъ въ Бретиньи. Но онъ умеръ въ 1380 г., къ несчастію для своей страны, для которой наступало самое бурное время: въ ней, подобно тому, какъ и въ Англии, честолюбіе знати, толпившейся вокругъ слабаго правителя, должно было породить много смутъ.

Англія съ
1377 по
1400.

Царствованіе Эдуарда III Англійскаго, послѣдніе годы котораго такъ прискорбно противорѣчили славѣ его прежнихъ лѣтъ, закончилось въ 1377 году. Онъ оставилъ престолъ одиннадцатилѣтнему мальчику, внуку своему, Ричарду II, сыну принца Уэльскаго, — какъ Карлу V пришлось оставить свой — десятилѣтнему Карлу VI. Молодому королю Ричарду предстояла борьба съ опаснымъ возстаніемъ сельскаго населенія, которое было крайне возбуждено, вслѣдствіе постоянно возрастающихъ требованій правительства на военныя нужды, а также вслѣдствіе религіозныхъ возрѣній, на которыя будетъ указано ниже. Мятежники, составивъ громадное полчище подъ предводительствомъ кирпичника Уата, — Уата Тайлора, — яростно набросились на дворянство, оспаривая у него всякія права, на основаніи первобытнаго равенства всѣхъ людей. Они повторяли поговорку: «Когда Адамъ рылъ землю, а Ева пряла, кто былъ тогда джентльмэномъ?»

Въ теченіе нѣкотораго времени они могли считать себя во главѣ положенія. Тауэръ, крѣпкій замокъ Лондонскій, былъ въ ихъ рукахъ. При встрѣчѣ съ молодымъ королемъ, выѣхавшимъ къ толпѣ, Уатъ Тайлоръ сталъ наступать на него съ самыми радикальными требованіями, ухвативъ за уздцы его коня; но лондонскій лордъ-мэръ смѣлымъ ударомъ сибибъ съ ногъ государственнаго измѣнника, а молодой король воспользовался, съ большою находчивостью, замѣшательствомъ толпы, воскликнувъ: «Я самъ буду вашимъ вождемъ!» Онъ поѣхалъ во главѣ сборища, броженіе улеглось и дѣло повернуло въ хорошую сторону. Все произошло, какъ и всегда при подобныхъ возстаніяхъ, всколыхивающихъ большія людскія массы, побуждаемыя лишь нуждою и своими страстями: какіе-нибудь негодяи заправляютъ движеніемъ, и взбудораженная толпа предается, на нѣкоторое время, разрушенію и мести; но прежде, нежели она успѣваетъ придти въ себя, сообразить что-либо, силы, охраняющія существующій порядокъ, овладѣваютъ положеніемъ и усмиряютъ ее. Подавленіе возстанія, распространившагося по многимъ графствамъ и направленнаго не противъ короля, а противъ дворянства, не принесло пользы Ричарду, а только поощрило аристократію, на сторонѣ которой

была побѣда, къ новымъ жестокостямъ и усиленному самомнѣнію. Самъ король былъ слишкомъ юнъ и слишкомъ нерѣшителенъ для того, чтобы осуществить на дѣлѣ тѣ слова, съ помощью которыхъ онъ смутилъ и обезоружилъ мятежниковъ у Смитфильда. Онъ сказалъ имъ: «Слѣдуйте за мною, люди мои, я самъ буду вашимъ вождемъ...» но ему было не подъ-силу разобратъся въ томъ, что могло быть справедливымъ въ требованіяхъ простонародья, и заявить существенно свою королевскую власть. Послѣдовавшая реакція стала даже опасной для него самого. Во главѣ магнатовъ, стремившихся къ огражденію королевской власти, находился младшій изъ сыновей покойнаго короля, Оома, герцогъ Глостерскій, и горожане, которымъ возстаніе Уата Тайлора тоже грозило гибелью, шли теперь за-одно съ аристократіей. Такимъ образомъ, снова наступала рознь и борьба между притязаніями королевской власти и парламента. Ричарду II дали понять, что если онъ не станетъ править надлежащимъ

образомъ, согласно внушеніямъ парламента, то въ волѣ этого послѣдняго будетъ низложить его, съ народнаго одобренія, и возвести на престолъ кого-либо другого изъ королевской династіи. Однажды (1397) Ричарду удалось ободриться и отвергнуть предложенныя ему стѣснительныя условія, но это продолжалось недолго. Его колебанія возстановили противъ него всѣхъ и когда его двоюродный братъ, герцогъ Ланкастерскій, Генрихъ, вернулся въ Англію, изъ ссылки, по соглашенію съ оппозиціей, то потребовалось лишь нѣсколько дней для низверженія непрочнаго престола. Генрихъ овладѣлъ самою особою Ричарда, не имѣвшаго болѣе ни одного надежнаго слуги, заставилъ его тотчасъ созвать парламентъ, объявить себя, передъ этимъ собраніемъ, недостойнымъ королевскаго сана и

Король Англійскій Ричардъ II.

По старинной картинѣ, находящейся въ церкви Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ.

Печать Ричарда II.

Въ королевскомъ тайномъ государственномъ архивѣ въ Берлиѣ.

отказаться отъ престола. Ричардъ самъ надѣлъ на руку Ланкастера свой перстень съ королевской печатью, а на слѣдующій день, 30 сентября 1399 года, переворотъ довершился тѣмъ, что парламентъ, засѣдая въ Уэстминстерѣ, призналъ короля отказавшимся отъ престола,—или низложилъ его,—при чемъ, нарушая обычный порядокъ престолонаслѣдія устраненіемъ лица, имѣвшаго ближайшія права, провозгласилъ королемъ герцога Ланкастерскаго, подъ именемъ Генриха IV (1400—1413). Ричардъ умеръ въ 1400 году, въ заточеніи, въ Помфретѣ.

Генриху не было отказано въ благословеніи и помазаніи со стороны высшаго духовенства, съ которымъ Ричардъ тоже былъ не въ ладахъ, и новый король отблагодарилъ Церковь тѣмъ, что помогъ ей подавить ересь, весьма развивавшуюся въ Англіи. Эти еретическія стремленія росли подъ влияніемъ чловѣка, значеніе котораго простирается далеко за предѣлы Англіи, потому что онъ былъ первымъ, на-

Мороль Англійскій Генрихъ IV.

Надгробіе въ кафедральномъ соборѣ въ Кэптерборнѣ.

павшимъ на самыя основы церковной системы во всѣхъ ея проявленіяхъ, притомъ съ яснымъ, острымъ, вполне сознательнымъ пониманіемъ своей цѣли. То былъ оксфордскій профессоръ Джонъ Виклифъ, съ именемъ котораго связано развитіе церковнаго вопроса, вступавшаго, какъ и вопросы гражданскіи и политическіи, на новую почву, совершенно измѣнявшую господствовавшія до того времени воззрѣнія и начала.

Дѣятельность Виклифа, самаго выдающагося изъ такъ называемыхъ провозвѣстниковъ реформаціи, составляла эпоху въ томъ отношеніи, что онъ нападалъ не на какія-либо отдѣльныя стороны установленнаго церковнаго порядка, но подрывалъ самыя основныя положенія римской Церкви. Онъ родился въ 1324 г., въ одной изъ сѣверныхъ англійскихъ деревушекъ, и провелъ большую часть своей жизни въ Оксфордѣ, занимая тамъ кафедру богословія. Когда его ученіе было отвергнуто лондонскимъ соборомъ (1382), онъ удалился обратно въ свой Лутервордскій приходъ, гдѣ и умеръ въ 1384 г. Въ своихъ богословскихъ воззрѣніяхъ, онъ опирался на Августина, строгое понятіе котораго о предопредѣленіи, — «все совершается по неизмѣнному начертанію Господню», — привлекало его съ той силою; съ которою оно дѣйствовало и впоследствии на столь многіе стойкіе и свѣтлыя умы.

Джонъ
Виклифъ.

Хотя его мысль вращалась лишь въ кругѣ схоластическаго ученія, онъ вникалъ въ смыслъ Священнаго Писанія (которое перевелъ на англійскій языкъ съ «Вульгаты», стариннаго, одобреннаго Церковью, латинскаго перевода) и при своихъ изслѣдованіяхъ о Св. таинствахъ, возсталъ горячо противъ того положенія, которое именно служило главнѣйшею опорой церковной власти и заключалось въ ученіи о Пресуществленіи. Онъ называлъ ересь, богохульствомъ такое истолкованіе, по которому претворенное вещество могло сохранять видъ и вкусъ хлѣба и вина, а священнослужитель — созданіе слабое и тлѣнное — могъ, однимъ словомъ своимъ, совершать надъ нимъ чудодѣйственное таинство. Съ особенною и послѣдовательною энергіей онъ осуждалъ, при этомъ, нищенствующихъ монаховъ, которыхъ и такъ не долубливали въ университетѣ, и которые были главнѣйшими поборниками существовавшей церковной системы; глубокое извращеніе ея требовало коренной реформы, даже полнѣйшаго переворота. Но кто же долженъ былъ произвести такое преобразование Церкви, которое должно настать, «захочетъ-ли того антихристъ или нѣтъ»? Не папа: въ самомъ папствѣ, какимъ оно было въ то время, находилось первое и главнѣйшее препятствіе тому; папство было для Виклифа «антихристомъ» или его сильнѣйшимъ орудіемъ. Но не сдѣластъ того и соборъ: по мнѣнію Виклифа, призваніе евангельской истины путемъ подачи голосовъ составляло, само по себѣ, ложный принципъ, противный разуму и божескому закону и измышленный діаволомъ для омраченія людей. Скорѣе должны были взять на себя починъ въ этомъ свѣтскія власти, «*domini temporales*», подлагалъ Виклифъ, подкапываясь здѣсь и подъ другую основу церковной власти и становясь на ту почву, на которой, полтора столѣтія позднѣе, возникли протестантскія форма и содержаніе церковной общины. Согласно церковному ученію, доразвившемуся до своей окончательной формы, посвященіе въ церковнослужители составляло таинство, сообщавшее рукоположенному несмѣняемое свойство, которое дѣлало его членомъ особаго, своеобразнаго, властвующаго, священнаго сословія, — сословія, жившаго по своимъ собственнымъ уставамъ, подъ своимъ собственнымъ началомъ и имѣвшаго, въ своей сферѣ, — къ которой оно причисляло весьма многое, если не все, — безусловный перевѣсъ надъ мірянами. Виклифъ, напротивъ того, своеобразно примѣняя первоначальное евангельское понятіе о бѣдности, видитъ въ правахъ духовенства лишь милостыню, которую община ему даетъ, и которую она въ правѣ отнять, если найдетъ его недостойнымъ. Онъ приравниваетъ, нѣкоторымъ образомъ, духовное званіе къ смѣняемымъ должностямъ, дѣластъ мірянъ судьями надъ служащимъ имъ духовенствомъ, при чемъ оправдываетъ бывшія конфискаціи духовныхъ имуществъ и сожалѣеть о томъ, что болѣе четверти всей страны находится въ мертвыхъ рукахъ: «Нашъ король — говоритъ онъ — владѣеть, поэтому, не всей Англійей». По взгляду Виклифа, владѣніе землями и власть не причислялись духовенству, по смыслу христіанства, которое самъ онъ настойчиво истолковывалъ въ духѣ «первоначальнаго ученія Христова», воплѣвъ искаженнаго господствовавшей церковной системой. Изъ этого видно, что онъ возставалъ противъ всего механическаго и внѣшняго развитія

церковной жизни, противъ индульгенцій, преувеличеннаго чествованія заслугъ святыхъ и разрѣшительныхъ словъ. Путемъ весьма своеобразныхъ заключеній, онъ сводитъ всѣ эти внѣшнія выраженія «сообщенія благодати» къ той же философо-богословской ереси, съ которой уже боролся по вопросу о причащеніи.

Нельзя не удивляться той ясности и послѣдовательности, съ которою этотъ одинокій богословъ выступилъ съ совершенно новымъ взглядомъ на христіанское Откровеніе, въ противорѣчіе съ всесильно господствовавшимъ ученіемъ, между тѣмъ, какъ черезъ полтора столѣтія, нѣмецкіе, и особенно швейцарскіе реформаторы дошли до того-же, — въ цѣломъ и въ частностяхъ своей системы,—лишь послѣ упорнѣйшей борьбы и тягостнаго напряженія мысли. Ученіе Виллифа, которое онъ систематизировалъ вполнѣ только за два года передъ своею смертію въ своемъ «Триалогѣ», произвело сильное впечатлѣніе. Многіе изъ знатныхъ мірянъ покровительствовали ученому, само правительство возлагало на него дипломатическія и церковно-политическія порученія. Онъ положилъ и практическій починъ своею реформою, вызвавъ существованіе «бѣдныхъ священниковъ»; это были духовныя лица, согласныя съ его ученіемъ, и которыя, основываясь на примѣрѣ апостоловъ и избѣгая осквернить себя симоніей, не принимали никакихъ бенефицій, а въ простомъ одѣяніи, не испрашивая соизволенія церковнаго начальства, проповѣдывали Евангеліе, странствуя изъ мѣста въ мѣсто. Церковная реакція, наступившая со времени лондонскаго собора въ 1382 г. и весьма обострившаяся въ послѣдующіе года, заставила считать послѣдователей Виллифа за еретическую секту, и кэнтерборійскій архіепископъ, Оома Арѣндель, особенно горячо преслѣдовалъ членовъ ея, прозванныхъ «лоллардами». Одною изъ первыхъ законодательныхъ мѣръ новаго короля изъ дома Ланкастеровъ, находившаго цѣлесообразнымъ поддерживать добрыя сношенія съ Церковью, былъ парламентскій актъ «*de comburendo haeretico*», которымъ смертная казнь за еретичество обращалась въ положительный законъ.

И это произошло въ странѣ, считавшейся за наилучше-управляемую и опередившую другихъ во всемъ,—при чемъ такая оцѣнка имѣла полное основаніе, потому что частныя боевыя распри, игравшія такую роль на материкѣ, особенно же въ Германіи, здѣсь почти совсѣмъ прекратились, замѣнясь дѣйствительно мирнымъ состояніемъ края, и равенство правъ, общее равенство всѣхъ передъ закономъ достигло высшей степени развитія и устойчивости. Но церковныя обстоятельства во всей Европѣ были таковы, что никакой законъ, самый суровый и повсемѣстный, не могъ уже подавить возраставшей оппозиціи. Она могла смолкнуть лишь при основной реформѣ Церкви, и эта реформа, касаясь главы и членовъ Церкви, стала лозунгомъ всѣхъ слоевъ общества. Едва успѣло народиться новое столѣтіе, требованіе этой реформы стало естественнымъ выраженіемъ непреоборимаго движенія. Знаменательно въ этомъ моментѣ было совпаденіе дѣятельности одинокаго богослова, принципиально возставшаго противъ самой основы существовавшаго церковнаго зданія, противъ расплывчатости и гнили его, проявлявшихся какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ слояхъ тогдашняго общества.

Реакція при
Генрихѣ IV.

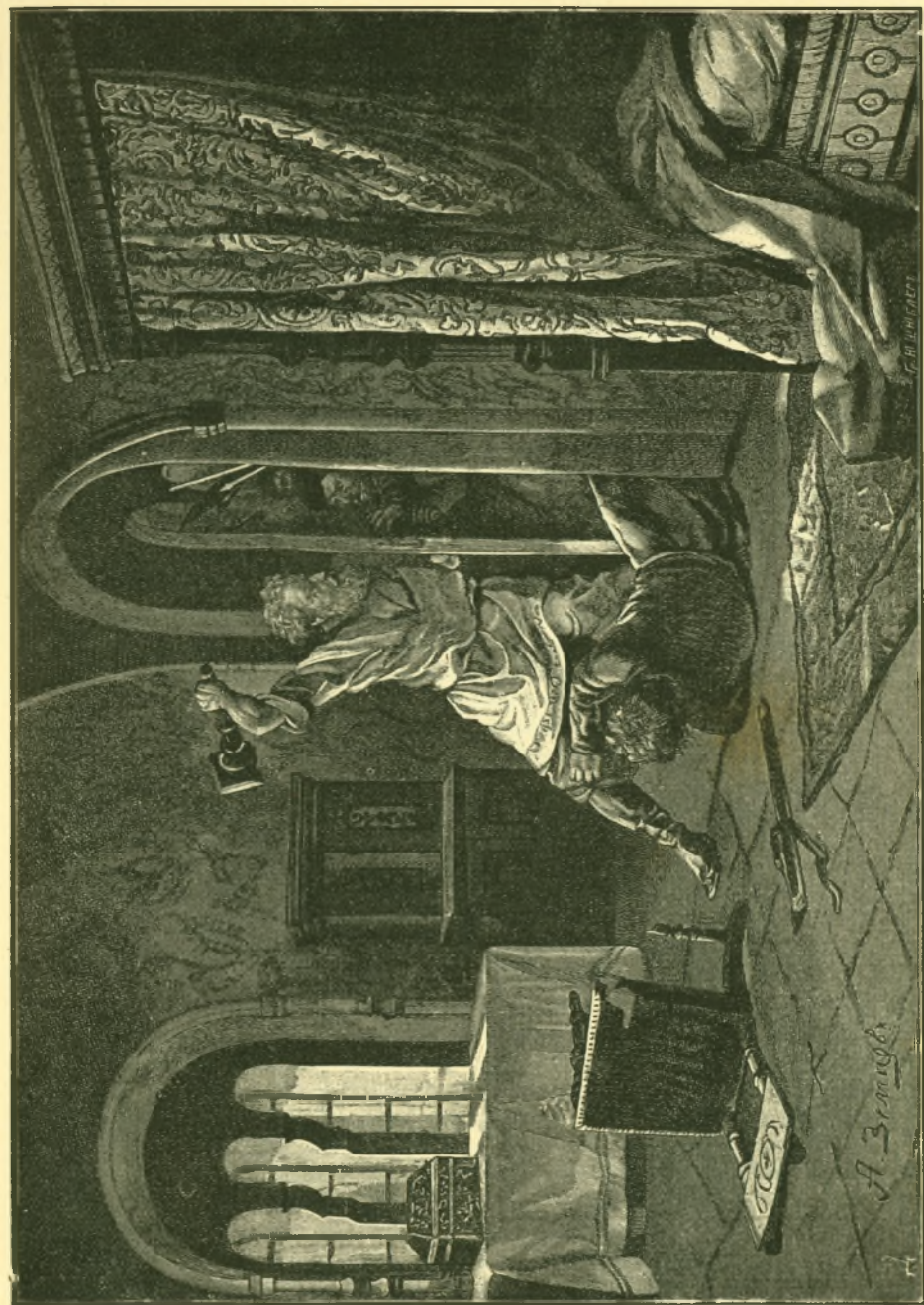
КРАЙНІЙ ВОСТОКЪ ЕВРОПЫ:

Исторія Сѣверо-восточной Руси отъ начала XIII до конца XIV вѣка. Положеніе русскихъ княжествъ на С.-В. и на Ю.-З. Руси, передъ нашествіемъ Монголовъ.—Первое появленіе Татаръ.—Нашествіе Батяя. Покореніе Руси Монголами.—Общія бѣдствія.—Дѣятельность князей и духовенства въ періодъ Татарщины 1200—1395 гг.

Въ то время, когда вся Европа была увлечена въ неудержимый водоворотъ движенія Крестовыхъ походовъ, а затѣмъ принимала участіе въ неизбежно-вызванной этимъ движеніемъ борьбѣ усилившагося папства съ Германской Имперіей—Русь продолжала на крайнемъ Востокѣ Европы жить своею отдѣльною жизнью, обусловленною въ значительной степени тою религиозною отдѣленностью отъ остальной Европы, которая была естественнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства изъ Византіи. Эта обособленность отъ остальной Европы была, конечно, не настолько велика, чтобы такія общевропейскія движенія, какъ Крестовые походы, не находили себѣ отголоска на Руси, тѣмъ болѣе, что толпы русскихъ *паломниковъ* *) въ XI столѣтіи почти непрерывно, изъ года въ годъ, направлялись въ Іерусалимъ, на поклоненіе Св. Мѣстамъ и изъ Руси, точно такъ же, какъ изъ остальныхъ странъ Европы. Но объ участіи русскихъ князей въ Крестовыхъ походахъ не могло быть, конечно, и рѣчи, потому что во главѣ его стоялъ папа Римскій, а отъ всякихъ сношеній съ нимъ Церковь Восточная благоразумно сторонилась и уклонялась, оберегая отъ его вліянія и свою паству. Духовенство же русское было настолько благоразумно, что уже въ XII в., въ эпоху самаго разгара Крестовыхъ походовъ, стало воспрещать (и даже вносило эти воспрещенія въ церковныя правила) странствованія въ Св. Землю, въ виду тѣхъ опасностей, которымъ подвергались паломники, а также и въ виду того бродячества, которое развивалось въ народѣ подъ личиною подобныхъ странствованій.

При этой обособленности Руси, къ концу XII в., въ ея внутренней жизни явились новыя и весьма серьезныя задачи, которыя приковывали вниманіе князей и поневолѣ вынуждали ихъ къ новой группировкѣ и къ новой политикѣ, вызываемой измѣнившимся строемъ жизни и вновь народившимися ея условіями. Изъ разрозненной массы княжествъ, по частямъ, начинало складываться государство. Выше мы уже видѣли (стр. 231), какъ къ концу XII в. измѣнился центръ тяготѣнія русской жизни и на мѣсто великаго княжества Кіевского поднялись болѣе его могущественныя княжества—на С.-В.—Суздальское, на Ю.-З.—Волынско-Галицкое. Но Суздальское, видимо, преобладало. Суровый и твердый правитель его, великій князь Андрей Боголюбскій, косвенно или прямо, подчинилъ себѣ всѣ сосѣднія княжества, обуздалъ вольнолюбивый Новгородъ, заставилъ трепетать сосѣднихъ

*) Такъ называли себя странники въ Св. Землѣ по той *паломѣ*, пальмовой вѣтви, которую они приносили оттуда на память о своемъ путешествіи.—Одинъ изъ паломниковъ, игумень Данииль, посѣтившій Іерусалимъ вскорѣ послѣ 1-го Крестоваго похода, оставилъ дошедшее до насъ весьма любопытное описаніе своего паломничества. Изъ его записокъ узнаемъ, что онъ былъ тамъ со многими другими русскими людьми, что вступалъ въ сношенія съ королемъ Балдуиномъ и повѣсилъ у Гроба Господня лампаду «за здравіе князей русскихъ».

Смерть великаго князя Андрея Боголюбскаго (1174 г.). Рис. А. Зингова.

Тот теремъ, въ которомъ совершено было это убійство, и доселѣ еще сохраняется въ с. Боголюбовѣ, близъ Владимира на Клязьмѣ; сохранился и *переходъ* или стѣна, соединявшія этотъ теремъ съ церковью при княжескомъ дворцѣ. *Надъ* переходомъ теперь выстроена колокольня; *подъ* теремомъ уцѣлѣла въ древнемъ видѣ лѣстница, около столба которой князь Андрей Юрьевичъ былъ приконченъ убійцами.

болгарскихъ князей. Его политика была такъ вѣрно разсчитана и значеніе княжества Суздальскаго такъ прочно обосновано, что даже и тогда, когда онъ палъ жертвою какого-то (не вполне яснаго для насъ) заговора въ средѣ его бояръ, княжество его не утратило своего значенія, и братъ его *Всеволодъ* (*Великое Гнздо*, по прозванію), въ свое долгое и мудрое правленіе, успѣлъ довести княжество Владиміро-Суздальское до высокой степени процвѣтанія и могущества и передалъ его дѣтямъ, какъ готовое ядро будущаго великаго государства.

При сыновьяхъ Всеволода, Ярославѣ и Юріи, наслѣдовавшихъ отцу, и совершилось то страшное нашествіе Монголовъ, которые два слишкомъ вѣка тяготѣли своимъ гнетомъ надъ Русью и на борьбу съ которыми долгое время уходили всѣ ея нравственныя силы и матеріальныя средства.

Въ 1224 году, къ южно-русскимъ князьямъ вдругъ пришла вѣсть, что въ степяхъ Задонскихъ явился какой-то новый, дикій и страшный народъ, который избиваетъ Половцевъ и движется на Русь изъ-за горъ Кавказа, которыя обошеля около береговъ Хвалынскаго моря. Половцы,—которые въ это время были уже усмирены и рѣдко воевали съ русскими князьями, а со многими изъ нихъ состояли даже и въ родственныхъ отношеніяхъ,—обратились къ русскимъ князьямъ за помощью. Знаменитый своею храбростію князь *Мстиславъ Удалой*, правившій въ то время Галицкимъ княжествомъ и всѣми уважаемый, созвалъ другихъ князей на съѣздъ, на которомъ и было рѣшено: подать Половцамъ помощь противъ «невѣдомыхъ» враговъ. Южные князья собрались подъ знаменемъ Мстислава Удалого; важнѣйшими въ числѣ ихъ были: князь *Мстиславъ Кіевскій* и другой *Мстиславъ*, князь *Черниговскій*. Княжеское ополченіе двинулось въ степи, навстрѣчу наступающему непріятелю, и соединилось съ Половцами. На берегахъ *р. Калки* (рѣка Кальміусъ въ Екатеринославской губ.) произошла битва съ Татарами. Половцы, уже много разъ до того времени испытывшіе силу ихъ оружія, не выдержали ихъ перваго натиска, дрогнули и побѣжали, смявъ ряды русскихъ воиновъ; притомъ же и князья русскіе дѣйствовали несогласно, врозь, не поддерживая другъ друга. Поэтому, несмотря на все свое мужество, русскіе князья были разбиты наголову; многіе изъ нихъ пали въ битвѣ (въ томъ числѣ и Мстиславъ Кіевскій), а тѣ, которые попались въ плѣнъ, были страшно замучены Татарами. Современный лѣтописецъ замѣчаетъ, что въ битвѣ при Калкѣ «однихъ богатырей пало 70».

Надо полагать, что это полчище Монголовъ было отдѣльнымъ, многочисленнымъ отрядомъ полчищъ *Чингисхана*, воевавшихъ по побережью Каспійскаго моря; мимоходомъ опустошилъ онъ Грузію и случайно, какъ бы развѣдывая новыя, неизвѣстныя страны, проникъ и въ степи Половецкія. Послѣ битвы при Калкѣ, это полчище не двинулось далѣе на Русь, а повернуло обратно и скрылось въ степяхъ. «Невѣдомо, откуда пришли, и куда ушли»—замѣчаетъ наивно современный лѣтописецъ. Да никто, конечно, и не подумалъ развѣдывать: всѣ были рады тому, что Богъ избавилъ отъ грозившаго бѣдствія, и забыли о немъ очень скоро. Князья занялись, попрежнему, своими нескончаемыми усобицами—и жизнь Южной и Сѣверной Руси потекла по-прежнему.

Только уже 12 лѣтъ спустя, вѣсть о грозномъ и странномъ врагѣ пришла на Русь, но уже съ совсѣмъ иной стороны. Несмѣтная полчища Татаръ нахлынули на Волгу съ юго-востока изъ средне-азиатскихъ степей и сначала набросились на волжскихъ Болгаръ и Мордву, повоевали ихъ и опустошили ихъ страну, а затѣмъ стремительно ударили и на ближайшія русскія княжества.

Прежде чѣмъ опишемъ ту страшную эпоху русской исторіи, которая извѣстна подъ названіемъ *эпохи татарскаго ша* или просто *Татарщины*, мы должны здѣсь сказать нѣсколько словъ о самихъ Татарахъ.

Нашествіе
Батя.

Въ одномъ изъ кочевыхъ племенъ Монголіи, въ половинѣ XII вѣка, явился замѣчательный вождь, по имени *Темучинъ* (р. 1154, ум. 1227 г.). Дѣтство онъ провелъ среди тревогъ и опасностей нескончаемой борьбы мелкихъ кочевыхъ племенъ, значительную часть молодости жилъ, какъ плѣнникъ, въ Китаѣ, гдѣ многое успѣлъ видѣть и многому научиться и хорошо ознакомился съ слабыми сторонами Поднебесной Имперіи. Вернувшись въ Монголію, онъ обнаружилъ замѣчательный умъ, несомнѣнный воинскій талантъ и желѣзную волю. Тѣсно сплотивъ между собою монгольскія племена, онъ предпринялъ цѣлый рядъ счастливыхъ войнъ съ сосѣдями и уже въ 1206 г. явился грознымъ владыкою цѣлаго ряда покоренныхъ имъ странъ. Затѣмъ, онъ покорилъ царство Тангутское, долго воевалъ съ Китаемъ и постепенно подчинилъ своей власти Бухару и всѣ сосѣднія съ нею средне-азиатскія ханства. За эти побѣды и обширныя завоеванія Темучинъ получилъ отъ современниковъ почетное названіе *Чингисхана* (т. е. владыки міра).

Въ 1227 г. Чингисханъ умеръ; еще при жизни онъ подѣлилъ свое громадное царство между своими сыновьями, изъ которыхъ одинъ, *Угедей*, былъ назначенъ старшимъ ханомъ. Племянникъ Угедея и внукъ Чингисхана, *Батый*, въ 1235 г., отдѣлился отъ родичей своихъ со всею своею ордою, и, съ разрѣшенія старшаго хана, двинулся на Западъ для завоеванія новыхъ земель.

Съ Батыемъ шло не войско, а цѣлый народъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, съ семьями своими, съ кибитками, замѣнявшими жилища кочевникамъ, съ несмѣтными стадами верблюдовъ и овецъ, съ табунами коней; народъ привычный къ простому, кочевому образу жизни, закаленный въ борьбѣ съ природою, съ дѣтства выраставшій на конѣ, проводившій всю жизнь съ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ мужская половина его не знала никакихъ иныхъ занятій, кромѣ войны и охоты. Въ составъ этого народа входили кочевники трехъ различныхъ племенъ: *Манджурскаго*, *Монольскаго* и *Тюркскаго*; но всѣ эти кочевники называли себя общимъ именемъ *Таталъ*, откуда и взялось русское названіе: Татары.

Татары, въ эпоху ихъ нашествія на Русь, были страшны не только своею многочисленностью, но и своею сплоченностью, и своей весьма прочной организаціей. Главнымъ образомъ, сила ихъ заключалась въ слѣпomotъ-повиновеніи власти *одного хана*, кооторый былъ полновластнымъ властителемъ надъ жизнью и смертью, надъ личностью и имуществомъ каждаго изъ своихъ подданныхъ. Эта страшная власть чрезвычайно образно проявлялась въ обрядахъ, сопровождавшихъ вступленіе во власть новаго хана;

Нравы и
обычай Та-
таръ.

ближайшіе вельможи полагали передъ нимъ мечъ, а онъ ихъ спрашивалъ: «готовъ-ли каждый изъ васъ исполнять то, что я повелю, идти—куда я пошлю, убивать—кого я прикажу?» Вельможи отвѣчали: «готовы». Тогда ханъ говорить имъ: «впредь слово устъ моихъ да будетъ мечомъ моимъ».

Кромѣ власти хана, этотъ воинственный народъ подчинялся еще суровому, древнему закону (*ясы*), который каждому изъ ордынцевъ предписывалъ соблюденіе нѣкотораго количества основныхъ правилъ поведенія и отношеній къ ближнимъ. По этому закону, особенно сурово карался *обманъ, неоказаніе помощи товарищу на войнѣ, всякія ссоры и раздоры между своими*. Въ отношеніи къ управленію, весь народъ раздѣлялся, какъ войско, на тысячи, сотни, десятки; десятники были подчиненъ сотнику, сотникъ—тысячнику, а тысячники, старшины и начальники—самому хану, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ соблюдалась строжайшая дисциплина и безусловное повиновеніе младшаго старшему.

При такой выдержкѣ и дисциплинѣ, при замѣчательномъ умѣнии владѣть конемъ и оружіемъ (Татары особенно отличались чрезвычайною мѣткостью стрѣльбы изъ лука), эти кочевники имѣли еще и свои, строго-выработанные приемы и способы веденія войны, которыми значительно затрудняли борьбу съ ними. Эта тактика Татаръ также въ значительной степени обуславливалась ихъ многочисленностью. Такъ, напр., вступая въ какую-нибудь область, они раздѣляли свои полчища на нѣсколько отрядовъ, которые, охвативъ кольцеобразно большое пространство, сходились потомъ къ одному центру, стараясь окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ. При осадѣ городовъ, они облагали ихъ валомъ или окружали тыномъ, и сначала бились изъ-за этихъ укрѣпленій съ осажденными, при чемъ одна смѣна билась, а другая отдыхала, а затѣмъ, истомивъ враговъ борьбою, бросались всею массою на приступъ.

Нашествіе этого народа, грознаго не только численностью и силою, но и своимъ внутреннимъ строемъ, можно сравнить только съ нашествіемъ Гунновъ; и если тѣ кочевники могли навести ужасъ на всю Европу, несмотря на то, что въ Европѣ въ ту пору существовали два сильныхъ и прочно организованныхъ государства, въ видѣ Западно-Римской и Восточно-Римской Имперій, то ужъ, конечно, древняя Русь, вся составленная изъ разрозненныхъ княжествъ и областей, не могла устоять противъ страшнаго, всесокрушающаго нашествія Татаръ. Одинъ изъ русскихъ историковъ совершенно справедливо замѣчаетъ о нашествіи Батя, что «это была послѣдняя волна переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, начавшагося еще въ глубокой древности» *).

Раззореніе
русскихъ
княжествъ.

Однакожъ, «волна» встрѣтила такой отпоръ, какого, собственно говоря, нельзя было и ожидать отъ маленькихъ русскихъ княжествъ, которые даже и тутъ не помышляли о соединеніи своихъ силъ въ одну общую рать. Повоевавъ Волжскихъ Волгаръ, Татары явились въ предѣлахъ Рязанскаго княжества. Когда высланные Батемъ послы потребовали отъ князей десятины въ ихъ имѣніи и въ людяхъ, князья приказали имъ сказать, какъ Леонидъ Персамъ подъ Оермопилами: «когда насъ одолѣете, все

*) Бестужевъ-Рюминъ, I, 269 и слѣд.

ваше будетъ»—и всё погибли въ неравной борьбѣ. Раззоривъ города и опустошивъ огнемъ и мечомъ всю Рязанскую землю, Татары вступили въ Суздальское княжество, по пути сожгли небольшой городокъ *Москву* (упоминаемый еще при Юріи Долгорукомъ, въ половинѣ XII в.) и двинулись на Владимірь.

Послѣ упорнаго сопротивленія, городъ Владимірь (на рѣкѣ Клязьмѣ) былъ взятъ Татарами, раззоренъ и выжженъ; семья великаго князя Юрія, епископъ и старѣйшіе бояре были сожжены въ мѣстномъ соборѣ, гдѣ некали себѣ послѣдняго убѣжища. Самъ князь Юрій, едва успѣвшій собрать войско, ожидалъ Татаръ на р. Сити. Здѣсь произошла рѣшительная битва (въ 1238 г.) и русское войско, подавленное множествомъ, все полегло на мѣстѣ. Князь Юрій былъ въ первыхъ рядахъ и былъ убитъ.

Съ береговъ Сити Татары пытались двинуться на Новгородъ, но побоялись перехода по болотамъ, такъ какъ уже пачиналась весна, и повернули на юго-востокъ, откочевывая въ приволжскія степи. Все раззоряя и грабя на пути, они встрѣтили отчаянное сопротивленіе со стороны небольшого городка Козельска, подъ которымъ часть орды задержалась на нѣсколько недѣль. Татары наконецъ одолѣли козельцевъ, взяли городъ и вырѣзали всѣхъ жителей его до единаго. Современный лѣтописецъ, описывая эту страшную расправу, сообщаетъ, что одинъ изъ князей-младенцевъ «утонулъ въ крови». Не даромъ Татары, изумленные мужествомъ козельцевъ, прозвали съ тѣхъ поръ Козельскъ «злымъ городомъ».

На слѣдующій годъ Татары, съ низовья Волги, двинулись южными степями въ Приднѣпровье, въ теченіе двухъ лѣтъ (1239—1240), раззоряли Южную Россію, а затѣмъ подошли къ Кіеву. Кіевомъ въ то время владѣлъ князь Данилъ Романовичъ Галицкій, но самого его въ городѣ не было: онъ находился въ Венгріи, гдѣ у родственника и союзника своего, короля Венгерскаго, надѣялся получить вспомогательное войско. Защита Кіева была поручена боярину Дмитрію, который на предложеніе о сдачѣ города отвѣчалъ отказомъ. Тогда орда татарская переправилась за Днѣпръ и обложила Кіевъ въ такомъ множествѣ, что, по замѣчанію лѣтописца, «отъ ея нестройнаго шума и криковъ, отъ скрипа телѣгъ, ржанія коней и блеянія стада—кіевляне были какъ бы оглушены и не могли въ городѣ слышать другъ друга». Защищались кіевляне отчаянно, сначала на стѣнахъ, потомъ, когда Татары съ разныхъ сторонъ ворвались въ городъ, то въ домахъ, улицахъ и церквахъ. Но Татары одолѣли—и городъ былъ раззоренъ и обращенъ въ груды развалинъ.

Въ 1241 г., въ то время, когда одна часть орды двинулась на Польшу и, разбивъ польскихъ князей при *Лигницѣ*, стала раззорять Силезію, другая наступила на Венгрію и Богемію. Мужественная защита Голомуца (въ Моравіи) чешскимъ воеводою *Ярославомъ*, а также и значительныя неудобства, которыя, при сравнительной густотѣ европейскаго населенія, они всюду встрѣчали въ прокормѣ своихъ стадъ, побудили Татаръ обратиться назадъ и вновь удалиться въ привольныя южно-русскія степи. Здѣсь они основались прочно и остались надолго. Большую часть года они кочевали между Волгою, Дономъ и Кавказскими горами съ одной

Раззореніе
Кіева и Юж-
ной Руси.

стороны, между Дономъ и Днѣпромъ—съ другой; а на зиму собирались около *ханской ставки*, въ главномъ зимовьѣ Орды—*Сарай* *), гдѣ въ послѣдствіи образовалось нѣчто среднее между городомъ и кочевьемъ. Сюда-то, въ *Сарай*, ханы татарскіе (или какъ они сами себя величали—«ханы Золотой Орды») стали призывать къ себѣ русскихъ князей, оставшихся въ живыхъ, налагая на нихъ дань и вынуждая къ повинновенію страхомъ нашествія и опустошенія.

Порабоще-
ніе Руси.

По возвращеніямъ Татаръ, всё тѣ страны, по которымъ они прошли съ огнемъ и мечомъ, принадлежали ихъ хану, а потому и ни одинъ князь въ этихъ земляхъ не смѣлъ править своею областью, не получивъ на это *ярлыка* (разрѣшающей ханской грамоты). Для полученія ярлыка князь долженъ былъ самъ ѣхать въ Орду, везти съ собою подарки хану, его любимымъ женамъ и вельможамъ. Во время пребыванія въ Ордѣ нужно было кланяться, заискивать, подчиняться унижительнымъ обрядамъ, подавлять въ себѣ отвращеніе къ нечистымъ обычаямъ кочевниковъ. Путемъ всёхъ этихъ униженій и испытаній добившись отъ хана грамоты (ярлыка) на княженіе, князья, пускаясь въ обратный путь, должны были обязываться за себя и своихъ подданныхъ уплатою тяжелой дани въ ханскую казну. Татарскіе ханы выказали въ порабощеніи Руси такую послѣдовательность и умѣнье, какъ и въ завоеваніи отдѣльныхъ русскихъ областей и княжествъ. Прежде всего отправлены были по городамъ и волостямъ особые чиновники, *баскаки* (буквально: *давители*), которые перечислили все населеніе съ десятилѣтняго возраста (за исключеніемъ женщинъ), и каждого обложили извѣстною данью, сообразно его положенію и состоянію. Всѣ оброчныя статьи, всѣ промыслы, всѣ виды торговли были также обложены пошлинами. Обложенія данью и пошлинами избѣгли только монастыри и церкви и все русское духовенство, черное и бѣлое, такъ какъ законъ (ясъ), признаваемый татарами, предписывалъ имъ «относиться съ уваженіемъ къ служителямъ чужого Бога» **).

Татарскіе баскаки собирали дань съ чрезвычайною суровостью, и всякій отказъ отъ уплаты или сопротивленіе баскаку влекло за собою присылку татарскаго отряда, который жегъ, разорялъ, грабилъ непокорныхъ и уводил плѣнниками въ Орду. Иногда случалось, что ханы отдавали дань въ отдаленныхъ мѣстахъ Руси средне-азиатскимъ купцамъ *на откупъ*, и такіе откупщики, стараясь нажиться отъ избытковъ дани, угнетали народъ еще болѣе, нежели баскаки.

Неисчислимы и страшны были бѣдствія Русской Земли въ это тяжелое время, и великимъ счастьемъ для нея было то, что завоеватели Руси, какъ кочевники, не могли селиться въ городахъ и потому предоставляли русскимъ князьямъ править ихъ землями, по произволу, подъ условіемъ своевременной и вѣрной уплаты дани. Еще большимъ счастьемъ было то,

*) Близъ нынѣшняго города *Царева* въ Астраханской губ.

***) Татары въ это время были еще язычниками и поклонялись огню и тѣнямъ предковъ. По отношенію къ русскому духовенству и монашеству они выказывали почтеніе и даже нѣкоторый суевѣрный страхъ; а ханы, въ послѣдствіи, даже оберегали и доходы русскаго духовенства своими ярлыками отъ всякихъ поборовъ и насилій.

КАРТА РУСИ ОТЪ ПОЛОВИНЫ XIII ДО ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА.

что татарское иго не коснулось главныхъ духовныхъ сокровищъ русскаго народа—его вѣры и языка.

Первымъ русскимъ княземъ, явившимся въ Орду, былъ *Ярославъ Всеволодовичъ*, вступившій, по смерти своего брата Юрія, на великокняжескій престолъ во Владиміръ; онъ первый получилъ ханскій ярлыкъ на владѣніе своею наслѣдственной землею. Его примѣру послѣдовали и другіе князья. Послѣднимъ явился князь *Данилъ Романовичъ Галицкій*, все еще надѣявшійся на возможность получить помощь противъ Татаръ съ Запада, изъ Венгріи и Германіи, при посредствѣ папы, съ которымъ онъ вошелъ въ сношенія, обѣщая даже перейти въ католичество. Но папа удовольствовался тѣмъ, что прислалъ Данилу королевскую корону и утѣшительныя посланія. Тогда Данилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія и покорился хану, сохранивъ свою вѣру.

Русскіе
князья въ
Ордѣ.

Такъ какъ Ярославъ Всеволодовичъ вскорѣ скончался *), то на его мѣсто великимъ княземъ явился знаменитый сынъ его, *Александръ Ярославичъ Невскій*, уже прославленный своими побѣдами надъ Шведами, Нѣмцами и Чудью (на берегахъ Невы и на льду Чудскаго озера), и этотъ князь былъ истиннымъ благодѣтелемъ не только своего княжества, но и всей Руси въ первый и наиболѣе тяжкій періодъ Татарщины.

Александръ
Невскій.

Будучи настолько же умнымъ и тонкимъ политикомъ, насколько и храбрымъ воиномъ, сознавая притомъ же полную невозможность борьбы съ Татарами, Александръ заботился только объ улаживаніи отношеній между ханомъ, русскими князьями и городами, и о возможномъ облегченіи тягостей, угнетавшихъ народъ. Съ этою цѣлью четыре раза предпринималъ онъ дальнее и трудное путешествіе въ Орду, жилъ въ ней каждый разъ по нѣскольку мѣсяцевъ и, всѣми уважаемый даже и тамъ, сумѣлъ отклонить много бѣдствій, разореній и нашествій отъ несчастной Русской Земли. Когда онъ скончался (14 ноября 1263 г.), его оплакивала вся Русь, и митрополитъ Кириллъ имѣлъ право сказать надъ его гробомъ народу: «дѣти мои милые! понимаете-ли вы, что закатилось солнце Земли Русской!»

По смерти Александра Невскаго начались раздоры сначала между его братьями, а потомъ и между его сыновьями, за обладаніе великокняжескимъ Владиміро-Суздальскимъ престоломъ. Во время этой борьбы успѣли возвыситься, среди множества другихъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ, княжества *Смоленское*, *Рязанское* и въ особенности *Тверское*. Междуособною борьбою русскихъ князей искусно пользовалась и Орда, раздавая ярлыки на княженіе по произволу. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ татарскаго ига, всѣ отношенія между князьями совершенно видоизмѣнились и рушились. Не только *права родового старшинства*, но даже и *права прямого наслѣдованія* утратили всякое значеніе, потому что ни одинъ князь не могъ сѣсть на престолъ безъ ханскаго ярлыка, а ханы смотрѣли на ярлыкъ, какъ на знакъ своей особой милости и расположенія къ князю; между тѣмъ, эту милость каждый князь могъ пріобрѣсти въ Ордѣ, угождая хану, его женамъ и любимцамъ. Такимъ образомъ, и

Сыновья
Александра
Невскаго.

*) Умеръ во время дальняго путешествія въ Среднюю Азію, куда Батый отправилъ его на поклоненіе старшему хану.

Образцы древне-русской дѣловой письменности XIV вѣка.

ЧѢВЛНКОГО НА ДА АНДРЕЯ. ПОСАДНИКА СМѢНА. ОТ
 ВСЕГО НОВАГОРОДА. СЕПРИХА(ЛЪ) ИВАНЪ БѢЛЫНЪ ИЗЪ ЛЮБКА. АДАМЪ СЪ ГОЧ(Т)КАГО
 БЕРЕГА. ИЩА ОЛЧАТЬ ИЗЪ РИГЫ. ОТЪ СВОЕИ БРАТНИ ОТЪ ВСѢХЪ КУПЕЧ(Ц)Ъ СВОИХЪ ЛАТИНСКАГО
 ЯЗЫКА И ДАХОМЪ ИМЪ ТРИ ПУТИ ГОРНИИ ¹⁾ ПО СВОЕИ ВОЛОСТИ, А ЧЕТВЕРТНИ ВЪ РѢЧКАХЪ
 ГОСТИ ВЪХАТИ БЕС(З)Ъ ПАКОСТИ НА БОЖІЕЙ РУКЪ ²⁾ И НА КНЯЖЕЙ И НА ВСЕГО НОВАГОРОДА.
 ОЖЕ (ЕЖЕЛИ-ЖЕ) БУДЕТЬ НЕЧИСТЪ ПУТЬ ВЪ РѢЧКАХЪ КНЯЗЬ ВЕДИТЬ СВОИМЪ МУЖЕМЪ
 ПРОВОДИТИ СЛИ ГОСТЬ (И) ВЪСТЪ ИМЪ ПОДАТИ.

Охранная грамота Ганзейскимъ купцамъ, выданная княземъ Новгородскимъ Андреемъ Александровичемъ, оноло 1301 года.

(Уменьшена).

Тексть грамоты:

отъ великаго князя андрея. отъ посадника с(е)мена. отъ тысяч(с)каго машка. отъ
 всего новагорода. се прѣиха(лъ) иванъ бѣлынъ изъ(ъ) любка. адамъ съ гоч(т)каго бе-
 рега. ища олчать изъ ригы. отъ своеи братни отъ всѣхъ купеци(ц) своихъ латинскаго
 языка и дахомъ имъ три пути горнии ¹⁾ по своеи волости, а четвертни въ(ъ) рѣчкахъ
 гости вѣхати бес(з)ъ пакости на божей рукѣ ²⁾ и на княжей и на всего новагорода.
 Оже (ежели-же) будетъ нечистъ путь въ(ъ) рѣчкахъ князь вѣдитъ своимъ мужемъ
 проводить сии гость (и) вѣстъ имъ подати.

(Внизу привѣшены къ грамотѣ три печати: посадникова, вѣроятно княжеская, и ты-
 сяцкаго).

великокняжеское достоинство утратило, мало-по-малу, всякое значеніе.
 Великимъ княземъ считался всякій князь, получившій отъ хана ярлыкъ
 на престолъ Владиміро-Суздальскій: такой великій князь вовсе даже и
 не жилъ во Владимірь (на р. Клязьмѣ), и, оставаясь въ своемъ удѣлѣ,
 изъ него правилъ княжествомъ Владиміро-Суздальскимъ.

¹⁾ Горный путь—сухопутье. И до сихъ поръ существуетъ народное выраженіе:
 везти товаръ *гордою*, т. е. сухимъ путемъ. ²⁾ На рукѣ—въ см. на порукѣ.

Само собою разумѣется, что при такомъ приниженномъ положеніи вѣхъ князей, при такомъ упадкѣ значенія великокняжескаго достоинства должно было падать и значеніе центра великокняжеской власти—города Владиміра. Но рядомъ съ Владиміромъ уже возвышался въ это время другой городъ—*Москва*, будущая столица сильнаго государства Московскаго. Москва впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1147 г. по поводу пира, которымъ здѣсь угощаль Юрій Долгорукій одного изъ своихъ союзниковъ. По преданію, на мѣстѣ г. Москвы находилось частное владѣніе боярина Степана Кучка, казненнаго Юріемъ за какую-то вину. Казнивъ боярина, Юрій присвоилъ себѣ его владѣніе, *село Кучиково*, пріѣзжалъ сюда пировать и охотиться, а впоследствии заложилъ здѣсь, на холмѣ, покрытомъ дремучимъ боромъ, городокъ Москву. Этотъ выгодно расположенный городокъ сталъ впоследствии средоточіемъ небольшой волости, которая входила въ составъ удѣловъ Суздальскаго княжества, была даже раззорена Татарами, и наконецъ досталась младшему изъ сыновей Александра Невскаго, *Даніилу*. Умный и осторожный Даніиль сумѣлъ устраниться отъ борьбы своихъ братьевъ, и въ то же время пользовался всякимъ случаемъ, чтобы расширить свои владѣнія на ихъ счетъ, то скуная у нихъ, то захватывая все, чего они не могли отстоять. Отъ своего племянника получилъ онъ въ наслѣдство одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Суздальской области, *Переяславль*, а отъ княжества Смоленскаго силою отнялъ *Можайскъ* и, округливъ такимъ образомъ свое княжество, значительно-разбогатѣвъ и усилившись, могъ уже оставить сыновьямъ своимъ, *Юрію* и *Іоанну*, такое владѣніе, которое равнялось и Тверскому, и Смоленскому княжеству. Тогда между князьями Московскими и князьями Тверскими завязалась борьба не на-животъ, а на-смерть—изъ-за обладанія великокняжескимъ престоломъ Владиміро-Суздальскимъ. Не входя въ подробности этой борьбы, замѣтимъ, что она полна трагическихъ и кровавыхъ эпизодовъ, и такой безпощадности, которая ясно свидѣтельствуетъ о глубокомъ паденіи нравственнаго уровня въ княжеской средѣ. Изъ сыновей Даніила, старшій, *Юрій*, погибъ въ этой борьбѣ, погубивъ двоихъ Тверскихъ князей, своихъ соперниковъ, и Московское княжество очутилось въ рукахъ другого сына Даніилова, *Іоанна*.

Іоаннъ I, по прозванію «*Калита*» *), былъ человекъ замѣчательный. Осторожный и хитрый политикъ, безжалостный къ врагамъ и не затруднявшійся въ выборѣ своихъ средствъ, онъ былъ въ то же время одаренъ умомъ государственнымъ. Сознывая необходимость объединенія и усиленія Руси для освобожденія ея отъ ненавистнаго ига, онъ стремился постоянно только къ двумъ цѣлямъ: расширенію владѣній своихъ и обогащенію казны. Съ этою цѣлью онъ не щадилъ никого изъ сосѣдей—притѣснялъ и Ростовъ, и Тверь, и Новгородъ—всюду распоряжаясь полновластно, и при этомъ превосходно умѣлъ ладить съ Татарами, тщательно оберегая свое княжество отъ всякихъ вторженій и опустошеній. Ханъ возвелъ Іоанна Калиту въ великокняжеское достоинство (1328—1341), а затѣмъ поручилъ ему сборъ ордынской дани со *всей Руси*. Это

*) *Калита*—кошель для денегъ, сумъ; въ переносномъ значеніи—*скопидомъ*.

важное право, съ одной стороны, ставило всё остальные княжества и земли Русскія въ подчиненное отношеніе къ князю Московскому, а съ другой стороны—предоставляло въ распоряженіе Московскаго князя большія богатства, при помощи которыхъ онъ скупалъ сѣла и города у разоренныхъ и обдѣланныхъ удѣльныхъ князей.

Въ томъ же направленіи—съ цѣлью возвышенія значенія Москвы—дѣйствовали Іоаннъ Калита и прилагалъ всё старанія къ перенесенію митрополіи (т. е. резиденціи митрополита) изъ Владиміра въ Москву. Наконецъ, ему удалось уговорить митрополита *Петра* навсегда поселиться въ Москвѣ, гдѣ ему было и покойнѣе, и безопаснѣе жить, нежели во Владимірѣ, и въ угоду святому старцу заложилъ *Успенскій соборъ* (1326 г.), на постройку котораго не шадилъ ни средствъ, ни трудовъ. Это перенесеніе митрополіи въ Москву существенно подвинуло небольшой, но быстро-возрастающій городъ къ пріобрѣтенію значенія *всероссійскаго центра*, такъ какъ всё остальные города и области вынуждены были обращаться въ Москву по всемъ вопросамъ церковнымъ. Съ другой стороны и митрополиты московскіе въ значительной степени способствовали упроченію и распространенію власти Московскихъ князей надъ князьями удѣльными. Въ какой степени за время правленія Іоанна Калиты увеличились владѣнія Московскаго князя, можно видѣть изъ того, что каждому изъ старшихъ своихъ сыновей онъ могъ уже завѣщать «*по двадцати городовъ съ селами*», да столько же княгинѣ своей съ младшими дѣтьми.

Сыновья
Калиты.

Сынъ Іоанна Калиты, *Симеонъ Гордый*, продолжалъ политику отца послѣ того, какъ ханъ утвердилъ его великимъ княземъ и «отдалъ всёхъ русскихъ князей подъ его руку». Онъ и распоряжался ими полновластно, и даже въ грамотѣ своей величалъ себя «великимъ княземъ *всѣя Руси*». Но онъ правилъ недолго (скончался отъ моровой язвы въ 1353 году) и передалъ княженіе брату своему *Іоанну II*, такъ какъ умеръ бездѣтнымъ.

Іоаннъ II княжилъ всего 6 лѣтъ; но онъ могъ уже умереть спокойно, поручивъ своего малолѣтняго сына *Дмитрія* на попеченіе митрополита Алексѣя и старыхъ московскихъ бояръ, которые сумѣли поддержать уже установившіяся московскія традиціи. Въ особенности важной была въ этомъ отношеніи дѣятельность митрополита Алексѣя, человека, одареннаго обширнымъ умомъ государственнымъ, просвѣщеннаго и проникнутаго горячею любовью къ родинѣ. Пользуясь своимъ значеніемъ въ Ордѣ*), митрополитъ Алексѣй сумѣлъ отстоять права своего малолѣтняго питомца, князя Дмитрія Іоанновича, отъ притязаній всёхъ остальныхъ князей и добился того, что 9-ти-лѣтній Дмитрій былъ возведенъ на великокняжескій престолъ.

Дмитрій
Донской.
1359—1389.

Едва возмужалъ Дмитрій, какъ уже, по совѣту митрополита и старыхъ бояръ, служившихъ его отцу и дѣду, позаботился объ укрѣпленіи Москвы—обнесъ ее толстыми *каменными стѣнами и башнями*, что было необычно въ русскихъ городахъ на Сѣверо-Востокѣ, такъ какъ всё укрѣпленія ихъ были земляныя и деревянныя. Съ тѣхъ поръ князь Московскій, богатый и сильный, началъ полновластно распоряжаться сосѣдними княжествами, подчиняя своей власти однихъ князей, а другихъ изгоняя изъ удѣловъ.

*) Значеніе митрополита Алексѣя въ особенности возросло въ Ордѣ съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось вылечить *Тайдуму*, жену хана *Чанибека*, отъ тяжкой глазной болѣзни.

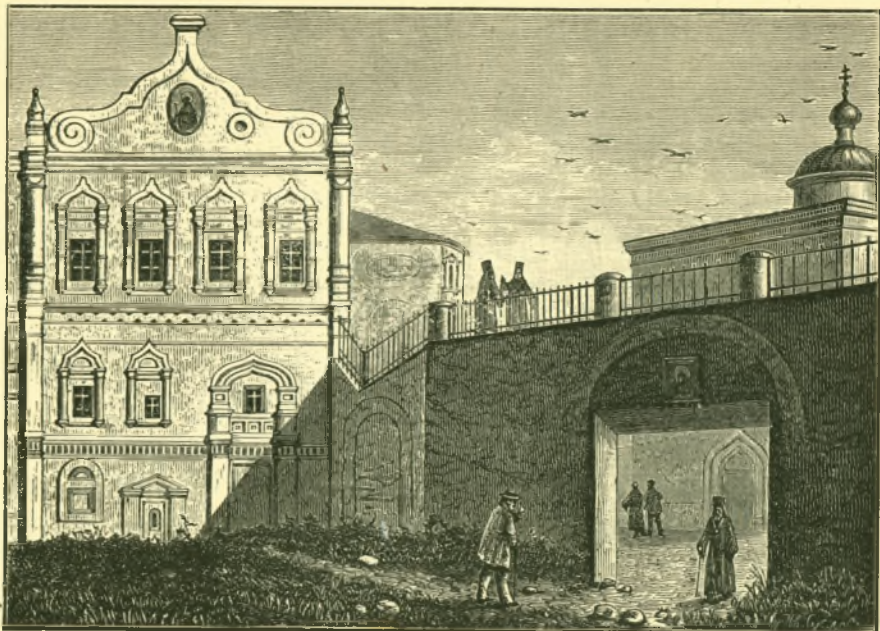
Послѣдовалъ цѣлый рядъ военныхъ столкновеній съ сосѣдними княжествами: Нижегородскими и Суздальскими князьями, Рязанью, Новгородомъ, затѣмъ, даже долгая и упорная борьба съ Тверью и Литвою, которая закончилась важнымъ и любопытнымъ договоромъ. По этому договору, князь Тверской признавалъ себя *младшимъ братомъ Дмитрія* и обязывался быть его неизмѣннымъ союзникомъ *противъ Татаръ* и Литвы.

Тутъ впервые обнаружилась та политика, къ которой Москва готовилась уже издавна, передавая завѣтную мысль объ освобожденіи отъ ига изъ поколѣнія въ поколѣніе своихъ князей. И дѣйствительно, въ теченіе 20-ти-лѣтняго княженія, окончательно утвердившись на своемъ престолѣ и собравъ въ рукахъ своихъ нити управленія всѣми сосѣдними княжествами, Дмитрій Иоанновичъ сталъ относиться иначе, нежели его предшественники, къ Ордѣ, въ которой тѣмъ временемъ происходили тоже большіе раздоры и неурядицы. То Дмитрій задерживалъ уплату дани Ордѣ, то самъ собиралъ дань съ ея данниковъ, Болгаръ Волжскихъ; то оружіемъ отражалъ набѣги Татаръ на русскія области. Наконецъ, на него поднялся изъ Орды гроза Мамай, одинъ изъ татарскихъ князей, распорядившійся въ Ордѣ полновластно, рѣшился наказать Москву и напомнить ей первый времена Татарщины. Онъ собралъ огромное войско и заключилъ союзъ съ Литовскимъ княземъ, Ягелломъ, который, одновременно съ Мамаемъ, долженъ былъ ударить на Русь съ Запада.

При первыхъ извѣстіяхъ изъ Орды о сборахъ Мамаю, Дмитрій Иоанновичъ собралъ войско изъ всѣхъ наличныхъ силъ Руси. Въ первый еще разъ подъ знаменами великаго князя Московскаго собралось такое множество русскихъ князей со своими ополченіями! 20 августа 1380 г. войска русскія, по благословенію Св. Сергія, выступили изъ Москвы, и когда, подъ Коломной, князь Дмитрій произвелъ имъ смотръ, то оказалось, что воиновъ въ его войскѣ было 150,000 человекъ. Не было тутъ только ополченія князя Олега Рязанскаго, который отказался отъ участія въ общемъ дѣлѣ по ненависти къ Московскому князю, и ополченія новгородскаго, случайно не поспѣвшаго на сборный пунктъ. Отъ Коломны войско двинулось на Ю.-В., переправилось за Донъ и стало ожидать наступленія полчищъ Мамаю.

Предстояло рѣшеніе важнаго, жизненнаго вопроса для всей Земли Русской—кто одолѣетъ въ предстоящей тяжелой борьбѣ, отъ которой зависѣло все будущее существованіе Русскаго государства? Битва предстояла жестокая, неумолимая, противъ врага испытаннаго, привыкнутаго побѣждать, покорять и поработать русскихъ людей... Въ этомъ смыслѣ подвигъ Дмитрія и его воиновъ можно смѣло сравнить съ подвигомъ героя, сражавшагося на поляхъ Каталаунскихъ противъ Аттилы:—и здѣсь, и тамъ рѣшался одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ исконной борьбы Запада съ Востокомъ, и кончился торжествомъ Запада, побѣдою христіанскаго войска надъ мусульманскимъ.

Войска русскія сошлись съ несметными полчищами Мамаю на Куликовомъ полѣ, при впаденіи въ Донъ рѣчки Непрядвы. Позиція, избранная Дмитріемъ, была очень крѣпкая, а самое поле битвы было не настолько обширно, чтобы можно было Мамаю развернуть всѣ свои силы и

Остатки терема князя Олега Рязанскаго.
Нынѣ архіерейскій домъ въ г. Рязани.

охватить небольшое войско русское. Битва началась съ утра 8-го сентября и длилась очень долго. Каждый изъ вонновъ, участвовавшихъ въ этой битвѣ, зналъ, что онъ бьется противъ исконнаго врага Руси и жертвуетъ жизнью для освобожденія родины отъ несправедливаго татарскаго ига. Вотъ почему всѣ дрались съ непримѣрнымъ мужествомъ, не уступая ни пяди земли, задыхаясь въ тѣснотѣ отчаянной рукопашной свалки; князья, бояре, воеводы, даже самъ великій князь сражались въ рядахъ простыхъ вонновъ. Наконецъ, побѣда русской рати была рѣшена внезапнымъ ударомъ изъ засады запасныхъ свѣжихъ силъ, подъ предводительствомъ двоюроднаго брата великаго князя *Владимира Старицкаго* (прозваннаго за эту побѣду *Храбрымъ*) и опытнаго воеводы великокняжескаго *Дмитрія Волынца*. Татары, уже истомленные долгою битвой, не выдержали неожиданнаго натиска свѣжихъ силъ, ударившихъ во флангъ ихъ, и обратились въ бѣгство, оставивъ весь свой громадный и богатый станъ въ рукахъ побѣдителей. Побѣда была полная, но за то и потери, понесенныя русскими въ битвѣ, были такъ чрезмѣрны, что лѣтописецъ говорить: «оскудѣла совершенно вся Земля Русская воеводами, князьями и всѣмъ воинствомъ».

«Оскудѣніе» это выказалось ясно два года спустя послѣ Куликовской битвы, когда новый ханъ Золотой Орды, *Тохтамышъ*, вдругъ ударилъ на Московское княжество, и, пользуясь тѣмъ, что никто нападенія съ его стороны не ожидалъ, прошелъ до самой Москвы, взялъ ее обманомъ и ограбилъ, однакоже тотчасъ послѣ того отступилъ, прослышавъ о приближеніи войска, собраннаго великимъ княземъ. Это уже было *не нашествіе*, а *только набѣгъ*. Сила Орды была сломлена; но Дмитрій справедливо опасался частыхъ опустошеній отъ подобныхъ набѣговъ, а потому отправилъ сына своего Василія съ боярами въ Орду и вновь призналъ себя данникомъ татарскихъ хановъ.

Дмитрій Іоанновичъ прожилъ недолго послѣ Куликовской битвы. Онъ

Донской монастырь въ Москвѣ, воздвигнутый въ память побѣды Дмитрія Донскаго. Въ древнемъ видѣ своемъ не сохранился.

скончался въ 1389 г. *). Но и въ послѣдніе годы своей жизни онъ не переставалъ заботиться объ ослабленіи удѣльныхъ князей и объ установленіи тѣснѣйшей связи всѣхъ русскихъ областей съ Москвою. Въ договорахъ, заключенныхъ имъ съ братьями и съ удѣльными князьями, онъ уже прямо обязывалъ ихъ «признавать старшинство Московскаго князя и

*) За побѣду, одержанную на Дону надъ Татарами, Дмитрій получилъ въ потомствѣ прозваніе *Донскаго*; а самый походъ русскаго войска и борьба съ Мамаемъ и его полчищами воспѣта была въ современномъ поэтическомъ произведеніи, подъ названіемъ «Сказанія о Задонщинѣ в. кн. Дмитрія Ивановича».

служить ему». Насколько усилилось при немъ могущество Московскаго княжества, видно уже изъ того, что онъ, не спрашиваясь у Орды, оставилъ свой «великокняжескій престолъ *въ наследство сыну*» и въ завѣщаніи своемъ называетъ даже и великое княженіе *Владимірское «своею вотчиною»*.

Но Русь еще не была вполне свободна отъ Орды; еще въ теченіе 100 лѣтъ послѣ Куликовской битвы Московскіе князья платили ежегодную дань татарскимъ ханамъ, а въ княженіе Василя I, сына Дмитріева, страшная новая гроза чуть не обрушилась на Русскую Землю: грозный Тамерланъ, заставившій всѣ страны Средней и Малой Азіи трепетать передъ своими полчищами, приблизился къ предѣламъ Руси, дошелъ до Ельца, который разорилъ и ограбилъ (1396 г.), и потомъ вдругъ, по причинамъ, не вполне разъясненнымъ исторіею, повернулъ на Югъ и удалился отъ предѣловъ Русской Земли въ глубь азіатскихъ степей. Русскіе лѣтописцы имѣли полное право приписывать чуду избавленіе Русской Земли отъ новаго нашествія и раззоренія.

Новгородская „данная“ грамота н. владѣніе землею.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Состояніе Церкви. — Великій расколъ и соборное движеніе. — Гусситская война и конецъ Люксембургскаго дома. — Начало Габсбурговъ. — Конецъ базельскаго собора.

Какъ было уже сказано, въ 1377 г., преемникъ Урбана V, Григорій XI, снова перенесъ папскую резиденцію изъ Авиньона въ Римъ. По смерти его здѣсь въ 1378 г., римское населеніе хотѣло имѣть папою итальянца, по возможности даже римлянина, и кардиналы, хотя большею частью и французскіе, испуганные такимъ настроеніемъ умовъ, выбрали неаполитанца, архіепископа въ Бари, Урбана VI. Этотъ папа принялся горячо за реформы, не щадя упрековъ и самимъ кардиналамъ, — что не могло нравиться этимъ церковнымъ курфюрстамъ, привыкшимъ къ почету и роскоши, и не желавшимъ принудить себя къ тому аскетическому образу жизни, на который обрекалъ самого себя новый папа, требуя того же и отъ другихъ. Они считали Урбана безумцемъ, и большинство ихъ, двѣнадцать «Трамонтановъ», бѣжали въ Ананьи, объявили тамъ избраніе Урбана недѣйствительнымъ и выбрали, въ Фонди, француза, женеваго уроженца, кардинала Роберта, подъ именемъ Климента VII. Онъ былъ признанъ Іоанной I, королевой Неаполитанской (съ 1343 г.), и Франціей, и поселился снова въ Авиньонѣ. Ему подчинились постепенно и другія государства, политически зависѣвшія отъ Франціи или находившіяся съ нею въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ, напр., Шотландія, Савойя, Кастилія, Арагонъ, Наварра. Но нѣмецкія земли, Германія и Англія, Данія, Швеція, Польша признавали Урбана, — и такимъ образомъ возникъ великій расколъ, «схизма», разъединившая Западную Церковь.

Состояніе
Церкви съ
1377 г.

Повсюду горячо обсуждался вопросъ о правильности избранія Урбана. Со смертью его, въ 1380 году, казалось бы весьма удобнымъ возстановить единство Церкви, но римскіе кардиналы избрали тотчасъ новаго папу: Бонифація IX, а когда умеръ въ Авиньонѣ Климентъ XII (1394), французскіе кардиналы, съ своей стороны, провозгласили папою Бенедикта XIII. Послѣ кончины Бонифація, партія его избрала еще папу и затѣмъ, когда умеръ и тотъ (1406), еще новаго, подъ именемъ Григорія XII. Всѣ эти папы боролись другъ съ другомъ, извлекая духовное оружіе изъ своего неистощимаго арсенала. Они не щадили взаимныхъ анаемъ, что смущало народную совѣсть или, лучше сказать, притупляло ее; многіе говорили, что, вмѣсто двоихъ, можно имѣть и дюжину папъ, или, пожалуй, своего

Расколъ.

для каждой страны. Но духовное оружіе было мало дѣйствительно въ подобной борьбѣ; нужно было другое, мірское, а для него требовались деньги; и прежде уже изобрѣтательность куріи относительно вымоганія денежныхъ средствъ вызывала изумленіе и ропотъ, но теперь всѣ такіа злоупотребленія еще возросли, вполне заслуживая названіе симоніи, которымъ мѣтко заклеимила ихъ старая Церковь. Къ такъ-называемымъ «бенефиціямъ», полученіе которыхъ черезъ папу совершалось тоже не безденежно, прибавились обѣщанія на будущее полученіе доходныхъ мѣстъ—«*gratiae expectativae*»; къ «аннатамъ», т.-е. годовому пользованію приходомъ, прибавились «споліи» или выморочное движимое и недвижимое имущество умершихъ прелатовъ; все это вмѣстѣ образовало богатый притокъ въ папскую казну. Коллекторы и подколлекторы собирали эти дани подъ разными рубриками: «резерваціи», «превенціи», «деволюціи», «коменды» *), смертнаго случая при папскомъ дворѣ, разрѣшительныхъ грамотъ. Вѣрнымъ признакомъ разложенія Церкви было возраставшее число сектъ и братствъ; таковы были: апостольскія братства, духословы, бегарды и бегины **), братья совмѣстнаго житія и пр., и пр. Если всѣ эти сектанты и не разрывали вполне своей связи съ общею Церковью, то все же обліе ихъ доказывало, что она, въ своемъ видѣ, не удовлетворяла религиознымъ потребностямъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ. И эта неудовлетворенность чувствовалась не только глубокими, но и легкомысленными натурами, возмущая наиболѣе серьезные умы, потому что естественнымъ послѣдствіемъ укоренившейся симоніи, разраставшейся до чудовищныхъ размѣровъ вслѣдствіе самой схизмы, было усиливавшееся обмірщеніе и искаженіе духовнаго сословія. Лицамъ, попадавшимъ случайно ко дворамъ языческихъ государей, приходилось выслушивать тамъ, что христіанамъ теперь легче живется, нежели прежде: у нихъ двое боговъ, которые могутъ отпустить имъ грѣхъ,—не захочетъ одинъ, можно обратиться къ другому.

Такое печальное положеніе вещей чувствовалось во всѣхъ странахъ и всѣми сословіями. Но поправить дѣло было трудно, потому что Церковь вытѣснила изъ законной сферы ихъ дѣятельности мірскихъ властителей, этихъ жизненныхъ и содѣйствующихъ членовъ Церкви, предъявляя имъ свои непомерныя и извращенныя притязанія. Между тѣмъ, безъ помощи этихъ самыхъ властителей, церковная реформа была немислима. Какъ учила Виклифская ересь, дѣло должны были взять въ свои руки «*domini temporales*», свѣтскіе князья. Дѣйствительно, нѣмецкій король Венцеславъ и французскій король Карлъ VI рѣшили водворить въ Церкви единство, заставивъ обоихъ папъ отказаться отъ своего сана. Но тѣ и не помышляли объ этомъ. Начатые по этому поводу переговоры велись только для вида. Среди этого возникала новая, непредвидѣнная сила, которая

*) *Резервація* — право назначенія на мѣста, оставляемое папою за собою. — *Превенція* — право просить папу непосредственно, минуя епископовъ. — *Деволюція* — перенесеніе духовной должности папою на избираемое имъ лицо. — *Коменда* — доходъ, назначаемый папою духовному лицу, опредѣленному королемъ.

**) *Бегарды* — секта, проповѣдывавшая идеальное совершенство, хотя и допускавшая многія безобразія. *Бегины* — секта, считавшая себя 3-мъ орденомъ Св. Франциска.

находила отвѣты на то, передъ чѣмъ имѣла догматика и существовавшее каноническое право: сила эта заключалась въ свободномъ знаніи, — по скольку его можно назвать таковымъ,—и его органахъ: университетахъ, которые стали быстро основываться, со второй половины XIV столѣтія, въ Прагѣ (1348), Вѣнѣ (1365), Гейдельбергѣ (1387), Кельнѣ (1388), Эрфуртѣ (1392), при чемъ наиболѣе прославившіеся, Парижскій и Оксфордскій, занимались самыми жгучими вопросами. Злобою дня становилась церковная реформа,—реформа «сверху и до низу», и созваніе вселенскаго собора ради этой цѣли. Но кто имѣлъ право созвать его? Это было вопросомъ, и весьма серьезнымъ. Однако, подъ давленіемъ общественаго мнѣнія, кардиналы обѣихъ курій созвали такой съездъ въ Пизѣ (мартъ 1400). Два вожака реформенной партіи, епископъ Камбрійскій, Петръ д'Эльи, и канцлеръ Парижскаго университета, Іоаннъ Жерсонъ, заняли первенствующее мѣсто на этомъ соборѣ, который повелѣ дѣло рѣшительно, объявилъ низложенными обонхъ папъ, Бенедикта и Григорія, и избралъ новаго, Петра Кандію, уже не молодого, подъ именемъ Александра V. Собраніе было торжественное; въ немъ насчитывалось 22 кардинала, 3 патріарха, 12 архіепископовъ, 80 епископовъ, 87 аббатовъ; представителями не менѣе нежели 15 университетовъ было 300 докторовъ богословія и каноническаго права. Не было недостатка въ весьма рѣзкихъ рѣшеніяхъ; но преобразовательное движеніе не было еще всеокрушающимъ, соборъ не опирался еще на могучую народную силу, и Александръ V, дѣльный богословъ, но, какъ человѣкъ, не способный противостоять своимъ кардиналамъ, распустилъ собраніе, между тѣмъ, какъ оба низложенные схизматика продолжали считать себя законными папами. Такимъ образомъ, оказывалось уже трое намѣстниковъ Св. Петра, при чемъ всей богословской и юридической учености было недостаточно для опредѣленія: который же изъ нихъ былъ поистинѣ самымъ настоящимъ и правомѣрнымъ?

Въ это время въ Богеміи стало обнаруживаться движеніе примыкавшее непосредственно къ ереси Викалфа. Въ Прагѣ, отличавшейся своимъ умственнымъ развитіемъ, давно уже высказывались сильные протесты; теперь же въ ряду такихъ реформаторовъ, какъ Стигна, Мличъ, Матоей изъ Янова, присоединился молодой духовный, степенный и высоконравственный, искренній проповѣдникъ, чехъ *Іоаннъ Гуссъ*, родившійся въ 1369 г., въ пограничномъ мѣстечкѣ Гусинцѣ; онъ занялъ рано мѣсто при университетѣ и, начиная съ 1402 г., привлекалъ на себя общее вниманіе, состоя проповѣдникомъ при Виелеемской часовнѣ въ Прагѣ и духовникомъ королевы Софій. Сочиненія Викалфа читались въ Прагѣ уже съ 1381 г., еще при жизни автора: университеты сохраняли тогда между собою живую связь, весьма естественно поддерживаемую постояннымъ наплывомъ и перекочевкой учащихся. Духъ этихъ сочиненій и практическая сторона ученія

Богемія.
Іоаннъ
Гуссъ.

Johannes Hus Magister in artibus

«Johannes Hus Magister in artibus».
(Іоаннъ Гуссъ, магистръ свободныхъ художествъ).

Подпись Іоанна Гусса.

Снимокъ съ подлинника, хран. въ Прагѣ.

Виклифа вызывали сочувствіе въ прямодушномъ Гуссѣ; онъ говорилъ, что желалъ бы поравняться съ той степенью, на которой стояла душа Виклифа; особенно повліялъ на него, повидимому, трактатъ Виклифа: «Tractatus de ecclesia», основныя положенія котораго воспроизведены Гуссомъ въ его собственномъ сочиненіи подъ тѣмъ же заглавіемъ. Опасныхъ идей о «пресуществленіи» Гуссъ, какъ кажется, не усвоивалъ, хотя и его могло привлекать, въ теченіе нѣкотораго времени, спиритуалистическое возрѣніе на Таинства; однако онъ, при всей своей христіанской прямолинейности, выказываетъ крайнюю осторожность и совѣстливость въ своихъ сужденіяхъ о частностяхъ нѣкоторыхъ главныхъ вопросовъ. Но нѣкоторые изъ его друзей, напримѣръ, рыцарь Иеронимъ Пражскій, принимали ученіе Виклифа съ полною безусловностью. Такимъ образомъ, въ университетѣ, наполненномъ множествомъ нѣзжихъ студентовъ, господствовало большое возбужденіе. Къ богословско-философскому спору присоединялась и племенная вражда, задѣвавшая самый университетскій уставъ. Въ совѣтѣ заведенія, вѣдавшемъ весьма обширные интересы, большинствомъ голосовъ располагали нѣмцы, что унижало національныя права Чеховъ; благодаря вліянію своего знаменитаго проповѣдника, они успѣли добыть королевскій декретъ, постановлявшій, что, отнынѣ, богемская нація должна была имѣть въ совѣтѣ три голоса, а иноземцы лишь одинъ голосъ. Это повело къ большому разрыву: иностранные профессора и студенты покинули Прагу и приливъ ихъ въ новыи Лейпцигскій университетъ послужилъ къ расцвѣту этого заведенія, получившаго въ томъ же году (1409) утвержденіе папы. Все это было жестокимъ ударомъ для нѣмецкаго элемента въ Богеміи и создало магістру Гуссу много враговъ. Пражскій архіепископъ, заручась полномочіемъ отъ папы Александра V, подвергъ сожженію всѣ сочиненія Виклифа и запретилъ проповѣдываніе въ частныхъ часовняхъ. Гуссъ не покорился этому распоряженію, за что былъ отлученъ; но король, дворянство и университетъ были на его сторонѣ; король выступилъ противъ архіепископа, говоря, что духовенство было довольно, пока Гуссъ обличалъ мірянъ; слѣдовало бы ему оставаться довольнымъ, когда тотъ же Гуссъ принялся и за обличеніе грѣховъ духовенства. Самъ Гуссъ, не обладавшій большимъ научнымъ глубокомысліемъ, но питавшій полное убѣжденіе въ отвѣтственности передъ Богомъ, подобно большинству чиновъ его сословія, укрѣплялся сильнѣе и сильнѣе въ той мысли, что человѣкъ, получившій отъ Самого Господа назначеніе проповѣдывать, долженъ дѣлать это, не взирая ни на какія угрозы и отлученія. Такое убѣжденіе должно было, несомнѣнно, увлечь его за предѣлы, установленныя существовавшею католическою Церковью, въ чемъ, повидимому, онъ не давалъ себѣ яснаго отчета. Какъ бы ни было вѣрно то положеніе, что глубокая, внутренняя увѣренность благочестиваго человѣка въ возложенномъ на него свыше порученіи, обязываетъ его къ извѣстнымъ дѣяніямъ, безъ всякаго соображенія со взглядами какихъ бы то ни было земныхъ властей,—такое положеніе все же не католично: католическая Церковь не вѣдала болѣе никакихъ божескихъ внушеній безъ посредничества ея властей,—не вѣдала съ тѣхъ поръ, какъ превратилась въ учрежденіе церковниковъ и папъ.

Архієпископ умолю на нѣкоторое время передъ возраставшимъ общимъ сопротивленіемъ; но вскорѣ расколъ выяснился рѣзче прежняго (1412); папа подвергъ Гусса отлученію и воспретилъ ему пребываніе въ Прагѣ. Отлученный удалился тогда въ Гусинець, но продолжалъ проповѣдывать и издалъ родъ манифеста, въ которомъ взывалъ ко Христу, для суда между нимъ и папою.

Это воззваніе, — о ложномъ, внѣшнемъ и преходящемъ проявленіи по отношенію Церкви къ ея вѣковѣчному принципу, — имѣло глубокое и могучее значеніе для того пути, по которому направился, въ общихъ своихъ чертахъ, вопросъ о церковной реформѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ безобразному положенію вещей въ германскомъ государствѣ, бывшему, какъ мы уже видѣли, въ 1410 г., такимъ же «трехглавымъ чудовищемъ», какъ и Церковь, былъ положенъ конецъ, и Сигизмундъ былъ признанъ единымъ, законнымъ королемъ, движеніе на пользу церковной реформы и ожиданіе всеобщаго собора, долженствовавшего произвести эту желанную реформу «сверху и до низу», получили новое подкрѣпленіе. По смерти Александра (1410), былъ избранъ въ папы кардиналъ — легатъ въ Коссѣ, Балтазаръ, подъ именемъ Іоанна XXIII; согласно отзывамъ его противниковъ, онъ былъ человѣкъ весьма порочный; во всякомъ случаѣ, прошлое его, — что было, впрочемъ, обыденнымъ явленіемъ среди высшаго духовенства, — было довольно бурнымъ и далеко не безупречнымъ. Сигизмундъ встрѣтился съ этимъ папою при одной изъ своихъ поѣздокъ въ Верхнюю Италію и предложилъ ему созваніе собора въ видѣ мѣры необходимой, которую этому, искушенному въ мірскихъ тревоженіяхъ, человѣку было не трудно выяснитъ другому, стоящему на уровнѣ съ нимъ. Они согласились и относительно мѣста для этого съѣзда, вслѣдствіе чего, въ декабрѣ 1413 г., папа издалъ буллу, которою соборъ созывался на 1 ноября 1414 г., въ Констанцѣ, на Боденскомъ озерѣ, — слѣдовательно, на германской территоріи.

Этотъ, давно желанный, соборъ открылся, дѣйствительно, 5 ноября 1414 года, въ личномъ присутствіи самого Іоанна XXIII. Даже и съ внѣшней стороны, съѣздъ былъ самый блестящій: тутъ было на-лицо 3 патриарха, 29 кардиналовъ, 33 архієпископа, 150 епископовъ (между которыми треть состояла изъ папскихъ креатуръ, «бѣдныхъ итальянскихъ прелатовъ»), 100 аббатовъ и 300 докторовъ. Сверхъ того, прибыли многія лица изъ свѣтской знати, привлеченныя важностью дѣла, подлежащихъ обсужденію, и удобнымъ случаемъ. Число всѣхъ присутствовавшихъ, въ самые блестящіе дни собора, полагаютъ, доходило до 80,000. Къ Рождеству прибылъ и король Сигизмундъ. Но все внѣшнее великолѣпіе съѣзда уступало его внутреннему значенію. Дѣло шло не столько объ устраненіи самыхъ тягостныхъ и вопіющихъ злоупотребленій, — между которыми худшимъ была схизма и незаконная наличность трехъ папъ, — по о преобразованіи самодержавія Церкви въ порядокъ конституціонный, о превращеніи ея закостенѣлага тѣла въ организмъ, способный на усовершенствованіе и постоянный прогрессъ. При этомъ, такое преобразованіе, которое въ случаѣ успѣха могло бы считаться полнымъ обновленіемъ, народженіемъ новой Церкви, должно было совершиться путемъ мирнымъ, за-

коннымъ, помощью учредительнаго собранія, въ составъ котораго должны были войти ученѣйшіе мужи различныхъ европейскихъ странъ. Общее настроеніе было благоприятно, перевѣсъ на сторонѣ партіи, требовавшей реформъ.

Соборъ
и папы.

Соборъ ставилъ себѣ тройную задачу: дѣло о вѣрѣ (*causa fidei*), дѣло единенія (*causa unionis*) и дѣло преобразованія (*causa reformationis*). Но предварительно предстояло рѣшить важный вопросъ о томъ, какъ должны были подаваться голоса собравшимися отцами: понародно или поголовно? Послѣдній способъ долженъ былъ оказаться невыгоднымъ для партіи реформы, потому что большинство было бы тогда на сторонѣ итальянцевъ, — креатуръ папы Іоанна, за небольшими исключениями; между тѣмъ какъ при голосованіи по націямъ, — Франція, Германія, Англія, Италія, — въ самомъ худшемъ случаѣ, партія имѣла бы три голоса противъ одного. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу либераловъ, друзей реформы (февраль 1415). Затѣмъ, какъ заявилъ ораторъ этой партіи, кардиналъ Петръ д'Эльи, прежде всего, согласно воззрѣніямъ реформаторовъ, слѣдовало искоренить схизму: всѣ трое папъ, — насколько правильно или неправильно они пользовались этимъ именемъ, — должны были добровольно сложить съ себя санъ. Пронырливый Іоаннъ тотчасъ же, въ мартѣ, общалъ исполнить это требованіе, если сдѣлаютъ то же и остальные папы, Григорій и Бенедиктъ; онъ надѣялся, что соборъ изберетъ тогда его единственнымъ папой; но когда онъ замѣтилъ враждебное къ нему отношеніе, — вполне заслуженное, какъ онъ не могъ не сознаться въ томъ, — то рѣшился уйти изъ неприятнаго мѣста, въ которое вступилъ, какъ говорятъ, со словами: «Такъ ловятъ лисицъ». Съ помощью герцога Фридриха Австрійскаго, которымъ руководила, отчасти, зависть Габсбургца противъ императора изъ Люксембургскаго дома, и тоже другихъ князей, папа бѣжалъ, перешедши конюхомъ, во время одного турнира, въ Шафгаузенъ (20 марта). Дѣло это грозило опасностью: партія реформы была окружена интригами, цѣлью которыхъ было нарушеніе собора. Но руководители реформы не упали духомъ и стали дѣйствовать энергично: послѣ одной рѣчи канцлера Жерсона (23 марта) соборъ выразилъ рѣзко, въ видѣ основного постановленія, что онъ, святѣйшій соборъ, заседающій въ Констанцѣ, остается во всей своей неприкосновенности и силѣ, несмотря на все, что когда-либо и кѣмъ-либо утверждалось противъ него; другими словами, соборъ признавалъ свое верховенство, заявлялъ, что это церковное собраніе говорило отъ имени самой Церкви, было самою ею, католической Церковью. И одержавшая побѣду партія успѣшила вывести изъ сказаннаго необходимого для нея заключенія. Гроза разразилась, прежде всего, надъ головою Габсбургца: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ и къ отлученію отъ Церкви; множество городовъ и владѣтельныхъ лицъ прислали ему, въ самый короткій срокъ, объявленія войны. Военноначальникомъ при исполненіи приговора объ его изгнаніи былъ назначенъ бургграфъ Нюрнбергскій; походъ совершился быстро; крѣпости Фридриха и даже его старый Габсбургъ, были разрушены, онъ долженъ былъ предать себя на милость императора и лично просить о помилованіи въ трапезной Констанцскаго монастыря миноритовъ. И покровительствуемому имъ Бальта-

зару (папѣ Іоанну) не удалось уйти далеко. Нѣсколько кардиналовъ, посланныхъ въ погоню за нимъ, привезли его обратно, а либеральная партія, довершая свою побѣду, начала противъ него формальный процессъ, въ которомъ не было недостатка въ самыхъ тяжкихъ обвиненіяхъ, и который закончился его низложеніемъ (29 мая), вполне заслуженнымъ, если даже и не вѣрить всему тому, что было высказано свидѣтелями противъ него на судѣ. Онъ былъ отданъ подъ стражу Фридриху Гогенцоллернскому, бургграфу Нюренбергскому. Черезъ нѣсколько недѣль снялъ съ себя санъ восьмидесятитрехлѣтній Григорій XII; одинъ Бенедиктъ XIII продолжалъ упорствовать, но скоро у него не стало вовсе приверженцевъ. потому что испанскія владѣнія отъ него отложились и Испанія присоединилась къ рѣшенію четырехъ прочихъ государствъ.

Партія церковной реформы провела все это дѣло противъ папства съ большой смѣлостью. Тѣмъ болѣе считала она себя обязанною доказать Свѣту, что она пребываетъ на почвѣ старокатолическаго единства, — ортодоксальности, — и постаралась доказать это самымъ роковымъ образомъ, при посредствѣ процесса противъ чешскаго проповѣдника, Іоанна Гусса, который прибылъ въ Констанць, въ началѣ ноября 1414 года, съ охраннымъ листомъ императора, а 28 ноября былъ арестованъ по обвиненію въ еретичествѣ. Съ мая по начало іюля длился процессъ, закончившійся обвиненіемъ Гусса. Въ его лицѣ соборъ хотѣлъ поразить ересь и особенно ересіарха Виклифа, участіе котораго было торжественно осуждено на восьмомъ засѣданіи собора. Одинъ изъ отцовъ, докторъ Стефанъ Палець, сказалъ Гуссу: «Съ самаго рожденія Христова никто не писалъ болѣе губительнаго для Церкви, чѣмъ ты и Виклифъ». Гуссъ отклонялъ всякую солидарность съ Виклифомъ, особенно относительно его ученія о пресуществленіи, и утверждалъ, вопреки показаніямъ богемскихъ нотаблей, что никогда не поучалъ въ духѣ Виклифа, вообще, не отступалъ никогда отъ церковнаго ученія и не могъ признать себя еретикомъ. Но, при всемъ этомъ, онъ не переставалъ думать, и даже настойчиво подтверждалъ, что каждый, призванный Господомъ проповѣдывать, долженъ повиноваться такому призванію, несмотря на духовное начальство и всякія отлученія, и что если онъ на первомъ допросѣ заявилъ, что готовъ отречься, если хотя самый меньшей членъ собора «докажетъ» ему его заблужденіе, то это было ересью изъ ересей, потому что онъ просилъ «свободнаго поученія» тамъ, гдѣ ему приходилось лишь просто покоряться «рѣшенію» собора, властному слову Церкви. Лицомъ къ лицу, здѣсь жестоко боролись два принципа, два міровоззрѣнія, два вѣка. Съ одной стороны былъ принципъ церковнаго авторитета, въ самомъ блистательномъ своемъ проявленіи, вселенскомъ соборѣ, — даже проявленіи славнѣйшемъ, потому что этотъ соборъ готовилъ реформу, служа представителемъ великаго народнаго союза во имя возродившейся Западной Церкви; съ другой — стоялъ принципъ протестантскій, евангельскій, принципъ человѣческой совѣсти въ ея непосредственномъ общеніи съ Богомъ и Христомъ, общеніи не черезъ служителей церковныхъ, но черезъ самую Церковь. И принципъ этотъ воплощался смиренно, несовершенно, въ исповѣданіи и личномъ убѣжденіи одинакаго, не обладавшаго выдающимся умомъ, но честнаго и

Процессъ
Гусса.

набожнаго чловѣка. Но большинство членовъ собора вовсе не искало смерти Гусса, какъ это утверждаютъ такъ часто слишкомъ увлекающіеся протестантскіе историки. Онъ долженъ былъ лишь отречься, то-есть покориться власти Церкви и, съ своей точки зрѣнія, — бывшей и точкой зрѣнія существовавшего, еще не потрясеннаго, общественнаго государственнаго строя, — они были вполне правы въ этомъ требованіи. Ему даже облегчали это отреченіе отъ Виклифскихъ началъ, о которыхъ шло дѣло главнымъ образомъ, и которыя онъ, будто бы, признавалъ, но представляемымъ тому доказательствамъ. Одинъ изъ главныхъ членовъ собора старался даже уяснить ему послѣдовательность такого отреченія: если онъ, Гуссъ, утверждалъ, что не раздѣляетъ извѣстныхъ положеній Виклифа, то его отреченіе было бы лишь повтореніемъ того же отказа, — просто другою формой его. Но Гуссъ устыдился прибѣгнуть къ такой, чисто схоластической дилектикѣ, допустившей уже столько лжи подъ клеймомъ истины. Онъ возразилъ съ логикой строгой правдивости, что отречься — значить отказываться отъ того, что признавалось нами прежде; но онъ не признавалъ никогда тѣхъ положеній; поэтому, ему и нельзя отречься отъ нихъ. Его нельзя было опровергнуть и потому приходилось рѣшиться убить тѣло, если нельзя было одолѣть духа. При своемъ послѣднемъ показаніи, Гуссъ повторилъ свое воззваніе, — въ этотъ разъ прося Христа судить между нимъ и соборомъ. Въ такомъ собраніи, которое имѣло на своей сторонѣ всѣ писанныя и завѣщанныя преданія права, такое обращеніе могло показаться только забавнымъ, и, дѣйствительно, отвѣтомъ на слова Гусса былъ общій смѣхъ. Въ тяжкомъ, страшномъ смыслѣ происшедшаго здѣсь, дали себѣ отчетъ очень немногіе и то лишь поскольку ихъ не поглощали повседневныя заботы и суета. Смертный приговоръ былъ произнесенъ и приведенъ въ исполненіе 1 іюля 1415 года. Оправданіе относительно охраннаго листа скоро нашлось; въ сущности, такая охрана не могла имѣть большого значенія тамъ, гдѣ дѣло шло о произнесеніи и исполненіи церковнаго приговора, хотя Сигизмундъ и подумывалъ о вмѣшательствѣ въ дѣло; но богословы нашли увертку въ томъ, что сдержаніе слова не обязательно въ отношеніи того, кто самъ измѣняетъ своему слову передъ Богомъ. Гуссъ перенесъ непреклонно, съ твердостью ученика Христова и мученика за великій принципъ, смерть на кострѣ, — обыкновенный родъ казни за преступленія, измышленныя фанатизмомъ (6 іюля 1415). Въ слѣдующемъ году погибъ тою же смертью Іеронимъ, привезенный тоже въ Констанць. Въ минуту слабости, онъ отрекся, но скоро снова ободрился духомъ и взялъ назадъ свое отреченіе. Собору пришлось вскорѣ извѣдать, что значило придать новому ученію такого мученика, какъ Гуссъ. Было внутреннее противорѣчіе въ томъ, что соборъ преобразовательный начиналъ свои реформы съ сожженія чловѣка, мечтавшаго о реформахъ. И реформаторское дѣло, составлявшее главную задачу собора, приближалось уже къ той мели, о которую должно было разбиться.

Схизматическіе папы были устранены, потому что власть упорнаго Бенедикта простиралась лишь на тотъ испанскій городокъ, въ которомъ онъ избралъ свое мѣстопробываніе. Нѣмецкій народъ съ императоромъ Сигизмундомъ, а вначалѣ и Англія, требовали, чтобы преобразование

*Hæc fuit effigies quondam venerabilis Husi,
Dum sua pro Christo membra cremanda dedit.*

*Na Obraz Adistra Jana Husy/
Mučedníka Božjho.*

„Это было изображение некогда-достопочтеннаго Гусса,
За Христа животь свой положившаго на кострь“.

Гуссь на нострь.

Гравюра на деревѣ, относящаяся къ 1563 г. По оригиналу, хранящемуся въ Прагѣ. Изъ этой гравюры явствуетъ, что, согласно со всѣми древнѣйшими изображеніями чешскихъ утравкистовъ, до самаго XVI вѣка, Янъ Гуссь изображался безбородымъ, какъ видимъ это и въ современныхъ рукописныхъ подлинникахъ. Нынѣ обращающееся изображение Гусса съ бородою и орлинымъ носомъ пошло отъ временъ Гольбейна, который смѣшалъ Гусса съ Іеронимомъ Пражскимъ.

Церкви было довершено прежде избранія новаго папы. Но большинство кардиналовъ противилось этому и на ихъ сторонѣ были прочія государства и всѣ тѣ лица, которыя терпѣли отъ неопредѣленнаго порядка вещей.

Весь 1417 годъ прошелъ въ переговорахъ, закончившихся, какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ условіяхъ, чѣмъ-то среднимъ,—такъ оно, по крайней мѣрѣ, казалось, но, въ сущности, было прямымъ поворотомъ къ старому порядку вещей. Въ 39 засѣданіи собора (октябрь 1417) была принята общая программа реформъ и, спустя нѣсколько недѣль, былъ избранъ новый папа изъ дома Колонна, Мартинъ V. Стародавній, монархическій строй папства былъ восстановленъ и папа Мартинъ съумѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Онъ былъ снова первымъ законнымъ, несомнѣннымъ, единоличнымъ папою, котораго такъ долго недоставало; восторженное настроеніе первыхъ лѣтъ на пользу реформъ ослабѣло, какъ это всегда бываетъ, среди кропотливыхъ подробностей этой преобразовательной работы; людямъ требовался отдыхъ послѣ совершеннаго, которое поэтъ такъ мѣтко называетъ «вѣчно-вчерашнимъ». Теперь не трудно было затереть все, что требовалось, именно общую реформу,—реформу «съ головы до пятъ»; новый папа протягивалъ руку къ конкордатамъ съ отдѣльными государствами, оставляя въ сторонѣ самыя вопіющія злоупотребленія. Впрочемъ, оба октябрьскія засѣданія (1417), 39 и 40, ознаменовались рѣшеніями громадной важности. Было установлено слѣдующее: правильный созывъ соборовъ черезъ каждыя пять, много десять лѣтъ; при новой схизмѣ немедленное созваніе собора и принятіе имъ верховнаго рѣшенія; этотъ церковный порядокъ обязательнъ для папъ; признается необходимымъ прекратить или ограничить многія злоупотребленія (которымъ слѣдоваль длинный списокъ). Все это было хорошо, но собраніе, не вдохновляемое болѣе притокомъ жизненныхъ христіанскихъ силъ, не обладало уже достаточной энергіей для осуществленія сказанныхъ мѣръ: желѣзо поостыло, а холодное не куется. Папа объявилъ соборъ закрытымъ, 12 апрѣля 1418 года, послѣ 45 засѣданій, и уѣхалъ 16 мая. Его бѣлаго иноходца вель подъ устцы императоръ; четыре имперскіе князя поддерживали кисти пунцової конской попоны, а четыре графа несли балдахинъ надъ всадникомъ... Папство покидало роковое поле битвы со всѣми воинскими почестями.

Гусситы въ Богеміи.

Но умы были слишкомъ взволнованы для того, чтобы жизнь вошла вездѣ спокойно опять въ старое русло покорности, и въ одномъ мѣстѣ, именно въ Богеміи, сопротивленіе принимало большіе размѣры. Процессъ Гусса, презрѣніе къ Богеміи, справедливо или нѣтъ приписываемое собору, ненависть къ Сигизмунду,—все это вмѣстѣ вызывало сильнѣйшее броженіе въ странѣ. Гуссу поклонялись, какъ мученику, и большое собраніе богемскихъ и моравскихъ магнатовъ отиравило, еще въ сентябрѣ 1415 года, на соборъ свой протестъ, составленный въ очень непочтительныхъ выраженіяхъ; особенно важно было то, что оппозиція имѣла уже знамя, вокругъ котораго могла собираться. Одинъ пражскій пасторъ, Яковъ Мисъ, предлагалъ чашу и мірянамъ, то-есть давалъ имъ причастіе подъ обоими видами, *sub utraque*: Гуссъ, изъ темницы своей, далъ свое разрѣшеніе на эту старинную форму обряда, державшуюся въ

христианской Церкви до XII столѣтія. Составился союз на защиту свободной проповѣди и для сопротивленія отлученію. Университетъ заявилъ себя тоже въ пользу *sub utraque*. Громадная толпа, подъ предводительствомъ двухъ дворянъ, Николая изъ Гусинца и Іоанна Жижки изъ Тростнова (Траутенау), отправилась на гору Таборъ близъ Праги, отпраздновала тамъ причащеніе подъ двумя видами и жестоко расправилась съ думою пражскаго Нейштадта, члены которой хотѣли помѣшать благочестивому торжеству (іюль 1419). Король Венцеславъ, не имѣвшій возможности воспрепятствовать происходившему, былъ пораженъ апоплексіей и умеръ черезъ нѣсколько дней. Императоръ Сигизмундъ, «предавшій Гусса подъ ножъ», становился теперь королемъ Богеміи: это еще подлило масла въ огонь.

Гусситы распались на умѣренныхъ или «каликстиновъ» (иначе *чашиниковъ*, т. е. сторонниковъ причастія *и отъ чаши* или подъ двумя видами) и радикаловъ или «таборитовъ» (отъ горы Табора), которые повели свою ожесточенную войну противъ церквей и монастырей, священнослужителей и монаховъ. Сигизмунду приходилось завоевать себѣ свое Богемское королевство. Его другъ, Фридрихъ Гогенцоллернскій, ставшій, съ 1415 года, курфюрстомъ Бранденбургскимъ, подаль ему дѣльный совѣтъ, который былъ, однако, слишкомъ простъ и хорошъ для того, чтобы ему послѣдовалъ человѣкъ такого изъ ряда вонъ выходящаго ума, какъ Сигизмундъ. Фридрихъ совѣтовалъ ему, именно, смотрѣть на дѣло чисто съ государственной точки зрѣнія, то-есть войти въ соглашеніе съ умѣренными, сдѣлавъ имъ необходимыя уступки, а все церковное предоставить рѣшенію будущаго собора. Но мысль о томъ, что въ какомъ-нибудь государствѣ могутъ спокойно проживать, бокъ-о-бокъ, люди, изъ которыхъ одни причащаются подъ однимъ, а другіе подъ обонми видами, была слишкомъ нова, хотя и можетъ казаться намъ, въ настоящее время, совершенно простою. Сигизмундъ отвергъ предложенія умѣренной партіи и требовалъ обезоруженія; встрѣтя отказъ, онъ, съ согласія папы, возвѣстилъ Крестовый походъ противъ еретической Богеміи. Собралъ значительное войско, до 100,000 человѣкъ въ общемъ, онъ терпѣлъ, однако, пораженіе за пораженіемъ. Такъ не удался ему и штурмъ Жижковой горы близъ Праги (1420). Гусситы имѣли гениальнаго вождя въ дворянинѣ Іоаннѣ Жижкѣ, который соединялъ въ себѣ, вмѣстѣ съ религіознымъ фана-

Гусситскія
войны.

Жижка.

По старой гравюрѣ.

тизмомъ, ясность ума истаго военачальника и пользовался притомъ безграничнымъ авторитетомъ между своими. Это дозволило ему, даже послѣ того, какъ онъ совершенно ослѣпъ, удержать побѣду все же за гусситами. Нашествіе Нѣмцевъ только подстрекало религиозный и національный фанатизмъ Чеховъ. Внутри страны свирѣпствовали табориты противъ всего, что не примыкало къ нимъ: они требовали уничтоженія всѣхъ городовъ, за исключеніемъ истинно правовѣрныхъ, всѣхъ книгъ, кромѣ Библіи; и каждый истинно-вѣрующій долженъ былъ преслѣдовать на-смерть всякое уклоненіе отъ исповѣдуемаго имъ закона. Походъ 1421 года былъ тоже неудаченъ для имперцевъ и закончился ихъ отступленіемъ; въ январѣ

Разграбленіе села во времена Гусситскихъ войнъ.

Займствовано изъ лицевой рукописи XV вѣка, принадлежащей Германскому Музею въ Нюренбергъ и изданной въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Средневѣковой ручной книги». Рисунки, помѣщенные въ этой рукописи, составляютъ цѣнный источникъ для бытовой иллюстраціи современной эпохи.

1422 года Жижка нанесъ имъ новое пораженіе. Онъ понималъ военное дѣло, находясь, въ качествѣ польскаго наемника, и въ битвѣ подъ Танненбергомъ (1410), столь роковой для Тевтонскаго ордена. Жижка прожилъ достаточно долго для того, чтобы дисциплинировать вполне свою воинскую силу и придать ей весьма полезныя тактическія приемы. Оружіемъ толпы служили цѣпы съ желѣзною оковкой; телѣги, на которыхъ ѣхали за этимъ войскомъ женщины и дѣти, служили Жижкѣ тоже для боевыхъ цѣлей: эти деревенскія фуры, превращенныя въ военный обозъ, быстро образовывали укрѣпленный лагерь и такъ же быстро раздвигались вновь, когда войско снималось съ мѣста. Жижка умеръ въ 1424 году. Съ его кончиной партія распалась на-двое: одна часть осталась подъ предводительствомъ Прокопія Бритаго, другая, названная «Сиротскою», управлялась военнымъ совѣтомъ, во главѣ котораго стоялъ другой Прокопій,—Прокопій Малый. Эти партіи не довольствовались обороной, но истребляли все огнемъ и мечомъ, устремляясь изъ Богеміи, представляющей собою естественную крѣпость, въ сосѣднія страны,—«земли Филистимлянъ и Моавитянъ», на языкѣ фанатизма, отуманеннаго ветхозавѣтными предствленіями. Такъ опустошили они Австрію, Венгрію, Саксонію, Мейсенъ, при чемъ ученіе ихъ, подкрѣпляемое ихъ побѣдами надъ войсками, организованными по старому образцу, начинало привлекать къ себѣ родственныя элементы и изъ другихъ краевъ. Фанатическая партія взяла верхъ и въ Прагѣ, губернаторъ которой, изъ партіи умѣренныхъ, былъ низложенъ. Начатыя переговоры не вели ни къ чему; пятый Крестовый походъ, подъ предводительствомъ курфюрста Бранденбургскаго, Фридриха (1431), закончился еще плачевнѣе прежнихъ. При Таусѣ, войска стали обращаться въ бѣгство, едва слышавъ грохотъ военного обоза гусситовъ и звуки ихъ боевой пѣсни. Кардиналъ Джуліано Чезарини, сопровождавшій войско, оставилъ даже свою шляпу въ рукахъ непріятели, захватившаго огромную добычу.

Такія прискорбныя событія снова оживили соборное движеніе и еще Мартинъ V, такъ удачно сѣумѣвшій выбраться на старую дорогу, былъ вынужденъ созвать одинъ соборъ въ Павіи (1423), другой въ Сіеннѣ (1424), впрочемъ, болѣе для формы, потому что оба они остались совершенно безрезультатными. Онъ созвалъ, послѣ того, третій въ Базелѣ, имѣвшій большое значеніе, именно вслѣдствіе пораженія при Таусѣ. Мартинъ умеръ вскорѣ по открытіи сѣзда; преемникъ его, Евгений IV (1431—1447), испуганный самостоятельностью, проявляемою соборомъ, возымѣлъ несчастную мысль его распусить, и созвать новый въ Болоньѣ. Базельскій соборъ вступилъ тогда рѣшительно на путь реформы. Онъ возобновилъ констанцскія постановленія, опредѣлявшія отношенія общихъ соборовъ къ папству, и навелъ страхъ на папу и кардиналовъ введеніемъ судебныхъ порядковъ. Главнѣйшія частныя реформы, предварительно обсужденныя въ комиссіяхъ, были утверждены; папскіе доходы урѣзаны; назначались очередные соборы, епархіальные и областныя; капитулы, монастыри, общины пользовались правомъ полной свободы выборовъ; многія резерваціи (назначенія, зависѣвшія отъ папъ) и аннаты (ежегодныя дани въ папскую казну за назначеніе, часто почти равнявшіяся

Базельскій
соборъ.

ежегодному доходу самих епископовъ) были уничтожены; но самымъ настоятельнымъ требованіемъ было примиреніе съ Богеміей, противъ которой нельзя уже было теперь выступать съ одними властными приговорами, какъ противъ Гусса. Съ «Таборитами» и «Сиротами» невозможно было заключать никакихъ условий: они продолжали распространять дальѣ свои войны, но посольство отъ партіи умѣренныхъ, съ Иоанномъ Рокичаною во главѣ трехсотъ воиновъ, прибыло въ Базель. Соборъ спорилъ съ ними, съ Библиею и твореніями отцовъ въ рукахъ; закончилось все «Пражскими Компактатами», что представляетъ собой почти единственный случай, въ которомъ Церковь поступилась однимъ изъ существеннѣйшихъ своихъ догматовъ (ноябрь 1433). Богемія и мархіонатъ Моравія получили право причащенія *sub utraque*, лишь съ тѣмъ добавленіемъ, что духовенство должно было пояснять своей паствѣ, что, подѣ каждымъ изъ этихъ видовъ, содержится «Христосъ вполнѣ» — «*integer et totus Christus*». Къ разрѣшенію свободы проповѣди было тоже прибавлено, что могутъ проповѣдывать «способные духовные и міряне», съ допущенія своего начальства или посланные имъ, и при сохраненіи подчиненія папѣ, согласно постановленіямъ св. Отцовъ. Общія преступленія духовныхъ разсматривались обыкновенными судами. Первымъ послѣдствіемъ такого соглашенія для Богеміи было то, что Табориты сочли его за измѣну и вступили въ открытой бой съ умѣренными. Эти послѣдніе, соединясь съ другими консервативными элементами противъ партіи разрушенія, собрались съ силами и разбили Таборитовъ при Богемскомъ-Бродѣ. Кормило правленія перешло въ руки умѣренныхъ, аристократическаго элемента въ странѣ. Сигизмундъ выказалъ предупредительность, утвердилъ компактаты и избраніе Рокичаны въ архіепископы, и прибылъ въ Прагу (1436), какъ признанный король.

Сигизмундъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ соборомъ, заставшимъ въ Базелѣ и усердно проводившимъ свои реформы, благодаря этому покровительству. Въ двадцать третьемъ засѣданіи (1436) былъ утвержденъ пространный декретъ, въ которомъ, согласно съ констанцекими постановленіями, опредѣлялся порядокъ папскаго избранія и весьма подробно излагались обязанности папъ; избранный долженъ былъ произнести родъ профессиональной, конституціонной присяги при увѣчаніи его, прежде нежели ему присягали на подчиненіе. Это не могло, понятнымъ образомъ, не раздражить папу, безъ того уже недовольнаго всѣмъ порядкомъ, которымъ велось дѣло гусситовъ. Курія обладала, во все время, преимущественнымъ правомъ требовать строгого проведенія ея воли или, пожалуй, католическихъ принциповъ, не справляясь съ благомъ государства или населенія. Но при этомъ щекотливомъ и затруднительномъ обстоятельстве члены собора заявили дѣйствительное единодушіе, и папа Евгений, обманутый мелькавшимъ передъ нимъ миражемъ воссоединенія Церквей греческой и римской, надѣялся воспользоваться этимъ самообольщеніемъ для перенесенія собора въ другое, болѣе благоприятное мѣсто. Но расчетъ оказался ошибочнымъ; на самомъ соборѣ произошли бурныя сцены между большинствомъ и меньшинствомъ, и, въ июль 1437 года, самъ папа подпалъ обвиненію. Онъ отвѣтилъ на это, въ

сентябрѣ, буллою, переносившею соборъ въ Феррару. Здѣсь, въ январѣ 1438 г., состоялся соборъ, и въ родѣ настоящаго, потому что многіе изъ базельскихъ отцовъ перешли на сторону папы. Прибыль въ Италію и Греческій императоръ, сдѣлавшій первую попытку къ единенію или примкнувшій къ ней; его сопровождало множество епископовъ. Догматическія словопренія повелись съ большою торжественностью, но базельскій соборъ отвѣтилъ на папскую буллу и на послѣдовавшее за нею дѣйствительное открытіе анти-собора изложеніемъ папы (январь 1438).

Съ этого времени борьба собора съ папою, епископства съ папствомъ, потребовала напряженія всѣхъ силъ и средствъ базельскаго снуда и не трудно было предвидѣть, чѣмъ она должна была кончиться. Сигизмундъ

Кончина
Сигизмунда.

Коронованіе императора Сигизмунда папою Евгеніемъ IV.

Изображеніе находится на бронзовыхъ вратахъ церкви Св. Петра въ Римѣ, по заказу папы Евгенія IV исполненныхъ въ 1447 году художниками Автоціо Фидарете и Симоне Донателло.

не дожилъ до этого конца; онъ умеръ въ Цваймѣ, въ декабрѣ 1437 г., въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ; императоромъ онъ былъ лишь съ 1433 г., когда его жажда посредничества привлекла его въ Римъ.

Несмотря на свои положительныя способности и неутомимую дѣятельность, Сигизмундъ не оставилъ по себѣ доброй памяти въ подвластныхъ ему странахъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, гдѣ, впрочемъ, онъ ставилъ самъ себѣ неразрѣшимыя задачи.

Но весьма важнымъ факторомъ въ эту эпоху,—хотя и не затрогивая особенно внутренней жизни населенія,—были отношенія Сигизмунда къ важнѣйшимъ фамиліямъ въ государствѣ, равно какъ взаимныя отношенія этихъ фамилій, Люксембурговъ, Веттинеровъ, Виттельсбаховъ, Габсбурговъ,

Царствующія династїи. Знатныя фамиліи въ государствѣ.

Гогенцоллерны.

Гогенцоллерновъ. Въ числѣ ихъ, домъ Гогенцоллерновъ былъ самый младшій: его звѣзда только восходила теперь, подъ правленіемъ Сигизмунда; согласно старому фамильному преданію, одинъ изъ Цоллерновъ этого Швабскаго дома получилъ при Фридрихѣ Барбароссѣ достоинство и почетную должность императорскаго бургграфа и намѣстника въ Нюрнбергѣ. Мѣсто было отличное, на которомъ человекъ, умѣвшій накопить денегъ, могъ приобрести значительныя владѣнія. Исторія происхожденія какъ большихъ, такъ и малыхъ владѣтельныхъ княжескихъ домовъ, довольно прозаична: покупается право владѣнія и данный участокъ земли за столько-то фунтовъ геллеровъ, потомъ владѣтель постепенно богатѣетъ и становится сильнѣе, все сильнѣе и богаче. Такъ и

Императоръ Сигизмундъ отдаетъ въ лѣнь бургграфу Фридриху, преклонивъ коленно передъ императоромъ, держать только-что полученное мечъ императора; другіе князья скипетръ и державу. Раскрашенная гравюра на деревѣ, изъ иркунабула Пражской университетской

Цоллерны укрѣпились въ Франконіи среди трудныхъ, но счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ, и приобретенное ими такимъ образомъ стало известно, впоследствии, подъ общимъ названіемъ маркграфства Кульмбаха. Потомокъ ихъ, Фридрихъ III (1248), получилъ въ 1273 г.,—что было первымъ актомъ короля Рудольфа по его коронованію, — наследственное бургграфское достоинство для своего дома, которому онъ завѣщалъ тоже свою строго-легитимистскую преданность престолу, подобающую истому гибеллину. Намъ уже известны его заслуги по избранію графа Рудольфа, котораго онъ сопровождалъ тоже и на военное поле. Фридрихъ IV, тоже имѣвшій значеніе въ государствѣ, участвовалъ въ

итальянскомъ походѣ Генриха VII и позднѣе, служа Лудвигу Баварскому, прѣшшилъ участь сраженія при Мюльдорфѣ (1322). Въ спорѣ Люксембурговъ съ Виттельсбахами, Цоллерны были на сторонѣ послѣднихъ. Сынъ Фридриха IV, Иоаннъ II, былъ нѣкоторое время намѣстникомъ Бранденбургскимъ при курфюрствѣ Лудвигѣ Младшемъ. Но Карлъ IV примирился съ Гогенцоллернами, а король Сигизмундъ наградилъ Фридриха VI, за его разнообразныя и важныя услуги, возведеніемъ его въ званіе курфюрста Бранденбургскаго (1411). При этомъ, чтобы не имѣть какихъ-либо столкновеній съ своимъ братомъ Венцелемъ, который могъ бы предъявить свои наслѣдственные права, онъ наложилъ, въ то же время, на область долговое обязательство въ 150,000 золотыхъ гульде-

Фридриху Нюрнбергскому марку Бранденбургскую.

имъ знамя лѣна съ бранденбургскимъ краснымъ орломъ; герцогъ Рудольфъ Саксонскій жавное яблоко. Музыканты на трубахъ играютъ тушь.

библіотеки, напечатаннаго въ Аугсбургѣ Антономъ Зоргомъ въ 1483 году.

новъ; она могла быть всегда выкуплена за ту же сумму, но такъ какъ было немисливо, чтобы у Люксембурга могли найтись когда-либо лишнихъ 150,000 золотыхъ гульденовъ, то дѣло было устроено и дарованіе въ лѣнъ курфюршества совершилось въ Констанціи, 17 апрѣля 1417 года.

Избраніе такого дѣльнаго человѣка, какъ курфюрстъ Фридрихъ I, на подобное мѣсто было весьма значительнымъ событіемъ и заслугою со стороны Люксембурга, потому что оно отвратило могучій напоръ славянства, одержавшаго, незадолго передъ тѣмъ, такую полную побѣду надъ Тевтонскимъ Орденомъ, служившимъ здѣсь самымъ передовымъ постомъ

Курфюрстъ
Фридрихъ I
Бранден-
бургскій.

германской культуры. Сигизмундъ хорошо соображалъ это, выдавая свою грамоту. Такое противодѣйствіе было одною изъ главныхъ задачъ дома Гогенцоллерновъ, которое, по мѣрѣ силъ, составляетъ задачу его исторіи и по наше время.

Тевтонскій
Орденъ съ
1386 года.

Мы говорили уже, что великій князь Литовскій Ягелло принялъ христіанство въ 1386 году, при нареченіи Владиславомъ, и соединилъ, посредствомъ своего удачнаго брака, Польшу съ Литвой. Для ордена наступали тяжелыя времена: Литовцы рады были отомстить ему за долгія и жестокия притѣсненія. Рыцари вовсе не принимали за священную обязанность обращеніе своихъ сосѣдей-язычниковъ въ христіанство. Ихъ Крестовые походы въ эти области были для нихъ только своего рода рыцарскою потѣхой и предпринимались, обыкновенно, лишь съ прибытіемъ какого-нибудь важнаго гостя съ воинственной свитой, являвшася для выполненія крестоваго обѣта, принятаго имъ на себя ради моды или изъ стремленія къ рыцарскимъ похождениямъ. Подобная борьба съ язычествомъ была безуспѣшна, можно сказать, даже безцѣльна, но служила къ ослабленію ордена, который и безъ того былъ слишкомъ малочисленъ для всѣхъ разнообразныхъ нуждъ управленія страной, для ея обороны и воинственной проповѣди; между тѣмъ, ряды его не могли легко пополняться съ наступленіемъ временъ новыхъ, ставившихъ людямъ уже иныя задачи. При этомъ еще переселенческій наплывъ прекратился, вслѣдствіе страшной чумы, свирѣпствовавшей въ половинѣ столѣтія на Западѣ и не оставившей тамъ избытка въ населеніи. Орденъ согласился, или былъ принужденъ купить Ново-Мархію у Люксембургца Юста Моравскаго, потому что, иначе, она была бы продана смертельному врагу рыцарей, Ягелтъ (1399). Но это приобрѣтеніе втянуло ихъ только въ споръ съ опаснымъ сосѣдомъ, вслѣдствіе неопредѣленности границы. При вспыхнувшей вскорѣ войнѣ послѣдовалъ въ 1410 г. роковой бой при Танненбергѣ (иначе: при *Грюнвальдѣ*) порѣшившій участь ордена. Внутренняя слабость рыцарскаго государства обнаружилася тотчасъ: города снѣжили навстрѣчу побѣдителямъ, Ягеллу и Витовту, съ изъявленіемъ своей покорности. Однако, побѣдители удовольствовались заключеніемъ снисходительнаго мира, перваго Торнскаго мира, налагавшаго на ордена лишь порядочную контрибуцію въ 70,000 или 100,000 шокковъ *) грошей. Но сила ордена была сломлена и для него было большимъ счастіемъ, что въ Бранденбургской Мархіи долженъ былъ княжить домъ, способный ввести въ этомъ важномъ и опасномъ пунктѣ твердый государственный строй. Область пришла, вообще, въ большой упадокъ при перемѣнахъ правленія, столь частыхъ, что населеніе не знало, наконецъ, кто собственно, имъ владѣеть, а выродившіеся потомки рыцарей, Квицовы, Путлицы, Роховы, Бредовы, занимались только наѣздничествомъ. Фридрихъ со своими франконскими войсками возстановилъ въ странѣ порядокъ и безопасность, при чемъ встрѣтилъ поддержку въ мирной партіи. Онъ заставилъ разбойничавшихъ рыцарей усмириться, однихъ добромъ, другихъ силою оружія, при чемъ ему оказало большія услуги тяжелое произведеніе современ-

*) Шокъ—60 штукъ.

наго военного искусства, громадная пушка, которую онъ занялъ у Фридриха, ландграфа Тюрингенскаго. Народъ придавалъ этому орудію, хотя объ этомъ и не упоминаетъ ни одинъ изъ современныхъ писателей, кличку: «лѣвтяйки—Греты или Метцы» (Маргариты). Фридрихъ I пережилъ императора: онъ умеръ въ 1440 г.

Саксонія, какъ вторая Курляндія, тоже переѣвила династію при Сигизмундѣ. Послѣдній изъ Виттенберговъ умеръ (1420), не оставя потомства. Глава государства передалъ власть маркграфу Мейссенскому, Фридриху Храброму, изъ дома Веттиновъ, которому онъ былъ обязанъ, во время гуситскихъ войнъ, за разную помощь, также и денежную.

Дѣла дома Виттельсбаховъ были въ большомъ разстройствѣ; но споры различныхъ членовъ этой фамиліи, тянувшіеся въ продолженіе всей первой половины XV столѣтія, не представляютъ общаго интереса. Звѣзда Габсбурговъ тоже какъ-бы клонилась къ упадку, но счастье не покидало этого дома, которому предстояло возвеличеніе именно въ близкомъ будущемъ. Какъ мы уже видѣли, герцогъ Фридрихъ (изъ Леопольдинской линіи) сдѣлалъ большую ошибку своимъ безразсуднымъ соглашеніемъ съ напою Іоанномъ XXIII, и Швейцарскій союзъ, вѣчный врагъ Габсбурговъ, напалъ на него, такъ что «Фридель съ пустымъ карманомъ», какъ прозывали его въ насмѣшку многочисленные враги, долженъ былъ откупиться отъ изгнанія и отлученія полнымъ отказомъ отъ тѣхъ земель, которыя отняли у него Швейцарцы съ согласія императора (1418). Но дѣла дома вознаграждались успѣхами другой линіи, Альбертинской. Сигизмундъ возобновилъ свою наслѣдственную братскую связь съ домомъ Габсбурговъ въ 1409 г., а въ 1422 г. выдалъ свою единственную дочь Елизавету за герцога Австрійскаго Альбрехта V. Венгерскіе штаты избрали ее въ наслѣдницы, въ случаѣ смерти ихъ короля Сигизмунда, и тотъ, умирая, получилъ отъ нихъ еще разъ обѣщаніе вручить корону ей и ея супругу, что и было исполнено. Но богемское наслѣдство не досталось Альбрехту; католическая партія избрала его и онъ короновался въ Прагѣ, но каликестинцы воспротивились этому избранію и когда Альбрехтъ отказалъ имъ въ требуемыхъ ими уступкахъ, они провозгласили королемъ 15-ти-лѣтняго Казимира, брата Польскаго короля Владислава. Междоусобная война не приходила здѣсь къ рѣшительному окончанію; но въ Германіи, напротивъ того, курфюреты избрали единогласно Альбрехта королемъ (18 марта 1438); они рассчитывали, что королю изъ Габсбургскаго дома будетъ достаточно хлопотъ съ Турками и Богеміей для того, чтобы онъ могъ слишкомъ сильно и рѣзко проявлять свою королевскую власть въ Германіи.

Можно было ожидать, что этотъ здравомыслящій и степенный человекъ, въ лучшей порѣ возмужалости, заявитъ свои государственныя способности, тѣмъ болѣе, что онъ принялъ сказанное избраніе не поспѣшно, а колеблясь и по обстоятельному размысленіи. Однако, Альбрехтъ II не имѣлъ значенія для исторіи Германіи. Его правленіе было непродолжительно и несчастливо. Онъ находился во главѣ арміи, собранной имъ противъ Турокъ; но при громадномъ перевѣсѣ силъ у Османовъ, ему нельзя было и подумать о вступленіи въ бой. При бѣгствѣ, достигнувъ

Саксонскій
домъ.Виттельс-
бахи.
Габсбурги.

Альбрехтъ II.

въ Венгріи Коморнскаго комитета, король Альбрехтъ умеръ (октябрь 1439); ему было лишь сорокъ два года.

Фридрихъ
III.

Въ преемники ему былъ избранъ (февраль 1440) старѣйшій изъ жившихъ тогда представителей Габсбургскаго дома, герцогъ Фридрихъ Штейермаркскій, сынъ герцога Эрнеста Желѣзнаго. Это былъ двадцатипятилѣтній юноша, которому предстояло состариться на престолѣ. Онъ правилъ Германіей не менѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ, и былъ неспособнымъ и дурнымъ правителемъ, — какъ въ политическомъ, такъ и человѣчески-нравственномъ смыслѣ, прилагая такую оцѣнку къ среднему уровню. Онъ напоминаетъ Франца II, послѣдняго Габсбургскаго императора въ Германіи XIX столѣтія; и Фридрихъ кажется намъ еще неспособнѣе и хуже, чѣмъ могъ бы казаться, именно потому, что его безрасудный и низкій эгоизмъ, его лѣнь и трусость, его мелкій, тупой, лишенный всякаго высшаго порыва характеръ, стояли въ жалкомъ противорѣчій съ духомъ времени, стремившимся неудержимо къ полному обновленію европейской жизни, къ великому преобразовательному движенію.

Церковная
смута. Папа
и соборъ.

Первою задачею, ожидавшею Фридриха, былъ церковный вопросъ, роковое положеніе Базельскаго собора. Французскій король, Карль VII, принялъ реформы, установленныя соборомъ, за обязательныя для французской Церкви, выразивъ эту мѣру въ такъ-называемой «прагматической санкціи» (іюль 1438); то же сдѣлала и Германія, по рѣшенію рейхстага, собраннаго во Франкфуртъ, что было заявлено королемъ Альбрехтомъ въ письменномъ документѣ (май 1439). Ободренный этимъ соборъ, презиралъ антисоборъ, созданный въ Феррарѣ и очевидно лишенный всякой почвы, провозгласилъ папу Евгенія IV низложеннымъ (май или іюнь 1439) и избралъ, въ ноябрѣ, подъ именемъ Феликса V, въ папы бывшаго герцога Савойскаго, Амедея VIII, много сдѣлавшаго для своей страны, и отказавшагося отъ трона, чтобы вести отшельническую жизнь. Но соборъ пережилъ самого себя; многіе прелаты покинули его и въ немъ брали перевѣсъ юридическій элементъ: докторъ римскаго права. Происходившее въ Богеміи угнетало общій духъ, что благопріятствовало возврату папскаго могущества, и съ такимъ настроеніемъ слѣдовало считаться. Нѣкоторыя государства, какъ Германія, старались воспользоваться реформами, но, не высказываясь рѣшительно за нихъ, — что было совершенно сообразно съ духомъ того, да и всякаго иного, матеріально-настроеннаго времени: всѣ громко возставали противъ духовенства и церковныхъ злоупотребленій, но тщательно сторонились отъ ереси и еретиковъ и не вдавались въ болѣе глубокое сравненіе того, что было, съ тѣмъ, что должно было быть. Энергическій правитель счумѣлъ бы, во всякомъ случаѣ, извлечь пользу для себя изъ подобнаго настроенія. При избраніи Альбрехта, курфюрсты объявили себя нейтральными въ борьбѣ собора съ папой Евгеніемъ; Альбрехтъ призналъ соборъ за законнаго представителя общей Церкви; но Фридрихъ, при своей низкой душѣ, думалъ лишь о личныхъ выгодахъ, предоставляемыхъ ему этимъ столкновеніемъ. Папа Евгеній IV нашелъ весьма полезнаго и искуснаго слугу въ чрезвычайно способномъ потомкѣ захудалой дворянской фамиліи, Энеѣ-Сильвіи Пикколомини, чловѣкъ, одержимомъ жаждою славы, денегъ и чувственныхъ удоволь-

Фридрих III увѣнчиваетъ лавровымъ вѣнкомъ поэта Энея-Сильвія Пикколомини.
Изъ цикла фресокъ Пинтуриккіо, изображающихъ различныя событія жизни Энея-
Сильвія, въ соборной бібліотекѣ въ Сіеннѣ.

ствій. Подобно многимъ такимъ способнымъ, но безхарактернымъ людямъ, онъ плылъ сначала по теченію, заявлялъ себя либераломъ, потомъ, во время, перекочевалъ въ другой лагерь и, наконецъ, очутился на службѣ у Фридриха III и его канцлера, Каспара Шликъ,—князя Меттерниха своего времени. Эней принялъ на себя роль посредника: болѣе всего слѣдовало помѣшати эмансипаціи нѣмецкаго епископата, высшей духовной аристократіи отъ курій; это движеніе было уже въ полномъ разгарѣ; чтобы противодѣйствовать ему, надо было подкупить императора и его канцлера. Оба они выгадали не мало при этомъ: порядочную сумму денегъ чистой монетой, сверхъ обѣщанной еще внослѣдствіи; право назначенія на сотню духовныхъ доходныхъ мѣстъ въ наслѣдственныхъ земляхъ; право выбора на шесть епископскихъ кафедръ; обѣщаніе короновать Фридриха; десятину съ нѣмецкихъ церковныхъ учрежденій (начало 1446). Опираясь на это, папа Евгений,—точно живя еще во времена Иннокентія III,—лишилъ званія двухъ имперскихъ курфюрстовъ, архіепископовъ Дятриха Кельнскаго и Иакова Трирсакаго. Императоръ не заявилъ никакого протеста, но нѣмецкіе курфюрсты созвали княжій съѣздъ во Франкфуртѣ (мартъ 1446), потребовали у императора и папы отмѣны сказаннаго низложенія и настаивали на введеніи для нѣмецкой Церкви тѣхъ льготъ, которыя были присуждены рѣшеніями констанцскаго и базельскаго соборовъ. Евгений согласился на эти требованія съ обычными оговорками и потомъ, незадолго до своей смерти, отмѣнилъ это согласіе въ тайномъ своемъ заявленіи. Его преемникъ, Николай V, былъ тоже мастеръ на всякія уловки, на подусоглашенія, столь удобныя для поселенія раздора между противными сторонами. Конечнымъ результатомъ всего былъ обусужденный на рейхстагѣ въ Ашафенбургѣ (1147) и заключенный въ Вѣнѣ (февраль 1448) конкордатъ, въ сущности возстановившій всѣ прежніе порядки; императоръ лишилъ базельскій соборъ руководящей роли; папа Феликсъ вступилъ въ соглашеніе съ Николаемъ V, и то, что оставалось еще отъ собора, перенесеннаго съ 1448 г. въ Лозанну, разсѣялось вполнѣ въ 1449 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эпоха Фридриха III и Максимилиана I.

Распушеніе
собора.
Время послѣ
собора
1449 г.

Великая идея, лежавшая въ основѣ соборнаго движенія и согласно которой коренное преобразование Церкви должно было совершиться безъ разрыва съ прошлымъ и черезъ самыя ея органы, слѣдовательно, путемъ мирнаго возрожденія европейскаго общества на почвѣ просвѣтленнаго,

возстановленнаго христіанства,—эта возвышенная идея не была осуществлена. Обычное, обыденное, прежнее снова добилось своихъ правъ,—правъ владѣльца. Тѣмъ не менѣе, съ Констанцкаго собора и со смерти Іоанна Гусса, началось совершенно иное время. Въ милліонахъ человѣческихъ душъ зачалась работа самоосвобожденія, которая, спустя столѣтіе, уже сдѣлала такой шагъ, что весьма простое и, само по себѣ, незначительное событіе въ небольшомъ нѣмецкомъ университетѣ могло содѣйствовать прорыву того новаго міровоззрѣнія, которое отмѣчаетъ новое время отъ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ. Два поколѣнія, раздѣляющія конецъ Базельскаго собора отъ перваго выступленія Мартина Лютера, протекли среди сильнаго развитія общества на пути прогресса; этотъ періодъ времени не отмѣченъ выдающимися, первоклассными умами, но въ немъ было много дѣльныхъ второстепенныхъ людей, тѣхъ полезныхъ, дѣятельныхъ, безвѣстныхъ, которые, не заботясь о пронесящемъ въ такъ-называемомъ большомъ свѣтѣ, работаютъ въ тѣсномъ кругу, на точно опредѣленной почвѣ, и оказываются здѣсь полезными, часто изобрѣтательными, даже ошаршенными творчествомъ. Такъ открывается, за неизвѣданными дотолѣ морями, цѣлый міръ новыхъ странъ, когда передовое судно идетъ, медленно и осторожно, отъ берега къ берегу, отъ мыса къ мысу; съ такимъ же трудомъ, переходя отъ понятія къ понятію, завоевываетъ себѣ человѣчество новый внутренній міръ, стремясь къ свѣту. Отдѣльные успѣхи ускользаютъ отъ глазъ современниковъ; лица, наиболѣе послужившія, сходятъ въ могилу, сами не познавъ всей обширности совершеннаго ими. Но живущіе позднѣе тѣмъ яснѣе оцѣниваютъ это,—и исторія описываемыхъ шестидесяти лѣтъ кажется тѣмъ ограднѣе, что въ ней дѣйствуютъ не великіе этого міра, но трудовая толпа съ ея вожаками, и все отличается существенно плебейскимъ характеромъ. Но, прежде всего, мы должны рассмотретьъ внѣшнюю, политическую исторію европейскихъ государствъ съ выдающимися въ ней событіями, для того, чтобы уяснить себѣ, по возможности, внутреннюю жизнь народовъ и тѣ пріобрѣтенія въ области различныхъ человѣческихъ интересовъ, которыя характеризуютъ состояніе всей Европы на исходѣ среднихъ вѣковъ.

І. Юго-Востокъ Европы.

Въ благодарность за свою, по взгляду куріи, вполне правильную политику, король Фридрихъ III получилъ въ Римѣ (1452) императорскую корону, за что обѣщалъ совершить Крестовый походъ. Эней-Сильвій украсилъ этотъ обѣтъ или обѣщаніе всѣми цвѣтами своей реторики; Николай V пожертвовалъ на похвальную цѣль десятую часть церковныхъ доходовъ. Но когда появилась эта папская будда, Восточной Римской Имперіи уже не существовало: Константинополь находился уже три мѣсяца въ рукахъ Турокъ.

Успѣхи
Турокъ.

Какъ мы уже видѣли, еще султанъ Баязеть приступилъ къ осадѣ Константинополя (1401), но не успѣлъ овладѣть городомъ, благодаря неожиданной диверсіи, къ счастью христіанъ; на него самого напалъ врагъ

Монголы.
Тимуръ и
Баязеть.

сильнѣйшій: монголь Тимуръ, который, сдѣлавшись верховнымъ ханомъ надъ монгольскими племенами (около 1370), направилъ свои дикія полчища сперва на Востокъ, покорилъ Персію, вторгся въ Индію, гдѣ овладѣлъ странюю до Дельги (1398), а затѣмъ повернулъ на Западъ. На короткое время всесокрушающій потокъ принялъ другое направленіе. Тимуръ одержалъ побѣду надъ египетскимъ султаномъ при Алеппо, потомъ при Дамаскѣ, а въ 1401 г. осадилъ Багдадъ. Памятниками объ этихъ побѣдахъ служили пирамиды, воздвигаемыя изъ головъ убитыхъ. Баязеть, передъ которымъ склонились уже столькіе властители, отъ Китайской стѣны до Средиземнаго моря и до египетской границы, принялъ высококомѣрно послѣвъ грознаго вождя, требовавшаго покорности, но вынужденъ былъ двинуть войска навстрѣчу ему. Грозные вожди сошлись при Ангорѣ въ Галаціи; произошла битва, въ которой участвовало до милліона воиновъ. Османы не устояли противъ дикихъ враговъ и самъ Баязеть былъ взятъ въ плѣнъ (іюль 1402). Побѣдитель пощадилъ ему жизнь и плѣнъ его раздѣлилъ мюнхенскій оруженосецъ, Гансъ Шильдбергеръ, о которомъ была уже рѣчь выше. Этотъ Гансъ сопровождалъ потомъ хромого Тимура («Тимурленка», котораго онъ простодушно переименовалъ въ «Темерлина») во многихъ его походахъ и былъ свидѣтелемъ жестокихъ побойщъ. Баязеть вскорѣ умеръ въ плѣну у Тимура, а въ 1405 году, во время похода противъ Китая, умеръ самъ Тимуръ, образъ котораго, подобно именемъ Тамерлана, глубоко запечатлѣлся въ памяти западныхъ народовъ, хотя, въ этотъ разъ, нашествіе Монголовъ коснулось лишь окраины Европы (см. выше, 488 стр.) и даже задержало неотвратимую участь, предназначенную Восточной Римской Имперіи.

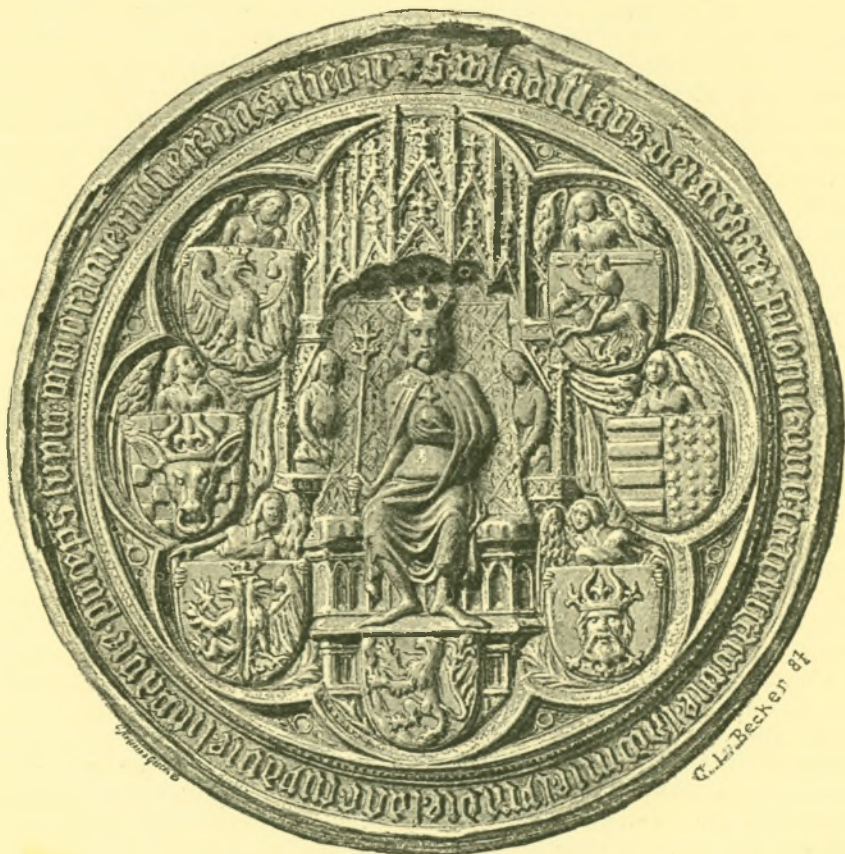
Успѣхи
Турокъ.

Дѣйствительно, битва подъ Ангорой и ея послѣдствія обезпечили продолжительный отдыхъ западному христіанству, давая ему возможность приготовить къ дѣятельной оборонѣ. Господство Монголовъ надъ областями, обращенными въ турецкія, было, разумѣется, только преходящимъ, но между сыновьями Баязета господствовала кровавая вражда и оставшія между ними побѣдители, Махмудъ I, могъ водвориться въ Адрианополисъ лишь въ 1413 году. Уже при его сынѣ, Мурадѣ II (1422—1451), Турки возобновили свои набѣги и Константинополъ былъ осажденъ поклонниками ислама въ четвертый разъ. И снова городъ былъ спасенъ какъ бы чудомъ: одинъ штурмъ былъ отбитъ, а полученныя султаномъ непріятныя извѣстія заставили его снять осаду; но, въ дѣйствительности, имперія ограничивалась теперь уже только Константинополемъ съ егс уѣздомъ и нѣкоторыми частями на Черномъ морѣ и въ Пелопоннезѣ. Поиравить дѣло могли только новый Крестовый походъ съ Запада и обще-европейское вмѣшательство; поэтому, для устранения главнаго, — какъ предполагалось, — къ тому препятствія, именно разногласій между Восточной и Западной Церковью, сынъ Мануила II, Іоаннъ (1425—1448), отправился въ Италію, какъ уже было говорено. Въ Западной Церкви господствовалъ, въ это время, раздоръ, поэтому Іоанну приходилось примкнуть къ которой-нибудь партіи. Онъ рѣшился стать на сторону папы Евгенія и Феррары, и здѣсь или, точнѣе, во Флоренціи, куда вскорѣ былъ переведенъ анти-соборъ, было торжественно возвѣщено великое

событіе: воссоединеніе Церквей (6 іюля 1439). Но народъ и духовенство въ Константинополь не хотѣли и слышать объ этомъ воссоединеніи, попокувавшемся цѣлою уступокъ, противныхъ православію. Лица, составившія во Флоренціи формулу воссоединенія, не смѣли показываться публично въ Константинополь. Между тѣмъ, христіанство и самъ папа были нѣсколько ободрены сопротивленіемъ, какое встрѣчалъ Мурадъ при его набѣгахъ на пограничныя области. Елисавета, вдова короля Альбрехта, дочь императора Сигизмунда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти мужа, родила сына Ладислава, признаннаго королемъ большинствомъ венгерскаго народа и магнатовъ. Между онекунами малолѣтняго короля, самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ былъ Іоаннъ Гуніади, который положилъ предѣлы опустошеніямъ отдѣльныхъ разбойничьихъ турецкихъ шаекъ, проникавшихъ въ страну, и нанесъ даже, въ двухъ блестящихъ походахъ, сильное пораженіе болѣе значительной арміи, выставленной султаномъ (1442). Уступая настояніямъ папскихъ пословъ, съ нимъ соединился и Польскій король Владиславъ (Ягелло), при чемъ ими была одержана довольно важная побѣда надъ Турками, въ ночной битвѣ при Нипшѣ (1443). Слѣдствіемъ ея былъ заключенный въ Чегединѣ миръ на десять лѣтъ, съ условіемъ для обихъ сторонъ—не переступать Дуная съ военными цѣлями. Кардиналъ Джуліано Чезариво, присутствовавшій на совѣщаніяхъ въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, былъ противъ этого договора, который, быть-можетъ, былъ дѣйствительною ошибкой. Но христіанамъ было все же крайне непростительно нарушить его вскорѣ, при чемъ главная вина пала на того же папскаго легата, кардинала Джуліано, и на ту безнравственную теорію, по которой папа или Церковь считали себя въ правѣ вовсе не признавать договоровъ, заключенныхъ «ко вреду Церкви», и освобождали своихъ мірскихъ подданныхъ отъ клятвеннаго обѣщанія ихъ выполнять. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что какими бы громкими словами ни пояснялась или прикрывалась эта теорія, суть ея все же въ томъ, что можно и не держать слова въ отношеніи къ невѣрнымъ. Кардиналъ сумѣлъ убѣдить Польскаго короля, признаннаго и въ Венгріи одною партіей и пользовавшагося, вообще, большимъ авторитетомъ въ эту минуту; склонилъ онъ и собраніе магнатовъ, но ему оказалось труднѣе составить тотъ великій христіанскій союзъ, на который возлагались надежды. Владиславъ перешелъ за Дунай съ войскомъ всего въ 15.000 человѣкъ и успѣлъ проникнуть до Варны, благодаря тому, что болгарская страна объявила себя за него. Предполагалось, что султанъ займать далеко, въ Азіи, когда тотъ былъ уже по близости со своимъ войскомъ: генуэзцы,—взявъ за іудину услугу по дукату съ человѣка,—перевезли Турокъ на своихъ судахъ, въ числѣ сорока тысячъ человѣкъ, черезъ Босфоръ, послѣ чего тѣ направились на Сѣверъ. Столкновение произошло при Варнѣ, 10 ноября 1444 года. Передъ битвою, сквозь ряды Османовъ была пронесена на концѣ коня грамота съ договоромъ о перемиріи, нарушенномъ теперь. Христіанъ вели въ бой: Іоаннъ Гуніади и, несмотря на свою болѣзнь, Польскій и Венгерскій король Владиславъ, молодой, красивый двадцатилѣтній рыцарь; Османами предводительствовалъ ихъ султанъ. Побѣда клонилась уже на сторону христіанъ; Поляки и Вен-

герцы пробивались впередъ съ несокрушимой отвагой и успѣли прогнать съ поля турецкую конницу; одни янычары держались еще, но и они стали слабѣть. Но въ христіанскихъ войскахъ замѣтили вдругъ, что не стало короля Владислава, перья на шлемѣ котораго мелькали впереди путеводнымъ знакомъ для своихъ. Молодой король завесся, дѣйствительно, въ вражескіе ряды, и въ ту минуту, когда янычары выстраивались снова, онъ упалъ съ коня и былъ тотчасъ убитъ Турками, которые отрубили ему голову, воткнули ее на копье и пронесли передъ своими

Печать короля Владислава III (Ягеллона) Польскаго.

Изъ королевскаго тайнаго государственнаго архива въ Берлицъ.

войсками. Наступившая ночь прекратила битву. Отступление было для христіанъ гораздо губительнѣе самаго сраженія; кардиналъ Джуліано тоже не остался въ живыхъ; ходили слухи о томъ, что его собственные люди убили его, какъ виновника всего бѣдствія. Османы не довершили своей побѣды; Іоаннъ Гуніадъ, избранный регентомъ или охранителемъ госу-

дарства до совершеннѣйшаго признаннаго теперь всѣми, Ладислава-Посмертнаго, сына Альбрехтова, принялся энергично за приготовленія къ новой войнѣ, вступивъ въ переписку съ папою и венеціанскою синьоріей. Въ 1448 году у него было войско той же численности, какъ и бывшее подъ Варной, или нѣсколько сильнѣйшее, набранное изъ Венгровъ и Валаховъ; съ Запада прибыли лишь отдѣльно кое-какіе охотники. На равнинѣ у Коссова,—на полѣ «Черныхъ дроздовъ», томъ самомъ, на которомъ, за пятьдесятъ девять лѣтъ передъ тѣмъ, потерпѣли пораженіе Венгры и Сербы,—встрѣтились теперь обѣ арміи. Дѣло кончилось какъ и при Варнѣ, съ тѣмъ различіемъ только, что измѣна вкралась, въ этотъ разъ, въ христіанскій лагерь: валахскія войска передались Туркамъ на другой день; на третій—довершилось пораженіе христіанъ. При отступленіи, Гуніадъ имѣлъ несчастіе попасть въ руки своего врага, сербскаго деспота; будучи освобожденъ цѣною самыхъ тяжелыхъ условій и громаднаго выкупа, онъ сталъ стараться о полученіи настоящей помощи съ Запада, но усилія его были столь же тщетны, какъ и прежде. Изъ денегъ, собираемыхъ на Крестовые походы, и сокровищъ, получаемыхъ папскою казною изъ новаго источника со временъ Бонифація VIII,—именно юбилейныхъ празднествъ (сроки на которыя все сокращались, а именно: съ 100 лѣтъ на 50, потомъ на 33 года, наконецъ, на 25 лѣтъ), передовые оплоты христіанства противъ Турокъ получали весьма мало. Съ другой стороны, Гуніаду не удавалось заключить съ непріятелемъ сколько-нибудь продолжительнаго мира, и при такихъ обстоятельствахъ насталъ роковой годъ.

Въ 1451 г. Мураду, пользовавшемуся славой умѣреннаго и справедливаго властителя, наследовалъ сынъ его, Махмудъ II, юноша двадцати одного года, честолюбивый, полный воинственныхъ замысловъ. Укрѣпивъ свой престолъ, по восточному обычаю, казнью казавшихся ему опасными родственниковъ, онъ счелъ наступившимъ время для возвращенія Османамъ ихъ естественной столицы. Онъ почти не скрывалъ своихъ намѣреній: въ томъ самомъ году, въ которомъ онъ достигъ власти, онъ началъ строить крѣпость на европейскомъ берегу Босфора, въ наиболѣе узкомъ его мѣстѣ, недалеко отъ самыхъ Константинопольскихъ воротъ. Императоръ Константинъ IX (XIII, по другому исчисленію), носившій въ то время корону, утратившую почти всякое значеніе, тщетно пытался воспрепятствовать этимъ работамъ; султанъ даже не принималъ посольствъ, присылаемыхъ по этому поводу. Вскорѣ открылись враждебныя дѣйствія, къ которымъ подавала поводъ самая постройка этой крѣпости. Палеологъ, сознавая ихъ неизбѣжность, сталъ мужественно готовиться къ защитѣ. Онъ снова обратился за помощью къ западнымъ державамъ, прежде всего къ папѣ. Ожидаемая помощь со стороны этого послѣдняго ограничилась присылкою какого-то кардинала Исидора, который прибылъ, въ ноябрѣ 1452 г., въ погибавшій городъ и сталъ проповѣдовать, въ такое удобное время, на пользу воссоединенія Церквей. Императоръ склонился на предлагаемыя формулы исповѣданія, но это лишь раздражило все православное населеніе, подняло всѣхъ монаховъ, народъ, чернь, и прежде нежели пара галеръ, сваряжаемыхъ папою на его личныя средства или

Махмудъ II.

на доставленные ему другими государями, успѣла появиться въ восточныхъ водахъ, судьбы города уже совершились.

Древнѣйшее изображеніе воиновъ Туронъ.

Рисунокъ отъ руки, изъ временъ Фридриха III (Германскій музей въ Нюрнбергѣ).

Осада и за-
воеваніе
Константи-
нополя.
1453.

Махмудъ далъ еще время осажденнымъ приготовиться, сколько-нибудь, къ оборонѣ, въ теченіе зимы, но самъ овладѣлъ всѣми путями, изъ которыхъ имъ могла бы подоспѣть помощь. Съ наступленіемъ весны 1453 года, онъ двинулъ изъ Адрианополя свои полчища, въ составѣ 3—400,000 человѣкъ, и когда эта армія опоясала городъ дугою, отъ моря до моря, съ суши, то къ стѣнамъ его, обращеннымъ къ морю, приблизился флотъ. Городъ оказалъ мужественное, неожиданное султаномъ, сопротивление. Онъ былъ крѣпко защищенъ съ суши двойною стѣною; гавань, «Золотой рогъ», въ которой находилась маленькая эскадра изъ 16—20 судовъ, была замкнута цѣпью съ моря. Были минуты, въ которыя не только набожные и искренно-благочестивые люди, но самые вожди и всѣ понимавшіе военное дѣло, предавались надеждѣ на то, что и въ этотъ разъ, какъ бывало и прежде, язычники будутъ вынуждены къ неожиданному отступленію. Самъ императоръ былъ человѣкъ рѣшительный и самоотверженно предавался отчаянному дѣлу защиты; городъ былъ надолго обезпеченъ продовольствіемъ; среди вождей находился одинъ генуэзецъ, одаренный замѣчательными военными способностями, нѣкто Джіованни Джустиніани. Но

Лицевая сторона.

Оборотная сторона.

Большая медаль съ изображеніемъ Мухамеда II, завоевателя Константинополя. Въ величину оригинала.

По оригиналу, хранящемуся въ королевскомъ мюнцъ-кабинетѣ въ Берлинѣ, рисовано К. Л. Бекеромъ.

гарнизонъ былъ слишкомъ малочисленъ для обороны такого обширнаго города. Онъ состоялъ, самое большое, изъ 10,000 человекъ, между которыми находилось до 3,000 иностранцевъ, большею частью генуэзцевъ и венеціанцевъ, между тѣмъ какъ Османы, при всемъ ихъ неумѣломъ веденіи осады, какъ и вообще при штурмахъ укрѣпленныхъ городовъ, имѣли, по крайней мѣрѣ, перевѣсъ въ людяхъ для поддержанія боя. У нихъ были осадныя орудія, нѣсколько небольшихъ пушекъ и одна громадная мортира, выбрасывавшая ядра изъ чернаго камня, вѣсомъ до 1,000 фунтовъ. Она не наносила, однако, какъ кажется, особеннаго вреда и ее разорвало при одномъ изъ семи выстрѣловъ, выпускавшихся изъ нея ежедневно. Дѣла приняли худшій оборотъ для христіанъ, когда Туркамъ удалось, благодаря огромной рабочей силѣ, которою они могли располагать, перетащить, посредствомъ насланныхъ досокъ, часть своихъ судовъ на сушу, приблизительно на семь километровъ далѣе, за цѣпь, ограждавшую входъ въ гавань. При этомъ, вслѣдствіе-ли измѣны, или благодаря случаю, осажденные не успѣли зажечь эти суда, хотя этотъ планъ уже былъ близокъ къ исполненію. Надвигаясь постепенно, Османы могли уже приступить къ штурму. Но передъ началомъ его, Махмудъ предложилъ императору удалиться свободно, обѣщая пощадить населеніе; Константинъ отклонилъ эту капитуляцію, какъ нравственную невозможность. Такой героизмъ доказываетъ, что послѣдняя искра древне-римскаго духа еще не угасла тогда и, какъ разсказываютъ, самъ султанъ не могъ воздержаться отъ изумленія и объявилъ, что не повѣрилъ бы никогда, что эти невѣрныя собаки, гяуры, могутъ обладать такимъ геройскимъ мужествомъ,—не повѣрилъ бы, если бы даже возвѣщали ему о томъ 37,000 пророковъ! 27 мая приступъ былъ объявленъ турецкимъ войскамъ на 29-е число; 28 можно было видѣть со стѣнъ всѣ приготовления къ нему, слышать восторженные возгласы, которыми привѣтствовалась рѣчь султана. Императоръ созвалъ тоже своихъ вождей и приобщился съ ними Св. Тайнъ въ Софійскомъ соборѣ. Приступъ начался еще до полнаго разсвѣта. Въ продолженіе двухъ часовъ велся нерѣшительный бой у самаго опаснаго пункта, Римскихъ воротъ, въ серединѣ западной стѣны; при третьемъ приступѣ Турокъ, въ пятьдесятъ разъ многочисленнѣйшихъ, христіане стали слабѣть и когда раненый Джустиніани долженъ былъ покинуть свой постъ, янычары ворвались въ городъ. Но императоръ не прекращалъ боя и скоро палъ честно, озаря славою и себя, и послѣдніе часы своего нѣкогда великаго государства. Трупъ Константина нашли лишь на другой день; городъ былъ вполне взятъ еще до полудня, населеніе искало спасенія въ храмахъ или на судахъ въ гавани. Все, чего можно было ожидать послѣ многомѣсячной осады варварами, при ихъ побѣдѣ, разумѣется, произошло; однако, число убитыхъ на улицахъ показывается лишь въ двѣ тысячи человекъ,—цифра весьма умѣренная въ данныхъ условіяхъ; можетъ-быть, такой пощадѣ содѣйствовала самая корысть солдатъ, которымъ султанъ предоставилъ всю добычу и всѣхъ плѣнныхъ. Послѣднее сопротивленіе было оказано со стороны гавани, но, въ поддень, самъ султанъ вступилъ уже въ завоеванный городъ (29 мая 1453 г.).

Господство
Турокъ. Во-
сточный во-
просъ.

Такимъ образомъ былъ отнятъ у христіанства, на многіе вѣка, Юго-Востокъ Европы, и восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ. Подобно тому, какъ уже однажды, въ VIII столѣтіи, онъ становился теперь, на долгое время, вопросомъ о томъ, какъ далеко проникнетъ въ Европу исламъ, вторгнувшійся въ нее, въ этотъ разъ, съ юго-восточной стороны. Дѣло было, во всякомъ случаѣ, не столь опасно, какъ прежде, потому что европейская жизнь сильно развилась въ теченіе семи столѣтій, протекшихъ со времени дней Тура и Хересь-де-ла-Фронтеры, и западныя государства могли успокоиваться той мыслью, что общая ихъ коалиція представитъ достаточный отпоръ врагу. Но такой коалиціи не составилось; европейскую жизнь развѣдала рознь, стремленіе къ обособленію высказывалось всѣми націями сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Сознаніе европейской солидарности, совпадавшее прежде съ чувствомъ христіанской или церковной общности, весьма ослабѣло. Обѣ державныя силы, папство и имперія, ограничились въ своихъ дѣйствіяхъ противъ новаго врага слабыми попытками и пустыми демонстраціями. На рейхстагѣ въ Регенсбургѣ (1453), Эней-Сильвій, въ качествѣ императорскаго уполномоченнаго, произнесъ длинную и хорошо обдуманную рѣчь о необходимости и незатруднительности новаго общаго Крестоваго похода; не было тоже недостатка въ вліятельныхъ народныхъ ораторахъ, говорившихъ съ той же цѣлью, во всякихъ воззваніяхъ къ народу. Но и папство, и императорская власть—страдали истощеніемъ, своего рода старческой немощью, и въ виду разрозненности христіанскаго міра, исламъ, твердо сплоченный и замкнутый въ себѣ, имѣлъ на своей сторонѣ оцутительный, если не моральный, то значительный матеріальный перевѣсъ, обезпечивавшій его укрѣпленіе на Юго-Востокѣ Европы. Междоусобія и дворцовые перевороты могли, по временамъ, ослаблять османское могущество, но, въ общемъ, турецкій народъ воодушевлялся однимъ ощущеніемъ и однимъ желаніемъ; и религія, — религія болѣе обряднаго характера, во всякомъ случаѣ, весьма скудно способствующая глубокимъ душевнымъ движеніямъ, но исповѣдуемая съ горячностью и суровымъ выполненіемъ ея требованій,— служила прочною связью для этого народа, сплоченнаго и безъ того уже всепроникавшимъ военнымъ деспотизмомъ и весьма несложною организаціей, обусловленной нуждами войны. Неспособность удерживать за собою съ помощью плуга то, что было завоевано мечомъ, составлявшая въ послѣдствіи слабость этихъ варваровъ-побѣдителей, была, въ первыя времена, именно источникомъ ихъ силы. Этотъ народъ, не сроднившійся съ землею, которую обрабатывали за него толпы безоружныхъ рабовъ, обладалъ всею подвижностью готовой къ бою, постоянной арміи, что давало ему громаднѣйшій перевѣсъ надъ крайне неудовлетворительнымъ еще состояніемъ военной части на Западѣ.

Въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій Турки постоянно подвигались впередъ, хотя христіане и одерживали, временами, нѣкоторыя славныя побѣды. Въ 1459 г. обратилась въ османскую провинцію Сербія, въ 1462 г. была покорена Валахія; подобно тому же, послѣ переменнаго военнаго счастья, подпало турецкой власти и королевство Боснія съ соедѣнными областями, Герцеговиной и Черногоріей (1464), благодаря чему

господство Турокъ простерлось до Адриатики. Въ одной Албаніи удерживалъ еще свое родовое княжество Георгъ Кастриотъ, прозванный Османомъ «Скандеръ-бегъ» или «князь Александръ». Въ прежнее время, когда его отецъ вынужденъ былъ покориться Туркамъ, этотъ Георгъ былъ выданъ Портѣ въ качествѣ аманата, вмѣстѣ со своими двумя братьями, и воспитанъ въ магометанствѣ; онъ затаилъ свою жгучую ненависть къ побѣдителямъ до той минуты, въ которую ему удалось порвать свою рабскую цѣпь; онъ бѣжалъ съ тремястами своихъ земляковъ, появился у себя на родинѣ въ 1444 г. и началъ такъ счастливо воевать съ Турками, во главѣ своихъ воинственныхъ горцевъ, получая порою денежную помощь изъ церковнаго фонда на пользу крестоносцевъ, что самъ Махмудъ (1461) предложилъ ему миръ и свою дружбу и заключилъ мирный договоръ съ Георгіемъ, признавая его независимымъ владыкою надъ Албаніей. Но въ это время погибли послѣдніе остатки бывшаго Римскаго государства: деспотства въ Пелопоннезѣ и герцогство Аѳинское, послѣдній памятникъ франкскаго владычества. Турецкій флотъ тоже не бездѣйствовалъ: въ 1462 г., Лесбосъ, важнѣйшій изъ острововъ Эгейскаго моря, сталъ добычей Османовъ. Положеніе не измѣнилось въ сущности, когда Эней-Сильвій, человѣкъ обширныхъ замысловъ, достигъ цѣли своихъ честолюбивыхъ мечтаній, — и былъ избранъ папою подъ именемъ Пія II. Его бурное стремленіе къ войнѣ съ врагами Креста встрѣтило лишь уклончивый откликъ. Соборъ въ Мантуѣ, на которомъ слѣдовало провозгласить новый Крестовый походъ, далъ папѣ случай произносить длинныя рѣчи, болѣе для собственного, чѣмъ чьего-либо удовольствія, но закончился все же словами и простыми обѣщаніями, на исполненіе которыхъ было мало надеждъ, потому что они касались денежной помощи. Къ этому пустому разглагольствованію принадлежитъ и посланіе папы къ Турецкому султану: краснорѣчивый папа-ораторъ старается обратить въ христіанство могучаго воинственнаго властителя, указывая ему на то, какъ возвеличить его малость крестильной воды (*aquae raxillium*). Піій умеръ въ Анконѣ, въ 1464 г., среди военныхъ приготовленій, предпринятыхъ имъ совместно съ Венеціанцами, королемъ Венгерскимъ Матеемъ (съ 1458) и герцогомъ Бургундскимъ; преемникъ его, Павелъ II, достигъ тоже, подобно ему, коалиціи однихъ итальянскихъ государей и правительствъ, какъ наиболее угрожаемыхъ Османами. Венеціи пришлось вести одиноко войну за свои пелопоннезскія и левантскія владѣнія. Эта война продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ по 1479 г., въ которомъ султанъ и синьорія заключили миръ въ Константинополѣ; по этому договору, Турція получила владѣнія республики въ Морѣ и на островахъ, за исключеніемъ весьма малаго: острова Евбеи (Негронтъ) и Скутари на Адриатическомъ морѣ. Въ Венецію прибылъ султанскій посолъ и вручилъ дожу Джіованни Мочениго, въ числѣ другихъ подарковъ, драгоценный поясъ, имѣвшій своеобразное символическое значеніе: въ случаѣ, если бы султанъ потребовалъ его обратно, дожъ долженъ былъ возвратить его немедленно и знать, что съ этой минуты всѣ договоры считались уничтоженными, потерявшими всякую силу. Республика успѣла, однако, отстоять нѣкоторые свои торговые выгоды и право имѣть своего собственного судью (*beilo*) для лицъ своей

национальности въ Стамбулѣ,—какъ именовался теперь отуреченный Константинополь.

Попытки къ
отраженію.
Оборона
Родоса.

Въ продолженіе этого времени Махмудъ расширялъ свои владѣнія и на азіатской сторонѣ. Трапезундская имперія была покорена (1461); малоазійская область Караманъ досталась тоже Османамъ послѣ ожесточеннаго сраженія ихъ съ Туркменами (1473); вся Малая Азія была теперь въ ихъ рукахъ. Еще при Махмудѣ, великое азіатско-европейское государство простиралось уже отъ верховьевъ Тигра до Савы. Лишь одного мѣста, въ угышеніе христіанству, не одолѣли еще дикія силы: островъ Родосъ, поступившій, съ 1309 г., во владѣніе ордена Іоаннитовъ, выдержалъ досто­славно осаду въ 1480 г. Турки выпустили противъ него 3,500 каменныхъ ядеръ и наконецъ (28 іюля) рѣшились на штурмъ. Они уже почти одерживали побѣду, на нѣкоторыхъ разрушенныхъ стѣнахъ уже развѣвались турецкія знамена, но послѣ двухчасоваго рукопашнаго боя защитники Родоса снова отбросили враговъ. Махмудъ умеръ въ слѣдующемъ году (1481). Послѣ его смерти, «*res orientales*», какъ дипломаты того времени называли восточный вопросъ, вступили опять въ новый фазисъ, довольно благоприятный для христіанскихъ державъ, вслѣдствіе междоусобія, возникшаго между сыновьями Махмуда, Баязетомъ II и Джемомъ. Джемъ, побѣжденный братомъ, предался покровительству европейцевъ, отправясь, прежде всего, на Родосъ. Въ 1489 г., интересуя своею личностью всѣ державы, имѣвшія отношенія въ Оттоманской имперіи, онъ посѣтилъ даже Римъ и гостилъ въ Ватиканѣ, у папы Иннокентія VIII. Такое положеніе вещей весьма тревожило султана Баязета и онъ отправилъ, съ извѣстными простодушіемъ, къ папѣ посланіе (1494), въ которомъ приглашалъ его по возможности скорѣе освободить Джема отъ тяготъ сего міра и переселить его душу въ міръ лучшій. Папою былъ тогда Александръ VI, которому можно было осмѣлиться предлагать подобное дѣло и который, во всякомъ случаѣ, зналъ, какъ его выполнить. За услугу предлагалась не ничтожная сумма: 300,000 дукатовъ, «на покупку какого-нибудь помѣстья сыновьямъ папы», и сверхъ того еще всякое добро. Османскій принцъ превратился въ настоящій товаръ, въ предметъ сбыта: Александръ уступилъ его за 20,000 дукатовъ Французскому королю Карлу VIII (1495). По ходившимъ слухамъ, папа сбылъ, однако, товаръ, уже предварительно попортивъ его: по крайней мѣрѣ, Джемъ умеръ весьма скоро въ Неаполь, поступивъ во владѣніе Французскаго короля.

Въ сущности, страхъ передъ проискама брата какъ-то подкосилъ энергію Баязета и опасность, угрожавшая Европѣ со стороны Турокъ, нѣсколько ослабѣла въ теченіе первыхъ четырнадцати лѣтъ его царствованія, а политика европейскихъ государствъ привыкла, между тѣмъ, считаться съ османскою властью на европейской территоріи, какъ съ совершившимся фактомъ.

Венгрія и
Богемія.

Послѣ Италіи, и въ такой же мѣрѣ какъ ей, опасность грозила Венгріи, которой приходилось, при такихъ обстоятельствахъ, опираться, почти исключительно, на однѣ свои собственныя силы. Съ 1445 г., путемъ правильнаго избранія, Венгерскимъ королемъ состоялъ юный Ладиславъ, внукъ короля Сигизмунда; но онъ находился въ рукахъ Нѣмецкаго короля Фридриха III, который его не выдавалъ. Лишь въ 1453 г. хранитель госу-

дарства, Иоаннъ Гуниадъ, успѣлъ принудить къ тому императора и юноша сталъ править государствомъ. Въ 1457 г. Гуниадъ умеръ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ за нимъ и восемнадцатилѣтній король, еще не успѣвъ вступить въ бракъ съ помолвленной за него французской принцессой. Не было недостатка въ претендентахъ на опустѣвшій престолъ,— даже и на два, потому что, со смертью Ладислава, оставалась свободною и богемская корона; но одержала верхъ партія, которую можно назвать національной, и Венгерскимъ королемъ былъ провозглашенъ сынъ Гуниада, Матѳей, по прозванию Корвинъ (1458). Въ Богеміи выборъ палъ на бывшаго намѣстника Георгія Подебрада, такъ что въ обихъ значительныхъ странахъ достигли высшаго сана и власти лица изъ простыхъ дворянъ. Пятнадцатилѣтній Венгерскій король, юноша замѣчательно дѣятельный, одаренный государственнымъ умомъ, справлялся съ большими затрудненіями: внутренними интригами, борьбою съ императоромъ и съ Турками; но когда, наконецъ, въ 1464 г., по примиреніи съ императоромъ Фридрихомъ, онъ достигъ священной короны и былъ увѣнчанъ ею, по обычаю, въ Штульвейсенбургѣ, то обратилъ свои честолюбивые замыслы противъ своего тестя, Богемскаго короля Георгія Подебрада. Сліяніе Венгріи съ Богеміей подъ однимъ главенствомъ могло осуществиться въ виду опасности, грозившей отъ Турокъ; но этотъ планъ не удался, а напротивъ того, вовлекъ Матѳея, по смерти Георгія (1471), въ столкновеніе съ Польшей, потому что Богемцы выбрали въ короли польскаго князя, а партія недовольныхъ въ Венгріи выбрала другого, тоже польскаго, князя для себя, противопоставляя его Матѳею. Все это повело къ войнѣ съ Польшей,— и такъ, то воюя, то заключая мирные договоры съ Польшей, Богеміей, Османами, императоромъ, провелъ Матѳей все время своего правленія, до самой смерти въ 1490 г., не оставя правоспособныхъ наслѣдниковъ. Корона его, на которую было много сонскателей, досталась королю Богемскому, Владиславу, и въ виду опасности, угрожавшей отъ Турокъ, соединеніе Богеміи и Венгріи подъ одною властью было счастьемъ.

Что касается Богеміи, то главнѣйшимъ моментомъ въ судьбахъ ея въ эту эпоху былъ вопросъ религіозный. Какъ было уже сказано, табориты были ослепны (1434), но партія утраквистовъ*) держалась крѣпко за свои права и базельскіе компактаты, которые ей приходилось оберегать отъ посягательствъ и подкоповъ княжескихъ и папскихъ. По смерти Сигизмунда (1437), какъ уже было сказано, католическою партіей былъ избранъ его зять, Альбрехтъ Австрійскій, а гусситами—тринадцатилѣтній польскій князь; но когда умеръ Альбрехтъ, то состоялось соглашеніе въ пользу сына его Ладислава (Посмертнаго), родившагося послѣ кончины отца и опекуномъ котораго вызвался быть императоръ Фридрихъ III. Правленіе представляло родъ компромисса между партіями: страной правили два намѣстника, одинъ изъ каликстинской, другой изъ католической партіи. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ тотъ дворянинъ, который занялъ намѣстническую постъ съ 1444 г., принадлежа къ каликстинцамъ, вышеупомянутый Георгій Подебрадъ. Онъ пошелъ далѣе по пути, проложенному

Король
Георгій.

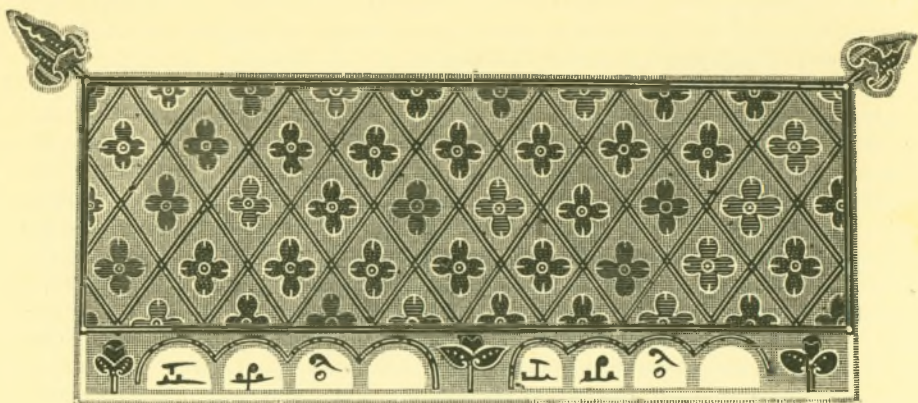
*) Утраквистъ—принимающій причастіе подъ обоими видами (хлѣба и вина).

компактатами, выказывая, однако, разумную политическую сдержанность, и старался вновь соединить націю, сдерживая крайніе элементы. Съ 1450 г., онъ одинъ оставался намѣстникомъ.

Между тѣмъ, въ Церкви восторжествовала реакція. Папа Николай V (1447—1455) правилъ совершенно въ прежнемъ духѣ и ему, какъ всей его партіи, церковная обособленность Богеміи была занозой въ глазу. Молодой король Ладиславъ, начавшій править съ рокового 1453 года, былъ тоже горячо настроенъ въ пользу католицизма. Когда онъ умеръ, послѣ кратковременнаго царствованія, не успѣвъ еще вникнуть въ дѣла Богеміи, въ король былъ избранъ бывшій намѣстникъ, Георгій (Гирцикъ). Онъ правилъ страной въ духѣ, усвоенномъ имъ и прежде, и служившемъ ко благу ея. При своемъ коронованіи, онъ присягнулъ на вѣрность Церкви и папѣ, но поставилъ условіемъ соблюденіе компактатовъ. Уравнять всѣхъ передъ правительствомъ было славною попыткой: наступали времена, въ которыя это должно было явиться въ Европѣ общею государственною задачей. Великій «высочка» встрѣтился, на первыхъ же порахъ, съ сопротивленіемъ куріи, къ которой воротилось ея прежнее высокомѣріе. Оно воплощалось въ увѣнчанномъ поэтѣ, краснорѣчивомъ и довольно легковѣсномъ юристѣ-богословѣ и карьеристѣ Энеѣ-Сильвіи, достигнувшемъ папства (1458), какъ было указано выше. Этотъ Пій II объявилъ компактаты недѣйствительными; его преемникъ, Павелъ II, приговорилъ Георгія къ низложенію и дошелъ даже до мысли о Крестовомъ походѣ противъ него. Смѣлый, честолюбивый замыселъ Георгія о достиженіи римской короны,—замыселъ не безумный при ничтожествѣ Фридриха III и продажности нѣмецкихъ князей,—не имѣлъ, конечно, успѣха, но, въ Богеміи, Георгій сохранялъ неприкосновенною свою власть до самой своей смерти (1471); даже, благодаря упорядоченію своихъ финансовъ и прекрасно организованнымъ военнымъ силамъ, онъ пользовался, въ продолженіе всего своего царствованія, какъ бы ролью третейскаго судьи среди безконечныхъ споровъ нѣмецкихъ городовъ и князей между собою.

Король
Владиславъ
отъ 1471 по
1516 г.

Компактаты оставались въ силѣ и при вновь избранномъ,—но не одобренномъ папою,—польскомъ князѣ Владиславѣ, и даже остатки таборитовъ, отдѣлившись отъ церкви подъ именемъ «богемскихъ братьевъ» и возбуждавшихъ, иногда, противъ себя новыя гоненія по своему возраставшему числу, жили спокойно при его управленіи: въ 1504 г., и онъ самъ примкнулъ къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ 1485 еще, на сеймѣ въ Кутенбергѣ, онъ установилъ религиозный миръ, по которому и каликстинцы, и католики сохраняли свои имущественныя права. Сосѣднія съ Богеміею земли, Силезія, Моравія и Лаузицъ, которыми овладѣлъ венгерскій король Матей, были, по его смерти, снова присоединены къ Богеміи. Состоя королемъ Венгріи и Богеміи, Владиславъ умеръ въ 1516 г.

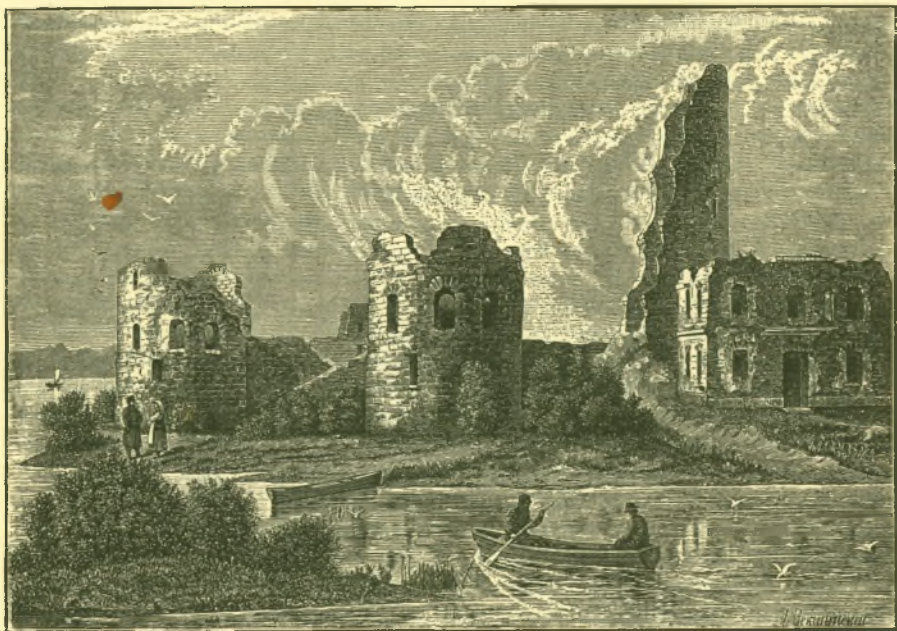
Заставка XV в. (изъ рукописной Псалтири, хранящейся въ Московской Синодальной библиотекѣ).

II. Исторія Руси отъ конца XIV до начала XVI вѣна.—Сѣверо-Западные области Руси подъ властью Литвы и Польши.—Послѣднія междоусобія въ Московской Руси.—Окончательный церковный разрывъ съ Западомъ.

Изъ предшествующаго очерка мы видѣли, съ какими усиліями удалось Московскимъ князьямъ въ XIV вѣкѣ въ такой степени сплотить около новаго центра—*Москвы*—почти всю сѣверо-восточную Русь, что даже открытая борьба съ татарскою Ордою стала уже возможна. Но мы видѣли также, что не вся сѣверо-восточная Русь, въ теченіе XIV вѣка, вошла въ составъ Московскаго великаго княжества, и что оно, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ татарами, въ то же время, должно было вести постоянную борьбу и съ сосѣдними русскими княжествами (Тверскимъ, Рязанскимъ и Смоленскимъ), отстаивавшими свою независимость. Къ тому же, случилось такъ, что на сѣверо-западной границѣ Руси, въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, въ сосѣднемъ княжествѣ Литовскомъ, явился цѣлый рядъ воинственныхъ и талантливыхъ князей, которые счумѣли превосходно воспользоваться тяготѣвшимъ надъ Русью татарскимъ игомъ и стали мало-по-малу захватывать одну область за другою, то пользуясь раздорами русскихъ князей, то оплошностью татарскихъ хановъ, которые не придавали особеннаго значенія утратѣ той или другой небольшой области или города, изъ сферы ихъ вліянія переходившихъ въ сферу вліянія Литовскихъ князей, которые, притомъ, старались ладить съ Ордою и весьма искусно избѣгали открытаго столкновенія съ нею. Такимъ образомъ, при князѣ *Гедиминѣ* Литва безъ всякой борьбы присоединила къ себѣ область Витебскую и подчинила своему вліянію Волинь; при сынѣ его *Ольгердѣ* (1345—1377), къ Литвѣ отошли княжества: Киевское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское, отдѣленные отъ Москвы независимыми княжествами Тверскимъ и Рязанскимъ, и болѣе тяготѣвшія къ княжеству Галицкому, которымъ въ это время уже владѣла Польша. И вотъ, къ половинѣ XIV вѣка, небольшое Литовское княжество, въ XII вѣкѣ зани-

Литва и
Русь.
Гедиминъ и
Ольгердъ.

мавшее лѣсистую и болотистую область въ верховьяхъ Нѣмана и его притоковъ, вдругъ раскинулось въширь и вдаль, съ одной стороны до предѣловъ Новгородской земли, Тверского и Смоленскаго княжествъ, съ другой—до береговъ Ворсклы и низовьевъ Днѣпра, включивъ въ свои предѣлы лучшія и плодороднѣйшія области древней Руси. Такіе быстрые успѣхи Литовскихъ князей въ значительной степени объяснялись весьма тонкою политикою Литовскихъ князей по отношенію къ русскимъ областямъ, которыя почти добровольно, безъ упорной борьбы, подчинялись имъ, только потому, что сіюю историческихъ обстоятельствъ остановлены были въ своемъ стремленіи къ естественнымъ центрамъ. При этомъ, князья Литовскіе, — сами оставаясь язычниками, — управляли русскими областями чрезвычайно разумно: не тѣснили православія, всюду оставляли мѣстные порядки, не касались мѣстныхъ законовъ и обычаевъ. При Ольгердѣ, число русскихъ подданныхъ въ Литовскомъ княжествѣ уже далеко превышало число коренныхъ Литовцевъ, и это преобладаніе болѣе развитого и болѣе способнаго русскаго племени оказывало самое благотворное вліяніе на Литовцевъ: дикіе нравы ихъ смягчилась, православіе и гражданственность дѣлали между ними быстрые успѣхи, а языкъ русскій, на всемъ пространствѣ Литовскаго княжества, становился языкомъ государственнымъ. Самъ Ольгердъ ревностно заботился о поддержаніи русскаго вліянія въ Литвѣ и оказывалъ весьма серьезное покровительство своимъ русскимъ подданнымъ, сознавая въ нихъ силу, на которую могъ опи-

Развалины Тронскаго замка, любимой резиденціи Гедимина.

раться въ своей борьбѣ съ Польшею и съ Орденомъ Тевтонскимъ. И не смотря на то, что Ольгердъ, какъ хитрый политикъ, то отстаивалъ Смоленскъ въ его борьбѣ съ Москвою, то помогалъ князьямъ Тверскимъ противъ Москвы,—онъ самъ не уклонялся отъ русскаго вліянія даже и въ семьѣ своей: такъ, обѣ его жены были изъ русскихъ княженъ, а многіе изъ его сыновей были крещены въ православную вѣру и женаты на православныхъ. Судя по всему ходу дѣлъ, можно было и тогда уже ожидать, что оба племени—русское и литовское—такъ хорошо ужившіяся подъ властью умныхъ и талантливыхъ князей, сольются современемъ въ одинъ могущественный народъ. Но судьбы историческія сложились иначе: въ дѣлѣ быстро-возрастающей и крѣпнущей Литвы вмѣшалась сосѣдняя Польша, и быстрымъ, благотворнымъ успѣхамъ русскаго вліянія въ Литвѣ былъ вскорѣ положенъ предѣлъ со стороны католичества, которое уже издавна пыталось проникнуть въ Литву изъ Польши и изъ Ливоніи.

Старшій сынъ Ольгерда, *Ягелло* (1377—1434), при помощи разныхъ ухищреній и насилій, разогналъ всѣхъ своихъ братьевъ, и умертвилъ родного дядю, Кейстута, который былъ всю жизнь усерднымъ помощникомъ Ольгерда и грозою Тевтонскихъ рыцарей. Въ то время, когда онъ такимъ образомъ захватилъ всю власть надъ Литвою въ свои руки, ему представился случай разомъ достигнуть весьма высокаго и блестящаго положенія. Сосѣднее королевство Польское, ослабленное внутренними раздорами и неурядицами, досталось въ это время въ наслѣдство дочери Венгерскаго короля Людовика—*Ядвиги*. За Ядвигу стали свататься многіе женихи, которымъ очень хотѣлось получить изъ ея рукъ корону Польскую. Но польскіе паны и католическое духовенство, очень сильное въ Польшѣ, остановили свое вниманіе на литовскомъ князѣ-язычникѣ, какъ на самомъ подходящемъ женихѣ для Ядвиги. Это предпочтеніе Ягелла другимъ искателямъ было вызвано тѣмъ, что Польшу, значительно ослабленную борьбою съ Нѣмцами, было выгодно соединить въ одно цѣлое съ могущественною Литвою; притомъ и духовенство польское, и польскіе вельможи съ завистью смотрѣли на обширныя и плодоносныя земли Волини, Подоліи и Украйны, которыя такъ легко было прибрать къ рукамъ, вводя въ краѣ новую вѣру, новыя порядки и обычаи. И вотъ, Ягелло торжественно крестился въ Краковѣ, а затѣмъ, 18 февраля 1386 г., сочетался бракомъ съ Ядвигою, изъ рукъ которой и принялъ польскую корону. Съ этой поры Литва надолго соединила свою судьбу съ судьбою Польши, и сближеніе ея съ Русью стало для нея возможно уже только черезъ три съ половиною вѣка, послѣ упорной и жестокой борьбы.

Въ какой степени, однакоже, тѣсна была близость и связь русскаго и литовскаго элемента въ Литовскомъ княжествѣ, мы это видимъ изъ того, что когда, послѣ коронованія Ягелла польскою короною, Поляки стали хозяйничать въ Литвѣ, а католическое духовенство насильно обращать населеніе въ католичество, не разбирая даже язычниковъ отъ православныхъ, то все населеніе Литовскаго княжества быстро перешло къ открытому возстанію. У возстанія нашелся и вождь искусный и опасный для Ягелла—двоюродный братъ его, *Витовтъ*, сынъ Кейстута. Завязалась борьба между Витовтомъ и Ягелломъ, и длилась такъ долго, и велась

Ягелло.
1377—1434.

Сліяніе
Литвы и
Польши.

такъ упорно, что, наконецъ, Ягелло, прискучивъ усобицей, согласился принять Витовта въ соправители: онъ уступилъ ему Литву въ пожизненное владѣніе, съ титуломъ *Литовскаго великаго князя*.

Витовтъ (1392—1415 г.), во время своего княженія, выказалъ себя достойнымъ своего дяди, Ольгерда, и дѣда Гедимина. Заручившись родственными связями съ Московскимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ (который женатъ былъ на дочери Витовта), онъ нанесъ страшный ударъ Тевтонскому Ордену въ Грюнвальдской битвѣ*), гдѣ все рыцарское войско было уничтожено и самъ гротмейстеръ Ордена убитъ; а затѣмъ военное могущество и значеніе Витовта по отношенію къ сосѣднимъ странамъ возросло даже до такой степени, что онъ, не воюя съ Русью, могъ присоединить къ своимъ владѣніямъ и *Смоленскъ* (1395 г.), князья котораго, ослабленные раздорами, не хотѣли подчиниться Москвѣ и не могли противиться Витовту. Но польскіе вельможи и духовенство сумѣли опутать и этого умнаго и могущественнаго князя настолько, что онъ рѣшился отступить отъ традицій своихъ предшественниковъ и по *Городельскому* договору (1413) далъ окончательный перевѣсъ католичеству и польской народности надъ православіемъ и русской народностью въ областяхъ Литовскаго княжества. По этому злосчастному договору, въ управленіе Литовскимъ княжествомъ внесены были польскіе порядки и обычаи, а той части дворянства, *которая перешла въ католичество*, даны были всѣ права и преимущества польской шляхты. Такая явная несправедливость побудила къ выселенію изъ Литвы на Русь многихъ родовитыхъ литовскихъ вельможъ и князей (даже родственниковъ Витовта), не желавшихъ измѣнить православію и находившихъ себѣ весьма радушный пріемъ у великихъ князей Московскихъ.

Въ послѣдніе годы жизни Витовтъ созналъ свою ошибку и старался ее всячески исправить. Съ одной стороны онъ задумалъ обезпечить своихъ русскихъ подданныхъ отъ наскліи католическаго духовенства; но, съ другой стороны—хотѣлъ поставить ихъ въ самостоятельное положеніе и по отношенію къ Москвѣ. Съ этою цѣлью, онъ рѣшился отдѣлить литовско-русскія области въ церковномъ отношеніи отъ Московской митрополіи и дать имъ своего, особаго церковнаго главу. Онъ ходатайствовалъ объ этомъ у патріарха Константинопольскаго, отъ котораго тогда еще зависѣла вся русская православная Церковь:—но патріархъ не согласился назначить особаго митрополита для западно-русскихъ областей. Тогда Витовтъ, разгнѣванный отказомъ, собралъ на соборъ западно-русскихъ епископовъ и приказалъ имъ избрать и поставить митрополитомъ въ Кіевѣ ученаго болгарина *Григорія Дамвлака* (1415). Вскорѣ послѣ того Витовтъ и умеръ, никѣмъ не оплакиваемый, потому что своей невѣрной и двойственной политикой сумѣлъ равно оттолкнуть отъ себя и русскихъ, и литовскихъ своихъ подданныхъ. По смерти Витовта, Литва перешла во власть Ягелла и утратила всякое самостоятельное политическое значеніе, такъ что въ те-

*) О битвѣ Грюнвальдской или *Танненбергской* не мѣшаетъ замѣтить, что здѣсь побѣдою надъ рыцарями Витовтъ и Ягелло были обязаны чрезвычайной стойкости и мужеству русскихъ (именно смоленскихъ полковъ).

Витовтъ.
1392—1415.

Учрежденіе
Кіевской
митрополіи.

ченіе послѣдующихъ трехъ съ половиною вѣковъ она выступаетъ въ исторіи не иначе, какъ въ тѣсной связи съ Польшею, хотя, по временамъ, и управляется отдѣльными князьями.

Это довольно пространное отступленіе было намъ необходимо при нашемъ обзорѣ Русской исторіи для того, чтобы дать понятіе объ истинномъ значеніи той долгой и тяжелой внутренней политической переработки, которой должны были подвергнуться разрозненныя и слабыя княжества Сѣверо-восточной Руси, прежде чѣмъ обратились въ сильное и единое Московское княжество, которое, съ одной стороны, могло уже считаться съ Ордою и ожидать отъ нея *не нашествій*, а только *набѣговъ* и *опустошеній*; а съ другой стороны—готовилось притянуть къ себѣ и всѣ остальные русскія земли, еще не захваченныя Литвою, чтобы собрать ихъ въ могущественное Московское государство. Но прежде чѣмъ всѣ русскія княжества и земли были собраны во-едино, подъ властью князей Московскихъ, прошло еще не мало времени, потребовалось не мало внутренней борьбы и усилій... Мы видѣли выше, что Дмитрію Іоанновичу (Донскому) наслѣдовалъ сынъ его, *Василій I Дмитріевичъ* (1389—1425 г.), князь, который былъ при жизни отца соправителемъ ему, и потому былъ опытенъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и во внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдними правителями. Онъ и съ Ордою умѣлъ ладить, то выплачивая ей дань, то довольствуя хановъ небольшими подарками; и отъ своего тестя, Витовта Литовскаго, сумѣлъ оберечь угрожаемыя имъ Новгородскія и Псковскія области. Но когда сынъ его, *Василій II Васильевичъ Темный* (1425—1462 г.), вступилъ на великокняжескій престолъ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, то его младенчествомъ воспользовался родной дядя, *Юрій*, со своими мятежными сыновьями, *Василіемъ Косымъ* и *Василіемъ Шелякой*, и сталъ оспаривать у племянника правъ на великокняжеское достоинство.

Борьба началась жестокая, упорная, полная трагическихъ и кровавыхъ эпизодовъ, напоминающихъ борьбу Ланкастерскаго дома съ Йоркскимъ. Она длилась 20 лѣтъ сряду, но зато была *послѣднею* борьбою родового начала съ наслѣдственнымъ и выказала совершенно ясно, что Московская Русь XV вѣка уже не походила на удѣльную Русь XII и XIII вѣковъ. Не входя въ подробности этой борьбы, замѣтимъ только, что общая потребность во внутренней тишинѣ, мирѣ и порядкѣ (которая не всѣми въ это время сознавалась и въ Германіи) была уже настолько сильна въ Московской Руси въ половинѣ XV вѣка, что всѣ сословія—боярство, духовенство и народъ—оказались на сторонѣ законной, династической власти и отстаивали права Василя II противъ несправедливыхъ притязаній его родни; мало того: не только въ Московскомъ княжествѣ, но даже и въ независящемъ отъ него княжествѣ Тверскомъ, уже въ такой степени ясно сознавалось значеніе Москвы, какъ обще-русского связующаго центра, что князь Тверской самъ предложилъ свой войска въ помощь Московскому князю противъ его двоюродныхъ братьевъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, *Василій II* побѣдносно выдержалъ долгую междоусобную борьбу и, утвердившись на престолѣ, всѣ послѣднія 12 лѣтъ княженія провелъ спокойно, заботясь исключительно о внутреннемъ устроеніи Московскаго княжества.

Василій I и
Василій II
Темный.

Послѣднія
междоусо-
бія.

Флорентій-
скій соборъ.
Отверженіе
Уніи.

Весьма важною заслугою Василя II была та непоколебимая твердость, съ которою онъ встрѣтилъ притиски папства, какъ разъ въ это время возобновившаго свои попытки о воссоединеніи Церквей Восточной и Западной. Грекъ *Исидоръ*, незадолго передъ тѣмъ поставленный въ митрополиты Московскіе патріархомъ Константинопольскимъ, задумалъ ѣхать въ Италію для участія на соборѣ, созванномъ во Флоренціи (1439 г.), съ цѣлью воссоединенія Церквей. Великій князь Василій долго противился этой поѣздкѣ Исидора, и наконецъ сказалъ ему въ напутствіе: — «*Смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какъ мы его приняли отъ Владиміра; а новаго, чуждаго, не приноси — мы не примемъ*». Исидоръ притворно обѣщаль стоять за православіе; но на соборѣ безпрекословно подписалъ грамоту о соединеніи Русской Церкви съ Западною Церковью и призналъ даже главенство папы. Когда-же по возвращеніи въ Москву, онъ дерзнулъ на литургіи, вмѣсто восточныхъ патріарховъ, помянуть папу, а послѣ литургіи задумалъ читать народу грамоту о состоявшемся будто бы воссоединеніи Церквей, — великій князь приказалъ его посадить подъ стражу и, какъ отступника, предать церковному суду. По счастью для Исидора, онъ успѣлъ, во время суда, бѣжать изъ заточенія и избѣгнуть предназначенной ему кары. Послѣ сверженія Исидора, въ митрополиты «*Московскіе и всея Руси*» былъ избранъ рязанскій епископъ *Іона*, и поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ. Съ той поры (1447 г.) митрополиты Московскіе уже постоянно «*поставлялись*» на Руси, а не ѣздили за этимъ въ Константинополь, который, пять лѣтъ спустя, уже былъ во власти Турокъ, при чемъ и самъ патріархъ Константинопольскій оказался въ весьма приниженномъ и зависимомъ отъ султана положеніи.

Мы не безъ цѣли болѣе подробно остановились на этомъ эпизодѣ, потому что, на нашъ взглядъ, именно съ 1447 г. и наступаетъ начало долгаго и упорнаго разъединенія Русскаго Востока отъ Европейскаго Запада. Разъединеніе это, обусловливаемое желаніемъ сохранить въ полной чистотѣ свою вѣру, какъ драгоценнѣйшее начало русской народности, много способствовало отчужденію Руси отъ того блестящаго и быстрого прогресса, по пути котораго двинулась Европа съ конца XV вѣка, и несомнѣнно замедлило ходъ ея просвѣщенія и научной образованности; но за то съ другой стороны—это разъединеніе съ Западомъ дало возможность Руси окрѣпнуть въ своемъ самостоятельномъ ростѣ и въ высшей степени развить тѣ національныя особенности, которыя, два-три вѣка спустя, дали ей возможность выступить на поприще Европейской исторіи въ качествѣ вполне самостоятельной и ни отъ кого не зависимой державы.

2. Окончательное „собрание“ Русской земли. Іоаннъ III.—Подчиненіе Новгорода; присоединеніе Рязани и Твери къ Москвѣ.—Женитьба Іоанна III на Византійской царевнѣ.—Сверженіе татарскаго ига.—Борьба съ Литвою и внутреннія преобразованія.—Сношенія съ Западною Европой.—Василій III.—Борьба съ Литвою за Смоленскъ.—Борьба съ Крымомъ и Назанью.—Конецъ удѣламъ и начало самодержавія.

Іоаннъ III
1462—1505.

По смерти Василя II Темнаго, на престолъ московскихъ великихъ князей вступилъ его сынъ, *Іоаннъ III Васильевичъ* (1462—1505), чело-

Новгородъ. Башня архіепископа Евфимія.

Владыка Евфимій былъ современникомъ Василія II Темнаго. Евфиміевская башня возвышается надъ древнею церковью во имя преподобнаго Сергія и надъ остатками корпуса древнихъ владычныхъ палатъ. На верху ея находятся древнѣйшіе въ Россіи башенные часы (теперь испорченные), которые Евфимій устроилъ на диво всему Новгороду.

вѣкъ обширнаго и тонкаго ума и желѣзной воли—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей Русскихъ. Въ началѣ княженія, онъ, повидимому, только закалчивалъ то, что такъ постепенно и такъ осторожно подготавливали его умные, дальновидные и дѣятельные предки; но затѣмъ повернулъ на иной, новый политическій путь, слѣдую которому, сильное княжество Московское, при ближайшихъ преемникахъ Іоанна III, уже обратилось въ могущественное государство Московское.

Подчиненіе
Новгорода
Москвѣ.
Уничтоженіе
вѣча. 1478.

Прежде всего, Іоаннъ III вступился во внутреннія дѣла Новгорода, который, еще со времени Симеона Гордаго, отъ времени до времени вынуждалъ князей Московскихъ къ вооруженному вмѣшательству въ свое крайне-запутанное, безпокойное и неустойчивое управленіе. И дѣйствительно: пользуясь своимъ удобнымъ положеніемъ на краю Русской земли, богатый и многочисленный Новгородъ, приобретающій огромныя выгоды отъ торговыхъ сношеній съ Западомъ и со всею Литвою и Русью, сумѣлъ до самаго XV вѣка отстоять свою самостоятельность и независимость отъ всѣхъ сосѣднихъ княжествъ, сохранивъ древнія, давно всюду отжившія свой вѣкъ формы вѣчеваго устройства, распространивъ свои владѣнія отъ береговъ Волхова до береговъ Бѣлаго моря съ одной стороны, до Перми, Вятки и Урала—съ другой. Эти обширныя владѣнія были заселены богатыми и сильными колоніями новгородскими, которыя всѣ тянули къ своей митрополіи, доставляя ей обильные источники доходовъ отъ своихъ промысловъ и даней, собираемыхъ съ инородцевъ, высылая свои дружины для пополненія новгородскаго ополченія, въ случаѣ грозившей Новгороду опасности. Ганзейскія торговыя конторы издавна вели съ Новгородомъ оживленный и обширный торгъ, и сами Новгородцы древнимъ «Варяжскимъ путемъ» высылали за море свои корабли съ товарами, пренебрегая препятствіями, которыя старались положить на этомъ пути Шведы, Финны или тевтонскіе рыцари. Обладая огромными богатствами, тѣсно-связанный дружбою съ «младшимъ братомъ своимъ, Псковомъ», и то успѣшно воюя съ сосѣдями, то искусно лавируя между ними путемъ всякихъ политическихъ уловокъ и компромиссовъ, Новгородъ смѣло могъ создать пословицу: «кто противъ Бога и Великаго Новгорода!»—и не даромъ его начальныя люди писали въ грамотахъ и говорили въ посольствахъ отъ имени «Господина Великаго Новгорода». Пока Москва поднималась и крѣпла, и развивалась постепенно свое могущество, пока она выѣивалась изъ-подъ тяжкаго гнета Орды и «собирала» исподволь Русскую землю—ей неудобно было слишкомъ настойчиво вступаться въ Новгородскія дѣла, и она довольствовалась только тѣмъ, что понемногу ослабляла Новгородъ, то захватывая нѣкоторую долю его земель, то взимая съ Новгородцевъ тяжкіе окуны, которые тѣ охотно уплачивали, лишь бы избавиться отъ войны съ Москвою. Но когда Москва вполне окрѣпла и, обезпечивъ себя до нѣкоторой степени со стороны Орды, собрала около себя все, что могла собрать изъ земель Восточной Руси; когда, съ другой стороны, выросло могущественное княжество Литовское и слилось съ католической Польшей—то положеніе Новгорода совершенно измѣнилось. «Господинъ Великій Новгородъ» явился заманчивою цѣлью для двухъ равныхъ и грозныхъ державъ, и одна изъ нихъ должна была неминуемо предъявить

Уничтожение Новгородского вѣча при великомъ князѣ Московскомъ Іоаннѣ III (въ январѣ 1478).
Картина К. Лебедева.

на него свои права. И дѣйствительно, въ Новгородѣ, полномъ всякихъ неурядиць, смуть и раздоровъ, полномъ ожесточенной вражды бѣдныхъ классовъ съ богатыми, уже съ половины XV вѣка видимъ во главѣ правленія двѣ постоянно борющіяся партіи—московскую и литовскую. Партія литовская—во главѣ которой стояли богатые и вліятельные бояре Борецкіе и ихъ мать, знаменитая *Марѳа-Посадница* (т. е. жена посадника)—начала добилась того, что пригласила себѣ князя изъ Литвы, безъ вѣдома Московскаго князя; затѣмъ пыталась возбуждать вопросъ объ отмѣнѣ церковной зависимости Новгорода отъ Москвы и выставляла на видъ выгоды подчиненія Новгородскаго архіепископа митрополиту Кіевскому (см. стр. 526), и наконецъ дошла даже до такой наглости, что ею на вѣчь былъ прямо поднятъ вопросъ о посольствѣ къ великому князю Литовскому, съ просьбою о принятіи Новгородцевъ въ подданство. Такое своеволие господствующей партіи показалось невыносимымъ не только всѣмъ разумнымъ Новгородцамъ, но даже и Псковичамъ. Многіе побѣжали изъ Новгорода въ Москву, просить защиты великаго князя—и Иоаннъ III тотчасъ рѣшился дѣйствовать. Онъ собралъ большую рать московскую, къ которой присоединились союзное ополченіе тверское и даже Псковичи, и двинулъ се къ Новгороду (въ іюль 1471 года). Любопытно, что при войскѣ великаго князя находился даже и отличный знатокъ древнихъ русскихъ лѣтописей, дьякъ *Бородатый*, «для уличенія Новгородцевъ въ ихъ неправдахъ». Дважды разбитые воеводами великаго князя, Новгородцы вынуждены были покориться. Одинъ изъ Борецкихъ и нѣкоторые другіе бояре были казнены. Новгороду временно оставлено его внутреннее устройство, но онъ связанъ былъ строгимъ договоромъ, по которому обязался: *не подчиняться Литвѣ* и архіепископовъ поставлять *исключительно въ Москву*. Сверхъ того, съ Новгорода взять тяжкій окупъ *) и къ владѣніямъ Московскаго великаго князя присоединены богатѣйшія новгородскія колоніи на С. Двинѣ и побережьяхъ Бѣлаго моря.

Но на этомъ дѣло не кончилось. Иоаннъ III, послѣдовательный во всемъ, ничего не любилъ дѣлать на-половину:—участь Новгорода, уже давно рѣшенная имъ, завершилась шесть лѣтъ спустя, когда великій князь Московскій привязался къ мелочному (а можетъ быть даже предумышленному) измѣненію титула его въ сношеніяхъ Новгорода съ Москвой, и потребовалъ объясненій. Когда объясненія, какъ и слѣдовало ожидать, даны были неудовлетворительныя, въ подтвержденіе требованій великаго князя явилось сильное войско. Новгородцы не смѣли и думать о сопротивленіи и въ январѣ 1478 г. покорились Иоанну на «всей его волѣ». Иоаннъ потребовалъ уничтоженія вѣча и древняго новгородскаго устройства; по его приказанію снять былъ вѣчевой колоколь и отвезенъ въ Москву. Управление Новгородомъ поручено было великокняжескому намѣстнику. Важнѣйшихъ бояръ новгородскихъ онъ перевелъ на службу въ Москву, а богатѣйшихъ гражданъ—выселить въ другіе города Московскаго княжества; на ихъ мѣсто въ Новгородъ присланы были новые по-

*) 15,500 рублей, цѣнность которыхъ надо считать по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше нынѣшнихъ.

селенцы. Всѣ владѣнія Новгорода вошли въ составъ Московскаго княжества:—съ той поры Новгородъ потерялъ всякое значеніе и сравнялся со всѣми городами Московскими.

За Новгородомъ наступила очередь остальныхъ немногихъ, еще независимыхъ княжествъ — и всѣ они, послѣдовательно и постепенно, покоряясь закону исторической необходимости, приносящей слабаго въ жертву сильному, сливались съ Москвою. Сліянія эти происходили вслѣдствіе различныхъ условій и соглашеній: одни изъ князей добровольно (какъ напр. князь Рязанскій) предоставляли свое княжество Іоанну, поручая ему опеку надъ своими дѣтьми; другіе просто продавали свои княжества и поступали на службу къ Московскому князю; третьи обезпечивали себѣ спокойное пожизненное владѣніе княжествомъ, завѣщая его Іоанну III послѣ своей смерти. Въ виду этого, Іоаннъ съ братьями своими заключилъ такое условіе, что, въ случаѣ ихъ бездѣтности, единственнымъ наслѣдникомъ ихъ удѣловъ могъ быть только онъ, великій князь *).

Сліяніе остальныхъ удѣловъ съ Москвою.

Дольше всѣхъ остальныхъ князей сохранилъ свою независимость князь Тверской Михаилъ, по близкимъ родственнымъ отношеніямъ къ Іоанну III (онъ былъ въ первомъ бракѣ женатъ на родной сестрѣ Тверскаго князя). Но при быстромъ возрастаніи Москвы, независимое существованіе маленькой и слабой Твери уже было немислимо. Надо было во что бы то ни стало склониться на ту или другую сторону: примкнуть либо къ Литвѣ, либо къ Москвѣ, владѣніями которыхъ Тверское княжество было отовсюду охвачено. Но хитрый Іоаннъ уже обезпечилъ себя на всякій случай договоромъ, по которому его шурина обязался не входить «ни въ какія сношенія съ Литвой безъ вѣдома и соглашенія великаго князя». При первомъ нарушеніи этого договора, Іоаннъ явился съ сильнымъ войскомъ подъ стѣнами Твери и, вынудивъ Михаила бѣжать въ Литву, навсегда присоединилъ Тверское княжество къ Московскому (1485 г.).

Такому окончательному округленію владѣній Московскаго великаго князя предшествовали два важныхъ событія, оказавшихъ вліяніе на всю дальнѣйшую историческую судьбу Русской земли. Первымъ изъ нихъ была женитьба (вторая) Іоанна Васильевича на греческой царевнѣ, *Софійѣ Ѳоминичнѣ Палеологѣ*, племянницѣ послѣдняго изъ Византійскихъ императоровъ. Этому браку, изъ чисто-личныхъ видовъ, въ значительной степени способствовала папа римскій, который даже присоединилъ къ посольству, сопровождавшему царевну въ Москву, своего легата, и поручилъ ему еще разъ попытаться склонить Московскаго князя къ воссоединенію Церквей. Но эти надежды оказались тщетными: митрополитъ Московскій не дозволилъ даже легату торжественно вѣхать въ Москву, а когда тотъ задумалъ вступить съ русскимъ духовенствомъ въ пренія о вѣрѣ, то митрополитъ выставилъ противъ него икоего *Никиту Поповича*—искуснаго книжника—который своими доводами вынудилъ легата отступить отъ спора.

Бракъ съ Византійскою царевною.

Бракъ съ Византійскою царевною значительно повліялъ на Іоанна III.

*) Онъ вообще присвоилъ великому князю весьма важное право *наслѣдованія выморочныхъ удѣловъ* и обязалъ братьевъ въ это наслѣдство не вступаться.

Иоаннъ III Васильевичъ.

Весьма рѣдкій, и, по замѣчанію Д. А. Ровинскаго, «до-
стоятельный» и «вѣроятно современный» портретъ. Зани-
мствованъ имъ изъ книги французскаго географа Тѣва,
парижское изд. 1575 г.

ихъ славы и величія и главною опорою православія.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Софіи Ѳоминыны произошло и
другое важное событіе—*окончательное сверженіе татарскаго ига*. Хотя
татарская Орда, со временъ страшнаго погрома, нанесеннаго ей Тамер-
ланомъ, уже не возвращалась къ своему прежнему грозному могуществу;
хотя раздоры, начавшіеся въ ней въ самомъ началѣ XV вѣка, довели ее
до весьма большого истощенія силъ и уже при отцѣ Иоанна III побудили
къ распаденію, однакоже осторожный князь Московскій, занятый тща-
тельнымъ собираніемъ Русской земли, предпочиталъ до поры до времени
поддерживать съ Татарами прежнія отношенія, страшась болѣе всего по-
мѣхи себѣ съ ихъ стороны въ выполненіи великой задачи. Въ этихъ ви-
дахъ могущественный князь Московскій не переставалъ платить неболь-
шую ежегодную дань ханамъ Золотой Орды, и даже не гнушался соблю-
дать старинный обычай вассальнаго *преклоненія передъ ханскимъ избра-*

Царевна оказалась жен-
щиною гордою, умною
и притомъ обладавшею
весьма твердымъ харак-
теромъ. Она съумѣла от-
части подчинить себѣ да-
же волю своего супруга.
Подъ несомнѣннымъ ея
вліяніемъ Иоаннъ сталъ
отдаляться отъ вельможъ
и князей, ввелъ на по-
добіе византійскаго дво-
ра строгое чиноначаліе
и сложную обрядность
среди московскихъ ца-
редворцевъ и окружилъ
себя блескомъ и вели-
колѣпиемъ. По его по-
велѣнію, и *древній гербъ
Московского княжества*
(Св. Георгій на конѣ, по-
ражающій дракона) *былъ
соединенъ съ гербомъ
Византійской имперіи*
(чернымъ двуглавымъ
орломъ), дабы показать
всѣмъ, что Московскій
великій князь, вступивъ
въ супружество съ по-
слѣднею царевною изъ
рода Византійскихъ им-
ператоровъ, является уже
прямымъ наследникомъ

Окончатель-
ное сверже-
ніе татар-
скаго ига.

женіемъ (или *басмоу*), съ которымъ ежегодно являлись въ Москву ханскіе посланцы, прїѣзжавшіе за данью. Но, закончивъ собраніе Русской земли, Іоаннъ тотчасъ обратился къ рѣшенію вопроса объ отношеніяхъ къ Татарамъ, въ половинѣ XV вѣка выселившимся изъ Орды въ Крымъ и осѣвшимъ въ Казани. Прежде всего, Іоаннъ воспользовался случаемъ для вмѣшательства въ раздоры сыновей Казанскаго царя Мамутека, нѣкоторымъ изъ нихъ предложивъ свою помощь и убѣжище въ Москвѣ. Войска Московскаго князя неоднократно подступали подъ самыя стѣны Казани—сажали и смѣняли въ ней хановъ и такимъ образомъ поставили ихъ въ полную зависимость отъ великаго князя Московскаго. Совсѣмъ иной политики держался Іоаннъ III по отношенію къ Ордѣ Крымской, ханы которой питали родовую непримиримую ненависть къ ханамъ Золотой Орды. Іоаннъ III вступилъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ въ тѣсную дружбу и союзъ, и предложилъ ему за-одно дѣйствовать противъ Золотой Орды.

И только обезпечивъ себя этимъ союзомъ, только подчинивъ Казань своему вліянію, Іоаннъ III рѣшился открыть дѣйствія противъ Орды. Въ 1480 г. послы хана Ахмата были приняты въ Москвѣ весьма недружелюбно: великій князь Московскій *отказался отъ обычнаго поклоненія и отъ платежа дани Ордѣ*, и отпустилъ пословъ безъ подарковъ. Когда же Ахматъ съ многочисленнымъ войскомъ подступилъ къ предѣламъ Руси, то увидѣлъ, что всѣ переправы черезъ Оку заняты сильною московскою ратью, готовою къ бою; желая перехитрить Московскаго князя, Ахматъ думалъ вторгнуться въ Русь со стороны литовскихъ владѣній и быстрымъ обходомъ перекинуть свои подчища на берегъ рѣки Угры; но и здѣсь преграждали ему путь княжескіе полки, которые, не вступая съ нимъ въ бой, спокойно выжидали натиска Татаръ. Ахматъ не рѣшался нападать первый и оба войска долго стояли другъ противъ друга въ полномъ бездѣйствіи—а съ наступленіемъ зимы Татары отступили отъ Угры и ушли въ свои зимовья. Вскорѣ послѣ того, Ахматъ былъ убитъ въ Ордѣ и сыновья его вступили въ долгую и упорную борьбу съ Крымомъ. Эта борьба закончилась тѣмъ, что Менгли-Гирей, при помощи Московскаго князя, нанесъ окончательное пораженіе Золотой Ордѣ, разорилъ Сарай, столицу Орды, и послѣдняго ея хана вынудилъ бѣжать въ Польшу.

И вотъ тогда, когда Іоаннъ отдѣлался отъ своего исконнаго врага и почувствовалъ себя «государемъ всея Руси» (такъ онъ сталъ писать свой титулъ въ грамотахъ), онъ обратился взоръ и на Западъ, на тѣ русскія области, которыя въ это время уже не пользовались прежнимъ льготнымъ положеніемъ подъ властью князей Литовскихъ, а напротивъ — страдали отъ безцеремонной и насильственной пропаганды католицизма. Вслѣдствіе этого, многіе мелкіе пограничные князья, потомки прежнихъ удѣльныхъ, весьма охотно переходили обратно отъ Литовскаго князя въ подданство и службу къ Московскому князю. Эти переходы должны были вызывать пограничные споры, и наконецъ привели къ войнѣ Іоанна съ королемъ Польскимъ Казиміромъ. Но война была прекращена на этотъ разъ въ самомъ началѣ (Казиміръ умеръ) и миръ между Москвою и Литвою былъ, повидному, прочно закрѣпленъ бракосочетаніемъ Елены, дочери Іоанна III, съ Александромъ, княземъ Литовскимъ. Но это не помогло. Притѣсненіе

Борьба съ
Литвою.

православныхъ и переходы православныхъ князей и вельможъ изъ Литвы на Русь возобновились—и война разразилась снова, при чемъ князь Литовскій терпѣлъ отъ тестя своего пораженіе за пораженіемъ, несмотря на довольно успѣшныя дѣйствія союзника Литвы, магистра Ливонскаго Ордена, *Шлеттенберга*. Вынужденный къ перемирію, Александръ призналъ право Іоанна на владѣнія перешедшихъ къ нему князей и даже титулъ государя «всѣя Руси», особенно непріятный для Литовскаго князя, у котораго было такъ много русскихъ подданныхъ.

Заботы о
внутрен-
немъ устрой-
ствѣ. Судеб-
никъ.

Эта постоянная, неутомимая и неуспѣшная дѣятельность, эта непрерывная борьба внутренняя и внѣшняя, это неуклонное стремленіе къ выполненію весьма опредѣленнаго и широкаго политическаго плана, нимало не мѣшали Іоанну III въ его заботахъ о внутреннемъ устройствѣ его обширнаго государства. Въ виду этого, стараясь именно придать одинъ общій государственный строй всѣмъ разнообразнымъ областямъ, вошедшимъ въ составъ Московской Руси, онъ подчинилъ ихъ одному общему закону, который сглаживалъ бы всѣ мѣстные обычаи. Въ этомъ именно смыслѣ, замѣчательнымъ юридическимъ памятникомъ эпохи явился «*Судебникъ*» Іоанна III, составленный по его порученію дьякомъ Гусевымъ. По этому «Судебнику» право суда въ отдѣльныхъ областяхъ было предоставлено намѣстникамъ великокняжескимъ. Назначенный имп судья не могъ судить одинъ; при судѣ должны были присутствовать—княжій чиновникъ и выборные изъ «лучшихъ» людей. Судьи получали за рѣшеніе дѣлъ опредѣленную судебную пошлину; когда судъ, по недостатку уликъ, не могъ рѣшить дѣло по закону, то тяжущимся сторонамъ предоставлялось право рѣшить дѣло *судебнымъ поединкомъ* (судомъ Божьимъ). Согласно суровому характеру времени *смертная казнь* назначалась за всѣ преступления уголовныя и даже за *двукратное* воровство (т. е. за рецивизмъ); вообще же за преступленія противъ собственности *судебникъ* налагалъ *тѣлесныя наказанія кнутомъ на торгу*. Важныя и полезныя измѣненія, значительно расширявшія права женщины, были внесены Судебникомъ и въ законы о наслѣдствѣ.

Сношенія
съ Западной
Европой.

Іоаннъ III былъ первымъ изъ государей Московскихъ, возобновившимъ сношенія съ Европою; есть основаніе думать, что къ этому побудила его не только его супруга, желавшая внести сколько возможно болѣе блеска и великолѣвія въ весьма простую—до того времени—жизнь и бытъ московскихъ великихъ князей: побудило его и собственное сознаніе необходимости воспользоваться тѣми результатами европейской жизни и прогресса, о которыхъ доходили слухи и до отдаленной, забытой Европою Московской Руси. Въ 1474 г. отправленъ былъ въ Венецію посломъ *Семень Толбузинъ*, которому въ переводчики былъ приданъ жившій въ Москвѣ иностранецъ, Антоній Фрязинъ. Ему поручено было пригласить въ Москву различныхъ мастеровъ и художниковъ: зодчихъ, литейщиковъ, оружейниковъ, пушкарей, инженеровъ, чеканщиковъ, каменщиковъ, рѣзчиковъ, рудоконовъ и врачей. Въ числѣ другихъ приглашенныхъ въ Москву иноземцевъ пріѣхалъ и талантливый зодчій, болонецъ *Аристотель Фіоравенти*. Въ 1479 г. былъ имъ законченъ Московскій Успенскій соборъ (отчасти, по образцу Владимірскаго Успенскаго собора); послѣ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ царской шапкѣ перваго наряда.

Первыя упоминанія о «царскихъ утваряхъ» и о «вѣнчаніи» русскихъ государей встрѣчаемъ во время княженія Іоанна III Васильевича, по поводу вѣнчанія на столѣ великокняжеской его внука (отъ перваго брака, съ Марьей Борисовной, княжной Тверской), какъ законнаго наследника и преемника его власти *). Бѣда-ли, поэтому, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это вѣнчаніе явилось подѣ непосредственнымъ вліяніемъ того «дворскаго чина и обряда», который былъ заимствованъ Московскимъ великимъ княземъ изъ Византіи, послѣ его втораго брака съ Софіею Ѳоминичною, царицею изъ дома Палеологовъ.

Такъ какъ богатства Московскаго великокняжескаго, а впоследствии Царскаго двора постоянно возрастали и увеличивались, то уже въ царствованіе Іоанна IV Васильевича (Грознаго) царская казна составляла такую безцѣнную сокровищницу, какой, конечно, не было ни у одного изъ вѣнценосцевъ европейскихъ, и Грозный царь могъ съ гордостью показывать свои сокровища англичанину Горсею, который былъ пораженъ ихъ чрезвычайнымъ изобиліемъ. Когда, послѣ тяжкаго періода Смутнаго времени, наступило междоусобице, а затѣмъ на престолѣ Московскій былъ избранъ польскій королевичъ Владиславъ, то боярамъ и духовенству, стоявшему во главѣ правительства, не малаго труда стоило охранить царскую утварь и безчисленныя сокровища царской казны отъ хищныхъ попытокъ и назойливыхъ требованій польскаго воинства, засѣвшаго въ Москвѣ подѣ начальствомъ Гонсевскаго и Струся. Бояре, издержавъ всю денежную казну на содержаніе польскаго войска и жалованье ему, стали потомъ изыскивать иныя средства для уплаты полякамъ жалованья: — переливали и перечеканивали въ монету царскую домашнюю серебряную посуду и утварь, даже оклады съ иконъ и церковную утварь; но до казны царской и царственныхъ регалій и одеждъ не позволяли и касаться, все сохраняя отъ хищниковъ въ глубинѣ тайныхъ, никому-невѣдомыхъ дворцовыхъ кладовыхъ. Наконецъ, когда уже нечѣмъ было платить и нечего

*) Внуку этотъ былъ потомъ заключенъ подѣ стражу и умеръ въ заточеніи: — наследникомъ Іоанна явился Василій III, сынъ Іоанна III, отъ брака съ Софіей Ѳоминичной.

было передѣлывать въ монету, бояре-правители, по соглашенію съ Гонѣвскимъ, временно рѣшили выдать «въ залогъ польскому войску, съ правомъ выкупа», два царскихъ вѣнца, изъ семи хранившихся въ царской казнѣ, 2 единорога, царскій посохъ изъ единорога, по концамъ оправленный золотомъ съ брилліантами, и гусарское сѣдло, украшенное золотомъ, камнями и жемчугами *). При этомъ, кромѣ единороговъ, которые, по понятіямъ того времени, составляли большую цѣнность, хитрые бояре поступились изъ царской казны только тѣмъ, что весьма охотно удаляли изъ числа ея драгоценностей, какъ неприятныя воспоминанія, а именно: — отдали изъ вѣнцовъ только вѣнецъ Годунова, да неподѣланный вѣнецъ «Дмитрія, мужа Мнишкѣвны». Вся остальная царская утварь, накопленная въ теченіе вѣковъ въ царской казнѣ, сохранилась неприкосновенною, пережила благополучно тягостныя времена Московской разрухи и дождалась радостнаго для всей Руси восшествія на престолъ цари Михаила Теодоровича. Есть основаніе думать, что юный царь вѣнчался на царство именно тѣмъ вѣнцомъ, изображеніе котораго мы помѣщаемъ здѣсь, такъ какъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ «шапки перваго наряда царя Михаила Теодоровича».

Въ старинныхъ описяхъ, сохраняемыхъ въ архивѣ Оружейной палаты, находимъ и весьма любопытное описаніе этого великолѣпнаго и драгоценнаго вѣнца, въ его прежнемъ видѣ:

«Шапка Царская золотая перваго наряда, *дѣло дьяка Ефима Телепнева*, на ней крестъ золотъ, въ немъ 23 алмаза (24-го недостаетъ), да три зерна гурмыцкихъ; *подъ крестомъ лаль великъ*; по шапкѣ травы накладныя, прорѣзныя съ финифты; въ ней 45 алмазовъ, 11 лаловъ въ золотыхъ гнѣздахъ, да 25 яхонтовъ червчатыхъ въ гнѣздахъ, 21 яхонтъ лазоревый, 22 изумруда, 15 искорокъ изумрудныхъ, 51 зерно гурмыцкое; околъ соболій».

Всеу въ шапкѣ было тогда 4 фунта 66 золотниковъ, безъ соболя.

Въ 1687 году алмазный крестъ былъ съ этой шапки снятъ и вообще ея убранство нѣсколько измѣнено, ибо въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ: на верху шапки алмазный крестъ и «лаль великъ» замѣнены огромнымъ изумрудомъ, почти въ голубиное яйцо величиною. Изумрудъ помѣщенъ на стержнѣ, закрѣпленномъ двумя крупными жемчужинами. Сверхъ того, на шапкѣ теперь видимъ: 56 бурмыцкихъ зеренъ, одинъ огромный сапфиръ алмазной грани, 12 среднихъ лазоревыхъ яхонтовъ, 12 малыхъ, 17 изумрудовъ среднихъ и малыхъ, 37 лаловъ большихъ и малыхъ, 35 алмазовъ и 22 мѣста пустыхъ.

Вѣнецъ этотъ и по прекрасной работѣ, и по цѣности своей составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Московской Оружейной палаты.

---

*) Эти вещи потомъ не были выкуплены и подѣлены поляками между собою: по тогдашней оцѣнкѣ, онѣ представляли сумму около 250,000 руб.

Вѣнецъ Государевъ „большого наряда“.

Хранится въ царской казнѣ, въ Оружейной палатѣ.

(Копія съ рисунка академика Солянцева, помѣщеннаго въ «Древностяхъ Россійскаго Государства»).

кремлевскихъ, начатое Антоніемъ Фрязиномъ. Въ то же самое время пріѣзжіе итальянцы — подобно всѣмъ художникамъ эпохи Возрожденія удивительно разносторонніе въ своихъ техническихъ свѣдѣніяхъ—занимались и другимъ дѣломъ: отливали пушкѣ, чеканили монету, учили русскихъ людей обработкѣ металловъ и художествамъ. Слѣдую примѣру Іоанна, и многіе изъ вельможъ, и митрополитъ Московскій—увлеклись строительною дѣятельностью и стали украшать Москву зданіями, достойными ея новаго значенія, какъ столицы мощнаго государства.

Одновременно съ попытками завязать такія чисто-утилитарныя сношенія Московской Руси съ Европой, возобновились и со стороны Европы попытки возстановленія прежнихъ болѣе тѣсныхъ сношеній съ Русью. Такія попытки прежде всего явились со стороны Германскаго императора Фридриха III. Сначала, по его желанію, посѣтилъ Москву рыцарь Попель, рассказы котораго (по справедливому замѣчанію одного русскаго историка) «открыли Россію Германіи»; въ 1489 г. тотъ же рыцарь явился уже посломъ императора и завелъ переговоры о сватовствѣ сына цезарева Максимилиана, за одну изъ дочерей великаго князя; одновременно старались склонить Іоанна и къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Польши. Изъ посольства этого, однакоже, ничего не вышло, такъ какъ Максимилианъ вскорѣ послѣ того примирился съ Польшей.

Послѣдніе
годы жизни
Іоанна III.

Послѣдніе годы долгаго и плодотворнаго правленія Іоаннова были переполнены борьбою съ ересями, развившимися подъ несомнѣннымъ вліяніемъ западныхъ идей во Псковѣ и Новгородѣ и перешедшими потомъ въ Москву; въ то же время и въ семьѣ Іоанна происходила жестокая борьба между его второю женою, отстаивавшею права своего сына на престолонаслѣдіе, и невѣсткою Іоанна, которая защищала права внука Іоаннова, уже назначеннаго наслѣдникомъ. Наконецъ, Софія одолѣла, и Василій былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдованья, при чемъ въ завѣщаніи Іоанна ему дана была власть, почти равная самодержавной: двѣ трети важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ городовъ и земель были оставлены ему, а остальная треть подѣлена между четырьмя другими сыновьями великаго князя. При этомъ, по тому же завѣщанію, братья великаго князя были ему вполнѣ подчинены и особымъ договоромъ обязывались, въ случаѣ смерти великаго князя, *не искать великаго княженія надъ сыновьями его*. Другими словами: всѣ ихъ права на великое княженіе, какъ права родового старшинства—были окончательно отмѣнены, и всякая попытка исканія этихъ правъ могла быть наказуема, *какъ государственная измѣна*. Вышнимъ выраженіемъ и знаменіемъ усиленія и распространенія власти великаго князя Московскаго должно было служить и то, что, со времени Іоанна, *право чеканить монету могло принадлежать только одному великому князю*.

Василій III
1505—1533.

27 октября 1505 г. Іоаннъ III скончался, и на престолъ великокняжескій вступилъ старшій сынъ его (отъ брака съ Софіею) *Василій III Иоанновичъ*—государь умный и твердый—но о которомъ намъ придется говорить гораздо менѣе, нежели о его замѣчательномъ отцѣ, такъ какъ все правленіе Василія III было не болѣе, какъ продолженіемъ предшествующаго правленія Іоаннова, и главнымъ достоинствомъ сына было то,

SIGISMUNDVS LIBER BARO: IN HERBERSTAIN
ORATOR: INDVTVS VESTE A MOSCO DONATA
ANNO DOMINI M. D. XXVI

Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ.

Знаменитый своею ученостью посоль Германскаго императора Максимилиана, дважды прѣѣзжавшій въ Москву, въ 1517 и 1526 гг., и оставившій драгоцѣнное описаніе своего путешествія по современной Московіи.—Портретъ этотъ извлеченъ изъ его описанія путешествія, изд. въ Вѣнѣ, 1560 г.; Герберштейнъ изображенъ здѣсь въ той богатой собольей шубѣ, которую получилъ въ даръ отъ Василія III, о чемъ и гласить поставленная надъ его портретомъ латинская надпись.

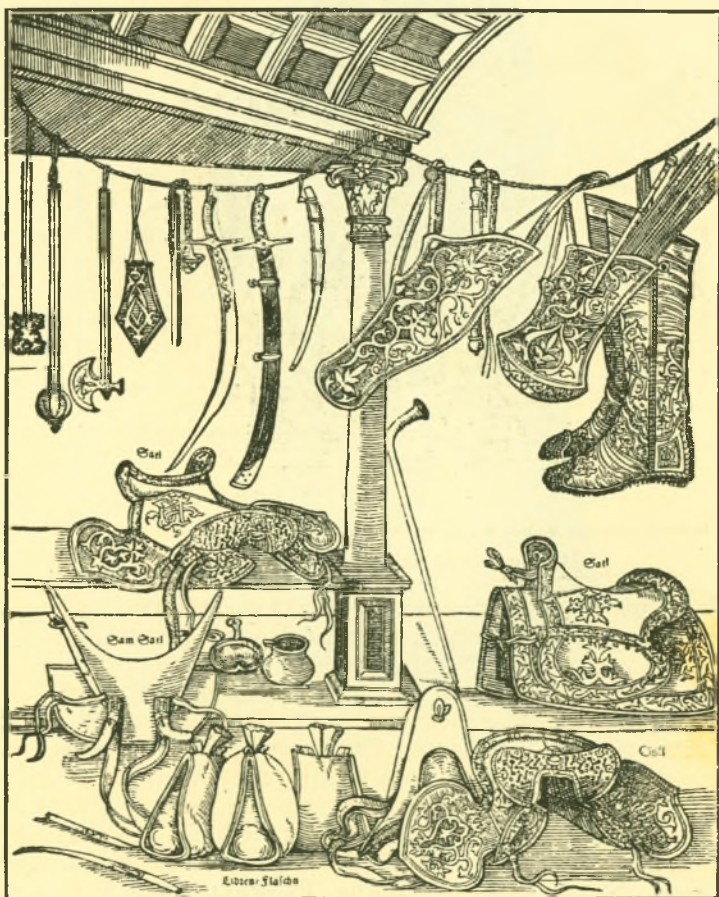
что онъ явился настойчивымъ продолжателемъ и исполнителемъ предначертаній и начинаній отца.

Присоедине-
ніе Пскова
къ Москвѣ.
1510.

Дѣйствительно, первымъ его дѣломъ было уничтоженіе послѣднихъ остатковъ вѣчевого управленія во Псковѣ (въ 1510 г.), который также лишенъ былъ всякой самостоятельности и самоуправленія, и сравненъ съ прочими городами Московской Руси. При этомъ триста лучшихъ семействъ были отправлены изъ Пскова на поселеніе въ Москву, и на ихъ мѣсто, по установившемуся обычаю, присланы были во Псковъ 300 семействъ купеческихъ изъ разныхъ московскихъ городовъ.

Борьба съ
Литвою за
Смоленскъ.

Затѣмъ все остальное правленіе Василя было посвящено упорной борьбѣ за русскія области, подпавшія власти Литвы на западной гра-

Оружіе, конская сбруя и различные предметы дорожной утвари въ Московской Руси XVI в. По рисункамъ, приложеннымъ къ описанію путешествія барона С. Герберштейна.

ницѣ Руси. Борьба эта длилась слишкомъ шестнадцать лѣтъ, съ очень небольшими перерывами, и, несмотря на измѣнчивость и колебанія военнаго счастья—закончилась все же весьма важными результатами для Руси Московской.

Русские конные воины въ кузняхъ (стеганыхъ войлочныхъ доспѣхахъ).

По рисункамъ барона С. Герберштейна.

Когда умеръ князь Александръ Литовскій бездѣтнымъ, то Василій III, черезъ его вдову (а свою сестру), княгиню Елену, пытался было побудить Литву къ признанію Московскаго великаго князя княземъ Литовскимъ, и, слѣдовательно, мирнымъ путемъ соединить въ рукахъ своихъ обѣ державы. Но умно задуманная попытка не удалась и княземъ Литовскимъ избранъ былъ братъ Александра, *Сигизмундъ I Казимировичъ*, одновременно избранный и въ короли Польскіе. Тогда по первому поводу вспыхнула война и началась такъ неудачно, что Сигизмундъ постигши ея закончить «*вѣчнымъ миромъ*» съ Москвою (1507 г.). «Вѣчный» миръ не простоялъ однакоже и 5 лѣтъ: въ 1512 г. война возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ и при этомъ всѣ усилія Русскихъ были направлены на завоеваніе *Смоленска*. Три года сряду московскія войска, подъ начальствомъ самого великаго князя, подступали подъ стѣны этой твердыни, и наконецъ, въ 1514 году, Смоленскъ вынужденъ былъ сдаться Василію и

вновь вошелъ въ составъ русскихъ земель, послѣ почти вѣкового пребыванія подъ властью князей Литовскихъ. Великій князь Московскій торжественно вѣхалъ въ городъ, подтвердилъ права, данныя смольянамъ литовскими князьями, и разрѣшилъ выѣздъ изъ города всѣмъ, кто не желалъ оставаться у него *на службу*. Воеводою и намѣстникомъ Смоленска былъ назначенъ мужественный князь В. В. Шуйскій. Завоеваніе Смоленска и его области было упрочено такъ твердо, что даже нѣсколько поражений, понесенныхъ русскимъ войскомъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ войны, не дали возможности Литвѣ и Польшѣ возвратитъ это важное завоеваніе. Въ 1522 году было заключено перемиріе, по которому Смоленскъ остался за Московскимъ княземъ; и хотя война не возобновлялась болѣе при Василии III, но она все же была только началомъ той ожесточенной двухсотъ-пятидесятилѣтней борьбы Руси съ Польшею и Литвою за свою западную границу—борьбы, закончившейся полнымъ торжествомъ Россіи и полнымъ паденіемъ Польши.

Отношеніе
къ Тата-
рамъ, Крымъ
и Казань.

Далеко не въ такой степени удачно складывался въ это время для Руси другой вопросъ—татарскій. Вѣрный союзникъ Іоанна, Менгли-Гирей, умеръ; сыновья его, пользуясь нескончаемою войною Василя III въ Литвѣ и подкупленные Польшею, выработали себѣ положеніе, весьма неблагопріятное для Руси и весьма выгодное для крымскихъ хищниковъ. Защищенные широкими южно-русскими степями, эти хищники, каждую весну, стали производить опустошительные набѣги, сначала на окраины Руси, а затѣмъ проникать и внутрь ея. Одно время, когда крымская Орда вступила въ тѣсныя связи съ Казанью, это положеніе, занятое Татарами, стало даже внушать весьма серьезныя опасенія Василю. Пришлось усиленно воевать съ Казанью, закладывать новые укрѣпленные города на Волгѣ (Васильсурскъ), а отъ южныхъ степей ограждать окраины Руси цѣлою системою укрѣпленій и засѣкъ, тянувшихся на сотни верстъ. Около этого времени*), на окраинахъ степного пространства, на Днѣпрѣ и на Дону, появляются и злѣйшіе враги хищныхъ кочевниковъ, усерднѣйшіе защитники Русской земли—*казаки*, которые, по собственной охотѣ, принимали на себя сторожевую службу и вели постоянную борьбу съ Татарами и другими степными кочевниками. Однакоже все эти мѣры не избавили Русь отъ тяготѣвшихъ надъ нею Ордынцевъ Крымскихъ: еще въ теченіе 200 лѣтъ разоряли и грабили они Русскую землю—и грабежи ихъ прекратились, собственно говоря, только съ завоеванія Крыма при императрицѣ Екатеринѣ II.

Характери-
стика Ва-
силя III.

Карамзинъ не даромъ говоритъ, что «основатели великихъ монархій не отличаются нѣжностью сердца». Этотъ отзывъ его, быть можетъ, еще въ большей степени слѣдуетъ примѣнить къ Василю III, нежели къ Іоанну III. Онъ унаслѣдовалъ въ правленіи твердость отца, а въ отношеніяхъ къ придворнымъ и боярамъ, гордость и недоступность матери. Еще болѣе, нежели отецъ, онъ окружилъ себя роскошью, богатствомъ и великолѣніемъ; при торжественныхъ случаяхъ, онъ являлся въ блестящей

*) Уже съ XV вѣка. Первое упоминаніе о «казакахъ рязанскихъ» встрѣчается въ лѣтописи подъ 1444 г.

Русскій бояринъ и боярыня въ выходномъ платьѣ.
(Конца XVI и начала XVII вѣка).
(По современнымъ изображеніямъ).

Встрѣча вел. князя Василя III Иоанновича съ послами императора Карла V подъ Монайскомъ.
Оригинальный рисунокъ проф. Шарлемана.

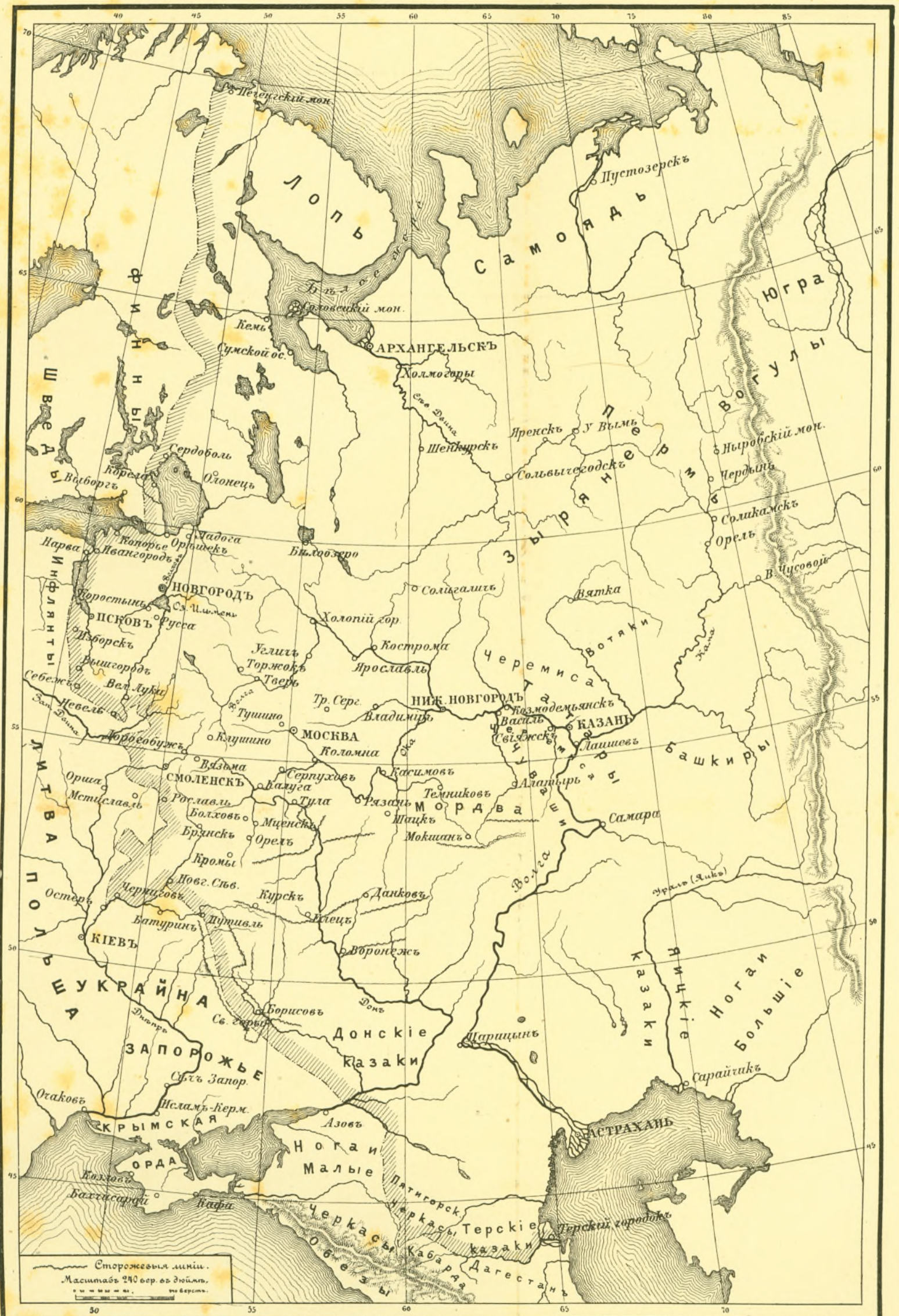
царственной одеждѣ, въ золотой шапкѣ, осыпанной драгоценными камнями, окруженный богато одѣтою свитой бояръ и почетною стражей, стоявшей у трона. Послы императора Карла V, случайно встрѣтившіеся, подъ Можайскомъ, съ великимъ княземъ Московскимъ, выѣхавшимъ на охоту, были поражены блескомъ и великолѣпіемъ его свиты. Но еще болѣе отца своего, Василии удалялся отъ вельможъ и совѣтниковъ, и довѣрялъ лишь немногимъ любимцамъ; со стороны бояръ и приближенныхъ лицъ онъ не допускалъ ни малѣйшаго прекословія и за всякое ослушаніе наказывалъ ихъ опалю, ссылкой, даже смертною казною. Не менѣе сурово относился онъ и къ подвластнымъ ему потомкамъ удѣльныхъ князей: въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній или подозрѣній, онъ вызывалъ ихъ въ Москву на судъ и подвергалъ заточенію. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, близко присмотрѣвшійся къ Василию и его двору, хорошо ознакомившійся съ Московскою Русью во время своихъ двухъ путешествій, имѣлъ право сказать, что онъ «не знаетъ въ Европѣ государя болѣе могущественнаго, нежели великій князь Московскій».

III. Германія.

Германія.
Фридрихъ III.

Тѣ пятьдесятъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Фридрихъ III былъ Германскимъ королемъ, могли бы назваться весьма грустнымъ періодомъ въ исторіи Германіи, если бы, вообще, и особенно при такомъ политическомъ организмѣ, какимъ было тогда нѣмецкое или «римское» государство, жизнь большой націи опредѣлялась дѣяніями ея правителя. Слѣдя за дѣяніями этого правителя, все царствованіе котораго было дѣльно неудачъ, но закончилось, тѣмъ не менѣе, большими выгодами, по крайней мѣрѣ, для его дома, мы должны не упускать изъ вида, что его правленіе было только внѣшнею рамкою для жизни — или значительной части жизни — нѣмецкой націи во второй половинѣ XV вѣка. Самую выдающуюся чертою Фридриха III былъ несомнѣннѣйшій эгоизмъ. Одинъ кардиналъ такъ характеризуетъ его въ письмѣ къ другому: «Человѣкъ нерѣшительный, скрытный, не имѣющій понятія о чемъ-либо общемъ и сводящій все на свою единоличную выгоду». И эта единственная положительная сила или качество, его эгоизмъ, къ которому присоединялись: извѣстный умъ или хитрость, умѣнье разсчитывать обстоятельства, — придавала ему значеніе. Въ частности, онъ всегда зналъ, чего хочетъ, и поэтому его нельзя назвать ничтожнымъ, какъ и портретъ его въ нашемъ столѣтіи: Франца II. Подобно этому послѣднему, онъ былъ тоже святошей, чуждался бессмысленно, съ внутреннимъ отвращеніемъ, всякаго религіознаго нововведенія въ избитой церковной колѣѣ. Но у него былъ при этомъ свой расчетъ п онъ заставлялъ себѣ платить за свою, угодливую папѣ, церковную политику, благодаря которой онъ снова подчинилъ государство игу Церкви: онъ выговорилъ большія церковныя льготы для своихъ наследственныхъ владѣній. Онъ воротился изъ Рима (1468) съ полнымъ карманомъ, съ нѣсколькими сотнями доходныхъ духовныхъ мѣстъ, раздачу которыхъ папа предоставлялъ его произволу: то, что проклиналось прежде въ качествѣ симоніи, практиковалось теперь безъ за-

КАРТА РУСИ СЪ ПОЛОВИНЫ XV ДО НАЧАЛА XVII ВЪКА.

„Imp. (erator) Caes. (ar) Frieridicus III Aug (ustus)“.

Портретъ-медальонъ императора Фридриха III („III“) въ старости. Работы Антоніо Аббондіо.

(Германскій музей въ Нюренбергѣ).

вождя и организатора этого войска, графа д'Арманьякъ. Народъ переначалъ это названіе въ шутовское: «*arme desken*» («бѣдное дурачье»), хотя такая кличка болѣе подходила къ несчастнымъ жителямъ тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя проходили эти шайки. Фридрихъ увидѣлъ съ ужасомъ, что, вмѣсто просимыхъ имъ 6,000, явилось 24,000 человекъ подъ начальствомъ дофина. Король Французскій дружески намекнулъ при этомъ, что всѣ земли до Рейна принадлежать Франціи. Всѣ ужасы великихъ войнъ XIV столѣтія повторились опять, и пожалуй еще въ худшей степени (1444). Швейцарцы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, — по другимъ извѣстіямъ, лишь 800 человекъ, — сразились съ главнымъ непріятельскимъ отрядомъ у Св. Іакова, близъ Базеля. Они бились въ теченіе цѣлаго длиннаго лѣтняго дня противъ врага въ тридцать разъ численно превосходящаго, и пали всѣ, но положили тоже столькихъ Французовъ, что произвели большое впечатлѣніе на вождя ихъ, дофина, и онъ отступилъ съ своимъ войскомъ, чтобы вторгнуться въ Эльзасъ. Французы покинули нѣмецкую землю лишь въ 1445 году, когда имъ стало уже опасно оставаться среди населенія, доведеннаго до отчаянія. При заключеніи мира съ Сокзомъ въ 1446 году, Швейцарцы не потеряли ничего: городъ

Арманьяки.
1444.

Изъ исторіи войнъ армяняновъ со Швейцарцами: битва между наемными латинами и защитниками города, послѣ того, какъ первые переправились черезъ рѣку.

Изъ миниатюръ бреславльской лицевой рукописи Фруассара.

Цюрихъ, обратившійся за помощью къ Австріи по своему частному расчету, долженъ былъ снова отойти къ Союзу.

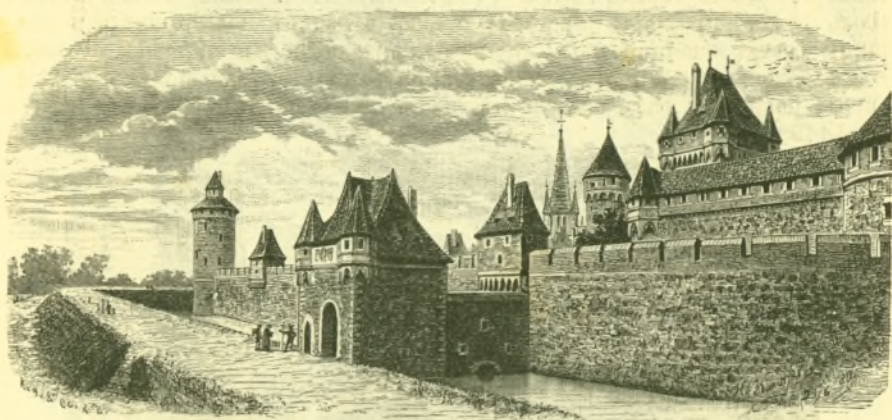
Вторая го-
родская
война.
1449.

Такимъ образомъ, побѣда осталась за демократіей, за бюргерствомъ. Дворянство и правители выместили тогда свой гнѣвъ за это повторенное униженіе на сѣверо-германскихъ городахъ, раздражавшихъ ихъ своимъ возрастающимъ богатствомъ и соответственнымъ тому могуществомъ. Въ

Изображение курфюрста Альбрехта-Ахилеса Бранденбургского на алтарной иконой церкви въ г. Ансбахъ.
Плэди курфюрста, его камергеръ несетъ шапку, а его маршалъ мечъ — какъ знаки его сана. Надъво отъ его
фигуры гербъ курфюршества.

виду многих нерѣшенныхъ споровъ съ сосѣдними князьями, швабскіе и франконскіе города, въ числѣ тридцати одного, возобновили свои старыя союзы. То же сдѣлали и князья: двадцать два большихъ и множество мелкихъ владѣтелей присоединилась къ войнѣ, объявленной маркграфомъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, — котораго они называли нѣмецкимъ

Видъ небольшого нѣмецкаго города оное 1400 года.

Основною рисунка послужили донинѣ еще хорошо сохранившіеся остатки укрѣпленій города Цонсъ на Нижнемъ Рейнѣ; здѣсь эти остатки лишь весьма незначительно дополнены.

Ахилломъ,—городу Нюренбергу (1449). Это было сигналомъ ко второй «войнѣ городковъ». Непосредственнымъ поводомъ къ ней послужилъ ничтожный споръ между городомъ и маркграфомъ, и который легко уладился бы пригоршнею золота, если бы взаимное раздраженіе сторонъ не достигло уже такой степени. Хотя засѣдавшій въ Ульмѣ военный совѣтъ имѣлъ родъ высшаго руководства военными дѣйствіями, но они велись, какъ и при прежнихъ войнахъ, безъ общаго плана, отдѣльными стычками, весьма, однакоже, губительными. Маркграфъ Альбрехтъ потерпѣлъ пораженіе отъ нюренбергцевъ при Шиллрейтѣ (1450); при Эслингенѣ, Ульрихъ V Вюртембергскій одержалъ побѣду надъ союзными городами. Соглашеніе или миръ, заключенный въ Бамбергѣ, вслѣдствіе истощенія денежныхъ средствъ обѣими сторонами (1450), не измѣнилъ, въ сущности, положенія вещей. Остались въ силѣ и корысть князей, очень желавшихъ обратить имперскіе города въ областные, и зависть полнаго ненависти дворянства, у котораго было болѣе охоты къ наѣздничеству и дракѣ, нежели къ работѣ; сохранили и города ту свою тупость, которая заставляла ихъ относиться ко всѣмъ важнымъ вопросамъ, къ опасности, грозившей отъ Турокъ или Французовъ, лишь съ точки зрѣнія ограниченаго партикуляризма и со скарденностью торгашей. Патріотизмъ ихъ становился болѣе возвышеннымъ лишь при посягательствахъ на ихъ собственный городъ, какъ было, напримѣръ, оказано городомъ Сестеромъ, при войнѣ (1444 — 1449), которую этотъ

старый городъ, плохо поддерживаемый другими мѣстными городами, вель мужественно противъ своего ландграфа, архіепископа Кельнскаго, Дитриха II, и его духовныхъ и мірскихъ союзниковъ. Исполняя имперскій приговоръ противъ города, духовный сановникъ ослѣпленъ былъ гнѣвомъ до того, что пригласилъ къ себѣ богемскихъ наемниковъ, еретиковъ-гусситовъ, и осадилъ городъ съ 60,000 войскомъ. Но горожане отбили штурмъ (юль 1447), при чемъ яростную отвагу мужчинъ поддерживали и женщины своею «смертоносною страшною»: онѣ подносили на стѣны и крыши домовъ кипятокъ, который выливался на головы осаждающимъ. Архіепископъ покинулъ разоренную мѣстность и заключилъ миръ съ городомъ въ 1449 году.

Городская низина въ XV вѣкѣ: внутренняя сторона стѣны, окружающей городъ Цонсъ на Нижнемъ Рейнѣ.

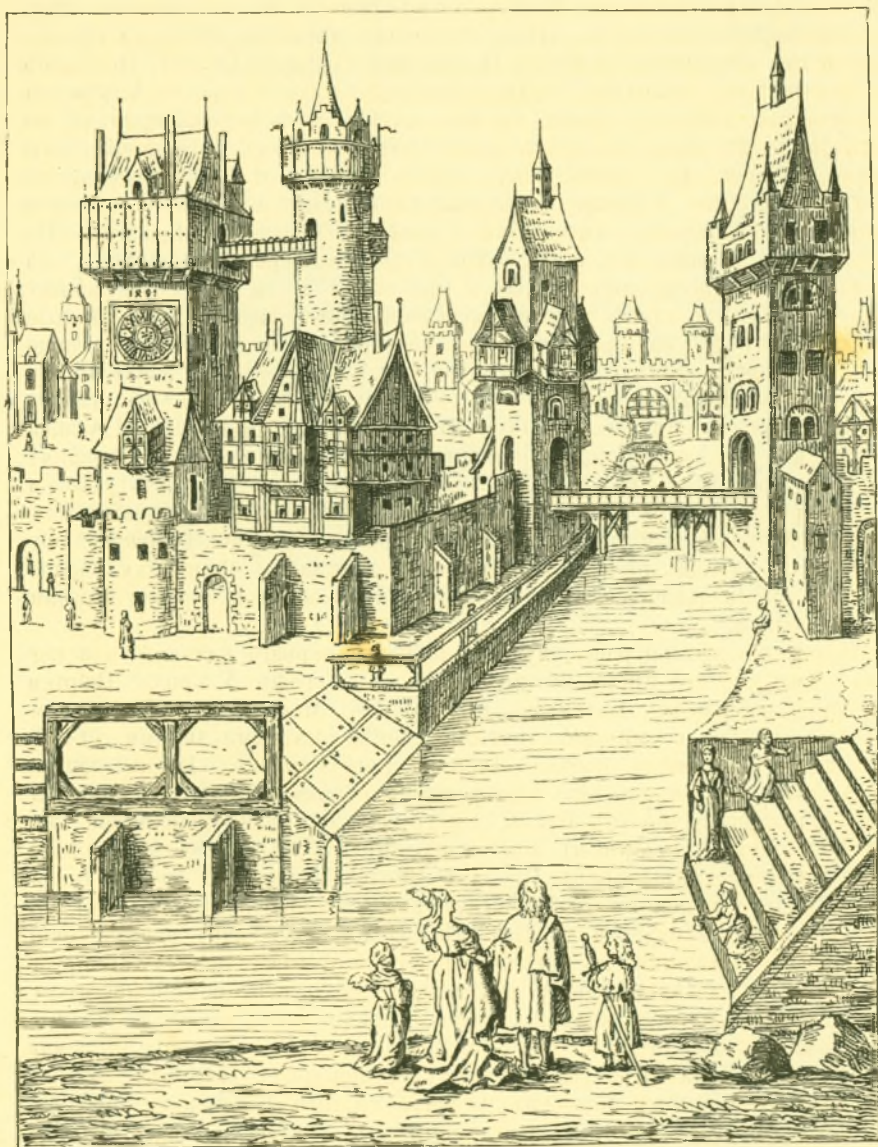
Въ ближайшихъ затѣмъ годахъ выступилъ на первый планъ восточный вопросъ. Страшная вѣсть о паденіи Константинополя взволновала на мгновеніе, какъ говорятъ, даже и императора Фридриха. Онъ и его совѣтники озабочивались и Крестовымъ походомъ, и отношеніями къ Венгрии и Богеміи, но важнѣйшимъ дѣломъ для нихъ было извлеченіе возможныхъ выгодъ изъ открывавшагося послѣ смерти Ладислава (1457) наслѣдства: Богеміи, Венгрии, герцогства Австріи. Выше было сказано, какъ устроились дѣла въ Венгрии и Богеміи: Австрія была подѣлена между Фридрихомъ и его братомъ Альбрехтомъ; городъ Вѣна съ крѣпостью принадлежалъ имъ совмѣстно. Дурное управленіе Фридриха, выразившееся, между прочимъ, и въ крайнемъ ухудшеніи монеты (народъ прозвалъ ее «живодерками»), вызвало мятежъ, въ которомъ приняли участіе *эригерцы* Альбрехтъ (всемірно историческій 1453 годъ ознаменовался введеніемъ этого новаго титула въ среду Австрійскаго дома),

Германія
въ 1453 и
до 1471 г.

Людвигъ Баварскій и короли Венгерскій и Богемскій. Война кончилась тѣмъ, что императоръ попалъ въ плѣнъ къ своимъ вѣрнымъ вѣнскимъ гражда-намъ и ихъ отчаянному демагогу Вольфгангу Гольцеру (1462). Положеніе его улучшилось, благодаря кстаті случившейся смерти герцога Альбрехта; существовало даже подозрѣніе, что ядъ оказалъ здѣсь помощь природѣ, но, какъ бы то ни было, Фридрихъ сталъ полновластнымъ господиномъ надъ всею Австріей. Во время всѣхъ этихъ смуть, дѣла въ государствѣ шли какъ поало. Самыми замѣчательными между нѣмецкими князьями были графъ Альбрехтъ Ансбахскій и графъ Пфальцскій, Фридрихъ По-бѣдоносный. Первый изъ нихъ, вѣрный гогенцоллернской политикѣ, ра-товалъ за интересы императора, а при этомъ и за свои собственные; второй стоялъ во главѣ партіи, враждебной императору; завидуя поло-женію маркграфа во Франконіи, онъ соединился съ баварскимъ герцо-гомъ Людвигомъ Богатымъ («Охраной страны»), который взялъ импер-скій городъ Донаусвертъ (1458). Обѣ партіи вербовали союзниковъ. Война началась и, въ іюль 1460 года, Фридрихъ одержалъ побѣду надъ однимъ изъ бренденбургскихъ союзниковъ, архіепископомъ Майнцскимъ, при Пфедерсгеймѣ. Архіепископъ искалъ защиты противъ него у богем-скаго короля Георгія Подебрада, «короля Герцика», который самъ тогда питалъ честолюбивый замыселъ на вѣнецъ императора Римскаго. Эта надежда на помощь не сбылась, война продолжалась, Фридриху удалось склонить многіе швабскіе и франконскіе города на свою сторону противъ Виттельсбахца.

Положеніе пфальцграфа улучшилось послѣ перваго удачнаго для него дѣла: трое изъ его главныхъ противниковъ — графъ Ульрихъ Вюртем-бергскій, маркграфъ Баденскій и епископъ Мецскій — попались ему въ руки, вмѣстѣ со многими другими, менѣе знатыми лицами (1462); за этимъ послѣдовала побѣда Лудвига при Гингенѣ. Война длилась шесть лѣтъ, усложняясь еще посторонними спорами, пока, наконецъ, не наступило примиреніе (въ Прагѣ, 1463). Въ это время шли снова жи-вленныя толки о Крестовомъ походѣ противъ Турокъ; но безумный фана-тизмъ или высокомѣріе папъ Пія II и Павла II (которые именно теперь нападали на утраквистскаго Богемскаго короля и на компактаты) пренят-ствовали словамъ перейти въ дѣло. Напротивъ того, какъ всегда, папы и папскіе прислужники, въ родѣ Фридриха III, соглашались лучше предо-ставить свою наству и своихъ подданныхъ на жертву языческой ярости варваровъ-неприятелей, нежели сойтись съ тѣми, кого они сами обзывали еретиками. Въ 1470 году Османы впервые внесли опустошеніе въ земли, принадлежащія уже имперіи (Краину), а Фридрихъ III, въ союзъ съ Венгерскимъ королемъ Матеемъ, воевалъ противъ Богемскаго короля.

«Ради Турокъ» былъ созванъ сеймъ въ Регенсбургѣ: «Имперско-христіанскій сѣздъ въ Регенсбургѣ ради Турокъ» (1471). Но дѣло не обсуждалось серьезно: Турки были еще не близко, а распоряженіе день-гами, которыя могли быть добровольно пожертвованы, порученное такому человѣку, какъ Фридрихъ, не могло внушать довѣрія никому. Положеніе Германіи на Востокѣ видимо ухудшалось; даже самое славное достояніе нѣмецкой національности, вызванное Крестовыми походами, «Рыцар-

Внутренний видъ города въ XV вѣкѣ.

Рисунокъ перомъ, относящійся къ 1491 г. Хранится въ библиотекѣ въ Эрлангенѣ.

ское государство» въ Пруссіи, совершенно подпало, при Фридрихѣ, польской зависимости. Подъ давленіемъ бѣдствій, обрушившихся на Орденъ послѣ пораженія его подъ Таненбергомъ въ началѣ столѣтія (1410), онъ совершенно выродился; нравственная его сила угасла. Учрежденіе поземельно-государственныхъ чиновъ, введенное Генрихомъ фонъ-Плауенъ, составляло дальнѣйшее зло въ разлагавшемся государствѣ. Различные поводы къ оппозиціи противъ произвола умножались и недовольные города и сельское дворянство соединились въ «пруссійскій союзъ», главною опорю котораго былъ Данцигъ, благодаря его связямъ и средствамъ. Это собрало недовольныхъ къ одному знамени. Болѣе благоразумные изъ правителей, какъ, напр., Конрадъ фонъ-Эрлихсгаузенъ (1441—1449), могли задерживать лишь на время возраставшее разрушеніе, и когда императоръ, разбирая дошедшія до него жалобы на управленіе Ордена, рѣшилъ, послѣ долгой проволочки, дѣло въ его пользу, предписывая распущеніе союза чиновъ (1453), недовольные передались подъ покровительство Польши. Послѣ тринадцатилѣтней борьбы, истощенный Орденъ былъ вынужденъ согласиться на Торнскій миръ (1466), по которому Западная Пруссія съ Мариенбургомъ, Торномъ, Кульмомъ, Данцигомъ и Эльбнгомъ отходила къ Польшѣ, а Восточная Пруссія оставалась за Орденемъ лишь въ качествѣ польскаго лѣна. Страна оказывалась, поэтому, и территориально отрѣзанною отъ имперіи; было еще счастьемъ, что Неймаркъ былъ заложенъ Бранденбургу и сумма, лежавшая на немъ, была повышена до 100,000 гульденовъ въ 1455 г.

Счастьє Габсбурговъ.

Императоръ Фридрихъ относился ко всему этому безучастно, и если судить о дѣлѣ по результатамъ, то такая политика невмѣшательства была верхомъ мудрости, потому что заключительнымъ событіемъ его царствованія было,—вслѣдствіе сплетенія различныхъ обстоятельствъ,—все же достиженіе домою Габсбурговъ такого могущества, которое отозвалось во всей Европѣ, и которое, примѣненное послѣдовательно и искусно, могло-бы обратитъ римскую корону, въ ея соединеніи съ именемъ Габсбурговъ, въ нѣчто не призрачное. Къ этому Габсбургскому дому, о которомъ сложилось такое убѣжденіе, что онъ бралъ болѣе счастьемъ, нежели умомъ, прибавился еще одинъ элементъ,—то ново-бургундское государство, которое блеснуло, подобно метеору, между Франціей и Германіей.

Герцогство Бургундское. Карлъ Смѣлый.

Издавна славное Бургундское имя засіяло новымъ блескомъ по смерти послѣдняго герцога изъ старобургундской линіи (1361), который владѣлъ герцогствомъ Бургундіей, то-есть землями къ западу отъ Саоны, на правахъ наслѣдства, а приобрѣлъ графство Бургундію или земли къ востоку отъ Саоны, благодаря своему браку. Это графство, вмѣстѣ съ владѣніями во Фландріи, получила вдова его, Маргарита; герцогство досталось французской коронѣ. Послѣ того, какъ король Иоаннъ, вопреки существовавшему дотолѣ обычаю Французскаго королевскаго дома, отдалъ герцогство, какъ лѣнь, своему младшему сыну Филиппу, какъ это было уже сказано выше, Филиппъ женился на Маргаритѣ, вслѣдствіе чего обѣ Бургундіи, соединясь, образовали государство, возвысившееся, при преемникахъ Филиппа, Иоаннѣ Безстрашномъ (1404—1419) и Филиппѣ Добромъ

In dergleichen Habit, hat Kayser Maximilian hochlöblich gedehnt,
sein verlobten Gemahl, das Frawlein von Burgund, persönlich besucht.

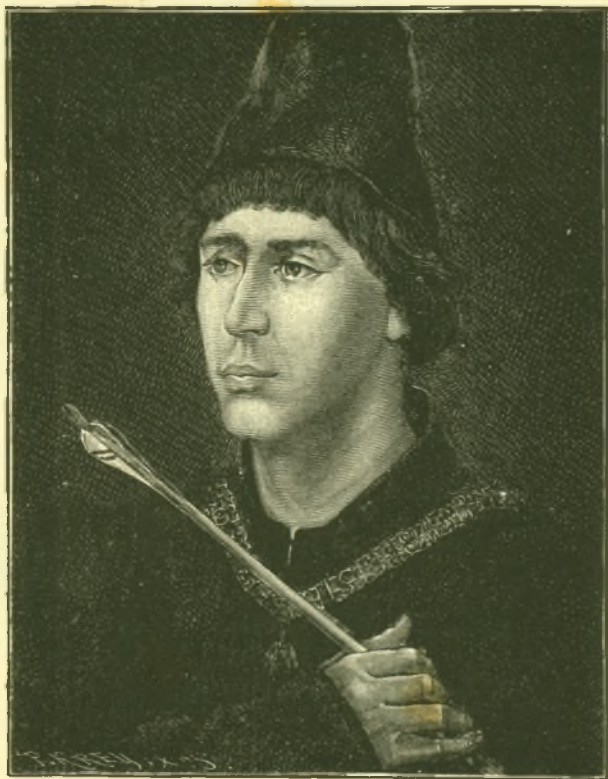

Максимилианъ и его невѣста Марія Бургундская.

Современный рисунокъ отъ руки; хранится въ Германскомъ музее въ Нюрнбергѣ. Надъ изображеніемъ надпись, писанная стариннымъ почеркомъ: «Въ подобномъ нарядѣ блаженной памяти императоръ Максимилианъ впервые посѣтилъ свою нареченную невѣсту, принцессу Бургундскую».

(1419—1467), благодаря бракамъ, куплямъ, наслѣдствамъ и политикѣ, до степени весьма значительнаго второстепеннаго государства. Сынъ Филиппа Добраго, *Карль Смѣлый*, которому отецъ оставилъ, ко всему прочему, и богатую казну, казался предназначеннымъ осуществить великія судьбы этого дома. Его владѣнія, въ двухъ большихъ половинахъ, раздѣленныхъ Франціею и герцогствомъ Лотарингіей, состояли изъ бургундскихъ земель, герцогства Люксембургскаго и важнѣйшей части нынѣшней Бельгіи и Голландіи. Подобное могущество должно было, само собой, по-

Карль Смѣлый.

По картинѣ Рожера фонъ-деръ-Вейдена въ Брюссельскомъ музеѣ.

буждать такого гордаго государя, какимъ былъ Карль Смѣлый, къ дальнѣйшимъ приобрѣтеніямъ и завоеваніямъ. Весьма важно для него было то, что онъ приобрѣлъ въ Южной Германіи: эрцгерцога Сигизмунда, владѣвшій австрійскимъ Тиролемъ, нуждаясь въ деньгахъ и тѣснимый Швейцарцами, купилъ себѣ помощь Карла посредствомъ залога ему передовыхъ австрійскихъ областей (1469). У Карла не было сыновей; един-

ственной его наследницей была дочь Марія, во рѣдкой красоты. Императоръ Фридрихъ не могъ

во всемъ расцвѣтъ своей найти болѣе подходящей невѣсты для ея ровесника, сына своего Максимилиана. Молодые люди тоже понравились другъ другу, когда состоялась желанная ихъ встрѣча, въ сентябрѣ 1473 года, при поѣздкѣ Фридриха въ Трирь. Но дѣло не состоялось такъ скоро: между высококомѣрнымъ бургундцемъ, требовавшимъ для себя королевскаго сана, и скрытнымъ, флегматичнымъ королемъ—последовалъ полный разрывъ. Герцогъ воспользовался спорнымъ дѣломъ, въ которое запутался архіепископъ Кельнскій съ своимъ капитуломъ и частью чиновъ, для такого вмѣшательства, которое обѣщало ему дать случай къ увеличенію его владѣній. Онъ вторгнулся въ архіепископство и подступилъ къ Нейсену съ огромной арміей въ 60,000 человекъ. Но, въ этотъ разъ, онъ встрѣтилъ сильный отпоръ. Князья и императоръ заключили союзъ съ Людовикомъ XI, королемъ Французскимъ, котораго страшило могущество Бургундіи; по договору со Швейцарцами, было условлено провозвести нападеніе на бургундскія земли

Нъ осадѣ Нейсса Карломъ Смѣлымъ. Обстрѣливаніе городскихъ воротъ.

Миниатюра Бреславльсконъ лицевой рукописи Фруасара. Весьма любопытны орудія; одно изъ нихъ трехствольное, на лафетѣ.

(Верхнюю Бургундию). Города отозвались, на этот раз, необыкновенно горячо на снаряжение имперскаго войска, вождем котораго былъ назначенъ маркграфъ Альбрехтъ-Ахиллъ. Нейссъ защищался очень храбро, у Кельна собралось огромное войско и герцогъ очутился въ положеніи, заставившемъ его возобновить переговоры съ императоромъ. Какъ Фридрихъ, такъ и Французскій король, пожертвовали, при этомъ, безъ сожа-

Изъ войнъ Карла Смѣлаго со Швейцарцами: изображеніе битвы между вооруженными въ доспѣхи рыцарями и пѣхотинцами-латниками.

Изъ той же рукописи Фруассара, очень важной для изученія современнаго быта.

лѣнія интересами Швейцаріи (1475). Карль, заносчивые планы котораго простирались и до Италіи, обратилъ всю свою месть на Союзъ и на Лотарингію, вскорѣ послѣ своего безславнаго отступленія отъ Нейсса. Но

ему пришлось вынести тяжелое униженіе, когда, въ мартѣ 1476 года, презираемые имъ мужики,—обыватели богатыхъ городовъ Союза и храбрые сельчане,—нанесли ему поражение у *Грансона*, на юго-западномъ концѣ Невшательскаго озера, и когда, въ іюнѣ того же года, онъ былъ вторично разбитъ тѣми же Швейцарцами и ихъ союзниками, герцогомъ Лотарингскимъ Ренатомъ и войсками габсбургца Зигмунда, у *Муртена*. Гордый Карлъ едва не лишился разсудка при этомъ позорѣ. Герцогъ Лотарингскій получилъ обратно свою область; но Карлъ, отвергнувшій посредничество папы и императора, выступилъ въ походъ противъ Рената и сталъ угрожать его столицѣ, Нанси. Близъ этого города произошло третье, губительное для Карла, сраженіе: 5 января 1477 года, лагерь его былъ взятъ штурмомъ, войско его обращено въ бѣгство; при этомъ самъ Карлъ, желая перебраться черезъ прудъ, провалился сквозь ледъ и потонулъ, окончивъ, такимъ образомъ, жизнь, подобно искателю приключеній. Но дочь его могла теперь располагать своею рукою въ пользу Максимилиана, рыцарскій образъ котораго и юношеская свѣжесть плѣняли ее, какъ и всѣхъ. Въ августѣ мѣсяцѣ того же 1477 г., въ Гентѣ, былъ заключенъ этотъ бракъ, богатый послѣдствіями.

Бракъ съ
Бургунд-
ской прин-
цессой.
1477. Мак-
симилианъ.

Все это не послужило, разумѣется, къ непосредственному избавленію императора отъ осаждавшихъ его вновь невзгодъ. Король Венгерскій Матѳей, раздраженный вѣроломствомъ Фридриха, который обѣщаль ему Богемію, а теперь, по смерти Георгія Подебрада, поддерживалъ болѣе польскаго кандидата, вторгнулся въ австрійскія земли; Французы осаждали нидерландскіе города, а въ то время, какъ имперія призывала къ войнѣ противъ нихъ, Турки опустошали Штирію, Краину и Каринтію (1477). Государство, въ особенности города, поддерживали императора очень вяло. Супруга Максимилиана скончалась, едва достигнувъ двадцатилѣтняго возраста (1482 г.); она оставила ему двухъ дѣтей: сына Филиппа и дочь Маргариту. Въ 1485 г. дѣла императора противъ Матѳея приняли такой печальный оборотъ, что онъ не рѣшался показываться въ Вѣнѣ и въ своихъ собственныхъ земляхъ, и переезжалъ изъ мѣста въ мѣсто, ища себѣ помощи. Положеніе дѣлъ,—хотя и не прямо его личныхъ,—улучшилось, когда курфюрсты, на сеймѣ во Франкфуртѣ (1486), избрали его сына Максимилиана, внушавшаго имъ довѣріе, его помощникомъ и единственнымъ наслѣдникомъ, королемъ Римскимъ. Фридрихъ обнаружилъ тогда нѣкоторую дѣятельность: было серьезно приступлено къ водворенію общаго и прочнаго спокойствія въ странѣ,—другими словами, къ обращенію Германіи въ дѣйствительное государственное цѣлое. Во главѣ этого преобразовательнаго движенія стоялъ патріотъ изъ духовныхъ сановниковъ, Вертольд фонъ-Генебергъ, архіепископъ Майнцскій. Прежде всего, отдѣльный рыцарско-княжескій союзъ на пользу водворенія внутренняго міра, существовавшій подъ названіемъ «братство щита Св. Георгія», получилъ болѣе прочную организацію черезъ привлеченіе къ нему 22 городовъ и нѣкоторыхъ могущественныхъ князей: графа Вюртембергскаго, эрцгерцога Зигмунда Австрійскаго, и превратился въ благоустроенную федерацію, подъ именемъ «Швабскаго союза». Среди нѣмецкихъ правителей пробуждалось нѣчто въ родѣ національнаго чувства и сеймы не

отрицали необходимости снабжать императора или Римскаго короля войсками и деньгами для борьбы съ Венгріей или Франціей; позорный поступокъ Французскаго короля Карла VIII, отославшаго обратно обрученную ему дочь Максимилиана, Маргариту, потому что онъ нашелъ болѣе выгоднымъ бракъ съ Бретанскою наслѣдною принцессой, на которой, въ противномъ случаѣ, могъ жениться самъ Максимилианъ ко вреду Франціи,—этотъ поступокъ, оскорблявшій честь Римскаго короля, былъ тоже сочтенъ нѣмецкими князьями за нѣкоторую обиду. Максимилиану удалось утвердить свое положеніе въ Нидерландахъ или возвратить себѣ то, которое Габсбурги занимали прежде на Востокаѣ.

Максимилианъ и Маргарита. Х. в.

Максимилианъ встрѣчаетъ возвращающуюся изъ Франціи дочь свою Маргариту (1492 г.), при чемъ ему вручаютъ обратно ключи городовъ, данныхъ за нею въ приданое.

Мраморное рельефное изображеніе съ надгробнаго памятника Максимилиана въ соборной церкви въ Инсбрукѣ.

Съ помощью войскъ «Швабскаго союза», который помогаль ему, какъ одному изъ своихъ членовъ, Максимилианъ вступилъ въ Вѣну и изгналъ Венгровъ изъ Австріи. Онъ примирился со своимъ оскорбителемъ, королемъ Французскимъ; по крайней мѣрѣ, тѣ графства, которыя даны были въ приданое за Маргаритой, были ему возвращены, при мирѣ, заключенномъ въ Санлисѣ (1493). Но герцогство Бургундія осталось за Франціей. Мак-

симиліанъ взялъ себѣ второю супругою не особенно знатную особу, Біанку-Марію, дочь умершаго герцога Миланскаго, Галеаццо-Маріи Сфорца, внуку того счастливаго кондотьера, Франческо Сфорца, который вышелъ изъ крестьянскаго сословія.

Въ томъ же 1493 г. скончался, на 53-мъ году своего царствованія и на 78-мъ г. возраста, Фридрихъ III. Умеръ онъ въ Линцѣ. При своемъ крѣпкомъ здоровьѣ, онъ перенесъ дважды тяжелую операцію,—ампутацію ноги, — но не вынесъ диссентеріи, которою занемогъ, скушавъ разомъ восемь днѣй. Сынъ его, *Максимиліанъ I* (1493 — 1519), правилъ страню тридцать четыре года, считая и тѣ восемь лѣтъ, въ которыя былъ посвященъ въ дѣла при жизни отца. Какъ дѣтище уже новаго времени, воспріимчивый, онъ усвоилъ себѣ съ пользою многія сѣмена современной культуры, говорилъ бѣгло, кромѣ нѣмецкаго языка, по-латыни, по-французски и по-итальянски, занимался любительски разными науками, богословіемъ и медициной, а въ артиллерійскомъ искусствѣ былъ даже знаткомъ и изобрѣтателемъ. Его умственной дѣятельности соотвѣтствовала и физическая: онъ отличался на состязаніяхъ въ бѣгѣ и стрѣльбѣ изъ лука, на охотѣ и на войнѣ; его привлекала и литературная слава, весьма цѣнившаяся съ минуты того великаго развитія, которое сообщилось слову искусствомъ книгопечатанія. Онъ продиктовалъ своему частному секретарю замѣчательнѣйшія записки на латинскомъ языкѣ, обработанныя позднѣе на нѣмецкомъ, подъ заглавіемъ: «Бѣлый король», а скучнѣйшая рыцарская поэма: «Der Teuerdank» считалась если не сочиненной имъ, то написанной по его распоряженію или внушенію. Безпокойный, всегда занятый какими-нибудь планами, онъ спѣшилъ отъ предпріятія къ предпріятію. По совершеніи весьма важныхъ реформъ въ своемъ государствѣ, онъ вдругъ додумался до мысли добиться панства на старости лѣтъ, и углубился, на нѣсколько дней, въ богословіе. Но, вообще, онъ былъ дѣльнымъ правителемъ, въ которомъ лишь отражалась тревожная подвижность реформаторской эпохи.

Государственный строй.

Мысль Максимиліана о примѣненіи своего могущества въ Италіи и противъ Турокъ не могла скоро осуществиться, вслѣдствіе того, что его связывало положеніе дѣлъ въ Имперіи и его наслѣдственныхъ областяхъ. Въ то время, какъ Французскій король Карлъ VIII предпринималъ счастливый походъ въ Италію и заявлялъ себя властелиномъ во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ,—Максимиліанъ, примкнувшій къ великому союзу Арагоніи, папы, Милана и Венеціи противъ Франціи, тщетно обращался къ государственнымъ чинамъ на сеймѣ въ Вормсѣ (1495), требуя помощи для дѣйствій противъ Французовъ и Турокъ. Какъ и на прежнихъ сеймахъ, ему отвѣчали требованіями внутреннихъ реформъ; въ особенности строитивы были города, не хотѣвшіе ничего знать, пока не были бы водворены во всемъ спокойствіе, правосудіе и порядокъ. И дѣйствительно, путемъ цѣлаго ряда сеймовъ, — въ Вормсѣ (1495), Ляндау, Вормсѣ, Фрейбургѣ (1496—97), Аугсбургѣ (1500), Кельнѣ (1505, 1512),—совершилось великое дѣло государственнаго устроенія Германіи. Еще на первомъ изъ этихъ сѣздовъ, въ Вормсѣ, было уничтожено право частнаго объявленія войны (Fehderecht) и провозглашенъ «вѣчный» внутренній миръ

Надмогильное изображение императора Фридриха III на его гробницѣ въ церкви Св. Стефана въ Вѣнѣ.

Работа художника Лерха, законченная въ 1513 г. На лентѣ, направо, помѣщены буквы: *A, E, I, O, U*—сокращение его любимой поговорки: «*A(les) E(rdreich) I(st) O(esterreich) U(nterthan)*»—т. е. «вся вселенная подвластна Австріи».

Изображеніе Максимиліана и его молодой супруги Маріи Бургундской.

(Изъ современныхъ гравюръ на деревѣ). Въ подписи къ гравюрѣ значится: «Король и королева обучаютъ другъ друга — каждый своему родному языку». Въ этомъ изображеніи весьма любопытны подробности убранства сада во вкусъ эпохи Возрожденія.

(Landfriede), слѣдовательно, былъ признанъ принципъ государственнаго порядка въ смыслѣ, придаваемомъ ему нашими современными понятіями, согласно чему была учреждена высшая судебная инстанція: имперскій судъ. На жалованье судьямъ былъ установленъ всеобщій налогъ, «пфениговый сборъ». Увѣнчаніе всѣхъ этихъ учрежденій, формально органи-

Портретъ Максимилиана.
(По А. Дюреру).

зованный чинъ управленія, «опредѣленіе правъ правителя», не былъ формулированъ, потому что Максимилианъ ставилъ это вопросомъ довѣрія: онъ полагалъ, что на его управленіе доселѣ никто не могъ жаловаться. Таковы были принятыя рѣшенія, затрогивавшія самую суть государства, по тогдашнему выраженію; но рейхстаги имѣли и дальнѣйшее важное значеніе. Императоръ далъ герцогство Миланское въ пожизненный лэнъ Людовику Сфорца (по смерти его, оно возвращалось имперіи) и возвысилъ всѣ соединенныя графомъ Эбергардомъ въ Бартѣ швабскія владѣнія въ одно герцогство Вюртембергское. Это было отличие вполне заслуженное такимъ замѣчательнымъ владѣтелемъ, основателемъ Тюбингенскаго университета; но затаенною мыслью при этомъ была, конечно, возможность того, — или надежда на то, — что, съ вымираніемъ мужского колѣна, это герцогство могло быть передано австрійскому принцу, какъ и Миланское. Счастье улыбалось Габсбургамъ болѣе чѣмъ когда-либо: въ 1496 году, по смерти Зигмунда Тирольскаго, всѣ австрійскія владѣнія соединились въ рукахъ Максимилиана. Въ 1497 г., супруга Филиппа, сына Максимилианова, Іоанна, осталась, по смерти своего брата, единственною наследницею кастильско-арагонскихъ владѣній, которыя расширились теперь до безконечности, благодаря смѣлымъ мореплавателямъ. Выработка государственнаго строя подвинулась впередъ на Аугсбургскомъ сеймѣ 1499 г., на которомъ былъ приведенъ къ окончанію проектъ прочнаго имперскаго управленія, предложенный архіепископомъ Майнцскимъ, Бертольдомъ, замѣчательнѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ эпохи. Первымъ намѣстникомъ, назначеннымъ отъ императора, былъ курфюрстъ Саксонскій, Фридрихъ Мудрый. Но выработанный порядокъ не могъ еще установиться, потому что интересы короны и сословія слишкомъ разнились. Императору было выгодно пользоваться этимъ строемъ, какъ орудіемъ при европейскихъ столкновеніяхъ, между тѣмъ какъ государственные чины хотѣли, благодаря такому конституціонному порядку, именно удерживать государство отъ излишняго вмѣшательства въ эти столкновенія. Однако, все же мысль о рѣшеніи частныхъ распрій имперскимъ судомъ приобрѣтала, болѣе и болѣе, право гражданства; такъ, напр., былъ рѣшенъ Кельнскимъ сеймомъ (1505) большой споръ о Пфальцъ-Баварскомъ наследіи послѣ войны, длившейся всего одинъ годъ. Но во всемъ томъ, что касалось иностранной политики императора, его отношеній къ Венгріи, Франціи, Италіи, онъ встрѣчалъ лишь весьма слабую поддержку.

Нѣльнскій
сеймъ, 1512.
Мировые
округа.

Дѣло конституціоннаго порядка пришло къ извѣстному окончанію на Кельнскомъ сеймѣ въ 1512 году. Для водворенія спокойствія въ странѣ и исполненія рѣшеній имперскаго суда, нѣмецкое государство было раздѣлено на десять мировыхъ округовъ; во главѣ каждаго изъ нихъ находился окружной начальникъ съ подчиненнымъ ему совѣтомъ. Самымъ большимъ изъ этихъ округовъ, — считая отъ юга къ сѣверу, — былъ *Австрійскій*, обнимавшій до 2,000 кв. миль, включая въ себѣ почти однѣ земли владѣтельнаго дома; затѣмъ *Баварскій*, на половину меньшій, въ который входило старое герцогство и девять духовныхъ владѣній, при чемъ архіепископъ Зальцбургскій раздѣлялъ управленіе съ герцогомъ въ Мюнхенѣ; *Швабскій*, съ двумя большими территориями, герцогствомъ Вюртембергъ и маркграф-

ствомъ Баденъ, и множествомъ мелкихъ, занимая, въ общемъ, около 700 кв. миль; *Франконскій* съ 500 кв. миль прежняго герцогства, подъ управленіемъ епископа Бамбергскаго; главнѣйшую часть территоріи составляли здѣсь бранденбургскія княжескія владѣнія; главнымъ и богатѣйшимъ городомъ былъ Нюрнбергъ; два *Рейнскіе* округа, пространствомъ около 1,000 кв. миль, заключали въ себѣ богатѣйшія нѣмецкія земли, съ тремя большими духовными и Пфальцскимъ курфюршествами, двумя герцогствами, Савойей и Лотарингіей, и множествомъ епископствъ и имперскихъ городовъ; *Бургундскій*, включавшій большую часть Голландіи, Бельгіи и Люксембурга; *Вестфальскій*, простиравшійся отъ острововъ Сѣвернаго моря далеко на югъ, пространствомъ въ 1,250 кв. миль и управляемый изъ Мюнстера или изъ Клэва; наконецъ, два Саксонскіе округа: Нижнесаксонскій (около 1,420 кв. миль) и Верхнесаксонскій (1,950 кв. миль). Къ первому изъ нихъ относились: два архіепископства, Магдебургское и Бременское, три епископства, пять герцогствъ, шесть имперскихъ городовъ; ко второму—два курфюршества, Саксонія и Бранденбургъ, нѣсколько княжествъ и графствъ, но ни одного имперскаго города. Управление находилось въ Саксонскомъ курфюршествѣ. Въ сторонѣ оставались двѣ большія области, по названію еще принадлежавшія къ имперіи: Богемія съ прилегавшими къ ней землями, и Швейцарскій союзъ. Карта съ этимъ распределеніемъ очень цестра: по ней можно насчитать до двухъ съ половиною сотенъ «окружныхъ чиновъ», но меньшіе изъ нихъ имѣли на сеймахъ лишь коллективное право голоса, по куріямъ.

Но на всемъ этомъ пространствѣ не было объединяющей государственной власти. Императора ограничивали сеймы; мѣстныя обстоятельства въ округахъ вызывали и опредѣляли съѣздъ окружныхъ чиновъ; окружные сеймы и каждый владѣлецъ области, всѣ чины округовъ и государственные чины, были связаны, въ свою очередь, мѣстными управленіями. Политическая жизнь всей націи протекала среди этихъ безчисленныхъ собраній и соглашеній. Послѣдній изъ названныхъ важныхъ факторовъ, мѣстное управленіе, развился постепенно и на свой образецъ въ каждой территоріи. Но, вообще, основою его послужила необходимость для каждого мѣстнаго владѣльца заручаться, въ важныхъ для него случаяхъ, содѣйствіемъ своихъ служащихъ и вассаловъ, а также находящихся на его землѣ монастырей, учреждений и городовъ. Въ нѣмецкихъ земляхъ издавалось мало повелѣній, дѣлалось мало правительственныхъ распоряженій: послушаніе вынуждалось оружіемъ или же выторговывалось,—и если свобода состоитъ въ этомъ,—а такъ понимало ее, во всякомъ случаѣ, большинство націи,—то можно было, безъ сомнѣнія, говорить о «нѣмецкой свободѣ». Но она придавала политической жизни націи нѣчто крайне вялое,—и государственная жизнь этого вѣка въ Германіи представляется намъ, привыкшимъ къ быстро-работающему и всеобъемлющему правительственному и административному механизму, чѣмъ-то карикатурнымъ.

Жизнь, развитіе, прогрессъ націи сосредоточивались въ отдѣльныхъ территоріяхъ, которыя стремились къ заявленію своей самостоятельности и къ устраненію, по мѣрѣ силъ, остатковъ прежнихъ стадій развитія. Эти остатки гнѣздились еще во всѣхъ сферахъ, но держались особенно долго

Нѣмецкія
дѣла около
1500 г.

Феме (тай-
ныя суди-
лица).

въ судебной части, и характерное учрежденіе, такъ-называемой *фэмы*, обнаруживаетъ борьбу стараго и новаго времени, государства и мѣстнаго верховенства.

Въ земляхъ герцогства Вестфальскаго удерживались еще, въ силу особыхъ обстоятельствъ, старинные народные суды со времени сельскаго уложенія, эпохи Карла Великаго или еще болѣе ранней, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ были уже повсемѣстно введены правительственныя судебныя учрежденія. Эти особые суды происходили при всенародномъ собраніи, подъ предѣдательствомъ фрейграфа, получавшаго отъ самого императора право миловать и карать. Императорская власть ослабла со времени Штауфеновъ; новые областные суды не утвердились еще вполне, въ ихъ организаціи было много пробѣловъ, и безчисленные грабежи и преступленія совершались безнаказанно. Среди этого, стародавность сказанныхъ судовъ придавала имъ новый авторитетъ, въ который вѣрили сильнѣе всѣхъ самые ихъ сочлены: это были суды «императорскіе»; нравственное чувство правосудія всѣхъ находило удовлетвореніе въ томъ сознаніи, что существуютъ же, хотя гдѣ-нибудь, трибуналы, которымъ можно принести жалобу на извѣстныя злодѣянія, не подлежащія никакимъ судамъ, не находящія и исполнителей приговоровъ; эти же суды, *фэмы*, вѣдали подобныя дѣла, какъ вполне подлежащія имъ. Даже изъ дальнихъ мѣстъ прибѣгали къ нимъ въ трудныхъ уголовныхъ дѣлахъ (гражданскихъ дѣлъ *фэма* не разбирала). Но обвиняемый рѣдко появлялся; публично произнесенный приговоръ могъ тоже заставить его быть на-сторожѣ и потому сдѣлать невозможнымъ исполненіе казни; поэтому судъ пересталъ быть открытымъ; въ него имѣли доступъ одни лишь члены суда. Но кто же приводилъ въ исполненіе приговоръ, обрекавшій на смерть? Исполнителемъ могъ быть только такой же членъ суда, и приговоръ, для достиженія цѣли, хранился втайнѣ и исполнялся также тайнственно. Съ середины XIII столѣтія имѣемъ мы уже извѣстія о «тайныхъ судахъ». Сложилось тройное повѣрье, сообщившее этимъ судамъ большой ореолъ: во-первыхъ, было принято, что они вѣдаютъ лишь тяжкія, подлежащія казни, преступленія; во-вторыхъ, что они дѣйствуютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда правый не находитъ нигдѣ удовлетворенія; наконецъ еще, что они установлены Карломъ Великимъ и не стѣснены никакими территоріальными границами; въ этомъ не сомнѣвался никто. Учрежденіе имѣло свои благотворныя стороны и, мало-по-малу, лица, посвященныя въ тайны «фэмы», ея кодекса и формальностей, «вѣщце», распространились по всей Германіи, такъ что, въ сущности, со времени короля Венцеслава (1378), въ странѣ былъ «фэмскій союзъ», члены котораго узнавали другъ друга по извѣстнымъ символическимъ знакамъ при встрѣчахъ, при необходимости имѣть пособниковъ въ исполненіи приговора. Но мѣстомъ суда оставалась все же «Красная земля», Вестфалія, и получить званіе члена союза можно было лишь тамъ. Однако, нигдѣ нѣтъ рѣчи о ночахъ и туманахъ, о тайнственности засѣданій, какъ при какомъ-либо заговорѣ: они происходили подъ открытымъ небомъ, обыкновенно съ девяти часовъ утра до трехъ часовъ пополудни, и при одномъ случаѣ, въ которомъ дѣло шло о приговорѣ надъ однимъ баварскимъ герцогомъ (1439), въ засѣданіи принимали участіе, какъ извѣстно, восемнад-

цать фрейграфовъ и восемьсотъ сочленовъ. Приглашеніе явиться на судъ доставлялось, обыкновенно, обвиняемому изъ вѣрныхъ рукъ, но онъ рѣдко отвѣчалъ на него; тогда дѣло разбиралось и приговоръ провозглашался при торжественной обстановкѣ. Если послѣ этого находили какого-нибудь

Липа тайнаго судилища въ Дортмундѣ.

Эта древняя липа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ утратившая главную вѣтвь свою, и теперь еще довольно высока. Столъ, на которомъ виденъ слабо начертанный государственный орелъ, и лавки кругомъ стола состоятъ изъ глыбъ плохо обтесаннаго камня. Въ сторонѣ отъ липы—заборъ, которымъ ограждены наиболѣе сильные отрѣзки отъ ея корня. Липа во многихъ мѣстахъ скрѣплена желѣзными обручами и поддерживается проволоками.

повышеннаго на деревѣ съ воткнутымъ возлѣ въ землю ножемъ, это означало, что приговоръ «тайной фэмы» исполненъ. Фэма приобрѣла страшную силу въ половинѣ XV вѣка. Нечего говорить, что она не удержалась долго на своей высотѣ, что при тяжкихъ злодѣйствахъ, которыя были поедудны такого рода суду съ самаго его возникновенія, она скоро пеказилась въ своихъ началахъ; но послѣдніе слѣды этихъ тайныхъ судовъ уничтожены лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Прогрессъ.

Этотъ остатокъ старо-императорской эпохи не былъ жизнеспособенъ. Всесторонній прогрессъ въ каждой отрасли быта исходилъ теперь не отъ

Городская жизнь въ XV вѣкѣ. Балъ въ патриціанскомъ домѣ.

Гравюра на мѣди Израэля фонъ-Мекеленъ. Изображенная въ глубинѣ сцена усминовенія главы Иоанна Предтечи и поднесенія ея Проду указываетъ на желаніе художника придать библейскій характеръ картинѣ, очевидно заимствованной изъ современныхъ нравовъ.

цѣлаго, а отъ частей. Перо Энея-Сильвія даритъ насъ короткимъ изображеніемъ тогдашней Германіи, которое составляетъ, конечно, лишь слабый придатокъ къ знаменитому сочиненію о Германіи великаго римскаго историка. Тѣмъ не менѣе, оно даетъ выгодное понятіе о положеніи страны и характеризуетъ, хотя и посредствомъ весьма поверхностно схваченныхъ частности, періодъ дѣятельнаго совершенствованія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи: замѣтенъ приростъ населенія, увеличеніе народнаго благосостоянія; весьма успиваются взаим-

ныя сношенія Германіи съ другими странами, особенно съ Италіей, но и съ Испаніей, Франціей и прочими государствами; различныя ремесла и искусства процвѣтають, производство нѣкоторыхъ товаровъ: сукна, металлическихъ и стеклянныхъ издѣлій и пр. совершенствуется, обучение молодежи распространяется при его улучшеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, строятся больницы и воспитательные дома, заводятся городскіе врачи, ванны, убѣжища для женщинъ. Особенно указываютъ на прогрессъ обиліе университетовъ: послѣ Лейпцига, быстро послѣдовало учрежденіе ихъ еще въ восьми городахъ: въ Ростокѣ (1419), Грейфсвальдѣ (1456), Фрейбургѣ (1457), Базелѣ (1460), Ингольштадтѣ (1472), Тюбингенѣ (1477), Виттенбергѣ (1502), Франкфуртѣ - на - Одерѣ (1506). Въ этомъ-же столѣтіи совершилось то великое умственное движеніе въ руководящихъ классахъ, которое называютъ возрожденіемъ наукъ или «гуманизмомъ». Оно совпало съ другими умственными стремленіями, а также съ изобрѣтеніемъ, имѣвшимъ неизмѣримую важность: изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Завершеніе этого изобрѣтенія, то-есть устройство печатнаго станка съ металлическимъ прифтомъ, осуществилъ, въ 1450 году, нѣмецъ, членъ майнцкой патриціанской фамиліи, которая, терпя отъ вражды между родовитыми семьями и гильдіями, покинула въ началѣ XV вѣка родной городъ. Звали этого человека *Иоганнъ Генсфлейшъ Гутенбергъ*. Онъ жилъ, съ 1448 года, въ Майнцѣ, гражданинъ котораго, *Иоганнъ Фустъ*, снабжалъ его необходимыми деньгами. Первымъ произведеніемъ этой печатающей машины былъ латинскій учебникъ (*Donatus*), въ 1451 году; затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, послѣдовала главнѣйшая работа—Библия.

Городская жизнь въ XV вѣкѣ. Рельефъ надъ воротами бывшаго зданія вѣсовъ въ Нюрнбергѣ, изображающій взвѣшиваніе товаровъ и выплачиваніе за нихъ пошлины.

Работа Адама Крафта съ обозначеніемъ года 1497 и надписью: «Dir als ein andern». «И тебѣ то же, что другому».

умственными стремленіями, а также съ изобрѣтеніемъ, имѣвшимъ неизмѣримую важность: изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Завершеніе этого изобрѣтенія, то-есть устройство печатнаго станка съ металлическимъ прифтомъ, осуществилъ, въ 1450 году, нѣмецъ, членъ майнцкой патриціанской фамиліи, которая, терпя отъ вражды между родовитыми семьями и гильдіями, покинула въ началѣ XV вѣка родной городъ. Звали этого человека *Иоганнъ Генсфлейшъ Гутенбергъ*. Онъ жилъ, съ 1448 года, въ Майнцѣ, гражданинъ котораго, *Иоганнъ Фустъ*, снабжалъ его необходимыми деньгами. Первымъ произведеніемъ этой печатающей машины былъ латинскій учебникъ (*Donatus*), въ 1451 году; затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, послѣдовала главнѣйшая работа—Библия.

Несравненно меньшее непосредственное влияние оказало другое изобретение, которое часто приравниваютъ къ этому и которому приписываютъ большую роль въ созиданіи новой эпохи: изобретение пороха. Строго говоря, его даже нельзя считать новымъ открытіемъ. Порохъ былъ извѣстенъ съ конца XIII столѣтія и вошелъ въ употребленіе на войнѣ, начиная съ слѣдующаго, не сообщая, однако, употреблявшимъ его тотъ

Изображеніе типографскаго станна 1520 г.

Изъ коллекціи биржевого собранія нѣмецкихъ книготорговцевъ въ Лейпцигѣ.

сильный перевѣсъ, какой мы представляемъ себѣ, основываясь на позднѣйшихъ его примѣненіяхъ. Мнѣніе о томъ, что огнестрѣльное оружіе сдѣлало излишнею рыцарскую храбрость, сообщая механической характеръ войнѣ и тѣмъ демократизируя ее, явилось лишь позднѣе. Но искусство печатанія металлическимъ шрифтомъ вводитъ насъ непосредственно въ

періодъ новыхъ временъ; мы одѣнимъ силу этого изобрѣтенія еще яснѣе, послѣ взгляда на политическое развитіе Франціи и Англіи, равно какъ Пиринейскаго полуострова и Италіи.

3. Англія и Франція.

Въ этомъ столѣтіи разъединились навсегда судьбы этихъ двухъ странъ, и оба государства, Англія и Франція, развились, каждое въ своей природной сферѣ и согласно своеобразному, во многомъ противоположному, направленію. Въ продолженіе нѣкотораго времени, при Плантагенетахъ, можно было ожидать ихъ сліянія въ одну державу, но, въ минуточку наибольшей опасности, національное чувство Французовъ проснулось съ изумительной силой, помогло имъ отбросить Англичанъ на ихъ островъ и оба великіе народа пошли по пути своего окончательнаго самостоятельнаго развитія.

Французскимъ королемъ съ 1380 года былъ Карлъ VI, вступившій на престолъ въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ; онъ оказался впоследствии душевно-больнымъ, что вызвало необходимость продолжительнаго регентства. Вслѣдствіе ошибки его предшественника, короля Іоанна, раздѣлившаго большіе лѣны между своими сыновьями и, какъ было сказано выше, скончавшагося на чужой землѣ, послѣ долгаго плѣна, были посяганы сѣмена смуты и раздора именно между наиболее близкими къ трону главами знатныхъ домовъ. Этотъ раздоръ вспыхнулъ теперь между братомъ короля, герцогомъ Людовикомъ Орлеанскимъ,

и его дядею, герцогомъ Филиппомъ Бургундскимъ, изъ за права управлять государствомъ. Эта смута подѣлила всю Францію на двѣ партіи: бургундскую и орлеанскую, или арманьякскую. При такихъ обстоятельствахъ, замѣчательный правитель Англіи (съ 1413), король Генрихъ V, возобновилъ свои притязанія на независимое владѣніе французскими областями, принадлежавшимъ и прежде англійской коронѣ, а такъ какъ

Англія и
Франція.

Франція съ
1380 г.

Печать Карла VI, короля Французскаго.
Изъ Британскаго музея въ Лондонѣ.

сильнѣйшая, въ эту минуту, орлеанская партія не соглашалась съ нимъ, онъ началъ снова войну, при чемъ могъ разсчитывать на недовольные элементы въ самой Франціи. Высадясь съ большимъ войскомъ, онъ вступилъ въ бой съ Французами близъ замка Азинкуръ, въ нынѣшнемъ департаментѣ Па-де-Калэ, и нанесъ имъ страшное пораженіе: плебейскій отрядъ англійскихъ стрѣлковъ изъ лука залилъ кровью французскаго дворянства все поле сраженія. Взято въ плѣнъ было лишь полторы тысячи человекъ, между тѣмъ какъ число раненыхъ и убитыхъ доходило до десяти тысячъ. Ужаснѣе всего было то, что побѣда надъ Французами, усилившая гордость Англичанъ, радовала также бургундскую партію и увеличила раздоръ въ государствѣ. Но междоусобная вражда достигла крайняго предѣла послѣ того, какъ герцогъ Іоаннъ Бургундскій, при свиданіи своемъ съ дофиномъ на мосту черезъ Іонну, соединяющемъ городъ и крѣпость Монтро, былъ убитъ служителями дофина (1419). При договорѣ въ Троя (1420), герцогъ Бургундскій призналъ короля Англійскаго, Генриха, своимъ законнымъ кролемъ и повелителемъ, по смерти Карла VI. Генрихъ женился на Катеринѣ, дочери Карла VI и баварской принцессы Изабеллы, — чудовищной матери, отрешившейся отъ своего сына, дофина. Такимъ образомъ, Англичане получили рѣшительный перевѣсъ. По кончинѣ несчастнаго Карла VI въ 1421 г., Генрихъ V оказался законнымъ королемъ Франціи; онъ умеръ тоже векорѣ послѣ того (1422), оставя свое могущественное положеніе въ наслѣдіе девятимѣсячному сыну своему, Генриху VI, который былъ перевезенъ въ Парижъ. Въ теченіе семи лѣтъ господствовали Англичане въ странѣ. Природный Французскій король, Карль VII, потерялъ всѣ земли на сѣверъ отъ Лоары; въ 1429 году, самъ городъ Орлеанъ, ключъ къ южной части государства, былъ уже готовъ пасть передъ англо-бургундскою силою; но совершилось чудо, измѣнившее неудержимый, видимому, роковой исходъ.

Англо-Французская война.
Орлеанская дѣла.

Крестьянская дѣвушка изъ Домреми, деревушки на границѣ Шампани и Лотарингін, остановила побѣдоносное шествіе Англичанъ, вдохновила національное чувство Французовъ и образумила ихъ на мгновеніе такъ, что они могли собраться съ силами для сопротивленія и достиженія нѣкоторыхъ успѣховъ. Юность этой двадцатилѣтней дѣвушки не представляеть ничего замѣчательнаго; ея крайняя набожность навлекала на нее иногда насмѣшки. Политическія распри проникали и въ эти лотарингскія мѣстности и даже деревни стояли за ту или другую сторону. Домреми принадлежала къ орлеанистамъ и деревенская молодежь вступала въ драки съ парнями изъ сосѣдней деревни, считавшей себя сторонницею Бургундинъ. Дѣвушка, страдавшей за родину, проникнутой убѣжденіемъ въ святости прирожденной королевской власти и ненавистью къ чужеземцамъ, слышались небесные голоса, которые предсказывали ей счастливый оборотъ судьбы и обречали ее самое на роль избавительницы гибнущаго Орлеана и на то, чтобы она проводила короля Карла въ Реймсъ для помазанія и коронованія. Чудившіеся ей голоса и лики влекли ее впередъ съ непреодолимою силою; начальнику ближайшаго гарнизона было донесено о странномъ событіи; онъ, въ свою очередь, донесъ о томъ королю,

Прибытие Дѣвы Орлеанской въ замокъ Шинонскій 6 марта 1428.

Современное шитое цветными рыцарями, здѣсь въ полномъ вооруженіи на конѣ; на головѣ у ней красный головной уборъ, съ

пучкомъ перьевъ надъ желтымъ шлемомъ. Въ правой рукѣ она держитъ своей шпалартъ съ изображеніемъ Бога между двумя ангелами, и рядомъ съ нимъ слова: «Jesus Maria» и три лиліи. Слева подходитъ король Карль VII, съ вѣнцомъ на головѣ: онъ переходитъ пѣшкомъ черезъ опускной мостъ замка, одинокъ изъ рыцарей, сопровождающихъ дѣву, выхлалъ нѣскольکو впередъ и какъ бы представляетъ дѣву королю. Лента съ надписью надъ картиной гласитъ по-иѣмению: «Богъ подѣбжаетъ дѣву, посланная Богомъ королю въ его страну». Величина изображенія: 80 с. высоты и 105 с. ширины. (По Лакру).

передъ которымъ Иоанна д'Аркъ скоро предстала. Для обсужденія столь необыкновеннаго случая были приглашены богословы; дѣвушка оказалась вѣрною католичкою и ее допустили состоять при отрядѣ, который долженъ былъ доставить продовольствіе въ Орлеанъ. Экспедиція удалась: 28 апрѣля 1429 г. Иоанна проникла въ городъ и, при нѣсколькихъ стычкахъ, заставила всѣхъ вѣрить въ ея призваніе, потому что ея появленіе съ знаменемъ изъ холста, на которомъ былъ изображенъ Спаситель, ободрило и подвигало на побѣду войска; еще сильнѣе дѣйствовала ея собственная, безусловная вѣра, та, о которой въ Евангеліи сказано, что будь она величиною лишь съ горчичное зерно,—и тогда ея достаточно для того, чтобы двигать горами. Дѣйствительно, дѣла приняли счастливый оборотъ, мятежники обращались теперь опять къ королю и въ немъ самомъ укрѣплялось убѣжденіе въ томъ, что эта дѣва внушаетъ ему, съ непогрѣшимостью откровенія свыше, приказаніе Божіе — идти въ Реймсъ, чтобы увѣнчаться короной. Когда-же и это совершилось благополучно, то былъ достигнутъ громадный нравственный успѣхъ. Города переходили, одинъ за другимъ, на сторону законнаго короля; гнетъ, давившій націю и лишавшій ее силъ, исчезъ. Сама Иоанна считала свою миссію оконченной и стремилась домой. «Пусть сражаются мужи, и Господь дастъ имъ побѣду». Сама она никогда не обнажала меча и только несла знамя. Но несчастію, она позволила уговорить себя остаться при войскѣхъ, и при попыткѣ, сдѣланной съ цѣлью освободить Компіень, осажденный Англичанами и Бургундцами, попала въ плѣнъ неприятелю (май 1430). Именемъ короля Генриха VI былъ начатъ процессъ противъ Иоанны, и соединеннымъ силамъ богослововъ и юристовъ того времени было не трудно взвести на нее болѣе чѣмъ одно преступленіе, дѣлавшее ее повинною смерти. Къ чему же и существовали инквизиціи и ученые мужи Парижскаго университета? Бѣдная дѣвушка обратилась къ папѣ, но онъ былъ далеко, а отъ нея выманили обманомъ ея подпись подъ чѣмъ-то въ родѣ ея признанія; она была заключена въ тюрьму, и ее мучили тамъ, пока не доказали, что она вновь впавшая въ заблужденіе еретичка, съ которою и слѣдуетъ поступить по правиламъ «de comburendo haeretico»,—вслѣдствіе чего она и была подвергнута въ Руанѣ казни, опредѣленной лордамъ,—т.-е. смерти на кострѣ.

Аррасскій
миръ. 1435.

Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, истощая страну, но предположеніе соединить Англію и Францію въ одну державу, подъ англійскимъ скипетромъ, оказалось уже неисполнимо. Въ 1435 году, герцогъ Бургундскій Филиппъ заключилъ съ Карломъ VII миръ въ Аррасѣ. Здѣсь собранъ большой мирный конгрессъ; переговоры между Франціей и Англійей не привели ни къ чему, но переходъ герцога на французскую сторону значилъ много, хотя былъ достигнутъ съ большими уступками и пожертвованіями. Въ томъ же году умерла, если не особенно опасная уже, но отъявленно враждовавшая съ сыномъ, его мать Изабелла. Ближайшимъ послѣдствіемъ мира, доставившаго почти полную независимость Бургундіи, былъ поворотъ борьбы къ невыгодѣ Англичанъ. Въ 1436 году они лишились Парижа; однако, перемиріе было заключено не ранѣе 1444 года; оно было продолжено нѣсколько разъ, все же не превращаясь въ

формальный миръ. На дѣль, впрочемъ, Англичане удерживали только Калѣ и Нормандскіе острова.

Эта война имѣла, вообще, благопріятныя послѣдствія для Франціи, хотя и принесла ей, въ частности, много золь. Несходство съ Англичанами, бросавшееся въ глаза и ошутительное для всѣхъ, умиротворило

Дальнѣйшее
правленіе
Карла VII.

Карлъ VII, король Франціи.

Миниатюра изъ рукописнаго сборника XV вѣка. (По Лакруа).

партиіную рознь среди своего народа и дало созрѣть французскому національному чувству. Личность Карла VII была вполне пригодною для залѣченія ранъ, нанесенныхъ войною и партиіною ненавистью. Со времени Аррасскаго мира, онъ былъ снова въ состояніи стоять у кормила правленія: онъ не поминалъ никому прошлаго, новинуясь при этомъ голосу своей кроткой, благодушной природы, какъ бы созданной для роли миротворца послѣ ожесточенной борьбы. Весьма важною мѣрою въ томъ же національномъ направленіи, которое указывалось ему всѣмъ его положеніемъ, было принятіе постановленій Базельскаго собора, на что изъявиль свое согласіе и сѣздъ французскаго духовенства въ Буржѣ. Въ своемъ эдиктѣ (юль 1438), называемомъ «Прагматической санкціей», король Карлъ провозгласилъ эти постановленія, главнымъ образомъ на-

правленныя противъ панскаго обычая раздавать духовныя мѣста чужакамъ, неизвѣстнымъ народу, а часто и весьма недостойнымъ ихъ; взаменъ того, возстановлялось прежнее право свободного выбора на эти мѣста и сообщалась, вообще, большая самостоятельность галликанской Церкви. Въ то же время, въ управленіи, юстиціи и общественной администраціи водворялся порядокъ; парламентъ — высшая судебная инстанція — снова былъ возстановленъ въ Парижѣ; упрямое финансовъ позволило принять важную мѣру: учрежденіе постоянного войска. Наемныя войска были величайшимъ зломъ; съ минованіемъ надобности въ нихъ, при мирѣ или перемиріи, ихъ часто нельзя было распустить, потому что имъ или не было выплачено жалованье, или же они сами не находили для себя отставку выгодною. Такъ было, какъ мы уже видѣли, въ Италіи и Германіи. При первой возможности, правительства старались сбыть въ сосѣднія государства эти шайки, осирѣлѣвшія отъ войны и становившіяся еще болѣе опасными отъ временнаго бездѣйствія. Сверхъ того, онѣ представляли всегда сподручное орудіе для всякаго честолюбиваго магната, возстававшаго противъ законной власти или желавшаго что-нибудь съ нея сорвать. Было лишь одно средство избавить населеніе отъ бѣдствій, вносимыхъ полчищами этихъ военныхъ батраковъ, оставшихся безъ работы; и это средство заключалось въ предоставленіи правительству, государству, одному имѣть право содержать войска. Это и произошло во Франціи (1439). Магнаты, прелаты и бароны отказались отъ права имѣть войска безъ королевскаго разрѣшенія и вводить военную повинность между своими подданными. Съ этихъ поръ, въ мирное время, должны были состоять лишь королевскія «уставныя войска», которымъ платилъ жалованье король; онъ назначалъ и ихъ командировъ. Вначалѣ это была небольшая армія, всего въ пятнадцать ротъ, каждая изъ сотни «коній» (lances), или отрядовъ — въ каждомъ изъ нихъ по шести солдатъ. Всего, слѣдовательно, было только девять тысячъ человѣкъ, но важно было сдѣланное начало, а съ введеніемъ этого постояннаго войска, бывшаго дѣйствительнымъ благодѣяніемъ для страны, былъ сообщенъ рѣшительный перевѣсъ монархической идеѣ во Франціи. Корова располагала правильными доходами, собираемыми при посредствѣ приставленныхъ ею на то служащихъ; она имѣла вооруженную силу, начальники которой подчинялись тоже только ей; города и духовенство были подчинены ей и связаны съ нею, потому что ихъ интересы могли охраняться всего вѣрнѣе при твердой національной государственной власти. Рѣшеніе послѣдней, высшей судебной инстанціи производилось отъ имени короны. Этотъ новый—новый относительно и въ извѣстныхъ предѣлахъ—принципъ всеобъемлющаго монархическаго строя получилъ дальнѣйшее развитіе при трехъ слѣдующихъ короляхъ: Людовикѣ XI (1461—83), Карлѣ VIII (1483—1498) и Людовикѣ XII (1498—1515).

Людовикъ
XI и Карлъ
Смѣлый.

Сила и самостоятельность высшаго дворянства были еще весьма значительны, соотвѣтствуя достигнутому, до этой эпохи, развитію общественнаго и государственнаго порядка во всей Европѣ, и французской коронѣ пришлось вести свою послѣднюю борьбу противъ могущественнѣйшаго изъ нея вассаловъ, перваго изъ двѣнадцати герцоговъ Франціи, герцога Бургунд-

скаго. Блестящій придворный итать герцога Карла Смѣлаго, наслѣдовавшаго своему отцу Филиппу Доброму (1467), какъ то было упомянуто нами въ общемъ ходѣ нѣмецкихъ дѣлъ, затмеваль собою вполнѣ скудный дворцовый обиходъ Людовика XI, скромная фигура котораго тоже терялась передъ величавымъ обличемъ герцога. Но какъ ни блестяща была роль Карла, она была сыграна скоро, и Людовикъ нашель себѣ союзниковъ. Побѣды при Грансонѣ, Муртенѣ, Нанси, одержанныя Швейцарцами надъ Карломъ, послужили на пользу собственно Французскому королю. По договору 1474 г., онъ обезпечилъ себѣ на будущее, за хорошія деньги, помощь швейцарской пѣхоты; по второму Аррасскому миру (1482), Карль, вмѣстѣ съ рукою внучки своей, Маргариты Австрійской, помолвленной за Французскаго дофина, уступалъ Франціи самыя подходящія для нея изъ бургундскихъ земель; Неаполь и Провансъ тоже достались Людовику, послѣ того, какъ графъ Карль дю-Мэнъ, законный наслѣдникъ послѣдняго изъ Анжу (Рене II), за день до своей смерти, назначилъ Французскаго короля своимъ наслѣдникомъ (1481). Умирая въ августѣ 1483 г., въ уединеніи своего замка Плесси близъ Тура, Людовикъ оставилъ своему несовершеннолѣтнему сыну Карлу государство приумноженнымъ и укрѣпленнымъ всякими средствами, — часто несовмѣстными съ королевскимъ и рыцарскимъ духомъ, но искусно и хитро проведенными во всехъ мелочахъ, съ большою послѣдовательностью и всегда цѣлесообразно. Опасности, которыя могли снова угрожать, вслѣдствіе малолѣтства короля, развитію монархизма, миновали благополучно. Собраніе сословныхъ представителей въ Турѣ (1484) выказало себя смѣлѣе на словахъ, нежели

Бронзовая медаль съ изображеніемъ Людовика XII, короля Французскаго, и Анны Бретанской (вдовы Карла VIII), его супруги. Чеканена въ 1499 г. Хранится въ библиотекѣ въ Мецѣ.

Судя по надписи кругомъ, чеканена въ г. Лионѣ, по поводу бракосочетанія Людовика и Анны; они изображены, повидному, въ свадебномъ паридѣ.

въ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ; вооруженное возстаніе двохъ, оставшихся еще въ силѣ магнатовъ, герцоговъ Бретанскаго и Орлеанскаго, было подавлено регентшей, энергической дочерью Людовика XI, Анной, съ помощью швейцарскихъ войскъ. Въ 1488 г. умеръ герцогъ Бретанскій, послѣ чего дочь его, отдавая свою руку Карлу VIII, — разумѣется, не добровольно, — принесла съ собою въ даръ Французской коронѣ и свое герцогство.

Людовикъ XII, король Французскій.

Съ миниатюры, хранящейся въ національной библиотекѣ въ Парижѣ. (По Лакруа).

Придя въ годы, Карлъ совершилъ походъ въ Италію для заявленія своихъ правъ на Неаполь, какъ на наслѣдіе послѣ дома Анжуйскаго. Завоеваніе не представляло затрудненій, и въ маѣ 1495 г. онъ вступилъ въ Неаполь; но удержать городъ за собою оказалось не такъ легко, и уже въ слѣдующемъ году король Аррагонской династіи, Фердинандъ II, воротился снова въ Неаполь. Карлъ умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ (1498), не успѣвъ попытаться поправить дѣло вторымъ походомъ; по бездѣтности его, Французская корона перешла къ его ближайшему родственнику, герцогу Орлеанскому Людовику XII.

Людовикъ XII.

При своемъ сравнительно непродолжительномъ царствованіи, Людовикъ XII оставилъ по себѣ славную память. Онъ не успѣлъ, правда, уладить итальянскихъ неурядицъ при своей жизни, но водворилъ во вну-

треннихъ дѣлахъ желанный прочный порядокъ и съумѣлъ приобрести довѣріе всѣхъ классовъ населенія, справедливо уравнивая ихъ взаимные интересы. Не стремясь къ еще большей власти, онъ не вмѣшивался въ духовные выборы и предоставлялъ полный просторъ парламентамъ въ дѣлахъ правосудія. Лично слѣдя за поступлениями и расходами, онъ успѣлъ, несмотря на войну съ Италіей, понизить поголовный налогъ, взимаемый, сообразно доходамъ лицъ, государственными учрежденіями и въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ сословными представителями; при этомъ была введена тоже правильная отчетность. Песторонніе наблюдатели, какъ, напр., итальянскіе послы, отзывались весьма благопріятно о тогдашнемъ положеніи Французской монархіи по сравненію съ тѣмъ, что происходило въ ихъ отечествѣ, постоянно раздраемомъ борьбою противорѣчивыхъ элементовъ: наслѣдственная власть была непоколебимо установлена во Франціи, но, при этомъ, разумно ограничена дѣльными законами и парламентами; различныя сословія, высшее и низшее дворянство, ничѣмъ не стѣснялись въ своихъ сферахъ, но и переходъ изъ одного сословія въ другое былъ частъ. Положеніе духовенства казалось наблюдателямъ болѣе обезпеченнымъ, менѣе подверженнымъ нападкамъ, нежели въ Италіи.

Въ Англій, напротивъ того, со смертью Генриха V (1422), наступило неспокойное время. Полный силъ король умеръ, не осуществивъ на дѣлѣ своего титула: «король Франціи и Англій» и оставя престолъ ребенку Генриху VI (1422—1461). Дяди малютки, герцогъ Глочестеръ и герцогъ Бедфордъ, правили дѣлами, и Бедфордъ, какъ старшій, велъ войну во Франціи, сосредоточившую на себѣ преимущественно вниманіе націи. Мы указали уже на поворотъ счастья тамъ, въ 1429 г. Регентъ умеръ въ Руанѣ, совершивъ все возможное для удержанія завоеваннаго, даже въ то время, когда примиреніе короля съ герцогомъ Бургундскимъ лишило Англію незамѣнимаго союзника и привело ея дѣла въ безнадежное положеніе. Опасность грозила и со стороны Шотландіи: шотландскія войска служили Французскому королю. Въ 1450 г. борьба окончилась тѣмъ, что Карлъ VII возвратилъ подъ свою власть всю французскую землю и даже давнія англійскія владѣнія: Гюенну и Нормандію.

Замѣчено совершенно справедливо, что такія событія были счастьемъ, какъ для Франціи, такъ и для Англій: обѣ страны обособились, именно черезъ это, но непосредственнымъ слѣдствіемъ неудачи великаго предпріятія было ослабленіе королевской власти въ Англій и поводомъ къ захвату ея для честолюбивыхъ магнатовъ. Въ 1447 г. жертвою этихъ происковъ сталъ герцогъ Глочестерскій; онъ удерживался съ трудомъ противъ враждебныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на слабого, безхарактернаго короля, и былъ арестованъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но, еще до начала процесса, былъ найденъ мертвымъ въ своей постели. Это было лишь вступленіемъ въ рядъ кровавыхъ дѣлъ. Герцогъ Суффолькъ, пользовавшійся милостями короля и властвовавшей надъ нимъ супруги его, Маргариты Анжуйской, занялъ мѣсто Глочестера, но палъ жертвою народной мести, послѣ того какъ успѣлъ спастись отъ ярости нижней палаты (1451). Выступала уже партія, опас-

Англія съ
1422 г.

Англія при
Генрихѣ VI.
1422—1461.

ривавшая право короля, требуя передачи короны герцогу Ричарду Йоркскому. Именно въ это время (1453) у короля родился сынъ, который оказался столь слабымъ физически и умственно, что былъ, очевидно, неспособенъ царствовать; партія Йорка настояла тогда на передачѣ правленія герцогу, какъ «Протектору» (1454). Пока власть переходила быстро съ одной стороны на другую, раздѣленіе на партію Йорка и партію Ланкастера, «Бѣлую и Алую розы», охватывало большіе и большіе круги населенія. Наступило примиреніе, отсрочившее на время междоусобіе, но скоро война вновь разгорѣлась. Права герцога Йоркскаго могли быть основательны: Генрихъ V, изъ дома Ланкастеровъ, достигъ престола лишь вслѣдствіе революціи; но все же эта династія держалась уже шестьдесятъ лѣтъ, что давало и ей свои права. Но собственно было и мало вопроса о правахъ. Лѣтомъ 1460 г. партія Йорка одержала верхъ: королева съ принцемъ бѣжала, король былъ въ рукахъ побѣдителей и долженъ былъ созвать парламентъ, который рѣшилъ споръ тѣмъ, что корона была оставлена за Генрихомъ V лишь пожизненно, а по смерти его должна была перейти къ герцогу и его потомкамъ. Но сила ланкастерцевъ не была еще сломлена; въ томъ же году, вождь йоркской партіи, самъ герцогъ, былъ взятъ въ плѣнъ непріятельскими войсками при неудачномъ сраженіи и немедленно обезглавленъ. Королева выиграла еще одну битву и выручила своего супруга,—простую пѣшку въ этой упорной борьбѣ. Но сынъ герцога, графъ Марчскій, Эдуардъ, снова одержалъ верхъ надъ противниками съ помощью войскъ графа Варвика, главы партіи, и вступилъ, въ февралѣ 1461 г., въ Лондонъ, гдѣ и былъ провозглашенъ королемъ, подъ именемъ Эдуарда IV.

Война Алой
и Бѣлой
Розы.

Онъ царствовалъ съ 1461 по 1483 г. Борьба между «Бѣлой и Алой Розой» продолжалась среди переменнаго счастья, предательствъ и всякихъ ужасовъ. Въ 1463 г. Эдуардъ настолько одолѣлъ своихъ враговъ, что королева Маргарита должна была вмѣстѣ съ принцемъ искать убѣжища за моремъ, во Фландріи; въ 1464 г. несчастный король Генрихъ VI былъ захваченъ Эдуардомъ и заключенъ въ Тоуэръ. Въ теченіе нѣкотораго времени Эдуардъ могъ наслаждаться утѣхами своего сана; дѣла онъ предоставилъ Невиллямъ и Водвильямъ, семьѣ графа Варвика и родственникамъ своей жены; но ихъ взаимныя пререканія повели къ новымъ смутамъ и мятежамъ,—и случилось нѣчто неожиданное: графъ Варвикъ, который возвелъ Эдуарда на престолъ, примирился со своимъ заклятымъ врагомъ, королевою Маргаритой, которую онъ встрѣтилъ въ Амбуазѣ, при дворѣ Людовика XI (1470). Дѣла приняли новый оборотъ: Варвикъ появился въ Англию во главѣ ланкастерскаго войска. Король Эдуардъ, не успѣвъ вооружиться, бѣжалъ въ Голландію; Варвикъ и герцогъ Кларенсъ, братъ Эдуарда, прибывъ въ Лондонъ, освободили Генриха VI изъ Тоуэра и онъ былъ снова провозглашенъ королемъ. Но Эдуардъ, собравъ на бургундскія деньги военныя силы на материкѣ, высадился въ Англию, гдѣ къ нему послѣшили на помощь его сторонники; братъ его Кларенсъ, совершая новое предательство, велѣлъ своимъ приколотъ себя бѣлымъ розамъ. У Барнета, къ сѣверу отъ Лондона, произошла битва между Эдуардомъ и войсками Генриха, которыми командовалъ Варвикъ. Побѣда осталась

за Йоркомъ, самъ графъ Варвикъ погибъ въ сраженіи, Эдуардъ снова сталъ королемъ, а Генрихъ VI былъ вторично заключенъ въ Тоуэръ. Въ день битвы прибыла въ Плимуть и королева Маргарита. Ланкастерская партія попытала еще разъ счастья съ оружіемъ въ рукахъ, при Тьюксбюри, но съ такимъ же неуспѣхомъ: сама королева и ея сынъ Эдуардъ были взяты въ плѣнъ, при чемъ принцъ былъ тотчасъ убитъ. Нѣсколько недѣль спустя, въ тотъ самый день, когда побѣдитель вступилъ въ Лондонъ, король Генрихъ умеръ въ Тоуэръ: послѣ убійства наслѣднаго принца, было найдено своевременнымъ устранить и его. Въ теченіе нѣкотораго времени казалось вѣроятнымъ, что Эдуардъ IV возобновитъ національную войну съ Франціей. При недостаточности суммъ, ассигнованныхъ на это дѣло парламентомъ, онъ прибѣгнулъ даже къ новой финансовой операціи,—именно къ добровольнымъ пожертвованіямъ «беневоленціямъ», со стороны богатыхъ лицъ, которыя приглашались къ тому личными просьбами короля и не осмѣливались, разумѣется, его ослушаться. Однако, герцогъ Бургундскій, на котораго онъ рассчитывалъ, истощилъ свои вспомогательныя средства, самъ Эдуардъ не былъ особенно воинственъ и Людовикъ XI, при одномъ свиданіи съ нимъ, успѣлъ склонить его на миръ (1475). Въ 1478 г. герцогъ Кларенсъ, снова разсорившійся съ королемъ, умеръ въ Тоуэръ, безъ сомнѣнія, насильственной смертью. Въ 1483 г. скончался и самъ король Эдуардъ IV, которому не было въ то время и сорока двухъ лѣтъ.

Потокъ крови и грязи, которымъ представляется исторія Англій,—лучше сказать, англійской короны, въ эту эпоху несея далѣе. Эдуарду IV наслѣдовалъ его двѣнадцатилѣтній сынъ, Эдуардъ V; старшій членъ королевскаго дома, Ричардъ, герцогъ Глочестерскій, сумѣлъ стать во главѣ правленія, подъ именемъ Протектора. Обладая дьявольской изворотливостью, способный на грубѣйшее насиліе и на самую тонкую хитрость, онъ казнилъ самыхъ надежныхъ друзей вдовы и дѣтей Эдуарда IV, послѣ чего перевезъ и другого принца, младшаго брата Эдуарда V, въ Тоуэръ, бывшій и дворцомъ, и государственною тюрьмою. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ заявилъ притворное сомнѣніе относительно законнорожденности обоихъ дѣтей, оправдывая такое дерзкое предположеніе извѣстнымъ развратнымъ образомъ жизни короля, и вступилъ на престолъ (1483), облегчивъ себѣ этотъ захватъ посредствомъ подложнаго выраженія народной воли въ его пользу. Остальное слѣдовало уже само собой: не трудно было найти злодѣя, который умертвилъ обоихъ принцевъ въ Тоуэръ, въ угоду новому королю. Послѣ неудачной попытки къ возстанію, поднятому еще во имя убитыхъ уже принцевъ, Ричардъ III созвалъ парламентъ, который призналъ права его и его сына Эдуарда. Этотъ юноша умеръ, прежде чѣмъ тиранъ успѣлъ выполнить свое предположеніе—женить его на дочери Эдуарда IV, Елисаветѣ. Ричардъ не усомнился тогда предложить свою руку этой принцессѣ, хотя его законная жена была еще жива. Она умерла вскорѣ, но бракъ все же не состоялся. Ланкастерская партія выставила противъ кровожаднаго злодѣя своего претендента, графа Генриха Ричмондскаго, который, впрочемъ, считался вовсе несправедливо отырыскомъ Ланкастеровъ: онъ былъ сынъ вдовы Генриха V, Катерины

Французской, отъ ея второго брака съ Оуэнномъ Тюдоръ, сыномъ своднаго брата Генриха VI. Графъ, найдя поддержку во Франціи, высадился въ одной изъ гаваней юго-западнаго берега (августъ 1485). Арміи встрѣтились при Босвортѣ, въ графствѣ Лейчестеръ.

Домъ Тюдоровъ, Генрихъ VII и Тюдоры. 1485.

Ричардъ III въ этой битвѣ былъ убитъ и такъ закончилъ свою позорную жизнь. Пообѣдитель его прибылъ въ Лондонъ и подтасовыванья его правъ не нашли возраженій: онъ былъ признанъ за соединяющаго въ себѣ притязанія обоихъ домовъ, Йорка и Ланкастера, и принялъ имя Генриха VII. Послѣ признанія предполагаемыхъ его правъ парламентомъ, онъ женился на Елисаветѣ, дочери Эдуарда IV. Престоль его не разъ осаждали самозванцы, замыслы которыхъ облегчались таинственностью, съ какою исчезли со свѣта сыновья Эдуарда IV. Но, въ общемъ, его царствованіе (1485—1509) протекло спокойно и благотворно. Ему удалось основать, съ помощью парламента, родъ особаго судебного учрежденія или отдѣльнаго вѣдомства, такъ-называемую «Звѣздную Палату», снабженную особыми полномочіями и имѣющую цѣлью препятствовать заговорамъ и приговореніямъ къ мятежу и къ ниспроверженію существующаго правленія. Эта палата имѣла право налагать кары, не придерживаясь установленныхъ законоположеній. Генрихъ умѣлъ тоже избѣгать недостатка въ деньгахъ, — употребляя, разумѣется, сомнительныя средства на это, — такъ что, въ послѣднія тринадцать лѣтъ своего царствованія, онъ не нуждался въ созваніи парламента, что было ему тѣмъ легче, что онъ воздерживался отъ обширныхъ заграничныхъ предпріятій. Онъ не возобновлялъ притязаній Англій на французскую корону; французскій королевскій домъ оказывалъ ему поддержку противъ вдовы Карла Смѣлаго, Маргариты, принцессы изъ дома Йоркъ, выставившей послѣдняго и самаго опаснаго претендента, Перкина Варбекъ, подъ именемъ Ричарда Йоркъ, младшаго сына Эдуарда IV. Генрихъ VII, какъ тонкій политикъ, укрѣпилъ свое положеніе двумя брачными союзами: онъ женилъ своего наслѣдника, Артура, на Екатеринѣ, меньшей дочери Фердинанда Католическаго, короля Арагонскаго, а дочь свою, Маргариту, выдалъ за короля Шотландскаго Іакова IV. Смерть шестнадцатилѣтняго принца расторгла первый изъ этихъ браковъ, вскорѣ по его заключеніи или совершеніи, но оба короля, Генрихъ и Фердинандъ, были такъ довольны своимъ союзомъ, направленнымъ противъ Франціи, что молодая вдова была тотчасъ же обручена съ новымъ принцемъ Уэльскимъ, вторымъ сыномъ короля, Генрихомъ. Для этого требовалось только разрѣшеніе паны, которое Юлій II и выдалъ безъ затрудненія. Самъ Генрихъ VII, по смерти своей жены (1503), помышлялъ о вступленіи въ новый бракъ по политическому расчету, но умеръ среди этихъ плановъ, въ пятидесятирѣхлѣтнемъ возрастѣ (1509). Онъ оставилъ своему сыну Генриху уже вполне окрѣпшій престоль. Междоусобіе было прекращено окончательно.

Англія въ 1500 году.

Было бы весьма грустно, если бы весь итогъ исторіи великой англійской націи въ XV столѣтіи заключался въ одной этой кровавой и губительной, бурной борьбѣ за верховную власть. Но этого нельзя сказать, какъ относительно этой, такъ и прочихъ эпохъ въ жизни этого народа.

Всѣ сказанныя распри касались лишь косвенно большинства населенія: онѣ порѣшались родовитыми семьями съ ихъ вассалами и наемниками. Самыя битвы не были особенно кровавыми, и если населеніе Англій мало увеличилось въ XV вѣкѣ и у перваго изъ Тюдоровъ было не болѣе трехъ милліоновъ подданныхъ, то война обѣихъ Розъ тутъ почти ни при чемъ. Страна преуспѣвала вообще, хотя важнѣйшіе изъ этихъ успѣховъ завоевывались ею такъ постепенно и медленно, что опредѣлить самое время ихъ очень трудно. Такъ, напримѣръ, крѣпостное право было уже, фактически, какъ бы отмѣнено; сословія сблизились вообще. Кровь обращалась быстрѣе въ общественномъ организмѣ: лица средняго сословія пріобрѣтали земельную собственность и переходили въ дворянство; знать и дворяне видѣли себя вынужденными приняться за мѣщанскіе промыслы. Сверхъ того, въ Англій выработалось правило, весьма удобное для страны, потому что оно создало въ ней аристократію, которая осталась во главѣ народа, не обращаясь, однако, въ касту, и сохранила, напротивъ того, тѣсную связь съ народомъ, съ «commonalty»: аристократическій титулъ передавался одному первенцу въ семьѣ, между тѣмъ какъ прочія дѣти носили лишь фамильное имя, не имѣя никакого превосходства по званію надъ среднимъ сословіемъ. Простонародье возвышалось: еще при Генрихѣ VII (1500) былъ изданъ законъ, обязывавшій всякаго простаго человѣка, имѣвшаго болѣе сорока фунтовъ стерлинговъ дохода, переходить въ рыцарское сословіе; большія побѣды надъ Французами были одержаны преимущественно благодаря искусству стрѣлковъ изъ лука, грознымъ отрядамъ англійскихъ одноворцевъ. Итальянскіе наблюдатели замѣчаютъ и здѣсь большую перемѣну въ военномъ дѣлѣ: исчезновеніе наемниковъ, «*dei signori chiamati Militi*», и замѣну ихъ постояннымъ войскомъ; междуособія оказались губительными для старой аристократіи, порѣдѣвшіе ряды которой должны были пополняться повышеніемъ новыхъ фамилій; но государственнй строй развился такъ удачно, что ни одинъ изъ трехъ элементовъ,—монархическаго, аристократическаго, демократическаго,—не могъ имѣть рѣшительнаго перевѣса. Корона не потеряла ни одного изъ своихъ существенныхъ правъ, ни одной прерогативы своей; но власть короля, по выраженію одного высокопоставленнаго слуги Генриха VI, заимствовавшаго слово у Аристотеля, была «политическою»; это было верховенство, ограниченное «политическими законами», и это къ ея собственному облегченію. Аристократія сохранила свое положеніе, но въ чисто-политическихъ вопросахъ она имѣла рѣшающій голосъ въ парламентѣ и тайный королевскій совѣтъ не могъ переступить передъ ней своей весьма ограниченной сферы дѣйствій. Наконецъ, представители общинъ выражались весьма униженно при своихъ представленіяхъ, жалобахъ, согласіяхъ или отказахъ, но, во всѣхъ денежныхъ вопросахъ, они имѣли первый голосъ, починъ; точно и до мельчайшей подробности опредѣляютъ они первому изъ Тюдоровъ его придворный штатъ. Эти члены палаты общинъ не подлежатъ задержанію въ продолженіе сессій, за исключеніемъ лишь случаевъ уголовныхъ, и пользуются свободою рѣчи, послѣ того какъ *стикеръ*, при открытіи парламента, попроситъ на то позволеніе, припадая къ стонамъ короля. Англійскій подданный хвалился

болѣ всего передъ жителями странъ, управлявшихся по римскому кодексу, своею судебною частью: согласно общему праву, приговоръ надъ обвиняемымъ произносили присяжные, двѣнадцать нравственно безупречныхъ людей, принадлежащихъ къ его національности и его сословию.

Направленіе, принятое прогрессомъ въ этомъ вѣкѣ, послѣ неудачи церковной реформы, касалось въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, жизни внѣшней. Весьма характеристиченъ для подобныхъ эпохъ тотъ фактъ, что руководящіе классы, допускающіе въ своей средѣ всякую вольность и крайнюю степень распущенности, возстаютъ съ извѣстною яростью противъ всякаго самостоятельнаго мышленія, всякаго противорѣчія господствующимъ церковнымъ взглядамъ и ихъ опорѣ—невѣжеству массъ. Ересь Виллифа была подавлена, достойный епископъ Регинальдъ Пикокъ, осмѣлившійся снова проявить реформатскія идеи, долженъ былъ торжественно отречься отъ нихъ (1457) и исчезъ въ какомъ-то монастырѣ. Другія научныя изслѣдованія были въ ходу, напримѣръ, отысканіе «философскаго камня»—искусства превращать простые вещества въ золото; вмѣстѣ съ тѣмъ развивались классическія познанія, издавна занесенныя на островъ изъ Италіи, а теперь, послѣ злополучнаго событія 1453 года, распространяемыя еще ревностнѣе бѣжавшими въ Европу Греками. Регентъ, герцогъ Глостеръ, король Эдуардъ IV и Генрихъ VII оказывали покровительство такимъ ученымъ. Школы тоже разводились съ большимъ усердіемъ, основаннымъ на надеждѣ искоренить, съ помощью ихъ, слѣды виклифизма. Такъ были основаны въ Оксфордѣ «Коллегія всѣхъ душъ» (1438), «Магдаленинская Коллегія» (1457); въ Кембриджѣ «Королевская Коллегія»; въ Итонѣ, близъ Виндзора, знаменитая «Итонская школа». Даже кровожадный тиранъ, Ричардъ III, почтилъ оба университета своимъ посѣщеніемъ и не отказывалъ въ покровительствѣ ученикамъ Итонской школы. Основывались, въ скромныхъ размѣрахъ, и библиотеки; въ семидесятыхъ годахъ была положена основа и новому искусству книгопечатанія: Уильямъ Кекстонъ первый завелъ печатню близъ Уэстминстерскаго аббатства.

Но мы не встрѣчаемъ великихъ именъ. Литература служила роскоши, пошлomu времяпрепровожденію, заботилась о забавѣ знати и богачей, раздѣляя ихъ расположеніе наравнѣ съ придворными шутами, устроителями маскарадовъ, пантомимъ и аллегорій, и была далеко опережена музыкой, преобладаніе которой характерно для эпохи и народнаго быта, потому что она допускаетъ обширный диллетантизмъ, пробуждаетъ подобіе умственнаго интереса, но не требуетъ глубокаго и серьезнаго развитія мысли. Народное благосостояніе возрастало; торговля распространялась, несмотря на препятствія, порождаемыя войнами; но настоящая морская сила, военный флотъ, была въ упадкѣ. Страна богатѣла въ производствѣ сырья, потому что оставалась пощаженной отъ тѣхъ опустошеній, которыя вносятъ чужеземныя непріятельскія нашествія. Генрихъ VII, знавшій цѣну деньгамъ, весьма покровительствовалъ морской торговлѣ, а именно теперь совершались на торговомъ поприщѣ событія, которыя выставили во всемъ блескѣ несравненное положеніе Англіи. Лавры, которые стяжали себѣ португальскіе и испанскіе короли, равно какъ золо-

тыя жатвы, созрѣвавшія, повидимому, для нихъ въ неизвѣданныхъ дотождѣ странахъ, заманили и короля Генриха въ сферу новыхъ открытій и торговыхъ экспедицій.

4. Государства Пиренейскаго полуострова и вѣкъ великихъ открытій.

Торговья сношенія древнихъ простирались не далѣе Китая и предѣловъ южнаго міра, Цейлона и Явы. Аравитяне поддержали и усилили эти сношенія, при чемъ Александрія осталась главнымъ складочнымъ рынкомъ общей торговли, въ которой скоро приняли участие и итальянскіе приморскіе города. Нашествіе Монголовъ въ XIII столѣтіи не измѣнило ничего въ этомъ порядкѣ вещей; напротивъ того, именно въ это время, нѣкоторые миссіонеры и путешественники, какъ знаменитые венеціанцы (около 1270) Маффіо и Николо Поло, и сынъ послѣдняго, Марко Поло, нашли путь въ Китай или Восточную Азію. Въ китайскихъ гаваняхъ встрѣчаются Аравитяне, въ Пекинѣ—францисканскіе монахи: тутъ, еще въ 1342 году, до низверженія отличавшихся вѣротерпимостью монгольскихъ царей, раздавался звонъ христіанскихъ колоколовъ. Дѣйствительныя очертанія Африки были еще неизвѣстны и потому все стремленія къ расширенію торговли имѣли въ виду побережье Средиземнаго моря, а съ береговъ «Средиземнаго моря» распространялись уже въ глубь европейскаго материка. Первый и весьма рѣшительный ударъ это торговлѣ былъ нанесенъ Османами. Пораженіе коснулось, прежде всего, Дона и Чернаго моря, затѣмъ Сириі, Александріи, Чернаго и Средиземнаго морей, давъ этимъ вѣтшій поводъ къ отысканію новыхъ путей сообщенія. Разныя преданія, легенды, морскія сказки, упоминали о какихъ-то «Благословенныхъ островахъ», лежавшихъ въ Атлантикѣ; но они скрывались за «Моремъ Тьмы»,—какъ называли Мавры Атлантичскій океанъ,—окутанные его туманами. Испанскія изображенія Иракла или Александра,—статуя Искендера,—должны были стоять на европейскомъ и африканскомъ берегу по сторонамъ пролива, для предостереженія путниковъ отъ дальнѣйшаго странствія въ неизвѣданное море.

Но произошло знаменательное: въ началѣ XIV столѣтія, итальянскіе моряки,—Венеціанцы и Генуэзцы,—не усомнились пройти за эти ворота и завязали непосредственныя сношенія съ Фландріей. Такой морской успѣхъ не могъ не подѣйствовать внушительно на прибрежное къ Атлантикѣ государство: Португалію. Лиссабонъ, столица этого королевства, стоящій при устьѣ Таго, приобрѣлъ огромное значеніе въ качествѣ попутной станціи. Къ этому или нѣсколько позднѣйшему времени относится открытіе вновь Канарскихъ острововъ: въ серединѣ столѣтія, мореходы уже имѣли частыя сношенія съ гуахами или туземцами, среди которыхъ замѣчались слѣды нѣкогда высокаго развитія, которое постепенно заглохло, при полномъ отчужденіи острововъ отъ остальнаго міра. Самы гуахи трогательно заявляли о томъ, что «Богъ помѣстилъ ихъ здѣсь, здѣсь оставилъ, а потомъ и забылъ о нихъ». Торговля сношенія завязались; на всемъ архипелагѣ было введено христіанство, а начало XV столѣтія приносить уже намъ извѣстія объ африканскомъ материкѣ, знакомя со стра-

Португалія.
Испанія.

Вѣкъ
открытій.

нами, лежащими далеко за предѣлами міра, который былъ извѣстенъ древнимъ. Это описаніе содержится въ дневникѣ одного монаха, котораго (1404) завлекла въ глубь Африки своеобразная фата-моргана, господствовавшая и позднѣе въ продолженіе Среднихъ вѣковъ: то были рассказы о какомъ-то архіепископѣ Іоаннѣ, христіанскомъ духовномъ властителѣ, проживавшемъ въ отдаленной, малоизвѣстной, а потому и ревностно отыскиваемой странѣ.

XV вѣкъ.
Генрихъ-Море-
плава-
тель.

Настоящимъ духовнымъ вождемъ дальнѣйшихъ открытій былъ третій сынъ короля Іоанна I, царствовавшего съ 1383 по 1433 г. въ Португаліи, инфантъ Генрихъ-Мореплаватель. Два португальскіе дворянина, случайно занесенные бурей въ открытое море, нашли группу Мадейрскихъ острововъ. Сюда перевезли виноградную лозу съ Кипра, сахарный тростникъ изъ Сициліи. Въ 1430 г. былъ открытъ одинъ изъ Азорскихъ острововъ, въ 1434 г.—обогнуть мысъ Бохадоръ, страшный своими бурями, и по другую сторону его былъ водруженъ крестъ—символь христіанскаго владычества, мало соответствовавшій усиливавшейся охотѣ за людьми и торгу ими; между тѣмъ, именно этотъ торгъ былъ побудительнымъ поводомъ ко всѣмъ морскимъ экспедиціямъ. Ложное мнѣніе о томъ, что подъ низшими широтами вертикальные лучи солнца истребляютъ всякую растительность (предразсудокъ этотъ былъ вызванъ Сахарой), начинало исчезать: сказанная охота на людей, выгода отъ которой (по наивному выраженію одного лѣтописца) «ниспосылалась Господомъ въ награду за понесенные на Его пользу труды», завлекала смѣльчаковъ далѣе и далѣе на югъ. Въ 1445 г. Диницъ Диасъ, самъ того не замѣтивъ, проплылъ за устье Сенегала къ Капъ-Верде, и старинное предположеніе о необитаемости жаркаго пояса исчезло при видѣ пальмъ, вѣчавшихъ высоты этого «Зеленаго мыса». Въ 1446 году Нуньо Триньяло умеръ отъ отравленной стрѣлы туземца по ту сторону Ріо-Гранде; въ продолженіе 1448—81 г. были постепенно открыты португальскими каравелами всѣ девять Азорскихъ острововъ, образующіе цѣпь, длиною въ 85 миль. При королѣ Альфонсѣ V (1438—1481) это рвеніе нѣсколько ослабѣло; въ 1460 г. умеръ инфантъ Генрихъ; совершенныя по его почину и при его поддержкѣ открытія доходили до 9 градусовъ сѣверной широты. Донъ-Хоао, Іоаннъ VI (1481—1495), снова оживилъ дѣло; въ одной изъ снаряженныхъ имъ экспедицій съ цѣлью открытій (1484) находился и нѣмецкій космографъ, Мартинъ Бегаймъ изъ Нюрнберга. Особенно знаменателенъ 1486 г. Пока португальскіе посланцы разыскивали фантастическаго архіепископа Іоанна въ Абиссиніи и Индіи, два корабля подъ командою Бартоломея Диаса отправились извѣстнымъ уже путемъ на югъ, вдоль западнаго берега Африки; около 20 град. южной широты, буря загнала ихъ далеко на юго-западъ; они повернули на востокъ, ища твердой земли, взяли курсъ къ сѣверу и снова не нашли ничего: оказывалось, что они достигли южной оконечности Африки и обогнули ее. Диасъ вернулся назадъ неохотно; мысъ Бурный, «Капо-Торментозо», какъ прозвали мореходы эту южную африканскую оконечность, былъ переименованъ королемъ въ «Капо-да-бонъ-Есперанца», мысъ Доброй Надежды; но онъ былъ посвященъ вторично лишь черезъ десять лѣтъ, когда былъ уже проло-

жень путь къ новымъ открытіямъ, богатымъ своимъ послѣдствіями, но еще не вполне оцѣненный по всему своему достоинству.

Еще ранѣе, именно до 1484 г., одинъ генуэзецъ, Христофоръ Колумбъ, предлагалъ свои услуги королю Хоао, при удивительномъ проектѣ — открыть новый путь въ Китай, какъ называли тогда богатія области Восточной Азіи: путь этотъ долженъ былъ пролегать съ востока на западъ, по Атлантическому океану. Родившись (вѣроятно) въ 1446 г., въ семьѣ ткача шерстяныхъ издѣлій, Колумбъ посвятилъ себя съ раннихъ лѣтъ мореходству; побывалъ уже въ Левантѣ, а затѣмъ доплывалъ и до Исландіи; однако нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы онъ тамъ слышалъ полусказанные преданія о совершенныхъ нѣкогда морскихъ походахъ викинговъ въ страны, лежащія далеко отсюда на Западъ. Но ему, какъ опытному мореходу, казалось вполне сбыточнымъ достиженіе восточныхъ странъ, направляясь на западъ: ученый соотечественникъ его, флорентинецъ Тосканелли, заявлялъ подобную же мысль въ 1474 году. Колумбъ узналъ въ Лиссабонѣ, что и другіе раздѣляли такое предположеніе, но война съ Кастиліей помѣшала выполнить полезный проектъ. Королевская коммиссія, которой было поручено его рассмотреть, нашла его слишкомъ неосмысленнымъ: онъ противорѣчилъ даннымъ тогдашней науки, связанной вѣковыми традиціями. Колумбъ, съ сыномъ своимъ Діего, покинулъ Португалію въ 1484 г. и отправился въ Испанію.

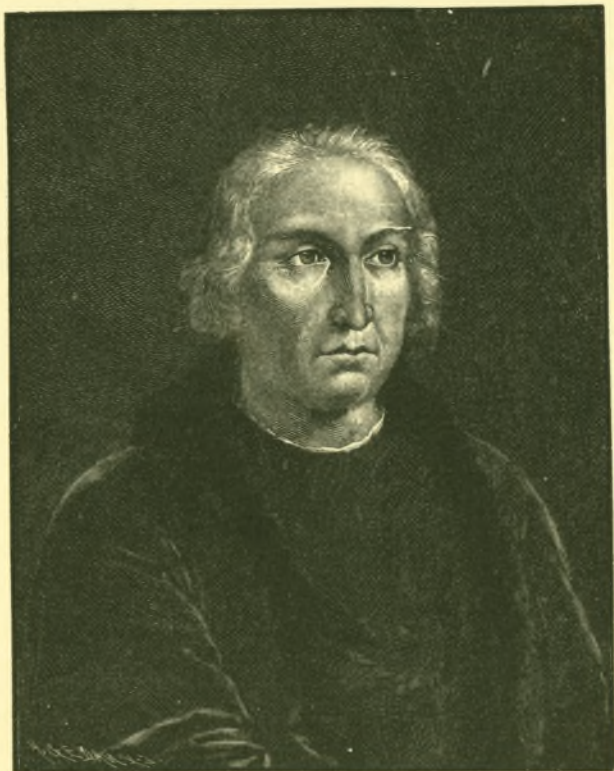
Въ судьбахъ испанскихъ государствъ наступилъ, въ XV вѣкѣ, рѣшительный переворотъ вслѣдствіе одного брака: Донья Изабелла Кастильская, сестра Генриха IV (1454—1474), при которомъ государство было страшно потрясено продолжительною междоусобицею, вступила въ супружество съ Арагонскимъ принцемъ Фердинандомъ въ 1469 г. Съ 1474 г. Изабелла вступила на престолъ Кастильскій; четыре года спустя Фердинандъ сталъ королемъ Арагонскимъ, и хотя оба королевства остались отдѣльными, но личный союзъ правителей положилъ основу единству и, прежде всего, удвоилъ коронную власть.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ государствѣ, правительству удалось обуздать своевластіе дворянства, ослабленнаго постоянными раздорами между знатными фаміліями. Фердинандъ, хитростью и терпѣніемъ, успѣлъ укрѣпить за собою грессмейстерство въ трехъ могущественныхъ рыцарскихъ орденахъ государства, въ то время, какъ Изабелла, женщина рѣдкаго ума и добродѣтели, съ своимъ женскимъ умѣньемъ, привлекла кастильскихъ грандовъ къ занятію должностей при ея дворѣ. Укрѣпленные замки разбойничавшихъ дворянъ были безпощадно разрушены, при чемъ городскія братства, «германдады», оказали большія услуги. Король и королева направили тогда соединенныя силы ихъ владѣній противъ своего общаго стариннаго врага, Мавровъ, которые отстали отъ времени и были раздираемы усобицами. Война продолжалась десять лѣтъ; она не отличалась уже геройскими подвигами временъ Сиды, а велась съ помощью осадъ, новозобрѣтенныхъ орудій и неторопливыхъ тактическихъ пріемовъ противъ не особенно крѣпкой защиты. Такъ падали городъ за городомъ, горныя укрѣпленія одно за другимъ, пока не была взята главная твердыня Мавровъ, Гренада (1492), чѣмъ и окончилась борьба. Это

Колумбъ.

Испанія съ 1454 г.

было минутой блестящаго возвеличенія обоихъ королевствъ и лишь одна тѣнь ложится на картину: не было проявлено никакой пощады къ религіи побѣжденныхъ, не могло быть и рѣчи о малѣйшей вѣротерпимости. Насильственное обращеніе не перерождало, разумѣется, Евреевъ и Мавровъ, поэтому совѣсть испанскаго населенія терзалась мыслью о томъ, что священныя обряды христіанской церкви терпятъ лишь поруганіе, исполняясь людьми, душевно сохраняющими вѣру отцовъ; вслѣдствіе этого, страна могла даже подвергнуться Божіему гнѣву! По этой причинѣ

Предполагаемый портретъ Христофора Колумба.
Въ Морскомъ музеѣ въ Мадридѣ.

инквизиція, установленная для преслѣдованія кощунства и ересей, пользовалась вполне сочувствіемъ народа.

Фердинандъ
и Изабелла.

Планъ генуэзца Колумба, простой и смѣлый, и излагаемый имъ съ пыломъ религіознаго вдохновенія, содержалъ въ себѣ нѣчто плѣнительное для возвышеннаго ума королевы Изабеллы. Въ январѣ 1486 г. Колумбъ былъ принятъ на службу кастильской короны. Но война съ Маврами замедляла всестороннее обсужденіе новаго замысла. Колумбъ рѣшался уже предло-

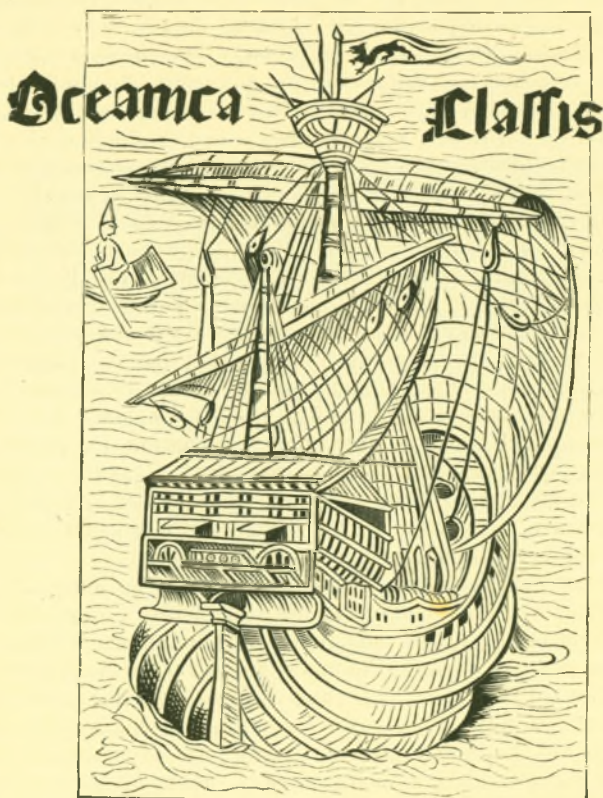
жить свои услуги французскому правительству; братъ его, Бартоломей, находился на службѣ у короля Англійскаго Генриха VII, но новыя настоянія грандовъ, покровителей моряка, заставили королеву поспѣшно призвать его обратно. Она отдала его проектъ на окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе. Переговоры едва не были прерваны безмѣрными требованіями генуэзца. Онъ выговаривалъ себѣ дворянское достоинство, званіе вице-короля и десятую часть съ королевскихъ доходовъ во вновь открытыхъ земляхъ. Колумбъ уже снова направился въ путь, въ Англію или во Францію, когда прозорливые люди успѣли внушить королевѣ, что даже отрицательный результатъ, то-есть доказательство невозможности пробраться этимъ путемъ въ Индію, будетъ уже стоить сдѣланныхъ на то затратъ. Посланецъ, везшій рѣшеніе королевы, нагналъ Колумба уже близъ того мѣста, въ которомъ онъ располагалъ сѣсть на корабль: въ старомъ францисканскомъ монастырѣ, оказавшемъ ему гостепрѣимство. Договоръ былъ заключенъ, и 3 августа 1492 г., изъ гавани Палось вышли три судна съ экипажемъ, состоявшимъ изъ 90 человекъ, подъ начальствомъ адмирала Кристобала Колонъ,—какъ было переначено имя Колумба на испанскій ладъ. При благопріятномъ восточномъ пассатѣ, обольщаясь обманчивыми примѣтами,—птицами, порхавшими вокругъ судовъ, и прочимъ,—мореходы бодро шли впередъ. Экипажъ держался покорно, но, когда было уже пройдено около тысячи миль, въ октябрѣ, смущеніе смѣнилось угрозами, люди находили необходимымъ немедленно возвратиться назадъ, если, вообще, возвращеніе еще было возможно... Но цѣль была уже не далеко. Признаки близости земли умножились, и 11 октября, на «Пинто», шедшемъ впереди, были вытащены изъ воды свѣже-сорванные береговые растенія, колъ и посохъ съ вырѣзаннымъ узоромъ. Въ десять часовъ вечера, самъ Колумбъ увидалъ свѣтъ или огни вдалькѣ, а въ два часа пополудни, въ пятницу, 12 октября 1492 г., на палубѣ «Пинто» пронесся крикъ: «*Tierra! Tierra!*». Раздалась пушечные выстрѣлы. Это былъ островъ Гуангани, одинъ изъ Антильскихъ, берегъ котораго выдавался впередъ, озаренный луннымъ свѣтомъ.

Жители этого острова ходили совершенно нагіе; они доразвились лишь до племенного управленія подъ главенствомъ своихъ кациковъ и жили въ бѣдныхъ деревишкахъ. Поклонялись они идоламъ, имѣли свои игры и пѣсни, своихъ жрецовъ; это было мирное племя, которому угрожало другое, сильнѣйшее и болѣе развитое, наступавшее отъ устьевъ Ореноко. Этому племени, «каралбамъ», не пришлось продолжать своихъ завоеваній на западъ съ появленіемъ здѣсь бѣлыхъ, вооруженныхъ людей, вышедшихъ изъ моря съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и обученными собаками. Остальные Антильскіе острова были открыты случайно, одинъ за другимъ, какъ и Куба, при чемъ Испанцы встрѣчали повсюду роскошнѣйшую растительность, а также золото, которое туземцы отдавали почти задаромъ; но эта легкость добычи не удовлетворяла, а только разжигала корысть, отъ которой не былъ свободенъ и самъ великій Колумбъ. Флотилія воротилась, построивъ небольшое укрѣпленіе и оставя въ немъ маленькій гарнизонъ. 31 марта 1493 г. Колумбъ торжественно вступилъ въ Севилью, откуда отправился ко двору, гдѣ былъ принятъ съ величайшимъ почетомъ.

Открытіе
Новаго
Свѣта. 1492.

Дальнѣйшія
открытія и
судьба Ко-
лумба.

Всѣ оставались пока въ томъ убѣжденіи, что открытые острова лежали у восточнаго берега Азіи. Новая эскадра готовилась въ путь. Между Испаніей и Португаліей завязался споръ: послѣдняя считала открытыя

Испанскіе морскіе корабли изъ временъ открытія Америки.

земли принадлежащими сферѣ ея владычества. Рѣшеніе было предоставлено папѣ Александру VI, который, смѣло раздѣливъ земное полушаріе по одному изъ меридіановъ, отдалъ спорящимъ государствамъ— одному правую, другому лѣвую половину. Въ сентябрѣ 1493 г. выступила въ море вторая эскадра, на которой было не мало дворянъ. Идя въ болѣе южномъ направленіи, нежели первая, она пристала, въ началѣ ноября, къ Гваделупѣ и прошла среди группъ острововъ, пока не поравнялась съ крѣпостью «Навидадъ» на С.-Сальвадорѣ, какъ называлъ Колумбъ первооткрытый имъ островъ. Корабли ждали лодокъ, которыя вышли бы привѣтственно имъ навстрѣчу, но ихъ не было; европейцы вовсе не показывались, а туземцы видимо робѣли. Высажаясь, прибывшіе нашли, вмѣсто крѣпости, одно пожарище; въ высокой травѣ валялись трупы бѣлыхъ. Изъ разсказовъ туземцевъ можно было понять, что оста-

вленный гарнизонъ оскорблялъ жителей самымъ гнуснымъ образомъ; потому эти европейцы перессорились до рѣзни между собою и тогда туземцамъ, какъ болѣе многочисленнымъ, было уже не трудно одолѣть ихъ. Испаніи было не легко удержать за собою эти вновь открытыя земли. Вначалѣ, естественнымъ образомъ, онѣ стоили дорого и потому не пользовались сочувствіемъ въ Испаніи. Адмиралу не прощали то, что онъ оберегаетъ свои «золотыя» привилегіи съ чисто-итальянскимъ барышничествомъ, но въ особенности то, что онъ генуэзецъ, «лигуриецъ». Онъ продолжалъ, однако, свои открытія на Кубѣ и Гаити, познакомился съ страшными бурями, бывающими въ этихъ мѣстностяхъ, заставляя нѣкоторыхъ царьковъ присягать на вѣрность заморской коронѣ; кое-гдѣ туземцы просили крещенія, какъ забавной игры, пока не стали пугаться той мысли, что имъ, вслѣдствіе такого обряда, придется, по смерти, находиться въ одномъ мѣстѣ съ испанскими притѣснителями. Когда Колумбъ воротился въ «Изабеллу» на Гаити, временное средоточіе вновь открытыхъ земель, гдѣ соединился со своимъ братомъ Бартоломео, прибывшимъ въ 1494 г., онъ нашелъ среди поселенцевъ недовольство, распущенность и крайнее злоупотребленіе властью надъ злополучными туземцами, которые, привыкнувъ къ привольной жизни, гибли подъ бременемъ непосильныхъ работъ. Лица, возвратившіяся въ Испанію, изображали положеніе колоніи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, обвиняя во всемъ Колумба, клевета на него, такъ что когда прибылъ на острова приславный дворомъ весьма надменный комиссаръ, Колумбъ счелъ необходимымъ поѣхать въ Испанію, чтобы воротить себѣ блекнувшую королевскую милость.

Прежде нежели онъ отправился въ свою третью поѣздку, въ другомъ пунктѣ былъ уже открытъ американскій материкъ (хотя все еще не признанный материкомъ) двумя венеціанцами, Иоанномъ и Себастьяномъ Каботъ, состоявшими на службѣ Генриха VII, короля Англійскаго. Они подошли, 24 іюня 1497 г., къ берегамъ Лабрадора, подъ 56° сѣверной широты. Англичане и Французы тоже снаряжали морскія экспедиціи на Западъ и скоро столкнулись тамъ случайно съ Испанцами. Колумбъ успѣлъ добиться новаго подтвержденія своихъ привилегій испанской короной, но ему приходилось выдерживать сильную борьбу съ непопулярностью своего предпріятія и онъ могъ пуститься въ свою третью поѣздку, съ шестью судами, лишь въ 1498 г.

Въ этотъ разъ онъ увидѣлъ южно-американскій материкъ, но тоже не принявъ его за континентальную землю, прослѣдовалъ проливомъ Парія, между островомъ Тринидадъ и дельтою Ориноко, потомъ черезъ Драконову пасть вышелъ на западъ, снова въ открытое море, и быстро достигъ тогда Малой Испаніи, — Испаньолы (Гаити). Онъ нашелъ здѣсь половину поселенцевъ погибшими отъ лихорадокъ, остальные, съ главнымъ судьей Ролданомъ во главѣ, взбунтовались противъ Колумба. Они вынудили его къ унизительному для него договору; болѣе же всего пострадали при этомъ туземцы, притѣсняемые, взыски, обѣими сторонами. Разные мелкіе искатели новыхъ земель переплывали за море уже часто; между ними былъ и флорентинецъ Америго Веспуччи, имя котораго, по прихоти судьбы, осталось за новооткрытымъ материкомъ.

Самъ Колумбъ, «открывшій кладбище для испанскихъ гидальго», былъ въ немилости. Онъ не былъ способенъ къ управленію новооткрытой страной. Королева Изабелла, сознавая свои обязанности, какъ христіанской повелительницы новыхъ подданныхъ, скорбѣла о безпощадной торговлѣ людьми, послѣдовавшей за великимъ открытіемъ. На мѣсто была послана слѣдственная коммиссія подѣ предѣдательствомъ Франческо Бобадильи. Приближаясь, въ августѣ 1500 г., къ новому поселку или городу С.-Доминго, онъ увидѣлъ на берегу висѣлицу съ казненными, по приговору Колумба, мятежниками. Самъ Колумбъ былъ въ отсутствіи. Бобадилья принялъ тотчасъ свои мѣры: безъ всякаго дознанія, превышая свои полномочія, но опираясь на непопулярность адмирала, онъ арестовалъ его по его возвращеніи и отослалъ въ оковахъ въ Испанію. При извѣстии объ его прибытіи въ такомъ положеніи, отъ двора былъ тотчасъ отданъ приказъ снять съ него цѣпи, но Колумбъ оставилъ ихъ на себѣ и явился въ нихъ передъ королевской четою, въ декабрѣ 1500 г., въ Гренадѣ. Фердинандъ и Изабелла живо почувствовали оскорбленіе, нанесенное великому, славному имени. Они оказали Колумбу величайшія почести, возобновили привилегіи, но не отправили его болѣе за море въ качествѣ правителя, что возвратило его къ его истинному призванію: открытію новыхъ земель.

Въ маѣ 1502 г. онъ предпринялъ свою четвертую поѣздку съ цѣлью изслѣдованія средне-американскаго перешейка. Колумбъ открылъ здѣсь еще нѣсколько острововъ, приставалъ къ полуострову Юкатану, но терпѣлъ много отъ бурь, отъ сопротивленія своихъ и туземцевъ. Противъ этихъ послѣднихъ онъ воспользовался очень ловко луннымъ затмѣніемъ 29 февраля 1504 г. Увидя, что его угроза начинаетъ сбываться и что блестящій дискъ луны меркнетъ, дикари стали молить о пощадѣ и поспѣшили исполнить всѣ его требованія. Въ ноябрѣ того же года Колумбъ воротился въ Испанію. Его процессъ, — возникшій вслѣдствіе того, что его первоначальныя притязанія не могли осуществиться, — длился еще, когда смерть постигла великаго человѣка въ Вальядолидѣ (1506).

Дальнѣйшія
открытія.
Бальбоа.
1513.

Гордая надпись, уже позднѣе начертанная на его гробницѣ, гласитъ:

«A Castilla y a Leon
Nuevo mundo dió Colon».

«Государствамъ Кастиліи и Леонъ
даровалъ новый міръ Колонъ».

и свидѣтельствуетъ о всемірно-исторической заслугѣ Колумба, не признанной имъ самимъ: онъ сошелъ въ могилу съ той мыслью, что открылъ путь моремъ въ Индію, восточную окраину Азіи, благодаря своему странствію съ Востока на Западъ. Сознаніе того, что былъ найденъ дѣйствительно новый материкъ, по-истинѣ «Новый Свѣтъ», предстояло еще впереди. Это суждено было сдѣлать одному кастильцу, хорошаго, но не знатнаго происхожденія, Васко Нуньесу Бальбоа, который участвовалъ въ морскомъ отрядѣ, отправленномъ для новыхъ открытій, но устроилъ заговоръ, отдѣлился, во главѣ шайки искателей приключеній, по прибытіи въ Дарійскій заливъ, и низложилъ тамъ намѣстника Никуезу, слѣдовательно, совершилъ преступленіе государственное. Туземцы этой части Панамскаго перешейка, прилегающей къ Южной Америкѣ, стояли на высшей степеніи нравственнаго развитія, нежели жители Антильскихъ и Каранб-

ских острововъ. При одномъ изъ многочисленныхъ походовъ Бальбоа, одинъ изъ туземныхъ властителей сказалъ ему: «Съ той горы можно увидѣть и другое море», указывая при этомъ на одну изъ вершинъ горнаго хребта Центральной Америки, служащаго продолженіемъ Кордильеровъ. Бальбоа, съ отрядомъ изъ 190 испанцевъ и 600 туземцевъ, пустился въ экспедицію 1 сентября 1513 г., и 25 числа, достигнувъ одной изъ безлѣсныхъ высотъ, увидѣлъ извилистый заливъ другого великаго моря, Тихаго океана. Подавленный величіемъ картины, онъ упалъ на колѣни, благодаря Бога, сподобившаго его, ничтожнаго человѣка, даже неблаго-роднаго происхожденія, совершить столь многозначительное открытіе. Отрядъ спустился къ берегу, при чемъ могъ наблюдать морской приливъ и отливъ. Бальбоа прошелъ въ бродъ, по колѣно въ водѣ, держа знамя съ изображеніемъ Св. Дѣвы съ Младенцемъ Иисусомъ на рукахъ, и призналъ, именемъ испанской короны, — какъ выражается одна лѣтопись, — «господство Испаніи надъ этими южными морями, землями, берегами, гаванями и островами, со всѣми принадлежностями и округами». За все это Бальбоа, по прибытіи въ Испанію, было прощено его государственное преступленіе; тѣмъ не менѣе, Бальбоа умеръ насильственной смертью, благодаря коварству одного намѣстника, Педраріи: онъ былъ казненъ въ іюнѣ 1517.

Великія открытія Испанцевъ пробудили, понятнымъ образомъ, и соревнованіе Португальцевъ, которые обратились, прежде всего, къ дальнѣйшему изслѣдованію западныхъ береговъ Африки. Высланный королемъ Эмануиломъ (1495—1521) три судна подъ начальствомъ *Васко-де-Гама*, вышли въ море 8 іюля 1497 г. Въ маѣ 1498 г., съ помощью арабскаго лоцмана и благопріятнаго юго-западнаго муссона, Васко достигъ Калькуты, на Малабарскомъ берегу; но арабы, съ вліяніемъ которыхъ ему приходилось бороться въ продолженіе всего пути, имѣли большой вѣсъ при дворѣ тамошняго раджи и крайне повредили Португальцамъ, хотя Васко обнаружилъ большую твердость. Во всякомъ случаѣ, путь былъ открытъ и скоро «ференги» смогли одолѣть своихъ арабскихъ соперниковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что одинъ изъ португальскихъ капитановъ, Педральваресъ Кабраль, слѣдуя этимъ новымъ морскимъ путемъ въ Остъ-Индію и держа изъ Европы на Западъ, видѣлъ землю, — восточный берегъ южно-американскаго материка, именно то мѣсто, гдѣ теперь Санта-Круцъ въ Бразиліи (1500). Вооруженныя кушеческія суда привозили изъ вновь открытыхъ земель прибыльные грузы пряностей. Это время было героическимъ въ жизни Португаліи, эпохою великихъ воиновъ и мореплавателей, каковы были: Дуарте Пахеко, донъ-Франциско д'Алмейда, Альфонсо Альбукерке (1510). При Альбукерке Португальцы утвердились въ Гоа и захватили также Ормуздъ, служившій ключомъ къ Персидскому заливу. Ихъ флотилии поднимались вверхъ по Черному морю и овладѣли, такимъ образомъ, торговлею съ Эіопією и Индіей. Александрія, какъ и всѣ области при Средиземномъ морѣ, ощутила послѣдствія отъ проложенія новаго торговаго пути; но во время одной изъ своихъ экспедицій (1521) Португальцы узнали отъ явскаго морскаго торговца, что на Молуккскихъ островахъ, составляющихъ неоспоримо португальскія владѣнія, появились другіе европейцы, прибывшіе «съ востока».

Васко де-Гама. 1498.

Магеланъ.
1551.

Такъ и было дѣйствительно: туда прибыли суда Фернандо Магелана, который, хотя португалецъ родомъ, представилъ на видъ испанскому двору, что Молуккскіе острова лежали по сю сторону испанско-португальской раздѣльной линіи, проведенной папою, слѣдовательно, въ испанской сферѣ владѣнія. Онъ вышелъ въ море въ сентябрѣ 1519 г., продолжалъ путь, борясь съ сопротивленіемъ своихъ подчиненныхъ, но спукался все болѣе и болѣе къ югу, вдоль восточнаго берега Южной Америки, и достигъ, наконецъ, того пролива, который носитъ, съ тѣхъ поръ, его имя, и дѣлится, къ западу, на множество проходовъ среди скалъ. Подвигаться впередъ можно было лишь ощупью, люди на судахъ унывали, потому что одно изъ нихъ сѣло на мель, но Магеланъ не терялъ бодрости и, 27 ноябрю, нашелъ выходъ въ Тихій океанъ. Суда пошли далѣе, почти по окраинѣ Австраліискаго архипелага, но не замѣчая его; въ апрѣлѣ 1522 г. они достигли Молуккскихъ острововъ. Магеланъ заставилъ здѣсь одного туземнаго царька признать своимъ владыкою Испанскаго короля Карла I, бывшаго и императоромъ Римскимъ, и принять христіанство, но самъ былъ сраженъ копьемъ въ битвѣ съ туземцами. Однакоже онъ совершилъ свое дѣло: 6 сентября 1522 г. тринадцать европейцевъ, участниковъ его экспедиціи, съ тремя азіатами, прибыли въ гавань Санъ-Лукаръ де-Баромеда. Босые и въ однихъ рубахахъ совершили они паломничество въ Севильскій соборъ, для принесенія Господу благодаренія за то, что онъ допустилъ ихъ къ довершенію великаго подвига: перваго кругосвѣтнаго путешествія. Громадное значеніе этихъ событій для дальнѣйшей исторіи человѣчества слишкомъ очевидно, и поэтому часто тотъ годъ, въ который Колумбъ осуществилъ свое намѣреніе: отыскать восточный берегъ Азіи своимъ плаваніемъ черезъ Атлантическій океанъ съ запада на востокъ, и тѣмъ открылъ еще одну часть свѣта, или, какъ принято говорить, «Новый Свѣтъ»,—этотъ годъ, 1492, принимается за исходную точку «Новой исторіи». Но, въ сознаніи того времени, эти событія, несмотря на всю свою важность, не могли имѣть такого значенія. Даже два столѣтія спустя, высокообразованные нѣмцы говорятъ еще объ открытомъ «Новомъ Свѣтѣ» въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ о «новомъ островѣ», и сильное общее возрожденіе въ XVI столѣтіи находится въ полной независимости отъ этихъ событій. Оба государства, Испанія и Португалія, совершившія эти открытія, не внесли своей лепты въ подготавливавшійся умственный переворотъ, несмотря на всю многозначительность совпаденія этихъ открытій новыхъ земель съ пробужденіемъ новаго духа. Чтобы понять это послѣднее, намъ необходимо бросить взглядъ на Италію,—страну, которая, несмотря на громадный прогрессъ всѣхъ государствъ, въ теченіе послѣдняго человѣческаго поколѣнія, оставалась центромъ умственнаго движенія среди европейскихъ народовъ.

5. Италія и папство.

Италія.

Политическое представленіе Римскаго государства, бывшаго въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ выраженіемъ нравственной общности и солидарности европейскихъ культурныхъ народовъ, было тѣсно связано съ самою

Италіей. Императорскій титулъ,—бывшій все еще сущностью, благомъ желаннымъ и достойнымъ домогательства,—могъ быть все-же полученъ только въ этой странѣ, въ древней столицѣ имперіи, Римѣ. И то состоя въ союзѣ, то въ борьбѣ съ императорскою властью, но нерасторжимо связанное съ нею и болѣе сильное, нежели она, какъ-бы сросшееся съ Италіей, несмотря на свои всемірныя притязанія, укоренилось здѣсь папство. Какъ ни были ослаблены, расшатаны, искажены эти обѣ власти, все же онѣ были столпами, на которыхъ покоилось общественное зданіе этой эпохи. Но сами эти великія силы или имена были причиной того, что Италія была далека отъ того политическаго единства, котораго, болѣе или менѣе, достигли Франція, Англія, Испанія, Венгрія, Скандинавія, въ нѣкоторомъ смыслѣ и Германія, къ концу Среднихъ вѣковъ. Италія же въ это время была даже далѣе отъ такой цѣли, нежели въ V или VI столѣтіи. Какъ бы созданная самою природою для образованія одного національнаго государства, эта страна, состоящая изъ узкаго полуострова, отрѣзаннаго отъ общей массы материка высокими горами, съ однимъ горнымъ хребтомъ вдоль всего ея протяженія, одаренная однообразіемъ почвы и климата,—эта страна была, по современному намъ мѣткому выраженію, только географическимъ, а не политическимъ понятіемъ.

При невозможности изложить подробно весьма любопытныя частности политической исторіи Италіи, необходимо ограничиться нѣсколькими краткими указаніями. Принятое дѣленіе страны на Верхнюю, Среднюю и Нижнюю Италію весьма основательно и удачно. Изъ нихъ «Верхняя» умѣла пріобрѣсть наибольшую индивидуальность. Ея исторія, въ послѣдній періодъ Среднихъ вѣковъ, преимущественно городекая: она содержитъ въ себѣ развитіе, войны, борьбу за полновластіе знаменитыхъ муниципій: Милана, Венеціи, Генуи, Пизы и другихъ. Между ними, Венеція, господствовавшая на Адриатическомъ морѣ, и Генуя, главный городъ на морѣ Тирренскомъ, сохранили республиканскій образъ правленія, украсивъ его монархическимъ фронтономъ: учрежденіемъ дожей. Обѣ эти республики враждовали изъ-за торговли въ восточныхъ водахъ и вели между собою ожесточенныя войны. Венеція пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ въ 1381 г., но владычество Османовъ и открытіе новыхъ путей сообщенія повредили ей, вслѣдствіе ея положенія, болѣе, нежели Генуѣ, что возстановило равновѣсіе силъ между ними. Строй Венеціи установился въ строго аристократическомъ духѣ, съ тѣхъ поръ какъ кругъ патриціанскихъ фамилій, изъ которыхъ выбирался членъ совѣта, «*il maggior consiglio*», сдѣлался замкнутымъ; и эта аристократія, подвергая себя и народъ изощренному полицейскому управленію, создала, въ то же время, устойчивый и ненарушимый порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, и тѣмъ положила основу продолжительному матеріальному благосостоянію республики.

Иначе шли дѣла въ Генуѣ, внутренняя исторія которой представляетъ бурную смѣну войнъ, анархіи, вассальнаго подчиненія другимъ державамъ или полнаго пораженія имъ, изумляя при этомъ возрастающимъ постоянно благосостояніемъ своимъ, среди всѣхъ этихъ волненій. Большое финансовое учрежденіе, «банкъ Св. Георгія», основанный въ 1407 г., оставался неизбѣлемымъ достояніемъ города, не затрогивался ни одною партіей при все-

Верхняя
Италія.
Венеція.

Генуя.

возможныхъ переворотахъ. Въ Миланѣ и Флоренціи дѣла или другимъ путемъ: изъ военныхъ и гражданскихъ смуть здѣсь выработался мовархическій строй государства.

Миланъ.

Въ Миланѣ самую могущественною была фамилія Висконти, послѣ того, какъ ей удалось одержать верхъ надъ соперничавшимъ съ нею домомъ Делла-Торре. Такъ какъ Миланъ былъ имперскимъ леномъ, то патриціи сохраняли сношенія съ главой государства и король Венцель возвелъ Джіованни Галеаццо Висконти въ санъ герцога Миланскаго, т.-е. Ломбардскаго. Галеаццо питалъ самыя честолюбивыя замыслы; но его преемники, Джіованни-Марія и Филиппъ-Марія, удержали съ трудомъ за собою свои владѣнія. При войнахъ Милана съ Венеціей или Флоренціей битвъ было много, но съ незначительнымъ пролитіемъ крови, потому что «боевые ремесленники», то-есть наемники, подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ (иначе «подрядчиковъ» или кондотьеровъ), вели сраженіе наподобіе большихъ маневровъ: они бились безъ всякой враждебности, условливались не убивать другъ друга, а только брать въ плѣнъ. Но они служили страшною язвою для населенія и становились опасны для самихъ правительствъ, которыя ихъ нанимали. Всѣмъэтимъ доказывалось еще разъ, что республиканскій строй государства не можетъ удержаться тамъ, гдѣ граждане, ведущіе уже болѣе утонченный образъ жизни, не способны сами браться за оружіе. Такимъ образомъ послѣднему изъ Висконти былъ одинаково и необходимъ, и страшенъ знаменитый кондотьеръ Франческо Сфорца, сынъ простаго крестьянина. Висконти былъ вынужденъ отдать свою дочь въ супруги этому грозному вождю, а когда умеръ Филиппъ-Марія (1447), не оставивъ мужскихъ наслѣдниковъ, Сфорца легко нашелъ средство утвердить за собою тиранію, которую

Медаль съ изображеніемъ Іоанна Галеаццо Висконти.
Королевскій монетъ-кабинетъ въ Берлинѣ.

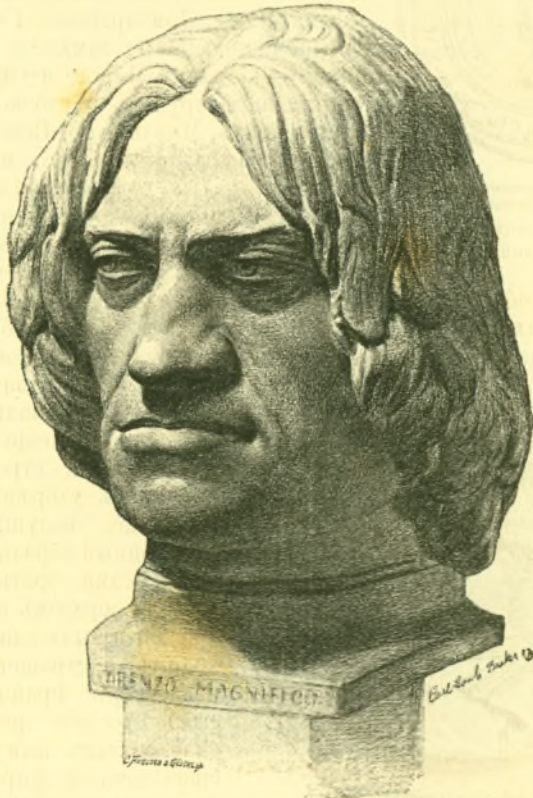

Франческо Сфорца.
Съ медали, работы Сперандіо, въ королевскомъ музеѣ въ Берлинѣ.

передалъ потомъ своему сыну Галеаццо-Маріи, въ 1466 г., а этотъ, павъ жертвою заговора въ 1476 г., оставилъ ее своему сыну Джіованни Галеаццо. Обыкновенное зло при подобныхъ владычествахъ, опирающихся на одно насліе, не замедлило проявиться. Дядя малолѣтняго Джіованни,

Людовико Моро, устранилъ племянника, но погибъ среди поднятой имъ смуты, и герцогство осталось яблокомъ раздора между французской и австрійской короной.

Тираниа Медичисовъ, установившаяся во Флоренціи одновременно съ водвореніемъ Сфорца въ Миланъ, представляетъ рѣзкую противоположность съ основаніемъ монархическаго строя и герцогской династіи въ Ломбардіи. Въ Тосканіи, городъ Флоренція опередилъ на поприщѣ торговли, фабричнаго производства и военной организаціи прочіе города и владѣнія въ области, въ которой имперская власть не имѣла уже никакого вліянія.

Лоренцо Медичи (II Magnifico).

Терракотовый бюстъ флорентинскаго мастера, около 1490 г. (Снять съ гипсового слѣпка, находящагося въ королевскомъ музѣ въ Берлинѣ).

Городомъ правили богатые купцы и въ немъ, съ 1250 г. по начавшееся уже XV столѣтіе, не прекращались ожесточеннѣйшія междоусобія. Въ этой борьбѣ «Бѣлыхъ» и «Черныхъ», послѣ всевозможныхъ ея видоизмѣненій, побѣда осталась за демократіей, за цехами; при водвореніи нѣкотораго спокойствія, управленіе перешло въ руки богатыхъ купцовъ, и одинъ изъ этихъ

золотыхъ царьковъ, Косма Медичи (1434—1469), пользовался, не выходя изъ республиканскихъ формъ правленія, настоящею монархическою властью. Флоренція была, подобно Афинамъ при Периклѣ, демократіею по имени, на дѣлѣ же управлялась единовластно однимъ гражданиномъ. Самымъ замѣчательнымъ въ этой фамиліи былъ Лоренцо (1479—1492), названный «Великолѣпнымъ», но которому воздается лучшая и заслуженная почесть ходячимъ выраженіемъ, присвоеннымъ самому его вѣку, носящему имя «вѣка Медичи». Съ помощью своего колоссальнаго богатства и повинуваясь дѣйствительному влеченію, Лоренцо собиралъ вокругъ себя и поощрялъ все, что способствовало научнымъ и художественнымъ стремленіямъ прогрессивной эпохи. При этомъ, онъ правилъ разумно и искусно вель республику—или свое княжество—среди опасностей, грозившихъ ей при не-

Савонарола.

Бюстъ въ церкви Св. Марка во Флоренціи.

роламо Савонаролы, который пріобрѣлъ, съ 1489 г., какъ истый проповѣдникъ покаянія, огромное вліяніе на народъ. Послѣ паденія властвовавшего дома, онъ, помимо своего желанія, былъ поставленъ во главѣ республики, но продолжалъ свою проповѣдь о нравственномъ возрожденіи съ неуклонною строгостью. Однакоже неудача военнаго похода Французскаго короля Карла VIII, отъ котораго Савонарола ожидалъ церковной реформы и полнаго возрожденія общества въ самомъ лучшемъ нравствен-

устойчивомъ положеніи дѣлѣ въ Италіи. Но уже вскорѣ по его смерти стало явнымъ, до чего была шатка основа такой власти. Онъ самъ едва спасся при томъ заговорѣ, жертвою котораго палъ его братъ, Юліанъ,—причемъ весьма характерно обрисовываетъ современную Италію то обстоятельство, что нападеніе совершено было въ церкви, во время литургіи. Сынъ Космы, Піетро, былъ изгнанъ со всѣмъ своимъ родомъ. Наступившій за этимъ изгнаніемъ демократическій періодъ ознаменованъ своеобразною пророческою дѣятельностью доминиканскаго монаха, Джи-

номъ смыслѣ—поколебала его положеніе; папа отлучилъ его отъ Церкви, чѣмъ Савонарола пренебрегъ. При поворотѣ народнаго настроенія, онъ былъ схваченъ и осужденъ папою, какъ еретикъ, а синьоріей—какъ мятежникъ, и сожженъ на кострѣ (1498). Но долго еще потомъ въ чисто-католическихъ кругахъ и, въ особенности, среди доминиканскаго ордена, онъ слылъ мученикомъ за истину. Въ 1512 году Медичи воротились опять и звѣзда ихъ еще долго не угасала.

На полуостровѣ образовались лишь два государства съ пространною территоріей и сулившія прочность: королевство Неаполитанское и Церковная область.

Честолюбивые замыслы принцевъ французской династіи, услуживавшихъ папѣ въ его мести противъ Штауфеновъ, не осуществились на дѣлѣ. Мы уже видѣли, какъ скоро отторглась Сицилія; попытки возвратить ее были неудачны; въ ней держались принцы изъ Арагонскаго дома и, по смерти Мартина II (1410), островъ соединился съ арагонскою короною личною уніей: короли арагонскіе состояли и королями сицилійскими, начиная съ Фердинанда I. Отдаленный островъ не имѣлъ болѣе значенія для всемірной исторіи. Славные дни его прошли со времянь Генриха VI и Фридриха II, сохраняясь только надолго въ народной памяти, и королевство Неаполитанское, лишенное своего естественнаго дополненія, было обречено тоже на подчиненную роль. Исторія этой страны не представляетъ никакого общаго интереса. При прекращеніи мужской линіи въ домѣ Анжу, послѣднему королю, Роберту, наслѣдовала его внука, Іоанна, страшная женщина, вышедшая за Венгерскаго короля Андрея, который былъ вскорѣ задушенъ, по ея повелѣнію, послѣ чего она раздѣляла его престоль со вторымъ, третьимъ и четвертымъ супругомъ. Возникавшія среди этого смуты, въ которыхъ принимали участіе паны, венгерскіе короли и французскіе Анжу, принадлежать лишь къ исторіи самихъ правителей; доказывать же, что страна бѣдствуетъ, переходя изъ рукъ въ руки, въ теченіе цѣлаго поколѣнія, благодаря борьбѣ и интригамъ высшихъ лицъ, было-бы излишнимъ.

Въ 1400 г. королемъ Неаполитанскимъ сталъ Ладиславъ, сынъ короля Венгерскаго, Карла III; послѣ его смерти, страну постигла вновь бѣдственная участь: наслѣдницей Ладислава была сестра его, вторая Іоанна, не уступавшая первой въ развратѣ и злодѣйствахъ. Въ 1421 г. она усыновила короля Арагонскаго, Альфонса V, но, по ея смерти (1438), ему пришлось отвоевать королевство у Рене Анжуйскаго, котораго она предпочла позднѣе. Альфонсъ одержалъ верхъ; въ 1458 г. онъ оставилъ престоль своему побочному сыну, Фердинанду I (до 1494); затѣмъ, слѣдовали попытки Французовъ, вторженія Карла VIII и Людовика XII; закончились эти войны миромъ (1505) между Людовикомъ XII и Арагонскимъ королемъ Фердинандомъ Католическимъ; по обоюдному договору, Фердинандъ, женившійся на племянницѣ Французскаго короля, получалъ Неаполь, который, вслѣдствіе этого, объединялся снова съ Сициліей подъ одною короною:

Что касается Церковной области, то преимущественный интересъ ея исторіи заключается въ ея непосредственной связи съ развитіемъ самого

Сицилія и
Неаполь.

Церковная
область.

папства. Къ концу XV столѣтія, владѣнія Церкви весьма расширились, но никакъ не представляли еще силошной, округленной территоріи, и государству не доставало перваго условія прочности, сообщаемой другямъ странамъ опредѣленной династіей, царственнымъ домомъ, интересы котораго, — каковы бы ни были отклоненія отъ этого въ отдѣльныхъ случаяхъ, — всегда совпадаютъ, въ общихъ и главныхъ чертахъ своихъ, съ народными интересами. Главы Церкви, достигавшіе власти, большею частью, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, притомъ быстро смѣнявшіеся, не видѣли личной цѣли въ странѣ и ея благосостояніи: она принадлежала не имъ, а Церкви. При духовномъ характерѣ главы государства, правительство и администрація были тоже въ рукахъ клериковъ, слѣдовательно, дѣла велись плохо, безъ соображенія съ мірскими интересами и съ точки зрѣнія крайне односторонней. Папскіе намѣстники, присылаемые изъ Авиньона во время «пльненія вавилонскаго», справлялись не безъ труда съ произволомъ отдѣльных правителей, «тирановъ», которыми дѣлались охотно, пользуясь случаемъ, честолюбивые и властолюбивые патриціи. Въ самомъ Римѣ, между 1346 и 1354 г., разыгрался странный эпизодъ трибунства Колы Ріенци, и во время великой схизмы, трудно было рѣшить, кому собственно принадлежить Римъ. Послѣ кризиса, которымъ разрѣшилось соборное движеніе, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ папства, упрочилось и положеніе Рима и прочихъ владѣній Св. Петра. Управление страной было снова признано за обязанность, выступающую тѣмъ сильнѣе на первый планъ, чѣмъ болѣе все, послѣ крушенія великаго движенія на пользу церковной реформы, начинало принимать существенно-мірской характеръ: люди, въ особенности принадлежащіе къ высшимъ сферамъ, руководились единственно свѣтскими побужденіями: приобрѣтеніемъ земель, денегъ, упоеніемъ власти и богатствомъ.

Папы, занимавшіе римскій престолъ со временъ Пія II и до рокового 1517 года, слѣдовали всѣ этому мірскому направленію. Они признавали себя государями, заботились о пристроеніи своихъ родственниковъ, — которымъ придавалась теперь, съ новымъ примѣненіемъ многозначущаго латинскаго слова, кличка «непотовъ», — и пользовались для этой цѣли своею духовною властью, какъ другіе государи — географическимъ положеніемъ своихъ земель или другимъ какимъ-либо преимуществомъ. Такъ дѣйствовали, въ особенности, Сикстъ VI (1477—1484), Александръ VI (1492—1503), Юлій II (до 1513), Левъ X (съ 1513). Сикстъ замышлялъ основать княжество для своего племянника и яростно преслѣдовалъ противившихся тому; а то, что совершалось при Александрѣ VI, было басней всего вѣка. Онъ былъ уже старикомъ, когда достигнулъ папскаго престола, и оглядываясь теперь на свою прошлую

Папы съ
1471 г.

Папа Александръ VI.

Портретъ на медали въ королевскомъ
монетъ-кабинетѣ въ Берлинѣ.

жизнь, полную порочных наслаждений, старался особенно об обезпеченіи своихъ дѣтей. Сынъ его, Цезарь Борджіа, облегчилъ ему эту заботу, убивъ своего брата и бросивъ его въ Тибръ, что было лишь началомъ цѣлаго ряда преступленій, совершенныхъ этимъ чудовищнымъ человѣкомъ. Цезарь былъ красавецъ, одаренный физической силой, но убивавшій каждаго врага такъ же беззащитно, какъ какую-нибудь муху. Даже присутствіе его отца, папы, не служило охраной для лицъ, которыхъ онъ хотѣлъ уничтожить, — и вся эта отвратительная семья дѣйствовала ядомъ и кинжаломъ, какъ исполнѣ законными правительственными средствами, — и даже самому папѣ пришлось умереть отъ яда, приготовленнаго имъ для врага. Убіиства были лишь однимъ видомъ тѣхъ преступленій, которыми былъ запятнанъ домъ Борджіевъ; объ остальныхъ можно догадываться по одному тому, что поводомъ къ убійству одного брата другимъ было то, что тотъ пользовался большимъ расположеніемъ ихъ общей сестры. Юлій II не прибѣгалъ къ столь насильственнымъ средствамъ для расширенія церковныхъ владѣній и обезпеченія своихъ родственниковъ; но и его правленіе отличалось чисто мірскимъ направленіемъ. Онъ самъ совершалъ походы со своимъ войскомъ; правилъ умѣло, но при немъ все духовное прониклось еще болѣе мірскимъ направленіемъ; характернымъ проявленіемъ новаго духа, господствовавшего теперь при папскомъ дворѣ, служить то, что Юлій II не усомнился сломать половину базилики Св. Петра, этой древней святыни христіанства, ради того, чтобы доставить своимъ художникамъ желанную возможность воздвигнуть зданіе въ стилѣ древняго Пантеона. Папскій дворъ при Медичисѣ, Львѣ X, производилъ исполнѣ впечатлѣніе придворнаго штата мірскаго владыки, хотя здѣсь не было уже ничего, подобнаго разврату временъ Борджіевъ. Высокодаровитый Левъ X находилъ удовольствіе въ покровительствѣ искусствамъ, представители которыхъ поклонялись ему, какъ многостороннему знатоку художествъ. Онъ умѣлъ цѣнить государственную мудрость, живопись, музыку, поэзію и поддерживалъ личныя сношенія съ Маккіавелли, Рафаэлемъ, Аріостомъ; ему не были чужды и другія царственныя удовольствія: охота на оленя, или съ соколами на цаплей, или рыбная ловля. Можно съ полнымъ правомъ говорить о «вѣкѣ Льва X», какъ объ эпохѣ, въ которую духъ древняго искусства и его человѣчно-ясной, свободной поэзіи и науки возрождался вновь, находя отзвѣвъ въ душѣ достойнаго, щедрого, добродушнаго папы; но отъ того христіанскаго духа, который былъ заложенъ въ основу папства въ старое время, или на который ссылаются, радуя на пользу этого учрежденія, мы уже не находимъ здѣсь, въ сущности, никакого слѣда.

Но изумительно, что авторитетъ папъ, какъ главъ Церкви, терялъ крайне мало среди впечатлѣній, которыя должны были вызываться такимъ мірскимъ направленіемъ папства. Развратный Александръ VI могъ, какъ упомянуто выше, подарить своею буллою 1493 г., — въ силу власти Всемогущаго Бога, переданной папамъ черезъ Св. Петра, и въ силу его, папы, права, какъ намѣтника Христова, «въ твердомъ сознаніи и въ полномъ апостольской власти», — одну половину міра Испаніи, а другую Португаліи; и самыя великія открытія возвысили еще папскій авторитетъ,

Гуманизмъ.

предоставляя Церкви новое, необъятное поприще для обращенія народовъ въ христіанство и заявленія своего могущества. Дѣйствительно, папскій авторитетъ усилился, или казался усилившимся болѣе прежняго, и его былая сфера оставалась незатронутой. Часто указывается на то, что при вновь

Пала Юлій II.

По картинѣ Рафаэля Салціо въ палаццо Питти во Флоренціи.

пробудившемся стремленіи къ изученію древнихъ классиковъ, давно уже зародившемся въ Италиі, а теперь получившемъ новую опору въ ученыхъ грекахъ, бѣжавшихъ на Западъ со своимъ знаніемъ и своими рукописями, послѣ рокового 1453 года, былъ совершенъ великій шагъ къ освобожденію человѣческаго ума отъ гнета церковныхъ предрассудковъ и слѣпой вѣры въ авторитетъ:—этимъ изученіемъ было подрѣзано въ корнѣ могучее древо папскаго владычества; говорятъ, что возрожденіе классицизма, распространеніе школы, основаніе академій, а затѣмъ великое, обильное своими послѣдствіями, изобрѣтеніе книгопечатанія подвижными металлическими литерами, лишили духовенство его привилегіи быть единственнымъ источникомъ и посредникомъ въ распространеніи знаній среди интеллигентныхъ мірянъ. Справедливо, что гуманизмъ, какъ принято называть это новое жизненное явленіе, оказался вліятельнымъ въ этомъ отношеніи. Но совершенно ошибочно думать, что гуманизмъ, самъ по себѣ, могъ представлять опасность для старой Церкви; столь же мало могъ онъ вредить ей, какъ могло вредить, само по себѣ, изобрѣтеніе книгопечатанія. Изобрѣтенія, какъ книгопечатаніе или порохъ, не представляютъ сами по себѣ прогресса, но служатъ лишь новыми средствами, новыми двигателями для преуспѣвающаго ума человѣческаго. Книгопечатный станокъ, какъ и паровая машина, могутъ быть орудіями какъ истины, такъ и лжи, какъ добра, такъ и зла. Изученіе древности имѣло громадное, частью отуманивающее дѣйствіе: весьма часто возродившіяся языческія представленія примѣшивались непосредственно къ христіанскому міровоззрѣнію; такъ, напр., великій Данте не усомняется говорить о «верховномъ Юпитерѣ» (*sommo Giove*), претерпѣвшемъ за насъ на землѣ крестную смерть; Боккаччо также спокойно зоветъ Христа сыномъ Юпитера, но такое воздѣйствіе было слишкомъ слабо съ одной стороны, а съ другой—оно слишкомъ уклонялось отъ религіозной почвы, на которой одной только, въ сущности, могла совершиться дѣйствительная реформа европейскаго общества. Въ Италиі, именно, полное невѣріе считалось въ нѣкоторыхъ кругахъ, особенно высшихъ, принадлежностью хорошаго тона. Въ другихъ странахъ, тоже и на Сѣверѣ, охладѣлъ, по крайней мѣрѣ, интересъ къ церковнымъ и религіознымъ вопросамъ. Люди жили уже не въ томъ мірѣ вѣры, въ какомъ находились во времена Бонифація и Бернара Клервосскаго. Вся современная атмосфера была насыщена критическими, оппозиціонными элементами; лица, вкусившія новаго образованія, смотрѣли съ безконечнымъ презрѣніемъ на погрязшихъ во тьмѣ, схоластически-обученныхъ или вышколенныхъ въ такомъ духѣ. На нихъ, державшихся старья, сыпались остроты и насмѣшки. Но міръ не сталъ свободнѣе отъ того, что издѣвался надъ своими цѣпями. Всѣ остерегались доводить свою оппозицію до риска сломать себѣ шею, помня, что четыре первые десятилѣтія XV вѣка доказали, до чего могущественно еще папство, и конецъ гусситской революціи вселялъ страхъ въ оппозиціонные элементы. Не прекращавшіяся или возобновляемые финансовыя вымогательства возбуждали однакоже негодованіе; неизлѣчимыя язвы среди духовенства вызывали осужденіе или смѣхъ, смотря по расположенію лицъ, но общество, вообще, предпочитало только тѣшиться розказнями о безобразіяхъ, происходившихъ въ

мужскихъ и женскихъ монастыряхъ, при чемъ, разумѣется, лишь часть этихъ сплетенъ была достовѣрною. Всѣ мирились съ существовавшимъ порядкомъ вещей, обычнымъ, заведеннымъ поколѣньемъ вѣка. Трусость и полудожь въ отношеніи церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ, подлаживаніе, компромиссы, при полномъ внутреннемъ индифферентизмѣ,—все это знаменовало ту эпоху, какъ служить теперь знаменіемъ и нашей. Во всѣхъ матеріальныхъ сторонахъ жизни эта эпоха,—вторая половина XV столѣтія,—дѣлала громадные успѣхи. Всѣ человѣческіе интересы направлялись сюда; благосостояніе возрастало повсюду, а вмѣстѣ съ нимъ жажда наслажденій и роскоши. Можно было позволять себѣ все и затѣмъ примиряться со своею совѣстью посредствомъ пожертвованія или какого-либо другого добраго дѣла въ духѣ господствовавшихъ церковныхъ понятій, отлично приспособленныхъ къ дѣламъ такого рода.

Мартинъ
Лютеръ.

Въ общемъ, правящіе общественные классы того времени,—государи и высшее духовенство съ его свитой,—совершенно удовлетворились, по видимому, существовавшимъ положеніемъ вещей, для нихъ, дѣйствительно, выгоднымъ. Никому не могло придти на мысль, что весьма ничтожное, по вѣщности, обстоятельство,—споръ между монахами, просто повздорившими, какъ казалось, въ небольшомъ нѣмецкомъ университетѣ, именно самомъ младшемъ изъ нихъ, Виттенбергскомъ, на Эльбѣ,—послужитъ къ совершенному перевороту европейскаго общества черезъ малое число лѣтъ. Между тѣмъ, это совершилось: при папахъ Александрѣ VI и Юліи II, въ одномъ изъ тюрингенскихъ монастырей выросталъ юноша, принявшій къ сердцу дѣло христіанства. Онъ былъ незнакомъ съ мірскими тревоженіями, не зналъ политики и степени того участія, которое принимаетъ въ ней Церковь. Въ то время, какъ слова Древняго и Новаго Завета являлись лишь во вѣщномъ смыслѣ, какъ изреченія или подтвердительные тексты для такихъ дѣяній, которыя не имѣли ничего общаго съ истиннымъ дѣломъ Христовымъ,—слово Господне, Священное Писаніе, какъ нѣчто цѣлое, вмѣщающее духъ Христова ученія, тронуло душу искренняго и твердаго человѣка. Этотъ августинскій монахъ, Мартинъ Лютеръ, сынъ тюрингенскаго горнорабочаго, выступилъ со всѣмъ простодушіемъ истаго крестьянина противъ общаго неисцѣлимаго злоупотребленія, и нанесъ тѣмъ, самъ того не зная и не желая, первый ударъ зданію, которое впервые показалось тогда всѣмъ такимъ расшатаннымъ, какимъ было въ дѣйствительности, и не удовлетворяющимъ болѣе измѣнившимся потребностямъ духа европейскаго человѣчества.

Указатель ко второму тому.

- Ааргау, 389, 400.
Ааргусъ (Гаруза), 116.
Аахень, 74, 81, 88, 89, 91—93, 96, 99, 113, 124, 132, 136, 137, 153, 194, 262, 270, 282, 306, 308, 313, 338, 382. Соборъ, рис., 87, 392, 415, 426.
Аба, 157, 158.
Аббасиды, 65, 67, 77.
Аббю, 73.
Аббондіо, Антоніо, 545.
Абдаллахъ, 46.
Абдалль-Абуль-Аббасъ, 65.
Абдальмаликъ, 53.
Абдеррахманъ, восначальникъ, 59.
Абдеррахманъ I, 65, 77.
Абдеррахманъ III, 125, 126.
Абелярь, 361.
Абубекръ, 47, 51.
Абульказемъ, 130, 131.
Абу-Суфьянъ, 50.
Абу-Талебъ, 46.
Аварія, 76.
Авары, 52, 75, 76, 214.
Августинъ, 18, 19, 85, 100, 471.
Августъ, 7, 10, 12.
Авентинскій холмъ, 134.
Авиньонъ, 160, 406, 418, 420, 422, 424, 439, 455, 489.
Авраамъ, 49.
Австразія, 55, 58.
Австрийское эрцгерцогство, 128.
Австрія, 76, 275, 332, 391, 393, 394, 416, 432, 446.
Автарьясь, 41.
Агилульфъ Туринскій, 41; рельефъ, рис., 41.
Агнеса, жена Генриха III, 168, 172.
Агнеса, дочь Генриха IV, 187.
Агнеса, жена Генриха (сына Генриха Льва), 302.
Агнеса Пуатье, 158.
Адальберъ Трирскій, 262.
Адальберъ Бременскій, 163, 170—172, 174.
Адальберъ Ибрійскій, 119, 124.
Адальберъ Майнцскій, 250, 256.
Адальберъ Пражскій (Войтъхъ), 133, 134, 136, 157.
Адальберъ Реймскій, 203.
Адалдагъ, 116.
Адамъ, 49.
Адда, 22.
Адельгейда, жена Оттона Великаго, 119—121, 123, 124, 131—133, 136.
Адельгейда (Евпраксія или Параскева), жена Генриха IV, 193.
Адельгизъ, 70.
Адемаръ Мерзебургскій, 254.
Адемаръ Пюійскій, 239, 242.
Адольфъ Голштинскій, 300.
Адольфъ Кельнскій, 306, 308, 309.
Адрианополь, 296, 512, 516.
Адрианъ, имп., 12.
Адрианъ I, папа, 70, 84.
Адрианъ IV (Брэкспиръ), 273, 274, 275, 278.
Адриатическое море, 300, 319.
Азазиль (Сатана), 49.
Азинкуръ, замокъ, 570.
Азовское море, 217.
Азойское княж., 345.
Азраиль, архангелъ, 49.
Айстульфъ, 64, 69.
Аквилейя, 300.
Аквитанія, 58, 59, 83, 89—91, 93, 158, 160, 203.
Аквэ-Сексція, 5.
Акконъ, 245, 297, 298, 300, 354—356, 366.
Аларихъ II, 27, 29.
Алафдаль, 244.
Албанія, 519.
Алезія, 7.
Александрія, 19, 52, 591.
Александрія, крѣпость, 284.
Александръ II (Ансельмъ), 170—172, 177, 207.
Александръ III (Роландъ), 278—281, 284, 285, 288.
Александръ IV, 383.
Александръ V (Петръ Капдіо), 491—493.
Александръ VI, папа, 588, 598, 520, 599.
Александръ, князь Литовскій, 535, 541.
Александръ Ярославовичъ Невскій, 481.
Алексій I, 239, 241, 244, 245.
Алексій III, 303, 316.
Алексій IV, 316, 317.
Алексій V, 317.
Алексій, митрополитъ, 484.
Алеппо, 512.
Али, 47, 52.
Алиса Ширрерсъ, 468.
Алқунинъ, 85, 100, 205.
Аллахъ, 48, 51.
Аллеманы, Аллеманія, 4, 14, 26, 28, 37, 58, 62, 67, 70, 79, 92, 107, 416, 417.
Аллеманское герц., 309.
Алмейда (донъ-Франциско д'), 591.
Альберикъ, 120.

- Альбертъ, король рипуарскихъ франковъ, 28.
 Альбертъ ф.-Больштэдтъ, 376, 378.
 Альби, 315.
 Альбигойцы, 315.
 Альбоинъ, 39, 40.
 Альбрехтъ Аншпакскій гр., 550.
 Альбрехтъ Ахиллесъ Бранденбургскій (изображеніе), 547, 548, 555.
 Альбрехтъ I, Нѣм., 394—401, 406, 417; извѣщеніе объ его кончинѣ, рис., 401.
 Альбрехтъ V, герцогъ Австрійскій, 507. Онъ же Альбрехтъ II, король Германскій, *ibid.* и 508.
 Альбрехтъ Медвѣдъ, 262, 263, 266—268.
 Альбрехтъ Мекленбургскій, 449, 450, 459, 460.
 Альбрехтъ II, Саксонскій, 392, 394, 397.
 Альбукерке (Альфонсо), 591.
 Альгварайскія горы, 353.
 Альмансуръ, 67.
 Альморавиды, 200, 238.
 Алькантары, орденъ, 353.
 Альпъ-Арсланъ, 238.
 Альпы, 154, 184, 189, 311, 416.
 Аль-Серотъ, 49.
 Альтенбургъ, 268.
 Альфонсъ I, Португальскій, 353.
 Альфонсъ II, король Астурии, 77.
 Альфонсъ V, кор. Португальскій, 584, 597.
 Альфонсъ VI Кастильскій, 353.
 Альфонсъ VII Кастильскій, 200.
 Альфонсъ X Кастильскій, 382. Статуя, рис., 383, 389.
 Альфредъ Великій, 205.
 Амалазунта, 24, 33.
 Амаларихъ, 29, 53.
 Амаларихъ Иерусалимскій, 290, 292.
 Амаларихъ Лузиньянскій, 303.
 Амальфи, 246.
 Амбрасъ, 435.
 Амвросій, 18, 154, 179.
 Амгеръ, 73.
 Амедей VIII, герцогъ Савойскій: см. Феликсъ V.
 Америкъ Веспуччи, 589.
 Америка, 211.
 Ампфингерская равнина, 417.
 Амру, 52.
 Анаклетъ II, 258, 259, 261.
 Анањи, 326, 405, 406, 489.
 Анаръ Дамасскій, 247.
 Анастасій, 23, 31.
 Анастасія, дочь Ярослава I, 236.
 Ангелы, династія, 295.
 Англичане, 297, 426.
 Англія, 204—211, 240, 253, 254, 258, 298, 300, 304, 308, 315, 323, 338, 345—349, 352, 402, 414, 440, 453, 460, 462, 465, 468—470, 489, 494, 496.
 Англосаксы, 4, 61, 62, 67, 68, 205, 207, 348.
 Ангулемъ, 462.
 Ангора, 512.
 Андалузія, 353.
 Андернахъ, 115.
 Андрей Александровичъ, 482.
 Андрей Боголюбскій, 231—233, 474, 475 (смерть его, рис.).
 Андрей I Венгерскій, 163, 236.
 Андрей II Венгерскій, 321.
 Андрей III Венгерскій, 400, 455.
 Андроникъ II, импер. Греч., 454.
 Андроникъ III, 454.
 Анжу, 345, 352, 455.
 Анкона, 64, 281, 308, 321.
 Анконская марка, 309.
 Анна, дочь герцога Бретанскаго, супруга Карла VIII, короля Французскаго, 576.
 Анна, жена Владиміра Св., 224.
 Анна, дочь Людовика XI, 574.
 Анна, дочь Ярослава I, 236.
 Аннонь Кёльнскій, 180—174, 176, 177.
 Ангарій, 94.
 Ансельмъ Кэнтерберійскій, 255, 271, 361.
 Антильскіе о-ва, 590.
 Антиохія, 19, 51, 241, 242, 244—247, 290, 294, 356.
 Антоній, 19.
 Антоніо Аббондіо, см. Аббондіо.
 Антоніо Филарете, см. Филаретъ.
 Антоній Фрязинъ, см. Фризинъ.
 Антонъ Зоргъ, см. Зоргъ.
 Аполлона храмъ, 60.
 Аппенинскій полуостровъ, 22.
 Аппенины, 405.
 Апулія, 36, 98, 126, 130, 139, 163, 165, 169, 201, 241, 245, 258, 261, 289, 302, 303, 310, 325, 329.
 Арабы (см. также Сарацины), 43—46, 52—55, 58, 59, 65, 67, 76, 77, 97, 98, 118, 126, 130, 131, 139.
 Аравитяне, 199—201, 353.
 Аравія, 44, 46; Счастливая, 44, 46; Каменная, 44, Песчаная, 44.
 Арагонія, 200, 353, 489.
 Арафатъ, 50.
 Арденны, 73, 92.
 Арелатское государство, 204, 395, 399, 412, 423.
 Арибертъ Миланскій, 151, 154, 156, 157.
 Арибонъ Майнцскій, 146, 150, 151.
 Аріовистъ, 5, 6.
 Аріосто, 599.
 Аристотель Фіоравенти, 536.
 Арихистъ, 70.
 Арійды, 5.
 Арль, 160, 204, 319.
 Арманьякъ, графъ, 593.
 Армения, 238, 303.
 Арминъ, 10—12.
 Армяне, 241.
 Ариольдъ изъ Брешии, 271—274.
 Ариольдъ Вальпотъ, 388.
 Ариольдъ Винкельридъ, см. Винкельридъ.
 Ариольдъ Майнцскій, 280.
 Ариольдъ, настоятель Сито, 319.
 Ариульфъ, св., 94.
 Ариульфъ, имп. рим., 97—99, 117.
 Ариульфъ Баварскій, 105, 107, 108, 114.

- Арпады, 455.
 Аррасъ, г., 456, 572.
 Артуръ, принцъ англійскій, сынъ Генрихъ VII, 580.
 Артуръ, племянникъ Иоанна Безземельнаго, 347.
 Аскалонъ, 244, 245, 266, 298.
 Аскании, 418, 430.
 Ассизы 321.
 Астурійскія горы, 77.
 Астурия, 77, 199.
 Аталарихъ, 24.
 Аталія, 266.
 Атлантическій океанъ, 58, 80.
 Атила, 22, 39, 214.
 Аттіны, 73.
 Аугсбургъ, 122, 151, 182, 184, 258.
 Аугсбургская долина, 122.
 Африка, пров. Рима, 4, 32—34, 53, 67.
 Ахенъ, см. Аахенъ.
 Ахмать, ханъ, 535.
 Аццо д'Есте, 173.
 Ашафенбургъ, 510.
 Аэша, 52.
 Авангильдъ, 42.
 Аванасій Александрійскій, 20.
 Аонинское герц., 354.
 ■ абенберги, 105, 264, 275.
 Баварія, 28, 83, 91, 93, 105, 107, 114, 120—122, 128, 131, 151, 153, 156, 157, 164, 170, 194, 195, 252, 259, 261—263, 267, 270, 275, 394, 416, 448.
 Баварцы, 58, 62, 67, 77, 122, 150.
 Багдадъ, 67, 78, 130, 238, 242, 244, 512.
 Бадень, 400, 445.
 Базель, 8, 311, 382, 383, 392, 501, 567.
 Байенбергъ, 128.
 Балдуинъ I Греч., 317, 354.
 Балдуинъ II Греч., 354.
 Балдуинъ I Иерусалимскій, 240, 241, 244, 245.
 Балдуинъ II Иерусалимскій, 245, 246.
 Балдуинъ III Иерусалимскій, 266, 290.
 Балдуинъ IV Иерусалимскій, 292.
 Балдуинъ V Иерусалимскій, 294.
 Балдуинъ Люцельбургскій, Трирскій, 414, 422, 424: рис.: получение имъ извѣстія о кончинѣ Альбрехта I, 401; миниатюра изъ его книги, 409.
 Балдуинъ Фландрскій, 164, 165.
 Балтазаръ, см. Иоаннъ XXIII.
 Балтійское море, 99, 215, 344, 437, 440, 450.
 Балтійское побережье, 234.
 Бальбоа (Васко Нуньецъ), 590.
 Бамбергъ, 125, 259, 262, 268, 282, 369, 548. Соборъ, рис., 147.
 Бардевикъ, 300.
 Бари, 139, 165, 260, 489.
 Бартарь, 58.
 Барц(селона), 78, 92.
 Батавы, 12.
 Батль-Абби, 207.
 Батый, 334, 477, 478, 481.
 Бауцела, 138.
 Бахаряхъ, 302.
 Баязеть I, 455, 456, 511, 512.—II, 520.
 Беатриса, жена Готфрида Лотарингскаго, 166.
 Беатриса, жена Барбароссы, 275; рис.: скульптурное изображение на порталѣ Фрейзингенскаго собора, 270, 275.
 Беатриса, жена Оттона IV, 309, 310, 311.
 Бегаймъ (Мартинъ), 584.
 Бедави, 44.
 Бедръ, 47.
 Бедфордъ, герц., регентъ англійскій, 577.
 Бедуины, 45.
 Безансонъ, 275, 276.
 Безерь, 319.
 Бейрутъ, 325.
 Бекельгеймъ, 196.
 Бекъ, 168.
 Беліюль (Джонъ), 463.
 Бельгія, 26.
 Беневентъ, 70, 130, 136, 146, 152, 165, 281, 384.
 Беневентское княж., 201.
 Бенедиктъ Нурзійскій, 60, 62, 102, 161.
 Бенедиктъ VIII, 139, 146.
 Бенедиктъ IX, 157, 162, 163; —X, 168—XI, 406; —XII, 423;—XIII, 489, 491, 494, 496.
 Бергамъ, 281.
 Бергенъ, 343, 453.
 Беренгаръ Иврійскій, 118—120, 124, 125.
 Беренгаръ Турскій, 168, 169, 361.
 Беренгаръ Фриульскій, 97, 117.
 Берлинъ, 420.
 Бернаръ Клервосскій, 255, 258, 260, 262—264, 271, 360, 361.
 Бернвардъ Гильдесгеймскій, 132, 134, 136, 142; верхняя доска перешлѣта, изготовлен. въ его мастерскихъ, рис., 143.
 Бернгардъ Италійскій, 91, 92.
 Бернгардъ Саксонскій, 172.
 Бернгардъ Септиманскій, 92.
 Бернгардъ, дядя Карла Великаго, 70.
 Бернгардъ, сынъ Альбрехта Медвѣда, 286.
 Бернгарда Св. гора, 70.
 Бернъ, 388, 442.
 Берта, мать Карла Великаго, 69.
 Берта, жена Генриха IV, 173, 184.
 Бертольдъ Баварскій, 114, 116, 128;—фонъ-Бухенъ, 419;—Каринтійскій, 172, 175;—архіеп. Майнцскій, 562;—Швабскій, 107.
 Бертранъ де-Борнь, 368.
 Бертранъ Дюгекльнъ, 468.
 Бертранъ, сынъ Раймунда Тулузскаго, 275.
 Біанка-Марія., д. Галеаццо-Марія Сфорцы, гцг. Миланскаго, вторая супруга Максимилиана, 558.
 Бибарсъ, 356.
 Бидунгеры, 163, 172, 173, 256.
 Билоръ, 462.
 Вингенъ, 388.
 Биргеръ, 343, 459.
 Бланка Кастильская, 350, 355.
 Бланшъ Валуа, 429.
 Блоа, 240.
 Бободилья (Францискъ де-), 590.

Бове, 351.
 Бовина, 347, 350.
 Богемія, 110, 128, 138, 153, 166, 174, 212, 253, 386, 393, 394, 397, 400, 414, 415, 422, 436, 437, 450, 452, 479, 491, 492.
 Богемскій бродъ, 502.
 Богемцы, 257.
 Боголюбово, с., 475.
 Боденское озеро, 4, 493.
 Бозонъ Виенскій, 97, 202.
 Бойи, 10.
 Боккачио, 601.
 Болгарія, Болгары: 39, 217, 218, 222, 318, 354, 455, 477, 478, 485.
 Болеслав I Храбрый, 151, 157, 212, 225.
 Болеслав II Смѣлый, 174.
 Болеслав III Польскій, 261.
 Болеслав IV Польскій, 275.
 Болеслав Богемскій, 128.
 Болеславъ, герцогъ, 136, 138.
 Болонья, 281, 332, 501.
 Бонды, 343.
 Бонифацій (Винфридъ), 63, 64, 84.
 Бонифацій Монферратскій, 316, 317, 332.
 Бонифацій Тусційскій, 154, 163.
 Бонифацій Фессалоникійскій, 354.
 Бонифацій VIII (Казано Ананьи), 359, 402, 403 (на картинѣ Джотто, рис.) 405, 460, 463;—IX, 489, 515.
 Боннъ, 8, 109, 415.
 Борджиа (Цезарь), 599.
 Борецкіе болре, 532.
 Бородатый (дыакъ московскій), 532.
 Боруссы, см. Прусы.
 Боснія, 518.
 Босфоръ, 213, 266, 316.
 Ботфельдъ, 166.
 Бозмундъ I, Антиохійскій, 240—242, 244, 245.
 Бозмундъ II Антиохійскій, 246.
 Бозій, 24.
 Бразилія, 591.
 Бранденбургъ, 116, 125, 132, 386, 397, 415, 418, 420, 430, 437, 450.

Браниборъ, 110.
 Браунбергъ, 440.
 Брауншвейгъ, 286, 312.
 Брейтенвангъ, 261.
 Бременъ, 74, 254, 327, 440.
 Бретань, 26, 202, 203.
 Бретиньи, 465, 468.
 Бретиславъ Богемскій, 153, 157, 212.
 Брешія, 281, 332, 333, 452.
 Бриксенъ, 188.
 Бриндизи, 325.
 Британнія, 4, 61, 67, 68.
 Бритты, 26, 205.
 Брунгильда, супруга Сигберта I, 42.
 Брундузіумъ, 318, 324.
 Брунонь, 116, 117, 120, 121, 123, 125.
 Брусса, 454.
 Брэкспиръ, см. Адрианъ IV.
 Бувианъ, 312, 313.
 Брюсы, 463.
 Буксгевденъ Альбертъ, 234.
 Буонконвенто, 413.
 Бургундія, 55, 58, 97, 145, 151, 154, 156—158, 160, 163, 202—204, 253, 286, 466.
 Бургунды, 4, 22, 26, 29, 30.
 Бурхардъ Швабскій, 128.
 Бурхардъ Младшій, 107, 108.
 Бурхардъ Старшій, 105.
 Бухара, 477.
 Бѣлградъ, 295.
 Бѣда, 205.
 Бѣла I Венгерскій, 168.
 Бѣла III Венгерскій, 295.
 Бюренъ, графъ, 187.
 Бѣлахія, 455.
 Вайфаръ Аквитанскій, 65.
 Вакхъ, 19.
 Валахія, 518.
 Валенція, 200, 353.
 Вальдемаръ I Датскій (Великій), 288, 344; II Датскій, 327, 344; IV, 441, 459.
 Вальдемаръ Шведскій, 343.
 Вальдемаръ Бранденбургскій-Лже, 430.
 Вальденцы, 315.
 Вальтеръ Неимущій, 240.
 Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, 370. Миниатюра, рис., 369.
 Вальдолидъ, 590.
 Вандалы, 4, 22, 23, 32, 33, 61.

Варака, 47.
 Варберъ (Шеркинъ), 580.
 Варвикъ, графъ, 578, 579.
 Варна, 513, 515.
 Вартбургъ, 337.
 Варгъ, фонъ, 400.
 Варъ, Кв., 10, 11.
 Варяги, 215.
 Василий I Дмитриевичъ, 487, 488, 526, 527.
 Василий II, 130, 224, 487, 488.
 Василий II Васильевичъ, 527. (Онъ же—Темный), 528.
 Василий Косой, 527.
 Василий Шемака, 527.
 Василий III Васильевичъ, 538, 539 и слѣд. 544.
 Васильсурскъ, 542.
 Васко-де-Гама, 591.
 Васконы, 77.
 Ватиканъ, 412.
 Везонціо, 6.
 Вейденъ, ф. л. (Рожеръ), 553.
 Вейзы, 379.
 Вейнбергъ, 263.
 Велидь I, 53, 58.
 Велизарій, 32—36, 38, 61.
 Вельпесгольтъ (Вельфесгольтъ), 251.
 Вельфъ, 92, 263, 267, 268, 270.
 Вельфы, 194, 257, 264, 269, 275, 285, 300, 307—309, 340.
 Венгрія, 76, 153, 154, 158, 163, 164, 166, 168, 171, 174, 176, 265, 295, 315, 334, 395, 450, 452, 455, 456, 479, 481.
 Венгерцы, 201, 240.
 Венды, 110, 112, 122, 123, 131, 138, 172, 255, 267.
 Венеція, 201, 281, 285, 315, 316, 318, 356, 373, 457, 597.
 Венеціанцы, 354.
 Венцеславъ I Чешскій, 332, 393, 394; II, 400.
 Венцеславъ (кор. нѣмецк.), 437, 443—445, 448, 450, 452. Рис.: мѣсторожденіе его—Икренбергскій замокъ, 444; придворный увеселенія, 445; печать «Союза мира», 449, 490, 499, 505.

- Венцеславъ, братъ Карла IV, Нѣм., 437.
- Вердёнъ (Виродунумъ), 73, 74, 96.
- Вермандау, 203.
- Вернеръ Майнцскій, 389.
- Верона, 22, 70, 131, 146, 274, 281, 289, 311.
- Веронская марка, 128.
- Веронскій союзъ, 282.
- Верра, 71.
- Верцелла, 5.
- Веспуччи, см. Америго.
- Вессексъ, 98.
- Вестготы, 4, 22, 23, 29, 53—55, 61, 77.
- Вестминстеръ, 470.
- Вестфалія, 250, 440.
- Вестфалы, 71.
- Вибальдъ изъ Стабло, 267.
- Вибергъ Равенскій, 188.
- Вигбертъ, 62.
- Видерадъ Фульдскій, 171.
- Видукиндъ Корвейскій, 106, 108, 117.
- Видукиндъ Сакскій, 73.
- Віенна, 461, 462.
- Византия, см. Константинополь.
- Визби, 440, 441, 450.
- Викинговъ древнихъ ладья (рис.), 218, остатки ладьи (рис.), 220.
- Виклифъ (Уайклифъ), 471—473, 491, 492, 495, 496.
- Викторія, 338.
- Викторъ, 582.
- Викторъ II, 166, 168.
- Викторъ III (Дезидерій), 192.
- Викторъ IV (Октавіанъ), 278, 280.
- Вилла, 125.
- Виллибродъ, 62.
- Виллигизъ Майнцскій, 132, 136, 138.
- Вильгельмъ Австрійскій, 456.
- Вильгельмъ Голландскій, 388.
- Вильгельмъ IV Голландскій, 426.
- Вильгельмъ I Сицилійскій, 274, 275, 281.
- Вильгельмъ II Сицилійскій, 285, 289, 300.
- Вильгельмъ Завоеватель— I Англ. и II Норман., 204, 206—209.
- Вильгельмъ II, Рыжій, Англ., 209.
- Вильгельмъ Голландскій, 338, 376, 382.
- Вильгельмъ, сынъ Генриха I, Англ., 209.
- Вильгельмъ Майнцскій, 122.
- Вильгельмъ Утрехтскій, 181.
- Вильгельмъ Элійскій, 347.
- Вильцы, 74.
- Виндзоръ, 582.
- Винфридъ, 205.
- Винчестеръ, 208, 209.
- Виппо, 156.
- Виргилій, 205.
- Висбаденъ, 443.
- Висконти, 422, 438; — Галеаццо, 418, 452; — Маттео, 412, 418, 594; Барнабо 439. Джіованни-Марія (изображеніе), 594. — Филиппо-Марія, *ibid.*
- Висла, 326.
- Висмаръ, 449, 450, 460.
- Витебская область, 523.
- Вительбахи, 414, 418, 422, 425, 429, 430, 437.
- Витербо, 310.
- Витигезъ, 34, 35.
- Витизъ, 54.
- Витичевъ, 229.
- Витовтъ, 506, 525, 526, 527.
- Виттенбергъ, 567.
- Виченца, 332.
- Виолемъ, 325.
- Владиміро-Суздальское кн., 474, 476, 479, 481, 482, 483, 485.
- Владиміръ-Волынкій, 231.
- Владиміръ Равноапостольный, 222, 224, 225, 235; памятникъ въ Кіевѣ, рис., 223.
- Владиміръ Мономахъ, 230.
- Владиміръ-на-Клязьмѣ, 231, 475, 479, 481—484.
- Владиміръ-Старицкій (Храбрый), 486.
- Владиславъ-Богемскій, 263.
- Владиславъ (Ягелло), 513.
- Владиславъ III (Ягелло), Польскій король; — печатъ его, 514; — Короткій, 420.
- Владиславъ IV Венгерскій (Бала), 391, 395.
- Вогезы, 92.
- Вокулёръ, 311.
- Волга, 214, 217, 225, 232, 477, 479.
- Волховъ, 215, 231.
- Волынкское княж., 231, 523, 474.
- Вольгурно, 37.
- Вольфрамъ ф.-Эшенбахъ, 371.
- Вормсъ, 63, 72, 88, 93, 96, 124, 125, 172, 175, 176, 180—182, 252, 282, 286, 302, 309, 327, 329, 388, 558.
- Восточная марка, 128, 275.
- Всеволодъ (Великое Гнѣздо), 476.
- Вугла, 29.
- Вугтанъ, 16, 17.
- Вѣна, 8, 300, 332, 393, 491, 510.
- Вюртембергъ, 28.
- Вюрпбургъ, 175, 186, 192, 257, 258, 268, 310, 337.
- Монастырь, 117.
- Вятчи, 215, 224.
- Вятка, 530.
- Габсбурги, 394, 396, 400, 406, 414, 417, 420, 423, 437, 446, 448, 452.
- Гавельбергъ, 116, 125, 132.
- Гаврилъ архангелъ, 47—49.
- Газа, 355.
- Галти, о-въ, 589.
- Гайнгольцъ, 416.
- Гаконъ V, 343, — VIII, Норвежскій, 458, 459.
- Галатія, 33.
- Галиполи, 454.
- Галиція, 353, 456.
- Галицкое княж., 231, 474, 476, 523.
- Галлія, 4, 6, 22 — 24, 26, 29, 40, 55, 58, 65, 78, 115, 117, 199, 202, 238.
- Галль, Св., 110.
- Галлы, 12, 84.
- Галь, 62.
- Гальсвиноа, 42.
- Гамбургъ, 94, 99, 116, 132, 388, 440.
- Гамельсдорфъ, 415.
- Гандерсгеймскій мон., 117, 136.
- Ганза, 236, 388, 439—441, 445, 450, 458—460. Рис.: воен. корабль XIV в., 440; охранная грамота, выданная купцамъ Андреемъ Александровичемъ, 482.

- Ганибекъ, 484.
 Гансъ Шильдбергеръ, см. Шильдбергеръ.
 Гаральд I Норвежскій, 210.
 Гаральд II Датскій, 128, 132.
 Гаральд II Англійскій, 206, 207.
 Гаральд IV Датскій, 236.
 Гаргана, 137.
 Гардское озеро, 119, 120.
 Гарибальдъ, герц. Бойоаревъ, 41.
 Гариляно, 80, 118.
 Гарольдъ, 94, 95.
 Гаронна, 29, 319, 348.
 Гарткануть, 206.
 Гартманъ, сынъ Рудольфа Габсбургскаго, 393.
 Гаруза, см. Ааргусъ.
 Гарунъ-аль-Рашидъ, 88.
 Гардбургъ, 174—176, 312.
 Гарцскія горы, 286.
 Гарць, 148.
 Гасконія, 203, 314.
 Гастингсъ, 207.
 Гаттонъ Майнцскій, 99, 106.
 Гашемиты, 46, 65.
 Газта, 281.
 Гвадалквивиръ, 54, 353.
 Гваделупа, о-въ, 588.
 Гвадана, 200.
 Гвельфы, 410, 412.
 Гвидо Лузиньянъ, 294.
 Гвидо, Гарлати ди-Шьетра-мале, 421.
 Гвидонъ, см. Каликъ II.
 Гебгардъ Регенбургскій, 165, 166.
 Гебгардъ Эйхштедскій, 166.
 Гегель, 357.
 Гедвига—см. Ядвига.
 Гедиминъ, 523.
 Гезилонъ Гильдесгеймскій, 171.
 Гейдельбергъ, 446, 491.
 Гейза, 153.
 Гейзерихъ, 32.
 Гейнцъ (Энцо), 338.
 Гелазій II, 251.
 Гелимеръ, 33.
 Гелеспонтъ, 296.
 Гельгеймъ, 397, 417.
 Гельсингбергъ, 441.
 Генисаретское озеро, 294.
 Геннегау, 426.
 Генрихъ I, Франц., 154, 204, 236.
 Генрихъ I. Англ., 209, 250.
 Генрихъ II, Англ., 297, 345, 346. Надгробн. изображ., рис., 345.
 Генрихъ III, Англ., 329, 348, 349. Рис.: надгробное изображен., 349; печать, 350.
 Генрихъ I, Нѣм., 106—113, 117. Рис.: печать, 108; гробница, 111.
 Генрихъ II, Св. или Хромой, 124, 128, 138—140, 142—146, 149, 151, 254. Рис.: миниатюра изъ молитвенника, 141; титульное изобр. одного изъ кодексовъ Бамбергской библиотеки, 144; изобр. съ портала Бамбергскаго собора, 145; Бамбергскій соборъ, 147.
 Генрихъ III, Англійскій, 463.
 Генрихъ III, Нѣм., 151, 153, 154, 156—164, 166, 155.
 Генрихъ IV, Англійскій (Ланкастерскій), 469, 470. надгробие, рис., 471.
 Генрихъ IV, Нѣм., 167, 172—182, 184—190, 192, 194, 195, 197, 198, 204. Рис.: на тронѣ, 190; печать, 198.
 Генрихъ IV и V, изображ. столкновенія, которое чужь было не произошло между ними, рис., 196.
 Генрихъ V, Нѣм., 194, 195, 198, 247—253; врученіе царской утвари папой Пасхалиемъ II, рис., 249.
 Генрихъ V, король Англійскій, 569, 576, 577.
 Генрихъ VI, Нѣм., 282, 288, 289, 295, 300, 302—306. Рис.: по изображ. въ парижской рукописи, 299; гробница, 305.
 Генрихъ VI, король Англійскій, 570, 576, 577, 578, 579, 580.
 Генрихъ VII, Нѣм., 406, 412—414. Рис.: избраніе въ короли, 409; гробница въ Савро Santo въ Пизѣ, 411.
 Генрихъ VII (онъ же Ричмондскій), король Англійскій, 579, 580, 581, 589.
 Генрихъ VII имп. Герм., 505.
 Генрихъ Аугсбургскій, 128, 168.
 Генрихъ Бабенбергскій, 270.
 Генрихъ Баварскій, 114—116, 120, 122—124, 256, 393;—II, 423, 425.
 Генрихъ Баварскій, Гордый, 257, 260—262.
 Генрихъ Брабантскій, 302, 308.
 Генрихъ (фонъ-Бирнебургъ) Кельнскій, 406, 414, 424.
 Генрихъ Брауншвейгскій, 300, 302.
 Генрихъ Бургундскій, 353.
 Генрихъ фонъ - Вельдекъ, 288, 371.
 Генрихъ Греч., 354.
 Генрихъ Дандоло, 315.
 Генрихъ Младшій, герцогъ Каринтіи, 128, 131.
 Генрихъ Каринтійскій, 400, 406, 422, 423, 425.
 Генрихъ Карпатійскій, 128.
 Генрихъ Кастильскій, 384.
 Генрихъ Левъ, 262, 263, 266—268, 275, 281, 282, 286, 288, 292, 295, 300, 306.
 Рис.: воздвигнутый имъ бронзовый левъ въ Брауншвейгѣ, 283; надмогильное изображ., 301.
 Генрихъ Лютихскій, 192.
 Генрихъ Майнцскій, 267.
 Генрихъ Мореллаватель, лѣфантъ, сынъ Иоанна I, короля Португальскаго, 584.
 Генрихъ Распе, 337.
 Генрихъ Саксоно - Баварскій, 284.
 Генрихъ Саксонскій, 270.
 Генрихъ Язомирготъ, 263, 275.
 Генрихъ, сынъ Оттона Великаго, 121.
 Генрихъ, сынъ Конрада III, 267.
 Генрихъ, сынъ Генриха II Англійскаго, 346.
 Генрихъ, сынъ Фридриха II, 322, 323, 326, 327, 329.
 Генрихъ, братъ Оттона IV, 308, 311, 322.

- Генсбергъ, ф. (Бертольдъ), архіеп. Майнцскій, 556.
 Гентъ, г., 556.
 Генуя, 201, 279, 311, 316, 319, 334, 335, 356, 373.
 Георгій Кастриотъ, см. Кастриотъ.
 Георгій Подебрадь, см. Подебрадь.
 Гепиды, 39.
 Гептархія, 68.
 Гераклій, 52.
 Герберга, 109.
 Герберштейнъ, Сигизмундъ, баронъ, 538, 539. (Изображеніе), 540, 541.
 Гергардъ Лотаринскій, 163
 Герибертъ, 109, 110.
 Геркулесовы столпы, 51.
 Германикъ, 11.
 Германия, 5, 10, 14, 24, 61, 63, 71, 74, 95, 107, 118, 121, 125, 131, 137, 139, 140, 146, 148, 149, 151—154, 156—158, 166, 170, 174, 176, 179, 181, 184, 189, 192, 193, 195, 199, 240, 251—254, 256, 258, 263, 280—282, 286, 289, 304, 307, 311, 315, 323, 326—329, 331, 335, 336, 338, 344, 370, 373, 374, 382, 386, 389, 394, 395, 397, 399, 402, 412, 414, 416, 420, 423, 424, 427, 430, 433, 436, 439, 445, 448, 450, 452—454, 456, 460, 481, 489, 494.
 Германцы, 5, 7—11, 14—18, 22, 28, 61; рис.: первыя упоминанія ихъ имени на мраморной доскѣ, 3, семейство 4; плѣнный, 6; кавалеристъ, 7; совѣщаніе, 9; раззореніе ихъ деревни, 13; женщины, слѣдующія за войскомъ, 16.
 Германъ Биллунгъ, 116, 122.
 Германъ фонъ-Зальца, 323, 326.
 Германъ Кельнскій, 164.
 Германъ Люксембургскій, 189, 192.
 Генрихъ Мецскій, 182, 362.
 Германъ Рыболовъ, 379.
 Германъ Тюрингскій, 311.
 Германъ Швабскій, 114, 116, 138.
 Германъ Св., 75.
 Гермерсгеймъ, 395.
 Геро, 115, 116, 122.
 Герстунгентъ, 575.
 Герсфельдъ, 177.
 Гертруда, 257, 263.
 Герулы, 22.
 Герцеговина, 518.
 Гессенъ, 63, 448.
 Геттина (Гиддина), 224.
 Гибелины, 410, 412, 419, 420.
 Гибихенштейнъ, 158.
 Гибралтаръ, 54, 125.
 Гизела, 145, 150, 151.
 Гизело Лотаринскій, 158.
 Гизельбергъ Лотаринскій, 109, 114.
 Гильдебрандъ, см. Григорій VII.
 Гильдесеймъ, 74.
 Гильомъ Аквитанскій, 158, 161.
 Гильомъ II, 258.
 Гильомъ де-Ногарэ, 404, 405.
 Гимильтруда, 70.
 Гинкмаръ Реймскій, 100—102.
 Глазусъ, 442, 448.
 Глочестеръ, герц., регентъ англійскій, 577.
 Глочестершайръ, 207.
 Гнѣзно, 136, 157.
 Гоа, 591.
 Гогенбургъ на Унструтъ, 176.
 Гогенцоллернъ, Фридрихъ, Нюренбергскій, 392, 417, 448, 495.
 Гогенцоллерны, 437.
 Гагенштауфены, 402.
 Годвинъ Кентскій, 206.
 Годфруа Анжуйскій, 209.
 Гойеръ фонъ-Мансфельдъ, 251.
 Голландія, 26, 426.
 Голомуць, 479.
 Голштинія, 308, 440.
 Гольбейнъ, 497.
 Гольдьеръ, Вольфгангъ, 550.
 Гонорій II (Ламбергъ), 253, 257, 258.
 Гонорій III, 319—322, 324.
 Гормъ Датскій, 112—210.
 Госларъ, 152, 166, 171, 174, 177, 180, 186, 189, 270, 322. Императорскій дворецъ, 167.
 Госпиталиты, см. Іоанниты.
 Готландъ, 440, 450.
 Готфридъ Анжуйскій, 345.
 Готфридъ Бульонскій, 188, 240—244.
 Готфридъ Горбатый, 173.
 Готфридъ Лотаринскій, 152, 163, 164, 166, 168, 173.
 Готфридъ Нижне-Лотаринскій, 188.
 Готфридъ Страсбургскій, 371.
 Готшалкъ, 100, 101, 172.
 Готы, 14, 15, 23, 24, 28, 343; плѣнный, рис., 15.
 Гранзе, 416.
 Грансонъ, М., 556.
 Грейфевальдъ, 567.
 Греки, 103, 116, 126, 139, 140, 163, 201, 213, 214, 220, 295.
 Гренада, 353, 586.
 Гренландія, 211.
 Гренобль, 255.
 Греція, 130, 227.
 Григорій I, 41, 61, 68, 205.
 Григорій II, 61.
 Григорій III, 63.
 Григорій IV, 93.
 Григорій V (Бруно), 133, 134.
 Григорій VI, 162, 163, 177.
 Григорій VII, 166, 168—171, 177—182, 184, 185, 187—193, 204, 208, 211, 212, 238, 360, 362.
 Григорій VIII, 251.
 Григорій IX, 324, 333, 335; —X, 359, 392; —XI, 439, 489; —XII, 489, 491, 494, 495.
 Григорій Турскій, 27—30.
 Григорій Цамвлакъ, см. Цамвлакъ.
 Гримоальдъ, 58, 61.
 Громова гора, 397.
 Грузія, 476.
 Грюнвальдъ, см. Таненбергъ.
 Гуанагани, о—въ, 587.
 Гуго Вермандуа, 240, 241.
 Гуго-Канетъ (Гугонь), 133, 134, 203.
 Гугонь Бургундскій, 118, 119.
 Гугонь Клонійскій, 164, 182, 185.
 Гунгильда (Кунигунда), 156.
 Гундобальдъ, 27, 29.

- Гуниади, см. Иоаннъ Гуниади.
- Гунны, 23, 39.
- Гунольдъ Аквитанскій, 69.
- Гунтрамъ Кельнскій, 100.
- Гусинецъ, 491, 493, 499.
- Гуссъ (Янъ) изъ Гусинца, см. Иоаннъ Гуссъ.
- Гуттенбергъ (Гог. Ганс-Флейшъ), 567.
- Гюинъ, 465.
- Гюйо-де-Провэнъ, 368.
- Гюйэна (Гюйэнна), 314, 345.
- Гютеръ фонъ-Шварцбургъ 430.
- Дагобертъ I, 55, 57.
- Далмація, 10, 34, 241.
- Дамаскъ, 51, 53, 65, 266, 290, 292, 512.
- Дамасъ II (Поппонъ), 163.
- Дамізта, 321, 312, 355.
- Дандоло, 316.
- Данеброгъ, 344.
- Даніиль, игумень, 474.
- Даніиль Александровичъ, 483.
- Даніиль Романовичъ Галицкій, 479, 481.
- Данія, 98, 128, 131, 132, 206, 210, 211, 258, 259, 327, 343, 344, 459, 460, 489.
- Данто Алигieri, 410; бюстъ, рис., 410.
- Данцигъ, 440, 552, 459.
- Датчане, 75, 112, 115, 117, 205, 308.
- Двина, Западная, 214, 215, 234.
- Девонширъ, 63.
- Дезидерій, см. Викторъ III.
- Дезидерій Тусційскій, 69, 70.
- Делла-Горе, 594.
- Дерптъ, см. Юрьевъ.
- Десна, 215.
- Деффингенъ, 448.
- Дижонъ, 255.
- Джемъ (братъ Баязета II), 520.
- Джювани Джустиніани, см. Джустиніани.
- Джювани Мочениго, см. Мочениго.
- Джуліана Чезарино, см. Чезарино.
- Джустиніани Джювани, 510.
- Діазъ (Бартоломей), 584.
- Діазъ (Диницъ), 584.
- Діего, с. Колумбъ, 585.
- Диррахіумъ, 303.
- Дитрихъ, 163.
- Дитрихъ, архіеп. Кельнскій, 510.
- Дитрихъ II, архіеп. Кельнскій.
- Діонисій Св., 75.
- Дмитрій, бояринъ—защитникъ Кіева, 479.
- Дмитрій Волицецъ, 486.
- Дмитрій Иоанновичъ (Донской), 484, 485, 487 (рис. Донск. мон.) 527.
- Днѣпръ, 213—215, 222, 224; пороги, рис., 222; 479, 480.
- Доминго, Гупманъ, 320.
- Доминиканцы, 320.
- Домреми, дер., 570.
- Донарь, 17.
- Донательо, Симоне, 503.
- Донатисты, 32.
- Донаусвертъ, г., 550.
- Донервикъ, 128.
- Донъ, 217, 479, 480, 485.
- Дорилейская долина, 241.
- Дорилей, 265.
- Дористоль, 218.
- Дорогобужъ, 231.
- Дортмундъ, 563.
- Драва, 80.
- Древляне, 215.
- Дрогонь, 163.
- Дронштеймъ, 343.
- Друзъ Неронъ, Клавдій, 10.
- Дунай, 8, 20, 80, 86, 218, 220, 241, 295, 300, 310, 374, 437, 455.
- Дуэро, 353.
- Дюрренштейнъ, 300.
- Дюреръ, А., 561.
- Дюрнкрутъ, 394.
- Дѣва Орлеанская (изображеніе), 571, 572.
- Евгеній III, 264, 266, 269, 272.
- Евгеній IV (папа), 501, 502, 503 (изображеніе), 508.
- Евреи, 54, 55, 77, 88, 399, 432, 449, 450, 465.
- Евстагій, братъ Готфрида Бульонскаго, 240.
- Евфимій, архіеп. Новгородскій, 529.
- Евфратъ, 241.
- Египеть, 19, 67, 130, 290, 292, 321—323, 355, 356.
- Египтяне, 245.
- Екатерина, д. Карла VI и Изабеллы Баварской, 570.
- Екатерина, д. Фердинанда Католическаго, сначала замужемъ за Артуромъ; потомъ за Генрихомъ—английскими принцами, сыновьями Генриха VII, 580.
- Екатерина, вдова короля Англ., Генриха V; во второмъ бракѣ за О. Тюдоромъ, 579—580.
- Елена Иоанновна, д. Иоанна III, супруга Александра, кн. Литовскаго, 535, 541.
- Елецъ, 488.
- Елисавета, жена Кограда IV, 340.
- Елисавета Нюрнбергская, 451.
- Елисавета, д. Сигизмунда имп., въ замужествѣ за Альбрехтомъ V Австрійскимъ,—вдова кор. Альбрехта, 513.
- Елисавета, дочь Эдуарда IV, кор. Англ., 579—580.
- Елисавета, дочь Ярослава I, 236.
- Елизенева, 154.
- Жерсонъ, см. Иоаннъ Жерсонъ.
- Жижка (Иоаннъ, Янъ), 499 (изображеніе). Жижкова гора, 499.
- Зала, 73, 115, 153.
- Зальцбургъ, 63, 106, 254.
- Зара, 316.
- Захарій, 60, 63.
- Зеидъ, 47.
- Зейцъ, 125.
- Зеландія, 426.
- Земпахъ, см. Семпахъ.
- Земъ-земъ, 50.
- Зенонъ, 3, 22, 23, 31.
- Зигмундъ, эрцг. Австрійскій (изъ д. Габсбурговъ), 556, 562.
- Зигфридъ, см. Сигфридъ.
- Зіо (Тіо), 16.
- Золотая орда, 480, 481, 484, 485, 487, 488.
- Золотой Рогъ, 317.
- Золотурнъ, 156.
- Зондергаузенъ, 177.
- Зоргъ, Антонъ, 505.

- бнъ-аль-Араби, 77.
Игорь, 214, 216.
Идиавизо (Идиставизо), 11.
Изабелла Баварская, супр. Карла VI, кор. Французскаго, 570—572.
Изабелла, кор. Кастильская, 585, 586, 587, 590.
Изабелла, 1-я жена Фридриха II, 323, 325.
Изабелла, 3-я жена Фридриха II, 329.
Изонцо, 22.
Изяслав Мстиславовичъ, 230, 231.
Изяслав Ярославовичъ, 227.
Икескола, 234.
Иконюмъ, 296.
Ильмень, 215.
Ингельгеймъ, 75, 81, 94, 116, 157, 158, 197.
Ингигерда, 236.
Ингольшгадтъ, 567.
Индъ, 51, 58.
Иннокентій II, 258, 259, 261.
Иннокентій III, 306—310, 313—316, 318, 319, 321, 322, 347, 348.
Иннокентій IV (Синебальдъ Фіеско), 335, 340, 349, 352, 355, 383, 419; — VI 488.
Иннокентій VIII, папа, 520.
Иннь, 22, 417.
Ирина, греч. императр., 78.
Ирина, дочь Исаака Ангела II, 303.
Ирина (Марія), жена Филиппа Швабскаго, 305.
Дочь Ис. Ангела.
Ирландія, 621, 345.
Ирменгарда, 302.
Ирминсуль, 72.
Ирнерій, 276, 277.
Исаакъ II Ангель, 295—297, 303, 316, 317.
Исаакъ, толмачъ Карла V, 88.
Исидоръ, кардиналь, 515.
Исидоръ, митроп. Московскій, 528.
Исидоръ Севильскій, 102.
Исламъ, 48.
Исландія, 211.
Испанія, 4, 29, 33, 53—55, 65, 76—78, 117, 199, 238, 240, 352, 495.
Истрийцы, 201.
Истрия, 22.
Исфрайль, архангель, 49.
Италія, 3, 22, 23, 33, 35, 36, 38—41, 61, 64, 70, 78, 79, 83, 91, 96, 97, 99, 117—120, 124, 125, 130, 131, 138—140, 146, 148, 149, 151, 154, 156, 157, 159, 162, 163, 165, 166, 168, 173, 192, 193, 199—201, 211, 240, 253, 258, 261, 264, 271, 272, 276, 280—282, 284, 285, 288, 289, 303, 304, 306, 308, 310, 314, 315, 323, 326, 328, 330, 331, 334, 338, 340, 373, 386, 389, 392, 406, 408, 410, 412, 413, 422, 438, 453, 454, 494.
Итальянцы, 324.
■акова Св. (обитель), близъ Базеля, 545.
Иаковъ I (Хаймъ), 353.
Иаковъ, архіеп. Трирскій.
Иаковъ Моля, 461.
Иездегердъ III, 52.
Иемень, 44.
Иеронимъ Св., 85.
Иеронимъ (Пражскій), 492, 496, 497.
Иерусалимъ, 51, 88, 239, 244—246, 290, 292, 294, 297, 298, 322, 325, 330, 335, 343, 354, 358, 474.
Иисусъ (Иза), 49.
Иоанна д'Аркъ, см. Дѣва Орлеанская.
Иоанна, принцесса Анжуйская, внука кор. Роберта, 597.
Иоанна I, Неаполитанская, 489.
Иоанна, супруга Филиппа, с. Максимилиана I, 562.
Иоанниты, 353, 462, 520.
Иоаннь, архіеп. Абиссинскій, 584.
Иоаннь Безземельный, 311, 347, 350.
Иоаннь Безстрашный, герц. Бургундскій, 552.
Иоаннь Богемскій, 406, 412, 414, 422, 423, 427; печать, рис. 427.
Иоаннь Болгарскій, 354.
Иоаннь Брэнскій, 321.
Иоаннь, герц. Бургундскій, 570.
Иоаннь-Генрихъ Моравскій, сынъ Иоанна Богемскаго, 425, 437.
Иоаннь Гуніади, 513, 520.
Иоаннь Гуссъ, 491, 492, 493, 495, 496, 497, 498, 499, 502, 510; автографъ, 491. Изображ. его на кострѣ, 497.
Иоаннь Добрый, Франц., 462, 464—466.
Иоаннь Денсъ Скотсъ, 361.
Иоаннь Жерсонъ, 491, 494.
Иоаннь Иерусалимскій, 323.
Иоаннь (Кало), греч., 247, 260, 263.
Иоаннь I, Калита, 483, 484.
Иоаннь II Иоанновичъ, 484.
Иоаннь Майндскій, 450.
Иоаннь, сынъ Визант. имп. Мануила, 512.
Иоаннь Равенскій, 132.
Иоаннь, братъ Ричарда I, 300.
Иоаннь II (Гогенцоллернь, с. Фридриха IV), 505.
Иоаннь III, 528, 530 и слѣд. до 542.
Иоаннь VI, см. Хоайо.
Иоаннь V Палеологъ, 454.
Иоаннь Цимихскій, 126, 130, 218, 220.
Иоаннь Скоттъ Эригена, 101.
Иоаннь VIII, 96.
Иоаннь X, 118, 119.
Иоаннь XI, 119.
Иоаннь XII, 124, 125.
Иоаннь XIII, 125.
Иоаннь XIX, 151.
Иоаннь XXII, 418, 420;— XXIII, 493, 495.
Иоаннь, монахъ лотарингскій, 126.
Иоаннь, племянникъ Альбрехта I, 400, 401.
Иоаннь де-Шрочида, 408.
Иоаннь, сынъ Карла IV, Нѣм., 450.
Иоаннь Яндрунскій, 424.
Иона, митроп. Московскій, 528.
Иоппе, 298, 325.
Иорданъ Шерлеонъ, 264.
Иорданъ, 238.
Иоркъ, 208.
Иость Моравскій (Люксенбургскій), 506.
Иудеи, см. Евреи.
■аба (Кіаба), 45, 47, 48, 50. Изобр. ея, рис., 46.

Каботъ, Иоаннъ, 589.—Себастьянъ, 589.
 Кабраль (Педро - Альваресъ), 591.
 Кавказскія горы, 479.
 Кавказъ, 476.
 Кагира, 355.
 Каледзія, 521.
 Кадижда, 46, 47.
 Казаки, 542.
 Казиміръ Польскій, 236.
 Казиміръ, братъ Польскаго кор. Владислава, 507.
 Казиміръ Великій, король Польскій, 475, 535.
 Каиръ, 242.
 Кайзервертъ, 170.
 Калабрія, 36, 130, 139, 169, 200, 310.
 Калатравы орденъ, 353.
 Календаръ, рѣзной, древній, рис., 17.
 Калидь, 52.
 Каликадна, 296.
 Каликъ II, (Гвидонъ), 251, 253.
 Каликъ III, 284, 285.
 Калка (Кальміусъ), 476.
 Каллиникъ, 53.
 Калькутта, 591.
 Кальмаръ (Смеландъ), 460.
 Калъ, 465.
 Кампанія, 37, 60, 303.
 Канарскіе о-ва, 583.
 Канны, 139.
 Каносса, 184, 185, 192; развалины замка, рис., 183.
 Кантабрійскія горы, 77.
 Канутъ Великій, 206, 208, 210.
 Канъ-делла-Скала, 413.
 Капетинги, 146, 353, 402, 462.
 Капитолій, 307.
 Капуанское княж., 201, 289.
 Капуя, 146, 152, 258, 261.
 Караобы, 587.
 Карамзинъ, 542.
 Караманъ (область), 520.
 Каринтія, 128, 151, 156, 165, 300, 393, 394, 422.
 Карловинги, 209.
 Карломанъ, австрійскій дворянинъ, 58.
 Карломанъ, сынъ Мартеля, 60, 64.
 Карломанъ, сынъ Пипина Короткаго, 69.
 Карломанъ, сынъ Карла Пльш., 96.

Карлштейнъ, замокъ, рис., 429.
 Карлъ Анжуйскій, 356, 383, 384.
 Карлъ Валуа, 402.
 Карлъ I, Великій, 66, 69—86, 88—90, 97, 103, 105, 106, 199; рис. подписи, 66; статуетка—предполагаемое его изображеніе, 68; голова статуетки, 69; рельефъ на ковчегѣ, заключающемъ въ себѣ кости Карла В., 86; кресло его въ Аахенскомъ соборѣ, 87; монета, 89.
 Карлъ де-Менъ, графъ-наслѣдн. послѣдн. изъ Анжу, 575.
 Карлъ Лотарингскій, 203.
 Карлъ Мартель, 58—60, 63, 67.
 Карлъ II, Плъшивый, 92, 93, 95, 96, 99, 101.
 Карлъ III, Толстый, 96.
 Карлъ, сынъ Карла В., 88.
 Карлъ, сынъ Лудвига-Заморскаго, 128, 132, 133.
 Карлъ Смѣлый, герц. Бургундскій, 553 (изображеніе, *ibid.*), 555, 556.
 Карлъ I, кор. Испанскій, 592.
 Карлъ III, кор. Венгерскій, 423, 597.
 Карлъ IV, Нѣм., 422, 426, 427, 329, 430, 432, 433, 436—440, 442—440, 450. Рис.: любимая резиденція—замокъ Карлштейнъ, 429; крышка на печати съ «золотой буллы», 434; коронаціонное пиршество, 435; въ царственной одеждѣ, 438.
 Карлъ IV, Франц., 418, 429, 462;—V, Франц., 462, 465, 466, 468; коронаваніе, рис., 467;—VI, Франц., 456, 462, 468, 490.
 Карлъ VI (изображеніе), 569.
 Карлъ VII, кор. Французскій, 467, 508, 520, 570, 571 (изображеніе), 573, 577.
 Карлъ VIII, кор. Французскій, 557, 558, 574, 575.
 Карлъ-Робертъ Неаполитанскій, 400, 412, 418.

Каролинги, 64, 96, 99, 106, 115
 Каррэ, см. Харанъ.
 Кароагенъ, 33, 53.
 Карнаръ Шликъ, см. Шликъ.
 Каспійское море, 217, 476.
 Кассиодоръ, 62.
 Кастилія, 200, 353, 489.
 Кастріотъ Георгій, онъ же Скандеръ-бегъ, онъ же кн. Александръ, 519.
 Кастручіо (Кастракани), 422.
 Каталонія, 353.
 Каэтанъ Ананій, см. Бонифацій VIII.
 Каэары, 314.
 Кведлинбургъ, 111, 112, 128, 260, 262, 309; монастырь, 117.
 Кейстуть, 525.
 Кельны, 8, 12, 26, 63, 72, 88, 96, 99, 121, 125, 128, 164, 171, 176, 197, 240, 250, 254, 306, 311, 329, 374—376, 378, 379, 382, 386, 388, 396, 397, 399, 415, 440, 441, 491, 558, рис.: древнѣйшій домъ, 379; соборъ, 381.
 Кельты, 5.
 Кенигсбергъ, 440, 457.
 Кенигслутерь, 261.
 Кербоба, 242.
 Кіевское княж., 229, 593.
 Кіевъ, 213—216, 218, 222, 224—227, 229—232; рис.: Золотыя ворота, 226; видъ на Дѣвѣръ, 228, 479.
 Килианъ, 62.
 Килиджъ-Арсланъ, 241, 295.
 Киликія, 296, 303.
 Кильская бухта, 115.
 Кимвры, 5.
 Кипръ, 52, 297, 461, 355.
 Кириллъ Александрійскій, 18.
 Кириллъ, митрополитъ, 481.
 Киртонъ, 63.
 Китай, 477.
 Кларенсъ, гцг., братъ Эдуарда IV Англійск., 578—579.
 Классенскій мон., 137.
 Клермонъ, 193, 204, 209, 235, 239.
 Клефъ, 40.
 Климентъ II, папа (Сундгеръ фонъ-Майендорфъ),

- 163; гробница его, рис., 162.
 Климентъ III, 189, 190, 194, 294, 302.
 Климентъ IV, 383.
 Климентъ V, 406, 412, 418, 460, 461.—VI, 426;—VII (Робертъ), 489.
 Клотарь I, 30, 42.
 Клотарь II, 42, 55.
 Клонийскій мон., 134, 146, 158, 611.
 Клязьма, 231.
 Кнудъ II, Великій, 151, 152.
 Кнудъ VI, 344.
 Кобленцъ, 195, 262, 417, 484.
 Кобургъ, 400.
 Козельскъ, 479.
 Коломанъ Венгерскій, 240.
 Коломна, 485.
 Колонна, 131, 412;—Шпирра, см. это слово.
 Колонна Антонина; изображ. на ней, 9, 13, 16.
 Колонъ (Кристалль), см. Колумъ Христофоръ.
 Колумбанъ, 62.
 Колумбъ (Бартоломей), бр. Христофора, 587, 589.
 Колумбъ (Христофоръ), 585, 586 (изображеніе), 587, 588, 589, 590.
 Колумбъ Діего, см. Діего.
 Комнены, 239, 295, 297.
 Комо, 272, 276.
 Компа, 38.
 Компиень, 572.
 Конрадинъ Швабскій, 340, 382, 384, 386, 404; на соколиной охотѣ, рис., 385.
 Конрадинъ, 105.
 Конрадъ I, 106—108; печать, рис., 105.
 Конрадъ II, 150—154, 156—158, 160, 161; рис., печать, 152; Шпейерскій соборъ, въ которомъ онъ погребенъ, 155.
 Конрадъ III, 257, 260, 262, 263, 265—269. Стагуга, рис., 268.
 Конрадъ IV, 329, 332, 337, 340.
 Конрадъ Баварскій, 165.
 Конрадъ Кельнскій, 382.
 Конрадъ Лотарингскій, 115, 120—122.
 Конрадъ Мазовецкій, 326, 327.
 Конрадъ Майнцскій, 305, 307.
 Конрадъ Марбургскій, 328.
 Конрадъ Мейсепскій, 268.
 Конрадъ, сынъ Генриха IV, 177.
 Конрадъ фонъ-Гогштаденъ, 376, 378, 379. Изобр. его, съ гробницы, 378.
 Конрадъ, свящ., 370.
 Конрадъ, сынъ Генриха IV, 193, 194. Изображ. его въ пергаментной рукописи, 193.
 Константинополь, 19, 23, 30, 34, 36, 38, 52, 53, 58, 66, 67, 70, 78, 79, 119, 126, 130, 136, 139, 190, 213, 214, 216, 217, 224, 235, 238, 239—241, 265, 266, 295, 316—318, 343, 354, 457, 511, 513, 514. Крепости подъ его стѣнами, рис., 317.
 Константинъ IV, 53.
 Константинъ V, Копронимъ, 64.
 Константинъ VI, 78.
 Константинъ VII, Порфирогенетъ, 126, 214.
 Константинъ VIII, 224.
 Константинъ IX, 130.
 Константинъ IX (по друг. численію XIII), импер. Визант., 515, 517.
 Констанція, жена Фридриха II, 323.
 Констанція, жена Генриха VI, 289, 303, 304, 307.
 Констанцъ, 288, 311, 446, 493—496.
 Копенгагенъ, 344, 441.
 Корайшиты, 46, 47, 50, 65.
 Корбійскій мон., 70.
 Корвей, 175. Монастырь, 101, 117.
 Кордова (Кардуба), 65, 67, 125, 126, 200.
 Коростень, 215.
 Корсика, 36, 40.
 Корсунъ, 224.
 Кортенуово, 332.
 Косса, 493.
 Коссова, 455.
 Коссовская равнина, 515.
 Крайна, 332, 393.
 Браковъ, 157, 456, 525.
 Красное море, 44.
 Крафтъ, Адамъ, 567.
 Кремона, 131, 278, 279, 281, 311, 333, 338.
 Креси, 426, 464.
 Кривичи, 215, 216.
 Критъ, 126.
 Крымъ, 224, 535, 542.
 Куба, о-въ, 587, 589.
 Кукуша Св., 224.
 Куликово поле, 485.
 Кульмбахъ, 504.
 Кульмская долина, 257.
 Кульмъ, 440, 452, 557.
 Кунигунда, жена Генриха II, 139, 142, 150.
 Кунигунда (Гунгильда), жена Генриха III, 156.
 Кунигунда, чешская княжна, 393.
 Кунигунда, жена Оттокара II, 393.
 Кунимундъ, 39.
 Куно изъ Пренесты, 250.
 Кутенбергъ, 522.
 Кучково с., 483.
 Лабрадоръ, 589.
 Лаванья, 335.
 Лавелло, 340.
 Ладиславъ, 513. Иначе Л. Посмертный, 515, 520, 521, 522, 549, 597.
 Ладожское озеро, 214, 215.
 Лактарская гора, 37.
 Ла-Маншъ, граф., 462
 Ламбертъ, см. Гонорій II.
 Ламехо, 353.
 Лампрехтъ, свящ., 371.
 Лангедокъ, 314.
 Лангобардія, 41, 69, 70, 75, 136.
 Лангобарды, 39, 40, 61, 64, 67, 79, 83, 200.
 Лангръ, 351.
 Ланфранкъ, 168, 209, 361.
 Ланъ, 203, 351.
 Лаодикей, 266.
 Лаонъ, 255.
 Ла-Рошель, 465.
 Латеранъ, 170, 180, 189, 190, 253, 259, 313, 412.
 Латыши, 234.
 Лебедевъ, К. В., 531.
 Левенъ, 99.
 Левъ I (Великій), 19.
 Левъ II, имп., 78.
 Левъ II, кор. Арменій, 303.
 Левъ III Исаврянинъ, 61.

- Левъ III, папа, 79.
 Левъ VIII, 125.
 Левъ IX, Брунонь, 163—166.
 Левъ X, папа, 598.
 Левъ Дьяконъ Калойскій, 218, 220.
 Ледовитое море, 460.
 Лейпцигъ, 492, 567, 568.
 Ленъяно, 284.
 Леонъ, 200, 353.
 Леопольдъ Австрійскій, 262, 263, 300, 302;—VIII, Австрійскій, 446; — с. Альбрехта I, 414, 417, 420.
 Леофрикъ Мерсійскій, 206.
 Лерхъ, художникъ, 559.
 Лехское поле, 122.
 Ливонскій орденъ, 234.
 Ливы, 234.
 Лигницъ, 418, 462, 479.
 Лигурія, 40.
 Лимузенъ, 346, 465.
 Линдау, г., 558.
 Линдгольмъ, 460.
 Лирисъ, см. Гарильяно.
 Лиссабонъ, 583.
 Литаха, 158.
 Литва, 457, 485.
 Литовцы, 231.
 Лифляндя, 457.
 Лионъ, 59, 315, 319, 335.
 Лидольфинги, 105.
 Лидольфъ, сынъ Оттона I, 120—122, 124.
 Лидольфъ Швабскій, 116.
 Лютберга, 75.
 Лютгарда, 115.
 Лютпрандъ Веронскій, 126.
 Лютпрандъ Лангобардскій, 61, 64.
 Лютфридъ Швабскій, 107.
 Ловать, 215.
 Лоди, 272, 276, 279.
 Лозанна, 392, 510.
 Ломбардія, 118, 120, 124, 130, 154, 179, 184, 185, 272, 279, 282, 324, 326.
 Ломбардцы, 186, 244, 284, 285, 332.
 Лонгинъ, 39, 40.
 Лондонъ, 206, 207, 348, 374, 466.
 Лотарингія, 96, 106, 109, 115, 121, 128, 142, 151, 156, 158, 163, 250, 252.
 Лотарингцы, 122, 241.
 Лотарій Саксонскій, 250, 253, 256 — 261; печать, рис., 260.
 Лотаръ I, 91, 92, 93, 95, 96.
 Лотаръ II Рим., 100.
 Лотаръ Франц., 128, 130, 132, 203.
 Лотаръ Бургундскій, 119.
 Лотаръ де-Севьи, 306.
 Лотаръ, сынъ Генриха Льва, 300.
 Луара, 4, 24, 26.
 Лувръ, 404.
 Лугдунумъ, 96.
 Лудвигъ I Благочестивый, 78, 82, 89 — 95, 97, 99, 103.
 Лудвигъ II Римскій, 96.
 Лудвигъ II Бургундскій, 117, 118.
 Лудвигъ III Младенецъ, 99, 105; печать, рис., 104.
 Лудвигъ III Франк., 99.
 Лудвигъ IV Заморскій, 115.
 Лудвигъ Нѣмецкій, 91—93, 95, 96, 98; подпись, рис., 90.
 Лудвигъ Баварскій, 323, 505, 550.
 Лудвигъ (Верхне-Баварскій), Нѣм. 392, 414—428. Рис.: коронованіе, 421; голова его съ изобразж. на гробницѣ, 428.
 Лудвигъ, сынъ Лудвига Верхне-Баварскаго, 425.
 Лудвигъ Богатый («Охрана страны»), герц. Баварскій, 550.
 Лудвигъ, Бранденбургскій, 418, 420, 423.
 Лудвигъ Великій, Венгерскій, 450, 455.
 Лудвигъ Рейнскій, 389.
 Лудвигъ Тюрингенскій, 268, 324.
 Лудвигъ, сынъ Карла Плѣшив., 96.
 Лужицкая марка, 450. Верхняя, 437. Нижняя, 437.
 Луканія, 36.
 Лукива на Эльбѣ, 110.
 Лудль, 64.
 Лупусъ Аквитанскій, 77.
 Лутервордъ, 471.
 Лутеція, см. Парижъ.
 Луперія, 338, 384.
 Лупій, 264.
 Луцкъ, 231.
 Любекъ, 286, 327, 344, 388, 439—442. Городскія ворота, рис., 442.
 Любечъ, 229.
 Людовикъ III, 202.
 Людовикъ IV, 203.
 Людовикъ V Лыбный, 203.
 Людовикъ V Франц., 132.
 Людовикъ VI Франц., 349.
 Людовикъ VII Франц., 264, 266, 349.
 Людовикъ VIII Франц., 349.
 Людовикъ IX, Святой, 337, 349—252, 355, 356, 373; рис.: на тронѣ, 351; печати, 352, 403;—X, 462.
 Людовикъ Орлеанскій, герцогъ, братъ Карла VI, 569.
 Людовикъ XI, 554, 574.
 Людовикъ XII, кор. Французскій, первонач. герц. Орлеанскій, 574. (Изображеніе), 576.
 Лютипольдъ Бабенбергскій, 128.
 Люкаръ де - Баромедъ (Санъ), 592.
 Люксенбурги, 422, 426, 430, 436, 452. Гербъ, рис., 413.
 Люксенбургъ, 437.
 Люнебургъ, 286.
 Львелейнтъ Узельскій, 463.
 Лютичи, 138, 166, 173.
 Люттихъ, 99, 197, 258.
 Люцернъ, 442.
 Лютій III, 289.
 Маасъ, 26, 28, 58, 311.
 Маврицій, 52, 214.
 Мавры, 33, 321, 353, 585.
 Магдебургъ, 114, 120, 124, 125, 254, 260.
 Магеланъ (Фернандъ), 592.
 Магнусъ I, 211.
 Магнусъ VII, 343.
 Магнусъ Билунгеръ, 250.
 Магнусъ Законодатель, 458.
 Магнусъ Саксонскій, 174, 175.
 Магнусъ V Смѣкъ (Эриксонъ), 458, 459.
 Магомедъ (Мухамедъ), 46—49, 51.
 Магъяры, 98, 99, 106, 107, 109, 110, 112, 114, 118, 121—123, 148, 393.
 Мадера, о-въ, 584.
 Майнцъ, 8, 63, 86, 88, 96, 121, 138, 150, 165, 182,

- 188, 194—196, 250, 252, 254, 269, 288, 289, 294, 311, 312, 329, 386, 388, 397, 415.
 Майорка, 353.
 Македонія, 455.
 Макіавелли, 599.
 Максимиліанъ I, изображеніе, 561, 562.
 Максимиліанъ, сынъ имп. Фридриха III, 538. — Максимиліанъ, имп., 539.
 Максимиліанъ, сынъ Фридриха III, 554, 556, 557, 558, 560.
 Малабарскій берегъ, 591.
 Малъ, 103.
 Мамай, 485.
 Мамутекъ, царь Казанскій, 535.
 Манджурь, 477.
 Мангеймъ, 380.
 Мантуя, 171, 184, 281, 332.
 Мануиль I, 247, 265, 290, 292.
 Мануиль II, Византійскій имп., 512.
 Манфредъ Тарентскій и Сицилійскій, 338, 340, 383, 384.
 Манцикертъ, 238.
 Марбуодъ, 10—12.
 Марбургъ, 328, 457.
 Маргарита, дочь короля Максимиліана, отъ супруга съ Маріей Бургундской, 556, 557 (изображеніе).
 Маргарита, вдова герцога Бургундскаго, 552.
 Маргарита Австрійская, 391.
 Маргарита (Анжуйская), королева Англійская, 577—578.
 Маргарита Датская, жена Гакона Норвежскаго, 449, 450, 459.
 Маргарита, жена Лудвига Верхне-Баварскаго, 426, 437.
 Мариенбургъ, 457, 552.
 Марія Бургундская, герцогиня, впоследствии супруга короля Максимиліана, 554, 556, 560 (изображеніе въ миниатюрѣ).
 Марія, жена Сигизмунда, Нѣм., 450.
 Марія, племянница Маргариты Датской (жены Гакона Норв.), 460.
 Марія, сестра Ярослава I, 236.
 Маркоманны, 10.
 Марко Поло, см. Поло.
 Марозія, 119.
 Марокко, 200.
 Марсель, 98, 316, 318.
 Мартинъ Св., 75.
 Мартинъ V (папа), 498, 501.
 Мархія, 158.
 Марцилій Падуанскій, 424
 Маршская равнина, 391, 394.
 Марса Посадница, 532.
 Массилія, 88, 96.
 Матрихтъ, 99.
 Матильда, жена Генриха I, 107, 124. Гробница, рис., 111.
 Матильда, дочь Генриха I Англ., 209.
 Матильда, дочь Генриха III, 172.
 Матильда, жена Генриха V, 250.
 Матильда, жена Генриха Льва, 282.
 Матильда, жена Готфрида Горбатаго, 173.
 Матильда, маркграфиня Тусційская, 181, 184, 185, 192—194, 242, 251.
 Матильда, аббатиса Кведлинбургская, 131, 132.
 Матвей, король Венгерскій, 519.
 Матвей, по прозв. Корвинъ, кор. Венгерскій, с. Гунада, 521.
 Матвей, кор. Венгерскій, 556.
 Матвей изъ Яшова, 491.
 Махмудъ, 520.
 Махмудъ I, 512.
 Махмудъ II, 515, 516, 517.
 Медарда, Св. мон., 93.
 Медина аль Набхи, 47.
 Медичисы, 595, 596, 597. — Лоренцо Медичи (изображеніе) ib., 596. — Косма, 596. — Юліанъ, ib. — Пьетро, с. Космы, ibid.
 Мейнгардтъ, 234;—Тирольскій, 393, 394.
 Мейсенъ, 110, 125.
 Мекенень, ф. (Израэль) 566.
 Мекка, 45—48, 50, 51.
 Мекленбургъ, 440.
 Мелусъ, 139.
 Мельрихштадтъ, 186.
 Менгли-Гирей, ханъ Крымскій, 535, 542.
 Менфе, 158.
 Мень, 352.
 Мерванъ II, 65.
 Мерзебургъ, 124, 125, 260, 270, 300.
 Мервинги, 26, 42, 57, 91, 202.
 Мерсія, 205.
 Мессинскій проливъ, 41.
 Мессина, 297.
 Мессопотамія, 130, 292.
 Мехтилды, жены Генриха Льва — надмогильныя изображенія, 301.
 Медъ, 84, 94, 327, 433.
 Мечиславъ II, 151, 153, 154.
 Мидія, 52.
 Миланцы, 289.
 Миланъ, 18, 34, 35, 96, 151, 179, 201, 257, 258, 272, 276, 277, 279—282, 289, 332, 333, 373, 412, 418, 421, 422, 438, 593, 594.
 Миллячъ, 491.
 Минденъ, 388.
 Миріокефалонъ, 292.
 Мись, Яковъ, 498.
 Михайль архангелъ, 49.
 Михайль Борисовичъ, кн. Тверской, 533.
 Михайль VII, 238.
 Михайль VIII Палеологъ, 354, 454.
 Моавъ I, 52.
 Моакхитаты, ангелы, 49.
 Можайскъ, 483.
 Мозель, 58, 99.
 Моисей (Муза), 49.
 Молдава, 436, 450.
 Молдавія, 455.
 Молуккскіе о-ва, 591, 592.
 Монашество, 19.
 Монголы, 214, 334, 356, 476, 477, 481, 483, 485, 486.
 Моника, 18.
 Монмартръ (Гора Мучениковъ), 130.
 Мономаховичи, 230.
 Монте-Кассино, 60, 61, 261.
 Монтефьясконе, 306.

- Монторандъ, 59.
 Монтрѣ, крѣп., 570.
 Монца, 257; вѣнчаніе Герм.
 императора желѣзною ко-
 роною, рис., 387.
 Монъ-Сенисъ, 70, 184.
 Мопертюи, 465.
 Морабеты, см. Альмора-
 виды.
 Моравія, 99, 212, 394, 400,
 422, 437, 450, 479.
 Моравы, 98.
 Моргартень, 417.
 Мордва, 477.
 Москва, 479, 483—485, 487;
 Донской монастырь, рис.,
 487.
 Московское кн., 483, 487,
 488.
 Моро (Лодовико), 594—595.
 Мослемиты, 48, 332.
 Мосуль, 242.
 Мочениго Джіованни, дожъ,
 519.
 Мстиславъ Владиміровичъ,
 225.
 Мстиславъ Изяславовичъ,
 233.
 Мстиславъ I (Мономахо-
 вичъ), 230.
 Мстиславъ Кіевскій, 476.
 Мстиславъ Удалой, Галиц-
 кій, 476.
 Мстиславъ Черниговскій,
 476.
 Муза, 55.
 Мурадъ I, 454, 455.
 Мурадъ II, 512, 513, 515.
 Муреть, 319.
 Мурзуфль, 317.
 Муромо-Рязанское княж.,
 229.
 Мурція, 353.
 Мэнъ, 345.
 Мѣшко, 130.
 Мюльгаузенъ, 187, 260.
 Мюльдорфъ, 417, 418.
 Мюнстеръ, 74, 388.
 Мюнхенъ, 418, 420, 427, 453.
 ■ аварра, 200, 353, 489.
 Навидадъ, г. 588.
 Назареть, 325.
 Нанси, г., 556.
 Нарбонна, 65, 88.
 Нарзасъ, 34, 36—39, 61.
 Наумбургъ, 188.
 Неаполисъ, 64.
 Неаполь, 34, 258, 302, 334,
 340, 349, 386, 412, 422.
 Нева, 481.
 Негавенда, 52.
 Недадь, 22.
 Неймаркъ, 552.
 Нейстрия, 42, 55, 58, 59.
 Непрядва, 475.
 Нерты, 17.
 Несторій, 18.
 Нидерланды, 12.
 Нижегородское кн., 475.
 Никея, 241, 265, 318, 354.
 Никита Поповичъ, см. По-
 ловичъ.
 Никифоръ Фока, 126, 217.
 Николай I, папа, 100, 101.
 Николай II (Гергардъ), 168,
 169, 170.
 Николай V, папа, 422, 510,
 511.
 Николай (изъ Гусинда),
 499.
 Никополь, 452, 455, 456.
 Никузза, 590.
 Ниль, 20, 245, 321, 355.
 Нинвегенъ, 81, 92.
 Ницца, 160.
 Нишь, 513.
 Новгородская земля, 524.
 Новгородъ, 215, 222, 224,
 225, 228, 231—234, 479,
 483, 485, 530, 531, 532, 533.
 Знаменскій соборъ въ
 Новгородѣ, рис. 233.
 Новгородъ-Сѣверск. княж.,
 229.
 Новгородское княж., 523.
 Ной, 49.
 Нойонъ, 351.
 Норбертъ Ксантенскій, 255.
 Норбертъ Магдебургскій,
 258, 259.
 Норвегія, 98, 210, 342, 456,
 458—460.
 Норикъ, 20.
 Норійцы, 39.
 Нормандія, 207, 209, 345,
 352, 470.
 Норманны, 71, 96—99, 139,
 148, 165, 169, 173, 181,
 189, 190, 201, 205—208,
 210, 211, 241—245, 260,
 274, 295, 348.
 Норгумберлэндъ, 85, 205.
 Нумидія, 18.
 Нуррэддинъ, 266, 290, 292.
 Нѣмецкое море, 450.
 Нѣмцы, 138, 139, 152, 234,
 244, 256, 265, 266, 284,
 306, 324, 481.
 Нѣфельсъ, 448.
 Нюрнбергъ, 122, 257, 311,
 412, 433, 443, 445.
 ●берландштейнъ, 429, 452.
 Оботриты, 74, 98.
 Овершотльцы, 379.
 Оглю, 332.
 Одеръ, 110, 115, 460.
 Одилопъ Ключійскій, 151,
 160, 161.
 Одингъ, 210.
 Одоакръ, 3, 20, 22.
 Одонъ, графъ Шампаньи,
 151, 154, 156.
 Одонъ Парижскій, 96, 203.
 Ока, 215.
 Оксерръ, 95.
 Оксфордъ, 208, 471, 491,
 582.
 Октавианъ, см. Викторъ IV.
 Олафъ II Норвежскій, 210,
 236, 458, 459.
 Олафъ Тригвесь Мл., 211.
 Олегъ Вѣщій, 214, 216.
 Олегъ Святославовичъ Чер-
 ниговскій, 229, 230; —
 Рязанскій, 485, 486 (рис.
 его терема).
 Ольга Св., жена Игоря,
 217, 218. Кресть и шап-
 ка, рис., 219.
 Ольгердъ, 523, 524, 525.
 Ольговичи, 230.
 Омаръ, 51, 52.
 Омалды, 52, 53, 65, 67.
 Оппасъ, 54.
 Оппенгеймъ, 175, 388.
 Орда Золотая, 534, 535.
 Ордульфъ Саксонскій, 174.
 Орлеанъ, 30, 570
 Ормуздъ, г., 591.
 Оронтъ, 242.
 Орсини, 412
 Османъ, 454.
 Оснабрюкъ, 74, 388.
 Остготы, 22, 33 — 40, 61,
 200; —скій воишь, рис., 37.
 Остфалы, 71.
 Отманъ, 52.
 Отранто, 324.
 Оттокаръ Богемскій, 311.
 Оттокаръ II Богемскій, 390,
 —394, 457.
 Оттокаръ фонъ - Горнекъ,
 400.
 Оттонъ Баварскій, 131, 337.
 Оттонъ Бамбергскій, 261.
 Оттонъ фонъ-Виттельсбахъ,
 276, 286, 309.

Оттонъ Люнебургскій, 330.
 Оттонъ фонъ - Нордгеймъ, 170—176, 182, 186, 188, 189, 256.
 Оттонъ Саксонскій, 105.
 Оттонъ Фрейзингенскій, 265, 269.
 Оттонъ Швабскій, 124, 128.
 Оттонъ I Великій, 112—117, 119—126, 128. Рис.: подпись, 113; монета, 120; печать, 123; статуя, 127.
 Оттонъ II, 124—125, 128, 130, 131. Изображ., вырѣз. на ковчегѣ съ мощами, рис. 129.
 Оттонъ III, 131—134, 136—139. Рис.: титульная миниатюра сборника евангельскихъ чтеній, 135; покаянная запись, 137.
 Оттонъ IV, 306—312, 322; серебряный брактеатъ, рис. 312.
 Оттонъ, братъ Фридриха Австрійскаго, 420.
 Оттонъ, сынъ Лудвига Верхне-Баварскаго, 437.
 Отфридъ фонъ - Вейсенбургъ, 102.
 Павелъ Варнефридъ, 84.
 Павелъ-Дьяконъ, 40, 41.
 Павелъ Ойвойскій, 19.
 Павелъ II, папа, 519, 522.
 Павія, 37, 40, 64, 70, 97, 120, 138, 150, 151, 154, 181, 278, 282, 284, 501.
 Падерборнъ, 72, 74, 79.
 Падуя, 332.
 Палеологи, 515.
 Палеологъ, Софья Фоминышна, 533, 534, 536, 538.
 Палермо, 34, 258, 303, 383.
 Палестина, 238, 246, 292, 297, 303, 321, 322, 354, 356.
 Памфилія, 266.
 Панамскій пер., 590.
 Пандульфъ Капуанскій, 139.
 Паннонія, 10, 22, 39, 98.
 Панионцы, 39.
 Параскева (Адельгейда), жена Генриха IV, 192, 193.
 Парижъ (Луतेція), 29, 30, 96, 97, 99, 130, 203, 373, 403, 465, 491, 572, 574.
 Парма, 248, 338.
 Пассау, 63.

Пасхазій Ратбергъ, 101, 168.
 Пасхалий II, 194, 195, 244, 248, 249, 251; врученіе Генриху V царской утвари, рис., 249.
 Пасхалий III, 280, 281, 284.
 Патерно, 137.
 Паулуччи Анафесто, 201.
 Пахеке (Дуартъ), 591.
 Пахомій, 20.
 Педрарія, 591.
 Пекинъ, 583.
 Пелагій, британскій монахъ, 18.
 Пелагій, кардиналъ, 322.
 Пентаполисъ, 308.
 Пера, 316, 317.
 Передей, 40.
 Переяславъ, 483.
 Переяславское княж., 229.
 Перигоръ, 465.
 Перкинъ Варбекъ, см. Варбекъ.
 Персія, 51, 52.
 Персы, 32, 35.
 Перуджія, 319.
 Петръ Абеляръ, 255, 271.
 Петръ Айхшпальтеръ, 400, 401, 406, 414; надгробный памятникъ, рис., 407.
 Петръ Амьенскій, Пустышникъ, 239, 240, 317.
 Петръ, ап., 19, 60, 103.
 Петръ III Арагонскій, 319, 408.
 Петръ Вальдусъ, 315, 321.
 Петръ Вароломей, 242.
 Петръ Венгерскій, 157, 158, 163.
 Петръ Винеа, 335, 338.
 Петръ Даміани, 171, 173, 177, 178.
 Петръ Кандіо, см. Александръ V.
 Петръ Ломбардъ, 361.
 Петръ, митрополитъ, 484.
 Петръ д'Эльи, 491, 494.
 Печенѣги, 214, 217, 218, 222, 226, 229, 239.
 Печерскій мон., 226.
 Пиаченца, 180, 239, 281.
 Пьерлеоне, 258.
 Пиза, 356, 373, 412, 491, 593.
 Пизанцы, 334.
 Пій II (онъ же Эней Сильвій), папа, 519, 522.
 Пикокъ (Реджинальдъ), 582.
 Пиленрейтъ, 548.

Пилосъ, г., 587.
 Пилигринъ Зальцбургскій, 448.
 Пильгримъ Кельнскій, 150, 151.
 Пинтуриккіо, 509.
 Пипинъ I, 91, 92, 93.
 Пипинъ Геристальскій, 58; подпись, рис., 60.
 Пипинъ Короткій, 60, 63—65, 67, 69; подпись, рис., 65.
 Пипинъ Ланденскій, 58.
 Пипинъ, 2-й сынъ Карла Великаго, 76, 88.
 Пириней, 24, 58, 77.
 Пиринейскій полуостровъ, 4, 53, 76, 200, 304, 352, 414, 460.
 Плантагенеты, 345.
 Плауенъ - фонъ, Генрихъ, магистръ Тевтонскаго ордена, 552.
 Плейхфельдъ, 192.
 Плимутъ, 579.
 По, 201, 272, 284.
 Подебрадъ, Георгій, 521.
 Онъ-же Георгій (Гирпникъ), 522.
 Подолия, 525.
 Поло - Маффіо, Николо-Марко, 583.
 Половцы, 229, 230, 476.
 Полодць, 222, 234.
 Полочане, 216.
 Польша, 453, 456, 479, 489.
 Поляне, 215, 216.
 Померанія, 261, 440.
 Помфретъ, 470.
 Понтъе, 465.
 Понтъ Евксинскій, 213, 214.
 Попель, рыцарь, посоль съ Московіи, 538.
 Поповичъ, Никита, 533.
 Поппонъ, см. Дамась II.
 Португалія, 343, 353.
 Потсдамъ, 380.
 Прага, 110, 157, 436, 491—493, 499, 501, 502.
 Припять, 215.
 Провансальцы, 241—243, 245.
 Провансъ, 314.
 Прокопій (Бритый), 501.
 Прокопій (Малый), 501.
 Пруссія, 450, 457.
 Пруссы, 133, 136, 326.
 Прымскій мон., 96.
 Исковъ, 540.

Пуату, 306, 345, 352, 465.
 Пуатье, 29, 59, 464, 465.
 Пулланы, 245.
 Пфальцъ, 397, 415.
 Пфедерсгеймъ, г., 550.
 Польша, 128, 136, 153, 154, 157, 174, 212, 253, 259.
 Пьяченца, см. Пиаченца.
 Пясть-Казимиръ, 157.
 Рааба, 158.
 Рабанусъ Маурусъ, 100, 103.
 Равенна, 12, 22, 24, 34—36, 38, 40, 64, 133, 136, 151, 201, 308, 324, 327. Гавань, рис., 38.
 Радимици, 215.
 Радпортъ, 62.
 Радульфъ Клервоскій, 264.
 Раймундъ Пуатускій, 247.
 Раймундъ Триполискій, 292.
 Раймундъ IV Тулузскій, 240—243, 315, 319.
 Райнальдъ фонъ-Доссель, 276.
 Райнальдъ Шатиллонскій, 292, 294.
 Райнальдъ Кельнскій, 280.
 Райнальдъ Майнцскій, 281.
 Райнульфъ Алифскій, 260.
 Ратрамнусъ, 101, 168.
 Рафаэль (Санціо), 599, 600.
 Ревель, 440.
 Регенсбургъ, 63, 85, 108, 121, 122, 157, 265, 268, 295, 423, 424, 518, 550.
 Регенъ, 195.
 Регіумъ, 34.
 Реймсъ, 28, 30, 91, 203, 456, 570.
 Рейнская обл., 394; равнина, 150.
 Рейнь, 6, 8, 10, 11, 26, 28, 58, 71, 72, 81, 86, 94, 96, 99, 115, 171, 175, 176, 182, 240, 302, 318, 338, 374, 378, 382, 400.
 Рейтлингенъ, 444.
 Рейхенаускій мон., 117.
 Реккаредъ, 53.
 Рекнипъ, 123.
 Ремигій Лионскій, 101.
 Ремигій Реймскій, 28.
 Ренатъ, герцогъ Лотарингскій, 556.
 Рензе, 419, 424, 426.
 Реннемедская равнина, 348.
 Риале, 112.
 Ріальто, 201.

Рига, 234, 440.
 Риензи (Коло), 598.
 Римини, 64.
 Римляне, 5, 7, 8, 10, 11, 14, 24, 33, 34, 37, 84, 98, 103, 136, 152, 281, 302.
 Римъ, 4, 14, 18, 19, 22, 24, 31, 34, 36, 38, 41, 60—64, 68, 70, 79, 84, 96, 98, 102, 117, 118, 124, 125, 131, 133, 134, 136, 137, 151, 152, 159, 163—165, 169, 171, 173, 178, 179, 184, 189, 190, 192, 193, 204, 238, 248, 250, 251, 256, 259, 261, 263, 264, 272—274, 278, 281, 307, 311, 323, 334, 335, 384, 386, 412, 418, 421, 422, 453, 455, 456, 489.
 Рипепъ (Рипа), 116.
 Рихенда, 256.
 Ричардъ Корнваллійскій, 354, 382.
 Ричардъ I Львиное Сердце, 297, 298, 300, 302, 306, 346, 350, 368. Рис.: надгробное изображение, 298; печать, 347.
 Ричардъ, братъ Иннокентія III, 309.
 Ричардъ Капуанскій, 169.
 Ричардъ (Йоркскій), 578.
 Ричардъ II Англ., 468, 469, 470, по старинной картинѣ, рис. 469; печать, 470.
 Ричардъ III, король Англійскій, 579, 580.
 Робертъ I Норман., 134, 146, 203.
 Робертъ II Коротконогіи, Норман., 209, 240, 243.
 Робертъ д'Артуа, 334.
 Робертъ Гискаръ, 169, 181, 189, 190, 238, 239, 242.
 Робертъ, король Неаполитанскій, 597.
 Робертъ Фландрскій, 240.
 Роденкирхенъ, 378.
 Родрихъ, 54.
 Родось, 52.
 Родсъ (Росъ), 215, 520.
 Рожеръ де-Флоръ, 457.
 Рожеръ Сицилійскій I, 201.
 Рожеръ Сицилійскій II, 258, 260, 261, 263, 265, 266, 274.
 Рожеръ ф. д. Вейденъ, см. Вейденъ.

Розамунда, 39, 40.
 Роландъ Сиенскій, 276.
 Роландъ, см. Александръ III.
 Ролданъ, 589.
 Роллонъ (Робертъ Норманскій), 203.
 Романъ II, 125, 126.
 Романъ IV, Диогенъ, 238.
 Романъ Мстиславовичъ, 231, 233.
 Романъ, 40.
 Ромуальдъ Св., 136.
 Рона, 4, 26, 96, 154, 406, 418.
 Ронкальская долина, 272, 277.
 Ронсевальская долина, 77.
 Ростиславъ, 98.
 Ростовская обл., 224.
 Ростовско-Суздальское княжество, 231.
 Ростовъ, 483.
 Ростокъ, 439, 449, 450, 460, 567.
 Росъ, р., 215.
 Росъ (Родсъ), племя, 215.
 Ротарій, 41.
 Ротгаль Суассонскій, 102.
 Руанъ, 115, 209.
 Руги, 22.
 Рудольфъ I Бургундскій, 97, 203.
 Рудольфъ III Бургундскій, 145, 151, 153, 154.
 Рудольфъ IV Австрійскій, 437.
 Рудольфъ (графъ Габсбургскій), 504.
 Рудольфъ I Габсбургскій, 389—396, 417, 457. Рис.: преклоненіе предъ королемъ, 390; конная статуя, 391; памятникъ, 396.
 Рудольфъ, сынъ Рудольфа Габсбургскаго, 394.
 Рудольфъ Гогенэмскій, 447.
 Рудольфъ Норманнъ, 139;
 Рудольфъ Рейнскій, 399, 414, 416.
 Рудольфъ фонъ-Рейнфельденъ, 172, 174—176.
 Рудольфъ Саксонскій, 414.
 Рудольфъ Швабскій, 186—188; рис.: надгробная доска, 187; отрубленная кисть руки, 188.
 Рупрехтъ III, 452; надгробіе, рис., 451.
 Русъ (Руссы), 213—215,

- 218, 220, 224, 225, 228, 229, 231, 233, 236, 334.
 Русь, 474, 476, 477, 478, 480, 481, 483, 485, 486, 488.
- Рушванъ, ангель, 49.
 Рюгенъ, 344.
 Рюи-Діазъ (Сидъ), 200.
 Рюрикъ, 215; его крѣпость въ Стар. Ладогѣ, рис., 216.
 Рязанское княж., 478, 481, 485, 523.
- Савойя, 439.
 Савонарола (Джироламо), 596, 597 (изображеніе), 596.
- Саксенгаузенъ, 74, 415.
 Саксенгеймъ, 74.
 Саксонія, 40, 73, 74, 105—110, 115, 116, 121, 122, 131, 142, 148, 151, 156, 163, 174—176, 182, 186, 194, 250, 257, 259, 261—263, 281, 282, 286, 302, 386, 397, 415, 440.
- Саксы, 14, 58, 59, 65, 67, 71—75, 77, 79, 107, 111, 114, 122, 150.
- Саладинъ (Саладинъ), 290, 292, 294, 296—298, 300, 303.
- Салакасъ, 200.
 Салерно, 139, 146, 152, 190, 332.
 Салернское княж., 201.
 Салисбери, 208.
 Салійскій домъ, 253, 254, 256.
- Сальвадоръ, С., о—въ, 588.
 Само, 75.
 Санлисъ, 557.
 Сансъ, 271.
 Санта-Крупъ, 591.
 Санхо Аквитанскій, 77.
 Санхо Великій, 200.
 Санъ-Люкаръ, см. Люкаръ.
 Сарагосса, 77, 353.
 Сарай, 480, 535.
 Сарацины, 78, 125, 126, 323, 343, 384, 460.
 Сардинія, 33, 36, 40, 333, 338.
 Сарматы, 39.
 Сарна, 37.
 Свенъ I, 132, 203.
 Свенъ II, Эстригонъ, 174, 211, 344.
 Свенъ IV, Петръ, 270.
 Сверкеры, 343.
- Свибертсверта, Св. островъ, см. Кайзервертъ.
 Свѣвы, 4, 8, 39.
 Святополкъ Моравскій, 98, 99, 212.
- Святополкъ I, 225.
 Святополкъ II, 230.
 Святославъ, 217, 218, 220, 222; воинъ его тризна подъ Дористоломъ; рис., 221.
- Северинъ, 20.
 Сегестъ, 10, 11.
 Сегимеръ, 10.
 Секваны, 5, 10.
 Селевкія, 296.
 Сельджуки, 238—242, 245, 265, 266, 292, 296.
 Сельджукъ, 238.
 Семень Толбузинъ; см. Толбузинъ.
 Семирадскій, 221.
 Сена, 203.
 Сентонжъ, 465.
 Сень-Бернаръ, 154.
 Сень-Галленскій моп., 102, 106, 109, 117.
 Сень-Дени, 64.
 Сень-Джермано, 326.
 Сень-Морисъ, 203.
 Сень - Феликъ де - Караманъ, 314.
 Септиманія, 93.
 Сербія, 518.
 Сербы (Сорбы), 73, 74, 98, 455.
 Сестеръ, 548.
 Сеута, 54.
- Сигбертъ I, Австраз. король, 42.
 Сигбертъ, король рипуар. Франковъ, 30.
 Сигизмундъ, кор. Нѣм., 450, 452, 455, 456, 493, 496;—императоръ, 498, 499, 503, 504 (изображеніе въ миниатюрѣ), 507.
 Сигизмундъ I, Казиміровичъ, король Польскій, в. князь Литовскій, 541.
 Сигурдъ Норманскій, 245.
 Сигурдъ Норвежскій, 342.
 Сигфридъ фонъ-Вестенбургъ, 379.
 Сигфридъ Майнцскій, 171, 172, 177, 186, 189, 238, 311, 313, 332, 335.
 Сидонъ, 245.
 Сидъ, см. Рюи-Діазъ.
- Сиенна (соборъ въ), 501.
 Сикстъ VI, папа, 598.
 Силезія, 157, 334, 437, 450, 479.
 Силистрія, 218.
 Сильвестръ II, Гербертъ, 134, 137, 139, 153.
 Сильвестръ III, 162.
 Симеонъ Гордый, 484, 530.
 Симоне Донателло; см. Донателло.
 Симонъ-Кудесникъ, 161.
 Симонъ Монфортскій, 319, 349.
 Синай, 43.
 Синайскій полуостровъ, 44.
 Синеусъ, 215; курганъ, рис., 217.
 Синибальдъ Фиско; см. Иннокентій IV.
 Сирія, 67, 238, 266, 292, 300, 304, 316, 321, 325, 355, 356.
 Сито, 319.
 Сить, р., 479.
- Сицилія, 34, 36, 40, 98, 118, 126, 131, 201, 237, 258, 260, 261, 289, 300, 303, 304, 306, 307, 322, 323, 327, 330—332, 343, 349, 356, 383, 384, 386, 392, 408.
 Сиарій, 26, 27.
 Скандинавія, 67, 240, 342, 440.
 Скандинавы, 210.
 Скандинавскій полуостр., 210.
 Скутари, 384.
 Славонія, 212.
 Славяне восточные, 212—215.
 Славяне западные, 74, 98, 110, 112, 114—116, 122, 133, 138, 148, 174, 212.
 Славяне Ильменскіе, 215.
 Смеландъ, см. Кальмаръ.
 Смитфильдъ, 469.
 Смоленское княжество, 481, 483, 524.
 Смоленскъ, 215, 526, 541.
 Собеславъ Богемскій, 257.
 Сомаонъ Венгерскій, 171.
 Соломонъ Констанцскій, 106, 107.
 Сомма, 4, 26, 70.
 Сопа, 26.
 Сорактъ, 137.
 Сорбы, см. Сербы.

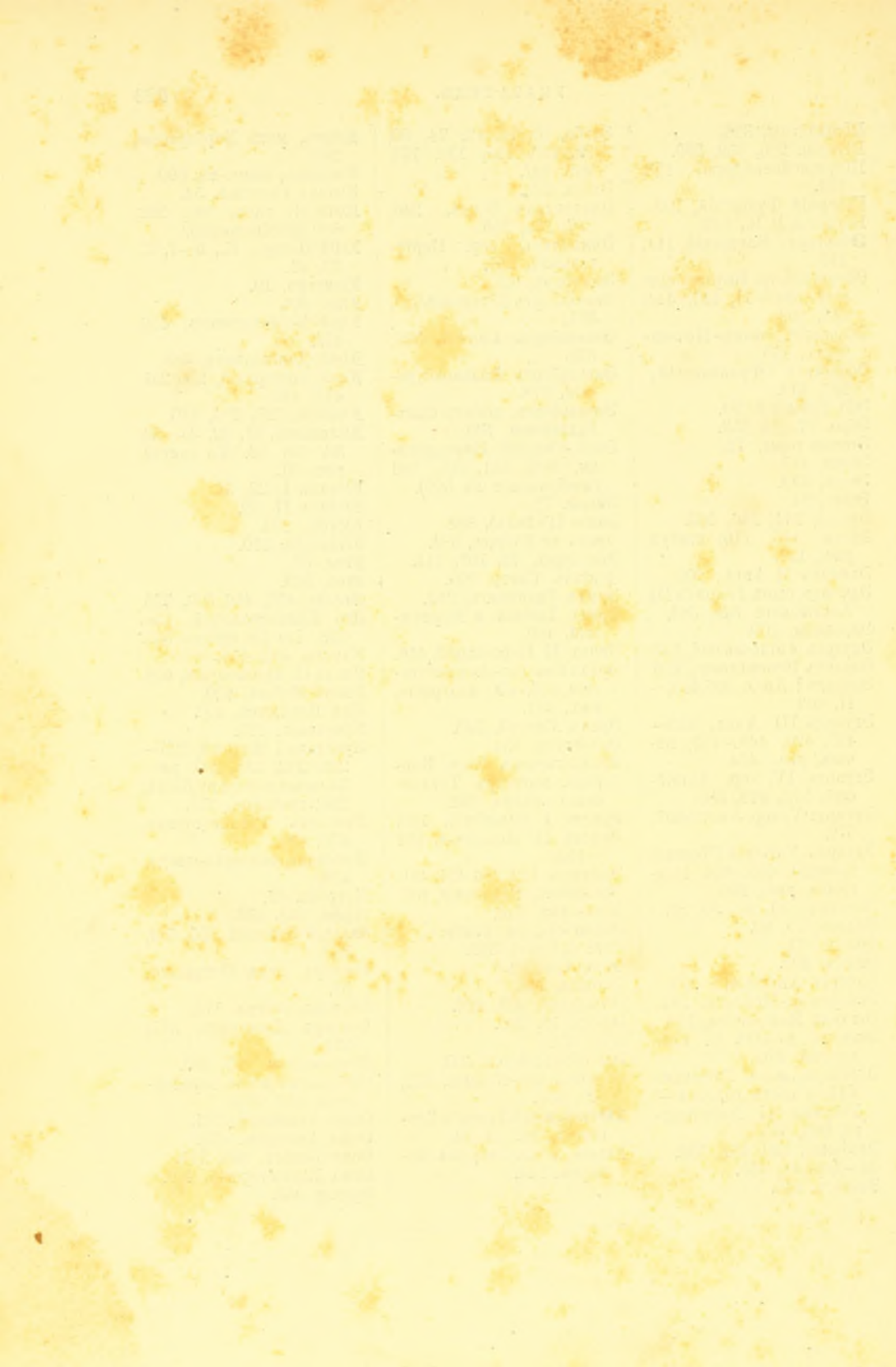
- Софія, дочь Генриха III, 168.
 Софія, корол. Богемская, 491.
 Софія Омонишна Палеолог, см. Палеологъ.
 Спалатро, 321.
 Спирага, см. Шпиръ.
 Сполето, 70, 130, 137, 274, 308, 309.
 Средиземное море, 53.
 Стамбуль, 520.
 Старая Ладога, развалины Рюриковой крѣпост., рис., 216.
 Стенкиль, 211.
 Стефанъ II, 64.
 Стефанъ III, 69.
 Стефанъ IV, 91.
 Стефанъ IX (Фридрихъ), 168.
 Стефанъ Святой, 153, 154, 157.
 Стефанъ Блуа, 209, 345.
 Стефанъ Лангтонъ, 347, 348.
 Стефанъ Марсель, 465.
 Стефанъ Палець, 495.
 Стефанъ Шартрскій, 240.
 Стихна, 491.
 Стокгольмъ, 449, 450, 459, 460.
 Стральзундъ, 416, 439, 441.
 Страсбургъ, 95, 322, 388, 423, 432, 433.
 Суассонъ, 27, 30, 63, 84, 93.
 Сугерій Сень - Денискій, 349.
 Суздальское кн., 474, 476, 479, 481, 482, 483, 485.
 Сула, 215.
 Сулейманъ, 58.
 Сунниты, 53.
 Суріяне, 245.
 Суссексъ, 205.
 Сүтри, 163, 274.
 Суффолькъ, герц., регентъ англійскій, 577.
 Сфорца, Галеаццо - Марія, 594.—Джованни Галеаццо, ib.
 Сфорца, Лодовико, 562.
 Сфорца (Франческо), 558, 594 (изображеніе).
 Сѣверное море, 80, 99.
 Сѣверяне, 215.
 Таборъ, 499.
 Таврида, 213, 214.
 Таврскія горы, 296.
 Тавръ, 24.
 Тагаста, 18.
 Тагинъ, 36.
 Тайдула, 484.
 Тамерланъ, 488.
 Тамплиеры, 325, 353, 460, 462.
 Тангутъ, 477.
 Танкумаръ, 114.
 Танкредъ Антиохійскій, 240, 241, 243—245.
 Танкредъ Апулійскій, 300, 302, 303.
 Танненбергъ (иначе: Грюнвальдъ), битва при немъ, 501, 506, 526.
 Танкредъ д'Отвиль, 169.
 Таренто, 131.
 Тарикъ, 54.
 Тарсъ Киликійскій, 266.
 Тассило, 67, 75.
 Татары, см. Монголы.
 Таусъ, битва при, 501.
 Тауэръ, 463.
 Тацитъ Корнелій, 8, 11, 14, 15, 43.
 Тверское княж., 481, 483, 485, 523, 524.
 Тверъ, 483.
 Тевтонскій Орденъ, 450, 457 (рис. печати); 501, 526.
 Тевтоны, 5.
 Тегерфельдъ, фонъ, 400.
 Тей, 37.
 Темплинъ, 416.
 Темучинъ, см. Чингисханъ.
 Тенктры, 6, 12.
 Теобальдъ Наварскій, 354, 356.
 Теодгадъ Трирскій, 100.
 Теодобертъ, 34, 35.
 Теоделинда, 41; рельефъ, рис., 41.
 Теодемиръ, 22.
 Теодорикъ, король Остготовъ, 22—24, 29, 30; рис.: монограмма, 23; храмъ, 25; мавзолей, 26.
 Теодорикъ III, король Нейстрии, 58.
 Теодорикъ IV, король Нейстрии, 60.
 Теодорикъ, графъ, 73.
 Теодохатъ, 33, 34.
 Теофано, жена Оттона II, 125, 126, 132, 133; изображен., вырѣз. на ковчегѣ съ мощами, рис., 129.
 Теофано, жена Романа II, 126.
 Террачина, 192.
 Тестри, 58.
 Тиберій, 7, 10—12.
 Тибръ, 98, 139, 259, 274.
 Тибуръ, 136.
 Тимуръ, 511, 512.
 Тироль, 422, 425, 426, 437.
 Тиръ, 245, 294, 298.
 Тисса, 80.
 Тичино, 284.
 Тіо (Зіо), 16.
 Толбузинъ, Семень, посолъ въ Венеціи, 536.
 Толедо, 53, 200.
 Толоза, см. Тулуза.
 Тольбиакъ, 28.
 Тонгернъ, 63.
 Торки, 214.
 Торисъ, 440, 457, 552.
 Тортоизъ, 273, 276.
 Торъ, 210.
 Тоскана, 163, 303, 422.
 Тосканелли, 585.
 Тосканское побер., 139.
 Тотила, 35, 36.
 Тохтамышъ, 487.
 Трауснитцъ на Иннѣ, 418, 420.
 Трибуръ, 151, 165, 172, 182, 252.
 Тринидатъ, о-въ, 589.
 Триполисъ, 242, 245, 246, 294.
 Триръ, 96, 99, 254, 386, 414, 415.
 Трискьяно (Нуньо), 584.
 Троа, 248, 570.
 Трокскій замокъ (изображеніе), 524.
 Тростковъ, 492.
 Труворъ, 215.
 Тулла, 164.
 Тулуза, 26, 203, 314, 319.
 Тумеликъ, 12.
 Тунисъ, 356.
 Турки, 450, 452, 455.
 Турція, 76, 290.
 Туръ, 59; монастырь, 85.
 Турэнъ, 352.
 Тускулумъ, 281, 302.
 Туснельда, 11, 12.
 Тусція, 69, 257, 259, 261, 270, 303, 308—310.
 Тюксбюри, 579.
 Тюбингенъ, 567.

- Тюдоры, 580, 581.
 Тюринги, 30, 67, 111.
 Тюрингия, 62, 63, 107, 173, 250, 311, 337, 395, 440, 448.
 Тюрки, 477.
 Уагъ Тайлоръ, 468, 469.
 Уби, 8, 374.
 Угедей, 477.
 Узишты, 6.
 Украина, 525.
 Ульмъ, 152, 182, 268, 443, 444.
 Ульрихъ Аугсбургскій, 122.
 Ульрихъ V Бюргембергскій, 444, 548, 550.
 Ульрихъ, фонъ - Лихтенштейнъ, 367.
 Ульфила, 15.
 Унтервальденъ, 417.
 Упсала, 210.
 Ураль (горы), 530.
 Урбанъ II (Левъ), 192—194, 204, 239, 247.
 Урбанъ III, 289.
 Урбанъ IV, 361, 383, 386.—V, 438, 439;—VI, 489.
 Ури, 416.
 Урика, 353.
 Уржанъ, 454.
 Утрехтъ, 63, 156, 181, 253, 426.
 Уэстминстеръ, 348.
 Уэстэксъ, 205.
 Фарсаль, 7.
 Фатима, 52.
 Фатимиды, 130, 243, 290.
 Фева, 20.
 Феликсъ V, папа, 508 (быв. герц. Савойскій Амедій VIII), 508.
 Фердинандъ I, Кастильскій, 200.
 Фердинандъ I, кор. Неаполитанскій, побочный с. Альфонса V, 597.
 Фердинандъ II, кор. Арагонской династїи, 575.
 Фердинандъ III Кастильскій, 353.
 Феррара, 281, 503, 508, 512.
 Филиппъ I Франц., 204, 349.
 Филиппъ II, Августъ. Франц., 297, 298, 312, 347, 349, 350;—III, 402.
 Филиппъ Кельнскій, 284, 290;—III, 402.
 Филиппъ IV, Красивый, 397, 399, 402, 403, 406, 412, 423, 460, 462, 463, 465. Рис.: конная статуя, 404; печать, 405;—V, 462;—VI, 462, 464.
 Филиппъ Швабскій, 303, 305—310; его серебряный брактеатъ, рис., 308.
 Фипляндія, 343.
 Финскій заливъ, 344.
 Филарете, Антонио, 503.
 Филиппъ, герц. Бургундскій, 569, 572.
 Филиппъ Добрый, герц. Бургундскій, 552.
 Филиппъ, младш. сынъ кор. Иоанна Франц., жен. на Маргаритѣ Бургундской, 552.
 Филиппъ, с. кор. Максимилиана, отъ супр. съ Маріей Бургундской, 556.
 Фіоравенти, Аристотель, см. Аристотель.
 Фиорентино, 338.
 Фирвальдштетское озеро, 416;—округъ, 417.
 Флавій, 10.
 Фландрія, 140, 312, 440, 462.
 Флархгеймъ, 187.
 Флоренція, 194, 410, 412, 512, 513, 528, 594.
 Флохбергъ, 267.
 Фогельвейде, см. Вальтеръ.
 Фогельзанкъ, 327.
 Фока, 52.
 Фолькунги, 343, 459.
 Фонди, 489.
 Фонтанета, 95.
 Формозъ, 99.
 Форшгеймъ, 106, 186.
 Фотій, патриархъ, 224.
 Фраксинетумъ, 98, 118, 126, 238.
 Фраджипанни, 258.
 Франкенталь, 74.
 Франки, 4, 14, 26—30, 37, 42, 43, 53, 57—59, 62—64, 67, 70, 73, 76, 79, 81, 103, 107, 114, 150, 296, 317.
 Франконія, 114, 115, 116, 121, 131, 156, 186, 386, 448; Франконскій домъ, 395.
 Франкское госуд., 40, 42, 55, 72, 74, 75, 77, 84, 95—97, 112. Восточная половина, 96, 97, 99, 105, 109, 112, 113, 119, 124, 133. Западная половина, 96, 108, 109, 115, 119, 128, 130, 132, 133.
 Франкфуртъ, 74, 85, 263, 269, 309, 310, 312, 337, 382, 389, 415, 419, 424, 430, 434, 443, 449, 452; на Одерѣ, 567.
 Францисканскій орденъ, 320.
 Францискъ (Франческо) Ассизскій, 321, 361. Его проповѣдь предъ папой Гоноріемъ III, рис., 320.
 Франція, 146, 158, 160, 163, 202—205, 211, 240, 246, 251, 253, 255, 258, 264, 280, 286, 304, 314, 315, 318, 323, 328, 345, 348—350, 352, 373, 399, 403, 405, 406, 412, 414, 418, 423, 453, 460, 462, 464—466, 468, 489, 494.
 Французы, 241, 244, 265, 266, 355, 363, 384, 426, 463, 464.
 Фредегунда, 42.
 Фрежюсъ, 98.
 Фрейбургъ, г., 388 558, 567.
 Фрейданкъ, 370.
 Фрейзингенъ, 63, 106.
 Фридрихъ Австрійскій, 415, 416, 417, 418, 420, 422, 494; печать, рис., 415.
 Фригги, 17.
 Фридрихъ I Барбаросса, 268—272, 274—282, 284—286, 288—290, 294—296, 306. Рис.: скульптурное изображ. на дверяхъ Фрейзингенскаго собора, 270; изсѣченное на камнѣ изображ. въ мон. Св. Зенона, 287; остатки современныхъ построекъ, 291; серебряный брактеатъ, 296; надпись надъ входомъ въ замокъ, 376; замокъ, 377.
 Фридрихъ II франц., 310, 311, 313, 322—340, 344. Рис.: печать, 313; статуя, 324; гробница, 341.
 Фридрихъ III, надмогильное изображ., 559.
 Фридрихъ, отецъ Барбароссы, 269.

- Фридрихъ, сынъ Барбароссы, 288, 296, 298.
 Фридрихъ III (Гогенцоллернъ), 504.
 Фридрихъ III, императоръ (изображеніе), 545.
 Фридрихъ III (изъ Габсбурговъ, герц. Штирійскій), кор. Германскій; 508, 510; императоръ овъ же, 511.
 Фридрихъ III, имп. Герм., 520, 522, 538, 544.
 Фридрихъ Ваденскій, 384.
 Фридрихъ, сынъ Конрада III, 268.
 Фридрихъ Гогенцоллернъ, бургграфъ Нюренбергскій, 392, 417, 448.
 Фридрихъ IV (Гогенцоллернъ), 495, 499, 504.
 Фридрихъ VI (овъ же бургграфъ Нюренбергскій) Гогенцоллернъ, курф. Бранденбургск., 505 (изображеніе въ миниатюрѣ), подъ имен. Фридриха I.
 Фридрихъ (Бранденбургскій курф.), 501.
 Фридрихъ, ландграфъ Гюрингенскій, 507.
 Фридрихъ, II, Лже-, 395.
 Фридрихъ Мудрый, курф. Саксонскій, 562.
 Фридрихъ Майнцскій, 121, 122.
 Фридрихъ Побѣдоносный, гр. Пфальцскій, 550.
 Фридрихъ Сицилійскій, 408, 412, 422.
 Фридрихъ Строптивый, 332, 334.
 Фридрихъ Храбрый (изъ д. Веттинеровъ), маркграфъ Мейссенскій, 587.
 Фридрихъ Швабскій, 256, 257, 259, 263.
 Фризы, 58, 59, 62, 63, 67, 71, 79, 88, 426.
 Фрисландія, 96, 142, 250, 321.
 Фрицларъ, 121.
 Фриуль, 70, 120.
 Фруассаръ, 546, 554, 555.
 Фрязинъ, Антоній, 536.
 Фульда, 71; монастырь, 64, 102, 117.
 Фулько Анжуйскій, 247.
 Фулько Нельійскій, 315.
 Фулькъ Реймскій, 203.
 Фусть (иначе: Фаустъ), Иоганнъ, 567.
 Хадези, 44.
 Хазары, 217.
 Ханме (Гаковъ I), 353.
 Халкедонскій соборъ, 18.
 Харанъ, 244.
 Хвалынское море, см. Каспійское.
 Хельмихисъ, 40.
 Хересь де-ла-Фронтера, 54.
 Херуски, 10, 11.
 Хидина, 300.
 Хильдебертъ, 30.
 Хильдерикъ I Франк., 27.
 Хильдерикъ III Франк., 60.
 Хильдерикъ, правитель Вандавовъ, 32, 33.
 Хильперикъ I, король Нейстрии, 42.
 Хильперикъ, король Бургундии, 27.
 Хлодвигъ (Хлодовей) I, 23, 27—30, 42, 57.
 Хлодвигъ II, 55.
 Хлодомаръ, 30.
 Хлотарій, 137.
 Хоайо (Донъ), 584, 585; овъ же Иоаннъ VI, кор. Португальскій.
 Ховаресміицы, 354.
 Хозру I Нуширванъ, 52.
 Хозру II, 52.
 Христіанъ Майнцскій, 280—282, 285, 288, 289.
 Христосъ, 18.
 Хродеганъ Мецскій, 84.
 Хротегильда, 27, 28.
 Хруotlandъ, 77.
 Хуръ, 311.
 Цамвлакъ, Григорій, 526.
 Царевъ, 480.
 Царьградъ, см. Константинополь.
 Цезаря, 356.
 Цейлонъ, 583.
 Целестинъ II, 263.
 Целестинъ III, 302, 304, 306.
 Церингеры, 264.
 Цивились, 12.
 Цицеронъ, 205.
 Цонсъ (видъ укрѣпленія), 548, (внутренняя стѣна стѣны), 549.
 Цугъ, 442.
 Цюрихъ, 424, 442, 448.
 Чегединъ, 513.
 Чезарини (Джулиани), кардиналь, 501, 513.
 Ченчи, 179, 180.
 Червонная Русь, 456.
 Черниговское княжество, 523.
 Черниговъ, 215.
 Черногорія, 518.
 Черное море, 215.
 Честерь, 208.
 Чехи, 98.
 Чивита-Веккя, 335.
 Чивитате, 165.
 Чингисъ-Ханъ, 334, 476, 477.
 Чудское озеро, 214, 481.
 Чудъ, 225, 234, 481.
 Чалонъ, 351.
 Шампань, 154, 203.
 Шартръ, 240, 465.
 Шафгаузенъ, 494.
 Швабія, 105, 107, 116, 121, 142, 151, 153, 156, 194, 252, 259, 267, 282, 394, 417, 442, 448.
 Швабы, 122, 150.
 Шведы, 343.
 Швейцарія, 399, 417; — швейцарскій союзъ: 416, 417; Швейцарцы — 446, 448.
 Швеція, 98, 210, 211, 343, 453, 459, 460, 489.
 Швидъ, 416.
 Шиара Колонна, 421.
 Шитгы, 52.
 Шильдбергеръ, Гансъ, 512.
 Шинонскій зам., 571.
 Ширка, 290, 292.
 Шликъ Каспаръ, 510.
 Шлезвигъ (Слясвикъ), 112, 116, 132, 151.
 Шотландія, 206, 315, 345, 463, 464, 489; Шотландцы, 463.
 Шпейеръ, 63, 96, 156, 167, 184, 197, 250, 257, 265, 267, 302. Соборъ, рис., 155, 388, 406, 423, 426.
 Шпиръ, 177.
 Штадтбергъ, 72.
 Штауфенъ, графъ, 187.
 Штауфены, 251, 253, 256—259, 263, 264, 269, 289, 306, 307, 309, 310, 340, 342, 355, 373, 383, 389, 394, 410.
 Штральзундъ, см. выше Штральзундъ.

- Штедингцы, 328.
 Штирия, 286, 332, 393.
 Штульвейсенбургъ, 158, 171.
 Штурмъ Фүльдскій, 102.
 Шуйскій, В. В., 542.
 Эбергардъ Баварскій, 114, 115.
 Эбергардъ, гр. Вюртембергскій, 394;—II, 443, 444, 448, 562.
 Эбергардъ фонъ-Нелленбургъ, 174.
 Эбергардъ Франконскій, 107, 114.
 Эбо Реймскій, 94.
 Эбро, 77, 80, 353.
 Этскія горы, 72.
 Эгери, 417.
 Эгеръ, 448.
 Эгизъ, 54.
 Эдесса, 241, 246, 264.
 Эдита, 113, 116; статуя, рис., 127.
 Эдмондъ II Англ., 206.
 Эдмондъ, сынъ Генриха III Англійскаго, 349, 383.
 Эдризиды, 200.
 Эдуардъ Англосакскій, 113.
 Эдуардъ Исповѣдникъ, 206.
 Эдуардъ I. Англ., 397, 463;—II, 463.
 Эдуардъ III Англ., 423—425, 429, 462—465; печать, рис., 464.
 Эдуардъ IV, кор. Англійскій, 578, 579, 580.
 Эдуардъ V, кор. Англійскій, 579.
 Эдуардъ Уэльскій (Черный принцъ), 465, 468. Надгробіе, рис., 466.
 Эингардъ, 81, 82, 86, 88.
 Эйдеръ, 75, 80.
 Эйзеръ, 71.
 Эйюбъ, 292.
 Экбертъ Англійскій, 205.
 Экбертъ ф.-Мейсенъ, 192.
 Экгардъ Мейсенскій, 138.
 Экгардъ, монахъ С. Галленскій, 370.
 Элеонора, жена Людовика VII, а послѣ развода — Генриха II Англійскаго, 266, 345.
 Эльбингъ, 440, 459, 552.
 Эль-Деримъ, 455.
 Эльзась, 545.
 Эльба, 10, 71, 73, 74, 80, 94, 110, 115, 132, 153, 268, 327.
 Эльда, 327.
 Эмалдединъ Зенка, 246, 247, 264, 266.
 Эммануиль, кор. Португальскій, 591.
 Эммеранъ, 62.
 Энгельбергъ Кельнскій, 323, 391.
 Энгельбергъ Святой, 376, 376.
 Энгельбергъ Фалькенбургскій, 378.
 Энгельбергъ, аббатъ Сепъ-Галленскій, 109.
 Эней-Сильвій Пикколомини, 508, 511, 518, 566 (изображеніе на 509).
 Энгры, 71.
 Энціо (Гейнцъ), 338.
 Эраръ де-Валери, 384.
 Эресбургъ, 72, 107, 114.
 Эриганъ Скотъ, 205.
 Эрихъ Глиппингъ, 344.
 Эрихъ Датскій и Норвежскій, 460.
 Эрихъ II Норвежскій, 458.
 Эрихъ Саксенъ-Люценбургскій, 416, 430; надгробіе, рис., 431.
 Эрихъ, Святой, 343.
 Эрлангенъ, 551.
 Эрлихсгаузенъ фонъ, Конрадъ, магистръ Тевтонскаго ордена, 552.
 Эрнстъ I Швабскій, 150.
 Эрнстъ II Швабскій, 151—153.
 Эрфуртъ, 112, 286, 424, 491.
 Эрхангеръ, Швабскій, 107.
 Эслингенъ, 548.
 Эспаньола, см. Гаити.
 Эсте (д'Есте), 332.
 Эстляндія, 99.
 Эстонія, 344.
 Этельредъ, 205, 206.
 Эфесъ, 18, 266.
 Эчь, 274.
 Эшенбахъ, фонъ, 400.
 Эйюбидъ Аль-Камиль, 322, 325, 354.
 Юлиоб, жена Лудвига Благочест., 92, 93, 94.
 Юдиобъ, жена Генриха Баварск., 124.
 Юдиобъ, мать Барбароссы, 269.
 Юкатанъ, полу-въ, 590.
 Юлианъ Сеутскій, 54.
 Юлій II, папа, 598, 592, 600 (изображеніе).
 Юлій Цесарь, К., 5—7, 17, 32, 43.
 Юпитеръ, 19.
 Юра, 204.
 Юрій Всеволодовичъ, 476, 479.
 Юрій Даниловичъ, 483.
 Юрій Долгорукій, 230, 231, 479, 483.
 Юрьевъ, 225, 234, 440.
 Юстиніанъ, 31, 32, 34—36, 38, 39, 53. Со свитой, рис., 31.
 Юстинъ I, 23, 31.
 Юстинъ II, 39.
 Юсуфъ, 200.
 Ютландія, 210.
 Юты, 67.
 Ява, 583.
 Ягелло, 450, 456, 506, 525.
 Яго Кампостельскій, Св., 238, Яго Св. орденъ, 363.
 Ядвига, 450, 456, 525.
 Яковъ II, Аррагонскій, 408.
 Яковъ Ребокъ, 430.
 Янь Непомукъ, 450.
 Ярославъ, 225.
 Ярославъ I Мудрый, 225—229, 232, 235, 236; рис.: Золотыя ворота въ Кіевѣ, 226; гробница, 227.
 Ярославъ Всеволодовичъ, 476, 481.
 Ярославъ, чешскій воевода, 479.
 Ястрѣбъ, 47.
 Яффа, 243, 356.
 Яддеи Суэссскій, 335, 336, 338.
 Оеодора, жена Юстиніана, 32.
 Оеодора, гетера, 119.
 Оеодоръ Ласкарисъ, 317, 354.
 Оессалоники, 295, 303.
 Оессалоникійское королевство, 317, 354.
 Оома Аквинскій, 361.
 Оома Арендель, 473.
 Оома Бекетъ, 345, 346.
 Оома Глочестерскій, 469.
 Оракидъ, 455.

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

89235

H-0

Biblioteka WSP Kielce

0347478